И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ ТОМ 6

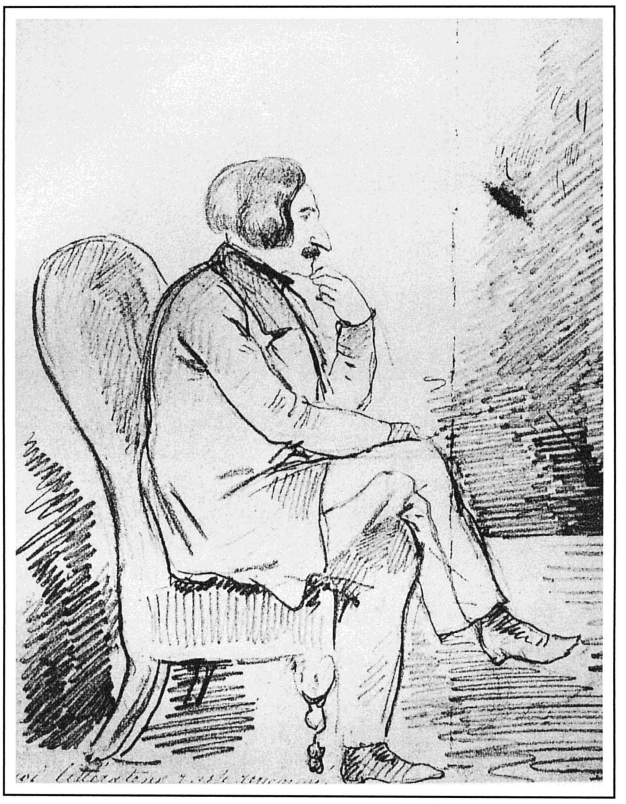

1848 – 1850

И.А.Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ ТОМ 6

1848 – 1850

К. И. Рабус.
Портрет Н. В. Гоголя
1849 г.
бумага, карандаш

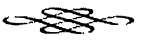
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

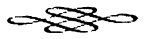
Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

том шестой

1848–1850

Москва
2018

ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18–112–00038, не подлежит продаже

РФФИ

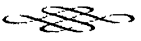
И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 6. 1848–1850. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 656 с.

Книга представляет собой шестой том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя. Том охватывает три года жизни писателя — период его интенсивной работы над продолжением «Мертвых душ». Последовательно освещены обстоятельства и маршрут паломничества Гоголя в Иерусалим, возвращение его в 1848 г. в Россию из-за границы; проживание в Одессе и Васильевке; поездки в Киев, Петербург; две зимы в Москве 1848/49 и 1849/50 гг., с летними путешествиями по Подмосковью и вояжами в Калугу; период второго пребывания на родине и в Одессе зимой 1850/51 г. Как и в других томах, очерчены образ жизни Гоголя в указанный период и круг идей, занимавших его в это время. Целый ряд биографических сведений получил необходимые уточнения. Впервые точно датированы все события пребывания Гоголя в Святой Земле; детально исследованы время и обстоятельства нахождения писателя во Ржеве у протоирея Матфея Константиновского; установлены факты биографии писателя, нашедшие отражение во втором томе «Мертвых душ» и др. Уточнены датировки около сорока писем Гоголя и его адресатов. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, документальные архивные свидетельства. Данные о каждом дне жизни Гоголя составляют отдельное аналитическое описание, с своей библиографией, необходимыми хронологическими отсылками и историко-литературными комментариями. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает около двух тысяч имен. Издание носит энциклопедический, итоговый характер. Подобно содержанию других томов летописи, это самое полное в настоящее время освещение жизни и творчества Гоголя за указанные годы.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0549-2 (том 6)

© Виноградов И. А., 2018
© ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2018
© Бернштейн Д. К., оформление, 2018

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ

1848–1850

ЯНВАРЯ 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. ФЛОРЕНЦИЯ

К. А. Бейне пишет Гоголю в Неаполь:

«Едва получил из Рима от Александра Андреевича Иванова письмо[1], в котором он мне говорит, что вы желаете иметь сведения о дороге в Иерусалим через Бейрут и Яффу, спешу писать к вам... <...> Сожалею только, что не могу вам сообщить подробнейших сведений именно этой дороги. Вот почему: путешествие мое в Сирию было сопряжено с художественною целью и потому мне было весьма любопытно побывать в Бальбеке и Дамаске. В горах Ливана было тогда смирно; снегу немного, — одним словом, ничего не мешало моим предположениям. В Дамаске я застал караван армянских поклонников, идущих в Иерусалим в числе трехсот. Я воспользовался этим случаем, присоединился к ним, и мы, через Сасу, Кнайтру[2], мост Якова, Назарет, прибыли преблагополучно в Иерусалим. Из этого вы видите, что я знаю дорогу из Бейрута в Яффу только по рассказам; но эта дорога впрочем не есть кратчайшая, разве только морским путем. На парусном судне можно приехать из Бейрута в Яффу в 24 часа, и то с попутным ветром, но это риск. Самая же прямая дорога идет через Сидон, Тир, Кармель, Дженнин и Наплус. Но будучи на Кармеле, неужто вы не заедете в Назарет, который только в расстоянии семи часов оттуда? Можно также ехать с Кармеля на Кесарию и Яффу, но это дальше и в бытность мою было и опасно. Если и вас интересуют Бальбек и Дамаск[3], то вот вам маршрут: Из Бейрута первый ночлег на вершине Ливана в Хане, второй в Захле (христианский городок) и на третий день в Бальбеке, оттуда в Дамаск два дня езды и ночлег в третий день. Весьма вероятно, что там еще застанете караван армян, иначе лучше воротиться прямым путем в Бейрут, что возьмет три дня пути.

От старинного вашего приятеля, г. Базили, получите вернейшие сведения о состоянии этих дорог. Я с моим товарищем также к нему обратился, и он нам рекомендовал надежного драгомана, которому мы платили по 30 пиастров (7 ½ франков) в день — за его услуги и за подержание кантины[4], кухонной посуды, постелей и проч. Нам нужно было для вояжа пять лошадей, за которые платили по 60 пиастров в день. Обыкновенно, предпринимая путешествие большое, как напр<имер> в Египет, путешественники иначе устраиваются, покупают сами все нужное: кастрюли, тарелки, ножи, вилки, постели, палатку, одним словом, целое хозяйство, также съестные припасы и напитки, потому что по дороге кроме куриц и молока ничего нельзя достать, а из овощей только можно <рас>счит<ыв>ать на лук. Так и мы делали в Иерусалиме. В Бейруте же есть чудесная европейская лавка, где вы найдете в жестянках сардинки, consommé[5], purée[6] всех видов, английские консервы говядины, грибов, сою, ветчину, всякую всячину.

Обходится день в пути от 15 до 20 фр<анков>, все включая. Ночевали мы обыкновенно в ханах; это кое-как выстроенные хлевы, где блохи и всевозможные гадости терзали нас до крайности. Хотя из Дамаска в Назарет мы ехали в январе месяце, часто приходилось ночевать под открытым небом. В Дамаске есть прекрасный hôtel, а на Кармеле и в Назарете католические монахи принимают всех путешественников преласково и прекрасно, — в греческих же монастырях, в Рамле,

в Вифлееме не так. В Яффе всем бы хорошо, только нет европейских постелей, а укладывают на диванах, блошки мучат, а кажется, что бы стоило завести три-четыре кровати на европейский лад? У Константина Васильевича[7], без сомнения, есть знакомые в Тире и Сидоне, и там вам можно будет переночевать сносно, а придется потерпеть, может быть, в Дженнине и Наплусе; оттуда 15 часов езды до Иерусалима и дорога страшная, убийственная; поэтому обыкновенно путешественники ночуют в Бире, в 4-х часах от Иерусалима. <...> Не забудьте осведомиться в австрийском посольстве в Неаполе об отходе парохода из Смирны в Бейрут, что бывает только один раз в месяц, чтобы вам не разойтись. Есть еще компания Ростанд, постановления которой вам не трудно будет узнать в Неаполе. В Иерусалиме познакомьтесь с прусским консулом; он препиятный молодой человек, а главное — археолог. Позвольте мне также вам рекомендовать увраж: "La Palestine" par Mank[8], faisant partie de *l'Univers Pittoresque*, publié par Fermin Dielot»[9].

[1] См. ***1848. Января начало <1847. Декабря после 20>. Рим.***
[2] Qunaitra.
[3] См. ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет*** (примечания).
[4] Cantine — сундучок, ящик; стол, еда (*фр.*).
[5] Бульон (*фр.*).
[6] Пюре (*фр.*).
[7] Базили звали Константин Михайлович.
[8] Правильно: Munk. Саломон Мунк (1805–1867), востоковед.
[9] Palestine. Description géographique, historique et arhéologique, par S. Munk, emplote au departament des manuscrits de la Bibliothéque Royale. Paris: Firmin Didot frères, editeurs, imprimeurs-libraires de l'Institut de France, rue Jacob, № 56, 1845. 850 p.

ЯНВАРЯ 2 <14>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 1 «Отечественных Записок», где напечатана статья А. Д. Галахова «Русская литература в 1847 году».

Галахов писал: «Со времени Гоголя, которого, по всей справедливости, можно назвать "великим живописцем и вместе строгим судьею действительности", роман вышел на новую дорогу и не хочет оставить ее. Мы не строим больше воздушных замков, не претендуем на изображение идеальной, то есть небывалой жизни, но сошли к воспроизведению страстей действительных. Предметом наших повестей сделались горе и радости людей невымышленных, которые живут вместе с нами и на которых равнодушно смотрело прежнее, романтическое и классическое искусство, устремляя свои взоры в туманную даль или прогуливаясь под небом Аттики. Название "натуральной школы" должно остаться по праву за господствующим направлением современной литературы. <...> Новый 1847-й год открылся двумя замечательными событиями в литературном мире: сочинением Гоголя *Выбранные места из переписки с друзьями* и восстанием на него всех почти журналов. <...> ...Книга Гоголя неприятно поразила всех мыслящих»[1]. В отзыве о «Записках охотника» И. С. Тургенева Галахов замечал, что избранная автором форма «дает ему свободу, как и автору "Мертвых душ", исходить вдоль и поперек пространное русское царство и на пути знакомиться с различными лицами и явлениями известной сферы жизни»[2].

[1] *<Галахов А. Д.>* Русская литература в 1847 году // Отечественные Записки. 1847. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1847). Отд. 5. С. 11–12, 16.
[2] Там же. С. 22.

ЯНВАРЯ 15 <3>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное письмо матери в Васильевку:

«Наконец я получил письмо ваше... <...> ...Я полагаю отправиться к Святым Местам в средине февраля здешнего штиля. Вы пишете о радости, которую принесет вам приезд мой. <...> ...Мы все на земле странники и существованье наше здесь минутно. Если и доставит нам Бог минутное удовольствие пожить неделю или две вместе в вашей деревне Васильевке, то нужно поблагодарить только безмолвно в глубине души Бога, а радостью своей мы можем только оскорбить Его: не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду беды, повсюду голос неудовольствий и вражда наместо любви. Нам остается только молиться и просить у Бога, чтобы научил нас, как молиться ему о спасеньи нашем. Прошу вас отправить молебен и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствую, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа. <...> Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться к Богу моей молитве. За всё, что я вам когда-либо нанес неприятного, как вам, так и сестрам, прошу простить меня. <...> Перед отъездом, может быть, еще напишу несколько строк. Сестре Ольге я просил выслать из Москвы деньги на молебны и на раздачу бедным[1]. Письмо мое со вложеньем письма к Анне[2] вы, без сомнения, получили тоже. Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился. Вас всех прошу также, и в особенности сестру Ольгу (как более других имеющую время и досуг для молений), прочитать несколько раз в сердце своем эти строки, которыми хотелось бы мне от всей души помолиться. <...> Покамест даю вам адрес следующий: В Константинополь. <...> Ивану Дмитриевичу Халчинскому[3] для передачи Николаю Васильевичу Гоголю».

К письму была приложена молитва «Боже, соделай безопасным путь его...», которую Гоголь ранее отправил также Н. Н. Шереметевой[4].

[1] См. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь***.

[2] См. также ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь***.

[3] И. Д. Халчинский в то время (вплоть до 15 ноября 1848 г.) значился советником чрезвычайного посланника в Константинополе В. П. Титова (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1849 год. СПб., 1849. Ч. 1. С. 126, 129; Адрес-календарь: Общий штат Российской Империи, 1850. СПб., 1850. Ч. 1. Разд. 2. С. 98). Спустя некоторое время Халчинский оставил службу и несколько лет жил в своем имении в Полтавской губернии; в начале 1856 г. вновь поступил на службу, получив пост генерального консула в Молдавии и Валахии.

[4] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь***.

ЯНВАРЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Имеете ли Вы известие от Гоголя? Он здоровее, чем был, скучает по России и особенно по русской речи и собирается на Восток, но не совсем решительно»[1].

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечер у Шев<ырева>. <...> На Ш<евырева> гадкие мне сердятс<я> *<1 нрзб.>* за доброе слово[2] о Гог<оле>»[3].

[1] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 102.

[2] За статью о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва***).

[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

ЯНВАРЯ 18 <6>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, уведомляю вас, мой добрый Александр Андреевич, что в письме моем я не имел никакого намерения упрекнуть вас. Напротив, я хотел только показать вам, что я ничуть не умнее вас во многих делах. Если вы прочтете еще раз мое письмо, то почувствуете это сами. <...> ...Я никогда в вас не подозревал никакой хитрости! Но было время, когда я нарочно хотел кольнуть вас и попрекнуть некоторыми письмами, желая вас заставить взять некоторую власть над самим собою и устыдиться своего малодушия. Это было сделано неловко. Пожалуста, сожгите все мои письма. Я теперь вижу, как разны человеческие природы и как нельзя судить по себе о другом. Вы пишете о желании со мною увидеться, но для этого никак не будет времени. <...> ...Чувствую, что ничего не могу теперь сказать вам нужного. Я занят теперь совершенно самим собой и столько вижу в себе самом достойного осуждения и упреков, что не в силах ни осудить кого бы то ни было, ни дать умного совета. Чувствую только, что прежде всего следует заняться душой своей, хотя и сам не знаю, как это сделать. Что же касается до житейских забот и обстоятельств, то они теперь у всех плохи, положенье всех затруднительно. Всё это заставляет меня не полагаться на то, что будет, и ускорить отъезд мой в Святую Землю. <...> Я полагаю выехать на днях[2], — тем более, что оставаться [в Ита<лии>] в Неаполе не совсем весело. В городе неспокойно: что будет, Бог весть».

Имеется в виду начинавшееся в Неаполе революционное движение[3]. Позднее, 23 января (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал также графине Анне М. Виельгорской из Мальты: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находить<ся> иностранцу, любящему мир и тишину»[4].

15 мая (н. ст.) 1862 г. С. А. Иванов писал В. В. Стасову: «1848 год, памятный всем бывшим в то время художникам в Риме, положил замечательный предел. Не только нечего было думать о каких-либо вспоможениях со стороны правительства, но существовало на деле приказание выехать из Италии даже и тем, кто желал остаться на свой счет, как я, например. <...> ...Мы с братом были в Риме личными свидетелями всего, тогда происшедшего. Мы с ним читали в то время все, печатавшееся как в Риме, так и во французских газетах. В тот год все книгопродавцы римские доставляли очень дельные, но строго запрещенные книги с необычайной скоростью и легкостью; мы же со своей стороны не спали. Гоголь же от 1848 года нисколько не переменился, и, вместо того, чтобы остаться во что бы то ни стало за границей, чтобы поближе изучить это время, он поспешно уехал <...> молиться Гробу Господню <...> и, потом, <...> в Россию, что, я помню, немало изумляло моего брата. Брат никогда не был одних мыслей с Гоголем; он с ним внутренно никогда не соглашался, но в то же время никогда с ним и не спорил, избегая по возможности неприятные и, скажем откровенно, даже дерзкие ответы Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостию не был скуп. Вспомните только то, что Гоголь все более и более впадал в биготство[5], а брат напротив все более и более освобождался и от того немногого, что нам прививает воспитание»[6].

Свидетельство о принципиальных расхождениях между Гоголем и художником А. А. Ивановым вызывает сомнение. Хотя некоторые разногласия между ними существовали, однако заявление С. А. Иванова, будто его брат «никогда не был одних мыслей с Гоголем», и слова о том, что паломничество Гоголя к Святым Местам «немало изумляло» художника, малодостоверны. В частности, в сентябре (н. ст.) 1846 г. сам А. А. Иванов писал Гоголю: «Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно»[7]. В средине февраля (н. ст.) 1847 г. он же писал Гоголю: «Моллер, подавая мне письмо ваше <от 4 февраля (н. ст.) 1847 г.>, утвердительно сказал, что вы в Иерусалим не едете, — значит, что и мое положение разрешено»[8]. Летом 1847 г. в своей записной тетради художник, в частности, записал: «Хорошо бы было, если бы М<ария> В<ладимировна Апраксина>[9] на службу готовилась Богу и Отечеству. Т. е. выписать бы книг английских и немецких, из которых бы вычитать все относительное к путешествию к Св. Местам. Я не знаю ни по-английски, ни по-немецки. Это была бы существенная помощь к скорейшим и совершеннейшим моим предприятиям»[10]. В начале января (н. ст.) 1848 г. А. А. Иванов вновь писал Гоголю: «Мне все кажется, что вы дождетесь меня, чтобы ехать вместе в Палестину. Что будет гораздо лучше для обоих»[11].

[1] См. ***1848. Января начало <1847. Декабря после 20>. Рим.***

[2] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[3] Подробнее см.: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания); ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь***. — См. также ***1848. Января 20–21 <8–9>. Четверг-пятница. Мессина***; ***1848. Марта 14 <26>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***.

[5] Биготство — ханжество (от *фр.* bigot; *ит.* bigotto — ханжа, лицемер, святоша).

[6] Свидетельства о Гоголе С. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 361–362.

[7] См. ***1846. Сентябрь <августа вторая половина — сентября средина> Неаполь***.

[8] См. ***1847. Февраля средина <февраля начало>. Рим***.

[9] В то время Иванов был увлечен планами женитьбы на княгине М. В. Апраксиной (см. ***1846. Сентября конец — декабря начало <сентября средина — ноября средина>. Рим***; ***1847. Июня конец — июля начало <июня вторая половина>. Неаполь***).

[10] *Виноградов 2001*. С. 466.

[11] См. ***1848 января начало <1847. Декабря после 20>. Рим***. — См. также ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим***.

ЯНВАРЯ 19–20[1] <7–8>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь, простившись с графом А. П. Толстым, с графинями С. П., Н. В. и М. В. Апраксиными[2], с протоиерем Тарасием Серединским, отправляется, после напутственного молебна, в Иерусалим. «Перед самым выездом» получил письмо К. А. Бейне из Флоренции[3].

По пути в Иерусалим Гоголь из Неаполя до Мессины — и далее, до Мальты, — очевидно, следовал на пароходе «Капри»[4].

Позднее о. Тарасий вспоминал: «Во вторую зиму <проживания Гоголя в Неаполе> я <...> служил для него напутственный молебен, когда он уезжал в Иерусалим»[5].

В Святую Землю Гоголь отправился, по-видимому, с завершенным вчерне вторым томом «Мертвых душ»[6].

Вероятно, при отъезде Гоголь забыл взять у сестер Апраксиных принадлежавшие ему «три тетради с видами Палестины»[7].

Еще в 1842 г. Гоголь принял решение отправиться в Иерусалим только после завершения второго тома поэмы[8]. К заграничному периоду, осени 1847 — зиме 1847/48 гг., относится первоначальный текст сохранившегося автографа *заключительной* главы второго тома. Этот автограф отличается от позднейших[9] уцелевших рукописей первых четырех глав этого тома (бумага другого производства и формата, различный характер правки). По-видимому, автограф заключительной главы представляет собой фрагмент (окончание) той недошедшей до нас в полном объеме рукописи, которая была привезена Гоголем из-за границы и стала перерабатываться сразу по приезде в Россию[10].

Благословение на паломничество в Иерусалим Гоголь — «духом горя путешествия к Святым Местам»[11] — получил 6 февраля 1842 г. в Москве от святителя Иннокентия (Борисова)[12], которому 22 мая того же года писал: «...Наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у Гроба Господа». Намерение совершить паломничество с кем-нибудь из близких лиц вновь появляется у Гоголя в средине 1840-х гг. Н. М. Языков около 18 апреля 1844 г. писал Н. Н. Шереметевой из Москвы: «Николай Васильевич <...> в Штутгарт <...> говеть поехал, как он пишет <в послании к С. П. Шевыреву от 12 марта (н. ст.) 1844 г.>. Лето поедет он по водам, осенью в Рим, и в конце зимы оттуда намеревается в Иерусалим, говеть, туда же и Погодин»[13]. 17 февраля 1845 г. Языков сообщал самому Гоголю: «Погодин собирается в Иерусалим; на второй неделе Великого Поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня». О намерении М. П. Погодина отправиться в Святую Землю извещала также Гоголя Шереметева, передавая слова Аксаковых: «От них слышала, что Погодин собирается в Иерусалим, чтобы Страстную неделю там быть». В письме к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь спрашивал: «...Уехал ли Погодин в Иерусалим или отложил свою поездку на другое время. В последнем случае объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим, то, вероятно, мы отправимся тогда вместе». 29 марта 1845 г. Языков отвечал: «Погодин едет в Мариенбад, а его путешествие в Святую Землю, кажется, отложено в долгий ящик». 12 июня того же года Языков снова писал Гоголю: «Слышно, что Погодин не переменял своего намерения побывать в Святой Земле, но я еще не говорил с ним об этом; уведомлю тебя, когда и как он решился». В тот же день, 12 июня 1845 г., Языков сообщал брату Александру: «Погодин

<...> как слышно, собирается осенью нынешнего года исполнить свой давнишний план путешествия к Святым Местам. Он едет к зиме в Рим и оттуда водой в Иерусалим, а из Иерусалима водою же в Одессу и таким образом восвояси. Само собой разумеется, что при сей верной оказии Погодин напишет путешествие к Святым Местам и его раскупят и что паломнику сочинителю выгода будет большая»[14]. 17 мая 1846 г. Языков вновь извещал Гоголя: «...Погодин едет в Швецию, в Данию, в Голландию, осенью в Рим — и оттуда в Иерусалим: конечно, он так и распределил свое путешествие, чтобы захватить тебя с собою». Летом — осенью 1846 г. Погодин совершил путешествие за границу, однако в Иерусалиме не побывал. 10 сентября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал ему: «...Если ты выехал с тем, чтобы ехать в Святую Землю <...> то не следует оставлять такого намерения...» Погодин отвечал: «Иерусалим — оставлю, если Бог даст, до следующего лета»[15].

Имея в виду в первую очередь Погодина, Гоголь 8 ноября (н. ст.) 1846 г. сообщал Шереметевой: «Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже <...> ехать в Иерусалим, случились <...> непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться, как с людьми близкими сколько-нибудь моей душе. Я еще не так сам по себе крепок и душевно, и телесно, чтобы мог пуститься один. Нужно для того уже быть [очень святу] слишком высокому христианину, нужно жить в Боге всеми помышленьями, чтобы обойтись без помощи других и без опоры братьев своих, а я еще немощен духом». В письме к ней же от 1 апреля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя Гоголь повторял: «Поездка моя в Иерусалим несколько отодвинулась, по причине всяких хлопот <...> а наконец и по той причине, что я не отважился отправиться один. Почти со всеми, имевшими то же намерени<е> отправиться в этом году в Иерусалим, случились непредвиденные препятствия. А мне — надобно вам знать — необходимо для этой дороги товарищество близких сердцу душ». 24 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал также В. А. Жуковскому: «Я и прежде думал не иначе отправляться в такую дорогу, как в сообществе хотя нескольких близких сердцу моему людей. Не потому, чтобы я боялся каких-либо опасностей в незнакомых землях, но потому, что еще немощен духом, еще не могу обходиться без помощи людей, еще не имею сил один сам собой возноситься к Богу и жить, по примеру праведников, в непосредственной беседе с Ним». (Жуковский, опасаясь за здоровье Гоголя, в марте 1846 г. отговаривал его: «...План ваш пуститься в путь весьма одобряю. Только не советую на Восток: с вашими нервами затруднительные путешествия по горам, по степям, посреди препятствий и опасностей всякого рода никуда не годятся. Для таких путешествий необходимы силы богатырские»[16].)

Осенью 1846 г. Гоголь писал самому Погодину: «Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет Бог душу на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия...»[17] 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь еще раз обращался к другу: «По всему вижу, что, кажется, дело хочет устроиться так, дабы мы встретились в Иерусалиме у Гроба Господня». «Если ты еще не переменил своего намерения, — замечал Гоголь в письме к Погодину от 30 апреля (н. ст.) 1847 г., — как бы нам хорошо было теперь отправиться вместе». В тот же день он писал А. М. Погодиной: «Уведомляю вас, что если любезный сын ваш Михаил Петрович отправится к Святым Местам, то он найдет во мне верного попутчика».

По свидетельству П. В. Анненкова, при встрече с Гоголем в Бамберге в июле 1846 г. писатель приглашал его приехать на зиму в Неаполь. Полагая, что Гоголь ищет «товарища» для «вояжа в Иерусалим», Анненков «высказал ему свою догадку»: «Нет, — отвечал Гоголь. — Конечно, это дело хорошее... мы могли бы вместе сделать путешествие, но прежде может случиться еще нечто такое, что вас самих перевернет... тогда вы уже и решите сами все... только приезжайте в Неаполь... Кто знает, где застигнет человека новая жизнь...»[18] Позднее, 31 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал Анненкову: «...Цель моего путешествия к Святым Местам <...> поблагодарить Бога <...> за всё со мной случившееся. <...> Сколько мне помнится, вы хотели тоже проездиться по другим землям и заглянуть даже на Восток. Если это будет в наступающем году, то я этому очень рад и уведомляю вас, что я зиму, то есть ее начало, проведу в Неаполе, а в феврале сажусь на корабль и странами восточными проберусь в Россию, то есть на Константинополь».

Совершить паломничество в Святую Землю намеревались также с Гоголем художник А. А. Иванов[19] и граф А. П. Толстой[20]. В январе-феврале (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал протоиерею Матфею Константиновскому из Неаполя: «Напишите мне письмецо в Неаполь... <...> Приложите в моем письме маленькое письмецо, хотя также из двух строчек, к гр<афу> Александру Петровичу Толстому, который также к этому времени приедет в Неаполь, с тем, чтобы выпроводить меня к Святым Местам, а может быть, даже и самому туда пуститься, если Богу будет угодно поселить ему такую мысль».

8 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь, стремясь поддержать А. О. Смирнову, писал ей из Франкфурта: «Если ж вам, точно, будет невыносимо в Калуге <...>, то <...> тогда нужно другое лекарство. Благословясь, поезжайте с Богом со мной в Иерусалим...» 10 мая (н. ст.) 1847 г. он писал ей же из Неаполя: «Не проездиться ли вам в Остенде? <...> А там — почему знать? — если самая дорога вам станет помогать и езда, почему вам не съездить в одно время со мною в Иерусалим?»

15 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь обращался к протоиерею Димитрию Вершинскому из Неаполя: «От Тарасия Федоров<ича> Серединского я узнал, что вы также собираетесь в Иерусалим. Весьма буду рад, если придется нам вместе и совершить это путешествие. Уведомляю вас, что я думаю отсюда подняться в средине февраля месяца. Если вам будет возможно тоже около этого времени прибыть в Неаполь, то напишите словечка два».

5 декабря (н. ст.) 1847 г., в письме из Неаполя Гоголь спрашивал Иванова: «Узнайте, не отправляется ли кто также в Иерусалим около этого времени; в таком случае дайте ему мой адрес. Мне очень будет приятно иметь попутчика-земляка. <...> Не отправляется ли на Восток кто-нибудь из художников-архитекторов? Ему бы со мною было выгодно, притом и издержек меньше». В конечном счете Гоголь отправился в Иерусалим один.

В Иерусалим Гоголь прибыл 4 февраля 1848 г.[21] вместе с своим однокашником К. М. Базили, встреченным за шесть дней перед тем, 30 января, в Бейруте[22] (в ту пору Базили исполнял должность русского генерального консула в Сирии и Палестине. На встречу с Базили Гоголь рассчитывал, отправив ему письмо еще в июле 1847 г.[23]).

Согласно письму Гоголя к Смирновой от 2 апреля (н. ст.) 1845 г., он намеревался «приехать в Иерусалим к посту и Пасхе, а после Пасхи, исполнивши, как следует, пребывание в Иерусалиме, возвратиться в Россию». В письме к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. он также замечал, что в Иерусалим собирается ехать «к говенью и Пасхе». Спустя год, 24 марта (н. ст.) 1846 г., он писал Языкову, что намерен отправиться к Святым Местам «ко времени Пасхи». Погодину, в свою очередь, 10 сентября (н. ст.) 1846 г. он сообщал, что поедет в Иерусалим «к Великому посту и Пасхе». Шереметевой 8 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал, что поедет «к наступающему Великому Посту»; это же он повторял в письме к ней от средины августа (н. ст.) 1847 г.: «Путешествие это хочу устроить так, чтобы недели за две до Пасхи быть в Иерусалиме». Протоиерею Матфею Константиновскому 24 сентября (н. ст.) 1847 г. он писал: «...Прошу вас молиться <...> обо мне, особенно во всё время путешествия моего в Иерусалим. Я отправлюсь туда ко времени Пасхи». О намерении отправиться к Святую Землю «к наступающему Великому Посту» Гоголь писал также в *Предисловии* к «Выбранным местам из переписки с друзьями», датированном июлем 1846 г.[24] Однако, 20 ноября (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал Ар. О. Россету: «Прежде у меня было в мысли говеть [и] быть во время Пасхи в Иерусалиме, потом побывать во всех местах, ознаменованных святыми событиями. Теперь ничего другого не хочется, как только поклониться в тишине Святому Гробу <...> и потом возвратиться прямо в Россию».

Планы Гоголя прибыть в Святые Места к Светлому Христову Воскресению, возможно, были связаны не только с стремлением совершить говение в Иерусалиме, но и диктовались желанием присутствовать при чуде схождения благодатного огня в Храме Гроба Господня. О схождении благодатного огня во время празднования Св. Пасхи в Иерусалиме в 1843 г. (11/23 апреля) Е. Г. Богомолова свидетельствовала: «Мы ночевали каждый раз в храме; но всего труднее было выдержать страстную субботу[25], когда сходит священный огонь на Гроб Господень. Я пришла в назначенное место позже других; но со всем тем в продолжении нескольких часов надлежало выдержать дикий крик Арабов, которые бегали, скакали и били в ладоши. Человек 10, составив группу, становили себе на голову Араба, таскали его вокруг часовни, изъявляли нетерпение и радость, пронзительно крича на своем языке: *наша вера православная*. Наконец вышел из Алтаря Наместник Патриарха <Мелетий, митрополит Петры Аравийской> и начался ход с хоругвями; за ним несли на хоругви изображение Петра Апостола, которого имя он носит, как его преемник. В великолепном облачении обошел он три раза часовню Гроба Господня и приблизился к двери. С него сняли омофор и верхнюю одежду, отпечатали дверь и туда впустили его. Все утихло; через несколько времени из круглого отверстия ярко блеснул огонь с правой стороны, и дожидавшийся бросился с пуком свеч в храм Воскресения, за ним толпа и мгновенно храм был весь в огне. Все зажгли приготовленные свечи, пылавшие как факелы. Патриаршеского Наместника Петра, державшего также пук, Арабы подняли на руки и тащили, держа свечи над его головой так близко, что я боялась, чтобы они не зажгли на нем волоса; прочие же тушили свечи хлопчатой бумагой и так надымили, что едва можно было стоять на возвышении. Началась в 4 часа пополудни Литургия Василия Великого — и все затихло»[26].

Именно служебный отпуск Базили, о котором тот предупредил Гоголя еще в начале января (н. ст.) 1848 г.[27], определил преждевременный отъезд писателя из Святой Земли. Сразу по прибытии в Иерусалим Гоголь сообщал Жуковскому: «Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили...»[28] Не желая оставаться без надежного попутчика (попутчика до самой России), Гоголь вместе с Базили к 18/30 марта 1848 г. вернулся — через Назарет[29] и, вероятно, Дамаск[30] — в Бейрут[31], а 25 марта / 6 апреля 1848 г., в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, вместе с семейством Базили выехал из Бейрута в Константинополь[32]. Пасху 11/23 апреля 1848 г. они, по-видимому, праздновали в Константинополе[33], а 14/26 апреля, в среду Светлой седмицы, выехали из Константинополя в Одессу[34].

[1] Ср. ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь***; ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта***.

[2] См. ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта***.

[3] См. ***1848. Января 13 <1>. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Флоренция***; ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь***.

[4] См. также ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта***.

[5] *Протоиерей Тарасий Серединский.* Записки заграничного священника // *Свод.* Т. 3. С. 591.

[6] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Неаполь***.

[7] См. ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка*** (письмо Гоголя к графу А. П. Толстому).

[8] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

[9] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва***; ***1849. Март. Москва***; ***1849. Март — июля начало. Москва***.

[10] См. ***1848. Мая 7–9. Пятница-воскресенье. Дорога от Одессы до Васильевки (Николаев, Елисаветград, Александрия, Кременчуг, Решетиловка, Полтава)***. — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 135–220.

[11] Тропарь преподобному Ефрему Печерскому, епископу Переяславскому (около 1098 г.; память совершается 28 января ст. ст.).

[12] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***

[13] См. ***1844. Апреля около 18 <около 30>. Москва.***

[14] *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 534.

[15] См. ***1846. Сентября 24 <12>. Четверг. Вена.***

[16] См. ***1846. Марта 31 <19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[17] См. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа — октября 22–23 <сентября средина — октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

[18] См. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг.***

[19] См. ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь*** (примечания).

[20] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь*** (письмо Гоголя к Толстому).

[21] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[22] См. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут.***

[23] См. ***1847. Июля конец <июля средина>. Остенде.*** — См. также ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут.***

[24] См. ***1846. Июля до 30 <июня вторая половина — июля до 18>. Карлсбад — Швальбах.***

[25] 10/22 апреля 1846 г.

[26] *Богомолова Ек. Г.* Второе письмо из Иерусалима. *Иерусалим. Воскресенье, Апреля 25. 1843* // Москвитянин. 1843. № 7 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 170. — В этот номер журнала Гоголь выслал Погодину для публикации стихотворения Языкова «То ли дело как бывало...» («Корабль») и «Люблю смотреть на сине море...» («Девятое мая»). От наместника Иерусалимского патриаршего престола митрополита Мелетия, упоминаемого Е. Г. Богомоловой, Гоголь 23 февраля 1848 г. «ради усердия», показанного им «к живоносному Гробу Господню» и к «прочим Святым Местам», получил благословение в виде «маленькой части камушка от Гроба Господня и части дерева от двери храма Воскресения, которая сгорела во время пожара в 1808 сентября 30-го дня» (см. ***1848. Февраля 23 <марта 6>. Понедельник. Иерусалим***). О преосвященном Мелетии (1786–1868), митрополите Петры Аравийской, см.: *Гуминский В. М.* Путешествие Гоголя по Святой Земле // Новая русская книга. 2011. № 11 (203). С. 23.

[27] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут.***

[28] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[29] См. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим.***

[30] См. ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск.***

[31] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут.***

[32] См. ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут.***

[33] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***; ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь.***

[34] См. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь.***

ЯНВАРЯ 20–21 <8–9>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. МЕССИНА

Гоголь в Мессине.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «1848 Мессина»[1].

Вскоре по прибытии из Мессины на о. Мальту Гоголь 22 января (н. ст.) 1848 г. сообщал графу А. П. Толстому: «Дела короля совершенно плохи: Мессина, Катания — всё восстало[2], и английские фрегаты повсюду, как у себя дома. Привезенную от короля индульгенцию, говорят, мессинцы разорвали в куски, в виду его же гвард<ии>. [Словом, Сицилия, кажется[3]...]».

[1] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[2] Под давлением восставших, предводительствуемых Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди и др., король Обеих Сицилий Фердинанд II в начале 1848 г. вынужден был дать конституцию. В 1849 г. абсолютизм был восстановлен. – См. также ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.***

[3] Не дописано.

ЯНВАРЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333.

[2] *Гриц.* С. 409.

ЯНВАРЯ 22 <10>. СУББОТА. О. МАЛЬТА

Гоголь остановился в гостинице на Мальте, откуда пишет графу А. П. Толстому в Неаполь:

«Пишу к вам по обещанью из Мальты, куда приехал в прах расклеившийся, хотя и не знаю, досягнет ли это письмо к вам. Может быть, вы уже оставили Неаполь. (А если не оставили, то сотворите благо, его оставивши)[1]. <...> ...Всё еще не могу оправиться и очнуться от морской езды. Рвало меня таким образом, что все до едина возымели о мне жалость, сознаваясь, что не видывали, чтобы кто так страдал[2]. Со страхом думаю о предстоящем четырехсуточном переезде. Молитесь, ради Христа, обо мне: невыносимо тяжело! В Мальте должен во всяком случае отдохнуть уже и потому, что пароход раньше 27[3], кажется, нейдет. Противу всякого чаянья, в Мальте почти вовсе нет всех тех комфорт, где англичане: двери с испорченными замками, мебели простоты гомеровской, и язык нивесть какой. Аглиц<кого> почти даже и не слышно. А губернатор острова вовсе не тот, который бывал у нас в церкви, но совершенно другой, хоть и назначен недавно. Граф же Риварола есть только полковник режимента, проживавший в Ливурне. Всё это сообщили мне в [скверном] плохом отелишке, в котором я остановился и который разве только после скверного парохода «Капри»[4] может показаться приятным. Прощайте, добрейший мой Александр Петрович. Не знаю сам, что пишу, руки так окостенели, а в голове смутно. Обнимите за меня всех: вашу наидобрейшую сестрицу Софью Петровну[5] и ваших милых племянниц[6]. Но они, верно, знают и сами, что всех очень, очень люблю [помню] и буду молиться, как сумею, а вы, право, молитесь обо мне. <...> Мне адресуйте в Константинополь, на имя Титова, и, если будет время, прикажите комиссионеру при нашем посольстве посылать все приходящие ко мне в Неаполь письма в Константинополь».

[1] См. ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь***; ***1848. Января 20–21 <8–9>. Четверг-пятница. Мессина.***

[2] Подробнее см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[3] См. ***1848. Января 27 <15>. Четверг. О. Мальта.***

[4] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[5] Графиня Апраксина.

[6] Графини Наталья и Мария Владимировны Апраксины.

ЯНВАРЯ 10 <22>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. Б. Булгарин в «Северной Пчеле» в обзоре содержания первых номеров «Отечественных Записок» и «Современника» за 1848 г. замечает:

«...По мнению *Современника,* требование века и Русская народность состоят в том, чтоб изображать одно грязное в природе, одно недужное, только нищету, нужду и пороки... <...> Новые писатели, провозглашенные гениями в *Отечественных Записках* и *Современнике,* подражают одним недостаткам Гоголя и Лермонтова».

<*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1848. 10 янв. № 7. С. 27.

ЯНВАРЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. О. МАЛЬТА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской в Петербург и письмо к С. П. Шевыреву в Москву, с вложением письма к Н. Н. Шереметевой.

Из письма к Виельгорской: «Я получил ваше письмецо... <...> Вероятно, в одно время и вы получили мое[2]. <...> В Петербурге же, кажется, все прочие приятели меня позабыли. От Плетнева я четыре месяца уже не получаю ни строчки[3]. От Александры Осиповны[4] тоже ничего. От любезного ее братца, Аркадия Осиповича[5], тоже ничего. <...> Отчасти я подозреваю и почты. Неаполь заел уже много мне нужных писем. Пишу к вам теперь из Мальты. Странствования мои по Средиземному морю, как видите, уже начались. Из Неаполя меня выгнали <...> разные политические смуты[6]... <...> Притом пора и к Святому Гробу. Несмотря на то, что далеко не в том состоянии души, в каком бы хотелось быть для этого путешествия, несмотря на всю черствость и прозу души своей, я все-таки благодарю Бога, что тронулся в дорогу, хотя не без ужаса помышляю о всех предстоящих затруднениях, впереди которых стоит *морская болезнь,* для меня ужаснейшая всего[7]. До Мальты я в силу-силу добрался. Ни одна душа на всем корабле не страдала, а между тем время было, кажется, и не совсем бурное. Если бы еще такого адского состоянья были одни сутки, меня бы не было на свете. Из письма графини Анны Егоров<ны> Толстой к своему мужу[8] я узнал[9], что Александра Осиповна теперь с вами и всё еще продолжает страдать и болеть нервами. Скажите, что я <о> ней думаю ежедневно и буду просить всех людей, умеющих молиться, о ней помолиться. Скажите ей, чтобы она хоть сколько-нибудь строчек мне написала, адресуя всё в Константинополь, на имя нашего посольства. Затем приношу вам благодарность <...> всему <...> роду и племени графов Вьельгорских, за вашу дружбу ко мне и приязнь, <...> а Софью Михайловну[10] поцелуйте за меня от всей моей души. Скажите всем моим приятелям, кто будет так добр и захочет писать ко мне, чтобы все письма адресовали в Константинополь».

Из письма к Шевыреву: «Я всё ожидал, не будет ли от кого-нибудь из вас мне писем... <...> От тебя, мой милый (и более всех прочих исправный и великодушный друг), мне бы, право, уже следовало иметь ответ хотя на одно из моих трех довольно длинных писем[11]. Но, может быть, гадкие итальянские почты, в эту минуту политической бестолковщины обестолковели еще более обыкновенного. <...> ...Никакого неудовольствия ни против кого не питаю, <...> напротив, <...> вижу (так, по крайней мере, мне кажется), что любви у меня прибавилось скорее, чем убавилось, <...> обвинять не могу никого, даже и тех, которых бы, может быть, прежде в чем-нибудь обвинял, потому что виной всему сам, и на какую сторону ни переворочу дело, всё вижу, что сам подал повод питать неудовольствие противу себя и ввел, стало быть, в грех других людей. <...> Как бы то ни было, но нужно прощать всё тому человеку, который отправляется в дальний путь затем только, чтобы помолиться. Что тут помышлять о современных и тому подобных всяких вопросах? Без этого прощенья как я помолюсь, и без того не умеющий молиться? Как растопить мне мою душу, холодную, черствую, не умеющую отделиться от земных, себялюбивых, низких помышлений и даже от тех недостатков, которые видит она сама и которых сама ненавидит?

Поблагодари[12], пожалуста, добрую Надежду Николаевну[13] за то, что она не оставляла меня во всё это время и писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечаю ли я или не отвечаю на письма. Передай ей при сем записочку. Проси всех и особенно доброго Сергея Тимофеевича, сово-

купно с Конст<антином> Серге<евичем>[14] и всем семейством, писать ко мне в *Константинополь*, или просто на имя Титова, или же на имя советника посольства, моего соученика и однокашника, Халчинского Ивана Дмитриевича. Милого Погодина проси также... <...> В Мальте я остаюсь немного дней, только затем, чтобы дождаться парохода, идущего в Александрию».

Вскоре Гоголь передумал и решил отправиться в Бейрут через Смирну, так как, приехав в Бейрут из Александрии, он должен был выдержать двенадцатидневный карантин[15].

Далее Гоголь сообщал Шевыреву: «Морская болезнь измучила меня сильно[16]. Это для меня зло, которого я боюсь больше всего в моем путешествии. Еще не было сильной бури, а уже меня привело в такое состояние беспрерывной рвотой всякие десять минут, что я походил скорей на умирающего, чем на сохраняющего в себе залог жизни. До сих пор едва могу прийти в состояние мыслить и чувствовать и, как подумаю, что предстоят целые дни безостановочного пребыванья на море без заездов на твердую землю, — дух захватывает. О, если бы Бог был ко мне милостив и дал бы мне всё перенести невредимо, хотя и стоило бы меня за многое наказать всем этим! Но милосердие [Милосердного] так безмерно! Мне бы хотелось, чтобы ты заказал два-три молебна о моем благополучном путешествии, в таких местах и церквах, где увидишь священников, усерднее других молящихся».

Из письма к Шереметевой: «Хотя и далеко не таково состояние души моей, какого бы мне хотелось, хотя случилось страдать немало моим слабым телом даже и во время этого небольшого морского переезда (в сравнении с предстоящими большими), но, слава Богу, я еще жив, я еще могу надеяться, что Бог приведет состоянье души моей в более благодатное состояние. <...> Не останавливайтесь молиться о благополучном моем путешествии, добрейший друг Надежда Никола<е>вна. <...> Из Неаполя я уже отправил вам два письма[17]. Ответ[18] на последнее ваше письмо[19] и замечание вы уже имеете[20]. Повторяю вам вновь, что ни против кого в душе не имею никакого неудовольствия. Напротив, всех люблю больше прежнего. Молитесь!»

[1] См. ***1847. Ноября 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Ноября 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург*** — примечания).

[3] Ср. ***1847. Августа 24 <12>. Вторник. Остенде***; ***1847. Декабря 24 <1848. Января 5>. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[4] Смирнова.

[5] Россет.

[6] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[7] Подробнее см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[8] Граф А. П. Толстой.

[9] См. ***1847. Ноября начало <октября конец> — 1848. Января 19–20 <7–8>. Неаполь.***

[10] Графиня Соллогуб, сестра Виельгорской.

[11] См. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде***; ***1847. Декабря 2 <ноября 20>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь.*** — Ср. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[12] См. ***1848. Февраля 9 <21>. Понедельник. Москва.***

[13] Шереметева.

[14] Аксаковы.

[15] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***; ***1848. Января 27 <15>. Четверг. О. Мальта.***

[16] Подробнее см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[17] См. ***1847. Ноября конец — декабря начало <ноября вторая половина>. Неаполь***; ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[18] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[19] См. ***1847. Ноября 20 <декабря 2>. Четверг. С. Покровское***; ***1847. Декабря 10 <22>. Среда. Москва.***

[20] См. ***1848. Февраля 3 <15>. Вторник. Москва.***

ЯНВАРЯ 13 <25>. ВТОРНИК. МОСКВА

Ю. Ф. Самарин пишет брату М. Ф. Самарину:

«Читал ли ты мою статью о “Современнике”[1]? Она послана была Гоголю»[2].

В статье Самарин, в частности, писал: «Гоголь первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества. <...> С его стороны это было не одно счастливое внушение художественного инстинкта... <...> Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствие человеческого; и только это одно могло дать право на обличение. <...> Натуральная школа переняла у Гоголя только его односторонность, то есть взяла у него одно содержание. <...> Направление заимствовано у новейшей Французской литературы — это карикатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство»[3].

В статье Самарин полемизировал также с К. Д. Кавелиным по поводу личностного начала в русской истории. В 1847 г. Кавелин в статье «Взгляд на юридический быт древней России», опубликованной в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, утверждал, что «наша древняя внутренняя история была постепенным развитием исключительно кровного, родственного быта», в котором «личность не могла существовать»[4]. (Статья Кавелина, напечатанная в только что переданном П. А. Плетневым новым издателям журнале, долгое время воспринималась как программный документ западничества; в том же томе журнала была опубликована и неприязненная статья В. Г. Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями».) Самарин, возражая Кавелину, писал, что в основе русской общины всегда лежало не родовое, а, наряду с территориальным, или «земским» принципом, духовное начало — христианское «самоотречение каждого в пользу всех»: «Этот союз, эта община, освященная вечным присутствием Св. Духа, есть Церковь. <...> Славянская община <...> стала как бы светскою, историческою стороною Церкви»[5]. В качестве примера, свидетельствующего о несостоятельности «теории родового быта», выдвинутой Кавелиным, Самарин указывал, в частности, на «Тараса Бульбу» и подчеркивал, что существование древнерусских дружин и казачества — «встречающегося у всех племен славянских» — нельзя объяснить «родовым началом»: «Не потому ли автор отрицает существование дружины, что трудно было объяснить происхождение бурлака или козака из того семейного быта, в котором (по словам его) человек лишается упругости, энергии, распускается в море мирных отношений, убаюкивается, предается покою, нравственно дремлет, становится слаб, доверчив и беспечен, как дитя. Конечно, под этот тип хилого домоседа трудно подвести Ермака или Тараса Бульбу; что ж делать! Из Истории их не вычеркнешь»[6].

Позднее рассуждение Самарина по поводу личности Тараса Бульбы повторил А. И. Герцен, пересказав его в статье «Русское крепостничество», опубликованной в 1853 г. в английской газете «The Leader». Говоря о русской общине как «жизненном нерве нашего существования», Герцен, вслед за Самариным (и К. С. Аксаковым), замечал, что «казачьи общины не поглощали, не подавляли личность», — и ссылался при этом на пример «Тараса Бульбы»[7].

[1] Речь идет о публикации: *<Самарин Ю. Ф.> М... З... К...* О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2. — Вероятно, Гоголю был отправлен отдельный оттиск этой статьи (90 с.), с дарственной надписью автора: «Николаю Васильевичу Гоголю от Самарина» (воспроизведено в качестве фотокопии: Лит. наследство. Т. 58. М., 1852. С. 721). — См. также ***1851. Сентября 13. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 215.

[3] *<Самарин Ю. Ф.> М... З... К...* О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2. С. 193–194.

[4] *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Современник. 1847. № 1. Отд. 2. С. 8, 12.

[5] *<Самарин Ю. Ф.> М... З... К...* О мнениях Современника исторических и литературных // Москвитянин. 1847. № 2. С. 140, 173.

[6] Там же. С. 155–156.

[7] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 44–45.

ЯНВАРЯ 27 <15>. ЧЕТВЕРГ. О. МАЛЬТА

Гоголь выезжает[1] из Мальты. (Отметка об отъезде в паспорте Гоголя была сделана накануне: «Мальта 14/26 января»[2].) Незадолго до отъезда пишет графу А. П. Толстому в Неаполь новое[3] письмо:

«Садясь на пароход, как-то захотело<сь> сказать вам еще словечко, хотя и не знаю, что сказать. Разве только то, что я переменил дорогу и еду через Константинополь[4], желая избегнуть двадцатидневного карантина[5]. <...> ...В ушах моих звучат сильнее прежнего слова из письма Матвея Александровича[6]. И дай Бог, чтобы они не переставали звучать до самой Палестины. О! как велика тайна нашего искупленья! Пишите в Константинополь».

[1] См. ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта.***

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[3] Ср. ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта.***

[4] Описка Гоголя. Имеется в виду Смирна (см. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***; ***1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Воскресенье-понедельник. Смирна***).

[5] 25 декабря 1847 г. К. М. Базили писал Гоголю: «Заметь только, что, отправившись из Александрии сюда, надо здесь просидеть 12 дней в карантине, а из Смирны сюда карантина нет» (см. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***).

[6] Протоиерей М. А. Константиновский.

ЯНВАРЯ 29 <17>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю (через два месяца это письмо, с названием «О поэте и современном его значении», было напечатано в четвертом номере «Москвитянина» за 1848 г.[2]; самому Гоголю Жуковский письма не посылал, так что тот прочел послание уже в журнале[3]):

«Прекрасное, трогательное письмо твое, мой любезный Гоголь, застало меня за твоею книгою (Отрывки из переписки с друзьями): я был занят *прикреплением* к бумаге некоторых мыслей, которые бродили в голове при чтении твоей статьи *о том, что такое слово*; твое письмо пришло кстати: оно дополняет печатную статью — а написанное мною на твое рассуждение о важности слова будет в то же время и ответом на письмо твое»[4].

По мысли Жуковского, истинный смысл призвания поэта состоит в том, что он «ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия»[5].

[1] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[2] *Жуковский В. А.* О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю // Москвитянин. 1848. Ч. 2. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Науки. С. 11–26; с датой: «29 Генваря 1848. Франкфурт на Майне». — См. ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва.***

[3] См. ***1848. Марта 7 <февраля 24>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***; ***1848. Апреля 16–30. Одесса.***

[4] *Жуковский В. А.* О поэте и современном его значении. С. 11.

[5] Там же. С. 18.

ЯНВАРЯ КОНЕЦ <ЯНВАРЯ СЕРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов отправляет Гоголю ответное[1] письмо (адресует письмо в Неаполь):

«Пишу к вам наудачу. Хотя, впрочем, писать письма уже для меня делается трудом самым тяжелым. Не потому, чтобы мысли не приходили... <...> Но страх, чтобы люди, читавшие их, <...> не приняли бы многое в моих мыслях в свои злые истолкования. Ведь каждой и создан, и воспитывался по-разному. А общий разврат сделал двусмыслие уже собственной своей необходимостью. Неаполитанские дела не так смятенны, как мне показалось из вашего последнего письма, и потому это мое еще может вас застать в Неаполе».

[1] См. *1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.*

ЯНВАРЯ ОКОЛО 19 <ОКОЛО 31>. О. КОРФУ

Гоголь у мощей святителя Спиридона Тримифунтского.

Год спустя, 26 января 1849 г., преподобный Макарий Оптинский писал А. И. Воейковой[1] из Оптиной Пустыни: «Что ты до сих пор не могла видеть наших св. угодников мощи и другие святыни, в этом нет твоей вины, а случаи и образ воспитания тебя удаляли, а впоследствии болезнь папиньки твоего. Теперь же ничто тебе не препятствует. Только бы дал Господь здоровье. Пожалуй хоть с маминькой поезжайте в Москву, и к Троице. <...> Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам сообщенное мне в письме от Нат<альи> Петр<овны>[2], а им пересказывал Гоголь[3], бывший в прошлом году в Корфу[4]; там есть мощи Св. Спиридона Тримифунтского. На открытии, Английский путешественник[5] бывши там желал видеть мощи Св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы, и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезывают кусок из спины, — чрез отверстие вынимают внутренность, и наполняют тело Ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть иные и начинали сомневаться, тогда *св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке, и перево<ро>тились к нему спиною!* Это так поразило Англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил, как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал»[6].

В 1870-х гг. преподобный Амвросий Оптинский писал: «С IV века и доныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение XV веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, будучи в Оптиной пустыни[7], передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову[8]), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря[9], с большим торжеством. Все, бывшие тут, прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано; потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю перед святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай»[10].

В 1900 г. И. Л. Щеглов[11] также сообщал: «...Порывшись, накануне моего отъезда из Оптиной, в Сборнике писем и заметок преемника о. Макария, Оптинского старца о. Амвросия, я натолкнулся на очень любопытный рассказ старца, записанный им со слов о. Порфирия Григорова о посещении Гоголем, в одно из его странствий по Средиземному морю, города Тримифунта, что на острове Кипре, где хранятся, как известно, "целокупные" мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтского[12], многопрославленные мощи, сохранившие в продолжение пятнадцати веков, нетленность и даже мягкость. Гоголь не только самолично видел эти мощи, но, вдобавок, оказался случайным свидетелем необыкновенного от них чуда[13]. При нем мощи обносились около города, — как это ежегодно совершается 12 декабря — с большим торжеством; все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано: потом, однако, решился подойти, — и мощи сами обратились к нему спиною. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Гоголь, бывший в толпе зрителей, по словам отца Порфирия, был сильно потрясен этим случаем. <...> В подлинности <...> рассказа нет ни малейшего основания сомневаться. — О. Порфирий был на редкость светлая и правдивая личность, притом ближайший друг Гоголя...»[14]

[1] Анна Ивановна Воейкова, в монашестве (с начала 1850-х гг.) Магдалина, духовная дочь преподобного Макария Оптинского, монахиня Троицкого Севского женского монастыря.

[2] Наталья Петровна Киреевская (рожд. Арбенева, 1809 — 14 марта 1900), жена И. В. Киреевского (с 1834 по 1856 г.). По преданию, в юности была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, после его кончины в 1833 г. — старца Филарета Новоспасского и после кончины последнего (в 1842 г.) — преподобного Макария Оптинского. Вместе с мужем участвовала в изданиях Оптиной Пустыни. 19 марта 1900 г. преподобный Варсонофий Оптинский (в ту пору рясофорный монах Павел) записал в Летописи скита Оптиной Пустыни: «Сегодня вечером привезено из Москвы в Оптину Пустынь тело в Бозе почившей Натальи Петровны Киреевской, благодетельницы Скита и Монастыря. На иждивение ее была издана большая часть святоотеческих творений, переведенных братией Скита под руководством Старца О. Макария. На ее же средства устроен был придел во имя Преподобного Макария Египетского в скитском храме. Иконы в сем приделе высокой художественной работы и были исполнены в Москве. Воспитанная в строго церковном духе, Н<аталья> П<етровна> имела решающее влияние на образ мыслей и перемену в религиозных убеждениях своего мужа, известного русского ученого и писателя Ив. В. Киреевского, в смысле полной и искренной преданности его Св. Православной Церкви. В свою очередь и сам Киреевский повлиял в том же смысле на своих друзей, — на знаменитых писателей: Гоголя, Аксакова, Хомякова и друг<их>, а чрез них и на большую часть русского образованного общества. В этом заключается великая заслуга покойной перед Церковию и отечеством. <...> При жизни Старца О. Макария была его духовной дочерью, пользуясь его полным доверием и любовию о Христе, а также многих выдающихся духовных иерархов, и особенно Московского Митрополита Филарета, и светских высокопоставленных лиц» (Летопись Скита во имя Св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыне // *РГБ*. Ф. 214. Ед. хр. 367. Л. 17–18; опубл.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 2. С. 255–256).

[3] См. ***1848. Октября средина — 1849. Января первая половина. Москва***.

[4] По предположению С. О. Захарченко, Гоголь посетил о. Корфу по пути в Иерусалим «в конце января 1848 года» (*Захарченко С. О.* Гоголь на Корфу // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск. 2012. № 5. С. 74). «Подтверждением того, что в то время морской путь из Неаполя до Иерусалима проходил через Триест <?>, Корфу (современное название — Керкира) и Смирну (из-за неспокойного Средиземного моря, несовершенности судов того времени и маломерности пароходика, ходившего из Неаполя до Смирны), является письмо Антония (Бочкова) о. Макарию Оптинскому от 16 сентября 1851 года: "По дороге в Триест заезжали мы в Корфу, и Господь привел меня неожиданно к нетленным и святым мощам святителя и угодника своего св. Спиридона Тримифунтского. Я возблагодарил его за избавление нас от страшной 30-часовой качки, от которой пароход наш в 260 сил мотался, как малая лодка, к ужасу нашего зрения. Противный ветер остановил его на 12 часов"» (Там же. С. 73–74).

Поскольку путь Гоголя из Неаполя до Корфу лежал через Мальту, откуда он отправился 15/27 января 1848 г. (о чем сообщал графу А. П. Толстому; см. ***1848. Января 27 <15>. Четверг. О. Мальта***), то, вероятно, на Корфу Гоголь прибыл около 19/31 января 1848 г. Согласно уточненным данным, в Бейрут Гоголь прибыл не в начале февраля (н. ст.) 1848 г., а немного позднее — 11 февраля (н. ст.) (см. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут***). (До этого, 6 февраля (н. ст.), он был в Смирне, 8 февраля (н. ст.) — на Родосе; см. ***1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Воскресенье-понедельник. Смирна***; ***1848. Января 27 <февраля 8>. Вторник. Родос***.)

[5] Ср. также рассказ Гоголя об уверовавшем англичанине в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 9 февраля 1851 г. (см. ***1851. Февраля 9. Пятница. Одесса***).

[6] Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Свидетельства Н. П. Киреевской (рожденной Арбеневой) и отца Порфирия (Григорова) // *Свод*. Т. 3. С. 615.

[7] См. ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь***.

[8] Отец Порфирий (в мире Григоров Петр Александрович; около 1803 — 15 марта 1851), бывший гвардейский офицер, с 1834 г. инок Оптиной Пустыни, с 1836 г. рясофорный послушник; 22 июля 1850 г. пострижен в мантию с именем Порфирий. С отцом Порфирием Гоголь познакомился во время пребывания в Оптиной Пустыни 17–19 июня 1850 г.

Отец Порфирий является составителем и автором книги «Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия <Машурина>» (М., 1839; 2-е изд. 1844; 3-е изд. 1845; 4-е изд. 1850). Из первого издания этой книги Гоголь в 1844 г. в своем сборнике «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» сделал выписку *<30> Некоторые мысли Георгия (Затворника Задонского Богородицкого монастыря)*, из второго — выписку *<55> Письмо Георгия Затворника Задонского*. Четвертое издание книги Гоголь получил от отца Порфирия в 1851 г. 6 марта 1851 г. Гоголь писал ему: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост!» В своей книге о. Порфирий рассказал, в частности, о явлении Затворнику Георгию преподобного Серафима Саровского.

[9] Гоголь не был свидетелем описанного события, совершившегося в день памяти святого — 12/24 декабря 1847 г., так как прибыл на о. Корфу спустя месяц, в конце января (н. ст.) 1848 г. Отметим, что день почита-

ния святителя Спиридона Тримифунтского был памятен Гоголю еще с юношеских лет; о случае в Нежине с Федором Бороздиным, которого 12 декабря 1825 г. Гоголь назвал Спиридоном, рассказывал позднее бывший соученик Гоголя Г. И. Высоцкий (см. ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин***).

[10] Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Свидетельства Н. П. Киреевской (рожденной Арбеневой) и отца Порфирия (Григорова) // *Свод*. Т. 3. С. 616–617.

[11] Иван Леонтьевич Щеглов (настоящая фамилия Леонтьев, 1856–1911), писатель; воспитывался в семье деда, барона В. К. Клодта фон Юргенсбурга (генерал от артиллерии, брат скульптора П. К. Клодта). В 1892 г. опубликовал рассказы, посвященные св. преподобному Амвросию Оптинскому и св. праведному Иоанну Кронштадтскому: Оптинский старец о. Амвросий. М., 1892; У отца Иоанна Кронштадтского. (Рассказ очевидца). *Ивана Щеглова*. (Посвящается Сергею Александровичу Рачинскому). Отдельные оттиски из Сборника «Нивы» за октябрь 1892 г. СПб., 1892. С. 144–185.

[12] Мощи святителя Спиридона, родившегося на Кипре и бывшего епископом кипрского города Тримифунта, на самом деле хранятся в городе Корфу, на одноименном острове.

[13] Гоголь не был свидетелем описанного события (см. примеч. выше).

[14] Гоголь на острове Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Свидетельства Н. П. Киреевской (рожденной Арбеневой) и отца Порфирия (Григорова) // *Свод*. Т. 3. С. 617–618.

ЯНВАРЯ 21 <ФЕВРАЛЯ 2>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, вновь[1] следуя распоряжению Гоголя («Денег мне больше не присылай...»)[2], отправил на хранение в ломбард 371 рубль серебром[3], выданный государственным казначейством из денежного пособия Гоголю Императора Николая I[4].

В тот же день Плетнев писал Я. К. Гроту[5] в Гельсингфорс:

«...В прошлую субботу <17 января> я был на лекции, где читал из № 1 Москвитянина 1848 г. умный ответ критикам на Переписку Гоголя...»[6]

Имеется в виду статья С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[7].

[1] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1847. Июля 22 <августа 3>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***.

[3] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[4] Пособие было назначено Гоголю в 1845 г. сроком на три года (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[5] Яков Карлович Грот (1812–1893), лингвист, историк литературы.

[6] *Свод*. Т. 1. С. 694.

[7] См. ***1847. Декабря 17 <29>. Среда. Москва*** (примечания); ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса*** (примечания).

ЯНВАРЯ 25–26 <ФЕВРАЛЯ 6–7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. СМИРНА

Гоголь в обществе отставного генерала Крутова[1] поднимается на борт парохода «Истамбул», следующего в Бейрут. На этот же пароход пересаживаются прибывшие в Смирну из Константинополя на пароходе «Махмудиэ» архимандрит Порфирий (Успенский)[2], иеромонах Феофан (Говоров)[3], послушники Петр Соловьев[4] и Николай Крылов[5] — члены первой Русской Духовной миссии, следующие в Иерусалим[6].

Незадолго перед тем А. С. Норов в своем «Путешествии к семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847) писал: «...Смирна, хотя омраченная игом язычников, все еще дышит негою торговли в бальзамической атмосфере своих померанцевых, оливковых и лавровых рощей. Нетленный венец мученика крепче ее разрушающихся день от дня бойниц, — он невидимо охраняет ее и призывает к возрождению: "*Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота!*" <Откр. 2, 10> <...> В новейшие времена, в 1785 году, в числе Смирнских Епископов был Прокопий, возведенный напоследок на Вселенский Патриарший престол. Ему наследовал в Смирне в 1797 году его протосинкелл[7] Григорий, тот бесстрашный страстотерпец, который, быв возведен на Патриарший престол Константинополя, приял мученический венец во время восстания Греков в 1821 году[8] и погребен в Одессе»[9].

Около пяти лет спустя, 22 декабря 1852 г., архимандрит Порфирий в письме к А. С. Стурдзе сообщал: «Сегодня утром я решился писать к вам, <...> и только что уселся за рабочий стол, <...> мне принесли кучу припечатанных свертков из Иоппии[10]. В них обрелось и вожделенное письмо ваше от 8 декабря с приложением вашей дани памяти Жуковского и Гоголя[11]. Прочитав то и другое с наслаждением, отвечаю вам под влиянием мыслей, предшествовавших вашему посланию и вновь выведенных на простор моей души силою вашего слова. <...> С Гоголем я встретился на пути в Иерусалим и не мог узнать его по причине неприкосновенного сосредоточения души его в себе самой и в Боге, а сочинений его не читал по обстоятельствам моей службы. Жуковского же я никогда не видал в лицо, но душа его светлая, добрая и сладкоречивая открывалась в мне в его творениях, кои я с жадностию читал и заучивал наизусть, будучи еще питомцем духовной академии. <...> Отрадно обращение супруги Жуковского к доброте православия. Теперь союз души ее с птенцами незабвенного поэта[12] стал крепче и надежнее»[13].

Позднее, 2 июля 1856 г., о. Порфирий писал Елисавете Павловне Эйлер (1826–1896) из Петербурга: «В прошлую субботу я видел у вас сочинения Гоголя. Любопытно заглянуть в них. Итак, прошу вас вручить их абиссинцу моему[14]. Они будут возвращены скоро»[15].

В 1880 г., протоиерей Петр Соловьев, бывший в 1848 г. послушником, вспоминал: «...Не могу умолчать о своей неожиданной встрече с приснопамятным Николаем Васильевичем на пароходе в Средиземном море.

Это было в январе 1848 года. На пути в Иерусалим мы отправились из Константинополя в Смирну на австрийском пароходе "Махмудиэ", а в Смирне пересели на другой пароход той же компании Ллойда — "Истамбул", идущий к берегам Сирии, — в Бейрут. На "Истамбуле" было много народу, и большею частью поклонников, ехавших в Иерусалим на поклонение св. местам. Каких представителей наций тут не было! Пестрые, разноцветные костюмы рябили глаза, а разговор на разных диалектах, споры, песни, смех — все отзывалось какою-то, по восточному выражению, вавилониею: какая смесь одежд и лиц, имен, наречий, состояний! Весь этот люд в общем были как бы земляки; одни только мы, русские, были особняками среди этой разношерстной толпы и не принимали никакого участия в общей суматохе подвижных *восточных человеков*. Но оказалось, что кроме нас тут же были еще русские люди, и при том — недюжинные представители русской народности. Один из них был высокий, плотный мужчина лет 55-ти в темно-синей с коротким капишоном шинели на плечах и с красною фескою на голове, другой же маленький человечек с длинным носом, черными жиденькими усами, с длинными волосами, причесанными a la художник, сутуловатый и постоянно смотревший вниз. Белая поярковая с широкими полями шляпа на голове и итальянский плащ на плечах, известный в то время у нас под названием "манто", составляли костюм путника. Все говорило, что это какой-нибудь путешествующий художник. Действительно, это был художник, наш родной гениальный сатирик Николай Васильевич Гоголь, а спутник его — генерал Крутов.

"Ну и слава Богу, — подумал я, — нашего полку прибыло, все-таки будет веселее путешествовать". Положим, что путешествие где бы то ни было, а особенно вдали от отечества, сближает между собой людей всех слоев, однако я, по своей застенчивости, как студент-бурсак, считал неприличным как бы домогаться сближения и знакомства с такими важными земляками. Кто знает — понравится ли им такое дерзновение маленького человека? Нужно было ждать какого-нибудь благоприятного случая к сближению, который и не замедлил представиться[16]»[17].

[1] Возможно, имеется в виду генерал-майор Михаил Иванович Крутов (1802–1853), брат инспектора Академии художеств, коллежского советника Андрея Ивановича Крутова (1794–1860).

[2] Архимандрит Порфирий (в мире Константин Александрович Успенский, 1804–1885), впоследствии епископ Чигиринский, известный духовный писатель, этнограф, археолог, историк и богослов. В 1848 г. возглавлял отправленную в Иерусалим Русскую Духовную миссию.

[3] Святитель Феофан (в мире Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894), в то время иеромонах (с 1841), будущий епископ Тамбовский, Владимирский и Суздальский, знаменитый богослов и подвижник, Затворник Вышенский, причисленный к лику святых.

[4] Петр Алексеевич Соловьев (1825–1898), впоследствии протоиерей, духовный писатель. С 1848 по 1855 г. находился в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме, потом был священником в Петербурге.

[5] Николай Петрович Крылов (1828–1905), находился в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме до 1852 г., позднее был священником в Петербурге.

[6] Прибыли в Смирну 30 января / 6 февраля 1848 г. (см. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут***).

[7] Сокелейник, помощник. секретарь.

[8] См. ***1821. Апреля 10. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[9] Путешествие к семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе, *Авраама Норова*. СПб., 1847 (цензурное разрешение 17 мая). С. 198, 206–207.

[10] Яффа.

[11] *Стурдза А.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года». – Подробнее см.: ***1852. Октября 22. Среда. Москва***.

[12] Дети В. А. и Е. Е. Жуковских, дочь Александра и сын Павел.

[13] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 480–481. – Указано М. И. Щербаковой. – См. также: В преддверии Русской Палестины. Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1847–1854 / Сост., подготовка текста, коммент. и вступ. ст. М. И. Щербаковой. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Иерусалим; Москва, 2017. С. 58.

[14] Фрументий Иорданский, воспитанник архмандрита Порфирия.

[15] Там же. Т. 2. С. 594.

[16] См. ***1848. Января 27 <февраля 8>. Вторник. Родос***.

[17] *Протоиерей Петр Соловьев.* Встреча с Гоголем в 1848 г. // *Свод.* Т. 3. С. 618–619.

ЯНВАРЯ 27 <ФЕВРАЛЯ 8>. ВТОРНИК. РОДОС

Гоголь знакомится с послушником Петром Соловьевым, которому показывает маленький образ Святителя Николая Чудотворца[1].

Позднее, в 1880 г., протоиерей Петр Соловьев, бывший в 1848 г. послушником, вспоминал: «При остановке у Родоса мы съехали с парохода на остров осмотреть город с его историческими постройками рыцарей-крестоносцев и посетить местного православного митрополита, жившего за городом. Владыка[2] принял нас радушно, угощал по обычаю чашкою кофе и глико (варенье) с водою, а при прощании снабдил нас целою корзиною превосходных апельсинов из своего сада. На пароходе о. П<орфирий> поручил мне попотчевать родосскими гостинцами и земляков-спутников, что я не замедлил исполнить, отобрав десятка два лучших плодов. Гоголь и ген<ерал> Крутов не отказались от лакомства и поблагодарили меня за любезность. Тем дело и кончилось. Но, вероятно, о. А<рхимандрит> П<орфирий>, на расспросы их о мне, отрекомендовал им меня яко художника, потому что спустя полчаса Николай Васильевич вышел на палубу, где тогда я находился, и прямо направился ко мне. Не входя ни в какие объяснения, он показывает мне маленькую, вершка в 2, живописную (масляными красками) на дереве икону святителя Николая Чудотворца и спрашивает мнения – искусно ли она написана? Затем он, пока я всматривался в живопись, поведал мне, что эта икона есть верная копия в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бары)[3], написана для него по заказу искуснейшим художником и теперь сопутствует ему в путешествиях, потому что святитель Мирликийский Николай – его патрон и общий покровитель всех христиан, по суху и

по морям путешествующих. Я полюбовался иконою, как мастерски написанною, и оговорил, что не могу ничего сказать о верности копии, не видав прототипа, и еще заметил, что у нас на православных старинных иконах святитель изображается несколько иначе, особенно по облачению, и что последнее прямо говорит о латинском происхождении барградского изображения святителя. На мой отзыв Н<иколай> В<асильевич> ничего не возразил, но по всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею. Тем наше короткое знакомство и закончилось»[4].

[1] См. ***1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Воскресенье-понедельник. Смирна.***
[2] Преосвященный Иаков (Патмиос), митрополит Родосский.
[3] См. ***1846. Ноября 18–19 <6–7> – 1847. Мая 11 <апреля 29>. Неаполь*** (примечания).
[4] *Протоиерей Петр Соловьев.* Встреча с Гоголем в 1848 г. // *Свод.* Т. 3. С. 619.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. ПЯТНИЦА. БЕЙРУТ

Гоголь прибыл в Бейрут; встретился с К. М. Базили, познакомился с его женой Маргаритой Александровной[1].

Среди дипломатической переписки сохранилось письмо русского посланника в Константинополе В. П. Титова к К. М. Базили от 22 января / 3 февраля 1848 г., проясняющее полномочия и состав основанной в 1848 г. в Иерусалиме Русской Духовной Миссии[2]. Поскольку эта дипломатическая депеша была получена в русском консульстве в Бейруте 30 января / 11 февраля (н. ст.) 1848 г. и, очевидно, была доставлена в Бейрут самим о. Порфирием (Успенским), совершившим путешествие на том же пароходе, что и Гоголь[3], то это позволяет точно датировать время прибытия Гоголя в Сирию и встречу с Базили — 30 января / 11 февраля 1848 г.

Эта дата подтверждается дневниковыми записями епископа Порфирия:

«1847 год. <...> Декабрь. <...> День 23-й <1848, января 4 (н. ст.). Константинополь>. Был я у посланника В. П. Титова и говорил ему: а) об упрочении будущей судьбы членов нашей духовной миссии в Иерусалиме, б) о холодности наших синодалов к духовенству, служащему при министерстве иностранных дел, в) о трудности путешествовать по Сирии и Палестине в месяцах декабре и январе по причине разлития горных потоков и грязи и г) о нашем помещении в Архангельском монастыре Св. Града. <...>

1848 год. <...> Январь. <...> День 22-й <февраля 3 (н. ст.)>. <...> ...Был у посланника <...> и простился с ним. В пять часов по полудни пароход унес меня с малою дружиною моею из Царяграда. <...>

День 25-й <февраля 6 (н. ст.)>. <...> Пристань у Смирны[4].

День 27-й <февраля 8 (н. ст.)>. Я в Родосе. <...>

День 30-й <февраля 11 (н. ст.)>. Якорь брошен в пристани Бейрутской»[5].

Позднее, в 1880 г., протоиерей Петр Соловьев, бывший в 1848 г. послушником, вспоминал: «В Бейруте я уже не встречал более Николая Васильевича, потому что мы поместились на иерусалимском подворье подле митрополии, а Н<иколай> В<асильевич> у нашего генерального консула г. Базили — своего однокашника по воспитанию в нежинском лицее.

Мы остановились в Бейруте дней на десять, а Н<иколай> В<асильевич> с Крутовым, в сопровождении Базили, отправились[6] в Иерусалим, и выехали[7] оттуда ранее нашего приезда[8] в Эль-Кудс (Иерусалим). Куда знаменитый наш поклонник иерусалимской святыни отправился из св. Града — я не знаю, знаю только то, что в это время в Н<иколае> В<асильевиче> совершился известный переворот в образе его мыслей, на что указывало его путешествие к св. Местам Палестины и его меланхолическое настроение, столь не гармонировавшее с духом его первых гениальных юмористических произведений»[9].

В. Б. Бланк[10] вспоминал: «В Бейруте мы получили полуофициальное известие из посольства[11], что к нам едет писатель Гоголь, и чтобы консульство постаралось быть ему полезным во время путешествия его в Иерусалим и пребывания в Бейруте. Базили был ему товарищем по Нежинскому лицею и по приезде его в Бейрут сопровождал его до Иерусалима»[12].

[1] См. ***1848. Февраля 6 <18>. Пятница. Иерусалим; 1849. Июня 5. Воскресенье. Москва, Остафьево.***

[2] *«Секретно.*
Пол<учено> 30 января <11 февраля (н. ст.) 1848 г.>
<Текст печатного бланка:>
Министерство Иностранных дел
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ МИССИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
<Рукописный текст:>
№ 28.
Января 22 дня 1848 года.
Его Высокобл<а>г<о>р<о>дию К. М. Базили.
Милостивый Государь, Константин Михайлович.

Я уже имел случай доверительно сообщить Вам копию с Инструкции, коею по *Высочайшему* повелению снабжен в С<анкт>-Петербурге Архимандрит Порфирий. — Из оной Вы знаете, на каких основаниях учреждается на первый раз Российская духовная Миссия в Иерусалиме, и какой предоставлен ей круг действия. — А потому не входя по сему предмету в подробности, я ограничусь извещением Вас, что о. Порфирий снабжен от С<анкт>-Петербургского Митрополита <Антония (Рафальского)> рекомендательным письмом к Патриарху Иерусалимскому <Кириллу>, с изъяснением, что сей Архимандрит, посетив Восточные Святыни, пожелал туда возвратиться и пробыть при Св<ятом> Гробе несколько лет, что Св. Синод благословил его на то и воспользовался случаем, дабы отпустить с ним Иеромонаха Феофана и двух воспитанников С<анкт>-Петербургской Семинарии Соловьева и Крылова, разделяющих такое богоугодное желание; что вследствие сего Архимандрит и его спутники поручаются покровительству Патриарха и Святогробской братии, с просьбою облегчить временное их жительство в Иерусалиме, допускать их к совершению в Святом Граде Богослужения и вообще принять их сообразно тем чувствам взаимной любви, доверия и братства, какие всегда существовали между Российскою и всеми восточными Церквами.

Согласно сему, после неоднократных встреч с О<тцом> Порфирием, которые доставили мне повод изустно развить и подтвердить сему духовному лицу правила осторожности, преподанные в инструкции высшего Начальства, он отправляется ныне в Бейрут, и если там Вас не застанет, встретится, конечно, с Вами в Иерусалиме. — Затем я покорно прошу Вас, Милостивый Государь, приложить заботливость, дабы он встретил от Патриарха Кирилла и Святогробской Братии благоприятный прием и между прочим получил приличное помещение для себя и для находящихся при нем лиц. — Вообще Вам предстоит стараться, во всем, что входит в круг Ваших занятий, содействовать успеху благой цели, какую Правительство и Церковь имеют в виду.

Я вполне уверен, что по чувствам благочестия Вы исполните сию обязанность с привычным Вам усердием к совершенному удовольствию Начальства, соблюдая с О<тцом> Архимандритом самые дружелюбные отношения. В таком убеждении прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Титов»

(*АВПРИ*. Ф. 208. Оп. 819. Д. 9. Receptions <Входящие> 1848. № 1–66. Л. 96, 103; *Свод*. Т. 3. С. 620).

В настоящее письмо вложена (л. 97–102) «Копия Инструкции Архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим», с указанием «состоять там не иначе как в качестве поклонников» в течение трех лет и извещением о «разрешении Блаженнейшего Патриарха <Иерусалимского Кирилла> служить Литургию на Славянском языке» (л. 98). Кроме того, в инструкции поясняется, что «отправляемые на первый раз воспитанники Духовно-Учебных заведений должны исполнять звание послушников» (л. 97–97 об.).

[3] См. ***1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Воскресенье-понедельник. Смирна.***

[4] В Смирне миссия, возглавляемая о. Порфирием, с одного парохода перешла на другой, на борт которого поднялся также Гоголь; отплытие парохода «Истамбул» из Смирны состоялось, по-видимому, на следующий день, 26 января / 7 февраля 1848 г. (см. ***1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Воскресенье-понедельник. Смирна***).

[5] Епископ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. СПб., 1896. Т. 3. С 1 января 1846 по 20 марта 1850 г. С. 177, 190, 192; *Свод*. Т. 3. С. 621.

[6] См. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут.***

[7] См. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим.***

[8] 17/29 февраля 1848 г. (см.: Хроника первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Сост. М. И. Щербакова // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. М.; Иерусалим, 2012. № 1. Ч. 1. С. 24; В преддверии Русской Палестины. Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1847–1854 / Сост., подготовка текста, коммент. и вступ. ст. М. И. Щербаковой. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Иерусалим; Москва, 2017. С. 68). На самом деле Гоголь и Базили в то время еще находились в Иерусалиме.

[9] *Протоиерей Петр Соловьев*. Встреча с Гоголем в 1848 г. // *Свод*. Т. 3. С. 619.

[10] Василий Борисович Бланк (1821–1897); в 1831 г. поступил в 1-ю Петербургскую гимназию; в начале 1846 г. окончил Петербургский университет и поступил в Институт восточных языков и на службу в Министерство иностранных дел. В конце 1846 г. получил назначение в Турцию. На службе в Бейруте был до конца 1849 г.

[11] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[12] *Бланк В. Б.* Воспоминания // *Свод.* С. 621–622.

ЯНВАРЯ 31 <ФЕВРАЛЯ 12>. СУББОТА. БЕЙРУТ

Предположительно в этот день (на следующий день по своем прибытии в Бейрут[1]) Гоголь вместе с М. И. Крутовым в сопровождении К. М. Базили выехал в Иерусалим, избрав дорогу по берегу Средиземного моря — через Сидон, Тир, Акру[2] и Яффу[3] (минуя Назарет[4]). (В дороге Гоголь читает, в рукописи, книгу Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях»[5].)

Ранее, 28 декабря (н. ст.) 1847 г., Гоголь обращался к А. А. Иванову: «Поклонитесь от меня Бейне и расспросите его, как он ехал из Байрута в Яффу, а из Яффы в Иерусалим»[6]. 13 января (н. ст.) 1848 г. К. А. Бейне сообщал Гоголю: «...Я знаю дорогу из Бейрута в Яффу только по рассказам... <...> На парусном судне можно приехать из Бейрута в Яффу в 24 часа, и то с попутным ветром, но это риск».

Незадолго перед тем, 6 января (н. ст.) 1848 г., Базили также писал Гоголю: «Как бы то ни было, а если приедешь позже и не застанешь меня ты здесь, в Бейруте, в Яффе и в Иерусалиме найдешь прием отличный и радушный — в том тебе ручаюсь. <...> Из Бейрута на лодке переедешь в Яффу — это стоит безделицу. Из Яффы нужна лошадь для тебя и разве лошадь для поклажи, буде есть поклажа, чтобы в один день переехать в Иерусалим»[7].

Однако, судя по рассказу Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г., он, вместе с Базили и Крутовым, отправился из Бейрута в Яффу не морским, а сухопутным путем (возможно, из опасения морской болезни[8]): «Видел я как во сне эту землю. Подымаясь с ночлега до восхожденья солнца, садились мы на мулов и лошадей в сопровожденьи и пеших и конных провожатых; гусем шел длинный поезд через малую пустыню по мокрому берегу или дну моря, так что с одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиные копыта, а с другой стороны тянулись пески или беловатые плиты начинавшихся возвышений, изредка поросшие приземистым кустарником; в полдень колодец, выложенное плитами водохранилище, осененное двумя-тремя оливами или сикоморами. Здесь привал на полчаса и снова в путь, пока не покажется на вечернем горизонте, уже не синем, но медном от заходящего солнца, пять-шесть пальм и вместе с ними прорезающийся сквозь радужную мглу городок, картинный издали и бедный вблизи, какой-нибудь Сидон или Тир. И этакий путь до самого Иерусалима».

Спустя несколько дней, 7 февраля 1848 г., такую же дорогу из Бейрута в Иерусалим — по берегу моря — избрал архимандрит Порфирий (Успенский). Вскоре по прибытии в Иерусалим[9], 21 февраля 1848 г., он сообщал К. С. Сербиновичу в Петербург: «В седьмой день февраля мы отправились из Бейрута в Иерусалим по прибрежью Средиземного моря и благополучно прибыли в св. Град, проведши в пути одиннадцать дней. <...> На другой день по прибытии в Иерусалим мы сподобились таинственно осязать Господа нашего Иисуса Христа на Голгофе и у Его живоносного Гроба... <...> Блаженнейший патриарх иерусалимский <Кирилл> <...> поместил нас на время в монастыре св. Гроба, в прекрасных келлиях, кои сам он занимал прежде, когда был еще наместником патриаршим. <...> Не таим <...> благочестивого содействия нам генерального консула г. Базили, который пред нашим приездом прибыл в св. Град и беседовал о нас с его блаженством»[10].

[1] См. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут.***
[2] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут.***
[3] См. ***1848. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Яффа.***
[4] Ср. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим***; ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет.***
[5] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (письмо Гоголя к В. А. Жуковскому).
[6] См. ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь.***
[7] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут.***

[8] См. ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[9] 17 февраля 1848 г. (см. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут*** – примечания).

[10] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 226–227.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ЯФФА

Предположительно в этот день Гоголь и К. М. Базили проездом в Иерусалим находятся в Яффе[1]. Вероятно, Гоголь пожертвовал здесь денежную сумму на пособие бедным паломникам, следующим к Святым Местам. (О намерении сделать такое пожертвование Гоголь писал в *Предисловии*[2] к «Выбранным местам из переписки с друзьями», датированном июлем 1846 г.[3])

Позднее, 26 мая 1848 г., князь Ал. М. Дондуков-Корсаков[4] отправил российскому вице-консулу в Яффе Н. С. Марабути послание из Бейрута, из содержания которого явствует, что Марабути, издержавший в конце февраля – марте 1848 г. на нужды паломников около 9 рублей серебром, располагал в числе других денег некоторой суммой, пожертвованной Гоголем.

Дондуков-Корсаков писал Марабути: «На днях получил я <...> донесения Ваши <...>, равно как и бумагу о выданных пособиях бедным поклонникам. <...> ...Согласно желанию Вашему, наличность израсходованной Вами суммы, а именно 1815 турецких пиастров[5], была мною выдана поверенному Вашему драгоману Генерального Консульства Хабибу Бустрасу, которому переданы вместе с тем 161 пиастр[6], издержанных на пособие бедным поклонникам и следующих к возврату из суммы, пожертвованной г. Гоголем»[7].

Ранее, в письме к Гоголю в Неаполь от 25 декабря 1847 г., Базили писал: «В Иерусалиме поживешь у патриарха, сколько захочешь, и тем же церемониалом поедешь назад. Насчет расходов видишь, что необходимых весьма немного, а что, как и почему захочешь дать потом и прочим в Иерусалиме, об этом подробно объяснишься с домашним вице-канцлером <вице-консулом> в Яффе <Н. С. Марабути>, человеком действительно почтенным, коему уже ты рекомендован»[8].

Два года спустя, 28 февраля 1850 г.[9], Гоголь в письме В. А. Жуковскому вспоминал: «...В Яффе небольшое количество дерев [необыкновенного роста, незнакомые европейцу] ломится от тягости плодов, поражая красотой своего роста».

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «Гоголя никогда не оставляла мысль о задуманном им давно уже путешествии в Иерусалим. Наконец наступило время совершить его. Сведения мои об этом благочестивом подвиге поэта ограничиваются, покаместь, только тем, что он совершил переезд через пустыни Сирии в сообществе своего соученика по гимназии Б<азили>, – того самого, с которым хотел стреляться на пистолетах без курков[10]. Б<азили>, занимая значительный пост в Сирии, пользовался особенным влиянием на умы туземцев. Для поддержания этого влияния он должен был играть роль полномочного вельможи, который признает над собой только власть "Великого Падишаха". Каково же было изумление арабов, когда они увидели его в явной зависимости от его тщедушного и невзрачного спутника! Гоголь, изнуряемый зноем песчаной пустыни и выходя из терпения от разных дорожных неудобств, которые, ему казалось, легко было бы устранить, – не раз увлекался за пределы обыкновенных жалоб и сопровождал жалобы такими жестами, которые, в глазах туземцев, были доказательством ничтожности грозного сатрапа. Это не нравилось его другу; мало того: это было даже опасно в их странствовании через пустыни, так как их охраняло больше всего только высокое мнение арабов о значении Б<азили> в Русском государстве. Он упрашивал поэта говорить ему наедине что угодно, но при свидетелях быть осторожным. Гоголь соглашался с ним в необходимости такого поведения, но при первой досаде позабыл дружеские условия и обратился в избалованного ребенка. Тогда Б<азили> решил вразумить приятеля самим делом и

принял с ним такой тон, как с последним из своих подчиненных. Это заставило поэта молчать, а мусульманам дало почувствовать, что Б<азили> все-таки полновластный визирь "Великого Падишаха", и что выше его нет визиря в Империи»[11].

[1] См. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут*** (примечания); ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***.

[2] «...Все деньги, какие превысят издержки на предстоящее мне путешествие, будут обращены, с одной стороны, в подкрепление тем, которые, подобно мне, почувствуют потребность внутреннюю отправиться к наступающему Великому Посту во Святую Землю и не будут иметь возможность совершить его одними собственными средствами, с другой стороны — в пособие тем, которых я встречу на пути уже туда идущих и которые все помолятся у Гроба Господня за моих читателей, своих благотворителей». — См. также ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. ***1846. Июля до 30 <июня вторая половина — июля до 18>. Карлсбад — Швальбах***.

[4] Князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков (1822–1894), камергер, действительный статский советник, член Смоленского окружного суда. См. также: «Министерство Иностранных Дел. <...> ...Находятся в Ведомстве Министерства: <...> В чужих краях: <...> Чрезвычайные Посланники и Полномочные Министры: <...> В Константинополе: <...> ...Испр<авляющий> д<олжность> К<оллежского> С<е>к<ретаря> Кн<язь> Ал<екс>ей Мих<айлович> Дондуков-Корсаков» (Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1848 год. СПб., <1848>. Ч. 1. С. 134). По свидетельству В. Б. Бланка, во время отъездов К. М. Базили из Бейрута в связи с болезнью жены (Маргариты Александровны; ум. в 1848), временно замещал его на посту генерального консула в Сирии и Палестине либо сам В. Б. Бланк, либо третий секретарь русского консульства в Константинополе князь Дондуков-Корсаков — «сын попечителя Петербургского учебного округа <князя М. А. Дондукова-Корсакова (1794–1869)>» (Воспоминания Василия Борисовича Бланка (1831–1848) // Русский Архив. 1897. № 10. С. 185–186, 207, 216–217, 223).

[5] Т. е. около 104 рублей серебром; российский серебряный рубль составлял в то время 17 ½ пиастров (см.: *АВПРИ*. Ф. 208. Оп. 819. Ед. хр. 460. Л. 227).

[6] Ооколо 9 рублей серебром.

[7] *Свод*. Т. 3. С. 623–624).

[8] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***.

[9] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***.

[10] См. ***1824. Январь. Нежин***.

[11] Воспоминания К. М. Базили в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 543–544.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], графиня Анна М. Виельгорская получила в этот день письмо Гоголя с о. Мальты[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 442.

[2] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***.

ФЕВРАЛЯ 3 <15>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю ответное[1] письмо (адресует письмо в Неаполь[2]):

«Вчера <...> получила письмо ваше от 12 генваря и тотчас отвечаю... <...> Препоручение ваше выполню — отслужить молебен на путешествие, и по присланной от вас записке сама буду молиться о возлюбленном и незабвенном Николае Васильевиче... <...> Смущение и уныние вредит спасению, а молитва выводит на дорогу и приводит туда, куда всей душею и всегда стремиться должно, а с Ним и в Нем, Премилосердном, повсюду хорошо, ничто не тревожит отвергнувшего<ся> собствен-

ной воли и покорившегося Его святой воле, все на пользу, на пользу души нашей употребляющей. Ох, как милосерд Господь, да Сам Он нам поможет это чувствовать и благодарить[3], и тогда легко вздохнем к Отцу, где во всякое время и среди печали тяжкой душа скорбная найдет отдохновение. <...> По обещанию вашему еще жду от вас письма, а вперед <...> подписывайте в *Рузу* Московской губернии».

[1] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[2] См. ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. С. Покровское.***

[3] Ср. в отдельном наброске Гоголя: «Одно только здесь ясно, что крест дан Тем, Кто дает одно благо, благо в разных видах, или в виде ясного, понятного нам счастия, или в виде тяжкого, непостижимого для нас страдания. В таком убеждении великая сила; но и эту силу мы получаем от Бога».

ФЕВРАЛЯ 4 <16>. СРЕДА. ИЕРУСАЛИМ

Предположительно в этот день Гоголь и К. М. Базили прибыли из Яффы в Иерусалим.

Согласно заметке в гоголевской записной книжке 1846–1850 гг., вероятно, в тот же день в храме, по прошению Гоголя, был отслужен благодарственный молебен «о благополучном прибытии».

Из записной книжки Гоголя: «Николай Гоголь — в Св. Граде».

Незадолго перед тем Гоголь в той же записной книжке пометил:
«Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>:
<Протоиерея> Матвея Александр<овича> <Константиновского>,
Надежду Николаевну Ш<еремете ву>,
Всю родную семью мою,
Александру Осиповну С<мирнову>,
Степана Петровича Шев<ырева>,
Михаила Петров<ича> Погод<ина>,
Александра Петровича Толстого,
Петра Александровича Плетнева,
Василия Андреевича Жуков<ского>,
Вьельгорских,
Аксаковых
и всех близких сердцу друзей и благодетелей.
Батинков[1]... <...>

В Иерусалиме:

Молебен о благополучном прибытии.
Перечесть всё, о чем хотелось просить.
Купить крестики из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем[2].
Писать письма: домой[3], Матвею Александр<овичу>, Надежде Никол<аевне>[4] и Жуковскому, Толстому[5]; вторые: Шевыреву[6] и в нем Малиновск<ому>[7] — к Плетневу»[8].

В тот же день, 4 февраля 1848 г., Гоголь, согласно указанной памятке в записной книжке (отправить по приезде в Иерусалим пять писем — к матери и сестрам, к протоиерею Матфею Константиновскому, к Н. Н. Шереметевой, к В. А. Жуковскому и к графу А. П. Толстому), написал письма к о. Матфею во Ржев и к Жуковскому во Франкфурт (датировка писем уточнена).

Судя по содержанию всех посланий, намеченных прежде Гоголем к исполнению в его записной книжке (за исключением ненаписанного письма к Толстому), они действительно были отправлены вскоре по прибы-

тии в Иерусалим. При этом Гоголь, датируя письма к родным[9], к о. Матфею и к Жуковскому, по-видимому, ошибочно принял новый стиль за старый (как это он уже не раз делал ранее[10]). Письмо к матери и сестрам датировано: «1848. Иерусалим. Февраля 17/29»; к о. Матфею — «Иерусалим. Февраля 28/16»; к Жуковскому — «1848. Иерусалим. Февраля 28/16»[11]. Письмо к Шереметевой[12] было, очевидно, датировано новым стилем: «1848. Иерусалим. Февраля 17».

Из письма к о. Матфею: «Пишу к вам с тем, чтобы сказать вам, что я здесь. Молитвами вашими, молитвами людей, угождающих Богу, я прибыл сюда благополучно. У Гроба Господня я помянул ваше имя; молился как мог моим сердцем, не умеющим молиться. Молитва моя состояла только в одном слабом изъявлении благодарности Богу за то, что послал мне вас, бесценный друг и богомолец мой. Ваши письма мне были очень нужны: они заставили меня получше осмотреть себя и разобрать строже свои действия. Приймите же еще раз мою благодарность отсюда, из этого места, освященного стопами Того, Кто принес нам искупленье наше. Рад буду несказанно, если в июле или в августе обниму вас лично. <...> Не позабывайте меня в молитвах ваших».

Из письма к Жуковскому: «Пишу к тебе несколько строчек, бесценный друг. И я, по примеру многих других, удостоился видеть место и землю, где совершилось дело искупленья нашего. Прибыл я сюда благополучно, без всяких затруднений, едва приметивши, что из Европы переступил в Азию, почти без всяких лишений и даже без утомленья. Уже успел произнесть твое имя у Гроба Господня. О! да поможет нам Бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведенье творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святого Евангелия Своего! Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили[13], с которым и прибыл сюда и который, будучи нашим генеральным консулом в Сирии, заведывает [всеми] делами Иерусалима. <...> Если Бог не будет вопреки желанью, то увидимся в Москве и заживем вблизи друг от друга. Если захочется тебе написать несколько строк о себе (которых жажду) прежде июля, надпиши на пакете: в Полтаву; если после июля, то в Москву, на имя Шевырева, в университете. Обнимаю тебя крепко вместе с доброй твоей супругой и милыми малютками[14]. Рейтернам душевный поклон! <...> Базили просит передать тебе свой поклон. Он написал преудивительную вещь, которая покажет [всей] Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием: “Сирия и Палестина”[15]. Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края».

И. Д. Халчинский, встретившийся с Гоголем в Константинополе на праздник Пасхи 1848 г.[16], вспоминал: «В 1854 <в 1848>[17] году он <Базили> приступил к изданию большого исторического сочинения о Сирии и Палестине, в трех частях, которое было читано в рукописи старыми товарищами его по гимназии Н. В. Гоголем и Н. Я. Прокоповичем. Н. В. Гоголь несколько месяцев гостил в Сирии в доме своего товарища, путешествовал с ним в Галилее и в Иерусалим, вместе с ним возвратился в Россию, и был в постоянной с ним переписке. Он отзывался о новом труде Константина Михайловича как о книге, которая займет весьма почетное место в нашей ученой литературе и по предмету, и по увлекательности слога и изложения»[18].

Два года спустя, 28 февраля 1850 г.[19], Гоголь писал Жуковскому: «Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины... <...> Что могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю, когда всё уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие Евангельское и без того уже обстанавливается [в уме нашем] в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне видимые местности, обнаженные, мертвые? Что могут сказать, например, ныне места, по которым прошел *скорбный путь Спасителя* ко кресту, которые все теперь собраны под одну крышу храма, так что и Св<ятой> Гроб, и Голгофа, и место, где Спаситель показан был Пилатом народу, и жилище архиерея, к которому он был проводим, и место нахождения животворного креста — всё очутилось вместе? Что могут все эти места, которые привыкли мы мерять расстояниями, произвести другого, как разве только сбить с толку любопытного наблюдателя, если только они уже не врезались заблаговременно и прежде в его сердце и в свете пламенеющей веры не предстоят ежеминутно перед мысленными его очами? Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконеч-

ные серые волны взбугрившегося моря? Всё это, верно, было живописно во времена Спасителя, когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа, но теперь, когда редко-редко где встретишь пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом зелени своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют [посреди серизны] посреди этого обнаженного, неровного поля каменьев, да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадется где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняный горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека, как узнать в таком виде землю млека и меда?»

Слова Гоголя о временах, «когда вся Иудея была садом и каждый еврей сидел под тенью им насажденного древа», перекликаются с его выпиской из книги И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837. Вып. III. С. 130, 133), заключающей, согласно ее заглавию, описание обрядов *Троицына дня:* «Развиванье и пусканье на воду венков, украшенье древесными ветвями и цветами храмов перешло из ветхозаветной Церкви в память Синайского законоположения, потому что в то время все зеленело и цвело, когда даны были Богом заповеди на Синае <Исход, гл. 33, ст. 3>. (Иудеи также в праздник жатвы, которая оканчивалась в Палестине в половину Сивана (Сиван — месяц, соответствует маю. — *И. В.*), приносили благодарение Богу за новые плоды земные, <а> праздник кущей совершали под тенью древесною)» (записная книжка 1846–1850 гг.).

Примечательно, что далее речь в гоголевской выписке из книги Снегирева идет уже о тех чертах народного празднества, которые берут свое начало в язычестве: «С венками на голове водят хороводы и круги по всем рощам; в иных местах, держась за платки в руках, тихо движутся вокруг, а вокруг стоят женихи, высматривая невест» (ср. с соблазнами Селифана в 1-й главе второго тома «Мертвых душ»). Та же мысль — об искажении христианского торжества в народном праздновании — сквозит в другой, более ранней заметке Гоголя «Праздники» — из записной книжки 1841–1844 гг. (сходное упоминание о «хороводах» в *Троицын день).* (Сходно и отношение Гоголя к изданному впервые в 1849 г. «Домострою»[20].)

Любопытно, что И. С. Аксаков, узнав, что Гоголь собирается на Афон и там будет оканчивать «Мертвые души», 9 июля 1850 г. писал родным: «...Как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость по-моему: середи строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.»[21] Очевидно, однако, что Гоголь намеревался изобразить в своей поэме соблазн именно как соблазн.

Подобным образом в письме к Жуковскому 1850 г. Гоголь также размышляет об ином, Небесном празднике — противопоставляемом всем празднествам земным. Последнее особенно ярко проявляется в строках черновой редакции письма. Извиняясь перед поэтом, что мало рассказал ему о Палестине, Гоголь, оказывается, считает это далеко не случайным, и пишет: «...Точно как с умыслом рука Божья обрекла запустенью все эти места, чтобы *<1 нрзб.>* искать в сердце своем не земного, а Небесного»[22]. (П. В. Анненков, вспоминая о своей последней встрече с Гоголем в Москве осенью 1851 г., в частности, замечал: «...Раз вечером <он> предложил мне прогулку по городу, всю ее занял описанием Дамаска[23], <...> а на вопрос мой: какова там жизнь людей, отвечал почти с досадой: "Что жизнь! Не об ней там думается!"»[24])

Высказанное в письме к Жуковскому стремление Гоголя «искать в сердце своем не земного, а Небесного», находится в прямой связи с его размышлениями об иконе. В первоначальной редакции «Правила жития в мире» (1844)[25] он писал: «Блажен, кто начал свои подвиги прямо с любви к Богу. <...> ...В мире возлюбит он только то, что в нем есть образ и подобие Божие, и земной любви поклонится он не так, как поклонится образу невежественный человек, считая его за Самого Бога. Но как поклонится <образу> <...> просвещенный верою, видящий в нем простое дерево и краски [послужившие для напоминания о Боге], бессильные [к которым прибегнул человек по бессилию своему], и возносящие не к образу, но <к> Самому Богу».

Показательно, что А. А. Иванов, которого в связи с его работой над картиной «Явление Мессии» волновала проблема различия между «иконой и исторической картиной», вероятно, отвечая на какие-то разговоры с Гоголем в Риме, писал ему 20 мая (н. ст.) 1851 г.: «Ведь мы уже мало-помалу подходим к последнему вопросу: быть ли живописи или не быть»[26].

Письмо к Жуковскому Гоголь заключал: «Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? <...> Повсюду и на всем видел я только признаки явные того, что все эти ныне обнаженные страны, и преимущественно Иудея (ныне всех бесплоднейшая), были действительно землей млека и меда. По всем горам высечены уступы — следы некогда бывших виноградников, и теперь даже стоит только бросить одну горсть земли на эти обнаженные каменья, чтобы показались на ней вдруг сотни растений и цветов: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено в этих бесплодных каменьях! Но никто из нынешних жителей ничего не заводит, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися в сей пораженной Богом стране».

Гоголь имеет в виду слова Спасителя, сказанные об Иерусалиме: «Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф. 23, 38; Лк. 13, 35) и упоминаемое Им пророчество Даниила[27]: «...И во святилищи мерзость запустения будет, и даже до скончания времене скончание дастся на опустение» (Дан. 9, 27). Опустошение Иерусалима является прообразом грядущей гибели всего мира, отвергнувшего Мессию – Христа[28].

[1] См. ***1847. Вторая половина года. Томск***.

[2] О реликвиях, привезенных Гоголем на родину из Иерусалима, см.: ***1846. Декабря между 25 и 31 <1847. Января между 6 и 12>. Васильевка***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Васильевка***.

[3] См. ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим***.

[4] См. там же.

[5] Письмо не было написано. Позднее, 13 апреля 1848 г. Гоголь сообщал графу А. П. Толстому из Константинополя: «Я не писал к вам потому только из Иерусалима, что не знал, где вы» (см. ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь***).

[6] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***.

[7] Вместо письма к Малиновскому Гоголь написал для него несколько строк в самом письме к Шевыреву из Бейрута (см. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***).

[8] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут***.

[9] См. ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим***.

[10] См. также ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция*** (примечания).

[11] См. также ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим*** (примечания); ***1848. Февраля 6 <18>. Пятница. Иерусалим***; ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут*** (примечания).

[12] См. ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим***.

[13] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[14] Дети В. А. и Е. Е. Жуковских, дочь Александра и сын Павел.

[15] Книга К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1861–1862. Т. 1–2; 2-е изд. 1875). Гоголь, очевидно, познакомился с сочинением Базили в рукописи в период следования из Бейрута в Иерусалим с 31 января по 4 февраля 1848 г. (см. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут***).

[16] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[17] См. ***1848. Июня 14. Понедельник. Москва***.

[18] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод*. Т. 1. С. 546.

[19] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***.

[20] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[21] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга***.

[22] См. ***1848. Февраля 28. Вторник. Москва***.

[23] См. ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск***.

[24] См. ***1851. Ноября конец. Москва***.

[25] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***.

[26] См. ***1851. Мая 20 <8>. Вторник. Рим***.

[27] С житием св. пророка Даниила и св. трёх отроков, Анании, Азарии и Мисаила (600 г. до Р. Х.), в частности, связан один из набросков Гоголя по истории древнего мира, датируемый 1832–1833 гг. «Кир. Завоевания быстрые, ненасытные...» С еще одним пророчеством Даниила (Дан. 2, 31–45) связан замысел статьи Гоголя «Жизнь», изображающей падение языческих царств пред лицом грядущего Царства Спасителя.

[28] См. также ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 4–29[1] <ФЕВРАЛЯ 16 – МАРТА 12>. ИЕРУСАЛИМ, ВИФЛЕЕМ, Р. ИОРДАН, ИОСАФАТОВА ДОЛИНА, МАСЛИЧНАЯ (ЕЛЕОНСКАЯ) ГОРА, ИЕРУСАЛИМ

Гоголь говеет (готовится к принятию Святых Христовых Таин)[2]; совершает паломничества по Святым Местам.

Два года спустя, 28 февраля 1850 г.[3], Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Представь же себе посреди такого опустения[4] Иерусалим, Вифлеем[5] и все восточные города[6], похожие на беспорядочно

сложенные груды камней и кирпичей; представь себе Иордан[7], тощий посреди обнаженных гористых окрестностей, кое-где осененный небольшими кустиками ив; представь себе посреди такого же опустения у ног Иерусалима долину Иосафатову[8] с несколькими камнями и гротами, будто бы гробницами иудейских царей. Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звезды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, [в Иерусалиме] в стенах иерусалимских страшный день Крестной Смерти при помраченьи всего вокруг и землетрясеньи или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится всё окружающее, и нынешнее и минувшее? <...> Как сквозь сон, видится мне самый Иерусалим с Элеонской горы, — одно место, где он кажется обширным и великолепным: поднимаясь вместе с горою, как бы на приподнятой доске, он выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшие выбеленные выпуклости на их плоских крышах кажутся бесчисленными куполами, которые, отделяясь резко своей белизной от необыкновенно синего неба, представляют вместе с остриями минаретов какой-то играющий вид. Помню, что на этой Элеонской горе[9] видел я след ноги Вознесшегося, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты»[10].

[1] См. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим***.

[2] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***. — См. также ***1848. Февраля 23 <марта 6>. Понедельник. Иерусалим***.

[3] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***.

[4] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***.

[5] Возможно, в самом Вифлееме Гоголь приобрел «коробочку-реликварий с изображением Благовещения» и «образок "Распятие с предстоящими"» (см. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Васильевка*** — примечания).

[6] См. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут***; ***1848. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Яффа***; ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет***; ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск***.

[7] См. также ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет*** (примечания).

[8] «Яко се, Аз во дни тыя и во время оно, егда возвращу пленники Иудины и Иерусалимли, и соберу вся языки, и сведу я на юдоль Иосафатова, и рассуждуся с ними ту о людех моих и о наследи моем Израилли, иже рассеяшася во языцех, и землю Мою разделиша. <...> Да востанут и взыдут вси языцы на юдоль Иосафатову, яко тамо сяду рассудити вся языки, иже окрест» (Иоил. 3, 1–2).

[9] Имеется в виду средняя, самая высокая из трех вершин Елеонского кряжа — гора Вознесения Господня.

[10] Игумен Даниил «видел здесь еще две стопы (в XII в.), но позже мусульмане высекли из скалы одну стопу и перенесли ее в мечеть Ель-Акса, где этот след и сохраняется поныне» (*Леонид (Кавелин), архимандрит*. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008. С. 202).

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. ИЕРУСАЛИМ

Гоголь, согласно памятке в записной книжке[1], отправляет в Васильевку письмо к матери и сестрам — Анне, Елисавете и Ольге, а также письмо в Москву к Н. Н. Шереметевой.

Датируя письмо к родным, Гоголь, вероятно, ошибочно принял новый стиль за старый: «1848. Иерусалим. Февраля 17/29»[2]. Письмо к Шереметевой датировано новым стилем: «1848. Иерусалим. Февраля 17».

Из письма к родным: «Несколько строк вам из Иерусалима. Благодаря Бога, я прибыл сюда благополучно. Молился кое-как о себе, о вас же поручил молиться тем, которые умеют получше моего молиться. Пробуду здесь недолго и, если только благословит Бог, то, может быть, в июне или июле месяце загляну к вам в Малороссию. А вы попрежнему не переставайте молиться обо мне. Напоминаю вам об этом потому, что теперь более, чем когда-либо, чувствую бессилие моей молитвы. [Сердце черство и душа холодна]».

Из письма к Шереметевой: «Уведомляю вас, добрый друг Надежда Николаевна, что я прибыл сюда благополучно. Помянул у Гроба Господня ваше имя. Примите от меня отсюда, из этого святого места, благодарность за ваши молитвы. <...> Молитесь теперь о благополучном моем возвращении в Россию и о деятельном вступленьи на [мое] поприще с освеженными и обновленными силами. Летнее время проведу в Малороссии, а в августе месяце, может быть, загляну и в Москву».

[1] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[2] См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (примечания); ***1848. Февраля 6 <18>. Пятница. Иерусалим***; ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], С. П. Шевырев вечером этого дня получил письмо Гоголя из Мальты[2], с вложением письма к Н. Н. Шереметевой[3].

[1] См.: *Городецкий*. С. 469.

[2] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта.***

[3] См. также ***1848. Февраля 9 <21>. Понедельник. Москва***; ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. ПЯТНИЦА. ИЕРУСАЛИМ

Гоголь отправляет в Бейрут письмо к жене К. М. Базили, Маргарите Александровне (датировка письма уточнена; по-видимому, Гоголь датировал письмо — «18 февр<аля>» — новым стилем[1]):

«Вам незнакомою рукою пишу к вам несколько строчек. Вы видите, какая скверная рука и притом ошибка на всяком слове, а между тем строки эти пишет человек вам [уже] знакомый[2], вас искренно полюбивший и в прибавку ко всему прочему довольно известный литератор. Всё совершенно обстоит благополучно. Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслажденьем. Супруг ваш здрав с головы до ног, но навьючен [как верблюд] депешами, донесеньями, отношеньями и всякими переписками, и я, обрадовавшись этому случаю, решился к вам написать, вместо него, сие маранье. Прощайте. Хотел распространиться, но Константин Михайлович [супруг ваш] торопит».

Сам К. М. Базили к этому письму сделал приписку:

«Слава Богу, здоров. Поздравляю с отпуском[3], но решительно некогда писать».

[1] См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (примечания); ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут*** (примечания).

[2] См. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут.***

[3] Речь идет об отпуске К. М. Базили, получив который, он с женой отправился в Россию вместе с Гоголем (см. ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут***).

ФЕВРАЛЯ 9 <21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Н. Н. Шереметевой:

«Н. В. Гоголь поручает мне передать Вам это письмецо[1] и к этому прибавляет: “Поблагодарите, пожалу<й>ста, добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во все это время и

писала ко мне беспрестанно, несмотря на то, что отвечал ли я или не отвечал на ее письма"[2]. Передавая Вам поручение нашего общего друга, который пишет из Мальты на пути ко Гробу Господню и просит молитв о себе, с истинным почтением <...> имею честь быть Вашим <...> покорнейшим слугою...».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 102.

[1] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***; ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Москва.***
[2] Из письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 23 января (н. ст.) 1848 г. из Мальты.

ФЕВРАЛЯ 11 <23>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет П. Я. Чаадаеву в Москву:

«Да пошлите же мне вашу обсуждаемую записку по поводу Гоголя[1]. Что касается ее, я очень любопытен и очень заинтересован с ней ознакомиться и нисколько не хочу оставить ее незамеченной».

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 849.

[1] См. ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 13 <25>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. С. Хомяков сообщает А. Н. Попову в Петербург:

«Гоголь едет в Иерусалим и теперь уже в море. Он писал из Мальты»[1].

Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 197.

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 23 января (н. ст.) 1848 г. (см. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***; ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 13 <25>. ПЯТНИЦА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю ответное[1] письмо (письмо посылает С. П. Шевыреву в Москву, для отправления адресату[2]):

«Вчера <...> письмо ваше уже с дороги из Мальты получила. <...> Я недавно была в Москве и имела утешение получить ваше дружеское письмо[3], что вы собираетесь, но до отъезду еще напишете. Я, прочтя ваше письмо, тот же день вам отвечала[4] и отправила в Неаполь, но получа вчера от почтенного Степана Петровича ваше письмо, вижу, что вы в генваре оставили Неаполь. По тому письму исполнила <...> ваше поручение, служила молебень на путешествие, да благословит Господь путешествование ваше... <...> Если вы без Товарищей поехали, не смущайтесь, мой друг, сим; предавшись Богу и Отцу, вы не одни. <...> Прощайте, мой друг, мой сын возлюбленной, прощайте, обнимаю, благословляю вас с нежностию матери».

В тот же день в ответном[5] письме к Шевыреву Шереметева писала:

«Чувствительно благодарю почтеннейшего и истинно мною уважаемого Степана Петровича за письмо ваше и за доставление от Николая Васильевича[6]; я уже в деревне получила, да благо-

словит Господь путешествие его и по благости Своей поможет ему свершить оное в чувствах Ему, премилосердному Отцу нашему, угодных. <...> Я недавно была в Москве и получила от Николая Васильевича письмо[7], что он собирается в путь и до отъезда еще писать будет. Я тот же день к нему отвечала и отправила в Неаполь 3 фев<раля>[8], а он в генваре выехал, управи, Господи, и сей и все пути его жизни. <...> Теперь позвольте вас попросить; может вам известно где-нибудь на пути его достигнуть, прилагаю к нему несколько строк, сделайте одолжение при письме вашем и мое отправить. <...> Мне жаль, что Николай Васильевич не мог прочесть статью вашу в Москвитянине, ему приятно бы было[9]. <...> Прошу вас, если что узнаете, как вы говорите, о общем нашем друге, сделайте одолженье известить, чем чувствительно обяжете и порадуете»[10].

[1] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта.***

[2] См. ***1848. Февраля 16 <28>. Понедельник. Москва***; ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское.***

[3] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[4] См. ***1848. Февраля 3 <15>. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1848. Февраля 9 <21>. Понедельник. Москва.***

[6] Имеется в виду письмо Гоголя Шереметевой от 23 января (н. ст.) 1848 г. с о. Мальты.

[7] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[8] См. ***1848. Февраля 3 <15>. Вторник. Москва.***

[9] Имеется в виду статья С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями», опубликованная в № 1 «Москвитянина» за 1848 г. (см. ***1847. Декабря 17 <29>. Среда. Москва*** – примечания; ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса*** – примечания).

[10] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 545.

ФЕВРАЛЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет Гоголю ответное[1] письмо в Константинополь[2], с вложением письма Н. Н. Шереметевой из Покровского от 13 февраля 1848 г.[3] (письмо самого Шевырева не сохранилось).

[1] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта.***

[2] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

[3] См. ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. С. Покровское.***

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 4>. СУББОТА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Гриц.* С. 412.

ФЕВРАЛЯ 22 <МАРТА 5>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 412.

ФЕВРАЛЯ 23 <МАРТА 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ИЕРУСАЛИМ

Наместник Иерусалимского патриаршего престола, митрополит Петры Аравийской Мелетий благословляет Гоголя частицей камня от Гроба Господня и частицей дерева от дверей храма Воскресения Господня:

«1848. Февраля 23 во Граде Иерусалиме ради усердию, которую показывал к живоноснаго Гроба Господня и на прочих Святых Местам духовный сын наш Николай Васильевич, в том и благословляю ему маленьгои[1] часть камушка от Гроба Господня и часть дерева от двери[2] храма Воскресения, которая сгорела во время пожара в 1808 се<н>тября 30-го дня. Это частички обе справедливость. Митрополит Петрас Мелетий и наместник Патриарха во святом граде Иерусалиме».

Позднее, 4 мая 1850 г., за три недели до отъезда из Иерусалима (24 мая 1850 г.), князь П. А. Вяземский записал в путевом дневнике: «Наместник Святаго Петра, т. е. митрополит Петры Аравийской, благословил нас крестом с частицею от Животворящего Древа Креста. Он снял его с шеи. Дал еще кусок обгорелый от дверей храма, сгоревших в 1808 году»[3].

[1] Так в источнике.

[2] В источнике: «от твери».

[3] Путешествие на Восток Князя П. А. Вяземского (1849–1850 г.). Издание Графа С. Д. Шереметева. СПб., 1883. С. 81.

ФЕВРАЛЯ 24 <МАРТА 7>. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Мария Ивановна Гоголь пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Наконец я могу написать вам давно желанную благодарность мою за все ваши хлопоты насчет пересылок к нам по порученностям моего сына, которые мы исправно получаем... <...> ...Теперь он вверил себя страшной стихии, чтоб поклониться Святому Гробу Господа нашего Иисуса Христа и испросить прощения как своим грехам, так и ближних своих. Я уверена, что Бог услышит его молитвы, потому что он старается делать Ему угодное и с самоотвержением любит людей, за что верно и его Бог наградит сверх его ожидания еще в этой жизни, да сохранит его Господь от всех бед и возвратит его здорового и счастливого и даст ему силы и возможность весело приняться за труд свой, умоляя Творца нашего, чтоб он был на пользу всех людей».

Свод. Т. 1. 121.

МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 24>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет А. П. Елагиной в Москву:

«...Приложенное письмо, написанное и не посланное Гоголю месяца полтора перед этим[1], я посылаю вам для сообщения его С. П. Шевыреву, издателю Москвитянина: если он найдет его годным для журнала своего, то пускай напечатает[2]. Скажите ему, что я дружески ему кланяюсь. <...> Прошу вас внимательно прочесть письмо к Гоголю и поправить ошибки, чтобы избежать их в печати. Мне самому перечитывать некогда и не хочется. Письмо давно переписано, но я промедлил послать».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 65.

[1] См. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 28 <МАРТА 11>. СУББОТА ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. ИЕРУСАЛИМ

Предположительно в этот день, в субботу первой седмицы Великого Поста, Гоголь, по древнему христианскому обычаю, приобщается Св. Христовых Таин[1]. Причастие совершается у алтаря Гроба Господня.

Ровно два года спустя, в письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. Гоголь писал: «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, — и при всем том я не стал лучшим, тогда как всё земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное»[2].

Ранее, 6 апреля 1848 г., Гоголь писал Жуковскому из Бейрута: «Уже мне почти не верится, что и я был в Иерусалиме. А между тем я был точно, я говел и приобщался у самого гроба святого. Литургия совершалась на самом гробовом камне. Как это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка или вертеп, в котором лежит гробовая доска, не выше человеческого роста; в нее нужно входить, нагнувшись в пояс; больше трех поклонников в ней не может поместиться. Перед нею маленькое преддверие, кругленькая комнатка почти такой же величины с небольшим столбиком посередине, покрытым камнем (на котором сидел ангел, возвестивший о воскресении). Это преддверие на это время превратилось в алтарь. Я стоял в нем один; передо мною только священник, совершавший литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских поклонников, возглашавших «господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходивш<ее> из какой-нибудь другой области. Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного... Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима».

Вероятно, именно эту минуту причастия Св. Таин у Гроба Господня имел в виду Гоголь, когда писал еще две недели спустя, 21 апреля 1848 г., отцу Матфею Константиновскому: «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состояньем сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат. Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искуситель!»

Об этой же «минуте» Гоголь говорил осенью 1848 г. А. О. Смирновой, которая вспоминала: «Он был в Константинополе <...> после путешествия в Иерусалим, но когда я расспрашивала, он мне ничего не рассказал. Таким образом он молчал и о Святых Местах. Только рассказал мне одну ночь, проведенную им в церкви»[3].

Дочь А. С. Хомякова Мария Алексеевна в свою очередь рассказывала, со слов отца, что Гоголь, «ни с кем не говоривший из них об своей поездке в Святую Землю», одной лишь матери, Екатерине Михайловне Хомяковой, «говорил об том, что он там почувствовал»[4].

[1] См. также ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1846. Марта 7 <февраля 23>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1850. Марта 11. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***; ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***.

[2] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***.

[3] См. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск***.

[4] См. *1849. Май — июня первая половина. Москва.*

ФЕВРАЛЯ 28 <МАРТА 11>. СУББОТА ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. МОСКВА

Д. К. Малиновский отправляет Гоголю письмо, начатое 23 ноября 1847 г. (адресует письмо, по-видимому, в Неаполь).

4 октября 1847 г. Малиновский был у Шевырева[1], от которого должен был узнать о пребывании Гоголя в Неаполе, а потому, вероятно, адресовал туда свое письмо.

Из письма Малиновского: «*1847[2] г. Ноябрь, 23[е] число.* <...> Каковы бы ни были мои обстоятельства, прохожу их молча. Для того, чтобы их изобразить, надо написать роман, что я может быть и сделаю со временем. Чтобы показать, напр<имер>, какое глубокое горе могут причинять мне добрые люди, меня окружающие, для этого надобно их воссоздать великому творцу, заставить их жить и действовать... <...> Я... бездолен. <...> Прошу вас поверить, что я точно страдаю. <...> Вокруг меня все пустые люди, которые не спасут, а погубят меня; если есть и хорошие, так на что они мне? Своего существа мне ни один хороший человек не даст и я подле них останусь всегда, как был, вередом[3]. <...> Чего ждать тем, которые меня любят? Я им прежде много насулил, теперь они хоть во многом разочаровались, но все-таки много огорчатся, когда я упаду совершенно. Вы не думайте, чтобы я чего-нибудь хотел, — ничего не хочу; карьер мой, след<овательно>, кончен, остается найти только место трупу, которого еще земля не принимает. <...> Я болен, Николай Васильевич, и сижу в какой-то гуще — право, мне смерть тяжело. Если найдете средство помочь мне, помогите, ради Бога. Не могу кончать письма.

25[е] Ноября. Смотрится на мир скверно. <...> Я желаю жизни и не имею ее, поэтому я желаю смерти и между тем живу. Вот моя жизнь, и эту жизнь должен нести на глазах семьи, которая никогда не будет так умна, чтобы понять меня, и никогда не будет так добра, чтобы отказаться от меня. Могу ли я сам оставить семью свою? Не в силах. <...>

30[е] Ноября. <...> Тот, кто взглянет на мои излияния, очень легко может спросит сам себя: что это такое? бред ли сумасшедшего или хитрость гадкого обманщика? Нельзя верить, чтоб это было правда, нельзя вообразить, чтобы мальчик в двадцать лет был таким несчастным в жизни! Да, простите меня, я не так несчастлив, как описываю себя, я говорю неправду, но слова мои не бред и только похожи на него, и не хитрость, а только, может быть, обман. <...> Николай Васильевич, подлец я, как бы думаете? <...> Если я негодная тварь, что вы мне посоветуете сделать? Ваш Чичиков тоже подлец, но вы заставляете даже других интересоваться им; неужели же человек и художник — две вещи разные? Неужели вы, как человек, плюнете и отвернетесь от того, что влечет вас как художника? <...>

1848[й] год. Февраль, 24[е] число, вторник. <...> Мне приходит в голову, уж не потому ли я перед вами все плакал, что мне нечего было писать? Право, не поэтому ли? Я прочел написанный мною листик и, признаюсь вам, почти не понял, об чем он так мелко исписан. <...> ...Причина бреда состояла в том, что я, недовольный своею деятельностию или, лучше сказать, леностию, хотел всячески оправдаться и перед собою и перед другими, и никак не мог привесть себе хороших оправданий и потому забурлил, забуянил, начал жаловаться на жизнь. <...> Должно, однако, сказать правду, что нужно иметь в запасе много смеху, чтобы пройти, усмехаясь, всю историю моего существа. Заплачешь почти поневоле. <...>

<25 февраля>. <...> Я, Николай Васильевич, человек, испорченный сызмала; порча со временем так развилась, что я мог жить только испорченной стороною, говорить только об себе, об себе говорить — только об том, что я живу дурно. И ни одно раскаяние не приносило плода. <...> В настоящее время здравый смысл во мне пробудился — если только это правда — при самых грязных обстоятельствах, когда уныние мое доходит до того, что я мельком намекаю себе о самоубийстве.

Если я сажусь писать к вам письмо в эти минуты — *точкам* нет конца. Такое небывалое пробуждение во мне бодрого духа меня радует и подает надежду на исправление. Средство к исправлению я знаю, не знаю только сумею ли им воспользоваться.

Я сижу другой год на одном курсе, почти месяц остался до экзамена, а я ни разу не был в университете и ничего не знаю. Болезнь моя особенно проявлялась в мотовстве, и я много задолжал. Вот два обстоятельства, которые или меня сокрушат, или я их сокрушу.

Если меня сокрушит первое обстоятельство, то трудное мое исправление отдалится на огромное расстояние и сделается едва ли возможным. Кроме того, падая, я потрясу основания нашего дома так сильно, что он сам получит большую наклонность упасть. Дом наш состоит из шести особ: из нас, троих братьев, и наших отца, матери и тетки. Отец наш, бывший всю жизнь свою невинным романтиком, не служит более и дает от нечего делать уроки на фортепьяно, мать пополам с горем и грехом занимается хозяйством, которое идет не в большом порядке, тетка ворчит, читает сухую мораль и тратит на нас последние деньги. Это поколение отживает; оно, и прежде не имев возможности управлять ни собой, ни другими, теперь имеет почти только наружное значение, мы должны его покоить и, по-настоящему, доставлять ему жизнь и счастие, которых оно до сих пор не знало. Что же мы делаем? Мы, надежда дома, выросшие и окончательно развертывающиеся семена его, семена здравого смысла, семена добра, что мы делаем? По большей части сеем в доме семена нового беспорядка. Я над молодым пополнением главный по летам и по влиянию, да мог бы быть хорошим кормчим и всему дому, потому что меня слушают и любят. Когда мне было еще 12[ть] лет, я играл в семействе довольно значительную роль резонёра: очень часто я мирил беспрестанные ссоры, которые наши старички таки любили вести. Потом влияние мое усиливалось и наконец сформировалось окончательно, когда я (стыжусь, а признаюсь!) выдержал несколько стычек с матерью и отцом, в которых показался не добрым миролюбцем, а гордым и дерзким властолюбцем. Эти стычки были почти необходимым следствием нашей жизни: я, который несколько раз должен был учить разуму своих родителей, поневоле оскорблялся, когда они меня начинали ему учить... Вступив в юношеский возраст, я не избег искушений дурного общества, от которого меня не догадались предохранять, и, имея над собою почти полную власть, не упускал случая употреблять ее *<1 нрзб.>*, руководимый товарищами и своим ветреным характером. В первых юношеских летах я, хоть и не пристрастился к пороку, но испытал его и даже уже понес дурные плоды его. То, что было всего хуже, заключалось в том, что я не имел более над собой ни своей, ни чужой воли. Могли ли иметь большой успех добрые семена моей нравственности, посеянные во мне в лета детства? Нет; родители мне дали доброту, любовь к нравственности, но не дали мне простого, наружного порядка, недостаток которого скоро привел в беспорядок и все внутреннее мое. С тех пор, привыкнув к проступкам и частому бесплодному покаянию, я и до сих пор не могу исправиться от своей болезни. Говорят, что нужно каяться сердцем; мне, если хочу каяться с пользою, нужно каяться умом: в покаянии должны быть начала исправления, а сердце мой первый враг в исправлении. Кое-как я кончил курс в гимназии (в первых классах я учился прекрасно), поступил в университет, перевелся на другой курс и сижу теперь на нем другой год в большой опасности расстаться с университетом. Курс гимназических наук я знаю довольно хорошо, учить имею способности, у меня были кое-какие уроки, и я приучился мотать. С первого курса я к вам писал[4]. Если вы припомните мои письма, то чрез туман разлитого в них обмана можно однако сообразить, чем я был на нем. Испытав пороки еще в гимназии, на первом курсе я занимался варьяциями на них, чему помогали студенты, жившие у нас в доме. Я начал быть должен... вот гидра, которая теперь надо мною господствует и гнетет донельзя. Я перестал заниматься пьянством и другими художествами, исключительно обратился к мотовству. Пить мне не было ни собственной охоты, ни возможности по причине здоровья, а мотать... о!.. Я мотал везде и всегда, когда и где только мог. Я давал лишний гривенник извощику, лакею... и т. д. Чем более увеличивались мои доходы, тем более росло мотовство, тратить деньги на что бы то ни было стало моею страстию. Теперь эта страсть по наружности изменилась, но в существе... изводит у меня деньги не меньше, если не больше прежнего. Я не мотать люблю теперь, а не по состоянию жить. Я нанимаю, напр<имер>, прекрасного извощика... на него одного уходят почти все добываемые и набираемые мною деньги. С уроков я получаю 2200 р<ублей>, почти столько же, сколько все остальное наше семейство. Но довольно давно уже я не имею возможности тра-

тить, потому что получаемые мною деньги едва ли достают на уплату. По моей милости, слушайте, Николай Васильевич, слушайте, мать моя заложила дом, и дела наши приняли тяжелый оборот... А я бывало... Вот каков я. И, вообразите себе, я еще все мотаю деньги и не занимаюсь делом. А дел у меня довольно. Кроме того, что мне надо в месяц сделать то, что я пропустил в год, на моей ответственности два ученика, мой брат, которого взяли из гимназии и <которого> я готовлю в университет, и еще другой юноша, живущий у нас в доме, за которого я беру 2000 р<ублей>. Средний брат, студент, прекрасный, тихий ребенок, но, глядя на меня, ленится. Я должен теперь: бросить свою трехгодовалую лень и догнать товарищей, подвинуть вперед брата студента, подвинуть другого брата с товарищем — без меня никто не подвинется на волос: у нас в доме все, все ведут жизнь точно так же, как я, словно меня дразнят, кроме одного слуги Максима, который один не соблазняется моим примером и всегда исправен в своих делах. Если я должен буду бросить университет и погублю свой карьер, я погублю карьер моих братьев и отца с матерью, по крайней мере мать одну, приведу к такому горю, которое ее сокрушит и погубит. Вот что будет с нашим домом, если меня сокрушит первое обстоятельство, вот в какой я связи с моим домом и отчего в прошлых письмах плакался на судьбу свою и желал удалиться из семейства: но я удалюсь и оставлю после себя горькие следы. Как же мне воскреснуть? Силы во мне есть все загладить, что я сделал, осчастливить своих близких, но — едва ли найдется воля или уменье ею владеть.

Другое мое обстоятельство — долги. Если я стопою твердою не пойду бороться с ними и не побежу их — я покорюсь и первому обстоятельству. Буду ли я благоразумен, стану ли думать только об лекциях, <когда> на меня пойдет враг, которого я боюсь больше всего — долги? Нет, я лучше брошу университет, пожертвую своею карьерою для того только, чтобы на время развязаться с должниками. <...>

Оставляю поэзию людям счастливым, людям с покойною совестию и душею, я должен не цветочки рвать, не соловья в кустах, под ночным небом, слушать, а, умертвив, стиснув вечную мечту, устремить светильник разума на свои черные дела и, если можно, любоваться ими. Я должен оставить приятные забавы и идти судить преступника, судить самого себя. Пусть встанет, закипит весь человеческий дух, какой во мне есть, пусть он, столько лет поборник добра, закипит негодованием при виде открытого зла, пусть соберет всю свою силу и осудит, разразит лицемерного злодея: ему надо судить самого себя, себя, который читал про добро и мог наслаждаться только добродетелью. “Иди и суди праведно, открыто страшное злодейство”, скажут лицемеру, — о, как он бодро пойдет и сколько великих истин по дороге наскажет; придет, и ему говорят: “вот злодеяние, суди”; он судит мудро, справедливо и горячо, со всею любовию к добру, со всем благородным негодованием на зло; но только он произнес последнее беспристрастное слово суда, ему говорят: “Это все ты, справедливый судья, сделал”[5]: что скажет он?.. О, если б я не знал, что должен судить себя!

28[е] Февраля. <...> Делайте со мной что угодно, кому угодно: я сам ничего не способен с собой сделать. Если вам неприятны мои письма, сделайте, чтоб я не писал. Я отказываюсь защищаться — обвиняйте меня в чем хотите. Вот до какого упадка сил дошел я.

Дайте мне десять миллионов, и я никого не буду беспокоить. Родные мои умрут, а если будут живы, так во мне нуждаться не будут. Я около себя заведу комнаты и все удобства жизни и мои прихоти. Большую темную залу обобью черным бархатом, обложу подушками, в середину поставлю на пол плошку, в трех углах велю играть музыке, а в четвертом лягу сам. Поеду путешествовать везде и в какой-нибудь Америке даже кучер, с которым поеду, не будет знать меня. Залягу в повозку да буду думать, что я и где я и какая во мне нужда людям. Встречу где-нибудь на Ладожском или Онежском или Пейпусеном озере[6] деву с кувшином, коралловыми, ощеренными зубами и проеду ее. Она на меня посмотрит, и я посмотрю ей в глаза и увижу в них то, чего она сама не замечает, смотрит и не знает, что выставляет наружу всю жизнь свою, которой не суждено на земле обнаружиться. Я проеду, мне будет жалко, что ни одно людское участие на мне не останавливается, что я не получил и не получу того, чем может наградить и осчастливить человека человек. Чем это? Э, в людях много скрыто благ, и они иногда, сами не зная, могут быть виновниками счастья или вообще блага. Я бы проехал дальше, там бы еще со мною черт знает что случилось, наконец бы почувствовал, что умираю, и умер бы с какою-нибудь глубокою мыслию и с чертою сумасшествия.

Не годится, Н<иколай> В<асильевич>, писать то, что я пишу, жаль за лишний вес платить, но вы, если и рассердитесь, так, верно, не на то, за что я боюсь, а на то, в чем я всегда найду оправдание. Если вы рассердитесь на то, что, может быть, ошиблись во мне, и на то, что я пустейший человек, я этим не обижусь, если даже решительно узнаю, что мнения вашего мне не переменить. Я сам знаю, что я пустой человек. <...>

Если вам угодно будет ко мне писать, напишите мне ради Бога вот что: 1) Можно ли от меня хоть чего-нибудь ждать и 2) Что мне делать, чтобы исполнить ожидания. Ваша строчка, которая не обнаружит эгоизма, будет для меня весьма полезна и живительна, она заставит кровь мою быть теплее и способнее к жизни. Напишите мне еще, если вам это не во гнев, как должно *писать* и обходить кое-какие из тех недостатков, кои суть во мне. Охота писать развита у меня больше <других> способностей, оттого и малые способности мои плода не приносят. <...>

Я много про себя знаю дурного, чего еще не говорил вам, и в следующем письме, которое придет к вам очень скоро, кончу анализ самого себя. На это письмо не приходите в затруднение писать, я не прошу. Скоро и совсем я не буду просить у вас ответов, потому что потеряю себя из виду и ответам не к кому будет приходить»[7].

[1] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[2] В автографе ошибочно: «1848». Ошибка, вероятно, была допущена Малиновским при переписке письма набело. (О том, что Малиновский перед отправлением переписывал свои письма, свидетельствуют строки его письма к Гоголю от 10 августа 1848 г.; см. ***1848. Августа 10. Вторник.***)

[3] Вред — чирей, болячка.

[4] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***

[5] В бумагах Гоголя сохранился набросок, содержание которого, вероятно, было навеяно письмом Малиновского: «Хуже всего то, что будешь судить самого себя, будешь сам судьей своим. — Да разве это страшно? — О, как страшно! — Не позабудь, что взгляд исполнится проница<тельности> орлиной, а ум полного понятия, справедливого, что ты будешь другим человеком, будешь судить мудро, справедливо и горячо, со всею любовью к добру, со всем благодатным гневом и ненавистью ко злу, и только что произнесешь ты беспристрастное слово суда, тебе скажут: это всё ты, справедливый судья, ты это наделал. А?»

[6] Имеется в виду Чудское озеро (*нем.* Peipus; *эст.* Пейпсиярв).

[7] Письмо, возможно, было получено Гоголем по прибытии в Васильевку 9 мая 1848 г. (см. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка***).

ФЕВРАЛЯ 28 <МАРТА 11>. СУББОТА ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю (письмо было закончено через день, 1 марта 1848 г.[1], в Москве):

«Сегодня по неизреченному Милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин. О вас, мой милый и незабвенный друг, со всею любовию вспоминала. И вот в маие будет шесть лет[2], как мы с вами расстались, и с тех пор всякой раз, когда имела это счастие, тот день к вам писала, как бы сорадоваться с вами блаженству, коим Отец Небесный награждает...»

[1] См. ***1848. Марта 1 <13>. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

ФЕВРАЛЯ 29 <МАРТА 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ИЕРУСАЛИМ

Предположительно в этот день (после приобщения накануне Св. Таин[1]) Гоголь и К. М. Базили выезжают из Иерусалима в Бейрут, избрав для обратного пути новый маршрут, через Назарет[2] и, вероятно, Дамаск[3].

Два года спустя, 28 февраля 1850 г.[4], Гоголь в письме к В. А. Жуковскому вспоминал: «Еще[5] помню вид, открывшийся мне вдруг посреди однообразных серых возвышений, когда, выехав из Иерусалима и видя перед собою всё холмы да холмы, [я уже начал скучать] я уже не ждал ничего — вдруг с одного холма, вдали, в голубом свете, огромным полукружьем предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшего<ся> углом блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватого цвета, дно голубовато-зеленоватого. Никогда не видал я таких странных гор. Без пик и остроконечий, они сливались верьхами в одну ровную линию, составляя повсюду ровной высоты исполинский берег над морем. По ним не было приметно ни отлогостей, ни горных склонов; все они как бы состояли из бесчисленного числа граней, отливавших разными оттенками сквозь общий мглистый голубовато-красноватый цвет. Это вулканическое произведение — нагроможденный вал бесплодных каменьев — сияло издали красотой несказанной. Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни[6], позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России, на станции».

Кроме этого описания, впечатления, полученные Гоголем по дороге из Иерусалима, передавал позднее, в конце 1850-х гг., с неточностями, Л. И. Арнольди. По словам Арнольди, Гоголь при встрече с А. О. Смирновой в Москве в 1849 г. на ее просьбу рассказать что-нибудь о Святой Земле сообщал: «...Природа там не похожа нисколько на все то, что мы с вами видели; но тем не менее поражает вас своим великолепием, своей шириной. А Мертвое море — что за прелесть! Я ехал с Базили, он был моим путеводителем. Когда мы оставили море[7], он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад, прежде чем он мне скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега[8], в степях, и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору; я уставал, сердился, но все-таки сдержал слово и ни разу не оглянулся. Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство. Я так и ахнул от удивления! Вообразите себе что я увидал! На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь; у подошвы этой степи, или, лучше сказать — горы, внизу, виднелось Мертвое море, а за ним прямо, и направо, и налево, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сторон в гору. Не могу вам описать, как хорошо было это море при захождении солнца! Вода в нем не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая. На этом далеком пространстве не было видно никаких неровностей у берегов; оно было правильно овальное и имело совершенный вид большой чаши, наполненной какою-то фиолетовою жидкостию»[9].

[1] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим.***

[2] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут*** (примечания).

[3] См. ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск.***

[4] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва.***

[5] Ср. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[6] См. ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет.***

[7] Ошибка мемуариста. На самом деле Гоголь рассказывал ему и Смирновой о своем отъезде с Базили из Иерусалима (см. выше письмо Гоголя к Жуковскому).

[8] От Иерусалима.

[9] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 378.

МАРТА 1 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева заканчивает письмо к Гоголю, начатое 28 февраля 1848 г. в с. Покровском[1] (письмо, вероятно, через день, 3 марта 1848 г.[2], было отправлено С. П. Шевыреву, для пересылки в Константинополь[3]):

«Сегодни, мой друг, сюда приехала и сегодни имела утешение почтенного Степана Петровича[4] встретить. Тотчас спросила о вас. Он сказал, что прежнее мое письмо[5] к вам отправил, и теперь можно писать в Константинополь, что он адрес знает. <...> Дай Бог нам придерживаться дороги, ведущей к вечному блаженству, тогда легко бы здесь было, потому что в сем расположении дорожили бы спокойствием другого, не желая ни в чем предпочтения себе, а находя утешение в смирении, которое много блага может доставить человеку, искавшему Спасения. <...> ...Ради Христа не оставьте меня вашими молитвами».

[1] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. С. Покровское.***

[2] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское.***

[3] См. ***1848. Марта 8 <20>. Понедельник. Москва.***

[4] Шевырев.

[5] См. ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. С. Покровское.***

МАРТА НАЧАЛО <МАРТА СРЕДИНА>. НАЗАРЕТ

Гоголь и К. М. Базили на обратном пути из Иерусалима[1] в Бейрут[2] проводят два дня в Назарете, застигнутые дождем.

Из записной книжки Гоголя 1846–1850 гг. : «В Назарете дождь задержал нас двое суток».

Из письма Гоголя к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г.: «...В Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни...»

Судить о дальнейшем маршруте Гоголя и Базили из Назарета в Бейрут позволяют позднейшие свидетельства П. В. Анненкова и О. Н. Смирновой. Анненков в 1880-х гг. сообщал о том, что Гоголь побывал в Дамаске: «...Раз вечером <в Москве осенью 1851 г. Гоголь> предложил мне прогулку по городу, всю ее занял описанием Дамаска, чудных гор, его окружающих, бедуинов в старой библейской одежде, показывающихся у стен его (для разбойничества), и проч. ...»[3]; а О. Н. Смирнова в 1888 г., со слов матери, А. О. Смирновой (ум. в 1882), свидетельствовала, что Гоголь был на Тивериадском озере[4].

Во время пребывания в Святой Земле у Гоголя была, по-видимому, лишь одна возможность для путешествия, через Тивериаду, в Дамаск. Туда он мог выехать, вместе с Базили, из Назарета в двухнедельный период с начала марта (время двухдневного пребывания в Назарете) до 18 марта 1848 г. (дата отправления Гоголем письма к С. П. Шевыреву из Бейрута[5], по прибытии туда). Маршрут движения из Назарета в Дамаск не был чем-то исключительным для тогдашних паломников, однако при перемещении таким путем из Иерусалима в Бейрут занимал более продолжительное время. (При путешествии Гоголя и Базили из Бейрута в Иерусалим в начале февраля 1848 г. время их поездки составило лишь пять дней[6].)

О маршруте из Дамаска в Назарет (и далее — в Иерусалим) сообщал ранее Гоголю в Неаполь (до путешествия его в Святую Землю) К. А. Бейне в письме от 1/13 января 1848 г.: «...Путешествие мое в Сирию было сопряжено с художественною целью и потому мне было весьма любопытно побывать в Бальбеке и Дамаске. <...> В Дамаске я застал караван армянских поклонников, идущих в Иерусалим в числе трехсот. Я воспользовался этим случаем, присоединился к ним, и мы, через Сасу, Кнайтру, мост Якова, Назарет, прибыли преблагополучно в Иерусалим»[7].

Вероятно, именно этим путем, только в обратной последовательности, — сначала, возможно, через святую гору Фавор — место Преображения Господня (в восьми верстах на юго-восток от Назарета), либо через Кану Галилейскую — где Спаситель совершил Свое первое чудо (в девяти верстах северо-восточнее Назарета); затем, вероятно, вдоль Тивериадского озера, через Тивериаду и Капернаум (места проповеди Иисуса Христа и призвания первых апостолов[8]), далее через «мост Якова» (Мост дочерей Иакова, на реке Иордан); далее через «Кнайтру» (Кунейтра; Qunaitra) и через Сасу (Sasa) — Гоголь с Базили и проследовали в марте 1848 г. из Назарета в Дамаск[9].

Далее из Дамаска Гоголь и Базили должны были направиться в Бейрут — конечную цель их маршрута. Существовала прямая дорога из Дамаска до Бейрута, которая занимала тогда три дня, — через Бальбек дорога составляла пять дней. Об обоих этих маршрутах (тоже в обратном порядке) опять-таки сообщал Гоголю Бейне в своем письме от 13 января (н. ст.) 1848 г.: «Если и вас интересуют Бальбек и Дамаск, то вот вам маршрут: Из Бейрута первый ночлег на вершине Ливана в Хане, второй в Захле (христианский городок) и на третий день в

Бальбеке[10], оттуда в Дамаск два дня езды и ночлег в третий день. Весьма вероятно, что там еще застанете караван армян (речь идет о том самом караване «армянских поклонников», который, по сообщению Бейне, обычно следовал в Иерусалим через Дамаск и Назарет. — *И. В.*), иначе лучше воротиться прямым путем в Бейрут, что возьмет три дня пути».

[1] См. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим***.
[2] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***.
[3] См. ***1851. Ноября конец. Москва***.
[4] См. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск***.
[5] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***.
[6] См. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут***; ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***.
[7] См. ***1848. Января 13 <1>. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Флоренция***.
[8] Изображено на картине А. А. Иванова «Явление Мессии» (подробнее см.: ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково*** — примечания).
[9] См. ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск***.
[10] Побывал ли Гоголь в Бальбеке, неизвестно.

МАРТА 8 <20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю новое[1] письмо в Константинополь:

«Я первое марта сюда приехала и тот же день имела удовольствие увидеть почтенного Степана Петровича[2]. Тотчас спросила о вас, он сказал, знает ваш адрес. Я тотчас к вам, мой друг, написала, и он отправил. А вчера ездила к нему попросить ваш адрес. Еду в деревню и не хочется оставить Москву, чтобы еще с вами, мой друг, не побеседовать. Начинаю с того, <что> благословляю вас, мой милый друг, со всею нежностию матери и молюсь о вас, как о сыне... <...> Милосерд Господь, Ему помолимся, Он ли кого оставит. <...> ...Часто и сию минуту вручаю и на Него уповаю, что Он вас сохранит и сподобит со всем умилением, любовию и полною благодарностию поклониться Его Гробу и возвратит на родину благополучно, исполненного чистого желания Ему единому служить, а в Нем и для Него ближнему. <...> Когда сие до вас не дойдет, знайте, мой друг, что 19 марта[3] особеннее о вас вспомню. Дай Бог, чтоб мы ценили и дорожили днем рождения как средством, по благодати Его нам ниспосланным для приготовления и достижения вечного блаженства. <...> В самой радостной и торжественной день вы уже будете там[4]. Поздравляю вас, мой милый друг, с сим великим, радостным для каждого Христианина Праздником. <...> Адрес мой: *в Рузу* Московской губернии».

[1] См. ***1848. Марта 1 <13>. Понедельник. Москва***.
[2] Шевырев.
[3] См. ***1848. Марта 19 <31>. Пятница. Бейрут***.
[4] Имеется в виду праздник Пасхи, который Гоголь встретил не в Иерусалиме, а в Константинополе (см. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***). Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

МАРТА ОКОЛО 7–13 <ОКОЛО 19–25>. ДАМАСК

Гоголь и К. М. Базили предположительно находятся в Дамаске (проездом из Назарета в Бейрут).

См. ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет***; ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***.

МАРТА 14 <26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I издает манифест о событиях в Западной Европе:

«...Запад Европы внезапно взволнован ныне смутами... <...> Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии... <...> ...Разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России. <...> ...Мы готовы встретить врагов Наших...»[1]

Около того же времени Император отдал распоряжение «о срочном вызове в Россию всех находившихся тогда в Западной Европе русских подданных»[2].

[1] Северная Пчела. 1848. 15 марта. № 59. С. 253; см. также: 22087. – Марта 14 <1848>. Манифест. – О событиях в западной Европе // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. 23. Отделение 1. С. 181–182.

[2] *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 223.

МАРТА ПОСЛЕ 29 – АПРЕЛЯ ОКОЛО 6 <МАРТА ПОСЛЕ 17 – ОКОЛО 25>. ПАРИЖ

П. В. Анненков встречается с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Из мемуарного очерка Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя[1]. Я встретил его еще, вместе с Энгельсом, в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе. Они скоро оставили свое намерение, потому что над социализмом этим господствовали всецело чисто местные политические вопросы, и у него была уже программа, от которой он не хотел развлекаться, – программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника».

Анненков П. В. Замечательное десятилетие // Вестник Европы. 1880. № 4. С. 499–500.

[1] См. ***1846. Март – средина апреля <февраля вторая половина – апреля начало>. Брюссель.***

МАРТА 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. БЕЙРУТ

Гоголь в послании к С. П. Шевыреву в Москву кратко пересказывает маршрут своего следования из Бейрута в Иерусалим (через Сидон, Тир, Акру и Яффу[1]) и обратно в Бейрут (через Назарет – и, вероятно, Дамаск[2]):

«С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старого товарища по школе, путь в Иерусалим, через Сидон и древний Тир и Акру, а оттуда <т. е. из Иерусалима> через Назарет, совершил».

Позднее В. Б. Бланк вспоминал: «Оттуда <из Иерусалима> Гоголь вернулся один, а Базили остался там по делам службы[3]. Я часто навещал его. Он был очень приветлив, но грустен, был набожен, но не ханжа, никогда не навязывал своих убеждений и не любил разговора о религии. Часто посещал он жену Базили и приглашал меня показывать ему окрестности Бейрута. По возвра-

щении Базили пожелал сам ознакомить его с бейрутским обществом, чтобы рассеять немного его грустное настроение[4]. Однажды, входя в дом консула, на лестнице я встретил уходившего Гоголя и на мой вопрос, что он так рано уходит, он махнул рукой и отвечал: "Ваше бейрутское общество страшную тоску на меня навело; я ушел потихоньку, пора домой; не говорите Базили, что меня встретили". Войдя в зал, я увидал бейрутского пашу, с поджатыми ногами сидевшего на шахнесе и пожирающего глазами двух англичанок Чёрчель, только что окончивших учение в одном из аристократических лондонских пансионов: они танцевали польку с фигурами. Возле паши сидел красивый мужчина в турецком военном костюме в кресле. Базили познакомил меня с ним; это был Омер-паша[5], родом иллириец, и по сходству его языка с нашим, он немного понимал по-русски. Я сел возле него, и он, нагнувшись ко мне, указал на бейрутского пашу и заметил: "Посмотрите, как жадно глядит на англичанок, так и забрал бы их в гарем". Мы оба рассмеялись. Жалка судьба этих бедных девушек-сирот. Отец их, по смерти своей жены, поселился в Сирии, в деревне, надел арабский костюм и окружил себя мастеровыми, выписал к себе дочерей, и они, образованные девушки, должны были довольствоваться обществом простолюдинов. Жена Базили заметила им, насколько им, вероятно, скучна их жизнь; они промолчали, а отец отвечал за них: "Помилуйте, мы окружены самым привлекательным обществом, сапожниками, кузнецами, портными; все полезный и деловой люд". Старшая дочь с глазами полными слез сказала: "Отец, если уже ты нас поселил в таком обществе, то грешно тебе смеяться над нами"»[6].

В письме к Шевыреву Гоголь также сообщал:

«Со времени выезда из Неаполя я не имею <известий> ни от кого из России и не знаю, что в ней делается. <...> Жду здесь, в Байруте, только парохода, чтобы переехать в Константинополь через Смирну, где двенадцать дней буду в карантине[7]. Пробывши несколько времени в Константинополе — в Одессу, из Одессы — в Малороссию, что придется, может быть, в конце июня. Лето проведу в Малороссии. В августе месяце хочется в Москву и в ней обнять вас. Пиши мне в Полтаву, прибавляя: "оттуда в деревню Васильевку". <...> Уведоми подробнее, сколько возможно, о себе и о всех наших знакомых, с извещеньем, кто куда перебирается на лето, а кто остается в Москве. Погодину скажи, что я жду с нетерпеньем известий обо всем, что он делает. Сергею Тимофеевичу[8] дай при сем прилагаемую записочку[9]. <...> Если что вышло замечательного на днях из книг, пожалуста, пришли. Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письма. Я перечел их в другой раз и, вследствие того, осмотрелся еще построже и на себя и на разные другие вещи. Я его прошу журнала не прерывать. От этого обоюдная польза, и его и моя. Он меня очень обяжет, если пришлет еще несколько листков ко мне в Полтаву».

[1] См. ***1848. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Яффа***.

[2] См. ***1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Дамаск***.

[3] Более вероятно, что Гоголь и К. М. Базили вернулись из Иерусалима в Бейрут вместе. 4/16 февраля 1848 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому из Иерусалима: «Я здесь не остаюсь долго, спеша возвратиться в Россию вместе с моим старым школьным товарищем, Базили, с которым и прибыл сюда...» (см. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***). Через день, 6/18 февраля 1848 г., Гоголь извещал оставшуюся в Бейруте жену Базили, Маргариту Александровну: «Ехали мы прекрасно, приехали и того лучше, собираемся ехать к вам тоже с наслажденьем» (см. ***1848. Февраля 6 <18>. Пятница. Иерусалим***). К этому письму сам К. М. Базили сделал приписку: «Поздравляю с отпуском, но решительно некогда писать». Речь идет о служебном отпуске К. М. Базили, получив который, он с женой отправился в Россию вместе с Гоголем.

Еще одно подтверждение тому, что из Иерусалима в Бейрут Гоголь возвратился вместе с Базили, находится в гоголевской записной книжке 1846–1850 гг. Судя по расположению записей в этой книжке, находящаяся здесь заметка: «Николай Гоголь — в Св. Граде» (л. 13 об.), — следует *до* записи: «В Назарете дождь задержал нас двое суток» (л. 14 об.). О том, что указанная запись о Назарете относится именно к *обратному* пути Гоголя из Иерусалима, свидетельствуют также строки письма Гоголя к Жуковскому от 28 февраля 1850 г., где порядок описания окрестностей точно соответствует последовательности движения паломников из Иерусалима (а не наоборот): Иудея (Иерусалим и обратный вид на Мертвое море) — Самария — Галилея (Назарет): «...Выехав из Иерусалима и видя перед собою все холмы да холмы, я уже не ждал ничего — вдруг с одного холма <...> предстали горы. Странные горы: они были похожи на бока или карнизы огромного, высунувшего<ся> углом

блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. <...> Никаких других видов, особенно поразивших, не вынесла сонная душа. Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой; в Назарете, застигнутый дождем, просидел два дни, позабыв, что сижу в Назарете...» (см. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***). Таким образом, упоминание в гоголевской записной книжке о Назарете, несомненно, относится ко времени возвращения Гоголя из Иерусалима и может служить указанием на то, что в Бейрут Гоголь ехал тогда вместе с Базили: «В Назарете дождь задержал *нас* двое суток» (см. ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет***). (О том, что Гоголь ехал из Иерусалима с Базили, сообщал также, со слов Гоголя, Л. И. Арнольди; см. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим.***)

[4] Со времени прибытия Гоголя и Базили в Бейрут (18 марта 1848 г.) до их отправления в Константинополь (25 марта 1848 г.) прошла лишь неделя (см. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***; ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут***).

[5] Омер-паша (в христианстве (с 1866) Михаил Латош, ум. в 1871), генерал-майор турецкой армии, в 1851 г. усмирял восстание в Боснии и Герцеговине; в 1852 г. действовал против черногорцев. При начале восточной войны 1853–1856 гг. командовал турецкой армией, действовавшей против русских войск на Дунае.

[6] *Бланк В. Б.* Воспоминания // *Свод.* С. 621–622.

[7] См. ***1848. Марта около 28 — апреля около 9 <апреля около 9–21>. Смирна.***

[8] Аксаков.

[9] Письмо до нас не дошло.

МАРТА 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«...Мне хотелось бы знать, где теперь Гоголь, и что с ним делается. До меня давно не доходит о нем никакого известия. <...> Здесь живет А. О. Смирнова. Ясновидящая[1] лечит ее у Пашкова[2]. Всякой человек спешит помочь ближнему, как умеет: а поэтому и Смирнова поручила мне советовать вам прислать сюда волоса вашей больной, чтобы ясновидящая могла прописать ей лекарства».

Свод. Т. 1. С. 697.

[1] Вероятно, Е. А. Висковатова.

[2] Андрей Иванович Пашков (1793–1850), генерал-майор, увлекался магнетизмом. — См. также ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19 <31>. ПЯТНИЦА. БЕЙРУТ

Гоголю исполнилось 39 лет. Вероятно, Гоголь отмечает свой день рожденья с семейством К. М. и М. А. Базили.

МАРТА 19 <31>. ПЯТНИЦА. С. АЩЕРИНО

Н. Н. Шереметева пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«Где-то дорогой Новорожденной; Бог видит, как все эти годы о нем помнится, и с любовию вспоминаю о нем пред Милосердным Господом, а уже с тех пор, как узнала, что отправился к Святым Местам, всегда помню и от всей души молю Милосердного Господа, дай Бог ему достигнуть, куды так давно стремился, и сподобиться поклониться Гробу Господню и возвратиться на родину благополучно. Я к вам не так давно писала[1], а сегодня несколько слов, чтобы поздравить вас с дорогим-предорогим новорожденным. Куды вы теперь к нему пишете? Поздравляю вас с приближающим<ся> великим Праздником[2]. Дай Бог нам сей торжественный день и встретить и проводить в радости духовной. Когда вы ожидаете возвращения Николая Васильевича?»

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 546.

[1] Письмо до нас не дошло.

[2] Светлое Воскресение Христово праздновалось в 1848 г. 11 апреля (см. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***; ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское***).

МАРТА 21–23 <АПРЕЛЯ 2–4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ВТОРНИК. БЕЙРУТ

Гоголь пишет и отправляет в Петербург письмо к П. А. Плетневу (датировано: «1848. Апреля 2. Байрут»), с вложением письма к А. О. Смирновой (датировано: «Байрут. Апреля 4 1848»).

Письма шли в Петербург через Одессу, куда прибыли 6/18 апреля 1848 г. Послание к Плетневу имеет карантинный штамп: «Очищено в Одесском Карантине 6 апреля 1848»[1]. Это свидетельствует, что авторская датировка писем к Плетневу и к Смирновой (а также отправленного через день, 25 марта / 6 апреля 1848 г.[2], послания к В. А. Жуковскому — «1848. Байрут. Апреля 6») была сделана по новому стилю[3]. Допустить, что письма из Бейрута в Одессу дошли лишь за два дня (вместо двух недель), невозможно.

Из письма к Плетневу: «Уведомляю тебя, бесценный друг мой, что я, слава Богу, жив и здоров, в удостоверение чего и посылаю тебе сие свидетельство[4], по которому ты можешь взять из казначейства остальные мои деньги и держать их у себя до времени приезда моего [в Петербург] на родину. Покуда в путешествии я в них не предвижу надобности; кажется, станет с тем, что при себе, возвратиться в Россию. Путешествие мое в Иерусалим совершил я благополучно. Отсюда отправляюсь в Константинополь чрез Смирну, где предстоит 12 дней карантина[5]. Обозревши Константинополь и всё, что вблизи его, — в Одессу; [стало быть] в середине лета — в Малороссию, где должен буду погостить у матери. Осенью — в Москву, а там увижу, можно ли мне будет успеть съездить в Петербург обнять тебя и немногих близких нам или отложить до весны. Во всяком случае, ты меня уведоми о себе и о всем, что ни относится к тебе, и где ты будешь летом, и где потом. Напиши теперь же[6], не отлагая времени, и адресуй письмо в Полтаву, присовокупя: “а оттуда в деревню Васил<ь>евку”. Доставь при сем следуемое письмецо Смирновой. <...> Усердная просьба: возьми у графа[7] сочинение под названием “Анализы греческого языка”, изданное на латинском языке в конце прошлого, кажется, века французом Бодо или Будуа, большой том in foglio[8], и перешли его мне в Полтаву. Уведоми меня также, посланы ли деньги, 100 р<ублей> серебром, ржевскому священнику»[9].

Из письма к Смирновой: «Уведомляю вас, <...> что путешествие мое в Иерусалим я совершил благополучно и что летом надеюсь быть в России; прошу вас убедительно уведомить меня о себе подробно и обстоятельно, где и как мне вас найти. Адресуйте в Полтаву, а оттуда в Васильевку. Это деревенька моей матери, у которой я должен буду прогостить конец лета. Напишите теперь же[10], не откладывая. Мне хочется по приезде моем застать ваше письмо уже там[11]. Затем Бог да хранит вас. Жажду вас нетерпеливо обнять лично»[12].

[1] *Городецкий.* С. 456.

[2] См. ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут***.

[3] См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим***; ***1848. Февраля 6 <18>. Пятница. Иерусалим.***

[4] Свидетельство было необходимо для получения последней части денежного пособия, назначенного Гоголю Императором Николаем I в 1845 г. из средств государственного казначейства сроком на три года (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[5] См. ***1848. Марта около 28 — апреля около 9 <апреля около 9–21>. Смирна.***

[6] Ответ П. А. Плетнева см.: ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] Вероятно, Мих. Ю. Виельгорский.

[8] В лист *(ит.)*. Имеется в виду книга французского эллиниста Гийома Будэуса (Guillaume Budaus (Bude), 1467–1540) «Commentarii linguae graecae». Paris. 1529; одно из позднейших изданий которой подразумевает Гоголь.

[9] Протоиерей Матфей Константиновский. – См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь***.
[10] Ответ Смирновой см.: ***1848. Мая 17. Понедельник. Санкт-Петербург***.
[11] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***.
[12] См. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск***.

МАРТА 25[1] <АПРЕЛЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. БЕЙРУТ

Гоголь в письме к В. А. Жуковскому во Франкфурт описывает Литургию у Гроба Господня, за которой он приобщался месяц назад Св. Христовых Таин[2].

В тот же день, 25 марта, Гоголь вместе с семейством К. М. Базили отправился на пароходе из Бейрута в Константинополь (через Смирну).

Из письма к Жуковскому: «Пишу к тебе, бесценный и родной мой, несколько строчек из Байрута, за несколько часов до отъезда с пароходом в Смирну и Константинополь. <...> Дай мне известия о себе и о всем, что тебя касается, скорей, как можно. Я не имею до сих пор еще ответа ни на длинное мое письмо из Неаполя[3], ни на письмо из Иерусалима[4]. Адресуй в Полтаву, для большей же точности прибавь: а оттуда в село Васильевку. Это деревенька моей матери, где я приостановлюсь на лето. Рад буду несказанно, если уже застану там твое письмо».

[1] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут*** (примечания).
[2] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***.
[3] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***. – Ср. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***.
[4] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***. – Ср. ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***.

МАРТА ОКОЛО 28 – АПРЕЛЯ ОКОЛО 9 <АПРЕЛЯ ОКОЛО 9–21>[1]. СМИРНА

Гоголь и семейство К. М. и М. А. Базили по случаю эпидемии холеры находятся на двенадцатидневном карантине в Смирне[2].

Более года спустя, 8 июля 1849 г., архимандрит Порфирий (Успенский) сообщал В. П. Титову из Смирны: «...По выдержании 12-дневного карантина в Смирне я принужден искать врачебной помощи в Константинополе»[3].

В следующем, 1850 г., году князь П. А. Вяземский, находившийся тогда в «карантинной тюрьме» в Смирне с 17 по 28 июня, записал в путевом дневнике: «Смирнский карантин очень порядочен – на берегу моря, свежий ветер от него утоляет жар и шум разбивающихся волн сладостно пробуждает внимание»[4].

[1] Ср. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***; ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь***.
[2] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут*** (письмо Гоголя к С. П. Шевыреву); ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут*** (письмо Гоголя к П. А. Плетневу).
[3] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 277.
[4] Путешествие на Восток Князя П. А. Вяземского (1849–1850 г.). Издание Графа С. Д. Шереметева. СПб., 1883. С. 105.

МАРТА 31 <АПРЕЛЯ 12>. СРЕДА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 4 «Москвитянина» за 1848 г., где напечатана статья В. А. Жуковского «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю».

См. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

АПРЕЛЯ 19 <7>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. ГАНАУ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Полтаву:

«С изумлением и с радостию <...> получил я твое письмо из Иерусалима. В то время как я полагал, что вокруг тебя шумит возмутившийся Неаполь[2], ты спокойно стоял у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понимал и значение человеческих тревог на земле, и тайну небесного мира души человеческой. В эту минуту ты, вероятно, на пути в отечество; ты, вероятно, посетив Святую землю *откровения,* заглянул и в классическую землю героических *басен,* в Троаду, из которой пустился в свое долгое странствие наш Одиссей; вероятно, ты уже видел Босфор, может быть, теперь сидишь в Константинополе или уже плывешь по волнам Черного моря в Одессу... Добрый путь в любезное отечество! А я между тем сижу у Майна и жду погоды, которая в это время весьма бурная. Твои неаполитанские смуты через Париж перебежали в Германию[3]; немецкое пиво запенилось, как французское шампанское. Мог ли ты вообразить возможность такого всеобщего переворота? Но ни слова о политике; скажу только несколько слов о себе. Когда ты будешь читать в Полтаве это письмо, я буду уже, если Бог сохранит нас посреди этого землетрясения, на пути в Россию. Но прежде надобно жене полечиться в Эмсе... <...> Да и у меня третья неделя, <как> болят глаза, что принуждает меня не своеручно писать, а диктовать письмо мое к тебе. Пишу из Ганау, куда перевез жену для Коппа недели на две. В нашем Франкфурте, в нашем уголку саксенхаузенском, спокойно и безопасно, хотя Франкфурт теперь сделался центром революционного движения.

Я не отвечал тебе на твое длинное последнее письмо[4], заключающее в себе твою и, вместе с твоею, мою литературную исповедь, — правильнее сказать, я *не послал* тебе моего ответа, ибо не полагал, что он тебя застанет в Неаполе; но ответ написан; я послал его в Москву к Елагиной[5], дабы она передала его Шевыреву для напечатания в "Москвитянине"[6]. Во всяком случае, я надеюсь, если на то воля Божия, увидеться с тобою в России в конце нынешнего года. Если Бог даст жизни, то мы можем еще рука в руку пройти по одной дороге, имея перед глазами цель высокую и святую, для пользы души нашей, а с нею и для пользы нашего отечества».

[1] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим.***

[2] Подробнее см.: ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь*** (примечания).

[3] Имеются в виду февральская революция 1848 г. во Франции и революция в Германии, начавшаяся в марте 1848 г.

[4] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[5] См. ***1848. Марта 7 <февраля 24>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Имеется в виду статья «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю», напечатанное в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь*** — примечания; ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***).

АПРЕЛЯ 7 <19>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет С. П. Шевыреву:

«Уверена, в заутреню при радостном услышании Христос Воскресе как мы с вами вспомним о Николае Васильевиче. Дай Бог, чтобы уже он был там, куды так давно душа его стремится. О Всемилосердный, не остави его и возврати на родину благополучно. Уверена, почтеннейший Степан Петрович, что вы о нем узнаете, одолжите меня известить, чем много обяжете и успокоите».

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 546.

АПРЕЛЯ 10 <22>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Н. Н. Шереметевой ответное[1] письмо в Покровское:

«Христос Воскресе! Милостивая Государыня Надежда Николаевна. Примите мое душевное поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и с приобщением Святых Таин. Два праздника завтра соединятся в чистой и доброй душе Вашей. Ваше любезное письмо обрадовало меня накануне праздника. Немедленно на него отвечаю. К духовным радостям завтрашнего дни я вместо красного яичка посылаю Вам еще радость сердечную. Вчера имел я известие от Е. А. Свербеевой[2], которая получила письмо от посланника нашего Титова в К<онстантино>поле[3], что Николай Васильевич в Иерусалиме уже был, теперь странствует по Сирии и Палестине, т. е. в то время, как Титов писал, к Страстной неделе возвратится опять в Иерусалим, там встретит Пасху — и после приедет в К<онстантино>поль. Итак, мы можем завтра мысленно христосоваться с ним у Гроба Господня»[4].

Слухи, сообщаемые В. П. Титовым, не подтвердились[5]. 25 марта 1848 г. Гоголь вместе с семейством К. М. Базили выехал из Бейрута в Константинополь[6]; 11 апреля был в Константинополе[7], а 14 апреля выехал из Константинополя в Одессу[8].

[1] См. ***1848. Апреля 7 <19>. Великая среда. С. Покровское.***

[2] Екатерина Александровна Свербеева (рожд. княжна Щербатова; 1808–1892), дочь генерал-майора князя Александра Федоровича Щербатова (1772–1817) и княгини Варвары Петровны Щербатовой (рожд. княжны Оболенской, 1774–1843), жена Д. Н. Свербеева.

[3] Владимир Павлович Титов (1807–1891), писатель и дипломат, в 1843–1853 гг. советник русского посольства в Константинополе.

[4] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 102.

[5] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[6] См. ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут.***

[7] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь.***

[8] См. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь.***

АПРЕЛЯ 11 <23>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ[1]. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Гоголь предположительно в этот день (или накануне) вместе с семейством К. М. и М. А. Базили прибыл из Смирны[2] в Константинополь[3]; отмечает здесь Пасху.

Сразу по прибытии Гоголь получил ответное[4] письмо от протоиерея Матфея Константиновского[5], два письма от графини С. П. Апраксиной[6] и ответные письма от С. П. Шевырева и от Н. Н. Шереметевой[7]. Встречает в Константинополе своего нежинского товарища И. Д. Халчинского[8], служащего советником русского посольства; с похвалой отзывается о прочитанном в рукописи[9] сочинении

Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях»[10].

[1] На этот же день приходился также в этом году праздник католической Пасхи.
[2] См. ***1848. Марта около 28 – апреля около 9 <апреля около 9–21>. Смирна.***
[3] См. ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь.***
[4] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь; 1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***
[5] См. ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь; 1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***
[6] См. ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь.***
[7] См. ***1848. Февраля 16 <28>. Понедельник. Москва; 1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***
[8] См. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург.***
[9] См. ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут.***
[10] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (примечания).

АПРЕЛЯ 11 <23>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет послание Гоголю. Начав письмо, Шереметева получает из Москвы письмо от С. П. Шевырева, с известиями о Гоголе[1], и письмо от О. Сем. Аксаковой, с вложением письма самого Гоголя к Шереметевой из Иерусалима от 5/17 февраля 1848 г.[2] (Письмо было адресовано Гоголем в Москву в дом родственника Шереметевой, «графа <Д. Н.> Шереметьева», где она всегда останавливалась, и оттуда, вероятно, было доставлено Аксаковым как ее близким знакомым.)

Из письма Шереметевой к Гоголю (письмо было закончено и отправлено на следующий день[3] О. Сем. Аксаковой в Москву, для пересылки Гоголю в Константинополь): «Христос Воскресе! Здравствуйте, мой возлюбленный друг! Всегда о вас с любовию вспоминаю, а нынче особеннее, потому что по благости Божией в такой радостной для каждого Христианина день сподобилась приобщиться Святых Таин; и очень помнилось. <...> На сем слове получила почту и как обрадована была: из Москвы переслали мне ваше письмо из Иерусалима от 17 февраля. <...> Письму вашему, мой друг, я так обрадовалась, несколько раз его перечитала, а выражение ваше одно меня опечалило. Говорите, лето проведете в Малороссии, а в августе, может быть, заглянете в Москву. Стало, это не верное. <...> Жалко мне, если *на сем свете* вас не увижу. <...> Сегодня я имела утешение от доброго и почтенного Степана Петровича Шевырева получить, и как ему благодарна. Он хотел меня порадовать известием о вас... <...> Он вчера писал, а я нынче получила, и очень ему благодарна. <...> Великим Постом на короткое время была в Москве и была у Степана Петровича[4], чтобы узнать, не имеет ли какого о вас известия, и взяла у него ваш адрес, по которому и писала к вам 8 марта в Константинополь на имя Халчинского. – 19 марта[5] очень о вас помнилось. <...> Да еще прежде этого я к вам два раза писала через Степана Петровича от 12 <13> февраля[6] и 3-е марта[7]. <...> Прощайте, мой милой друг, обнимаю вас со всею нежностию матери...»

В тот же день Шереметева отвечала С. П. Шевыреву (как и письмо к Гоголю, это послание было отправлено на следующий день):

«Христос Воскрес! Благодарю вас от души, истинно мною уважаемый Степан Петрович за такое попечение меня порадовать известием о Николае Васильевиче; и говорите, если бы нынче пришло, именно сегодня получила ваше дружеское обязательное письмо. Слава Богу, что он там, не

умею передать, как я за него радуюсь и благодарю Бога, что он достиг желаемого. Сегодня я от него из Иерусалима несколько строк получила, оно давно писано, от 17 февраля, почти два месяца[8], что он лето проведет в Малороссии, а в августе может будет в Москву, но кажется мне по его словам, что это не совсем верно; как лучше для пользы его, для пользы души его, так и устрой, Господи. И я нынче к нему писала, как получила почту и от него письмо получила, свое докончила и отправляю в Константинополь к нему, да управит Господь его путем. <...> Сегодня точно по благости Божией сподобилась для такого великого дня приобщиться Святых Таин»[9].

В тот же день Шереметева писала также О. Сем. Аксаковой (письмо отправлено на следующий день):

«К Николаю Васильевичу пишу и прошу Веру Сергеевну[10] подписать, куды следует отправить...»[11]

[1] См. ***1848. Апреля 10 <22>. Великая суббота. Москва.***
[2] См. ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим.***
[3] См. ***1848. Апреля 12 <24>. Понедельник Светлой седмицы. С. Покровское.***
[4] См. ***1848. Марта 1 <13>. Понедельник. Москва; 1848. Марта 8 <20>. Понедельник. Москва.***
[5] См. ***1848. Марта 19 <31>. Пятница. Бейрут.***
[6] См. ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. С. Покровское.***
[7] См. ***1848. Марта 1 <13>. Понедельник. Москва.***
[8] Имеется в виду письмо от 17 февраля 1848 г. из Иерусалима.
[9] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 547.
[10] Дочь С. Т. и О. Сем. Аксаковых.
[11] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 547.

АПРЕЛЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет написанные накануне[1] письма к С. П. Шевыреву и к О. Сем. Аксаковой, с вложением начатого тогда же письма к Гоголю. Завершая письмо к Гоголю, Шереметева сообщает:

«12 апреля, рано утро. Встала, чтобы отправить почту, и еще милого друга благословляю, вручаю Премилосердному Господу, Его молю, да Он вас наставит, как поступить, и вас прошу, мой милой друг, ради Христа ничего не предпринимайте, не помолясь».

[1] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское.***

АПРЕЛЯ 13 <25>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

В паспорте Гоголя сделана отметка о прибытии[1] или об отъезде: «К<онстантино>поль — 13 апреля»[2]. (Гоголь с семейством К. М. Базили выехал из Константинополя в Одессу на следующий день[3].)

В тот же день, 13 апреля 1848 г., Гоголь написал и оставил в Константинополе письмо для графа А. П. Толстого, с вложением письма к сестре Толстого, графине С. П. Апраксиной.

Из письма к Толстому: «Узнавши, что вы будете в Константинополе, оставляю вам несколько строчек, бесценный друг мой Александр Петрович. Я не писал к вам потому только из Иерусалима[4], что не знал, где вы. Путешествие свое совершил я благополучно. Я был здоров во всё время, — больше здоров, чем когда-либо прежде. Удостоился говеть и приобщиться Св. Тайн у самого Святого Гроба. Всё это свершилось силою чьих-то молитв, чьих именно — не знаю; знаю только, что не моих. Мои же молитвы даже не в силах были вырваться из груди моей, не только возлететь, и никогда еще так ощутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность. Приехавши в Константинополь, нашел я здесь письмо ко мне Матвея Александровича[5]. Что вам сказать о нем? По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений, если только, нося их перед собой, буду входить больше в их силу. Напишите мне о себе. <...> ...Многое уже нас так связало... Адресуйте в Полтаву, а оттуда в деревню Васильевку. Это именьице моей матери, где я приостановлюсь на лето. А между тем рекомендую вам моего сотоварища по школе, Халчинского. Он очень доброго сердца, благороден и весьма дельный человек. Софья Петровна[6], кажется, его не узнала...»

Из письма к Апраксиной: «В Константинополе нашел ваши два письмеца[7], добрейшая Софья Петровна. <...> Кое как молил и о вас у Гроба Святого, то есть пролепетал и ваше имя вместе с другими именами, близкими моему сердцу. Не смущайтесь никакими событиями мира. Поезжайте с Богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с Евангелием. Там сказано ясно, как нам быть с ближним нашим. Стало быть, сказано все. Что нам до того, какими кто волнуем политическими мненьями или мыслями, исполним относительно к нему все, что повелено нам исполнить в отнош<ении> к брату в Евангельском смысле. Ведь мы для этих подигов живем в мире, а не для каких-либо других. Очень меня порадуете уведомлением, куда вы и как. Передайте мой искренно-дружеский поклон моим добрым приятельницам Наталье Владимировне и Марии Владимировне[8]. Не позабудьте также и Мис<с> Henriette»[9].

[1] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь.***

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[3] См. ***1848. Апреля 14. Среда Светлой седмицы. Константинополь.***

[4] Ср. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[5] Протоиерей Матфей Константиновский.

[6] Графиня Апраксина.

[7] Письма до нас не дошли.

[8] Дочери Апраксиной.

[9] Вероятно, гувернантка дочерей графини С. П. Апраксиной.

АПРЕЛЯ 14 <26>. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Гоголь около 17 часов 30 минут на пароходе «Херсонес» отправился вместе с семейством К. М. Базили из Константинополя в Одессу[1]. (Отметка о нахождении в Константинополе была сделана в паспорте Гоголя накануне[2].)

Перед отплытием Гоголь отправил письма А. А. Иванову в Рим и П. А. Плетневу в Петербург. (На письме к Плетневу имеется карантинный штамп: «Очищено в Одесском Карантине 16 апреля 1848»[3]. Очевидно, почта в Россию доставлялась на том же пароходе, на котором плыл Гоголь[4].)

Из письма к Иванову: «Пишу к вам, добрейший мой Александр Андреевич, из Константинополя, за несколько часов до выезда отсюда в Одессу. Путешествие мое в Иерусалим совершилось, слава Богу, благополучно. Уведомьте меня о себе. Я думаю, что вам теперь покойне<е> в Риме,

чем было прежде. Я слышал, что вся римская молодежь выбралась в дорогу вместе с шумом и волненьем, так тревожным для художника. Адресуйте мне в Полтаву, прибавляя: "а оттуда в деревню Васил<ь>евку". <...> Поблагодарите Бейне за его доброе письмо[5], которое получил я в Неаполе, перед самым выездом[6]. Братца вашего[7] обнимите».

Из письма к Плетневу: «В Константинополе мне не разменяли векселя[8], который просрочен. В другие времена эта просрочка не значила бы ничего, и мне выдали бы даже с выгодою. Но теперь, при беспрестанных нынешних банкротствах, не выдают ни по какому векселю, не сделавши прежде предварительных исследований, жив ли такой-то дом, на имя которого дается вексель. Посылаю тебе этот вексель и убедительно прошу переговорить с самим Штиглицем, изъяснив ему, что я долго скитался на Востоке, в таких странах нет банкиров, и потому акцептировать его не мог. А маленькие банкиры не что иное, как менялы, и по векселям не выдают. Если деньги получишь, то две тысячи руб<лей> асс<игнациями> пришли мне в Полтаву, остальные держи при себе. Письмо мое из Байрута[9] ты, я думаю, уже получил вместе с свидетельством о жизни. Стало быть, маршрут мой знаешь. Жду с нетерпеньем от тебя известий. <...> Ольге Петровне[10] передай мой дружеский поклон. Балабиным и Александре Осип<овне> Ишимовой также». На обороте письма, после адреса, Гоголь подписал: «Со вложеньем векселя».

[1] См. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса.***
[2] См. ***1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь.***
[3] *Городецкий.* С. 456.
[4] Ср. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса.***
[5] См. ***1848. Января 13 <1>. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Флоренция.***
[6] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***
[7] С. А. Иванов.
[8] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[9] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут.***
[10] Дочь Плетнева.

АПРЕЛЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. 10 ЧАСОВ 30 МИНУТ. ОДЕССА

Гоголь вместе с семейством К. М. Базили прибыл на пароходе «Херсонес» из Константинополя в Одессу[1].

«Сегодня, 16-го апреля, в 10 ½ часов утра, после 41 часа плавания, <прибыл> пароход-фрегат *Херсонес*[2], ком<андир> кап<итан>-лейт<енант> Гугаев, из *Константинополя*, с 37-ью пассажирами. <...> В числе пассажиров, прибывших на пароходе "Херсонес" находятся: русский генеральный консул в Сирии *К. М. Базили* и знаменитый русский писатель *Н. В. Гоголь*»[3].

Спустя некоторое время А. С. Стурдза[4] сообщал М. П. Погодину из Одессы в Москву: «Н. В. Гоголь и К. М. Базили прибыли на днях в нашу одесскую пристань»[5].

[1] См. также ***1848. Мая 1. Суббота. Одесса.***
[2] «От Одессы в Константинополь плавают, туда и обратно, по три раза в месяц три парохода: "Одесса", "Крым" и "Херсонес". Каждый из них в 260 сил. Один из этих пароходов остается запасным, а два плавают постоянно, выходя из Одессы 10, 20 и 30 чисел каждого месяца, в зимнее время, т. е. с 10-го сентября по 20 марта, в 4 часа, а в летнее — в 5 часов по полудни, а из Константинополя 6, 16 и 26 чисел каждого месяца, в зимнее время в 2 часа, а в летнее в 4 часа по полудни. На всякий рейс употребляют они от 36 до 40 часов» (Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 149–150).
[3] Движение пароходства при Одесском порте // Одесский Вестник. 1848. 17 апреля. № 30 и 31. С. 1; *Свод.* Т. 3. С. 626.

[4] Ср. ***1836. Августа около 18 <6>. Накануне или в день праздника Преображения Господня. Берн; 1846. Апреля 16 или 17 <4 или 5>. Страстной четверг (вечер) или страстная пятница. Рим.***

[5] Из писем А. С. Стурдзы // *Свод.* Т. 3. С. 633.

АПРЕЛЯ 16–30. ОДЕССА

Гоголь находится в Одесском карантине по случаю эпидемии холеры. Здесь 17 апреля 1848 г. его навестили А. А. Трощинский[1] и, вероятно, в тот же день, — Н. В. Неводчиков[2] (с приветом от А. С. Стурдзы); позднее — Л. С. Пушкин вместе с Н. Г. Тройницким.

Во второй половине апреля 1848 г. Н. Н. Мурзакевич[3] сообщал М. П. Погодину в Москву: «Гоголь приехал и выдерживает карантин. 30 апреля выходит в город Одессу, и мы его встречаем обедом у Отона[4]»[5].

Н. В. Неводчиков в 1859 г. вспоминал: «Возвращаясь из Иерусалима на родину, Гоголь впервые прибыл в Одессу в апреле 1848 года. Как пассажир константинопольского парохода, он должен был выдержать карантин. Здесь, сквозь две предохранительные решетки, увидал я Гоголя. А. С. Стурдза поручил мне приветствовать его с приездом и предложить ему добрые услуги. Вероятно, тронутый таким вниманием, Николай Васильевич разговорился со мной более, чем я ожидал. Он принялся меня расспрашивать об Александре Скарлатовиче, а потом о городе, именно: любят ли в нем чтение? много ли книжных лавок? можно ли найти в них английские книги? Он даже коснулся собственно меня и, узнав, что я занимаюсь воспитанием внука[6] Александра Скарлатовича, заметил о важности сего занятия: “Да, вся безалаберщина, какая набирается нам в голову, как-то сосредоточивается и уясняется, когда готовимся передать ее другим”. В заключение он попросил прислать ему в карантин “Мертвые Души” и два-три нумера “Москвитянина”»[7].

Судя по письму Гоголя к С. П. Шевыреву от 21 апреля 1848 г.[8], он получил (вероятно, от Неводчикова) четвертый номер «Москвитянина» за 1848 г. По словам Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 15 июня 1848 г., этот номер журнала был прочтен им в Одессе «на другой день после того, как ступил на русский берег»[9]. Очевидно, журнал, вместе с изданием первого тома «Мертвых душ» (вероятно, вторым, 1846 г.[10]), был доставлен Гоголю в карантин сразу после визита Неводчикова.

И. С. Некрасов в 1887 г. писал: «Известно, что Гоголь <...> уже больной, на возвратном пути из Ерусалима сидел в нашем одесском карантине и от руки не то чертил, не то рисовал пером на бумаге. Рисунки эти и теперь берегутся у его товарища по лицею, у г. Базили. Гоголь рисовал здесь каррикатуры то каравана пилигримов, то кое-что из нравов подбульварной публики. <...>

Я приведу вам один анекдот, слышанный мною после смерти Гоголя, который ему и приписывали. “В страшном захолустье, в селе около хаты дьячок с писарем читают в Губернских Ведомостях публикацию о вызове молодых людей воспитываться на казенный счет в одном из высших учебных заведений Петербурга и рассуждают о том, как из такого окончившего воспитание может человек выйти. Прислушался к разговору шедший из шинка простолюдин и, вернувшись к жене, начал уговаривать ее: *«дадим воспитание Хунзыку, из него человек выйдет, человеком сделается, нашу старость спокоит»*. Повез муж помещику пшеницу в Питер и захватил с собою Хунзыка. Стоит солдат у ворот большущего дома, он все порядки учебные знает. Взяв себе за хлопоты какую-то монету, он принимает Хунзыка и наказывает явиться за ним через 4 года. Когда через 4 года простолюдин явился за Хунзыком, то у ворот застал того же самого солдата. Вспомнил солдат и объяснил, что Хунзык точно окончил воспитание, но по воле начальства назначен городничим в Тамбовскую губернию. И действительно оказалось, что в городе городничий Хонзык, по фамилии Хунзык. В приемный день и час — является простолюдин, взявши с собою на всякий случай в пазуху клок сена, а в кармане плетку. Когда же городничий вышел, то простолюдин подбежал к нему с клоком сена и с словами: «тпрусь, тпрусь, что не узнал» — и даже начал было вынимать плетку, как

городничий отдал приказ взять его, как сумасшедшего. Простолюдин бросился за дверь, приговаривая, как ты скотину не учи, все скотиной и останется". Не ручаюсь за то, действительно ли этот анекдот принадлежал Гоголю и был рассказан им, но он может дать понятие о том, какие ходили в то время анекдоты»[11].

Н. Г. Тройницкий вспоминал: «Однажды Л. С. Пушкин сказал мне: "Хотите — познакомлю вас с Гоголем; он приехал из-за границы и теперь пока в карантине". Это было в апреле 1848 г. Я, конечно, с удовольствием изъявил согласие. Л. Пушкин хорошо знал Гоголя еще по Москве и по Петербургу[12]. Мы пошли с ним в карантин. Помню, было тепло, и даже жарко. Стали мы за двойной перегородкой из дрота (железной проволоки). Гвардеец вызвал нам из карантинной комнаты Гоголя. Гоголь показался мне как будто в рамочке, находясь за двойной перегородкой и первое мое впечатление от него было: совершенно птичья физиономия! Не то сова, не то ястреб или копчик; что-то хищное и неприятное. Нос длинный, губы тонкие, глаза выпуклые. Пушкин представил меня, и мы переговаривались через пространство. Не помню, о чем мы тогда беседовали, но после, когда я высказывал Пушкину свое впечатление насчет физиономии Гоголя, Пушкин передавал мне отзывы Гоголя обо мне. "Никогда еще, — говорил он, — я не видал такой оригинальной, типической малорусской физиономии". А у меня тогда волоса были густые, черные, длинные, усы огромные: тогда я вообще был молодец — чернокудрый, не то, что теперь»[13].

В 1880 г. Тройницкий, выступая на дне памяти А. С. Пушкина в Императорском Новороссийском университете, также сообщал: «Брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, был замечательно остроумный человек и феноменальной памяти. Он знал на память и превосходно читал все ходившие тогда в рукописи русские стихи. Он и познакомил автора (Н. Г. Тройницкого, автора стихотворения "Гоголю. В память знакомства с ним, при возвращении его, чрез Одессу, из Италии"[14]. — *И. В.*) с Гоголем. После продолжительного пребывания в Италии, Гоголь, по прибытии в Одессу, отправился с парохода, прямо в карантин, которого в ту пору не мог миновать ни один пассажир из-за границы. Лев Сергеевич с нашим автором[15] отправились в карантин, где на их звонок вышел из своего нумера Гоголь. Физиогномия Гоголя, при первом взгляде на него, поражала своим саркастическим выражением. Он рассеянно перебирал четками[16] и приветствовал навестивших его знаком своей руки. Его отделяли от посетителей четверные проволочные решетки на довольно значительное пространство, так что разговаривать оказывалось довольно неудобным. Явственно доносился только плеск береговой волны, а по ту сторону залива как бы трепетала в струях знойного миража прилегающая к морю степь»[17].

Возможно, по прибытии в Одессу Гоголь некоторое время болел. В 1893 г. дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна сообщала: «Но с 1846 года здоровье Гоголя уже никогда не поправлялось. С тех пор он подвергался трехдневным лихорадкам всякий раз, как попадал в местность, где они царят. Он схватил такую лихорадку в Одессе[18], возвращаясь из Палестины»[19].

[1] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

[2] Николай Васильевич Неводчиков (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит, 1822–1910) был учителем в приюте под начальством А. С. Стурдзы; кроме того, он был домашним учителем внука Стурдзы, князя Г. Е. Гагарина-Стурдзы.

[3] Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883), историк и археолог, профессор русской истории Одесского университета; позднее — директор Ришельевского лицея.

[4] См. ***1848. Мая 1. Суббота. Одесса.*** — Цезарь Людвигович Отон (Autonne, ум. в 1860), одесский ресторатор. Ресторан Отона находился «в городском доме, на Ришельевской улице, против театра» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 38).

[5] *Свод.* Т. 3. С. 626.

[6] Князь Г. Е. Гагарин-Стурдза, старший сын князя Евгения Григорьевича Гагарина и дочери А. С. Стурдзы княгини Марии Александровны Гагариной-Стурдза. В 1848 г. А. С. Стурдзе было разрешено учредить из принадлежавшего ему в Бессарабии имения Мансырь (Манзирь) заповедное княжеское владение, с тем, чтобы оно перешло к старшему его внуку и чтобы последний именовался, с потомством, князем Гагариным-Стурдза.

[7] *Преосвященный Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский.* Воспоминание о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 634.

[8] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

[9] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава.*** — См. также ***1848. Апреля 23. Пятница. Д. Окна***; ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***

[10] См. ***1846. Августа 25 <сентября 6>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва***; ***1847. Января 7 <19>. Вторник. Москва***; ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва.***

[11] *Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Свод.* Т. 3. С. 627.

[12] Л. С. Пушкин мог познакомиться (через своего брата) и встречаться с Гоголем только в Петербурге, в период с конца ноября 1833 г. (см. ***1833. Ноября 20. Понедельник. Санкт-Петербург***) до конца июля 1834 г. (31 июля или 1 августа 1834 г. Л. С. Пушкин покинул Петербург; см.: *Тархова.* Т. 4. С. 1649; Хроника жизни и творчества Пушкина. Сост. Г. И. Долдобанов. М., 2009. Т. 2. Кн. 2. 1833–1834. С. 426–427).

[13] *Мацеевич Л.* Одесские предания о Гоголе // Одесский Листок. 1909. 14 июля. № 159; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 395.

[14] См. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса.***

[15] «Л. С. Пушкин и Н. Гр. Тройницкий были в то время членами Одесской портовой таможни» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 6).

[16] См. также ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса.***

[17] <Гоголь в Одессе>. Фрагмент статьи «День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в Императ<орском> Новороссийском университете» // *Свод.* Т. 3. С. 628.

[18] См. также ***1852. Марта 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[19] *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 321.

АПРЕЛЯ 20. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо от Гоголя из Бейрута, с вложением письма к А. О. Смирновой[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 456. — См. также ***1848. Апреля 21. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут.***

АПРЕЛЯ 21. СРЕДА. ОДЕССА

Гоголь посылает письмо к матери в Васильевку, ответные письма к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев и к С. П. Шевыреву[1] в Москву. Возможно, в тот же день Гоголь отправил также письмо к С. Т. Аксакову[2] в Москву (письмо не сохранилось).

Из письма к матери: «Я ступил на русский берег довольно благополучно. Пишу к вам из карантина, в котором просижу недели две, да недели две, может быть, проживу в Одессе [покуда соберу<сь> в дорогу и, запасшись всем, что нужно для езды по России]. Успел видеть<ся> два раза с нашим добрым Андрее<м> Андрее<вичем>[3], который не позабыл навестить меня на другой день по прибытии. Вести меня встретили печальные. Беспрестанно узнаешь про смерть кого-нибудь из близких людей или же какие-нибудь смуты. Не знаю еще наверно, проживу ли я у вас больше двух недель. Мне нужно успеть в продолжен<ие> лета сделать многие нужные поездки. Времена настали такие, в которые нельзя думать о собственных удовольствиях и мирном провождении времени; нужно покрепче молиться. Помолитесь о мире и соединении всех, а также и моем благополучном путешествии. Если не в конце майя, то, может быть, в июне могу быть в Полтаве»[4].

Из письма к отцу Матфею: «В Константинополе[5] нашел я драгоценное для меня письмо ваше; оно было для меня освежающим напутствием. Всякая строка его была как бы ответом на вопросы моего бедного, пребывающего в греховной тьме сердца. Но только как вы добры и как милосердны! Вы, сверх писем, за которые я в силах буду возблагодарить разве только *там,* а *не здесь,* положили

себе молиться обо мне всякий день. Часто я думаю: за что Бог так милует меня и так много дает мне вдруг, — и могу только объяснить себе это тем, что мое положенье действительно всех опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому. Много мне бы хотелось сказать вам. Но это заняло бы страницы и весьма легко перешло бы в многословие, может быть, даже в ложь... Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставляя меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь[6] и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце. Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состояньем сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот весь результат. Была одна минута[7]... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытавши уже на деле, как близко от нас искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово *любовь*. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде. Но Бог знает, может быть, и это так только кажется; может быть, и здесь играет роль искуситель... Молитесь обо мне, великодушная душа! Вот всё, что может сказать вам мое сердце, и слезы, в эту минуту упавшие на этот лист бумаги, просят вас о том же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Ведь вам это легко; вам нечего думать над тем, что сказать мне: вы знаете, что вы сами по себе ничего не можете сделать и ничего не можете мне сказать кстати без Бога, могущего направить всё мне кстати. Мой адрес теперь: в Полтаву, а оттуда в деревню Васил<ь>евку. Это деревенька моей матери. Там я пробуду два летних месяца и потом в Москву».

Из письма к Шевыреву: «Благодаря Бога, достигнул я благополучно России. Пишу к тебе из карантина. Твое милое письмо от 16/28 февраля[8] получил я в Константинополе[9] (большого письма твоего[10] я не получил, хотя и оставил в Неаполе свой адрес). Я вижу из письма твоего, что тебе было трудно и, может быть, даже очень трудно. Теперь ты, верно, успокоился. Я так подумал, пробежавши 4 номер "Москвитянина". В письме Жуковского[11], бывшем для меня истинно приятною нечаянностью, есть столько утешительного. Оно, верно, сказало тебе много и ободрило. Я заметил уже силу и твердость в тех строках твоих, которые успел пробежать в том же № журнала[12]. Храни тебя Бог. Я вижу, что ты не напрасно взялся за журнал[13]. Голос твой теперь нужен[14]. Но, мне кажется, всем нам следует во всех своих действиях теперь больше, чем когда-либо прежде, *умерять себя,* помня ежеминутно, что мы все нервически-неспокойны в нынешнюю эпоху. Очень было бы хорошо, если бы мы в печатных статьях наших, обращенных противу кого-либо, исполняли тот простой долг в отношеньи к ближнему, который предписан нам в простом быту нашем. Часто я думаю: неужели невозможно это литератору? Неужели нельзя во время писанья статьи своей поставить себя перед лицо Того, Которого законы и повеленья нам уже почти известны? Я думаю, что от этого всё бы у нас вылилось яснее и лучше. Душа была бы спокойнее. Что сказать тебе об этих сплетнях[15], в которые иногда впутываются люди, близкие нам? Я испытал эти положенья. Мне немало удавалось слышать о себе всяких сплетней; в этих сплетнях мне открывалось только несколько глубже человеческое сердце. А вывод я сделал себе тот, что нужно быть с людьми, которые распустили про нас сплетни, так, как бы они о нас ничего не распускали. (Едва ли сплетни есть произведенье людское). Нужно входить всюду просто, с открытым лицом; нужно, чтобы уверились наконец люди, что ты такой человек, над которым сплетни не имеют никакой власти. Тогда, мне кажется, сплетни и всякие путанья исчезнут сами собою. <...> Я писал к тебе уже из Константинополя[16] и уведомлял о моем адресе. Он остается, попрежнему: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

Подпишись за меня на "Москвитянин" в конторе, мимо сведения Погодина. Даром мне бы не хотелось, тем более, что он должен высылаться на имя матери моей. Мне кажется, что и все прочие приятели Погодина и "Москвитянина" должны бы поступить так же; оно, кажется, безделица, но сделай это человек семь-восемь, да посоветуй и другим то же, — от этого обстоятельства Погодина всё бы таки были лучше. <...>

Скажи тем, которые усумнились во мне, что, каковы бы ни были обстоятельства и случаи и как бы кто ни переменился относительно меня, всё это не имеет никакого совершенно влиян<ия> на степень и количество моей привязанности к ним. Все образы людей, с которыми я ни столкнулся в моей жизни, так стали теперь милы душе, даже и те, которые не были очень близки, они так уже во-

шли в самое существо мое, что не могу их вырвать, даже если бы в минуту *глупости своей* и захотел это сделать. Без них было бы пустыней мое сердце. <...>

Мне кажется подчас, что всё то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться[17]. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*. Кто проникнется ею, тот говори прямо обо всем: правда повеет от слов его. <...>

Скажи Надежде Николаевне[18], что письма ее получены мною очень исправно в Константинополе и что я буду отвечать. [Мне кажется, всё на свете мечта, о чем ни муд<рствуем>.]»

[1] См. ***1848. Февраля 16 <28>. Понедельник. Москва***.

[2] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. С. Покровское***; ***1848. Мая 11. Вторник. Радонежье (Абрамцево)***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***.

[3] Трощинский.

[4] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка***.

[5] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[6] Подробнее см.: ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

[7] Подробнее см.: ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***.

[8] Письмо не сохранилось (см. ***1848. Февраля 16 <28>. Понедельник. Москва***).

[9] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[10] Письмо также не сохранилось.

[11] Имеется в виду статья Жуковского «О поэте и современном его значении. *Письмо к Н. В. Гоголю*», напечатанная в № 4 «Москвитянина» за 1848 г (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь*** – примечания; ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***; ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***).

[12] Речь идет о статье Шевырева «Очерки современной русской словесности» (отд. «Критика». С. 83–104).

[13] В 1848 г. Шевырев вошел в новый «комитет редакции» «Москвитянина».

[14] Эти и следующие далее строки («...Всем нам следует во всех своих действиях <...> *умерять себя*... <...> ...Все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, <...> об одной только *любви* следует нам заботиться») являются косвенным откликом Гоголя на статью С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями», опубликованную в № 1 «Москвитянина» за 1848 г. Письмо к Шевыреву Гоголь писал после прочтения его критических статей в четвертом номере журнала за 1848 г., которые явились ответом на нападки петербургских изданий («Северной Пчелы», «Отечественных Записок» и «Современника») на статьи Шевырева, помещенные в первом номере «Москвитянина» за тот же год.

[15] Речь идет о ссоре С. Т. и К. С. Аксаковых и Н. Ф. Павлова с С. П. Шевыревым из-за напечатанного последним в № 3 «Москвитянина» разбора поэмы К. К. Павловой «Двойная жизнь» (см.: *Барсуков*. 1895. Кн. 9. С. 454–457).

[16] Письмо неизвестно. О своем адресе Гоголь уведомлял Шевырева в письме из Бейрута: «Пиши мне в Полтаву, прибавляя: "оттуда в деревню Васильевку"» (см. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***).

[17] Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[18] Шереметева.

АПРЕЛЯ 21. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголь сию минуту[1] написал мне[2] уже из Бейрута»[3].

Спустя три дня, 24 апреля 1848 г., Плетнев, по-видимому, отвечая на вопрос Грота, сообщал о содержании письма Гоголя: «Гоголь пишет очень коротко. Он был в Иерусалиме. Поживет в Константинополе, в Одессе и в Малороссии у матери. Ко мне приедет не ранее[4] следующей весны»[5].

[1] Ср. ***1848. Апреля 20. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1848. Апреля 4. Вербное воскресенье. Бейрут***.

[3] *Свод*. Т. 1. С. 697.

[4] На самом деле Гоголь писал Плетневу: «Осенью — в Москву, а там увижу, можно ли мне будет успеть съездить в Петербург обнять тебя и немногих близких нам или отложить до весны».

[5] *Свод*. Т. 1. С. 698.

АПРЕЛЯ 23. ПЯТНИЦА. Д. ОКНА

Н. В. Неводчиков пишет Гоголю (письмо отправляет в Одессу А. С. Стурдзе, который 3 мая 1848 г. переслал его Гоголю[1]):

«В карантине я говорил с Вами от лица Александра Скарлатовича[2], а из деревни пишу к Вам от себя. <...> Вы не раз тешили меня и не малому наставили. Помню задушевную веселость, с какою я читал "Вечера на хуторе"; помню живую увлекательность "Миргорода"; помню и первое впечатление "Мертвых Душ". "Мертвые Души" читал я многажды. Я всматривался в характеры Чичикова, Манилова, Ноздрева, и в них, как в зеркалах, поверял душевные движенья. Не без стыда и досады, но признал же я в себе иные черты чичиковские, маниловские и даже ноздревские, — и с того времени жажда к самоисправлению показалась во мне. А "Выбранные места" стали у меня почти настольною книгою. Последнее из "Мест" — "Светлое Христово Воскресенье", особенно пришлось по сердцу моему: с радостию перечитал я эту статью в первый день Пасхи[3].

Не бесплоден был для меня и наш короткий карантинный разговор. В последнее время соблазняла меня мысль, что должность наставника не по силам моим: меня одолевали — лень и лжесмирение. Добрая Ваша мысль о пользе воспитания для самого воспитателя[4] запала в мою душу и освежила ее. За все Вам — русское спасибо! И путь новый ждет Вас, путь далекий и трудный, но прямой, от Господа Вам назначенный путь. С Богом идите!»[5]

[1] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***

[2] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса.***

[3] 23 марта 1847 г. или 11 апреля 1848 г.

[4] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса*** (воспоминания Н. В. Неводчикова).

[5] Ответ Гоголя не сохранился (см. ***1848. Мая между 3 и 7. Одесса***).

АПРЕЛЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Константинополя[2]. В тот же день, следуя по-прежнему[3] распоряжению Гоголя («Денег мне больше не присылай...»)[4], отправил на хранение в ломбард 228 рублей серебром[5] — последнюю сумму, выданную государственным казначейством из денежного пособия Гоголю Императора Николая I[6].

[1] См.: *Городецкий*. С. 456.

[2] См. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь.***

[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1847. Июля 22 <августа 3>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1848. Января 21 <февраля 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[5] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] Пособие было назначено Гоголю в 1845 г. сроком на три года (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

АПРЕЛЯ 29. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Н. Н. Шереметевой в с. Покровское:

«Сию минуту получил я письмо от Н. В. Гоголя из Одессы от 21-го апреля[1]. Слава Богу, он прибыл[2] благополучно. Пишет ко мне из карантина. Духом спокоен и счастлив. Едет к своей матери, в Полтаву, в д<еревню> Васильевку. Там будет и его адрес. Вам просит сказать, что письма Ваши получены им очень исправно в Константинополе и что он будет отвечать. Когда я прочел его письмо, первою мыслию моею было благодарить Бога за то, что Он по милосердию Своему услышал наши молитвы о благополучном возвращении нашего друга в Россию».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 103; см. также: *Барсуков.* 1895. Кн. 9. С. 471.

[1] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***
[2] См. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса.***

АПРЕЛЯ 30. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

В паспорте Гоголя сделана отметка:

«Одесса – 30 апреля».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

АПРЕЛЯ КОНЕЦ. МОСКВА

М. С. Щепкин приезжает к Аксаковым и сообщает, что Гоголь в Одессе[1]. (О прибытии Гоголя в Россию Щепкин, вероятно, узнал от С. П. Шевырева[2].)

[1] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***
[2] См. ***1848. Апреля 29. Четверг. Москва.***

МАЯ СРЕДИНА <АПРЕЛЯ КОНЕЦ>. РИМ

А. А. Иванов отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Спешу с ответом на милое ваше письмо... <...> Только в самой глубине мира и согласия сыскиваются [самые] драгоценные идеи, посредством которых важнейший труд художника преуспевает в своем совершенстве. Но как скоро эта светлая сила беспрестанно нарушается движением чужих страстей, то он из творца вдруг делается простым работником и сам уже невольно огрубевает, делаясь рабом тоже и своих страстей. Que Dieu Notre pére et le Segner Jesus-Criste vous donnent la *grâce* et la *paix*»[2].

Тогда же Иванов писал графине С. П. Апраксиной (вероятно, в Неаполь):

«Граф А<лександр> П<етрович>[3] поручил мне извещать Вас о всем том, что получу от Н. В. Гоголя. Исполняя [такую приятную] наложенную на меня обязанность, я за нужное считаю скопировать здесь его письмо ко мне из Константинополя, только что мною полученное[4]. Если принять его просто, то оно в себе ничего не заключает, кроме внимания ко мне. Желательно бы мне было не отвечать ему до личного свидания с Вами. Но как и где это будет, я даже не в силах теперь об этом и думать»[5].

[1] См. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь***; ***1848. Мая средина <апреля конец>. Рим***.

[2] Да Бог Отец наш и Господь Иисус Христос дарует вам милость и мир (*фр.*).

[3] Толстой.

[4] Письмо от 14/26 апреля 1848 г. из Константинополя (см. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь***).

[5] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 351.

МАЯ 1. СУББОТА. ОДЕССА

Обед в честь Гоголя, данный его «товарищами по лицею» (по-видимому, братьями Ал-ром и Анд. И. Орлаями[1], К. М. Базили, Н. В. Кукольником[2] и, возможно, И. С. Данилевским[3]), а также многочисленными почитателями[4].

А. А. Скальковский[5] в этот день записал в дневнике: «...Приехал морем Гоголь писатель; ему давали обед, но меня не уведомили, но я познакомился с ним на лестнице[6], и он сказал, что знает меня по слуху о моих книгах...»[7]

Спустя несколько дней, 19 мая 1848 г., корреспондент «Одесского Вестника» сообщал: «Мы извещали, что 16-го апреля[8] к нам приехал из Константинополя Н. В. Гоголь, на возвратном пути из Сирии. По выходе его из карантина, 1-го мая, некоторые из его товарищей по лицею и друзей, в сообществе многих почитателей знаменитого русского таланта, давали его обед. 4-го мая[9] Николай Васильевич оставил нас и отправился в Малороссию»[10].

[1] См. ***1848. Мая 4. Вторник. Одесса***.

[2] См. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса***.

[3] См. ***1848. Мая 11. Вторник. Киев***.

[4] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[5] Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898/99), историк малороссийского казачества, статский советник, служил секретарем в одесском отделении коммерческого совета. — См. также ***1846. Январь <января средина — февраля средина>. Санкт-Петербург***.

[6] Сын Скальковского Н. А. Скальковский, публикуя дневниковые записи отца о Гоголе, сообщал: «Лестница, о которой говорится выше, конечно, знаменитая лестница с Бульвара к морю, которую показывали всем приезжим...» (*Скальковский Н.* Письмо в редакцию // Новое Время. 1901. 4 ноября. № 9221; *Свод*. Т. 3. С. 637).

[7] *Скальковский Н. А.* Письмо в редакцию. <Гоголь в дневниковых записях А. А. Скальковского> // *Свод*. Т. 3. С. 637.

[8] См. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса***.

[9] Гоголь выехал из Одессы в Васильевку 7 мая 1848 г. (см. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса***).

[10] *К. К.* Заметки и вести // Одесский Вестник. 1848. 19 мая. № 40. С. 210. Перепечатано: Внутренние известия // Санкт-Петербургские Ведомости. 1848. 5 июня. № 124. С. 491. См. также: *Свод*. Т. 3. С. 638.

МАЯ С 1 ПО 7. ОДЕССА

Гоголь по выходе из карантина живет в доме А. А. Трощинского[1].

В 1880 г. Н. Г. Тройницкий, выступая на дне памяти А. С. Пушкина в Императорском Новороссийском университете, сообщал: «Гоголь не раз заходил к автору стихотворения (т. е. к самому Тройницкому, автору стихотворения "Гоголю. В память знакомства с ним, при возвращении его, чрез Одессу, из Италии"; см. ниже. — *И. В.*) и Льву Сергеевичу <Пушкину>, в дом Крамаревой, на Дерибасовской, где они оба квартировали.

Гоголь вспоминал об Италии, о Пушкине, о порядках в отечестве, о новейших явлениях в русской литературе и рассказал несколько анекдотов. Вообще ему было привольнее в дружеском кружке, чем в большом обществе. Гоголь проживал у Сабанеева моста, во флигеле дома, ныне при-

надлежащего графине Толстой, в двух комнатках. В одной из них стоял только круглый ясеневый стол, на котором лежала одна книжечка — Новый Завет, на греческом языке. В другой — кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь в полулист. Гоголь уже находился тогда под разъедающим настроением того мистицизма, из которого, по-видимому, он и сам не усматривал выхода[2], и который натолкнул его на злополучную решимость сжечь вторую часть "Мертвых Душ" и ускорил его смерть.

Воспоминания о знакомстве и беседах с Гоголем выразились в следующем стихотворении:

ГОГОЛЮ

В память знакомства с ним, при возвращении его, чрез Одессу, из Италии.

Ты возвращался из страны,
Где столько красок и весны;
Где в мире вольного искусства,
Такой простор для дум и чувства;
Где светлым мраморным богам
Курился долго фимиам;
Где обаяньем дышат донны;
Где изваянные Мадонны
По перекресткам и дворцам
Подъемлют взоры к небесам;
Где в храмах прежних поколений
Уж не возносится молений;
Где древний мир приют нашел;
Где католичества престол.

* * *

О той полуденной стране,
Ее богах, ее весне,
Ее чарующих созданьях,
Гремящих славою преданьях,
Великий наш певец мечтал,
Хотя ее и не видал[3]:
В нее лишь мыслью уносился,
Лишь духом с нею он родился,
И лик ее, как бы живой,
Сиял пред вещею душой.

* * *

Ты, на пути в свой край родимый
На скифский берег наш ступил,
И мир иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружил.
Перебирая молча четки[4],
Ты нам привет послал рукой
Сквозь карантинные решетки,
И здесь мы встретились с тобой:
Брат знаменитого поэта[5],
Да я — ничем не именитый,
Да ты — зашелец знаменитый.
Горячим воздухом одета,
Виднелась цепь через залив;
Волны рокочущей отлив
До слуха чутко доносился,
Пока ты с нами не простился.

* * *

Был ясный день, и зной томил,
Когда ты кров мой посетил.
И незаметно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежный жизни строй,
И нам присущий быт родной
И про твои *с поэтом* встречи.
О *нем* — владыке русской речи,
Высоком, искреннем певце,
В терново-лавровом венце
Унесшем в глубь своей могилы
Такие творческие силы,
Нам грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.

* * *

Ни люстр, висящих с потолка,
Ни бронз, ни утвари красивой,
В укромной сени уголка,
Когда в Одессе суетливой
Ты проживал, я не видал.
О них ты мало помышлял.
Всего две горенки: в одной
Завет Спасителя, в другой —
Где воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. В ея
Потом сожженные листы
Ты заносил свои мечты,
И думал ты, что труд упорный,
Многострадальный, плодотворный,
Свершен. Один удар резца
До вожделенного конца,
Тебе казалось, оставался.
И ты простился и расстался,
Расстался с нами навсегда...[6]

* * *

Всему здесь жребий и чреда!
Ты мыслил много, и страдал,
И умер. Не осуществился
Тебя томивший идеал.
Из дольнего переселился
Ты в оный мир, где нет ни слов,
Ни мнимых радостей, ни грез,
Ни воздыханий, ни печали,
Что прежде сердце волновали.
Туда, туда — тебе вослед,
Я посылаю свой привет
Твоим несбывшимся мечтам
И недомолвленным речам...»[7]

Позднее Тройницкий добавлял: «По выдержании карантина, Гоголь — не помню через сколько дней — навестил Пушкина. Затем, спустившись с верхнего этажа, Гоголь шел с Пушкиным по двору и тут я встретил их. Гоголь и Пушкин зашли ко мне прямо в кабинет. Гоголь как был в плаще (альмавиве) и круглой шляпе, так и уселся на канапке — с ногами; он видел мое простое с ним обращение — искренность и откровенность, потому и оказал ко мне доверие своею непринужденностью... Он был в веселом расположении духа, можно сказать, даже — в ударе, и без умолку говорил о великом Пушкине, об Италии и о ее нравах, о России... Рассказывал анекдоты, из коих помню два. Первый: как сельский староста Федот, по приказанию начальства, собирал статистические сведения по имению. Начальство (помещик, или другой кто) разослало циркуляры по имениям, чтобы точно показано было, сколько какого скота, птицы и прочего. Староста Федот усердно и точно хотел выполнить это распоряжение, и в статистику птицы включить и воробьев, сколько их примерно в огороде, сколько в других местах... Второй: Раз в Москве, — рассказывал Гоголь, — ночью еду я на извозчике, в глухом переулке, вдруг на пути вижу в одном доме освещение во всех окнах, и пение слышится как будто церковное... "Что за торжество такое?" — спросил у извозчика. "Да это, извольте видеть, б... перешла на новую квартиру, так молебствие правят"[8].

Это первое посещение меня Гоголем я впоследствии, в 1880 г., описал в стихах, которые я читал на празднике в честь Пушкина, устроенном в Одессе — здешним славянским обществом по поводу открытия в Москве памятника великому поэту. Маразли[9], Евреинов[10] и др. упросили меня сказать что-нибудь на этом празднике литературы. Я и прочитал стихи о встрече моей с Гоголем в карантине и о посещении им меня. В этих стихах кое-что упоминалось и о великом поэте, но стихи эти я выдал не за свои, а приписал их "какому-то неизвестному в литературе автору". Они были потом напечатаны в брошюре, описывающей Пушкинский праздник в Одессе.

Но в стихи эти я не все включил, что мною было написано. Именно — о том, что Гоголь расположился у меня в кабинете в плаще и шапке и рассказал два анекдота — я умолчал. А это было изложено у меня так:

Ты и меня тогда почтил —
Мой уголок ты посетил.
И так, как был, — в плаще и шапке,
Ты приютился на канапке
И рассказал два анекдота:
Один про старосту Федота,
Что воробьев в селе считал
И их в статистику включал;
Да про молебен ночью странный —
Там где-то средь Москвы пространной, —
Где грех творился окаянный...

Затем <...> скоро я посетил Гоголя. Он жил на Надеждинской улице, в доме Трощинского. Гоголь занимал здесь две комнаты. В одной комнате — круглый стол, ясеневый, ничем не накрытый, и на столе — Новый Завет на греческом языке — в 18-ю долю — хорошо помню, так как подобные экземпляры я часто видел в цензурном комитете, где я служил. В другой комнате — этажерка, и на ней длинная тетрадь, исписанная, вероятно, "Мертвые души", кровать и пара стульев — больше ничего. Гоголь был в сюртуке. Помню, при разговоре, я спросил мимоходом — не нарочно: "Кончили вы уже, Николай Васильевич, «Мертвые души»?" "Да, кончить-то кончил, — сказал он, — но так, знаете, как на картине: нужны еще последние два-три удара кисти".

Насколько помню, в тот же первый приезд Гоголя (в 1848 г.) был в Одессе и Нестор Кукольник, известный писатель, и раз пришел он к Льву Пушкину. В это время и Гоголь зашел было к Пушкину, но не надолго. Увидя многочисленное общество, он улизнул. И мне перед этим сказал Пушкин: "приходите, покажу вам пьяного Кукольника". Но я зашел, встретил там множество народа и незаметно удалился (у Пушкина вообще всегда бывало много гостей; жена его[11] любила веселиться в многолюдном обществе). <...>

В какой-то тогдашней московской или петербургской газете... встретил я несколько строк о Гоголе в таком виде: "живет все за границей, ничего не пишет", все укоризненно как-то. Я вложил

этот № в пакет, при записке, что вот укоряют все вас, Николай Васильевич, что ничего не пишете, — запечатал и послал через человека, который у меня разносил пакеты. И Гоголь расписался в моей разносной книге — в получении пакета»[12].

В бумагах Н. В. Кукольника (1809–1868) сохранилась рукописная книжка 1840–1850 гг. «Анекдоты», в которой тот записал, в числе других, анекдот, известный также по мемуарам о Гоголе Тройницкого (см. выше) и графа В. А. Соллогуба[13]: «В обществе, где весьма строго уважали чистоту изящного, упрекали Гоголя, что он сочинения свои испещряет грязью самой подлой и гнусной действительности. "Может быть, я и виноват, — отвечал Гоголь, — но что же мне делать, когда я как нарочно натыкаюсь на картины, которые еще хуже моих. Вот хотя бы и вчера, иду в церковь. Конечно, в уме моем уже ничего такого, знаете, скандалезного не было. Пришлось идти по переулку, в котором помещался бордель; в нижнем этаже большого дома все окна настежь; летний ветер играет с красными занавесками. Бордель будто стеклянный: все видно. Женщин много; все одеты, будто в дорогу собираются; бегают, хлопочут, посреди залы столик покрыт чистой белой салфеткой, на нем икона и свечи горят... Что бы это могло значить? — У самого крылечка встречаю пономаря, который уже повернул в бордель. "Любезный! — спрашиваю. — что это у них сегодня?" "Молебен, — покойно отвечал пономарь, — едут в Нижний на ярмонку; так надо же отслужить молебен, чтобы Господь благословил и делу успех послал"»[14]. (Анекдот, возможно, был рассказан Гоголем Кукольнику не в Одессе, а осенью того же, 1848 г. в Петербурге[15].)

В 1887 г. этот «анекдот», вероятно, в записи Соллогуба, предполагал включить во второй том своего «Собрания анекдотов...» М. В. Шевляков (оставивший также статью «Рассказы о Гоголе и Кукольнике»[16]), однако, по представлению цензора, соответствующие страницы были изъяты: «...Цензор Конович заявил, что на страницах 132–135 помещен неудобный к появлению в подобном общедоступном издании анекдот, рассказанный Н. В. Гоголем в гостиной графини Виельгорской...»[17]

Вероятно, в период тогдашнего пребывания в Одессе Гоголь в записной книжке 1846–1850 гг. пометил: «Кукольник против Семенов<ских> казарм в Гороховой улице рядом с Москов<скими> казарм<ами> в доме Демидова. Боткин у князя Вяземского». По-видимому, записи петербургских адресов были сделаны в мае 1848 г. в Одессе со слов Н. В. Кукольника, с которым Гоголь осенью того же года встретился в Петербурге[18].

Возможно, к этому же периоду относится еще одна гоголевская заметка в той же записной книжке 1846–1850 гг.: «Статский Советник Федор Михайлович Чуйкевич[19] в СПб. на Воскресенском проспекте и на углу Захарьевской улицы в доме Колосовой».

[1] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).

[2] См. также ***1851. Ноября 7. Вторник. Одесса*** (мнение А. И. Маркевича).

[3] «Известно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей» (примеч. в изд. 1880 г.).

[4] См. также ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[5] «Лев Сергеевич Пушкин» (примеч. в изд. 1880 г.).

[6] Строки относятся к весне 1851 г. (см. ***1850. Ноября 7. Вторник. Одесса*** — примечание А. И. Маркевича).

[7] <Гоголь в Одессе>. Фрагмент статьи «День памяти Пушкина 6 (26) июня 1880 года в Императ<орском> Новороссийском университете» // *Свод*. Т. 3. С. 628–630.

[8] Аналогичный анекдот Гоголь рассказывал в 1848 г. — в Одессе или в Петербурге — Н. В. Кукольнику (см. ниже запись в рукописной книжке Кукольника); в Петербурге — графине Л. К. Виельгорской (см. примеч. ниже); в Москве, в 1849 г., — Л. И. Арнольди (см. ***1849. Между июня 28 и июля 4 или 5. Москва***).

[9] Григорий Григорьевич Маразли (1831–1907), одесский городской голова, филантроп.

[10] Григорий Александрович Евреинов (1839–1914), до 1880 г. — прокурор Одесской судебной палаты, впоследствии сенатор.

[11] Елизавета Александровна (рожд. Загряжская, 1823–1898), жена Л. С. Пушкина с 1843 г.

[12] *Мацеевич Л.* Одесские предания о Гоголе // Одесский Листок. 1909. 29 июля. № 172; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 395–396.

[13] Соллогуб вспоминал, как Гоголь рассказал анекдот графине Л. К. Виельгорской (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***).

[14] *Кукольник Н.* Анекдоты / *Курганов Е. Я.* Между фольклором и литературой // Искусство Ленинграда. 1991. № 1. С. 69; *Свод*. Т. 3. С. 239.

[15] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[16] См: *Свод*. Т. 1. С. 557–559.

[17] *РГИА*. Ф. 891. Ед. хр. 120. Л. 5.

[18] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[19] Ф. М. Чуйкевич (1801 — после 1863), член Строительного департамента Морского министерства, представитель древнего казацкого рода Чуйкевичей.

МАЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

Гоголь посетил лютеранскую кирху Св. Павла (открыта в 1827 г., снесена в 1894 г.), где за ним со стороны наблюдал В. И. Белый[1].

Год спустя, 27 апреля 1849 г., Белый сообщал Гоголю, что «кой-что заметил <...> из лица» его, которое «досталось» ему «лицезреть один момент <...> в Одессе, прошлого года»: «Это моя маленькая история. В то время была у меня на душе сил<ьн>ейшая горесть, а тут единственный приятель мой зовет праздновать весну, было 1 мая; но я бегал везде по городу, чтоб увидеть Гоголя. И если было встречу француза в бороде или итальянца в смешном костюме: это Гоголь! Гоголь! прежде же всего увидел одного больного господина, который ехал в енотовой шубе, по той улице, где дом Т<рощинского>. — Это непременно Гоголь! а тогда было тепла за 20 град<усов>. Но увидел Вас уже на другой день в Л<ютеранской> церкви; но, через одних сударыней, я мало Вас видел. И было мне за что-то очень, очень досадно».

В заключение письма, отправленного 2 мая 1849 г., Белый добавлял: «Ровно год как я имел счастье Вас видеть»[2].

В тот же день, 2 мая 1848 г., А. А. Скальковский записал в дневнике:

«...Утром ездил к писателю Гоголю, ни его наружность, ни разговор ничего не обещали. Мы долго толковали о литературе, о его “Мертвых душах” и проч., и я не мог заметить в нем ни энтузиазма (как у нас), ни теплоты таланта, как у Крашевского[3]...»[4]

[1] Владимир Иванович Белый (Белой, Билый, 1817–1890), с 1835 г. — служащий Одесской городской думы с 1835 г.; с 1871 г., после кончины брата Григория (владельца книжного магазина на Дерибасовской улице), занимался книготорговлей и издательским делом.

[2] См. ***1849. Мая 2. Понедельник. Одесса.***

[3] Имеется в виду польский писатель Иосиф Игнатий Крашевский (1812–1887). Сын Скальковского Н. А. Скальковский, публикуя дневниковые записи отца о Гоголе, сообщал: «Крашевский был приятелем отца и тогда часто приезжал в Одессу из Волынской губернии, где у него было имение» (*Скальковский Н.* Письмо в редакцию // Новое Время. 1901. 4 ноября. № 9221; *Свод.* Т. 3. С. 637).

[4] *Скальковский Н. А.* Письмо в редакцию. <Гоголь в дневниковых записях А. А. Скальковского> // *Свод.* Т. 3. С. 637.

МАЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отвечает[1] С. П. Шевыреву в Москву:

«Не знаю, как и благодарить, душевно и истинно мною уважаемый Степан Петрович за дружеское ваше расположение. Письмо ваше сегодня имела утешение получить. Благодарю Бога, помогшего ему свершить обет, столь давно им данный — и неисполнение оного иногда может теснило его чистую душу. От всего сердца благодарю Милосердного Господа, сохранившего его, и да с Его Отцовскою Помощию возможет он на родине и трудиться и поступать, как Ему, Премилосердному, угодно. Поверьте, почтеннейший Степан Петрович, с тех пор, как он из Москвы ехал, в нынешнем месяце будет шесть лет[2], поверьте Богу, что не было дня ни единого, в который бы я о нем не вспоминала с любовию пред Тем, Которой один все видит и один все может, да Он его не покинет и наставит и поможет творить Его святую волю. <...> Как утешительно вспомнить, что наш друг в России. Бог видит, как все эти шесть лет мне о нем помнилось и с каким чувством всегда и сию минуту вручаю его Отцовскому Покрову»[3].

[1] См. ***1848. Апреля 29. Четверг. Москва.***
[2] Гоголь выехал из Москвы 23 мая 1842 г. (см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***).
[3] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 547–548.

МАЯ 3. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРИЮТ, БЛИЗ ОДЕССЫ

Гоголь вместе с К. М. Базили навещают А. С. Стурдзу.

Позднее, 6 июня 1850 г., Гоголь писал Стурдзе: «Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе. Мы виделись мало: час с небольшим. Только прошлись по саду вашего приютного обиталища да едва тронулись в разговоре таких вопросов, о которых хотелось бы душе поговорить подольше[1]. Но, несмотря на то, этот час и эта прогулка остались в памяти моей, как что-то очень отрадное».

Сам Стурдза осенью 1852 г. вспоминал о Гоголе: «Он нечаянно[2] посетил меня на моей приморской даче, вместе с умным спутником своим К. М. Базили. Но свидание наше было минутно, Гоголь спешил к родным в Малороссию, а оттуда в Москву»[3].

В тот же день, 3 мая 1848 г., после визита, Стурдза писал Гоголю:

«Как угодно, почтеннейший Николай Васильевич, а книгу мою *Письма о должностях* св. Сана[4], при сем посылаемую, вам надобно будет взять с собой. Она пригодится кому-нибудь и в руках ваших пусть остается лучший труд мой залогом моей братской любви к вам и надежды на вас!

Прилагаю здесь и письмо моего доброго Неводчикова[5], которого я посылал к вам с приветом в карантине[6]. Он из деревни, где проживает теперь с моими детьми[7], прислал мне эту грамотку, прося вручить по надписи, что сегодня при свидании нашем забыто мной. <...> Благодать Христова да осеняет вас присно и всюду!»

Из разысканий А. И. Маркевича[8] (1902): «...Кого он <Гоголь> мог увидеть в Одессе[9] еще, кроме <...> А. А. Трощинского, Н. Гр. Тройницкого, Л. С. Пушкина и Н. В. Неводчикова? Несомненно, во-первых, сына Трощинского – Димитрия и его духовника[10] (Гоголь позднее, 22 <28> ноября 1848 <1849> г., писал из Москвы матери со слов духовника Д. А. Трощинского, что последний вовсе не так дурен в душе, как о нем думают. Д. А. Трощинский окончил в 1850 г. Ришельевский лицей и умер в Полтаве в конце 80-х годов); затем <...> своих товарищей <Александра и Андрея И. Орлаев>; далее А. С. Стурдзу, которого он посетил (вместе с Базили) немедленно по выходе из карантина на его приморской даче "Приют"... (Дача эта находится возле так наз<ываемого> Малого Фонтана и ныне принадлежит внуку Стурдзы кн<язю> Анат<олию> Евг<еньевичу> Гагарину. Письмо Стурдзы Гоголю от 3 мая имеет дату "Приют"; а другое письмо, от 21 июня 1850 г., – "Приют близ Одессы". Дача верстах в 5 от Одессы.) <...>

Вероятно, при посредстве Стурдзы состоялось знакомство Гоголя с профессором Ришельевского лицея <протоиереем> М. К. Павловским[11], человеком к Стурдзе очень близким. Позднее Гоголь в письме к Стурдзе (в сентябре 1850 г.) просит передать поклон Павловскому, уже как знакомому, который может его помнить[12]. В этом же письме Гоголь говорит и о других таких же знакомых, видимо, подразумевая под ними профессоров лицея И. Г. Михневича[13] и Н. Н. Мурзакевича, – тоже бывших с Стурдзою в хороших отношениях. (В письме к Гоголю из Одессы в 1850 г.[14] <...> Стурдза пишет не только о Павловском, но и о Михневиче, и притом вскользь, как о лицах, уже известных Гоголю.) <...>

Бывал Гоголь в 1848 г. в Одессе еще у какого-то Авр–ва (удобнее всего было бы читать: "Аврамова"[15], но в Новороссийском Календаре того времени я подходящего не отыскал; вероятно, это было лицо не служащее), и не раз, так как последний в шутливом письме к Гоголю (от 8 мая 1848 г. <...>) выражается так: "Я очень рад с одной стороны, что ты уехал из Одессы, ибо я замечал некоторую слабость в тебе к моей жене <к тебе в моей жене>"[16].

Отыскал Гоголя в Одессе единоутробный брат А. С. Данилевского В. В. Черныш[17]. Наконец, можно предполагать, что Гоголь виделся и с архиепископом Иннокентием, который в это время устраивал Архиерейскую дачу за Тираспольской заставой[18]. Жил Гоголь тогда, вероятно, у Трощинского, как и три года спустя»[19].

Кроме этих лиц, Гоголь, по-видимому, уже в 1848 г. встречался в Одессе с Титовыми – знакомыми Стурдзы – Петром Павловичем Титовым (1800–1878), братом В. П. Титова, отставным поручиком, бывшим декабристом, членом Северного общества (1824), коллежским советником (с 1848 г.), членом Строительного комитета

Одессы[20], и его женой Юлией Михайловной, дочерью генерала М. И. Левицкого[21], бывшей фрейлиной Императрицы Александры Феодоровны. Два года спустя, в письме к Стурдзе из Москвы от 6 июня 1850 г., Гоголь писал: «Передайте душевный мой поклон Титовым»[22]. Во время второго пребывания в Одессе[23] Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 7 ноября 1850 г. сообщал: «Часто видаюсь со Стурдзой, с кн. Репниными, Титовыми...»

Из разысканий А. И. Маркевича: «К <...> кружку Стурдзы принадлежали <...> Титовы, т. е. П. П. Титов, непременный член строительного комитета, и супруга его Ю. М. Титова; по воспоминаниям одесских старожилов, Титовы были люди гостеприимные и жили в Одессе очень открыто»[24].

Возможно, тогда же в Одессе Гоголь встречался с братом А. С. Данилевского И. С. Данилевским[25].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «На Гоголя имел большое влияние протоиерей Павловский, почтенный и добрейший Священник, когда Гоголь жил у Репниных в Одессе <осенью 1850 – весной 1851 гг.>»[26].

[1] В то время Стурзда был занят учреждением в Одессе общины сестер милосердия (основана в 1850 г.; см. ***1850. Ноября 1. Среда. Одесса***). Незадолго перед тем он послал Погодину свою статью «Взгляд на богоугодные заведения для служения больным, учрежденные в мире христианском», в которой сообщал: «Для восполнения всеми ощущаемого недостатка надавно слились желания и дружные усилия горсти благонамеренных людей; открыта частная, добровольная подписка, в которой принял прямое и ободряющее участие князь М. С. Воронцов. Проект устава для предполагаемого заведения уже составлен и вскоре поступит на рассмотрение главного начальства. <...> В образцовой богадельне, которая будет вместе и рассадником сердобольных сестер, предполагается помещение на 24 кровати для одних больных и страждущих *женского* пола....» (*Стурдза А.* Взгляд на богоугодные заведения для служения больным, учрежденные в мире христианском // Москвитянин. 1848. Ч. 3. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). Критика. С. 171–172; с пометой: «Одесса. 5-го Февраля 1848 года»).

Вероятно, именно Гоголь познакомил позднее с Стурдзой свою одесскую знакомую Е. А. Хитрово, которая в 1852 г., после кончины писателя, вступила в Стурдзовскую общину сердобольных сестер и стала ее настоятельницей (см. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса*** – примечания; ***1851. Марта 15. Четверг. Одесса***; ***1851. Марта 27. Вторник. Одесса***).

[2] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[3] *Стурдза А. С.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод*. Т. 3. С. 632.

[4] Книга А. С. Стурдзы «Письма о должностях священного сана» (Одесса, 1841); выдержала несколько переизданий.

[5] См. ***1848. Апреля 23. Пятница. Д. Окна.***

[6] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[7] Имеются в виду дочь Стурдзы княгиня М. А. Гагарина-Стурдза и ее сыновья Григорий, Анатолий и Юрий.

[8] Алексей Иванович Маркевич (1847–1903), историк; учился в Лицее князя Безбородко (см. ***1827. Декабрь. Нежин*** – примечания); профессор Новороссийского университета.

[9] Во второй половине апреля – начале мая 1848 г.

[10] Лицо неустановленное.

[11] Протоиерей Михаил Карпович Павловский (1810–1898), законоучитель Ришельевского лицея, профессор богословия Новороссийского университета; духовник Стурдзы и Репниных-Волконских.

[12] См. также сопроводительную записку протоиерея Михаила Павловского к Гоголю, при посылке иконы святителя Николая Чудотворца, от 30 октября 1850 г.: ***1850. Октября 30. Понедельник. Одесса***.

[13] Иосиф Григорьевич Михневич (1809–1885), писатель, профессор философии Ришельевского лицея в Одессе.

[14] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы***.

[15] В автографе письма читаются только первые три литеры фамилии отправителя: «Весь твой Авр<*нрзб.*>» (см.: *РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 1). Возможно, автор письма – чиновник городской магистратуры Одессы, коллежский регистратор Феофан Константинович Авраменко (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1848 год. СПб., 1848. Ч. 2. С. 208; Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 184).

[16] См. ***1848. Мая 8. Суббота. Одесса***.

[17] 16 мая 1848 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Василий Василь<еви>ч <Черныш> нашел меня в Одессе, изумив, разумеется, [своею взрослостью] своим ростом» (см. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка***).

[18] «Но во всяком случае Гоголь не мог в 1848 г. видеться с Д. М. Княжевичем, как это сообщает Шенрок (Материялы, IV, 698–699, примечание), ибо Д. М. Княжевич умер 1 октября 1844 г. Не познакомился Гоголь тогда и с А. И. Казначеевым, так как впервые увидел его в 1850 г. – см. Письма, IV, 359. Вообще у Шенрока в указанном выше примечании слиты в одно все знакомые Гоголя в Одессе и в 1848 г. и в 1850–1851 г. Точно

так же и В. В. Каллаш в статье о Гоголе (Истор<ический> Вестн<ик> 1902 г. № 2), в главе "Гоголь в Одессе", сбитый неточным изложением фактов у Тройницкого, отнес к 1848 г. и то, что происходило с Гоголем уже в 1850–1851 г.» (примеч. А. И. Маркевича).

[19] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 779–780.

[20] См.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1849 год. СПб., 1849. Ч. 2. С. 207.

[21] См. ***1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса*** (воспоминания Н. Н. Мурзакевича).

[22] См. ***1850. Июня 6. Вторник. Москва.***

[23] См. ***1850. Октября 24 – 1851. Марта 28. Одесса.***

[24] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 782.

[25] См. ***1848. Мая 11. Вторник. Киев.***

[26] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 269.

МАЯ 3. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. П. Ломтев записал в дневнике:

«Был у г. Чижова[1] – ходили к г. Писареву[2] и не застали. NB. У Гоголя слышу первый раз – "Кругозор"[3]. Рус<ское> слово, а горизонт – иностранное. <...>

Читаю – "Выбранные места из переписки с друзьями" Гоголя. <...>

Читал Гоголя и думал, что еще у нас никто не говорил так много правды».

Ломтев Н. П. Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

[1] Ф. В. Чижов.

[2] Вероятно, имеется в виду Александр Александрович Писарев (1780 – 23 июля 1848), генерал-лейтенант, писатель.

[3] Имеется в виду одно из трех словоупотреблений Гоголя (вероятно, первое) в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «...Два предмета вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому. Первый из них – *Россия*. При одном этом имени как-то вдруг просветляется взгляд у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозор...» (*X. О лиризме наших поэтов*). См. также: «...Свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства. Он их испугается, как мрачного монастыря, <...> если не возведешь его на некоторое высшее место, откуда ему станет видней весь необъятный кругозор христианства...» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности»); «Вот если бы ты <...> собрал бы <...> дельные замечания на мою книгу... <...> Как бы от этого раздвинулся мой кругозор!» (*XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*).

МАЯ 4. ВТОРНИК. ОДЕССА

Гоголь пишет А. С. Данилевскому в Киев:

«Пишу к тебе, улуча свободную минуту, из Одессы. Приехал я сюда благополучно вместе с Базили, которого попал[1] на дороге в Россию. Полагаю завтра пуститься в Полтаву, а оттуда в д. Василевку, где располагаю пробыть с месяц, а, может быть, и более. Уведоми меня двумя словами, будешь ли ты в Полтаву и когда. Меня очень поразила весть о смерти Пащенка[2]. Кроме того, что это была добрейшая душа, он мне мог сообщить сведенья, которые мне особенно теперь нужны относительно многого, что делается в наших околотках. Он был умен и имел способность замечать. И ты и я лишились в нем товарища закадычного. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что его уже нет. Здесь я встретил многих знакомых и наших соучеников. Орлаи оба, Александр и Андрей[3], прекрасные [мал<ые>] люди и будут от души хлопотать о тебе[4]. Но обо всем об этом мы переговорим лично. Прощай. Обнимаю тебя крепко вместе с супруг<ою> и малюткой[5]. Если Максимович в Киеве, то обними его»[6].

[1] Украинизм.

[2] И. Г. Пащенко.

[3] Сыновья Ивана Семеновича Орлая де Карва, бывшего директора Нежинской гимназии высших наук. Один из братьев, Андрей Иванович, тоже учился в Нежине.

[4] Данилевский в это время мечтал перейти на службу в Одессу (см. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Киев***).

[5] Новорожденная дочь А. С. и У. Г. Данилевских Ольга (см. ***1848. Июня 15. Вторник. Киев***).

[6] Ответ А. С. Данилевского см.: ***1848. Мая 11. Вторник. Киев***.

МАЯ 5. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет Гоголю письмо в Одессу.

Датировка письма уточнена. Оно было датировано Погодиным «Апреля 5. 1848». Вероятно, ошибка была допущена Погодиным в указании месяца (апрель вместо мая), так как Гоголь прибыл в Одессу лишь 16 апреля 1848 г.[1] О приезде Гоголя в Одессу сообщал Погодину Н. Н. Мурзакевич в письме от второй половины апреля 1848 г. Кроме того, о прибытии Гоголя в Одессу Погодин мог узнать из письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 21 апреля 1848 г. Шевырев получил это письмо 29 апреля 1848 г.[2] В письме к Шевыреву Гоголь просит подписаться за него на «Москвитянин» «мимо сведения Погодина»[3], тогда как Погодин сообщает Гоголю о посылке ему «Москвитянина». По-видимому, решение отправить журнал Погодин принял после знакомства с письмом Гоголя к Шевыреву. Это подтверждается содержанием письма к Гоголю Шевырева от 17 мая 1848 г., где тот, в свою очередь, сообщает об отправлении Погодиным журнала в Васильевку[4]. Вполне соответствует предложенной датировке и время отправления ответного письма Гоголя Погодину — 12 мая 1848 г.[5]

Из письма Погодина: «Я только что собрался написать к тебе в Константинополь, куда ты, по моим соображениям, должен бы был теперь приехать, как вдруг услышал, что ты уже в Одесском карантине! Приветствую тебя в отечестве, поздравляю с совершением обета веры, как было для тебя сладко, животворно, действенно посетить Святую землю! Ты произнес горячую молитву за святую Русь в такое страшное время[6]: Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным[7]! <...> Я очень рад, что ты поживешь теперь на родине, под сенью малороссийских черешен. <...> А когда же увидимся? <...> Посылаю тебе “Москвитянина” — тем более что конторщик не отправил по недоразумению его к матушке, как я узнал недавно. Кланяюсь милостивой государыне Марье Ивановне[8] и посылаю к ней письмо <...>[9] маменьки[10], которое пролежало у меня довольно долго в бумагах, а теперь подвернулось в пакете. Нового к нему маменька ничего не прибавит: она, слава Богу, здорова (и все мы) и кланяется твоей по-прежнему».

[1] См. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса***.
[2] См. ***1848. Апреля 29. Четверг. Москва***.
[3] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***.
[4] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва***.
[5] См. ***1848. Мая 12. Среда. Васильевка, Полтава, Васильевка***.
[6] Подробнее см.: ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь*** (примечания).
[7] Пс. 2, ст. 1.
[8] Мать Гоголя.
[9] Дефект рукописи.
[10] Мать Погодина Аграфена Михайловна.

МАЯ 5. СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю (письмо было продолжено на следующий день, 6 мая[1], и отправлено в Васильевку 9 мая 1848 г.[2], в день именин Гоголя):

«Сию минуту <...> возвратилась от обедни, где о вас как и всегда вспоминала с любовию... <...> Как доброму и почтенному Степану Петровичу[3] благодарна, что он поспешил[4] меня утешить ра-

достным известием, что вы уже в Одессе. — Вы, мой друг, зная мою к вам привязанность, легко можете представить, с каким чувством умиления и благодарности обратилась к Сохранившему вас и сподобившему испытать невыразимое блаженство поклониться Гробу Господню... <...> Так нечаянно мы с вами встретились и так вы пришлись мне по душе, которая с той минуты с вами сроднилась, и, 23 мая[5] проводя вас до заставы, с тех пор с вами не разлучаюсь, мой милой друг. <...> Сегодня шесть лет, как мы с вами встретились[6], и с тех пор, мой друг, и доселе ни на минуту не изменялась к вам».

[1] См. ***1848. Мая 6. Четверг. С. Покровское.***
[2] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. С. Покровское.***
[3] Шевырев.
[4] См. ***1848. Апреля 29. Четверг. Москва***; ***1848. Мая 2. Воскресенье. С. Покровское.***
[5] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***
[6] Ср. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва***; ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва***; ***1840. Апреля 23. Четверг. Москва***; ***1842. Март. Москва.***

МАЯ 6. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

Гоголь пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Пожалуста, похлопочи об исправной высылке “Москвитянина” на сей 1848 год генерал-майору Андрею Андреевичу Трощинскому в Одессу, в доме княжны Гики[1]. Деньги 13 рублей серебром при сем прилагаются. Я завтра[2] отсюда еду»[3].

[1] Представительница рода молдавских и валахских господарей.
[2] См. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса.***
[3] Ответ Шевырева см.: ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва.***

МАЯ 6. ЧЕТВЕРГ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева продолжает письмо к Гоголю в Васильевку, начатое накануне[1] (письмо было отправлено 9 мая 1848 г.[2]):

«Нынешняя почта ничего о вас не привезла, подожду до воскресенья и в день именин дорогого и близкого мне по душе именинника отправлю сии строки в Полтаву. — Степан Петрович[3] писал, что все мои письма вы исправно получили в Константинополе[4]. Последнее[5], не думаю, чтобы успели получить. Писала в самое Светлое Воскресенье. <...> Молитву вашу, что вы перед отъездом в Иерусалим прислали[6], с тех пор и доселе продолжаю ежедневно читать».

[1] См. ***1848. Мая 5. Среда. С. Покровское.***
[2] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. С. Покровское.***
[3] Шевырев.
[4] Об этом Гоголь сообщал С. П. Шевыреву в письме от 21 апреля 1848 г. из Одессы (см. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***). — См. также ***1848. Апреля 29. Четверг. Москва.***
[5] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское***; ***1848. Апреля 12 <24>. Понедельник Светлой седмицы. С. Покровское.***
[6] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

МАЯ МЕЖДУ 3 И 7. ОДЕССА

Вероятно, в этот период Гоголь написал ответную[1] записку Н. В. Неводчикову[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1848. Апреля 23. Пятница. Д. Окна***; ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***
[2] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы.***

МАЯ 7[1]. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

Отъезд Гоголя из Одессы в Васильевку.

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «6 мая Гоголь выехал из Одессы с каким-то попутчиком[2]...»[3]

В указании ошибочной даты отъезда Гоголя из Одессы, а также в замечании о «каком-то попутчике» Маркевич следовал содержанию письма Ф. К. Авраменко к Гоголю от 8 мая 1848 г. и примечанию В. И. Шенрока к этому письму[4]. Возможно, однако, что Гоголь действительно выехал из Одессы не один, а с К. М. Базили, который направлялся тогда в Киев (где-то по дороге, вероятно, в Елисаветграде, они должны были расстаться). 11 июля 1848 г. П. А. Плетнев, встретившийся с Базили в Петербурге, сообщал Я. К. Гроту: «Базили вместе с Гоголем был в Иерусалиме, в Константинополе и оставил его в Киеве»[5]. (В Киев Гоголь ездил из Васильевки на праздник Святой Троицы, к 30 мая 1848 г.[6])

[1] См. ***1848. Мая 6. Четверг. Одесса.***
[2] «С Базили?» (примеч. А. И. Маркевича).
[3] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 780.
[4] См. также ***1848. Мая 8. Суббота. Одесса.***
[5] См. ***1848. Июля 14. Среда. Спасская мыза.***
[6] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

МАЯ 7–9. ПЯТНИЦА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДОРОГА ОТ ОДЕССЫ ДО ВАСИЛЬЕВКИ (НИКОЛАЕВ, ЕЛИСАВЕТГРАД, АЛЕКСАНДРИЯ, КРЕМЕНЧУГ, РЕШЕТИЛОВКА, ПОЛТАВА)

Гоголь приступает к переработке завершенного вчерне за границей[1] второго тома «Мертвых душ». Будучи в дороге, вносит в записную книжку 1846–1850 гг. целый ряд заметок, использованных вскоре[2] в новой редакции второго тома поэмы.

Использование Гоголем материалов записной книжки 1846–1850 гг. при работе над вторым томом поэмы обнаруживает, во-первых, сохранившийся автограф первой главы второго тома, посвященной Тентетникову. Первая реминисценция — в описании просторного вида, открывающегося из деревни Тентетникова: «За лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, зеленели и синели густые леса... <...> За лесами <...> желтели пески». Этим строкам соответствует подготовительная заметка в записной книжке: «И вдруг яр среди ровной дороги — обрыв во глубину и вниз, и в глубине леса, и за лесами — леса, за близкими, зелеными — отдаленные синие, за ними легкая полоса песков серебряно-соломенного цвета, и потом еще отдаленные леса, легкие как дым, самого воздуха легчайш<е>. Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница»[3].

В описании прогулок Чичикова в имении Тентетникова («...он <...> отправлялся в поля на первые весенние работы глядеть, как свежая орань черной полосою проходила по зелени...») использована находящаяся на той же странице записной книжки запись: «Круто выпуклилась степовая равни<на>, чтобы лучше показаться, и полосато пестрела гладкая покатость [*<1 нрзб.>*]. По зелено-пепельному грунту резко пробивалась темно-красная орань, только что взрытая плугом. За ней лентой яркого золота — нива сурепицы, и вновь бледно-зеленый грунт и как снег белые кусты»[4].

Указанные заметки Гоголя в записной книжке представляют собой начало группы записей, своеобразный неразборчивый («прыгающий») почерк которых — и само содержание, указывают на то, что они были сделаны в дороге. Кроме того, в содержании этой группы заметок определенно угадываются южнорусские черты. Так, на обороте листа с цитированными отрывками имеется набросок, написанный тем же неразборчивым почерком: «Вишневые низенькие садики, и подсолнеч<ники> над плетнями и рвами, и соломенный навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным обводом окруженное окошко. Ты древний корень Руси...»[5]

Поскольку весной на родине Гоголь в последний период жизни был лишь в 1848 и 1851 гг. — причем к концу зимы 1850 г. глава, посвященная Тентетникову, была уже написана[6], то, очевидно, что настоящие заметки могут относиться лишь к весне 1848 г., а именно ко времени переезда Гоголя из Одессы в Васильевку 7–9 мая этого года.

Дорожные впечатления Гоголя той поры определили не только содержание, но и самую «тональность» начальных глав второго тома «Мертвых душ» (в том виде, как они дошли до нас в сохранившихся автографах). Об этом позволяют судить строки следующей заметки в записной книжке 1846–1850 гг.: «Неизъяснимое вечернее блистанье *<2 нрзб.>* по них разметанных злаков. Погасанье лучей и дым от хат легкими струями к небу нес<ется>. Как осмелился позабыть тебя человек. О, да будет проклят, кто научил людей покинуть простоту для просвещенья. Заплатил страданьями и тяжким и подлым бессилием»[7].

Содержание этой заметки угадывается по крайней мере в трех местах первой и третьей глав второго тома поэмы. Во-первых, ее содержание было положено в основу речи Костанжогло в третьей главе второго тома: «...В чем же занятия крестьянина? В хлебопашестве? Так старайся, чтобы он был хорошим хлебопашцем. <...> Нет, нашлись умники, говорят: "Из этого состоянья его нужно вывести. Он ведет слишком грубую, простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши". Что сами благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди, и болезней ч<...> знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробывал всего <...> — так хотят теперь и этих заразить».

Во-вторых, впечатления, отразившиеся в начальных строках дорожной заметки («Неизъяснимое вечернее блистанье *<2 нрзб.>* по них разметанных злаков. Погасанье лучей и дым от хат легкими струями к небу нес<ется>»), сказались в описании вечерних окрестностей имения помещика Петуха в третьей главе: «Месяц подымался, стали озаряться потемки; и все наконец озарилось — и озеро и избы; <...> стал виден дым из труб, осеребренный лучами». В позднейшей редакции этой главы в соответствии с «антипросветительским» пафосом дорожной записи (а также с словами Костанжогло) было прибавлено: «Чудные картины. Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вместо того, чтобы пронестись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, <...> думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы кадет».

Наконец, содержание заметки явно отзывается в заключительной реплике автора, подводящего итог впечатлениям Тентетникова от созерцания окрестностей его имения в позднейшей редакции первой главы: «Творец! как еще прекрасен Твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых больших дорог и городов».

Зрелище родных мест вновь поставило перед только что вернувшимся из-за границы Гоголем вопрос о европейской цивилизации, западного «просвещения». С этой темой прямо связано имя героя второго тома «Мертвых душ» — помещика с «декабристским» прошлым Андрея Ивановича Тентетникова (в первоначальном слое автографа заключительной главы Дерпенникова)[8]. «Декабристские» реминисценции встречаются у Гоголя уже в первом томе поэмы — во вставной «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе[9]. В период создания второго тома «Мертвых душ» Гоголь проявляет еще больший интерес к декабристскому движению. Через свою московскую знакомую Н. Н. Шереметеву — оба зятя и сын которой принимали участие в заговоре, он вскоре знакомится с бывшими декабристами М. М. Нарышкиным[10], И. А. Фонвизиным[11]; переписывается с Г. С. Батеньковым[12]. Все эти имена встречаются в записной книжке 1846–1850 гг.[13] Здесь же находится и фамилия героя Дерпенникова-Тентетникова: «Дрягил. Поддончиников. Тентетников. Баранчиков. Никита Семенович Коза. Бухманлов. Чухалов. *<5–6 нрзб.>*»[14]. Вероятно, Гоголь сменил фамилию героя лишь по приезде в Россию.

Непосредственно перед цитированной заметкой в записной книжке 1846–1850 гг. с описанием вечернего деревенского заката (а также «проклятием» в адрес тех, «кто научил людей покинуть простоту для просвещенья») появляется написанная тем же неровным, «дорожным» почерком запись, являющаяся как бы «продолжением» ответа Гоголя на письмо Белинского 1847 г., — где тот заявлял, что в России «нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»[15]. Судя по содержанию, эта гоголевская заметка является отрывком диалога, который Гоголь намеревался включить в свою поэму (в качестве своеобразной полемики с Белинским и его предшественниками декабристами). Запись эта в свою очередь перекликается с «говорящей» фамилией Тентетникова (с намеком на его «слабость»[16]). «А вы думаете, легко воров выгнать? — пишет Гоголь в наброске. — Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, — Царь, у которого и войско, и вся сила есть. Как же вы хотите, без всякой силы и власти, это сделать? Что спьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, которых шеи потолще, останутся. Что, те святые, что ль? Еще больше станут допекать друг друга»[17].

С работой над «Мертвыми душами» связана, по-видимому, написанная Гоголем около того же времени молитва. В записной книжке 1846–1850 гг. она находится непосредственно перед заметкой с фамилией «Тентетников»: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей всё лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви[18], быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем!»

[1] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1849. Март — июля начало. Москва.***

[3] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 22.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 22 об.

[6] См. ***1850. Января 12. Четверг. Ярославль***; ***1850. Марта между 4 и 10. Москва***.

[7] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 30 об.

[8] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания).

[9] См. ***1826. Июля 13. Вторник. Санкт-Петербург***. — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 140–142.

[10] См. ***1848. Конец года. Москва*** (примечания). — См. также ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург***.

[11] См. ***1849. Марта средина. Москва***; ***1849. Марта 19. Суббота. Москва***; ***1849. Мая 22. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва***.

[12] См. ***1847. Вторая половина года. Томск***. — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 37–55, 229–241.

[13] Записная книжка с подготовительными материалами для начальных глав второго тома «Мертвых душ» (см.: *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 13, 28 об., 31 об., 38; ср.: *Гоголь 1937–1952*. Т. 7. С. 374, 382, 387).

[14] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 28; ср.: *Гоголь 1937–1952*. Т. 7. С. 381.

[15] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***. — На это замечание Гоголь возражал: «<Вы говорите> <...> будто я <спел> похвальную песнь нашему правительству. Я нигде не пел. Я заметил, что Правительство состоит из нас же; мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось, как вы говорите] огромные корпорации воров, или вы думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких, <...> Один сует Государю тот проект, другой иной, третий опять иной <...> Как же не образоваться посреди такой разладицы ворам и всевозможным плутням...». При этом Гоголь замечал: «Вам показались ложью слова мои Государю, напоминающие ему о святости его званья <...> Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более Государю. Пусть вспомнит, как страшен ответ, который <потребуется> от него» (цит. по автографу: *РГБ*. Ф. 74. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 2 об.).

[16] См. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания).

[17] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 30.

[18] См. также ***1851. Февраля 3. Суббота. Одесса***.

МАЯ 8. СУББОТА. ОДЕССА

Одесский знакомый Гоголя, вероятно, Ф. К. Авраменко[1], пишет ему в Васильевку:

«Сегодня уже третий день, как Вы[2] в дороге[3], и нет сомнения, что, если Вам что-нибудь не помешало, сегодня же ты приедешь в Полтаву. — Некоторые из моих знакомых довели до моего сведения, что они Вас встречали на пути в порядке и в добром здоровьи; что нам было приятно узнать. Вчера я получил из Конторы транспортов росписку в получении от тебя вещей, которую и посылаю тебе. — Я очень рад, что ты у меня состоишь теперь в долгу 80 к<опеек> сере<бром>, которые Контора взыскала с моей особы за какие-то цыновки. — Люди с людьми сходятся, следовательно нет причин, чтобы пословица эта не оправдалась на нас, — пока же ты не забывай долга и меня, искренне тебе приверженного душою чистою. В Петербурге, если будешь видеть Государя Императора, то скажи ему, *что я живу в Одессе*[4], расскажи ему о моем семейном быте и что есть надежда ему со мною повидаться в Петербурге в июле месяце. Исполнением этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь. <...>

P. S. Я очень рад с одной стороны, что ты уехал из Одессы, *ибо* я замечал некоторую слабость к тебе в моей жене, которая в настоящую минуту разрешается только нижайшим поклоном.

Еще P. S.

Вчера *прибежала* из Рима эстафета, которою мы приведены в известность, что там была революция, вследствие которой Папа заключен в тюрьму и объявлена Республика!!..»

[1] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).

[2] «Вероятно, Гоголь и его спутник» (примеч. В. И. Шенрока; см.: *Шенрок*. Т. 4. С. 698). Возможно, спутником Гоголя при выезде из Одессы был К. М. Базили (см. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса***).

[3] Вероятно, Гоголь ранее сообщил Авраменко, что выезжает из Одессы 6 мая 1848 г. (ср. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса***).

[4] Реминисценция реплики Бобчинского в «Ревизоре»: «Да если этак и Государю придется, то скажите и Государю, что вот, мол, Ваше Императорское Величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский».

МАЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь в день своих именин приезжает в Васильевку. По прибытии, возможно, получил отправленное в Неаполь письмо от Д. К. Малиновского из Москвы от 28 февраля 1848 г.[1]

Из дневника сестры Гоголя Елисаветы Васильевны: «*1848 г. 9 мая именины брата.* Сегодня рано уехала К. М. Трахимовская в Полтаву; к обеду приехали соседи. В 4 часа получаем письмо из Полтавы от С. В. Скалон с нарочным, что брат будет сегодня или завтра. Это очень нас обрадовало; я плакала от радости. После человек открыл, что он уже едет и сейчас будет. — Как он переменился! Такой серьезный сделался; ничего, кажется, его не веселит, и такой холодный и равнодушный к нам! Как мне это было больно!»[2]

В письме к В. С. Аксаковой от 1 апреля 1853 г. Е. В. Гоголь также вспоминала: «...Когда он приезжал к нам последние разы, то так всегда был серьезен и больше молчалив и только со мной одной иногда шутил, но и то очень редко, и называл меня цыганкой»[3].

Младшая сестра Ольга Васильевна вспоминала: «Первый его приезд — 9 мая утром[4], в день своего ангела; вероятно, думал, что его именины празднуют, и хотел сюрприз нам сделать, а оказалось — ничего не было, ни пирога, ни шампанского, даже люди на панщине работали. С приезда его сейчас работников распустили[5]. <...>

...Когда возвратился из Иерусалима, тогда совсем не тот был... <...> Мне кажется, он был разочарован поездкой в Иерусалим, потому что он не хотел нам рассказывать. Когда просили его рассказать, он сказал: «Можете прочесть “Путешествие в Иерусалим”». По его действиям, как я замечала, видно, что он обратился более всего к Евангелию, и мне советовал, чтобы постоянно на столе лежало Евангелие. «Почаще читай, ты увидишь, что Бог не требует долго[6] стоять на молитве, а всегда помнить Его учение во всех твоих делах».

Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы[7], в экипаже читал Евангелие[8]. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил. Он своими трудовыми деньгами многим помогал, и сам не нуждался и ни в чем себе не отказывал»[9].

Сам Гоголь спустя неделю по приезде в Васильевку, 16 мая 1848 г., сообщал А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и всё. Подъехал я вечером. Деревья — одни разрослись и стали рощей, другие вырубились. Я отправился того же вечера один стеновой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину[10], по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно,* что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был бы в Толстом[11], но Толстое пусто, и мне стало еще грустнее. Всё это было в день моих именин, 9 мая. Матушка и сестры, вероятно, были рады до nec plus ultra[12] моему приезду, но наша братья, холодный мужеский пол, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое».

[1] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[2] *Свод.* Т. 1. С. 171.

[3] Там же. Т. 1. С. 177.

[4] На самом деле во второй половине дня, после 4 часов (см. выше дневниковую запись сестры Елисаветы).

[5] «Не до именин было, когда нет ни сена, ни хлеба, ни надежды на урожай. И люди, и животные уныло бродили по селу, как приговоренные к смерти. Слезы показались на глазах Гоголя, но он старался подавить в себе печаль, вызванную картиной народного бедствия. Впрочем, сейчас же, по случаю его приезда, велено было прекратить работы на полях, и с тех пор 9 мая празднуется в Васильевке и по настоящее время» (*Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 223).

[6] См. ***1846. Декабря между 25 и 31 <1847. Января между 6 и 12>. Васильевка.***

[7] См. ***1848. Мая между 16 и 20. Сорочинцы.***

[8] «...Брат в это время был уже совсем не таким, каким она его помнила в детстве: он мало разговаривал и почти всю дорогу не выпускал из рук Евангелие, которое он всегда возил с собою» (*Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 257).

[9] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 203–204, 214–215.

[10] Яворовый лес, принадлежавший М. И. Гоголь.

[11] Имение отчима Данилевского, В. И. Черныша, в 6 верстах от Васильевки.

[12] До крайности (*лат.*).

МАЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева завершает и отправляет в Васильевку письмо к Гоголю, начатое 5 мая[1]:

«Сейчас от обедни служила молебень и крепко помнила о любезном и дорогом для меня имениннике... <...> Почта пришла, мой милый друг, от вас нет. <...> Аксаковы пишут, Сергей Тимофеевич от вас получил[2]. Очень рад он и все семейство вашему возвращению. — Может, вы ко мне в Москву надписали. Прошу, мой друг, вперед, когда вспомнится о человеке, вас любящем и душею преданном, подписывайте — *в Рузу* Московской губернии; тут верно всегда получают. Рада, что от Аксаковых нынче узнала; не сказали, откуда и от которого числа, — но все слава Богу, что узнала о вас. <...> Потрудитесь сказать матушке мое почтение. Воображаю ее радость обнять вас. <...> Сестрицам поклонитесь. Может, вы о Василье Андреевиче Жуковском давно не знаете. Елагины ко мне пишут, от него получили 4 мая. Он теперь должен быть в Эмсе, где пробыв шесть недель, после недели две отдохнет, а там с женою и детьми собирается в Россию. <...> На письмо, что из Иерусалима от вас[3] получила, я вам тотчас отвечала»[4].

[1] См. ***1848. Мая 5. Среда. С. Покровское***; ***1848. Мая 6. Четверг. С. Покровское.***

[2] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову до нас не дошло (см. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***). По-видимому, в письме Аксаковых (вероятно, Ольги Семеновны) речь идет о получении письма Гоголя в Москве. С. Т. Аксакову в Радонежье оно было доставлено только 11 мая 1848 г. (см. ***1848. Мая 11. Вторник. Радонежье***).

[3] См. ***1848. Февраля 5 <17>. Четверг. Иерусалим.***

[4] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. С. Покровское***; ***1848. Апреля 12 <24>. Понедельник Светлой седмицы. С. Покровское.***

МАЯ 9 – МАЯ 25; ИЮНЯ 3 – АВГУСТА 24. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь живет в родовом имении Васильевке. Заботится об утеплении дома и благоустройстве сада. По просьбе сестры Ольги уговаривает мать принять в дом старшую сестру сироты Эмилии Александру[1] (Эмилия жила в доме Гоголей с 1845 г.)[2]. Из Васильевки Гоголь ездит в Полтаву, Киев и Сорочинцы.

К этому времени в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. относятся записи: «В Полтаве»; «В Киеве»; «Полтава». В последней заметке, в частности, отмечено: «к Толстому об Викторе[3], Соф<ье> Гри<горьевне>[4] и А<нне> М<ихайловне>»[5].

К периоду с 9 по 25 мая или с 3 до 15 июня 1848 г. относится черновой набросок письма Гоголя к графине Анне М. Виельгорской в Петербург (письмо, вероятно, осталось неотправленным[6]):

«Где вы и что с вами, моя добрая Анна Михайловна? Напишите мне несколько строчек о себе, о графине Л<уизе> К<арловне>[7], о графе Мих<аиле> Юрьевиче[8] и обо всем, что касается всех вас от мала до велика. Я еще существую и кое-как держусь на свете. Уцелею ли дальше среди множества вокруг меня болеющих и умирающих от холеры и всяких смертоносных недугов — это, разумеется, зависит от воли Бога. Но если я не смущусь ничем и пребуду тверд среди явлений возмущающих и, не упавши духом, буду в силах, посреди потрясающей бестолковщины времени, удержаться на своем мирном поприще литературном и быть певцом мира и тишины посреди брани, то это будет истинное чудо, милость Божья, которой и надеяться не смею, но о которой просить все-таки хочется».

Т. Г. Пащенко в 1880 г. вспоминал: «Соседи любили семейство Гоголей; по праздникам приезжали в их деревню Васильевку (Яновщина тож), помолиться в храме, побывать у матери Гоголя и видеть его самого, когда Гоголь приезжал в Васильевку. Вот узнали соседи, что Гоголь возвратился из Св<ятых> Мест, съехались к его матери и желали видеть Гоголя. Гоголь жил в отдельном флигеле. Свиделись с ним соседи и начали расспрашивать о Св<ятых> Местах. — "В Св<ятых> Местах так много перебывало разных путешественников и в разное время, и так много о них написано, что я ничего не могу сказать вам нового", — был ответ Гоголя...»[9]

В 1885 г. А. В. Гоголь сообщала Г. П. Данилевскому: «Приезжая в деревню летом, в последние четыре года брат прежних знакомых уже не нашел, а новых знакомств не любил; рад был, что наша деревня в глуши, не на большой дороге. <...> Брат никогда не любил говорить о своих сочинениях; даже намека о них не допускал. Если, бывало, кто-нибудь заговорит о них, он хмурился, переменял разговор или уходил»[10].

В 1889 г. Анна Васильевна в письме к А. М. Черницкой, возражая на собранные В. И. Шенроком свидетельства зятьев графини А. М. Виельгорской (мужей ее сестер) о матримониальных намерениях Гоголя[11], вспоминала о брате: «Возвратясь из Иерусалима, он <...> говорил, что желает пожить с нами в деревне, хозяйничать, построить домик, где бы у каждого была своя комната и своя также, у меня есть и этот план. Мне кажется, он не думал о женитьбе, <он> всегда говорил, что он не способен к семейной жизни!»[12] (Спустя некоторое время Анна Васильевна поддержала версию Черницкой о влюбленности Гоголя в А. О. Смирнову, жену Н. М. Смирнова[13].)

В апреле 1890 г. А. В. Гоголь, откликаясь на выход в свет статьи Шенрока «Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский»[14], сообщала Черницкой: «...Брат совсем не был постоянно угрюмым! Это он <Шенрок> почерпнул из отрывка дневника сестры <Елисаветы>, который я имела глупость дать ему. Там она описывает первый приезд брата из Иерусалима. Она в нем нашла перемену, он ей показался угрюмым первое время, и что мне досаднее, это то, что она там говорит: "Как я люблю брата, жаль, что он..." — и не докончила[15]! <...> Не знаю, кого из нас брат больше любил, но Лиза была более всех к нему привязана. Но так как у нее было много ребяческого, детского, то он обращался с нею, как с ребенком, даже строго, был взыскателен, что ее очень огорчало!»[16]

В 1902 г. Н. Горова (рожд. Щитинская), приезжавшая в 1857 г. в гоголевскую Васильевку, сообщала, что, по словам сестры Гоголя Анны Васильевны, «ни она, ни Лизавета Васильевна, хотя и были обязаны исключительно ему своим воспитанием в Патриотическом институте, никогда не были близки с братом. Благодаря религиозному настроению самой меньшей сестры, Ольги Васильевны, он больше сходился с нею. — "Мы любили и уважали его, — говорила А<нна> В<асильевна>, — но он слишком высоко стоял над нами и слишком строго критиковал наши институтские выходки и понятия"»[17].

Сестра Ольга Васильевна вспоминала: «Прежде, когда он приезжал, то занимал комнату в доме с нами; а как сестры заняли его комнату, тогда он постоянно во флигеле занимался. В одной комнате стояла его кровать и конторка[18], на которой он занимался, а в другой комнате, между окнами —

ломберный стол; там лежали его книги, которые он с собою привозил. Потом заказал столяру полки, вроде этажерки (которая у меня находится), на тот стол поставил для книг. Конторку желтую, на которой он прежде занимался, также сестры заняли, то он заказал сделать себе черную конторку (которая теперь у меня). В этой самой комнате еще стоял диван, перед диваном круглый стол, по бокам кресла; там он пил кофе, а третьей комнаты не занимал. Вставал он в шесть часов, выпивши кофе, занимался. Писал на конторке, всегда стоя. До обеда мы не виделися с ним, потом, погуляв в саду, приходил к нам. В час обедали, после обеда в гостиной с нами посидит два часа, и все за работой; и он придумал себе работу: раскрашивал библейские картины, говорил, чтобы я эти картины раздала мужикам и рассказывала им историю этих картин[19]. Потом отправлялся пешком в Яворивщину, но что он там делал — не знаю. Возвращался на вечерний чай, за чаем разговаривал, но о чем — я не слышала. После чаю отправлялся во флигель. И так он проводил время каждый день.

Я стала примечать, что он любит, то приготовляла ему[20]. За обедом я ставила перед его прибором две маленькие вазы варенья, какие он любил; водку он просил настаивать на белой нехворощи; говорил, что она полезна. За обедом я всегда около него сидела. Всякий раз, когда увидит, что я любимое его поставлю, всегда с улыбкой кивнет головой. Бывало, как я увижу, когда он перед обедом ходит в саду, я тотчас иду в сад, и он с улыбкой встречается. Всякий раз его улыбка меня в восторг приводила; всегдашнее мое желание было все сделать, что ему нравится.

Раз мы были в церкви, он увидел, что священник нам раздавал просфоры, а людям — никому. Когда возвращалися из церкви, он шел со мною, положил на мое плечо руку и просил, чтобы я велела на каждое служение печь по 25 просфор и на четыре части порезать, отправлять в церковь, чтобы священник раздавал людям; а чтобы не брать у матери муки, — "я буду тебе высылать деньги на муку", а пока дал 25 рублей, и я это вполне выполнила. Потом он предложил мне: "Хочешь, пойдем к мужикам, посмотрим, как они живут". Я с удовольствием пошла с ним. Входим в первую избу, там застали только одну молодицу. Она с таким радушием просила нас садиться на лав<к>у, говорила: "А мени сю ничь приснилось, что в мою хату влетили дви птычки. Оцеж против того и приснилося, що вы пришли". В это время положила солому в печь и сжарила нам яишницу; чтобы ее не обидеть, немного поели. Потом пошли в другую избу. Там увидели — в сенях чистота, аккуратно висели ведра и разные хозяйственные принадлежности; как видно, зажиточный мужик. И в хату взглянули, но нас не просили садиться. Брат посмотрел и похвалил его, сказал: видно, что трудящиеся люди. А к другому зашли — в сенях пустота, в хате тускло. Брат сказал ему: надо трудиться и стараться, чтобы у вас все было. Дальше не захотел: на трех хатах увидел, как они живут[21].

В другое время брат предложил мне поехать к жнецам; в то время был плохой урожай и хлеб такой низкий был, что нельзя было жать, и они руками вырывали с корнями. Мы подъехали к жнецам, брат встал, подошел к ним, спрашивал: тяжелее рвать, как жать? — "Жать легче, а рвать — на ладони мозоли поробилися". А он сказал им в утешение: трудитеся, чтобы заслужить Царство Небесное.

Потом заехали в пасеку <в Яворивщине>[22]; тогда был пасечник старичок. О чем они говорили, не слыхала, только последние слова: "Чем старее, тем больше будешь спасаться". — "Э, ни, пане, бильше греха наберется". Потом отправился домой.

По другую сторону пруда у нас был сад... <...> Там было вроде леса, никакой дорожки не было; брат принялся делать аллеи; прежде, как были люди крепостные — три дня панщина, а три дня их дни, то брат, чтобы не лишить матери работников, нанимал работников на их днях чистить дорожки. Сам там был по целым дням. Раз спросил у меня: ты можешь встать в три часа, чтобы побыть около работников, пока я приеду? Я обещала встать и велела разбудить меня, как только солнце взойдет. Тогда у нас был плотик и мы переезжали на ту сторону. В 7 часов брат приехал на плотике и с благодарной улыбкой поздоровался со мною и сейчас же отправил меня домой, сказал: "Иди спать". Итак, за все время, пока он пробыл у нас, прочистил все аллеи, которые и теперь поддерживаются. <...> Еще много места оставалося для сада; вероятно, отец не успел там устроить, но мать там настроила хаты мужикам, кажется, на три усадьбы[23]. А на остатки с левой стороны брат проделал длинную аллею, а с правой стороны сделали дорожки. <...>

...Сестры жаловались брату, что у нас в зале зимой невыносимый холод. Он принялся закуповать, посылал купить дубовых досок, в передней одне двери замуровали, а на место других

дверей, которые в зале, велел столяру сделать двери с разноцветными стеклами, только приделать, чтобы не отворялись (эти двери я пристроила в новом доме)[24], а переднюю обратить на буфет, а где был буфет, там выход на крыльцо. Потом велел окна поделать новые, где были попорчены, да еще сделал себе шкаф для книг из дубового дерева[25]. <...>

Сестрами брат был недоволен, что они по целым дням сидят на одном месте, говорил: надо побольше моциону. Не слыхала, что еще он говорил, а только это слово слышала: каждый человек должен сам себя переделать. А мне, не помню, когда и при каком случае, говорил: "Каждый христианин должен быть полезным". <...> Когда брат уехал, я ломала голову, чем я могу быть полезной и надумала лечить людей.... <...> Когда я начала лечить людей, то мне тесно было в моей комнате; просила, чтобы позволили мне перейти в домик, который был в саду. В том домике жила бабушка, отца мать[26]. Там две комнаты. В одной бабушка жила, а через сени другая комната, там ее прислуга. Она умерла[27] после отца моего[28]; должно быть, мне тогда было пять лет. <...> Я называла этот домик хатынкой. <...> ...В моей хатынке две комнаты, в спальне кровать, в углу образная... <...> В другой комнате аптека, письменный стол и несколько стульев»[29].

И. С. Аксаков, побывавший в Васильевке 2 июля 1854 г., сообщал родным в Москву (в письме из Ромен от 4 июля): «На другой стороне пруда, через который перевозишься на плотике, устроенном по распоряжению Николая Васильевича, — разнообразные рощицы: дубовая, кленовая, липовая, березовая, уксусного дерева и проч. Тут Гоголь хотел устроить дорожки и заставил при себе вычистить и даже уже устроил дорожку кругом по рощам, затевал и другие затеи, беседки и проч. Теперь дорожки запущены и заросли травою. Марья Ивановна хотела было восстановить их, но нет рук, к тому же на ней лежит все бремя хозяйства. Показывали мне все места, которые любил Гоголь. Кулеш еще не был у них; он, верно, пришел был в ужас при виде запустения всех этих мест и дорожек. Но это очень понятно. Гоголь бывал здесь только гостем, и сад и при нем находился в таком же виде; содержать же сад в исправности — нам по опыту известно, как трудно. <...> Марья Ив<ановна> показалась мне несколько постаревшею против зимы. Она очень утомляется хозяйством, в которое дочери не хотят входить, очень грустна и все твердит или о сыне, или о внуке, которого она нежно любит. Лизавета Васильевна сентиментальничает так, что из рук вон... <...> Анна Васильевна ничего не делает; она очень веселого нрава»[30].

В. А. Чаговец в 1901 г. сообщал: «На основании рассказов Ольги Васильевны мы можем себе представить, как проводил время наш поэт у себя на родине, как относился к окружающим и как окружающие относились к нему. Что Гоголь не любил общества — это всем известно; но как послушный сын, он, говорят, выходил к гостям лишь для того, чтобы не обидеть своей матери; выйдет, бывало, покраснеет, как красная девица, и начнет по очереди обходить всех дам, прикладываясь к ручке каждой, — что было в обычае того времени. Обойдя всех сидевших рядом дам, он уходил в свою комнату, и затем его уже больше не видели. Но иногда происходило совсем иначе; однажды приехала к ним г-жа Б. и заявила, что прибыла с целью увидеть поэта и поговорить с ним; а поэт уже ложился спать, утомленный работой в саду. Однако, услыхав о цели прибытия дамы, он встал, прифрантился и совершенно неожиданно для всех вышел в гостиную. Познакомившись с Б., Гоголь просидел с нею за полночь, весело и оживленно болтая на разные темы. <...> По праздникам и воскресным дням Гоголь отправлялся в церковь. Там он обратил внимание на то, что крестьяне запивают Св. Причастие водой, а не вином. Это было очень неприятно поэту; придя домой, он стал беседовать о том, что можно было бы посылать крестьянам "на запивку"? Вино было дорого, пить наливку — неудобно; поэтому он решил, что можно ставить в церкви для этой цели хлебный квас. Так и сделали»[31].

В 1903 г. А. Н. Мошин со слов Ольги Васильевны сообщал: «Часто брат давал деньги для помощи истинно нуждающимся. Если ему говорили, почему он о себе не думает, что самому ему понадобятся деньги, он отвечал: "Я и думаю о себе... Это я взаймы даю: на том свете я получу обратно". <...> В Яворивщине встретил нас пасечник; мы прошли к ульям. В хатке под соломенной крышей были сухие соты и разный скарб пасечника.

— Эта хата как раз такая самая, какая и при брате была... А может быть, и та же самая... А вот эти ульи новые; тогда были круглые ульи, простые, вот какие, — показала Ольга Васильевна на несколько уцелевших старых дуплистых ульев.

Интересно было снять фотографическим аппаратом Ольгу Васильевну около этой хатки, на этой пасеке. Белый платок, который, уезжая из Васильевки, накинула себе на голову Ольга Васильевна, закрывал часть ее лица. Я попросил разрешения поправить этот платок, чтобы не заслонял он лица. Ольга Васильевна смеялась тому, что она будет снята в этом костюме, и вспомнила:

— Однажды брат здесь же вдруг говорит мне: "А ну-ка, стань-ка, стань вот так"... Поправил на мне платок, отошел, посмотрел, посмотрел и сказал: "Так Матерь Божию рисуют..."»[32]

Сын Ольги Васильевны В. Я. Головня в 1908 г. писал: «Ольга Васильевна ожидала, что это далекое путешествие возвратит брату душевное спокойствие и прежнюю веселость и работоспособность; но как только он приехал в Яновщину, тотчас после пребывания в Иерусалиме, она с первого же взгляда на его осунувшееся, страдальческое лицо поняла, что эта поездка не только ничего не дала страдающему брату, а даже, напротив, еще более подорвала его слабеющие силы. Николай Васильевич почти ни с кем не разговаривал... <...> Перед отъездом в Москву Николай Васильевич подарил Ольге Васильевне палочку вывезенную им из Иерусалима; с этой палочкой она не расставалась до самой своей смерти»[33].

Воспитанница М. И. Гоголь Э. Ковриго вспоминала: «Я помню одно торжественное богослужение в селе Васильевке, по случаю храмового дня. Гоголь встал рано утром и в самом радостном настроении духа, улыбаясь, сказал Марии Ивановне: "Ну, матушка, сегодня наш святой именинник, пойдемте в храм, помолимся". Он был одет как с иголочки, но не потому, что был праздник, а по всегдашней привычке одеваться изящно, можно сказать, — щегольски. Мы отправились в церковь и застали там съехавшихся соседей. Впереди стояли более родовитые и богатые помещики; за ними следовали другие, по степени знатности и богатства; потом их нахлебники и приживалки разного возраста и, наконец, народ. Гоголь стал позади всех, среди любимых им сереньких мужичков, почти у входных дверей. Он долго стоял на коленах и горячо молился. Его лицо сияло блаженством, точно он видел незримое для нас и был далеко от земли. Он был прекрасен среди этих машинально молившихся, машинально живших помещиков, с мертвою душою и дряблым, ожиревшим телом. Тот, кто признает непреходящею, истинною красотою не очертания лица, а духовное выражение его, особенно лучезарных, вдохновенных глаз, тот скажет, что Николай Васильевич Гоголь был необыкновенный красавец, каким может быть только разве гений. Когда обедня окончилась и священник почтительно раздавал просфоры знатным и богатым, обходя неродовитых мелкопоместных хуторян, господских слуг и крестьян, Гоголь вдруг внезапно удалился из церкви. Напрасно искал его глазами священник, — так и унесена была обратно в алтарь предназначенная для него просфора. Потом оказалось, что он был возмущен раздачей хлеба богатым и лишением его бедных. "Так ли, — говорил он, — раздавал хлеб Христос, когда насыщал пять тысяч народа, а ведь раздача просфоры, кажется, в память этого события и производится. Боже, всюду противоречия и нарушение вечных, непреложных законов! Я думал, что хотя в двух местах на земле существует равенство людей: на кладбище и в храме, где люди объединяются одной частою молитвой в духовном общении с Творцом, а теперь вижу, что и это — иллюзия". И он безнадежно махнул рукой. Результатом этого случая было, кажется (точно не утверждаю), пожертвование им 100 руб<лей>, чтобы в храмовой день на проценты с этого капитала покупалась мука и раздавались просфоры всем, без различия пола, возраста и происхождения»[34].

В 1888 г. Н. А. Трахимовский сообщал: «...Николая Васильевича я несколько раз видел и в Васильевке, и в Сорочинцах, в доме отца моего[35], в 1848[36], 1850 и 1851 годах, и хотя в 1848 году мне было всего 10, а в 1851 году — 13 лет, личность Гоголя врезалась в память мою глубоко. Как многие дети 12, 13 лет, я был и любопытен и не лишен известной доли детской наблюдательности, той наблюдательности, вследствие которой дети замечают многое, на что, по мнению старших, они не обращают даже внимания. С жадностью, при свиданиях с Гоголем, следил я за каждым движением Николая Васильевича, прислушиваясь к каждому слову его, с жадностью слушал рассказы о нем отца и матери моих, расспрашивал Марию Ивановну и дочерей ее, даже прислугу старого дома Васильевки; к этим сведениям (так сказать, сведениям из первых рук) прибавлялись толки соседей, то восторженные и сочувственные, то индиф<ф>ерентные и даже с оттенком злобы, как, например, рассуждения бывшего миргородского уездного судьи Я<нкеви>ча[37], не прощавшего Гоголю описания суда в повести о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»[38].

В. А. Гиляровский также свидетельствовал: «В Шишаке современница Гоголя, г-жа Е. П. Петрова, указала <...> на один интересный факт. Мать Гоголя, Марья Ивановна, приехала в Миргород по делу в поветовый суд, после того уже, как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Миргородские чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне, уважаемой помещице, не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку»[39].

Кроме того, Гиляровский сообщал: «Вот хутор Задорожный. Владелец его, казак Григорий Ефимович Задорожный, старейший в округе. Еще во времена Гоголя он был церковным старостой в Яновщине, и после каждой церковной службы Мария Ивановна Гоголь приглашала его в дом.

— Добрая была. Бывало у меня в церкви разменяет десять рублей и все раздаст бедным. А паныч (Гоголь) еще добрее был. Помню, раз при мне он говорил Марье Ивановне: "Смотрите, чтобы не обижали людей". Придет, бывало, поговорит с рабочими, ласково-ласково. Добрый паныч был. <...>

Любимым местом для прогулок Гоголя была Яворивщина, где когда-то был старый дубовый лес, а также и Стенка (или Стенька), урочище, в пяти верстах от Яворивщины, принадлежащее Н. В. Быкову. Гоголь часто ездил в Стенку, — это лес, спускавшийся по обрывистому берегу Голтвы. Место весьма красивое, поэтическое. Здесь он задумал свое "Заколдованное место". <...>

Безусловно, самой разговорчивой и памятливой современницей Гоголя явилась Марья Григорьевна Анисимо-Яновская, состоящая даже в дальнем родстве с Гоголями. <...> На мой вопрос о Гоголе Марья Григорьевна сказала:

— Помнить-то я его, конечно, помню. Только мы, дети, прежде на него внимания не обращали: молчаливый такой, угрюмый, ни с кем не говорит, поест и уйдет в свою комнату. Да вот я часто бывала в Яновщине, а звука голоса Гоголя не слыхала. Помню, последний раз, мне было лет десять, видела я его в Яновщине. Он был бледный, волосы длинные, и глаз за обедом не поднял, поел немного и ушел. С тех пор я его больше и не видала. <...>

— А ведь и не думал никто! После уже, читая его сочинения, мне многое стало ясно, с кого он писал. Впрочем, я не любила его читать — ничего для меня нового, написал то, что я сама знаю, что каждый день вижу. Или уж выдумки вроде Вия. Ну, что это такое? Гоголь все это от старых баб взял: те все про ведьм да вовкулаков, бывало, нам страсти рассказывали. А какие ведьмы? Их нет. <...> Вот и Вий тоже — бабьи россказни! Не люблю я этих хвантазий у Гоголя!

Марья Григорьевна закурила папироску и еще раз повторила:

— Не люблю этих хвантазий! А вот чиновников да помещиков описывал хорошо. Я сама помню, как в Миргороде чиновники жили, получали два рубля в месяц и на службу из дома шли босиком, по миргородской грязи; придут, обуются в сенях — и в суд...

— Ось, як воно було!

— А важничали чиновники! Из последних сил тянулись, все богатство свое показывали. Жаль, что их Гоголь не всех знал, а то много бы еще написал»[40].

[1] Ср. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

[2] См. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Васильевка.***

[3] Граф В. В. Апраксин, племянник графа А. П. Толстого.

[4] Имеется в виду либо графиня Софья Григорьевна Чернышёва-Кругликова (скончалась 24 июля 1847 г.; см.: *Николай Михайлович, великий князь.* Московский Некрополь. <Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский>. СПб., 1908. Т. 3. С. 314), жена графа И. Г. Чернышёва-Кругликова (умер 30 октября 1847 г.; см.: Там же. С. 315); либо княгиня Софья Григорьевна Волконская (1785–1868), жена министра Двора и уделов князя П. М. Волконского.

[5] Графиня Анна М. Виельгорская (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

[6] Подлинник представляет собой черновой, незаконченный набросок письма, занимающий первую страницу рукописи, на 2–4-й страницах которой находится расписание работ (тоже рукой Гоголя) по лесопосадкам на осень 1849 г. (см. ***1849. Августа 22. Воскресенье. Васильевка***). Однако письмо относится к лету 1848 г., о чем говорит его содержание (написано в Васильевке во время холерной эпидемии 1848 г.). 15 июня 1848 г. Гоголь написал Виельгорской новое письмо, сходного содержания (см. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***).

[7] Графиня Виельгорская, мать А. М. Виельгорской.

[8] Отец Виельгорской.

[9] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 596.

[10] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 317.

[11] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***.

[12] *Черницкая А.* Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 10. С. 197–198; *Свод.* Т. 1. С. 155–156.

[13] См.: *Черницкая А.* Анна Васильевна *Гоголь.* (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 10. С. 215–216; *Свод.* Т. 1. С. 157–158.

[14] Вестник Европы. 1890. № 1–2.

[15] См. ***1848. Мая 9. День памяти св. Николая Мирликийского. Васильевка.***

[16] *Черницкая А.* Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 10. С. 207–208; *Свод.* Т. 1. С. 159–160.

[17] *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 167.

[18] См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у Н. В. Быкова: «Конторка Гоголя, на которой он писал в свои, впрочем, редкие приезды в деревню, сделанная по его указанию домашним столяром» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 354).

[19] «Г<оголь> покупал обычные дешевые гравюры из серии библейских картин и раскрашивал их акварелью. У нас имеется несколько таких картин, правда, раскрашенных неудачно и потому, вероятно, оставшихся нерозданными» (примеч. В. А. Чаговца). «29–32. Библейские картины, разрисованные Н. В. Гоголем акварельными красками. 33. Серия библейских картин, нераскрашенных, купленных Н. В. Гоголем для раздачи народу» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382). — См. также ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка***; и сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у О. В. Головни: «Несколько раскрашенных Гоголем Библейских картин»; и у Н. В. Быкова: «Листочки бумаги с сделанными им орнаментами; на этих листочках написаны тщательно и красиво молитвы и поминанье за здравие и упокой. Поминаний два» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 353).

[20] См. также ***1848. Июля 23. Пятница. Васильевка.***

[21] Ср. также воспоминания О. В. Головни в записи А. Н. Мошина: «Как-то позвал меня брат: “Пойдем, сестра, к мужикам...” Пошли мы с ним. Зашли в одну хату: чистота, порядок, хотя и не видно лишнего... Одна только баба дома оказалась... Обрадовалась нам. “Вот, — говорит, — сегодня ко мне две пташки влетели, к чему-то, думаю?.. А вот оно так и вышло: опять вижу две пташки ко мне влетели... Сядьте, — говорит, — покушайте...” Не успели мы возразить, как она яиц несколько штук разбила на сковородку, солому в печке зажгла и уже яичницу нам подает. Нам совсем не хотелось есть, но пришлось поесть яичницы, чтобы не обидеть бабу. В другую хату пришли, видно, прямо богато живут... Брат обрадовался и стал хозяина хвалить за то, что он старается, работает и сберегает... И стал говорить из Евангелия, что кто много имеет, тому еще больше Бог пошлет, что нужно стараться, работать... Еще в одну хату зашли: беднота кругом — и грязно, и неряшливо... Мужик в той хате стал кланяться, просить помощи на бедность свою. Брат огорчился и ничего не дал мужику тому и посрамил, что он не умеет заработать, зажиться. И больше в тот раз не захотел брат заходить в другие хаты, пошли мы с ним домой» (*Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 249–250).

[22] См. *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 251. Ср. полуапокрифический рассказ внучатой племянницы Гоголя С. Н. Данилевской (рожд. Быковой): «Возле Васильевки, теперешнего Гоголево, есть овраг, далеко протянувшийся в открытую степь, заросший боярышником, малиной, сиренью, калиной. Называют его Яворивщиной. Никто не знает, откуда пошло это название, может, появилось оно потому, что овраг был обсажен с двух сторон могущими яворами... <...> Здесь буйно зеленели травы... <...> С весны до осени в овраге одни цветы сменялись другими. Поэтому не случайно отец Гоголя, Василий Афанасьевич, облюбовал овраг для своей пасеки.

Как рассказывали мои родители, пасека в Яворивщине началась с одного-двух ульев, а потом разрослась; с годами на пасеке насчитывались десятки пчелиных семей. Разумеется, такое хозяйство требовало тщательного ухода, большого труда. И Василий Афанасьевич поручил пасеку самому опытному и старательному из дворовых, понимавшему толк в пчелах. Человек этот обычно жил в Яворивщине все лето в уютном шалаше, походившем на небольшую избу.

Родители не помнили, как звали этого пасечника, но все говорили, что был он наделен острым умом, знал множество преданий, народных украинских дум и песен.

Приезжая на каникулы из Нежина, бывая и позже в Васильевке, Гоголь любил приходить в Яворивщину и проводить целые дни в беседах с пасечником.

К вечеру Гоголь возвращался домой, и никто из родных не упрекал его, что он задержался; мать любовно посматривала на него, когда, он, веселый, приветливый, после вечернего чая сестрам рассказывал очередную “страшную” историю, услышанную от пасечника.

Почти ежедневные прогулки в Яворивщину для молодого Гоголя стали необходимостью, они обогащали его знаниями народного творчества, истории родного края.

Позже, когда появились "Вечера на хуторе близ Диканьки", в Васильевке получили авторский экземпляр книги, и тогда же было обращено внимание на надпись под названием: "повести, изданные пасичником Рудым Паньком". Сохранилось предание, что пасечник из Яворивщины был действительно рыжим, то есть, как говорят на Украине, рудым...» (*Данилевская С. Н.* Нетленная память // *Свод.* Т. 1. С. 276).

Еще менее достоверны сведения, сообщаемые Е. П. Серебровской со слов братьев Н. И. и Ф. И. Шабельников: «И еще отец нам рассказывал: когда он мальчишкой был, у Гоголей были в Яворивщине лес и пасека. Пасечником был там безродный дед Панько. Он до самой смерти жил у Гоголей. Отец наш у него приучался на пасеке, а позднее, когда дед Панько помер, — отец сам стал пасечником и так работал до конца дней своих (пасека принадлежала уже сестре Гоголя Ольге Васильевне). Был ли этот Панько рудым, рыжим — отец сказать не мог: он этого старика седым запомнил. Н. В. Гоголь любил ходить гулять в Яворивщину на ту пасеку» (*Серебровская Е. П.* Рассказы о Гоголе. Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке // *Свод.* Т. 3. С. 973). Предание о том, что пасечника в гоголевской Яворивщине звали Паньком, другими источниками не подтверждается.

[23] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург*** (примечания).

[24] В 1901 г. В. А. Чаговец также указывал: «Новый дом, о котором говорится в завещании <Т. С. Гоголь-Яновской (рожденной Лизогуб), бабушки Гоголя>, пришел в ветхость и разрушен... <...> ...В нем многое было сделано по указаниям и даже рисункам поэта, как например, венецианские стекла, дверь с цветными стеклами и т. п. <...> В новом доме, как память о поэте, сохранилась дверь с цветными стеклами в венецианском стиле, сделанная по рисунку самого Гоголя...» (*Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 221, 228).

См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у О. В. Головни: «Дубовая дверь из старого дома, соединявшая столовую с буфетной в венецианском стиле с разноцветными стеклами, сделанная по рисунку Гоголя домашним столяром» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 353).

5 января 1830 г. Гоголь писал матери: «В гостинной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю...» (см. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург***; рисунок воспроизведен в изд.: Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 5. С. 36, вклейка). Гоголевский рисунок может служить иллюстрацией иерархии литературных жанров, представленной писателем в незавершенной «Учебной книге словесности для русского юношества» (см. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> — 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим***) (см.: *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 684–685).

[25] См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у Н. В. Быкова: «Небольшой дубовый книжный шкап Гоголя, деланный по его рисунку домашним столяром, с большою частью книг, принадлежавших Гоголю: итальянских, немецких, английских, французских и русских. Библиотека Гоголя была не велика, так как, бывая редко в деревне, она пополнялась привезенными с собою случайными книгами» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 354).

[26] Жена Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского, Татьяна Семеновна (рожд. Лизогуб).

[27] См. ***Около 1830. Васильевка***.

[28] В. А. Гоголь-Яновский умер 31 марта 1825 г. (см. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы***).

[29] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 204–205, 207, 211–212.

[30] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 937–938.

[31] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 222, 223.

[32] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 251, 252.

[33] *Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 258.

[34] *Ковриго Э.* Личные воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 278.

[35] Алексей Михайлович Трахимовский.

[36] См. ***1848. Августа 24 и 25. Васильевка, Сорочинцы.***

[37] Иван Антонович Янкевич, миргородский уездный судья в 1831–1842 гг., поручик.

[38] *Трахимовский Н. А.* Мария Ивановна Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 146.

[39] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 358.

[40] Там же. Т. 1. С. 353, 359–360.

МАЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Сестра Гоголя Елисавета Васильевна записывает в своем дневнике:

«Все утро мы не видели брата! Грустно: не виделись шесть лет и не сидит с нами. После обеда были гости».

Свод. Т. 1. С. 171.

МАЯ 11. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь угощает крестьян.

Е. В. Гоголь в этот день записала в дневнике: «Утром созвали людей из деревни; угощали, пили за здоровье брата. Меня очень тронуло, что они были так рады его видеть! Пели и танцовали во дворе и были все пьяны»[1].

Младшая сестра Гоголя, Ольга Васильевна, вспоминала: «...Брат просил у матери дать ему полведра наливки и велел напечь пирожков с сыром. Когда все было готово, велел позвать тяглых мужиков, то есть тех, у кого рабочие волы, на крыльце поставили наливку и пироги, мужики стояли около крыльца и брат сам наливал наливку, угощал их, они пили, конечно, с пожеланием ему всего хорошего, потом брат дал каждому по два рубля и сказал: спасибо вам, что вы своими волами моей матери орали. Это он делал для поощрения, чтобы и другие старались быть хорошими хозяевами. Со временем брат присылал матери денег, чтобы она накупила хоть по теленку тем мужикам, у кого не было скота[2], и мне прислал 50 рублей, чтобы я по усмотрению своему помогала нуждающемуся. Написал: ты лучше сумеешь, как <чем> сестры»[3].

Имея в виду картину художника В. А. Волкова «Гоголь слушает бандуриста» (1892), Ольга Васильевна также сообщала: «...Вот на этой самой террасе, которую Волков написал[4], принимал брат и угощал однажды мужиков, при этом и я была... Попросил брат напечь пирогов с сыром, приготовить наливки и позвать всех тяглых мужиков, имеющих волов и отбывающих барщину. Когда они все собрались, угощал их брат, каждому дал по два рубля и сказал:

— Спасибо вам, братцы, что вашими волами вы моей матери землю обрабатываете!..

Мужики были очень удивлены, а один из них бросился брату в ноги и воскликнул:

— Барин, уж будьте вы сами хозяином!..

Брат советовал мужикам каждому обзаводиться скотиной, стараться, работать, чтобы зажиточными быть.

— Старайтесь, чтоб у вас все было, — сказал тогда мужикам брат.

Однажды брат прислал матери денег, просил купить и раздать по теленку тем мужикам, у кого нет скотины, чтобы обзаводились...»[5]

В. А. Чаговец, в свою очередь, указывал: «В другой раз он <Гоголь> дал 150 рублей для покупки рабочего скота для беднейших крестьян, так как понимал, что крестьянин без скотинки, как без рук. Один старик-крестьянин, на наши расспросы о Николае Васильевиче только мог ответить: "О, що то був за паныч добрый, Николай Васильевич, нехай его душенька царствуе! бувало мене малого распытают, що роблю, що обидаю; иноди пьятака давали, а раз то подарувал черевычки, таки легеньки, та крепкеньки; и довго я в них ходив; и людям теж багато помагали. Дай им Бог Царство Небесное!" И старик снял шапку и перекрестился»[6].

Мать Гоголя в 1852 г. рассказывала С. П. Шевыреву о сыне: «Всякий раз, при приезде и выезде, угощал крестьян. Любил разрезывать сам куски и приговаривал: "когда бы мог я каждого удовлетворить лучши<м> куском?"»[7]

Впечатления Гоголя по приезде в Васильевку 9 мая 1848 г. (после почти тринадцатилетнего отсутствия) нашли отражение в описании радушной встречи Тентетникова крестьянами в первой главе второго тома «Мертвых душ». С хозяйскими распоряжениями Гоголя весны 1848 г. перекликаются и неудавшиеся попытки Тентетникова наладить полевые работы в имении[8].

В 1879 г. Я. Нимченко сообщал В. П. Горленко о Гоголе: «...В Яновщине, когда приезжал, то <...> писал у себя во флигеле; тогда Марья Ивановна к нему никого не пускала. По-малороссийски Гоголь говорил хорошо, песни "простые" очень любил, но сам пел плохо. Дома, в Яновщине, совсем не вникал в хозяйство. Больше рисовал да так гулял, садом занимался...»[9]

[1] *Свод*. Т. 1. С. 171.

[2] В бумагах Гоголя сохранилась статья неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии (не полностью, отсутствует начало). Датируется, предположительно, первой половиной 1830-х гг. Хотя взгляды, изложенные в статье, по многим вопросам, в частности, по вопросу о значении ремесел, не совпадают с воззрениями Гоголя, однако, имеющиеся в статье конкретные обобщающие наблюдения над бытом крепостных крестьян могут служить прямым комментарием к целому ряду художественных произведений писателя, в которых выведены образы крепостных слуг и ремесленников. Так, с содержанием статьи перекликается рассказ о занятиях крепостных ремесленников помещика Собакевича, перечисление многочисленных ремесленных изделий в кладовых Плюшкина, описание быта крепостных слуг Чичикова в «Мертвых душах», слуги Хлестакова Осипа в «Ревизоре», крепостных слуг в «Лакейской», бывшего крепостного портного Петровича в «Шинели» (возникновение замысла «Шинели» также относится к средине 1830-х гг.; см.: *Виноградов 2000*. С. 240–254) и др.

В статье, в частности, говорится: «...При самых благополучных обстоятельствах тяглый крестьянин средствами, данными ему от помещика, едва может поддерживать самое умеренное довольство своей жизни и хозяйства; но он не имеет ничего для улучшения своего быта, для роскоши, никакого запасу на случай бедствия, предвиденного и непредвиденного. Но сколько таких случайных бедствий могут разрушить его благосостояние. Неурожай всегда застает его без запасов хлеба и сена. Он должен продавать гулевой скот, чтобы избавить семейство от голода или чтобы поддержать рабочий скот. Если не пособит ему помещик, он легко дойдет до того, что надо будет продать и рабочих волов. — Если падеж истребит или уменьшит его скот, ему нечем уже поправиться. <...> Пеший крестьянин получает большею частью от помещика десятину земли под озимое и столько же под яровое. — Не имея собственного скота, он отдает свое поле тяглому с половины, т. е. на том условии, что половину снятого хлеба берет себе хозяин земли, и половину хозяин скота. <...> Словом сказать, только в самый изобильный год, когда земля во всякое время вспаханная и засеянная дает урожай сам десять, пеший крестьянин получает достаточное количество хлеба для своего продовольствия. В хороший год он должен пополнять урожай своего поля заработком, в средний, не всегда находя заработок, требует уже пособия помещика, или продает всю свою движимость, если уже крайне нуждается. В худой год без значительных выдач от помещика испытывает величайшее бедствие и умирает от голоду. <...> Рогатый скот держит пеший благонравный крестьянин в надежде когда-нибудь воспитать волов и перейти в тяглые — но его надежда никогда почти не исполняется» (*Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 569–571).

[3] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 205.

[4] В. А. Волков в 1902 г., со слов О. В. Головни, сообщал: «...После обеда, в хорошую погоду, Николай Васильевич часто уходил гулять за несколько верст. Возвращался сумерками к чаю. Чай пили на крытом большом, с восемью колоннами, крыльце, выходящем на восток и осененном старыми деревьями. Иногда он садился не у чайного стола, а на рундучке крыльца. Тут он давал советы приходящим крестьянам, беседовал или отдавал приказания дворовым, а иногда, узнав, что в село забрел какой-нибудь слепец-кобзарь, зазывал его и долго вслушивался в его песни и былины, то заунывные, то веселые, "наматывая, — как выразилась Ольга Васильевна, — их себе на ус"» (*Волков В.* Из моих воспоминаний. (Поездка на родину Н. В. Гоголя) // *Свод*. Т. 1. С. 400).

[5] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод*. Т. 1. С. 249.

[6] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 226.

[7] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 1. С. 13.

[8] *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 145–146.

[9] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод*. Т. 1. С. 405.

МАЯ 11. ВТОРНИК. КИЕВ

А. С. Данилевский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Вчера так неожиданно получил письмо твое из Одессы. В первую минуту оно так сильно обрадовало меня, что я не заметил, что в нем скрывается большое для меня горе. Мне невозможно приехать к тебе в Васильевку: до 15-го июня я прикован к Киеву, а после отправляюсь с семейством в Одессу, где останусь, вероятно, до сентября. Жена моя, по совету медиков, должна пользовать-

ся этим летом морскими купаньями. Неужели мы и не увидимся с тобой! А ведь вина-то твоя. Я полагал, что на пути твоем из Одессы ты не объедешь Киева. Вышло не так. От тебя, однако ж, зависит поправить свою ошибку. Приезжай на несколько дней в Киев. Здесь у тебя много друзей! После стольких бесчисленных и бесконечных вояжей, что стоит тебе перешагнуть в Киев? Жена моя не может простить твоему равнодушию к нам, не может утешиться, что, может быть, никогда не увидит тебя.

И ты в Васильевке! Воображаю, сколько там радости и слез! Зачем я не могу приехать из Толстого на беговых дрожках, чтобы обнять тебя! И Толстое опустело! Побывай, пожалуйста, у моего отчима[2]. Он теперь один, и стар, и дряхл.

Как жаль, что ты не виделся с братом моим Ваней[3] в Одессе, а может и виделся, да по своей новой методе ничего не пишешь об этом.

Поцелуй за меня ручки твоей почтеннейшей маменьки и скажи мой дружеский поклон всему твоему милому семейству.

Как бы я желал знать твой приезд в Васильевку! Напиши мне в нескольких словах, как это случилось, когда, в какое время дня, чтобы я мог сколько-нибудь представить себе эту интересную картину».

[1] См. ***1848. Мая 4. Вторник. Одесса.***
[2] В. И. Черныш.
[3] И. С. Данилевский.

МАЯ 11. ВТОРНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков получает[1] письмо Гоголя из Одессы[2].

[1] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***
[2] Письмо Гоголя не сохранилось (см. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***).

МАЯ 12. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА, ПОЛТАВА, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь с матерью и сестрой Анной ездил в Полтаву за племянником Н. П. Трушковским.

Из дневника Е. В. Гоголь: «*11 <мая>* . <...> На другой день брат уехал в Полтаву, и мне хотелось ехать с ним, но я просила, чтобы он пригласил Annette. *13.* Вчера наши вернулись из Полтавы и привезли Колю Трушковского»[1].

В тот же день, 12 мая 1848 г., Гоголь отправил из Васильевки ответное[2] письмо М. П. Погодину в Москву:

«Благодарю за письмо (от 5 апреля <от 5 мая>[3]), которым приветствуешь ты мой возврат на Родину. <...> За "Москвитянина" благодарю также... <...> Что сказать тебе об отрывках из нового труда твоего: Русской истории[4]? — то разве, что в этом твореньи твоем у тебя явилось все то, чего прежде недоставало тебе. Я даже думаю, что вряд ли Русской гражданин в нынешнюю эпоху может сделать лучше приношенье земле своей, какое сделаешь ей ты этой историей, если с таким же успехом поведешь дело далее, с каким начал. Потребность истории в нынешнее время ощутительна. Может быть только с помощью ее можно спасти нам *добро наше,* расчищаемое татями. О себе скажу то[лько], что еле-еле осматриваюсь. Вижу предметы вокруг меня как бы сквозь какую-то мглу. Многое для меня покуда задача. Боюсь предаться собственным заключеньям, чувствуя, что

малейшей торопливостью и опрометчивостью могу наделать больше вреда, чем всякой иной писатель. Деревня покуда принимает меня не совсем неблагосклонно, воздух, кажется, здоров. <...> Наверно не могу сказать, когда буду в Москве. Хотелось бы около августа. Малюток всех обними, а матушке поклон»[5].

[1] *Свод*. Т. 1. С. 171.

[2] См. ***1848. Мая 5. Среда. Москва***.

[3] См. ***1848. Мая 5. Среда. Москва*** (примечания).

[4] Имеются в виду статьи Погодина «Святослав» и «Великая княгиня Ольга» (см. ***1847. Ноября 5 <17>. Среда. Москва***). Позднее, 19 мая 1871 г., Погодин писал М. А. Максимовичу: «Тебе понравился "Святослав". Он напечатан был еще в 1845 <1847> году, и Гоголь был им очень доволен» (*Свод*. Т. 2. С. 523).

[5] Подразумеваются четверо детей М. П. Погодина и его мать Аграфена Михайловна.

МАЯ 13. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Сестра Гоголя Елисавета Васильевна записывает в дневнике:

«У нас каждый день гости. Брат все такой же холодный, серьезный, редко когда улыбнется; однако сегодня больше разговаривал».

Свод. Т. 1. С. 171.

МАЯ МЕЖДУ 14 И 16. ВАСИЛЬЕВКА, ТОЛСТОЕ, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь побывал в имении отчима А. С. Данилевского В. И. Черныша, где виделся с ним и с единоутробным братом Данилевского Н. В. Чернышом.

См. ***1848. Мая 11. Вторник. Киев***; ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка***.

МАЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет ответные письма к А. С. Данилевскому[1] в Киев и к Н. Н. Шереметевой[2] в Рузу.

Из письма к Данилевскому: «Твое письмо принесло мне также много удовольствия. Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и всё. <...>[3] Я отправился того же вечера один стеновой дорогой, <...> ведущей в Яворивщину[4]... <...> Вероятно, того же вечера я был бы в Толстом[5], но Толстое пусто, и мне стало еще грустнее. <...> Василия Ивановича[6] я, однако же, видел[7] и у него плотного ремонтера[8] средних лет, Николая Васильевича[9], которого прежде[10] видел делающим микроскопические дрожечки[11] вместе с братьями. Василий Василь<еви>ч[12] нашел меня в Одессе[13], изумив, разумеется, [своею взрослостью] своим ростом. Жаль очень, что не случилось тебе провести это лето здесь. Дай Бог, чтобы поездка в Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьев<ны>[14]. Если бы я умел хорошо молиться, я бы помолился об этом так же, как она молилась о благополучном моем приезде. Через неделю времени думаю пуститься в Киев поглядеть на вас. Я слышал, что вы помещаетесь несколько тесненько, как всегда бывает на казенных квартирах. Если это правда, то устрой мне помещенье у Максимовича или у кого-нибудь другого из знакомых, хотя я, признаюсь, и не знаю, кто из моих знакомых теперь в Киеве».

Из письма к Шереметевой: «Ваше письмо получил с особенным удовольствием... <...> Благодаря Бога, достигнул я земной родины благополучно; достигну ли благополучно Небесной — вот

вопрос, который должен бы меня занимать теперь всего. Но, к стыду моему, должен признаться, что я далеко сердцем от этого вопроса. Голова думает о нем, но сердце не растопилось, не пламенеет стремленьем к нему. У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы *там*, на месте, почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия. Итак, *далеко* от меня то, что я полагал чуть не *близко*. При всем том меня живит еще луч надежды. Я и доселе также лепечу холодными устами и черствым сердцем ту же самую молитву, которую лепетал и прежде. Мысль о моем давнем труде, о сочинении моем[15], меня не оставляет. Все мне так же, как и прежде, хочется так произвести его, чтоб оно имело доброе влияние, чтоб образумились многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблемо. Друг мой, молитесь обо мне. Если Бог, молитвами вашими и других угодных ему людей, спас меня и пронес благополучно сквозь все земли, то Он властен также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего. В деревне я полагаю прожить большую часть лета. От Жуковского имею известия[16]: они сходные с теми, которые вы получили уже от Елагиной[17]. Мать и сестры вас помнят и вам кляняются».

[1] См. ***1848. Мая 11. Вторник. Киев***.

[2] См. ***1848. Мая 5. Среда. С. Покровское***; ***1848. Мая 6. Четверг. С. Покровское***; ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. С. Покровское***.

[3] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка***.

[4] Яворовый лес, принадлежавший М. И. Гоголь.

[5] Имение отчима Данилевского, В. И. Черныша, в 6 верстах от Васильевки.

[6] Черныш, отчим Данилевского.

[7] См. ***1848. Мая между 14 и 16. Васильевка, Толстое, Васильевка***.

[8] Занимающийся ремонтом, закупкой лошадей.

[9] Сын В. И. Черныша, единоутробный брат А. С. Данилевского.

[10] См. ***1835. Мая около 17 — июнь; июля начало — августа около 11. Васильевка***.

[11] Ср. реплику Добчинского о своем сыне в «Ревизоре»: «Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с».

[12] Еще один единоутробный брат Данилевского, сын В. И. Черныша.

[13] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).

[14] Жена Данилевского.

[15] Подразумевается второй том «Мертвых душ».

[16] См. ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***.

[17] А. П. Елагина.

МАЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет в Полтаву ответ на два[1] письма Гоголя:

«Получены мною оба письма твои из Бейрута и Константинополя. Из главного казначейства, по присланному тобою свидетельству, я взял остальные деньги временно данной тебе пенсии. Теперь этот источник дохода твоего прекратился. В скопе денег твоих у меня ныне находится следующее количество по билетам из ломбарда, куда отправлял я всякий раз, как только случалась значительная сумма: по 1-му билету (с 22 мая 1847) 1168 р<ублей> сер<ебром>[2]; по 2-му (с 22 июля 1847) 650 р<ублей> с<еребром>[3]; по 3-му (с 21 января 1848) 371 р<убль> с<еребром>[4], и по 4-му (с 26 апреля 1848) 228 р<ублей> с<еребром>[5]; всего 2517 р<ублей> с<еребром>.

Об этом за нужное считаю подробно дать тебе знать для того, чтобы ты уведомил меня, не понадобится ли тебе которую-нибудь из этих сумм взять, так как просроченный тобою и присланный мне из Константинополя Штиглицем вексель, по случаю банкротства дома Тюрнейсон[6], на который он был адресован, остается недействительным.

Штиглиц отказал мне в платеже, обещав дать знать через несколько месяцев, по скольку сантимов придется на франк уплаты, когда оценится и продастся все имение Тюрнейсона. Князь Вяземский обещал было еще хлопотать за тебя у Штиглица: но как я не получаю от него никакого отзыва,

то заключаю, что и ему банкир отказал. Теперь ты видишь, отчего не получаю я тебе денег, как ты писал. Я буду ожидать от тебя особого письма, где ты скажешь определительно, нужно ли брать из ломбарда для тебя и который именно из вышеозначенных билетов?

Письмо твое Смирновой я отдал лично. Она здесь в С.-Петербурге и пробудет, кажется, все лето, чтобы продолжать лечение свое у Пашкова[7]. Книги Бодо о греческом языке не оказалось здесь ни у одного книгопродавца. Я предлагал им выписать ее, но они отказались наотрез по причине смутных обстоятельств во Франции и в Германии. Приходится подождать лучшего времени. Поклоны твои я передал всем. Балабины и Вагнеровы[8] переезжают на лето в Павловск. Я по-старому живу летом на Беклешовой даче. Но адрес мой все прежний в город, где я часто бываю. Мои дела идут хорошо. В начале нынешнего года я снова избран советом и утвержден Государем в ректора Университета на четыре года. Литературою, оставив "Современник", я почти совсем не занимаюсь, кроме должностных статей. Может быть, когда ты поселишься в С.-Петербурге, опять примусь за что-нибудь. Одному скучно».

[1] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут***; ***1848. Апреля 20. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***; ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь***; ***1848. Апреля 26. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1847. Июля 22 <августа 3>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1848. Января 21 <февраля 2>. Среда. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1848. Апреля 26. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[6] А. Турнесен (A. Turnesen), банкир.

[7] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург***. – См. также ***1848. Мая 25. Вторник. Васильевка*** (примечания).

[8] М. П. Балабина была замужем за А. Л. Вагнером (см. ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург*** – примечания).

МАЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«Я слышала, что из Одессы имели от Николая Васильевича известие, а доехал ли он к вам, не знаю[1]. <...> На прошедшей почте писала к нему в Полтаву доставить в Васильевку, а теперь пишу, чтобы вас поздравить с радостным возвращением вашего достойного сына, да Отец Небесный сохранит его повсюду Своею благодатию».

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод*. Т. 3. С. 548.

[1] Гоголь приехал в Васильевку 9 мая 1848 г. (см. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка***).

МАЯ МЕЖДУ 16 И 20. СОРОЧИНЦЫ

Гоголь с сестрой Ольгой и, вероятно, с матерью, совершает поездку в Сорочинцы к А. М. Трофимовскому. В экипаже читает Евангелие[1].

Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Раз он <Гоголь> ездил с нами в Сорочинцы к Трофимовскому; там же и граф Гудович[2]. Только и помню, как мадам Трофимовская и мадам Гудович кокетничали, а брат с ними шутил. Приехали домой[3], застали разносчика[4] Федота Яковлевича, он приехал за долгом. Мать сказала: у меня теперь нет денег. Брат спросил, сколько вы должны? – 300 рублей. – Я заплачу, но только с условием, чтобы никогда не брали в долг. Да еще брат ездил в Киев на неделю[5], а мне поручил запереть флигель. Брат иногда с Лизой играл в шахматы; тогда и я выучилась играть; он рассказал мне ходы и названия, но играть с ним не приходилось»[6].

В. А. Гиляровский, посетивший Сорочинцы в 1889 г., сообщал: «Утром к нам пришел местный Фигаро, современник Гоголя, Виктор Заика, и предложил услуги постричь-побрить. Заика — ему около 80 лет — был когда-то, лет шестьдесят назад, лакеем графа А. К. Гудовича и рассказал мне, что граф с графиней несколько раз делали визиты к Гоголю в Яновщину, обедали у него, а Гоголь ни разу у графа Гудовича не был.

— Приедем с господами в Яновщину, а яновский барин, Николай Васильевич, всегда, бывало, в саду, с лопаткой, без шапки, а то в другой раз в саду с книжкой сидит... Раз пять были мы у него с господами...»[7]

В 1902 г. Гиляровский также сообщал: «В Б. Сорочинцах живет М. Н. Кульбовская, хорошо помнящая Гоголя. <...> Как раз рядом с домом Трохимовских находилась и усадьба графа Гудовича. Управляющим Гудовича был во времена Гоголя вотчим Марьи Никитичны, которая кончила курс в Москве в Екатерининском институте в 1837 году, была в 1839 году классной дамой в московском пансионе Севенард[8], а затем с того же года навсегда поселилась в Б. Сорочинцах. Она хорошо помнит Гоголя, который вместе со своей матерью приезжал два раза гостить к Трохимовским в Сорочинцы, и каждый раз гостил по неделе с лишком. Марья Ивановна и после смерти сына нередко ездила в Сорочинцы, и они часто видались. О встречах с Гоголем Марья Никитична рассказывает с большой радостью. Видно, что эти воспоминания — лучшие в ее жизни. В первый приезд Гоголь был один, а во второй — совершенно изменился.

О первой встрече М<арья> Н<икитична> говорит так (записано стенографически):

— Это было в 41 <1848?> году. Марья Ивановна гостила у Трохимовских, а он и приехал, и пробыл больше недели. Дом, где я жила, был рядом с Трохимовским, и мы друг у друга постоянно гостили, и сразу, в первый день, познакомились с Гоголем. Любезный, приветливый, веселый! Как чудно говорил! Читал нам всем по вечерам... Не помню сейчас, что именно, а лет пять назад помнила... Да никто не спрашивал, записать не догадались... А теперь голова часто болит... Много перезабыла... Помню вечером как-то, ясно помню, сидим мы дома, а Гоголь пришел к нам, да и говорит: "Что тут засиделись, пойдем к Трохимовским!" И пошли, и танцевали вечером кадриль, и он танцевал, но только путал фигуры... Много смеялись... Тогда он мне в альбом институтский стихи написал, не помню какие. Жаль очень, альбом в шестидесятом году сгорел во время пожара...

М<арья> Н<икитична> подала мне со стола книжку и сказала:

— Его подарок! Другая книга его была, много чего-то на ней он написал, да пропала!.. Как жаль... как жаль! И кто утащил, не знаю! А нет ее, нет!..

Я взял книгу. "Вечера на хуторе", изд. 1832 г., типография Плюшара. На ней надпись рукою Гоголя: "1843 <1848?> г. На память", а дальше французскими буквами: "Lo Go—N." Чернила пожелтели от времени, буквы и последняя цифра года стерлись.

— Грустный он тогда приехал, неразговорчивый, все больше один. Со мной, впрочем, разговаривал... Подарил мне книги и уехал... — грустно-грустно проговорила М<арья> Н<икитична>»[9].

[1] См. ***1848. Мая 9. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка.***

[2] Андрей Кириллович Гудович (род. в 1816), граф.

[3] 20 мая 1848 г. (см. ***1848. Мая 20. Васильевка***).

[4] Ср. ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь.***

[5] См. ***1848. Мая 25. Васильевка.***

[6] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 202–203, 210.

[7] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине // *Свод.* Т. 1. С. 350–351.

[8] Ирина Николаевна Севенард, владелица пансиона.

[9] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 359.

МАЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Любезный друг, тяжко мне жить на свете! Господь Бог продолжает мои страдания. Голова моя плоха, нервы ничто не успокаивает; жду здесь помощи в одиночестве. Тоска и страхи одолевают[2]. Молитесь за меня, у меня отнялись силы к молитве. Дети в Калуге, а я 8 месяцев одна; тяжко и грустно. Одно время было лучше, явилась и надежда, но с весной пропала. Погода ужасная. Ваша от души»[3].

[1] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут.***

[2] «После рождения <в 1840 г.> сестры (Н<адежды> Н<иколаевны>) моей, у матери моей была fièvre de lait <молочная лихорадка; *фр.*> и она все боялась помешательства, т. е. белой горячки, — все это от расстройства нервов. Хотя она и жалуется, что не может читать и писать, а у меня несколько томов переписано ее писем к отцу моему, того времени, — настоящие мемуары, не хуже Sévigné и St. Simon (имеются в виду французская писательница Мадам де Севинье (1626–1696) и французский мемуарист герцог Сен-Симон (1675–1755). — *И. В.*), о всем, что происходило и о чем читала. Печатать их нельзя, там слишком много о высшем обществе и проч<ие> интимные вещи» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 355).

[3] Ответ Гоголя см.: ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

МАЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев посылает ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Слава Богу, <...> что ты <...> в матушке России. <...> Первым движением моим, по получении письма твоего, было благодарить Бога; вторым написать к Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметевой. Затем я получил твое письмо из Бейрута[2], а сегодня записочку и 13 р<ублей> серебром денег. Немедленно подписался на М<осквитянин>, который будет отсылаться в Одессу на имя ген<ерал>-май<ора> Андр<ея> Андр<еевича> Трощинского. На имя же твоей маменьки не подписался, потому что Погодин и без того посылает ей[3], и ты, вероятно, найдешь М<осквитян>ин <у> себя в Васильевке. Мы все теперь в экз<аменах>... <...> Над<ежда> Никол<аевна>, вероятно, к тебе пишет. Я мало с кем вижусь, потому что некогда Серг<ей> Тимоф<еевич>[4] больной приехал из деревни, но теперь ему лучше. Трагедия сына его[5] не удалась ни в мнении общественном, ни в журнальном, и еще более потому , что он ее читал по действиям и до появления ее..... <з>вонил об ней во всю... <...> ..... <кото>рая, кажется, <напечатана> в Москвитянине[6]. <...> Поцелуй ручку за меня у твоей маменьки и поблагодари ее за милое письмо ее. <...> 9-го майя[7] мы пили здоровье милого именинника».

[1] См. ***1848. Мая 6. Четверг. Одесса.***

[2] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут.***

[3] См. ***1848. Мая 5. Среда. Москва.***

[4] Аксаков.

[5] Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

[6] Край письма оборван. Вероятно, Шевырев сообщал Гоголю об отрицательной рецензии М. П. Погодина на драму Аксакова, напечатанной в майском номере «Москвитянина» за 1848 г. (см. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** — примечания).

[7] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка.***

МАЯ 19. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Сестры Гоголя Анна и Елисавета катаются на пруду; в это время в Васильевку приезжает С. В. Скалон с семьей.

См. ***1848. Мая 20. Васильевка.***

МАЯ 20. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь с сестрой Ольгой и, вероятно, с матерью, возвращается из Сорочинец[1].

В этот день сестра Гоголя Елисавета записала в дневнике: «Гости у нас каждый день. Вчера приехала из Полтавы С. В. Скалон с мужем и Сашей. До их приезда мы катались на плотике и пристали к саду, на ту сторону. Вдруг пошел сильнейший дождь; мы все промокли, молния и гром сопровождали нас до самого дома. На беду еще нельзя было причалить к берегу и мы стали на мели, и удары грома были страшные, так что мы встретили гостей все промокшие. Сегодня приезжал разносчик за долгом (200 р<ублей>), и брат, не говоря ни слова, заплатил ему с тем, чтобы он никогда нам не продавал в долг. И маменьку просил никогда этого не делать! Сегодня у меня сильное раздражение нервов, и я все плачу. У маменьки была слабость верить в критические дни, и С. В. Скалон всегда ее уговаривала не верить; вдруг слышу — шум в спальне: Софья Васильевна разорвала бумагу, где были критические дни, чему мы были очень рады (но она скоро опять их списала где-то)»[2].

«...По словам Анны Васильевны Гоголь, ее мать весьма часто не останавливалась и перед покупками, отнюдь не представлявшимися необходимыми, несмотря на недостаток наличных денег. В то время и позже еще в течении многих лет, вплоть до развития наших путей сообщения, и в особенности железнодорожных путей, офени-ходебщики с их коробками и более зажиточные товарищи их, развозившие свои товары уже на многих подводах, были частыми и весьма приятными гостями в усадьбах малороссийских помещиков; одно из оснований их торговли был широкий кредит, который они открывали своим покупателям, в особенности из помещиков, вознаграждая себя за терпеливое ожидание уплаты высокою продажною ценою. Вот этих-то торговцев радушно принимала Марья Ивановна, покупала у них и нужные и ненужные вещи, покупала почти всегда в долг, конечно, переплачивая за то страшно в ущерб своим материальным средствам»[3].

3 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал матери из Неаполя: «Упрек мой в распоряжениях и расходах экономических был совершенно несправедлив. Это я увидел ясно из вашего письма, где вы означили обстоятельно, на какие именно потребности забираются товары у разносчиков и в лавках»[4].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Наш любимый разносчик Федот Яковлевич каждую зиму приезжал. У него все было: сельди, икра, осетрина, грибы, конфекты, пряники, канва, узоры, цветная и почтовая бумага, игрушки, даже ситцы, и все, что нужно для деревни. Мать набирала у него; когда не хватало денег — то в долг, а летом приезжал за деньгами. У него я всегда покупала цветные бумаги и бордюры»[5].

[1] См. ***1848. Мая между 16 и 20. Сорочинцы.***
[2] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.
[3] *Трахимовский Н. А.* Мария Ивановна Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 147.
[4] См. ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь.***
[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 202–203.

МАЯ 21. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ. ВАСИЛЬЕВКА

Сестра Гоголя Елисавета отмечает в дневнике:

«Сегодня уехали Скалоновы[1]. Весь день почти брат сидел с нами. Я просила, чтоб он взял меня с собой в Киев[2], но он отказал. У нас с ним были маленькие неприятности, но сегодня все забыто: он мне дал крестики из Иерусалима»[3].

Маленькие сердоликовые крестики Гоголь привез из Святой Земли для раздачи крестьянам. Незадолго до прибытия в Иерусалим в своей записной книжке 1846–1850 гг. он пометил: «В Иерусалиме: <...> *Купить крестики* из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем»[4].

В 1901 г. В. А. Чаговец среди вещей Гоголя, «находящихся у сестры поэта, О. В. Головни», отмечал «религиозные реликвии, <...> связанные с посещением Иерусалима: пальмовая трость с кипарисовой ручкой[5], приобретенная поэтом в Святой земле и затем привезенная в подарок сестре; перламутровый ящик с изображением Благовещения Пр<есвятой> Девы Марии[6], некогда наполненный маленькими крестиками, предназначенными для раздачи народу; священное мыло из Иерусалимского храма[7], с печатью Соломона на одной стороне и пальмовой ветвью на другой, иконки и пр. ...»[8]

Г. П. Данилевский в 1852 г. указывал: «К украшениям дома Яновщины в последнее время <...> <прибавилась> трость из жилы пальмового листа, на которую Гоголь опирался в своих странствованиях по Святой Земле»[9].

В 1909 г. тот же Чаговец указывал: «Как память об этом путешествии в семье Г<оголей> сохранились перламутровые коробочки с священными изображениями и сердоликовые крестики. Кроме того, он привез еще мыло, которым омывают гроб Христа в ночь под Пасху (см. снимок с лицевой стороны, на которой печать Соломонова храма, в виде шестиугольной звезды; с другой стороны изображена пальмовая ветвь (ветвь мира); а сестре Ольге подарил кипарисовый посох, с которым она не расставалась всю жизнь. Было еще несколько предметов-реликвий из Иерусалима, но они где-то затерялись»[10].

По возвращении из-за границы на родину в 1848 г. Гоголь привез также с собой изображение Спасителя, написанное Аннибале Караччи[11]. (В свое время литографию с этой картины выполнил О. А. Кипренский[12].) Образ находился во флигеле, где останавливался Гоголь[13].

В. А. Гиляровский также сообщал: «В Полтаве нашел я М. Г. Анисимо-Яновскую и г-жу Янович[14], которую я встретил у М. Я. <М. В.> Рахубовской[15], племянницы Гоголя. У последней сохранились вещи, принадлежавшие Гоголю и, между прочим, большой образ Спасителя, написанный для Гоголя кем-то из его друзей-художников. У другого племянника Гоголя, Юрия Влад<имировича> Быкова[16] есть тоже память дяди: тетрадка с рисунками-копиями римских образов, гербарии его, бронзовый образ Спасителя, вывезенный Гоголем из Рима, копия с письма Гоголя к Жуковскому и мн. др. Между прочим, записка Гоголя следующего содержания: "Помилуй меня грешного! Прости Господи! Свяжи[17] вновь Сатану таинственною силою неисповедимого креста"»[18].

Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[19], также свидетельствовал: «Не один из грамотеев по Миргородской и Решетиловской дороге показывал нам с гордостию духовно-нравственные книги, подаренные ему Гоголем[20], при неоднократных его поездках за границу и из-за границы. А сколько нуждающимся соседям уделял он, в трудных обстоятельствах своей жизни, из небольших литературных доходов своих!..»[21]

См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у О. В. Головни: «Несколько книг Гоголя, преимущественно духовного содержания»[22].

[1] См. ***1848. Мая 19. Васильевка.***

[2] См. ***1848. Мая 25. Васильевка.*** «Гоголь ездил в Киев к А. С. Данилевскому» (примеч. В. И. Шенрока).

[3] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.

[4] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[5] См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у О. В. Головни: «Пальмовая трость с кипарисовой ручкою, вывезенная Гоголем из Палестины» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 353). См. также: «Пальмовая трость, привезенная поэтом из Иерусалима» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[6] См. также: «67. Коробочка-реликварий с изображением Благовещения. Вифлеем. 1840-е гг. Перламутр; резьба, гравировка. 6×4,9. Пост<упление> из сейфа бывшего коммерческого банка <И. В.> Юнкера в 1928 г. (собрание П. М. Мальцева). ГИМ 64075 ПЯ 339. <...> 68. Образок "Распятие с предстоящими". Вифлеем. 1840-е гг. Перламутр; рельефная и пропильная резьба, гравировка. 8,1×5,9×0,9. Пост<упление> из сейфа бывшего коммерческого банка Юнкера в 1928 г. (собрание П. М. Мальцева). ГИМ 64075 ПЯ 340. На титле вырезано: INRI. <...> По легенде, оба памятника привезены из Иерусалима Н. В. Гоголем, посетившим Святую Землю

в начале 1848 г.» (<*Елькова Е. Ю.*> *Е. Е.* <Аннотация> // Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки. Государственный Исторический музей. 24 ноября 2009 г. – 28 февраля 2010 г. М., 2009. С. 56; *Свод.* Т. 3. С. 623). См. также: «Перламутровые иконки и ящички с изображением Благовещения (из Иерусалима)» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382). – О посещении Гоголем Вифлеема см.: ***1848. Февраля 4 – 29 <февраля 16 – марта 12>. Иерусалим, Вифлеем, р. Иордан, Иосафатова долина, Масличная (Елеонская) гора, Иерусалим.***

[7] Имеется в виду мыло, которым омывают Гроб Спасителя в ночь перед Пасхой.

[8] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 229–230. – См. также: «Священное иерусалимское мыло» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[9] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 287.

[10] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 204.

[11] Хранится в музее-заповеднике Н. В. Гоголя в селе Гоголево Шишакского р-на Полтавской обл. (бывш. с. Васильевка Миргородского уезда Полтавской губ.); воспроизведено в изд.: Гоголь на родине. Альбом художественных фотографий и гелиогравюр. Полтава, 1902; *Гоголь Н. В.* Собр. соч. Т. 9. Илл. № 119.

[12] См. описание литографии: «"Образ Спасителя, представлявшийся во сне Анибалу Карачи, и немедленно написанный им на тафте. Рис: на камне Кипренский". Большой лист» (*Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. СПб., 1895. <Т. 2>. Словарь граверов. Стб. 332); и изображение: *Тевяшов Е. Н.* Описание нескольких гравюр и литографий. СПб., 1903. С. 116; *Виноградов И. А.* «Великая тайна» картины Александра Иванова // Домашний лицей. 2001. № 4. С. 75–80.

[13] См. ***1851. Мая 14. Васильевка*** (примечания).

[14] И. С. Аксаков, побывавший в Васильевке 2 июля 1854 г. и спустя несколько дней вновь встретившийся с матерью Гоголя Марией Ивановной, а также с его сестрой Анной Васильевной и племянником Н. П. Трушковским в Полтаве, сообщал своим родным в Москву (в письме из Полтавы от 31 июля): «Я был у них и просидел вечером часа два. Останавливались они у Яновичевых: это три девицы с отцом, каким-то отставным генералом: я его не видал. Девицы же известны в Полтаве под названием *ученых*. Я слышал, как один человек молодой, но не претендующий на ученость, довольно забавно жаловался, что его визиты к Яновичевым всегда неудачны, что, собираясь к ним ехать, он поутру приготовится из Римской истории, а его спросят про Ассирийскую монархию! Действительно, в них много претензий, особенно в средней Julie, имеющей притязание на высшие взгляды; может быть, они и обладают большими познаниями, но нет в них сочувствия ни к каким современным вопросам, а какой-то отвлеченный интерес к науке, к знанию: статья европейского ученого про царя Артаксеркса кажется им более занимательною, чем вопрос о положении крестьян в Малороссии, о современной войне и проч. И в мужчине неприятно видеть отвлеченность ученого, а в женщине это еще противнее. Про среднюю Гоголь писал к старшей сестре целое письмо <не сохранилось>, в котором говорил, что у нее прекрасная, но испорченная воспитанием натура, и давал ей разные советы, которых она, впрочем, не послушала. Я не читал сам письма, но не разделяю мнения Гоголя. Девушка, которая делает презрительную гримасу, как скоро говорят о народной поэзии, говоря, что она не понимает этой грубой поэзии, что этот интерес ей кажется слишком мелким, что любовь к народности, по ее мнению, очень узкое и тесное чувство в сравнении с человечеством, такая девушка не показывает много чувства и чрезвычайно несимпатична. Она вызвала меня на несколько резких ответов и замечаний, и сама вскоре ушла, оставив меня с другими сестрами. Я потому так об них распространился, что, может быть, Гоголь или его сестры говорили вам об этом семействе» (Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 938–939). – См. также ***1851. Мая 22 и 23. Вторник и среда. Полтава.***

[15] Мария Владимировна Рахубовская (рожд. Быкова, 1852–1917).

[16] Юрий (Георгий) Владимирович Быков (1860–1918).

[17] См. ***1852. Февраля с 18 до 20. С понедельника до среды. Москва*** (примечания).

[18] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 358.

[19] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[20] Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. (относящуюся, по-видимому, ко времени проживания Гоголя в Васильевке в 1850 г.; см. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка***): «Книги в Москве. Четьи-Минеи. О страннолюбии, монастырях и благотворительности. Больше книг». – См. также ***1851. Июль. Москва.***

[21] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 285.

[22] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 354.

МАЯ 21. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку. Вероятно, в тот же день письмо к Гоголю написал и К. С. Аксаков.

Датировка письма К. С. Аксакова уточнена. Его письмо не датировано, однако С. Т. Аксаков в своем послании (от 21 мая 1848 г.) упоминает о том, что его сын Константин, возможно, тоже будет писать в этот день Гоголю. Из этого же упоминания явствует, что до того дня ответа Гоголю К. С. Аксаков еще не посылал. Таким образом, датировать его письмо к Гоголю ранее 21 мая 1848 г. нельзя. В то же время через две недели, 3 июня 1848 г. Гоголь уже написал ему ответное послание[2]. Ответ на письмо Аксакова-отца (от 21 мая) Гоголь написал еще пять дней спустя, 8 июня 1848 г. — и, вероятно, отправил оба письма — отцу и сыну Аксаковым — одновременно[3]. (С. Т. и К. С. Аксаковы свой ответ Гоголю тоже отправили в один день — 21 июня 1848 г.[4])

Из письма С. Т. Аксакова: «Здравствуйте, здравствуйте на святой Руси... <...> В самых последних числах апреля[5] приехал ко мне рано поутру Щепкин и сказал, что вы в Одессе. Я так обрадовался, что ту же минуту хотел писать к вам, хотя решился было бросить письменные разговоры[6] и ожидать личного свидания; но я уже был готов к отъезду в деревню <...> и остался только до 2 мая, потому что 1-го был день рожденья Хомякова. 2-го я переехал в деревню с Константином и Любенькой, остальная семья должна была переехать через неделю. Хотел было писать 4-го или 5 мая, но отложил до 9-го, чтоб тут же и поздравить вас со днем ангела[7]; но 6 мая сделалась такая жаркая, летняя погода, что я забыл числа и подумал, что это июнь или июль, оделся полегче, посидел с удочкой на пруду подольше и тот же вечер получил воспаление... <...> Болезнь <...> сопровождалась сильной лихорадкой и кровохарканьем. Можете себе представить положение бедных моих детей! На Константина до сих пор еще страшно смотреть. По счастию, у Троицы (в двенадцати верстах от моей деревни) есть очень порядочный лекарь, <...> который мне очень скоро помог. Нельзя было скрыть моей болезни от остальной моей семьи, и потому все, перепуганные, прискакали ко мне. (Они привезли[8] мне ваше милое письмецо, которое мне было целебно.) Как нарочно, на другой день их приезда, 12 мая, получил я рецидив воспаления... <...> Тот же лекарь помог мне опять, и через несколько дней <...> меня <...> благополучно перевезли в Москву... <...> ...С вчерашнего <...> утра я постоянно чувствую шум в голове и какую-то нервическую слабость, которая мешает мне даже диктовать письмо. <...> ...С наступлением настоящей летней погоды мы переедем уже все в нашу прекрасную деревеньку. Именинник[9] мой с матерью у обедни. Успеют ли они сегодня написать к вам[10] — не знаю; но сам уже откладывать не хочу.

На днях вы получите драму Константина[11]. Прочтите ее на досуге, сбросив с себя все чужие понятия, усвоенные всеми нами с младенчества. Вдумайтесь глубоко в старую русскую жизнь и произнесите суд нелицеприятный. Погодин облаял ее[12], как взбесившаяся собака. Давно затаенная злоба на Константина (в которой он и сам много виноват) наконец выбилась ключом бешеной слюны и помрачила даже его рассудок... <...> Пишите в Сергиевский посад, Московской губернии»[13].

Из письма К. С. Аксакова: «Наконец вы в Русской земле.. <...> Шесть лет! Порядочно. <...> Многое было не высказано... <...> Во всяком случае, полная откровенность необходима... <...> Я писал вам длинное письмо по выходе в свет вашей книги[14]; оно было довольно жестко; я написал уже много, но еще не кончил и потерял его. Подумав, что, может быть, это и лучше, что, может быть, не надо давать воли негодованию, когда в душе одно негодование, и только, я не начинал нового письма. Но теперь вы уже в России; ваша *простая* записочка[15] так просто отозвалась в нас, что, сколько мне кажется, негодование не ослепит меня. Батюшка также думает о вашей записочке: видит в ней дружеские, простые строки. Николай Васильевич, нечего мне говорить вам об общей нашей и о своей дружбе, хотя, мне кажется, вы понимали ее вроде какой-то *привязанности,* подчиненной с моей стороны, чего никогда не бывало... <...> Как бы то ни было, года два-три, не более, может быть, не таким уже являлись вы мне, как прежде. Не думаю, чтобы я ошибался, а думаю,

что вы переменились. Если вы увидите в этих словах моих самонадеянность, вы ошибетесь. Ваши важные и еще более важничающие письма, с их глубокомыслием, часто наружным, часто ложным, ваши благотворительные поручения с их неискреннею тайной, ваше возмутительное предисловие ко второму изданию "Мертвых душ", наконец, ваша книга, повершившая все, далеко оттолкнули меня от вас. Я нападал на вас и дома и в обществе почти так же горячо, как прежде стоял за вас. Не знаю, дошли ли до вас слухи об этом, — я думаю, что дошли. Ваши дополнительные письма еще более усиливали негодование. Знакомство же со Смирновой, воспитанницей вашей, еще более объяснило и вас, и ваш взгляд, и состояние души вашей, и учение ваше ложное, лживое, совершенно противуположное искренности и простоте. Говоря о книге вашей, говоришь вместе о всем том, что в вас, как я думаю, недобро.

Во всем, что вы писали в письмах, и в книге вашей особенно, вижу я прежде всего один главный недостаток: это *ложь*. Ложь не в смысле *обмана* и не в смысле *ошибки* — нет, а в смысле *неискренности* прежде всего. Это внутренняя неправда человека с самим собою, внутренняя непростота и раздвоенность... <...> Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего более в одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга. Ложь у французов, у этого народа детей, смешных и жалких детей (не во внутреннем значении слова, но по внешней недозрелости), принимает надутые формы, рядится в эффекты, становящиеся от ограниченности их народа наивными. Что же? И у вас прорвалась природа лжи, и у вас есть надутые и такие студеные фразы, которых странно, как сами вы не заметили. Но вы не француз, и эти фразы у вас не смешны, не наивны, а возмутительны. Ложь лжет истиной, а гордость рядится смирением. Затронуты нравственные глубины, и оба зла совпадают. Такова опять ваша книга. Или не видите вы страшной гордости, одетой в рубище, которое носит она, как драгоценное платье? В вашей книге нет даже того трудного пути унижения искреннего, которым доходит человек, часто с болью, до смирения, и иногда, тут же, грешит гордостью; не видать, чтобы вы со стыдом вперва надели рубище духа и потом возгордились им как драгоценностью. Нет, вам прямо понравилось смирение, прямо полюбилось рубище; вы приняли смирение, облеклись в рубище очень довольные; оно досталось вам без труда и борьбы: *вы поняли красоту смирения*. К вам привилось внутреннее зеркало, сопровождающее вас всюду и в движениях внутренних души; вы уже успели вмиг посмотреться в зеркало. Вы лежите в прахе и видите себя, как вы лежите в прахе.

О, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее кокетство! Хуже оно наружного. Знаю я этот грех: я сам им страдаю. Но кажется мне, я вижу его, и потому я не проповедую смирения, потому что слишком высоко ценю его, и смиренным себя не выставляю. Давно уже много ценю я простоту, и ценю ее с каждым днем более и более. Простоты я не вижу в вас. Потом: самые мысли ваши ложны; вы дошли до невероятных положений. Таково письмо о семи кучках[16], непостижимое, возмутительное; о, сколько хитрости и искусственности в нем! Таково письмо ваше к Жуковскому[17], письмо, так сильно противоречащее, по-моему, Вере Православной[18]. Да и мало ли еще других мест, ложных уж и по мысли своей, в письмах ваших!

В подробности вдаваться я не стану, а укажу еще на великий проступок ваш: на презрение к народу, к русскому простому народу, к крестьянину. Это выражается в вашем предисловии ко второму изданию "Мертвых душ", это выражается в письмах ваших, в вашей книге, особенно в наставлении помещику[19], где грубо является незнаемый и, к сожалению, не подозреваемый вами даже народ и где помещик поставлен выше, как помещик, и в нравственном отношении. Странная нравственная аристократия, странное основание духовного достоинства! Недостает, чтобы вы сказали, что тот, у кого больше душ, выше в нравственном отношении. Вот великая вина: *поклонение перед публикою и презрение к народу*. Знаете вы знаменитое восклицание полицеймейстера: "Публика вперед, народ назад"[20]? Это может стать эпиграфом к истории Петра, это слышно и в вашей книге. Но знаете ли вы, которые говорите о простоте и смирении, что простота и смирение есть только у русского крестьянина? Вот почему так высок он — выше всех нас, выше писателей, и вкривь и вкось о нем толкующих и не знающих его. Как же могло это случиться, что вы, Николай Васильевич, человек русский, так не понимаете, не предполагаете русского народа, что вы, столь искренний в своих произведениях, стали так глубоко неискренни? Ответ на это прост. Не вы ли, в ложном мудрствовании, бросили свою землю, бежали из России и шесть лет были вне ее, не дыша-

ли ее святым, нравственным воздухом? Не вы ли, беглец родной земли, жили на Западе и вдыхали в себя его тлетворные испарения? Или вы думаете, что ничего не значит для человека то окружение, в котором он находится? Не вы ли собирались ехать в Иерусалим, шесть лет, у святого Петра, в католическом Риме или в других землях? Не Успенский собор, не Софийский, не православная Русь и не пустыня готовили вас к подвигу, и вот что произвели эти шесть лет! Подвиг совершен. О нем я не говорю и говорить не смею, но говорю вам о вашей деятельности до этого подвига. Нет имени святее Веры, и чем святее имя, тем больнее его злоупотребление: таковым кажется мне ваша деятельность в эти шесть лет. Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе. Вы имели дело с Западом, с этим воплощенным лгуном, и ложь его проникла в вас.

Есть, мне кажется, и другая причина: вы погрешили вашим достоинством, даром, *художничеством*. Перестав писать и подумав о подвиге жизни, вы, в подвиге личной вашей жизни, себя сделали предметом художества; но это вопрос другой, и то самое, что было искренно в искусстве, стало ложно в жизни. Искусство не жизнь. Искусство — обман: оно может быть искренно как обман, но оно станет просто обманом, как скоро перейдет в жизнь. Искусство непременно раздельно внутри: жизнь есть цельное живое дело. Актер-художник прост на сцене, но самый естественный актер-художник в жизни — все актер. Ваше погрешение есть погрешение художника. Художник отнял у себя предмет художественной деятельности и обратил свою художественную деятельность на самого себя и начал себя обрабатывать то так, то эдак, точно так же, как актер, превосходно игравший роли, бросив играть, станет разыгрывать себя в жизни. Сверх того, вас пленила, как сказал я выше, художественная красота подвига, вы предались ей, этой опасной красоте, столь облыгающей веру и чувство и принимающей на себя их образ, столь соблазнительной, прекрасной и столь ложной, в настоящей живой жизни и в настоящей истинной истине.

Вот что я думаю об вас, что высказываю я вам прямо. Но Боже меня сохрани произносить вам приговор: напротив, я уверен, что святая Русь благотворна для вас. <...>

Я все тот же: еще более стою за Русскую землю, еще сильнее против Запада, но, кажется, взгляд мой и на это и на другое стал яснее, и больше я узнал. В высшей степени противна мне красивая ложь, красивые эффекты Запада, которые тем самым уже исключают правду. Неотъемлемая принадлежность Запада — *картинка,* хотя ложь основания не в ней. А как могущественна картинка над человеком! Для нее много делается блестящих, но, в сущности, бесплодных дел. Эта ложь вошла в правду русской жизни. Западное влияние у нас есть и медленно уступает русскому началу. Да и как не быть ему сильну, когда оно поблажает всем порокам человека, избавляет от труда и простоты истины и дает нам милую, легкую, красивую и затейливую ложь? Последние события в Западной Европе[21] обнаружили всю ее гнилость. Авось теперь поймет наше общество вред западного влияния и, видя, что оно у нас есть, постарается освободиться от него со всеми его искушениями и прийти к народной русской жизни. Я тот же, но, однако, я много переменился, Николай Васильевич. Я оставил немецкую философию[22], русская жизнь и история стали мне еще ближе, и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите, — вера, православная вера[23]. Признаюсь, когда в книге вашей находил я слова об ней, которые ей противоречили, это оскорбляло меня тем более. Я, кажется, стал серьезнее, но думаю, не по наружности. Читали ли вы статью Хомякова в "Московском сборнике"[24]? Вы очень ошибочно смотрели на русское направление: из слов ваших, довольно легкомысленно сказанных[25], видно, что оно вовсе вам не известно. Надеюсь, что письмо это не будет принято вами враждебно».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», поясняя настоящее письмо, замечал: «Константин, узнав о возвращении Гоголя на родину, откуда через два месяца он намеревался переехать в Москву, захотел прежде свиданья с ним [излить всю свою душу, так, чтобы после и не говорить уже более об этом предмете] высказать все, что было на душе, так, чтобы при свиданьи находиться уже в прямых отношениях; до сих же пор Константин не писал к нему ни слова о его книге»[26].

[1] Письмо Гоголя к С. Т. Аксакову не сохранилось (см. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***).

[2] См. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка.***

[3] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

[4] См. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[5] См. ***1848. Апреля конец. Москва.***

[6] См. ***1847. Октября 3 <15>. Пятница. Москва***; ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь.***

[7] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка.***

[8] См. ***1848. Мая 11. Вторник. Радонежье (Абрамцево).***

[9] Сын С. Т. Аксакова Константин.

[10] Вероятно, К. С. Аксаковым письмо к Гоголю в тот же день было написано (см. выше).

[11] Драма К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

[12] В рецензии на драму К. С. Аксакова М. П. Погодин писал: «...В сочинении мы не видим драмы, хотя она разделяется на действия и состоит из явлений: она не имеет необходимого начала и необходимого конца. <...> Сцен можно исключить, и можно прибавить сколько угодно. <...> Действующие лица, или, лучше, говорящие лица все одинакие: что Антон, что Елизар, что Елисеич, что Минин, что Пожарский. <...> В историческом Минине несравненно более жизни, чем в драматическом» (*<Погодин М. П.> М. П.* Освобождение Москвы. В 1612 году. Драма в пяти действиях, К. Аксакова. Москва. 1848 // Москвитянин. 1848. № 5 (цензурное разрешение 31 апр.). <Отд. 2>. С. 27–29). — Сходную оценку дал позднее драме и Гоголь (см. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава*** — письмо к С. П. Шевыреву; ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***). — См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва.***

[13] Ответ Гоголя см.: ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

[14] «Выбранные места из переписки с друзьями». К. С. Аксаков, в частности, одобрительно отнесся к мнению о книге Гоголя Н. Ф. Павлова (см. ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***).

[15] Письмо не сохранилось (см. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса***).

[16] Имеется в виду статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[17] Статья *X. О лиризме наших поэтов. (Письмо к В. А. Ж<уковско>му)* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[18] Подразумевается принципиальный для Гоголя вопрос о значении для России единодержавия (см. ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва*** — примечания).

[19] Статья *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[20] К. С. Аксаков сообщает Гоголю анекдот, происхождение которого связывают с именем самого Гоголя (см. ***1841. Октября 17 — 1842. Мая 23. Москва***). Позднее К. С. Аксаковым была написана статья «Опыт синонимов. Публика — народ», вызвавшая запрещение газеты «Молва», где она была опубликована (Молва. 1857. № 36). Аксаков писал: «Публика является над народом, как будто его привилегированное выражение; в самом деле публика есть искажение идеи народа... Публике всего полтораста лет, а народу годов не сочтешь».

[21] Имеются в виду революционные события 1848 г.

[22] Оставить увлечение немецкой схоластикой неоднократно призывал ранее К. С. Аксакова именно Гоголь (см. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим*** — примечания; *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69).

[23] Признаваясь в этом, Аксаков, однако, отношений к учительству Гоголя не переменил — как ранее, в 1842 г., следуя немецким теориям о бессознательности художественного творчества (см. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** — примечания), не считался с религиозным замыслом «Мертвых душ» (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** — примечания) так и в 1848 г. подлинной веры в самом Гоголе не видел.

[24] «О возможности русской художественной школы» (Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). С. 317–358). Ссылка Аксакова в данном случае на Хомякова является недоразумением. Как в этой статье, так и в других, предшествующих и последующих публикациях, Хомяков принципиально иначе оценивал Гоголя — именно на него как писателя возлагая надежды в создании самобытной русской литературы (см. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва*** — примечания).

[25] Вероятно, подразумевается статья *XI. Споры* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[26] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 650.

МАЯ 25. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь ко дню Святой Троицы (30 мая 1848 г.) отправляется вместе с слугой П. Юрченко[1] в Киев[2].

Сестра Гоголя Елисавета в этот день отметила в дневнике: «*25 <мая>*. Брат уехал в Киев. Так было грустно; все что-то тревожит»[3].

В 1897 г. В. И. Шенрок сообщал: «От родственников Гоголя <вероятно, от А. В. Гоголь> я слышал, как однажды, гостя у своих в Васильевке, Гоголь куда-то выехал из деревни и вдруг, уже в половине пути, что-то вспомнил и приказал вернуться домой. По возвращении он тотчас отслужил в церкви молебен о здравии болящей рабы Божией Александры и сейчас же снова отправился в путь. Родственники догадались, что он молился за Смирнову. (Это было в 1848 г.)»[4].

В то время болящая Смирнова, отчаявшись найти помощи у врачей, прибегла — подобно гоголевской Пидорке в «Вечере накануне Ивана Купала» (обратившейся к колдунье)[5] — к лечению магнетизмом. 18 марта 1848 г. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому из Петербурга: «Здесь живет А. О. Смирнова. Ясновидящая[6] лечит ее у Пашкова»[7]. 16 мая 1848 г. он же сообщал самому Гоголю: «Письмо твое Смирновой я отдал лично. Она здесь в С.-Петербурге и пробудет, кажется, все лето, чтобы продолжать лечение свое у Пашкова»[8]. Сама Смирнова 17 мая 1848 г. писала Гоголю: «Любезный друг, тяжко мне жить на свете! Господь Бог продолжает мои страдания. Голова моя плоха, нервы ничто не успокаивает; жду здесь помощи в одиночестве. Тоска и страхи одолевают. Молитесь за меня, у меня отнялись силы к молитве»[9].

[1] См. ***1848. Мая 28–29. Пятница-суббота. Под Переяславом.***

[2] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

[3] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.

[4] Отрывки из воспоминаний родных Гоголя в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 399 .

[5] По церковным правилам, обращающиеся к колдунам лишаются, по степени вины, участия в таинствах на несколько лет и отлучаются от Церкви. Обращениям Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» к знахарям и колдунье подчеркнуто противопоставлено автором упоминание в начале повести о бывшей в селе церкви Святого Великомученика и целителя Пантелеимона, к которому и следовало прибегнуть за настоящей помощью (см. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург*** —примечания; ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** — примечания).

[6] Вероятно, Е. А. Висковатова.

[7] См. ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 26. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина В. Г. Белинского.

МАЯ МЕЖДУ 25 И 29. ЯГОТИН ПИРЯТИНСКОГО УЕЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Гоголь проездом в Киев останавливается на два дня в Яготине, в имении княгини В. А. Репниной-Волконской и ее детей — дочери, княжны В. Н. Репниной-Волконской, и сына, князя Н. В. Репнина-Волконского[2].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Кн<яжна> В. Н. Р<епни>на видела <...> Гоголя <...>, по возвращении его из Иерусалима, в Яготине (Полт<авской> губ<ернии>)... <...> В Яготине, как само собой разумеется, все ему обрадовались. Он восхищался величественною роскошью яготинского сада, был очень доступен, снисходителен, добр, и так сказать, мягок и братски-любящ. Лицо его выражало отпечаток могучей перемены, происшедшей в его душе, — которой и прежде были ясны люди, но он был для них закрыт, когда почти одна ирония выказывалась наружу, отпечатлеваясь и в чертах его лица — остром носе и выразительных глазах. В Яготине Гоголь гостил дня два»[3].

Из воспоминаний княжны Репниной-Волконской 1890 г.: «Потом, кажется, по возвращении из Иерусалима, Гоголь был у нас в Яготино, куда мы с моею матерью приезжали на время из Одессы. Гуляя со мной по саду, Гоголь восхищался деревьями и сравнивал их с мизерной растительностью Одессы. Я понимала, что ивы, клены, липы и пирамидальные тополи его восхищали. <...>

Прочитав <незадолго перед тем> в Яготине, по настоянию Г. П. Галагана, "Мертвые Души" ("это Гомер", — говорил тогда Репниной-Волконской Галаган[4]. — *И. В.*), вот что я тогда написала:

"Я читала *Мертвые Души*, против которых я имела сильное предубеждение, или лучше сказать неблагоразумное, непозволительное предубеждение; ибо предубеждение всегда не позволительно, как чувство без основания. Прочитавши эту замечательную книгу, во мне родилось к Гоголю чувство глубокого уважения, теплого, умилительного сочувствия; я чувствую себя в родстве с его душою. Я ему благодарна за наслаждение, которым подарила меня его книга, за выпрямившиеся понятия мои. Я благоговею перед ним. Чтобы быть полезным ближнему, он бесстрашно, мужественно, просто, погружается в грязь и, узнав всю ее смрадность, из среды этого гнилого омута, [он] кричит людям: минуйте, минуйте этот омут! Это прекрасно, это человечно! Это христианский подвиг! А эти три-четыре страницы полные поэзии и чувства, которые, как светлые звезды, блестят посреди мертвых душ Чичикова, Ноздрева, Собакевича[5], как они хороши, как лучезарны, как освежительны для души, как они делают Гоголя существом близким сердцу, как трогательно, что, будучи проникнут чувством прекрасного, имея дар изливать это чувство, он как бы не позволяет себе ему вполне предаваться, и с истинным самоотвержением обращается к плачевно-грязной стороне нашего общества и нас врачует, разбирая все эти гнусные раны, наводящие на душу глубокую тоску. Какая разница между Гоголем и Сю[6]; величавая простота, глубокомысленный смех, целительная ирония первого красноречиво говорят о любви к ближнему, о желании улучшения людей; он нравственен и занимается грязью, дабы ею не пачкались люди. Сю, как актер, желает производить впечатление, содрогание и погружает читателей своих в грязную лужу, из которой они выходят обессиленными, с распаленным воображением, с страстями еще более необузданными и часто с новыми пятнами.

Я читала *Мертвые души*, и вдруг Гоголь приехал к нам <в Яготино>. Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но *он* был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу, она колола его острым носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. — Теперь он сделался ясным для других, он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышет Христианством"[7].

Потом в Одессе <в период с 24 октября 1850 по 28 марта 1851 г.>[8] я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: "Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении"»[9].

В 1892 г. В. И. Шенрок, со слов Репниной-Волконской (ум. в 1891), также сообщал: «...Кн<яжне> Репниной случилось и раньше убедиться в страстном чувстве любви Гоголя к Украйне, ярко выразившемся однажды, когда, гуляя с нею, по возвращении из Иерусалима, в саду родового поместья Репниных, в Яготине (в Малороссии), он вдруг начал восторгаться высокими, рослыми деревьями (кленами) и вообще растительностью Украйны. Сначала этот внезапный прилив восхищения показался княжне напускной аффектацией, но когда она переехала потом с отцом в Одессу и убедилась в преимуществе малороссийской растительности, она припомнила этот случай и поняла Гоголя...»[10]

В 1893 г. Шенрок добавлял: «В воспоминаниях о Гоголе близко знавших его лиц нам приходилось часто слышать какие-то восторженно-умилительные ноты, и притом от таких, которые ценили в нем, как, напр<имер>, покойная княжна Репнина, именно человека, а не писателя. В признании за Гоголем чего-то величественного и прекрасного сходились они все, но подтвердить этого фактически или облечь свое впечатление в строго определенную рамку никто из них не мог...»[11]

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «Вскоре по возвращении из Одессы в Малороссию <в мае 1848 г.> Гоголь был у кн<язей> Репниных в м. Яготине (Полтавской губ<ернии>, Пирятинского уезда) и восхищался здесь деревьями, сравнивая их с плохой растительностью Одессы»[12].

В 1902–1903 гг. князь Н. В. Репнин-Волконский сообщал А. И. Маркевичу: «Потом[13] видел я Гоголя в Яготине в 1848 г. ...»[14]

Согласно указаниям Маркевича и князя Репнина-Волконского, а также судя по тому, что в Яготине (Егатине) Гоголь «восхищался величественною роскошью яготинского сада» — и что о двухдневном пребывании там Гоголя княжна В. Н. Репнина-Волконская вспоминает после сообщения о возвращении Гоголя из Иерусалима и до рассказа о его проживании в Одессе с 24 октября 1850 г. по 28 марта 1851 г.[15], — он, вероятно, побывал в Яготине именно в 1848 г., проездом из Васильевки в Киев между 25 и 29 мая этого года.

[1] Ранее в Яготине находились имения В. М. Танского, унаследованные прадедом Гоголя С. С. Лизогубом и его женой А. В. Лизогуб (рожд. Танской) (см. ***1749. В течение года. Санкт-Петербург***; ***1758. Апреля 10. Яготин***).

[2] Князь Н. Г. Репнин-Волконский скончался в Яготине 7 января 1845 г.

[3] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод*. Т. 3. С. 97.

[4] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***.

[5] Вслед за М. С. Щепкиным и А. О. Смирновой (см. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***; ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***) княжна В. Н. Репнина-Волконская одна из первых отнесла название гоголевской поэмы «Мертвые души» к ее героям. — См. также ***1852. Февраля 10. Прощеное воскресенье. Москва*** (мнение А. В. Никитенко).

[6] «Евгений Сю — тогдашний модный романист. П. Б.» (примеч. П. И. Бартенева).

[7] Комментируя в 1890 г. эти строки, княжна Репнина-Волконская добавляла: «...Теперь <...> в 1890 году почти полвека прошло и я не написала бы этого. Ныне я смотрю на мир иначе и задаю себе вопрос: кого исправили "Мертвые Души"? Я понимаю, что Гоголь сжег свое творение и не понимаю плача С. Т. Аксакова и недоумения многих по поводу того, что Гоголь под конец своей жизни не остался прежним Гоголем, юмористом, а сделался истинным христианином. Все и вся должно исчезнуть; в новом, обновленном мире тленное не будет иметь места, и Гоголь обновленный в Царстве Небесном уже не Гоголь земной, но бессмертная, ликующая душа, воспевающая "Свят, Свят, Свят!"» (*Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 101–102).

[8] См. ***1851. Февраля 19. Понедельник — 25. Воскресенье. Одесса***.

[9] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 100, 101.

[10] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 3. С. 105.

[11] Там же. Т. 3. С. 105.

[12] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод*. Т. 3. С. 780.

[13] Ср. ***1839. Ноября 19 — декабря 17. Санкт-Петербург***.

[14] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод*. Т. 3. С. 786.

[15] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса***.

МАЯ 28–29. ПЯТНИЦА-СУББОТА. ПОД ПЕРЕЯСЛАВОМ

Гоголь и слуга П. Юрченко останавливаются на отдых под Переяславом.

В. А. Чаговец в 1901 г. сообщал: «Интересными являются старички Юрченки, служившие у Гоголей в качестве повара и горничной[1]. К сожалению, слишком преклонный их возраст мешает им подробно и ясно передавать воспоминания, в особенности касающиеся "доброго барина", Николая Васильевича... Но один из рассказов остался у меня в памяти. Сидя на печи, невзирая на страшную жару и духоту, царившую в избе, старик, откашливаясь и запинаясь, рассказывал о том, как они с барином Николаем Васильевичем ездили в Киев.

«Под Переяславом, — говорит он, — стали мы на отдых. От, барин Николай Васильевич и пошли под деревом посидеть, а я поймал "курку", тай стал варить юшку; когда юшка приспела, я и зову барина: пожалуйте, говорю, барин, Николай Васильевич, юшку кушать; они встали, тай пришли. Пришли, хлебнули ложки две, а может быть и три, тай кажут: кушай, кажут, сам! — От тебе, думаю, й раз; варил, варил, старался, старался, а оно вот что вышло». — «Что же, вероятно, невкусная была ваша юшка», — спросил я. — "Где вам! чтоб у меня да невкусная была, так воны (т. е. Гоголь) такой «едун» были, что избави Бог: и то им нехорошо, и того им нельзя"»[2].

Позднее, в 1909 г., Чаговец писал о П. и А. Юрченко: «В 1901 году я застал их немощными стариками, и попытки воспользоваться их воспоминаниями о давно прошедшем были не из удачных. Петро с трудом припоминал свою поездку с Гоголем в Москву <в Киев>. Да и то дальше Переяславля его воспоминания не доходили. Рассказывал, как ему пришлось варить для Гоголя в дороге уху, и как уха оказалась, по мнению Гоголя, неудачной, что сильно огорчило импровизированного повара. И он даже теперь, рассказывая об этом, ссылался на свою старуху Настасью в том, что уха была превосходной. Наиболее ценным было его признание, что Гоголь был "Божьим человеком", что никто не запомнит от него никакой обиды. То же мнение я слышал от всех, знавших Гоголя лично».

Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 196.

[1] См. также ***1838. В течение года. Васильевка.***
[2] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 225.

МАЯ 29. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. КИЕВ

Гоголь с слугой П. Юрченко прибыл в Киев[1]. Остановился у А. С. и У. Г. Данилевских.

[1] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

МАЯ 29. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА — ИЮНЯ 1. ВТОРНИК ТРОИЦКОЙ СЕДМИЦЫ. КИЕВ

Гоголь на праздник Святой Троицы в Киеве у А. С. и У. Г. Данилевских. Разыскивает Ф. В. Чижова; встречается с ним у Данилевских. С Данилевским и Чижовым присутствует на вечере у помощника попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовича. Гоголь встречается с Чижовым на вечерней службе в Киево-Печерской лавре; видится с К. М. Базили[1].

Ранее, готовясь к поездке в Киев, Гоголь в своей записной книжке 1846–1850 гг. записал: «Наместник Лавры Лаврентий[2]. — Схимник Парфений[3]. <...> *В Киеве:* Lemare[4]. — Молитвенник. — Головы к сапогам. — Чулки. — Молебны о домашних и об Александре П<етровиче>[5]. — Манишки. — Галстухи кисейные. — Визитные билеты. — Пас для бритв. — Просфиры. — Минеральные воды. — Бедный чиновник 14 <класса> *Бордяг,* нуждается в помещении сыновей. — Парчевый жилет[6] и картуз. Штаны. — Спас на Берестове[7]. — Живопись под бастионом в крепости. — Икона[8] Игоря[9] в Лавре у памят<ника> Румянцева[10]. — Софийский собор в очищенном виде. — Опускаемая икона при больших вратах в Лавре. — Описание Лавры Евгения[11]. — Ризы шиты Елизаветой Петровной. — Иеромонах Максимов. — Трех Святителей древняя церковь близ Софийского собора. — Федору[12] сертук, отдать белье».

1 июня 1848 г. Чижов писал А. А. Иванову в Рим: «Долго еще ждать от меня об иконописании... <...> С Библией много затруднений и едва ли не придется мне для себя, а следовательно и для Вас (можно пользоваться одним экземпляром) самому переписывать. Теперь изыскания всех церковно-ученых показывают, что перевод семидесяти толковников лучше еврейского подлинника, который искажен сильно в позднейшие времена... <...> Здесь в Киеве между высшим духовенством есть просвещенные люди, — если Бог даст Вам благополучно возвратиться, я внимательно присматриваюсь, <к> кому придется обратиться. Киев, кроме этого, представляет для художника много любопытного. Сюда со всех концов России собираются от 50 до 100 тысяч поклонников, все они живут

даром в гостиннице, или вернее, на чистом воздухе, тут совершаются их горячие утренние и вечерние молитвы, — я не художник, а не могу проходить мимо без какого-то особого и сильного чувства. Четвертого дни <29 мая> приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима[13]; он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии. Сегодни он едет к матери в Полтав<скую> губернию, а потом в Москву. Мы сошлись хорошо, хоть разбитая душа моя не в состоянии была отозваться ни на какой призыв его... <...> Верите ли, [что] до того истощены силы, что написать письмо мне стало уже делом. Гоголь предсказывает укрепление тела и духа, но я до того упал, что даже нет утешения в мысли, что силы могут опять восстановиться»[14].

Позднее, в 1854–1855 г., Чижов рассказывал П. А. Кулишу: «После Италии[15] мы встретились с ним в 1848 году в Киеве, и встретились истинными друзьями[16]. Мы говорили мало, но разбитой тогда и сильно больной душе моей стала понятна болезнь души Гоголя... Мы встретились у А. С. Данилевского, у которого остановился Гоголь и очень искал меня; потом провели вечер у М. В. Юзефовича. Гоголь был молчалив, только при расставаньи он просил меня, не можем ли мы сойтись на другой день рано утром в саду. Я пришел в общественный сад рано, часов в 6 утра; тотчас же пришел и Гоголь. Мы много ходили по Киеву, но больше молчали; несмотря на то, не знаю, как ему, а мне было приятно ходить с ним молча. Он спросил меня: где я думаю жить?

— Не знаю, — говорю я, — вероятно, в Москве.

— Да, — отвечал мне Гоголь, — кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться.

Тут, не помню, в каких словах, он передал мне, что любит Москву и желал бы жить в ней, если позволит здоровье. Мы назначили вечером сойтись в Лавре, но там виделись только на несколько минут: он торопился»[17].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., в 1890 г. сообщал: «В начале июня или, может быть, даже в конце мая <1848 г.>, он <Гоголь> пробыл короткое время в Киеве у Данилевских; но на беду наступили такие сильные жары, что он был не в духе, жаловался, что не может ничем заниматься и поспешил уехать обратно в Васильевку. (Всего неудачнее было то, что, по случаю экзаменов в пансионе, А. С. Данилевского по целым дням не было дома, и Гоголь страшно скучал.) В этом <...> приезде его к Данилевскому <...> случился <...> неловкий эпизод внезапного и слишком скорого исчезновения Гоголя с вечера <у М. В. Юзефовича>, на который собрались многие профессора и другие представители киевской интеллигенции с исключительной целью видеть автора “Ревизора” и “Мертвых Душ”. <...> ...Неожиданно собралось большое общество, желавшее с ним познакомиться, но на Гоголя опять напала такая хандра, что он просидел в этом обществе не более получаса. Таких примеров было много»[18].

Со слов сестры Гоголя, Шенрок добавлял: «А. В. Гоголь припоминает <...> один случай, когда брат ее, приглашенный однажды на обед, увидав на дворе дома множество экипажей, понадеялся на то, что отсутствие его не будет замечено, и уехал домой. Потом оказалось, что весь неожиданный съезд многочисленных гостей произошел именно ради его, причем были нарочно приготовлены его любимые блюда»[19];

«А. С. Данилевский также рассказывал мне один случай, как к нему в деревню нарочно приехали однажды довольно высоко поставленные в губернском городе лица, единственно с той целью, чтобы видеть Гоголя, и в какое мучительно-неловкое положение он поставил себя, опрометчиво сказав, что Гоголь дома, тогда как тот ни за что не хотел показываться любопытствующим гостям, а когда, наконец, вышел к ним после его настойчивых просьб, то почти не был в состоянии принудить себя говорить с ними. <...>

Так же живо припоминал Данилевский и передавал свое смущение от непобедимого упорства Гоголя, ни за что не согласившегося однажды показаться в гостиную, чтобы удовлетворить нетерпеливому любопытству одного из горячих своих почитателей, некоего О'рурга, нарочно проехавшего сотни верст в надежде увидеть Гоголя. <...>

Собирая материалы для “Мертвых Душ”, Гоголь обращался ко всем друзьям и знакомым с убедительной просьбой оказать ему содействие в собирании материала сообщением своих заметок и наблюдений над обществом. <...> Ульяна Григорьевна Данилевская рассказывала мне, как долго

она спорила при свидании с Гоголем, чистосердечно объясняя свое уклонение от предложенной ей задачи не нежеланием, а неумением, неискусством. Гоголь сначала ни за что не хотел и слушать и не принимал никаких резонов; казалось, он не допускал и мысли, чтобы для кого бы то ни было просьба его могла быть затруднительна; он упорно стоял на своем, что вся помеха заключается если не в нежелании, то в излишней скромности, преувеличенном недоверии к своим силам: стоит только приняться, и дело будет исполнено. <...>

...В 1848 г. Данилевский не замечал перемены в Гоголе, но, давая себе отчет позднее в "переломе", он находил признаки его и в гораздо более раннее время. <...>

На вопрос мой: с какого времени А. С. Данилевский стал ясно замечать задатки будущего мрачного настроения Гоголя, овладевшего им в последние годы, он указал на осень 1849 г. "В 1848 г., — говорил А. С. Данилевский, — я еще решительно ничего не замечал, никакой перемены..." <...>

А. С. Данилевский называл мне несколько лиц, послуживших, по его предположению, прототипами некоторых произведений Гоголя[20]: <...> П. П. Петух — Федор Акимович Данилевский. Он был полковник. В 1812 году ему оторвало обе ноги. Император Александр Павлович заказал ему деревянные ноги, которые были сделаны так искусно, что он мог ходить совершенно свободно, без костылей. Государь, узнав об его тяжелом положении, принял под свое покровительство; прибавил ему столовых. Он считался на службе, получал чины»[21].

В 1891 г. некто Михольский, опираясь, вероятно, на сообщение Чижова о вечере, проведенном у Юзефовича (опубл. в 1856 г.), и упоминание Шенрока (в 1890 г.) о «неловком эпизоде внезапного и слишком скорого исчезновения Гоголя с вечера, на который собрались многие профессора» (см. выше), сообщил новые (возможно, вымышленные) подробности вечера у Юзефовича, на котором присутствовал Гоголь. Со слов Михольского, журналист И. И. Ясинский (1850–1931) (зарекомендовавший себя склонностью к вымыслам и сплетням) писал: «На обширном балконе, выходившем в сад, был приготовлен стол с закусками и с чаем. Собрались преимущественно молодые профессора Киевского университета, которые хотели представиться Гоголю. Все были по этому случаю одеты в новенькие вицмундиры и, в ожидании великого человека, переговаривались вполголоса. Юзефович постоянно выбегал смотреть, не едет ли Гоголь. Уж начинало смеркаться, и последние лучи заходящего солнца умирали на стекле чайной посуды, как, по некоторому движению в доме и по внезапно изменившемуся лицу Юзефовича, который, заслышав шум, убежал с балкона, гости заключили, что Гоголь, наконец, приехал. Профессора, сидевшие перед этим, встали и выстроились в ряд. Граф К. и Михольский тоже поднялись с своих мест и стали поодаль, в глубине. В раме открытых настежь дверей показались две фигуры — Юзефовича и Гоголя. Гоголь шел, понурив свою голову с длинным носом и длинными прямыми волосами. На нем был темный гранатовый сюртук, и Михольский, в качестве франта, обратил внимание на жилетку[22] Гоголя. Эта жилетка была бархатная, в красных мушках по темно-зеленому полю, а возле красных мушек блестели светло-желтые пятнышки по соседству с темно-синими глазками. В общем жилетка казалась шкуркой лягушки. Приведя Гоголя на балкон, Юзефович отстранился, чтобы не выдвигаться вперед, а Гоголь остался перед выстроенными профессорами, словно начальник, принимающей подчиненных. Все низко ему поклонились. Он потупился и, по застенчивости или по гордости, не ответил на поклон, который заменил его потупленный взор.

Юзефович почувствовал неловкость от воцарившегося молчания, бросился из-за спины Гоголя и стал представлять ему поодиночке его почитателей.

— Профессор такой-то! Профессор Павлов[23]! Костомаров[24]!

Гоголь чуть-чуть кивал головой и произносил тихо:

— Очень приятно, весьма приятно, душевно рад во всех отношениях.

Когда представление гостей кончилось, Юзефович простер руку в некотором расстоянии от талии Гоголя и просил его сесть откушать, но Гоголь, взглянув на закуски и на чай, сделал брюзгливую гримасу, еще брюзгливее посмотрел на своих почитателей и закрыл глаза рукой, брюзгливо глянув в сторону заходящего солнца. Юзефович сделал знак какому-то молодому человеку стать у решетки балкона и заслонить собою солнце, что тот моментально и исполнил. Гоголь продолжал молчать. Никто не осмелился сесть в его присутствии.

Прошло минуты две или три. Наконец, великий человек поднял голову и пристально воззрился в жилет Михольского, тоже бархатный, как и у него, и тоже в замысловатых крапинках, но в общем походивший не на шкурку лягушки, а на шкурку ящерицы.

— Мне кажется, как будто я вас где-то встречал, — сказал Гоголь Михольскому.

Михольский хотел отвечать, но из-за спины Гоголя Юзефович угрожающе покивал ему пальцем, и тот должен был ждать, что еще скажет Гоголь.

— Да, я вас где-то встречал, — утвердительно произнес Гоголь, — не скажу, чтобы ваша физиогномия была мне очень памятна, но тем не менее я вас встречал, —повторил Гоголь. — Мне кажется, что я видел вас в каком-то трактире, и вы там ели луковый суп.

Михольский поклонился.

Гоголь погрузился снова в молчание, задумчиво глядя на жилетку Михольского. Вдруг он подал руку хозяину, сделал общий поклон его гостям, и направился к выходу. Юзефович не смел его удерживать.

Все молчали, глядя как уходит писатель, странно передвигая, с каким-то едва уловимым оттенком паралича, свои ноги, обтянутые узкими серыми брюками на широких штрипках.

Проводив Гоголя. Юзефович вернулся к гостям с лицом, сиявшим от радости.

— Господа, давайте, прежде всего, выпьем за здоровье Николая Васильевича Гоголя! Пожелаем ему многия лета!

У всех раскрылись рты, все заговорили сразу, много и шумно.

— Многия лета Николаю Васильевичу Гоголю!

— А как вы думаете, — сказал мне рассказчик в заключение своих воспоминаний о встрече с Гоголем, — что побудило знаменитого писателя так скоро уйти тогда от Юзефовича?

— Спешил. Мало ли что могло быть важного у Гоголя, что помешало ему провести время в обществе его почитателей? Может быть, его занимала какая-нибудь фигура из второй части "Мертвых Душ", или созревала в уме новая повесть, или, наконец, он устал, ему надо было отдохнуть дома.

— Ни то, ни другое, ни третье! — отвечал рассказчик, с торжеством потирая руки. — Весь вопрос проще крыловского ларчика: Гоголь позавидовал на мою жилетку»[25].

Из воспоминаний Рудановского (1887): «Когда это именно было, говорит г. Р<удановский> <...>, точно не помню; в то время отец мой был инспектором первой киевской гимназии, а А. С. Данилевский, приятель Гоголя, инспектором второго при ней пансиона[26]. Г. Данилевский ждал тогда приезда в Киев Гоголя и, зайдя как-то с отцом моим в единственную в то время в Киеве библиотеку[27], содержимую г. Д., заговорили о Гоголе и предстоящем его приезде. "Ах, у вас будет Гоголь, — воскликнул услыхавший их разговор Д., — пожалуйста, Александр Сергеевич, попросите его зайти ко мне в библиотеку, у меня столько редких книг, ему будет что посмотреть". Данилевский обещал исполнить его просьбу; при уходе же из библиотеки Д. еще раз ему напомнил: "Смотрите же, не забудьте".

Надо заметить, что в окне своей библиотеки Д., не знаю уж для какой надобности, выставил чучело кабана.

Приехал Гоголь, остановился у Данилевского и в тот же день пошел бродить по городу. Данилевский или забыл, или не успел еще передать просьбу Д. Случилось так, что, проходя мимо библиотеки Д., Гоголь обратил внимание на выставленное чучело и остановился подле окна, и так как в это время начал брызгать дождь, то он решил укрыться от него в библиотеке, да, кстати, перелистать там кое-какие книги и спросить хозяина, к чему тот выставил в окне вовсе не подходящее для библиотеки чучело. В библиотеке его встретил сам Д. и, видя перед собой довольно невзрачную, плохо одетую фигуру Гоголя, грубо спросил его: "Что вам угодно?" "Да вот зашел к вам переждать дождь, — было ответом, — да, кстати..." Но Д. не дал ему даже и договорить. "Переждать дождь?! — воскликнул он, — что это вам — кабак, что ли? Ступайте вон!" "Теперь я понимаю, — сказал озадаченный таким приемом Гоголь, — зачем у вас чучело — это в окне вы стояли", — и поспешил уйти из библиотеки, сопровождаемый ругательствами хозяина за последнее его замечание, на которое уже больше ничего не отвечал.

Пришел Гоголь к Данилевскому весь мокрый и не в духе; там ждали его с обедом, к которому был приглашен и мой отец. Войдя в комнаты, он сразу, не обращаясь ни к кому в особенности, спросил: "Что за свинья, господа, у вас в библиотеке?" "А ты обратил на нее внимание? — спросил Данилевский, — если зашел туда, то хорошо сделал, меня даже Д. просил об этом, а я забыл передать тебе его просьбу". "В том-то и дело, что там значит были две свиньи, — ответил Гоголь, — одна в окне, а другая в самой библиотеке", — и тут же рассказал свое приключение, над которым присутствующие много смеялись, смеялся над ним и сам Гоголь, забыв только что перенесенную неприятность, но в библиотеку зайти или не захотел, или просто не успел, так как в Киеве пробыл тогда недолго.

Вскоре по отъезде Гоголя Данилевскому случилось опять побывать в библиотеке, где Д. с упреком сказал ему: "А вы, А<лександр> С<ергеевич>, про мою просьбу то и забыли?" "Про какую?" — притворился Данилевский. "А за Гоголя забыли, а еще как обещали". "Как же, он заходил к вам", — и А<лександр> С<ергеевич> напомнил ему подробности. "Зачем же он не сказал мне, кто он?" — с отчаянием воскликнул Д.»[28]

Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[29], позднее, в 1886 г., вспоминал: «Мать Гоголя <...>, узнав, что я еду в Киев, просила меня доставить туда письмо и небольшую посылку

ее замужней дочери, Ел. В. Быковой, от которой она давно в то время не получала известий. Место жительства Г-жи Быковой в Киеве мне помог найти тамошний, тогда уже известный, профессор медицины доктор Ф. С. Цыцурин[30], знавший и не однажды лечивший Гоголя, от которого у него бережно хранится экземпляр "Мертвых душ" с дружескою на нем надписью автора»[31].

[1] См. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса*** (примечания).

[2] Архимандрит Лаврентий (в мире Дмитрий Иванович Макаров, 1808–1876), наместник Киево-Печерской лавры с 1844 г.

[3] Иеросхимонах Парфений (в мире Петр Иванович Краснопевцев, 1790–1855), духовник Киево-Печерской лавры.

[4] Филипп Жозеф Анри Лемер (Lemaire, 1798–1880), французский скульптор.

[5] Граф Толстой.

[6] См. ниже апокрифические воспоминания Михольского.

[7] Церковь Спаса на Берестове.

[8] Игоревская чудотворная икона Божией Матери (празднование 5 июня ст. ст.); находилась в Успенском соборе Киево-Печерской лавры (разрушен взрывом немецкими оккупационными войсками в 1941 г.).

[9] Святой благоверный князь Черниговский и Киевский Игорь (Георгий) Ольгович (в иночестве Гавриил, в схиме Игнатий; ум. в 1147) (память 5 июня, 19, 20 и 22 сентября ст. ст.).

[10] Надгробие графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796) в Киево-Печерской лавре.

[11] «Описание Киевопечерской лавры...» митрополита Евгения (Болховитинова, 1767–1837) (Киев, 1826; 3-е изд. – 1847).

[12] Крепостной человек Гоголя.

[13] После возвращения из Святой Земли Гоголь почти месяц, с 9 мая по 25 мая 1848 г., провел в Васильевке.

[14] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 63.

[15] Ф. В. Чижов встречался с Гоголем в Риме в период с 30 ноября (н. ст.) 1842 г. по конец апреля (н. ст.) 1843 г. (см. в наст. летописи).

[16] В средине мая 1847 г. Ф. В. Чижов, будучи под следствием, говорил: «Россия двигнута к всемирной исторической деятельности императором Петром I, но его преобразование почти превратило нравы наши в иноземные, так что прошедшее поколение стыдилось говорить по-русски, желало России самого нерусского счастья. Встреча с Наполеоном произвела второй поворот. Даже те, которые получили воспитание самое нерусское, все восстали, и не нашлось ни изменника, ни даже таких, которые увлеклись бы величием европейского завоевателя. Отсюда начался решительный шаг нового племени. Третье явление нашего деятельного вступления на поприще истории есть царствование императора Николая Павловича. Мы стали русскими, гордимся тем, что русские, смело говорим, что мы русские, на всех путях жизни, в искусствах и науках стремимся быть русскими» (Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 251).

[17] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 3. С. 49.

[18] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 525.

[19] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 163.

[20] См. также ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[21] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 525–528. См. также: «Данилевский Федор Яким<ович>... <...> О нем А. С. Данилевский говорил нам, что он послужил Гоголю прототипом для Петра Петровича Петуха, но он был без ног; в чине полковника; в 1812 г. ему оторвали обе ноги. Когда он возвращался после войны, государь, узнав об его тяжком положении, принял под свое особое покровительство: он считался на службе, удерживал жалованье, получил чин. Он любил заказывать обед. Был хороший рассказчик. У него была так сделана деревянная нога, что он мог свободно ходить без костылей» (Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 528).

[22] Упоминание о «парчовом жилете» встречается в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг., среди заметок о Киеве (см. выше).

[23] Имеется в виду историк Платон Васильевич Павлов (1823–1895), в 1847 г. получивший степень магистра греческой словесности и в том же году назначенный в Киевский университет адъюнкт-профессором по кафедре русской истории. В 1849 г. получил профессорское звание; в Киевском университете служил до 1859 г. Позднее, в 1926 г., Ясинский утверждал, что рассказ о встрече Гоголя с профессорами Киевского университета он слышал от Павлова (о Михольском он больше не упоминал) (см.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 336).

[24] Н. И. Костомаров был адъюнкт-профессором по кафедре русской истории в Киевском университете с осени 1846 по весну 1847 гг., после чего был арестован по делу Украино-Славянского Общества, поэтому присутствовать на встрече с Гоголем в мае 1848 г. не мог.

[25] Из апокрифической мемуарной литературы о Гоголе. Ясинский И. И. Анекдот о Гоголе. <Воспоминания Михольского> // *Свод*. Т. 3. С. 996–997.

[26] См.: «Киевский учебный округ. <...> В Губерниях: 1. Киевской: В Гимн<азии>: <...> Инсп<ектор> К<оллежский> С<е>к<ретарь> Павел Рудановский. <...> Во 2-м Панс<ионе> Инсп<ектор> К<оллежский> А<сессор> Ал<ексан>др Сем<енович> Данилевский» (Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1848 год. СПб., <1848>. Ч. 1. С. 190).

[27] Ср.: «Образованность. <...> Учебные пособия. 1) Библиотека Университета Св. Владимира... <...> Сверх того в г. Киеве имеются две частные библиотеки для чтения периодических и других изданий и 6 книжных лавочек» (Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 10. Ч. 1. Киевская губерния. СПб., 1848. С. 140, 142).

[28] Случай с Гоголем в Киеве // Одесский Листок. 1887. 10 марта. № 67; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 161.

[29] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[30] Федор Степанович Цыцурин (1814–1895), врач-терапевт, профессор, в 1847–1850 гг. — декан медицинского факультета Императорского университета Св. Владимира в Киеве.

[31] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 1. С. 315.

МАЯ 31. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 6 «Москвитянина» за 1848 г., с рецензией М. П. Погодина на «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыша-Каменского (СПб., 1847).

В рецензии Погодин, в частности, замечал: «Из биографии Графа Ильи Андреевича Безбородко узнаем мы происхождение Нежинского лицея... <...> Вспомним, что из Нежинского лицея в один курс вышли: Гоголь, Кукольник, Базили, Прокопович, Лукашевич... Сеяние дало плод! Капитал не остался без процентов».

Погодин М. Словарь достопамятных людей Русской земли. Сочинение Д. Н. Бантыша-Каменского, 3 тома. 1847 г. // Москвитянин. 1848. Ч. 3. № 6. Критика. С. 62; *Свод*. Т. 2. С. 497.

ИЮНЯ 1. ВТОРНИК. КИЕВ

Гоголь с слугой П. Юрченко выехал обратно в Васильевку.

См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

ИЮНЯ 3. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь вернулся из Киева в Васильевку; пишет ответное[1] письмо К. С. Аксакову в Радонежье (Абрамцево) (по-видимому, письмо было отправлено позднее, вместе с ответным письмом к С. Т. Аксакову от 8 июня 1848 г.[2]):

«Откровенность прежде всего, Константин Сергеевич. <...> Во-первых, меня несколько удивило, что вы, наместо известий о себе, распространились о книге моей[3], о которой я уже не полагал услышать что-либо по возврате моем на родину. Я думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению. Я, однако же, прочел со вниманием три большие ваши страницы. Многое в них дало мне знать, что вы с тех пор, как мы с вами расстались, следили (историческим и философическим путем) существо природы русского человека и, вероятно, сделали немало значительных выводов. Тем с большим нетерпением жажду прочесть вашу драму[4], которой покуда в руках еще не имею. Вот еще вам одна мысль, которая пришла мне в то время, когда я прочел слова письма

вашего: *"Главный недостаток книги (моей) суть тот, что она — ложь"*. Вот что я подумал: да кто же из нас может так решительно выразиться, кроме разве того, который уверен, что он стоит на верху истины? Как может кто-либо (кроме говорящего разве Святым Духом) отличить, что ложь, а что истина? Как может человек, подобный другому, страстный, на всяком шагу заблуждающийся, изречь справедливый суд другому в таком смысле? Как может он, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, с начала до конца, какую бы то ни было душевную исповедь, он, который и сам есть ложь, по слову апостола Павла[5]? Неужели вы думаете, что в ваших суждениях о моей книге не может также закрасться ложь? В то время, когда я издавал мою книгу, мне казалось, что я ради одной истины издаю ее, а когда прошло несколько времени после издания, мне стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Разве не может случиться того и с вами? Разве и вы не человек? Как вы можете сказать, что ваш нынешний взгляд непогрешителен и верен или что вы не измените его никогда, тогда как, идя по той же дороге исследований, вы можете найти новые стороны, дотоле вами не замеченные, вследствие чего и самый взгляд уже не будет совершенно тот и что казалось прежде *целым*, окажется только частью целого. Нет, Константин Сергеевич, есть дух обольщенья, дух-искуситель, который не дремлет и который так же хлопочет и около вас, как около меня, и увы! чаще всего бывает он возле нас в то время, когда думаем, что он далеко, что мы освободились от него и от лжи и что сама истина говорит нашими устами. <...> Скажу вам также, что мне становится теперь страшно всякий раз, когда слышу человека, возвещающего слишком утвердительно свой вывод, как непреложную, непогрешительную истину. Мне кажется, лучше говорить с меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательств*.

Драму вашу я прочту со вниманием и даю вам слово не скрыть своего мнения. Она тем более для меня интересна, что, вероятно, в ней я отыщу яснейшее изложение всего того, о чем вы говорите в письме вашем несколько неопределенно и неясно. <...> Покуда не сердитесь на критики в журналах и не называйте их также следствиями вражды, зависти и тому подобного. Во всякой из них может быть та частица правды, которая только сначала колет в глаза, но если прочтешь несколько раз, она будет целительна и полезна».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», поясняя настоящее письмо, замечал: «Ответ Гоголя показывает, что он уже пережил тяжкое время испытания и мог выслушивать спокойно самые несправедливые и оскорбительные нападения, в которых более всех виноват — я. Умеренность и кротость его ответа поразительны»[6].

[1] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***.

[2] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***.

[3] Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). — См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва*** (примечания); ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** (примечания).

[5] Рим. 3, 4. — См. также: Пс. 115, 2.

[6] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 650.

ИЮНЯ 3. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо было отправлено в Васильевку на следующий день[2]):

«Вчера <...> имела утешение получить письмо ваше из деревни. Милосердный наш Отец видит, как благодарила и благодарю Его, что по Его благости вы свершили это путешествие... <...> Пишете, друг мой, достигли благополучно земной родины и достигнете ли Небесной. Дай Бог, чтобы мы о сем всегда думали и готовились к этому спасительному бесконечному переходу. <...> Говорите, <...> что вы были у Гроба Господня как будто затем, чтобы *там*, на месте, почувствовать

холодность и протчее. — И за сие, мой друг, сердечно возблагодарите Бога и Отца, что вы там сие познали, и Кто вам открыл, Тот и поможет искоренить все, что мешает спасению, для которого мы здесь и существуем. Говорите, холодными устами повторяете молитву. Не взирая на это, продолжайте молиться. Немудрено молиться, когда сердце исполнено этого пламенного чувства и стремления к молитве. Тогда себя тешим, наслаждаясь этою неземною радостию».

[1] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка.***
[2] См. ***1848. Июня 4. Пятница. Москва.***

ИЮНЯ 4. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева заканчивает и отправляет в Васильевку начатое накануне[1] письмо к Гоголю:

«Возвратилась от ранней обедни... <...> Вижу, что вы душевно глубоко заняты насчет Сочинения вашего. Надеюсь, или, лучше сказать, уверена, что Бог вас в сем не оставит. Он видит ваше намерение чистое, что вы не славы своей, а пользы ближнего ищете, и, даст Бог, с Его Отцовскою помощию успеете в сем благом намерении, Им же данном, ибо мы сами по себе без Господа ни сделать, ни даже подумать ничего порядочно не можем, а с Ним все возможно. <...> Молю Господа, да благословит Он труд ваш, и наставит и поможет изложить, как лучше для блага ближнего. Уверена, что вы не возьметесь за перо, не помолясь прежде и не испрося благословения Божия, а с Ним трудитесь, и Христос с вами. — Я здесь на несколько дней, приезжала к сороковому дню на поминовение одной знакомой и близкой мне по душе своими скорбями. Я в 22 года нашего знакомства не видала для нее ни одного часу радостного, а горе кругом ее облегло так, что никогда не прояснялось что-нибудь похожее на радость. А со всем тем жаль ее и очень жаль, зная ее сострадание и благотворительность, с какою любовию спешила на помощь нуждающим<ся>, охотно делила их горе, которым сама была так богата, как никто. Вы, может быть, в "Московских Ведомостях" читали сочинение Погодина, кажется, 27 апреля, на смерть Катерины Федоровны Муравьевой».

В помещенном в «Московских Ведомостях» некрологе (от 24 апреля 1848 г.) М. П. Погодин писал: «В субботу в Новоспасском монастыре происходило погребение Екатерины Федоровны Муравьевой, скончавшейся сего апреля 21-го числа, на 78 году от рождения. Вдова Михаила Никитича Муравьева — сколько воспоминаний пробудило это незабвенное в летописях отечества имя! Воспитатель Императора Александра, сочинитель всех учебных уставов в начале его царствования, первый попечитель Московского университета, пламенный ревнитель просвещения, друг русской словесности, доставивший Карамзину средства посвятить себя истории, талантливый писатель, благородный человек — вот кого судьба даровала ей в спутники жизни! Каким блеском и славою озарено было ее вступление в свет! <...> Дом Муравьевых был тогда средоточием всего возвышенного, отличного, лучшего в обществе и литературе, сборным местом всех достоинств, заслуг, дарований: Батюшков здесь воспитывался. Державин, Дмитриев, Карамзин, Жуковский, один за другим принадлежали к этому семейству. <...> Но другие мысли, другие чувства наполнили мою душу, когда я увидел гроб, вмещавший в себе останки покойницы. Мне представилась последняя половина ее долговременной, семидесятиосмилетней жизни! Боже мой! Какие горести, какие страдания, какие удары[2]! Какою страшной чередой, одни других сильнее, убийственнее, разражались они над этой бедной женщиной! Она похоронила мужа, детей, внучат, — все свои чувства, желания, радости, надежды — разве кроме небесной, и помертвела на земле прежде, чем умерла»[3].

[1] См. ***1848. Июня 3. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1840. Февраля 17. Суббота. Москва*** (примечания).
[3] *Погодин.* Некролог // Московские Ведомости. 1848. 24 апр. № 51. С. 413; То же // Москвитянин. 1848. № 5 (цензурное разрешение 31 апр.). <Отд. 3>. С. 76–78.

ИЮНЯ 8. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к П. А. Плетневу в Петербург, с вложением ответного[2] письма к А. О. Смирновой; посылает также ответное[3] письмо к С. Т. Аксакову в «Сергиевский посад, Московской губернии» (в Радонежье, или Абрамцево), — вероятно, с вложением написанного ранее[4] ответного письма К. С. Аксакову (ответ Гоголю С. Т. и К. С. Аксаковы написали одновременно[5]).

Из письма к Плетневу: «Жаль векселя[6], но так как в нынешнее время всем приходится нести потери и утраты имуществ, то почему ж не понести и мне. Разменяй 3-й билет в 571 р<убль> и пришли сюда, в Полтаву. Уведоми меня, поступил ли в число означенных тобою четырех билетов тот вексель, который был послан мне Прокоповичем[7] и препровожден, много год тому назад, ко мне[8]. <...> Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар [отнимает свежесть] утомляет меня, или я всё еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд, составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время. Хоть что-нибудь вынести на свет и сохранить от этого всеобщего разрушенья — это уже есть подвиг всякого честного гражданина. Как мне скорбно, что бедная Смирнова так страдает! Передай ей это маленькое письмецо. Я слышал, что муж ее назначен губернатором в Москву. Правда ли это? Я пробуду здесь еще месяц [если не полтора]»[9].

Из письма к Смирновой: «Как мне грустно, что вы до сих пор еще так страждете, друг мой! Бодритесь и крепитесь духом или, лучше, сложите руки крестом и произносите: “Да будет воля Твоя, Господи!” Нервы — это такого рода болезнь, которая не оставит нас по тех пор, покуда весь не выболеешься и не наберется душа в этой болезни запасов на всю остальную жизнь. Не попробуете ли вы моря? Оно одно помогает нервам. Известите, сколько времени вы остаетесь еще в Петербурге. Я слышал, что Никол<ай> Миха<й>л<ови>ч назначен губернатором в Москву. Это бы хорошо. Мы бы тогда всю зиму были вместе. Жуковский также. <...> Меня еще Бог держит на свете, хотя вокруг повсюду холера и всякие болезни. Люди умирают толпами».

Из письма к С. Т. Аксакову: «Как вы меня обрадовали вашими строчками, добрый друг Сергей Тимофеевич! <...> Теперь тысячами вокруг болеют и мрут. В Полтавской губернии свирепствует холера почти повсеместно, и в самой Полтаве. Бог да хранит вас! Драмы Константина Сергеевича[10] я еще не имею; сегодня, однако, пришло объявленье о посылке на рубль с половиной серебром. Вероятно, это она[11]. Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться [тот] вопрос, решеньем которого я серьезно теперь занят, не менее самого Конст<антина> Сергеевича. Поблагодарите Ольгу Семеновну и милых дочерей ваших за то, что они не позабывали матушку и сестер».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», комментируя настоящее письмо, замечал: «В 1848-м году Гоголь возвратился из Иерусалима прямо на свою родину, в Васил<ь>евку. Он воротился в самое несчастное время для Полтавской губернии: засуха, неурожай, холера и другие болезни. <...> Я потому только привел выписки из этого письма, что в нем обнаруживается *последнее*[12] направление Гоголя, т. е. жажда понять русской народ в его прошедшем и настоящем»[13].

[1] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[4] См. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка.***

[5] См. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье (Абрамцево).***

[6] К этим словам Плетнев сделал помету: «3150 фран<ков> 10 Янв<аря> 1847» (*Городецкий.* С. 456). 3150 франков соответствали 750 рублям серебром (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь.***

[9] См. ***1848. Августа 24 и 25. Вторник и среда. Васильевка, Сорочинцы.***

[10] Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). – См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва*** (примечания); ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** (примечания); ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка.***

[11] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава*** (письмо к С. П. Шевыреву).

[12] Стремление «понять русской народ в его прошедшем и настоящем» нельзя назвать новым, «*последним* направлением» Гоголя; оно характерно для всего гоголевского творчества, начиная с 1820-х гг. (подробнее см.: *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69). – См. также ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим*** (примечания).

[13] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 649, 650.

ИЮНЯ ОКОЛО 8. С. СВАРКОВО ГЛУХОВСКОГО УЕЗДА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

А-р Мих. Маркович пишет А. С. Данилевскому в Киев:

«Мне уже приятно было прочитать в газетах, что наш Гоголь в Одессе[1], суди же, с каким удовольствием узнал я из твоего письма, что он был у вас в Киеве[2]. Очень бы желал иметь случай с ним увидеться. Ты мне ничего не сказал о его здоровье. Не захочет ли он, не нужно ли ему в это время, что он пробудет в Малороссии, проездиться по ней? Как бы я доволен был, если б он завернул в нашу сторону и, разумеется, в Сварков[3]. Ты можешь уверить его, что я нимало его ни в чем не стесню и встречу его так, как давно невиданного брата»[4].

Александр Михайлович Маркович (1790–1865), историк, этнограф, черниговский губернский предводитель дворянства[5]; брат Феодосии Михайловны Похвисневой (рожд. Маркович, 1780–1819), дядя жены А. С. Данилевского Ульяны Григорьевны (рожд. Похвисневой), «воспитавший своих сирот-племянниц (Ульяну Григорьевну, Марию Григорьевну и Варвару Григорьевну)». «Гоголь <...> позднее <...> вступил с ним в переписку и очень любил и ценил его дружбу. А. М. Маркович сам принимал участие в литературе и был во многих отношениях личностью замечательною и отличался высокою нравственностью. В семействе Данилевских сохранилась благоговейная память о нем, и большой старинный портрет его сберегается, как одно из драгоценных воспоминаний о покойном»[6].

15 июня 1848 г. У. Г. Данилевская, по-видимому, посылая Гоголю в Васильевку настоящую «вырезку» из письма А. М. Марковича[7], писала: «Посылаю вам листок из письма моего дяди, который больше относится к вам, нежели ко мне, и на которой я не могу отвечать, не спросивши у вас, что мне сказать ему».

Поскольку в послании А. М. Марковича упоминается посещение Гоголем Киева (в Киев к Данилевским Гоголь приехал из Васильевки 28 мая 1848 г., а 1 июня отправился обратно), то, очевидно, письмо следует датировать периодом между 1 и 15 июня 1848 г. – приблизительно около 8 числа. Примечание В. И. Шенрока к цитированному письму У. Г. Данилевской, что с ее «дядей, упоминаемым в этом письме», Гоголь «познакомился и сошелся еще в это свидание в Киеве летом 1848 года», ошибочно[8].

[1] См. ***1848. Апреля 16 <28>. Пятница Светлой седмицы. 10 часов 30 минут. Одесса***; ***1848. Мая 1. Суббота. Одесса.***

[2] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота. Киев***; ***1848. Июня 1. Вторник. Киев.***

[3] В с. Сварково у А. М. Марковича Гоголь побывал вместе с А. С. Данилевским на пути из Васильевки в Москву 30 августа – 3–4 сентября 1848 г. (см. ***1848. Августа 30. Понедельник. День памяти святителя Александра, патриарха Константинопольского, преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского – сентября около 3–4. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии***; ***1848. Сентября около 2–3. Сварково***).

Той же осенью, в ноябре 1848 г., Марковичприехал в Москву, где «занимал целый дом в Леонтьевском переулке» (см. ***1848. Августа 30. Понедельник. День памяти святителя Александра, патриарха Константинопольского, преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского — сентября около 3–4. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии***). 11 ноября 1848 г. Гоголь писал ему: «Если вы желаете видеть редкий музеум русских древностей (имеется в виду "Древлехранилище" М. П. Погодина. — *И. В.*) и почти всех замечательных московских литераторов и ученых, то приезжайте сегодня ввечеру ко мне и к Погодину, который вам будет сердечно рад. Приезжайте запросто, одевшись, как одеваетесь дома. Дам и модных людей не будет» (речь идет о торжественном — в честь приезда Гоголя — праздновании дня рождения Погодина 11 ноября 1848 г.; см. ***1848. Ноября 11. Четверг. Москва***).

См. также письма Гоголя к Марковичу от конца декабря 1848 или начала января 1849 г. (Маркович в то время еще оставался в Москве), от 1 июля и 6 декабря 1849 г.; от средины февраля 1850 г.; от начала апреля (после 3 числа) 1849 или от конца апреля (после 23 числа) 1850 г.

В Сварково у Марковича Гоголь гостил еще раз 25–26 июня 1850 г., проездом из Москвы в Васильевку (см. ***1850. Июня 25–26. Воскресенье-понедельник. Сварково***).

[4] *Свод.* Т. 3. С. 639.

[5] См. о нем: *Уманец Ф.* Неизданные письма Н. В. Гоголя // Древняя и Новая Россия. 1879. № 1. С. 53–59.

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 526.

[7] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Киев***.

[8] *Свод.* Т. 3. С. 639; Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 526.

ИЮНЯ 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

А. А. Иванов пишет новое[1] (возможно, ответное) письмо Гоголю в Васильевку:

«Добрый наш Ф. В. Чижов хочет написать рассуждение об иконной и исторической живописи[2], <но> говорит, что ему недостает для этого начитанности, которую на себя берут духовные лица. Я его утвердил в чувствованиях, сказав, что явление этой книги будет совершенно согласно с требованием нашего времени. Желательно бы, однако ж, мне было знать ваше мнение, в рассуждении того, может ли описание предшествовать факту? Может ли литератор действовать тут прежде художника и достаточно ли слово сего последнего, не подтвержденное его практическим делом? Мне, наконец, кажется, что прежде, чем представительный живописец не решит это опытом, представив, хотя в малых видах, икону и историческую картину, нельзя литератору говорить об этом верно и смело, хотя бы даже и пользовался он давнею и справедливою верою публики вследствие своего таланта, проникающего другие предметы. — Очень, очень одолжите, если ответите мне именно на эти строки.

Радуюсь, что вы совершили благополучно путешествие к Св. Гробу. Чем-то вы нас подарите? Ведь от вас все ждут чудес. Я тоже думаю, что, может быть, в этой вашей будущей книге и художник из ничтожества и предмета *печатной* колкой насмешки вынесется в деятеля общественного образования, и — тогда мы с вами с миром изыдем, чтоб приготовить мир миру. <...>

Наступающий жар и усталость душевная высылают меня из Рима, но куда, я еще не решился[3]. Если случится истинно отдохнуть и прийти опять в спокойствие и полные силы, то напишу к вам и подробнее и поотчетливее обо всем».

[1] См. ***1848. Мая средина <апреля конец>. Рим***.

[2] См. также ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев*** (письмо Чижова к Иванову). — Перу Чижова, в частности, принадлежат пространная рецензия на книгу преосвященного Анатолия (Мартыновского), епископа Могилевского (впоследствии архиепископа), «О иконописании» (М., 1845) (см.: *<Чижов Ф. В.>* О иконописании. (С одобрения духовной цензуры) // Москвитянин. 1846. № 7 (цензурное разрешение 20 авг.). С. 113–124) и статья «Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи» (см.: *Чижов Ф. В.* Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи // Русская Беседа. 1856. Т. 4. Отд. 5. С. 132–218).

[3] Иванов выехал в Неаполь (см. ***1848. Июля начало <июня вторая половина>. Неаполь***).

ИЮНЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. А. Базили пишет Гоголю в Васильевку:

«Давно хочу писать к вам, Николай Васильевич, но мне как-то трудно приниматься за письмо — к Гоголю, я все давно по-русски не писала. Есть и другая причина. Я была занята, но занята очень, очень приятно; читала "Выбранные места из переписки с друзьями"! Тронутая до слез "Завещанием", наполненным чувствами истинного христианина, тронутая до слез прекрасными страницами о "Старосветских Помещиках", я возрадовалась, видя, что есть еще на свете человек, употребляющий данный ему Богом великий талант к приведению на добрый путь молодых соотечественников. Извините! знаю, что вы не любите, чтобы вам говорили о ваших сочинениях, но и вы меня знаете: я говорю, что придет мне в голову — но всегда правду.

Муж мой все еще в Петербурге, занимается своею книгою[1], заставляет переписывать и проч. Не знаю сама, где нам придется жить: ожидаю письма; но могу дать приятное для вас известие, что Константина Михайловича приняли в Петербурге как нельзя лучше, и что, надеюсь, утрата здоровья и ревность его в пользу службы не останутся без награды.

Здесь ужасно свирепствует холера: гнев Божий напал на всю Европу. Смерть, угрожающая ежеминутно всякому, да наведет москвитян на благую дорогу. А, кажется, христиане, ходят в церковь и постятся!

Еще скажу вам, что здесь очень холодно: 5 или 6 градусов утром, я же отвыкла от холода и непогоды».

В тот же день, 14 июня 1848 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской в Петербург:

«Не помню, писала ли я тебе, что Гоголь уже в Малороссии и в августе собирается в Москву; Константин писал ему откровенное письмо[2], — как-то он его примет»[3].

[1] «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1861–1862. Т. 1–2; 2-е изд. 1875). — См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[2] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***. — Гоголь ответил К. С. Аксакову 3 июня 1848 г. (см. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***).

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 867.

ИЮНЯ МЕЖДУ 3 И 15. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет в Одессу одному из братьев Орлаев, Александру или Андрею Ивановичу[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1848. Июня 22. Вторник. Киев***.

ИЮНЯ 15. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА, ПОЛТАВА

Гоголь посылает ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву, письмо к графине Анне М. Виельгорской[2] в Петербург и ответное письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт. Возможно, в тот же день Гоголь отправил письмо А. С. Данилевскому в Киев[3] (письмо не сохранилось).

Из письма к Шевыреву (написано в Васильевке): «Благодарю тебя за милое письмецо (от 17 мая). Вот уже месяц, как я на родине, где кажется мне покуда несколько пусто, хотя сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Вокруг засухи и холера. В будущем [предстоит] голод и та же [политическая] повсюдная бестолковщина. Если Бог не вмешается наконец сам в дело, люди погибнут от собственной глупости. Глупость делает в последнее время успехи неимоверные, и кто кого глупее — это теперь неразрешаемая задача. Чрез месяц или с небольшим, если Бог даст, надеюсь быть с тобой. Ты, однако же, отзовись на это письмо и извести меня, где ты и как тебя найти. От Сергея Тим<офеевича>[4] я получил письмо, очень доброе и радушное. Если увидишь его, скажи, что я ему отвечал[5], адресуя, по его же указанию, в Сергиевский посад. Я получил письмо и от Конст<антина> Серг<еевича>, более юношеское, нежели когда-либо прежде. Драму его[6] я пробежал, но так бегло, что, без сомненья, еще не могу дать никакого решительного своего сужденья. Покуда разве вот вопрос: отчего же она пробежалась бегло и не заставила втянуться в себя? И еще вопрос: отчего исторические драмы наши кажутся бледней и односторонней истории?

Прохладно ли сколько-нибудь в Сокольниках? Здесь такие жары повсюду, что не находишь места, куды укрыться. Я не помню в Италии такой томительной духоты даже во время широкко.

Передай поклон мой Чертковой[7], если она еще в Москве. Щепкина обними и скажи, что нетерпеливо желаю его видеть. Затем обними себя и всю дорогую семью, начиная с Софьи Борисовны[8] и оканчивая лицом, может быть, мне неизвестным, если только Бог его тебе дал».

Из письма к Виельгорской (написано в Полтаве): «Уведомьте меня несколькими строчками как о себе, так и <о> всем близком сердцу моему вашем семействе... <...> Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. <...> ...Мне так хочется увидать и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства. А покуда, пожалуста, не позабывайте бедную Александру Осиповну[9], которая, как я вижу из маленького письма ее[10], страдает тяжело и томительно. Не позабывайте навещать ее как можно почаще, просите также [графиню маминьку вашу[11]] Мих<аила> и Матвея Юрьевича[12] навещать ее. Софья Миха<й>ловна[13], верно (если она только в Петербурге), бывает у нее. Уведомьте также о здоровье Государя и Государыни и часто ли вы их видите. Я почти не имею ниоткуда никаких известий и, несмотря на то, что живу теперь в России, знаю и слышу меньше о России, чем сколько слышал о ней, бывши за границей. Летом, как известно, у нас всё томится от жару и ни о чем никому не пишет. Адресуйте в Полтаву, около которой невдалеке находится деревенька моей матери, где я на время приостановился. Письмо ваше я еще успею получить до отъезда моего в Москву»[14].

Из письма к Жуковскому (написано в Полтаве): «Твое милое письмецо, посланное из Франкфурта[15] в Полтаву, получил. Большое же, напечатанное в "Москвитянине"[16], прочел еще в Одессе[17], на другой день после того, как ступил на русский берег. Оно очень, очень дельно, понравилось многим, а меня освежило. Никогда еще так верно и так прекрасно не было сказано о долге писателя. <...> ...Время не весьма здоровое и вокруг везде болезни. Еще не принимался сурьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу. Как ни возмутительны совершающие<ся> вокруг нас события, как ни способны они отнять мир и тишину, необходимые для дела, но тем не менее нужно быть верну главному поприщу; о прочем позаботится Бог. Что мы можем выдумать теперь, для нашего земного благосостояния или обеспечения себя или обеспечения близких нам, когда всё неверно и непрочно и за завтрашний день нельзя ручаться? Будем же исполнять то, для <чего> нам даны Богом силы и способности и в истине чего [уверяют нас] залогом служат те сладкие минуты, которые мы в жизни ощущали, после которых и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что нам до того, производят ли влиянье слова наши, слушают ли нас! Дело в том, остались ли мы сами верны прекрасному до конца дней наших, умели ли возлюбить его так, чтобы не смутиться ничем, вокруг нас происходящим, и чтобы петь ему безустанно песнь даже и в ту минуту, когда бы валился мир и всё земное разрушалось. Умереть с пеньем на устах — едва ли не таков же неотразимый долг для поэта, как для воина умереть с оружьем в руках. Еще с полмесяца я пробуду здесь, потом еду в Москву, из Москвы

съезжу на месяц в Петербург, чтобы взглянуть на многое собственным глазом. По дороге зацеплю некоторые места и даже, может быть, сворочу несколько с дороги вовнутрь Руси, чтобы освежить свою память и все-таки набраться кое-каких нужных материалов. <...> Письма адресуй мне всегда в Москву, на имя Шевырева».

[1] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва.***

[2] См. также ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка.***

[3] См. ***1848. Июня 22. Вторник. Киев.***

[4] Аксаков. – См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[5] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

[6] Драма К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). – См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва*** (примечания); ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** (примечания); ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

[7] Елизавета Григорьевна.

[8] Жена Шевырева.

[9] Смирнова.

[10] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[11] Л. К. Виельгорская.

[12] Графы Виельгорские, отец и дядя А. М. Виельгорской.

[13] Графиня Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской.

[14] Ответ Вьельгорской см.: ***1848. Июля 8. Четверг. Павлино.***

[15] Из Ганау, близ Франкфурта (см. ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***).

[16] «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» В. А. Жуковского было напечатано в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (см. ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***). Представляет собой ответ В. А. Жуковского на статьи Гоголя *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Искусство есть примирение с жизнью» (письмо В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. – ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***). – См. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[17] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса.***

ИЮНЯ 15. ВТОРНИК. КИЕВ

У. Г. Данилевская отправляет письмо к Гоголю в Васильевку, с вложением отрывка из письма своего дяди А-ра Мих. Марковича[1] к А. С. Данилевскому из Сваркова.

Из письма Данилевской: «У нас в Киеве так часто говорят о вас, что мне все кажется, что вы еще здесь... <...> Холера в Киеве до сих пор не прекратилась... <...> Время отъезда нашего в Одессу[2] до сих пор неизвестно; доктор ничего не говорит положительного... <...> Александр опять не мог писать вам: так занят экзаменами. <...> Ольга часто вас вспоминает. Недавно кто-то ее спросил: “где Гого?” – “Нету Гого, а палька туто” – и пошла показывать вашу палку».

[1] См. ***1848. Июня около 8. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии.***

[2] В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского в 1887 г., сообщал: «По совету Гоголя, Данилевский собирался съездить в Одессу, чтобы самому похлопотать о месте» (Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 526). 11 мая 1848 г. сам А. С. Данилевский писал Гоголю: «Мне невозможно приехать к тебе в Васильевку: до 15-го июня я прикован к Киеву, а после отправляюсь с семейством в Одессу, где останусь, вероятно, до сентября. Жена моя, по совету медиков, должна пользоваться этим летом морскими купаньями». 16 мая 1848 г. Гоголь отвечал А. С. Данилевскому из Васильевки: «Дай Бог, чтобы поездка в Одессу и купанье было спасительно для Ульяны Григорьев<ны>».

ИЮНЯ 16. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«Сын мой с нами теперь находится и я дорожу этим временем, которого почти 14 лет лишена была. <...> У нас каждой день гости, и я, не имея свободного времени заняться письмом, и такую бессмыслицу пишу, что стыдно и прочесть самой».

Свод. Т. 1. С. 111.

ИЮНЯ 19. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Васильевки[2], с вложением письма к А. О. Смирновой.

[1] На письме имеется помета Плетнева: «П<олучено> 19 июня 1848» (*Городецкий.* С. 456).
[2] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка.***

ИЮНЯ 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет в Петербург письмо к Н. Я. Прокоповичу; отправляет в Москву новое[1] письмо к С. П. Шевыреву, с вложением письма к М. А. Базили.

Из письма к Прокоповичу: «Уведоми меня хотя двумя словечками о себе... <...> Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву. В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург. Я, слава Богу, кое-как еще держусь на свете, несмотря на болезни и холеры вокруг, хотя и не так свеж и бодр, как во время путешествия по Востоку и даже во время дороги в Россию. <...> Передай мой задушевный поклон супруге и погладь по головке деток[2]. Жду отклика нетерпеливо. <...> Между прочим, просьба: подпишись за меня на журнал Башуцкого "Иллюстрация"[3] за текущий 1848 год с пересылкою в Полтаву, на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые номера, вышедшие доселе, от 1-го генваря до сего месяца, чтобы высланы были все разом, а прочие исправно всякую неделю. Мой адрес: в Полтаву»[4].

Из письма к Шевыреву: «В письме моем к тебе, отправленном назад тому три дни, я позабыл присовокупить маленькую просьбу, а именно: отыскать Маргарит<у> Алекс<андровну> Базили и отослать ей при сем приложенное письмецо. Она остановилась в Москве у родных своих, князей Ипсиланти. Я не знаю, в собственном ли доме живут князья Ипсиланти[5] или в нанятом. Я думаю, ты найдешь пути разведать. Они часто бывают у Строгановых (граф<а> Серге<я>)[6] и, кажется, знакомы с Чертковыми»[7].

Из письма к Базили: «Мне грустно не иметь никаких известий ни о вас, ни о близком моему сердцу вашем супруге[8]. Мне бы не хотелось не повидаться с вами обоими хотя на несколько минут прежде вашего отъезда. <...> В конце июля или начале августа я буду в Москве. Рад буду очень, если вас еще застану. Здоровье мое хотя и не в таком благодатном состоянии, как было в Иерусалиме, Байруте и в дороге с вами, но, благодаря Бога, всё еще кое-как держится. Адресуйте мне в Полтаву».

[1] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава.***
[2] Николай (род. в 1835), Ольга (род. в 1836), Александра (род. в 1837), Мария (род. в 1839), Екатерина (род. в 1842), Василий (род. в 1844) (*Супронюк. Словарь.* С. 149). – См. также ***1838. Апреля 27–28 <15–16>. Пятница-суббота. Рим.***

[3] Еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге в 1845–1849 гг. сначала Н. В. Кукольником, затем А. П. Башуцким. – См. также ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь*** (письмо к Ар. О. Россету).

[4] Ответ Н. Я. Прокоповича см.: ***1848. Июля 16. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] Представители рода молдавских и валахских господарей.

[6] Граф Сергей Григорьевич Строганов.

[7] Александр Дмитриевич и Елизавета Григорьевна.

[8] О К. М. Базили. Письмо М. А. Базили от 14 июня 1848 г. из Москвы еще не было получено Гоголем. – См. ***1848. Июня 14. Понедельник. Москва.***

ИЮНЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. и К. С. Аксаковы пишут ответные[1] письма Гоголю в Васильевку.

Из письма С. Т. Аксакова: «Я получил письмо ваше <...> от 8 июня... <...> С 8 июня мы живем в нашей прелестной деревеньке, и я вполне наслаждался бы природою, если б мы не были встревожены нездоровьем Веры... <...> Когда мы уезжали из Москвы, там была сильная холера; но теперь, благодаря Бога, стала гораздо потише. У Троицы и кругом около нас также есть эта болезнь, но в слабом виде, и, кажется, исчезает.

Вы не можете себе представить, с каким нетерпением стану ждать я каждую почту вашего письма *по прочтении* драмы[2]. Если б я не был отцом сочинителя, то непременно напечатал бы об ней критическую статью. Эту статью вмещу я в письмо к вам и непременно пришлю ее. Завтра же начну писать и, каков бы ни был ваш суд, не переменю в ней ни одного слова.

Два года тому назад[3] провел я зиму в деревне и, между прочим, написал книжку под названием: "Записки об уженье"[4], которую к вам и посылаю. Она невелика, вы прочтете ее на досуге. Я писал ее с большим наслаждением. Воспоминание прошедшего освежало и оживляло меня. Если Бог исполнит мое желание и я проведу эту зиму в деревне, то начну писать другую книжку "об охоте с ружьем"[5]: с двенадцатилетнего возраста до тридцатишестилетнего я был предан этой охоте страстно, безумно. Я уже написал "Прилет птицы весною" и думаю, что даже не охотник может прочесть с удовольствием этот отрывок. "Семейная хроника" пишется как-то вяло[6]. Кажется, надобно переменить план: сократить подробности и не соблюдать строгой последовательности. <...> Все мои вас обнимают. Костя вам кое-что посылает»[7].

Из письма К. С. Аксакова: «Я получил ваш ответ на мое письмо. Я надеялся, что вы иначе его примете; но что делать? Слово ложь, кажется, вы тоже не так поняли; я именно писал: *ложь не в смысле ошибки и не в смысле обмана.* <...> Вы пишете, что ждете нетерпеливо мою драму и надеетесь увидеть в ней мой взгляд на Русского человека, – то, что истина по моему мнению. Точно, в драме высказалось все это; но высказалось ли оно ясно и внятно – не знаю. Я не художник, и очень может быть, что драма моя неразборчиво написана, и потому признаюсь, не знаю, как она вам покажется, выступит ли перед вами тайная мысль и дух драмы. В ней является великое событие, которое не кажется великим, которое совершается безо всяких эффектов, безо всяких героических прикрас; но в том-то вся и сила. Эта *простота,* о которой может быть ни один народ мира не имеет понятия, и есть свойство Русского народа. Все просто, все кажется даже меньше, чем оно есть. Невидность – это тоже свойство Русского духа. Великой подвиг совершается невидно. О, кто поймет величие этой простоты, перед тем поблекнут все подвиги света. А кто не поймет ее, будет говорить: помилуйте, да что в Русской истории, что в Русском человеке? Для таких людей, всего лучше указать не на нравственную силу, которая выше всего, а на географическую карту, где, увидав огромное пространство, они невольно задумаются, не догадываясь, что это только еще самая плохая сторона силы, живущей в духе, силы внутренней. Так понимаю я события междуцарствия, так понимаю Русского человека и Русской народ. Эти слова еще далеко не исчерпывают моей мысли; это только еще одна сторона, но сторона, по-моему, неотъемлемая. Если б я хотел высказывать в драме свою мысль, как теорию, то я бы был неправ; но это не теория, это так есть, сколько я могу понимать. В подтверждение могу сказать, что сперва меня это огорчало, – эта безэффектность, и что только после увидал я все ее величие.

В Русской истории нет ни одной фразы — все чистое беспримесное дело, до Петра разумеется; но с него я нашу историю не называю Русскою. Русской народ участвовал в ней рекрутами и деньгами. Долго думал я о власти картинки над человеком. Запад всего больше это чувствует: он весь состоит из картинок; ко всякому своему делу он непременно приделает виньетку, а иногда из виньетки затевает и совершает самое дело. Пока был он молод, он был и красив, хотя всегда ложен в своих позах; но теперь он до того уж изолгался, что нуждается во всяких раздражительных средствах, чтобы придать себе энергии; энергии нет, убеждения нет, а на одних картинках без этого уж недалеко уедешь. И противен теперь Запад, мутящийся без всякого даже увлечения.

Посылаю вам небольшую статью[8], в которой высказываю свои основные гражданские убеждения, написанную месяц с лишком. Скажите ваше мнение. <...> Когда вы в Москву? <...> У меня много лежит в портфеле, но цензура ужасно строга».

[1] См. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***.

[2] Драма К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

[3] См. ***1845. Ноября 22 <декабря 4>. Четверг. Радонежье (Абрамцево)***.

[4] О впечатлениях Гоголя от этой книги, вышедшей в свет в Москве в начале 1847 г., В. С. Аксакова сообщала отцу в письме от 11 сентября 1848 г. (см. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва***).

[5] Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», вышедшие в 1852 г.

[6] Первый отрывок «Семейной хроники» был напечатан в «Московском литературном и ученом сборнике» 1846 г. К работе над этой книгой С. Т. Аксаков вернулся в 1852 г., после окончания «Записок ружейного охотника».

[7] Имеется в виду статья К. С. Аксакова «О современном литературном споре», запрещенная цензурой в 1848 г. и впервые опубликованная в 1883 г. в № 7 газеты «Русь» (с. 20–26). (Гоголь в ответном письме к С. Т. Аксакову от 12 июля 1848 г. сообщает: «Статья его <Константина Аксакова> о современном споре мне понравилась...»; см. ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***.) Ранее, 22 апреля 1847 г., В. Г. Белинский писал В. П. Боткину: «...Аксаков и Николай Александрович <Мельгунов> затевают диспут о Москве и Петербурге и удостоивают "Современник" быть ареною их спора. Избави Бог. <...> Аксаков будет петь гимны не той Москве, которая существует действительно, а той, которую он создал себе в своей фантазии, и будет возвышать ее насчет Петербурга... <...> Аксаков хочет поместить статью у нас; в этом видно с его стороны уважение к нашему журналу и доверенность к нам. <...> Скажи ему, что всякую другую статью его готовы поместить; но спора этого по особым причинам допустить в "Современник" не можем» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 637–638). — См. также ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***.

[8] «О современном литературном споре» (см. примеч. выше).

ИЮНЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Дело наше касательно просроченного векселя твоего, кажется может еще поправиться. Отправив к тебе письмо в Васил<ь>евку[2], я при встрече с кн<язем> П. А. Вяземским рассказал ему о твоей потере денег. Князь, будучи хорошо знаком, да и служа по одному министерству[3] с бароном Штиглицем, вызвался переговорить с ним об этом деле. Между тем я переехал на дачу. Там получил я уведомление от князя, что Штиглиц согласился, снесшись наперед с тем домом в Париже, который обанкротился, выплатить тебе деньги по векселю. Через несколько недель князь Вяземский написал мне, что из Парижа Штиглицем уже получен отзыв, для тебя благоприятный, и чтобы я предоставил в контору Штиглица как вексель, так и доверенность от тебя на получение.

В это время у меня сперва была лихорадка, а после край наш постигнут был общим неблагополучием, т. е. холерою; итак мне совсем невозможно было съездить с дачи в город. Я однако же из предосторожности уведомил Штиглица письменно, что, во 1-х, по болезни своей, а во 2-х, по неимению формальной от тебя доверенности, не могу теперь же явиться за деньгами, и прошу известить меня письменно, не повредит ли это невольное замедление мое рассчету. Он меня немедленно успокоил.

Теперь я прошу тебя составить обыкновенную с засвидетельствованием руки твоей доверенность на получение от Штиглица денег и прислать ее мне.

Но, как я, до ослабления свирепости заразы, все в городе быть не могу, то и прошу тебя изменить свой план касательно отъезда в Москву и получения от меня денег по ломбардному билету. Так как в Москве и в Петербурге холера, то ты живи до сентября в Васильевке. На небольшие твои там нужды я могу заимообразно уделить тебе из остающихся при мне собственных денег *рублей полтораста серебром*. Только и об этом ты должен уведомить меня, означив адрес, куда их отправить. В сентябре же, Бог даст, все рассчеты кончим. <...> ...Я думаю наверное, что первый из твоих ломбардных билетов[4] тот самый и есть, о котором ты спрашиваешь (Прокоповичев[5]). Прочие не что иное, как твой пенсион. О назначении Смирнова в Москву здесь и слуху не было. Пиши на мое имя в городскую квартиру».

[1] См. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***; ***1848. Июня 19. Суббота. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[3] Имеется в виду Министерство финансов, где князь П. А. Вяземский служил в должности управляющего «по всем частям Государственного Заемного Банка», а барон Александр Людвигович Штиглиц (1814–1884) – членом Мануфактурного совета в Департаменте мануфактур и внутренней торговли (с 1840 г.).

[4] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург***.

ИЮНЯ 22. ВТОРНИК. КИЕВ

А. С. Данилевский в ответном письме к Гоголю в Васильевку сообщает о получении от него письма[1]; рассказывает о своем выходе в отставку и намерении выехать на родину через неделю, 29 июня, в день памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла:

«Вчера только я получил твое письмо. Оно шло более недели. Мне было приятно, наконец, узнать, что ты прибыл в Васильевку благополучно.

С отъездом твоим в Киеве открылась холера и навела ужас на самых бесстрашных. Некоторые из круга наших знакомых или известных нам мгновенно пали ее жертвой. Известия из полтавской губернии далеко не утешительны: и там эта нестерпимая холера почти во всех уездах. Каково у вас? Намерение наше ехать теперь в Одессу не состоялось. Эпидемия везде: и по дороге, и в Одессе. Мы отправляемся в ваши места. Отъезд предположен 27-го или, что всего позже, 29-го нынешнего месяца. Итак, нет худа без добра: даст Бог – увидимся!

Благодарю тебя от души, что, писавши к Орлаю[2], ты не позабыл меня. Когда эти печальные обстоятельства изменятся, мы все-таки думаем ехать в Одессу. Отставка моя напечатана давно; о ней из министерства пришло письмо на этих днях. До сих пор не сдавал я своей должности; это довольно неприятная история».

[1] Письмо не сохранилось (см. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***).

[2] Письмо Гоголя в Одессу к одному из братьев Орлаев, Александру или Андрею Ивановичу, до нас не дошло (см. ***1848. Июня между 3 и 15. Васильевка***).

ИЮНЯ КОНЕЦ <ИЮНЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов отвечает[1] Ф. В. Чижову в Киев:

«Радуюсь, что имею от вас благодатные известия о Гоголе. Читал я на днях его книгу “Выбранные места из переписки с друзьями”. Не знаю, за что это на него так нападают – там есть превосходные места. Жаль, однако ж, что он там написал обо мне и Иордане[2]: эти места неверны»[3].

[1] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота – июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев***.

[2] Имеются в виду статьи «Завещание» и «Исторический живописец Иванов».
[3] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 352.

ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Васильевку (сохранились лишь черновые наброски письма; датировка уточнена):

«Вполне уверен, что вы не подчинили последнее письмо мое[1] только одной той минуты чувства, в которую его прочитали, но, рассмотрев вашу собственную неправоту, совершенно согласились, что прежде всего нужно уважить глубоко предмет тот, с которым желаешь сообщиться, не из собственных личных выгод, но единственно к пользе и совершенствованию общества, которому мы все, специальные люди, должны поочередно служить.

Сколько я ни рассматривал и мое положение, и положение моих братий по искусству, все выходит на то, чтобы еще год прилежно проработать мою картину[2] и в это время еще более всмотреться и в мое, и их положение. Сделаем взгляд на прошедшие 9-ть месяцев[3], чтобы видеть яснее и настоящее и будущее. [Приехав из Севера] Напомнив себе Миланом и Флоренцией[4] важнейшее время школы итальянской и ободренный <и ободрив> дух мой долгим пребыванием в самом почтенном семействе[5], я был тогда в состоянии подымать величайшие тернии соприкасающихся мерзостей жизни, все выносилось, — видя вдали самый счастливой результат. Но тайная рука, ведущая [меня] сквозь бездны и груды трудов моих к будущему счастию, не могла предвидеть, что частые беспокойства в часы отдыха наконец могут ослабить силы, в половине [поста] марта[6] я это почувствовал, но прошедшие сильные удары уменьшили [силу] твердость на пути моем... <...>

Спешу к вам писать не потому, что чувствую уже в себе созрелым весь план миссии отечественных искусств, но потому, что предчувствую, что спокойнее этих дней купанья моего в Неаполе[7] у меня не будет, — что новые тревоги, новые гвозди для распятия уже готовятся. <...> Без дальних умствований скажу вам, что выше вашей особы я никого не знаю, что привык вас любить и уважать с самого начала вашего знакомства, — что быть с вами вместе составило бы истинное мое счастие, но что теперь у меня слишком мало времени, чтобы доказать систематически и законно ваше значение и соприкосновение к отечественным искусствам. — И покамест скажу то же, что однажды написал уже вам в моем письме: вы можете избавить нас от страданий, и в особенности меня; не принимайте это себе в обиду и верьте, что это непреложная истина, выносящаяся к вам из страдальческой души моей. <...>

Не знаю, в каком расположении духа и при каких обстоятельствах застанет вас последнее письмо мое. Беспокоюсь только об одном, чтобы защита моя за художников не показалась бы вам обидой и колкостью. Вследствие чего пишу вам теперь опять именно для того, чтобы наша переписка не имела заставой положение ссорящихся. Ссору, как разрушительницу всего созидательного на пользу общую, нам, русским, надо елико возможно держать от себя подальше, тем более, что мы к ней более всех способны и по свежести сил и их на половину развитию, и по неопытности понимать друг друга. Мне бы хотелось теперь на досуге, в разлуке с [огромной] моей картиной, посудить с вами о том, какие услуги может сделать литератор художнику и художник литератору. — Начнем с последнего как более близкого мне.

Художник, исторический живописец, есть представитель истории людей в изящных видах; в истории людей виднее всех история евреев: это Симово племя сделало нас сынами Божиими. Казалось бы, чего еще ждать человеку на земле: все сделано и все совершенно. — Недостает еще одного: Иафету поместиться в палатке Симовой, Genesse[8], IX, 27. Он очень талантлив на изобретения, это доказали все европейские народы вносом своих изысканий в природе; но тут недостает еще одного народа его же племени, чтобы все проверить и приложить к самому делу, удерживая в душе своей достоинство Сына Божия, без которого нельзя постигать последней высоты всех разнородных гра-

ней Иафета. Итак, русской исторической живописец, пользующийся сведениями европейскими и осветивший свое земное существование возношением к своему нравственному идеалу, может у себя в студии создать все высокое в мире в изящных видах. — Но этот самород никак не может начать своих действий в свете без предварительного объяснения на языке доступном обществу. Вот отсюда является надобность в литераторе. Отобрав истины от живописца и необходимые законы его самобытного существования, литератор может своим разложением не только сделать понятными обществу, достичь ему еще более материалов к совершенствованию, но и доставить ему же глубочайшее спокойствие, его стихию, без которой он существовать не может, принимая в последней степени совершенства все его достоинства.

Так вот вам задача, любезнейший мой Николай Васильевич. Задача, которую вы, как представительной литератор, непременно должны решить, от этого сочетания будут зависеть все успехи и ваши, и наши. Прощайте, долго не буду вам писать, если не ответите мне на это письмо, потому что, окончив мое отдохновительное время, я должен буду напрягаться к молчанию, чтобы в страданиях, какие мне придется переносить в Риме[9], не вымолвить чего-нибудь противоречащего всем добрым начинаниям и тем не доставить врагам моим новых материалов для нападений».

[1] Возможно, имеется в виду письмо от 25 июня (н. ст.) 1848 г. (см. ***1848. Июня 25 <13>. Воскресенье. Рим***). — См. также ***1848. Июня конец <июня средина>. Рим***; ***1848. Декабрь <ноября средина — декабря средина>. Рим***.

[2] «Явление Мессии».

[3] По-видимому, со времени возвращения Иванова в Рим из Неаполя в «последних числах сентября» 1847 г. (см. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***).

[4] На север Италии, во Флоренцию, Ливорно, Геную и Милан, Иванов ездил во второй половине августа — второй половине сентября (н. ст.) 1847 г.

[5] Имеется в виду общение Иванова с семейством графини С. П. Апраксиной в Неаполе с конца июня до первой половины августа (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня конец — июля начало <июня вторая половина>. Неаполь***).

[6] Великий Пост в 1848 г. начинался 23 февраля / 6 марта.

[7] Тридцать водных «бань» Иванов принимал в Неаполе в июле — начале августа (н. ст.) 1847 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 458–459); в 1848 г. он провел в Неаполе июль — первую половину октября (н. ст.) (см.: ***1848. Июня 25 <13>. Воскресенье. Рим***; *Виноградов 2001*. С. 501, 503–504).

[8] Бытие (*фр.*).

[9] Иванов вернулся из Неаполя в Рим в средине октября (н. ст.) 1848 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 501, 503–504).

ИЮЛЯ 3. СУББОТА. МОСКВА, СОКОЛЬНИКИ

С. П. Шевырев отправляет в Васильевку ответ на два письма[1] Гоголя:

«Я очень обрадовался письму твоему от 15-го июня. Вслед за тем получил другое с письмом к М. А. Базили, которого до сих пор не мог доставить по адресу или лучше без адреса. Строгоновы живут в Кунцове, а они единственный источник, тобою указанный. Помнится мне, у Ипсиланти была дача в Всесвятском, но и туда далеко. Постараюсь однако исполнить. Порасспрошу. Мы все с нетерпением тебя ожидаем. Ты можешь и должен, приехавши в Москву, прямо доехать в Дегтярном переулке, между Тверской и Дмитревкой, до дома С<офьи> Б<орисовны> Шевыревой и в нем остановиться и расположиться на все время пребывания нашего в Сокольниках. Весь дом к твоим услугам и с садом. Здесь мы живем тесно. Может быть, ты наймешь дачу возле нас. В конце августа мы переедем в Москву, тогда наша дача к твоим услугам, пожалуй, ибо мы наняли ее [до осени] до нельзя. <...> О болезни ты знаешь из газет. В Сокольниках, слава Богу, нет ее. Чертковы живут в своей подмосковной недалеко от Троицы. Щепкина не видал. Хомяков в деревне. Погодин под Девичьим. Рады, рады будем тебя все увидеть. Жена тебе душевно кланяется. Бориса ты знаешь. Но я еще представлю тебе Екатерину Степановну и Петра Степановича, а новое лицо еще и для нас неизвестно. Ожидает его в сентябре или к концу августа».

[1] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***; ***1848. Июня 20. Воскресенье. Васильевка***.

ИЮЛЯ 7. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет ответное[1] письмо П. А. Плетневу в Петербург:

«Пишу к тебе больной, едва оправившийся от изнурительного поноса, который в три дни оставил от меня одну тень. Впрочем, это, слава Богу, еще не холера, а просто понос от нестерпимых жаров, томительнее которых, я думаю, не бывает в самой Африке. Никакого освеженья даже по ночам. Холера везде вокруг, и, я думаю, еще никогда не была она так повсеместно и скоро разносима. Маленькую доверенность (в рассуждении того, что она на осьмушке) при сем прилагаю. Если по ней еще нельзя будет взять вдруг, то обяжешь меня, если вышлешь мне из своих, какие найдутся у тебя под рукой, хоть рублей 150 серебром. Я совсем на безденежьи. Вокруг — тоже ни у кого, начиная с моих родных, которым должен буду помочь. Голод грозит повсеместный. <Урожая> покуда еще нечего даже собирать. Всё не выросло и выжглось так, что не жнут, а вырывают руками по колоскам. Надежда есть еще кое-какая на поздние хлеба, особен<но> на гречу, если перепадет несколько дождей и засуха не будет так жестока. Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени. Деньги посылай по такому же адресу, как и письма: в Полтаву. Пришли две тысячи асс<игнациями>, а остаток, в виде пятого билета, примкни к прежним четырем[2]. Если ж тебе почему-либо удержать при себе не захочется или будет хлопотливо возиться, то, пожалуй, пришли хоть и весь вексель, в два приема или в один»[3].

[1] См. ***1848. Июня 21. Понедельник. Спасская мыза***.
[2] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[3] Ответ П. А. Плетнева см.: ***1848. Июля 19. Понедельник. Спасская мыза***.

ИЮЛЯ 7–9. СРЕДА-ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Сестра Гоголя Елисавета отмечает в дневнике:

«*7, 8, 9 июля*. Брат приехал. Сегодня уехала от нас N. Луш. (?). Ужасная тоска! У нас холера; пять человек умерло. Дай Бог, чтоб этим кончилось».

Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод*. Т. 1. С. 171.

ИЮЛЯ 8. ЧЕТВЕРГ. ПАВЛИНО

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю в Полтаву:

«Наконец, вы в России, любезный Николай Васильевич! Как мы обрадовались этим известием! Теперь мы надеемся вас скоро увидеть здесь в Павлине. Довольны ли вы вашим путешествием, вашим здоровьем? Что вы мне не говорите словечко о вашем пребывании в Иерусалиме? Вы знаете, как это меня интересует. Впрочем, когда вы к нам приедете, мы успеем поговорить обо всем. <...> Здесь в Павлине было только два случая холеры, и то еще их очень скоро могли преодолеть. В городе холера была очень сильна, как вы, верно, сами читали в газетах, но она теперь с каждым днем уменьшается. Доктора говорят, что ежели ход болезни пойдет естественным образом (это очень вероятно), то в конце нынешнего месяца уж почти не будет больше холеры в Петербурге.

Вся Царская фамилия в Петергофе, где было также несколько случаев холеры. Государь, слава Богу, здоров и Государыня очень поправилась. Папенька[2] видит их каждую неделю, а мы были в Петергофе три или четыре раза. Нынешнее лето очень мало собраний при дворе. Государь не хочет, чтобы веселились, пока холера будет здесь свирепствовать.

Про Александру Осиповну[3] ничего не могу сказать вам. Мы здесь на петергофской дороге, а она в Павловске. Впрочем брат ее Аркадий[4] часто сюда ездит и дает нам известия о сестре. Она все в том же положении: у нее нет другой болезни, кроме расстройства нерв. Наш доктор, к которому мы имеем большую доверенность, убежден, что она выздоровеет, но он ее не лечит.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! приезжайте к нам скорее: мы вас ожидаем с нетерпением и увидим с душевной радостью. Вы застанете здесь все семейство, за исключением Владимира[5], который в Симбирске, и брата[6], который в Берлине. До свидания».

[1] См. ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава.***
[2] Граф Мих. Ю. Виельгорский.
[3] Смирнова.
[4] Ар. О. Россет.
[5] Граф В. А. Соллогуб.
[6] Граф М. М. Виельгорский.

ИЮЛЯ 9. ПЯТНИЦА. С. ДУБРОВНО

А. С. Данилевский пишет новое[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Все это время я было думал обнять тебя в Васильевке, но не так случилось. Приехав[2] в Лубны в воскресенье[3], мы[4] располагали пуститься в Сорочинцы; но, узнав, что там холера во всем разгаре, направили лыжи в Дубровное. Пишу тебе из этого пустынного уголка, который в насмешку, кажется мне, носит название, обещающее тень и прохладу; на деле же это степная деревенька, не лишенная однако ж, особливо по мнению моей жены, своего рода прелести. Чистый воздух, поле с золотыми колосьями — для горожан это рай! Но дело не в том. Каким бы образом нам с тобой увидеться? Я не могу оставить пока моего добровольного заточения... Жена, которая с приездом вздумала еще прихворнуть, красавица-дочь — все это существа, с которыми расставаться не легко, а особливо в такое смутное время; а путешествовать с ними, т. е. перевозить их — ох, весьма затруднительно! Остается одно — ты угадываешь — остается тебе приехать к нам[5]. Ты — неутомимый путешественник и холостой, а я — домосед и семьянин. Сделай еще маленькую жертву и поспеши навестить нас. Я после отплачу тебе и с семьей приеду к тебе в Васильевку[6]. Дай только Бог, чтобы эта гнусная холера сколько-нибудь угомонилась.

Вот твой маршрут, если доброе твое сердце послушает твоего призыва: ты выезжаешь на ночь в Сорочинцы и кормишь с Березовой-Луки на Коновалы, да по Ромодану на Ветколовку (имения Устиновича), на Ортополошь и в Дубровное. От Березовой-Луки всего 25 верст. В один день из Сорочинец в Дубровное! Как ты думаешь? Ожидать ли тебя? У меня есть предчувствие, что и на сей раз ты не откажешь моему дружескому призыву.

Хоть у нас здесь и пустынно, и соседей мало, но в пяти верстах есть твой знакомый, князь Репнин[7], который теперь проживает в нашем соседстве в поместье своем Андреевке. Да притом же и Ромны от меня недалеко (всего 35 верст): может быть, захочешь навестить Редкина.

Я разделался, наконец, с Киевом. Казалось, нечего было жалеть, нечего терять, но, оставив его навсегда, откуда-то взялись и сожаление, и грусть, и мысль, буду ли я, Бог весть, в другом месте столько счастлив, как был счастлив в Киеве».

[1] См. ***1848. Июня 22. Вторник. Киев.***
[2] Из Киева.
[3] 4 июля 1848 г.
[4] Данилевский с женой и дочерью.
[5] Гоголь в Дубровно, вероятно, по причине слабости после перенесенной болезни (см. ***1848. Июля 7. Среда. Васильевка***; ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***; ***1848. Июля 26. Понедельник. Васильевка***) не приехал (см. ***1848. Июля 22. Четверг. С. Дубровно***).
[6] См. ***1848. Июля 23. Пятница. Васильевка.***
[7] Князь Николай Васильевич Репнин-Волконский.

ИЮЛЯ 10. СУББОТА. КАГОРЛЫК

А. А. Трощинский в связи с эпидемией холеры пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«Я надеюсь... получить от вас извещение, как о состоянии здоровья вашего и всех ваших, так равно и относительно достойнейшего вашего Николая Васильевича, находится ли он еще у вас или, по своему предположению, уехал уже в Москву и П<етер>бург...»

Свод. Т. 1. С. 111.

ИЮЛЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. Т. Аксакову в Радонежье (Абрамцево):

«И за письмо и за книги[2] благодарю вас... <...> [У меня был изнурительный понос, расслабивший меня до пес plus ultra (disenteria).] Как ни слаб я после недуга, от которого еще не оправился как следует, но не могу отказать себе написать к вам несколько строчек. Какое убийственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздух! Только три или четыре дни по приезде моем на родину я чувствовал себя хорошо. Потом беспрерывные расстройства в желудке, в нервах и в голове от этой адской духоты, томительнее которой нет под тропиками. Всё переболело и болеет вокруг нас. Холера и все роды поносов не дают перевести дух. Тоска (еще более оттого, что никакое умственное занятие не идет в голову). Даже читать самого легкого чтенья не в силах. А потому не ждите от меня покуда никаких отчетов относительно впечатлений, произведенных присланными книгами. Я после напишу Константину Сергеевичу мое мнение о его драме[3]. Статья его о современном споре[4] мне понравилась, может быть, оттого, что во время чтенья голова моя была свежа и вниманья достало на небольшую, статью. Ваш разбор драмы я бы желал нетерпеливо прочесть, хотя по кусочкам. Мне кажется, вы сделаете очень нелишнее дело, если займетесь <им>, тем более, что самый предмет, о котором пойдет речь, так важен для всех нас, что и сама драма и сам сочинитель могут остаться почти в стороне. В драме [что всего важнее] постигнуто *высшее свойство* нашего народа — вот ее главное достоинство! Недостаток — что, кроме этого высшего свойства, народ не слышен другими своими сторонами, не имеет грешного тела нашего, бестелесен. Зачем Конст<антин> Серг<еевич> выбрал форму драмы? Зачем не написал прямо историю этого времени? Странное дело: когда я разворачива<ю> историю нашу, мне в ней видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди, и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие. Когда же я читаю извлеченную из нее нашу так называемую историческую драму, кругозор предо мно<ю> тесен, я вижу только те лица, которые выбрал сочинитель для доказанья любимой своей мысли. Полнота жизни от меня уходит; запаха свежести, первой весенней свежести, я не слышу. Наместо действия, я слышу словопрения, и мне кажется всё бледно. Не распространяю этих слов на драму Константина Сергеевича. В ней вялости нет, язык свеж, речь жива. Но зачем, не бывши драматургом, писать драму[5]? Как будто свойства драматурга можно приобресть! Как будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко ценить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество и ничто другое. Его ничем нельзя заменить. Без него история всегда останется выше всякого извлеченного из нее, сочинения.

Может быть, всё это, что я вам теперь говорю, есть плод нынешнего мутного состоянья моей головы, неспособной рассуждать отчетливо и ясно; может быть, в другой раз, когда прочту внимательней это сочинение, и притом в минуту более свежую, я выражусь иначе и лучше; но, мне кажется, я и тогда не соглашусь с Констант<ином> Сергеев<ичем>, будто драма есть художественное понимание истории в известную эпоху. Скорей разве можно сказать художественное *воспроизведенье* ее. Пониманья одного мало для драмы. Но обо всем этом потолкуем после. Сочиненье, во

всяком случае, *немаловажно* и всегда останется замечательно тою высокою задачей, которую оно задало нам и над которою стоит всякому истинно русскому поразмыслить и порассудить сурьезно. <...> Не знаю, когда с вами увижусь. Хотел было ехать теперь, несмотря на болезненную слабость, но узнал, что дилижансы из Харькова в Москву уничтожились. Заводить свой экипаж нет средств и скука. Попутчика покуда не отыскивается. Напишите мне слова два о Миха<и>ле Семеновиче[6], не будет ли он в Харькове? Он, кажется, имеет обыкновенье заглядывать туда в августе, около ярмарки. Как бы мне было приятно прокатиться с ним!»

[1] См. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[2] Имеются в виду «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова (М., 1847) и драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848).

[3] «Освобождение Москвы в 1612 году».

[4] Статья К. С. Аксакова «О современном литературном споре» (см. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)*** — примечания).

[5] Сходную оценку драмы К. С. Аксакова дал в том же году, в майском номере «Москвитянина», М. П. Погодин (см. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** — примечания).

[6] Щепкин.

ИЮЛЯ 14. СРЕДА. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«В прошедшую субботу <10 июля> князь Вяземский желал, чтобы я у него обедал. Там обещал быть Базили, наш генеральный консул в Бейруте, товарищ Гоголя по Безбородкинскому лицею. Я давно знаком с этим Базили. Он из нежинских греков и большой мастер прокладывать себе дорогу в свете. Нынешним своим местом он обязан графу Нессельроду за то, что съездил некогда, в качестве дядьки, с его сыном на Кавказ. Базили вместе с Гоголем был в Иерусалиме, в Константинополе и оставил его в Киеве[1]. Он говорил, что в Гоголе никакой против прежнего не произошло перемены со стороны наружного его обхождения[2], чему я и рад, потому что внешнее ханжество всегда было мне противно».

Свод. Т. 1. С. 698.

[1] См. ***1848. Мая 7. Пятница. Одесса***; ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев***.

[2] Позднее, 27 декабря 1880 г., К. М. Базили сообщал Н. В. Гербелю: «Так как Гоголь незадолго до своей смерти жил у меня, то многие почтенные люди весьма сердечно спрашивали у меня, как и когда проявлялись признаки умопомешательства» (*Свод.* Т. 3. С. 633).

ИЮЛЯ 16. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович пишет ответное[1] письмо Гоголю в Полтаву:

«Благодарю тебя <...> за письмо твое, ни в какое другое время не может быть так интересно получить известия от друзей наших, как в настоящее, когда нельзя быть уверенным в жизни и того, с кем виделся вчера. Да, нас посетил страшный бич: по свидетельству медиков, эпидемия 31 года против нынешней была игрушкой как по количеству случаев, так и по злокачественности. Петербург, судя по официальным известиям, потерял от нее до 11 тысяч жителей, а она все еще продолжается, хотя и в несравненно меньшей степени. <...> ...Белинский, что, вероятно, ты уже знаешь, умер[2], но еще прежде холеры от продолжительной чахотки.

Базили здесь, и я иногда с ним вижусь, он сетует на тебя за забвение его, и я тоже на тебя в претензии за то, что ты ни словечка не упоминаешь мне о Данилевском, с которым ты, верно, ви-

делся и который, Господь его знает за что, наказывает меня нескольколетним молчанием, так что я только от Базили узнал о его существовании и женитьбе. Поклонись же ему от меня, да и супруге его, если увидишь их. Я должен у тебя просить извинения: ты поручаешь мне подписаться на "Иллюстрацию", и я с удовольствием исполнил бы твое поручение, но нахожусь в таких стесненных обстоятельствах, что, право, не могу: денег у меня и всегда бывает немного, а теперь лето и холера, лишив меня всех частных занятий, довела до того, что я должен рассчитывать всякую копейку, если не хочу заставлять поститься семейство мое; в таких грустных обстоятельствах, признаюсь тебе, я еще никогда не находился. Прими же мои уверения, что только одни они не позволяют мне оказать тебе эту ничтожную услугу. <...> Уведоми меня до личного нашего свидания хотя строчкой о себе и Данилевском. Письмо твое дошло до меня очень поздно; причиною то, что ты не написал на нем: в *9 линию,* и оно валялось у почтальона, пока другое письмо на имя мое не показало дороги ему. Жена и дети все тебе кланяются и с нетерпением ждут тебя».

[1] См. ***1848. Июня 20. Воскресенье. Васильевка.***
[2] См. ***1848. Мая 26. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Сестра Гоголя Елисавета отмечает в дневнике:

«Грустное время: холера все продолжается!»

Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.

ИЮЛЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Васильевки[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 456. — См. также ***1848. Июля 19. Понедельник. Спасская мыза.***
[2] См. ***1848. Июля 7. Среда. Васильевка.***

ИЮЛЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев отправляет Гоголю в Васильевку 150 рублей серебром и пишет ему ответное[1] письмо:

«Вчера, в воскресенье, получил я письмо твое от 7 июля из Васильевки, а сегодня отправляю к тебе деньги. Извини, что не мог у себя набрать пока более 150 руб<лей> сер<ебром>. Холера застала меня на даче врасплох, так что я, не запасшись множеством необходимых вещей (а в том числе и деньгами), перебиваюсь кое-как до прекращения болезни в городе[2]. При ней ни за что не хочу ехать туда, потому что, сидя на даче с 27 мая, совсем отвык от городского воздуха, и он подействовал бы на меня губительнее, нежели на такого человека, который свыкся с ним. Теперь у нас холера очень ослабела, но тут-то и нужна осторожность, чтобы не сделаться смешным в глазах порядочных людей, как умрешь в такую льготную пору.

Я остаюсь при моем прежнем мнении, что тебе лучше и благоразумнее до начала октября, или хоть до половины сентября, просидеть в Васильевке. Жары скоро пройдут. Пустынножительство для тебя прямо роскошь. Да теперь же ни души из приятелей своих не найдешь ты ни в Москве, ни в Петербурге: все от страху разъехались по деревням.

Старайся только воздерживаться от фруктов, от молочных, мучных и зеленных кушаньев. Ешь цыплят, кур да всевозможные каши».

[1] См. ***1848. Июля 7. Среда. Васильевка***; ***1848. Июля 18. Воскресенье. Спасская мыза***.

[2] 12 июля 1848 г. святитель Игнатий (Брянчанинов), в ту пору архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, писал из столицы: «Здесь, по милости Божией, все благополучно: посетившая и каравшая северную столицу холера значительно уменьшилась» (*Святитель Игнатий Брянчанинов*. Письма. М., 1993. Т. 7. С. 200).

ИЮЛЯ 22. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь записывает в дневнике:

«Сегодня мы с братом ездили за 12 верст в м . . . . . и вернулись очень поздно».

Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод*. Т. 1. С. 171.

ИЮЛЯ 22. ЧЕТВЕРГ. С. ДУБРОВНО

А. С. Данилевский отправляет Гоголю с нарочным новое[1] письмо в Васильевку:

«Бога ради, где ты и что с тобою делается? Приехавши в нашу деревню, я писал к тебе по почте и просил приехать ко мне, поелику жена моя была в это время нездорова, и я уже не мог ни взять ее с собой, чтобы навестить тебя, ни оставить дома. Вот уже недели две прошло с тех пор, как странствует мое письмо, — и ни тебя, ни ответа! Шлю нарочного осведомиться, в Малороссии ли ты, или уехал в Москву, не простясь с нами. Напиши, как нам свидеться. Жена моя начала понемногу поправляться, а потому мы можем пуститься в путь в Васильевку, если только у вас все благополучно. В Сорочинцах и Семереньках холера страшно свирепствовала, но теперь прекращается и, может быть, в эту минуту и вовсе прекратилась. <...> Если ты захочешь прежде навестить меня, то податель сего проводит тебя до самого крыльца нашей избушки»[2].

[1] См. ***1848. Июля 9. Пятница. С. Дубровно***.

[2] Вероятно, получив в тот же день (или на следующий), с нарочным, ответ Гоголя с приглашением в Васильевку, Данилевский с семьей тут же к нему выехал, так что к обеду 23 июля 1848 г. был уже в Васильевке (см. ***1848. Июля 23. Пятница. Васильевка***).

ИЮЛЯ 23. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь отмечает в дневнике:

«Приехал А. С. Данилевский с женой к обеду[1]; они начали говеть у нас. Александр Семенович очень похудел, изменился, нет прежнего красавца! У нас все гости и много лошадей, а неурожай на сено!»[2]

В. И. Шенрок, общавшийся с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «Несколько раз в продолжение лета 1848 года виделся Гоголь с Данилевским, но по причине продолжавшей свирепствовать холеры и других обстоятельств им не всегда удавалось видеть друг друга, когда они предполагали... <...> В эту пору, т. е. в конце июля <1848 г.> Гоголь собирался уже ехать в Москву и на короткое время в Петербург. <...>

Задушевная привязанность его <Гоголя> к Данилевскому ярко проявлялась в том, что каждый раз неожиданный приезд последнего в их деревню производил чудо: угрюмый в последние годы своей жизни писатель мгновенно оживлялся, к нему возвращался веселый юмор молодости, и во всем доме наступал настоящий праздник. Ничье появление не имело на него такого волшебного действия, никому не удавалось возбуждать в Гоголе такое отрадное настроение. Впечатление получалось такое, как будто приветливый луч весеннего солнца заиграл веселым блеском в пасмурной

обстановке скромного деревенского дома... <...> Благодаря этой веселости Гоголя в присутствии Данилевского, последний меньше всех остальных друзей его был знаком, по непосредственным впечатлениям *(не по письмам)*, с мрачным, сосредоточенным настроением Гоголя в последние годы. <...>

Однажды Марья Ивановна заметила, что ее дорогому гостю, за которым она, по обыкновению, сильно ухаживала, не совсем нравится кофе ее приготовления. Она попросила на другой день одну из дочерей приготовить кофе как можно старательнее и лучше, но видит, что и на этот раз сын неохотно пьет его. Тогда Марья Ивановна заметила: "Это сегодня для тебя Оленька сама приготовила!.." (Ольга Васильевна даже сама на этот раз подавала кофе[3]). — "Нет, маменька, — возразил Гоголь, — уж где заведется дурной кофе, так его ничем не выживешь!" (припомним, что также не могли часто угодить на Гоголя и у Аксаковых и в других домах, но здесь, дома, он был как-то деликатнее и добрее)»[4].

Вероятно, вместе с Данилевским Гоголь навестил соседку А. Ф. Тимченко («очень любимую Гоголем и прозванную им «сестрицей», хотя они совсем не состояли в родстве»): «Когда в 1848 г. Гоголь вновь посетил когда-то сильно любимую им Александру Федоровну, то, по словам Данилевского, обошелся с ней неприветливо и сухо. — Данилевский сообщал также, что все Тимченко[5] были превосходные хозяйки»[6].

[1] См. ***1848. Июля 22. Четверг. С. Дубровно.***

[2] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.

[3] См. также ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** (примечания).

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 526, 530, 529.

[5] Сестры Тимченко, Олимпиада, Александра, Марина, Ксения и Лукерья Федоровны (см.: *Розсоха Л. О.* Миргородщина козацка і гоголівська. Київ, 2009. С. 102).

[6] Там же. Т. 1. С. 527.

ИЮЛЯ 24. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гул<ял> и дум<ал>: нужно для отдохновения, освежения, даже *<1 нрзб.>*. Дождаться брата и Гоголя. С *<1 нрзб.>* об Апокалипсисе».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

ИЮЛЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву, с вложением письма к К. М. Базили.

Из письма к Шевыреву: «Отвечаю тебе на твое письмецо слабый, едва оправившийся от изнурительной болезни. Сил у меня так немного, что всякая болезнь для меня изнурительна и оставляет надолго след. Понос и рвота, продолжавшиеся дня три или четыре, которые для другого были бы ничего, для меня важная вещь. Три недели уже прошло[2], а я всё еще слаб. Время стоит здесь невыносимо знойное. Дождей ни капли. Жары удушают и несут болезни. Солнце и палящие ветры сожгли землю и весь хлеб. Никто не запомнит такого времени. В Москву не думаю, что выберусь раньше половины августа, тем более, что теперь прекратилось заведение дилижансов (от Харькова до Москвы), и я не знаю еще, как доберусь. Покупать эпипаж затем, чтобы потом бросить и ехать одному, для меня неудобно и дорого. Попутчика покуда никого нет. Приехавши в Москву, я заеду прямо в Дегтярный переулок и, если тебя там еще не будет, то зарасположусь там денька на четы-

ре, если же ты уже переедешь, то отправлюсь к Погодину под Девичий, хотя это будет и далеко от всяких пунктов. Впрочем, теперь останусь я в Москве не более, как неделю. На месяц или на три недели нужно будет съездить в Петербург затем, чтобы после этого подольше пробыть с вами. Найди средство отдать при сем прилагаемое письмо Базили. Я думаю, он уже приехал из Петерб<урга> и, может быть, с тобою увиделся. Человек этот очень замечательн<ый> и умный и знает Восток в политическом, религиозном и всяком отношении[3], как никто. Если его еще нет в Москве, письмо отправь к жене его тем же путем, если только ты нашел его».

Из письма к Базили: «Как жаль, что я хорошенько не расспросил у тебя при расставаньи нашем, как к тебе адресовать. Пишу через Шевырева, авось ты с ним увидишься или с кем-нибудь из знакомых ему, и через них он доберется до тебя и вручит тебе эти строки. Я писал уже этим путем, то есть через Шевырева, к Маргарите Александровне[4]; не знаю, получила ли она или нет. А между тем я получил от нее весьма доброе письмецо[5], за которое прошу тебя поблагодарить от меня много и много. Она меня порадовала известием, что твои дела, слава Богу, идут хорошо... <...> Пожалуйста, уведоми двумя словами о том, каким образом всё устроилось и какой возымело оборот, а вследствие того и какой ныне твой маршрут. Мне бы очень хотелось с тобой повидаться еще раз прежде твоего отъезда. Я противу чаяния прожил в деревне гораздо более, чем думал: холера и всякие болезни вокруг, а наконец и моя собственная болезнь, от которой в силу доселе мог оправиться, задержали мой отъезд. В половине августа думаю, однако ж, подняться в Москву; авось даст Бог в ней увидаться».

Е. В. Гоголь в тот же день, 26 июля 1848 г., записала в дневнике:

«Сегодня гости разъехались. Брат хочет ехать в Сорочинцы. Ужасно тревожное время! Говорят, что видели подозрительного человека в саду, и это навело на меня такой страх. Завтра едем в Будище и в Полтаву, и не знаю, кто останется: все хотят ехать. Мы с братом много гуляли. Я была в веселом расположении духа, но вечером мы поспорили о поездке, и я решила не ехать, за что меня назвали капризной»[6].

[1] См. ***1848. Июля 3. Суббота. Москва, Сокольники.***

[2] Ср. ***1848. Июля 7. Среда. Васильевка***; ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка.***

[3] Гоголь почти дословно повторяет название книги Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1861–1862. Т. 1–2; 2-е изд. 1875). — См. также ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь.***

[4] См. ***1848. Июня 20. Воскресенье. Васильевка.***

[5] См. ***1848. Июня 14. Понедельник. Москва.***

[6] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 171.

ИЮЛЯ 27. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре; в роли Утешительного — М. С. Щепкин.

Гриц. С. 419.

АВГУСТА 8 <ИЮЛЯ 27>. ВТОРНИК. ЛЬВОВ

Поэт и драматург иерей Рудольф Иванович Мох (1816–1892) пишет священнику Я. Ф. Головацкому в Хмелев:

«Най Ти не буде в гнев, же получении Гоголя книги не оставляю Тебе доси, хочу бо так, якесьми дал, раду учинити и из Тараса Бульбы Трагедию улепити, кобы ми ся то удало»[1].

Неизвестно, осуществил ли Р. Мох свое намерение.

[1] *Студинський К.* Корреспонденция Я. Головацького в лїтах 1835–49. Львов, 1909. <Т. 3>. С. 282; *Марков О. О.* Н. В. Гоголь в галицко-русской литературе // Известия Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. 1913. Т. 18. Кн. 2. С. 64.

АВГУСТА 4. СРЕДА. СОКОЛЬНИКИ

С. П. Шевырев отвечает Н. Н. Шереметевой на ее записку (не сохранилась):

«Наше пребывание в Сокольниках причиною тому, что не тотчас я отвечаю на Вашу записку. Об Н. В. Гоголе я имею известие от него более месяца тому назад. Он у матери своей, в Полтавской деревне Васильевке. Обещал было после половины июля здесь быть; но и не едет и не пишет. Не знаю — что с ним. Я отвечал ему[1], но на письмо мое не имею еще от него никакого отголоска. Надеялся от Вас получить об нем известие, но и Вы в неведении[2]. <...> Адрес Н<иколая> В<асильеви>ча: в Полтаву, в дер<евню> Васильевку».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 104.

[1] См. ***1848. Июля 3. Суббота. Москва, Сокольники.***

[2] Спустя некоторое время Шевырев получил от Гоголя письмо из Васильевки от 26 июля 1848 г. (см. ***1848. Июля 26. Понедельник. Васильевка***).

АВГУСТА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК

Н. Н. Шереметева, получив от С. П. Шевырева письмо с адресом Гоголя[1], отправляет писателю новое[2] письмо в Васильевку[3] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1848. Августа 4. Среда. Сокольники.***

[2] Ср. ***1848. Июня 3. Четверг. Москва***; ***1848. Июня 4. Пятница. Москва.***

[3] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. С. Покровское.***

АВГУСТА 10. ВТОРНИК

Д. К. Малиновский пишет Гоголю в Васильевку:

«Жар моей болезненной юности не проходит, временная горячка перешла в помешательство. Я помню, что призывал вас на помощь, помню, что надеялся от вас исцеления, и память эта осталась мне еще до сегодня, хотя нет более прежней надежды. Доказательством того, что я часто призывал вас, могут служить пятнадцать листов длинного письма, которое я писал все лето и не мог дописать. Послал бы я вам их, но они писаны не на почтовой бумаге[1]; я думал, что могу не только кончить мое письмо, но и переписать его. Прошу вас, не взыщите с меня за то, что это письмо пишу к вам прямо начисто: и ему не дойти бы до вас, если б я вздумал как следует быть аккуратным. <...>

Лето я провел и провожаю в чужом доме. Два раза я ездил в Москву по болезни брата, который наконец и умер. Половину денег за уроки я проездил, другая половина не знаю куда разошлась, долг не убавился, если еще не прибавился, менее чем через месяц надо отправляться на экзамен, который я в мае не кончал, к которому готовиться еще не начинал. Дня три назад я приехал из Москвы и привез с собою мать и остального брата, которых поместил в соседней деревне. Бегаю теперь от них к себе, от себя к ним, чувствую, что я болен, чувствую, что я нужен, и собираю по дороге тер-

пение, которое дорого достается. Божий слуга я дурной, делаю гораздо больше зла, нежели добра, голова для благочестивых размышлений ослабела, сердце для теплых излияний очерствело, нужно служить *жизни*, житию, мамону... что же прикажете мне делать? И мамону служу я без надежды, и молюсь по вечерам без теплоты — а доживать надо.

Поэзия, поэзия... да: может быть, это достояние, темная поэзия, мне еще остается; но <...> поэзия <...> денег <...> мне не даст. <...> ...Я *жертва* семейства, или обстоятельств, или чего-нибудь другого. Я жертва, а жертве подобает смирение, т. е. молчание, я и молчу. В свободные минуты занимаюсь поэзией и таким образом... Таким образом я жду, когда расклеится мой организм.

Если вам угодно будет сказать мне о каком-нибудь высшем назначении, я скажу вам, что для меня все назначения равны под одним итогом *прожить свою жизнь*. След<овательно>, о назначении какого-нибудь человека можно судить тогда только, когда он умрет. <...>

...Напишите ко мне несколько строк, чем скорее, тем лучше. <...> Может быть я от смерти далек, может быть мне нужно *еще* исправиться: соблаговолите в таком случае написать, что почтете нужным. Сам я ничего не знаю и мало что понимаю. Если вам угодно писать ко мне, то пишите, сделайте великое одолжение, прямо: Дмитрию Константиновичу Малиновскому в Москву, на Пречистенку, в приход Афанасия и Кирилла, в Нащекинский переулок, в собственный дом. Нужды нет, если адрес будет длиннее письма, вы все-таки меня много обяжете. Чрез Степана Петровича[2] письмо ко мне долго не дойдет, да я не желал бы и быть у него с своим *вечно* печальным лицом».

[1] См. также ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (примечания).

[2] Шевырев.

АВГУСТА 13. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь отмечает в дневнике:

«Брат, Аннета и я ездили в Будище на обед, а после в Диканьке молебен к отъезду брата, потом в Полтаву к Скалон: она квартирует в доме Яновской. Прелестный вид оттуда. В Полтаве боятся пожаров: везде сторожа, кадки с водой на крышах».

Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод*. Т. 1. С. 172.

АВГУСТА 13. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет в Васильевку ответ на майское[1] письмо Гоголя:

«Что ты запал? Здоров ли? <...> Холера у нас свирепствовала. <...> Дядю схоронил. На улицах нельзя было показаться, чтоб не встретить дроги, траур, можжевель. Болезнь прошла почти, но неутешительны известия о жатве, о пожарах и проч. Знамение по местам[2]! А в Европе-то что делается[3]! У меня было одно убежище и утешение — "История"[4]! Работаю пристально и надеюсь скоро кончить приготовление к печати томов 4, 5 и 6 исследования — до татар. Эти шесть томов — фундамент, собственно, и истории, в коей не будет уже никакого исследования, рассуждения, толкования, а один рассказ. Рад, что тебе понравился отрывок. Не читал ли ты прежний — "Святослава", помещен<ного> в 1847 году[5]? Тот в другом роде. Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в "Ревизоре" и "Мертвых душах" об объективности действующих лиц, обязана моя "История" много»[6].

[1] См. ***1848. Мая 12. Среда. Васильевка, Полтава, Васильевка***.

[2] Лк. 21, 11.

[3] Имеются в виду революционные события 1848 г.

[4] Имеются в виду «Исследования, замечания и лекции о русской истории». Первые три тома (из семи) этого труда Погодин издал в 1846 г. Четвертый том вышел в 1850 г.

[5] См. ***1847. Ноября 5 <17>. Среда. Москва.***

[6] См. также ***1833. Конец года. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 5. Пятница. Крещенский сочельник. Москва.***

АВГУСТА 17. ВТОРНИК. ПОЛТАВА

Полтавский гражданский губернатор Н. И. Ознобишин выписал Гоголю свидетельство на проезд в Петербург и Москву:

«Дано сие Дворянину Полтавской Губернии Миргородского уезда Чиновнику 8 класса[1] Николаю Васильевичу *Гоголю* в том, что на проезд его в города С. Петербург[2] и Москву[3] по собственным делам препятствий никаких нет, в чем подписом с приложением герба моею печати свидетельствую 1848 года Августа 17 дня».

Разрешение на проезд в Санкт-Петербург и Москву, выданное Гоголю в Полтаве 17 августа 1848 г. // *Свод.* Т. 3. С. 640.

[1] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] 20 июня 1848 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Я думал было приехать напрямик в Петербург и потому не писал к тебе, но дело поворотилось не так; мне придется еще с месяц прожить в деревне, потом в Москву. В конце августа только надеюсь заглянуть в Петербург».

[3] По пути в Петербург Гоголь останавливался проездом в Москве с 7–8 по 12–13 сентября 1848 г. (см. ***1848. Сентября 7–8. Вторник-среда. Москва***; ***1848. Сентября 12. Воскресенье. С. Покровское***).

АВГУСТА 18. СРЕДА. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Из новых повестей “Современника” ни одной нет, которая бы стоила перевода. Конечно, повесть “Кто виноват?” Искандера читается с интересом; но этот интерес лихорадочный, а не натуральный. Впрочем, я могу заблуждаться. Может быть, ныне только и требуется от автора, чтобы он читался, а о другом никто не заботится. Не лучше ли действительно дать Эману[1] повести Гоголя? Для меня “Портрет” его уж важнее всех современностей. Павлов тоже вычурен и ложен».

Свод. Т. 1. С. 698.

[1] Речь идет о Викторе Эмануаме, переводчике А. С. Пушкина, пожелавшем перевести на шведский язык современное произведение русской литературы.

АВГУСТА 18. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Гриц.* С. 419.

АВГУСТА 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь записывает:

«Сегодня брат хотел уехать, но слава Богу, отсрочил еще до понедельника. Вчера мы все плакали. Тоска ужасная! Как я его сильно люблю, хотя часто и неприятности делает, но все же я его люблю, как отца: он много для нас сделал. Брат уже уложился и принес нам много вещей»[1].

Незадолго до отъезда Гоголь составил для матери и сестер инструкцию «Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849»[2]. К этому расписанию Гоголь приложил нарисованный им план[3].

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «Гоголь, в свои приезды домой, подсаживал лесные деревья в саду, где только находил для них место; наконец избрал для себя более просторное поприще за прудами, где уже существовало несколько куп молодых деревьев, и намерен был развести здесь такой же неправильный сад, как и возле дома, по сю сторону прудов. Отчасти он уже исполнил свое предприятие. Что предположено им было вперед, видно из плана, набросанного им на листке при инструкции, которую он оставил сестрам, уезжая в последний раз из дому. (См. в приложениях "Распределение садовых работ"[4].) По всему видно, что он имел в виду прежде всего богатую растительность и старался размещать деревья по свойствам и высоте почвы, оставляя природе красоту групп, промежутков и склонов к воде. Здесь, за прудами, должно быть особенно весело весною, когда большие луговые поляны между насаждений превратятся в зеленые ковры, когда высокоствольные деревья над водою заговорят голосами птиц, а поля, видные в перспективе за извилинами прудов, засияют на солнце молодыми посевами»[5].

[1] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 172.

[2] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 561–563. – См. также ***1848. Сентября около 2–3. Сварково***; ***1848. Декабря 10. Пятница. Москва***; ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва***; ***1849. Ноября средина. Москва***; ***1850. Марта первая половина. Москва***; ***1850. Апреля средина. Москва***; ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка.***

[3] См. в изд.: «В лета моей юности...» Н. В. Гоголь на Полтавщине: Фотоальбом. М., 1991. С. 269. – См. также сообщение В. А. Гиляровского 1902 г. о вещах, хранившихся у Н. В. Быкова: «Тетрадка с заглавием: распределение садовых работ на осень 1848 и весну 1849 года. Тетрадка эта, написанная Гоголем, заканчивается его же рисунком той части Яновщины, которая теперь принадлежит Н. В. Быкову. Помечены, где и какие насажены и есть деревья, намечена дорожка и теперь пересекающая сад неправильными линиями, налево написано: Большой луг. Теперь это место, где стоит дом и усадьба Н. В. Быкова» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 355).

[4] Заметка Гоголя «Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849» была опубликована Кулишом в приложении к «Запискам о жизни Н. В. Гоголя...»

[5] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 40–41.

МЕЖДУ ИЮНЯ 3[1] И АВГУСТА 24. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет в Москву письмо к Н. Ф. Павлову по поводу его критических статей о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[2]:

«Я читал со вниманием и несколько раз ваши письма, напечатанные в "Москов<ских> Ведом<остях>". Возвратившись в Россию, я перечел их еще раз, над многим задумался. Многое отыскал в себе такое, чего не подозревал. <...> Но при всем том, победя гордость и самоуверенность, и теперь, как и прежде, должен сказать, что много<е> вы приняли не в том виде, многому приписали такой грубый смысл, что поныне стонут мои нервы и сердце содрогается. Когда я пробежал сам свою книгу по возвращении, я был испуган ею, не мыслями и не идеею, но той чудовищностью и тем излишеством, с которым много<е> было выражено и которая, точно, представила в другом виде мои мысли многим и приписала многому такие цели и такие виды, от которых должно содрогнуться сердце благородного человека. Есть какой-то дар преувеличения, есть какое-то неспокойствие в нашем времени. Головы всех не на месте. Может быть, от этого самого и истина ищется более, чем прежде. Это переходное состояние, в котором находится настоящая эпоха, совершается и в каждом, человеке, особливо в том, который идет вперед. Со мною было то же от переходного

моего состояния. Бог знает, может быть, оно продолжается, и его памятником моя книга. В продолжение многих лет <...> я стал следовать за душою человеческою и отдал себя всего этому исследованию с тех пор, как сам заболел душою. И вообразил я себе, что я достигнул высших степеней и открыл вещь неизвестную... <...> Возле меня не было в это время такого друга, который бы мог остановить меня; но я думаю, если бы даже в то время был около меня наиближайший друг, я бы не послушался. Я так был уверен, что я стал на верхушке своего развития и вижу здраво вещи. Я не показал даже некоторых писем Жуковскому, который мог мне сделать возражение [так я торопился с этой опрометчивой книгой, точно как бы какая-то сила меня толкала]. Не знаю я, винить ли меня, если это состояние невольное, если оно объемлет всех. Взгляните пристально, и вы заметите это состояние у всех, которые стоят впереди, и между тем всякий уверен, что он уже выбрался из этого состояния...»

[1] Возможно, письмо к Павлову было написано после получения из Москвы письма о «Выбранных местах из переписки с друзьями» К. С. Аксакова, где Гоголь сообщал, что до этого о книге своей он «уже не полагал услышать что-либо по возврате <...> на родину»: «Я думал, что о ней уже все толки кончились и она предана забвению» (см. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***).

[2] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***. – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***.

АВГУСТА СРЕДИНА – АВГУСТА 24. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА, ВОРОНЯНЩИНА, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь с матерью и сестрами ездил на свадьбу Цуревской (Цуревские жили «за полверсты»[1] от Васильевки, близ хутора Воронянщина[2]). Подарил переданные ему П. В. Нащокиным[3] часы А. С. Пушкина младшей сестре Ольге.

Ольга Васильевна вспоминала: «У Цуревской дочь выходила замуж. Мы и брат ездили на свадьбу. Там брат поскучал, хотел раньше уехать, но его упросили остаться поужинать. После ужина брат сказал мне: поедем домой. А прочие еще остались. Итак, мы вдвоем приехали домой; он заставил меня играть малороссийские песни, в особенности ему нравилось “Ой, на двори метелиця”[4]. При этом тупал ногой и напевал; и прочие песни играла, тоже напевал. Потом наши приехали, тогда разошлися спать. Брат заметил, что я не люблю подарки; как видно, ему хотелось что-нибудь дать мне, поэтому давал мне прятать клеенчатую тальму, говорил: можешь надевать от дождя, – и складной аршин. Потом дает часы и говорит: “Спрячь, это память Пушкина. На таком часе и минуте остановились, когда его не стало”.

Я для того старалась ему показать, что не люблю подарков, чтобы он видел, что я не из интереса была расположена к нему.

Когда поспел терн, я сказала брату: какая великолепная наливка из терну.

– Как бы сделать?

– Налить можно, но не скоро поспеет.

– Так сделаем скороспелку.

Велел принести новый горшок, положил полный горшок терна, потом налил водку, накрыл ее, замазал тестом, велел поставить в печь, в такую, как хлеб сажают. На другой день вынули, поставили, пока простыло. Вечером открыли: цвет великолепный, и на вкус ему очень понравилось. Он поналивал в бутылки и с собой взял. А в сентябре[5] он уехал»[6].

В. А. Чаговец к рассказу Ольги Васильевны о том, как брат подарил ей часы Пушкина, сделал примечание: «Здесь мы находим подтверждение истории о часах Пушкина, этой интересной реликвии, объединяющей три имени: Пушкина, Жуковского и Гоголя. Напомним обстоятельства, при которых эти часы очутились у Гоголя.

Вскоре после смерти Пушкина Жуковский приехал во Франкфурт, где находился также Гоголь. В кабинете, разговаривая, Гоголь обратил внимание на “новые” часы Жуковского, висевшие на стене.

– Чьи это часы? – спросил он.

– Мои, – ответил Ж<уковский>.

— Ах, часы Жуковского! — в таком случае я никогда с ними не расстанусь! — сказал Г<оголь> и с этими словами, — пишет Кулиш, — положил часы в карман, и Жуковский должен был отказаться от своей собственности.

Зная, как велика была любовь Гоголя к Пушкину, зная, как глубоко был он потрясен смертью поэта, Жуковский отказался от этой реликвии, на которой стрелки показывали момент смерти Пушкина. Впоследствии Гоголь передал эти часы на хранение Ольге Васильевне Г<оголь>, сообщив ей их историю и их значение, как память о Пушкине.

Если часы теперь показывают иное время, то это оттого, что, вероятно, кто-нибудь пытался из заводить. Во всяком случае, мы помещаем снимок с этой реликвии в числе других, столь же или даже менее интересных»[7]. «Это небольшие открытые, с платиновым циферблатом и длинной золотой цепочкой, золотые часы... <...> С этими часами Гоголь <...> никогда не расставался»[8].

Рассказывая историю часов, Чаговец обращался к свидетельству П. А. Кулиша 1854 г., вероятно, со слов графа А. К. Толстого: «Когда Жуковский жил во Франкфурте-на-Майне, Гоголь прогостил у него довольно долго. Однажды, — это было в присутствии графа А. К. Т<олстого>, — Гоголь пришел в кабинет Жуковского и, разговаривая со своим другом, обратил внимание на карманные часы с золотой цепочкой, висевшие на стене.

— Чьи это часы? — спросил он.

— Мои, — отвечал Жуковский.

— Ах, часы Жуковского! Никогда с ними не расстанусь!

С этими словами Гоголь надел цепочку на шею, положил часы в карман, и Жуковский, восхищаясь его проказливостью, должен был отказаться от своей собственности»[9].

Между тем это свидетельство вызывает сомнение. У Гоголя действительно были часы, принадлежавшие А. С. Пушкину, но они были подарены ему не В. А. Жуковским, а П. В. Нащокиным[10]. По-видимому, ошибочно разъяснение, сделанное в 1902 г. В. А. Гиляровским в его книге «На родине Гоголя»: «На 29 странице, в сведении о часах Гоголя было напечатано, как и во всех других журналах и газетах, что часы Гоголя, подаренные ему Жуковским, были взяты у Пушкина 22-го февраля; по разъяснению сына поэта, Александра Александровича Пушкина, оказывается, что часы А. С. Пушкина никогда не были ни у Жуковского, ни у Гоголя, а находились у детей поэта и были у них похищены в 1854 году»[11]. Заметку об этом — «Часы Гоголя» — В. А. Гиляровский напечатал также в газете «Русское Слово»: «Во всех иллюстрированных журналах появилось изображение часов Гоголя, с пометкою, что часы эти были подарены Гоголю на память В. А. Жуковским, взявшим их после смерти А. С. Пушкина, которому они принадлежали, и что стрелки часов остановлены в момент кончины Пушкина. В действительности же оказывается, что часы Гоголя, снимки с которых печатаются, никогда Пушкину не принадлежали. В настоящее время они находятся у Н. В. Быкова, и вчера, будучи у меня, он мне рассказал, что легенда о том, будто бы часы принадлежали А. С. Пушкину, не имеет никакого основания, и что это может подтвердить также сын поэта, А. А. Пушкин. — Вчера же я посетил А. А. Пушкина и удостоверился в факте сообщенного мне Н. В. Быковым. Александр Александрович передал мне, что часы его отца, по разделу имущества, достались его брату <Г. А. Пушкину>, когда оба они служили еще молодыми офицерами в лейб-гвардии конном полку, и были у него украдены. "С точностью могу вам даже сказать месяц и год, когда это произошло, — прибавил А<лександр> А<лександрович>, — в 1854 году наш полк стоял в Стрельне перед выходом в Польшу, для замены войск, отправившихся на войну. Это было в июле месяце. Мы жили с братом на одной квартире. Брат был дежурным по полку, а я уехал к матушке. Вернувшись вечером, мы нашли разгром квартиры: часы отца, оставленные братом на столике у кровати, исчезли; моя шкатулка, также принадлежавшая нашему отцу, оказалась взломанной и из нее были похищены мои небольшие деньги. Мы даже знали, что кражу совершил один из прислуги соседей, но росысков не было никогда, так как на другой день мы выступили в поход. Часы отца так и пропали!.."»[12]

[1] См. ***1839. Декабря 29. Пятница. Москва.***

[2] *Розсоха Л. О.* Миргородщина козацка і гоголівська. Київ, 2009. С. 105.

[3] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1844. В течение года. Москва.***

[4] См. также ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***; ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка***; ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва.***

[5] 24 августа 1848 г.

[6] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 210–211. — См. также: «ПОЛТАВА, 4 марта (ТАСС). Проживающая ныне в Полтаве племянница Гоголя 65-летняя старуха Мария Александровна Быкова <рожд. Пушкина> передала недавно полтавскому государственному музею ряд вещей, принадлежавших писателю. В числе этих вещей находятся часы Пушкина, подаренные Гоголю Жуковским (на самом деле П. В. Нащокиным. — *И. В.*), заграничный паспорт, конторка, на которой Гоголь писал "Мертвые

души", икона, цилиндр, портрет Гоголя работы художника Моллера, альбомы с собственноручными рисунками Гоголя, письма Гоголя к матери и сестрам и пр. Все эти предметы хранятся в открытой при музее комнате Гоголя» (Там где учился и жил Гоголь // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм<ейских> Депутатов. 1927. 5 марта. № 53 (2987). С. 4). В 1980 г. 93-летняя С. Н. Данилевская (рожд. Быкова) вспоминала: «В 1919 г. мы с моей мамой, Марией Александровной Пушкиной <в замужестве Быковой>, внучкой поэта, по рекомендации писателя Короленко передали весь архив семьи Николая Васильевича в Полтавский народный музей. Но почти все эти бесценные реликвии были разграблены фашистами в 1943 году» (*Смирнова Р. А.* <Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)> // *Свод*. Т. 3. С. 968).

[7] *Свод*. Т. 1. С. 211.

[8] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 228–229.

[9] Воспоминания графа А. К. Толстого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 396.

[10] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1844. В течение года. Москва.***

[11] *Гиляровский В. А.* На родине Гоголя. (Из поездки по Украйне). М., 1902 (цензурное разрешение 20 февр.). С. 64.

[12] *Гиляровский Вл.* Часы Гоголя // Русское Слово. 1902. 24 февр. (9-го марта). № 54. С. 2.

АВГУСТА 24 И 25. ВТОРНИК И СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА, СОРОЧИНЦЫ

24 августа Гоголь выехал из Васильевки в Москву. До Сорочинец, где его ждал А. С. Данилевский, Гоголя провожали мать, Мария Ивановна, и сестры, Анна и Елисавета. При прощании с сестрами Гоголь обещал заказать для них в Москве корсеты и черные шелковые платья[1]. На следующий день вместе с Данилевским отправился в его имение.

Из дневника Е. В. Гоголь: «Мы встали очень рано. Грустный день: брат уезжает! Я пошла к нему и помогла ему укладываться. В 8 часов пошли в церковь слушать молебен; поехали в Сорочинцы в двух экипажах: полдороги Аннета с братом, а потом я с ним. Здесь я просила его остаться до завтра. Я встала рано и пошла к нему, и он меня обнял и крепко поцеловал. В 9 часов мы распрощались... Ах, как грустно!.. Он уезжал с Данилевскими в их деревню и оттуда в Москву. Все плакали, — у Трахимовских даже дети»[2].

[1] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва***; ***1848. Октября 13. Среда. Москва***; ***1848. Ноября 1. Понедельник. Москва***; ***1848. Декабря 10. Пятница. Москва***; ***1848. Декабря конец. Васильевка.***

[2] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод*. Т. 1. С. 172. — «Один из числа этих сыновей Трахимовских <Н. А. Трахимовский> впоследствии составил прекрасный очерк "Марья Ивановна Гоголь", напечатанный в июльской книге "Русской Старины" за 1888 г., VII, 25–48» (примеч. В. И. Шенрока). — См. ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** (примечания).

АВГУСТА 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт (письмо получено в Бадене):

«Письмо ваше к Гоголю[1] произвело сильное впечатление и, что мне особенно приятно, на молодежь. Это новое данное вами начало для будущей русской эстетики, которая должна быть построена на христианском основании. <...>

Первой статьи вашей — письма к Гоголю — оттиснуто у меня несколько отдельных экземпляров. Я хотел доставить их вам, но каким путем, не знаю. Из письма вашего вижу, что вы и Москвитянина не получаете, а между тем Погодин заботился о том, чтобы к вам пересылали его. <...>

Гоголя до сих пор нет в Москве. Я жду его всякий день. До сих пор он живет в своей Полтавской деревне. Был болен, но писал ко мне по выздоровлении и собирался все ехать».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 104.

[1] «О поэте и современном его значении». — См. ***1848. Марта 7 <февраля 24>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

АВГУСТА КОНЕЦ, НЕ ПОЗДНЕЕ 30. СЕМЕРЕНЬКИ ИЛИ ТОЛСТОЕ

Гоголь по пути в Москву выехал вместе с А. С. Данилевским из его имения в село Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии.

См. ***1848. Августа 30. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии.***

АВГУСТА 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО, ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО, БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО — СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 3–4. С. СВАРКОВО ГЛУХОВСКОГО УЕЗДА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гоголь с А. С. Данилевским гостят пять-шесть дней у дяди жены Данилевского, Ульяны Григорьевны, А-ра Мих. Марковича, по его приглашению[1]. Вероятно, здесь Гоголь познакомился с М. Г. и В. Г. Похвисневыми[2], сестрами У. Г. Данилевской.

В. И. Шенрок, общавшийся с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «В конце августа он погостил немного у своего знакомого и приятеля А. М. Марковича в имении последнего Сваркове. А. С. Данилевский рассказывал по этому поводу следующее: “В 1848 г. мы приезжали летом лечиться в Псле. В двадцатых числах августа приехал к нам и Гоголь. Потом в нашем экипаже поехали мы в черниговскую губернию в село Сварков, имение дяди. Мы приехали прямо ко дню его именин (30 августа). Было много гостей, и Гоголь был страшно не в духе. Ему очень полюбился дядя Ульяны Григорьевны (А. М. Маркович. — *Примеч. В. И. Шенрока.* — *И. В.*). Он провел у него несколько дней и, наконец, простился с ним. Ему нужно было ехать от Глухова в Москву, и он взял у дяди Ульяны Григорьевны тарантас, а у меня моего человека, повара Прокофия, который ему очень нравился. Гоголь взял Прокофия с тем, чтобы возвратить тарантас и бричку. Этот Прокофий потом явился, когда потеряли уж надежду. Гоголь бывал потом у Марковича в Москве. Он занимал целый дом в Леонтьевском переулке, в доме Гагарина, au fond de la cour <в глубине двора; *фр.*>”»[3].

[1] См. ***1848. Июня около 8. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии; 1848. Июня 15. Вторник. Киев.***

[2] См. ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел.***

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о последних днях жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 526–527.

СЕНТЯБРЯ 1. СРЕДА. СВАРКОВО

Гоголь отправляет в Петербург ответ на июльское[1] письмо П. А. Плетнева:

«Деньги, 150 р<ублей> серебром, получил исправно. Здоровье мое, слава Богу, немного получше; выезжаю на днях, затем, чтобы пораньше приехать в Москву и оттуда иметь возможность заглянуть в Петербург. Поздно осенью и во время холодов ехать мне невозможно. Не согреваюсь в дороге вовсе, несмотря ни на какие шубы. После 15 сентября[2] или около того, может быть, обниму тебя. Поговорить нам придется о многом».

[1] См. ***1848. Июля 19. Понедельник. Спасская мыза.***
[2] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 2–3. СВАРКОВО

Гоголь отправляет в Васильевку письмо к старшей сестре Анне:

«Пишу к тебе слова два из Сваркова, куда прибыл благополучно. Завтра отсюда выезжаю весьма покойно в Орел, в экипаже А. М. Марковича, а оттуда в Москву, с дилижансом, о чем ты можешь известить матушку. Когда приедет кочубейский лесовод, не позабудь спросить у него, когда именно он будет садить желуди у Кочубея[1], и об этом меня уведоми, равно как и о том, как ты расправляешься с работами в саду[2], о чем, как ты сама знаешь, мне беседовать всегда приятно...»

[1] Князь Василий Викторович Кочубей (1812–1850), имение которого Диканька граничило с Яворивщиной, принадлежавшей Гоголям.
[2] Перед отъездом из Васильевки Гоголь составил для матери и сестер инструкцию «Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849» (см. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка*** – примечания). – См. также ***1848. Декабря 10. Пятница. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОРЕЛ

Гоголь пишет А. С. Данилевскому в Сварково:

«Добрался я до Орла благополучно. Но здесь, к величайшему моему изумленью, дилижанса не нашел. Они уничтожены так же, как и в Харькове. Как жалею теперь, что не взял из дому человека[1]! [Отправляюсь один на перекладных] Уже хотел отправляться один на так называемых вольных и на перекладных, но раздумал, вспомня хворость свою и недостаточную храбрость, и решился нахальным образом взять у тебя человека, а у добрейшего Александра Михайловича[2] бричку до Москвы. В Москве же нанимаю надежного извозчика[3], который отвезет к вам и Прокофия[4] и бричку в исправности. Разница будет в лишней неделе. <...> Обними за меня Ульяну Григорьевну[5] и передай душевный мой поклон ее милым сестрицам[6]. Александру Миха<й>ловичу засвидетельствуй мою и признательность и любовь. Не забывай и пиши. Еще раз выставляю тебе адрес: его высокородию Степану Петр<овичу> Шевыреву, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме. <...> Это письмо тебе вручит извозчик мой Захар Москаренко, которому ты вручи за меня 1 целковый, за который я тебе пришлю из Москвы фунт конфект. Дай извозчику еще один целковый».

[1] Судя по этим словам, мальчика-слугу С. Григорьева Гоголь привез в Москву только в 1851 г. (см. ***1851. Мая 23–30. С. Власовка Константиноградского уезда Полтавской губернии***).
[2] Маркович.
[3] Гоголь нанял Ф. Ильина (см. ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург***).
[4] Повар А. С. Данилевского.
[5] Жена Данилевского (рожд. Похвиснева).

[6] Мария и Варвара Григорьевны Похвисневы, племянницы и воспитанницы А. М. Марковича (см. ***1848. Августа 30. Понедельник. День памяти святителя Александра, патриарха Константинопольского, преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского — сентября около 3–4. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии***).

СЕНТЯБРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.
[2] *Гриц*. С. 420.

СЕНТЯБРЯ 7–8. ВТОРНИК-СРЕДА. МОСКВА

Гоголь приехал в Москву после шести с лишним лет отсутствия; остановился у М. П. Погодина. Вскоре по приезде навестил С. П. Шевырева[1] на даче в Сокольниках; заходил к К. О. Россету (не застал его дома)[2].

Позднее, 1 октября 1848 г., Шевырев сообщал Н. Н. Шереметевой: «Н<иколай> В<асильевич> наружностью не переменился нисколько. Здоровье его хорошо. Боится зимнего холода. Слово его такое же, как было прежде. Собирается здесь работать».

В первой половине декабря 1853 г. С. Т. Аксаков сообщал П. А. Кулишу: «Г<оголь> воротился в сентябре 1848»[3].

«День приезда <Гоголя> в Москву <в 1848 г.> можно уточнить. Дело в том, что И. С. Аксаков в том же 1848 г., всего через три недели после Гоголя, ехал по дороге между Орлом и Москвой, только в обратном направлении — из Москвы в Орел, и в письме к С. Т. Аксакову дал сведения о времени езды: "Тихо еду, — писал он, — почти двое суток в дороге и сделал всего 330 верст". Он выехал в пятницу (29 октября) и в воскресенье приехал в Орел. Дата письма: "Воскресенье 31 октября. Орел 8 час. веч<ера>" ("И. С. Аксаков в своих письмах", М., 1898, т. II, стр. 7). Очевидно, и Гоголь эти 330 верст проехал также в два дня. Гоголь был в Орле 5 сентября. Можно с большой долей вероятности принять *7 сентября* 1848 г. как дату его приезда в Москву после шестилетнего отсутствия»[4].

[1] См. ***1848. Июля 3. Суббота. Москва, Сокольники***; ***1848. Июля 26. Понедельник. Васильевка***.
[2] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва***.
[3] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634.
[4] *Смирнова-Чикина Е. С.* К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. 1966. Т. 25. Серия литературы и языка. Вып. 2. С. 135.

СЕНТЯБРЯ 9. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь с М. С. Щепкиным посетил Аксаковых, провел у них несколько часов и обещал К. С. Аксакову приехать в Радонежье (Абрамцево)[1].

Вероятно, на следующий день В. С. Аксакова сообщала брату Ивану: «Вчера во время чтения Гомера раздается неожиданно для нас голос Елены Антоновны, потом пришел дядя[2] и Гоголь. <...> Гоголь был так доволен описанием болота[3]; говорит, вообще нельзя ни вставить, ни выпустить ни одного слова»[4].

Позднее, 30 сентября 1848 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской о Гоголе: «Он был в Москве, мы его видели, он мало наружно переменился, но кажется как будто не тот Гоголь. Константин в минуту свидания забыл все и задушил было его обнимая»[5].

13 октября 1848 г. В. С. Аксакова вновь сообщала М. Г. Карташевской: «Ты меня спрашиваешь о Гоголе, Иван[6] тебе может передать подробно наше свидание. Примирение произошло еще на письмах; все ему обрадовались [чрезвычайно], и отношения остались по-прежнему дружеские, но [мне все] казалось, что это не тот Гоголь»[7].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также писала: «6 лет он пробыл за границей, в начале 1848 году он воротился в Малороссию, в конце августа[8] приехал в Москву. Я была больна в Москве, и маменька и Константин случайно были в это время также в Москве. С тем же Щепкиным пришел он к нам. Мы обрадовались чрезвычайно, Гоголь был как-то смущен»[9].

К. С. Аксаков, возможно, в тот же день, 9 сентября 1848 г., напомнил Гоголю об оставленных ему при отъезде за границу в 1842 г. рукописях, на что Гоголь «махнул рукой и сказал, что они ему не нужны»[10].

Спустя несколько дней, около 16 сентября 1848 г., К. С. Аксаков писал в Петербург А. Н. Попову: «Вы, верно, уже видели Гоголя. Мы получили от него несколько писем из Полтавы[11], которые, как мне кажется, отличаются много от его иностранных писем. Все это иначе уже расположило меня к нему. Я видел его в Москве почти совершенно неожиданно и обрадовался ему очень. Кроме того, что уже расположенный к нему встречал я его, — я помнил тут, что не видел его 6 с лишком лет, и потому обнял всею крепостию своего объятия. Проведши с ним несколько часов, я на другой день уехал в деревню[12]. Гоголь показался мне как-то смущенным, не знающим еще, как ему стать, робким даже, что поневоле останавливает всякое сильное слово. Мне, однако же, казалось, да и теперь кажется, что итальянская дурь у него прошла. Мне кажется, что, наконец, посещение Обетованной земли много изменило его, ко благу, разумеется. Но если он прежний Гоголь, написавший свою несчастную книгу[13], полную лжи в искренности и гордости в смирении, то поневоле станешь с ним в прежние далекие отношения, которые образовались после его книги. Довольно о нем»[14].

16 сентября 1848 г., К. С. Аксаков сообщал также брату Григорию: «Сюда приехал Гоголь; я был в то время в Москве. Его письма к отесеньке и ко мне были совсем не то, что прежние, то есть гораздо лучше, да и, увидев его, я помнил только то, что шесть лет с лишком не видел его. Поэтому крепко его обнял, так что он долго после этого кряхтел. Он как будто смущен, уступает и еще не знает, как ему быть; неуверенность видна в нем. Так я заметил»[15].

[1] См. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва.***

[2] А. Т. Аксаков.

[3] Имеется в виду глава из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 868. — Датировка письма уточнена.

[5] Там же. Т. 2. С. 868.

[6] К тому времени И. С. Аксаков был уже в Петербурге.

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 869.

[8] 7 сентября 1848 г. (см. ***1848. Сентября 7. Вторник. Москва***).

[9] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[10] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[11] См. ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***; ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***. — См. также ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва.***

[12] Вероятно, вместе с отцом, С. Т. Аксаковым (см. ***1848. Сентября 10. Пятница. Москва***).

[13] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[14] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 797.

[15] Там же.

СЕНТЯБРЯ 10. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Вероятно, в этот день В. С. Аксакова сообщала брату Ивану в Радонежье (Абрамцево):

«Сегодня опять помешали нам докончить последнюю главу "Илиады". Теперь отесенька играет в карты наверху с Загоскиным, Томашевским и дядей[1]. <...> Николай Васильевич[2] едет в Петербург послезавтра»[3].

В тот же день К. С. Аксаков, вероятно, вместе с отцом, уехали в Радонежье (Абрамцево)[4].

[1] А. Т. Аксаков.
[2] Гоголь.
[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 868. — Датировка письма уточнена.
[4] См. ***1848. Сентября 9. Четверг. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 11. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь был у О. Сем. Аксаковой с извинениями, что не может ехать в Радонежье (Абрамцево) к С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым.

В тот же день В. С. Аксакова писала отцу, С. Т. Аксакову: «После обеда пришел Мамонов[1] и нарисовал Гоголя удивительно похоже, без всякой карикатуры. Тут вскоре явился и сам Гоголь с сожалением и извинением, что не мог к Вам ехать: он завтра уже едет в Петербург, а в первых числах октября воротится с тем, чтобы провести зиму в Москве. Маменька сказала ему: "Я предчувствовала, что вы не соберетесь ехать к нам в деревню". "Да я и сам это издали предчувствовал, когда обещал Константину Сергеевичу, к тому же не знал, что 60 верст". В этот раз он был как-то развязнее, веселее и опять стал в прежние отношения. Расспрашивал об вас; попросил дать ему стихи Ивана, чтоб прочесть хоть две странички; прочел и чрезвычайно хвалил. Говорит, что все дары ему даны, прекрасный стих, тонкая наблюдательность и т. д., теперь будет только зависеть от него, как он воспользуется жизнью — он так умеет *заподмечать* природу. Заметил только, что не слишком ли Иван увлекается картинами и не слишком ли много они возьмут места в ущерб самому бродяге[2]. Впрочем, прибавил, что не может судить, потому что не прочел всего сряду.— Говорил о статьях Константина, хвалил очень и слог драмы и статьи, — особенно маленькую».

Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году», а также о трех его критических статьях в «Московском Литературном и Ученом Сборнике» на 1847 г.[3] Самой «маленькой» из этих статей была рецензия на сборник графа В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня», содержащая беспощадный разбор помещенной в книге псевдонародной повести князя В. Ф. Одоевского «Сиротинка»[4].

В последней из трех рецензий — по поводу повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди», напечатанной в «Петербургском сборнике» Н. А. Некрасова, — Аксаков замечал: «Вся повесть написана решительно под влиянием Гоголя... <...> Укажем на Диккенса, разумеется, не думая нисколько сравнивать его с Г. Достоевским; у Диккенса именно художественны отдельные места, которыми он напоминает Гоголя[5], тогда как целое, по большей части, у него искусственно. В повести Г. Достоевского очень хороши некоторые черты... <...> Между тем вышел 2-й № Отеч<ественных> Зап<исок> за 1846 г. и в нем помещена другая повесть Г. Достоевского. <...> Эта повесть называется: *Двойник*; <...> В этой повести видим мы уже не влияние Гоголя, а подражание ему... <...> В ней Г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя, подражаст часто до такой степени, что это выходит уже не подражание, а заимствование. — Мы даже просто не понимаем, как могла явиться эта повесть. Вся Россия знает Гоголя, знает его чуть не наизусть; и тут, перед лицом всех, Г. Достоевский переиначивает и целиком повторяет фразы Гоголя. Разумеется, это только одни фразы, лишенные самой жизни; это одно голое подражание внешности великих произведений Гоголя. <...> Неужто же Г. Достоевский думает, что схватя эти чужие приемы, он схватил сколько-нибудь чужое поэтическое достоинство?»[6]

По поводу заключительной статьи «Петербургского сборника» — «Мыслей и заметок о русской литературе» В. Г. Белинского — Аксаков писал: «...В статье <...> в сотый раз повторяется повторявшееся прежде в О<течественных> З<аписках>... <...> Но тут есть вещи и истинно дельные, именно: Г. Белинский говорит о необходимости национальности в поэте, об успехе Гоголя в Европе[7] (которым опровергнуты О<течественные> З<аписки>, ибо они говорили прежде, что Гоголь Европейского интереса не имеет)»[8].

В «Московском Литературном и Ученом Сборнике» на 1847 г. была помещена также статья Ф. В. Чижова «Прощание с Францией и Женева», повторявшего контрастную оценку парижской и итальянской жизни, данную ранее Гоголем в повести «Рим»[9]. Вспоминая о встрече в Париже в июне-июле (н. ст.) 1842 г. с художником

И. К. Айвазовским, Чижов, в частности, писал: «...Не могу <...> не вспоминать одного нашего художника Г..... Быв в Париже, однажды захожу к нему, говорю с ним о Парижской жизни и о том, как она мало способствует к художественному развитию: он отвечает мне, что "каждому художнику непременно надобно пожить в этой столице вкуса, потому что тут собственно можно найти и истинное соревнование и истинную художественную критику". Несмотря на уважение[10] к таланту нашего истинно талантливого живописца, или водописца, если уже надобно точно определить предмет его кисти, я не могу не быть в этом совершенно противного с ним мнения. <...> ...Если бы кто непременно захотел потерять истинно художническое достоинство, тому надобно только подольше пожить в Париже. <...> Да простит меня Г..... <...>; но мне кажется, что если художник, обаянный успехами[11], осмелится произнести хулу на художественность Римской жизни, он уже сам подписывает себе приговор об удалении с истинно художественного поприща»[12].

Одной из важнейших публикаций «Московского Литературного и Ученого Сборнике» на 1847 г. была также статья А. С. Хомякова «О возможности Русской художественной школы». (К. С. Аксаков указывал Гоголю на эту статью в письме от 21 мая 1848 г.[13]) Хомяков, как и в других — восьми статьях — предшествующих и последующих (1842–1848 гг.)[14], надежды в создании самобытной русской литературы возлагал на Гоголя. В статье 1847 г. он писал: «...По мере того, как художество народное делается менее возможным, так оскудевает художество и вообще, и Франция по необходимости всегда была в высшей степени страною анти-художественной... <...> ...В наше время Франция и офранцузившаяся публика встречала с слепым благоговением произведения Жорж-Занда, которые совершенно ничтожны в смысле художественном (какое бы они ни имели значение в отношении движения общественной мысли), и не нашла ни похвал, ни удивления, когда та же Жорж-Занд почерпнула из скудного, но уцелевшего источника простого человеческого быта прелестный и почти художественной рассказ *Чортовой лужи*, под которым Диккенс и едва ли не сам Гоголь могли бы подписать свои имена»[15].

Далее в своем письме Аксакова сообщала отцу о Гоголе: «Об Вашей же книжке[16] он говорил и прежде, что хотя он и совсем не интересуется предметом, но прочел ее всю от доски до доски с большим удовольствием. Он теперь у Погодина, в той самой комнате, которую занимал и прежде, и говорит, что увидал ее с такой радостью, точно как будто воротился на родину; что непременно бы остался и на зиму там, если б она была не холодна. Мамонов насмотрелся на него и хочет нарисовать его еще, только повеселее»[17].

[1] Эммануил Александрович Дмитриев-Мамонов (1823–1883), художник.

[2] «Бродяга» — незаконченная поэма И. С. Аксакова.

[3] *<Аксаков К. С.>* Три критические статьи *Г-на Имрек* // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). Отдел критики. С. 1–44.

[4] См.: 1. Вчера и Сегодня. Литературный сборник, составленный Гр<афом> В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Книга первая. Санктпетербург, 1845 (Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. С. 1–14) (см. также ***1845. Августа конец — сентября до 5 <сентября до 17>. Москва***); II. Опыт Истории Русской Литературы. Сочинение Э<кстраординарного> Профессора Имп<ераторского> Санк<т>п<етербургского> Университета доктора философии А. Никитенко. Книга первая. Введение. Спб. 1845. (Там же. С. 14–25); III. Петербургский Сборник, изданный Некрасовым (Там же. С. 25–44).

[5] См. также ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания).

[6] Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. С. 27, 29, 33–35.

[7] «...Самый интересный для иностранцев поэт есть Гоголь. Это не предположение, а факт, доказанный замечательным успехом во Франции перевода пяти повестей этого писателя, в прошлом году изданных в Париже, г. Луи Виардо» (*Белинский В. Г.* Мысли и заметки о русской литературе // Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846 (цензурное разрешение 12 янв.). С. 532). — См. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***.

[8] Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. С. 43–44.

[9] См.: *Чижов Ф.* Прощание с Францией и Женева // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. С. 487–589; с пометой: «Венеция, 1844».

[10] См. ***1842. Марта 29 <17>. Вторник. Рим***.

[11] Подразумевается, вероятно, успех трех картин Айвазовского на парижской выставке в начале 1843 г. В мае 1843 г. Совет Парижской Академии художеств присудил Айвазовскому за произведения морской живописи золотую медаль.

[12] *Чижов Ф.* Прощание с Францией и Женева. С. 500, 506.

[13] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***.

[14] См. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва***; ***1842. Августа вторая половина <августа конец — сентября средина>***; ***1843. Августа 8 <20>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Мая 18 <30>. Четверг. Мо-***

сква; ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Москва***; ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***; ***1846. Мая 13 <25>. Понедельник. Москва***; ***1847. Августа между 6 и 12 <июля между 25 и 31>. Остенде*** (примечания).

[15] *Хомяков А. С.* О возможности Русской художественной школы // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). С. 350.

[16] Книга «Записки об уженье рыбы» (М., 1847) была отправлена С. Т. Аксаковым Гоголю в Васильевку 21 июня 1848 г. (см. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье***).

[17] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 867.

СЕНТЯБРЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает письмо Гоголя из Сварково.

См. ***1848. Сентября 1. Среда. Сварково.***

СЕНТЯБРЯ 7–12. ВТОРНИК-ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь заходил к Д. К. Малиновскому, но не застал его дома.

Позднее, в 1865 г., Малиновский вспоминал: «По получении второго письма Гоголя[1] однажды мне говорят, что у меня был невысокий господин в белой, пуховой шляпе и велел мне сказать: был у меня тот, кого я так желал видеть; велено также было мне передать, что он едет теперь в Петербург, но скоро возвратится и остановится у Погодина. Я догадался, что это был Гоголь. Ко времени возвращения Гоголя в Москву я написал[2] ему записку»[3].

Вероятно, к этому же периоду относится ряд заметок Гоголя в его записной книжке 1846–1850 гг.:

«Гончарная улица, дом Тимофеева № 5, Надеждину о Карташевских[4].
У Панаева[5] об актерах.
Отец Анастасий, у Троицы Толстой.
Филип Андреевич Юрдов.
Евсевий архимандрит[6].
Кирил Карпов.
Кавелин, дом Галина. Неофит на Троицком подворье.
Паисия монахиня в Алексеевской[7], у Паисии доктор. Сокологор<ский>[8].
Вяземский в доме Голицына против сквера *<1 нрзб.>*[9].
Аполина[10], у ней о графе Блудове.
На Обуховском проспекте.
Гедеонову[11] Россет[12] о концерте, Надеждину, Бенардаки, Блудову, Увар<ову>, Шилову, Сосницкому.
Языкову[13]. На Поварской в доме Кроткова[14] в переулке против Бориса и Глеба.
Смех и Горе Клушина[15].
На Сивцовом вражке дом Пушкевича,
В дом Зыкова Афанасиевский переулок у Николы Явленного.
Загряжского на Дмитровке *<1 нрзб.>* княгине Белосельской[16] [Власьев] Гагаринский переулок дом Улль»[17].

[1] См. ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1848. Октября после 14. Москва.***

[3] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод.* Т. 3. С. 677.

[4] См. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

[5] См. там же.

[6] Возможно, имеется в виду архимандрит московского Высоко-Петровского монастыря в 1845–1847 гг. Евсевий (Орлинский, 1806–1883), с 9 марта 1847 г. – епископ Винницкий, впоследствии архиепископ Могилевский и Мстиславский.

[7] Имеется в виду игумения Московского Алексеевского девичьего монастыря в 1845–1854 г. Паисия (Нудельская, 1801–1871).

[8] Константин Иванович Сокологорский (1812–1890), лекарь, в этом медицинском чине оставался до конца жизни (см.: Российский медицинский список, изданный Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел на 1890 год. СПб., <1890>. С. 180); при этом имел степень доктора медицины за диссертацию (на лат. яз.); уроженец Полтавской губернии, выпускник Харьковского университета; в последние годы жизни был известен как специалист, лечивший «электро-гомеопатией» по методу итальянского врача графа Ч. Маттеи (1809–1896). – См. также ***1852. Февраля 19. Вторник второй недели Великого Поста. Москва***.

[9] Гоголь встречался с князем П. А. Вяземским в Петербурге (см. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***).

[10] А. М. Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская). Гоголь также встречался с ней в Петербурге (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** – примечания; ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***).

[11] См. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[12] Ар. О. Россет (см. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***).

[13] Петр Михайлович.

[14] Степан Кротков, московский домовладелец.

[15] «Смех и горе» (1793), сатирическая комедия в стихах Александра Ивановича Клушина (1763–1804).

[16] Княгиня Елена Павловна Кочубей (рожд. Бибикова, в первом браке княгиня Белосельская-Белозерская, 1812–1888), жена, с 1847 г., князя В. В. Кочубея. – См. также ***1850. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург***.

[17] Игнатий Уль, московский домовладелец.

СЕНТЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь снова заходил к О. Сем. Аксаковой; потом, вероятно, посетил Е. А. Свербееву.

В этот день В. С. Аксакова сообщала отцу, С. Т. Аксакову: «Сегодня утром <...>, только что маменька напилась чаю, въезжает колясочка и является Гоголь. Он забыл накануне[1] передать нам поручение от сестры его, Лизы (заказать ей платье[2]). Опять повторил, как сожалеет, что не попал к Вам, что он надеется, что Вы поймете, что ему нельзя было, и что Вы помиритесь. От нас поехал к Свербеевой. Не знаю, приняла ли она его, потому что это было рано»[3].

В тот же день Гоголь отправил письма к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев и к А. С. Данилевскому в Сварково.

Из письма к о. Матфею: «Пишу к вам несколько слов из Москвы, многоуважаемый мною брат и богомолец! Я, слава Богу, приехал сюда цел и невредим. Может быть, чрез месяц приведет меня Бог поблагодарить вас лично за всё[4]. Покуда я читаю и перечитываю ваши письма; это чтенье мне нужно, оно заставляет меня внимательно осматриваться на себя. В нынешнее опасное время это еще необходимее, чем когда-либо прежде. Не оставляйте меня по-прежнему. Одна мысль о том, что вы обо мне возносите моленья, уже освежает меня и бодрит. Искренно признательный и благодарный вам Н. Гоголь».

В 1855 г. граф А. П. Толстой сообщал П. А. Кулишу, что «Г<оголь> носил всегда при себе *письма О<тца> Матвея*»[5].

Из письма к Данилевскому: «В Москве, кроме немногих знакомых, нет почти никого. Всё еще сидит по дачам и деревням. Россета[6] также нет; он, как сказывают, находится где-то в путешествиях в Харьковской губернии. Теперь я еду в Петербург. Первых чисел октября полагаю возвратить-

ся в Москву. Адрес остается по-прежнему. <...> Уведоми, в исправности ли всё пришло вместе с Прокофием[7], равно как и то, доставлена ли извозчиком (прежним[8]) бричка. Ульяне Григорьевне[9] душевный и братский поклон. Александру Миха<й>ловичу[10] также. Извозчику[11], который везет Прокофия, всё заплачено и ничего ему не следует, даже на водку».

Вечером того же дня, 12 сентября 1848 г., Гоголь выехал из Москвы в Санкт-Петербург. М. П. Погодин передал с ним письмо к П. Ф. Зенькову[12].

В 1853 г. С. Т. Аксаков сообщал П. А. Кулишу: «Г<оголь> ездил в том же <1848> году в Петерб<ург>»[13]. В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также писала: «Вскоре <Гоголь> поехал в Петерб<ург>...»[14]

[1] См. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1848. Декабря 10. Пятница. Москва***; ***1848. Декабря конец. Васильевка.***

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 868.

[4] Встреча Гоголя и о. Матфея состоялась, вероятно, в январе 1849 г. в Москве (см. ***1849. Января начало. Москва***). Во Ржеве у о. Матфея Гоголь побывал в начале марта того же года (см. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) – марта 6 (Крестопоклонное воскресенье). Москва, Ржев, Москва***).

[5] <Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом> // *Свод.* Т. 2. С. 399. – См. также ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва*** (письмо Гоголя к о. Матфею).

[6] Клементий Осипович, один из братьев А. О. Смирновой. Гоголь надеялся, что Россет поможет А. С. Данилевскому получить службу в Москве.

[7] Повар А. С. Данилевского.

[8] З. Москаренко (см. ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел***).

[9] Жена Данилевского.

[10] Маркович, дядя У. Г. Данилевской.

[11] Ф. Ильин (см. ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург***).

[12] См. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург.***

[13] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 634.

[14] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

СЕНТЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет письмо к С. П. Шевыреву в Москву, с вложением нового (третьего[1] подряд) письма к Гоголю.

Из письма к Шевыреву: «Слышу, что Николай Васильевич в Москве, и я в какой-то уверенности была на ваше обязательное расположение, что вы потрудитесь несколько слов о сем написать, и я ту минуту бы поехала взглянуть на него, а теперь не знаю, долго ли он пробудет в Москве[2]. Говорят, в Петербург едет, почему и прибегаю с покорнейшею просьбою, быв в душе уверена в вашем снисхождении, что вы не откажетесь в сем случае одолжить меня несколько слов написать, долго ли Николай Васильевич пробудет в Москве, где он остановился. Очень и очень хочется его видеть. Я теперь бы поехала[3], несмотря, что жду из-за границы внука[4], который пишет, что он к 17<-му> будет сюда. Он бы меня здесь подождал. Но меня что останавливает: в Москве двоюродная племянница моя умерла и ее везут в деревню верстах в 10<-ти> отсюда, будет погребение и все семейство ее. Право, ехать-то в таком случае невозможно себе позволить, для собственного удовольствия отлучиться и не попомнить должного. Почему и остаюсь и решилась к вам прибегнуть и прошу вас ради Христа, напишите, что вы знаете о Николае Васильевиче, долго ли он пробудет в Москве. Если могу застать его хоть на один час, я приеду на него взглянуть, а то грустно, знав его так близко, и не видать. <...> Прилагаю письмецо к Николаю Васильевичу, одолжите доставить, не знаю, где он остановился. <...> А если в Москве не застанет Николая Васильевича, сделайте милость переслать к нему, вам его петербургской адрес известен»[5].

Из письма Шереметевой к Гоголю: «От 16 мая вы из деревни написали[6], с тех пор ничего не слыхать. <...> 9 августа к вам в Полтаву писала. Теперь услышала, что вы в Москве и скоро едете в Петербург. Я бы тотчас поехала на вас хоть взглянуть, несмотря на то, что на днях ожидаю из-за границы внука, которой из Московского университета вышел кандидатом, жил в Берлине, слушал там лекции и хотел еще там на зиму остаться, но обстоятельства домашние его вызвали, и на этой неделе прямо сюда будет. Меня бы это не остановило, он бы меня подождал здесь. Есть другое обстоятельство на несколько дней меня удерживающее; вас не обременяю подробностями, Степану Петровичу сообщила. Если бы вы по приезду одно слово мне написали, я бы тотчас приехала с вами повидаться, а теперь грус<т>но будет, если вы уедете в Петербург, и я не буду иметь утешения взглянуть на вас... <...> Адрес мой: *в Рузу*... <...> А почта из Москвы в середу и суб<б>оту отходит. <...> Ради Христа напишите несколько слов».

[1] Ср. ***1848. Июня 3. Четверг. Москва***; ***1848. Июня 4. Пятница. Москва***; ***1848. Августа 9. Понедельник.***

[2] Гоголь приехал в Москву 7–8 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13-го утром. 13 октября 1848 г. Гоголь вернулся в Москву.

[3] Встреча Гоголя с Шереметевой состоялась лишь в 1849 г., вероятно, в средине марта (см. ***1849. Марта 19. Суббота. Москва***). – Ср. ***1848. Сентября 25. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 26. Вторник. Москва***; ***1849. Января начало. Москва.***

[4] Е. И. Якушкин.

[5] Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод.* Т. 3. С. 548.

[6] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка.***

СЕНТЯБРЯ 16. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь прибывает в Петербург и останавливается у графа Мих. Ю. Виельгорского[1]. Дважды заходит на квартиру П. А. Плетнева, но не застает его дома. Оставляет ему записку о том, что на дачу Спасская мыза, где Плетнев проводил свободное время, не сможет попасть «ни сегодня, ни завтра», так как «сейчас» же отправляется с графом Виельгорским в Павлино (на дачу Виельгорских), на именины графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской)[2], откуда намеревается проехать к А. О. Смирновой в Павловск. (В тот же день записка Гоголя была получена и прочитана Плетневым[3].)

Незадолго до этого граф Мих. Ю. Виельгорский писал брату Матв. Ю. Виельгорскому: «Не знаю, предупрежден ли ты о приезде Гоголя. Несмотря на свои истинные достоинства, этот человек не лишен тщеславия, хотя оно тщательно скрыто, и он и сам, быть может, не подозревает о нем. Это делает его для меня мало симпатичным. Рейнар[4] также приезжает. Итак, нужно приготовить им хорошие постели, это главное в деревне. Я думаю, что Рейнара и Гоголя можно поместить в маленьком домике, если он пригоден для жилья»[5].

Приехав в Россию в апреле 1848 г. и проведя на родине конец весны и лето, Гоголь в конце августа 1848 г. отправился через Москву (где провел шесть дней) в Петербург, где находился около месяца, с 16 сентября по 9 октября этого года[6]. Дату прибытия в Петербург – «после 15 сентября», – возможно, к именинам Соллогуб – Гоголь точно расчитал еще в Сварково 1 сентября 1848 г.[7] (т. е. еще до приезда в Москву 7–8 сентября).

Гоголь прибыл в Петербург (с намерением вскоре возвратиться в Москву), во-первых, за крупной суммой денег, хранившейся у П. А. Плетнева[8] (бóльшая часть денег была из денежного пособия Гоголю Императора Николая I[9]), во-вторых, – для того, «чтобы взглянуть на многое собственным глазом»[10], и, в-третьих, – с целью навестить друзей, в частности, графиню Анну М. Виельгорскую. 15 июня 1848 г. он писал ей из Полтавы: «Может быть, мне удастся на несколько деньков заглянуть к вам в Петербург около августа месяца. Хотя это и не совсем для меня удобно, но мне так хочется увидать и обнять многих, что я, вероятно, употреблю с своей стороны все силы к тому, несмотря на повсеместные холеры, болезни и всякие бесчинства». 8 июля 1848 г. Виельгорская отвечала Гоголю из Павлино (дача Виельгорских под Петербургом): «...Приезжайте к нам скорее: мы вас ожидаем с нетерпением и увидим с душевной радостью».

В самый первый день приезда в Петербург, 16 сентября 1848 г., Гоголь, не застав Плетнева дома, оставляет ему записку, где сообщает, что отправляется в Павлино к Виельгорским: «Был у тебя уже два раза. На дачу <Спасская мыза> не мог попасть и не попаду, может быть, ни сегодня, ни завтра. <...> Я еду сейчас с Миха<и>л<ом> Юрьев<ичем> Виельгор<ским> в Павлино, а оттуда в Павловск (к А. О. Смирновой. — *И. В.*). По случаю торжественного фамильного их дня (дня именин графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской) 17 сентября. — *И. В.*), отказаться мне было невозможно».

Позднее, в мае 1849 г., в письме к Виельгорской Гоголь признавался: «...Я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге»[11]. Кроме этого письма, о переживаниях Гоголя после вероятного сватовства к Виельгорской может свидетельствовать дневниковая запись одесской знакомой Гоголя Е. А. Хитрово от 6 января 1851 г.[12]

К средине сентября 1848 г. относится ряд записей Гоголя в его записной книжке 1846–1850 гг.[13]:

«Старообрядческая церковь.
К портному первому и второму.
Плетневу о деньгах.
Бошутскому, Бенардаки;
Далю записку.
Толстому о Бурачке и [Загоскин] [<о> Погодине]о Надеждине.
Отослать записку в Академию Зенькову[14],
Григоровичу[15], Брюллову.
Галстух.
Чернильница и портфель.
Чулки и сапоги.
Башуцкий в Стремянной улице в доме Финшау.
Прокоповичу о бритвах. Белоусов[16], Чистяков[17], Майков[18].
С Далем о сословиях нынешних обществ и о пролетариях в наших городах.
С Бенардаки — как велики средства России и возможность продовольствовать нынешних поедателей всех сортов[19].
С К<*нрзб.*> о том, что вопросы еще раздаются глухо и нет возможности посредством литературы; о том, что следует многосторонне изучать не в мемуарах, но во всеобщих сжатых историях.
Не отдаляться от буквально ясного значения.

М. П. Вагнер о том, как ей было вдруг перейти от идеального мира к существенному. Не затрудняет ли ее хозяйственный [мелочной] хлам и как он ведется[20].
Россет[21] о Смирновой.
Попов[22] на Моховой в доме Устинова, на Моховой и Сергеев.
В доме Пантелеева Георгиевский[23], невеста <?> <*1 нрзб*>.
Против Грязной дом Нейслинда на Невском проспекте.
Spectateur в Лондоне.
Терещенко[24]. Старые книги и вещи.
Надеждин, Владимирская в доме Турчанинова, о раскольниках.
Варшавский магазин.
Голицына против Аничкова дворца.
С Бенардаки о государственной неэкономии от умножения мест и департаментов.
Хлеб взять.
Книги лучшие о раскольниках у Надежди<на>.
К 3 портным. Послать эполету Россету.

«Русская пословица в век не сломится».

На обороте листа с этими заметками Гоголь, по-видимому, накануне визита к Виельгорским (17 сентября 1848 г.)[25], написал заметку <О браке>:

1) Прежде всего обязанности мужа и жены вообще. Обязанности их [прозаические] житейские: муж — хозяин своего отделенья, жена — хозяйка своего отделения. Тот и другая идут своей дорогою, соединяются в семье. Здесь еще одна только половина брака.

2) Муж, избравши себе поприще и путь, избирает жену, как помощницу, которая, кроме того, что, оградивши его от всех развлекающих занятий, доставив ему свободное время возложеньем на себя всех забот до-

моводства и мелочей жизни, служит ему возбуждающею, стремящею силою, небесным звонком, зовущим его ежеминутно к его делу. Она — часть его мысли, живет в его деле.

3) Союз освящается Христом. Стало быть, свыше всех целей есть идти к Тому, Кто освятил этот союз. Человек слаб и немощен и одному ему без помощи... и ободриться он может, ободряя другого, и спастись, спасая другого. И потому в основании христианского союза должно лежать спасенье души.

В него вступать как в Божью пустынь, монастырь, почему недаром уподобляет апостол союз супругов союзу Христа с Церковью[26].

Год приготовленья к супружеству, чтобы осмотреть всё и вступать как в знакомый дом, где известно всякое место, чтобы быть в состоянии с того же дни пойти как по знакомой дороге, олицетворив в себе порядок и стройность. Всё распределено вперед, час минута в минуту и, осенясь крестом, приниматься за дело, как в строгом монастыре, как в строгой школе. Кто повелевает... Но всё утверждено еще прежде: оба они невольники установленного ими закона».

[1] См. также ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург*** (воспоминания Н. И. Куликова).

[2] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***.

[3] См.: *Городецкий*. С. 456.

[4] Возможно, придворный врач-окулист (в 1820-х гг.) Иосиф Рейнари или его сын.

[5] Из писем графа Мих. Ю. Виельгорского // *Свод*. Т. 2. С. 72.

[6] См. ***1848. Октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1848. Сентября 1. Среда. Сварково***.

[8] См. ***1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут***; ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[9] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[10] См. письма Гоголя к В. А. Жуковскому от 15 июня 1848 г. из Полтавы (***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***) и к М. П. Погодину от 6–7 октября 1848 г. из Петербурга (***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***).

[11] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания). См. также: ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка***; *Виноградов И. А.* «Дело жизни» Н. В. Гоголя и вопрос о его сватовстве к графине А. М. Виельгорской // Писатель в контексте времени: проблема научного комментария. Сб. статей. М., 2011. С. 50–64; *Виноградов И. А.* Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студі. Гоголеведческие студии. Нежин, 2013. Вып. 3 (20). С. 14–30; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ» // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н. В. Корниенко. Сборник научных статей. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 114–120; *Виноградов И. А.* Монолог Н. В. Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 66–102.

[12] См. ***1851. Января 6. Суббота. Праздник Крещения Господня. Одесса***.

[13] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[14] С письмом к П. Ф. Зенькову от М. П. Погодина. (см. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***).

[15] В. И. Григорович.

[16] Вероятно, Н. Г. Белоусов (см. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин*** — примечания).

[17] Возможно, имеется в виду педагог и писатель Михаил Борисович Чистяков (1809–1885).

[18] Либо поэт А. Н. Майков, либо критик В. Н. Майков, либо художник Н. А. Майков.

[19] См. ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим*** (примечания).

[20] См. также ***1848. Ноября конец — декабря первая половина. Москва*** (примечания).

[21] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[22] А. Н. Попов.

[23] Возможно, Петр Егорович Георгиевский (1791–1852), профессор русской словесности в Училище правоведения.

[24] А. В. Терещенко.

[25] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***.

[26] См. там же (примечания).

СЕНТЯБРЯ 17. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. МУЧЕНИЦ ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ, ЛЮБОВИ И МАТЕРИ ИХ СОФИИ. ПАВЛИНО

Гоголь у Виельгорских на именинах жены графа В. А. Соллогуба, графини С. М. Соллогуб (рожд. графини Виельгорской)[1].

Спустя почти месяц, 14 октября 1848 г., Гоголь писал из Москвы А. О. Смирновой: «Мне, признаюсь вам, [было] очень жалко за Анну Михайловну[2]. У ней было так много прекрасных материалов. Ее нынешнее состояние душевное, мне кажется, должно более преклонить к участию в ней, чем к порицанию. От долговременной борьбы с собой или, лучше сказать, с хандрой своей, она утомилась и устала. Чувствуя это временное бессилие свое, она не борется, не действует и покорилась, дала увлекать себя этому минутному развлеченью света, как покорились вы невинным временным развлеченьям, вроде игры в карты и т<ому> подобное. Тем не менее ее положенье опасно: она — девица, наделена большим избытком воображенья. Ее слова меня испугали, когда она сказала мне: “Я хотела бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло; я не имею собствен<ных> сил”».

При встрече 17 сентября 1848 г. или накануне отъезда Гоголя из Петербурга 9 октября[3] между ним, графиней Анной М. Виельгорской, графиней С. М. Соллогуб и ее мужем графом В. А. Соллогубом состоялся разговор, во время которого последний обещал провести с своей женой и свояченицей ряд занятий по «истории русского языка и русской литературы»[4] («русских лекций»), а Гоголь — составить список книг по русской истории, дополнив сказанное Соллогубом наблюдениями над русским бытом, отразившимися во втором томе «Мертвых душ»[5].

Соллогуб вспоминал: «Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был одним из первых и самых любимых русских меценатов; все этому в нем способствовало; большое состояние, огромные связи, высокое, так сказать, совершенно выходящее из ряда общего, положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец, его блестящее и вместе с тем очень серьезное образование и самый добрый и простой нрав. Совершенным противоречием ему являлась его жена, рожденная герцогиня Луиза Бирон. Это была женщина гордости недоступной[6], странно как-то сочетавшейся с самым искренним христианским уничижением, — мне случалось быть свидетелем выходок самого необычного высокомерия и вместе с тем присутствовать при сценах, в которых она являлась женщиной самой трогательной доброты. Детей своих она боготворила; у нее их было пятеро; три дочери: старшая Апполина <Аполлинария> Михайловна <1818–1884>, вышедшая замуж за <А. В.> Веневитинова <1806–1872>[7], вторая — Софья Михайловна <1820–1878>, на которой я женился 13-го ноября 1840 года[8], третья — Анна Михайловна <1822–1861>, кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь[9], — вышла замуж <в 1858 г.> за князя <А. И.> Шаховского <1822–1891>, но недолго с ним жила, и, наконец, два сына <Иосиф, 1817–1839, и Михаил, 1822–1855>, оба умершие в молодых летах. Граф <Мих. Ю.> Виельгорский женился на родной сестре своей первой жены, и потому свадьба их навлекла на них в первое время неудовольствие двора и большого света. <...> Старший их сын[10] воспитывался с наследником, впоследствии государем Александром II, а дочери ежедневно проводили по несколько часов с великими княжнами[11] и сохранили с ними на всю жизнь самые близкие, самые дружеские отношения. <...>

Одоевский <...> отличался <...> тою особенностью, что самым невинным образом и совершенно чистосердечно и без всякой задней мысли рассказывал дамам самые неприличные вещи; в этом он совершенно не походил на Гоголя, который имел дар рассказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнева со стороны своих слушательниц, тогда как бедного Одоевского прерывали с негодованием. Между тем Гоголь всегда грешил преднамеренно, тогда как князь Одоевский, как я уже сказал, был в самом деле невиннее агнца. Я уже имел случай сказать, что теща моя, графиня Виельгорская, был строптива до болезненности. Век мне не забыть, как однажды я присутствовал при одном рассказе, переданном ей Гоголем. Высокоталантливый писатель уже начинал страдать теми припадками меланхолии и затемнением памяти, которые были грустными предшественниками его

кончины. Он был с Виельгорскими и со мною в самых дружественных отношениях, и потому виделись мы каждый день, если случай сводил нас быть в одном городе. Так и случилось в Москве, где я был проездом и где также в то время находилась графиня Виельгорская[12]. <...> Графиня Виельгорская старалась, как могла, развеселить Николая Васильевича, но не успевала в этом; вдруг бледное лицо писателя оживилось, на губах опять заиграла та всем нам известная лукавая улыбочка, и в потухающих глазах засветился прежний огонек.

— Да, графиня, — начал он своим резким голоском, — вы вот говорите про правила, про убеждения, про совесть (графиня Виельгорская в эту минуту говорила совершенно об ином, но, разумеется, никто из нас не стал его оспаривать), — а я вам доложу, что в России вы везде встретите правила, разумеется, сохраняя размеры. Несколько лет тому назад, — продолжал Гоголь, и лицо его как-то все сморщилось от худо скрываемого удовольствия, — несколько лет тому назад я засиделся вечером у приятеля, где нас собралось человек шесть, охотников покалякать. Когда мы поднялись, часы пробили три удара; собеседники наши разбрелись по домам, а меня, так как в тот вечер я был не совсем здоров, хозяин взялся проводить домой. Пошли мы тихо по улице, разговаривая; ночь стояла чудесная, теплая, безлунная, сухая и на востоке уже начинала белеть заря — дело было в начале августа. Вдруг приятель мой остановился посреди улицы и стал упорно глядеть на довольно большой, но неказистый и даже, сколько можно было судить при слабом освещении начинавшейся зари, довольно грязный дом. Место это, хотя человек он был и женатый, видно, было ему знакомое, потому что он с удивлением пробормотал: "Да зачем же это ставни закрыты и темно так?.." "Простите, Николай Васильевич, — обратился он ко мне, — но подождите меня, я хочу узнать..." И он быстро перешел улицу и прильнул к низенькому, ярко освещенному окну, как-то криво выглядывающему из-под ворот дома с мрачно замкнутыми ставнями. Я тоже, заинтересованный, подошел к окну (читатели не забыли, что рассказывает Гоголь). Странная картина мне представилась: в довольно большой и опрятной комнате с низеньким потолком и яркими занавесками у окон, в углу, перед большим киотом образов, стоял налой, покрытый потертой парчой; перед налоем высокий дородный и уже немолодой священник, в темном подряснике, совершал службу, по-видимому, молебствие; худой, заспанный дьячок вяло, по-видимому, подтягивал ему. Позади священника, несколько вправо, стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женщина, на вид лет пятидесяти с лишним, одетая в яркое зеленое шелковое платье и с чепцом, украшенным пестрыми лентами на голове; она держалась сановито и грозно, изредка поглядывая вокруг себя; за нею, большею частью на коленях, расположилось пятнадцать или двадцать женщин, в красных, желтых и розовых платьях, с цветами и перьями, в завитых волосах; их щеки рдели таким неприродным румянцем, их наружность так мало соответствовала совершаемому в их присутствии обряду, что я невольно расхохотался и посмотрел на моего приятеля; он только пожал плечами и еще с большим вниманием уставился в окно. Вдруг калитка подле ворот с шумом растворилась и на пороге показалась толстая женщина, лицом очень похожая на ту, которая в комнате так важно присутствовала на служении.

— А, Прасковья Степановна, здравствуйте! — вскричал мой приятель, поспешно подходя к ней и дружески потрясая ее жирную руку, — что это у вас происходит?

— А вот, — забасила толстуха, — сестра с барышнями на Нижегородскую ярмарку собирается, так пообещалась для доброго почина молебен отслужить.

— Так вот, графиня, — прибавил уже от себя Гоголь, — что же говорить о правилах и обычаях у нас в России?

Можно себе представить, с каким взрывом хохота и вместе с тем с каким изумлением мы выслушали рассказ Гоголя; надо было уже действительно быть очень больным, чтобы в присутствии целого общества рассказать графине Виельгорской подобный анекдотец. <...>

По возвращении нашем из заграничного путешествия[13] и появлении имевшего всего более успеха моего сочинения "Тарантас", мое литературное положение выдвинулось на первый план; я сделался модным, едва ли не самым модным в России писателем. Надо сказать, что тогда (я говорю о второй половине сороковых годов), за исключением гениального Гоголя, в котором, впрочем, за исключением небольшого круга посвященных, большинство публики еще не ценило достойно его огромного таланта, и Марлинского, бывшего в большой моде, в русской литературе не было особенно талантливых писателей. <...> Не могу не сознаться, что этот громадный успех имел на мою бу-

дущую литературную деятельность самое пагубное влияние. Я стал работать небрежно, увлекаться темой дня, или, что всего хуже, лениться. Сколько раз Гоголь сердито укорял меня в моей лени[14]!

— Да не пишется что-то, — говорил я.

— А вы, все-таки, пишите, — отвечал он мне тем особенным своим добродушным насмешливым тоном, который он принимал часто, говоря с близкими ему людьми, — все-таки пишите; возьмите хорошенькое перышко, хорошенько его очините, положите перед собою лист бумаги и начните таким образом: "Мне сегодня что-то не пишется". Напишите это много раз сряду, и вдруг вам придет хорошая мысль в голову! за ней другая, третья, ведь иначе никто не пишет, и люди, обуреваемые постоянным вдохновением, редки, Владимир Александрович!»[15]

Спустя восемь месяцев, в мае 1849 г. (предположительно 24 числа)[16], Гоголь писал графине Анне М. Виельгорской по поводу своего визита 17 сентября 1848 г. в Павлино: «Мне казалось необходимым написать вам хотя часть моей исповеди. <...> Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего... <...> ...Я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл весь душой, и состоянье мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать. <...> Ближайшему другу я не мог его поверить, потому что сюда замешались отношенья к вашему семейству... <...> Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. <...> ...Мы еще не довольно друг друга узнали... <...> Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. <...> А если бы при этом каждый помолился покрепче Богу о том, чтобы помог ему исполнить долг свой, — мы бы, верно, все стали чрез несколько времени в такие отношенья друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, *чем я* должен быть относительно вас. <...> Может быть, я должен быть не что другое в отношении <вас>, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего»[17].

В. И. Шенрок писал: «В одном случае, именно в вопросе о точном установлении времени сватовства Гоголя к А. М. Виельгорской, впрочем, действительно трудно устранить сбивчивость и колебания, так как здесь мы имеем дело с фактом, который по самому своему существу *был особенно тщательно скрываем*. <...>

Сближаясь все более с графом Александром Петровичем Толстым, Гоголь сильно полюбил его племянника Виктора Владимировича Апраксина[18] (родного сына сестры Толстого, Софьи Петровны Апраксиной)... <...> ...Желая добра и симпатизируя Анне Михайловне <Виельгорской>, Гоголь увлекся мыслью, что юноша мог бы быть для нее хорошим мужем. <...> Дело кончилось ничем, потому что молодые люди не думали друг о друге: Апраксин ненадолго заехал к Виельгорским[19], и Анна Михайловна не имела даже случая его заметить. (Впоследствии (на самом деле вскоре — в 1848 г. — *И. В.*) Апраксин женился на Пашковой[20].) Но в жизни Гоголя этот эпизод остался не без значения: раз запавшая мысль о пристройстве Анны Михайловны, незаметно для него самого, развилась в особую привязанность к ней, которую он принял было впоследствии за любовь. Вот чем объясняются слова В. А. Соллогуба в "Воспоминаниях", что Гоголь будто бы был влюблен в Анну Михайловну <...> но покойная О. Н. Смирнова[21] утверждала с своей стороны, что здесь "романов не было"... <...>

...Отношения ее <графини А. М. Виельгорской с Гоголем> незаметно перешли за черту обыкновенной дружбы и сделались чрезвычайно интимными. Но здесь-то началась фальшь их положения. Виельгорские, как большинство людей титулованных и принадлежащих к высшему кругу, никогда не могли бы допустить мысли о родстве с человеком, так далеко отстоявшим от них по рождению. Анна Михайловна, конечно, не думала о возможности связать свою судьбу с Гоголем. Оказалось, что Виельгорские, при всем расположении к Гоголю, не только были поражены его предложением, но даже не могли объяснить себе, как могла явиться такая странная мысль у человека с таким необыкновенным умом. Особенно непонятно это казалось Луизе Карловне, давно уже переставшей переписываться с Гоголем по причине болезни глаз, а теперь решившей и не возобновлять переписку. Впрочем, мы должны сделать оговорку: собственно говоря, Гоголь только обратился с запросом к графине через Алексея Владимировича Веневитинова, женатого на старшей дочери Виельгорских, Аполлинарии Михайловне. Зная взгляды своих родственников, Веневитинов понял, что предложение не может иметь успеха, и напрямик сказал о том Гоголю. <...> Предложение было сделано, вероятно, в 1850 или в 1848, когда Гоголь ездил на короткое время в Петербург. Воспоминание о нем сохранилось в семейных преданиях родственников Анны Михайловны... <...> Впоследствии, уже после смерти Гоголя, Анна Михайловна Виельгорская вышла за князя Александра Ивановича Шаховского.

Кроме категорического сообщения родственников Виельгорских о сватовстве Гоголя к Анне Михайловне[22], отметим, что довольно знаменательными представляются нам приведенные строки письма от 29 октября 1848 г.: "Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет: вы видите, что свет вам ничего не доставил. Вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость"; и все письмо[23], начинающееся словами: "Мне казалось необходимым написать вам хоть

часть моей исповеди", где встречаются, между прочим, такие выражения, как напр<имер>: "Скажу вам из этой исповеди одно только то, (что) я много выстрадался с тех пор, как расстался с вами в Петербурге", или: "если бы каждый помолился покрепче Богу, то мы все стали через несколько времени в такие отношения друг к другу, в каких следует нам быть. Тогда бы и мне и вам оказалось видно, чем *я* должен быть относительно вас. Может быть, я должен быть не что другое в отношении вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же" и проч.»[24]

Таким образом, первоначально информация о сватовстве Гоголя к Виельгорской исходила от двух зятьев Анны Михайловны, то есть от мужей ее сестер — графа В. А. Соллогуба и А. В. Веневитинова. Некоторый свет на эту историю проливает также странный, на первый взгляд, факт (на который указала впервые сестра Гоголя Анна Васильевна, а затем отмечал В. И. Шенрок), что предполагаемому сватовству Гоголя к Виельгорской предшествовала попытка писателя устроить брак той же Виельгорской с графом В. В. Апраксиным. Идея познакомить Апраксина с Виельгорской возникла у Гоголя в начале 1847 г. 16 января (н. ст.) 1847 г. он писал ей из Неаполя в Петербург: «Спешу, пользуясь счастливой оказией и посредством моего доброго приятеля Викт<ора> Влад<имировича> Апраксина, которого вы уже, вероятно, знаете, написать также и вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Михайловна». Спустя три месяца, 16 марта (н. ст.) 1847 г., он спрашивал Виельгорскую: «Напишите мне, как вам показался Апраксин. Он на мои глаза показался совсем не похожим на других молодых людей, исполнен намерений благих и намерен заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имения и людей, ему подвластных». Виельгорская в письме от 5–8 мая 1847 г. отвечала: «...Вы меня еще просили писать вам, как мне понравится молодой Апраксин. Я его вовсе не видала. Он был раз у маменьки, а потом заболел на всю зиму, и весной, как только он выздоровел, он отправился в Москву».

Получив этот ответ, Гоголь тем не менее не оставил своего намерения. Спустя некоторое время он предпринял новую попытку познакомить молодых людей, на этот раз за границей, в личном своем присутствии. 7 августа (н. ст.) 1847 г. он писал из Остенде графине Л. К. Виельгорской, матери предполагаемой невесты: «Скажите, какой Апраксин в Нордерне? Вы написали: Вик<тор> Степ<анович>. Если это сын Софьи Петровны, Вик<тор> Владимирович, то я ему просто напишу, чтобы он приезжал сюда. Зачем ему сидеть там, где, вероятно, никого у него нет знакомых, а здесь будет, без сомнения, и дядя его, гр<аф> Алек<сандр> Петро<вич> Толстой, хоть на две недели, Хомяков, Муханов, и с вами, вероятно, также будет ему приятно встретиться. — Напишите мне хоть две строчки о том, как вы проводите время в Висбадене, и передайте об этом же просьбу мою Анне Михайловне...»

Вероятно, в тот же день Гоголь отправил письмо и самому В. В. Апраксину[25] (не сохранилось). Последний спустя несколько дней, 20 августа (н. ст.) 1847 г., сообщал матери, графине С. П. Апраксиной, что Гоголь «умоляет» его приехать[26].

Одновременно, 7 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь отправил письмо и графу А. П. Толстому: «...Я узнал, что племянник ваш Виктор Владимирович Апраксин находится в Нордернеу, где берет морские ванны. Я написал ему письмо, в котором прошу его заглянуть в Остенде, где, может быть, он встретит вас, что, без сомненья, и вам, и ему будет приятно, и признаюсь, в то же время подумал: хорошо, если бы он познакомился и узнал Ан<ну> Миха<й>лов<ну>. Почему знать? Может быть, они бы понравились друг другу. У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян. В таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу, которая дейс<твует и> рассуждает так умно об этом деле, как я не встречал никого из нашей братьи мужчин».

21 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь вновь писал графу А. П. Толстому из Остенде: «Вчера приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. Он поправился здоровьем. Вам надобно его узнать. Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостояньем крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября». Сам граф В. В. Апраксин 31 августа (н. ст.) 1847 г. сообщал матери, что Гоголь «ожидает со дня на день Вьельгорских — мать, дочь и сына, которые объявили, что приедут 1 сентября»[27].

Обращают на себя внимание слова Гоголя в письме к графу Толстому о том, что у Апраксина есть «желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян» и что «в таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу», чем А. М. Виельгорская. В цитированном письме к самой Виельгорской Гоголь также обращает ее внимание на то, что Апраксин «намерен заняться не шутя благосостоянием *истинным* своего огромного имения и людей, ему подвластных». В свою очередь, в письме к П. А. Плетневу от 15–16 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «...Апраксин (Викт<ор> Владим<ирович>), весьма дельный молодой человек, вовсе не похожий на юношей-щелкоперов. Он глядит на вещи с дельной стороны и, будучи владелец огромного имения, намерен заняться благосостоянием его сурьезно». (В. В. Апраксин, так же, как его дед, граф С. С. Апраксин, и отец, граф В. С. Апраксин, был членом Московского Императорского общества сельского хозяйства; впоследствии, в 1896 г., был удостоин серебряной медали Всемирной выставки в Париже «за успехи в сельском хозяйстве».) По предположению Л. Р. Каплана, намерение графа В. В. Апраксина «серьезно» заняться благосостоянием его «огромного имения» «некоторым образом» отразилось в «Вы-

бранных местах из переписки с друзьями», а именно в статье «Русский помещик. (Письмо к Б. Н. Б.....му)» (1846)[28]. Главное содержание этой статьи составляет как раз идея восстановления «прежних» патриархальных «уз, связывавших помещика с крестьянами». Соглашаясь с этим наблюдением, вполне можно допустить и то, что Гоголь, излагая в «Выбранных местах из переписки с друзьями» свои представления о хозяйствовании, о семье и браке и др., видел возможность осуществления этих взглядов именно в предполагаемом семейном союзе Апраксина и Виельгорской. В ещё одном письме к графу А. П. Толстому, отправленном около 14 августа (н. ст.) 1847 г. из Остенде, Гоголь прямо указывал: «О племяннике вашем я подумал потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устроении судьбы крестьян. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле».

В письме к Гоголю из Петербурга от 18–21 марта 1846 г. графиня А. М. Виельгорская, со своей стороны, писала: «Не говоря о личных обстоятельствах, только и слышишь в городе о несчастиях, о голоде и болезнях. В некоторых из наших губерний умирают с голода; здесь, в Петербурге и около города, свирепствует заразительная болезнь, le typhus, от которой множество людей каждый день умирает. Доктора говорят, что во время холеры не было больше умирающих, чем теперь. Несмотря на то, всю зиму танцевали, веселились, и я с прочими, только с разницею, что мне почти всегда было скучно или близко к тому и что мне большой свет ужасным образом надоел. <...> Где же умные люди? где же возвышенные души?»

Но молодые люди не заметили друг друга. И тогда Гоголь, увлеченный идеями, высказанными в статье «Русский помещик» (идеями, которые он, впрочем, вынашивал уже давно, еще до «Старосветских помещиков»), по-видимому, сам попытался применить к жизни чаемый им тип хозяйственника и семьянина, задумав сделать предложение графине Виельгорской — в воображении или в действительности — уже от своего имени. Подтверждение этой догадки можно найти в том, что именно в духе статьи «Русский помещик» во многом и написано указанное письмо Гоголя 1849 г. к А. М. Виельгорской, в отдельных выражениях которого В. И. Шенрок видел косвенное свидетельство гоголевского сватовства. Не будет натяжкой сказать, что это, по сути, *главное* содержание письма: «...Мы еще не довольно друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко... <...> Вы бы все меня лучше узнали, если бы случилось нам прожить подольше где-нибудь вместе не праздно, но за делом. Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне[29]? Вы уже более двадцати лет не видали ваших крестьян. Будто это безделица: они нас кормят, называя нас же своими кормильцами, а нам некогда даже через двадцать лет взглянуть на них! Я бы к вам приехал также. Мы бы все вместе принялись дружно хозяйничать и заботиться о них, а не о себе. <...> Тогда бы и мне и вам оказалось видно и ясно, *чем я* должен быть относительно вас». 3 апреля 1849 г. Гоголь писал также матери и сестрам: «Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. <...> Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. <...> Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет навыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного». «Что ни говори, — как бы добавлял Гоголь в статье «Русский помещик», — но поставить 800 подданных, которые <...> могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью, — это дело не бездельное и служба истинно законная и великая». Из цитированного письма Гоголя к графине Виельгорской можно также с определенностью заключить, что, какова бы ни была степень достоверности слухов о его сватовстве, «Выбранные места из переписки с друзьями», в духе которых написано это письмо, в свою очередь, как и другие гоголевские произведения, носящие почти всегда автобиографические черты (наличие которых, однако, становится очевидным лишь в результате внимательного изучения), пронизаны глубоко личными мотивами, не исключая статей, казалось бы, самого «делового», прозаического и сугубо «хозяйственного» содержания.

Помимо собственно биографического значения, вопрос о предполагаемом сватовстве Гоголя приобретает, таким образом, важное значение и для истолкования его творчества. Не менее важным, чем постижение идейного содержания «Выбранных мест из переписки с друзьями», здесь представляется уяснение замысла незавершенного творения Гоголя — поэмы «Мертвые души». В частности, образ одного из главных героев второго тома поэмы — помещика Тентетникова — создавался Гоголем во многом по его собственным школьным, а также первоначальным петербургским воспоминаниям[30]. Показательно, к примеру, что в образе дяди Тентетникова отразились некоторые черты двоюродного дяди самого Гоголя И. П. Косяровского, служившего в Петербурге[31], а в описании радушной встречи Тентетникова крестьянами, когда «узнавши о приезде барина, населенье всей деревни собралося к крыльцу», нашли прямое отражение впечатления самого Гоголя по приезде в Васильевку 9 мая 1848 г.[32]

Герой второго тома, «русский помещик» Тентетников, размышляет: «Я помещик: званье это также не бездельно. Если я позабочусь о сохраненье, сбереженье и улучшенье участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работящих подданных — чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения...» Очевидно, что эти планы Тентетникова, которого, согласно замыслу автора, ожидал впереди брак с соседской девушкой, в свою очередь, перекликаются с размышлениями Гоголя о значении помещика в «Выбранных местах из переписки с друзьями», с отзывами писателя о графе В. В. Апраксине, а также с представлениями Гоголя о семейной жизни.

Не надо далеко ходить и в поисках прототипа невесты Тентетникова — Улиньки. В свое время, в 80-х гг. XIX в., один из младших современников Гоголя Г. П. Данилевский заявлял, что по слухам *имя* героини было навеяно писателю именем жены А. С. Данилевского Юлии (жены старого гоголевского приятеля, осевшего в деревне и занявшегося хозяйством)[33]. Это свидетельство в гоголеведении хорошо известно, и на него обычно ссылаются. Однако менее известно то, что подтвержденная лишь слухами догадка о таком происхождении имени героини была оспорена в те же годы самим А. С. Данилевским, а также его женой, то есть самой Ульяной (Юлией) Григорьевной Данилевской[34]. В этом свете единственным — куда более основательным и не подверженным сомнениям — оказывается другое свидетельство о прототипе Улиньки, сделанное на много лет ранее упомянутого: спустя лишь два года после смерти Гоголя. Это более раннее свидетельство было опубликовано только в 1994 г., и потому не достаточно широко известно. Это свидетельство принадлежит Ивану Сергеевичу Аксакову. И. С. Аксаков прямо утверждает, что прототипом Улиньки послужила Гоголю именно графиня Анна Виельгорская. Сообщает об этом Аксаков по совершенно постороннему поводу, в связи с предполагавшейся женитьбой И. С. Тургенева, и сообщает не кому-нибудь, а своим родным — отцу, матери, сестрам, братьям — всем тем, кто, в свою очередь, был хорошо знаком с Гоголем и мог бы оспорить это свидетельство в случае недостоверности. 21 августа 1854 г. И. С. Аксаков писал родным из Харькова: «Вы не получаете от Тургенева писем: здесь мне рассказывали про него, что он женится, одни говорят — на какой-то Тургеневой же <речь идет об О. А. Тургеневой>, другие — на граф<ине> Велиегорской <так в источнике>. Я рад был бы за Тургенева, если б случилось это последнее. Граф<иня> Велиегорская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке, может иметь на Тургенева благодетельное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив<ана> Панаева и компании»[35]. Напомним в связи с этой характеристикой Анны Михайловны слова Гоголя об его Улиньке, что это было «существо невиданное», которое «скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением» и что «при ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова». П. А. Плетнев в 1847 г. также говорил об Анне Михайловне Виельгорской, что «это существо еще небеснее (если только уж возможно) и Софьи Михайловны»[36] (имеется в виду графиня С. М. Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской). В свою очередь, С. Т. Аксаков, упоминая в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» о сестрах Виельгорских — Анне и Софье — тоже отмечал «высокость» их «нравственного достоинства»[37]. «Одна из лучших» подруг[38] Виельгорской баронесса Мария Петровна Фредерикс (1832–1908) замечала о ней: «Она имела на меня громадное влияние в религиозном и нравственном отношении»[39]. Именно такая «Улинька» — Анна Виельгорская — должна была стать женой будущего идеального помещика Тентетникова.

Очевидно, что идеи статьи «Русский помещик» красной нитью проходят сквозь все размышления Гоголя, так или иначе связанные с темой брака графини Виельгорской. Оставляя открытым вопрос о степени достоверности предания о его сватовстве к ней, следует сделать вывод, что идеальный русский помещик, идеальное русское поместье — вот главное, что составляет сердцевину этого матримониального проекта Гоголя. Именно проекта, персонажами которого, с одной стороны, последовательно выступали то граф Апраксин, то сам Гоголь, то его герой помещик Тентетников, а с другой, — неизменным составляющим звеном оказывалась графиня Виельгорская. Единым же связующим началом всего этого — включая странное, на первый взгляд, намерение Гоголя сначала выдать графиню Виельгорскую замуж за другого, а затем самому на ней жениться — является не «мысль о пристройстве» Анны Михайловны, «незаметно» для самого Гоголя развившаяся в «привязанность к ней», как утверждал Шенрок, — но идея патриархального православного хозяйствования, опорой которого должен был стать, по Гоголю, основанный на чувствах любви и долга христианский брак. Отсюда следует еще один важный вывод. Очевидно, что собственный житейский опыт был важен для Гоголя не столько сам по себе, сколько как материал для художественного воплощения, как средство упрочения того «дела жизни», которому он посвятил свое творчество. Другими словами, Гоголь всегда и во всем оставался художником, и даже в вопросе сватовства — было оно или не было — поступал прежде всего как исследователь и одновременно «строитель» русской жизни[40]. (Аналогичным примером, когда работа над вторым томом «Мертвых душ» тесно переплеталась с намерениями Гоголя «обустроить» реальные отношения между людьми, можно назвать его попытку ввести П. В. Нащокина в качестве воспитателя в семейство Д. Е. Бенардаки. Черты Нащокина были использованы Гоголем во втором томе при создании образа помещика Хлобуева[41].)

Может показаться противоречием то, что Гоголь, избравший в качестве прототипа идеальной красоты девушки Улиньки графиню А. М. Виельгорскую, в письме к ней от 29 октября 1848 г. заявлял: «Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уже устроены, чтобы выражать благородство душевное; как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны»[42]. По-видимому, дело заключалось в особенностях внешнего облика Виельгорской. На это, помимо Гоголя, указывала хорошо знавшая Анну Михайловну баронесса Фредерикс: «Собой она была нехороша, но имела то обаяние, которое лучше всякой красоты и которое делает женщину идеальной. Она внушала очень многим несчастную любовь; они сгорали страстью к ней, но она долго не хотела слышать о замужестве. <...> Вышла она замуж уже немолодой, по просьбе отца на его смертном одре <ум. в 1856 г.>, за князя Александра Ивановича Шаховского; но этот человек хотя ее и любил, но далеко

отстоял от ее нравственной высоты. Она недолго была замужем и скончалась, оставив после себя дочку (графиня М. А. Келлер) нескольких месяцев»[43].

В связи с предполагаемым сватовством Гоголя к Виельгорской необходимо затронуть вопрос о монашеских устремлениях писателя. В письме к Н. М. Языкову от 10 февраля 1842 г. он писал: «...Нет выше удела на свете, как звание монаха»[44]. В июне 1845 г. он даже выражал прямое «желание поступить в монастырь»[45]. Позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье *XXIX. Чей удел на земле выше*, датированной 1845 г., Гоголь замечал: «Никак не могу сказать вам, чей удел на земле выше и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда я был поглупее, я предпочитал одно звание другому, теперь же вижу, что участь всех равно завидна». В «Авторской исповеди», относящейся к лету 1847 г., Гоголь, в свою очередь, признавался: «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я всё прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего». В том же году, вынашивая планы устройства брака Виельгорской с Апраксиным, Гоголь писал художнику А. А. Иванову, увлеченному, со своей стороны, планами женитьбы на сестре Апраксина графине Марии Владимировне Апраксиной (вышедшей вскоре замуж за князя С. В. Мещерского): «Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас! Вы — нищий, и не иметь вам так же угла, где приклонить главу, как не имел его и Тот, Которого пришествие дерзаете вы изобразить кистью! А потому Евангелист прав, сказавши, что иные уже не свяжутся никогда никакими земными узами» (письмо от 24 июля (н. ст.) 1847 г.). Понять в полной мере, о чем идет речь в гоголевском послании, помогают строки черновика письма Иванова к Апраксиным, где тот замечал: «... Евангелист Лука в восторге описал последнюю ступень супружеского совершенства: они не женятся и замуж не будут выходить, как обыкновенные люди, [но яко Ангелы Божии]...»[46] (Лк. 20, 35–36). Это своеобразное толкование слов Спасителя о *невступлении* в брак «сынов воскресения» (Иванов же стремился истолковать это состояние как «последнюю ступень *супружеского* совершенства») художник, очевидно, и привел в письме к Гоголю. Гоголь, как следует из его ответа, такое толкование решительно отверг[47]. Тем не менее спустя полтора года в своей записной книжке 1846–1850 гг. он набросал следующую заметку: «...В основании христианского союза должно лежать спасенье души. В него вступать как в Божью пустынь, монастырь, почему недаром уподобляет апостол союз супругов союзу Христа с Церковью» (имеются в виду слова св. апостола Павла в Послании к Ефесянам: «...муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви...»; гл. 5, ст. 23). Приведенные строки Гоголя датируются серединой сентября 1848 г.[48], т. е. как раз временем его предполагаемого сватовства к Виельгорской. «Год приготовленья к супружеству... — продолжает здесь Гоголь, — <...> и, осенясь крестом, приниматься за дело, как в строгом монастыре, как в строгой школе». По-видимому, эти размышления являются продолжением раздумий Гоголя о путях спасения — в монашестве или в брачном союзе, который в данном случае сравнивается даже с «строгим монастырем», или «пустынью». Апостольское понимание семьи как малой Церкви едва ли не подменяется здесь (так же, как ранее у Иванова) понятием «малого монастыря», что, вероятно, диктуется чаянием вступить в брак, не изменяя монашеским устремлениям. Этот путь, возможный для духовного брака, подобного браку графа А. П. Толстого с графиней А. Г. Толстой, в отдельных случаях является, несомненно, опасным. Примечательна в этой связи судьба архимандрита Феодора (Бухарева), написавшего в 1848 г. «Три письма к Н. В. Гоголю...» (опубл.: СПб., 1861) и впоследствии часто обращавшегося к гоголевскому творчеству даже в своих лекциях, читанных в Московской Духовной академии[49]. В адресованных Гоголю письмах о. Феодора содержится глубокий и содержательный разбор «Мертвых душ», предпринятый в свете «Выбранных мест из переписки с друзьями». Однако в связи с последующей судьбой о. Феодора, снявшего с себя церковный сан и вступившего в брак, особое внимание привлекает характерное для «Трех писем к Н. В. Гоголю...» частое обращение А. М. Бухарева к размышлениям о роли женской красоты в возможном перерождении главного героя «Мертвых душ» Чичикова, а также к письмам-статьям Гоголя из его последней книги о благотворном влиянии женщины в современном обществе[50].

[1] Письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 16 сентября 1848 г.

[2] Графиня Виельгорская.

[3] См. ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[6] См. ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[7] Впоследствии сын А. В. и А. М. Веневитиновых, Михаил Алексеевич (1844–1901), написал две статьи о Виельгорских: *Веневитинов М. А.* Несколько слов о графе Иосифе Михайловиче Виельгорском // Русская Старина. 1898. № 1; *Веневитинов М. А.* Семейство Виельгорских // Русская Старина. 1888. № 6.

[8] См. ***1840. Ноября 13 <25>. Среда.*** — П. Д. Боборыкин в 1906 г. вспоминал: «Его жена, графиня Софья Михайловна, была для всего нашего кружка гораздо привлекательнее графа. Но первое время она казалась чо-

порной и даже странной, с особым тоном, жестами и говором, немного на иностранный лад. Но она была — в ее поколении — одна из самых милых женщин, каких я встречал среди наших барынь света и придворных сфер; а ее мать вышла из семьи герцогов Биронов, и воспитывала ее вместе с ее сестрой, Веневитиновой, чрезвычайно строго. Тогда графиня уже была матерью целой вереницы детей, и старшая дочь <Елизавета, 1847–1932> (теперь Е. В. Сабурова) еще ходила в коротких платьях и носила прозвище "Булки", каким окрестил ее когда-то Гоголь. Воспоминания о Гоголе были темой моих первых разговоров с графиней. Она задолго до его смерти была близка с ним, состояла с ним в переписке и много нам рассказывала из разных полос жизни автора "Мертвых душ"» (*Боборыкин П. Д.* За полвека. Мои воспоминания. Глава третья // Русская Мысль. 1906. № 11. С. 38–39; см. также: *Боборыкин П. Д.* За полвека. (Мои воспоминания) / Редакция, предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 117).

[9] См. также ***1850. Июня не позднее 13. Москва.***

[10] О взаимоотношениях Гоголя с графом И. М. Виельгорским см.: *Виноградов И. А.* К истории отношений Гоголя с Виельгорскими // Наше наследие. 1998. № 46. С. 56–59; и коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 763–777.

[11] См.: ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село.***

[12] Ошибка мемуариста. Виельгорские в эти годы в Москве не бывали. По-видимому, горько-анекдотический случай был рассказан Гоголем 17 сентября 1848 г. Этот случай Гоголь рассказывал ранее, весной 1848 г. в Одессе, Л. С. Пушкину, Н. Г. Тройницкому, в тот же приезд в Петербург (или ранее в Одессе) Н. В. Кукольнику (см. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса***), и позднее, летом 1849 г., брату А. О. Смирновой Л. И. Арнольди (см. ***1849. Между июня 28 и июля 4 или 5. Москва***).

[13] См. ***1844. Сентября 27 <октября 9>. Среда. Санкт-Петербург; 1844. Октября 3 <15>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[14] См. также ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[15] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 654–656.

[16] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***

[17] См. также ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** (примечания).

[18] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[19] См. ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.*** — По-видимому, Веневитиновы также присутствовали на именинах графини С. М. Соллогуб в Павлино 17 сентября 1848 г. Спустя несколько дней Гоголь встречался с ними в Петербурге (см. ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург***).

[20] Александра Михайловна Пашкова (1829–1916), дочь генерал-лейтенанта М. В. Пашкова.

[21] Дочь А. О. Смирновой, Ольга Николаевна (1834–1893).

[22] Позднее, в 1908 г., П. Д. Боборыкин, в частности, вспоминал: «И меня в первый раз повезла в <воскресную> школу Гальванической роты (около Садовой) <где стал преподавать Боборыкин> большая барыня (но с совершенно бытовым тоном), сестра графини Соллогуб, А<поллинария> М. Веневитинова <рожд. графиня Виельгорская>, на которой когда-то <по преданию, на ее сестре Анне> Гоголь мечтал, кажется, жениться» (цит. по: *Боборыкин П. Д.* За полвека. (Мои воспоминания) / Редакция, предисл. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 169).

[23] Письмо датируется маем 1849 г. В. И. Шенрок относил письмо к 1850 г. и отмечал: «Это письмо было впервые напечатано в "Вестнике Европы" (1889, XI, стр. 152–153). Оно, кажется, было написано по получении Гоголем отказа по поводу сделанного им Анне Михайловне Виельгорской предложения. Точно определить время его написания очень трудно» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 309). К словам Гоголя из этого письма: «...все же, что относится до вашего дома, для меня святыня», — В. И. Шенрок в том же издании сделал примечание, что «слова эти как бы подтверждает семейное предание родственников Виельгорских о предложении, сделанном Гоголем Анне Михайловне Виельгорской» (*Шенрок.* Т. 4. С. 310).

[24] <Из воспоминаний родственников Виельгорских>. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 2. С. 77–78; <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 361; <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 362.

[25] См. ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде.***

[26] См. ***1847. Августа 20 <8>. Пятница. Коксгавен (Куксхафен).***

[27] См. ***1847. Августа 31 <19>. Пятница. Остенде.***

[28] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694.

[29] К упоминанию Гоголя в письме к А. М. Виельгорской о «подмосковской» деревне Виельгорских В. И. Шенрок в 1889 г. сделал примечание: «Сенницы, Зарайского уезда Рязанской губернии. В начале 50-х годов Виельгорские действительно несколько лет сряду приезжали в Сенницы, что видно из случайно сохранившихся небольших писем на немецком языке к моему покойному отцу И. Х. Шенроку, лечившему Луизу Карловну от болезни глаз. (Будучи, как и Л. К. Виельгорская, уроженцем Остзейского края, отец Шенрока,

медик-хирург, коллежский советник Иван Христьянович (Иван Маркусович) Шенрок, служил в Рязани врачом. – *И. В.*). Письма эти, не имеющие даты, ни в каком случае не относятся к 1853 и последующим годам, так как Луиза Карловна скончалась 6-го февраля 1853 года» (сам В. И. Шенрок родился в Рязани в год смерти Л. К. Виельгорской) (*Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке // Вестник Европы. 1889. № 11. С. 153; см. также: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 310).

[30] *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–55; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 135–220.

[31] См. об этом: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 566.

[32] См. ***1848. Мая 11. Васильевка.***

[33] См. ***1844. Июль или августа вторая половина – октябрь <июля средина – августа начало или августа конец – ноября первая половина>. Малороссия.***

[34] См. там же.

[35] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 299–300; см. также: Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 939.

[36] См. ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Санкт-Петербург.***

[37] См. ***1849. Января 15. Суббота. Санкт-Петербург.***

[38] См. ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания).

[39] Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический Вестник. 1898. Т. 71. Январь. С. 82.

[40] См.: *Виноградов И. А.* «Дело жизни» Н. В. Гоголя и вопрос о его сватовстве к графине А. М. Виельгорской // Писатель в контексте времени: проблема научного комментария. Сб. статей. М., 2011. С. 50–64; *Виноградов И. А.* Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Нежин, 2013. Вып. 3 (20). С. 14–30; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и графиня А. М. Виельгорская: Вопрос о сватовстве в изучении замысла «Мертвых душ» // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н. В. Корниенко. Сборник научных статей. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 114–120; *Виноградов И. А.* Монолог Н. В. Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 66–102.

[41] См. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн.***

[42] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[43] Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 82.

[44] См. ***1842. Февраля 10. Вторник. Москва.***

[45] См. ***1845. Июня 30 <18>. Понедельник. Веймар.***

[46] Цит. по: *Виноградов 2001.* С. 669. – См. также ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[47] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[48] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[49] См. свидетельства его учеников: Из воспоминаний протоиерея *С. С. Модестова* // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 121; *Лаврский В.*, прот. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве) // Богословский Вестник. 1906. Т. 2. № 5. С. 118.

[50] См. также ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

СЕНТЯБРЯ 17–18. ПЯТНИЦА-СУББОТА. ПАВЛОВСК

Гоголь заезжает на дачу к А. О. Смирновой[1]. Вероятно, благодарит ее за ходатайство в получении материальной помощи от Государя[2].

Спустя около месяца, 14 октября 1848 г., Гоголь писал Смирновой из Москвы: «Мы с вами так немного виделись! Едва только что успели разговориться»[3].

Около 1873 г. Смирнова рассказывала А. Н. Пыпину: «В 1848 я осенью жила в Павловске. Явился Г<оголь> в дов<ольно> хор<ошем> расп<оложении> дух<а>, но не хот<ел> ни у кого быв<ать>, ничего не хот<ел> гов<орить> о Иерус<алиме>, отговаривался при мне ехать на вечер, ссылаясь, ч<то> ему жиды шили в Бейруте сюртук и что в этом сюртуке не может явиться ни к кому в Петерб<урге>. Он бывал осенью часто у Вьельгурских... <...>

Он был в Константиноп<оле>[4] <...>, после путеш<ествия> в Иерус<алим>, но когда я расспр<ашивала>, он мне ничего не расск<азал>. Т<аким> обр<азом> он молч<ал> и о Св<ятых> Мест<ах>. Только расск<азал> мне одну ночь[5], проведенную им в церкви»[6].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Получивши 1000 р<ублей> серебром, т. е. 3500 р<ублей> асс<игнациями>, он поехал в Иерусалим. Что он чувствовал у Гробницы Спасителя, осталось тайной для всех; знаю, что он мне не советывал ехать в Палестину, потому что комфортов совсем нет»[7].

В 1888 г. В. И. Шенрок, получивший от дочери Смирновой Ольги Николаевны ее записки о Гоголе (основанные на воспоминаниях матери), сообщал: «Рассказывая это впоследствии <речь идет о гоголевском путешествии в Испанию в 1837 г.>[8], Гоголь обыкновенно прибавлял: "В 1830-х годах испанские локанды[9] были гораздо грязнее русских станций; грязнее их знаю только жидовскую корчму и один монастырь в Иерусалиме и также на Афоне, где легкая и тяжелая кавалерия, т. е. блохи, клопы, тараканы и вши, ночью поднимают настоящий бунт и однажды сражались на моей спине!" и проч. Он говаривал также: "Блохи при Тивериадском озере[10] настоящие слоны!" По шутливому тону этих рассказов, Александра Осиповна сначала сомневалась в их справедливости...»[11]

В 1867 г. Смирнова сообщала также П. А. Висковатову: «Гоголь смотрел на "Мертвые души", как на что-то, что лежало вне его, где должен был раскрыть тайны, ему заповеданные.

– Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью[12]. А если я прочитаю написанное еще не оконченным, кому бы то ни было, ясность уходила с глаз моих. Я это испытывал много раз. Я уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если выпущу на свет несозревшее или поделюсь малым, мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свет...

Своею службою царю и отечеству Гоголь называл свою писательскую деятельность, но не ту, что была за ним, а ту, что была впереди.

– Бог вразумил Государя, и он дает мне возможность работать, он дает мне средства – это мое жалованье за мою службу... Неужели вы думаете, что он дал бы мне деньги за ту дрянь, что я написал? Да и эта дрянь полезна только тем разве, что тоже дала мне некоторые средства... Да, это навоз, но без него не вырасти розанам. <...>

Гоголь любил со всеми жить в мире. Он боялся кого-либо огорчить и искренно сетовал на то, что его не понимают, как и на Белинского, которому не отвечал.

Я <замечает Висковатов> принес Смирновой "Полярную Звезду" Герцена, где напечатано было известное письмо Белинского к Гоголю в ответ на его письмо, и затем опять ответ Гоголя на письмо Белинского ("Полярная Звезда" 1855 г., стр. 62–77).

Александра Осиповна сказала, что ответа Гоголя не знала, но что в нем видна прекрасная душа Николая Васильевича, и что он только служит подтверждением всего того, что она говорила о Гоголе.

Гоголь стремился к тому, чтобы не только перезнакомить всех своих знакомых, но постоянным его желанием было сблизить друзей своих, чтобы все были связаны одними общими узами дружбы и "жили между собою в мире и согласии"»[13].

[1] Письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 16 сентября 1848 г.

[2] См. ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1848. Октября 14. Четверг. Москва.***

[4] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***; ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь.***

[5] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим.***

[6] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246, 242.

[7] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 264.

[8] См. ***1837. Июня после 27 – июля до 15 <июня после 15 – июля до 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Баден-Баден.***

[9] Локанда (locanda; *ит.*) – гостиница.

[10] См. ***1848. Марта начало <марта средина>. Назарет*** (примечания).

[11] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод*. Т. 2. С. 312.

[12] См. также ***1849. Мая 1. Воскресенье. Москва*** (свидетельство Ф. В. Чижова).

[13] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 240.

СЕНТЯБРЯ 18. СУББОТА – ОКТЯБРЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь живет у графа Мих. Ю. Виельгорского, встречается с П. А. Плетневым, А. О. Ишимовой[1], Н. В. Кукольником[2], Н. Я. Прокоповичем (возможно, с Н. Г. Белоусовым, М. Б. Чистяковым)[3], с князем П. А. Вяземским[4], П. В. Анненковым, А. А. Комаровым, В. П. Боткиным, И. И. Панаевым, с молодыми писателями И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, Н. А. Некрасовым, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом[5] и др.[6]; с графом Д. Н. Блудовым[7] и его дочерью графиней А. Д. Блудовой[8]; с художниками К. П. и А. П. Брюлловыми[9], Ф. А. Бруни[10] и др. Заходит к Карташевским[11] (и вероятно, к Н. И. Надеждину, к Д. Е. Бенардаки[12], к В. И. Далю и А. П. Башуцкому[13], к графу С. С. Уварову, к С. А. Бурачку[14], к В. И. Григоровичу[15], к И. И. Сосницкому)[16], к А. В. и А. М. Веневитиновым[17]. Вероятно, встречается с М. П. Вагнер[18], с А. Н. Поповым[19], с графиней С. П. Апраксиной, с Ар. О. Россетом[20]. Посещает с графом В. А. Соллогубом Александринский театр. Трижды Гоголя навещает художник П. Ф. Зеньков (Гоголь по приезде в Петербург отправил ему предварительно, на адрес Академии художеств, письмо от М. П. Погодина)[21].

В эти же дни Гоголь оставил записку Ф. Л. Халчинскому:

«Гоголь весьма сожалеет, что не имел удовольствия застать дома Федора Лаврентьевича и передать лично поклон от Ивана Дмитр<иевича> из Константинополя»[22].

Из воспоминаний М. И. Железнова (1898): «В мастерской Брюллова я видел Гоголя только один раз, вскоре по возвращении его из Италии, в 1849 <в 1848> г. Гоголь пришел к Брюллову перед сумерками вместе с Бруни. До этого времени я никогда не видел Гоголя, но тотчас же [узнал его по налитографированному портрету, на котором он представлен в халате] узнал его по литографии <П. Ф. Зенькова>, сделанной, как я впоследствии убедился, с портрета, написанного Ивановым[23]. Костюм Гоголя состоял из серых шароваров, из черного бархатного короткого сюртука и из небрежно повязанного на шею малинового шелкового платка, на котором лежал довольно широкий, не накрахмаленный воротник рубашки. Неблагородство манер Гоголя сразу [поразило] озадачило меня; но его лицо, в сравнении с портретом, показалось мне молоденьким и свеженьким огурчиком. Гоголь и Брюллов поцеловались три раза накрест, как у нас все целуются в Светлое Воскресенье. Только что Брюллов пустился в расспросы о Риме, <Н. А.> Лукашевич[24] вызвал его в другую комнату; а Гоголь обратился ко мне с вопросом:

– Скажите, где портрет Жуковского?

Этот портрет был повернут к стене и заставлен другими холстами. Я его отыскал и показал Гоголю. Посмотрев на него, Гоголь сказал:

– Жуковский много постарел с тех пор, как К<арл> П<авлович> его писал[25]; но все-таки очень похож на свой портрет. Это лучший из портретов, написанных с Жуковского.

– О! это без сомнения! – подхватил Бруни и посмотрел на меня так, как будто хотел сказать: "Смотри же ты, непременно передай это Брюллову!" Я, разумеется, Брюллову этого не передал»[26].

12 мая 1847 г. школьный приятель Гоголя Н. Я. Прокопович, сблизившийся в Петербурге с П. В. Анненковым и В. Г. Белинским, писал ему: «...Перемены в тебе, хотя бы они и были, не могут переменить моих чувств к тебе». Комментируя эти строки, В. И. Шенрок в 1897 г. замечал: «Это благородное убеждение Прокоповича разделяли не все школьные товарищи Гоголя: один из них[27], как мы слышали, не принял Гоголя, когда последний заехал к нему по старой памяти в Петербурге вскоре по выходе "Переписки с друзьями" в 1848 г. По слухам, Гоголь, пораженный отказом, не мог сдержать себя и зарыдал тут же, у двери. Этот случай потом рассказывался будто бы с кафедры студентам этим товарищем Гоголя. Надеемся, что слух не верен»[28].

В 1886 г. актер Н. И. Куликов вспоминал: «...Все театральное управление в Петербурге <...> перешло в ведение директоров: князя <С. С.> Гагарина, а за ним А. М. Гедеонова[29]. Оба эти директора, воспитанные на французский лад, <...> русской словесности, даже грамоты, не знали. По крайней мере, Гедеонов неправильно писал, и не только не следил за русской литературой, он даже не читал ничего, кроме рецензий о театрах в "Северной Пчеле". <...>

Заметив об отношении директора к литературе, представим историческую сценку свидания его с Гоголем, которая наглядно докажет, как знал и ценил А. М. Гедеонов русскую словесность.

Надо помнить, что в последний приезд из-за границы Николай Васильевич Гоголь извне пользовался всеобщим уважением и славою от современников, и внутренно сам был преисполнен и славою, и самоуважением. В Москве, проездом, он уж не квартировал, как прежде, у друзей С. Т. Аксакова и М. П. Погодина, а в хоромах Талызина, графа Толстого. Так, приехав и в Петербург, расположился в доме и квартире графа М. Ю. Вьельгорского[30], где проживал и В. А. Соллогуб, женатый на дочери графа.

Соллогуб за великую себе честь считал сопровождать Гоголя в знакомые дома, в ученые заседания и в театры.

Так, в одном из спектаклей Александринского театра[31], во время антракта, он, вбежав в уборную Мартынова[32], кричал: "Гоголь, Гоголь идет похвалить вашу игру!"

За ним является и сам Николай Васильевич, важный, серьезный, гордый, говоря: "Хорошо, Мартынов, я доволен... я заметил, что вы играли свою роль con amore!!"

Потом Соллогуб проводил его до уборной В. В. Самойловой[33]. "Никогда, — рассказывала Вера Васильевна, — так свысока не хвалил нас и государь!"

— Мило, мило, а главное, — умно провели свою роль... Вы и Мартынов помирили меня с русской сценой.

В таком-то настроении он вздумал посетить директора театров.

При входе Гоголя в канцелярию Гедеонова начальник репертуара А. Л. Невахович[34], вскочив с места, с восторгом раскланиваясь, приветствовал автора "Мертвых душ". Кивнув ему головой, Гоголь спросил: "Где Александр Михайлович?"

— Пожалуйте сюда в кабинет, — и расшаркиваясь, ввел его в кабинет, где директор сидел спиной ко входу: он в эту минуту крепко занят был цифирью по случаю огромного дефицита.

Гоголь (развязно подходя к нему): Здравствуйте, Александр Михайлович!

Гедеонов (мельком взглянув на него): Здравствуйте! *(снова углубляясь в работу)*. Что вам нужно?

Гоголь: Я Гоголь.

Гедеонов (с нетерпением): Так что же нужно?

Гоголь (растерявшись): Где ваш сын Этьен?

Гедеонов (обертываясь и указывая рукой): Так через переднюю к нему... *(увидав Неваховича)*. Александр Львович! Проводите его к Степану Александровичу[35]!

"Как ни смешна эта сцена, — рассказывал Невахович, — а мне жаль было Гоголя, когда он, то бледный, как полотно, то красный, как рак, шел со мной из кабинета до комнаты директорского сына"»[36].

Позднее В. П. Шнейдер[37], со слов графа П. П. Семенова-Тань-Шанского[38], сообщала: «Петр Петрович Семенов Тянь-Шанский рассказывал, что в 40-х годах не раз видел Гоголя у учителя Русской Словесности Школы Гвардейских Подпрапорщиков[39], у которого жил пенсионер.

П<етр> П<етрови>ч был привезен из деревни в 15-ти летнем возрасте своими родственниками для помещения в Училище, но так как его обучение было чрезвычайно запущено, в деревне он был предоставлен всецело самому себе – он жил с душевнобольной матерью[40] – читал все, что только было в библиотеке его отца[41], в именьи Урусово Ряз<анской> губ<ернии>, т<ак> что познания в истории, поэзии, литературе, как русской, так и французской, были блестящи, но иногда прерывались на каком-нибудь факте, если не было следующего тома в библиотеке; а из арифметики он едва-едва справлялся с первыми четырьмя правилами. Таким образом, он не подошел ни к одному классу и был помещен на частную квартиру учителя словесности, украинцу, жившему при школе, для подготовки в трехмесячный срок к вступительным экзаменам.

К нему-то в это время и заходил неоднократно *Гоголь*, и П<етр> П<етрови>ч слушал их разговоры, которые велись главным образом на темы текущих злободневностей литературы»[42].

Около 1873 г. Смирнова рассказывала А. Н. Пыпину: «В 1848 <...> он <Гоголь> бывал осенью <...> у С. П. Апраксиной[43], о к<оторой> он гов<орил>, что он люб<ит>. Она сама по себе оч<ень> добра – она сестра моего любез<ного> А. П. Толстого. Вообще он ее очень высоко ставил, любовался очень ею к<ак> светскою [дамою] женщ<иной>, что никто не умеет дать бал хор<ошо> и экономно. Если этому надо быть, то ч<тобы> меньше было времени и денег. – Он уехал осенью и упрек<ал> письменно, что я не поехала его провож<ать> до дилижанса. Ему было грустно. В Москву. Писал мало – я была больна и не могла ему отвечать»[44].

[1] См. ***1848. Декабря 2. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Адрес Кукольника Гоголь, по-видимому, вписал в свою записную книжку 1846–1850 гг. еще в Одессе (см. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса***). Или во время общения с Кукольником в Одессе, или при встрече с ним, полгода спустя, в Петербурге Гоголь рассказал давнему школьному товарищу тот же анекдот, который рассказывал весной 1848 г. в Одессе Л. С. Пушкину и Н. Г. Тройницкому (см. там же), 17 сентября 1848 г. в Петербурге – в доме Виельгорских (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***) и позднее, летом 1849 г., брату А. О. Смирновой Л. И. Арнольди в Москве (см. ***1849. Между июня 28 и июля 4 или 5. Москва***).

[3] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «Боткин у князя Вяземского». (Поскольку эта помета следует в записной книжке непосредственно после адреса Кукольника (см. примеч. выше), то, вероятно, и она была сделана в мае 1848 г. в Одессе со слов Кукольника.) Еще одна заметка о Вяземском появилась в той же записной книжке в период между 7 и 12 сентября 1848 г. в Москве (см. ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва***).– См. также ***1849. Января 11. Вторник. Москва.***

[5] Андрей Иванович Кронеберг (1815 или 1816 – 1855), писатель и переводчик, сын И. Я. Кронеберга.

[6] См. ***1848. Сентября 25 или октября 2. Суббота. 10 часов вечера. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва.***

[8] См. ***1848. Октября 4. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 5. Вторник. Дача графини А. Д. Блудовой под Петербургом.***

[9] См. ***1848. Октября 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1848. Сентября 30. Четверг. Москва***; ***1848. Сентября около 30. Москва.***

[12] См. ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва***; ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[14] См. там же.

[15] См. там же.

[16] См. ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва.***

[17] См. ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1848. Сентября 9. Четверг. Москва***; ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[20] См. ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь***; ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 14. Четверг. Москва.***

[21] См. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября 4. Четверг. Санкт-Петербург.***

[22] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь.***

[23] См. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт*** (примечания).

[24] «Помощник Бруни при Эрмитаже» (примеч. Н. К. Козмина).

[25] Работа над портретом В. А. Жуковского была начата К. П. Брюлловым 2 апреля 1837 г. 22 февраля 1838 г. этот портрет был разыгран в лотерею для выкупа из крепостного состояния Т. Г. Шевченко. 25 апреля 1838 г. Жуковский в доме Брюллова вручил Шевченко документ о вольности (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 379–381).

[26] *Железнов М. И.* Заметка о К. П. Брюллове // *Свод.* Т. 3. С. 402.

[27] «П. Г. Редкин?» (примеч. В. В. Вересаева в изд.: *Вересаев В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л., 1933. С. 387). Предположение Вересаева вряд ли основательно, так как Редкин жил в Москве. Возможно, приятель, «не принявший» Гоголя, не был его школьным товарищем. В таком случае можно предположить, что этим гоголевским знакомым был И. И. Срезневский, занявший в 1847 г. кафедру славистики в Петербургском университете и, возможно, после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» изменивший свои отношения к писателю (см. ***1834. Февраля 16. Пятница. Харьков*** – примечания).

[28] *Свод.* Т. 1. С. 591.

[29] Александр Михайлович Гедеонов (1786–1867), директор Императорских театров (с 1833).

[30] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[31] Речь идет о пьесах других авторов, так как гоголевские комедии в период пребывания Гоголя в Петербурге с 16 сентября по 9 октября 1848 г. в Александринском театре не ставились.

[32] Александр Евстафьевич Мартынов (1816–1860), актер Александринского театра.

[33] Вера Васильевна Самойлова (в замужестве (с 1853) Мичурина, 1821–1880), петербургская драматическая актриса и певица; на сцене с 1839 г.; дочь артистов Василия Михайловича Самойлова (1782–1839) и Софьи Васильевны Самойловой (рожд. Черниковой, 1786 или 1787 – 1854), сестра артистов Василия Васильевича (1812–1887), Марии Васильевны (в замужестве Загибениной, 1807 – 1880-е), Надежды Васильевны (по мужу Макшеевой, 1818–1899) и Любови Васильевны (род. в 1807) Самойловых.

[34] Александр Львович Невахович (1810–1880), переводчик, поэт-дилетант, начальник репертуарной части дирекции Императорских театров, брат М. Л. Неваховича.

[35] Степан Александрович Гедеонов (1815–1878), драматург, археолог; директор Императорских театров с 1867 по 1875 г.

[36] Петербургское театральное училище в воспоминаниях Н. И. Куликова // *Свод.* Т. 3. С. 641–642.

[37] Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941), художница и этнограф; с 1912 по 1919 г. попечительница женской Школы Народного Искусства имени Императрицы Александры Феодоровны (страстотерпицы); в 1936 г. вместе с сестрой Александрой Петровной Шнейдер была выслана в Саратов. – См. также ***1851. Между апреля 20 и мая 22. С. Михайловка на р. Псле.***

[38] Граф Петр Петрович Семенов (1827–1914; с 1906 – Семенов-Тянь-Шанский), русский географ, статистик, ботаник и энтомолог; государственный деятель; был дружен с Н. Я. Данилевским, знаком с Ф. М. Достоевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным и др.; приходился племянником литератору и цензору В. Н. Семенову (см.: *Грот К. Я.* Василий Николаевич Семенов, литератор и критик // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1928. Вып. 37. С. 184–187), подписавшему в 1834 г. к печати второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а также сборники «Арабески» и «Миргород» (о знакомстве Гоголя с В. Н. Семеновым см.: ***1833. Первая половина года. Санкт-Петербург*** – примечания). П. П. Семенов был родственником, по матери, В. Б. Бланка, у которого жил по приезде в Петербург в сентябре 1841 г. (см. воспоминания В. Б. Бланка о Гоголе: ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут***; ***1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут***). В 1938 г. сын Семенова-Тянь-Шанского географ Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942), «как бы выполняя завет гоголевских “Арабесок”, написал книгу для чтения по общегеографическим вопросам под названием “Географические арабески”, представляющую собой популярную сводку материалов первого тома “Большого Советского Атласа Мира”» (*Паламарчук П. Г.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Арабески. М., 1990. С. 418). Книга не издана (см.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* «Слово о полку Игореве» – глазами географа / Публикация, предисловие и примечания П. М. Поляна // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 261).

[39] Речь идет о поэте Александре Александровиче Комарове (1813–1874), преподававшем русскую словесность в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с 1839 по 1855 г. (В 1827–1830 гг. преподавателем русской словесности в школе был В. А. Половцов, в 1830–1832 гг. – П. А. Плетнев; в 1832–1833 гг. – М. И. Талызин; в 1830–1839 и в 1855–1860 гг. – В. Т. Плаксин.) Вероятно, П. П. Семенов видел Гоголя у А. А. Комарова осенью 1848 г. – уже после окончания Петербургского университета (1845–1848). В школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров П. П. Семенов поступил осенью 1842 г., где был зачислен сразу в третий класс; закончил школу весной-летом 1845 г. Впоследствии он вспоминал: «Учителя у нас были все очень хорошо подобраны. Между ними были и профессора университета <...>, а также и такие талантливые и интересные люди, какими были по русской литературе Комаров и известный друг Гоголя – Прокопо-

вич... <...> Учитель русского языка в младших классах, Прокопович, <...> передавал нам литографированные записки, составленные строго по программе, сам же, к большому нашему удовольствию, значительную часть времени занимался чтением нам лучших произведений нашей литературы и в особенности сочинений своего друга Гоголя, конечно, с очень обстоятельными объяснениями. Учитель русской литературы в высших классах, Комаров, также читал нам очень много из лучших произведений русской литературы, а стихотворения читал с таким мастерством, что мы его заслушивались. Все это было связано и оживлено настоящим курсом эстетики, а также самым основательным критическим обзором истории русской литературы. Для нас всех, не исключая самых ленивых, его лекции были истинным наслаждением. Задавал же он нам не уроки, а сочинения, предоставляя нам самим выбирать темы из нескольких, названных им более для примера, причем объяснял, также для примера, с каких точек зрения можно писать на эти темы» (Мемуары П. П. Семенова-Тян-Шанского. Детство и юность (1827–1855 гг.). Пг., 1917. Т. 1. С. 151, 154). Отметим также, что в старших классах школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров учился с 1829 по март 1831 г. друг Гоголя А. С. Данилевский.

[40] Александра Петровна Семенова (1801–1847), дочь архитектора К. И. Бланка.

[41] Петр Николаевич Семенов (1791–1832), писатель-драматург.

[42] *Шнейдер В. П.* <Граф> Петр Петрович Семенов<-Тянь-Шанский> о своих встречах с Гоголем // *Свод.* Т. 3. С. 644.

[43] Возможно, Апраксина на некоторое время приезжала из Италии в Петербург, а затем опять вернулась в Неаполь. В 1849 г. в Неаполе художником Дюном был нарисован портрет-акварель ее дочери Н. В. Апраксиной (*Анисимов Ю.* Ольгово // Подмосковные музеи. Путеводители под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 4. Ольгово. Дубровицы. М.; Л., 1925. С. 54).

[44] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

СЕНТЯБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«В Петербург я приеха<л> благополучно. <...> Несмотря на многие грустные явления, которых свидетелями приходится нам быть ныне чаще, нежели в прежние времена, милость Божия еще держит дух мой и доставляет мне случаи видеть многое утешительное. Будем же крепки, будем тверды нашей верой в Того, Кто один только может помочь всему. <...> Адресуйте письма в Москву, на имя Степана Петр<овича> Шевырева, близ Тверской, в Дегтярном переулке...»

СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ СУББОТОЙ 18 И СРЕДОЙ 22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посетил П. А. Плетнева.

В среду 22 сентября 1848 г. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту из Спасской Мызы: «Сюда приехал Гоголь. Он был у меня. Я прочитал ему об Антонии и Пахомии[1]. По его мнению, в чем и мы с тобой согласны, у Циммермана не довольно развито повествование о состоянии тогдашнего общества, вынуждавшем энергических людей к изысканию средств отстоять лучшие убеждения их верования.

С этой точки зрения монастыри покажутся в ином свете, нежели как изображает их Циммерман[2]. Гоголь — большой знаток церковной литературы. Он рассказал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из евангелистов или апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором, при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника, период выходил бы ясным, звучным и в форме для каждого читателя привлекательной. Так он переложил весь Новый Завет[3].

Гоголь здесь пробудет только две недели, зиму проведет в Москве, а весной воротится сюда. Он на вид очень здоров и даже более полон, нежели когда-либо был таким. Наружность его, щеголеватая до изысканности, не напоминает автора “Переписки”. О состоянии духа он не вдается в объяснения».

Свод. Т. 1. С. 698–699.

[1] Грот, читавший в русском переводе 1784 г. книгу европейского философа, лейб-медика английского короля И. Г. Циммермана «О уединении», 13 сентября 1848 г. прислал П. А. Плетневу выписку из этой книги, где, в частности, содержались критические суждения об основателях православного монашества преподобных Антонии Великом и Пахомии Великом (IV в.).

[2] 24 сентября 1848 г. Грот отвечал Плетневу: «Верю, что предмет касательно монашества не вполне истощен Ц<иммерма>ном, но на Гоголя — в этом деле еще менее могу положиться. Автор "Переписки с друзьями" щеголеват до изысканности: прошу же понять человеческую натуру!» (*Свод*. Т. 1. С. 699).

[3] Перевод был сделан В. А. Жуковским с церковно-славянского языка в 1844–1845 гг. (см. ***1846. Января 5 <1845. Декабря 24>. Понедельник. Рождественский сочельник. Франкфурт-на-Майне***). Текст перевода опубликован: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского. Берлин, 1895. 640 с. См. также: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского / Под ред. Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина. СПб., 2008. 565 с.

СЕНТЯБРЯ 23. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.
[2] *Гриц*. С. 420.

СЕНТЯБРЯ 24. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет ответное письмо А. С. Данилевскому в Сварково:

«Письмо твое я получил уже в Петербурге. Оно меня встревожило, во-первых, тем, что бричка не привезена, как видно, извозчиком[1], привезшим меня в Орел. Во-вторых, что я точно позабыл второпях дать от себя какой-нибудь удовлетворительный вид Прокофию[2]. Теперь я в страхе и смущении. Извозчик, повезший Прокофия, кажется, честный человек, с пашпортом и за поручительством дворника двора, в котором стоял он в Москве. Он Орловской губернии, Мценского уезда, крестьянин сельца Бибикова, помещицы Ольги Николаев<ны> Руценовой. Имя ему Федор [Вавилов] Ильин. Всё это написано в его пашпорте. С ним послана также тебе золотая булавка, казанское мыло и конфекты, что всё должен тебе доставить Прокофий. Я не понимаю сам, как я одурел и распорядился так плохо. Из Орла тоже я не успел написать второго[3] письма о перемене намерения брать бричку, но на словах рассказал всё извозчику, чтобы он донес тебе, как это случилось. На него я понадеялся, как на человека из Глухова, известного в Сваркове всем людям. Ради Бога, успокой меня скорейшим уведомленьем. В Петербурге я успел видеть Прокоповича[4], вокруг которого роща своей семьи, и Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Всё, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложенье общества[5]. Тем более это безотрадно, что никто не видит никакого исхода и выхода и отчаянно рвется в драку, затем, чтобы быть только убиту[6]. Никто не в силах вынесть страшной тоски этого рокового переходного времени. И почти у всякого ночь и тьма вокруг. А между тем слово *молитва* до сих <пор> еще не раздалось ни на чьих устах».

20 сентября 1848 г. Гоголь в письме к матери, в частности, замечал: «Будем <...> тверды нашей верой в Того, Кто один только может помочь всему». 5 июня 1849 г. он также писал К. М. Базили: «И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто один строитель порядка!» В письме к А. О. Смирновой от 23 декабря 1850 г.: «Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порывает<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия, что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающих<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодари<ть>. Молиться за всех, благодарить за всё».

Позднее, во время пребывания Гоголя в Одессе в 1851 г., Е. А. Хитрово записала в дневнике: «19 января. *Гоголь:* "А что вышло на поверку: они все пили и ели"[7] (1848 г. во Франции). — *Я:* "Да, а как унеслись тогда надеждами!" *Гоголь:* "Да. Вообразили, что никто выше не будет, что великие люди не нужны". <...> *Гоголь:* "А вы очень воспламенялись?" *Я:* "О, чрезвычайно! Как жаль было расставаться с надеждами на улучшение, да и теперь еще меня эти надежды не покидают". *Гоголь:* "И меня нет. Но откуда же это придет? Не от людей же!" *Я:* "Откуда же?" *Гоголь:* "От милосердия". Но не сказал — какого... <...> <*Гоголь*>: "Не одни женщины увлеклись, но и умные пламенные люди"»[8].

В выписках Гоголя из служебной Минеи[9] есть стихира соответствующего содержания из службы святителям Московским Петру, Алексию и Ионе: «Царие и князи да стекутся и трием светильникам восплещут в песнех. <...> Святии чудотворцы, Петре и Алексие и Ионо, скоро предварите, и избавите нас от нахождений иноплеменных и междоусобныя брани, и спасите стадо свое молитвами вашими»[10].

Об этом же Гоголь просил (предположительно в 1849 г.[11]) в своей молитве, находящейся в записной книжке 1846–1850 гг.: «Милосердия, Господи. Ты милосерд. Прости всё мне грешному. Сотвори, да помню, что я один и живу в Тебе, Господи; да не возложу ни на кого, кроме на одного Тебя, надежду, да удалюсь из мира в святой угол уединения».

В заключение письма к Данилевскому Гоголь писал:

«Ульяну Григорьевну[12] благодар<ю> очень за письмо. Обнимаю вас обоих, а Олиньке[13] поцелуй. <...> Адрес мой по-прежнему: на имя Шевырева... <...> Я здесь еще пробуду неделю с небольшим».

[1] З. Москаренко (см. ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел***).

[2] Повар А. С. Данилевского.

[3] Ср. ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел***.

[4] При встрече Прокопович, возможно, передал Гоголю забытую им в 1842 г. записную книжку (см. ***1842. Июня 5 <17>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[5] Речь идет об июньском парижском восстании 1848 г. Негативную оценку этого восстания П. В. Анненков дал также, в частности, в 1848 г. в письме к брату Ивану из Парижа и, позднее, в статье «События марта 1848 года в Париже» (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** — примечания).

[6] 15 мая (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов сообщал Гоголю о революции в Италии: «Люди, теперь здесь во главе стоящие (Дж. Мадзини, А. Саффи, К. Армеллини, Дж. Гарибальди. — *И. В.*), грозятся все зажечь и погребсти себя под пеплом» (см. ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим***). Ср. в заметке Гоголя, относящейся к маю 1848 г., из записной книжки 1846–1850 гг.: «Что спьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть?» (Заметка представляет собой отрывок диалога — своеобразной полемики с последователями В. Г. Белинского, — который Гоголь намеревался включить в свою поэму; см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** — примечания.)

[7] Ср. реплику Хлестакова из второго действия «Ревизора»: «Как же они едят, а я не ем? Ведь для того и живешь, не правда ли?»

[8] См. ***1851. Января 19. Пятница. Одесса***.

[9] См. ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж***.

[10] См. также ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь*** (примечания).

[11] См. ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***.

[12] Жена Данилевского.

[13] Дочь А. С. Данилевского.

СЕНТЯБРЯ 24. ПЯТНИЦА

М. В. Киреевская пишет Е. А. Свербеевой в Москву:

«Благодарствуйте за известие о Гоголе. — Если он в самом деле поедет в Киев, напомните ему, пожалуйста, что ему не будет крюку ехать через Белев и заехать в Петрищево, где ему так будут все рады. Прежде он, бывало, любил маменьку[1] и часто ходил к ней»[2].

Свод. Т. 2. С. 135.

[1] А. П. Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская).

[2] См. ***1832. Июля начало. Москва***; ***1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва***; ***1839. Декабря 21. Четверг – 1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Января первые числа. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 7–8. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург***; ***1840. Января 8. Понедельник. Москва***; ***1840. Января 21. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1840. Февраля 17. Суббота. Москва***; ***1840. Февраля 22. Четверг. Москва***; ***1840. Апреля 26. Пятница. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1840. Мая средина, до 18 числа. Москва***; ***1841. Октября 20 <ноября 1>. Понедельник. Москва***; ***1841. Декабря 3. Среда. Москва***; ***1841. Октября 17 – декабрь. Москва***; ***1842. Января 7. Среда. Москва***; ***1842. Января 23. Пятница. Москва***; ***1842. Февраля 11. Среда. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая между 18 и 23. Москва***.

СЕНТЯБРЯ 25. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо Н. Н. Шереметевой. Адресует письмо в Москву С. П. Шевыреву, которому, вероятно, также отправляет записку (не сохранилась).

Из письма к Шереметевой: «Письмо ваше, добрый друг мой Надежда Николаевна, я получил уже в Петербурге. В Москве я ожидал вашего приезда или ответа от вас, потому что Шевырев посылал вам [в Рузу][2] дать знать о моем приезде[3]. Мне было жалко выехать из Москвы, вас не видавши, но так как я надеялся чрез три недели возвратиться назад, то и не предпринимал поездки в Рузу для свиданья с вами».

[1] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. С. Покровское***.

[2] Шереметева большую часть года жила в с. Покровском Рузского уезда Московской губернии.

[3] Ср. ***1848. Октября 1. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Москва***.

СЕНТЯБРЯ 25 ИЛИ ОКТЯБРЯ 2. СУББОТА. 10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, желая «посмотреть на молодых сотрудников “Современника”» (сданного в 1846 г. П. А. Плетневым в аренду Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву[1]), на ужине у А. А. Комарова знакомится с И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом, Н. А. Некрасовым. Присутствуют также П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Панаев[2] и, вероятно, Н. Я. Прокопович.

Высказывалось мнение, что в числе приглашенных литераторов был также Ф. М. Достоевский[3]. Однако Достоевский не был сотрудником «Современника» и к тому времени уже разошелся с «некрасовцами» – был с ними в ссоре. Так что, более вероятно, что Достоевского никто не приглашал (см. ниже).

3 февраля 1858 г. П. В. Анненков, вспоминая вечер у Комарова, писал И. С. Тургеневу: «Помню я, что в 1849 <в 1848> г. Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временной арест, чтобы заставить людей *мыслить*»[4].

В начале 1880-х гг. Анненков сообщал об этих словах Гоголя еще раз: «Он <...> продолжал думать, что, по отсутствию выдержки в русских характерах, преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьезных работ ко времени облегчения. Эту же мысль развивал он при мне и в 1849 <1848> году на вечере у Александра Комарова. Тогда произошла довольно наивная сцена. Некрасов, присутствовавший тоже на нем, заметил: “Хорошо, Николай Васильевич, да ведь за все это время надо еще есть”. Гоголь был опешен, устремил на него глаза и медленно произнес: “Да, вот это трудное обстоятельство”»[5].

Присутствие на ужине Анненкова служит отправной точкой для датировки посещения Гоголем вечера Комарова. Последний устраивал свои обеды по субботам[6] или по воскресеньям (что менее вероятно)[7]. Гоголь приехал в Петербург в четверг 16 сентября 1848 г. и покинул его в субботу 9 октября того же года. В пятницу 24 сентября 1848 г. он сообщал А. С. Данилевскому об их общих знакомых: «В Петербурге я успел видеть Прокоповича, вокруг которого роща своей семьи (Прокопович, в свою очередь, был близко знаком с Комаровым. — *И. В.*), и Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх: совершенное разложенье общества».

Если разговор с Анненковым о парижских событиях происходил на вечере у Комарова, то тогдашний обед следовало бы датировать 19 сентября 1848 г. Воскресный день между 16 и 24 сентября 1848 г. приходился именно на это число; пятницу 17-го Гоголь провел у Виельгорских в Павлино, после чего заезжал на дачу к А. О. Смирновой (по-видимому, в субботу 18 сентября).

Однако отсутствие Гоголя в Петербурге в предшествующие 19-му числу дни делает встречу у Комарова в этот день маловероятной. С одной стороны, срочно собрать на вечер сразу несколько литераторов было бы затруднительным. С другой стороны, Гоголь, покидая 16 сентября Петербург (в первый же день его приезда сюда), вряд ли мог успеть договориться с Комаровым о встрече и не мог точно угадать свое возвращение к указанному сроку.

Скорее всего, на ужине у Комарова Гоголь и Анненков встретились в 1848 г. уже во второй раз, так что этот субботний вечер мог состояться либо 25 сентября, либо 2 октября 1848 г. — до отъезда Гоголя из Петербурга в субботу 9 октября.

В 1855 г. И. И. Панаев, также присутствовавший на вечере у Комарова, вспоминал: «Один из старинных знакомых Гоголя[8] пригласил к себе однажды вечером (это было, если не ошибаюсь, в 1849 <в 1848> году, во время пребывания Гоголя в Петербурге) многих из молодых литераторов, объявил им, что у него будет Гоголь и что он желает с ними познакомиться[9]. Я был также в числе приглашенных, но только не в качестве литератора, а так просто, потому что я был приятель приятеля Гоголя[10]... Все собрались часам к осьми. Радушный хозяин дома, счастливый мыслию, что он принимает у себя одного из первых русских писателей, накупил удивительных крендельков к чаю и заказал бальтазаровский ужин, со всевозможными очень тонкими винами, обыкновенно употребляемыми. Нечего говорить, что все ждали Гоголя с величайшим нетерпением, что после девяти часов хозяин и хозяйка дома с беспокойством беспрестанно поглядывали на часы. Гоголь явился в 10 часов. На нем был черный сюртук; волосы его падали длинными тесьмами спереди и сзади (вероятно, он подстриг их сзади уже впоследствии, если верить вышеупомянутому автору[11]), у него были также маленькие усики и бородка... Хозяин бросился к нему навстречу. Гоголь довольно равнодушно поздоровался с ним, окинул быстрым, но едва заметным взглядом всех присутствовавших, отказался, к огорчению хозяев дома, от чая и пошел в следующую комнату. Там ему были представлены молодые литераторы; он уселся на диване, посматривая на все и на всех как-то вяло, флегматически, и от времени до времени поглаживая свою бородку. Молодые литераторы окружили его: он был к ним очень внимателен, с любопытством и видимым участием расспрашивал их о их будущих трудах, отзываясь о некоторых напечатанных их произведениях с большою похвалою. Говорил, однако, он вообще медленно, с расстановками, обнаруживал утомление и даже в самые минуты разговора был как будто занят какими-то другими мыслями. В половине двенадцатого он взялся за шляпу. Хозяин помертвел...

— А закусить-то чего-нибудь, Николай Васильич! — воскликнул он, — сделайте одолжение...

— Нет, я никогда не ужинаю, — возразил он нехотя, — это мне вредно...

— Ну, хоть чего-нибудь, — замирая, пробормотал хозяин, — чаю вы не пили... хоть рюмку вина...

— Вина? а какое у вас есть вино?

— Всякое, какое угодно: лафит, сотерн, мадера, портвейн, шампанское...

— Нет, я этого ничего не пью, а велите-ка мне подать рюмку *малаги*.

Слова эти были решительным ударом для хозяина дома... О малаге ему и в голову не приходило. Кто же пьет малагу? Однако он отвечал: "Сейчас..." — и немедля отправил человека за малагой, наказав ему достучаться в погребе и достать бутылку малаги за какую бы то ни было цену.

Через полчаса бутылка малаги явилась перед Гоголем. Гоголь чуть помочил губы в налитую ему рюмку, простился со всеми и уехал, несмотря на отчаяние хозяина. Делать было нечего — и мы пошли к ужину без Гоголя...»[12]

Поведение Гоголя носило, по-видимому, «знаковый» характер. В стихотворении его покойного друга, поэта Н. М. Языкова «Малага» это вино как «напиток смирный и беспенный» противопоставляется «кипучим» винам, которые герой пил в разгульные годы юности, когда — «всё было наобум»[13].

Предположение о присутствии на обеде Комарова Достоевского (см. выше) основывается главным образом на том, что с приведенным рассказом Панаева определенно перекликается один из эпизодов в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (опубл. в 1859), где в образе Фомы Опискина Достоевский использовал отдельные черты Гоголя. Так, к воспоминаниям Панаева, несомненно, близок эпизод «Села Степанчикова...», когда Фома требует малаги, на что Бахчеев замечает: «И вина-то такого спросил, что никто не пьет!»[14]

В то же время перекличка между упоминаниями о «малаге» в воспоминаниях Панаева и в «Селе Степанчикове...» не может служить убедительным аргументом в пользу присутствия Достоевского на вечере с Гоголем, так как с панаевским рассказом Достоевский мог познакомиться непосредственно по публикации 1855 г., т. е. в период самого начала вызревания замысла его повести. Этот факт не был принят во внимание исследователями, учитывавшими лишь позднейшую публикацию И. И. Панаева 1860 г. — его статью «Воспоминание о Белинском»[15] и, таким образом, ошибочно полагавшими, что эпизод с малагой был впервые напечатан уже после выхода в свет «Села Степанчикова...»

Если допустить, что Достоевский прочел рассказ Панаева в публикации 1855 г., то она, по-видимому, послужила наиболее вероятным источником для создания пассажа о «малаге» в «Селе Степанчикове...». В то же время о встрече Гоголя с сотрудниками «Современника» Достоевский, судя по всему, был информирован и из других источников. Во всяком случае с начала сентября 1848 г. и позднее, когда на собраниях петрашевцев Достоевский читал зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю (за что был осужден в 1849 г.), писатель был в Петербурге. В частности, 19 октября 1848 г. (после отъезда Гоголя из столицы 9 октября) художник Н. П. Ломтев встретил Достоевского у художника Н. А. Майкова[16].

«Гоголевский» материал для создания образа Фомы Опискина оказался в повести Достоевского весьма «востребованным». Кроме требования о «малаге», в этом ряду можно указать еще несколько перекличек:

— «Завещаю не ставить надо мною никакого памятника... <...> Кому <...> я <...> дорог, тот воздвигнет мне памятник <...> в самом себе...» (Гоголь)[17]. — «О, не ставьте мне монумента! <...> В сердцах своих воздвигните мне монумент...» (Опискин)[18];

— «Я думал, что многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру... <...> Но <...> в журналах мне отвечали насмешками»[19] (Гоголь). — «Я чувствовал, <...> что я произведен для этого, — и что же? <...> платили мне <...> злобой, неблагодарностью, насмешками...» (Опискин)[20];

— «О моя юность! о моя свежесть!» (Гоголь)[21] — «Где, где она, моя невинность?» (Опискин)[22];

— «Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц...» (герой Гоголя, Городничий)[23]. — «...Кто кругом меня? Это буйволы и быки, устремившие на меня рога свои» (Опискин)[24];

— «...Вздор, <...> будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, <...> только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль» (Гоголь)[25]. — «...Я <...> вообще, знаете, не нахожу нужным смягчать свои выражения... <...> Только в глупой светской башке могла зародиться потребность таких бессмысленных приличий» (Опискин)[26];

— «...Несчастие <...> послано <...> затем, дабы он изменил прежнее житие свое...» (Гоголь)[27] — «...Несчастье есть, может быть, мать добродетели. Это сказал, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у которого бывают иногда зернистые мысли» (Опискин)[28].

В опубликованных в 1855 г. сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» один из героев замечает о помещике Костанжогло: «...Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте влаги прибавить полям... <...> Когда вокруг засуха, у него нет засухи...»[29] Напомним реплику Опискина: «...Другой совет мой. Сохраните леса: ибо леса сохраняют влажность на поверхности земли...»[30] Хотя подобную практическую пользу от леса извлекает у Гоголя герой поэмы, однако Достоевский мог с полным основанием приписать эти взгляды самому писателю. Анненков, встречавшийся с Гоголем в Москве в ноябре 1851 г., вспоминал: «Он взял с меня честное слово беречь рощи и леса в деревне...»[31] Возможно, нечто подобное Гоголь говорил и при встрече с петербургскими литераторами в 1848 г. Заботу о сбережении леса он высказывал тогда неоднократно, эта мысль была одним из прочных убеждений «позднего» Гоголя. Можно привести по крайней мере еще *пять* свидетельств на этот счет. В 1895 г. младшая сестра Гоголя, Ольга Васильевна, вспоминая о пребывании брата в родной Васильевке летом 1850 г., сообщала: «Просил мерку засадить желудей. Говорил: какой лес будет дубовый! А я говорю: кто его дождется? "Кто дождется, тот скажет: Царство Небесное тому, кто насадил"»[32]. В одном из набросков к восьмой главе первого тома «Мертвых душ» (опубл. в 1896 г.) Гоголь в качестве реплики Чичикова, бранящего с досады балы, приготовил следующую фразу: «Наместо того, чтоб сидеть по деревням, заботиться о крестьянах <...> разводить лес для внуков, сад, воспитывать крестьян, учить, поучать народ — вон они соберутся все в городе...»[33]

Думается, из встречи Гоголя в Петербурге с сотрудниками «Современника» (о которой Достоевский, по-видимому, был хорошо осведомлен) в устах «литератора» Опискина и самая сокровенная, заветная гоголевская мысль, пронизывающая все его творчество: «...Даже в последнем из созданий <...> я привык различать образ и подобие Божие...»[34] Опискин «настаивает» на этом не раз: «К вам <...> обращаюсь, домашние... <...> ...Человек — образ Божий...»[35] Достоевский повторяет эту мысль в «Селе Степанчикове...» еще дважды, то «доверяя» ее старому слуге Гавриле: «...Всяк человек образ Божий на себе носит, образ Его и подобие»[36],

то самому рассказчику (в последнем случае, впрочем, гоголевское убеждение приписано самой «натуральной школе»): «...Я с жаром начал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстановлять; <...> словом, я воспламенился и рассказал даже о натуральной школе...»[37]

Брат Достоевского, Михаил Михайлович, в свою очередь, 21 октября 1859 г. сообщал самому писателю мнение о «Селе Степанчикове...» А. А. Краевского: «Фома <...> напомнил ему Н. В. Гоголя в грустную эпоху его жизни»[38].

Трудно сказать, чем руководствовался Достоевский, наделяя своего персонажа чертами Гоголя. Следует, однако, подчеркнуть со всей определенностью, что речь в данном случае идет лишь об отдельных гоголевских чертах и высказываниях, не более; смысл и содержание образа Фомы Опискина принципиально иные. Делать из нескольких, хотя и значимых перекличек далеко идущие выводы — очевидная натяжка. Для решения своей задачи художник использует подчас самый неожиданный материал.

И все-таки начинал Достоевский свою писательскую карьеру в кругу западников, в тесном общении с Белинским. Именно за чтение зальцбруннского письма критика к Гоголю он был приговорен в 1849 г. к смертной казни, замененной ссылкой[39]. Возможно, и после ссылки Достоевский внутренне еще не примирился с «консерватором» Гоголем — невольным «виновником» его сурового наказания (не будь «Выбранных мест из переписки с друзьями» — не было бы зальцбруннского письма, не было бы и расправы). Словно в отместку своему первому литературному учителю — влияние которого чрезвычайно ощутимо и в «Бедных людях», и в «Двойнике» — и других произведениях Достоевского, — писатель в образе Фомы Опискина возвращается к тем первоначальным впечатлениям от личности Гоголя, которые получил в юности. (Несмотря на новый период в жизни писателя, в «Селе Степанчикове...» остается еще много от «молодого» Достоевского, до ссылки: «... Фома Фомич <...> достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями...»[40] Столь неприязненно Достоевский отозвался в «Селе Степанчикове...» о почитаемом московском юродивом, блаженном Иване Яковлевиче Корейше[41]. К сожалению, негативное мнение об этом юродивом Достоевский отразил позднее и в «Бесах»[42].)

Отношение молодого Достоевского к Гоголю во многом формировалось под влиянием западнической партии[43]. Вряд ли поэтому можно предъявлять к начинающему писателю серьезные претензии по поводу его тогдашнего отношения к Гоголю. В ту пору не только петербургские западники, но даже московские знакомые и близкие друзья Гоголя — Н. Ф. Павлов, даже Аксаковы и М. П. Погодин стали считать его — после издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» — Тартюфом! Произошло это не без «подсказки» сторонников Белинского.

Первым, кто поддался на обвинения Гоголя западниками в «тартюфстве», оказался, к сожалению, не кто иной как К. С. Аксаков (даже в 1840-х гг. Константин Аксаков в «оппозиционности» по-прежнему мало уступал своему бывшему московскому другу Белинскому; в этом смысле идейную и духовную близость К. С. Аксакова с Гоголем обычно преувеличивают[44]). О том, какие досужие слухи о Гоголе рассказал в 1847 г. К. С. Аксакову приехавший из Петербурга В. П. Боткин, сообщала в своем письме к другому своему сыну, Ивану, О. С. Аксакова (мать Константина и Ивана Аксаковых). 16 января 1847 г. Аксакова, имея в виду «Выбранные места из переписки с друзьями», сообщала: «...Сильное действие возбудила во мне эта книга: *сильное негодование* <...>, оно же и поддерживается вестями (которые привез Боткин и переданные нам Константином), что *он* <Гоголь> иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: "Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?", а он, кушая, отвечает: "Софья Петровна, думайте о душе вашей"». «Эта картина Тартюфа, — возмущалась Аксакова, — так мне противна, что я не могу ее выносить хладнокровно»[45].

(При ближайшем рассмотрении оказывается, что Гоголь с чертами будущего Опискина — не более чем произвольный вымысел противников новой книги Гоголя. Столь «живописно» западниками были «переданы» слова графини С. П. Апраксиной в письме годовой давности (от декабря 1845 г.), отправленном из Рима в Москву к К. Н. Щепкиной: Апраксина всего-навсего упоминала в своем письме о том, что «Гоголь бывает у них всякий день» и что «они от него в восхищении»[46].)

Одновременно с Константином Аксаковым Д. Н. Свербеев в тот же день, 16 января 1847 г., сообщал Аксакову-старшему, Сергею Тимофеевичу: «...Поразил меня отчаянный смельчак, который — видно, сердит он был на Гоголя за Ноздрева — во всеуслышание объявил, что автор писем отныне должен называться не Николаем, а Тартюфом Васильевичем»[47]. Возможно, Свербеев имел в виду либо уже упомянутого Боткина, либо близкого к западникам писателя Павлова. Впрочем, мнение «отчаянного смельчака», по-видимому, отчасти разделял и сам Свербеев (см. ниже). Спустя несколько дней, 22 января 1847 г., жена Свербеева, Е. А. Свербеева, писала А. Н. Попову из Москвы: «Здесь книга Гоголя занимает всех, все кричат, жестоко нападают на него. <...> Николай Филиппович написал критику <...> — прибирает эпиграфы из "Тартюфа", хлопочет, кричит»[48]. 24 апреля 1847 г. Погодин побывал вместе с Павловым в театре, где они смотрели комедию Мольера «Тартюф». Вернувшись домой, Погодин записал в дневнике: «Страшно, как подходит многое к Гоголю»[49]. (Погодин имел свои причины быть недовольным гоголевской «Перепиской...»; в одной из ее статей содержалась весьма нелицеприятная оценка Погодина[50].)

Сам Гоголь 4 марта (н. ст.) 1847 г. писал из Неаполя С. П. Шевыреву: «Разве и теперь не называют меня даже близкие мне люди лицемером, Тартюфом, двуличным человеком, играющим комедию даже в том, что есть святейшего человеку». По поводу этих слов дочь С. Т. Аксакова Вера 2 апреля 1847 г. замечала: «...Некоторые <...> упреки, которые он получает, столько оскорбительны, как напр<имер>, упреки в Тартюфстве, в двуличности, в обмане»[51].

Созданная Гоголю западниками репутация оказалась столь устойчивой, что, как свидетельствовал младший брат А. О. Смирновой (по матери) Л. И. Арнольди, даже и в конце 1850-х гг. — в период создания «Села Степанчикова...» — «иные», «по какому-то непонятному для нас упрямству», называли Гоголя «иезуитом Тартюфом»[52]. Арнольди был близок к Свербееву — тому, что сообщил ранее Гоголю, через Аксакова, распространявшиеся в Москве слухи о «Тартюфе Васильевиче». С 1854 г. Арнольди был женат на дочери Свербеева, Варваре Дмитриевне. Вероятно, давнее мнение Свербеева о Гоголе он и сообщил в 1850-х гг. в своих мемуарах, поскольку сам Свербеев еще в 1847 г., доведя до сведения Гоголя упомянутое мнение «отчаянного смельчака», в конце того же письма добавлял уже от своего имени: «Мое собственное мнение о книге <...> — просто надувательство...»

Мнения о появлении в русской литературе нового «Тартюфа», вероятно, не прошли мимо Достоевского. Как указал М. П. Алексеев, расстановка действующих лиц в «Селе Степанчикове...» и основная схема их взаимоотношений отчетливо напоминают комедию Мольера[53]. При этом мнение о «Тартюфе»-Гоголе Достоевский, возможно, почерпнул от того же Боткина. Нарисованный боткинской фантазией образ лицемерного писателя-приживала, рассуждающего за столом у генеральши С. П. Апраксиной — при смене «хороших» блюд — о душе (Апраксина в самом деле была вдовой генерала), отчетливо узнаваем в характеристике притворно набожного — за обильным обедом — «литератора»-приживала в доме вдовы генерала Крахоткина. «"Прежде кто вы были?" — говорит <...> Фома, развалясь после сытного обеда... <...> Заронил ли я в вас искру небесного огня или нет?.." <...> "Я спрашиваю: горит ли в вас эта искра иль нет?" — <...> повторяет Фома, взяв конфетку из бонбоньерки...»[54] Недобросовестные измышления Боткина были частью кампании 1847 г. сторонников Белинского по очернению книги Гоголя.

Из воспоминаний бывшей жены И. И. Панаева (с 1839 г.) Авдотьи Яковлевны (во втором браке (с 1865 г.) Головачевой) 1889 г.: «Я забыла упомянуть, что в 1847 <в 1848> году, не помню, в каком месяце, в Петербурге проездом был Гоголь. Он изъявил Панаеву желание приехать к нему вечером посмотреть на молодых сотрудников "Современника", причем, конечно, сделал свою обычную оговорку, чтобы ни посторонних лиц, ни дам не было. За час до прибытия Гоголя в кабинете Панаева собрались: Гончаров, Григорович, Кронеберг и еще кто-то, а из старых московских знакомых Гоголя <...> Боткин... <...> Гоголь просидел недолго; когда он уехал, я вошла в кабинет и заметила, что у всех на лицах было недоумевающее выражение и все молчали, один Белинский, расхаживая по комнате, находился в возбужденном состоянии...»[55]

«Когда Гоголь был осенью в Петербурге, Белинский был уже давно[56] похоронен»[57].

Н. А. Некрасов в 1875 г. вспоминал: «А как на нас смотрели тогда — я не говорю о властных особах, а, напр<имер>, такие знаменитости, как Гоголь. Раз он изъявил желание нас видеть. Я, Белинский[58], Панаев и Гончаров надели фраки и поехали представляться, как к начальству. Гоголь и принял нас, как начальник принимает подчиненных: у каждого что-нибудь спросил и каждому что-нибудь сказал. Я читал ему стихи к "Родине"[59]. Выслушал и спросил: "Что ж вы дальше будете писать?" — "Что Бог на душу положит". — "Гм", — и больше ничего. Гончаров, помню, обиделся его отзывом об "Обыкновенной Истории"[60]...»[61];

«Один знакомый Гоголя написал, что он желает нас видеть. Мы поехали, я, Белинский[62], Панаев и Гончаров. Я читал стихи "к Родине". Выслушал и спросил: "Что же вы дальше будете писать?" — "Что Бог на душу положит". Гончаров обиделся отзывом его об "Обыкновенной истории". Гоголь немножко ломался и выглядел избалованным»[63].

[1] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва.***

[3] Библиографию по этому вопросу см.: *Тынянов Ю.* Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). Пг., 1921; *Маргулиес Ю.* Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 года) // Воздушные пути. Альманах. (Нью-Йорк). 1963. № 3. С. 272–294; *Маргулиес Ю. Э.* Встреча Достоевского и Гоголя (начало осени 1848 г.) // Байкал. (Улан-Удэ). 1977. № 4. С. 136–144; *Первушин Н. В.* Встречался ли Достоевский с Гоголем // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1971. Т. 105. С. 164–172; *Архипова А. В.* Примечания // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 502–503; *Седуро Вл.* А все-таки встреча Достоевского с Гоголем была // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1974. Т. 117. С. 84–100; *Первушин Н. В.* Гоголь и Достоевский. По поводу одной полемики // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1975. Т. 121. С. 279–281; *Туниманов В. А.* Творчество Достоевского. 1854–1862. Л.: Наука, 1980. С. 40–66; *Захаров В. Н.*

Комический шедевр Достоевского // *Достоевский Ф. М.* Село Степанчиково и его обитатели. Петрозаводск, 1981. С. 206–213; *Захаров В. Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 183–186; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского / Сост. т. I И. Д. Якубович и Т. И. Орнатская. В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 146; *Виноградов И. А.* Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. 2003. № 3. С. 20–31; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Русский литературоведческий альманах: Сб. научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения В. Н. Аношкиной (Касаткиной). М., 2004. С. 229–246; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256; Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 275–276; *Виноградов И. А.* Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 17–92.

[4] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 533.

[5] Последняя встреча с Гоголем. (Из воспоминаний П. В. Анненкова о Москве осенью 1851 года) // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 515–516; *Свод.* Т. 3. С. 529.

[6] 13 июня 1840 г. В. Г. Белинский, сообщая В. П. Боткину о своем знакомстве на обеде у Комарова с П. В. Анненковым, замечал: «Анненков тебе сообщит и о моих новых знакомствах, особенно о Комарове. Я вошел в их кружок и каждую субботу бываю на их сходках» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 384).

[7] О том, что обеды у Комарова проходили по воскресеньям, Панаев сообщал в позднейшей редакции своих воспоминаний: «К числу общих наших приятелей, которого мы посещали довольно часто и у которого обыкновенно обедал Белинский по воскресеньям, принадлежал А. А. К<омаров>...» (*Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // Современник. 1860. Т. 79. № 1. С. 364; *Свод.* Т. 3. С. 277).

[8] А. А. Комаров.

[9] «Гоголь изъявил желание А. А. К<омарову> приехать к нему и просил его пригласить к себе несколько известных *новых* литераторов, с которыми он не был знаком» (*Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // *Свод.* Т. 3. С. 277).

[10] См. ***1839. Октября 14. Москва.***

[11] Возможно, имеется в виду Г. П. Данилевский (см. ***1851. Ноября 5. Понедельник. Москва***).

[12] *<Панаев И. И.>* Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 6 (цензурное разрешение 31 мая). <Отд. 6>. С. 254–256; *Свод.* Т. 3. С. 274–275.

Ср. позднейшую редакцию воспоминаний Панаева: «В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов, но Гоголь не показывался, и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые "Письма" писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами.

От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

— Чем же вас угощать, Николай Васильич? — сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем, — отвечал Гоголь, потирая свою бородку, — впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу, — сказал хозяин дома, — погодите немного.

— Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы.

Не знаю, как другим, — мне стало как-то легче дышать после его отъезда...» (*Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // Современник. 1860. Т. 79. № 1. С. 364–366; *Свод.* Т. 3. С. 277–278).

[13] *Языков.* Малага // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2 (цензурное разрешение 16 февраля). С. 354–355.

[14] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 3. С. 145.

[15] *Панаев И. И.* Воспоминание о Белинском // Современник. 1860. Т. 79. № 1. С. 364–366; *Свод.* Т. 3. С. 276–278.

[16] См.: *Свод.* Т. 3. С. 561.

[17] *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 10. — См. также ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[18] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 146.

[19] *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 231.

[20] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 148.

[21] *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 108.

[22] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 145.

[23] *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 298.
[24] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 146.
[25] *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 85.
[26] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 66.
[27] *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 25–26.
[28] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 148.
[29] Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти / Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй. (5 Глав). М.: В Университетской типографии, 1855. С. 99.
[30] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 138.
[31] См. ***1851. Ноября конец. Москва.***
[32] См. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***
[33] *Гоголь 1937–1952.* Т. 6. С. 805. — См. также ***1849. Март. Москва*** (примечание 12); ***1850. Июля 1 — сентября после 23. Васильевка*** (примечание 39).
[34] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 148.
[35] Там же. Т. 3. С. 137–138.
[36] Там же. Т. 3. С. 75.
[37] Там же. Т. 3. С. 160–161.
[38] Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому. Ред., вступ. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под. ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 525.
[39] См. ***1849. Декабря 29. Четверг. Санкт-Петербург.***
[40] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 8.
[41] См.: *Мельник В. И.* «Спасена буди вся земля...»: Московский блаженный Иван Яковлевич Корейша. М.: Храм преподобного Сергия Радонежского в Гольяново, 2017. 48 с.
[42] *Мельник В. И., Мельник Татьяна.* Блаженный Иоанн Корейша в русской литературе (художественный образ и духоносная личность) // Духовный собеседник. 2004. № 4 (40). С. 140.
[43] См. ***1846. Сентября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 20-е числа <ноября начало>. Санкт-Петербург***; см. также: *Виноградов И. А.* Гоголь и пути русской литературы: восходящее и нисходящее (Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и др.) (в печати).
[44] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.
[45] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***
[46] См. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Москва.*** — См. также ***1846 ноября 18–19 <6–7> — 1847 мая 11 <апреля 29>. Неаполь.***
[47] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***
[48] См. ***1847. Января 22 <февраля 3>. Среда. Москва.***
[49] См. ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва.***
[50] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва.***
[51] См. ***1847. Апреля 2 <14>. Среда. Москва.***
[52] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 377.
[53] См.: *Алексеев М. П.* О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Сборник статей и материалов под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921. С. 56–61.
[54] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. С. 16–17.
[55] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 289.
[56] См. ***1848. Мая 26. Среда. Санкт-Петербург.***
[57] *Шенрок В.* К воспоминаниям А. Я. Головачевой // Исторический Вестник. 1889. № 5. С. 476.
[58] Белинского на встрече с Гоголем на вечере у А. А. Комарова 25 сентября или 2 октября 1848 г. быть не могло. Он умер 26 мая того же года.
[59] Стихотворение Н. А. Некрасова «Родина» (1846).
[60] Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» был напечатан в № 3 и 4 «Современника» за 1847 г. (отд. изд. — ч. 1–2. СПб., 1848).
[61] *Суворин А. С.* Недельные очерки и картинки // *Свод.* Т. 3. С. 643.
[62] Белинского на встрече не было (см. примеч. выше).
[63] Из записок А. С. Суворина // *Свод.* Т. 3. С. 643.

СЕНТЯБРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Гоголь теперь в Петерб<урге>. <...> Я было поручила Гоголю узнать о тебе, но не знаю наверное адрес».

Позднее к последним строкам письма В. С. Аксакова сделала примечание: «Гоголь был у Карта<шевских>».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 868.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 30. МОСКВА

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану в Радонежье (Абрамцево):

«Вера очень беспокоится об Машеньке[1] и просила было Гоголя заехать, тот и согласился, но она не знала, в каком она доме, может в новом, а потому так оставила. <...> Целую тебя, мой милый Серж, крепко и Константина также — ведь если б он настоял, то Гоголь бы поехал с ним».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 781.

[1] М. Г. Карташевская.

ОКТЯБРЯ 1. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Н. Н. Шереметевой в с. Покровское:

«Вот письмо от Н. В. Гоголя[1], писанное в ответ на Ваше[2], которое его не застало здесь[3] и которое я к нему переслал. Он пробыл здесь весьма короткое время, так что я не успел бы дать Вам знать. К тому же случились у меня недосуги по причине начала курсов в Университете и приезда Министра[4] в Москву. Через три или четыре недели Н<иколай> В<асильевич> хотел возвратиться к нам. Не знаю, сдержит ли слово. Будучи уверен, что семейные радости мои не чужды Вашему Христианскому сердцу, скажу Вам свою радость. Бог дал мне сына Дмитрия, 22-го сентября. Он назван в память покойного Князя Дмитрия Владимировича Голицына, благодетеля жены моей, которого я всегда любил и уважал душевно. Жена и младенец — уже Христианин — слава Богу здоровы».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 104–105.

[1] См. ***1848. Сентября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. С. Покровское.***

[3] Гоголь приехал в Москву 7–8 сентября 1848 г. и выехал в Петербург 12 сентября вечером или 13-го утром. В Москву Гоголь вернулся через месяц, 13 октября 1848 г. (см. ***1848. Сентября 7–8. Вторник-среда. Москва***; ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва***; ***1848. Октября 13. Среда. Москва***).

[4] Граф С. С. Уваров.

ОКТЯБРЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня А. Д. Блудова отправляет Гоголю записку[1]:

«Если вы не заняты или не приглашены кем-либо другим, сделайте нам удовольствие приехать обедать к нам на дачу завтра, 5 сентября <октября>. У нас будут и Виельгорские».

Датировка записки уточнена; Гоголь приехал в Петербург лишь 16 сентября 1848 г.[2] Возможно, Гоголь откликнулся на приглашение и 5 октября 1848 г. был на даче у Блудовой, где встретился с графиней Анной М. Виельгорской[3].

Графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1812–1891), дочь графа (с 1842 г.) Д. Н. Блудова; с Гоголем познакомилась, вероятно, через П. А. Плетнева. Переписывались с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым.

[1] См. также ***1851. Июль-август. Москва.***
[2] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 5. ВТОРНИК. ДАЧА ГРАФИНИ А. Д. БЛУДОВОЙ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

Гоголь, предположительно, встречается с Виельгорскими на даче Блудовой.

См. ***1848. Октября 4. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 6–7. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Езжу и отыскиваю людей, от которых можно сколько-нибудь узнать, что такое делается на нашем грешном свете. Всё так странно, так дико. Какая-то нечистая сила ослепила глаза людям, и Бог попустил это ослепление. Я нахожусь точно в положении иностранца, приехавшего осматривать новую, никогда дотоле невиданную землю: его всё дивит, всё изумляет и на всяком шагу попадается какая-нибудь неожиданность. <...> Через неделю, если Бог даст, увидимся[1] лично и потолкуем обо всем. Я заеду прямо к тебе, и мы с месяц[2] поживем вместе. <...> Не позабудь <...> обнять Шевырева, С. Т. Аксакова и всех, кто любит меня и помнит. Зеньков у меня был. Из него выйдет славный человек. В живописи успевает и уже почувствовал сам инстинктом почти всё то, что приготовлялся я ему посоветовать».

При встрече с Гоголем П. Ф. Зеньков рассказал Гоголю о «нововыстроенной обители», для которой он вместе с другими художниками, расписывал тогда иконостас[3].

Позднее, 4 ноября 1848 г.[4], Зеньков в письме к М. П. Погодину сообщал: «Благодарю Вас за письмо, которое я получил от Вас чрез Николая Васильевича; письмо Ваше меня обрадовало <...> тем, что я вместе с Вашим письмом увидел доброго и любезного Николая Васильевича Гоголя, которого никак не ожидал встретить, и был также рад, что Вы здоровы и благополучны.

У Николая Васильевича я был три раза — при первом моем свидании с Николаем Васильевичем мы были очень рады друг другу, в особенности я; от радости не знаешь, что и говорить с ним, — начнешь об одном, сейчас же об другом, потом об третьем, и т. д. После, во второй раз, я приносил ему показать свои рисунки, этюды и эскизы; пересмотревши все, он был доволен моим успехом и пожелал мне еще больших; дал мне несколько полезных советов в отношении моих занятий, которые я уже имел в своем сердце и чувствовал так же, как он, но не мог бы ясно другому высказать их, потому что у меня в разговорах об чем бы то ни было, и как Вам известно, толку бывает мало; поэтому я его слушал так, как бы говорило мне мое сердце; я его еще больше полюбил после этих советов.

Еще я Вам скажу, что он так был добр для меня, что дал мне десять рублей серебром, которые мне было совестно от него взять, и старался сколько мог отклониться, но он просил меня, чтобы я от него принял их, как бы от своего родственника, и чтобы мне не так было совестно взять их, то он предложил мне написать ему к весне головку Спасителя; причем я и согласился, поблагодарив его за доброе ко мне расположение.

В третий раз заходил к нему проститься»[5].

[1] См. ***1848. Октября 13. Среда. Москва.***
[2] Ср. ***1848. Ноября начало. Москва***; ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***
[3] См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва.***
[4] См. ***1848. Ноября 4. Четверг. Санкт-Петербург.***
[5] Гоголь в письмах П. Ф. Зенькова к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 558.

ОКТЯБРЯ 7. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. П. Ломтев записал в дневнике:

«Вечером был у Бруни. Был Гоголь, А. Брюллов, Басин[1], Кузьмин[2], Марков[3], Федотов[4], я с Козлом[5] и проч.»

Ломтев Н. П. Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

[1] Петр Васильевич Басин (1793–1877), исторический живописец, портретист, пейзажист.
[2] Роман Иванович Кузьмин (1811–1867), архитектор.
[3] Возможно, Алексей Тарасович Марков (1802–1878), исторический живописец, портретист.
[4] Возможно, Павел Андреевич Федотов (1815–1852). — См. также ***1850. Май — июня начало. Москва.***
[5] Александр Алексеевич Козлов (1818–1884), живописец.

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 9. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь навестил А. В. и А. М. Веневитиновых[1], где надеялся проститься с А. О. Смирновой[2]. Возможно, виделся также с Виельгорскими[3].

[1] См. также ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***
[2] См. ***1848. Октября 14. Четверг. Москва***; ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь выехал из Петербурга в Москву.

См. ***1848. Октября 13. Среда. Москва.***

ОКТЯБРЯ 13. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь вернулся в Москву из Петербурга. Временно[1] остановился у М. П. Погодина. Получил письма от родных из Васильевки (с напоминанием заказать сестрам корсеты и платья)[2] и письмо от А. С. Данилевского (из Сварково или из Дубровно)[3].

Погодин в этот день записал в дневнике: «Приеха<л> Гоголь. О Петерб<урге>. — Что буду<т> говори<ть> о нынеш<нем> времени читатели! Махнут разом: бестолковые деляги. — Т<аков> журн<алист> в Петерб<урге>, что себя думает поправить и считает это легким, лишь бы его послушались»[4].

«На основании этой <...> записи Погодина устанавливается приблизительно день отъезда Гоголя из Петербурга: если считать, что на переезд ушло, как обычно, около четырех суток, то он выехал в Москву 9 октября»[5].

[1] См. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 29. Пятница. Москва***; ***1848. Ноября начало. Москва***; ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1848. Августа 24 и 25. Вторник и среда. Васильевка, Сорочинцы***; ***1848. Ноября 1. Понедельник. Москва.***
[3] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[5] *Смирнова-Чикина Е. С.* К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. 1966. Т. 25. Серия литературы и языка. Вып. 2. С. 136.

ОКТЯБРЯ 14. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к А. О. Смирновой в Петербург:

«Я вас ожидал <...> у Веневитиновых[1]. Я думал потом, авось-либо вы заедете в контору дилижансов. Но вас не было, и мне сгрустнулось. Мы с вами так немного виделись[2]! Едва только что успели разговориться. Не оставляйте меня хотя письмами и дайте надежду увидеть вас скоро в Москве. Здесь привольнее. Тут найдется более свободного, удобного времени для бесед наших, чем в беспутном Петербурге. Еще одна просьба: не оставляйте Вьельгорских, особенно тех из них, которым вы можете быть нужнее. Ничего больше, как старайтесь только почаще видеться с графиней Л<уизой> К<арловной> и Анной Михайловной, хотя бы вам показалось, что они с своей стороны и не очень хотят этого. Мне, признаюсь вам, [было] очень жалко за Анну Михайловну[3]. <...> Старайтесь быть с ней как можно чаще. Не придумывайте ничего, чем помочь ей или развлечь. Все наши средства смешны и ничтожны. От нас требуется только одной любовной, исполненной участья беседы, а всё прочее обделывает и устроят Бог. Говорите с ней больше всего о том, о чем мы с вами говорили, то есть о том, что ближе всего должно быть сердцу русского человека. Всё, что клонится к тому, чтобы узнать, в чем именно состоит наше истинно русское добро, есть уже неистощимый предмет разговоров. Тут воспитывается твердыня нашего характера, и разум озаряется светом. <...> Адресуйте на имя его высокородия Степана Петровича Шевырева... <...> Добрейшего Аркадия Осиповича[4] обнимите»[5].

В тот же день, 14 октября 1848 г., Гоголь обедал у невестки С. Т. Аксакова А. С. Аксаковой (1819–1888).

Через день, 16 октября 1848 г., О. Сем. Аксакова сообщала сыну Ивану в Петербург: «Третьего дня нечаянно я обедала с Гоголем у Анны Степановны, он туда пришел; Аркадий[6] в клубе, а я приехала обедать и оставила его там. Он[7] спрашивал у меня “Бродягу”, а его-то и нет у нас; говорит, что в Петербурге не успел прочесть, а надеялся здесь, и очень жалел, что не познакомился с тобой короче, сказал: “Пускай он разъезжает, только чтобы не жить в Петербурге”. Я спросила: “Да от кого же вы слышали там о «Бродяге»”[8]? — “Да от многих”»[9].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «...Вскоре <Гоголь> <...> воротился[10]. В октябре приехал и Отесенька и все из деревни. Тут опять начались посещения Гоголя, хоть не столь частые, как в прежние времена»[11].

С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» (1854) сообщал: «В [августе] сентябре 1848-го года Гоголь приехал из Малороссии в Москву и поселился у графа А. П. Толстого[12]. Я это время был в деревне и переехал в город уже в октябре. В тот же вечер пришел к нам Гоголь, и мы увиделись с ним после шестилетней разлуки. [Гоголь очень мне обрадовался; но я, к сожалению моему, не мог встретиться с ним по-прежнему. Многими письмами Гоголя я был недоволен. По горячности моей я много высказал лишнего нашим общим друзьям еще задолго до появления книги Гоголя, высказал свои сомнения: не погиб ли в Гоголе художник в борьбе с мистиком-христианином. Я имел полное право так думать, потому что некоторые распоряжения, прибавления и поправки прежних сочинений изобличали или запутанность головы, или потерю художнического чутья. Мне было известно, что Гоголь знал об этом. Я сам написал к нему много таких резких выражений, что вспоминал о них с огорчением и стыдом. Конечно, только дружба моя к нему и благоговение к его таланту были

причиною моей горячности; но тем не менее я чувствовал неразумность моих поступков. Все это вместе смущало меня и производило некоторое охлаждение в моих чувствах. Мне было досадно, но я не мог преодолеть себя. Разумеется, Гоголь это заметил, но бывал у нас почти каждый день, и любовь самая искренняя ко мне выражалась в каждом его слове и движении.] Гоголь бывал у нас почти каждый день. В непродолжительном времени восстановились между нами прежние [дружеские], как бы прерванные, нарушенные продолжительною разлукою <отношения>; но об его книге и втором томе Мертвых душ не было и помину»[13].

В тот же день, 14 октября 1848 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«С Гоголем об Аксакове. — Его мечта невозмож<на>, всякой подумает — это кучер, котор<ый> вп<ря>гает лоша<дей> и постав<ляет> в стойло, и пр.»[14]

И. М. Снегирев в тот же день также отметил в дневнике:

«У Шевырева я встретил Н. В. Гоголя...»[15]

[1] См. ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск.***

[3] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

[4] Россет, брат Смирновой.

[5] Ответ А. О. Смирновой см.: ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] Аркадий Тимофеевич Аксаков, брат С. Т. Аксакова.

[7] Гоголь.

[8] См. письмо И. С. Аксакова к родным от 18 октября 1848 г. из Петербурга: ***1848. Октября 18. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[9] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 781.

[10] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва.***

[11] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

[12] Первое время Гоголь жил у М. П. Погодина; к графу А. П. Толстому переселился 4 или 5 декабря 1848 г. (см. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***).

[13] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 650–651.

[14] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[15] Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод.* Т. 2. С. 172.

ОКТЯБРЯ ПОСЛЕ 14. МОСКВА

Около того же времени Д. К. Малиновский отправил Гоголю записку, после чего навестил его у М. П. Погодина.

В записке Малиновский обращался к Гоголю: «Вы поставили меня в совершенно неловкое и затруднительное положение. После вашего визита ко мне[1], каким вниманием могу отвечать вам я? Зачем вы лишили меня таким образом свободного к вам обращения!.. Извините за смелую откровенность, но думаю, что, по отношению между нами, правильнее было бы, если б вы с своей стороны уведомили меня запискою о вашем желании видеть меня...»

Цитируя в 1865 г., эту записку, Малиновский сообщал: «Ко времени возвращения Гоголя в Москву я написал ему записку. <...> С чувством тревоги ехал я потом на Девичье Поле... Не знаю, как достало у меня смелости позвонить в колокольчик у двери М. П. Погодина. Но будучи введен наверх, будучи прежде всего искренно спрошен о своем здоровье, будучи вдруг поставлен духовно возвышенным человеком в сродную мне простодушную сферу отношений человека к человеку, я почувствовал себя вполне своим с первого слова...»[2]

В этот же период А. А. Григорьев отправил Гоголю первое из трех[3] писем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[4]:

«Простите меня, что я поднимаю вопрос, теперь уже старый (ибо в наше время с невероятною быстротою все новое делается уже старым), но тем не менее далеко-далеко нерешенный вопрос о Вашей книге, наделавшей столько шуму, навлекшей на Вас столько неправых обвинений и, к сожалению, столько постыдных похвал от Ваших прежних порицателей. За исключением немногих дельных отзывов (Шевырева[5], например) все остальные, писанное о Вашей "Переписке с друзьями", отличается невероятною дикостью, поразительною чуждостью к тем *страшным* духовным интересам, которые составляют ее содержание, или — добросовестным, но неистово-фанатическим противуположением. Не дивитесь, что я зову добросовестным это противуположение: напомню Вам о покойном Белинском и его письмах к вам (непечатных)[6]. Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко, Ваше значение в литературе, любил Вас с детским обожанием. Представьте же себя на его месте: человек страдал действительными душевными недугами, болезненно воспитывал идеи в своей душе, мечтал разгадать пути гения сообразно с этими идеями — и вдруг мечта его разбита вдребезги; обоготворенное им предстало ему в совершенно ином виде, лучшая опора его сокрушена. <...> Негодование, злость и грусть, которые дышат в его письме к Вам, проистекали не из мутного источника; грех есть преступление закона, а не заблуждение в законе. <...> Я не сочувствовал ему никогда; но не осмелюсь вменить ему в вину его неистовых выходок в письме к Вам, на которые сами Вы, сколько я знаю, отвечали словом мира, любви и смирения.

Совершенно иное чувство одушевляло других Ваших противников, за исключением некоторых разумеется; то было раздражение мелочного самолюбьица, то было негодование на смелый глас вопиющего в пустыне, дерзнувший серьезно заговорить о значении жизни; то было озлобление не против вас, а против самой Божьей правды, *ея же мир не может прияти*[7]; книга Ваша была здесь только поводом. Но вместе с тем эта книга стала *Иудеом соблазн, Эллином безумие*[8], разумея под Иудеями, книжниками и фарисеями — всех устаревших ханжей и лицемеров, которые, под прикрытием священных для человека слов, ловят в мутной воде рыбу, — а под Эллинами — наших смешных Западников, отчаянных нововводителей. Соблазном стала эта книга, украшенная похвалами Булгарина и компании; безумием — представили ее те, которые не хотели видеть, как далека ее возвышенная искренность от этой грязи, от этого подлого пресмыкания, которое хотят нам выдать за любовь к отечеству и проч.

Тот, кто имеет честь писать к Вам эти строки, принялся читать Вашу книгу, находясь сам в болезненном душевном состоянии, — и притом принялся читать ее с предубеждением против ее. Два странных чувства обладали им сначала — глубокое, сознательное поклонение творцу "Мертвых Душ" и вместе с тем невольное негодование, впрочем, скорее извне пришедшее, чем внутреннее. Скоро первое впечатление уступило место серьезному, внутреннему процессу — процессу болезненному, тяжкому, где, может быть, принесено было на жертву много личного самолюбия; ибо почти все в книге Вашей оскорбительно для этого личного самолюбия — тяжело расставаться с тем, за что мы все, чада волнующегося века, держимся, как за доску спасения, с этими хотя и призрачными, но тем не менее блестящими опорами — Вы, вероятно, и сами знаете, как это тяжело. Но я думаю, что тот, кто был скептиком серьезно, не для виду только, — не остановится ни перед какою бездною — сомневаться, так сомневаться уж во всем, даже в самом сомнении — от этого-то, мне кажется, в скептицизме лежит зачаток веры, ибо для того, чтобы усумниться в самом себе, надобно поверить во что-нибудь выше себя. Остроумный, хотя и поверхностный Искандер сравнивает где-то[9] последний, безвозвратный шаг мышления — с последним, отчаянным шагом игрока, который самого себя ставит на карту. Пожалуй это так — да только шаг, считаемый И<сканде>ром за последний, — далеко не последний. Современное мышление не само себя, но только свое прошедшее приносит в жертву — иначе оно было бы христианским мышлением, ибо христианство есть альфа и омега миросозерцания... Но я отбился от своего собственного нравственного процесса, который привожу я только в пояснение моих писем к Вам, а вовсе не потому, чтобы придавал ему какое-либо важное значение. <...> Не скрою от Вас и того, что, не смотря на все негодование, навеянное на меня слухами о Вашей книге, меня лично неотразимо влекло к ней — именно то, что она всех почти

привела в ярость, всех — даже людей согласных, по-видимому, с Вами в основах мышления (как-то Павлова[10]), — одно убеждение проходило со мною чрез все фазисы мышления, убеждение, что истина есть только то, что сознается немногими, несколькими, одним, может быть; что истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого. Результатом всего этого была статья моя по поводу Вашей книги в "Московском Городском Листке"[11]; Вы, говорят, отозвались о ней благосклонно[12] — благодарю Вас, но это была статья недосказанная, несмелая, ничего почти не сказавшая; дорожу я в ней только ее основною мыслию и добросовестностью попытки. Может быть, многие, кого я любил, с досадою отвергнулись от меня из-за этой статьи; может быть, другие сочли ее желанием угодить господствующим началам — что нужды? Этою статьею я примирился с собой за всю свою прежнюю литературную деятельность — она была первым шагом к выполнению того, что *"обращаться с словом нужно честно"*[13]. Но, повторяю Вам — в этой статье не сказано ничего; все или обойдено, или сказано темно, неопределенно. Шевырев был прав, назвавши ее *стремлением сочувствовать Гоголю*[14]. Определительно там одно — это 2-й параграф, беглый анализ созданий великого поэта.

Долго носил я в себе мысль написать целую книгу по поводу Вашей книги, но останавливала меня мысль, что этот комментарий ничего к ней не прибавит, что все же он, более или менее, будет носить на себе следы болезненности, что не мне разрешить все эти тяжкие вопросы, что дерзко выставить только вопросы же с своей стороны. Притом же — многое пало мне на сердце из этой книги, а в особенности слова: "Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро... Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит"[15] и т. д. — Не считаю себя призванным выходить из пределов того скромного круга деятельности, которым я ограничен. Но — мне хотелось бы беседовать с вами о многом и о многих из тех вопросов, на которые навела меня Ваша книга; для вас ли, для меня ли — из этого выйдет что-нибудь доброе. Разумеется, что письма эти не для печати, по крайней мере в той беспритязательной форме, в которой они будут к Вам писаны»[16].

[1] См. ***1848. Сентября 7–12. Вторник-воскресенье. Москва.***

[2] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод.* Т. 3. С. 677.

[3] См. также ***1848. Ноября 17. Среда. Москва***; ***1848. Ноября конец — декабря первая половина. Москва.***

[4] Цитируется с уточнениями и дополнениями по изд.: *Григорьев А.* Письма / Изд. подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 29–31.

[5] См. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.***

[6] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[7] Ин. 14, 17.

[8] 1 Кор. 1, 23.

[9] Имеется в виду статья А. И. Герцена «Буддизм в науке» (из цикла «Дилетантизм в науке»), напечатанная в № 12 «Отечественных Записок» за 1843 г.

[10] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.*** — См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] Статья «Гоголь и его последняя книга» (см. ***1847. Марта 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 18 <30>. Великий вторник. Москва***; ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва***).

[12] См. ***1847. Мая 25 <13>. Вторник. Марсель.***

[13] Слова из статьи *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[14] Подразумевается статья Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва***).

[15] Цитата из статьи *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[16] Сохранились авторские копии всех трех писем Григорьева к Гоголю о «Переписке с друзьями».

ОКТЯБРЯ 15. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед<ать> к Перф<ильеву>[1] с Гоголем. О Речи. — Вечером с Гог<олем> о нынешнем времени и о Русском человеке».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[1] С. В. Перфильев (1796–1878).

ОКТЯБРЯ 16. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«С Гог<олем> о нынеш<ней> администрации»[1].

В тот же день В. С. Аксакова писала брату Ивану в Петербург:

«Если ты еще не очень скоро можешь возвратиться, то перешли твоего “Бродягу”. Гоголь просит прочесть»[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.
[2] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 869.

ОКТЯБРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Бодянский с известием о доносе Снегирева Министру[1], а теперь распускает слухи на меня. О какое противное и скаредное создание! Ровинс<кий> и Забелин. Смеялись с Гого<лем> над этимологией Бодянского, и он начал вставлять ты! Приезжал Шев<ырев> просить обедать завтра[2]. Слава Богу — не сердится за объяснение. С Гого<лем> обедали вдвоем и толковали о людях и их действиях».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[1] См. ***1849. Декабря 21. Среда. Москва*** (примечания).
[2] См. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва.***

ОКТЯБРЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

День рождения С. П. Шевырева. В этот день по случаю возвращения Гоголя из-за границы[1] Шевырев устраивает у себя званый обед, куда приглашены также М. П. Погодин, И. М. Снегирев, Н. В. Берг[2] и др. Погодин читает Гоголю стихотворение «Николаю Васильевичу Гоголю» («Милый Гоголь наш, здорово!»)[3].

В стихотворении Погодин, в частности, вспоминал: «...Где твоя Аннунциата / Блещет вечной красотой: / Милый Гоголь наш, туда-то / Мы летели за тобой[4]... <...> А когда мы услыхали, / Что пришел к тебе недуг: / Все, исполнены печали, / Все глядели мы на юг[5]... <...> Ты воскрес, простился с Римом / И с Неаполем своим; / И пустился пиллигримом / В дальний путь, в Ерусалим. <...> Полетел и я туда бы[6], / Перенес бы зной и труд! / Пусть свирепые Арабы / Эти воды стерегут! <...> Что, скажи, с тобою сталось / В эту пору, милый друг, <...> Как тебя примчали кони / В этот Руси уголок, —/ И когда, как на ладони, / Ты увидел хуторок, / Хуторок, тебе знакомой, / Да и нам...[7] когда потом / Хаты, крытые соломой, / Показалися кругом... <...> Где же лучше, веселее? / За морями что ли, друг? <...> Ась?.. вот то-то и оно-то! / Ты утупившись стоишь! / Загадался отчего-то, / Загадался и молчишь... / Но пока промолвишь слово, / Я скажу тебе опять: / Милый Гоголь наш, здорово! / Дай тебя расцеловать».

Снегирев записал в своем дневнике: «*1848 год.* <...> *Октябрь.* <...> *21.* <...> Я обедал у С. П. Шевырева в день его рождения, с Гоголем и Погодиным. Время провели приятельски, в искренней беседе»[8].

Погодин в своем дневнике также пометил: «*1848.* <...> *Октябрь.* <...> *18.* <...> Обед у Шев<ырева>. Его рожден<ие>. — Любезности и гадкости Снегирев<а>. — Глубок<ое> замечан<ие> Гоголя: Спасение России, что Петербург в Петербурге»[9].

В 1871 г. Н. В. Берг вспоминал об обеде 18 октября: «В первый раз встретился я с Гоголем у С. П. Шевырева в конце 1848 года. Было несколько человек гостей, принадлежавших к московскому кружку литераторов, которых называли славянофилами[10]. Сколько могу припомнить, все они были приглашены на обед для Гоголя, только что воротившегося из Италии и находившегося тогда в апогее своего величия и славы. Трудно представить себе более избалованного литератора и с большими претензиями, чем был в то время Гоголь. Вся Россия любит во всем пересолить; Москва еще больше. Московские друзья Гоголя, точнее сказать *приближенные* (действительного друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь), окружали его неслыханным, благоговейным вниманием. Он находил у кого-нибудь из них, во всякий свой приезд в Москву, все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья: стол с блюдами, которые он наиболее любил; тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнять все его малейшие прихоти. Этой прислуге с утра до ночи строго внушалось, чтоб она отнюдь не входила в комнату гостя без требования с его стороны; отнюдь не делала ему никаких вопросов; не подглядывала (сохрани Бог!) за ним. Все домашние снабжались подобными же инструкциями. Даже близкие знакомые хозяина, у кого жил Гоголь, должны были знать, как вести себя, если неравно с ним встретятся и заговорят. Им сообщалось, между прочим, что Гоголь терпеть не может говорить о литературе, в особенности о своих произведениях, а потому никоим образом нельзя обременять его вопросами "что он теперь пишет?", а равно "куда поедет?", или: "откуда приехал?" И этого он также не любил. Да и вообще, мол, подобные вопросы в разговоре с ним не ведут ни к чему: он ответит уклончиво или ничего не ответит. Едет в Малороссию — скажет: в Рим; едет в Рим — скажет: в деревню к такому-то... стало быть, зачем понапрасну беспокоить!

Я достаточно был "намуштрован" по этой части и как-то так сжился с понятиями московских друзей Гоголя, что к нему нужно относиться именно так, как они относились, что это было для меня в высшей степени естественно и просто. Шум имени Гоголя, эффект его приездов в Москву (по крайней мере в известных кружках), желание многих взглянуть на него хоть в щелку — все это производило на меня в ту пору весьма сильное впечатление. Признаюсь: подходя к двери, за которою я должен был увидеть Гоголя, я почувствовал не меньше волнения, с каким, одиннадцать лет спустя, подходил в первый раз к двери марсальского героя[11].

Гостиная была уже полна. Одни сидели, другие стояли, говоря между собою. Ходил только один, небольшого роста человек, в черном сертуке и брюках, похожих на шаровары, остриженный в скобку, с небольшими усиками, с быстрыми и проницательными глазами темного цвета, несколько бледный. Он ходил из угла в угол, руки в карманы, и тоже говорил. Походка его была оригинальная, мелкая, неверная, как будто одна нога старалась заскочить постоянно вперед, отчего один шаг выходил как бы шире другого. Во всей фигуре было что-то несвободное, сжатое, скомканное в кулак. Никакого размаху, ничего открытого нигде, ни в одном движении, ни в одном взгляде. Напротив, взгляды, бросаемые им то туда, то сюда, были почти что взглядами исподлобья, наискось, мельком, как бы лукаво, не прямо другому в глаза, стоя перед ним лицом к лицу. Для знакомого немного с физиономиями хохлов — хохол был тут виден сразу. Я сейчас сообразил, что это Гоголь, больше так, чем по какому-либо портрету. Замечу здесь, что ни один из существующих портретов Гоголя не передает его как надо. Лучший — это литография Горбунова с портрета Иванова, в халате[12]. Она, случайно, вышла лучше оригинала; что до сходства: лучше передала эту хитрую, чумацкую улыбку — не улыбку, этот смех мудреного хохла как бы над целым миром... Гоголевская мина вообще схвачена вернее всего в очерке Э. А. Мамонова, сделанном *наизусть*[13]. Но этот очерк страдает недостатками, свойственными произведениям такого рода: многое неверно, нос длиннее,

чем был у Гоголя; он так длинен, как Гоголь (одно время занимавшийся своею физиономиею) его воображал. Волосы не совсем так. Зато галстук повязан точь-в-точь как повязывал его Гоголь.

Хозяин представил меня. Гоголь спросил: "Долго ли вы в Москве?" — И когда узнал, что я живу в ней постоянно, заметил: "Ну, стало быть, наговоримся, натолкуемся еще!" — Это была обыкновенная его фраза при встречах со многими, фраза, ровно ничего не значившая, которую он тут же и забывал.

В обед, за который мы все скоро сели, Гоголь говорил не много, вещи самые обыденные»[14].

[1] 7–8 сентября 1848 г. Гоголь приехал в Москву после более чем шестилетнего отсутствия, спустя несколько дней, 12 сентября вечером или 13-го утром, выехал в Петербург и вернулся в Москву 13 октября 1848 г.

[2] Николай Васильевич Берг (1823–1884), поэт-переводчик, журналист, историк.

[3] Опубликовано, без имени автора, в № 11 «Москвитянина» за 1848 г. (цензурное разрешение 29 октября), с датой: «1848. Октября 18»; и подписью: «Москвич»; см. также: *Свод*. Т. 3. С. 653–658.

[4] См. ***1839. Марта 8 <февраля 24>. Пятница. Рим***.

[5] См. ***1840. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва***; ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[7] См. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка***.

[8] Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод*. Т. 2. С. 172.

[9] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[10] К времени написания мемуаров о Гоголе Берг разошелся со славянофилами, а потому в его воспоминаниях о писателе есть определенный оттенок недоброжелательства (см., в частности: ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** — примечания к воспоминаниям Д. К. Малиновского). См. также ***1852. Марта 31. Понедельник Светлой седмицы. Сороковой день по кончине Гоголя. Москва*** (примечания).

[11] «Марсальским героем» называли Дж. Гарибальди, начавшего в 1860 г. из порта Марсала на о. Сицилии свой поход по Италии.

[12] «История этого портрета может быть рассказана как черта Гоголева характера. М. П. Погодин постоянно просил своего приятеля о портрете, тот обещал. Проходили, однако ж, дни, месяцы, годы — портрета не было. Однажды, после отъезда Гоголя из Москвы, отъезда, как все его отъезды, внезапного, таинственного, без всяких проводов, нашли в номере, где он жил, *как бы забытый портрет*. Общий голос присудил отдать его М. П. П<огодину>, как виновнику того, что портрет, так или иначе, явился. Почему бы не отдать руками? Почему портрет не кончен? Почему это только эскиз, набросанный кое-как, когда торопят, грозят уйти, не сидят спокойно? Во всем этом, во всех этих мудреных *проделках* Гоголь рисуется едва ли не больше, чем на портрете, *как бы забытом* им в Москве, когда он уезжал куда-то. Наконец и то: почему портрет рисовал Иванов, живописец вовсе не портретный?..

О портрете работы Моллера (опять-таки не портретиста) слышал я, что он заказан был Гоголем для отсылки в Малороссию, к матери, после убедительных просьб целого его семейства. Гоголь, по-видимому, думал тогда, как бы сняться *покрасивее;* надел сюртук, в каком никогда его не видали, ни прежде, ни после; растянул по жилету невероятную бисерную цепочку; сел *прямо,* может быть для того, чтоб спрятать от потомков сколь возможно более свой длинный нос, который, впрочем, был не особенно длинен. <Подробнее см.: ***1841. Июня конец — июля первая половина <июня вторая половина — июля начало>. Рим и окрестности (Олевано, Субиако и др.)***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.>

Опубликование портрета Гоголя, сделанное друзьями без его ведома, взбесило его. Он долго не мог забыть этого и в так называемом *завещании,* в ст<атье> VII, говорит: "Завещаю... Но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет..." Н. Б.» (примеч. Н. В. Берга). Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт***.

[13] См. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва***. — В 1902 г. М. Н. Сперанский также сообщал: «...Два портрета относятся к 1852 г., оба принадлежат Э. А. Мамонову: из них один изображает Гоголя в гробу... <...> ...Мамоновым вскоре (помета на литографии: 5 марта 1852) был нарисован портрет живого Гоголя, также карандашом: Мамонов воспользовался своим же рисунком мертвого Гоголя...» (*Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 838).— См. также ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***.

[14] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод*. Т. 3. С. 646–647.

ОКТЯБРЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«Веневитинов, брат поэта, <...> женат на дочери гр<афа> Виельгорского[1] и живет в одном доме с тестем и с гр<афом> Соллогубом, женатым на другой дочери[2]. Тут познакомился я со всей этой семьей. <...> Читали там "Бродягу". Попов, уже в 4-й раз во время моего пребывания в Петербурге читавший его, ревнуя к чести Москвы, читал и в этот раз с великим старанием, и читал довольно хорошо[3]. Восторг и успех был огромный».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 922.

[1] Аполлинарии Михайловне.
[2] Софье Михайловне.
[3] «Две странички» из поэмы И. С. Аксакова «Бродяга» Гоголь прочел у Аксаковых еще 11 сентября 1848 г. (см. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва***). Возможно, во время своего пребывания в Петербурге с 16 сентября по 9 октября 1848 г. Гоголь также слышал о поэме И. С. Аксакова, тем более что тогда он встречался и с Виельгорскими, и с А. Н. Поповым (см. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***; а также письмо О. Сем. Аксаковой к мужу от 16 октября 1848 г.: ***1848. Октября 16. Суббота. Москва***).

ОКТЯБРЯ 19. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.
[2] *Гриц.* С. 420.

ОКТЯБРЯ 19. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. П. Ломтев записал в дневнике:

«Был у Николая Аполлоновича Майкова[1]. Был Достоевский».

Ломтев Н. П. Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

[1] Николай Аполлонович Майков (1794–1873), художник, отец братьев Майковых: Аполлона, поэта (1821–1897), Валериана, критика (1823 – 15 июля 1847) и Леонида, историка литературы (1839–1900).

ОКТЯБРЯ 20. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Я собиралась к вам писать и села у стола, а вы сами подоспели. К Веневитиновым я не догадалась приехать[2], не догадалась и спросить у вас, с каким дилижансом вы ехали. Была в двух заведениях и приехала в третье по отъезде его. Вот отчего мы с вами не простились. <...> ...Мне нужно в Калугу. Бедный Н<иколай> М<ихайлович>[3] совсем упал духом, на него так и сыплют из департаментов всякую дрянь и грязь; он им слишком *горек, потому что не дает им взяток*. Какое бы вы доброе дело сделали и мне, и себе, и ему, если бы решились съездить в Калугу на три дня. <...> Я никого не принимала; а дело в том, что ко мне никто не ездит по известной вам причине, что в свете ищут *забав*, а у меня их не могло быть. <...> У Виельгорских я была однажды, графиня[4] была в постели и не приняла, а с тех пор не выезжаю более. Постараюсь исполнить ваше поручение касательно Нози[5], но едва ли это мне удастся; надобно бы очень часто видеться с ней для этого, а графиня ее одну не пустит ко мне, сама же всегда приезжает на минуту. Александр Петрович[6] был у меня; он спешит в Москву. Вам надобно видеться непременно с Филаретом[7]... <...> Не забудьте

Михаила Нарышкина[8] отыскать. Как хорош "Бродяга" Ивана Аксакова, и как он сам мне понравился теперь. Я люблю его трезвость; займитесь его меньшой сестрой Машей; бедняжка уже теперь хандрит. Свет в дали, а Константин, с топором его разрушающий, — все это на девочку сильно подействовало. Мать озабочена, а отцу лишь до литературы. Аркадий[9], слава Богу, хорош во всех отношениях; вам очень усердно кланяется. Вчера ожидали в<еликую> кн<ягиню> Ольгу. Не знаю почему, но не могу оторваться от мысли, сколько радости и горя почувствуют при этом свидании Государь и все семейство. Государь было всех перепугал. Упал в комнате, вновь навощенной, так сильно, что его вследствие ушиба рвало желчью очень сильно, а бок весь почернел. Если бы на голове не было каски, то расшиб бы себе голову. Как сильно чувствуется, сколько он нужен в такие минуты, если он болен или хворает. После вас очень приторно в Петербурге; один греческий язык[10] спасает: голова так еще слаба, что вечером кроме карт ничем не могу заняться. Прочитайте Дебольского[11] "Попечение Церкви", там для вас нет ничего нового, но прекрасно изложено то, что нужно знать всякому православному»[12].

[1] См. ***1848. Октября 14. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург.***
[3] Муж Смирновой.
[4] Л. К. Виельгорская.
[5] Графиня Анна М. Виельгорская.
[6] Граф Толстой.
[7] См. ***1848. Конец года. Москва.***
[8] См. также: ***1848. Конец года. Москва.***
[9] Ар. О. Россет, брат Смирновой.
[10] Князь П. А. Вяземский писал о Смирновой: «Хотя не было в чулках ее ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых *аакадемиком в чепце*. Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы. Профессор Духовной академии мог быть не лишним в дамском кабинете ее, как и дипломат, как Пушкин и Гоголь, как гвардейский любезник, молодой лев Петербургских салонов. Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские просители, после урока греческого языка, на котором хотела изучить восточное богослужение и Святых Отцов» (*Вяземский П. А.*, князь. Старая записная книжка // Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1883. Т. 8. С. 234–235). — См. также ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***; ***1849. Ноября около 25. Калуга***; ***1850. Ноября 24. Пятница. День памяти св. великомученицы Екатерины. Калуга.***
[11] «Дебольский, Григорий Сергеевич, <протоиерей; 1808–1872>, автор сочинения «Попечение Православной Церкви о спасении мира» <СПб., 1847>» (примеч. В. И. Шенрока; см.: *Свод*. Т. 3. С. 749). — См. также ***1849. Апреля конец — мая начало. Москва*** (примечания); ***1851. Февраля 19. Понедельник — 25. Воскресенье. Одесса.***
[12] Ответ Гоголя см.: ***1848. Ноября 18. Четверг. Москва.***

ОКТЯБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

И. М. Снегирев записывает в дневнике:

«Обедал у А. И. Лобкова[1] с преосвященным Иннокентием Одесским, Донск<им> архимандритом Феофаном, о<бер>-п<олицеймейстером> Лужиным, Гоголем, А. Бороздиным[2] и графом Орловым-Денисовым»[3].

Н. П. Барсуков[4], которому не было известно о присутствии Гоголя на обеде у Лобкова, писал: «В это время, проездом из Одессы в Петербург, пребывал в Москве высокопреосвященный Иннокентий. В честь высокого гостя А. И. Лобков сделал обед, на который приглашал Погодина и Гоголя. "Вот и владыка к нам из теплых стран пожаловал, — писал Лобков Погодину, — нынче я имел честь его видеть и убедить завтрашний день у меня разделить трапезу, к которой я вас покорнейше прошу пожаловать. Владыка еще поручил пригласить ко мне же г. Гоголя, но я его не знаю, и потрудитесь это устроить". Не знаем, воспользовался ли Гоголь этим приглашением, но знаем, что Погодин воспользовался оным, о чем гласит запись его в *Дневнике,* под 21 октября 1848 года: "Обедать к Лобкову не хотел было ехать и поехал для Музея..."»[5]

[1] Алексей Иванович Лобков (ум. в 1868), купец, благотворитель.

[2] Вероятно, имеется в виду Андрей Дмитриевич Бороздин, управляющий московской Синодальной типографией, член Совета Министерства внутренних дел, действительный статский советник.

[3] Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод.* Т. 2. С. 172.

[4] Николай Платонович Барсуков (1838–1906), историк.

[5] *Барсуков.* 1895. Кн. 9. С. 475; *Свод.* Т. 2. С. 495.

ОКТЯБРЯ 22. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет записку к А. П. Елагиной:

«Благодарю Вас усердно за черновые бумаги Василия Андреевича[1]. Гоголь, который теперь здесь, рассказывал мне много об его житье-бытье. <...> Гоголь наш решил остаться на зиму в Москве, если климат не помешает. Он довольно здоров и весел, сколько можно быть веселу в наше время».

Свод. Т. 2. С. 495–496.

[1] Жуковского.

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 13[1] И 26[2]. МОСКВА

Гоголь на обеде у М. С. Щепкина. В числе приглашенных — А. Н. Афанасьев. Возможно, в этот же период Гоголь однажды обедал у Д. М. Перевощикова[3].

В 1896 г. Н. А. Чаев[4] вспоминал: «Перевощиков любил Гоголя и не пропускал ни одного представления *Ревизора, Женитьбы*, даже сцен *Тяжба*[5], *Утро делового человека*[6] и др. С М. С. Щепкиным он был дружен. Гоголь также у него бывал, и раз я был приглашен на обед, когда у Перевощикова обедал знаменитый писатель. Не помню, что задержало меня, и я до сего дня сожалею об этом. Мне говорили после, что Гоголь был очень весел и рассказывал много малороссийских сцен»[7].

[1] См. ***1848. Октября 13. Среда. Москва.***

[2] См. ***1848. Октября 26. Вторник. Москва.***

[3] Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788–1880), математик, астроном, писатель; с 12 марта 1848 по 3 мая 1851 г. ректор Московского университета; в 1851 г. переехал в Петербург. Сочинение Д. М. Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» (М., 1826–1837. Т. 1–13) Гоголь читал, будучи в Гимназии высших наук в Нежине (см. ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург***; ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин*** (примечания).

[4] Николай Александрович Чаев (1824–1914), драматург.

[5] Премьера «Тяжбы» Гоголя на сцене московского Малого театра состоялась 30 января 1846 г.; представления шли также 5, 17 февраля, 26 ноября, 17 декабря 1846 г., 10 января, 5 июня, 10 сентября 1847 г., 9 декабря 1848 г., 22 сентября, 1 декабря 1849 г., 3 марта, 25 августа, 7 ноября, 26 декабря 1850 г., 31 января 1852 г. (см. в наст. летописи).

[6] Премьера «Утра делового человека» состоялась в Москве в октябре 1863 г., в бенефис В. И. Живокини; в Петербурге, в Александринском театре, — 8 января 1871 г.

[7] *Чаев Н.* Отрывки из воспоминаний. Д. М. Перевощиков // *Свод.* Т. 3. С. 45.

ОКТЯБРЯ 26. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

В тот же день Гоголь отправил ответное письмо Н. Н. Шереметевой в Рузу:

«Я получил письмо ваше[3]... <...> Не надивлюсь милости Провидения, которое, видя бессилие моих собственных молений, устроило так, чтобы обо мне молились другие. Не позабудьте известить меня, когда будете в Москву. Мне бы очень хотелось променять нашу переписку на изустную беседу. Сделайте одолженье, передайте поклон мой вашему достойному сыну[4], с которым мне очень желательно познакомиться».

В тот же день, 26 октября 1848 г., А. Н. Афанасьев сообщал отцу:

«Видел недавно у М. С. Щепкина Гоголя: он среднего роста, лицо — несколько выдающееся вперед и весьма выразительное, глаза исполнены живости, носит усы, испаньолку и длинные черные волосы. Весь вечер говорил он тихо, вполголоса и преимущественно с стариком Щепкиным, других, кажется, не хотел удостаивать своим разговором. Рассказывают о нем, что наконец образумился и сам недоволен своей "Перепискою". Дай-то Бог, а плохо верится. Здесь собираются дать Гоголю публичный обед[5]»[6].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.

[2] *Гриц*. С. 420.

[3] Письмо Шереметевой, отправленное Гоголю, по-видимому, в первой половине октября 1848 г. (см. ***1848. Октября 1. Пятница. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Москва***), не сохранилось.

[4] Имеется в виду А. В. Шереметев.

[5] Имеется в виду торжественное — в честь прибытия Гоголя в Москву — празднование М. П. Погодиным дня своего рождения 11 ноября 1848 г. (см. ***1848. Ноября 11. Четверг. Москва***).

[6] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод*. Т. 3. С. 685.

ОКТЯБРЯ 27. СРЕДА. МОСКВА

Т. А. Бакунина[1] сообщает сестре А. А. Вульф:

«Гоголь в Москве. <...> Приехал веселый, оживленный, говорливый — лучше, чем был когда-нибудь».

Свод. Т. 3. С. 685.

[1] Татьяна Александровна Бакунина, сестра М. А. Бакунина и Александры Александровны Вульф (рожд. Бакуниной, 1816–1882), известной своей дружбой с В. Г. Белинским.

ОКТЯБРЯ 28. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Профессором кафедры истории и литературы славянских наречий Московского университета назначен, вместо О. М. Бодянского[1], В. И. Григорович[2].

Виктор Иванович Григорович (1815–1876), профессор славянских наречий. 10 мая 1847 г. был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре истории и литературы славянских наречий Казанского университета. После возвращения Бодянского в Московский университет вернулся в Казань исполняющим должность ординарного профессора по той же кафедре[3]. В период пребывания в Москве с осени 1848 до конца 1849 г., вероятно, познакомился с Гоголем[4].

[1] См. ***1848. Октября 17. Воскресенье. Москва***. — Подробнее см.: ***1849. Декабря 21. Среда. Москва*** (примечания).

[2] См.: Григорович Виктор Иванович... // *Загоскин Н. П.* Деятели Императорского Казанского университета. 1805 г. — 1900 г. Казань, 1900. С. 39.

[3] См. ***1849. Декабря 12. Понедельник. Москва*** (примечания).

[4] См. *1850. Августа 1. Вторник. Большие Вяземы.*

ОКТЯБРЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо графине Анне М. Виельгорской в Петербург и ответное послание А. С. Данилевскому в Дубровно[1]:

Из письма к Виельгорской: «...Я только что оправляюсь от бессонниц своих, которые продолжались даже и здесь, в Москве... <...> Москва уединенна, покойна и благоприятна занятьям. Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположенья духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует, и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени. Напишите мне несколько строчек о ваших занятиях и состояньи духа вашего. Я любопытен знать, как начались у вас русские лекции[2]. Покуда я еще не присылаю вам списка книг, долженствующих составить русское чтение в историческом отношении. Нужно много обнять и рассмотреть предварительно, чтобы уметь подать вам одно за другим в порядке, чтобы не очутился суп после соуса и пирожное прежде жаркого. Напишите, как распоряжается мой адъюнкт-профессор[3] и в каком порядке подает вам блюда. Я очень уверен, что он вам скажет очень много хорошего и нужного, и в то же самое время уверен, что и мне останется место вставить свою речь и прибавить что-нибудь такого, чего он позабудет сказать. Это зависит не от того, чтобы я больше его был начитан и учен, но от того, что всякий сколько-нибудь талантливый человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне [так хотелось] хотелось бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались 2-м томом "Мерт<вых> душ". После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон [русского быта] русской жизни еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: "Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство". Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил...[4] Но в сторону это. Не позабудьте рядом с русскою историей читать историю Русской Церкви; без этого многое в нашей истории темно. Сочинение Филарета Рижского[5] теперь вышло целиком: пять книжек. Их можно переплести в один том. Книга эта есть, кажется, у Матвея Юрьевича[6], которого при этом случае обнимите за меня крепко. О здоровье вновь вам инструкция: ради Бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Старайтесь всеми мерами ложиться спать не позже 11 часов. Не танцуйте вовсе, в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение, но правильного движенья, нужного телу, не дают. Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой[7]. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уже устроены, чтобы выражать благородство душевное; как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны.

Бросьте всякие, даже и малые, выезды в свет. Вы видите, что свет вам ничего не доставил: вы искали в нем душу, способную отвечать вашей, думали найти человека, с которым об руку хотели пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсем. Есть в свете гадости, которые, как репейники, пристают к нам, как бы мы ни осматривались. К вам кое-что уже пристало; что именно, я покуда не скажу. Храни вас Бог также от поползновений на так называемую светскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти — это лучше всего. "Наблюдайте святыню со всеми!" <Ср. Евр. 12,14>. Вот что мне сказал один раз один святой отшельник[8]. Я тогда не понял этих слов, но чем далее вхожу в них, тем глубже слышу их мудрость. Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святыне, то и собственное выраженье лица нашего становилось бы лучше, и речь наша облеклась бы в то приличие, ту любовную, родственную простоту, которая всем нравится и вызывает с их стороны тоже расположенье к нам, так что не скажет нам тогда никто неприлич-

ного или дурного слова. Не пропускайте бесед с такими людьми, от которых вы можете многому поучиться, не смущайтесь тем, если они имеют черствую наружность. Будьте только к ним внимательны, умейте их расспрашивать, и они с вами разговорятся. Помните, что вы должны сделаться действительно русскою, по душе, а не по имени. Кстати: не позабудьте, что вы мне обещали всякий раз, когда встретите Даля, заставлять его рассказывать о быте крестьян в разных губерниях России. Между крестьянами особенно слышится [настоящая] оригинальность нашего русского ума. Когда случится вам видеть Плетнева, не забывайте его расспрашивать о всех русских литераторах, с которыми он был в сношениях. Эти люди были более русские [духом и мыслью], нежели люди других сословий[9], а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека. Если будете видеться с Александрой Осиповной[10], говорите с ней только о России: в последнее время она много увидела и узнала из того, что делается внутри России. Она также может вам назвать многих замечательных людей, с которыми разговор не бесполезен. Словом, имейте теперь дело с теми людьми, которые уже не имеют дела со светом и знают то, чего не знает свет. Бог да хранит вас! Прощайте. Не позабывайте меня и пишите чаще. Делайте мне такие же черствые и жесткие наставления, как и я вам, не скрывая дурного, которое во мне заметили. Мы ведь это обещали друг другу. <...> Обеих сестриц, Ап<оллинарию>[11] и Софью Мих<айловну>[12], обнимите крепко. В письмах мне покуда надписывайте так: на Тверской, в конторе "Москвитянина". Через неделю переезжаю[13] и пришлю вам адрес новой квартиры».

Из письма к Данилевскому: «По приезде из Петербурга[14] нашел твое письмо. Не отвечал на него вдруг потому, что хотел собрать для тебя какие-нибудь удовлетворительные сведения насчет службы в Москве. Но до сих пор ничего утешительного не могу сказать. Из того, что перед моими глазами, вижу я только то, что те благодатные места членов, которые приходят на ум тебе, подхвачены [дав<но>] повсюду, притом жалованье бездельное. Даже и нет таких, чтобы доходили до трех тысяч ассигнациями. Все прочие места, какие ни поглядишь, сопряжены с ответственностями и с тревогами, способными вывести из терпения даже и постоянного человека, не только тебя. Жизнь в Москве стала теперь гораздо дороже. С какими-нибудь тремя тысячами едва холостой человек теперь в силах прожить, женатому же без 8 тысяч трудно обойтиться, — я разумею — такому женатому, который бы вел самую умеренную жизнь и наблюдал бы во всем строжайшую экономию. Почти все мои приятели сидят на безденежье, в расстроенных обстоятельствах, и не придумают, как их поправить. При деньгах одни только кулаки, пройдохи и всякого рода хапуги. От этого и общество и жизнь в Москве стали как-то заметно скучнее. Я теперь сурьезно задумался о том, служить ли тебе, добиваться ли места в нынешнее время, когда всё так неверно, когда завтра же не знаешь, что будет. В деревне можно, по крайней мере, хоть не умереть с голоду. Скучно, может быть, пусто, но ведь это крест, который должно несть. А крест никогда не бывает легок. Ты очутился против желанья, может быть, против воли помещик. Что ж делать? Нужно принять это, как данную провиденьем обязанность, глядеть на нее, как на должность, размерить день свой, отдать час или два всякое утро на хозяйство. Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь — горечь, а не наслажденье, что все мы здесь поденщики и плату получаем только *там* за ревностное исполнение своего дела, — до тех пор не обратится нам жизнь в *наслажденье*, и не почувствуем значенья слов: "Иго Мое благо и бремя Мое легко есть"[15]. Скука будет тебя преследовать в городах еще более, чем в деревне, потому что многое так стало теперь грустно, как никогда доселе не бывало. <...> ...Я покуда буду забирать еще сведения, хотя и не предвижу ничего утешительного. Ты же сделал дурно, что не заставил Алексея Васильевича Капниста написать о тебе подробно Ивану Васильевичу[16]. Он все-таки более других может быть тебе полезен. <...> Передай душевный дружеский поклон Ульяне Григорьев<не>[17]. Поцелуй крошку-дочь и кланяйся от меня всем. Адрес остается попрежнему».

Вероятно, к этому времени относится ряд заметок Гоголя в его записной книжке 1846–1850 гг.: «В приходе Неопалимой Купины. Дом Жданова в Малом Трубниковском переулке. / Алекс. Ник. Попова[18] на Моховой в доме Устинова. / Данилевскому булавки, конфекты. Казанское мыло. Калоши теплые на ноги».

[1] См. ***1848. Декабря 21. Вторник. С. Дубровно.***

[2] Во время визита Гоголя в Петербург граф В. А. Соллогуб обещал провести с своей женой и свояченицей занятия по «истории русского языка и русской литературы» (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День па-***

мяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*; *1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург). Эти «русские лекции» Соллогуба продолжались до начала января 1849 г. (см. ***1849. Января 15. Суббота. Санкт-Петербург***).

[3] Здесь: заместитель профессора, помощник. Так в шутку Гоголь называет Соллогуба.

[4] В этот же период Гоголь составил <Письмо по поводу «Мертвых душ»> («В письме твоем, добрая душа, много участия»), где замечал: «О, если бы то, о чем любила задумываться [душа моя] еще со дня младенчества, передать звуку и живому, определен<ному> образу, доступным всяко<му>, и в них была одна чистая истина! <...> Я бы хотел, чтобы не укорил меня никто в пристрастии, а лучше, чтобы люди самых противоположных мнений сказали обо мне: "Этот человек действительно узнал русскую природу. Не скрывши ни одного из наших недостатков, он почувствовал глубже других наше достоинство. Он сказал о нас верно". <...> Труд мой всё тот же постоянный. Хочу приняться за "Мертв<ые> души". Здесь мое поприще. Не мое дело заниматься тяжелыми вопросами времени и вступать в современное положение враждующих партий, положение мутное и темное, неясное даже еще следствиями и самим спорщикам. Мое дело изображать жизнь людей, живьем выставить людей и жизнь, как она есть». — См. также ***1851. Октября конец, до 30. Москва***.

[5] «История Русской Церкви» в 5-ти частях (М.; Рига, 1847–1848) епископа Рижского, впоследствии архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского).

[6] Граф Виельгорский.

[7] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[8] См. также ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** (свидетельство Д. К. Малиновского).

[9] Подробнее см. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] Смирнова.

[11] Веневитинова.

[12] Соллогуб.

[13] См. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Ноября начало. Москва***; ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***.

[14] См. ***1848. Октября 13. Среда. Москва***.

[15] Мф. 11, 30.

[16] И. В. Капнист (1795–1860), московский гражданский губернатор в 1844–1855 гг., сын В. В. Капниста.

[17] Жена Данилевского.

[18] Возможно, сестра А. Н. Попова.

НОЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку, с вложением письма к А. А. Трощинскому (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к матери: «Возвратившись из Петербурга[1], застал ваши письма. Рад, что у вас покуда всё [еще] благополучно. Отправьте доброму Андрею Андреевичу это письмецо. Я собственно для себя не имею надобности в деньгах. Лишних денег желал бы разве только затем, чтобы уделить вам. Впрочем, вы можете обратиться к нему сами в случае, если бы пришла вам последняя крайность, от которой да бережет вас Бог. <...> Напишу, когда буду посылать сестрам шнуровки, о которых за множеством дел позабыл было вовсе»[2].

Вероятно, к этому времени относится заметка Гоголя в его записной книжке 1846–1850 гг.: «Аксаковой[3] шнуровки. Щепкина и Шевырева пригласить на обед[4]. / Cours de versions grecqus par Lebas et Regnier»[5].

В тот же день, 1 ноября 1848 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«Дум<ал> о Гоголе. Он все тот же — я убедился. Только ряса подчас другая. Притворство по-прежнему видно из отзыва о Щепкине; жесткость из междометия о Берг<е>[6]. Люди ему нипочем»[7].

[1] См. ***1848. Октября 13. Среда. Москва***.

[2] См. ***1848. Августа 24 и 25. Вторник и среда. Васильевка, Сорочинцы; 1848. Декабря 10. Пятница. Москва.***

[3] О. Сем. Аксакова.

[4] См. ***1848. Ноября 11. Четверг. Москва.***

[5] Курс перевода с греческого языка Леба и Ренье (*фр.*). Имеется в виду пособие по греческой грамматике: Cours de versions grecqus, ou Choix de phases graduées, extraites des auteurs grecs, Pour servir d'application méthodique à la Grammaire greque de M. <J. L.> Burnouf; par M. <Ph.> Le Bas, Maître de Conférences à l'Ecole normale, et M. Regnier, Professeuer au Collége royal de Saint-Louis. Paris, 1834. 167 pp.

[6] См. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва.***

[7] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.

НОЯБРЯ 2. ВТОРНИК. МОСКВА

Ю. Ф. Самарин сообщает А. Н. Попову в Петербург:

«Гоголь здесь, живет пока у Погодина, довольно весел и от людей не бегает».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 215.

НОЯБРЯ 3. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь по два дня не показывается; хоть бы спросил, чем ты кормишь 25 человек?»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.

НОЯБРЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь отправляет ответную записку П. В. Нащокину (датировка записки уточнена):

«На ваше письмецо[1] не отвечал потому, что хотел сам у вас быть. Ваш человек вовсе не переврал моих слов. Дело действительно так: граф[2] будет через месяц[3], а графиня[4] здесь и стоит в гостинице "Дрезден". Ваше письмецо мне было отдано на другой день человеком здешнего дома[5], который, имея много дел, оставил его у себя в передней, а не у меня на столе».

[1] Письмо не сохранилось.

[2] А. П. Толстой.

[3] См. ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва; 1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***

[4] А. Г. Толстая.

[5] Дома М. П. Погодина.

НОЯБРЯ 4. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2]; на спектакле присутствует Гоголь[3].

В тот же день А. М. Языков сообщал В. Д. Комовскому:

«С Гоголем я познакомился; в обществе он очень интересен. Все нападавшие на него за "Письма к друзьям", друзья и недруги, приняли его с открытыми сердцами и объятиями; зиму он проживет здесь. <...> Читали ли Вы письмо Жуковского[4]? <...> Скоро ли явятся его сочинения? Гоголь уже видел-де в Петербурге несколько томов»[5].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.
[2] *Гриц*. С. 421.
[3] См. ***1848. Ноября 8. Понедельник. Москва***. – См. также ***1848. Октября 13 – 1849. Февраля средина. Москва***.
[4] Литературное письмо В. А. Жуковского к Гоголю «О поэте и современном его значении», напечатанное в 1848 г. в № 4 «Москвитянина».
[5] Из писем А. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 184.

НОЯБРЯ 4. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. Ф. Зеньков отправляет в Москву письмо М. П. Погодину, в котором рассказывает о своих встречах с Гоголем в Петербурге в начале октября 1848 г.[1] В заключение письма замечает:

«Если Николай Васильевич в Москве и Вы его видите, то и ему всенижайшее мое почтение»[2].

[1] См. ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***
[2] Гоголь в письмах П. Ф. Зенькова к М. П. Погодину // *Свод*. Т. 2. С. 558.

НОЯБРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю в Москву:

«...Вот уже месяц, как вы от нас уехали[1], и до сих пор мы не получили от вас никаких известий. Французская пословица говорит: "Pas de nouvelles, bonnes nouvelles"[2]; так я надеюсь, что вы совершенно здоровы и что будущее ваше письмо[3] меня утвердит в моем предположении. <...> Вам будет, может быть, приятно слышать, что наши занятия с Владимиром Александровичем[4] продолжаются очень правильным образом и что он сам, так как и мы, находит их очень увлекательными. Два раза в неделю мы собираемся у него для урока, а прочее время, то есть каждый день от одиннадцати до двенадцати часов, мы обработываем и пишем то, о чем он нам говорил во время урока. Владимир приготовляется очень серьезно перед каждой из наших бесед, и в самом деле надобно признаться, что он нашел касательно предметов, нами теперь рассматриваемых, много новых и замечательных взглядов. Со временем он намерен привести в порядок наши и его труды об истории русского языка и русской литературы, обработать их совершенно и составить из них книгу. Он заставляет нас читать много русских народных песен, чтоб мы вникнули в дух русского народа и поучились бы коренным русским выражениям. <...> ...Отвечайте мне поскорее. Да сохранит и подкрепит вас Господь к предпринятому вами делу».

[1] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***; ***1848. Октября 5. Вторник. Дача графини А. Д. Блудовой под Петербургом***; ***1848. Октября около 9. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.
[2] Отсутствие новостей – хорошие новости (*фр.*).
[3] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва***.
[4] Прочесть своей жене и свояченице «русские лекции» граф Соллогуб обещал во время визита Гоголя в Петербург осенью 1848 г. (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***). – См. также ***1848. Октября 29. Пятница. Москва***.

НОЯБРЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Бессарабию:

«К большой моей досаде, я нисколько не привыкаю к московской жизни, и посещения добрых людей не развлекают, а надоедают мне. Никак не могу заставить себя принимать искреннее участие в чем бы то ни было. Вот, например, Гоголь теперь в таком прекрасном расположении духа, что ему можно все высказать и все у него выспросить, а я по целым часам сижу с ним, не говоря ни слова. Но зато Константин говорит *все*. <...>

Часто я бываю недоволен его словами, считая их оскорбительными или неуместными, но дело обходится очень хорошо: искренность и простодушие его вполне оцениваются Гоголем. Последний был недавно даже в театре, смотрел своих "Игроков"[1] и остался доволен актерами, что большая редкость. Гоголь относит это к тому, что я читал им пиесу и смотрел за репетициею, вследствие чего просит, чтоб я прочел ему "Игроков", но увы — теперь он меня уже не услышит: вместе с зубами я потерял чистоту произношения, а без нее — что за чтение!»

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 601.

[1] См. ***1848. Ноября 4. Четверг. Москва.***

НОЯБРЯ 9. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев:

«Я к вам долго не писал, почтеннейший и близкий душе моей Матвей Александрович. Сначала я думал было скоро увидеться с вами лично[1]. Потом, когда случилось так, что намерение мое ехать к вам отложилось до весны[2], я долго не мог взяться за перо, — может, по причине большого неудовольствия на самого себя. Я был недоволен состоянием души своей и теперь также. В ней бывает так черство! То, о чем бы следовало мне думать всякий час и всякую минуту, так редко бывает у меня в мыслях, и это самое редкое помышленье о нем так бывает холодно, так без любви и одушевленья, что в иное время становится даже страшно. Иногда кажется, как бы от всей души молюсь, то есть хочу молиться, но этой молитвы бывает одна, две минуты. Далее мысли мои расхищаются, приходят в голову незванные, непрошенные гости[3] и уносят помышленья Бог весть в какие места, прежде чем успеваю очнуться. <...> А между тем в теперешнее опасное время, когда отвсюду грозят беды человеку, может быть, только и нужно делать, что молиться, обратить всё существо свое в слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасение и молиться о всех. Всё это чувствуется и ничего не делается, и оттого еще страшнее всё вокруг, и слышишь одну необходимость повторять: "Господи, не введи меня во искушение и избави от лукавого!" Друг мой и богомолец, скажите мне какое-нибудь слово; может быть, оно мне придется. <...> Адресуйте мне так: его высокородию Степану Петровичу Шевыреву, в Москве, на Тверской, в Дегтярном переулке. Для передачи Николаю Васильевичу Гоголю».

[1] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва.***

[3] В «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголь также писал: «Благоговейно преклонив главы, <...> все стараются принять сердцами семя Святого слова, <...> — не теми сердцами, которых уподобляет Спаситель земле при пути <Лк. 8, 54–12>, на которую хоть и упадают семена, но тут же бывают расхищены птицами — налетающими злыми помышлениями; <...> но теми приемлющими сердцами, которых уподобляет Он доброй почве...» — См.: «приходит лукавый и похищает посеянное» (Мф. 13, 19); «приходит сатана и похищает слово» (Мк. 4, 15); «приходит диавол и уносит слово» (Лк. 8, 12). Ср. также в четвертой главе второго тома «Мертвых

душ»: «...можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег <...> И кто творец этих вдруг набегающих мыслей?»

Гоголевское представление о нечистом как о помысле отметила в своем дневнике Е. А. Хитрово: «Когда бывало сказано: "Диавол прииде", он говорил: "т. е. помышление". Потом говорил: "Этим душам так все ясно, что они натурально и диавола могут видеть. Такая чистота может у того быть, кто познал всю глубину мерзости"» (см. ***1851. Февраля 23. Пятница первой недели Великого Поста. Одесса***).

НОЯБРЯ 10. СРЕДА. ОДЕССА

И. С. Аксаков пишет родным:

«...Малороссия произвела на меня приятное впечатление. Везде так и торчит Гоголь с своими "Вечерами на хуторе близ Диканьки". Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний, этой, не столько внешней, сколько внутренней характеристики Малороссии, вполне передающей вам и внешнюю ее физиономию. <...> На одной станции <...> удалось мне разговориться с одним хохлом. Я спросил его про разные песни и обычаи, знает ли он "Щедрый вечер, Добрый вечер" и многое другое... <...> Оказалось, что знает, но говорит, что все уже выводится, что на вечерницы и для игр на улицы собираться им не велят, боясь от того беспорядков <...> что коляды почти совсем затихли, ибо это грешно и делается накануне праздника в противность церковным уставам[1] и пр. <...> Сколько языческого во всех этих празднествах и обычаях! Да, наш народ принял Христианство как младенец; он не освятил его именем, как западные народы, диких, свирепых побуждений, не устроил во имя христианства нехристианские учреждения, — но не переменил веселой стороны своего языческого быта. Владимир Князь обеспечил за ним питье вина, и народ, перекрестив крестным знамением священную языческую реку, переделав идола во имя какого-нибудь Святого, продолжал прежние игры и веселья. Он не почувствовал их несовместимости с Христианством; напротив, так сказать, он еще пригрел их теплом, пролившимся в быт от нового учения... Но строже и строже становится время; не может, не должен народ оставаться в этом состоянии бессознательного, цельного быта... Конечно, каждому отдельному лицу с первых годов Христианства до последнего времени возможно было путем веры и труда освободиться от своего быта и достичь полного личного усовершенствования; но эту возможность сохранили для человечества, на эту возможность указывали только монастырь и пустыня... Долго, не смущаясь, продолжился этот беспечный быт, — но время напирает. Нельзя же всем идти в монахи или удалиться в пустыни; да при этом куда бы девалась семья? Но где же она, эта граница примирения быта с требованиями религии?.. Под корень подрублена вера в жизнь, со всею ее красою, со всеми ее правами; повеял свежий, редкий воздух, от которого замирает дух, где нет земной человеческой жизни. Надо жить, отвергая жизнь... Рушится быт повсюду; взамен тепла предложен воздух горних высот, где так страшно высоко; а как хорошо иногда бывало внизу!.. Конечно, еще далеко до этого преобразования; но уже вместилось в нас это убивающее жизнь понимание... Последние времена искусства пришли... Где же ты, Алешка[2], торопись жить, пока еще есть время; пусть еще пишутся стихи; покуда их слушают; скоро раздастся последняя лебединая песнь...»[3]

23 ноября 1848 г. Гоголь присутствовал у Аксаковых при чтении настоящего письма[4].

[1] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 117–182; *Виноградов И. А.* Видимое и сокровенное в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Россия в русской литературе: сказка и быль (Перспективы изучения и преподавания). Материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа», проведенной Институтом мировой литературы имени Горького и Московским городским Домом учителя / Департамент образования г. Москвы; ГБУ г. Москвы «Московский городской Дом учителя». Отв. ред. Н. Г. Минько; сост. Л. А. Черниченко. М., 2016. С. 62–68; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

[2] Герой незавершенной поэмы И. С. Аксакова «Бродяга».

[3] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 922–923.

[4] См. ***1848. Ноября 23. Вторник. Москва***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва.***

НОЯБРЯ 11. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Утром Гоголь отправляет записку к А–ру Мих. Марковичу с приглашением приехать к нему вечером в дом М. П. Погодина, чтобы осмотреть погодинское «Древлехранилище» и увидеть «почти всех замечательных московских литераторов и ученых»[1].

Вечером состоялось торжественное (в честь приезда Гоголя) празднование дня рождения Погодина. Среди около пятидесяти гостей были новый помощник попечителя Московского учебного округа (1848–1849) князь Г. А. Щербатов, П. П. Новосильцев, И. В. Киреевский, Маркович, М. С. Щепкин. Последний читал что-то из Гоголя.

Вероятно, накануне вечера Щербатов, отвечая на записку Погодина, сообщал: «Я воспользуюсь с величайшим удовольствием вашим приглашением приехать праздновать вместе с вами день вашего рождения и с своей стороны надеюсь, что вы не откажете мне приехать ко мне во вторник[2] провести вечер. Вы меня очень обяжете, если уговорите Гоголя принять тоже мое приглашение[3] и тем доставить мне случай возобновить старое[4] наше с ним знакомство»[5].

Спустя несколько дней, в понедельник 15 ноября 1848 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Бессарабию: «11-го ноября Погодин сделал у себя раут, на который заблаговременно, письмами и записками, убедительно звал всех, кого мог, а особенно людей порядочных, называющих его публично мошенником[6]. Из всех порядочных людей, совершенно понимавших цель Погодина, один только поступил согласно с своим убежденьем: Самарин написал к нему записку, что после всего, в чем обвиняет его общественное мнение, он ехать к нему не может[7]. Самарину было это труднее сделать, чем другим, ибо он считает себя почему-то обязанным Погодину. Честь ему и слава! Все прочие повалили, как бараны, их набралось более 50 штук! Погодин мог, торжествуя, сказать Гоголю: "Вот они, называющие меня подлецом! Даже хворые притащились от Красных Ворот и других отдаленных московских урочищ!" Гадко все и скверно!»[8]

Погодин записал в дневнике: «*Ноябрь.* <...> *11.* Приготовление к вечеру. Письмо от Самарина. — Гоголь испортил, и досадно!»[9]

Биограф Погодина М. П. Барсуков в 1896 г. сообщал: «В честь пребывания Гоголя в Москве Погодин торжественно отпраздновал день своего рождения (11 ноября 1848 г.) во фраках и белых галстуках. Приглашенных было много <...> новый помощник попечителя Московского учебного округа кн<язь> Г. А. Щербатов <...> П. П. Новосильцов <...> И. В. Киреевский... <...> Но вечер, кажется, не удался благодаря герою торжества. По крайней мере, вот что записал Погодин в Дневнике о своем вечере: "Приготовление к вечеру. Письмо от Самарина. Гоголь испортил, и досадно"»[10].

Из воспоминаний Н. В. Берга (1871): «Однажды, кажется в том же 1848 году, зимой, был у Погодина вечер, на котором Щепкин читал что-то из Гоголя. Гоголь был тут же. Просидев совершенным истуканом в углу, рядом с читавшим, час или полтора, со взглядом, устремленным в неопределенное пространство, — он встал и скрылся[11]... Впрочем, положение его в те минуты было точно затруднительное: читал не он сам, а другой; между тем вся зала смотрела не на читавшего, а на автора, как бы говоря: "А! вот ты какой, господин Гоголь, написавший нам эти забавные вещи!"»[12]

[1] См. ***1848. Июня около 8. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии*** (примечания).

[2] 16 ноября 1848 г.

[3] Как откликнулся Гоголь на приглашение Щербатова, неизвестно.

[4] Гоголь мог познакомиться с Щербатовым в 1835–1836 гг. в Петербурге (в 1835 г. тот поступил в Петербургский университет) или в 1842 г. в Москве.

[5] *Барсуков.* 1896. Кн. 9. С. 478.

[6] М. П. Погодина и С. П. Шевырева беспочвенно обвиняли в доносе по поводу публикации в 1848 г. в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских» сочинения английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О государстве русском» (см. ***1849. Декабря 21. Среда. Москва***).

[7] Поверив клевете, Ю. Ф. Самарин писал М. П. Погодину: «Последние происшествия в университетском кругу, о которых говорит теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мне впечатление, с которым я не считаю себя вправе принять вашего приглашения. Мне было очень тяжело написать те строки, потому что я вам обязан за многое и никогда не забуду живого участия, которое вы принимали издавна в моих занятиях и успехах; но это самое налагало на меня обязанность высказать вам, и вам одним, откровенно то, что у меня на душе» (*Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 163).

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 601–602.

[9] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.

[10] *Барсуков.* 1896. Кн. 9. С. 478–479.

[11] По-видимому, Гоголь ушел в свою комнату в доме Погодина.

[12] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод.* Т. 3. С. 648.

НОЯБРЯ 17. СРЕДА. МОСКВА

А. А. Григорьев пишет второе[1] подряд письмо к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2]:

«Вас упрекали в особенности за предисловие — в самом деле, в литературе, потерявшей всякое важное значение, подобный религиозный акт должен был привести в изумление: стараясь придать ему смешной и даже подлый характер, хотели только отстранить от себя тяжкий и ненавистный вопрос. Вопрос этот вот какой: "обязан ли и в какой степени обязан ответственностью за все действия человек вообще и человек духа в особенности?" Как нарочно, вместе почти с Вашею книгою, явилась другая книга, наделавшая чрезвычайно много шуму... по крайней мере в своем приходе, книга действительно блестящая, остроумная, резко парадоксальная, profession de foi[3] в известном отношении; я говорю о "*Кто виноват?*"[4] В ней романист высказал в образах или, лучше сказать, в призраках то же, что еще прежде высказывал в парадоксах мыслитель, ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства. Сколько ума, расточенного на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности — свободы и сопряженной с нею ответственности; сколько меткой злости, потраченной на то, что злости не стоит, сколько грусти, но не любовной, а эгоистической грусти — грусти не за святыню человеческого духа, а скорее за мелочное самолюбие! Но эта книга важный факт, крайняя исповедь убеждений. Из нее следует: 1) что человек, глубоко чувствующий и горящий жаждою деятельности, должен обречь себя на бездействие, что следственно честный человек — синоним с бесплодным человеком; 2) что женщина — единственная задача жизни для мужчины, и наоборот, и что вне этой задачи для того и другой — остается только умирать *в безмолвном и гордом страдании*, как выразился поэт этого направления[5]; 3) что никто и ни в чем не виноват, что все условлено предшествующими данными и что эти данные опутывают человека, так что ему нет из них выхода, ибо «привычка есть цепь на человеческих ногах». Одним словом, человек — раб, и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, это явно и ясно высказано в "*Кто виноват?*"... Странно, в высшей степени странно было совместное появление этих двух книг, так противоположных по тону и по направлению. Жизнь, общество и литературу, разменявшиеся на мелочь, должны были нежданно изумить и строго-искренний тон, и содержание Вашего предисловия. Помнится, предисловие к 2-му изданию "Мертвых Душ" произвело такое же изумление. И действительно, как же не изумиться? Художник придает общественную важность своему делу, чуть что не приглашает всех и каждого к совету, соучастию в своем деле?.. да как же это? да что же это? — спрашивала *Русская литература* с наивным изумлением, не подозревая, бедная, что в этом самом изумлении сказывается какое-то циническое презрение к самой себе, какое-то отрицание в самой себе всякого важного, общественного значения. В отношении к себе она может быть права, да не в праве была она считать своим главою и представителем поэта, который еще прежде в своих сценах "Разъезда после

представления"[6] прямо объявил, как он смотрит на свой подвиг, как он дорожит тем, чтобы семена, им брошенные, приносили плод в народе. Но ей, этой литературе — евнуху или, что хуже еще, развратнице — что за дело до плода? Для одних, как для Булг<арина> и прочих, литература — дойная корова или развратный дом; для других — мечтательное самообольщение или умственная онания. С одной стороны, утрачена вера в поэта как в пророка, как в провозвестника правды; с другой стороны, принято, что если и явится пророк, то он непременно должен явиться со словом ненависти и вражды. Ясно, почему смешным хотели сделать ваше откровенное признание. Давно уже сказано:

Es liebt die Welt, das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehen[7],

как давно уже сказаны все правды — но в том-то и беда, что за невозможностью и бессилием враждовать с неправдой — остроумным показалось ратовать против правды.

Еще вопрос: имели ли Вы, как человек, право обнажать перед другими людьми внутреннейшие и сокровеннейшие тайны вашей души?.. В этом вопросе опять выказывается циническое пренебрежение современного человека к высшему значению своей личной жизни. Замечательно, что подобное неуважение к высшей задаче личного бытия многие вывели из Ваших же, только ложно понятых, данных. Как великий мастер — Вы глубоко проникли натуру всякой мелкой твари или всякого грустного отпадения человека от образа Божия — и Вы первый обратили внимание всех на незаметные существования Акакиев Акакиевичей[8], но во 1-х) Вы знали, где остановиться в этом безграничном анализе личности — 2) Вы указали на опасность рабского воспроизведения действительности в вашем фантастически понятном "Портрете". Читали ли вы "Двойник" даровитого Достоевского[9]? — вот вам осуществление в действительности фантастической основы "Портрета". Тяжело становится на душе от этого произведения, но не так возвышенно тяжело, как от "Шинели": нет, Вы, вчитываясь в это чудовищное создание, уничтожаетесь, мелеете, сливаетесь с его безмерно ничтожным героем — и грустно становится вам быть человеком, и вы убеждаетесь, как будто, что человек только таков и может быть. Какая же тут вина, ответственность, какой суд над собою? Жил червем и умер червем — и дело кончено: "Une foi mort, on est bien mort"[10]. А Вы осмелились говорить: "Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся"[11]... Еще бы старый Сведенборг встал и начал с простотою рассказывать о чудесах Царствия Божия — господину Голядкину старшему[12]! <...> *Адрес мой:* У Спиридония (что на Козихе), в Спиридоньевском переулке, в доме вдовы священника Воздвиженской».

[1] См. ***1848. Октября после 14. Москва.***

[2] Цитируется с уточнениями и дополнениями по изд.: *Григорьев А.* Письма / Изд. подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 31–33.

[3] Исповедание веры (*фр.*).

[4] Первая часть романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (семь глав) впервые была напечатана в «Отечественных Записках» (1845. № 12; 1846. № 4). Полное издание вышло в Пстербурге в 1847 г. (цензурное разрешение 20 ноября 1846 г.).

[5] Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841; вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Sie liebten sich beide, doch keiner...», 1827). Впервые стихотворение Лермонтова было напечатано в № 12 «Отечественных Записок» за 1843 г.

[6] Имеется в виду «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842).

[7] Он любит мир (мирское), чтобы чернить лучезарное / И возвышенное изображать в грязи (*нем.*). — Строки о Вольтере из стихотворения Ф. фон Шиллера «Орлеанская дева» (Das Mädchen von Orleans; 1801).

[8] См. также ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] Повесть Ф. М. Достоевского «Двойник» впервые была напечатана в № 2 «Отечественных Записок» за 1846 г. (цензурное разрешение 24 янв.).

[10] Раз умер, значит навсегда (*фр.*)

[11] Цитата из статьи *I. Завещание* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[12] Яков Петрович Голядкин-старший, герой повести Достоевского «Двойник».

НОЯБРЯ ДО 18. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет записку С. П. Шевыреву:

«Сию минуту только чудак Гоголь сказал мне, что получена *Одиссея*[1]. Так хочется почитать что-нибудь успокоительное — изящное».

Барсуков. 1896. Т. 10. С. 189.

[1] Новые стихотворения В. Жуковского. Том 2. Одиссея. I–XII песни. СПб., 1849; Стихотворения В. А. Жуковского. Изд. 5-е. Т. 8. Одиссея. I–XII песни. СПб., 1849. (Книги печатались в Карлсруэ; вышли в свет осенью 1848 г.) — См. также ***1847. Декабря конец <декабря средина>. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Ноября 18. Четверг. Москва***; ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель.***

НОЯБРЯ 18. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Петербург:

«Виноват, что отвечаю вам не вдруг на ваше письмо... <...> Есть на то причины: опять вожусь с собой, открываю в себе столько гадостей, что отлетает всякая мысль о других. Притом принимаюсь сурьезно обдумывать тот труд[2], для которого дал Бог средства и силы, чтобы смерть, по крайней мере, застала за делом, а не за праздным бездельем. Всё это отвлекает меня от прочих дел и даже от писем. Ехать в Калугу недостало силы воли. Мне представилось, что я ничего не могу сказать полезного и нужного Николаю Михайловичу[3]. Если мне и удавалось на веку своем помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскали себе высшего советника, и мне <не> оставалось ничего более, как только им напомнить, к кому нужно обращаться за всеми надобностями. Вашим советом позаняться хандрящею девицею[4] также не воспользовался. Я думаю, что обращаться с девушкой есть дело женщины, а не мужчины. Поверьте, девушка не способна почувствовать возвышенно-чистой дружбы к мужчине; непременно заронится инстинктивно другое чувство, ей сродное, и беда обрушится на несчастного доктора, который с истинно братским, а не другим каким чувством подносил ей лекарство. Женщина — другое дело: у нее уже есть обязанности. Притом она не ищет уже того, к чему девушка стремится всем существом. Всё, что я сделал, это было то, что я, вследствие письма вашего, постарался узнать, которая из дочерей Серг<ея> Тим<офеевича> называется Машинькой. Надобно вам сказать, что я был в приязни только со стариками да с детьми мужеского пола; что же до женского, то я знал имена только двух старших дочерей[5], с остальными же только раскланивался, не говоря ни слова. Не забывайте Вьельгорских. Видайтесь с ними как можно почаще. Говорите с ними о русском и о всем, что драгоценно русскому сердцу; теперь же кстати у них завелись русские лекции[6]. От этого и они и вы будете в барышах. Светлая тишина воцарится в вашем духе. Нет ничего на свете лучше, как беседа с теми, у которых души прекрасны, и притом беседа о том, отчего становятся еще прекраснее прекрасные души».

В тот же день, 18 ноября 1848 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«Получил *Одиссею* от Жуковского[7] и прочел первую песнь»[8].

[1] См. ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] «Мертвые души» (см. также ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***).

[3] Муж Смирновой.

[4] Имеется в виду М. С. Аксакова.

[5] Старшими из дочерей Аксаковых были Вера Сергеевна (1819–1864) и Ольга Сергеевна (1821–1861) (последняя была больна).

[6] Очевидно, к тому времени Гоголь получил письмо от графини Анны М. Виельгорской от 7 ноября 1848 г. (см. ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[7] См. также ***1848. Ноября до 18. Москва.***
[8] *Барсуков.* 1896. Т. 10. С. 189.

НОЯБРЯ 19. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Православие и Самодержавие у меня в доме: Гоголь служил всенощную[1], — неужели для восшествия на престол?»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.

[1] См. также ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва.***

НОЯБРЯ 20. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь приобщается Св. Христовых Таин.

М. П. Погодин в этот день записал в дневнике: «Пишу и пишу. Гоголь ныне приобщался. Вот почему вчера он служил всенощную[1]. Гово<рили> о Пуш<кине>, о литтер. *<1 нрзб.>*»[2].

В тот же день в письме к П. А. Плетневу в Петербург Гоголь сообщал:

«Здоров ли ты, друг? От Шевырева я получил экземпляр “Одиссеи”[3]. Ее появленье в нынешнее время необыкновенно значительно. Влияние ее на публику еще вдали; весьма может быть, что в пору нынешнего лихорадочного своего состоянья большая часть читающей публики не только ее не разнюхает, но даже и не приметит. Но зато это сущая благодать и подарок всем тем, в душах которых не погасал священный огонь и у которых сердце приуныло от смут и тяжелых явлений современных. Ничего нельзя было придумать для них утешительнее. Как на знак Божьей милости к нам, должны мы глядеть на это явление, несущее ободренье и освеженье в наши души. О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том “М<ертвых> д<уш>”. Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие Русского духа. Прежде, чем примусь сурьезно за перо, хочу назвучаться Русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка. <...> Между прочим, просьба. Пошли в Академию художеств по художника Зенькова и, призвавши его к себе, вручи ему пятьдесят рублей ассигнациями на нововыстроенную *обитель,* для которой они работают иконостас. Деньги запиши на мне».

В тот же день К. А. Коссович подарил Гоголю свой перевод: Сказание о Дгруве. Древне-индийская религиозная легенда. Перевод с Санскритского К. Коссовича. М.: В Университетской Типографии, 1848 (цензурное разрешение 1 сент.), с надписью:

«Николаю Васильевичу Гоголю в знак уважения и преданности, от переводчика. 1848. Ноября 20. Москва».

Воспроизводится по автографу, указанному П. В. Михедом.

[1] См. ***1848. Ноября 19. Пятница. Москва.***
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.
[3] См. ***1848. Ноября до 18. Москва.*** — См. также ***1848. Ноября 18. Четверг. Москва.***

НОЯБРЯ 20. СУББОТА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю (письмо было отправлено на следующий день):

«Сегодня[2] по милосердию Отца нашего сподобилась приобщиться Святых Таин. Вспоминала о вас. <...> Я вас давно не тревожила своими письмами, но в такой день, как нынче, и в отдаленности в продолжении шести лет *моя душа* вас всюду *отыскивала*. <...> Вы спрашивали, когда будем в Москву, чтобы вас известить. Мы думали, в этом месяце — дороги нет, а главное, сын[3] нездоров, три недели от сильной боли в ноге страдает. Как можно будет, приедем. Очень желаю вас видеть и послушать вас, а дотоле, как и на всю жизнь (которая уже не долго продлится — 73 года), но пока существую, с любовию и дружеством вам постоянно душею предана. <...>

Случилась оказия. Завтра один знакомой едет. Прежде середы[4] получите сии строки. <...> Я, пришедши от обедни, к вам написала письмо, а эти строки пишу уже поздно, пора отдохнуть. Если вздумаете слова два-три сказать, напишите в середу или в суб<б>оту *в Рузу*...»

[1] См. ***1848. Октября 26. Вторник. Москва.***

[2] Накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 21 ноября.

[3] А. В. Шереметев.

[4] Имеется в виду среда 24 ноября 1848 г.

НОЯБРЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Встреча Гоголя со студентами Московской Духовной семинарии в доме М. П. Погодина.

Погодин записал в дневнике: «Студенты из Семинарии[1]. О Семинарии. Показывал Гоголю»[2].

В. П. Нечаев[3] в тот же день сообщал А. В. Горскому[4]: «Благодаря вашему письму был я с Мих<аилом> Антонычем[5] у М. П. Погодина. Он был так снисходителен, что показал нам все свои археологические и исторические редкости с объяснениями и замечаниями, в числе редкостей показал нам также Н. В. Гоголя, который промолвил при нас пару слов и в ту же минуту скрылся в свой кабинет писать свои “Мертвые души”»[6].

В тот же день, 22 ноября 1848 г., Гоголь читал у Аксаковых «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского.

В этот день С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Да, вот новость: Гоголь получил от Жуковского печатный экземпляр первых 12 песен “Одиссеи”. Гоголь прочел нам сам почти половину. На Гоголя любо смотреть. Когда он читает, то вполне наслаждается необъятным творчеством Гомера и художническим переводом. Последнего мнения я и Константин с Гоголем не разделяем. Перевод, точно, хорош и во многих местах изящен, но зато много имеет и грубых недостатков: или Жуковский не способен понять Гомера, или не мог понять его, не зная языка греческого. Он переводит с подстрочных переводов. Жуковский смешал простоту языка с его современною обыденностью: это доказывает справедливость первого предположения. Гоголь поражен нашими замечаниями и убедительно просит записывать их, чтоб немедленно отправить к Жуковскому, что, впрочем, мы не делаем. Что же касается до Гомера, то это чудо, никакими словами не изъяснимое! По моему мнению, он в “Одиссее” проявляет несравненно больше многостороннего творчества, чем в “Илиаде”, ибо содержание несравненно разнообразнее»[7].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» также сообщал: «Гоголь в эту зиму прочел нам всю Одиссею, переведенную Жуковским [и подарил мне ее экземпляр]. Он [слепо] слишком восхищался этим переводом, что высказал уже печатно в Московских Ведомостях[8]. Я и Константин были [не согласны] не совсем согласны с ним. Разумеется, это было ему неприятно, но он не показывал никакого неудовольствия. Один раз, когда мы высказали ему немалое число самых неопровержимых замечаний на перевод Одиссеи, Гоголь сказал: "Напишите всё это и пошлите Жуковскому; он будет вам очень благодарен". — Очень часто также читал вслух Гоголь Русские песни, собранные Терещенкою и нередко приходил в совершенный восторг, особенно от свадебных песен[9]. Гоголь всегда любил читать [и можно было заметить, что он считал себя очень искусным чтецом и] должно сказать, что он читал с неподражаемым совершенством только все комическое в прозе или, пожалуй, и чувствительное, но одетое формою юмора. Все же чисто патетическое, как говорится, и лирическое, Гоголь читал нараспев [и напыщенно], он хотел, чтобы ни один звук стиха не терял своей музыкальности; [и выходило даже смешно, особенно сначала, не привыкнув] привыкнув к его чтению, точно можно было чувствовать силу и гармонию стиха. Из напечатанных вами писем Гоголя видно, что он работал неуспешно и жаловался на свое нравственное состояние. Я же думал напротив, что труд его подвигается вперед хорошо, потому что сам он был довольно весел и читал всегда с большим удовольствием. Я в этом ошибался, но вот что верно: я никогда не видал Гоголя так здоровым, крепким и бодрым физически, как в эту зиму, т. е. в ноябре и декабре 1848-го и в январе и феврале 1849-го года. Не только он пополнел, но тело на нем сделалось крепко [как камень]; обнимаясь с ним ежедневно, я всегда щупал его руки. Я радовался и благодарил Бога. Надобно заметить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не мог выносить сильного холода и что он одевался очень легко»[10].

Из воспоминаний Н. В. Берга (1871): «Затем[11] я стал видать его у разных знакомых славянофильского кружка. Он держал себя большей частью в стороне от всех. Если он сидел и к нему подсаживались с умыслом "потолковать, узнать: не пишет ли он чего-нибудь нового?" — он начинал дремать, или глядеть в другую комнату, или просто-запросто вставал и уходил. Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе приглашенных вместе с ним оказывался один малороссиянин, член того же славянофильского кружка[12]. Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг ко другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собою целый вечер, горячо и одушевленно, как Гоголь (при мне по крайней мере) ни разу не говорил с кем-нибудь из великоруссов[13].

Если ж не было малороссиянина, о котором я упомянул, — появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью совершенно один; скажет с иным приятелем два-три слова, из благоприличия, небрежно, Бог весть где летая в то время своими мыслями, — и был таков.

Ходил он вечно в одном и том же черном сюртуке и шароварах. Белья не было видно. Во фраке, я думаю, видали Гоголя немногие. На голове, сколько могу припомнить, носил он большею частию шляпу, летом — серую, с большими полями»[14].

В начале ноября 1852 г. П. А. Кулиш, со слов О. М. Бодянского, записал: «Гоголь, бывши у Бод<янского> и увидевши портрет Присница, сказал: и он был в Грефенберге[15]. — Что ж вы не кончили? — "Холодно!" отвечал Гоголь»[16].

В 1856 г. Кулиш писал: «По совету своих друзей[17], изведавших на себе пользу Присницева лечения холодною водою, Гоголь отправился в Грефенберг, но не выдержал полного курса и уехал от Присница полувыздоровевший. Во время последнего своего пребывания в Москве, увидя у О. М. Бодянского на стене портрет знаменитого гидропата, он вспомнил о Грефенберге.

— Почему же вы не кончили курса? — спросил О<сип> М<аксимович>.

— Холодно! — отвечал одним словом Гоголь»[18].

[1] Имеются в виду выпускники Московской Духовной академии 1848 г., магистры М. А. Германов и В. П. Нечаев.

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 492.

[3] Преосвященный Виссарион (в мире Василий Петрович Нечаев, 1822–1905), епископ Дмитровский (1889–1891), епископ Костромской и Галицкий (1891–1905), духовный писатель; выпускник Тульской Духовной семинарии (1844); во время визита к М. П. Погодину — выпускник Московской Духовной академии (1848), магистр, преподаватель логики, психологии, патристики и латинского языка Тульской Духовной семинарии, с 1853 г. иерей.

[4] Александр Васильевич Горский (1812–1875), с 1842 по 1862 г. профессор церковной и гражданской истории и библиотекарь Московской Духовной академии, иерей (с 1860 г.), протоиерей (с того же года), ректор и профессор Московской Духовной академии (с 1862 г.), доктор богословия (с 1865 г.).

[5] Михаил Антонович Германов, студент Московской Духовной академии (1844–1848), магистр.

[6] *Свод*. Т. 2. С. 559.

[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 602.

[8] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***.

[9] Имеется в виду книга А. В.Терещенко «Быт русского народа»: В 7 ч. СПб., 1848. Тексты свадебных песен находятся во втором томе этого издания — «Свадьбы» (цензурное разрешение 17 апреля 1847 г.). Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «*Быт Русского народа,* соч. А. Терещенко, 4 части, СПб. 1848, цена 4 рубли».

[10] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 651.

[11] См. ***1848. Октября 18. Понедельник. Москва***.

[12] Имеется в виду О. М. Бодянский. В. И. Шенрок к словам Берга: «оказывался один малороссиянин, член того же славянофильского кружка», — сделал примечание: «Бодянский» (*Шенрок*. Т. 4. С. 801). Позднее, в конце октября 1849 г., в Москву на зиму приехал еще один близкий земляк Гоголя М. А. Максимович (см. ***1849. Октября конец, до 30. Москва***). Ср. соответствующее место воспоминаний Берга в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина»: «По свидетельству современников, "в гостях Гоголь держал себя большей частию в стороне от всех. Если он сидел и к нему подсаживались, он начинал дремать, или глядеть в другую комнату, или просто за просто вставал и уходил. Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе приглашенных вместе с ним оказывался малороссиянин М. А. Максимович, член того же Словенофильского кружка. Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собою целый вечер горячо и одушевленно, как Гоголь ни разу не говорил с кем-нибудь из Великоруссов. Если ж не было упомянутого малороссиянина, появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам; посидит где-нибудь на диване, большею частию совершенно один; скажет с иным приятелем два-три слова, из благоприличия, небрежно, Бог весть где летая в то время своими мыслями — и был таков"» (*Барсуков*. 1896. Кн. 10. С. 327).

[13] П. М. Щепкин на эти слова Берга в 1872 г. возражал: «Н. В. Берг едва ли верно подметил ту черту характера Гоголя, что он был в обществе молчалив и необщителен до странности и оживлялся, только столкнувшись нечаянно с кем-нибудь из малороссов. Гоголь в нашем кружке — а большинство было русское — был всегда самым очаровательным собеседником: рассказывал, острил, читал свои сочинения, никем и ничем не стесняясь. Нелюдимом он являлся только на тех вечерах, которые устраивались так часто *с Гоголем* многими из его почитателей и почитательниц...» (см. ***1832. Июля начало. Москва***).

[14] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод*. Т. 3. С. 647–648.

[15] В Грефенберге-Фрейвальдау у В. Присница Гоголь лечился дважды: первый раз вместе с графом А. П. Толстым со второй половины августа по 21 сентября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Августа около 21 <около 8> — сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***), второй раз — во второй половине июня (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[16] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод*. Т. 3. С. 37.

[17] Имеются в виду «советы», изложенные А. О. Россетом в письме к Гоголю от 28 марта 1845 г. (письмо было приложено А. О. Смирновой, для передачи Гоголю, к ее посланию В. А. Жуковскому от 27–28 марта 1845 г. из Петербурга; см. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург***). П. А. Кулиш в период работы над «Записками о жизни Н. В. Гоголя...» выписал одну строку из послания Ар. О. Россета, ошибочно приписав это письмо графу А. П. Толстому: «С<анкт>-Петерб<ург>. 1844, марта 28. ...так как на вид вы крепки, он велит, может, вам сначала становиться под душу. (Толстой советует Гоголю ехать к Присницу, изведав на себе его лечение)» (*РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1). Ср. в письме Ар. О. Россета: «Если пожалуетесь Призницу, что у вас бывают головные боли, он перед обедом или вечером предпишет головные ванны; вы их берите; так как на вид вы крепки, он велит, может быть, сначала становиться под душу, также перед обедом».

[18] Воспоминания о Гоголе О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 3. С. 239–240.

НОЯБРЯ 23. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке. Водевиль в 1 д<ействии> с хорами и плясками Г. Б***, заимствованный из повести Н. В. Гоголя».

Ельницкая 1979. С. 394.

НОЯБРЯ 23. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь у Аксаковых выслушал только что полученное из Одессы письмо И. С. Аксакова от 10–11 ноября 1848 г.

См. ***1848. Ноября 10. Среда. Одесса***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***.

НОЯБРЯ 24. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает письмо Гоголя из Москвы.

См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***.

НОЯБРЯ 25. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке. Водевиль в 1 д<ействии> с хорами и плясками Г. Б***, заимствованный из повести Н. В. Гоголя».

Ельницкая 1979. С. 394.

НОЯБРЯ 26. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке. Водевиль в 1 д<ействии> с хорами и плясками Г. Б***, заимствованный из повести Н. В. Гоголя».

Ельницкая 1979. С. 394.

НОЯБРЯ 27. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. Ф. Зеньков пишет М. П. Погодину в Москву:

«Прошу Вас, добрейший Михаил Петрович, поздравьте от меня Николая Васильевича Гоголя с Новым годом и пожелайте ему от меня всех благ, какие он от Господа получить желает».

Гоголь в письмах П. Ф. Зенькова к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 558.

НОЯБРЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

Вероятно, в этот день Гоголь — после встречи, незадолго перед тем, с вернувшимся[3] в Москву графом А. П. Толстым (Толстой, очевидно, приехал из Петербурга через Ржев) — отправил в Ржев письмо к протоиерею М. А. Константиновскому.

Датировка письма к о. Матфею уточнена. Послание имеет помету Гоголя: «28 ноября. Москва». П. А. Кулиш и, вслед за ним, В. И. Шенрок без объяснений датировали письмо 1851 г.[4] Между тем есть основания отнести его к 1848 г.

Согласно письму О. Сем. Аксаковой к сыну Ивану в Одессу, отправленному в тот же день, 28 ноября 1848 г., граф А. П. Толстой появился в Москве именно в это время — именно тогда Гоголь с ним встречался, договорившись о переезде от М. П. Погодина в дом графа[5]. «Гоголь <...> переезжает жить к Толстому...» — сообщала Аксакова сыну (см. ниже).

Признание Гоголя о. Матфею, что он «перечитывает» два его «последние письма», перекликается со строками письма Гоголя к священнику от 12 сентября 1848 г.: «Покуда я читаю и перечитываю ваши письма...»[6] Речь в обоих гоголевских посланиях шла, по-видимому, о письмах к нему о. Матфея по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» — одно из них было получено Гоголем в начале января (н. ст.) 1848 г. в Неаполе[7], другое — на Пасху 1848 г. в Константинополе[8]. (До этого, в 1847 г., Гоголь получил от о. Матфея еще два письма, непосредственно касающиеся «Выбранных мест...»; эти письма были вручены ему в Неаполе 8 мая (н. ст.) 1847 г.[9] и в Остенде 24 сентября (н. ст.) 1847 г.[10]) (Позднее, в 1851 г., повода для подобных писем у о. Матфея, вероятно, не было; сведения о таких письмах о. Матфея к Гоголю 1851 г. до нас не дошли.)

Начальные строки комментируемого письма Гоголя: «Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон...», по-видимому, связаны с просьбой Гоголя к о. Матфею, высказанной в письме от 9 ноября 1851 г.: «...Скажите мне какое-нибудь слово... <...> Адресуйте <...> <...> Шевыреву, в Москве...»[11] (Вместо письма о. Матфей передал Гоголю через графа Толстого только поклон. Ср. также строки письма Гоголя к о. Матфею от 28 декабря 1848 г., свидетельствующие, что в этот период о. Матфей некоторое время *не* писал Гоголю: «Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу...»[12])

Из письма Гоголя к о. Матфею: «Граф А<лександр> П<етрович> Толстой передал мне ваш поклон и рассказал мне о своем душеусладном пребывании у вас во Ржеве. Благодарю вас много и много за то, что содержите меня в памяти вашей. Одна мысль о том, что вы молитесь обо мне, уже поселяет в душу надежду, что Бог удостоит меня поработать Ему лучше, чем как работал доселе, немощный, ленивый и бессильный. Ваши два последние письма держу при себе неотлучно[13]. Всякий раз, когда их в тишине перечитываю, вижу новое в них, прежде незамеченное, указание и напутствие и всякий раз благодарю Бога, помогшего вам написать их. Не забывайте меня, добрая душа, в молитвах ваших. Знаете и сами, как они мне нужны. И да не оставляет вас за то Бог до последних дней вашей земной жизни, покуда не соединитесь вечно с Ним! Ваш признательный Николай Гоголь».

В тот же день, 28 ноября 1848 г., С. Т. Аксаков писал сыну Ивану в Бессарабию:

«На другой день[14] после отправки моего последнего письма, т. е. 22 ноября[15], получили мы письмецо твое, милый друг Иван, с приложением сшитой тетрадки[16]. Один вид этого толстого конверта произвел всеобщую радость. Спасибо, сто раз спасибо тебе, милый друг! Ты сам можешь себе представить, какое было для нас наслаждение читать и перечитывать живое изображение всех испытанных тобою новых впечатлений. Из посторонних читали твое большое письмо только Самарин и Гоголь; обоим оно показалось очень интересным, хотя последнему немножко и чихнулось от некоторых выражений о хохлах».

Иван Аксаков в своем письме, в частности, замечал: «...Кажется мне, что Харьков имеет внутреннее сильное значение для Малороссии, которая в нем централизуется. Которая имеет в нем свой университет. Университет, конечно, плох; но хохлы, вероятно, ставят его выше всех других, и как тип хохлацкий, не сглаживаясь ничем на свете, делает их смешными в сравнении с москалями, то они, вероятно, очень рады, что этот тип находит себе здесь самостоятельное оправдание... Впрочем, в настоящее время эта самостоятельность значит только самостоятельное подражание, обезьянство Западу, а не Москве...»[17]. «Должно сознаться, что мирные обстоятельства, — писал также И. С. Аксаков, — вероятно, еще более придали хохлу лени и неподвижности; нужны были ляхи и татары, чтобы расшевелить эту природу. К тому же хохол скрытен и недоверчив, особенно к москалю»[18].

Далее С. Т. Аксаков сообщал сыну:

«Мы прочли все 12 песен "Одиссеи". Стих вообще очень хорош, и есть места даже превосходные, но в частностях можно сделать много замечаний, которые и были деланы мной и особливо Константином, всегда доказывавшим неверность перевода сличением его с подлинником. Гоголь сначала принимал эти замечания очень хорошо, убеждался в их справедливости и просил всё записывать для сообщения Жуковскому; но впоследствии стал раздражаться словами Константина, иногда несколько неуместными и резкими, ибо дело непосредственно касалось до его самого. Третьего дня так рассердился за упреки в долгом пребывании на чужой стороне Жуковскому, что убежал и унес с собой "Одиссею". Вчера не был; увидим, придет ли сегодня. Нет, не восстановиться прежним отношениям между нами. Искренности нет, и очень явно его недоброжелательство к Константину, которого, разумеется, он считает причиною всех моих писем. Признаюсь, мне часто бывает досадно. Неужели я, проживши столько лет, не сумел нажить себе имени неглупого и самобытного человека? Всё, что я говорю и делаю, решительно приписывается Константину! Это обстоятельство нередко заставляет меня противоречить ему при свидетелях в том, в чем я внутренне согласен. Вот это, конечно, глупо...»[19]

О. Сем. Аксакова в тот же день также писала сыну:

«Мы получили от тебя письмо, которое читали, читали и других заставляли (по их желанию). Самарин удивляется и говорит, что он не может никак записать всего. Гоголь очень доволен — последнего от нас отбивают и, может быть, успеют: он, кажется, едет в Англию[20] — переезжает жить к Толстому, говорит Конште[21] очень резкие вещи[22] и даже несправедливые, и тот очень тихо все принимает»[23].

По поводу слов Аксаковой, что ее сын «тихо» принимает «резкие» слова, сказанные ему Гоголем, стоит обратить внимание на противоположные свидетельства на этот счет Аксакова-отца — во-первых, в письме к сыну Ивану от 8 ноября 1848 г.: «...Гоголь теперь в таком прекрасном расположении духа, что ему можно все высказать и все у него выспросить, а я по целым часам сижу с ним, не говоря ни слова. Но зато Константин говорит *все*. <...> Часто я бываю недоволен его словами, считая их оскорбительными или неуместными, но дело обходится очень хорошо: искренность и простодушие его вполне оцениваются Гоголем»[24]. В написанном в тот же день, 28 ноября 1848 г., письме к сыну Аксаков также замечал: «...Гоголь <...> стал раздражаться словами Константина, иногда несколько неуместными и резкими...» (см. выше).

Кроме оценки перевода В. А. Жуковским «Одиссеи» Гомера, тогдашнее неодобрительное отношение Гоголя к Константину Аксакову, вероятно, было связано и с их принципиальным спором[25] о значении для России единодержавия[26]. В апреле 1848 г., К. С. Аксаков, возражая на статью Гоголя *Х. О лиризме наших поэтов. (Письмо к В. А. Ж<уковско>му)*, писал: «...Россия *никогда не обоготворяла* Правительства, никогда не верила в его совершенство и совершенства от него не требовала, никогда не ставила его целью своих стремлений, смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом *Веру* и спасение души, — и поэтому революция чужда совершенно России, и существующий законный порядок в ней крепок. <...> Но Россия подверглась влиянию Запада, и обожание Правительства, этот грех, ведущий за собою казнь свою, революцию, вошел отчасти и к нам. <...> ...Правительство, заимствуя у него <у Запада> материальные усовершенствования, в то же время внесло в Русскую жизнь Западные понятия о власти... <...> Часть России, увлекшаяся Западом, ту же минуту поклонилась пред Правительством, как пред кумиром... <...> Я разумею здесь [вовсе не либералов только или людей, разделяющих все последние мнения Запада, но] всех, которые следуют какому бы то ни

было Западному направлению, хотя самому консервативному; также я разумею здесь всех, которые, хотя и не толкуют о Западе, но оторваны от народа, теряют Русские основы быта и потому поневоле связаны с Западом и могут пойти его путем...»[27]

В письме к самому Гоголю от мая 1848 г. К. С. Аксаков также замечал: «Во всем, что вы писали в письмах и в книге вашей особенно, вижу я прежде всего один главный недостаток: это *ложь*. <...> ...Вы дошли до невероятных положений. <...> Таково письмо ваше к Жуковскому, письмо, так сильно противоречащее, по-моему, вере православной. <...> Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе»[28].

Сам Константин Аксаков в тот же день, 28 ноября 1848 г., также сообщал брату:

«Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон. Я сношу это. Но в последний раз, услыхав, что он опять собирается за границу, в Англию, я высказал ему свои ощущения касательно этих бесстыдных отъездов в чужие края, и он, кажется, обиделся. Получена "Одиссея" Жуковского. Это не Гомер[29]. Мудрованья премного, особенно в начале. Гоголь даже стал уж соглашаться. Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает. Если все это так, то, я думаю, не будет прока от его деятельности...»[30]

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.

[2] *Гриц*. С. 422.

[3] А. О. Смирнова 20 октября 1848 г. сообщала Гоголю из Петербурга: «Александр Петрович был у меня; он спешит в Москву» (см. ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург***). Сам Гоголь в конце ноября 1848 г. писал П. В. Нащокину: «...Граф будет через месяц, а графиня здесь и стоит в гостинице "Дрезден"» (***1848. Ноября начало. Москва***).

[4] См.: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 546; Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 412.

[5] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***.

[6] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва***.

[7] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***; ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь***.

[8] См. ***1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Константинополь***.

[9] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***.

[10] См. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде***.

[11] См. ***1848. Ноября 9. Вторник. Москва***.

[12] См. ***1848. Декабря 28. Вторник. Москва***.

[13] См. также ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва*** (свидетельство графа А. П. Толстого).

[14] 23 ноября 1848 г. (см. ***1848. Ноября 23. Вторник. Москва***).

[15] См. ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва.***

[16] Имеется в виду большое письмо И. С. Аксакова от 10–11 ноября 1848 г. из Одессы (см. ***1848. Ноября 10. Среда. Одесса***).

[17] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 11; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 401; *Свод*. Т. 2. С. 603.

[18] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 16; см. также: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. С. 404; *Свод*. Т. 2. С. 603.

[19] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 602–603.

[20] См. также ниже письмо К. С. Аксакова к И. С. Аксакову от 28 ноября 1848 г. и строки письма Гоголя к С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г. из Рима: «Поездка в Англию будет слишком необходима мне, хотя внутренно я не лежу к тому...»

[21] К. С. Аксакову.

[22] См. также ***1849. Апрель. Москва.***

[23] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод*. Т. 2. С. 781.

[24] См. ***1848. Ноября 8. Понедельник. Москва.***

[25] См. также ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[26] Ранее «похвалами дому Романовых» в статье Гоголя *Х. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» «смущался» также И. С. Аксаков (см. ***1848. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга***).

[27] *Аксаков К. С.* Голос из Москвы / *Аксаков К. С.* Голос из Москвы. (1848). Западная Европа и народность. <1849>. (Подготовка текстов и примечания В. А. Кошелева) // Литература и история. (Исторический процесс

в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. <Вып. 1>. С. 297, 299–300. — Статья «Голос из Москвы» предназначалась для распространения; сохранилось шесть ее автографов. Очевидно, был знаком с ней и Гоголь. К. С. Аксаков в письме к брату Г. С. Аксакову писал: «Как жалею я, что Иван не взял с собою моей статьи "Не сотвори себе кумира (голос из Москвы)"; эта статья дала бы вам ясное понятие о моих гражданских мыслях» (*Кошелев В. А.* К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. С. 308).

[28] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[29] Подробнее о полемике Гоголя с Аксаковыми о Гомере см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литера-туры им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

[30] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 798.

НОЯБРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке. Водевиль в 1 д<ействии> с хорами и плясками Г. Б***, заимствованный из повести Н. В. Гоголя».

Ельницкая 1979. С. 394.

НОЯБРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«Гоголь [бывает] у нас по-прежнему, бывает также часто; он веселее и разговорчивее, нежели был прежде; говорит откровенно и о своей книге, и вообще стал проще, как все находят. — Он твердо намерен продолжать М<ертвые> Д<уши>».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 869.

НОЯБРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. НОВОСЕЛИЦА, БЕССАРАБИЯ

И. С. Аксаков отправляет в Москву ответное[1] письмо отцу:

«Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет! Не надо, чтоб Константин разрушал в нем всякую веру в искусство... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу»[2].

[1] См. ***1848. Ноября 8. Понедельник. Москва.***

[2] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 923.

НОЯБРЯ 30. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Сорочинская ярмарка, или Грицко и Параска, или Приключение на ярмарке. Водевиль в 1 д<ействии> с хорами и плясками Г. Б***, заимствованный из повести Н. В. Гоголя»[1].

В тот же день Н. П. Ломтев записал в дневнике:

«Читаю “Переписку с друзьями” Гоголя»[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 394.
[2] *Ломтев Н. П.* Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ. МОСКВА

А. П. Елагина отправляет записку М. П. Погодину:

«Навещайте его <И. В. Киреевского> почаще, не давайте уединяться. О том же прошу Гоголя, которому скажите мой дружеский поклон... Старость почиталась прежде Божиим благословлением, а теперь выходит наказанием, гневом. Но везде Бог, и на кресте, и в воскресении»[1].

Много лет спустя сын Погодина, Дмитрий Михайлович, рассказывал П. К. Мартьянову о пребывании Гоголя в их доме осенью 1848 г.:

«Некоторые дома своих знакомых он посещал, хотя и не часто, но сам, за весьма редкими исключениями, никого не принимал. Если кому нужно было видеть его, — приезжали к нам, и у нас с ним увиделись, у нас, конечно, пили чай или обедали, но Гоголь, по скупости или неимению средств, никого ничем не угощал. <...> Несмотря на то, что Николай Васильевич жил у нас совершенно изолированно и <...> гостей у себя никогда не принимал, духовенству доступ к нему был всегда открыт. Помню, под конец его последнего пребывания у нас в доме несколько священников посещало его, и он любил беседовать с ними подолгу. У него бывали: наш местный приходской священник, добродушный и весьма религиозный отец Иоанн[2], знаменитый проповедник из Твери отец Матвей[3], о котором Гоголь отзывался с большим уважением, какой-то соборный из Кремля скелларий, имени его не помню, ходили два монаха из Чудова монастыря и какой-то странник-грек с Афона. Отец косился на это и даже выговаривал не раз Гоголю, но мать моя покровительствовала его приемам духовенства, и поэтому отцы духовные старались попадать к нашему отшельнику в такие часы дня, когда отец был в отсутствии. И Николай Васильевич посмеивался потом над отцом и поддразнивал его:

— А у меня опять попы были, о твоем здоровьи осведомлялись, просили кланяться. Жалуются, что ты мало жертвуешь им...

— Ну, уж ты оставь меня, пожалуйста, в покое, — перебивал его отец и углублялся в свои летописи.

— История для тебя, конечно, важнее религии, — продолжал пилить его Гоголь, ходя из угла в угол по кабинету.

Но отец, по обыкновению, молчал, и только перо его усиленней начинало скрипеть по бумаге»[4].

Д. М. Погодин также вспоминал:

«...Н<иколая> В<асильевича> посещали немногие, но все-таки их было достаточно... <...> ...Н<иколай> В<асильевич> был домосед и знакомых, даже близких, как, например, Степана Петровича Шевырева, М. С. Щепкина, посещал изредка. С прислугою он обращался вежливо, почти никогда не сердился на нее... <...> Меня тоже он любил и называл своим племянником. Припоминая различные мелочи из характера Гоголя, я припомнил пустое обстоятельство, но доказывающее, что Гоголя занимало иногда подшучивать над детьми. Вскоре после его переезда к отцу он обещал мне с сестрою привезти игрушек. Нынче да завтра, так долго томил меня Н<иколай> В<асильевич>. Наконец как-то раз вернувшись из города (а городом мы, обитатели Девичьего поля, называли Москву), лакей пронес перед Гоголем какой-то ящик, завязанный в бумагу, и Н<иколай> В<асильевич> крикнул мне на ходу: “Митя, ступай живей наверх, я тебе игрушку привез, живей”. Я стремглав бросился по лестнице за ними. Начали развязывать покупку, и — о, ужас! — оказа-

лось, что Гоголь купил себе очень элегантную ночную принадлежность из красного дерева. Вот тебе и игрушка! Со слезами на глазах я начал бранить Н<иколая> В<асильевича> и без всякой церемонии называл его обманщиком и грозился об его обмане рассказать всем, всем; а Гоголь, схватившись за бока, истерически хохотал; но в конце концов утешил меня, обещаясь назавтра же непременно привезти замысловатую игрушку; но исполнил ли он свое обещание, теперь уже не припомню: так сильно подействовала на меня первая обида разочарования.

В самом конце сороковых годов Н<иколай> В<асильевич> переехал[5] от нас на Никитский бульвар, в бывший дом Талызиной, к графу А. П. Толстому. Здесь он уже окончательно поддался[6] тому мистическому направлению, которое, к прискорбию всей России, свело гениальнейшего человека в преждевременную могилу...»[7]

Дочь Погодина Александра Михайловна (в замужестве Зедергольм), в свою очередь, вспоминала:

«В последние два года своей жизни Гоголь редко бывал у Погодина, но часто присылал к Погодиным с просьбою попросить придти к нему местного священника[8], настоятеля Саввинской церкви, возле которой жили Погодины. К престарелому священнику этому Гоголь относился с глубочайшим уважением и любовью, этот священник часто исповедывал и приобщал Гоголя Св. Таин»[9].

В 1848 г. С. К. Смирнов[10] писал Погодину:

«Слышал, что у вас гостит русская знаменитость: Н. В. Гоголь. Горю нетерпеливым желанием видеть этого чудного мужа, которого я почитаю до беспредельности»[11].

Тогда же доктор Ф. И. Иноземцев[12], «поручая Погодину поклониться Гоголю, замечает о нем: *чай, хандрит*»[13].

[1] Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод*. Т. 2. С. 134.

[2] Имеется в виду священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле отец Иоанн Диомидович Никольский, духовник Гоголя.

[3] По крайней мере два визита ржевского протоиерея Матфея Константиновского к Погодину состоялись позднее, в первой половине марта 1849 г. (см. ***1849. Марта 7–13. Четвертая неделя Великого Поста. Москва***).

[4] *Мартьянов П. К.* Гг. Погодины и газета «Жизнь» // *Свод*. Т. 2. С. 533, 535.

[5] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***.

[6] Ср. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** (примечания).

[7] *Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца //*Свод*. Т. 2. С. 527–529.

[8] Имеется в виду отец Иоанн Никольский.

[9] *В. С.* Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 540.

[10] Сергей Константинович Смирнов (1818–1889), протоиерей, духовный писатель и историк; ректор Московской духовной академии (с 1878 г.).

[11] *Свод*. Т. 2. С. 560.

[12] Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), московский врач, профессор, старый знакомый Гоголя. – См. также ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад***; ***1852. Февраля между 5 и 11. Москва***.

[13] *Барсуков*. 1895. Кн. 9. С. 475.

ДЕКАБРЯ 1. СРЕДА. МОСКВА

А. М. Языков сообщает В. Д. Комовскому в Петербург:

«В Историческом обществе, по случаю выхода Строева и Бодянского[1], выбрали в президенты Черткова, в секретари Беляева. <П. В.> Киреевский условился было с Бодянским печатать в

"Чтениях" русские песни через книжку, т. е. в одной р<усские> п<есни> Киреевского, в другой — малороссийские Бодянского[2]. Полезная ученая деятельность Б<одянского> теперь прекращается, и не знаю, как Киреевский распорядится изданием своего собрания[3]. О Б<одянском>, человеке важном для науки и жертве совершенно невинной, здесь все сожалеют: он был очень полезен и мог бы, кажется, оставаться на своем месте без дальних околичностей»[4].

[1] Подробнее см.: ***1849. Декабря 21. Среда. Москва*** (примечания).

[2] «В архиве Киреевского сохранилась тетрадь, озаглавленная "Песни народа червонно-русского, собранные Игорем Брониславовичем Паулем"» (*Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971. С. 210). «Это переплетенная тетрадь в ¼ в 119 листов, озаглавленная "Песни народа червонорусского". Эти песни были собраны И. Б. Паулем. <...> На л. 1 тетради рукою Киреевского помечено: "Куплено мною у М. П. Погодина в 1838 г. П. К." На обороте того же листа рукою О. М. Бодянского: "Получ<ено> от П. В. Киреевского 18 сентября 1848 г. О. Бодянский". Второй документ — так же переплетенная тетрадь в ⅛ в 19 листов, озаглавленная «Вирши и песни». На последнем листе рукою Киреевского написано: "Доставлены от Г. Васильевича. П. К." Ниже рукою Бодянского: "Получено от П. В. Киреевского 18 сент<ября> 1848 г. Москва. О. Бодянский"» (*Соймонов А. Д.* Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. С. 114).

[3] В следующем письме к В. Д. Комовскому А. М. Языков сообщал: «Идут сношения с Историческим обществом о том, станет ли оно печатать в своих "Чтениях" русские и малороссийские песни, как предполагал Бодянский, или нет?» (Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 185).

[4] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 184.

ДЕКАБРЯ 2. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Ишимова пишет Гоголю в Москву:

«Как справедливо назвали вы <...> в одном из писем последней книги вашей — нынешнюю жизнь нашу *бессмысленною*[1]. Истинно бессмысленно теряем мы часы и даже дни свои, и равнодушные к этим потерям, ничем не стараемся предупредить их, как будто сознавая совершенную невозможность сделать это. Так думала я и нынешнею осенью, когда вы были здесь[2], и мне так хотелось поговорить с вами о многом, что заронило в душу мою ваша прекрасная книга 1847 года. Но скажете, была ли к тому какая-нибудь возможность, хотя и виделись мы не один раз. <...> ...Я была на днях у Ф. Н. Глинки и слышала там несколько отрывков из его поэмы "Таинственная капля"[3]. Не знаю, слышали ли вы что-нибудь об этой поэме, — но по моему разумению она принадлежит к той поэзии, о которой вы говорите в конце статьи вашей об особенностях русской поэзии. "Как во времена младенчества народов поэзия служила к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них бранолюбивый дух, так придется ей теперь вызывать на другую высшую битву человека, на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу, которую сам небесный Творец наш считает перлом своих созданий". Поэма Глинки, мне кажется, есть именно блистательное начало той поэзии или того времени поэзии, о котором вы предвещаете. Это — сцены из Евангелия, опоэтизированные до такой степени, что, созерцая их, вы забываете все вас окружающее — вы видите только небо и с радостию готовы терпеть на земле все, что должно довести вас до этого неба! <...> Основанием поэмы взята легенда, бывшая еще от средних веков общею в христианском мире — о том, как Св. Дева во время бегства своего из Египта с Младенцем Иисусом исцелила каплею молока Своего — больного ребенка разбойника, захватившего в плен Святое Семейство... <...> Вас интересует все, что хотя чем-нибудь касается до русского мира, — как же людям, разделяющим в этом отношении чувство ваше, не желать поделиться с вами таким отрадным явлением в литературе нашей? Я уверена, что вы, не будучи Николаем Васильевичем, сделали бы то же, что я, и написали бы к Николаю Васильевичу, прослушав несколько страниц Глинки. Я спросила его и жену[4] его, которой прекрасное одушевленное чтение еще более возвышает гармонические стихи мужа — видели ли они вас в нынешний приезд ваш сюда, и они отвечали мне, что, к величайшему сожалению их, они лишены были этого удовольствия. Они оба большие ваши почитатели, и Авд<отья> Павловна говорит, что когда возникли в Москве разные толки о вас по-

сле вашей последней книги — она спорила за вас не один раз до слез. И это сущая правда: тот, кто искренно любит вас, должен иногда спорить за вас до слез! так бессмысленны бывают иногда многоразличные суждения и слухи, распространяемые о вас. Вообразите, что нелепость их доходит до того теперь, что иные пресерьезно уверяют, будто вы отреклись от последней, можно сказать, Евангельской книги вашей и говорите, что это было *минутное увлечение!* Ну, скажите, как же тут не спорить, как не плакать о том, что у нас хотят отнять последнюю отрадную надежду нашу! <...> Я не знаю вашего адреса в Москве и пишу на имя С. П. Шевырева, будучи уверена, что он знает, где вы находитесь. Если бы я не знала, как докучливы бывают для человека мыслящего вопросы о том, что вы поделываете? то непременно задала бы вам один из таковых, потому что мне очень, очень хотелось бы знать, увидим ли мы когда-нибудь описание хотя некоторой части того, что вы чувствовали в священных местах Иерусалима, или бесчувственность толпы, не умевшей оценить ваших потрясающих душу воззваний к ней, решила вас на холодное молчание? <...> Не молчите <...>, ради Бога не молчите в нашей пустыне!»

[1] Имеются в виду строки статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Много предстоит теперь для поэзии — возвращать в общество то, что есть истинно прекрасного и что изгнано из него нынешнею бессмысленною жизнию».

[2] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» впервые была издана в Берлине в 1861 г.

[4] Авдотья Павловна Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова, 1795–1863), поэтесса и прозаик.

ДЕКАБРЯ 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина Е. П. Гребенки.

ДЕКАБРЯ 4. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записывает в дневнике:

«Прощ<альное>[1] объя<снение> с Гог<олем>».

Смирнова-Чикина Е. С. К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. 1966. Т. 25. Серия литературы и языка. Вып. 2. С. 137; *Свод.* Т. 3. С. 723.

[1] См. ***1851. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***

ДЕКАБРЯ ОКОЛО 4. ПЕНЗА

А. И. Соколов читает в частном доме «Ревизора».

Пензенский корреспондент «Северной Пчелы» в письме от 26 декабря 1851 г. сообщал: «Случай свел нас с даровитым любителем театра <...> Александром Ивановичем Соколовым, приехавшим в Пензу по своим делам. А. И. Соколов — постоянный житель Одессы и знаток сцены, заведывает тамошним Городским Русским Театром; лицом и обращением он очень походит на М. С. Щепкина, знаком с ним, насмотрелся на его игру, и обладает превосходным комическим театром. Услышав чтение Г<-на> Соколова, мы тотчас задумали в Пензе сыграть комедию *Ревизор*. Срок ее постановки был назначен самый краткий. Розданы были роли. Многие сомневались в возможности разучить так скоро многосложную пиесу, но сила воли преодолевает механические затруднения»[1].

А. Провинциальные заметки. Статья третья // Северная Пчела. 1852. 4 февр. № 28. С. 110.

[1] См. *1851. Декабря 14. Вторник. Пенза.*

МЕЖДУ НОЯБРЯ 17 И ДЕКАБРЯ НАЧАЛОМ. МОСКВА

Гоголь пишет ответную[1] записку А. А. Григорьеву[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. *1848. Ноября 17. Среда. Москва.*
[2] См. *1848. Ноября конец – декабря первая половина. Москва.*

ДЕКАБРЯ 4 ИЛИ 5. СУББОТА ИЛИ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь переезжает от М. П. Погодина[1] к графу А. П. Толстому на Никитский бульвар, в дом А. С. Талызина.

Вскоре у Толстого Гоголь познакомился с князем Д. А. Оболенским. Здесь же Гоголя часто навещал Д. К. Малиновский[2].

В. А. Нащокина вспоминала о жене графа А. П. Толстого Анне Георгиевне[3]: «Женщина эта и ее муж, бывший обер-прокурор Св. Синода[4] гр<аф> Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, мне кажется, в последний период жизни Гоголя сыграли громадную роль в смысле духовного перерождения писателя...»[5]

Факты свидетельствуют об обратном: не граф Толстой и его супруга «сыграли громадную роль в смысле духовного перерождения писателя», а напротив, Гоголь повлиял на них в религиозном отношении. Как позволяет судить содержание сделанных П. А. Кулишом выписок из недошедших до нас писем Толстого к Гоголю[6], именно гоголевскому влиянию граф был многим обязан своим духовным образованием[7]. (Для характеристики взглядов Толстого в этот период примечательно письмо к нему А. О. Смирновой от 6/18 сентября 1843 г. из Бадена[8].)

Нащокина сообщала: «В то время, когда Гоголь познакомился с графиней, она уже была не первой молодости, жила в своем богатом доме на Никитской, окруженная монахинями и духовенством. Женщина она была в высшей степени добрая, отзывчивая, много помогала бедным, но отличалась чрезвычайным религиозным фанатизмом»[9].

Графиня А. Г. Толстая после своей кончины в 1889 г. была почитаема как христианская благотворительница[10].

Далее из воспоминаний Нащокиной: «Гоголь в то время сильно нуждался, о чем Павел Войнович откровенно рассказал Толстой. Та отнеслась сочувственно к молодому[11] писателю и предложила ему поселиться в ее доме, на что он согласился.

Немного времени спустя после этого знакомства[12] Павел Войнович[13] встретил Гоголя на улице, едущим в карете с графиней Толстой и ее домоправительницей, Кирианой Федотовой. Они ехали к Троице»[14].

О быте, который окружал Гоголя в доме Толстых, позволяют также судить воспоминания А. О. Смирновой (1854)[15], Н. В. Берга (1871)[16], Т. И. Филиппова (1874)[17].

В 1902 г. Н. П. Бочаров сообщал: «Что <...> касается до дома гр<афа> Т., на Никитском бульваре, то многие ошибочно предполагают, что это был дом гр<афа> Толстого, обер-прокурора Святейшего Синода. В доме этом только жил гр<аф> Толстой, а у него в квартире, в нижнем этаже, проживал Н. В. Гоголь. В действительности же дом этот принадлежал Талызину, что подтверждается и следующею выпискою[18] из метрической книги приходской церкви Симеона Столпника на Поварской улице... <...>

В настоящее время дом этот принадлежит г-же Шереметевой и фототипические рисунки с него вошли уже в приложения к периодическим изданиям. Я застал этот дом еще в его первоначальном виде. Со стороны Никитского бульвара над нижним этажом, где проживал Н. В. Гоголь, был зимний сад со стеклянными оранжерейными окнами во всю стену второго этажа. Уже по кончине В. А. Шереметева, владевшего этим домом после Талызина, зимний сад обращен в жилые комнаты и, таким образом, по наружному фасаду со стороны бульвара дом этот стал двухэтажным.

Лет 20 тому назад показывали мне и комнаты в нижнем этаже, где жил Н. В. Гоголь. Цел был тогда и исторический камин[19].

Что же касается до найденного теперь кресла Н. В. Гоголя, то первое известие о нем я получил от М. Н. Покровской, урожденной графини Толстой, доныне здравствующей в своем имении "Гончары". Рудаков[20], служивший у графов Толстых при жизни Н. В. Гоголя, сам рассказывал Марье Николаевне Покровской, что он хранит у себя гоголевское кресло[21], которое он, по кончине Н<иколая> В<асильевича> и по переезде гр<афини> Толстой в собственный дом на Кудринской-Садовой, и перенес с собою»[22].

Д. К. Малиновский в 1865 г. сообщал: «Через год (в 1849 г.) я поступил юнкером в 17-ю артиллерийскую бригаду, содержавшую, побатарейно, караулы в Москве. Как до того времени, так и во время моего пребывания в Москве юнкером, я очень нередко бывал у Н. В. Гоголя, квартировавшего, как известно, на Никитском бульваре, в доме гр<афа> Толстого»[23].

В 1868 г. Малиновский добавлял: «Передам здесь еще нечто о покойном [Гоголе — те] отрывочные мысли, которые мне пришлось от него слышать и которые сохранились в моей памяти. <...>

"*Всякий человек есть Господня святыня*", — сказал мне однажды Н<иколай> В<асильевич>. "Эти слова, — продолжал он, — взяты, кажется, из Священного Писания; их сказал мне один благочестивый священник[24]. Вот как должно нам смотреть на каждого человека". Умолчать ли, что эти простые слова Гоголя, с восприимчивостию усвоенные пишущим эти строки, имели большое влияние на его последующий образ мыслей? Прежде мой взгляд на людей был почти таков, что только эрудиция делает человека *человеком*. Потом я думал уже иначе — все люди в известном отношении предо мною поравнялись, не взирая на различие своего образования, и даже, смею сказать, своего нравственного состояния. Суждение о дурном поступке я стал отделять от суждения о целом человеке и невзлюбил решительных и полных нравственных осуждений человека, в роде, напр<имер>, частого в житейском разговоре словца "подлец". С тех же пор по-своему я понял смысл христианской молитвы, заставляющей каждого из нас называть первым грешником самого себя.

Однажды разговор коснулся некоторых мнений о Божестве Искупителя. "Может ли обыкновенный человек, — сказал Гоголь, — назвать себя Богом и тут же не потерять рассудка? Александр Македонский велел себе воздавать божеские почести тогда уже, когда помрачил свой разум. Сказать слова Спасителя мог только Бог".

Раз мы разговорились о чудесах христианского мира. "Чудо, — сказал покойный Н<иколай> В<асильевич>, — не есть явление противуестественное; все дело в том, что мы естество-то знаем близоруко, и, конечно, никогда его не узнаем как должно. Некоторые чудеса, описанные в Библии, считались противуестественными, а потом, глядишь, наука же открывает, что они естественны и возможны".

Мы говорили об истинно великих людях. "Очень замечательно, — сказал Гоголь, — что люди нравственно великие и что-либо благое для человечества сделавшие, рождались всегда от отца и матери не мелкодушных, благочестивых и добродетельных". Теперь не помню, какие именно исторические примеры приводил он мне здесь.

"Скажите, Н<иколай> В<асильевич>, — спрашивал я, — как так мастерски, рельефно и живо умеете вы представлять всякую пошлость". Легкая улыбка показалась на его лице и после короткого молчания он тихо и доверчиво мне сказал: "Я представляю себе, что чорт большею частию так к человеку близок, что без церемонии его оседлывает, и шпорит куда хочет, заставляя его делать дурачества за дурачествами".

Суетных молодых людей *образованного* общества Н<иколай> В<асильевич> любил называть *щелкопёрами*, и говорил, что большею частию они не знают чорта потому, что сами для него вовсе

не интересны; он их оставляет без всякого внимания в полной уверенности, что они и сами не уйдут от него; "разве, разве, — прибавил он, — когда-нибудь он спрячет у них перчатку, и они долго не найдут ее, вот все его проделки с ними".

Я как-то заметил ему по некоторому случайному поводу, что творчество таланта должно быть, как мне кажется, легко, свободно, игриво. "Да, — отвечал он, — оно похоже на игру шампанского".

С предчувствием или без предчувствия великой реформы 19-го февраля[25], Н<иколай> В<асильевич> сетовал на то, что наши образованные и благородные люди не привыкли и не хотят заниматься никакою ручною работою, что человеку так необходимо и спасительно. "Как мне приятно и полезно, — прибавил он, — то, что я стараюсь обходиться без слуги и сам (иногда?) мету себе комнату"[26]. <...>

Когда мне случалось упоминать о *Мертвых Душах* и о неизвестном мне втором томе, то Гоголь всегда говорил, что надеется вывести в этом томе личности крупнее предшествовавших. <...>

До сих пор неизгладимо во мне ясное впечатление мягкого, благородного, серьезного и в то же время безыскусственного и простого образа Гоголя[27]. Покойный не отталкивал меня от себя, [как другие], ни гордостию, ни какою-либо натянутою сдержанностию, ни самою серьезною своею самоуглубленностию. Познакомившись с ним, я уже не сетовал на краткость и скупость его выражения, ибо знал, что они происходят не от эгоизма. Безыскусственная оконченность его внешнего образа была полная, по самому придирчивому глазу нельзя было заметить в нем никакой претензии, кроме свежести и чистоты костюма. Как теперь помню небольшой рост, солидный сюртук, бархотный глухой жилет, высокий галстух и длинные темные волосы, гладко падавшие на острый профиль. Разговаривая или обдумывая что-нибудь, он потряхивал головой, откидывая волосы назад, или иной раз вертел небольшие красивые усы свои; при этом бывала и добродушная, кроткая улыбка на его лице, когда он, доверчиво разговаривая, поглядывал вам в лице. Когда беседа не оживляла его, он сидел немного откинувшись назад и несколько сгорбившись, как будто утомленный или углубленный в продолжительную думу. Бывали также минуты, когда он быстро ходил и почти бегал по комнате, говоря, что этого требует его нездоровье, а остывавшая будто бы его кровь. — В беседах о страданиях человека прекрасная природа его никогда себя не унижала до сетования на них; задумчивый и прекрасный образ Гоголя как будто молча учил терпению, любви и добру.

Я бывал у Гоголя по его назначению, всегда утром, должно быть около 1-го или 2-го часа. Раз был при мне С. П. Шевырев, несколько знавший меня. По поводу моей личности начался небольшой разговор о философских способах вести жизнь. Гоголь ходил по комнате, Шевырев стоял у печки и рассуждал на ту тему, что полезно и должно избегать всех крайностей, и держаться в жизни средины. "Да! золотая середина!.... Подите-ка — отыщите ее!! Она-то самая трудная вещь в жизни и есть..." — говорил Гоголь.

Энергически оживленным я его почти не видал, да и характер бесед со мною не подавал к тому повода. Раз только, когда я был в недоумении, какую избрать мне дорогу, он быстро и с сосредоточенною задумчивостию стал ходить по комнате. Он предложил мне избрать военную службу на Кавказе. "Я бы на вашем месте непременно там отличился.... Я б там много сделал!..." — говорил он, быстро ходя и углубляясь в свои мысли.

Вот и все, что я мог собрать в ослабевших воспоминаниях моих из слышанных мною мнений Гоголя, которые счел нелишним сообщить читателю. Теперь сам я сильно скорблю о том, что во все время моего знакомства с Гоголем гораздо больше был занят своим собственным расстроенным внутренним миром, чем личностью и мнениями замечательного человека. <...> Как желал бы я возвратить прошлое для того, чтоб с полным вниманием изучать интересную и отчасти замкнутую натуру Гоголя!»[28]

Из воспоминаний князя Д. А. Оболенского (1873): «С Гоголем я познакомился еще в 1848 году летом <зимой, в декабре> в Москве[29], и мы видались часто. Родственные мои отношения к графу А. П. Толстому, у которого Николай Васильевич в то время жил в Москве, и дружба моя с кругом людей, которых Гоголь, по справедливости, считал самыми близкими своими друзьями, расположили его в мою пользу, и он не раз выказывал мне знаки своего дружеского внимания»[30].

В 1939 г. Г. П. Георгиевский[31], со слов Р. М. Павлова[32], сообщал: «Через десять лет после смерти Гоголя в Москве открылось учреждение, которое вскоре стало хранилищем огромного количества его автографов. Это учреждение — Румянцевский Музей, переименованный теперь в Государственную Библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Учреждение это поместили в популярный в Москве дом Пашкова. В последние десять лет своей жизни Гоголь полюбил это прекрасное создание Баженова и, живя на Никитском бульваре у А. П. Толстого, ходил в домовую церковь университетского пансиона, который помещался в доме Пашкова. — Один из студентов пансиона, свидетель и очевидец этих посещений, Рафаил Михайлович Павлов (брат Ник<олая> Мих<айловича> Павлова (Бицына)[33], впоследствии помощник библиотекаря Румянцевского Музея, рассказывал, что Гоголь стоял у левого клироса, тщательно кутаясь в шинель, и что студенты пожирали взорами прославленного автора "Ревизора" и "Мертвых душ". Слушал эти рассказы и скульптор Андреев[34], который воплотил фигуру Гоголя, по рассказам Р. М. Павлова, в памятнике на Гоголевском бульваре в Москве»[35].

[1] См. ***1848. Декабря 4. Суббота. Москва***; ***1848. Декабря 24. Пятница. Рождественский сочельник. Москва.*** — См. также ***1848. Октября 6–7. Среда-четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1849. Февраля 17. Четверг.***

[3] См. также ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва.***

[4] С 1856 до 1862 г.

[5] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552–553.

[6] Всего П. А. Кулиш располагал двадцатью пятью письмами графа А. П. Толстого к Гоголю, которые были обнаружены им в гоголевском «чимодане с нимеччины», переданном Кулишу родными писателя. Из этих писем биографом были частично использованы лишь выписки из трех писем: от 6 ноября 1844 года, от 12 декабря 1844 года и от 27 мая 1845 года (без указания имени отправителя) (см.: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 17, 22, 23). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. Девятые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва 1–5 апреля 2009 г. М., 2010. С. 75–82.

[7] См. ***1844. Ноября 6 <октября 25>. Среда. Париж***; ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг***; ***1845. Марта 19 <7>. Среда. Париж***; ***1845. Мая 27 <15>. Вторник. Париж***; ***1845. Сентября 20 <8>. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Остенде.***

[8] См. ***1843. Сентября 18 <6>. Понедельник. Баден-Баден.***

[9] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 553.

[10] См.: Толстая, графиня Анна Георгиевна... // *Толстой М. В., граф.* Хранилище моей памяти. М., 1893. Т. 3. С. 61–64; Графиня Анна Григорьевна <Георгиевна> Толстая // Райские цветы с Русской земли. Сборник назидательных повествований о жизни и деятельности благочестивых людей нашего времени, для чтения при внебогослужебных собеседованиях, составленный Павлом Новгородским. М., 1911. С. 248–250.

[11] К тому времени Гоголю было 39 лет.

[12] Знакомство Гоголя с графом А. П. Толстым (и графиней А. Г. Толстой) состоялось гораздо ранее; оно относится к 1830-м гг.; сближение — к концу 1843 — началу 1844 г. (см. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** — примечания).

[13] Нащокин.

[14] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 553.

[15] См. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва.***

[16] См. ***1851. Июня 5. Вторник. Москва.***

[17] См. ***1852. Февраля не позднее 5. Москва.***

[18] См. ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва.***

[19] Ср. также описание 1934 г.: «На Никитском бульваре, под № 7-а, парадным фасадом на широкий двор, стоит длинный двухэтажный особняк. Он очень прост и почти лишен архитектурных украшений, огромный балкон посредине дома поднимают неуклюжие квадратные столбы. Кремовая с белым раскраска особняка изъедена временем и непогодой. На боковом фасаде, выходящем на бульвар, — мраморная доска с полустертой золоченой надписью: "Въ этомъ домѣ жилъ и умеръ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1852". <...> В просторной передней, прямо против входа — приземистые колонны, между ними — деревянная лестница на второй этаж. Гоголевские комнаты внизу, направо и налево от лестницы. <...> Если наружный вид дома со времени Гоголя остался без изменений, то внутри от прежнего — только передняя, массивные арки и холодные комнаты. Какие именно комнаты занимал Гоголь, как они были обставлены, сейчас можно восстановить только по воспоминаниям современников, не всегда точным и подробным. Его рабочим кабинетом была достаточно

светлая и просторная угловая комната в правой половине дома — два окна на двор, два на бульвар. <...> Умер Гоголь в другой половине дома, левой, и также, вероятно, в угловой комнате, окнами во двор. Прямых указаний об этом современники не оставили. Еще более расплывчаты их указания на то, где были сожжены "Мертвые души". В этой половине дома три камина, и ни один из них не похож на ту печь, о которой писал Погодин, или на тот камин, который памятен по известной картине Клодта "Гоголь сжигает рукопись «Мертвых душ»". Сейчас в особняке общежитие Ком<мунистического> института просвещения. Почти каждый из жильцов, в комнате которого сохранился камин, утверждает, что "Мертвые души" были сожжены именно в его камине. Таких каминов нам пришось видеть несколько... <...> В одном из своих писем Гоголь писал: "А<лександр> П<етрович> (гр<аф> Толстой) живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тишину, переехал к нему" <письмо к протоиерею Матфею Константиновскому от 28 декабря 1848 г.>. Эта монастырская обстановка <...> <поддерживалась> тем <...> великопостным звоном, который с утра до вечера стоял над Москвой. Звонили у обоих Борисов и Глебов — у Арбатских ворот и на Поварской, у Федора Студита, у Большого Вознесения, у Симеона Столпника... От "монастыря" гр<афа> Толстого давно ничего не осталось. <...> Мимо старого особняка, который так и просится быть гоголевским музеем, проносятся трамваи, автомобили, автобусы. Гремит улица, и ничто кроме малозаметной мемориальной доски не напоминает о последней <...> странице биографии Гоголя» (*Б. А.* Дом, в котором умер Н. В. Гоголь // Литературная газета. 1934. 28 марта. № 38 (354). С. 4).

Об истории создания на Никитском бульваре, в доме № 7-а, музея Гоголя, — завершившейся в 2005 г., при директоре Городской библиотеки № 2 им. Н. В. Гоголя В. П. Викуловой, образованием мемориально-библиотечного центра «Дом Гоголя», см.: *Виноградов И. А.* От дома Талызина к Дому Гоголя // Дом-музей писателя: история и современность. Одиннадцатые Гоголевские чтения. Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 1–3 апреля 2011 г. / Департамент культуры г. Москвы; ГБУК «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2011. С. 39–49.

[20] Василий Иванович Рудаков, брат Александра Ивановича Рудакова (также служившего дворецким у графа А. П. Толстого), сын Веры Гавриловны Рудаковой (рожд. Медведевой), сводной сестры преподобного Антония (Медведева) (см. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***). В семье В. И. Рудакова хранилось, в частности, письмо к Гоголю отца Матфея Константиновского от 12 февраля 1852 г.: «Письмо о. Матфея печатается нами с подлинника, принадлежащего Е<л>. Ф. Рудаковой, жене управляющего домом гр<афа> А. П. Толстого, где умер Гоголь, — В. И. Рудакова. Спустя несколько времени после смерти Гоголя комната, в которой он умер, была отведена под квартиру управляющего, и там было найдено письмо о. Матфея. Оно занимает две странички почтовой бумаги, мелко исписанные со всех четырех сторон и сложенные втрое. Письмо было отослано Гоголю не по почте, так как конверта не было: перегнутое втрое, письмо было запечатано сургучом и на одной стороне надписан <...> адрес» (*Дурылин С.* Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 68).

[21] См. также ***1852. Февраля в ночь с 11 на 12. С понедельника на вторник. Москва*** (свидетельство В. А. Гиляровского).

[22] *Бочаров Н.* Маска с Н. В. Гоголя и дом, где он скончался. (Историческая справка) // *Свод*. Т. 3. С. 578.

[23] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод*. Т. 3. С. 677.

[24] См. также ***1848. Октября 29. Пятница. Москва***.

[25] Имеется в виду манифест Императора Александра II об освобождении крестьян от крепостной зависимости 19 февраля 1861 г.

[26] В написанных три года спустя после публикации воспоминаний Д. К. Малиновского мемуарах его гимназического товарища Н. В. Берга (разошедшегося к тому времени со славянофилами) это сообщение как бы ставится под сомнение (см. ниже).

[27] «Нет, безыскусственности и простоты в Гоголе не было. *Ред<актор>*» (примеч. М. П. Погодина, вписанное карандашом внизу страницы автографа Малиновского и напечатанное в газетной публикации: *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // Русский. Газета политическая и литературная. (М.), 1868. 30 июля, № 22. С. 2).

[28] *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 678–681.

[29] Гоголь приехал в Москву после шестилетнего отсутствия 7 сентября 1848 г. Его знакомство с князем Д. А. Оболенским состоялось, вероятно, после переезда от М. П. Погодина в дом графа А. П. Толстого 4 или 5 декабря 1848 г.

[30] *Оболенский Д. А., князь.* О первом издании посмертных сочинений Гоголя // *Свод*. Т. 3. С. 686.

[31] Григорий Петрович Георгиевский (1866–1948), выпускник Петербургской Духовной академии, сотрудник Румянцевского музея (с 1890 г.) (ныне Российская государственная библиотека), хранитель рукописей, историк, археограф, профессор.

[32] Рафаил Михайлович Павлов (1833–1911), сын профессора М. Г. Павлова, выпускник Московского университета, помощник библиотекаря Румянцевского музея (с 1864 по 1906 г.), публицист, критик.

[33] Николай Михайлович Павлов (псевдоним Н. Бицын, 1835–1906), писатель и историк, крестник С. Т. Аксакова. Впервые полностью издал «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова (см. в наст. изд.); автор статьи «Гоголь и славянофилы» (Русский Архив. 1890. № 1), член Союза Русских Людей.

[34] Николай Андреевич Андреев (1873–1932), скульптор, автор памятника Гоголю на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре (1909). В 1951 г. этот памятник с бульвара был убран и в 1959 г. перенесен во двор дома А. И. Талызина, где умер Гоголь и где ныне располагается «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека» (Никитский бульвар, дом 7а).

[35] Воспоминания о Гоголе Р. М. Павлова, записанные Г. П. Георгиевским // *Свод*. Т. 3. С. 815–816. — Печатается по архивному источнику: *Георгиевский Г. П., Ромодановская А. А.* Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. 1939 // *РГБ*. Ф. 217. К. 2. Ед. хр. 12. Л. 1. — Сохранившаяся в архиве статья предназначалась в качестве вступительной для издания «Рукописи Н. В. Гоголя» (описание гоголевских автографов из фондов Государственной библиотеки СССР; ныне — *РГБ*), и отличается от опубликованной в 1940 г. (Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог. М., 1940). Фрагмент: «Один из студентов пансиона ~ на Гоголевском бульваре в Москве», — в опубликованном варианте отсутствует. Сведения, сообщаемые в этом отрывке (возможно, исключенном цензурой), впервые были обнародованы Г. П. Георгиевским в 1940 г. в газетной статье, посвященной собранию рукописей Румянцевского музея:

«Полностью представлен Гоголь. Над его рукописями мне пришлось много поработать, подготовляя к печати книгу гоголевских текстов (имеется в виду издание: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 3. СПб., 1909. — *И. В.*). Эти тексты были извлечены из рукописей Николая Васильевича. Они свидетельствуют об огромном круге предметов, которыми интересовался писатель. Это — и литература, и русская история, и география.

Рукописи Гоголя отличаются от толстовских и пушкинских тем, что в них совершенно нет авторской правки (черновые рукописи Гоголя свидетельствуют о значительном объеме авторских исправлений. — *И. В.*). Гоголь сначала долго обдумывал произведение, а потом уже садился писать и писал набело. У него была исключительная память, он все держал в голове. Так он писал по три-четыре, а то и по пяти вариантов одного и того же произведения, каждый раз заново, на чистых листах. Это были не копии, а новые редакции.

Жил Гоголь на Никитском бульваре и по праздникам ходил в домашнюю церковь при "благородном пансионе" Московского университета. В церкви студенты засматривались на автора "Ревизора" и "Мертвых душ". Среди студентов были сотрудник нашей библиотеки, недавно скончавшийся Р. М. Павлов. Он рассказывал, что Гоголь все время кутался в шинель, словно ему было холодно. Эти рассказы Павлова слышал скульптор Н. Андреев и на их основании слепил фигуру Гоголя в шинели для памятника, который стоит на Гоголевском бульваре в Москве» (*Георгиевский Г.*, проф. Среди рукописей // Известия. 1940. 29 сент. № 227. С. 4).

ДЕКАБРЯ 7. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.
[2] *Гриц*. С. 424.

ДЕКАБРЯ 9. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 404.

ДЕКАБРЯ 10. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет в Васильевку посылку с новым[1] письмом к матери и корсетами и платьями для сестер.

Из письма к матери: «От вас уже давно не имею писем. Получили ли вы мое письмо, пущенное в прошлом месяце с приложением письма к Андрею Андреевичу[2]? Я покуда здоров. Посылаю сестрам, Анне и Елиз<авете>, шнуровки и по платью[3], Ольге 10 руб<лей> денег в особом письме. Кольцо Лизы исправлено и отправляется тоже по почте золотых дел мастером. <...> Я к Марье Николаевне Синельниковой[4] писал[5] и хотел бы знать, получила ли она письмо. Сестру Анну бла-

годарю много за дела по садоводству»[6].

В тот же день, 10 декабря 1848 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Бессарабию:

«Гоголь пишет, часто бывает у нас, ездит ко всем, кто только скажет, что желает его видеть, и со всеми очень хорош»[7].

[1] Ср. ***1848. Ноября 1. Понедельник. Москва.***
[2] Трощинский.
[3] См. ***1848. Декабря конец. Васильевка.***
[4] М. Н. Синельникова (рожд. Ходаревская), племянница М. И. Гоголь (рожд. Косяровской), дочь сестры Марии Ивановны Е. И. Ходаревской (рожд. Косяровской).
[5] Письмо не сохранилось.
[6] См. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка*** (примечания). – См. также ***1848. Сентября около 2–3. Сварково.***
[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 603.

ДЕКАБРЯ 14. ВТОРНИК. ПЕНЗА

Представление «Ревизора» в пензенском частном театре И. Н. Горсткина[1].

Пензенский корреспондент «Северной Пчелы» в письме от 26 декабря 1851 г. сообщал: «К общему удовольствию, *Ревизор* был дан в театре Г<-на> Горсткина, 14-го Декабря, с блистательным успехом. <...> Александр Иванович Соколов[2], в роли городничего, был превосходен... <...> ...Типы Бобчинских нам, живущим в провинции, очень знакомы. <...> К сожалению, в театре не могли поместиться все, желавшие видеть *Ревизора*: для подобных представлений в губернском городе двадцати осьми лож недостаточно; необходимо, чтоб их было по крайней мере вдвое, и сверх того двойное число других мест»[3].

[1] Иван Николаевич Горсткин (1797–1876), декабрист, знакомый А. С. Пушкина в 1819–1820 гг.
[2] См. также ***1851. Декабря около 4. Пенза.***
[3] *А.* Провинциальные заметки. Статья третья // Северная Пчела. 1852. 4 февр. № 28. С. 110.

ДЕКАБРЯ 14. ВТОРНИК. КИШИНЕВ

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Спасибо тебе, Константин, за письмо! Весело мне читать про твою искренность. Гоголя, разумеется, подталкивают против него Погодин и Шевырев. А! да Бог с ними!.. С Александром Толстым я обедал раз у Оболенского, в Петербурге. Он, бесспорно, человек хороший, с мирной, светлой душой, но не с светлым умом. Напр<имер>, что он делает: едят они с женой постное и для этого в постные дни пьют шоколад, нарочно привезенный из Неаполя и, сколько я понял, даже выписываемый... Несколько времени его смущало крепостное состояние (а он богат). Вдруг вспомнил текст, вместе с Смирновой: "Рабы, повинуйтесь своим господам"[1], и оба обрадовались и успокоились. Я видел Смирнову тогда, сейчас после ухода Толстого, и объяснил ей, что они напрасно веселятся возможности удержать выгодное для них крепостное состояние; что если вообще предписано покорно сносить голод и всякую беду, так еще не значит, что можно не давать есть. Евангелие, просветив совесть человека, конечно, мало обращает внимания на видимое его существование, нисколько не воспрещая совести согласить это видимое существование с нравственными требованиями. Вот какие это люди! Опасно умничанье в деле душевном!»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 923–924.

[1] «Рабы, повинуйтеса во всяцем страсе владыкам...» (1 Петр. 2, 18–19); «Рабы, послушайте господий (своих) по плоти со страхом и трепетом...» (Еф. 6, 5–7).

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

А. А. Григорьев пишет ответное[1] послание Гоголю (третье[2] — последнее — письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[3]):

«От Вас лично, от Вашего предисловия и от Вашего завещания, тесно связанных впрочем с самым содержанием Вашей книги, перехожу к этому содержанию. Но прежде всего — ответ на Ваше письмо. Не требуйте от меня положения стройного и строгого — оно покаместь не в моей власти; недостаток его — одна из причин, по которым я на время, а, может быть, и навсегда, отрекся от всякой литературной деятельности, и без всякого сомнения недостаток этот в связи с моим внутренним настройством. Может быть, потому еще Ваша книга так сильно на меня подействовала, что в высшей степени страдаю я недугом, на который преимущественно она нападает, — недугом распущенности — следствием раннего пресыщения жизнью. Отсюда — сознание идеала и сознание своего собственного бессилия сообразоваться идеалу, состояние души, может быть, самое безотрадное, самое скорбное состояние веры и разума и апатии сердца.

Первый вопрос, которого Вы коснулись, — это вопрос о значении женщины. Вас упрекали, помнится, что в этом, по признанию всех, высоко-поэтическом письме[4], Вы не сказали ничего положительного. Это неправда — больше Вы и не могли и не должны были сказать, Вы возвели этот вопрос к его высшему началу, возвратили красоте ее таинственное и небесное значение, и довольно! Еще больше — Вы указали на средства, которыми владеет женщина. Но, мне кажется только, что вы забыли коснуться темной стороны вопроса.

Вся современная литература есть не что иное, как — выражаясь ее языком — протест в пользу женщин, с одной стороны, и в пользу бедных, с другой; одним словом, в пользу слабейших. Вы не фанатик — это доказывают многие из Ваших же писем; Вы не близорукий и не ограниченный человек — следовательно, Вы не можете закрыть глаза и не видать, что в основе своего протеста литература и мышление современное — правы; ошибаются они в средствах — да и не могут не ошибаться. Думаю я, что в каждом великом мировом событии есть две стороны — дело Божье и дело человеческое... <...> Подозреваю, что Вы не в числе гонителей Занда и не станете называть ее сукой и другими милыми именами, на которые так щедры поборники патриархального быта. Чего хочет Занд?.. <...> Вероятно не того, чего хотели бы для женщины фурьеристы, т. е. четырех законных мужей и способности двадцать раз на день удовлетворять похотям тела. Возьмите самые молодые из ее созданий — ни в одном из них не найдете вы ничего, кроме той печальной истины, что людским эгоизмом осквернены самые святые отношения мужчины и женщины, что под святым знаменем брака выступают всего чаще самые гнусные, самые богохульные отношения — и что, наконец, нельзя слишком строго судить нарушений подобных отношений; но везде и повсюду проглядывает мысль о святости истинно брачного союза, о значении женщины, как помощницы и сообщницы мужа во всем благородном и великом: то — Рафль и Индиана[5], две души, понявшие наконец свое родство и заключившие неразрывный союз перед лицом девственной природы; — то Фиамма, являющаяся Симону[6], как возбудительница ко всему доброму и возвышенному; то Изёльта, поднимающая до себя Пьера Гюгенена[7]; то Консуэло, рука об руку идущая трудною стезею с Трисмегистом Альбером[8]. Везде и повсюду — женщина является тем, чем она должна быть в Христовом царстве: стихиею умягчающею, важною везде; и повсюду брак — святыня.

Не отвергнете Вы и того также, что современный быт семейный, и наш Русский семейный быт в особенности, куда как далеки от Христова идеала[9]. Не мне доказывать это великому поэту, который создал матушку в "Отрывке"[10], семейный быт Манилова и Собакевича, который вложил в уста Чичикова горькое размышление о встрече с блондинкою[11]. Увы! большая часть наших женщин —

бабы; остальная, меньшая, почти вся из Круциферских[12]. <...> В Вашем письме о том, *чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту*[13], — чуть ли Вы не давали советов излишних. Наши женщины среднего и низшего круга едва ли не исключительно воспитываются для хозяйства, едва ли не во вред всем человеческим сторонам заняты домашним порядком: кругозор их слишком тесен, понятие о долге слишком ограничено или опошлено. Писавши Ваше письмо, Вы имели, кажется, в виду чисто светскую женщину, т. е. более или менее страдающую недугом распущенности. О! для нее — все средства, Вами советуемые, превосходны, а нашим женщинам среднего кружка нужно советовать чуть ли не противное. <...> ...Отрешиться <...> от тварного не значит быть аскетом, но только сознавать тварное за тварное, возводить его к источнику Света и употреблять во славу Его, — одним словом, жить на земле, но не забывать, что, по слову Апостола, *житие наше в небе*[14], что все возможно и дозволено, но все должно быть считаемо *пометом*[15] в сравнении со Христом, по тому же слову, — ибо все должно существовать только *во Христе*. А наши женщины слишком похожи на *Марфу, пекущуюся и молвящую о мнозе*[16]; слишком мало в них энтузиасма к великому и человеческому; лучшие из них думают, что, ведя хорошо домашние дела, исполняя обязанности рачительной хозяйки — они уже все сделали. О! не все, далеко не все по идеалу Христова брака; чтобы быть Христианином вообще — слишком мало быть честным человеком, чтобы быть женою и матерью Христианина, слишком мало быть честною женщиною. Тот, Кого исповедуем мы, кротко взглянул на ятую в прелюбодеянии, ибо она много возлюбила — но с строгою укоризною обратился к домохозяйке Марфе... Взгляните на воспитание наших женщин среднего и низшего круга <...>, оно замыкает бедную девочку в тесный круг обиходных домашних понятьиц — и нет ее душе выхода из этой печальной сферы, ибо всякий выход сопряжен с опасностью — а презирать опасности во имя правды она не приучилась, да и не верит даже в возможность такого презрения. И вот, со временем из этой девочки — делается или *нежная* Манилова, или г-жа Собакевич, одним словом — баба. Она — верна мужу, она ведет приход и расход — да лучше бы была неверна мужу, не вела приходо-расходной книги. Еще печальнее, если ее природа благодатна и не могла быть вовсе подавлена: тогда она несчастна, она — Круциферская, — но, к сожалению, страшно пошлы основы ее страданий. Наши Жорж-Зандистки и Круциферские клевещут на Занд и, право, не стоят того участия, которым исполнена к ним современная литература. Неверие в великое и благородное у них такое же, как и у баб; но разные господа втолковывают им, что нельзя жить без того, чтобы не любить

долго и нежно,
С тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной[17],

и вот они пускаются любить и страдать, обыкновенно, впрочем, весьма дешево; жертвы и самопожертвований от них не требуйте. Кроме того, Вас поразит в них какое-то смешное и возмутительное отрицание всего религиозного и т. д. Понятия их и господ, втолковывающих им великие истины, достойны внимательного изучения... Еще покойный Пушкин намекнул на идеал современной женщины,

кометы
в кругу расчисленном светил[18],

но никто так не объидеализировал ее, как Лермонтов. Все это было когда-то хорошо — все это теперь надоело страшно. Не преходит только истинное и прекрасное — не прейдут идеалы Шиллера и Занда, вечно светлые образы Офелии, Дездемоны, Миранды[19], Миньоны[20], Гретхен, Анунциаты"»[21].

Незадолго до послания Григорьева, которое является критическим откликом на статьи Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» *II. Женщина в свете*, *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России*, Гоголь, по-видимому, написал в своей записной книжке 1846–1850 гг. заметку <О браке>[22]. (Эта заметка, вероятно, появилась в записной книжке в средине сентября 1848 г. и связана с тогдашней поездкой Гоголя в Петербург[23] — где Гоголь, возможно, сделал предложение графине А. М. Виельгорской[24] и разговаривал о браке с своей бывшей ученицей М. П. Балабиной, в замужестве Вагнер[25]. Заметка <О браке> находится на обороте листа, на лицевой стороне которого Гоголь записал:

«М. П. Вагнер о том, как ей было вдруг перейти от идеального мира к существенному. Не затрудняет ли ее хозяйственный [мелочной] хлам и как он ведется».)

В заметке <О браке> Гоголь попытался обобщить свое, имеющее основанием святоотеческое учение, понимание вопроса о браке и назначении женщины[26]. Можно предположить, что набросок представляет собой начальный этап переработки письма «Чем может быть жена для мужа...», которая, согласно позднейшему «Оглавлению <V тома собрания сочинений>» (1851–1852) Гоголя, должна была вылиться в статью «Женщина в семье»[27]. В наброске <О браке> Гоголь повторяет высказанные им прежде положения о том, что жена должна служить мужу «возбуждающею, стремящею силою, небесным звонком, зовущим его ежеминутно к делу», взять на себя все «заботы домоводства и мелочей жизни», быть «помощницей» мужа. Повторяются советы о предварительном распределении времени в семье и о том, чтобы приступить к исполнению положенного с первого же дня. Слова о том, что «жена же должна повелеть мужу, дабы он был ее глава и повелитель», приобретают несколько иной вид: «Кто повелевает... Но все утверждено еще прежде: оба они невольники установленного ими закона». Новыми являются и строки о браке как «Божьей пустыни, монастыре», «строгом монастыре» и упоминание об апостольском уподоблении «союза супругов союзу Христа с Церковью» («...муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви»; Еф. 5, 23).

Поскольку и в «Домострое» Гоголь видит прежде всего изображение «частного семейного быта»[28], то нетрудно заметить, что гоголевское отношение к браку аналогично его оценке «Домостроя». «Союз освещается Христом, — читаем в наброске <О браке>. — Стало быть, свыше всех целей есть идти к Тому, Кто освятил этот союз... в основании христианского союза должно лежать спасенье души». (К этому же времени относится сходное наставление Гоголя П. А. Плетневу при вступлении его в новый брак[29].)

[1] Письмо Гоголя, являющееся ответом на письмо Григорьева от 17 ноября 1848 г., не сохранилось (см. ***1848. Между ноября 17 и декабря начало. Москва***).

[2] См. ***1848. Октября после 14. Москва***; ***1848. Ноября 17. Среда. Москва***.

[3] Цитируется с уточнениями и дополнениями по изд.: *Григорьев А.* Письма / Изд. подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 33–35.

[4] Подразумевается статья *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[5] Герои романа Ж. Санд «Индиана» (1832).

[6] Герои романа «Симон» (1836).

[7] Герои романа «Странствующий подмастерье» (1840).

[8] Герои романов Ж. Санд «Консуэло» (1842–1843) и «Графиня Рудольфштадт» (1843–1844).

[9] В поэме «Олимпий Радин», напечатанной впервые в 1845 г. в № 5 журнала «Репертуар и Пантеон» Григорьев также писал: «...Чисто-русский человек, / Я, как угодно вам, вовек / Не полюблю и не пойму / Семейно-бюргерских картин / Немецкой жизни... <...> Русский быт, / Увы! совсем не так глядит, — / Хоть о семейности его / Славянофилы нам твердят / Уже давно, но, виноват, / Я в нем не вижу ничего / Семейного... О старине / Рассказов много знаю я, / И память верная моя / Тьму песен сохранила мне, / Однообразных и простых, / Но страшно грустных...»

[10] Марья Александровна в гоголевском «Отрывке» (1842).

[11] В пятой главе первого тома «Мертвых душ».

[12] Любовь Александровна Круциферская, героиня романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (см. ***1848. Ноября 17. Среда. Москва*** — примечания).

[13] Статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[14] «Наше бо житие на небесех есть...» (Фил. 3, 20).

[15] «...Вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу» (Фил. 3, 8).

[16] Лк. 10, 41.

[17] Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (см. ***1848. Ноября 17. Среда. Москва*** — примечания).

[18] Из стихотворения Пушкина «Портрет» (1828).

[19] Героиня драмы У. Шекспира «Буря» (1609).

[20] Героиня романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796).

[21] Героиня повести Гоголя «Рим» (1842).

[22] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург***.

[23] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[24] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***.

[25] См. ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[26] См. также ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[27] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).

[28] См. ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания); ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва***; ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).

[29] См. ***1849. Января 10 (понедельник) или 20 (четверг). Москва.***

ДЕКАБРЬ <НОЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«Из всех лиц мне знакомых я более и более возрастаю к вам уважением. Ваше высокое безмолвие и письменное молчание много прибавляет вам цену. — Я бы желал, чтобы оно продолжалось как можно более в отношении ко мне, хоть я очень недавно получил известие об общественном мнении Москвы о вас. Там говорят, что вы приобрели глубокое внутреннее спокойствие. Казалось бы, что человек, дошедший до этой последней степени высоты своей, очень и очень полезен, и любопытен бы был в своих письмах; но дело иное быть в сношениях со светскими людьми, с молодой ученостью, — или с русским художником, которого каждый шаг к успеху сопряжен с ...»[1]

[1] Не дописано.

ДЕКАБРЯ 18. СУББОТА. КИШИНЕВ

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«В последнем вашем письме вы ничего не пишете о Гоголе. Погодин с Шевыревым, вероятно, им овладели: но я думаю, с приездом Хомякова будет другое. Что он сидит себе в деревне!»

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 445.

ДЕКАБРЯ 21. ВТОРНИК. С. ДУБРОВНО

А. С. Данилевский отправляет Гоголю ответное[1] письмо в Москву:

«Последнее письмо твое, признаюсь, меня несколько огорчило, не потому, что до сих пор ты не успел ничего сделать касательно помещения моего в Москве, — нет; неудачи я не могу тебе ставить в вину. Но досадно мне, что ты переменил точку и теперь с другой стороны смотришь на мое положение. Вдруг показалось тебе, что в Дубровном, а не в Москве, я должен нести крест свой, потому что я помещик, как будто это случилось вчерашнего дня, как будто при свидании твоем со мною Дубровно и я были друг другу чужды. Поверь мне, что все остается в том же положении, с тою только разницей, что с каждым днем я убеждаюсь все более и более в необходимости, покамест еще есть желание и воля, расстаться с деревней, где я не устрою, а скорее расстрою дела мои; да и не одно это заставляет меня думать о службе; есть причины и поважнее... Ну, да что об них! на этот раз умолчу.

Откуда ты вообразил себе, что мне нужно по крайней мере восемь тысяч, чтобы содержать себя в Москве; я полагаю, шести тысяч будет достаточно. Если место будет с жалованьем в тысячу руб<лей> серебром, то, прибавив 2500 руб<лей> ассигнациями, которые я могу иметь с Дубровного, я надеюсь свести концы с концами. Притом же, служа, я все-таки буду иметь что-нибудь впереди — надежда чего-нибудь да стоит! — тогда как в деревне перспектива самая неутешительная, чтобы не сказать — печальная. Ну, да что об этом говорить. Ты будешь уверять меня в противном и подчас приводить в доказательства и дельные резоны, и тексты, и я все останусь при своем. Вследствие этого делай как хочешь. Что же нового в Москве? На днях тетенька жены моей, которая провела несколько времени в Москве, обрадовала нас неожиданным своим приездом. Мне приятно было узнать, что она видела тебя и что ты навещаешь Александра Михайловича[2], что ты здоров и весел, что московские морозы тебе по сердцу и проч.»

[1] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***
[2] Маркович.

ДЕКАБРЯ 22. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«Сегодня обедает у нас Гоголь и другие».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 869.

ДЕКАБРЯ 23. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо Гоголю в Москву (письмо не сохранилось); сообщает о своей скорой женитьбе[2] (26 января 1849 г.).

Первая жена Плетнева, Степанида Александровна, умерла 21 апреля 1839 г.[3] Новой избранницей Плетнева стала княжна Александра Васильевна Щетинина (1828–1901).

[1] См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***; ***1848. Ноября 24. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1849. Января 4. Вторник. Москва***; ***1849. Января 10 (понедельник) или 20 (четверг). Москва.***
[3] См. ***1839. Апреля 21 <мая 3>. Пятница. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 24. ПЯТНИЦА. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь был»[1].

В тот же день Погодин писал М. А. Максимовичу в Киев:

«Гоголь в Москве жил у меня два месяца, а теперь переехал к графу Ал. П. Толстому[2], ибо я сам переезжаю во флигель: из дома выживают рукописи, боюсь огня запаху[3]. Он здоров, спокоен и пишет. Вот так нагрубил, или лучше — обругал он меня перед лицом всей России[4], да я и то снес, — значит, что я, горд, или добр?»[5]

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 492.
[2] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***
[3] См. также ***1841. Октября 17. Пятница. Москва*** (свидетельство Погодина).
[4] Имеется в виду критический отзыв Гоголя о Погодине в статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».
[5] *Свод.* Т. 2. С. 496.

ДЕКАБРЯ 28. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев и ответное[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской в Петербург.

Из письма к о. Матфею: «Не знаю, как благодарить вас, добрейший Матвей Александрович, за ваш поклон мне в письме к графу Александру Петровичу[2]. Известие, что вы будете сюда[3], меня много обрадовало. Вы напрасно думали, что приезд ваш на праздник Рождества[4] может быть не в пору. Александр Петр<ович> живет так уединенно и таким монастырем, что и я, любящий тоже тишину, переехал к нему на время пребыванья моего в Москве. Он просит вас прямо взъехать на двор к нему, не останавливаясь в трактире. Комната для вас готова. В надежде скорого свидания весь ваш Н. Г<оголь>. Квартира гр<афа> Алек<сандра> Петров<ича> в доме Талызина, на Никитском булеваре».

Из письма к Виельгорской: «Мы перекинулись по письму[5], и потом оба замолкнули. У меня произошло это оттого, что хотелось дать вам утешительный ответ на ваши добрые, милые обо мне запросы. Но до сих пор всё как-то не устроивалось в порядок, ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятия. Впрочем, говорить так — может быть, уже неблагодарность. Всё же я не прикован к постели, но хожу и двигаюсь; всё же хоть и с трудом, но переношу мороз и холод; всё же хотя и медленно, но движется труд и занятия. Бог в помощь вам, добрый, близкий друг! Перед наступленьем нового года душа моя пожелала сказать вам: Бог в помощь! Чего пожелать вам? Да водворится в наступающем году светлая, твердая тишина в душе вашей и вознесет вас выше всяких смущений. Да сопутствуют вам святые силы в прекрасном стремленьи вашем быть русскою, в *значеньи высшем* этого слова. Лучше этого я не знаю, чего вам пожелать. <...> Адресуйте: в дом Талызина, на Никитском булеваре».

[1] См. ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] Толстой.
[3] См. ***1849. Января начало. Москва.***
[4] 25 декабря (ст. ст.).
[5] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва***; ***1848. Ноября 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

1848–49

1848 ДЕКАБРЬ — 1849 ФЕВРАЛЬ. МОСКВА

Гоголь занимается с О. М. Бодянским сербо-лужицким языком (поводом для занятий было стремление Гоголя понимать народные песни, собранные Вуком Караджичем[1]). (В это время, с ноября 1848 г. до 20 декабря 1849 г., Бодянский был временно уволен из Московского университета[2].)

Вероятно, Гоголь пользовался изданием: Серпске народне песме, собр. Вук. Стеф. Караджић. Вена, 1841. Т. 1; 1845. Т. 2.

[1] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1848. Декабря 1. Среда. Москва***; ***1849. Декабря 21. Среда. Москва.***

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь отмечает в дневнике:

«*Декабря 1848 г.* Брат нам прислал[1] обещанные[2] корсеты и черные шелковые платья[3] совсем готовые: Аннет и мне».

Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 172.

[1] См. ***1848. Декабря 10. Пятница. Москва.***
[2] См. ***1848. Августа 24 и 25. Вторник и среда. Васильевка, Сорочинцы.***
[3] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва.***

КОНЕЦ ГОДА. МОСКВА

Гоголь, вероятно, впервые[1] посетил святителя Филарета, митрополита Московского.

20 октября 1848 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Вам надобно видеться непременно с Филаретом; пожалуйста, ради меня, повидайтесь с ним, у него чувствуешь что-то радостное, так он *высветлел* (это ваше слово ему как раз приходится). Явление такое редко в этом сане. Вспомните его слова на освящении скита, когда он заливался слезами и все предстоящие рыдали. Это были последние слезы человека тленного, потому что скит открыт, когда он почувствовал, что никогда не будет в Петербурге и Синоде. С той поры заметили в нем ту значительную духовную перемену. Меня именно прельщало в нем то, что казалось Хомякову и многим несносно (т. е. его учтивость и кроткая любезность с прескучными дамами). Человек не имеет никакого права отталкивать просящего у него, и вот почему бедный владыка сидит с барынями. Вы у него научитесь любить Троицкий посад и препод<обного> Сергия, а там много утешения возле святого чудотворца».

Н. П. Барсуков в 1895 г. сообщал: «Гоголь воспользовался этим советом и вместе с А. Н. Верстовским посетил Митрополита»[2].

В своей записной книжке 1846–1850 гг. Гоголь отметил: «Филарет о русском народе: “В нем света мало, но теплоты много”».

Настоящая заметка открывает собой в гоголевской книжке ряд последовательных записей[3], оканчивающихся упоминанием о декабристе М. М. Нарышкине: «Михал Михалч Нарышкин, село Высокое, 7 верст от Тулы». Сведения о последнем Гоголь получил не позднее сентября 1849 г.[4] (К еще более раннему времени относится заметка в настоящей записной книжке: «Нарышкин на Пречистенке, в собств<енном> доме, Михал Мих<айлович> Нарышкин, бывший в Сибири»[5].)

В недатированной записке к С. П. Шевыреву (от конца 1848 или от первой половины сентября 1851 г.[6]; датировка письма уточнена) Гоголь замечал: «Извини, друг, было некогда доселе. К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходи<мы> изнемогающей душе моей. Впрочем, в два часа постараюсь тебя увидеть».

В 1854 г. Н. В. Сушков[7] сообщал: «Когда я накидал на бумагу впечатления, какие произвел на меня Гоголь, которого читал я урывками, между делом и досугом, при служебных занятиях, я еще — как говорится — в глаза его не видал. Мы встретились позже, мало-помалу сознакомились[8] и хоть не часто, да запросто и спросту бывали друг у друга[9]. Скоро покинули меня предубеждения, порожденные во мне против него как толками людей, ставивших его, словно мифического Грека или Римлянина, полубогом, так и толкованиями людей, кидавших в него грязью. Не знав его лично, я не очень любил автора в человеке; узнав его ближе, я вполне полюбил человека в авторе. <...>

Бессмертие удаляет мысль о смерти. Бессмертие — удел живых духом, а не мертвых делом. Гоголь сам это понял: он два раза сжигал и окончательно сжег продолжение своей повести-анекдота “Мертвые души”. Он почувствовал, что зайдя в глубокую грязь и тину, невозможно выйти чистым на твердый берег. <...> ...После изнанки, преувеличенной изнанки нашего, будто бы, современного общества, невозможно было автору “Мертвых душ” изобразить лицевую его сторону в той строгой соответственности лиц и характеров, в той строгой совокупности частей и подробностей, которые могли бы слить в одно целое две половины разновременного труда, два совершенно отдельные произведения по духу, по цели, по краске, по кисти, в одно созвучно-художественное творение. <...> Наш изящный ценитель всего художественного, который еще в 1812 г. — как сказал Стурдза в своей занимательной статье “Беседа любителей Русского слова и Арзамас” — уже стоял на духовной кафедре, уже пленял слушателей своих силою и глубиною слова[10]! который — прибавлю —

обработывая Русский язык — в келлии Святительской, в одно время с Карамзиным, боровшимся с нашим могучим языком — в кабинете литератора, и Сперанским, трудившимся над этим богатым языком — в канцелярии государственного мужа, — остался окончательным художником Русского слова! наш любимый Проповедник — его узнают и без имени — сказал Гоголю на его намерение написать вторую часть "Мертвых душ": "Николай Васильевич! оставьте старое, как было; если хотите написать продолжение в другом духе и направлении, напишите отдельно новое сочинение..." — Я привел только мысль нашего глубоко духовного мыслителя; слова, может быть, и не совсем так были сказаны...»[11]

[1] См. также ***1851. Сентября первая половина. Москва***.

[2] *Барсуков*. 1895. Кн. 9. С. 474.

[3] Между записями о святителе Филарете и Н. Н. Нарышкине расположены заметки: «Обнять обе половины русского народа, северную и южную, сокровище их духа и характера»; «Коптев поэт, Дмитрий с братом, богомольны. Служат у Закревского» (брат Д. И. Коптева, коллежский асессор Василий Иванович Коптев, служил в губернском правлении Московской губернии; граф А. А. Закревский был назначен военным генерал-губернатором Москвы в мае 1848 г.); «Священник Владимирской церкви в Твери Василий Федорович Владиславлев» (последняя запись, по-видимому, связана с общением Гоголя в начале 1849 г. с о. Матфеем Константиновским; см. ***1849. Января начало. Москва***; ***1852. Января конец — февраля начало. Москва*** — примечания; ***1852. Февраля 5. Вторник масленицы. Москва***; ***1852. Февраля 6. Среда масленицы. Москва***).

[4] См. ***1849. Сентября 20. Вторник. Москва***.

[5] Ср. ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] См. ***1851. Сентября первая половина. Москва***.

[7] Николай Васильевич Сушков (1796–1871), драматург, поэт, журналист, дядя поэтессы графини Е. П. Ростопчиной (рожденной Сушковой).

[8] См., в частности: ***1850. Апреля 28. Пятница Светлой седмицы. Москва***.

[9] Сохранился экземпляр издания: Бедность и благотворительность. Драма в пяти действиях, с куплетами. Н. В. Сушкова. М., 1847 (цензурное разрешение 7 авг.); 87 с., — с дарственной надписью автора: «Николаю Васильевичу Гоголю. Сушков» (воспроизведено в виде фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 689).

[10] Цитируются слова о святителе Филарете, митрополите Московском и Коломенском, из воспоминаний А. С. Стурдзы (см.: *Стурдза А. С.* Беседа Любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I-го — и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. № 21. Ноябрь. Кн. 1 (цензурное разрешение 24 окт.). С. 12).

[11] *Сушков Н. В.* Обоз к потомству с книгами и рукописями // *Свод*. Т. 3. С. 670.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МОСКВА

В храме во имя Святителя Николая в Хамовниках прославился чудесами список с иконы Божией Матери «Споручница грешных».

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАРШАВА

М. И. Глинка приступает к работе над программной симфонией «Тарас Бульба» (первая из многочисленных[1] попыток воплотить гоголевскую повесть в музыке).

О характере этого произведения польский критик П. П. Дубровский, соученик Гоголя по Нежинской гимназии, вспоминал: «...Украинской симфонии, покойный Михаил Иванович хотел дать название "Тарас Бульба", основываясь на повести Гоголя. Он давно задумал ее и еще в Варшаве импровизировал мне некоторые ее части, мечтая то об украинской степи, где вьется ковыль, то о Запорожской Сечи; и тут же представлял себе жида из повести Гоголя, передавая смелыми и оригинальными звуками характер жидовской музыки, которую он всегда преследовал беспощадным юмором; он не мог равнодушно слышать некоторых новейших произведений, напоминавших ему, как он сам выражается, *синагогу*»[2].

Создатель первой русской оперы «Жизнь за Царя» (опера упоминается Гоголем в «Петербургских записках 1836 года»[3]), М. И. Глинка принялся за работу еще в России, одушевленный мыслью написать на основе гоголевской повести и «первую русскую симфонию» (это отвечало пожеланию самого Гоголя, высказанному в «Петербургских записках...», – о создании национальной музыки из мотивов русских и украинских народных песен: «Опера Глинки есть только прекрасное начало»)[4].

По словам Глинки, он оставил начатый вновь в Париже в августе 1852 г. труд (уничтоженный впоследствии его приятелем испанцем Ф. Педро), «будучи не в силах <...> выбиться из немецкой колеи в развитии»[5]. Позднее, 12 ноября 1854 г., композитор сообщал Н. В. Кукольнику: «...В Париже я написал 1-ю часть Allegro и начало 2-й части Казацкой симфонии – c-moll (Тарас Бульба) – и не мог продолжать второй части, она меня не удовлетворяла. Сообразив, я нашел, что *развитие* Allegro <...> было начато на немецкий лад, между тем как общий характер пьесы был малороссийский. Я бросил партитуру, а Педро уничтожил ее»[6]. Новая попытка создания симфонии была предпринята Глинкой в 1852 г. в Риме[7]. По свидетельству Н. А. Маркевича, «Глинка вынужден был свою новую оперу <симфонию> "Тарас Бульба" <о>ставить в Риме...»[8] Однако композитор не прекращал работы над замыслом и позднее, вплоть до конца 1856 г.[9] От начатой симфонии «Тарас Бульба» сохранились лишь некоторые музыкальные отрывки, записанные В. В. Стасовым по воспоминаниям В. П. Энгельгардта и М. А. Балакирева[10].

[1] См.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 599–606.

[2] *Дубровский П. П.* Воспоминания о М. И. Глинке. (Письмо к Л. И. Шестаковой) // Русский Вестник. 1857. Т. 8. С. 579.

[3] См. ***1836. Ноября 27 <декабря 9>. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] См. также ***1852. Сентября 23. Вторник. Москва.***

[5] *Глинка М.* Записки. Л., 1953. С. 221.

[6] М. И. Глинка. Лит. наследие. Л., 1953. Т. 2. С. 502.

[7] См. ***1852. Сентября 23. Вторник. Москва.***

[8] *Косачевская Е. М.* Н. А. Маркевич. 1804–1860. Л., 1987. С. 227.

[9] *Ляпунова А. С.* Замысел симфонии «Тарас Бульба» // М. И. Глинка. Лит. наследие. Л., 1953. Т. 2. С. 842–844.

[10] *Стасов В. В.* Михаил Иванович Глинка. Новые материалы для его биографии. I. Симфония «Тарас Бульба» // Русская Старина. 1889. № 2. С. 392, 394–396.

ДЕКАБРЯ 25–31. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Жестокий холод, почти до слез».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 492.

1848 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1849 ЯНВАРЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь отправляет ответную[1] записку А-ру Мих. Марковичу:

«Очень вас благодарю и очень жалею, что не могу воспользоваться вашим приглашеньем и билетом. Я не владелец завтрашнего дня и утром и вечером. Поздравляю вас от всей души с новым годом».

[1] Записка Марковича не сохранилась.

1849

ЯНВАРЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Протоиерей Матфей Константиновский[1], предположительно, приехал в Москву[2] и остановился у графа А. П. Толстого, где впервые увиделся с Гоголем.

В этот же период Гоголь отправил ответное письмо Н. Н. Шереметевой в Рузу:

«Приветствую вас, бесценный друг! Два письма[3] уже я послал вам в Рузу. Получили вы их? Благодарю вас за поздравление с новым годом. От души молю Бога, да пронесется он для вас прекрасно, в святых мыслях и светлых молитвах, как начался он для меня, за что возношу Ему милосердому благодарения сердечные».

Из воспоминаний Т. И. Филиппова (1874) об о. Матфее: «Смолоду наклонный к подвижнической жизни и способный перенести самое тяжкое лишение, восторженным чувством художника любя великолепие православного богослужебного чина, в котором он не позволял себе опустить ни единой черты, и, что всего важнее, — обладая даром слова, превосходящим всякую меру, он с первых же лет своего служения Церкви сделался учителем окрест живущего народа, и везде, где ни приходилось ему действовать, делался центром, около которого собиралось все, искавшее христианского пути и имевшее нужду в исцелении душевных язв, в восстановлении упадших сил и в ободрении на внутренний подвиг. В свою очередь и он, по собственному его признанию, был бесконечно обязан тому низко между нами поставленному, но пред Богом высокому обществу, среди которого протекли первые 24 года его учительской и пастырской деятельности. Он навсегда сохранил живое воспоминание и с восторгом и неподражаемым художеством речи передавал нам, позднейшим его ученикам, о тех поразительных проявлениях живого и деятельного благочестия между его деревенскими духовными друзьями, которых он был свидетелем, а отчасти и виною, и которые так и просились на страницы Четий-Миней. О<тец> Матвей не раз сообщал мне с некоторым даже удивлением о том впечатлении, которое его рассказы об этих высоких явлениях духа в нашем народе производили на Гоголя, слушавшего их, по библейскому выражению, отверстыма устнама и не знавшего в этом никакой сытости. Мне это было понятнее, чем самому рассказчику, который едва ли вполне сознавал, какую роль в этом деле, кроме самого содержания, играло высокое художество самой формы повествования. Дело в том, что, в течение целой четверти века обращаясь посреди народа, о. Матвей, с помощью жившего в нем исключительного дара, успел усвоить себе ту идеальную народную речь, которой так долго искала и доныне ищет, не находя, наша литература и которую Гоголь, сам великий художник слова, так неожиданно обрел готовою в устах какого-то в ту пору совершенно безвестного священника, никому, кроме небольшого, сравнительно говоря, числа его духовных детей и провинциальных почитателей, ненужного и, как я вполне уверен, этой собственно стороне своего дарования (т. е. внешней, стилистической, если бы можно было так выразиться) не знавшего надлежащей цены.

Тот же склад речи лежал и в основе церковной проповеди[4] о. Матвея, хотя сюда по необходимости входили и другие стихии слова (как, например, церковно-славянская), которые он успел необыкновенным образом между собою мирить и сливать в единое, цельное и исполненное красоты и силы изложение[5]. Я знал во Ржеве лиц, которым, по их образу мыслей, вовсе не было нужды в церковном поучении и которые, однако, побеждаемые красотою его слова, вставали каждое воскресенье и каждый праздник к ранней обедне, начинавшейся в 6 часов, и, презирая сон, природную лень и двухверстное расстояние, ходили без пропуска слушать его художественные и увлекательные поучения.

О. Матвей не мог привлекать или поражать своих слушателей какою-либо чертою внешней красоты; он был невысок ростом, немножко сутуловат; у него были серые, нисколько не красивые и даже не особенно выразительные глаза, реденькие, немножко вьющиеся светло-русые (к старости, конечно, с проседью) волосы, довольно широкий нос; одним словом, по наружности и по внешним приемам это был самый обыкновенный мужичок, которого от крестьян села Езьска или Диева отличал только покрой его одежды. Правда, во время проповеди, всегда прочувствованной и весьма

часто восторженной, а также при совершении знаменательных литургических действий лицо его озарялось и светлело, но это были преходящие последствия внезапного восхищения, по миновении коих наружность его принимала свой обычный незначительный вид.

Интонации и движения, коими сопровождались слова о. Матвея, при всей их выразительности, были совершенно естественны и свободны и всегда вполне соответствовали внутреннему содержанию его речи. Ясность его изложения достигала до того, что даже самые возвышенные и тонкие христианские истины, которых усвоение в пору философствующему уму, он успевал приближать к уразумению своей большею частию некнижной авдитории... <...>

Говорить о. Матвей мог, по-видимому, без конца; он не писал и даже не приготовлял своих слов и никогда не знал, куда увлечет его наитие минуты, которому он вверял себя без всякого опасения...»[6]

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...У Графа Толстого он <Гоголь> познакомился с Ржевским Священником Матвеем Александровичем <Константиновским> и был с ним в частой переписке. Матвей Алек<сандрович> был точно замечательный человек. Кротость и смирение его были ни с чем несравнимы; он езжал в Петерб<ург>, где живал у Татьяны Борисовны Потемкиной; на все философски-религиозные разговоры он отвечал только одной коротенькой фразой: "Как я рад, что Бог всего выше". С Гоголем они молились всегда на коленях и часто прибегали к исповеди и причастию»[7].

В 1901 г. И. Л. Щеглов в статье «Гоголь и о. Матфей Константиновский» писал: «В Оптиной пустыни я слышал такой рассказ о первой встрече, в одном московском доме, Гоголя с пресловутым ржевским протоиереем о. Матвеем Константиновским. Гоголя представляют отцу Матвею. Отец Матвей строго и вопросительно оглядывает Гоголя:

– Вы какого будете вероисповедания?

Гоголь недоумевает.

– Разумеется, православного!

– А вы не лютеранин?

– Нет, не лютеранин...

– И не католик?

Гоголь окончательно был озадачен:

– Да нет же, я православный... Я – Гоголь!..

– А по-моему выходит – вы просто... свинья, – бесцеремонно отрезал отец Матвей. – Какой же, сударь, вы православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите под пастырское благословение?..

Гоголь смутился, растерялся и затем, во все время беседы отца Матвея с другими гостями, сосредоточенно молчал. Очевидно было, что резкое слово ржевского протоирея произвело на него неотразимое впечатление. Да и не на него одного только. Профессор Московского университета Шевырев, присутствовавший при этой сцене, по уходе отца Матвея, громко воскликнул: "Вот так гремели в древности Златоусты!.."»[8]

В 1902 г. благочинный Ржевского уезда, настоятель Успенского собора в Ржеве протоиерей Константин Иоаннович Фиников (род. в 1839 г.) замечал по поводу этого рассказа Щеглова: «Начав с нелепой басни, будто о. Матфей позволил себе при первой встрече с Гоголем, ни с того ни с сего, обозвать его свиньей, из-за того, будто бы, что последний не подошел под его благословение, автор статьи с ехидством называет эту басню "счастливо сохранившимся рассказом" и на этой канве рисует свои фантазии»[9].

Далее из статьи Щеглова: «Почтенный оптинский инок (о. Э<разм> В<ытропски>й)[10], которого мне посчастливилось обрести в пустыни и который в юности своей был одно время письмоводителем у о. Матвея по раскольничьим делам, поведал мне немало любопытного об этой оригинальной личности. Два-три рассказа из уст современника о. Матвея дорисовали мне фигуру последнего лишним ярким штрихом. Несокрушимость его веры являла иногда примеры поистине невероятные. – Как-то летом отправился он по делам в гор<од> Торжок и дорогой жестоко забо-

лел, чуть ли не холериной. В это время в гор<оде> Торжке происходил ремонт соборного храма, и неожиданно была открыта под алтарем могила преподобной Иулиании[11]. Богомольные люди поспешно бросились к заветному месту и повычерпали как целительное средство всю воду, наполнявшую могилу. Когда, невзирая на свою болезнь, на место прибыл о. Матвей, на дне могилы оставались лишь комья липкой и вонючей грязи. Недолго думая, о. Матвей опустился на самое дно, собрал благоговейно остатки, съел их... и совершенно выздоровел. — И такой случай религиозного экстаза в жизни о. Матвея — не единственный!

Когда, по доносу (о том, будто он смущал народ своими проповедями) его вызвали к тверскому архиерею[12] и тот стал кричать на него, грозя упрятать его в острог, о. Матвей отрицательно закачал головой: "Не верю, ваше преосвященство!" — "Как ты смеешь так отвечать?" — загремел владыка. "Да, не верю, ваше преосвященство, потому что это слишком большое счастие... пострадать за Христа! Я не достоин такой высокой чести!"[13] Эти слова так озадачили владыку, что он с тех пор оставил о. Матвея в покое. <...>

Мы уже знаем об эффекте первой встречи Гоголя с о. Матвеем. Достоверность ее подтверждает устное свидетельство Т. И. Филиппова моему доброму знакомому оптинскому иноку.... <...> По словам <...> Тарасенкова, однажды, когда о. Матвей зашел, видимо, чересчур далеко в своем обличительном пафосе, Гоголь не выдержал и простонал: "Довольно, довольно!.. оставьте! Не могу долее слушать... Слишком страшно!!"[14]

Бедный Гоголь!..

Трудно, право, представить сцену более разительного контраста... Гоголь — великий Гоголь, беспощадный сатирик, гениальный провидец сердца человеческого — бледный, потрясенный, почти скованный от ужаса в своем кресле... и перед кем же? Перед невзрачным и полуневежественным, исступленным, пугающим его больное воображение лубочным свитком загробных мытарств... Разве только одна кисть Репина была бы в состоянии обессмертить на полотне эту захватывающую, тонко психологическую и глубоко национальную трагедию!..»[15]

Илья Ефимович Репин (1844–1900), художник. В 1870 г. написал серию из четырех рисунков «Поприщин». В 1878 г. создал портрет Гоголя (по дагерротипу 1845 г.[16]). В 1902 г. предвзятая интерпретация Щегловым взаимоотношений Гоголя и протоиерея Матфея Константиновского, сопровожденная замечанием Щеглова о том, что «только одна кисть Репина была бы в состоянии обессмертить на полотне эту захватывающую, тонко психологическую и глубоко национальную трагедию», побудила Репина написать два эскиза «Гоголь и отец Матвей», представляющие собой иллюстрацию слов Щеглова о «бледном, потрясенном, почти скованном от ужаса» Гоголе перед «полуневежественным, исступленным, пугающим его больное воображение» отцом Матфеем. Один из этих рисунков Репина был напечатан в 1903 г. в первом номере журнала «Новый Путь» в качестве вклейки к статье Д. С. Мережковского «Судьба Гоголя» (с аналогичными суждениями об о. Матфее)[17], другой — Щеглов поместил в 1909 г. на обложке своей книги о Гоголе. Еще один, также близкий к карикатуре, рисунок Репина (с изображением Гоголя, сжигающего рукописи), — рисунок, в свою очередь призванный упрочить легенду о безумии «позднего» Гоголя, — с посвящением: «Ивану Леонтьевичу Щеглову. И. Репин. 19 февр<аля> 1909», — Щеглов поместил в 1909 г. в качестве отдельной вклейки к своей книге «Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе» (после титульного листа). В предисловии «От автора», датированном 19 марта 1909 г., Щеглов пояснял: «Бесконечно тронут сердечной отзывчивостью дорогого Ильи Ефимовича Репина, одухотворившего скромный труд мой двумя гениальными набросками, отмечающими как раз два наиболее трагические момента из жизни автора "Мертвых душ": обличение Гоголя "Отцом Матвеем" и, как прямой его результат, сожжение второй части этих самых "Мертвых душ"... Мне думается, что настоящая маленькая книга <...> освещает коренные причины "великой трагедии великого страдальца земли русской" (выражение Репина из его письма ко мне о Гоголе)»[18].

В 1909 г. Репин написал также картину «Самосожжение Гоголя» сходного содержания (хранится в Государственной Третьяковской галерее). Характерны послания И. Е. Репина к В. В. Стасову 1880–1890-х гг., написанные по поводу картины художника «Запорожцы» (1878–1891). Вопреки замыслу Гоголя показать в «Тарасе Бульбе» общину людей, нашедших свое призвание в исполнении заповеди Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13)[19], Репин в письме к В. В. Стасову от 31 марта 1892 г. заявлял: «...Вы не чета Ге и даже Л. Толстому в их проповедях — ведь они рабство проповедуют. Это *не сопротивление злу*. Да вообще все христианство — это рабство, это смиренное самоубийство всего, что есть лучшего <...> И вот выделились из этой забитой, серой, рутинной, покорной, темной среды христиан смелые головы, герои...»[20] «Недаром про них Гоголь писал, — замечал ранее И. Е. Репин о запорожских казаках в письме к В. В. Стасову от начала ноября 1880 г., — <...> никто на всем свете не чувствовал так глубоко *свободы, равенства и братства!*»[21] В 1901 г. праправнук святителя Иоасафа Белгородского (Горленко), критик и искус-

ствовед В. П. Горленко (1853–1907) замечал по поводу изображения Репиным персонажей его картины, что «казаков и запорожцев, этих рыцарей, в течение веков защищавших Россию от наплыва с юга мусульманских орд», «наша публика созерцает на известной картине Репина в образах каких-то диких уродов»[22].

[1] См. также ***1847. Февраль <средина января — средина февраля>. Неаполь*** (примечания).

[2] См. ***1848. Декабря 28. Вторник. Москва***.

[3] См. ***1848. Сентября 25. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 26. Вторник. Москва***.

[4] К настоящему времени опубликовано значительное количество духовно-нравственных писем и проповедей о. Матфея (см.: Письма ржевского протоиерея о. Матфея Константиновского // Домашняя Беседа для народного чтения. 1861. 9 дек. № 49. С. 958–960; 16 дек. № 50. С. 982–985; 23 дек. № 51. С. 1015–1018; Просветитель. Вестник духовного просвещения. М., 1994. № 1. С. 32–33; *Воропаев В. А.* Пасхальные проповеди протоиерея Матфея Константиновского // Православный собеседник. Журнал Татарстанской митрополии. 2016. № 1 (01). Май. С. 56–59; *Воропаев В. А.* Слово протоиерея Матфея Константиновского на Преображение Господне // Православный собеседник. Журнал Татарстанской митрополии. 2016. № 2. Август. С. 44–45; *Расев А. И., протоиерей.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Некоторые его проповеди, несколько писем, писанных — или им, или к нему, и еще некоторые замечательные факты из частной его жизни. Тверь, 2017. С. 115–220).

[5] Особенно любил протоиерей Матфей Константиновский книгу преосвященного Стефана Яворского «Камень веры»: «...Ее содержание осталось в его памяти до последних дней его жизни» (*Грешищев Н.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского // Странник. 1860. № 12. С. 248).

[6] *Филиппов Т.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // *Свод.* Т. 3. С. 887–888.

[7] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 268–269.

[8] *Щеглов И. Л.* Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения) // Новое Время. 1901. 13 дек. № 9260. С. 2–3; *Свод.* Т. 3. С. 891–892.

[9] *Фиников К., ржевский протоиерей.* В защиту ржевского протоиерея Матфея Константиновского // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. 1 марта. № 5. Часть неофициальная (цензурное разрешение 1 марта). С. 142. — См. также возражения на статью Щеглова Е. Н. Поселянина: ***1852. Января конец — февраля начало. Москва***.

[10] Монах Ераст (в мире Ераст Кузьмич Вытропский, 1826–1913), послушник и письмоводитель преподобного Амвросия Оптинского; поступил в скит Оптиной пустыни в 1886 г. (см.: Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков: биографический справочник / Сост., вступ. ст. иером. Платона (Рожкова). Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. С. 346–347); автор книг: Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия. С приложением избранных поучений его. Составил Е. В. Издание Оптиной пустыни. М., 1893. 75 с.; Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Вновь составленное Е<размом> В<ытропским>. Издание Оптиной Пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, собственная типография, 1902. 222 с. — См. также отзыв о нем протоиерея Ф. И. Образцова: ***1852. Января конец — февраля начало. Москва***.

[11] Вскрытие гробницы св. праведной Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской, произошло при разборке обветшавшего собора в 1815 г.

[12] Имеется в виду либо преосвященный Григорий (Постников, 1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский, с 1831 г. (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский), либо преосвященный Гавриил (Розанов, 1781–1858), архиепископ Тверской и Кашинский с 1 марта 1848 по 1857 г.

[13] См. также ***1852. Января конец — февраля начало. Москва*** (свидетельство протоиерея Ф. И. Образцова).

[14] См. ***1852. Января конец — февраля начало. Москва***.

[15] *Щеглов И. Л.* Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения) // Новое Время. 1901. 13 дек. № 9260. С. 2–3; *Свод.* Т. 3. С. 892–893.

[16] См. ***1845. Октября конец — ноября начало <октября средина>. Рим***.

[17] См. ***1852. Января конец — февраля начало. Москва*** (примечания).

[18] *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. I; см. также: *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.>, 1912. С. I.

[19] Основу идейного замысла «Тараса Бульбы» составляют размышления писателя об утешении, доставляемом человеку исполнением долга (см.: *Виноградов И. А.* Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: Издательский дом «К единству!» Международного общественного Фонда единства православных народов, 2004. С. 112–135; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 490–494; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 — в печати).

[20] И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 172.

[21] Там же. Т. 2. С. 56.

[22] *Горленко В. П.* Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 342. – См. также статьи Щеглова «К характеристике о. Матвея Константиновского» и «Из записной книжки. Беседа с современником о. Матвея Константиновского» и примеч. к статье А. С. Панкратова «Отец Матфей»: ***1852. Января конец – февраля начало. Москва.***

1848 СЕНТЯБРЬ – 1849 НАЧАЛО. МОСКВА

О. Сем. Аксакова сообщала сыну Ивану в Бессарабию:

«Гоголь у нас бывает часто, но, кажется, он под влиянием Шевырева и Погодина».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 782.

ЯНВАРЯ 4. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин сделал в дневнике отметку о визите Гоголя:

«Гог<оль>»[1].

В тот же день С. П. Шевырев сообщал П. А. Плетневу в Петербург:

«Гоголь сказывал мне, что Вы в письме к нему[2] сообщаете известие о наступающем для Вас счастии[3] и передаете мне упрек. Поздравляю Вас от всей души с первым и желаю, чтобы оно было прочно. За упрек благодарю. Это значит, что Вы не забыли меня. <...> Гоголь с нами, но ни слова не говорит о том, что он делает»[4].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

[2] Письмо не сохранилось (см. ***1848. Декабря 23. Четверг. Санкт-Петербург***). – См. также ***1849. Января 10 (понедельник) или 20 (четверг). Москва.***

[3] 26 января 1849 г. П. А. Плетнев женился вторично. Избранницей его была княжна А. В. Щетинина (1828–1901).

[4] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 105.

ЯНВАРЯ 8. СУББОТА. ОДЕССА

А. А. Трощинский пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«...Когда вы будете писать к достойнейшему и сердечно мною любимому сыну вашему, то при том случае передайте ему изъявление истинного моего удовольствия за весьма приятное для меня письмецо его[1], выражающее в прямом смысле основные начала наших друг к другу чувствований и что сказанное письмецо служит достаточным ручательством в неизменности его родственного ко мне расположения... Мысленно вас и добрых детей ваших обнимаю. Ваш на всю жизнь преданнейший брат и верный друг. Андрей Трощинский».

Назаревский. С. 356; *Свод.* Т. 1. С. 111.

[1] 1 ноября 1848 г. Гоголь писал матери из Москвы: «Отправьте доброму Андрею Андреевичу это письмецо» (письмо не сохранилось).

ЯНВАРЯ 10 (ПОНЕДЕЛЬНИК) ИЛИ 20 (ЧЕТВЕРГ). МОСКВА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо П. А. Плетневу в Петербург.

На письме имеется помета Плетнева: «П<олучено> 16 Янв<аря> 1849»[2]. Помета, возможно, ошибочна, так как сам Гоголь датировал письмо: «1849. Генваря 20. Москва». Датировать письмо 10 января 1849 г. предложил в 1938 г. Б. П. Городецкий[3].

Из письма к Плетневу: «Письмецо твое получил. От всей души и от всего сердца желаю тебе возможного счастия вместе с тою, которую избирает твое сердце в подруги[4]; хотя, признаюсь в то же время, что я мало верю какому-нибудь счастью на земли. Тревоги начинаются именно в то время, когда мы думаем, что причалили к берегу и желанному спокойствию. Блажен тот, кто живет в *здешней* жизни счастием *нездешней* жизни. Ты называешь избранную свою существом нездешнего мира. Идите же оба к тому, кто един *путь* и *дорога* к нездешнему миру, без которого в мире идей еще больше можно запутаться, чем в прозаическом мире повседневных дел. Чем дале, тем яснее вижу, что в нынешнее время шатаний ни на час, ни на минуту не должно отлучаться от Того, Кто один ясен, как свет. Время опасно. Все шаги наши опасны. Бог да спасет тебя и вразумит во всем. Поздравляю тебя с новым годом от всей души и сердца. Передай это поздравление от меня и той, которая полюбила твою душу».

[1] См. ***1848. Декабря 23. Четверг. Санкт-Петербург*** (письмо Плетнева не сохранилось). — См. также ***1849. Января 4. Вторник. Москва***.

[2] *Городецкий*. С. 456. — См. также: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 234.

[3] См.: *Городецкий*. С. 456.

[4] 26 января 1849 г. П. А. Плетнев женился вторично. Избранницей его была княжна А. В. Щетинина, которая была на 33 года моложе его (первая жена — С. А. Раевская умерла в 1839 г.; см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***).

ЯНВАРЯ 11. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«Разбору “Одиссеи” я посвящу несколько статей[1]. Сердит я очень на нашу публику. <...> Представьте, что до сих пор в Москве разошлось только 80 экземпляров новых стихотворений Жуковского (в конторе *Москвитянина*). Петербургские журналы достигают цели. Они образовали и настроили вкус публики так, что “Одиссея” Жуковского ей не может нравиться. <...> Мне утешительно только одно, что в числе первых и главных покупателей “Одиссеи” было много студентов университета... <...> К ее выходу кстати мне пришлось говорить о Гомере. Я посвятил “Одиссее” несколько лекций, и моя аудитория наполнялась студентами из других факультетов. <...> Погодин и Гоголь усердно благодарят Вас за память».

Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 151.

[1] См. ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания).

ЯНВАРЯ 14. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.

[2] *Гриц.* С. 425.

ЯНВАРЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю:

«Душевно благодарю вас <...> за ваше милое, дружеское письмо... <...> Надеюсь, что вы благополучно начали новый год. Мы его встретили дома, следуя со вниманием прекрасным молитвам, которые читаются в молебен на этот случай. <...> Не знаю, помните ли вы ту девицу Амалию, которая была с нами в Ницце[2] и в Париже[3]? <...> Она захворала первого января и через четыре дня скончалась, а на следующий день умер меньшой брат одной из лучших моих приятельниц[4], молодой Фридерикс[5], вследствие чего я провела всю первую неделю нового года в слезах и на панихидах. Теперь эти грустные впечатления несколько рассеялись, и я снова поднялась духом и готова наслаждаться с благодарностью всеми благами, данными нам Богом, которых не умеем совсем ценить в минуту испытания, когда видим смерть вблизи и когда столь разительно открывается нам вся суетность всего земного.

Благодарю вас еще за ваше первое длинное письмо[6]. Я прочла его с большим удовольствием и вас искренно благодарю за ваше дружеское, братское ко мне участие. <...> Русские наши занятия, к несчастию, не продолжаются: Владимир[7] беспрестанно нездоров, встает поздно, и таким образом охота с обеих сторон, кажется, остыла. Во всяком случае надобно будет искать другого учителя, потому что Владимир отправляется завтра в Москву. Александра Осиповна[8] все нездорова, и, к моему сожалению, мне не удается ее часто посещать. От брата[9] хорошие известия: надеется приехать к нам летом. Вы встретитесь с ним, вероятно, в Павлине».

[1] См. ***1848. Декабря 28. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***
[3] См. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж; 1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж.***
[4] Имеется в виду баронесса М. П. Фредерикс.
[5] Барон Сергей Петрович Фредерикс (1826–1849), лейтенент флота.
[6] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***
[7] Граф В. А. Соллогуб.
[8] Смирнова.
[9] Граф М. М. Виельгорский.

1848 ОКТЯБРЯ СРЕДИНА – 1849 ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь у И. В. и Н. П. Киреевских рассказывает о своем пребывании на о. Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Об этом Н. П. Киреевская сообщила в письме к преподобному Макарию Оптинскому.

См. ***1848. Января около 19 <около 31>. О. Корфу.***

ЯНВАРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечер очень весел<ый> у Павлова. С остротами... <...> Толки о Гоголе, Аксак<ове>, Жук<овском> и проч.»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

ЯНВАРЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ЯНВАРЯ 26. СРЕДА. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю письмо в Москву (отправляет письмо с Н. И. Билевичем):

«Посылаю вам с Белевичем пару носков... <...> Вот почти две недели, как сидит у нас сенатор[1], и ни к чему не приступает до сих пор. Сначала были формальности, губернатор[2] явился к нему с почетным рапортом, потом был у него получить приказания, представил ему чиновников; после чего сенатор явился ко мне с дядей своим Мацневым; дал почувствовать, что не примет даже оффициальнаго обеда, чтобы не сказали в Москве, что он с нами в хороших отношениях. Мы все ждали, что Ершовы[3] тотчас явятся и начнется дело, но сегодня Мацнев приехал к Николаю Михайловичу и сказал, что они, вероятно, будут через две недели; все это ужасно неприятно, ставит нас в самое фальшивое положение и весьма тягостно. По-видимому, сенатор не знает, как начать дело, потому что оно выбито из колеи и никакая статья Свода законов не укажет, как в нее войти. Есть обстоятельства такие непостижимые в жизни, что надобно слишком ухватиться за Бога, чтобы, наконец, не сомневаться в Его правосудии. Известный всему миру подлец подает подлый и скверный донос, и в его угодность терзают два семейства, марают их честь перед Государем всей России, и даже те, которые посланы их оправдывать, боятся показать истину. С нами делают неслыханные дела; примеру подобного нет и не бывало. Закревский[4] против нас попирал все законы в пользу Ершовых, и ни один министр не имел духу этого сказать Государю; после этого можно ли жить в России, когда тот, который должен блюсти закон, его попирает, и за это не наказывается. Сенатор наш такой трус, что не стыдится громко говорить, что Закревский силен и что он его боится; он даже не переговорил с Перфильевым[5] в Москве, чтобы не показать вид, что он за нас. Сам мне сказал, что откланиваясь Государю, он ему сказал, что знает старика Е<ршо>ва за черного человека, а теперь боится приступить к делу. Хорош и министр внутренних дел[6] — не мог иметь влияния на выбор сенатора; если бы сюда прислали Корнилова[7], тот давно бы уже это все кончил. Одна уже эта медленность его доказывает, что он хотел дать время выбрать сына[8] Е<ршо>ва в предводители, и тем и выградить его от суда, потому что, очень естественно, Государь скажет: "видно, что сын Е<ршо>ва честный человек, что единогласно все дворянство его выбрало".

Государь ведь не может знать, как делаются выборы и что значит влияние генерал-губернатора, да еще такой с....., как Закревский. И тут даже он не имел права допустить его к выборам, потому что он под судом: значит, он еще поступил противозаконно ж смеется над указом сената, который мы получили, в котором сказано: "Е<ршовы>х, отданных под суд за клевету на гражд<анского> губерн<атора>", и прибавлено в указе — предварительно суда сделать формальное исследование. Следовательно, суд не был отменен и Закревский просто сказал: "я .... на комитет министров, на решение, наконец, на указ Правительствующего Сената печатный, и допускаю Е<ршовых> к выборам, потому что у меня бланки, а я действую Высочайше дарованною мне властью", как он имеет привычку говорить. Теперь же вообразите наше положение; мы имеем против себя двух п..... которые, пожалуй, пойдут под колокольный звон, им это ни по чем, и другого п..... Закревского, который, как ч....., за них лезет, никого не боится, всех министров своей силой напугал. А сила в том, что он себя представляет *охранителем* Москвы от вольнодумцев, а вольнодумцами представляет тех, что не любят разврат, который у него делается[9], который делается вообще в свете. В том числе,

вероятно, и мы с вами, а уж, кажется, я стою за правду и не заражаюсь ничем! Вот вам, любезный друг, наши обстоятельства; кажется, трудно вообразить что-нибудь хуже. Один Господь Бог за нас, потому что сильных покровителей у нас нет. Было время, что вы просили меня молиться за вас, теперь вам надобно молиться за меня, за нас всех.

Вчера у меня был жандармский полковник, говорил мне о Софье Ивановне[10] и последние его слова были: если дойдет до того, что ее на очную ставку с отцем, может быть, она тут и умрет, но, конечно, мы до этого не допустим, потому что она едва дышит. Я держусь кое-как, стараюсь не давать волю мыслям, потому что, может быть, придется ехать в Петербург. Николай Михайлович тоже болен, очень исхудал. Одним словом, мы живем в аду, по милости Закревского. Мне ужасно хотелось бы, чтобы вы приехали сюда[11], выберите тепленький денек, возьмите калужский дилижанс и приезжайте; вам даже любопытно будет на все это смотреть; да так как вы сердцеведец, то можете многое высмотреть и узнать, что от нас при теперешнем волнении и ускользнет. Подумайте, душа моя, и приезжайте, только скорее. <...> По почте берегитесь писать, мы окружены шпионами Закревского и письма наши читаются, так что я даже Арнольди[12] не пишу. <...> Графу Александру Петровичу[13] поклонитесь и графине[14] тоже; можете ему кое-что сообщить».

О. Н. Смирнова сопроводила настоящее письмо ее матери к Гоголю следующими пояснениями: «Калужский вице-губернатор был г. N. N. <П. В. Клушин>[15]. Он был страшный деспот. Его первая жена[16] оставила ему двух сыновей[17]; он ее просто замучил; она рано умерла. Он был в Калуге уже вдовым и вел очень неладную жизнь. Вторая жена его, кн<яжна> Т<рубецка>я[18], развелась с ним; он ее чуть не свел с ума... N*** <Клушин> любил музыку, имел свой оркестр. Один раз его chef d'orchestre (немец) пришел жаловаться к моему отцу[19]: <Клуши>н избил почти до смерти одного мальчика-музыканта, 15-ти лет, — это была первая размолвка моего отца с ним. К<лушин> был до того жесток, что его собственные дворовые люди проучили его до того сильно, что его едва спас камердинер; это было уже после Калуги. Однако же, он получает место; Закревские, особенно графиня[20], его поддерживали; он умер в 1885 г. N—н <Клушин> был умен. Граф Закревский имел свою клику, — это была своего рода аракчеевщина в Москве; он играл ту же роль, как Аракчеев при Александре Павловиче в 1820-х годах, в мнении публики.

После ссоры с К<лушиным>[21], который надеялся получить место калужского губернатора через Закревского, на моего отца начали посылать доносы. В Калуге было везде много раскольников, они давали взятки, все богатые купцы были в сектах. Отец беспощадно ловил взяточников. Были даже хлыстовские корабли и скопческие корабли. Закревский получал известный доход и был недоволен, что мой отец по делам комиссии раскола открывал все "корабли" Московской губ<ернии>, которые были в союзе с комиссией, ему этим помешал отец. Жандармский полковник был подкуплен хлыстами, отец прямо пожаловался Бенкендорфу или Дуббельту; его сменили, прислали другого, немца (заметьте, что почти все они были тогда немцы). Прежнему жандарму-полковнику Закревский покровительствовал. Он не посмел отмстить Дуббельту, а отцу он отплатил всякими гадостями. Государь предложил отцу в 1845 г. быть московским губернатором; он отказался и выбрал Калугу, говоря, что не желает служить с графом Закревским. Последний это узнал и, будучи в хороших отношениях с прежним калужским губернатором <Н. В. Жуковским>, он уже на первых порах возненавидел отца. Мать моя в Москве не была с визитом у гр<афа> Закревского. Дядя моего отца, П. П. Смирнов <1772–1854>, жил в Москве и был с Закревским всегда на ножах, не ездил к нему и называл его "Аракчеевский капрал"; все это, мало-помалу, дошло до истории. Узнав о доносах, отец требовал ревизии губернии. Александр Толстой был послан Перовским (мин<истром> внутр<енних> дел) с князем Давыдовым. Жена его была дружна с Закревской. А Государь узнал, что не Корнилов, а Давыдов ревизует, уже к концу дела. После окончания дела ревизии в Калуге 1851 года отец оставил Калугу. В 1852 году ему дал Государь Станиславскую ленту; в 1853 г., меня еще на школьной лавке сделали фрейлиной, а в 1852 г. уже Государь послал отца в Москву для *секретного дела* по раскольн<ическим> делам Рогожского кладбища, а, помимо Закревского, и один Лужин знал о том. Это дело возобновилось в 1853–1854 гг., и до смерти Государя отец мой был в *тайной комиссии по раскольническим делам* в Петербурге и в Москве, а к Пасхе 1855 г. император Александр Николаевич назначил моего отца губернатором в Петербургскую губернию.

Дело с Е<ршовым>, другом Закревского, только косвенно касалось моего отца. Брат моей матери, Ос<ип> Ос<ипович> Россет, был дружен с орловскими Плещеевыми (из семейства поэта), а дяди их были дружны с Лорерами, у Е<ршова> были два сына; с одним он рассорился[22], с другим[23] был хорош; первый был игрок. У Е<ршо>ва была побочная дочь, которую он признал и она была узаконена; она была хороша собой. Плещеевы ее видали, она дружна была с дочерью Плещеевых, которые очень желали выдать свою дочь за дядю моего, а он влюбился в Софью Ив. Е<ршову>, а она в него. Е<ршов> очень обрадовался и дал ей имение, возле своего поместья, в 500 душ; молодые поселились в нем. Софии Ивановне было 22 года, а боялась отца, как огня. В один прекрасный день Е<ршо>в избил до смерти одного мужика своей дочери и приехал обедать к ней. Дядя

мой, которому дали знать об этом, без лишних разговоров и при Плещеевых, которые тут обедали, объявил Е<ршову>, что он не скрыл от станового правду, и что его жена вольна принимать отца своего, но что Е<ршов> не в праве засекать не только чужих, но и своих мужиков, и что он не намерен обедать с палачом, и уехал к Плещеевым, которые взяли его сторону. Началось следствие; Е<ршов> подкупил станового, доктор донес правду, исправника подкупили, дело дошло до губернатора орловского[24], друга Ершова, который разными путями и страхом вынудил дочь свою дать ему доверенность на управление имением, а дядя, узнав это, увез ее в Калугу, где поселился у нас же. Она была беременна; они жили в Калуге до нашего отъезда, а потом в Москве. На моего отца явился тогда глупейший донос, что он будто бы велел обоих Е<ршовых> вывести силой из Калужской губернии и укрывал в своем доме дочь Е<ршова>, не позволяя ей видаться с ее нежным отцом († 1853 г.). Новый жандармский полковник после того устроил так, что у ней не было очной ставки с ее отцом; мысль, что он ее проклянет, пугала ее до истерики; она от робости, а также от некоторой странной привычки к отцу и его деспотизму, никогда не выговаривалась искренно и таила все, что она знала, и что он не в первый раз засекал людей, и что три раза его люди поджигали дом, и даже его раз отравили. Е<ршо>в был настоящий изверг и вел самую безнравственную жизнь. Дядя мой звал его ce satrape persan[25]. Плещеевых мы знали хорошо и уже впоследствии я слышала про Е<ршовых> отца и сына ужасные истории, а дело это замяли по милости Закревского. В 1853 г. мой дядя умер уже, и отец, чтобы оборонить Софью Ивановну Россет от ее недоброжелателей, испросил для ее детей высочайшую опеку. Она жила у себя в деревне; вышла замуж за соседа и умерла в родах в 1863 году.

Сенатор Давыдов был как-то в свойстве с женой[26] Е<ршова> сына и вот почему, по интриге Закревского, не Корнилова, а его, Давыдова, назначили в ревизию[27]. <...>

Старик Плещеев (неженатый) был дружен с Лорером, декабристом, родным дядей моей матери, и рассказывал нам, что И. С. Тургенев описал некоторые эпизоды из жизни Е<ршо>ва в своих повестях, напр<имер>, ссору с сыном в «Трех портретах», а также в лицах помещиков-деспотов. По-видимому, Е<ршо>в был очень известен в околотке своими экзекуциями. Я спросила Тургенева, правда ли это? – Он мне ответил: "Я даже не сказал и десятой доли того, что знал про отца Е<ршо>ва и про сына, его любимца, игрока, а также про К<луши>на, который был тем более ужасен, что он был умен; а Е<ршо>в был варвар допотопных времен"»[28].

В. П. Горленко, в свою очередь, писал о послании Смирновой к Гоголю от 18 мая 1849 г.[29] из Царского Села: «Сообщено оно Ник<олаем> Влад<имировичем> Быковым, племянником поэта, и сохранилось в бумагах его тетки Анны Васильевны Гоголь... После рождения сына, Александра Осиповна была очень долго больна, а в это время над мужем ее, калужским губернатором, разразилась служебная неприятность. На него подан был донос отчаянными крепостниками, помещиками Ершовыми, обвинявшими его в страшных злоупотреблениях. Донос этот вызывал сенатское расследование. Причиною всего дела был известный московский сатрап Закревский, ненавидевший Смирнова. Вместо сенатора Корнилова, указанного Государем, на следствие послан был сенатор Давыдов, родственник Ершовых. О таком нарушении своего желания император узнал только после окончания дела. В одном из писем, напечатанных в "Русской Старине", Ал<ександра> О<сиповна> говорит подробнее об этом возмутительном деле, поставившем ее, – благонамеренность которой была вне всякого сомнения, – глаз на глаз с чиновничьим произволом»[30].

Дело закончилось только в марте 1851 г. оправданием Н. М. Смирнова, но с увольнением его от должности калужского губернатора[31] и причислением к министерству внутренних дел. Генерал-лейтенант И. З. Ершов и его сын И. И. Ершов по Высочайшему повелению были преданы суду за клевету на Н. М. Смирнова.

[1] Князь Сергей Иванович Давыдов (1790–1878), сенатор (с 1845 г.), с 1852 г. вице-президент Академии наук.

[2] Н. М. Смирнов, муж Смирновой, калужский гражданский губернатор.

[3] Иван Захарович Ершов (1777–1852), генерал-лейтенант, и его сын, Иван Иванович Ершов (1806–1864), подольский уездный предводитель дворянства Московской губернии (назначен в 1847 г., не позднее 16 декабря; состоял в должности до 1850 г. включительно), гвардии полковник.

[4] Граф Арсений Андреевич Закревский, военный генерал-губернатор Москвы.

[5] Степан Васильевич Перфильев (1796–1878), генерал-майор, начальник московского округа Корпуса жандармов.

[6] Л. А. Перовский, граф (с 1849).

[7] А. А. Корнилов.

[8] И. И. Ершов.

[9] Сходные размышления встречаются у Гоголя в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных местах из переписки с друзьями», где он говорит о лицемерном Фамусове из «Горя от ума» А. С. Грибоедова: «Он и благопристойный степенный человек и волокита, и читает мораль... <...> Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился принятым светским обычаям их общества. В существе своем это одно из тех выветрившихся лиц, <...> которые <...> вредны обществу...»

[10] Ершова (рожд. Россет).

[11] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[12] Лев Иванович, брат Смирновой.

[13] Толстой.

[14] А. Г. Толстая, жена графа А. П. Толстого.

[15] Коллежский советник Павел Николаевич Клушин (1814–1886), калужский вице-губернатор с 20 февраля 1846 г. по 1854 г.

[16] Евдокия Петровна (рожд. княжна Горчакова; 1826–1861).

[17] Один из сыновей — Николай Павлович Клушин (1854–1883).

[18] Агафоклея Петровна (1824–1905).

[19] Н. М. Смирнов.

[20] Графиня А. Ф. Закревская (рожд. графиня Толстая).

[21] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Калуга.***

[22] Николай Иванович Ершов (1811–1875).

[23] И. И. Ершов.

[24] Князь Петр Иванович Трубецкой (1798–1871), генерал-лейтенант, орловский военный и гражданский губернатор.

[25] Этот персидский сатрап (*фр.*).

[26] Варвара Сергеевна Ершова (рожд. княжна Вяземская, 1815–1907).

[27] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Калуга.***

[28] *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 361–363; *Свод.* Т. 2. С. 407–408.

[29] См. ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село.***

[30] *<Горленко В. П.> В. Г.* Письмо к Гоголю Александры Осиповны Смирновой // Новое время. 1902. 20 февраля. № 9327. Приложение. С. 10; *Свод.* Т. 2. С. 408.

[31] «Муж А. О. Смирновой-Россет Николай Михайлович Смирнов (1807–1870), в то время калужский губернатор (с 1845 г.), подвергся ревизии по жалобе Подольского уездного предводителя дворянства Московской губернии Ивана Ивановича Ершова, отец которого, генерал-лейтенант Иван Захарович Ершов, подарил свое имение незаконнорожденной дочери Софии, вышедшей замуж за брата А. О. Смирновой Россета. Жалоба не подтвердилась, но в 1851 г. Н. М. Смирнов был снят с поста губернатора» (коммент. Л. В. Гладковой; см.: Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 623).

ЯНВАРЯ 27. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 426.

ФЕВРАЛЯ 8 <ЯНВАРЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. В. Чижову (вероятно, в Москву[1]):

«Часто мне теперь на мысль приходит Завьялов и Москва. — Ученые, литераторы, защитники Запада, славянофилы и всё, что звонит красивыми словами об искусствах, выслали *глубоко ученого рисовальщика русского* и взяли на его место Скотти, у которого самая высокая нота — *деньги и спекуляции*[2]. Если б я знал наверное, что Н. В. Гоголь в Москве, я бы послал к нему об этом письмо[3]; может быть, его авторитет пособил бы разбить бессовестность и восстановить Завьялова еще с большею крепостию»[4].

[1] Ср. ***1848. Марта 17. Четверг. Москва.***

[2] Речь идет об увольнении с должности инспектора Московского училища живописи, ваяния и зодчества художника Федора Семеновича Завьялова (1810–1856) и назначении на его место итальянца по происхождению Михаила Ивановича Скотти (1812–1861).

[3] См. ***1849. Мая начало <апреля средина>. Рим; 1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим.***
[4] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 352.

ЯНВАРЯ 29. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Празднование в квартире князя П. А. Вяземского дня рождения и юбилея В. А. Жуковского — пятидесятилетия его литературной деятельности. Участие принимают наследник Александр Николаевич, граф Д. Н. Блудов, граф Мих. Ю. Виельгорский, П. А. Плетнев, князь В. Ф. Одоевский и др.

Спустя несколько дней, 5 февраля 1849 г., Плетнев сообщал Я. К. Гроту в Гельсингфорс: «...В субботу (день рождения Жуковского, ему исполнилось 66 лет) Вяземский отпраздновал у себя юбилей в честь 50-летней Жуковского музы. Гостей собралось на вечер к нему человек 80, мужчин и дам. <...> ...Положили составить род протокола собрания. Заглавие: *29 января 1849 г.* Все присутствовавшие, начиная с Великого Князя Наследника, на этом листе подписали свои имена... <...> Положено: отправить этот лист подлинником к Жуковскому».

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 380–381. — См. также: Пятидесятилетний юбилей В. А. Жуковского // Северная Пчела. 1849. 31 янв. № 24. С. 93.

ЯНВАРЬ. МОСКВА

Гоголь пишет ответные письма младшей сестре Ольге в Васильевку и А. С. Данилевскому[1] в Дубровно. Письмо к Данилевскому (и, возможно, письмо к сестре) отправляет через А-ра Мих. Марковича[2].

Из письма к сестре: «...Благодарю тебя за письмо и поздравленья. Книжки, какой ты <просишь>[3], не отыскал нигде. Она, верно, давно уже издана и вся выпродалась. Посылаю тебе вместо того "Воскресные Евангелия" с толкованьями и небольшими беседами в конце. Ты можешь прочесть всякий раз перед тем, как идти в церковь. Можешь даже и выписать на небольшую бумажку, это не трудно. Из Евангелия читается не больше, как полстранички.

Распоряжения твои относительно лечения скота[4] хороши. Продолжай тоже по-прежнему помогать страждущим, навещать их и особенно не пренебрегай разговором с ними. Посылаю тебе на лекарства и на вспоможение бедным [двадцать пять] пятнадцать рублей серебром[5]. <...> Не позабывай уведомлять меня о лечениях как успешных, так и неуспешных, а также и о том, что услышишь для тебя необыкновенного, о нуждающихся также».

Из письма к Данилевскому: «Письмецо твое получил. Хотел было писать, не дожидаясь ответа, и известить, что Россет[6] предлагает тебе при себе место в 1000 р<ублей> серебр<ом>. Место, впрочем, не казенное. Но Россет внезапно уехал в Калугу и когда будет назад, не знаю. Если решишься ехать в Москву, не позабудь повидаться с Алексеем Васильевичем Капнистом и взять от него письма к брату[7] и еще к кому-нибудь из служащих и деловых людей. Мои приятели, как нарочно, *единого прекрасного жрецы*[8] и больших сношений с деловыми людьми не имею<т>. Впрочем, будем работать по силам. За глаза действовать нельзя, и потому тебе заглянуть сюда действительно не мешает. Писал я к тебе о занятии деревней не потому, чтобы переменил точку воззренья на твое положенье. Но потому, что был разочарован безотрадностью всяких служебных поприщ. Если бы у тебя было хотя честолюбие и стремленье выйти в люди, тебе бы легче было на службе, ты бы имел сколько-нибудь духу перенести многое, что способно оскорбить благородное чувство. Но этой силы, стремлящей вперед, у тебя нет, поэтому положенье твое будет в несколько раз труднее положенья другого человека. Всё пошло как-то вкривь, для взяточников есть поприще, для честных почти нет. Недавно имел случай узнать, как даже и те, которые занимают завидные

места членов, подвергаются сильным взысканиям, если только плут-секретарь захочет упечь их. Осмотрительность и вниманье к читаемым делам нужно иметь необыкновенные. Если хочешь как-нибудь ужиться на службе и получить терпенье не бросить ее, то, пожалуйста, не обольщай себя вперед легкостью ее; напротив, рисуй лучше вперед себе всякие ожидающие неприятности. Мне сказывал один, что он потому только ужился на службе, что ему при самом вступлении некто опытный человек дал следующий совет: не позабывайте ни на минуту, что все ваши начальники мерзавцы, а потому не удивляйтесь никакому поступку с их стороны, принимайте его, как должное. Это одно только правило, которое я с тех пор держал неотлучно в голове своей, спасло меня, говорил он. Еще одно: напрасно ты имеешь уверенность, что тебе 6 тысяч достаточно на содержанье в Москве. Это можешь только сказать тогда, когда проживешь здесь и узнаешь на месте цену всякой вещи. Я нашел, что всё стало почти вдвое дороже противу того, как было назад тому еще 7 лет. Не позабывай также и того, что ты не экономен и еще ни разу не сводил концы с концами. Жизнь небогатого семейного человека, я думаю, еще трудней в Москве, чем в Петербурге. Я это вижу по семействам, которые вижу. Но да вразумит тебя Бог во всем и даст мудрость, как управить трудную ладью жизни. О себе покуда могу сказать не много. Начинаю кое-как свыкаться с климатом, хотя не без простуд[9] и насморков. Занятия мои еще как следует не установились, отчасти, может быть, и оттого, что всё, что ни вижу и что ни слышу вокруг себя, неутешительно. Стараюсь казаться сколько возможно веселым и развлекаться, но в душе грусть: будущее страшно; всё неверно. Вполне спокойным может быть теперь только тот, кто стал выше тревог и волнений и уже ничего не ищет в мире, или же тот, кто просто бесчувствен сердцем и позабывается плотски. Прощай. Не огорчайся тем, что в письмах моих попадутся иной раз советы и тексты, даю их только потому, что сам их ищу. До сих пор все советы, от кого <бы> они ни были, даже от не весьма умных людей, были мне полезны. <...> Ульяне Григорьевне[10] душевный поклон и всем, кто меня помнит. Я подписался за тебя на "Москвитянин", который в этом году обещает быть хорошим журналом. Я прибавил безделицу к тем деньгам, которые тебе Погодин оставался должен».

[1] См. ***1848. Декабря 21. Вторник. С. Дубровно***.

[2] См. ***1849. Февраля 16. Среда. С. Анненское***.

[3] О какой книге идет речь, неизвестно.

[4] В 1849 г. в Васильевке был падеж скота (см. ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***). — См. также ***1850. Апреля около 23. Москва*** (примечания).

[5] См. также ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва*** (письмо Гоголя к сестре Ольге).

[6] Климентий Осипович.

[7] И. В. Капнист, московский гражданский губернатор в 1844–1855 гг.

[8] Цитата из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина.

[9] См. ***1848. Ноябрь — 1849. Март. Москва***.

[10] Жена Данилевского.

ФЕВРАЛЯ 4. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.

[2] *Гриц*. С. 427.

ФЕВРАЛЯ 6. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ. МОСКВА

М. П. Погодин записывает в дневнике:

«*Февраль.* <...> *6.* К обедне. <...> После обеда Гоголь, Данил<евский>[1], Миллер и Рабус, Чертков, Щепкин»[2].

Возможно, к этому времени относится карандашный портрет Гоголя работы К. П. Рабуса. М. Н. Сперанский в 1902 г. писал: «Есть <...> еще портрет Гоголя во весь рост: Н<иколай> В<асильевич> сидит, подперши подбородок рукой, лицо в профиль. Это – <...> рисунок художника К. И. Рабуса, сделан, по-видимому, с натуры около 50-го года»[3].

[1] Г. П. Данилевский.
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.
[3] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 838.

ФЕВРАЛЯ МЕЖДУ 8 (ВТОРНИК) И 13 (ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ). МОСКВА

Гоголь на обеде у М. С. Щепкина.

См. ***1849. Февраля 22. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 9 И 10. ВЕЧЕР И НОЧЬ. МОСКВА

В доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся бал-маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной.

Полемика И. С. Аксакова с С. П. Шевыревым по поводу этого маскарада, по-видимому, нашла отражение во втором томе «Мертвых душ».

См. ***1849. Марта 8. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 10. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь отправляет записку графу В. А. Соллогубу (датировка записки уточнена[1]):

«Завтра, т. е. в пятницу[2], около 5 часов, гр<аф> Толстой ждет вас к блинам. А с ним вместе и я».

На лицевой странице записки, над гоголевским текстом, имеется помета Соллогуба: «В доме Талызина, на правую сторону, на Никит<ском> бульваре». На четвертой странице, над адресом – заметка неизвестной рукой на французском языке: «L'existence a la mort pour but mais la vie pour vocation. C'est cette vocation, qu'il faut remplir, on tache de remplir d<ans> toute son etendue»[3].

[1] См. ***1849. Февраля 24. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва.*** – См. также ***1849. Февраля 22. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1849. Февраля 11. Пятница. Москва.***
[3] Существование имеет целью смерть, жизнь же имеет целью призвание. Это призвание, подлежащее выполнению, стараются осуществлять во всем его объеме (*фр.*).

ФЕВРАЛЯ 11. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Граф В. А. Соллогуб по приглашению Гоголя в пять часов вечера, вероятно, был на блинах в доме графа А. П. Толстого.

См. ***1849. Февраля 10. Четверг. Москва***; ***1850. Марта 30. Великая среда. Москва***. — См. также ***1849. Мая между 20 и 23. Москва***.

ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО (ДО 11 ЧИСЛА). МОСКВА

П. И. Бартенев[1] записывает в дневнике:

«Если поэт вообще предполагает прекрасную душу, то такой поэт, какой является в произведениях Гоголя, который умел из ничтожного и грязного породить высокое и художественное, обладающий такою удивительною ваятельною силою, такой поэт должен иметь душу не только прекрасную, но и глубоко добродетельною; а между тем все говорят про Гоголя, что он гордец. Стоит вспомнить анекдот о Берлине[2], который рассказывал Катков»[3].

[1] Петр Иванович Бартенев (1829–1912), историк, археограф, основатель и издатель журнала «Русский Архив».

[2] Содержание анекдота П. И. Бартенев не пересказывает. — См. также ***1843. Февраля 20 <марта 4>. Суббота. Москва***; ***1849. Апрель. Москва***; ***1850. Октября 27. Пятница. Москва***.

[3] *Бартенев П. И.* Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студентства) // *Свод*. Т. 3. С. 696.

ФЕВРАЛЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕЛИКОГО ПОСТА.

См.: <*Погодин М. П.*> М. П. Канун Андрея Критского, в Чудове монастыре // Москвитянин. 1849. Ч. 1 (цензурные разрешения 30 дек. 1848 г. и 14 февр. 1849 г.). Отд. 5. С. 91.

1848 ОКТЯБРЯ 13 — 1849 ФЕВРАЛЯ СЕРЕДИНА[1]. МОСКВА

Гоголь бывает в Сокольниках в доме своего земляка, московского гражданского губернатора И. В. Капниста.

И. А. Арсеньев[2] в 1887 г. вспоминал: «У И. В. Капниста гр<аф> Зотов[3], А. Я. Булгаков[4] (бывший московский почт-директор) и я собирались часто, по вечерам, играть на биллиарде, до которого все мы были большие охотники, хотя я никогда не мог научиться хорошо играть на нем. Несколько раз, у Капниста, мне довелось видеть гениального Гоголя, который редко пускался в разговоры и всегда выглядывал “букой”.

Один только раз удалось мне видеть Гоголя в хорошем расположении духа и вздумавшим представлять в лицах разных животных из басен Крылова. Все мы были в восхищении от этого действительно замечательного impromptu[5], которое окончилось внезапно вследствие случайного приезда к Капнисту Михаила Николаевича Муравьева[6], который не был знаком с Гоголем.

Капнист, знакомя Гоголя с Муравьевым, сказал: “*Рекомендую* вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя”. Эта *рекомендация*, видимо, не пришлась по вкусу гениальному писателю, и на слова Муравьева: “*Мне не случалось, кажется, сталкиваться с вами*”, — Гоголь очень резко ответил: “*Быть может, ваше превосходительство, это для меня большое счастие, потому что я человек больной и слабый, которому вредно всякое столкновение*”.

Муравьев, выслушав эту жёлчную тираду, отвернулся от Гоголя, который, ни с кем не простившись, тотчас же уехал. Впоследствии я слышал от Ивана Васильевича[7], что Гоголь не на шутку на него рассердился за “*непрошенную* (как он выразился) *рекомендацию*”.

Наружность Гоголя была очень непривлекательна, а костюм его (венгерка с бранденбургами) придавал ему крайне невзрачный вид. Кто не знал Гоголя, тот никогда бы не догадался, что под этой некрасивой оболочкой кроется личность гениального писателя, которым гордится Россия»[8].

В 1902 г. корреспондент газеты «Новое Время» также сообщал: «По словам М. А. Григоровской, бывшей воспитательницы детей Капниста, состоявшего в начале пятидесятых годов московским губернатором, в доме последнего бывал запросто Н. В. Гоголь. Часто он являлся с своим приятелем, знаменитым актером Щепкиным, обедать; тогда для него готовились его любимые кушанья: борщ, галушки и взвар. Щепкин читал гостям произведения Гоголя в рукописях в присутствии автора, который, прерывая чтение поправками, своим неподражаемым юмором и мимикой вызывал продолжительный смех. Гоголь обладал способностью приводить общество в веселое настроение, поэтому считалось за особенное, за двойное удовольствие, как выражались домашние гр<афа> Капниста, быть с Гоголем в театре[9]. Его остроумные вставки и дополнение в игру чужой пьесы смешили до слез, а в антрактах получалось отрадное зрелище задушевного отношения молодежи к писателю.

По слабости здоровья Н<иколай> В<асильевич> садился в глубину ложи, прося, чтобы его хорошенько загородили, спрятали от студентов. С хмурым, страдальческим видом он острил и над своей болезнью. Ему принадлежит шутливое изречение: лучше иметь маленький деревянный дом, чем большую каменную болезнь[10]. Но, не видя его из зрительного зала, молодые почитатели его таланта скучивались у двери губернаторской ложи так, что трудно было отворить ее под их напором. Студенты, между ними и бедняки малороссы, на нужды которых Н<иколай> В<асильевич> щедро уделял из своего заработка, шумно звали его, пока Н<иколай> В<асильевич> не выглянет из-за двери. Тогда его приветствовали с энтузиазмом, вытаскивали в коридор, душили объятиями и утомленного, измученного, как он говорил, вносили бережно в ложу. Граф[11] Капнист, любя молодежь и будучи малороссом, снисходил к беспорядку, и есть еще в живых бывшие хлопчики простого звания, обязанные протекции Гоголя своим образованием и службой в канцелярии московского губернатора»[12].

[1] См. ***1849. Февраля средина. Москва***.

[2] Илья Александрович Арсеньев (1820–1887), журналист. В своих воспоминаниях Арсеньев указывал: «Я переехал, в конце 1848 года, из Москвы на постоянное жительство в Петербург...» (*Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых // Исторический Вестник. 1887. Апрель. С. 77). Поэтому видеть Гоголя у И. В. Капниста мемуарист мог начиная с 13 октября 1848 г. (см. ***1848. Октября 13. Среда. Москва***).

[3] Граф Николай Иванович Зотов, действительный статский советник.

[4] Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), московский почт-директор (с 1832 г.), сенатор (с 1856 г.), друг В. А. Жуковского и князя П. А. Вяземского.

[5] Экспромт, импровизация (*фр.; англ.*).

[6] Михаил Николаевич Муравьев, граф Виленский (с 1865 г.); муж (с 1818 г.) старшей дочери Н. Н. Шереметевой Пелагеи Васильевны. В 1826 г. был арестован по делу о декабристах, но вскоре отпущен. Впоследствии проявил себя как верный поборник государственных интересов России (защите его от либеральных нападок Ф. И. Тютчев посвятил в 1863 г. стихотворное послание «Его светлости князю А. А. Суворову»). С 1842 г. — управляющий Межевым корпусом; с 1849 г. — генерал-лейтенант; член Государственного Совета (с 1856 г.), виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор, командующий войсками Виленского военного округа, главный начальник Витебской и Могилевской губерний (с 1863 г.).

[7] Капниста.

[8] *Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний) // *Свод*. Т. 3. С. 667–668.

[9] См., в частности: ***1848. Ноября 4. Четверг. Москва***.

[10] Каменная болезнь (желчнокаменная, почечнокаменная, слюннокаменная, мочекаменная) — образование камней во внутренностях.

[11] Предок Капнистов Стомателло Капнисси получил графский титул в 1702 г. Однако в России род Капнистов был признан в графском достоинстве лишь в 1876–1877 гг.

[12] Из воспоминаний о Гоголе <М. А. Григоровской> // *Свод*. Т. 3. С. 669.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА[1]. МОСКВА

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения насчет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено совершенно и окон-

чательно еще при покойном отце[2]. Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, после ли записки оказалось сомнение. Отец мой доставил также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали ли эти грамоты или не затаскали ли их куда-нибудь в суде, что теперь и не вспомнят. Обо всем этом Иван Васильевич Капнист советует вам переговорить или с Любомирским[3], который служил еще при нем и знает всё, или с кем-нибудь другим в Полтаве, долго служившим при дворянском собрании. Впрочем, насчет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Всё это сущий вздор. Был бы кусок хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин или просто дворянин, в *шестую* ли книгу или *восьмую* записан. (Если не докажется происхождение от полковника Яна Гоголя[4], то род будет записан в 8 книгу). Шестая книга, конечно, почетнее, но права почти те же. Итак, вы узнайте: было ли записано в 6-й или еще нет? О себе могу сказать только то, что здоровье мое пока покуда порядочно, хотя и нет еще такого расположения к трудам и занятиям, какого бы желал. Сестер моих Анну, Елисавету и Ольгу обнимаю от всей души. На письмо Елисаветы об Эмилии[5] скажу то, что ей следует поступить как лучше, как удобнее и возможнее. Если можно как-нибудь поместить в полтавский институт, то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будет ее прислать сюда в институт гувернанток, но для этого следует прислать вперед все нужные бумаги, по которым она может быть принята. То есть, во 1-х, метрическое свидетельство, потом, во 2-х, свидетельство от предводителя или губернатора о том, что она, точно, не имеет ничего и что у ней нет ни отца, ни матери. А если можно, то и копии с послужного списка отца; впрочем, последнее не к спеху. Для определения в принятии достаточно и двух первых».

[1] Послание датируется по связи с письмом Гоголя к родным от 3 апреля 1849 г. где Гоголь замечает: «Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад, в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии, документов дворянства и проч. и пр.» (см. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***).

[2] Дело о дворянстве Гоголей было окончено не при отце Гоголя, Василии Афанасьевиче, а при его деде — Афанасии Демьяновиче Гоголе-Яновском (см. ***1784. Октября 19. Суббота. Киев***; ***1788. В течение года. Киев***). — См. также ***1829. Февраля 16. Суббота. Миргород***.

[3] Иван Семенович, титулярный советник, в 1820–1840-х гг. служил секретарем Полтавского дворянского депутатского собрания.

[4] См. ***1848. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником.***

[5] Сирота, воспитанница М. И. Гоголь с 1845 г. (см. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Васильевка***).

ФЕВРАЛЯ 16. СРЕДА. С. АННЕНСКОЕ СУМСКОГО УЕЗДА ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. С. Данилевский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Москву (адресует письмо на имя С. П. Шевырева):

«Письмо твое чрез посредство Александра Михайловича[2] я получил давно, но не отвечал потому, что ровно не знал ничего сказать тебе в ответ на твои проповеди. Я вижу, тебя не урезонишь, ты все поешь одну песнь. Кто просил тебя искать для меня место, на котором бы можно было сидеть сложа руки и ничего не делать! Ну, да Бог с тобой! Мне кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее, из этого ничего не выйдет. Ты — плохой ходатай, я — плохой искатель. Lasciamo la politica, ove ella sta, e parliamo d'altro[3].

Хочу поделиться с тобой моей радостью: на прошедшей неделе <...> жена моя родила богатыря в ¾ аршина, которого предполагаем назвать Григорием в честь его деда[4]. <...>

К Россету[5] я писал, но не получал ответа. Вероятно, письмо мое не нашло его в Харькове. На Редкина и Кукольника мало имею надежды и потому не затрудняю их; если достанется быть в Петербурге, то, ухвативши их за бока, может быть, и можно выжать из них какую-нибудь пользу; переписка же ни к чему не поведет. <...> ...Я проживаю в деревне сестер жены[6] <...> и останусь здесь до мая, а потому адресуй ко мне свои письма <...> в *Сумы*... <...> В мае же и после мая всегда пиши ко мне в Ромну, Полтавской губернии. <...>

У нас тут много слухов на твой счет: говорят, что ты уже напечатал вторую часть "Мертвых душ", чему я не верю, пока не буду иметь экземпляра в собственных руках.

О Миргороде и его любезных обитателях редко получаю известия; все в тех местах обстоит, кажется, благополучно, только винокуренный акциз[7] многих помещиков заставил почесать в затылке.

Поклонись от меня Боткину[8] и Гинтовту[9] да напиши, ради Бога, что-нибудь о своей персоне. Все мораль да мораль — это хоть какому святому надоест! Что предполагаешь делать летом? не заглянешь ли в Малороссию?»

[1] См. ***1849. Январь. Москва.***
[2] Маркович.
[3] Оставим в покое всю эту политику и поговорим о другом *(ит.)*.
[4] Григорий Степанович Похвиснев, отец У. Г. Данилевской (рожд. Похвисневой).
[5] Клементий Осипович.
[6] М. Г. и В. Г. Похвисневых.
[7] Налог на производство вина.
[8] Н. П. Боткин (см. ***1835. Августа 27. Вторник. Москва***; ***1835. Августа 28. Среда. Москва***).
[9] А. Л. Гинтовт.

ФЕВРАЛЯ 17. ЧЕТВЕРГ

Д. К. Малиновский отправляет Гоголю письмо, в котором обсуждает содержание их устных бесед:

«...На ком лежит долг учить ближнего? На том, кто может. <...> Многие статьи в Вашей "Переписке" <...> дают мне уверенность, что вам необходимо писать больше и больше... <...> Всем известно, что Вы, *если бы даже Вы имели для чего-нибудь мало данных, можете быть истинны и убедительны.* Положим, <...> что Вы призваны не для речи с учительской кафедры[1]; но вспомните, что свету нужно? Скудно тлеет в нем огонь священный, огонь религии; оракулы его духом своим не раздувают его, а тушат: и Вы будете только для себя хранить полезный для него материал! Но вспомните, вспомните, какая рать вокруг на него ополчается, вспомните, что Вы из единственных его поборников, что если Вы не оставите для него ничего, то он многое, весьма многое потеряет. <...> Образование подвинулось; но златобуквенная книга Христа лежит закрытая, если не в позоре, тем не менее в совершенном, равнодушном забвении. А Вы читаете ее, и, может быть, один из немногих, поняли смысл ее еще более потребностей житейских! Вы можете писать отлично от других, и Вам не написать для нее хоть несколько страниц?.. <...> Бог знает, найдется ли еще когда человек с равною Вам возможностью, да придет ли ему еще воля так писать? <...> Слушать ли вокруг вечное жужжание толков, когда мысль устремлена мимо их, дальше их. Марфа не помешала в благом деле Марии[2], повара не должны мешать эконому, частные лица не должны вмешиваться в правление[3]: плюньте на шум внизу, и если Вы стоите головою выше, то смотрите прямо на дорогу, а не на лица сопутников. Я говорю, что Вам нужно писать именно в том роде, в каком были статьи в Вашей "Переписке"».

[1] В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. Гоголь замечал: «...Не мое дело поучать проповедью. <...> Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассужденьями» (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***). В дневнике знакомой Гоголя Е. А. Хитрово сохранилась также запись от 2 февраля 1850 г.: «Намедни, 1 февраля, на вопрос княгини <Е. П. Репниной-Волконской>, что делать, чтобы согласовать жизнь с долгом? что делать, чтоб помешать коснуться душе мыслей со стороны? — *Гоголь* сказал: "Я это вам дам все письменно". Ясно было, что княгиня подумала, что ей особенный будет ответ; но вышло, что он о сочинении своем говорил. — *Княгиня*: "Отчего же не теперь?" — *Гог<оль>*: "Как я могу теперь сказать? Я не проповедник! Не мое дело судить. Я мнение свое могу сказать, но полное, обдуманное, только письменно. Оттого и писатель бывает, что не умеет хорошо на словах высказать свою мысль. Если б я умел хорошо высказать свою мысль, кто бы велел мне писать?"» (см. ***1851. Февраля 1. Четверг. Одесса***).

[2] Вспоминается евангельское повествование о посещении Спасителем дома Марфы и Марии (Лк. 10, 38–42).

[3] Сходную мысль Гоголь высказывал в письме к князю П. А. Вяземскому от 11 июня (н. ст.) 1847 г. Обращаясь к нему с просьбой написать статью о «тех истинах, о которых могут сказать только люди государственные», Гоголь замечал: «Если о них не раздадутся теперь здравые определения, <...> то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди... <...> Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. <...> ...Теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние» (см. ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). В наброске «Рассмотрение хода просвещения России» Гоголь также выступал против того, что «науки» стали «совершенно принадлежать частному человеку» (записная книжка 1846–1850 гг.).

ФЕВРАЛЯ 22. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин сделал в дневнике отметку о визите Гоголя:

«Гог<оль>»[1].

В тот же день Мария В. Станкевич[2] писала родным:

«Вот уже скромной пост сменил шумную масляницу[3]... <...> Масляницу мы провели следующим образом: первые блины[4] ели у Щепкиных, с хорошею осетриною и икрою; потом[5] были блины у нас — и были позваны мужья без жен и выпито много вина. Кажется, вам уж писали, что Петр Мих<айлович> Щеп<кин> и Бапс[6] хотели сделать сюрприз обществу, но вместо того очень срезались в "Тяжбе". <...> У Михайла Семеновича, когда мы ездили к нему на уху[7], застали мы Гоголя; совсем незаметно, чтоб был великой человек, только глаза быстрые, быстрые, а все лицо очень похоже на нашего Увара. Он разговаривал с Мих<айлом> Сем<еновичем>, сидя на диване, вполголоса, и до нас только долетали слова: "Галушки, вареники... голубцы...", и изредка способ их приготовления; оба господина смотрели очень сладко; так и казалось, что вот-вот потекут у них слюни, — но Гоголь скоро уехал, а мы сели есть уху, и какую уху! всю желтую, как янтарь, из стерлядей и налимовых печенок! У! с кулебякой с визигой!»[8]

В тот же день, 22 февраля 1849 г., С. Т. Аксаков сообщил сыну Ивану в Петербург о чтении графом В. А. Соллогубом его драмы «Местничество» в доме А. И. Кошелева[9], где были О. Сем. и К. С. Аксаковы: «Конста[10] говорит, что народные сцены написаны очень хорошо: верно, живо и сильно...»[11] На чтении также был А. С. Хомяков[12].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.

[2] Мария Владимировна Станкевич (в замужестве Фролова, 1823–1851), сестра Н. В., И. В. и А. В. Станкевичей. См. о ней: *Щепкина Л. В.* Сестра Маша // Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев Посад, 1915. С. 108–124. Сестра М. В. Станкевич, Александра Владимировна, была замужем за сыном М. С. Щепкина — Николаем.

[3] Масленица в 1849 г. началась 7 февраля, Великий Пост — 14 февраля.

[4] По-видимому, в понедельник 7 февраля 1849 г.

[5] Во вторник 8 февраля 1849 г.

[6] Так в автографе. Иван Кондратьевич Бабст (1824–1881), профессор политической экономии Московского университета; в студенческие годы жил в семье М. С. Щепкина.

[7] ***1849. Февраля между 8 (вторник) и 13 (Прощеное воскресенье). Москва.***

[8] *Свод*. Т. 3. С. 43.

[9] Александр Иванович Кошелев (1806–1883), публицист, журналист, общественный деятель.

[10] Константин.

[11] См.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 675.

[12] См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 279 (письмо А. Ф. Самарину от 1 марта 1849 г.).

ФЕВРАЛЯ 24. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю в Москву:

«...Вы нас совершенно забываете или очень заняты, иначе я не могу объяснить себе ваше долгое молчание. Владимир[1] сказал мне, что он оставил вас[2] здоровым и в прекрасном расположении духа, из чего я заключила, что в самом деле все идет у вас... <...> ...Приедете ли вы в Петербург весной и в какое именно время? Не помню, писала ли я вам, что нам всем очень хочется поехать на нынешнее лето в нашу деревню, недалеко от Коломны, и тем же случаем остановиться в Москве и хорошенько рассмотреть этот для нас совершенно незнакомый город. Я бы очень желала, чтоб мы сошлись вместе в Москве и чтоб вы были нашим cicerone[3]. В вашем отсутствии граф Комаровский[4] взял на себя исполнять вашу должность при моей особе, и я могу уверить вас, что вы были бы довольны его ревностью. Он непременно хочет меня convertir a la Russie[5] (по его собственному выражению) и в этом намерении хочет мне рекомендовать разные сочинения, касающиеся до России и до славянских племен вообще, и он сам обещал мне писать некоторые статьи об этом предмете, чтоб я ими могла руководствоваться в моих занятиях. Вы видите, <...> что со всех сторон меня влечет сделаться русскою, и как я не сопротивляюсь этому стремлению, но сама ему способствую, сколько могу, так надеюсь, что ваше и мое желание наконец исполнится и что я сделаюсь русскою не только душой, но и языком и познанием России».

[1] Граф В. А. Соллогуб, муж сестры Виельгорской, графини С. М. Соллогуб.
[2] См. ***1849. Февраля 10. Четверг. Москва.***
[3] Гид, чичероне (*ит.*).
[4] Вероятно, граф Павел Евграфович Комаровский (1812–1873).
[5] Обратить в русские (*фр.*).

ФЕВРАЛЯ 25. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет А. С. Данилевскому ответное[1] письмо в Сумы:

«Прости меня, я, кажется, огорчил тебя моим прежним письмом. Сам не знаю, как это случилось. Знаю только то, что я и в мыслях не имел говорить проповеди. Что чувствовалось на ту пору в душе, то и написалось. Может быть, состояние хандры и некоторого уныния от всего того, что делается на свете, и даже от неудачи по твоему делу, может быть, болезнь, в которой я находился тогда (от которой еще не вполне освободился и теперь), ожесточила мои строки, — во всяком случае, прости! Радуюсь от всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный был в большое утешение вам обоим. Насчет II тома “М<ертвых> д<уш>” могу сказать только то, <что> еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье. Вижу по “Одиссее”. Если Гомера встретили равнодушно, то чего же ожидать мне? Притом недуги мало дают мне возможности заниматься. В эту зиму я как-то разболелся[2]. Суровый северный климат начинает допекать. Ничего не могу тебе сказать еще насчет того, где буду летом, а тем менее — буду ли в Малороссии, хоть бы и желалось поглядеть на тебя и на других близких. Адрес мой: в доме Талызина на Никитском булеваре. <...> Ты говоришь, что у вас много слухов на мой счет. Уведоми, какого рода, не скрывай, особенно дурных. Последние тем хороши, что заставляют лишний раз оглянуться на себя самого. А это мне особенно необходимо».

[1] См. ***1848. Февраля 16. Среда. С. Анненское Сумского уезда Харьковской губернии.***
[2] См. ***1848 ноябрь — 1849 март. Москва.***

ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 25 (ПОСЛЕ ПЯТНИЦЫ ВТОРОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА)[1] — МАРТА 6[2] (КРЕСТОПОКЛОННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ). МОСКВА, РЖЕВ, МОСКВА

Гоголь на третьей неделе Великого Поста (начинавшейся в 1849 г. 28 февраля), предположительно, побывал в Ржеве у отца Матфея Константиновского; вместе с ним вернулся в Москву[3].

Желание съездить весной 1849 г. к отцу Матфею во Ржев Гоголь высказывал еще в ноябре 1848 г. в письме к нему[4]. (Еще ранее свое желание побывать во Ржеве Гоголь сообщал в письмах к священнику от 24 сентября (н. ст.) 1847 г.[5] и от 12 сентября 1848 г.[6]) Для Гоголя, изобразившего в «одной или двух тетрадях» второго тома «Мертвых душ» «православного священника» (прототипом которого, по свидетельству самого отца Матфея, стал именно он[7]), такая поездка была просто необходима. Писателю важно было увидеть прототип своего героя в его привычном окружении, в ежедневной пастырской деятельности. Спустя четыре месяца после поездки во Ржев Гоголь говорил А. О. Смирновой о содержании второго тома: «...Будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник...»[8]

Если иметь в виду строки Гоголя в письме к о. Матфею от 24 сентября (н. ст.) 1847 г. (из Остенде)[9] — что ему не просто хочется посетить Ржев, но непременно исповедаться там и причаститься («...О, как бы мне хотелось открыть вам всю мою душу, быть у вас во Ржеве, исповедаться и сподобиться причащенья Тела и Крови Христовой, преподанных рукою вашею!»), то, вероятно, Гоголь исполнил свое желание в среду 2 марта или в пятницу 4 марта за Литургией преждеосвященных даров.

Позднее, в 1903 г., родственница Н. Н. Шереметевой Е. Н. Бастамова вспоминала: «Когда я жила во Ржеве, мне рассказывали, что в 1851 <1849> году[10] приезжал во Ржев Н. В. Гоголь, чтобы побывать у о. Матвея Константиновского. Это была первая <вторая>[11], как мне говорили, встреча Гоголя с о. Матвеем. О. Матвей даже и не подозревал тогда, что он виделся с знаменитым писателем, — с таким смирением держал себя перед ним Н. В. Гоголь. Уже после, спустя долгое время, в разговоре с Тертием Ивановичем Филипповым он, между прочим, сказал ему, что у него был какой-то Николай Васильевич Гоголь. "Ведь это знаменитый писатель", — пояснил Т. И. Филиппов. Тогда о. Матвей прислал ко мне за сочинениями Гоголя, чтобы познакомиться с ними.

О. Матвей был замечательный проповедник[12]; свои проповеди всегда говорил экспромтом на какой-либо текст из Евангелия, читанного за богослужением. Говорил он очень просто с частыми примерами из жизни. Сам он был строгой жизни, великий постник, но от других не требовал строго соблюдения поста. Он был всегда такой жизнерадостный.

Во время нашествия французов многие храмы были разграблены и осквернены французами, мощи выброшены из рак. Рассказывают, что раскольниками в это время была похищена глава святого Саввы[13]. Однажды ночью к о. Матвею постучался один раскольник, скрывавший лицо и передал главу святого Саввы[14]. О. Матвей созвал духовенство и с большими почестями перенес в собор. Вскоре после этого, как говорят, вызвал к себе о. Матвея городничий[15] и спрашивал его, как он не схватил этого человека. Потом сделан был по этому поводу донос на о. Матвея. На допросе требовали, чтобы он сказал имя человека, принесшего ему голову. Он отвечал, что может назвать этого человека только одному государю. Его потребовали в Петербург. Был ли он допущен к государю и что он говорил с государем, это осталось неизвестным никому. Известно только, что государь задержал его в Петербурге на целую неделю, заставлял служить его в дворцовой церкви и пожелал выслушать проповедь. О. Матвей после рассказывал, что в начале обедни, на которой присутствовал государь, он чувствовал себя очень смущенным, но после прочтения диаконом Евангелия успокоился и забыл все. "Мне удалось хорошо сказать при государе", — говорил после о. Матвей. Глава святого Саввы была отправлена после этого в Тверь. (Эта глава в настоящее время хранится в ризнице Тверского кафедрального собора.)

Раскольники ужасно не любили о. Матвея и даже подожгли <в 1856 г.> его дом. Его проповеди так сильно на многих действовали, что раскольники считали его совратителем. Когда умирал раскольничий беглый поп Василий, о. Матвей явился к нему со св. дарами, и с такой силой увещевал

его раскаяться перед смертью, что тот ломал руки и, очевидно, страдал очень сильно, но не сказал ни слова. "Вспомни, брат, что ты был таким же священником, как и я", — говорил ему о. Матвей. Поп Василий так и не сказал ни одного слова; в соседней комнате стояли раскольнические начетчики и рвались убить о. Матвея, если его увещания подействуют на умирающего. После этого раскольники особенно озлобились на о. Матвея за то, что он приезжал обратить их попа.

Грубости в о. Матвее не было. Мне рассказывал один еврей, что он часто бывал у о. Матвея. О. Матвей много и очень просто беседовал с ним, читал ему Евангелие и толковал его, даже позволял ему приходить в церковь и присутствовать на литургии оглашенных. "Если ты чего не поймешь теперь, подумай, и может быть, Бог поможет тебе понять". Еврея очень поражало то, что православный священник так относится к нему, еврею. (В то время жители Ржева относились к евреям с особою нетерпимостью.)

Однажды[16] явился в собор Толстой, много наслышанный об о. Матвее. В церкви он стоял впереди всех. О. Матвей по обычаю произносил проповедь. На этот раз он начал проповедь так: "Многие приходят в церковь с разными намерениями; одни приходят помолиться, другие покаяться, а иные посмотреть и послушать, что скажет поп". Говорил все это он, уставившись глазами на Толстого. Толстой очень смутился, и тотчас после обедни сделал ему визит. С этого времени началось между ними знакомство»[17].

В 1936 г. сотрудник Ржевского историко-археологического музея Г. Ходаков писал: «За 1849 год мы не имеем ни одного письма от Гоголя к <отцу> Матвею. <...> Письма Гоголя к Константиновскому возобновляются только в 1850 году, причем в них Гоголь уже входит в круг интересов семьи <отца> Матвея, отвечает ему на его вопросы, выполняет поручения по подысканию, например, учебника по истории для сына, хлопочет об устройстве дочери[18] <отца> Матвея в Шереметевский пансион, достает самому <отцу> Матвею еврейскую грамматику[19], благодарит за присланный в письме <отца> Матвея привет от членов семьи последнего[20] и т. д. <...>

Где произошла первая личная встреча обоих корреспондентов, пока не выяснено[21]. Устные предания ржевских старожилов указывают как на такое место — на город Ржев. Дополнительные данные, собранные по Ржеву, делают наиболее вероятной версию о приезде Гоголя к <отцу> Матвею или осенью 1848 или весной 1849 года. Осенью 1848 г. Гоголь мог заехать во Ржев, возвращаясь из Петербурга в Москву в октябре. В таком случае это была их первая встреча. Этот вариант отстаивал и видевший Гоголя во Ржеве соборный звонарь А. Р. Есиповский[22], служивший при <отце> Матвее. Гоголь приезжал, по свидетельству ржевских старожилов, к <отцу> Матвею на князь-Дмитровскую сторону (ныне Красноармейская) в дом № 31 на нынешней Кооперативной улице (или на это место), принадлежавший тогда причту Спасской церкви. В этом доме жил <отец> Матвей. Данное указание вполне согласуется с исторической справкой: <отец> Матвей был настоятелем Спасской церкви[23] только до весны <до 1 мая>[24] 1849 г., когда перевелся настоятелем в Ржевский собор и переехал на жительство на соборную гору. Поэтому печатное свидетельство Бастамовой[25], сообщающей, что ей передавали о приезде Гоголя в Ржев в 1851 году, данными мало подтверждается.

Возможно, однако, что эта поездка состоялась именно в 1849 году. (В таком случае это была вторая встреча Гоголя с отцом Матфеем Константиновским. — *И. В.*) Все данные позднейшей переписки, путешествие Гоголя по провинциям летом того же года, отсутствие следов переписки с <отцом> Матвеем до 1850 г. и свиданий с Гоголем в Москве[26], делают это предположение самым вероятным из всех. Поездке в Ржев в 1848 году могла помешать эпидемия холеры. <...>

Музею давно уже известно о существовании дома, в котором останавливался Гоголь. Теперь к дому № 31 по Кооперативной ул<ице> следует прибить мемориальную доску и взять его под особое наблюдение музея. Дом сфотографирован с фасада и внутри, описан и изучен уже рядом краеведов г. Ржева, в частности, С. Л. Бычинским и Б. И. Абрамовым. За домом сохранилась еще старая яблоня, под которой, как говорят, великий гость и рясный священник вели душеспасительные беседы. Яблоня также заснята»[27].

Около средины февраля 1850 г. на одном из вечеров у С. П. Шевырева Гоголь через своего давнего приятеля, профессора архитектуры Ф. Ф. Рихтера[28] познакомился с юным воспитанником Архитектурной школы при

Московской Дворцовой конторе, известным впоследствии архитектором В. О. Шервудом[29] (в юности Шервуд зарабатывал на жизнь уроками, позднее стал автором проекта здания Исторического музея на Красной площади и др.). В те самые дни, когда Шервуду довелось впервые увидеть знаменитого писателя, в гоголевской записной книжке 1842–1851 гг. появилась запись, свидетельствующая о внимании Гоголя к архитектуре строившегося тогда во Ржеве, по почину отца Матфея, Вознесенского собора[30]. Автором этого проекта был архитектор К. А. Тон; строителем храма (законченного в 1855 г.) — бывший старообрядец купец П. Ф. Сафонов, которого о. Матфей в 1844 г. присоединил к Православию. В том же 1844 г. и была начата постройка храма, продолжение которой мог наблюдать спустя пять лет Гоголь. В конце 1849 г. или в начале следующего года (возможно, в период нового приезда о. Матфея в Москву в средине февраля 1850 г.[31]) Гоголь в записной книжке пометил: «Шевыреву о Рихтере. У Рихтера о школах архитектур<ы> и рисованья и юношах, годных в учители, о бедных, дающих уроки рисованья... <...> Шервут. <...> Рихтеру о Тоне[32] и Ржевской цер<кви>».

[1] Ср. ***1849. Февраля 25. Пятница. Москва.***

[2] Ср. ***1849. Марта 7. Понедельник. Москва.***

[3] См. ***1849. Марта 7. Понедельник. Москва***; ***1849. Марта 7–13. Москва.***

[4] См ***1848. Ноября 9. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде.***

[6] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва.***

[7] См. ***1852. Января конец — февраля начало. Москва.***

[8] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[9] См. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде.***

[10] Ни в 1850, ни в 1851 г. Гоголь во Ржеве не был.

[11] См. ***1849. Января начало. Москва.***

[12] См. также ***1849. Января начало. Москва*** (примечания).

[13] Имеется в виду св. Савва Московский (ум. около 1410), игумен Спасо-Андроникова монастыря. Память его совершается 13 июня (ст. ст.).

[14] Об этом событии, случившемся 1 мая 1853 г., Д. Н. Свербеев в 1860-х — начале 1870-х гг. также вспоминал: «Сам я об О<тце> Матвее узнал не мно<го>, да и то, <что> узнал о нем, было в моих глазах для него невыгодно, хотя Кирее<вский> и Шевырев с Погод<иным> его защищали. Он, как эти его доброхоты уверяли, подвергся в это время гонению Эпархи<ального> начальства за недонесение оному одного странного случая. К о<тцу> Матвею является однажды неизвестный ему прохожий, один из множества боголюбцев, и представляет какой-то ящик, а в нем чью-то, каким, не помню, именем названную (именем преподобного Саввы Московского.— *И. В.*), голову святого, просит до времени сохранить у себя и удаляется. О<тец> М<атвей>, поверив святости мощей, торжественно перенес этот, с головой святого, ящик с подобающей честью в свою, кажется, соборную г. Ржева церковь и немедленно, по требованию стекающейся обычно в этих случаях толпы, принялся новооткрытым мощам молебствовать. Но он забыл предварительно донести о том Архиерею (преосвященному Гавриилу (Розанову, 1781–1858), архиепископу Тверскому и Кашинскому с 1848 по 1857 г. — *И. В.*), и его за подобную оплошность начали или пытались преследовать» (*Свербеев Д. Н.* <Воспоминания о последних днях жизни Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 3. С. 849).

В 1901 г. И. Л. Щеглов, в свою очередь, сообщал: «Как известно, добрую половину жизни о. Матвей провел в борьбе с ржевскими раскольниками — и вот однажды в раскольничьем скиту он обрел неведомо чью мертвую главу, по некоторым слухам принадлежавшую преподобному Савве. Этого было вполне достаточно, чтобы религиозный экстаз неудержимо охватил протоиерея Константиновского. Без всяких дальнейших осведомлений, без спроса архиерея и подлежащего начальства он взял эту главу и с крестным ходом, с хоругвями и иконами, при пении и колокольном звоне торжественно перенес в ржевский собор для поклонения. Эта самовольная канонизация не прошла ему даром и дело дошло до Святейшего Синода и московского митрополита Филарета. В виду полной загадочности главы, она отправлена была на хранение в Тверской кафедральный собор, а на голову о. Матвея обрушились все невзгоды судебной волокиты, особенно тягостно отразившиеся на жене о. Матвея, которая, по свидетельству биографа о. М<атфея> (Н. Грешищева, зятя протоиерея М. А. Константиновского. — *И. В.*), от сильной скорби впала в чахотку и быстро угасла. (Дочь сельского священника Мария Дмитриевна Константиновская (рожд. Григорьева) скончалась 13 марта 1854 г. — *И. В.*)

В числе добрых заступников о. Матвея, впутанных в это дело, находился также ныне покойный Тертий Иванович Филиппов, который ездил даже по этому поводу к московскому святителю. Из любопытного письма Т<ертия> И<вановича>, обретенного мною в Оптиной пустыни (у вышеупомянутого почтенного инока <Эразма (Вытропского); см. ***1849. Января начало. Москва***>), явствует между прочим, что вся эта история сановному заступнику была не особенно по душе... Позволяю себе выписать с разрешения владельца письма заключительные его строки, особенно ценные как беспристрастная характеристика о. Матвея лицом, близко его знавшим: "Дело о ржевской главе очень затруднительно... Показания о. Матвея в этом деле для меня не имеют цены: как вам известно, он ни на минуту не выступал из области чудесного и явлениям самым обык-

новенным любил придавать чрезвычайный смысл. Я испытал сам на своей душе вредное влияние этой черты его ума; суеверие, в которое он впадал, прилипло и к моему уму и мне нужны были усилия, чтобы освободить свою душу от этого порабощения. И тут было не без опасностей, ибо всякий переворот, как в государстве, так и в человеческой душе совершается всегда с сильным брожением, всегда близким к беде. Вот почему я не могу принять никакого участия в возбуждении дела, которое ныне забыто и которое нуждается в новых явлениях, чтобы привлечь к себе внимание церковной власти... Ваш Т. Филиппов"» (*Щеглов И. Л.* Гоголь и о. Матвей Константиновский. (История одного губительного недоразумения) // *Свод.* Т. 3. С. 892–893).

Ср. также: «Прощаясь с Ржевом, преосв<ященный> Савва вспоминает об одном, умершем в 1857 г., соборном протоиерее, Матфее Константиновском, как замечательном ораторе и проповеднике. (Это духовный наставник Гоголя. П. Б<артенев>. — *Примеч. П. И. Бартенева.* — *И. В.*) "О. Матфей обладал счастливым и, можно сказать, необыкновенным даром слова. Этот дар слова и вместе дар проповедничества составляли характеристическую черту его. Когда он говорил, речь его лилась рекой. На церковной кафедре он был неистощим и в высшей степени назидателен. Это был редкий импровизатор. Таков он был на всех местах своего служения; но в г. Ржеве главною его заботою, соответствовавшею и самому его назначению, было искоренение особенно усилившегося здесь в то время раскола и распространение православной веры между заблуждающимися или удаляющимися от единения с Св. Церковию. В течение первых двух лет он ежедневно ходил по домам раскольников, весьма сильно и убедительно доказывал им несправедливость их верования. Но, к сожалению, этот проповедник истины не мог иметь больших успехов. Между тем, по излишней ревности к делу Божию, он допустил себя ввесть в такое искушение, которое причинило ему и его семье великую скорбь, а именно: 1 Мая 1853 г. (Стало быть, через год с небольшим по кончине Гоголя. <...> — *Примеч. П. И. Бартенева.* — *И. В.*) он принял от неизвестного человека ящик с какими-то мощами, будто бы главою преп<одобного> Саввы, похищенною <...> из Московского Андрониевского монастыря, и внес эту мнимую святыню в собор, где пред оною совершил соборне молебное пение. Об этом произведено было, по распоряжению Св. Синода, строгое секретное дознание и требовалось заключение от Московского митрополита Филарета. Дело кончилось тем, что предписано было хранить эти мнимые мощи в ризнице Тверского кафедрального собора под печатию, где они и до сего времени хранятся» (*Титов А. А.* Из записок Саввы Архиепископа Тверского // Русский Архив. 1906. Т. 1. Вып. 1–4. С. 401–402). — Об этом событии см. также: ***1852. Января конец — февраля начало. Москва***.

[15] Ржевским городничим в 1853 г. был поручик Виктор Васильевич Ярцов.

[16] Описанный случай относится к 1834–1836 г. (см. ***1847. Февраль <средина января — средина февраля>. Неаполь***).

[17] *Бастамова (рожденная Алмазова) Е. Н.* Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 718–719.

[18] Упоминаемая Гоголем в письме к о. Матфею «девочка» не приходилась ему дочерью (см. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***).

[19] См. ***1850. Марта 24. Пятница. Москва***.

[20] Вероятно, имеются в виду следующие строки письма Гоголя к отцу Матфею Константиновскому от 24 марта 1850 г.: «Несказанно благодарю вас за уведомления о себе и о домашних».

[21] См. ***1849. Января начало. Москва***.

[22] В 1849 г. А. Р. Есиповскому было около 60 лет (см. ***1852. Января конец — февраля начало. Москва*** — статья А. С. Панкратова).

[23] Отец Матфей Константиновский был назначен священником Спасо-Преображенской церкви Ржева 17 июня 1836 г. (см.: *Расев А. И., протоиерей.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Некоторые его проповеди, несколько писем, писанных — или им, или к нему, и еще некоторые замечательные факты из частной его жизни. Тверь, 2017. С. 26) 28 октября 1838 г. о. Матфей был возведен в сан протоиерея (Там же. С. 32).

[24] Там же. С. 26.

[25] См. выше.

[26] После первой встречи в январе 1849 г. (см. ***1849. Января начало. Москва***) Гоголь вновь увиделся с о. Матфеем в Москве в средине февраля 1850 г. (см. ***1850. Февраля средина. Москва***).

[27] *Ходаков Г.* Был ли Гоголь в Ржеве // Ржевская правда. 1936. 20 окт. № 244. С. <2>.

[28] В частности, Рихтер присутствовал в 1837 г. в Риме на торжественном собрании в Институте археологической корреспонденции в честь дня основания города. Вместе с Гоголем на этом же собрании были Г. Ф. Веклер, Ф. Ф. Энгельбах, князь П. Б. Козловский и др. (см.: *Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме. В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 144–145; ***1837. Апреля 21 <9>. Пятница. Рим***).

[29] См. ***1850. Февраля средина. Москва***.

[30] См.: Собор Вознесения Господня в городе Ржеве. 1855–2015 годы: к 160-летию Собора Вознесения Господня в городе Ржеве и 30-летию возрождения приходской жизни / Авторы и сост.: протоиерей Константин Чайкин, Г. А. Мешкова, С. А. Громова, О. А. Дранов, Н. Г. Дранова; ред. Г. А. Мешкова. Ржев: Ржевская типография, 2015. 63 с.

[31] См. ***1850. Февраля средина. Москва***.

[32] С 1841 г. Ф. Ф. Рихтер работал с К. А. Тоном над восстановлением Московского Кремля после 1812 года, в частности, над сооружением Большого Кремлевского дворца, торжественное освящение которого состоялось в пасхальную ночь 3 апреля 1849 г. (см. ***1849. Апреля после 9–11. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 27. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Д. К. Малиновский пишет новое[1] письмо к Гоголю:

«Я начал о том, что религия стоит того, чтобы ей посвятить долю от трудов своих. Что касается до поэта писателя, то он может много чудного сделать пером своим. Пусть он обратит свою душу на поэзию прямого добра, на поэзию религии: во-первых, он найдет здесь обильную жатву; во-вторых, при благословенной работе, каждым взмахом пера будет приносить пользу тысячам, и какую пользу! Верно, он много высокого передумает и перечувствует в продолжении жизни, — года, — одного праздника христианского. А другие этого не знают, — отчего же не писать ему об этом, с ними не делиться? Для народа драгоценны памятники истинной поэзии...»

[1] См. ***1849. Февраля 17. Четверг***.

МАРТА 1. ВТОРНИК

Д. К. Малиновский пишет третье[1] подряд письмо к Гоголю:

«Род художественных творений, о котором я говорил, есть дар поэта людям, дар драгоценный, без сомнения; но напрасно поэт скажет, что, принося этот дар, он служит единственно в пользу ближнего и той пользе, о которой Вы, Николай Васильевич, говорили. <...> Чтобы принесть кругу людей, тем более поколению, чувствительную пользу, нужны, по моему мнению, другого рода творения. Сколько и какую пользу приносит поэт своим творением чисто художественным?

Польза таких художественных произведений для общества та же, какую приносят мальчику добрые игрушки, а взрослому добрые занятия. Недостаточность их в деле пользы состоит в том, что они не имеют силы будить человека от порока и защищать от него, что о добре они говорят не так, как нужно окруженному напастями человеку — прямо ораторскую проповедью, могучим словом, а говорят они о добре иносказательно, одним своим добрым присутствием, одною своею красотою, так же, как говорит о добре природа. Художественное произведение есть цветок, а цветы и в раю, и безгрешного не спасли от зла. Рассыпая такие цветы, поэт помогает доброму, кроткому делу матери природы, но не входит в полезное дело отца. Мать в своем деле видит добро и старается показать его сыну, а отец смотрит на сына и делает ему добро, анализируя зло. О чем же говорит поэт? Не те ли же слышим от него речи, какими жалуется на свой неуспех нежная, многожелающая, но маломогущая добрая мать? Она не перестает верить могуществу своих мер и жалуется только на себя, и сетует, и скорбит и... Жалко и мать и детей, когда нет при них отца».

[1] См. ***1849. Февраля 17. Четверг***; ***1849. Февраля 27. Воскресенье***.

МАРТА 4. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Матв<ей>[1], Гоголь. Письма»[2].

Возможно, имеется в виду получение Погодиным писем из Ржева[3].

[1] Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский (см. ***1848. Осень. Москва***; ***1849. Март 13. Понедельник. Москва***).

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.

[3] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва.***

МАРТА 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«К Гоголю, к Барте<неву>»[1].

Во время визита к Гоголю в дом графа А. П. Толстого Погодин, по-видимому, познакомился здесь с ржевским протоиереем М. А. Константиновским[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.
[2] См. ***1849. Марта 13. Воскресенье. Москва.***

МАРТА 19 <7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

В. А. Жуковский пишет А. Я. Булгакову в Москву:

«Где Гоголь? Ты ведь с ним знаком? видишь его? Если видаешь его, скажи ему, что я всем сердцем пеняю ему за молчание. <...> Праздник у вас, нечего сказать, был прекрасный[1]. Мысль его мне чрезвычайно понравилась, и почти жаль, что праздник был *дан*; его непременно бы надобно было отложить до первого посещения Москвы Императором. По крайней мере ограничиться бы одним Кенильвортом[2], а Россию сберечь про Русского Царя. Но это была службишка, а служба впереди. Можно повторить будет Россию при первом появлении Царя в ее древнюю столицу; но чтобы не было просто повторения, можно прибавить к представлению материальной России в ее народах быстрый обзор ее Истории; можно в немногих живых картинах представить все главные эпохи ее истории. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные, а эскизы и план расстановки, костюмы и освещение были поручены *живописцу*, и чтобы он в этом деле был полным господином. Для избрания сюжетов, составить комитет из наших ученых профессоров, которых особенный предмет есть История Российская, не забыть пригласить в этот комитет Хомякова и Гоголя»[3].

В ночь с 9 на 10 февраля 1849 г. в Москве в доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной, на котором в большом разнообразии были представлены русские национальные костюмы[4]. По поводу этого маскарада М. П. Погодин написал статью[5].

С. П. Шевырев, в свою очередь, писал об этом маскараде: «Москве, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживилась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили в деятельность. Заработная плата умножалась. Портные и ремесленники не находили времени. Около богатеющего купца, около довольного ремесленника сытнее был и бедный. Признано экономами за лучшее средство благотворения народу и обществу возбуждать труд, деятельность, давать повод к работе»[6].

И. С. Аксаков 1 марта 1849 г. писал отцу по поводу этой статьи Шевырева: «...Заметили вы тут слова о благотворительности, о пользе роскоши и расточительности? И какой вздор все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она непроизводительна и расточает капиталы, которые действуя как капиталы в тысячу раз полезнее, нежели в бесконечно малом раздроблении. По крайней мере так учила меня политическая экономия...»[7]. Огорчение, которое испытал И. С. Аксаков от статьи Шевырева, даже побудило в нем желание «провести лето где-нибудь в Малороссии, на хуторе». Как явствует из ответа С. Т. Аксакова, при чтении письма Ивана Аксакова присутствовал Гоголь. С. Т. Аксаков отвечал сыну: «Да, милый друг Иван, ступай в Малороссию, под ее прекрасное небо, в ее роскошную природу. Мне сладко было твое увлечение, Константин взбесился от него, а Хомяков и Гоголь умерли было со смеху под гневом Константина» (письмо от 8 марта 1849 г.)[8].

Мнение Шевырева о карнавале, «дающем повод к работе», по-видимому, нашло отражение в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» в реплике Вишнепокромова: «Имеешь деньги, — ну, сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам».

[1] См. ***1849. Февраля 9 и 10. Вечер и ночь. Москва.***

[2] Замок в Англии.

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 65.

[4] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (примечания).

[5] *Погодин М.* Несколько слов о значении русской одежды в сравнении с европейской. *12-го февраля* // Москвитянин. 1849. Ч. I (цензурное разрешение 14 февр.). Отд. 5. С. 114–120.

[6] *<Шевырев С. П.>* Англия и Россия. Праздник 9-го февраля в Москве // Москвитянин. 1849. Ч. 1. Отд. 5. С. 97, с датой: «Февраля 11»; см. также: *Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 206.

[7] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 476.

[8] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 116. – См. также ***1849. Марта 8. Вторник. Москва.***

МАРТА 7–13. ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА. МОСКВА

Гоголь в доме графа А. П. Толстого предположительно общается с отцом Матфеем Константиновским (вместе с которым приехал из Ржева)[1].

М. П. Погодин 13 марта 1849 г. записал в дневнике: «Матв<ей> с книгами»[2].

Возможно, посещение Погодина в указанную неделю о. Матфеем (судя по всему, вместе с Гоголем) запомнилось тринадцатилетнему сыну Погодина, Дмитрию, который позднее вспоминал: «Под конец его <Гоголя> последнего пребывания у нас[3] (он жил у отца несколько раз), я помню сановитую фигуру священника, приходившего к нему наверх и долго беседовавшего с ним: то был отец Матфей, ржевский знаменитый проповедник, которого чуть ли не обвиняют в том, что Гоголь поддавшись его влиянию, так рано погиб для жизни и общества»[4].

[1] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) – марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва***; ***1849. Марта 7. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1849. Марта 13. Воскресенье. Москва.***

[3] К тому времени Гоголь уже жил у Толстого.

[4] *Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // *Свод.* Т. 2. С. 526. – См. также ***1848. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (свидетельство Д. М. Погодина).

МАРТА 8. ВТОРНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отвечает сыну Ивану в Петербург:

«Да, милый друг Иван, ступай в Малороссию, под ее прекрасное небо, в ее роскошную природу. Мне сладко было твое увлечение[1], Константин взбесился от него, а Хомяков и Гоголь умерли было со смеху под гневом Константина. Несмотря на треволнения духа, на этих днях я как-то принялся писать свои охотничьи записки...»[2]

Из записной книжки Гоголя 1846–1850 гг.: «Вопросы Хомякову: О крестьянах: вольных, господских, казенных и удельных, их внутреннем быте, правлении, правах и преимуществах, состоянии нравственности и духе, как результате [всего] быта».

[1] См. ***1849. Марта 19 <7>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания).

[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 603.

МАРТА 10. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В. П. Боткин пишет П. В. Анненкову в Париж:

«Теперь с месяц, как я воротился из Петербурга... <...> “Нахлебник” Тургенева очень хорош, хотя основной мотив и не совсем идет к русской жизни. На сцене эта пьеса произвела бы фурор, и Щепкин был бы превосходен. Она завязла, как вы уже, конечно, знаете, в известном болоте и дана не была. <...> Гоголь еще в Москве и собирается, кажется, весной за границу. Послезавтра он придет к нам обедать[1]. У Щепкина будет сыгран “Нахлебник” в доме[2]. Теперь репетиции идут. <...> ... Мы думаем с Николаем[3] проехать в Крым...»

Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 296.

[1] См. ***1849. Марта 12. Суббота. Москва.***
[2] См. также ***1849. Декабря 11. Воскресенье. Москва.***
[3] Имеется в виду Н. П. Боткин.

МАРТА 12. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь у братьев В. П. и Н. П. Боткиных[1]. Обедали, вероятно, в гостинице, разговаривали об А. А. Иванове[2]. На обеде, возможно, присутствовали также А. А. Краевский и А. Д. Галахов.

Из воспоминаний Галахова (1892): «Краевский приехал на побывку в Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся к ним на чаепитие и веселую беседу. В один из таких визитов неожиданно является Гоголь, по возврате из чужих краев — каких именно, <...> не помню. Я несколько сконфузился, вспомнив мое письмо к нему, написанное по поводу предисловия его ко второму изданию первого тома “Мертвых душ” и напечатанное в “Отечественных Записках” 1847 года (Февраль, отдел критики, т. 50)[3]. Гоголь, на мой взгляд, изменился: похудел, стал серьезнее, сдержанней, не выказывая никаких причуд или капризов, как это им делалось нередко в других более знакомых домах. Боткин предложил где бы нибудь сообща пообедать. Гоголь охотно согласился: чего же лучше, — прибавил он, — как не в гостинице Яра, близ Петровского парка? Таким образом, мы провели время вчетвером очень приятно благодаря прекрасной погоде и повеселевшему дорогому гостю. За обедом он разговорился и даже шутил. Когда на закуску была подана вместо редиски старая редька, он позвал слугу и спросил его: что это такое? — “Редиска”, — отвечал слуга. — “Нет, мой друг, это не редиска, а редище, точно так же, как ты не осленок, а ослище”»[4].

[1] См. ***1849. Марта 10. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1851. Марта 9. Пятница. Москва.***
[3] *<Галахов А. Д.> Сто-один.* Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» // Отечественные Записки. 1847. № 2. Отд. 5. С. 77–82.
[4] *Галахов А. Д.* Сороковые годы // *Свод.* Т. 3. С. 301–302.

МАРТА 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Матв<ей>[1] с книгами»[2].

Возможно, во время визита протоиерей М. А. Константиновский вернул Погодину книги, которые тот предоставлял ему после знакомства[3] из своего Древлехранилища.

Позднее, в 1873 г., Погодин сообщал: «Имя Гоголя напоминает мне теперь о. Матвея, Ржевского священника, очень близкого к Гоголю. Я познакомился с ним во время одного приезда его в Москву, видел и говорил с ним раза два[4], и должен здесь кстати упомянуть, что он в особенности поразил меня образом своей речи о Промысле. Никого в жизни моей не встречал я с таким осязательным, так сказать, убеждением об участии, действии Промысла в человеческой жизни, какое он обнаружи<ва>л. Он говорил о Промысле, как бы о близком себе человеке, которого он видит, слышит, ощущает ежеминутно его присутствие. Во всяком слове его звучало это убеждение. Точно такое же убеждение слышалось в словах А. М. Бухарева (бывшего отца архимандрита Феодора), в истинах Христианства. Нечего говорить, что многие имеют убеждения в том или другом, что убеждение слышится в них более или менее, но чтоб так проникало оно в каждый звук речи, и чтоб так было можно ощупать его, — это могу я сказать только, из известных мне, об двух людях: об о. Матвее относительно Промысла, об о. Феодоре относительно истин Христианства»[5].

Сходные отзывы Погодина о протоиерее Матфее Константиновском и архимандрите Феодоре см. также: ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (примечания).

[1] См. ***1849. Март 4. Пятница. Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

[3] См. ***1849. Марта 7. Понедельник. Москва.***

[4] См. также дневниковые записи Погодина от 16, 26 августа и 26, 29 сентября 1852 г.: ***1852. Августа 16. Суббота. Москва***; ***1852. Августа 22. Пятница. Москва***; ***1852.*** **Сентября 26. Пятница. Москва**; ***1852. Сентября 29. Понедельник. Москва.***

[5] *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 263; *Свод.* Т. 3. С. 1023.

МАРТА 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. Н. Плещеев[1] пишет Ф. М. Достоевскому в Петербург:

«Об обществе московском не могу еще ничего сказать вам; я нашел только двух, трех старых знакомых, да и то петербургских. Не был еще ни у Растопчиной, ни у родственников Евгении Петровны Майковой, к которым имею письма. Был только у Галахова и у Щепкина. Оба, кажется, хорошие люди, простые, добрые без претензий и очень умные. Щепкин особливо мне нравится. Что за молодой старик! <...> Я незаметно просидел у него несколько часов. Он рассказал мне много интересных вещей, между прочим, говоря о русских актрисах, коснулся анекдота о сороке-воровке и рассказал мне его так, что, уверяю Вас, Искандерова повесть[2] не производит и половины того впечатления, какое изустный рассказ Щепкина, потому что здесь больше искренности; видно, что человек от сердца говорит, не становится на ходули. У него слезы блистали на глазах, когда он говорил о свиданьи своем с этой актрисой, которой он мне и имя назвал, так же как и имена прочих лиц этой повести.

Нынче вечером буду у Галахова, где меня познакомят с Кудрявцевым. Все знающие его отзываются как о благороднейшем, прекраснейшем человеке. И Галахову и Кудрявцеву очень нравится ваша Неточка[3]. С Гоголем эти люди не знаются. Он здесь в самом подлом кружке Шевырева, Погодина etc. <...>

Меня предлагали познакомить с Хомяковым, но я отказался, но с Вельтманом, может быть, познакомлюсь чрез одного своего родственника; Вельтман теперь издает “Москвитянин” и хорошо платит»[4].

[1] Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893), поэт и писатель, приславший Достоевскому из Москвы зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю 1847 г. (Дело петрашевцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 274). А. Н. Плещеев был арестован в Москве 28 апреля 1848 г. См. также ***1849. Апреля 15. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1849. Апреля 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Повесть А. И. Герцена «Сорока-воровка» (см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** — примечания).

[3] Повесть Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» (Отечественные Записки. 1849. № 1, 2, 5).

[4] Гоголь в письмах А. Н. Плещеева // *Свод.* Т. 3. С. 588.

МАРТА СРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь дважды встречается с И. А. Фонвизиным[1].

Иван Александрович Фон-Визин (1790–1853), полковник, племянник Д. И. Фонвизина, брат декабриста М. А. Фон-Визина[2]. В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. имеется запись: «*Фон-Визин* на Малой Дмитровке свой дом. Иван Александрович».

Тот же адрес И. А. Фонвизина встречается среди заметок и адресов в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «Рихтер[3] против Боровицких ворот в доме кн<язя> Оболенского. — На Плющихе в доме Ломоносова *Армфельд*[4]. — Перфильев на Пресненских прудах, дом гр<афа> Толстого. — На Никитской дом Мещеринова против церкви. *Россет*[5]. — У Шевырева о Попове. Каков человек, образ мыслей, способность и годность к канцелярскому делу. — <А. В.> Васильчиков на Никитской в доме Черкаского. — Назимов Владимир Иванович[6]. — Настасия Александровна Власова дом в Хлебниковском переулке. — Беляев Федор Николаевич на Зубове. — Погодина спросить о Евангелии *<1 нрзб.>* архиеп<ископа> Григория[7]. — Россет. — Галстух. — У Погодина Яворского 3 тома[8]. — На Пятницкой у Троицы в Вышняках. В доме Самгина[9] арх<иепископ> Смарагд[10]. — Киреевский у Филипа митрополита. — *Фон-Визин* на Малой Дмитровке свой дом. Иван Александрович».

К июлю 1849 г. Гоголь познакомил И. А. Фонвизина с А. О. Смирновой. (26 июля 1849 г. Фонвизин заезжал к Смирновой; об этом свидетельствует записка ее слуги, сохранившаяся в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.[11])

[1] См. ***1849. Марта 19. Суббота. Москва.***

[2] См. также ***1849. Мая 22. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва***; ***1851. Июня между 5 и 25. Москва*** (примечания).

[3] См. ***1850. Февраля средина. Москва.***

[4] Александр Осипович Армфельд (1806–1858), профессор судебной медицины и истории медицины в Московском университете и инспектор классов сиротского института Московского воспитательного дома. Гоголь хлопотал через него о помещении воспитанницы своей матери, Эмилии, в сиротский институт. — См. также ***1849. Мая 7. Суббота. Москва.***

[5] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец.***

[6] В. И. Назимов (1802–1874), попечитель Московского учебного округа с 1 ноября 1849 г.

[7] Вероятно, имеется в виду книга «Одиннадцать утренних Евангелий, древле истолкованные премудрейшим Григорием, архиепископом Тавроминийским...» (М., 1787).

[8] См. также ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф*** (примечания); ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания); ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (примечания).

[9] Дмитрий Николаевич Самгин (1797–1872), купец 2-й гильдии, владелец колокололитейного завода, почетный гражданин Москвы.

[10] Владыка Смарагд (в мире Александр Петрович Крыжановский, 1796–1863), архиепископ Орловский и Севский (с 1844 г.), архиепископ Рязанский и Зарайский (с 1858 г.).

[11] См. ***1849. Июля 26. Вторник. Москва.***

МАРТА 28 <16>. СРЕДА. ЛАВАЛЬ

И. С. Гагарин пишет Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Чрезвычайно меня утешило, что Вы мне сообщаете о Николае Васильевиче; потрудитесь поблагодарить его за воспоминание и скажите ему, что я давно уже поминаю его в своих грешных молитвах, а теперь и за святым алтарем. Ему Господь даровал редкий талант и в день Страшного Суда, Он будет от него требовать отчета в употреблении его таланта. Для благого употребления сего таланта нужна ему большая благодать и, следовательно, теплая, ревностная, непрестанная молитва. Кроме того, Господу угодно, чтобы мы употребляли на Его служение и для Его славы и

другие средства, чтобы мы трудились в поте лица нашего, как было сказано Адаму. Учение и наука, без молитвы и любви Божией, суетны и опасны; но учение и наука, с молитвою, с любовью к Богу и ближнему, с сердцем чистым, с искренним желанием быть полезным на деле спасения души, особенно приятны Богу. — Я чрезвычайно утешен буду, если узнаю, что Николай Васильевич растворяет учение молитвою и молитву учением. Церковная история представляет его деятельному и наблюдательному уму обильное поприще»[1].

Гагарин в 1842 г. перешел в католичество; вследствие этого в 1843 г. был лишен права вернуться на родину[2]. Шереметева была дружна с матерью Гагарина княгиней Варварой Михайловной Гагариной (рожденной Пушкиной, 1779–1854), тяжело переживавшей разлуку с единственным сыном. Шереметевой было понятно горе матери Гагарина. Если перешедшего в католичество князя, так же, как и декабристов, можно с полным правом назвать наследником внеконфессионального мистицизма александровской эпохи, то, с своей стороны, письма Шереметевой к Гагарину за границу представляют собой как бы послания к еще одному находящемуся в далекой «ссылке» «декабристу» — они проникнуты такой же сострадательной материнской любовью к «блудному сыну». Конфессиональные вопросы в этих письмах (как и политические вопросы в письмах в Сибирь) Шереметева не затрагивает, пытаясь преодолеть духовное и физическое отчуждение христианской любовью[3].

В письме от 19 сентября 1845 г. Шереметева сообщала Гагарину о преподобном Серафиме Саровском: «...Не так давно в Тамбовской губернии в одной пустыне один Старец высокой жизни заперся в своей келье и многие годы не отворял иначе дверь, как раз в неделю, когда приходили к нему с святыми дарами, никого не видал в продолжении многих лет. <...> Потом вышел, совершал Литургию и, кто приходил к нему, всех принимал и говорил незабвенные истины. Скончался как праведник; бывши здоров, приобщился Святых Таин, назавтра нашли его на коленях умершим. Память его чтут, видя, что многое и со многими совершилось, как он предсказывал»[4].

Зная о всегдашнем отношении Гоголя к падшему собрату («...не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным...» — «Что такое губернаторша», 1846), можно предположить, что его отношение к иезуиту Гагарину — как и к еще целому ряду лиц, взгляды которых писатель не разделял, но общения с которыми не устранялся (декабристы, В. Г. Белинский, И. Кайсевич и П. Семененко, О. М. Бодянский и др.), — тоже основывалось на стремлении «подать руку изнемогшему духом» («Авторская исповедь»). В 1859 г. Н. В. Неводчиков (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит) вспоминал о содержании своей беседы с Гоголем в октябре 1850 г.: «Не помню хорошенько как, только разговор у нас зашел о человеке, готовом потеряться. "Дайте ему хоть малейшую точку опоры, да протяните ему руку, и он поднимется", — сказал Гоголь»[5].

[1] *Свод*. Т. 3. С. 550.

[2] См. ***1844. Сентября 29 <17>. Воскресенье***.

[3] См.: Переписка Н. Н. Шереметевой с И. С. Гагариным // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 254–271.

[4] *РГБ*. Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 10. Л. 21; опубл.: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. С. 259.

[5] См. ***1850. Октября 26. Четверг. Одесса***. — См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

МАРТА 17. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Вчера и сегодня я в напряженном состоянии. Третьего дни прочел статью Уварова об Университетах; она написана вызванная временем. Сейчас же родилась у меня мысль написать против нее; я передаю эту мысль одному, другому и во всех нахожу сопротивление. <...> ...Я думаю и нахожу, должно признаться, что в моих мыслях больше личного самолюбия, нежели чистоты. Гоголь прав, — теперь людям надобно примолчать, иначе они заговорят глупость. В этих словах много мудрости»[1].

По-видимому, незадолго перед тем состоялась встреча Гоголя с Чижовым, во время которой Гоголь спрашивал его об А. А. Иванове[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 63.

[2] См. ***1849. Апреля 7. Четверг Светлой седмицы. Москва.***

МАРТА 17–22. ЧЕТВЕРГ-ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. С. Аксаков находится под арестом[1].

И. С. Аксаков был арестован в связи с подозрениями в политической неблагонадежности славянофильства[2]. На один из вопросов, предложенных ему в III Отделении по поводу его взглядов, он отвечал: «Люди, всеми силами, всеми способностями души преданные России, смиренно изучавшие сокровища духовного народного богатства, свято чтущие коренные начала его быта, неразрывного с Православием, люди эти, Бог весть почему, прозваны были славянофилами, хотя в их отношениях к западным славянам было только одно сердечное участие к положению единокровных и единоверных своих братий»[3].

Император Николай I на полях, напротив этих слов Аксакова, тогда же написал: «Потому что под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которое ожидают не от Божьего соизволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым»[4].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чагравовой», Смирнова писала: «...Москва ведь Россия, а Питер что? Константин Аксаков очень хорошо определил П<етер>бург, он написал своему брату Ивану в П<етер>бург: “Ненавистен мне Петербург, это незаконнорожденный город, прижитый с Западной Европой”.

— Это мило. Но кто такой Аксаков?

— Аксаков это корифей славян, как и Хомяков.

— Но кто это славяне?

— Славяне — это общество, которое желало бы, чтобы Россия оставила свою западную одежду и цивилизацию, т. е. это накладное просвещение. Но вы понимаете, что сейчас это невозможно. Я думаю, однако, что это произойдет прежде 50 лет. Когда Иван Аксаков получил это письмо, его на 8 дней заперли в III Отделение.

— Я не знаю, что это за учреждение. Благотворительное?

— Это как раз благотворительное учреждение. Утверждают, что там есть люк и что в нем поколотили графиню Лаваль, потому что она спрятала своего зятя Трубецкого[5], чтобы дать ему сбежать в Австрию с помощью другого ее зятя, графа Лебцельтерна[6]. Вы представляете себе хорошенькое зрелище с вдовствующей брандармой, как говорит Гоголь»[7].

[1] Спустя полтора месяца после освобождения И. С. Аксаков встречался с Гоголем (см. ***1849. Мая начало, до 9 числа. Москва***).

[2] Ср. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> — 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***; ***1843. Июль <июля средина — августа средина>. С. Александровка Чигиринского уезда***; ***1847. Апреля начало <апреля средина>. Рига***; ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава***; ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

[3] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Изд. подгот. И. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 501–502.

[4] Там же. С. 501–502.

5 Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), бывший князь, масон, декабрист.

[6] Граф Людвиг Лебцельтерн (1774–1854), австрийский посланник в Петербурге (с 1815 г.). С 1823 г. был женат на графине З. И. Лаваль. В его доме 15 декабря 1825 г. был арестован С. П. Трубецкой.

[7] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чагравовой // *Свод.* Т. 2. С. 292.

МАРТА 19. СУББОТА. МОСКВА

День сорокалетия Гоголя. Вместе с П. М. Языковым он обедает у С. Т. Аксакова, предварительно предупредив последнего запиской.

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» сообщал: «...Недолго предавался я радостным надеждам на совершенное выздоровление его здоровья! С появлением первых оттепелей Гоголь стал задумчивее, вялее, и хандра очевидно стала им овладевать. Однако 19-го марта, в день его рожденья, которое он всегда проводил у нас, получил я от него следующую довольно веселую записку: "Любезный друг С<ергей> Т<имофеевич>. Имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Мих<айлович> Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло. Весь ваш Н. Гоголь. Суббота"»[1].

В тот же день, 19 марта 1849 г., с днем рождения Гоголя запиской поздравила Н. Н. Шереметева:

«Всегда помню о возлюбленном и дорогом для меня новорожденном, а нынче особеннее вспоминала. Надеюсь лично вас поздравить. <...> Да благословит Господь вашу работу и поможет вам свершить во славу Его».

На поздравление Шереметевой Гоголь, вероятно, в тот же день отвечал:

«Благодарю вас за письмецо и в нем особенно за желание, чтобы Бог благословил труд мой на пользу ближнего. Ничего бы так не хотелось, как этого. О! если бы Бог, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но вняв единствен<но> молитвам добрых душ, обо мне молящихся, удостоил бы меня этого счастия и не отлучался бы от меня во все время моей жизни, несмотря на всю мою низость и неблагодарность! Вероятно, вы уже удостоились приобщиться Св<ятых> Тайн. От всей души вас поздравляю... <...> Доброго Ивана Алекс<андровича> Фон-Визина я успел удовольствие ви<деть> два раза[2] и вам благодарен от души за это знакомство».

[1] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 651.

[2] См. ***1849. Марта средина. Москва.***

МАРТА 19. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

Мать и две сестры Гоголя, Анна и Елисавета, отправляют ему поздравления с днем рождения[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

МАРТА 26. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. МОСКВА

А. Н. Плещеев пишет С. Ф. Дурову[1] в Петербург:

«Рукописная литература в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю[2], пиеской Искандера "Перед грозой" и комедией Тургенева "Нахлебник"»[3].

[1] Сергей Федорович Дуров (1815–1869), поэт, прозаик, переводчик. Весной 1849 г. вокруг С. Ф. Дурова возник литературный кружок (или «литературно-музыкальный салон»), в который входили Ф. М. и М. М. Достоевские, А. Н. Плещеев, А. И. Пальм, А. П. Милюков, Н. А. Спешнев, П. Н. Филиппов и др. В декабре 1849 г. осужден по делу петрашевцев и вместе с Ф. М. Достоевским отправлен в Омск. — См. также ***1849. Июня 20. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***.

[3] Гоголь в письмах А. Н. Плещеева // *Свод*. Т. 3. С. 588.

МАРТА 27. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. П. Шевырев по случаю приезда в Москву царской семьи[1] пишет стихотворение «27-ое марта. В Кремле»[2].

[1] См. также ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***.

[2] См.: Москвитянин. 1849. № 7. Апрель. Кн. 1. С. 143–146 (стихотворение открывает номер).

МАРТА 30. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. МОСКВА

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской и письмо к ее сестре, графине С. М. Соллогуб.

Из письма к Виельгорской: «Я получил милое письмецо ваше... <...> Оно меня порадовало тем, что вы не оставляете желанья вашего сделаться русскою. Бог в помощь! Нигде так не нужна Его помощь, как в этом деле. Вы говорите, что и мое и ваше желанье исполнится, что *вы сделаетесь русской не только душой, но и языком и познаньем России*. Я подчеркнул эти строки, потому что это ваши собственные слова. Знаете ли, однако же, что первое труднее последнего. Легче сделаться русскою языком и познаньем России, чем русскою *душой*. Теперь в моде слова: *народность* и *национальность*, но это покуда еще одни [пустые] крики, которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит сделаться *русским* на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая всё ей чуждое, неприличное и несвойственное? В чем она состоит? <...> Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа. Хорошо возлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере. Итак, для того, дабы сделаться русским, нужно обратиться к источнику, прибегнуть к средству, без которого русский не станет русским в значеньи высшем этого слова».

Настоящее письмо является во многом программным для Гоголя[2], и желание его было даже, чтобы Виельгорская прочла письмо «во время поста и говения» (зачеркнутые строки письма). В заключительной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *XXXII. Светлое Воскресенье* — Гоголь писал, что «есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа...» Толкование притчи Спасителя о сеятеле Гоголь включил также в текст «Размышлений о Божественной Литургии», где писал о «доброй почве, дающей плод — ово сто, ово шестьдесят, ово тридесят»: о тех, «которые все принятое в себя, по выходе из церкви, возвращают в домах, в семье, в службе...» Зимой 1843/44 г. Гоголь сделал из статьи И. К. Яхонтова выписку «О Русской Церкви», которая во многом поясняет замысел его книги о Литургии. В числе прочего, Гоголь выписал из статьи следующие строки: «...Посредством Богослужения Религия Христианская проникла в самую жизнь, в самое сердце Русского народа, и едва ли мы найдем другой пример, где Религия и Церковь так тесно были соединены с гражданскою и семейною жизнию, как у нас».

Далее в письме к Виельгорской Гоголь писал: «В истории нашего народа примечается чудное явленье. Разврат, беспорядки, смуты, темные порожденья невежества, равно как раздоры и всякие несогласия[3] были у нас еще, быть может, в большем размере, чем где-либо. Они ярко выказываются на всех страницах наших летописей. Но зато в то же самое время светится свет в избранных сильней, чем где-либо. Слышатся также повсюду в летописях следы сокровенной внутренней жизни, о которой подробной повести они нам не передали. Слышна возможность основанья гражданского на чистейших законах христианских. В последнее время стали отыскиваться беспрестанно из пыли и хлама старины документы и рукописи вроде Сильвестрова[4] *Домостроя*, где, как по развалинам Помпеи древний мир, обнаруживается с подробнейшей подробностью вся древняя жизнь России».

Реминисценции с «Домостроем» во втором томе «Мертвых душ», а также характер сделанных Гоголем из него выписок позволяют говорить о том, что в «Домострое» он увидел не просто памятник старины, но прямой прообраз грядущей русской цивилизации — противостоящий западной цивилизации тип патриархальной русской культуры, о создании которой говорил в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Назадолго перед тем М. П. Погодин писал в «Москвитянине»: «...*Домострой Благовещенского Попа Сильвестра* — драгоценнейшее историческое открытие, какое только сделано в продолжение последнего времени. <...> ...Знаменитый Сильвестр, друг и советник Грозного от 1547 года до 1550<-х> годов, славнейшее лицо во всей Русской Истории. Это мой любимец, и во многих своих статьях, в продолжение пятнадцати лет, я говорил о нем... <...> В послании его и наказании от отца к сыну <...> представляется идеал старого Русского человека во всем его блеске. Вот, вот чему поклонялся и поклоняется Москвитянин в дрейней Русской Истории! Вот древняя Русская личность, которую не могут понять Западные мудрецы, и еще менее Восточные их обезьяны или недоросли. Вот — древняя святая Русь во всей своей красоте и велелепии»[5].

Большинство собранных Гоголем в этот период материалов и заметок о крестьянском быте непосредственно связано с его критикой новейшей европейской цивилизации. К этим материалам, которые объединены ныне в особый раздел (*<II. Материалы по русскому патриархальному быту, собранные в 1848–1850 гг.>*[6]), прежде всего относится тетрадь Гоголя с выписками из «Домостроя» и народными травниками (последние призваны дополнить картину русской цивилизации средствами «бытовой химии» и народной медицины[7]). Выписки Гоголя из «Домостроя» касаются в основном наименований вещей по хозяйству и хозяйствованию. Из них в совокупности складывается настоящая картина жизни русского крестьянина — в самых устоявшихся и испытанных ее формах[8].

Земледелие как основа трудовой жизни, всевозможные *«сушенья», «соленья», «варенья»* — почерпнутый из «Домостроя» материал на эту тему Гоголь использовал в создании образа жены Костанжогло во втором томе «Мертвых душ». (Ранее Гоголь писал также о беспрестанных «солениях, сушениях, варениях» старосветской Пульхерии Ивановны.) Далее, среди подчеркнутых Гоголем в выписках слов, встречаются *«квасы* из всех фруктов», «наливки всех сортов» и «водки точно разноцветные хрустали» (последнего сравнения нет в «Домострое»). Этот перечень напоминает рассказ об употреблении гоголевскими героями водок разных цветов и настоев в заключении отрывка девятой главы первого тома (в переделанном виде)[9], а также «разноцветные фруктовые квасы всех сортов» хозяйственного помещика Василия Платонова[10] — брата жены Костанжогло — во втором томе поэмы: «Чичиков налил <...> из первого графина — точный липец, который он некогда пивал в Польше; игра как у шампанского...» «Да ведь и наливка тоже от нас, — признается далее Платонов, — ведь это сестра завела. Мать моя была из Малороссии, из-под Полтавы». (Уместно напомнить о винокурении в имении Гоголей[11] и о перегоняемой на различных травах водке в доме — «химической лаборатории» — той же Пульхерии Ивановны.) «Целовальники такие завели теперь настойки... — жалуется Костанжогло один из мужиков.— Не успеешь опомниться, как все спустишь».

(Кроме этого, в ранней редакции дошедших глав второго тома с тетрадью выписок из «Домостроя» и народными травниками связаны следующие эпизоды: сцена разговора Костанжогло с продавцом и покупателем, а также слова о том, что «всякая дрянь дает доход», в третьей главе[12], а с заметкой «Хлебопашество» из той же тетради связано упоминание в третьей главе второго тома о способе удобрения полей опавшими листьями[13]. — К тетради с выписками из «Домостроя» Гоголь обращался в работе над вторым томом «Мертвых душ» по крайней мере дважды: в марте-мае 1849 г. и в конце лета — осенью того же года[14].)

К перечисленным реалиям древнего патриархального быта, извлекаемым Гоголем из «Домостроя», следует добавить: хранение «в погребе и на леднике», в амбарах, «за замком в крепком месте» — а не на «витрине» (как того требовал бы европейский образ жизни). С этой мыслью (о целомудренном хранении) связаны также строки выписки «Как держать слуг»: «А что дано несть, знать не любопытствуй, не верти и не заглядывай...»; а также одно из слов гоголевского словаря русского языка: «Тая, коробка или обвертка для пересылки товаров». (С этими заметками перекликается образ гончара-ремесленника в гоголевской «Сорочинской ярмарке» (1831), заботливо «окутывающего» свой соблазнительный товар — «глиняных своих щеголей и кокеток» — «ненавистным для них сеном». В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь также замечал: «Москва говорит: "коли нужно покупщику, сыщет"; Петербург сует вывеску под самый нос...»)

Сюда же — к русской цивилизации — надо отнести и применение конной тяги, и использование различных природных материалов, «и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали» (с «арсеналами»: «сбруехранилищем» и «снарядохранилищем» — «объяснительный словарь» русского языка); и — конечно же — «медицину»: по этой причине тетрадь Гоголя с выписками из «Домостроя» и другими заметками о русском быте открывается лекарственными народными травниками (сюда Гоголь включил и несколько названий трав из «бытовой химии» — природных красителей: «марена», «дрок», «собачки», «двуцветная ирь» и др.).

По поводу народной медицины и «красильных трав» следует в то же время заметить, что среди сведений о действительно лекарственных и полезных в быту растениях — «годных в лекарство и для краски» — в последнем из включенных Гоголем в свою тетрадь травников («Поюжней») есть даже «бабьи румяны» — растение, употребляемое «на подкрашиванье щек» (эта тема была затронута Гоголем еще в раннем творчестве), а в «Лекарственном арзамасском» — «купена» («щеголихи моют уваром ее худощавые щеки и чрез то полнеют») и «жабрей» (употреблявшийся в народе «наместо бобровой струи к поправленью мужской слабости»). С последним средством перекликаются в гоголевском «Риме» консультации на эту тему старого князя «с иностранными докторами» и упоминание во втором томе «Мертвых душ» о книгах «европейца» Кошкарева с «нескромными мифологическими картинками» (которые «нравятся холостякам средних <лет>... и старичкам, изощрившим вкус на балетах»). В качестве уже самого крайнего средства применяются и «цветы сирени, чай; женщинам, потерявшим месячное течение крови» (из записной книжки Гоголя 1846–1851 гг.). В гоголевском конспекте книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства...» (содержание этого конспекта прямо примыкает к собранным Гоголем материалам по русскому быту) встречается также упоминание о «стародубке» — «употребляемой в народе для уничтожения в брюхе человеческого плода». Причем Гоголю по Кормчей книге было несомненно известно правило 6-го Св. Вселенского Собора, гласящее: «Жен, дающих врачества, производящие недоношение плода во чреве, и приемлющих отравы, плод умерщвляющие, подвергаем епитимии человекоубийцы»[15].

Так неожиданно под высокой гоголевской оценкой народного быта, и в частности, «Домостроя», являющего собой образ вполне сложившейся и развитой цивилизации, — удовлетворяющей решительно всем (и с избытком) материальным потребностям русского человека, — начинает открываться и его критика. Подчеркнуть языческую сторону некоторых «традиций», отразившуюся в травниках, призвано, по-видимому, у Гоголя и внесение в них описаний ряда таких трав, как, например, уже самое первое из гоголевского списка: «Плакун-трава <...> заставляет плакать нечистых духов, выгоняет домовых кикимор, открывает приступ к заклятому кладу» («Лекарственный арзамасский травник»). Подобным образом и в «Домострое» Гоголь отмечает ряд мест, способных, по его мнению, ввести в соблазн читателя. Например, о торговле, занятия которой как бы заключают в себе все ту же жажду «заклятого клада». «Что слишком дешево, купи, <...> хоть и не надобно, наверстаешь <...> с прибылью...»[16]

С письмом к Виельгорской связан замысел ненаписанной статьи Гоголя «Древняя Россия», название которой находится в его «Оглавлении <V тома собрания сочинений>» 1851–1852 гг. Однако очевидно, что взгляд Гоголя на «древнюю Россию» был, как и в первой половине 1830-х гг.[17], далек от ее идеализации. Об определенной трезвости гоголевского взгляда говорит, в частности, уже та фраза письма, которая появляется при первом упоминании о «Домострое» — о том, что «древняя жизнь России» обнаруживается в нем как древний мир *«по развалинам Помпеи»*. В «Тарасе Бульбе», например, с теми, «которые жили у подошвы Везувия», сравнивал Гоголь участь «корыстолюбивых торгашей» на Сече (это не единственный пример такого употребления Гоголем образа Помпеи). Другое гоголевское сравнение «Домостроя» в этом письме — с хозяйственной Марфой — также свидетельствует о сдержанности его оценки. Ибо то же сравнение применил он, например, ранее в статье «Просвещение» к Западной Церкви (не в похвалу ей) (см. примеч. ниже).

В итоге обнаруживается скрытый подтекст письма. Он связан со стремлением Гоголя отмежеваться в своей любви к России от «квасных патриотов», после безрассудных похвал которых, «впрочем довольно чистосердечных», как писал он в статье «О лиризме наших поэтов», «только плюнешь на Россию». Из сравнения с выпиской Гоголя *«Квасы»* явствует, что тему «квасного патриотизма» (явления, по убеждению Гоголя, чуждого истинно русскому) он намеревался затронуть и во втором томе поэмы. (В черновой редакции «Ревизора» (1835), в свою очередь, есть упоминание о «секрете, как на немецкий манер квасить капусту».) Ср. в выписках из «Домостроя»: «Ставленье на зиму земляного <...> капусты, рассолу...»; и тут же: «...рассолы ставленые, и морсы, и квас, и мед, и пиво... и брага». В этот период в свой «объяснительный словарь» русского языка Гоголь выписывает слово «бесквасие» («...бесквасие чистоты и истины...» — из Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам; гл. 5, ст. 8), намереваясь впоследствии дать ему толкование (ср. выражение «бесквасное истинное слово» в девятой песне канона Великого Четверга в Постной Триоди).

Похвала Гоголя «Домострою» оказывается, таким образом, связана у него с подспудной критикой его как явления не вполне русского и не строго православного. Добавим, что И. С. Аксаков в письме к отцу от 15 января 1850 г. — после встречи в Москве с Гоголем — прямо приравнивал «Домострой» к явлениям «немецкого духа» (прочитав его целиком, он высказался еще резче)[18]. Примерно так же в 1852 г. характеризовал «общежительную» часть «Домостроя» А. С. Хомяков — высоко оценивший, однако, его «просветительное начало» и выте-

кающие отсюда добродетели «личные»[19]. Согласно оценке современного богослова, в начинаниях Сильвестра «ясно чувствуется влияние Запада (именно немецкое влияние)»[20].

В таком случае почему же Гоголь, сознавая предложенный в «Домострое» для назидания образ жизни не вполне отвечающим высшим требованиям, тем не менее восхищается этой книгой в своем письме? Понять логику гоголевской мысли помогает обращение к его статье *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Здесь также появляется образ «отрытой из земли Помпеи» — теперь уже по отношению к поэме Гомера. Появляется же он как раз тогда, когда Гоголь заговаривает об изображении Гомером повседневного быта древнего человека (основное, что отметил позднее Гоголь в «Домострое»). Размышляя, однако, далее о гомеровской поэме, Гоголь противопоставляет этот «древний быт» — с его «величавою патриархальностию», «простой несложностью общественных пружин» — «подозрительному» совершенству «новейшей гражданственности» и никчемности «огромных средств и орудий» современности. Этой логике и следует Гоголь в оценке «Домостроя». С одной стороны, он сознает его несовершенный, приземленный характер — с образом жизни, почти достойным быть стертым с лица земли, подобно полуязыческой Помпее или гомеровской древности (в 1834 г. он писал о картине Брюллова «Последний день Помпеи»: «...нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша»), но с другой, — Гоголь все-таки признает превосходство «Домостроя» (и «Одиссеи») над куда более развращенной и падшей цивилизацией западноевропейской, — а потому утверждает его в качестве прообраза новой, грядущей цивилизации, которая станет для человечества ступенью исхода к культуре более высокой и — к миру лучшему. (Земледельческий, издревле оседлый, патриархальный быт славянских племен — в противовес бродяжьей жизни будущих носителей европейской цивилизации «народов-пришельцев» — неоднократно подчеркивал Гоголь в своих заметках 1830-х гг. по русской истории[21]. Возможно, ими он тоже намеревался воспользоваться при написании статьи «Древняя Россия».)

Много лет спустя, 28 января 1889 г., великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике: «*Среда. 25.* Гр<афиня> <А. Е.> Комаровская прислала мне целую тетрадь неизданных писем Гоголя. Не помню, откуда они у нее. Это письма к семейству Вельгорских, особенно к Анне Михайловне. Очень хороши, где он определяет значение истинно русского человека»[22]; «*Среда 15 <февраля 1889>*. Начал читать Домострой Сильвестра. Как это хорошо и как поздно я знакомлюсь с этой нужной книгой. Как прав Гоголь, советуя читать ее желающим быть истинно русскими в тех еще неизданных письмах, что были у меня в руках»[23].

В письме к Виельгорской Гоголь замечал о «Домострое»: «Является уже не политическое устройство России, но частный семейный быт и в нем жизнь, освещенная тем светом, которым она должна освещаться. В наставлениях и начертаньях, как вести дом свой, как быть с людьми, как соблюсти хозяйство земное и небесное, кроме живости подробных обычаев старины, поражают глубокая опытность жизни и полнота обнимания всех обязанностей, как сохранить домоправителю образ благости Божией в обращении со всеми. Как быть его жене и хозяйке дома с мужем, с детьми, с слугами и с хозяйством, как воспитать детей, как воспитать слуг, как устроить всё в доме, обшить, одеть, убрать, наполнить запасами кладовые, уметь смотреть за всем, и всё с подробностью необыкновенной, с названьем вещей, которые тогда были в употреблении, с именами блюд, которые тогда готовились и елись. Так и видишь перед глазами радушную старину, ее довольство, гостеприимство, радостное, умное обращенье с гостьми с изумительным отсутствием скучного этикета, признанного необходимым нынешним веком. Словом, видим [в этом быт<е>] соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это <придти> в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным».

Гоголевское сравнение несет еще на себе отпечаток его прежнего употребления писателем — по отношению к Западной и Восточной Церквям[24]. Весной 1849 г. в Москве стало известно Окружное Послание восточных Патриархов 1848 г. в Ответ на обращение римского папы Пия IX с предложением унии[25]. Свидетельство об этом находим в письме А. С. Хомякова от 1 марта 1849 г. к Ю. Ф. Самарину. Это Послание подвигнуло его к мысли об опубликовании трактата «Церковь одна»[26]. То, что восхитило А. С. Хомякова в Послании Патриархов — «признание народа церковного хранителем истины», — прямо перекликается со строками из настоящего гоголевского письма Виельгорской — о русской «доброй почве». Следуя гоголевскому сравнению Восточной Церкви с Марией евангельского повествования, а Западной — с Марфой, можно в соответствии со смыслом письма заключить, что возможность «соединенья» Церквей Гоголь видит только при условии отказа Западной Европы от ее чрезмерного и Пагубного для души «земного хозяйства» — хотя бы до уровня русского «Домостроя» (то есть «Марфы»). Хотя упомянутый документ — «Окружное Послание единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам» — посвящен главным образом критике *Филиокве*

(букв. «и Сына»; *лат.*) и тех искажений, к которым привело Западную Церковь принятие этого учения (будто «Дух Святый исходит от Отца *и Сына*»), он, однако, не исключает и того прочтения, которое слышится в строках гоголевского письма.

В заключение письма к Виельгорской Гоголь писал: «В последнее время стали беспрестанно открываться рукописи в этом роде. Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщеньям [ума и гордых страстей] самолюбивого ума и всяким пристрастьям[27]. Но для вас эти книги покуда недоступны: во-первых, из них напечатана немногое; во-вторых, оно не переведено на нынешний русский язык. Вы древнего языка нашего не знаете. Вот почему я медлил вам советовать, какие книги прежде читать. Всё, что больше всего может вас познакомить с Россией, остается на древнем языке. Остается одно средство: вам нужно непременно выучиться по-славянски[28]. Легчайший путь к этому следующий: читайте Евангелие не на французском и не на русском языке, но на славянском. К французскому прибегайте только тогда, когда не поймете. Слова, которые позагадочнее, выпишите на особую бумажку и покажите священнику. Он вам их объяснит. Если вы прочтете Евангелие, послание и прибавите к этому пять книг Моисеевых, вы будете знать по-славянски, при этом деле и душа выиграет немало. Когда же увидимся, тогда я вам объясню в двух-трех лекциях все отмены, какие есть в нашем древнем языке от славянского. Вы его полюбите. Этот язык прост, выразителен и прекрасен. <...> Итак, Бог в помощь! Будьте русской; вам следует быть ею. Но помните, что если Богу не будет угодно, вы никогда не сделаетесь Русскою. К источнику всего Русского, к Нему Самому, следует за этим обратиться. [Обязательно молитесь и прочтите мое письмо матери во время поста и говенья.] Бог в помощь! Теперь о себе. Донесенье Соллогуба насчет моего здоровья и прекрасного расположенья духа только наполовину справедливо. Он меня видел в гостях[29]. Нельзя же приносить в гости скуку. Волей или неволей, но должен если не быть, то по крайней мере казаться быть веселым. Сказать же правду, я был почти всё время недоволен собой. Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновенья. Наконец, я испытал в это время, как не проходит нам никогда безнаказанно, если мы хотя на миг отводим глаза свои от Того, к Которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на миг какими-нибудь желаньями земными, наместо небесных. Но Бог был милостив и спас меня, как спасал уже не один раз. Что касается до поездки моей в Петербург, то, несмотря на всё желанье видеть людей, близких моему сердцу, она должна до времени быть [отодвинуться] отложена по причине не так устроившихся моих обстоятельств. А не так устроились обстоятельства по причине предыдущей, то есть от не так удовлетворительного расположенья духа. Но Бог лучше нашего знает, чему лучше быть. Тем более вы меня порадовали вестью, что, может быть, нынешним летом заглянете в Москву. От всей души желаю, чтобы Москва оставила в душе вашей навсегда самое благодатное впечатленье. <...> Передайте мой душевный поклон графине[30]... <...> Так как радостный праздник уже готовится наступить и письмо придет к вам в светлый день, то посылаю вам заочно братское лобызанье со словами: Христос Воскресе! Софье Миха<й>ловне[31] я пишу в одно время с вами. Аполлине Миха<й>л<овне>[32] передайте поклон самый душевный».

Из письма к Соллогуб: «От вас ни словечка... <...> Что делает графиня Луиза Карловна[33]?.. <...> Что делает Апол<л>ина Мих<айловна> и Анна Михайловна? <...> Дай Бог, чтоб и в душе вашей пребывал неотлучно Сам Воскреснувший, радостно сияя и освещая собою еще более вашу душу. <...> Попеняйте Александру Осиповну[34] за то, что она ко мне никогда ни полслова... <...> Всех ваших малюток, булочек и хлебцев[35], обнимаю и целую».

[1] См. ***1849. Февраля 24. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта // *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 587–617.

[3] См. ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Сильвестр (ум. ок. 1566), священник, духовник Иоанна Грозного, выходец из Новгорода. При его участии составлены Судебник и Стоглав. Им переработан «Домострой» — памятник русской литературы конца

XV–XVI в. Впервые издан: Домострой Благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Д. П. Голохвастовым. М., 1849. Гоголь познакомился с этим изданием в переплете «Временника Московского общества истории и древностей российских» того же года (см. ***1849. Июля 29. Пятница. Москва***).

[5] *Погодин М.* Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. Книга I. В Унив<ерситетской> Тип<ографии>. 1849 // Москвитянин. 1849. Т. 2. № 6. Март (цензурное разрешение 14 марта). Отд. IV. С. 19–20.

[6] *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 524–563. — Ср. также раздел *<I. «Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского]» (статьи хозяйственного содержания в записной книге 1830–1834 гг.)>* (*Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 515–523).

[7] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 8. С. 787–788. — Изучая «применение растений на пользу человека» («злак на службу человеком»; Пс. 103, 14), Гоголь, в частности, пользовался книгой Н. П. Щеглова «Хозяйственная ботаника» (СПб., 1828. Ч. 1–2) (см. ***1849. Июля 30. Суббота. Москва***). 30 июля 1849 г. он писал графине С. М. Соллогуб: «По моему мненью, сочинение это разве одними рисунками уступит иностранным, но текстом и полнотою содержания их далеко превосходит. Оно состоит из пяти больших отделений. В первом отделении рассмотрены все растения, употребляемые в пищу: все роды хлебов, овощей, корней и огородных злаков. Во втором отделении все роды кормовых трав для скота (ср. в том же стихе 103-го псалма: «Прозябаяй траву скотом, и злак... <чтобы> извести хлеб от земли». — *И. В.*) с показанием, какие для них вредны и почему. *Третье* отделенье рассматривает растения, употребляемые на краски и на всякие технологические производства на фабриках и заводах. *Четвертое* вмещает все лекарственные растения, *пятое* — все ядовитые. Сочинение в большую четвертку с раскр<ашенными> изображени<ями>, 5 томов. Растения рассмотрены только растущие в России или такие, которые могут расти в России. Если вам захочется иметь это сочинение, то напишите, и я вам его вышлю. У меня оно есть. Если вы не захотите его у себя вовсе оставить, то можете держать все-таки у себя, как принадлежащее мне».

Об интересе Гоголя к народной «хозяйственной ботанике» сохранились также свидетельства Л. И. Арнольди (см. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***) и князя Д. А. Оболенского (см. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва***). — См. также воспоминания Я. К. Грота: ***1849. Июня 25. Суббота. Москва***.

[8] См. также ***1849. Март. Москва*** (примечания).

[9] *РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 26. Л. 5. — См. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Поэма. Вступит. статья, сост. и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М., 1995. С. 602.

[10] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 8. С. 786.

[11] См. ***1805. Ноября средина. Васильевка***; ***1817. В течение года. Васильевка***; ***1818. Конец года. Васильевка***; ***1819. Октября 14. Вторник. Васильевка***; ***1820. Декабря 1. Среда. Васильевка***; ***1822. Сентября 21. Среда***; ***1824 — 1825 начало. Васильевка***; ***1825. Конец года. Васильевка***; ***1835. Мая вторая половина, после 17. Васильевка***; ***1837. Января 14 <2>. Суббота. Париж***; ***1845. В течение года. Васильевка***.

[12] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 5. С. 574; *Гоголь 2009–2010.* Т. 642–644.

[13] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 5. С. 572; *Гоголь 2009–2010.* Т. 641.

[14] См. ***1849. Март — июля начало. Москва***.

[15] Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. СПб., 1839. С. 120.

[16] Об использовании этой выписки в создании образа Констанжогло см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 642–644.

[17] См. ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[18] См. ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания).

[19] Полн. собр. соч. А. С. Хомякова. М., 1861. Т. 1. С. 243–244.

[20] *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 24.

[21] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[22] *К. Р. Великий Князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 142.

[23] Там же. С. 144–145.

[24] См. ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания).

[25] Опубл.: Христианское Чтение. 1849. Т. 2; том вышел в середине лета; отд. изд. СПб., 1850.

[26] См. ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания).

[27] Подробнее см.: ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания).

[28] Е. А. Хитрово в своем дневнике передает слова Гоголя (запись от 26 января 1851 г.): «Как странно иногда слышать: "К стыду моему, должна признаться, что я не знаю славянского языка!" Зачем признаваться? Лучше ему выучиться: стоит две недели употребить» (см. ***1851. Января 24. Среда. Одесса***).

[29] См. ***1849. Февраля 10. Четверг. Москва***.

[30] Л. К. Виельгорская, мать А. М. Виельгорской.

[31] Графиня Соллогуб.

[32] Веневитинова.
[33] Графиня Виельгорская.
[34] Смирнова.
[35] Шуточные названия детей графини Соллогуб (см. также ***1849. Июля 30. Суббота. Москва***).

МАРТА 31. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Предположительно в этот день Гоголь приобщился Св. Христовых Таин и получил[1] из Васильевки поздравление матери и сестер с прошедшим днем рождения[2].

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«В типогр<афии>, в церкви. Дети приобщались, я подошел к крылосу, сморел на них, вспомнил об Лизе, заплакал, и вспомнил свой сон, вскоре после ее кончины, где видел приобщение детей, все удивительно! Гоголь проезжал у нас и советова<л> мне, говоря, что так-то и надо искать помощи, что чувствует себя нехорошо и проч. — Корректуры»[3].

[1] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***.
[2] См. ***1849. Марта 19. Суббота. Васильевка***.
[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.

МАРТА КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский на литературных собраниях у С. Ф. Дурова дважды читает только что полученную из Москвы от А. Н. Плещеева[1] переписку В. Г. Белинского с Гоголем 1847 г.[2]

Якубович И. Д., Орнатская Т. И. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 155.

[1] См. ***1847. Марта 26. Лазарева суббота. Москва***.
[2] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***.

МАРТ. МОСКВА

Предположительно в этот период Гоголь при написании речи Скудронжогло (Констанжогло) в третьей главе второго тома «Мертвых душ» («Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы...») использовал присланный ему кем-то календарь сельскохозяйственных работ[1] (календарь сохранился в бумагах Гоголя[2]).

В 1909 г. Г. П. Георгиевский, опубликовавший этот календарь[3], предположил, что он представляет собой расписание сельскохозяйственных работ Черниговской губернии, полученное Гоголем в конце 1849 г. от А-ра Мих. Марковича[4]. Исследователем при этом не было замечено, что календарь был положен Гоголем в основу речи Констанжогло. Поскольку эта речь находится уже в первоначальном слое автографа (написанном в период с марта по начало июля 1849 г.), то очевидно, что указанный календарь был в обращении у Гоголя уже с весны 1849 г. Таким образом, приведенный календарь не может быть признан календарем Марковича, так как соответствующее место во втором томе появилось раньше не только присылки Марковичем просимого календаря (не сохранившегося), но даже того времени, когда Гоголь обратился к Марковичу с этой просьбой. Добавим также, что Гоголь просил Марковича прислать ему календарь «по дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные

поговорки и замечания» — и даже приложил образец подобного календаря, взяв за основу майскую часть календаря Симбирской губернии, присланного ему ранее П. М. Языковым («Календарь крестьян (Симбирской?) губернии»; посылая Марковичу отрывок этого календаря, Гоголь дополнил его поговорками). Календарь же, сохранившийся в бумагах Гоголя, написан не по дням, а по месяцам; в нем нет ни описаний обрядов, ни поговорок. Таким образом, календарь, использованный Гоголем при создании главы о Костанжогло, по своему содержанию не соответствует тому, о котором просил Гоголь Марковича. Очевидно, уже использовав материал указанного календаря во втором томе, Гоголь обратился к Марковичу с просьбой прислать сходный календарь, который понадобился ему, вероятно, либо для уточнения деталей, либо для работы над другой, не дошедшей до нас главой.

Как бы настаивая на важности соблюдения календаря земледельческих работ, Гоголь в наброске на отдельном листе отмечал: «[Отчего дурно хозяйство? Оттого что упущено] На что преймущественно нужно обращать в хозяйстве внимание. На то, чтобы не упущено <было> Время. Поэтому нужно знать время, когда что делать. Что нужно делать весной?»

Ранее, в письме из Рима от 1 мая 1846 г., Гоголь обращался к сестре Ольге: «...Расспроси у приказчика порядок всех работ, которые будут предстоять в теперешнее летнее время, начиная с посева хлебов всех сортов, — когда именно, какого месяца и числа начнется всякая работа, и всё это по порядку выпиши на небольшом лоскутке бумажки и пришли мне, чтобы я знал, где и в каких местах, и в какое время, и какие именно работы будут у вас производиться в имении в продолжение всего лета»[5].

В своих заметках о крестьянском быте Гоголь собрал целый ряд практических рекомендаций для успешного землепользования, основанных на многовековом народном опыте — приметах, поверьях и обычаях различных областей России.

В одной из его тетрадей содержатся: «Лекарственный арзамасский травник», «Травник симбирский», упомянутая заметка «Календарь крестьян (Симбирской?) губернии», заметка «Народные замечания по явленьям природы в той же губернии»[6]; выписки из «Домостроя»[7]; выписки из «Народного дневника», помещенного И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа» (СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7): «Егорий весенний», «Никола весенний», «Юрий осенний», «Никола зимний»; заметки «Народные поверья в селе Лопуховке Саратовской губернии»[8]; «Цветочный барометр», «Хлебопашество», «Садоводство».

В другой тетради содержатся заметки «Если запустить поле черноземной почвы в залежь...», «Относительно климата», «О климатических влияниях», «Изобретения среди мужиков», «О почве», «О черноземе». Кроме того, в бумагах Гоголя сохранились выписки «Земледельческие праздники», «Семенов день», «Осенняя родительская»[9] (завершаются заглавием ненаписанной статьи «Быт крестьянина в Малороссии»).

Кроме того, уезжая в августе 1848 г. из Васильевки, Гоголь оставил родным подробное «Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849»[10].

К этому же периоду относятся еще несколько набросков Гоголя о хозяйстве и заметка <Труд>. В одной из этих заметок Гоголь писал: «Почему нужно хозяйство? Потому, что от это<го> зависит благосостояние всего государства. Потому что устрояется лучше [наша жизнь] собстве<нная> жизнь всякого чел<овека>. Потому что занятия и беспрестанное движенье укрепляет тело и здоровье. Потому что от этого самые умственные способности в свежести, *<1 нрзб.>* ум в нас дремал или бездействовал. Потому, наконец, что этим исполняет человек свой долг и назначенье, данно<е> от Бога, в поте лица снискивать хлеб.

Что происходит от пренебреженья хозяйства? От пренебреженья хозяйства происходят несчастья всей земли, конечное обедненье ее и расстройство. Засухи безвремен<ные>, расстройство.

[Чем разорили именья поме<щики>?] Каким образом.

Тем, что бросили именья[11]. [Ибо не занимаясь сам, тот] Отдали земли в руки управ<ителей> и наемников, которые [плохие блюстители земли. Пристрастились к занятиям не свойствен<ным>, к роскоши и прихотям, и сделали то, что вся жизнь стала гор<одской>] заботятся только о своих выгодах, о доставлении временных доходов, не обращая вниманья на будущее, все [искоре<няя>] выводя и ничего не насаждая, как уже и случилось в России, что вырубили множество лесов[12]. От этого обмелели реки и меньше стали давать нужной влаги. Земля стала суше и бесплоднее. [Облака, не встречая дерев, проходя] Перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лесистым местом».

В написанной в жанре проповеди заметке <Труд> Гоголь писал: «Человек рожден на то, чтобы трудиться. “В поте лица снеси хлеб свой”, — сказал Бог[13] по изгнаньи человека за непослушанье из рая, и с тех пор это стало заповедью человеку, и кто уклоняется от труда, тот грешит пред Богом[14]. Всякую работу делай так, как бы ее заказал тебе Бог, а не человек. Если б и не наградил тебя человек здесь — не ропщи; зато больше наградит тебя Бог[15]. Важнее всех работ — работа земледельца. Кто обрабатывает землю, тот больше других угоден Богу[16]. Сей и для себя, сей и для других, сей, хоть бы ты и надеялся, что пожнешь сам: пожнут твои дети; скажет спасибо тебе тот, кто воспользуется твоим трудом: вспомянет имя твое и помолится о душе твоей. Во всяком случае

тебе выгода: всякая молитва у Бога значит. Только трудись с той мыслью, что трудишься для Бога, а не <для> человека, и не смотри ни на какие неудачи, хоть бы все то, что ты наработал, и пропало[17], и не уродилось, побито было градом, — не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработал много денег на этом свете[18]; деньги останутся здесь. Ему нужно, чтобы <ты> не был в праздности и работал[19]. Потому, работая здесь, вырабатывает себе Царствие Небесное, особенно если работает с мыслью, что он работает Богу. Работа — святое дело. Когда делаешь работу, говори в себе: "Господи, помоги!" и за всяким разом говори: "Господи, помилуй!" Заступом ли копнешь или ударишь топором, говори: "Господи, удостой меня быть в раю с праведниками". Когда делаешь работу, старайся быть так благочинну в мыслях, как бы ты был в церкви, чтоб от тебя никто не услышал бранного слова, чтобы и грубого не услышал от тебя товарищ; чтобы во взаимной любви всех совершалось дело: тогда работа — святое дело. Такая работа спасает твою душу. Такою работою здесь — заработаешь ты себе Царствие Небесное там. Аминь».

[1] См. также ***1846. Мая 1 <апреля 19>. Пятница. Рим.***

[2] «*Март.* Оканчивается пилка леса на дрова. ~ *Ноябрь, Декабрь, Генварь* и *Февраль.* Молотят и возят в города хлеб. ~ Корм скоту и лошадям. Дрова для домашнего употребления, и проч.» (*Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 644–645).

[3] См.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1909. Вып. 3. С. 207–208.

[4] См. ***1849. Июля 1. Пятница. Москва***; ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[5] См. ***1846. Мая 1 <апреля 19>. Пятница. Рим.***

[6] Не только «Календарь...», но и травники, и «Народные замечания по явленьям природы...», вероятно, были получены Гоголем от П. М. Языкова, снабжавшего Гоголя словарными, бытовыми и этнографическими материалами по Симбирскому краю и Поволжью вообще; часть этих материалов занесена также Гоголем в его записные книжки.

[7] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[8] Из статьи А. Борисова «Село Лопуховка», помещенной в «Саратовских Губернских Ведомостях» (1846. 27 апр. № 17).

[9] Составлены по книге И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1839. Т. 4). Выписки из книги И. М. Снегирева, сделанные в декабре 1847 г., находятся также в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. (в этой же книжке встречаются названия еще целого ряда книг по сельскому хозяйству).

[10] См. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка.***

[11] Одной из главных причин разорения земли Гоголь называл «абсентеизм» помещиков, то есть постоянное отсутствие владельцев в своих имениях. «...Русские не должны быть абсентистами, — замечал он А. О. Смирновой. — В этом отношении англичане подают хороший пример — абсентеизм помещиков погубил Ирландию» (*Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 344). — Сведения об Ирландии Гоголь, по-видимому, почерпнул в статье В. А. Милютина «Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции» (1847) (см. ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде*** — примечания). Милютин писал: «Богатый ирландский помещик почти никогда не живет в Ирландии, и даже часто случается, что он о своих поместьях имеет самое неопределенное и смутное понятие. Он знает только, что в том или другом графстве есть у него от ста до полутораста тысяч десятин земли, и из этих огромных владений он хочет извлечь как можно более дохода, без всяких притом издержек с своей стороны» (<*Милютин В. А.*> *В. М—н.* Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья вторая // Отечественные Записки. 1847. Т. L. № 2. Отд. II. С. 146).

[12] В заметке «Рассмотрение хода просвещения России», посвященной периоду, последовавшему за преобразованиями Петра I, Гоголь писал: «...Никогда в России не было вырублено столько леса, как в это время ломок, перестроек, вечных переправок и переделок. Оттого засухи стали сильнее. Высохнувшие реки перестали разливаться и меньше орошать поля» (записная книжка 1846–1850 гг.). А. О. Смирнова вспоминала: «Гоголь вздыхал и говорил: «Леса рубят без толку, реки мелеют, а климат все суровее» (см. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***). — См. также ***1827. Декабря 15. Четверг. Нежин.*** — В конце жизни Гоголь заботился о насаждении новых дерев в родовом имении. См., в частности, составленную им заметку «Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849». В третьей главе второго тома «Мертвых душ» помещик Платон Платонов говорит о Костанжогло: «Это землевед такой... <...> Мало что <...> почву знает <...> знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие дерева. <...> Лес у него, кроме того что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте настолько-то влаги прибавить полям, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени. <...> ...Когда вокруг неурожай, у него нет неурожая». — См. также ***1848. Сентября 25 или октября 2. Суббота. 10 часов вечера. Санкт-Петербург*** (примечания).

[13] «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Быт. 13, 19). Об этой заповеди Гоголь напоминает также в статье *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями». В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло так обосновывает «законность» хлебопашества: «Возделывай землю в поте лица своего. Это нам всем сказано; это недаром сказано. Опытом веков уже это доказано, что в земледельческом звании человек чище нравами».

[14] 3 апреля 1849 г. Гоголь писал сестрам: «Прошу вам почаще выезжать смотреть самим и на посев и все полевые работы... Если не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Все тогда, весь мир идет навыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева Небесного» (см. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***).

[15] Ср. в Послании св. апостола Павла к Колоссянам: «И всяко, еже аще что творите, от души делайте, якоже Господу, а не человеком: ведяще, яко от Господа приимете воздаяние достояния: Господу бо Христу работаете. А обидяй восприимет, еже обиде...» (гл. 3, ст. 23–25).

[16] Возможно, в этом утверждении Гоголь исходил из строк 7-й главы Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в которых сказано, что «земледелие учреждено от Вышнего» (ст. 15). С этим связано представление Гоголя о меньшей угодности Богу другого труда — ремесленного, являющегося, согласно его взглядам, прямым источником развращающей мир цивилизации. Ср. в статье «Светлое Воскресенье»: «Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода...» А. О. Смирнова вспоминала, что Гоголь «терпеть не мог фабричных служащих в фуражках и дамы нарумяненной» (см. ***1851. Июня после 25 — июля не позднее 8. С. Спасское***). Не следует, однако, понимать эту гоголевскую неприязнь однозначно. Вернее говорить о «гневе» Гоголя «не против самих людей», но «против врага людей» (согласно подчеркнутым строкам гоголевского письма к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.). Можно было бы упомянуть также о прямом гоголевском сострадании к тому «тягостному выраженью в лицах» рабочих, которое заметил он в промышленном Париже (отрывок «Рим»). Поэтому и по вопросу крепостного права Гоголь, размышляя о судьбах русского крестьянства, отвечал В. Г. Белинскому, что «следует каждому из нас подумать заблаговременно <...> чтобы <...> освобожденье не было хуже рабства».

[17] См. также ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[18] В письме к родным от 3 апреля 1849 г. Гоголь замечал: «Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страданья, несчастья. Заплывет телом душа — и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней».

[19] С этим местом перекликается заметка Гоголя «Праздники» в его записной книжке 1841–1844 гг.: «Большой самый праздник — Светлое Воскресенье, не работают целую неделю. Троицын день и Семик не работают 3 дни. Заплетают венки, поют песни; хороводный праздник оканчивается бросаньем венков в реку. Хороводы начинаются в начале весны и всякое воскресение продолжаются; оканчиваются Петровым днем. С этих пор время называется деловою порою или страдою, от слова страдать от труда».

ЯНВАРЬ-МАРТ. МОСКВА

Гоголь встречается с В. А. фон Моллером (братом художника), которому дает в долг семьдесят пять рублей серебром и у которого расспрашивает о находящихся в Риме А. А. Иванове и Ф. И. Иордане.

См. ***1849. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

1848–49

1848 НОЯБРЬ — 1849 МАРТ. МОСКВА

В этот период Гоголя приходил проведать А-р Мих. Маркович, но его не приняли. Гоголь отправил Марковичу записку с просьбой навестить его (датировка записки уточнена; датируется временем пребывания Марковича в Москве):

«Вашу фамилию мне переврали. Я сижу больной[1] и не могу видеть многих, но вас бы принял и с удовольствием побеседовал бы. Итак, не будете ли так добры, чтобы навестить больного, вам искренно преданного и вас искренно любящего».

[1] См. ***1849. Январь. Москва*** (письмо к А. С. Данилевскому); ***1849. Февраля 25. Пятница. Москва*** (также письмо к А. С. Данилевскому).

АПРЕЛЯ 3. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. МОСКВА

В пасхальную ночь состоялось торжественное освящение Большого Кремлевского дворца.

В день праздника Гоголь отправил поздравительные письма к матери и сестрам в Васильевку (в ответ на их письмо от 19 марта 1849 г.[1]), к В. А. Жуковскому в Баден[2] и к П. А. Плетневу в Петербург. Возможно, в этот же день написал прощальную поздравительную записку к А-ру М. Марковичу (вероятно, перед отъездом Марковича из Москвы на родину; датировка письма уточнена) и ответное поздравительное послание к Н. Н. Шереметевой (последняя записка относится либо к 1849, либо к 1850 г.[3]).

Из письма к матери и сестрам Анне и Елисавете: «Христос Воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св. Тайнам[4]. За поздравление благодарю вас — и вас, почтеннейшая матушка, и вас, милые сестры, хотя и удивило меня то, что от одной сестры Ольги не было приписано ни строчки. Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писанного месяца полтора тому назад[5], в котором есть кое-что по поводу запросов о герольдии, документов дворянства и проч. и пр. Ваши беспокойства и мысли о том, что я могу в чем-либо нуждаться, напрасны. Вы их гоните от себя подальше. Всё зависит от экономии. Я, просто, стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться какими-нибудь узами на земле. От этого будет легче и разлука с землей. Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страданья, несчастья. Заплывет телом душа — и Бог будет позабыт[6]. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней. Вы мне ничего не пишете о хозяйстве и о том, какие начались работы. Прошу вас почаще выезжать смотреть самим на посев и все полевые работы. Вас наиболее об этом прошу, милые сестры. Если не любите хозяйничать, по крайней мере взгляните. Как бы то ни было, бедные крестьяне в поте лица работают на нас. А мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труды рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая нас даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда, позабыв о том, что они в мире затем, чтобы трудами снискивать хлеб и в поте лица возделывать землю, приведут себя в состояние белоручек. Всё тогда, весь мир идет навыворот — и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного. Передайте мой душевный поклон Андрею Андреевичу[7]...»

Из письма к младшей сестре Ольге: «Христос Воскресе! Ты одна не написала ни строчки. <...> Здорова ли ты? <...> Ты меня не уведомила также о получении денег 15 руб<лей> серебр<ом>, посланных в одно время[8] с толкованьем воскресных евангелий. Еще к тебе имею одну просьбу. Наблюдай иногда над Эмилией[9] и в свободное время, когда у ней нет урока, занимай ее беседами душеспасительными [о Боге и исполн<ении> обязанностей]. Проси также и сестру ее Сашиньку[10], если она с тобой, наставлять и увещевать сестру свою, к ней привились кое-какие пороки. Придумай, нельзя ли ей дать какое-нибудь такое дело и занятие, которое бы для дитяти не было скучно,

а между тем действовало бы нечувствите<льно> на душу и на нравственность. Бог тебя вразумит, если Ему помолишься. А ей это очень нужно».

Из письма к Жуковскому: «Христос Воскрес! Больше ничего не знаю сказать тебе. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос Воскрес. Та же недвижность и в моих литературных занятиях. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приуготовляю, то [не для текущего вр<емени>] идет медленно и не может никак выйти скоро, и Бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять. Чувствуется только, что не без смысла. Время настало сумасшедшее. Умнейшие люди завираются и набалтывают кучи глупостей, так что едва ли не должен теперь всякий истинный поэт и мыслитель думать прежде всего о воздержании, произнося: "Господи, положи хранение устом моим"[11]. Ты счастлив, подчинивши себя слепцу Гомеру. Он не увлечет тебя с дороги в омут, хоть и слепец. Свой же собственный ум, того и гляди, занесет куды-нибудь в овраг. Кстати об "Одиссее"[12]. Я уже было написал к тебе письмо собственно о ней, но письмо это осталось некончен<ным>. Оказалось, что по поводу этого предмета так много нужно говорить, что я испугался.

[Об этом наговоримся] Наговоримся при свиданьи. Покуда передаю тебе всеобщее неудовольствие на *печать*, которое разделяю и я. Шрифт так неудобен для чтения, что я, у которого глаза, слава Богу, хороши, заикался и попырхивался едва ли не на всякой строчке. По моему мнению, "Одиссею" следовало бы издать особо: разгонисто, буквами крупными, формат книге дать большой. <...> Но слава Богу, что, во всяком случае, она издана и ее читают. Чтение это вносит особенное спокойств<ие> в душу, беспрестанно возмущаемую мятежным временем. Я всю зиму прожил в Москве. Лето полагаю провесть также если не в самой Москве, то, по крайней мере, в окружности ее. Мне всё кажется, что хорошо бы тебе завести подмосковную. В деревне подле Москвы можно жить еще лучше, нежели в Москве, и еще уединеннее, чем где-либо. В деревню никто не заглянет, и чем она ближе к Москве, тем меньше в нее наведываются, это уже такой обычай. Так что представляются две выгоды: от людей не убежал и в то же время не торчишь у них на глазах. Если, в ответ на это мое письмо (которое, как ни коротко, но есть уже подвиг, принимая в соображение непостижимую лень и бездействие сил моих), наградишь меня, с обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, весточкой о себе, об "Одиссее", о милом твоем доме и о том, когда ждать тебя и в какой уголок Русского царства, то и сим, может быть, освежишь и дремлющую мою деятельность и силы [обессиленные леностью]. <...> Мой адрес: Москва. На Никитском булеваре в доме Талызина».

Из письма к Плетневу: «Христос Воскрес! От всей души поздравляю с Светлым праздником и тебя и твою милую супругу, с которою желал бы душевно познакомиться. Напиши мне хоть что-нибудь из новой жизни своей. Что до меня, хоть и не так живу, как бы хотел, хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо Богу и за то. Могло бы быть еще хуже. <...> Ольге Александровне[13] передай мое поздравление, Александре Осиповне[14] тоже».

Из записки к Марковичу: «Христос Воскрес! Обнимаю вас крепко и поздравляю, а порученья не исполнил. Во-первых, потому, что домой возвратился поздно ввечеру и доселе не видался ни с кем из приятелей, посредством которого можно б достать билет. Ни с кем из нынешних театральных служащих я не в сношении. Через Щепкина я мог доставать билет в его бенефис. Очень жалко, что не могу на этот раз прислужиться. Прощайте. Впрочем, надеюсь если не сегодня, так завтра с вами повидаться».

Шереметевой Гоголь писал: «Воистину Воскрес! Благодарю вас много за память обо мне, за молитвы и за поздравление».

[1] См. ***1849. Марта 19. Суббота. Васильевка***; ***1849. Марта 31. Великий четверг. Москва***.
[2] См. ***1849. Мая 14. Суббота. Москва***.
[3] См. ***1850. Апреля около 23. Москва***.

[4] См. ***1849. Марта 31. Великий четверг. Москва.***

[5] См. ***1849. Февраля средина. Москва.***

[6] Втор. 6, 12; 31, 20; 32, 15.

[7] Трощинский.

[8] См. ***1849. Январь. Москва.***

[9] Сирота, воспитанница М. И. Гоголь с 1845 г. (см. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Васильевка***).

[10] Старшая сестра Эмилии, тоже воспитанница М. И. Гоголь, принятая в дом летом 1848 г. (см. ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка***).

[11] Пс. 140, 3. – В гоголевском сборнике «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви» (см. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***), в разделе *27. Разные изречения из Иоанна Златоуста* имеется выписка «О слове», сделанная из статьи: Святого Отца нашего Иоанна Златоустого Толкование на 140-й псалом. Ст. 3. *Положи, Господи, хранение устом моим* // Христианское Чтение. 1843. Т. 3. С. 22–24.

[12] См. ***1848. Ноября до 18. Москва.***

[13] Имеется в виду дочь Плетнева, Ольга Петровна. Плетнев, получив гоголевское письмо (см. ***1849. Апреля 8. Пятница Светлой седмицы. Санкт-Петербург***), зачеркнул: «Александровне», – и надписал: «Петровне» (*Городецкий*. С. 456).

[14] Ишимова.

АПРЕЛЯ 6. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ[1]

Ф. А. фон Моллер пишет Гоголю в Москву:

«Поздравляю вас с праздником... <...> Христос Воскресе! Очень приятно было мне узнать от брата моего[2], видевшего вас в бытность свою в Москве[3], что вы, слава Богу, здоровы. Жалею только, что он не мог поведать мне ничего подробного о вас и о том, каково вы совершили ваше путешествие к Святому Гробу. Брат сказал мне, что вы с великим участием расспрашивали его об Иванове и о его картине[4] и об Иордане. При всем моем желании удовлетворить вашему любопытству на этот счет, могу сказать вам об Иванове только то, что я оставил его в Риме[5] совершенно здорового, бодрого духом; теперь же от времени до времени получаю от него письма, из коих видно, что он здоров и что вообще в положении его ничего не изменилось. Впрочем в письмах своих ко мне он ограничивается только говорить о своих делах по наследству, оставшемуся по смерти отца его[6], которого он имел несчастие лишиться в исходе прошлого лета. О себе же говорит он очень мало; о картине же подавно ни слова. В бытность мою в Риме он еще все продолжал никого не допускать в свою мастерскую и даже избегать всякого разговора о картине. Одно только мне известно, что он работает ее постоянно, и что она сильно подвигается у него к концу. Об Иордане мне также известно, что он оканчивает свою доску[7], с которою в конце нынешнего года намеревается возвратиться в Россию. Он порядочно поседел; впрочем по-прежнему здоров и весел. На днях узнал я от одного художника, которому писали из Рима, что Иордана опять[8] заставили вступить в Чивику (национальную гвардию) и что его будто бы видали с ружьем. Вообразите себе Иордана с ружьем! я думаю, ему никогда и во сне не снилось, что под старость придется нести солдатскую службу. <...> Брат мой кланяется вам и с благодарностью возвращает вам при этом письме семьдесят пять рублей серебром, которые вы ему столь обязательно одолжили в бытность его в Москве».

[1] С 14 ноября 1848 г. до июня 1849 г., а также во второй половине сентября 1849 г. Моллер находился в Петербурге – после чего выехал в Рим. 16 августа 1849 г. «академик и отставной штабс-капитан Моллер получил дозволение отправиться в Рим для окончания начатой им большой картины *Иоанн Богослов, проповедующий на острове Патмос,* сроком на шесть месяцев» (*Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 133).

[2] У Моллера было несколько братьев (среди них – Павел Антонович (1808–1897), контр-адмирал, впоследствии вице-адмирал; Эдуард Антонович (1820–1879), ротмистр, впоследствии генерал-лейтенант). В данном случае имеется в виду Василий Антонович фон Моллер, приехавший с братом Федором Антоновичем в Рим в 1846 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 661; ***1846. Сентябрь <августа вторая половина – сентября средина>. Неаполь***).

[3] См. ***1849. Январь-март. Москва.***

[4] «Явление Мессии».

[5] Моллер покинул Рим во второй половине октября (н. ст.) 1848 г., получив известие о кончине в Петербурге 5 октября 1848 г. его отца, адмирала А. В. фон-Моллера,

[6] Отец Иванова художник А. И. Иванов умер в Петербурге от холеры 12 июля 1848 г. О смерти отца Иванов узнал по приезде в Рим в средине октября (н. ст.) 1848 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 501, 503–504).

[7] Речь идет о гравюре по картине Рафаэля «Преображение», над которой Ф. И. Иордан работал в Риме с 1834 до 1850 г. Гоголь упоминает об этой гравюре в статье *I. Завещание* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** – примечания).

[8] См. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***.

АПРЕЛЯ 7. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«Христос Воскрес! Что с вами, милый и добрый Александр Андреевич? Я ничего о вас не знаю. Спрашивал у Чижова[1], он мне сказал о вас очень мало, почти ничего. Только и узнал, что вы, слава Богу, еще живете... <...> Здоровье мое кое-как живет. Дух хоть и не всегда бодр, но не спит – держусь и креплюсь. <...> Пора вам в Москву. Здесь так много открывается древностей и преимущественно по вашей части, что вы не обсмотрите и в целые годы»[2].

[1] См. ***1849. Марта 17. Четверг. Москва***. – Об Иванове Гоголь спрашивал в те же месяцы у В. А. фон Моллера (см. ***1849. Январь-март. Москва***; ***1849. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург***).

[2] Ответ А. А. Иванова см.: ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим***.

АПРЕЛЯ 8. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] поздравительное письмо Гоголя из Москвы[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 456.

[2] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***.

АПРЕЛЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.

[2] *Гриц*. С. 432.

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 9–11. МОСКВА

Гоголь в обществе Н. А. Рамазанова, И. К. Айвазовского, М. С. Щепкина и др. присутствует в одном из московских домов на обеде с французским художником бароном Ж. А. Т. Гюденом[1].

В 1863 г. Рамазанов вспоминал: «В то время, как царская фамилия приезжала в Москву для освящения нового кремлевского дворца[2], прибыл и французский художник Гюдень, имевший помещение в кавалерском флигеле того же дворца.

Тогда Гюдень был приглашен пообедать запросто в одном доме, в обществе художников, литераторов, и в том числе Гоголя. Известно, каково бывает это запросто в доме зажиточного радушного московского барича.

Начать с того, что Гюдень заставил всех очень долго ждать себя и голодать, почему брат хозяина дома поехал за ним в карете; наконец раздался звук колокола на парадной лестнице и в залу вошла французская знаменитость, в каком-то синем казакине, с грудью, сплошь увешенною орденами разных наций. В это мгновение мы входили в залу же из гостиной, с противуположной стороны, — и Гоголь увидав Гюдена в таком странном наряде, тут же заметил: да это курьер, а не художник! — Чтобы занять французского живописца, каждый из гостей ловчился говорить по-французски (большинство плохо говорило на этом языке). Перед обедом хозяин дома отрекомендовал присутствовавших, называя писателя Гоголя, почтеннаго сценическаго артиста М. С. Щепкина и других художников и литераторов. Айвазовский, давно знакомый с Гюденом, сидел рядом с ним... стало быть французский художник знал, был предупрежден, с кем он обедает; но удивляясь, действительно прекрасным, живым картинам из русской истории, бывшим в ряду празднеств, сопровождавших освящение новокремлевсваго дворца[3], Гюдень воскликнул: "я думал, что праздники ограничатся рядом военных эволюций и парадов, и никак не воображал, чтобы русские, здесь в Москве, могли устроить такие бесподобные, вполне изящные картины!" — Мы переглянулись, иной пожал плечами, а Гоголь с видимою решительностию не говорить более с Гюденом, обратился к остывавшему уже в его тарелке борщу, да и прочие гости смолкли, и Айвазовскому одному пришлось вести разговор с иностранным художником. В конце обеда, сам Гюдень начал занимать нас, вынимая из кармана то письмо к нему от герцога Рейхштатского[4], то письмо Людовика-Филиппа и других именитых особ, которые давал на прочтение. В это время подавали мороженое и письма эти обошли круговую гостей, без прочтения. И после обеда мне слышалось замечание Гоголя: да это курьер, а не художник!»[5]

Н. Н. Кузьмин в 1901 г. сообщал: «Иван Константинович часто рассказывал также, что с Гоголем он встречался впоследствии в Петербурге[6] и Москве»[7]. (Об еще одной вероятной встрече Гоголя и Айвазовского в Москве см.: ***1852. Января начало. Москва.***)

[1] Жан Антуан Теодор де Гюден (Gudin, 1802–1880), французский художник.

[2] Освящение Большого Кремлевского дворца, сооруженного по проекту архитектора К. А. Тона после разрушений Кремля в 1812 году, состоялось в пасхальную ночь 3 апреля 1849 г. (см. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***).

[3] В честь освящения Большого Кремлевского дворца в субботу Светлой седмицы, 9 апреля 1849 г., в доме московского генерал-губернатора графа А. А. Закревского было устроено театрализованное шествие, в котором были представлены жители народов мира и знаменитых русских городов и областей — Киева, Владимира, Москвы, Петербурга и др., а также исторические лица: Добрыня, Ермак, Иван Сусанин, князь Д. М. Пожарский, М. В. Ломоносов и др. 11 апреля 1849 г. это празднество было повторено в зале благородного собрания. — См. также коммент. к письму С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 8 марта 1849 г.: ***1849. Марта 8. Вторник. Москва.***

[4] Наполеон II Бонапарт (1811–1832), герцог Рейхштадтский (с 1818 г.), сын Наполеона I.

[5] *Рамазанов Н. А.* Гюдень в Москве // *Свод.* Т. 3. С. 569–570.

[6] Когда Гоголь 12 сентября 1848 г. уехал из Москвы в Петербург (см. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва***) и вернулся в Москву 13 октября 1848 г. (см. ***1848. Октября 13. Среда. Москва***), Айвазовский осенью 1848 г. приехал в Москву, где на выставке в Московском училище живописи и ваяния, проходившей с 27 сентября по 7 октября, выставлял свои картины (см.: *<Шевырев С. П.> С. П.* Выставка в залах Художественного училища // Москвитянин. 1848. № 11. Отд. 5. С. 45; Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 104–105). Таким образом, их встреча в Петербурге или в Москве в этот период маловероятна.

[7] Воспоминание о профессоре И. К. Айвазовском Н. Н. Кузьмина // *Свод.* Т. 3. С. 313.

АПРЕЛЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский на собрании у М. В. Петрашевского[1] читает зальцбруннское письмо В. Г. Белинского[2] к Гоголю[3].

Якубович И. Д., Орнатская Т. И. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 158.

[1] Михаил Васильевич Петрашевский (Буташевич-Петрашевский, 1821–1866), юрист, публицист, переводчик, организатор кружка (1845), в котором изучались и пропагандировались социалистические учения. В 1849 г. осужден на бессрочную каторгу.

[2] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[3] См. также ***1849. Июня 20. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ НАЧАЛО <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«Моллер мне сообщил, что вы в Москве и желаете от меня письма[1]. Я бы очень хотел знать, что вы скажете мне о Завьялове[2]; ведь этот человек совершенно был на своем месте, Москва предпочла Скотти. Не знаю, были ли вы всему этому свидетелем и как дело теперь».

[1] Ср. ***1849. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1849. Февраля 8 <января 27>. Четверг. Рим*** (примечания). – См. также ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим.***

АПРЕЛЯ 16. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь отправляет в Петербург письмо к графине Анне М. Виельгорской, с вложением письма к графине С. М. Соллогуб и ответного[1] послания к Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к Виельгорской: «Христос Воскрес! На мое длинное письмо[2] вы ни словечка, Софья Миха<й>ловна тоже. А я писал и к вам и к ней за три дни до Светлого Воскресенья. <...> ...И в этом письме, так же, как и в прежнем, повторю вам то же: не оставляйте вашего доброго желания быть Русскою в значеньи высшем этого слова. Только одним этим путем можно достигнуть к выполненью долга своего на земле. Когда вы будете в Москве и взглянете на все ее святыни и увидите в старинных церквях ее останки древнерусской жизни, – вы тогда поймете это. О многом придется поговорить тогда; теперь же боюсь вам наскучить и сказать что-нибудь непонятное. Скажу вам покуда только то, что я убеждаюсь ежедневным опытом всякого часа и всякой минуты, что здесь, в этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для Бога*. Опасно и на миг упустить это из виду. Человечество нынешнего века свихнуло с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для Бога. Даже и в минуты увеселений наших не должны мы отлучаться мыслью от Того, Который глядит на нас и в минуты увеселений наших. Не упускайте и вы этого из виду. Будем стараться, чтобы все наши занятия были устремлены на прославление имени Его и вся жизнь наша была неумолкаемым Ему гимном. Вы любите рисовать – рисуйте же всё то, что служит к украшенью храма Божья, а не наших комнат; изображайте светлые лики людей, Ему угодивших. От этого и кисть ваша и мысли станут выше. Вы получите несравненно больше услажденья, вам не нужен будет и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри вас, станет вашим учителем и поведет вас к совершенству в искусстве. В Москве будет вам много пищи. В древней иконописи, украшающей старинные наши церкви, есть удивительные лики и на ликах удивительные выражения. В прежнем письме я просил вас особенно позаботиться о славянском языке. Он будет вам очень нужен. Чтение Еван<гелия> и посланий апостольских на славян<ском> языке – лучший к тому путь. Посылаю вам покамест книгу, которую вы, может быть, не читали. Если ж и читали, то все-таки прочтите, потому что в ней много есть такого, что с первого разу не дается. Это книга Шевырева о древней Русской словесности[3]. Она послужит вам прологом к чтенью тех книг, в которых

раскроется вам вполне Русская жизнь. Еще к вам усердная просьба. Посылаю вам деньги, на которые прошу вас приказать взять для меня в синодальной лавке "Христианское чтение" за прошлый 1848 год. Там помещена целиком, начиная с 1-го номера, церковная история Евсевия Кесарийского первых веков[4]. Эту историю прочитайте, она не только не скучна, но занимательна необыкновенно. Евсевий Кесарийский был сам почти современник описываемых происшествий, застал еще учеников апостолов. Прочитавши эту историю, вы узнаете в самом деле, что такое была жизнь древних Христиан. Это вам также поможет много к узнанию, что такое истинно Русская жизнь. Книгу эту можете удержать у себя сколько хотите, а в Москву привезите с собою».

Из письма к Соллогуб: «Христос Воскрес! Все-таки пишу к вам, добрейшая Софья Миха<й>ловна, хоть вы не хотели отвечать ни одной строчкой на письмо мое, писанное за три дни до Светлого праздника; и на приветствие мое "Христос Воскрес" не хотели отвечать: "Воистину Воскрес". Анна Миха<й>ловна тоже не отвечала. О графине вашей маминьке[5] ничего не говорю, она решилась меня навсегда выбросить из памяти. Авось это письмо будет счастливее предыдущего, и вы меня уведомите о себе самой и обо всем том, о чем я задавал вам запрос, равно как и о том, где будете проводить лето. Утруждаю вас при сем случае маленькою просьбою. Вероятно, вы видите Чернышевых-Кругликовых[6]. Передайте им следуемое при сем письмо Моллеру»[7].

[1] См. ***1849. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва.***

[3] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** (примечания).

[4] «Церковная история» Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской, повествует о жизни Церкви от ее начала до IV в.

[5] Л. К. Виельгорская.

[6] Граф Иван Гаврилович и графиня Софья Григорьевна Чернышевы-Кругликовы скончались в 1847 г. (см. ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** — примечания). Вероятно, Гоголь имеет в виду их детей: сестер-близняшек Александру (1832–1926; в замужестве Пашкова) и Елизавету (1832–1922; в замужестве, с 1851 г., Черткова) и брата Ипполита (1834–1907).

[7] Ответ Соллогуб см.: ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 22. ПЯТНИЦА

Д. К. Малиновский пишет Гоголю (письмо было закончено и отправлено позднее, 25 апреля 1849 г.[1]):

«...Взгляну пристальнее, какие мысли <...> лежат во мне о вашей последней книге... <...> При ее появлении я прочел ее мельком и, кажется, не всю, миновав некоторые литературные в ней статьи. Еще до чтения ее я о ней слышал разные смутные вести, между которыми одна особенно выдавалась, что вы очень больны. Как будто слышалось даже, извините, что болезнь оказала влияние на ваши умственные способности и что вы уже вовсе не то, что были... Наконец я увидел вашу книгу. Читать ее я должен был с одним молодым, добрым, миловидным и аккуратным господином[2], который очень любит быть забавляем и до сих пор не может не смеяться, вспомнив, как Чичиков слепил из воску снегиря и как жена Собакевича умывала руки рассолом. <...> Мы вместе читали вашу книгу и многие места в ней очень его забавляли, те, где вы говорите особеннее и с большим увлечением. Все это вместе с слухами, приготовившими меня к чтению, в самом деле показывало мне, что книга — не обыкновенный плод, подобный прежним, а болезненное извержение. Но не смотря ни на что, книге вашей я несказанно обрадовался, я увидел в ней плод достойный вашего таланта, а по значению содержания он мне показался еще ценнее прежних обыкновенных. Болезнь, какая была в вас, дала только форму книге, и не более; содержание же было плод не болезни или — все после этого плод болезни.

Прочитав вашу книгу, я написал к вам[3], что вы по моему мнению открыли ею для пера дверь в новую область. <...> ...Являлось одно: дело поэзии на поприще философии. На земле истинным философом может быть только поэт. Путешествовать по философии нельзя с одною способностию к логическим выводам. <...> Прибавь поэт мысль к поэзии, и он драгоценный человек для челове-

чества, для государства, для общества, он философ, каким философу подобает быть — выше будничного человека, рассуждать всегда способного. Если я хочу рассуждать о жизни, я должен <...> созерцать ее <...> в том отдалении, чтобы рисовалось передо мною целое; на это способен только поэт. Философ не поэт полезет как червь, поэт могуч перед ним как орел — это неоспоримо!.. <...> Поэт-философ для изумленной черни пророк — и баста; таков, должно быть, был божественный Платон... <...> Смутно, в облаках носился предо мною величественный образ поэта-философа, открыто, но не совсем представлялось мне его дело, я мечтал, мечтал и мечтал... Ваша книга вдруг упала передо мною; раскрываю ее и вижу: именно о том... <...> И рецензии и суждения о вашей книге я пропускал почти без внимания, с полувниманием, как будто отлагая дело до будущего... <...> Теперь толки о ней или лучше сказать порицания ее стали для меня явственнее. <...> В суждениях, которые разошлись о вашей книге, должно быть, декларации приняты за самое представление. Что касается до меня, я не вижу в ней никакого противоречия тому духу, который характеризует ваши сочинения и проявляется в них, образуясь с течением времени все больше и больше; иные же говорят, что вы в ней как будто бы перерождаетесь. <...> Подвиг, на который вы рискнули, можно сказать, геройски, подвиг на пути вашего самоулучшения, увенчался успехом: из суждений о вашей книге вы много дорогого могли внести в кладовую нравственности вашей души... Но еще не воздана должная честь вашей книге. Ваша книга состоит из двух частей: одна, которую вы, с большим правом, посвятили себе, и другая — для других. Первая может быть исполнила уже свое назначение, вторая еще ждет себе панегирика! (Я не читал еще разбора Степана Петровича Шевырева[4], не читал может быть и многих других и, вообще, *могу* много не знать, потому что говорю только еще принимаясь узнавать и рассуждать настоящим образом.) На настоящее содержание вашей книги ни в одной критике не был устремлен взор достойный его... <...> Никто, кажется мне, приступая к разбору вашего произведения, не запасся любовию к нему как к новому факту для литературы...»

[1] См. ***1849. Апреля 23. Суббота***; ***1849. Апреля 25. Понедельник***.

[2] Лицо неустановленное.

[3] Имеется в виду письмо от 1–12 апреля 1847 г. (см. ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***).

[4] Имеется в виду статья С. П. Шевырева «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя», напечатанная в 1848 г. в журнале «Москвитянин» (№ 1. Критика. С. 1–29) (см. ***1847. Декабря 17 <29>. Среда. Москва*** — примечания; ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса*** — примечания).

АПРЕЛЯ 23. СУББОТА

Д. К. Малиновский продолжает начатое накануне[1] письмо к Гоголю (письмо было закончено и отправлено через день, 25 апреля[2]):

«Говорили, что вы утратили силы писать сочинения подобные прежним — чрез свою новую книгу. <...> Объективное творчество — его оффиции[3] как художника, его наслаждение как простодушного поэта; субъективность — его потребность как мыслящего существа... <...> Он не может быть машиной, чтобы беспечно производить объективные игрушки... <...> ...Может ли поэт покойно и сильно творить, когда в нем не перегорели современные вопросы? и благотворна ли для чистоты его фантазии гроза, освещающая современность? Вот какими вопросами я встретил бы одну часть вашей книги и перешел бы к разбору другой.

О другой части, в которой вы являетесь на кафедре наставника, я скажу теперь немного. Журналам, во-первых, не понравился ваш беззатейливый тон, где вы говорите без хитрости... <...> Мы должны бы, кажется, видеть, с какой кислой миною встречает круг наших философов нового себе собрата!! <...> ...Мы пропустили мимо глаз судорожные корчи на безжизненных лицах наших беспогрешных светил... <...> ...Ваша книга была для публики пробным камнем журнальной добросовестности (публика этого еще не знает). В моих глазах ваша книга многих бестрепетных, непобедимых рыцарей вышибла из седла... Каждая статья в вашей книге требует от критика статьи еще большей. В книге вашей нет целого: вы, занесясь в новую область, были смущены неизмеримою ее огромностию, блестящими ее плодами и нарвали их, не позаботясь даже о надписях для них: откуда ваши дива и где каждому место; чувствуя их в своих карманах, вы с радостным трепетом сердца

понесли их на показ братии... Критик должен пополнить извинительный недостаток, происшедший из доброго источника: вы хотели братию скорей обрадовать и пренебрегли трудом отделки, которая особенно в наш английский век необходима. <...> Даже не ошибиться вправду не легко, встретив ваши новые сюжеты, помирить же с ними существо наших критиков еще труднее... <...> Я верую в то, что организация и элементы Русской жизни лучше других современных, и развить эту мысль, объяснить некоторые вопросы и дать верное направление к некоторым добрым стремлениям — дело весьма важное. <...> ...Книга ваша важна особенно ныньче, когда предстоит столько соблазнов погребсти себя в нераспутываемые тенета, в господствующий по многим местам мрак. Стоит только дать вашей книге опору и силу, и она должна принести плод.

В журналах развито много справедливых и прекрасных идей, но главными журналистами владеет современная болезнь, замеченная вами, *гордость ума*[4], которая имеет большие ослепляющие свойства... <...> Больные начинают *следить век* и другие припадки себе производят, а простая истина стоит, как Крылова ларчик[5], нераскрытою. <...> Кто говорит, что нет прекрасного у Французов, у Немцев, у Китайцев? Петр Великий много заимствовал у Иностранцев, но он не завидовал им. Так и мы, заметив и украв у чужеземцев хорошее, должны этим и ограничиться. Сок их нечего сосать, он оказывается тлетворен, а у нас есть вместо него свой, который если не сформировался еще, так тем лучше, потому что это значит, он будет еще лучше, чем теперь.

Публика как будто забыла вашу книгу, но стоит развернуть ее и увидишь, что написанное в ней не того десятка, чтобы скоро забываться. Надо ждать и действовать и из вашей книги выкраивать томы... <...>

Покорнейше прошу вас, Николай Васильевич, прочтя мною написанное, заметить мне о нем, что-нибудь насчет его справедливости. <...> Я всегда много думал о науке, которою надо учить человека жить. Создать эту науку в общем виде едва ли есть возможность, но в частных отделах она может быть <...> хорошо обработана. <...> ...В вашей книге <...> единство <...> проступает, но <...> не выработано целое... <...> Единство его — дух осмысливающий христианскую и русскую жизнь, мирящийся с русскими началами — русская философия. <...> Наконец я в совершенном неведении: теперь какое вы участие принимаете в начатом вами деле, продолжите вы его или нет? Этот вопрос весьма меня занимает. Я думаю, что пора начинаться русской философии...»

[1] См. ***1849. Апреля 22. Пятница.***

[2] См. ***1849. Апреля 25. Понедельник.***

[3] Обязанности, служебные занятия (*лат.*).

[4] Имеются в виду строки статьи *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого, — гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком».

[5] Подразумевается содержание басни И. А. Крылова «Ларчик».

АПРЕЛЯ 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский по делу петрашевцев арестован и заключен в Петропавловскую крепость[1].

Якубович И. Д., Орнатская Т. И. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 160–162.

[1] См. также ***1849. Апреля 15. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1849. Июня 20. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК

Д. К. Малиновский заканчивает и отправляет Гоголю письмо, начатое 22 апреля[1]:

«Бог знает как обнять вашу книгу!.. Перед критиком была не книга, а ваша прихоть, перевитая с идеями, в ином месте голыми. Идеи имеют одно стремление, но не представляют стройного войска... Книга ваша — первый крестовый поход. <...> ...Пустынник Петр, выдвинувший в дело, дело неготовое — вот, по моему мнению, справедливый смысл вашей книги. <...> Вы понадеялись на силу самого духа, который сам мог прочистить себе дорогу? О, поэт, дух этот разжалован, его не только гонят, на ним смеется "современная близорукость"[2], он требует сильной защиты — целого дерева или по крайней мере работы от корня. <...> Привожу для объяснения <...> ваши собственные слова[3]: "Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними, иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько принесли зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедыватели Бога, дерзавшие произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться с словом нужно честно... <...> Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений[4], когда еще не пришла в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло[5]. Заметят ли читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкают весьма часто? примут ли от него то, чем он хотел с ними поделиться? Нет; они заметят в нем одно только неряшество и неопрятность, которые прежде всего замечает человек, и ничего от него не примут". Вот ваш обвинитель — ваши собственные слова. <...> Но... в вашей же книге очень хорошо понят дух современности, близорукость, гордость ума — можно ли же было вам надеяться на исключительную для ваших слов снисходительность? <...> Приговор, который многими критиками над вашей книгой произнесен, посадил их [в капкан] на мель: загубили они рекомендацию своей многоглаголивой светлой всеобъемлемости, даже своего [беспристрастия] бесстрастия — ваша книга подарила публику драматическим событием. Лежит на арене тот, кто так недавно разъезжал по ней в светлом наряде, на прекрасном коне... Зачем вы его сбили? Он был доброе, прекрасное существо, с большим умом и эстетическим благородством! Жесток и горек был для него конец[6], горек неожиданно, негаданно, и тем более горек и ужасен!.. Так ненадежно и тленно все на земле, так пагубна желанная независимость, так мощна рука Создателя, нами правящая!..

Не вмешаемся в Суд Божий, оплачем собрата и с новою мягкостию на душе обратимся к нашей собственной работе... Да, судьба вашей книги подарила нас многими драматическими фактами... Судьба эта, не смотря на описание, которое я ей сделал, должно сознаться, еще глубже и таинственнее, так что едва ли вы сами все, или даже много в ней понимаете...

Нельзя не увлечься и не счесть вашу книгу за преддверие чего-то великого, в роде философии, об которой я толкую. Не подумайте, Николай Васильевич, что я здесь думал что-нибудь нечистое, о своем [особом] каком-нибудь величии, чтобы так, знаете, исподтишка пустить что-нибудь в ход — ей-Богу нет. А думаю я о том величии, в котором является о роде людском Промысл Божий... Как волна размывается об утес и катится, смиренная, к его подножию, так в чистую минуту смиряется и образумливается гордый, лукавый, неблагородный человек, передавшийся на сторону вражию, встретив светлое, страшное лице Правды... Что мы? Черви; кроме того, существа крайне неблагородные и не чистые пред безукоризненным лицем Творца нашего. <...> Кстати тут замечу. Проповедь о смирении не по силам человеческим. Человек в силах подвигом проповедывать смирение, словом же... только Бог. <...>

Что же говорить дальше? Дальше следует приступить к подробному разбору каждой статьи и связать их между собою, чего вы не потрудились сделать. Видите ли, какую обязанность возлагаете вы на критика? Он должен кончить ваш труд!! Иначе ему нечего делать... Пожалуй, разбирай себе дальше значение вашей книги и высказывай те мысли, которые она порождает; но это чуть ли не труд бесконечный. Должно подвергнуть анатомическому исследованию каждую статью, должно многие из них пояснить и пополнить, должно наконец их связать или по крайней мере привести в порядок. Неудивительно [после этого], что такая задача привела критиков в смущение и они наговорили, что каждый мог, много хорошего, но совершенно частного [такого же бессвязного], потому что частное только видели, а общего, которого не было, не видали; вместо этого общего они приняли шелуху, в которую завернуты были орехи и шелуху эту [в раз] в пух, хоть не совсем как должно, растрепали. Многие принимались за орехи, грызли их, но этим насмешили только благоразумного

человека своею решительною важностию при своем решительном незнании главного дела. <...> И весь круг и зрителей и действующих лиц пришел в смущение: над русскою литературою и образованностью подшутил кто-то шутку... Презамысловатая шутка; кто подшутил — Бог весть! Румяны века сами подшутили над собою, над красавицею — современным Русским образованием: румяны конфузят иногда тех, кому служат, [и так конфузят] так что те, с досады, что некого винить, готовы в самом деле показывать и сечь румяны. Одна моя знакомая немка ходила покупать китовые усы для корсета и потеряла на дороге 25 рублей; пришедши домой, чтоб отвести грызущую от сердца тоску, она без всяких шуток отодрала розгами усы и этим успокоилась: так следует поступать и тем, которых сильно доела шутка — иначе нечего делать. Вы в шутке не виноваты, потому что шутить не думали: сама собой разыгралась шутка, которая может кончиться пользою.

Я не так еще прочел вашу книгу, чтобы сказать что-нибудь о самых зернах, которые по ней рассыпаны. Для этого надобно особое и большое время. Скажу здесь еще одно, что мне кажется. Мне кажется, что в предисловии, которое при вашей книге отчасти самозванец, вы чуть ли не ошиблись, если думали своею книгою принесть читателям пользу, ту пользу, которую могли получить от ваших писем те лица, которые их получали. Ваша книга может принесть большую пользу, пользу общую, изменив в хорошую сторону направление идей целого общества (что должно быть впереди); но ожидать пользы от ее частных советов весьма ненадежно, потому уж, что нельзя к людям, которых не знаешь, привить им неведомые правила — удача тут может быть случайная. Если б ваши письма писаны были не в самом деле к частным лицам, а под этою фирмою вы имели бы в виду безличность, тогда бы было совсем другое дело. Теперь же ваши излитые в книге идеи полезны как материалы для новых задумчивых дум о благе России и человека, как материалы для философии. Ваша книга, по моему мнению, опять скажу то же, представляет образчиковые отрывки *из Русской Философии*».

[1] См. ***1849. Апреля 23. Суббота***; ***1849. Апреля 22. Пятница***.

[2] Выражение из статьи *XXVII. Близорукому приятелю* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои — гниль; они сделаны без Бога».

[3] Из статьи *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[4] Далее в цитате Малиновским пропущены слова: «досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом — в те поры».

[5] Далее в цитате Д. К. Малиновским пропущено: «Тот же наш приятель П.....н <М. П. Погодин> тому порука: он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями, сообщать им все, чего он набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем, словом — выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве. И что ж?»

[6] Подразумевается В. Г. Белинский, скончавшийся 26 мая 1848 г. По словам Г. П. Георгиевского, Малиновскому «остались чужды» суждения Белинского о «Выбранных местах...» в письме к Гоголю из Зальцбрунна, «об этом письме он нигде не говорит прямо, но один [странный и очень туманный] неясный отрывок в последнем письме, как нам кажется, должен изобразить смерть Белинского вскоре после того, как его письмо к Гоголю в многочисленных списках разошлось в русском обществе. Надо вспомнить, что одновременно с известием о смерти Белинского распространились слухи о его предполагаемом аресте, одной из важных причин которого было бы конечно письмо его к Гоголю; надо вспомнить также и то, что Малиновский писал Гоголю в конце апреля 1849 г., тотчас после ареста петрашевцев, которым чтение письма Белинского к Гоголю было предъявлено как обвинение, повлекшее за собой приговор к смертной казни. Не смея называть имени Белинского, которое было изгнано в это время из русской печати, Малиновский нарисовал аллегорическую картину, в которой все же ощущается симпатия к образу умершего критика» (*Георгиевский Г. П.* Корреспондент Гоголя — Д. К. Малиновский / Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Выпуск XI. Н. В. Гоголь. И. А. Гончаров. Редакция Н. Л. Мещерякова. <Сборник, подготовленный к печати. 1941.> // *РГБ*. Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 57 об.–58; см. то же: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 161). — См. также ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА АПРЕЛЯ. МОСКВА

Гоголь отправляет в Петербург новое[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской:

«В письме моем к вам (от 16-го апреля) я позабыл самое главное — попросить вас уведомить меня, когда именно вы будете в Москве; означьте если не самый день и число, то, по крайней мере, около какого времени ждать вас. Спросите также у Смирновой, когда она выезжает. Мне бы хотелось никого из вас не пропустить, но всех увидеть».

[1] Ср. ***1849. Апреля 16. Суббота. Москва.***

АПРЕЛЬ. МОСКВА

О. Сем. Аксакова сообщает сыну Ивану в Петербург:

«Вчера вечером был Гоголь; видно, что Москва полезно действует на него. Много отпало у него духовной гордости, но Константина он постоянно оскорбляет[1]; я поговорю с ним об этом дружески, он и сам не замечает, вероятно, а видно, что есть такие раздувательные мехи, но Бог с ними».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 782.

[1] См. также ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***; ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***

МАЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь на вечере у А. С. Хомякова. В числе присутствующих — К. С. Аксаков, Н. Ф. Павлов, П. Я. Чаадаев, Ф. В. Чижов, А. М. Языков, а также московские студенты П. И. Бартенев и С. Н. Тер-Мыкыртычьянц[1].

П. И. Бартенев записал в дневнике: «*Мая 1-го.* <...> В 8 часов вечера я отправился к Хомякову по его приглашению. Сначала сидели в кабинете, толковали о том, чью сторону должна принять Россия в предстоящей войне, Славянскую или антиславянскую. Хомяков утверждал, что непременно Слав<янскую>, и что первым делом Русских по вступлении в Галицию будет истребование, чтобы Галиция б<ыла> сделана особ<ым> герцогством. К. С. Аксаков был на его стороне. Главным противником был Павлов. Во время разговора незаметно отворилась дверь, и взошел, поклонившись только некоторым (видно было, что он был тут уже давно, шляпа его лежала в кабинете), *Гоголь*; Мы<кыртычьянц> тотчас толкнул меня и сказал, что это Гоголь. Меня несколько задело за живое. Гоголь сел в угол дивана, далеко от света, так что я не мог порядочно рассмотреть лица его, и большею частью все молчал, переговариваясь только изредка голосом малороссийским, несколько странным, с сидевшим возле А. М. Языковым, братом покойного поэта. Я устремился на него весь. Человек он весьма низенький, с черными длинными волосами, также и усами, но без бакенбард, и все лице от щек до шеи, на к<оторой> б<ыл> намотан скудный галстух, как-то голо. На нем бархатный жилет, золотая цепь, и род сюртука-кафтана, к<ак> носят Малороссияне. Он часто позевывал, теребил пальцами по подушке; наконец спросил себе воды, выпил и, ни с кем не простившись, взял шляпу и тихонько вышел. Вот мои первые впечатления при виде Гоголя. В его манерах и особенно голосе мне, не знаю основательно ли, припомнился О. М. Бодянский.

Вечер и ужин шли очень весело; ужинали на столиках; к сожалению мне пришлось сидеть с дамами, и подле меня с одной стороны сидел *Чадаев*, с другой *Чижов*, премилый человек, любящий Италию. — Аксаков был просто душа, с каким чувством он читал стихи Хомякова "Ключ"! — Хомяков всех занимал и привлекал своею любезностью.

Воротился я почти в 5 часов утра, и сегодня встал в 11 часу»[2].

Позднее Бартенев рассказывал своей дочери Т. П. Бартеневой: «В доме Хомякова <...> встречался я и с Гоголем, который производил не на меня одного неприятное впечатление: это был

какой-то недотрога, довольно скудно одетый, но с великолепным бархатным жилетом с золотою цепью часов»[3].

Ф. В. Чижов в 1854–1855 г. сообщал П. А. Кулишу: «В Москве — помнится мне, в 1849 году — мы встречались часто у Хомякова, где я бывал всякий день, и у С<вербеевы>х[4]. Он тоже был всегда молчалив, и тогда уже видно было, что он страдал. Однажды мы сошлись с ним под вечер на Тверском бульваре.

— Если вы не торопитесь, — говорил он, — проводите меня до конца бульвара.

Заговорили мы с ним об его болезни.

— У меня все расстроено внутри, — сказал он. — Я, например, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчас же воображение за это ухватится, начнет развивать[5] — и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают мои силы»[6].

За семь лет перед тем, 17 февраля 1842 г. Гоголь, сообщая М. П. Балабиной о своем болезненном состоянии, замечал: «Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене[7], а особливо когда я почувствовал то подступившее к сердцу волненье, которое всякий образ, пролетавший в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец совершенно сомнамбулическое состояние».

[1] Степан Никитич Тер-Мыкыртычьянц, товарищ П. И. Бартенева и П. А. Бессонова по словесному отделению Московского университета.

[2] *Бартенев П. И.* Мои записки с февраля 1849 года (2-й год студентства) // *Свод.* Т. 3. С. 696–697.

[3] Воспоминания П. И. Бартенева в записи его дочери Т. П. Бартеневой // *Свод.* Т. 3. С. 699.

[4] Предположение, что под сокращением «С—х» могут подразумеваться Смирновы, — маловероятно. В 1849 г. А. О. Смирнова приехала в Москву 15 июня (см. ***1849. Июня 15. Среда. Москва***). Ф. В. Чижов на некоторое время уезжал из Москвы в Петербург и вернулся 4 июля 1849 г.; в этот день Гоголя не видел (см. письмо Чижова к А. А. Иванову от этого числа: ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва***). 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым (см. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***).

[5] См. также ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск*** (свидетельство А. О. Смирновой в записи П. А. Висковатова).

[6] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 49.

[7] См. ***1840. Августа вторая половина — конец <августа начало — средина>. Вена***.

МАЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОДЕССА

В. И. Белый отправляет Гоголю письмо, начатое 27 апреля 1849 г. (поводом для письма стала просьба Гоголя к читателям в предисловии «К читателю от сочинителя» ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (М., 1846) присылать ему замечания на книгу; согласно адресу, указанному Гоголем в предисловии, послание было адресовано в Москву С. П. Шевыреву).

Письму Белый предпослал два эпиграфа: «Любезно бо приемлете безумныя, мудри суще. — Втор<ое> посл<ание> к Коринф<янам>. XI, 19»; «Подумаешь, подумаешь — грех; а роздумаешь — воля Божа. — Присловье».

Из письма Белого: «Христос Воскресе! <...> Выслушайте мою простую, грубую речь, в которой решился я изложить просьбу мою к Вам хоть не о "деле", но о "правде дела"[1]; а между делом и мои грешные помышления. <...> Я простого, мещанского рода и низшего образования, прошел только дьяконскую школу... <...> Первая книга, которую досталось мне прочитать, был перевод романа Жанлис: "Альфонсина, или материнская любовь"[2]. <...> Впоследствии из других книг высмотрел я лучшую жизнь человека и стал иметь свое особенное понятие о свете и даже о литературе... <...>

Года с три я читаю уже, по возможности, лучшие книги и журналы, следовательно, знаю Вас так, как знают и другие грамотные русские люди. "Мертвые души" и "Выбранные места из переписки с друзьями" произвели на меня неизъяснимое действие, задали фосфору душе... <...> При чтении поэмы со мной происходило то, что может происходить в душе человека, борющегося с страшною смертию. Не преувеличиваю. Хотя я испытывал сильные душевные потрясения и от других книг, особливо повестей, где раскрываются печальные семейные сцены (это мой любимый род чтения), но все не так томила меня грусть и боль души: я ненавидел себя одного. Непостижимо для меня в поэме Вашей нет печальных драм и герои — люди не моего сословия, не моего разряда, а как-то пришлись и мне в близкую родню. А читая "Выбран<ные> места из пер<еписки> с др<узьями>", я проникался каждым словом, болел и сильно почувствовал, в чем более испорчен у меня характер, какие были тому причины и кто виноват. Простите за распашку: я припомнил, я раскрыл в сердце своем всю мою ничтожную жизнь, выкопал все мои гадкие поступки, и даже то, что когда-то мучил бедную собачонку. Все выкопал, все... Но при этом чтении я был недоволен уже и на других, даже, простите моей мысленной дерзости, немножко и на Вас, за один совет, который нисколько не касался моего бедного положения. Слова же Ваши в сей книге, составляющие рассказ о Вашем душевном обстоятельстве[3], особливо на стр. 144, строки 14 и 15, — есть роковые для меня слова: они въелись в мое сердце и запали в душу, как тревожная, но благодатная надежда. Это мой якорь спасения, это! мало того, извините за безумную откровенность, мне кажется, что из сих же строк и некоторых последующих я понимаю Ваше внутреннее состояние, Ваше стремление к какому-то великому подвигу, но не умею хорошенько этого объяснить, как не в силах ясно выразиться о странной природе моего характера: он впечатлительной до слез и тревожный до болезни. Но страннее еще то во мне, что, не находя толку в самом себе, мне думается, что я понимаю внутренний дух человека вообще. Знаю сам, что это чересчур глупо и смешно, но, что делать, чувствую иначе, от чего иногда мучусь душевно. Односторонняя ли это у меня природа или природная глупость — не знаю; верно, у меня мертвая, бестолковая душа и нет ни капельки благоразумия.

"Мертвые души" читал я прежде, давненько, в первом издании, почему вовсе не знал и не слышал (да верно и лучше было [бы], когда бы не знал), что при втором издании есть Ваше предисловие к читателю, которое вот только теперь увидел, читая во второй раз поэму. Новое чтение не производило уже на меня такого жесткого впечатления, как прежде; я даже хохотал от некоторых мест, но над мыслями и естественностью немел. В "Мертвых душах", по моему грубому понятию, нечего исправлять, разве бы расширить рассказ о жизни Чичикова до появления его в свете отставным Чиновником; но всего нужнее описать его детство, раскопав семейное гнездо его родителей, в которое Вы уж заглянули зорко. Это принесет благодетельную пользу. Здесь, как заметил я, принялся один Собакевич, и то принялся он между людьми, имеющими претензии на образование: нынешние фраки они называют a la Собакевич... Покажите чистым людям человеческую грязь. Они посмотрят хоть одним глазом, как смотрят на другие вещи, и смотрят так, *як заглядуе сорока в кистку*[4]. Это мужицкая фраза, но умнее выразиться я не нашелся. Так высоко не сказал и Ф<аддей> В<енедиктович>[5]. — Да если бы и нашлось, что исправлять в поэме, то я не в силах сделать годных замечаний. Скажу только во-первых, некоторые Ваши рассуждения помимо истории несколько темны для меня, темного человека, а на странице 254 я понимаю или пророчество[6], или вовсе ничего не понимаю; а во-вторых, Чичиковы есть разных родов. (Ни от кого Вы не дождетесь таких замечаний на героя Вашего, какие представляет их важность дела, напечатанного в С<анкт>-П<етер>бургских Сенат<ских> Ведом<остях>, 1848 года, № 66, стр. 994. Если Вы не читали оного, потрудитесь прочесть. NB Стоит внимания.)»

Имеется в виду напечатанный в указанном номере «Санктпетербургских Сенатских Ведомостей» за 1848 г., в заключительном разделе «V. Взыскание по службе», обширный следственный материал под заглавием «Высочайше конфирмованная сентенция военного суда». В статье излагается дело об осуждении четырнадцати помещиков и восьми чиновников Мозырского уезда Минской губернии «за злоупотребления и неправильные действия, при составлении в 1843-м году планов и статистических описаний незаселенным землям, отданным в залоги, по питейным откупам и другим подрядам с казною»[7]. В записке к С. Т. Аксакову от 16 мая 1849 г. Гоголь писал: «Статья мне нужная напечатана в С.-П<етер>бургск<их> сенат<ских> ведомостях 1848 № 66»[8]. Очевидно, эта просьба к Аксакову была связана с сообщением Белого.

Как следует из материалов дела, помещики отдавали земли в залог казне, преувеличивая при этом на бумаге количество земель, сравнительно с действительным, в четыре раза. Материал этого расследования Гоголь мог бы использовать, изображая мошенничества Чичикова во втором томе поэмы, а именно отдачу им в залог несуществующих земель. Содержание следственного дела о злоупотреблениях в Мозырском уезде перекликается с речью генерал-губернатора в заключительной главе второго тома поэмы. Прежде всего обращает на себя внимание масштаб этого дела, сопоставимый с тем, о котором упоминает гоголевский генерал-губернатор. Для расследования дела о мошенничествах в Мозырском уезде была назначена особая Комиссия военного суда во главе с генерал-губернатором Ф. Я. Мирковичем; о деле было доложено самому Императору. Подобным образом генерал-губернатор в «Мертвых душах» намеревается вести дело не обычным судебным порядком — «не формальным следованьем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>», — и доложить о злоупотреблениях Государю. В свою очередь угроза князя, что «главным зачинщикам должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим отрешенье от мест», соответствует наказаниям, которым были подвергнуты виновные по мозырскому делу: они были наказаны лишением чинов и дворянства и отрешением от должностей (некоторые из них провели перед тем по три года под арестом в Бобруйской крепости).

Помимо двадцати двух наказанных, мозырское дело затронуло еще несколько десятков человек. Оно коснулось самого минского гражданского губернатора Г. Г. Доппельмейера (генерал-губернатор Ф. Я. Миркович обвинял его «в неосмотрительных и поспешных действиях»[9]), затронуло доверенное лицо Доппельмейера капитана корпуса жандармов Хитрово и их секретного агента гродненского «5-й гильдии купца еврея» Вильбушевича, а также связанного с последним житомирского «5-й гильдии купца еврея» Фишеля Ланда (оба были замешаны в мошенничестве) и др.[10] — Примечательно, что в «Мертвых душах» князь обращает свою речь ко всем чиновникам города без исключения, в том числе к губернатору («Бесчестнейшее дело, — говорит князь Муразову, — и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор...»). В той же связи находятся слова Муразова, когда тот советует князю выступить перед чиновниками: «У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русский». Князь в свою очередь говорит о том, что намеревается «сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце, и <которым> понятно [и знакомо] сколько-нибудь слово *благородство*».

На возможное использование в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» материала Мозырского дела указал впервые С. Н. Дурылин (письмо Белого не было ему известно). Исследователь отмечал: «...Гоголя заинтересовало в "Ведомостях" <...> громкое дело о мошенничествах, плутнях и хищениях с белорусскими незаселенными землями, достигших таких размеров, что потребовалось вмешательство военного суда. Такое дело, зачерпывающее всю грязную провинциальную гущу помещичьей спекуляции и чиновничьего казнокрадства, могло дать обильный материал для изображения тех широчайших плутней и хитрых хищений, которые при участии Чичикова, как паутиной, опутывают всю губернию в конце второго тома "Мертвых душ". Кажется, можно даже указать на приметный след пользования Гоголем в этом месте сведениями из № 66 "Сенатских ведомостей". Вторая эпопея похождений Чичикова оканчивается тем, что "завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах... Произошла такая бестолковщина... и солнце не видывало... Скандалы, соблазны и все так замешалось и... нельзя было поймать нити дела". "Нужно, — заканчивает Гоголь обзор путанных происшествий, сплетшихся с делом Чичикова, — было прибегнуть к насильственным мерам". Генерал-губернатор созвал чиновников и объявил им: "Уезжая в Петербург, я почел приличным... объяснить вам отчасти причину... не менее бесчестных дел... Известна мне даже и сокровенная цель... невозможность решить формальным порядком... Но дело в том, что я намерен... я полагаю военный суд единственным средством". Эта речь генерал-губернатора не могла не казаться доселе одной из самых ярких "гипербол", к которым не перестал Гоголь прибегать и во втором томе поэмы как к напряженнейшему приему художественной выразительности. В самом деле, как бы ни были путанны и злокозненны плутни казнокрадов, опутинившие всю губернию, все-таки это дело был таким "штатским" преступлением, которое могло, в крайнем случае, вызвать строгую сенаторскую ревизию, а никак не военный суд. "Военный суд" гоголевского генерал-губернатора не мог не представляться нам лишь художественным "приемом", достаточно рискованным и так же мало убедительным, как вся фигура "генерал-губернатора": в том и в другом поражали нарочитость и малая связанность с действительностью. № 66 "Сенатских ведомостей" неоспоримо доказывает, что такой "военный суд" по штатскому делу был не художественный прием и вымысел Гоголя, а живая действительность. <...> Хищения и казнокрадства, за которые предавались военному суду помещики Мозырского уезда, были схожи с деяниями Чичиковых, Леницыных и юрисконсультов, за которые генерал-губернатор испрашивает им у государя военный суд. Читал ли Гоголь № 66 "Сенатских ведомостей" до того, как написал речь генерал-губернатора, построив ее на мозырском известии, или, наоборот, только подвел фактом жизни крепкий фундамент под свой вымысел, — безразлично. И то, и другое свидетельствует, что Гоголь стремился в своих художественных построениях опираться на подлинные факты действительности и часто именно от "служилых" Ивана и Григория Аксаковых он и собирал их. Об отборе Гоголем сообщаемых фактов В. С. Аксакова писала в 1849 году брату Ивану в Ярославль: "Гоголь, которому сообщили мы некоторые известия об Ярославской губ<ернии>, говорит, что для него в ней мало будет интересного"»[11].

Из предположений С. Н. Дурылина — «Читал ли Гоголь № 66 "Сенатских ведомостей" до того, как написал речь генерал-губернатора, построив ее на мозырском известии, или, наоборот, только подвел фактом жизни крепкий фундамент под свой вымысел...», — по-видимому, справедливо лишь последнее. Текстологический анализ показывает, что первоначальный слой заключительной главы второго тома «Мертвых душ» с речью генерал-губернатора был написан Гоголем до весны 1849 г., т. е. до получения письма от Белого.

Далее в письме Белый сообщал Гоголю: «Эту фамилию носит у меня один[12]. Извините за самоволие. Однако ж при всем том не могу внутренне согласиться, только с тем, чтобы у Чичикова была такая водящаяся у людей бережливость, его своя особенная, шельмовская заботливость к приобретениям, оттого, что ему пошло впрок отцовское наставление: "Береги и копи копейку". <...> ...Думаю, что у каждого человека есть свой душевный червяк, который при том страшный демон мысли. <...> Нагородил я чепухи и всякой теревинивини[13] о моем понятии, а все не так, как чувствую; но должен сказать, что такое понятие развилось у меня более от Ваших творений, из коих многие я читал. <...> ...Слова и наставления только наружно полируют детей <...>, а <...> не имеют того сильного влияния, какое могут иметь на них дела и примеры, окружающие их жизнь, их занятия; <...> добрые и худые привычки и наклонности у детей вкореняются более всего от матери. <...> Но нынешняя женщина-мать, даже не светская дама, а финтюрная[14] жена моего же брата мещанина или жена какого-нибудь стрекулиста[15] — настоящая кукушка; вне дома она, пожалуй, и соловей, и сорока, но дома в берлоге — кукушка. Точно так же, как эта птица не высиживает, не кормит и не смотрит своих детей, а бросает их на заботы и попечение маленькой, бедной птичке. Когда же дети начнут порхать, тогда мать принимается твердить им одну ложь под видом вежливости; а встречая нищего или трубочиста, она велит детям обходить их и дает им такие названия, по которым дети не поймут, что это тоже их братья-люди, из которых один несчастный, а другой — честный труженик.

Итак я думаю, не от отцовского наставления (собственно) Чичиков останется бессмертным в России. Нужно искать другие причины, другие. <...> Нельзя ли в поэме Вашей заставить какого философа, подобно Кифу Мокиевичу, заняться разрешением и такой задачи: на какую сумму выходит из России за границу хлеба, и на какую сумму получается из-за границы к нам перчаток, одних перчаток? только предостерегите разрешающего, что некоторыми данными нельзя пользоваться, ибо П. И. Чичиков служил в Таможне. <...>

Простодушное, человеческое воззвание Ваше к Читателю при поэме М<ертвые> д<уши> вселило в мою душу какое-то мучительное желание, нравственную потребность писать Вам и просить открыть мне то душевное Ваше обстоятельство, о котором Вы сказали (в "Выбран<ных> мест<ах> из пер<еписки> с др<узьями>" стр<аница> 144): "Если бы я видел в этом пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявил". Умоляю Вас! скажите мне, хотя в малой мере, если только возможно это открыть такому ничтожному человеку — каков я. Чувствую сердцем, что мне нужно знать Ваше откровение: оно принесет мне полное счастье — успокоит душу, страдание которой облегчается уже одной этою просьбой. <...> ...Я пишу <...> для того собственно, чтобы вместе с моей просьбой исполнить и со стороны своей сколько-нибудь Ваше воззвание к Читателю — я, грешный человечек, тля на земле, решился настрочить некоторые характеры тех людей, которых знал или слышал об них, и которые, по моему соображенью, идут более или менее к истории Чичикова. <...> Посылаю первую заметку... <...> Там есть <...> слишком голая истина, <...> но я не хотел изменить, убедясь из "Выбр<анных> мест из пер<еписки> с др<узьями>", что Вы не обидитесь чужой глупостью <...>; а также кой-что заметил и из лица Вашего, которое досталось мне лицезреть один момент здесь, в Одессе, прошлого года[16]. <...> Если грубая моя заметка достойна сколько-нибудь Вашего внимания, готов напичкать другие, где, между прочим, расскажу, как попало, кой-что о жизни отца Чичикова и о смерти некоего Плюшкина. Последнее истинное происшествие весьма замечательно, ибо в предсмертных днях душа Плюшкина ужасно боролась с жизнью, пов<торяю>, с жизнью; но я не сумею дельно передать его Вам, как не умею справиться с своею мыслью, бежит, да и бежит неугомонная, глупая. Портрет же Чичикова пришлю тогда, когда Вы позволите мне это сделать. Хотелось бы сказать кое-что о драматических произведениях, да боюсь, за это уже скажут мне большого дурака. Цур ему, цур; и так далеко зализ. По свойству малоросса: доверчив, мнителен и упрям (мое соб<ственное> замечание), я всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, ежели все написанное мною, мало того, что оно глупо, грязно и негодно, — не следовало быть написано

мною, таким ничтожным человеком — *сожгите это все, ради Христа*, и будьте при том так милостивы ко мне, поручите кому написать, хоть слуге Вашему, известить меня чрез почту (в Думу), не более как только о том, что письмо мое достигло в Москву. <...> Подношу... Вам... мое... сочинение.

Из Одесского Вестника, 1848 г. Апреля 24, № 33. (Далее следует наклеенная Белым на лист письма газетная вырезка, с заглавием "Фельетон. Некролог. Я. И. Шнейдер[17]". — *И. В.*) В Одессе умер 20-го числа прошедшего Марта коллежский советник Яков Иванович Шнейдер, на 102-м году своей жизни. Н. С. Всеволожский в записках о своем путешествии[18] в 1836-м году чрез южную Россию, Крым и Одессу говорит об нем так (Т. 1. стр. 98 и 99): "Я упомянул о профессоре Шнейдере и не могу не сказать еще несколько слов об этом старом, добром и ученом наставнике моей молодости. <...> До французской революции он, вместе с известным Рейбелем[19], был адвокатом верховного совета в Кольмаре (Conseil souverain), потом переехал в Россию, был в доме отца моего наставником моим и профессором юриспруденции в Московском Университете. Получив отставку, он купил поместье в Швейцарии; но происки якобинцев вытеснили его оттуда. Этот человек много раз беседовал наедине с Наполеоном, тогда еще генералом республики, желавшим его видеть. Он знал, что Шнейдер имеет большие связи во Франции и пользуется известностью как писатель о государственном благоустройстве и комментатор знаменитого сочинения Монтескье: о сущности законов. Теперь добрый и ученый Шнейдер, дряхлый старик, живет неизвестный никому в Одессе. <...>". Нам только известно, что г. Шнейдер с своею старухою сестрою несколько лет жил в Одессе в отдаленной части города, в уединенном домике, почти никем не знаемый. При своей глубокой, немощной старости он не переставал заниматься литературой. <...> В. Б<елый>».

Далее в письме Белый пояснял: «В 1847 году, в августе месяце, по одному домашнему делу был я в том доме, где жил Шнейдер — и видел его раза три, что считал за великое счастье. <...> Наконец также нечаянно узнал о его смерти, о которой тоже почти никто не знал. После всего этого я поставил себе непременным долгом написать в газете хоть этот его Некролог. И еще мнил тогда, что Вы будете читать его, находясь в это время в здешнем Карантине[20]. <...>

Простите меня за эту пустую болтовню и позвольте сказать: Не пишите добродетельных людей, не пишите; велит Вам Бог не пишите! Ибо в Евангелии, которое в это время лежит открытым передо мною, сказано (Луки XVI, 15): И рече (Иисус) им (фарисеям): вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом. <...>

Служу в Одесской Городской Думе Делопроизводителем и бухгалтером по Евр<ейскому> отд<елению>; но на самом деле есмь: Заднепровский уроженец и здешний З<-й> г<ильдии> купеческий сын. <...> Какое ужасное желание послать; но и мучительная боль души не посылать. Ей-Богу правда! Одну почту пропустил, т.е. воротился с дороги, и хотел разорвать все это; а после решил послать одну заметку, для чего зачеркнул *в начале: Заметка 1-я, листок 1-й,* а в конце: *продолжение будет: а голая истина под конец.* Истина заключается в том, как русская великосветская барыня отозвалась о Мертв<ых> душах. Теперь же решил твердо послать... <...>

2-го Мая.

Ровно год как я имел счастье Вас видеть. Замечательное для меня сближение.

[Листок 1-й. Заметка 1-я]

В одном уездном городе <...> когда-то жил дворянин П. И. Ч<ичиков>. Он пользовался уважением не только высшего городского общества, но и всех помещиков, будучи для них неисчерпаемым банком; по этой-то причине Ч<ичиков> имел такую славу в уезде, какую Штиглиц имеет в России. <...> ...Некоторые люди <...> разведали проселком, что он служил при *Таможнях* на Цессарской границе. <...> Полною распорядительницей его изобильного дома была девушка Домицеля, по фамилии Пётух-Сандецкая, молодая и вертлявая Шляхтанка. <...> ...Всякий, кто имел какую-нибудь разорительную тяжбу с родственниками или соседями, непременно прибегал к Ч<ичикову> за советом и помощью; и надо отдать ему справедливость, он не отказывал никому на словах в своем душевном участии; случалось даже, что и замолвивал словечко Городничему или Судье, но это делалось для людей солидных и поважнее. Но род людской неблагодарен, всем не

угодишь. На Ч<ичикова> была смертельно недовольна Раиса Никитишна Тюрина... <...> ...Гурий Иванович Зудин <...> неизвестно каким родом попал в короткое знакомство с Тюриной, <...> сделался у Раисы Никитишны полным распорядителем и хозяином всего относящегося до собственности ее. Встретилась же она с Зудиным в том городе, где жил П. И. Ч<ичиков>... <...>

[Продолжение будет, а голая истина под конец]

К заметке 1-й, листок 2-й.

— Однако г. Зудин недолго пожил в деревне г. Тюриной. (Я ошибся, ее настоящая фамилия Тюшкина.) Он занял у ней 200 р<ублей> ас<сигнациями> для какого-то важного дела, от которого у его должны родиться тысячи, предложил Тюриной занять ей все эти тысячи, — и махнул куда-то. <...> В расположение ее точно таким же родом, как и Зудин, затесался другой молодой человек, но и другого покроя — господин Жигалкин. <...> ...Из слов <...> проезжего узнали, что Жигалкин жил в одном большом городе, где когда-то замешан был в дело картежников, которых он же выказал... <...> Жигалкин носил всегда венгерку синего сукна, обшитую запутанными вензелями; фуражку, избитую на все бока, которую он называл *матрадура*; имел преизрядные черные усы, похожие на крылья летучей мыши. <...> Любил выпить, но всем вообще винам предпочитал мадеру, которую называл — *Громобой*! <...> Почтенным людям он находил передавать новости, <...> частенько у многих профрансистов выигрывал деньги... <...> Дамам также он умел доставлять в компании разные удовольствия. Их особенно занимало то, когда он, бывало, возьмет колоду карт и сделает так, как делают игроки во время стосса: тапирррь, карты все делают полет по воздуху, и опять уляжутся в руке его своим стройным порядком. Удивляло и то их, что он находил в колоде всякую карту, какую кто заметил. По поводу чего одна солидная дама раз как-то сказала: "Вот какой вы молодец на все руки". (Комедию Вашу "Игроки" я не видел еще и не читал. Спрашивал недавно в книжной лавке, а сказали: "*Нетути: намедни продали IV Том, исчитанный уже и изорванный за 5 р<ублей> с<еребром> и то продешевелись*". При сем случае доложу. Я почти четыре года томился желанием прочитать поэму М<ертвые> д<уши>, но не имел возможности: в кн<ижной> лавке требовали за прочтенье ее 1 р<убль> 50 <копеек> и 2 р<убля> сер<ебром>, да залогу 15 р<ублей> с<еребром>, так как, будто бы, стоила тогда этой цены поэма. За это кому-то большой грех. По-моему, это замечание важнее всех, какие были, есть и будут на поэму М<ертвые> д<уши>.) Но после Жигалкин всем насолил... <...> *Сказка эта впереди*».

Помимо настоящего письма, а также письма Белого к Гоголю от 10 июля 1849 г.[21], ему же приписывалось письмо, опубликованное в 1859 г. в газете «Одесский Вестник»[22]. Это письмо примечательно тем, что содержащаяся в нем апология Чичикова сочетается с написанной как бы от лица самого героя характеристикой нравственного состояния «чичиковщины» — состоящей в отступлении от христианских заповедей, в представлении об относительности морали в истории, в утилитаризме: «Я имел удовольствие прочесть послание, которым вы приглашаете всю пишущую Россию сообщать вам разнородные заметки на вновь изданные произведения ваши. <...> Говорю от лица многих. При всей художественности создания Чичикова, при всей современности этого типа, — в нем скрывается, однако ж, одна темная сторона, тем более заслуживающая внимания, что дело идет о заблуждениях и недостатках нашего времени. Это именно — детство Чичикова.Неужели вы верите сами, и неужели хотите уверить нас, что все последующее направление в жизни человека зависит от каких-то красноречивых, но темных назиданий, которыми каждого из нас снабжают в таком изобилии в детстве? <...> Этого мало. Скажите, отчего выведенный вами герой — слишком для вас отвратителен? Потому ли, что он "приобретатель"? <...> Почему же это безнравственно — быть приобретателем? Неужели одно инстинктивное чувство "приобретать", на котором основаны и живут цивилизованные общества в состоянии до такой степени обезобразить всего человека? Инстинкт самосохранения, труд, право на труд, а значит и на приобретение, на собственность — тут еще далеко от малодушия, от жадности, от корысти, от безнравственности, от бесчеловечия! Возьмите, в свете есть целая страна, которая более ничего не делает, как приобретает и приобретает: это — Американские Штаты. Конечно, приобретатель легко может сделаться подлецом — да и кто не может им сделаться, в одну минуту! — но зачем же обвинять принцип, а не человека? Ведь благоприобретение есть одно из главнейших выражений личного интереса, — этого верховного двигателя прогресса; где личный интерес достаточно огражден — там только и процветают общества. <...> Все недоумение происходит из-за неопределенного толкования слова "зло". Вы придаете ему значение идеальное, которое едва ли мирится с тем, что мы видим в нашем добром, Старом Свете. Вы хотите идеал приклеить к действительности, и порицаете ее за

то, что она не совсем с ним ладит. Воля ваша, а всего правильнее было бы исключить подобные слова, как зло, безнравственность, и противуположные им качества, из словарей. На свете нет идеального зла. Худшее из всех анахронизмов — убийство, не только некогда оправдывалось общественным мнением, но считалось доблестью, достоинством человека; вспомните времена кровной мести, глухие времена переселения народов. Воровство до сих пор не считается предосудительным у некоторых диких племен. Давно ли взяточничество, в виде "кормления", считалось необходимою принадлежностью общества; ауто-дафе — карою небес? Все это отмечено теперь словом: "зло". Не видно ли отсюда, что мы придали ему такое значение из уточненной гордости, из эгоизма, которым отмечен XIX-ый век; что мы назвали злом не то, что противоречит каким-то идеальным воззрениям на жизнь и людей, а то только, что вышло из разряда современного, что признано уже нами негодным, несоответствующим настоящему порядку вещей. Таким образом, все несовременное — зло. А с этой точки зрения, ваши герои возбуждают скорее жалость, нежели отвращение. Ради Бога, посудите хорошенько, — объясните нам ваше понятие о людях "добродетельных". Не ханжу же вы думаете дать нам в нравственную пищу, не ходящие истины, не какие-то безжизненные понятия, облеченные в человеческую кожу!»[23]

По замечанию Н. Л. Виноградской, Белый «не мог обратиться к Гоголю с посланием, напечатанным в "Одесском вестнике"»: «Вероятно, оно было "реконструировано" по гоголевскому ответу[24]. <...> ...В газетной версии письма присутствуют лишь те замечания, на которые Гоголь откликнулся (о детстве Чичикова и об изображении добродетельных людей). Возможно, в составлении текста участвовал его публикатор — журналист "Одесского вестника" В. Чибисов»[25].

[1] В предисловии «К читателю от сочинителя» ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (М., 1846) Гоголь писал: «...Я прошу тебя, читатель, поправить меня. <...> О <...> красоте выражений <...> нечего заботиться; дело в *деле* и в *правде* дела, а не в слоге».

[2] Перевод на русский язык романа французской писательницы С. Ф. Жанлис (1746–1830) «Альфонсина, или Материнская нежность» был напечатан в Москве в 1806–1807 гг.

[3] Подразумевается одно из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», посвященное рассказу о том, как Гоголь «необыкновенным душевным событием» «был наведен на то, чтобы передавать» свои пороки героям его художественных произведений (см. ***1835. Августа 14–18–19. Киев*** — примечания; ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург*** — примечания).

[4] Заглядати, як сорока в кістку (*укр.*) — смотреть, как баран на новые ворота. *Кістка* (укр.) — кость.

[5] Булгарин.

[6] Имеется в виду заключение лирического отступления в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ»: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»

[7] Высочайше конфирмованная сентенция военного суда // Санктпетербургские Сенатские Ведомости. 1848. 17 авг. № 66. С. 994–1005.

[8] См. ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва***.

[9] Санктпетербургские Сенатские Ведомости. 1848. 17 авг. № 66. С. 1002.

[10] Там же. С. 999–1000.

[11] *Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы // Звенья. М.; Л., 1934. Т. 3–4. С. 353–357.

[12] Подразумевается, что Чичиковым Белый называет одного из своих знакомых.

[13] Теревені-вені (*укр.*) — болтовня, пустословие.

[14] Фіндюрная (*укр.*) — ветреная, легкомысленная, нечистоплотная.

[15] Стрекулист (строку-лист) — мелкий чиновник; пронырливый человек, ловкач.

[16] См. ***1848. Мая 2. Воскресенье. Одесса***.

[17] Яков Иванович Шнейдер (1747–1848), профессор римского права в Московском университете, доктор прав, коллежский асессор, член московских масонских лож Директория VIII провинции (1782–1783), Трех знамен (1784), Церера (1784). Был адвокатом верховного совета в Кольмаре (Эльзас), затем переехал в Россию, где был наставником в доме Всеволожских. С 1836 г. жил в Одессе.

[18] Имеется в виду книга Николая Сергеевича Всеволожского (1772–1857) «Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах». М., 1839. Т. 1–2.

[19] Жан Франсуа Ревбель (Рейбель, 1747–1807), деятель французской революции.

[20] См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[21] См. ***1849. Июля 10. Воскресенье. Одесса***.

[22] *Чибисов В.* Несколько слов о литературе Новороссийского края // Одесский Вестник. 1859. 13 янв. № 5. С. 19.

[23] Одесский Вестник. 1859. 13 янв. № 5. С. 19.

[24] См. ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва.***

[25] *Виноградская Н. Л.* Неизвестные письма В. И. Белого к Гоголю // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 44.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь пишет в Васильевку ответное письмо младшей сестре Ольге.

Датировка письма уточнена. Упоминая о деньгах, полученных сестрой, Гоголь, вероятно, имел в виду пятнадцать рублей серебром «на лекарства и на вспоможение бедным», которые он отправил ей в январе 1849 г.[1] (Хотя позднее, в 1850 г., Гоголь также посылал сестре деньги на лекарства для крестьян[2], однако настоящее письмо не может быть отнесено к позднейшему времени, так как речь в нем идет о *первоначальных* закупках для аптеки.) О получении упомянутых пятнадцати рублей Гоголь спрашивал сестру в письме от 3 апреля 1849 г. В том же письме от 3 апреля (как и в настоящем – от конца апреля – начала мая) Гоголь упоминал также о том, что сестра ему долго не писала, и спрашивал, не больна ли она[3]. Кроме того, и в том, и в этом письме Гоголь обращался к сестре с одинаковой просьбой: «Напиши, как идут дни твои: что делаешь, с кем видаешься, с кем и о чем говоришь» (письмо от 3 апреля); «Пожалуйста, <...> пиши, <...> с кем виделась, что читала, что понравилось, когда было весело и когда скучно» (письмо от конца апреля – начала мая).

Из письма к сестре: «Благодарю тебя за письмецо[4]... <...> Я уже думал, давно не получая от тебя известия, не больна ли ты, но слава Богу, ты, кажется, здорова, во всяком случае, верно, чувствуешь себя теперь лучше, нежели зимою. С деньгами, которые теперь у тебя в руках, пожалуйста, распорядись по своему усмотрению – что найдешь нужным, то и покупай, это тебе лучше знать, чем мне, живущему далеко, поэтому купи и аптекарские вески, но только или в аптеке, или через аптекаря, чтобы они были верны и чтобы тебе изъяснил название всякой вещи. Я посылаю с полдесятка книг, в числе их для тебя беседы об отношении Церкви[5], которую по прочтении дай прочитать и сестрам. Книга эта очень хорошо написана и верно понравится не только тебе, но и другим».

[1] См. ***1849. Январь. Москва.***

[2] См. ***1850. Апреля средина. Москва.***

[3] Ср. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

[4] Письмо до нас не дошло.

[5] Возможно, имеется в виду книга протоиерея Г. С. Дебольского «Попечение Православной Церкви о спасении мира» (СПб., 1847). – См. также ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург***; ***1851. Февраля 19. Понедельник – 25. Воскресенье. Одесса.***

МАЯ 3. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет ответное письмо к П. А. Плетневу в Петербург:

«Гоголю, Коссовичу[1] и Бергу[2] передам Ваши поклоны. Первый пишет, кажется. Иногда и сам о том поговаривает».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 105.

[1] Каэтан Андреевич Коссович (1815–1883), санскритолог.

[2] Николай Васильевич Берг (1823–1884), писатель.

МАЯ 15 <3>. ВТОРНИК. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«До сих пор я все был верен моему слову и делу и, в надеждах, что уже недалеко и до конца, с которым бы разрешились очевидно все мнения и надежды общества, усиленно продолжал труд.

Но вот уже две недели, как совершенно все остановилось. Рим осажден французскими, неаполитанскими и испанскими войсками, а Болония австрийскими[2]. Каждый день ожидаешь тревоги. Люди, теперь здесь во главе стоящие[3], грозятся все зажечь и погребсти себя под пеплом[4]. При таких условиях, конечно, уже невозможно продолжать дело, требующее глубоко сосредоточенного спокойствия. Я, однако ж, креплюсь в перенесении столь великого несчастия, и только что будет возможно, то опять примусь за окончание моей картины[5]. Очень жалею, что вы мне ни о чем таки не написали. Со знакомством вашим, особливо в последние годы, очень много открылось у меня изумительных осязаний будущей жизни. <...> Хотел было я вас спросить о Завьялове[6] — упрекнуть и вас, и Москву в бессовестности, но, так как это все останется без результатов, — все, все отлагаю до окончания моей картины».

[1] См. ***1849. Апреля 7. Четверг Светлой седмицы. Москва.***
[2] См. ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва*** (примечания).
[3] Дж. Мадзини, А. Саффи, К. Армеллини, Дж. Гарибальди.
[4] См. также ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).
[5] «Явление Мессии».
[6] См. ***1849. Февраля 8 <января 27>. Четверг. Рим*** (примечания). — См. также ***1849. Мая начало <апреля средина>. Рим.***

МАЯ 6. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь желает сделать обед для своих знакомых в день имени<н>. Чтоб не вызвать подозрений».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

МАЯ 7. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к С. Т. Аксакову с просьбой пригласить за него на свои именины[1], в погодинском саду, А. О. Армфельда, М. Н. Загоскина, Ю. Ф. Самарина, Н. Ф. Павлова и Н. А. Мельгунова.

В тот же день, 7 мая 1849 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь. С неприятностию думал о несоизволении на статьи»[2].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» сообщал: «В начале мая 1849 года он начал хворать и физически. 7-го мая я получил от Гоголя записку, которую и сообщаю вам. Меня с сыновьями Гоголь не мог приглашать, потому что еще в начале 1848-го года мы перестали видеться с Погодиным.

“Мне хотелось бы, держась старины, послезавтра отобедать в кругу коротких приятелей в Погодинском саду. Звать на Именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать или сами, или через Константина Сергеевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно с Мельгуновым? Придумайте, как это сделать ловче, и дайте мне потом ответ. Если можно, заблаговременно. Весь ваш Н. Гоголь”»[3].

[1] См. ***1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.
[3] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 652.

МАЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

МАЯ НАЧАЛО, ДО 9 ЧИСЛА[1]. МОСКВА

Гоголь встречается с И. С. Аксаковым, приехавшим из Петербурга (спустя полтора месяца после освобождения его из-под ареста[2]).

Через несколько дней, 16 мая 1849 г., И. С. Аксаков сообщал Смирновой: «Теперь о Гоголе. Он очень мне обрадовался, и одним из первых вопросов его был вопрос о вас. Он подробно спрашивал меня об образе вашей жизни, о ваших знакомых, о ваших партнерах в висте и пр. и пр. Он немножко сердится на вас за то, что вы ему не пишете и изъявляет опасение, что вы заживетесь в Царском Селе по милости докторов и не попадете опять в Калугу, чего ему, также как и мне, очень хочется для вас; а вам, разумеется, хочется этого сильнее, чем кому-либо. Я, впрочем, старался доказать Гоголю, что теперь для вас нет решительно никакой возможности ехать по случаю каких-то явлений печени. Я нашел Гоголя самого хуже здоровьем, чем оставил: он опять расстроился было нервами, похудел очень; но теперь стал несколько вновь бодрее. Я полагаю, что мистицизм Александра Петровича Толстого с супругою в состоянии навести невыносимую хандру и расстроить всякие нервы; мне кажется, что если вы переедете в Калугу, то Гоголь сейчас переселится к вам, и это может быть хорошо и для него, и для вас. Он говорил нашим, что пишет, но лениво. Оттого ли, что время безусловного поклонения искусству прошло, оттого ли, что у всех в памяти его последняя книга, не знаю; но только Гоголь не только не играет никакой роли в здешнем обществе, но даже весьма небрежно трактуется им. Люди забывчивы! <...>

Теперь о моих: брата Константина и батюшку (который, как человек больной, неслужащий и старый, а главное — решительно никуда не выезжающий, отпустил также себе бороду, большую, длинную, седую бороду) обязали подпискою: "чтобы *имеющуюся у себя* бороду сбрить и впредь не отпускать, согласно Высочайшей воле"[3]. Делать нечего, Высочайшая воля о бородах была исполнена, и Константин уже переоделся в немецкое платье»[4].

[1] См. ***1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[2] См. ***1849. Марта 17–22. Четверг-понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1835. Сентябрь-декабрь. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 924.

МАЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Традиционный именинный обед Гоголя в погодинском саду. Среди присутствующих, кроме М. П. Погодина, — А. О. Армфельд, М. Н. Загоскин, Н. А. Мельгунов, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, Ю. Ф. Самарин, возможно, П. В. Хавский[1], более чем вероятно, М. С. Щепкин[2] и др. Из Аксаковых был только[3] приехавший незадолго перед тем[4] из Петербурга И. С. Аксаков[5].

Погодин в тот же день записал в дневнике:

«Обед с Гоголе<м>. Об нем с Нащок<иным>. Закутил было, не хотел приехать на обед. Иван Аксаков подал руку»[6].

Несколько дней спустя, 16 мая 1849 г., И. С. Аксаков писал А. О. Смирновой в Петербург: «9-го мая, в день своих именин, Гоголь захотел дать обед в саду у Погодина так, как он давал обед в этот день в 1842 году[7] и прежде еще не раз[8]. Много воды утекло в эти годы. Он позвал всех, кто только были у него в *то* время. Люди эти теперь почти все перессорились, стоят на разных сторонах, уже выказались в разных обстоятельствах жизни; многие не выдержали испытания и пали... Словом, обед был весьма грустный и поучительный, а сам по себе превялый и прескучный. Когда же, по милости вина, обед оживился, то многие перебранились так, как и ожидать нельзя было...»[9]

Спустя год, 14 мая 1850 г., И. С. Аксаков, отвечая на сообщение отца, что К. С. и Г. С. Аксаковы обедают на именинах Гоголя в погодинском саду[10], писал: «Как удался нынче обед Гоголя? В прошлом году он был очень неудачен, — я был на нем»[11].

В. С. Аксакова в своих заметках о Гоголе 1861–1864 гг. также писала: «*1849* год, в мае месяце, незадолго до дня своих именин, он сделался болен, расстроен нервами, однако ж был у него, по обыкновению, обед у Погодина»[12].

[1] См. ***1849. Март — июля начало. Москва.***

[2] Щепкин в то время был в Москве (см. ***1849. Апреля 11. Понедельник. Москва***; ***1849. Апреля после 9–11. Москва***; ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва***; *см.* также: *Гриц.* С. 432).

[3] См. ***1849. Мая 21. Троицкая родительская суббота. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[4] См. ***1849. Мая начало, до 9 числа. Москва.***

[5] См. ***1849. Мая 7. Суббота. Москва.***

[6] *Барсуков.* 1896. Т. 10. С. 318; Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

[7] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[8] До именинного обеда в доме Погодина 9 мая 1842 г. свои именины в погодинском саду Гоголь отмечал лишь раз, в 1840 г. (см. ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***). — См. также ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[9] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 924.

[10] См. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[11] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 930.

[12] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

МАЯ 10. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Ездил в Преобр<аженское> смотреть Иван<а> Яковл<евича>[1]. — Примечатель<ное> явление. Как интересны приходящие. Напишу особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил что-то и на мой счет, впрочем не ясно».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

[1] Иван Яковлевич Корейша (1783–1861), московский юродивый. — См. также ***1852. Января 29. Вторник. Москва.***

МАЯ 11. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед<ал> <с> Гогол<ем> и гов<орил> с ним об обеде, Хом<якове>, Ив<ане> Як<овлевиче>[1] и пр.»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

[1] См. также ***1852. Января 29. Вторник. Москва.***

МАЯ 11. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

МАЯ 12. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку:

«Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей серебром не для вас собственно, но для раздачи тем бедным мужичкам нашим, которые больше всех других нуждаются, на обзаведение и возможность производить работу в текущем году, и особенно тем, у которых передох весь скот. Авось они помолятся обо мне. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болею не только телом, но и душою. Много нанес я оскорблений[1]. Ради Бога, помолитесь обо мне. О, помолитесь также о примирении со мною тех, которых наиболее любит душа моя! На следующей неделе буду писать к вам».

Возможно, к этому времени относится заметка Гоголя «Из настол<ьной> книги» в записной книжке 1846–1850 гг.: «Гляди и любуйся красотой души своей, лжесвидетель, клятвопреступник, первый нарушитель закона и святыни, думающий быть христианином и не умеющий пожертвовать [земным] пылью земной небесному, дорожащий презренным достояньем...»

На обороте листа Гоголь написал также молитву: «Милосердия, Господи. Ты милосерд. Прости всё мне грешному. Сотвори, да помню, что я один и живу в Тебе, Господи; да не возложу ни на кого, кроме на одного Тебя, надежду, да удалюсь из мира в святой угол уединения»[2].

[1] См. ***1849. Апрель. Москва.*** – См. также ***1849. Мая 24. Вторник. Москва*** (письмо к графине С. М. Соллогуб).

[2] См. также ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАЯ МЕЖДУ 10 И 13[1]. МОСКВА

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Петербург[2]:

«Какие странные мне привез от вас Аксаков[3] слова: вы потому ко мне не пишете, что не в силах принять от меня советов. Друг мой Александра Осиповна, если, бы <вы> знали, как я далек от того, чтобы суметь кому-либо дать умный совет! Я весь исстрадался. Я так болен и душой и телом, так расколебался весь, что одна сострадущая строчка вашего доброго участья могла бы быть мне освежающей каплей. А вы вместо <того> приказали передать мне такие слова, точно как бы в насмешку надо мной. Добрый друг мой, я болен. Бог да хранит вас!»[4]

[1] Ответ Смирновой см.: ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село.***

[2] См. ***1849. Мая 25. Среда. Москва.***

[3] См. ***1849. Мая начало, до 9 числа. Москва.***

[4] Ответ А. О. Смирновой см.: ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село.***

МАЯ 14. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь пишет В. А. Жуковскому в Баден:

«Мне был передан упрек твой[1]. Виноват, но не совсем. Я писал к тебе[2] немного дней спустя после того, как получил "Одиссею". Письмо адресовал в Баден; видно, не дошло. Я много исстрадался в это время. Много было слез. Бесплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она в силах была произвести что-либо. Жду нетерпеливо прочесть тебе всё, что среди колебаний и тревог удалось создать. Тревоги и колебанья не прошли и доныне, и сердце мое сильно болит. Но как отрадно мне было услышать, что "Одиссея" приближается к концу! О, это Божья благодать и Божье чудо: если среди возмущений, объемлющих всех и всех волнующих, посылает Он кому-нибудь из нас силы исполнять на земле долг свой, то это верный знак Его небесной милости. Лучшего счастья нельзя иметь на земле. О, помоги же Он тебе, как верному рабу Своему, всё сполна принести Ему, ничего не зарывши в землю! А я буду ждать тебя в Москве или там, где захочешь».

[1] См. ***1849. Марта 19 <7>. Понедельник. Баден-Баден.***
[2] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

МАЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре; в роли Городничего — М. С. Щепкин[1].

В тот же день Гоголь отправил записку к С. Т. Аксакову, с просьбой найти для него номер газеты, на которую ему указал в полученном недавно письме из Одессы В. И. Белый[2], и прислать «Памятники Московской древности» И. М. Снегирева[3]; пишет ответное письмо самому Белому.

Из письма к Аксакову: «Статья мне нужная напечатана в С.-П<етер>бургск<их> сенат<ских> ведомостях 1848 № 66[4]. — Попросите у Констан<тина> Сергеевича на несколько дней "Достопамятности Москвы" Снегирева и препроводите с подателем записки, чем много обяжете».

Из письма к Белому: «Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании. Вследствие замечаний ваших приму к соображенью и многое другое. Под именем добродетельных людей я разуме<л> лучших людей[5]. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*, то, что проще и ближе становит человека к исполненью обязанностей».

Спустя полгода, 20 ноября 1849 г., Гоголь писал также К. И. Маркову: «Что же касается до II тома "М<ертвых> душ", то я не имел в виду собственно *героя добродетелей*. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних...»

Во втором томе «Мертвых душ» намерение Гоголя «показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*», отчетливо проступает не только в образах наставника Александра Петровича в первой главе[6]; или помещика Петуха — в третьей[7], но и в облике помещика Костанжогло (Скудронжогло) (тоже в третьей главе). Так, материалом для описания разговора Костанжогло с Чичиковым о том, «как поступить, чтобы разбогатеть», по-видимому, должна была послужить одна из выписок Гоголя из опубликованного впервые в 1849 г. в Москве «Домостроя»[8]. Судя по-всему, Костанжогло, отвечавшему (на недошедших до нас страницах рукописи второго тома[9]) на вопрос Чичикова, «как поступить, чтобы <...> разбогатеть», принадлежит в этих выписках следующее наставление: «Что слишком дешево, купи, коли хозяин, хоть и не надобно, наверстаешь в другом с прибылью, чего много запас»[10]. Из сравнения гоголевской выписки с источником обнаруживается, что если основной упор в «Домострое» делается на проповеди запасливости и бережливости, то главная «мораль» процитированной выписки (переделанной Гоголем, как выясняется, довольно существенно) — выгода. Ср. соответствующее место в «Домострое»: «...а чего дешево, хоть и не надобе, а в ту пору купи: и свою нужу исполнишь, — а чего запасено с лишком, на том деньги будут с прибылью»[11].

Предположение, что настоящая выписка-переделка из «Домостроя» понадобилась Гоголю для того, чтобы вложить ее в уста Костанжогло, подтверждается тем, что смысл ее определенно угадывается в образе того же Костанжогло, когда он (впервые являясь перед читателем) подходит к крыльцу своего дома, окруженный

продавцом и покупателем. У первого, «простого мужика», Костанжогло покупает здесь что-то ему ненужное (и даже навязываемое). А имеет он возможность это сделать именно потому, что будучи *хозяином* (владельцем), он одновременно продает другому своему собеседнику, «заезжему кулаку», *другой* товар по твердо установленной им высокой цене (покупая же «ненужный» товар, он, вероятно, платит недорого).

Два выделенных здесь слова полностью обнимают собой суть того, что Гоголь внес от себя в переписанный им текст «Домостроя» («Что слишком дешево, купи, *коли хозяин,* хоть и не надобно, наверстаешь *в другом* с прибылью, чего много запас»). В отличие от древнего памятника, который показывал движение лишь одного товара, Гоголь изображает уже настоящий их кругооборот в налаженном и устойчиво-прибыльном хозяйстве. Возможно, отсюда и имя «хозяина» — Константин, то есть «стойкий, постоянный» (*лат.*). Однако устойчивость Костанжогло, как полагает Гоголь, относительна. На ее зыбкость и намекает в разговоре у крыльца «заезжий кулак»-покупатель, когда в ответ на отказ Костанжогло «посбавить» цену говорит, что просил его об этом «оттого только», чтобы и впредь иметь с ним «касательство». Этой репликой Гоголь как бы подсказывает, что участь Плюшкина, гноящего свой товар, вполне реально угрожает и Костанжогло — и тогда его положение вполне можно будет описать строками из первого тома поэмы о Плюшкине: «...Неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения, покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе...» Ср. слова Костанжогло: «Уж я сказал: торговаться я не охотник». При этой неразрывно связанной с положением «хозяина» неуступчивости Костанжогло, по Гоголю, может избежать участи Плюшкина двумя путями: либо «съесть» все, произведенное в его имении (образ Петуха во втором томе), либо, что вероятнее, самому выйти на рынок и торговать уже без «заезжих» посредников, то есть... стать Муразовым (который у Гоголя так же далек от идеальности, как и сам Костанжогло, хоть именно в нем и намечается «третий путь» хозяйствования[12]).

Имеются, таким образом, основания полагать, что воплощающий в своей жизни мораль «домостроевской» выписки Костанжогло должен был, по замыслу Гоголя, и открыто поведать ее Чичикову (Костанжогло — человек искренний). Это «поучение» Костанжогло и содержалась, вероятно, на утраченном листе рукописи.

Добавим, что к числу недошедших до нас наставлений Костанжогло — у которого «всякая дрянь дает доход» (а как добиться этого, тоже жаждет услышать Чичиков) — относится и дважды встречающееся среди выписок Гоголя из «Домостроя» и *отсутствующее в тексте самого памятника* наставление «Ничего не бросай (-ать)», — наставление совершенно в духе Плюшкина.

На то, что Костанжогло отнюдь не является «идеальным» героем, сам Гоголь прямо указывал А. О. Смирновой. По словам писателя, этот герой «обо всем заботится, но о главном не заботится»[13]. В этом свете становятся более понятными и строки Гоголя о том, что во втором томе он намеревался «бороться» с характерами «сильнейшими» (неотправленное письмо к В. Г. Белинскому 1847 г.[14]), и его слова из письма к Белому, что во втором томе он стремился «показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*». В соответствии с этими размышлениями Гоголь в письме к Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г. призывал поэта руководствоваться в духовном стихотворении любовью и «гневом противу всего презренного и нечистого, *в каком бы ни заключилось оно сосуде* (курсив наш. — *И. В.*): «*...Духовное стихотворение* (какой бы формы оно ни было) может быть ныне значительно только тогда <...>, когда оно двигнуто <...> или силою гнева, почерпнутого от самого гнева Божия, <...> или <...> силою любви... <...> (Само собою разумеется, что гнев не к самым сосудам, заключившим в себе презренное, но к презренному, заключенному в сосудах; против самих сосудов гнев может быть только за то, что они отворили двери презренному или заключили его в себе.)»

[1] *Гриц.* С. 432.

[2] См. ***1849. Мая 2. Понедельник. Одесса.***

[3] Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ивана Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравированными и литографированными рисунками. М., 1842–1845. — См. также ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Понедельник. Москва***; ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***

[4] См. ***1849. Мая 2. Понедельник. Одесса*** (примечания).

[5] См. также ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (примечания).

[7] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[8] Подробнее об отношении Гоголя к «Домострою» см.: ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[9] В сохранившемся автографе глав второго тома «Мертвых душ» после слов Чичикова: «Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...», — утрачены две страницы. Текст продолжается далее со слов Констанжогло, предлагающего Чичикову приобрести имение Хлобуева: «Именье, за которое если бы он запросил и сорок тысяч, я бы ему тут же отсчитал».

[10] *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 531.

[11] Домострой Благовещенского попа Сильвестра. М., 1849. С. 71–72.

[12] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад*** (примечания).

[13] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***. – См. также ***1851. Января 24. Среда. Одесса*** (примечания).

[14] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

МАЯ 17. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня С. М. Соллогуб отправляет в Москву ответное[1] письмо Гоголю:

«Смиренно сознаю вину свою... <...> Одно дело помнить и любить людей, другое писать им. <...> Благодарю вас от всей души за ваше участие и за два последние письма. Поручение ваше Александре Осиповне[2] я давно исполнила. Она больна, грустна и в самом плохом положении. Надежда получить некоторую пользу от предпринятого ею лечения доктора Леваневского[3] удерживает ее здесь. Теперь она живет в Царском Селе, с сестрою Оболенскою[4]. Мы намеревались нынешнее лето провести в окрестностях Москвы или в деревне маменьки[5], но Михаил Юрьевич[6] никак на это не согласился. Хотя Павлино прекрасная дача, однако же не дурно бы было и съездить в Синицу. <...> Владимир[7] отправился опять в деревню на целые три месяца. Вряд ли он успеет повидаться с вами в Москве[8], ибо он спешит в Симбирское имение, где присутствие его становится весьма нужным. Матвей Юрьевич[9] едет завтра с герцогом[10] в – – – на дачу графини Бенкендорф[11], близ Ревеля, и по возвращении его оттуда отправится в чужие краи. А вы любезный Николай Васильевич, что намерены делать? Где вы проведете лето? каково ваше расположение духа? Говорят, что ваше здоровье очень поправилось, и что русская зима вам нисколько не повредила. <...> Не худо бы было и написать кое-что для бедных читательниц русской словесности... <...> Маменька и сестры[12] сердечно кланяются вам».

[1] См. ***1849. Апреля 16. Суббота. Москва***.

[2] Смирнова.

[3] Вероятно, врач-гомеопат (см. ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село***). В «Российском медицинском списке на 1849 год» доктор Леваневский не значится.

[4] Княгиня Ольга Ивановна Оболенская (рожд. Арнольди, 1824–1851), жена князя Петра Сергеевича Оболенского (род. в 1817), сводная сестра Смирновой.

[5] Графиня Л. К. Виельгорская.

[6] Граф Виельгорский, отец графини Соллогуб.

[7] Граф В. А. Соллогуб, муж графини Соллогуб.

[8] См. ***1849. Мая между 20 и 23. Москва***.

[9] Граф Виельгорский, дядя графини Соллогуб.

[10] Герцог Лейхтенбергский Максимилиан (1817–1852).

[11] Графиня Елизавета Андреевна Бенкендорф (рожд. Захаржевская, в первом браке Бибикова, 1788–1857), жена (с 1817 г.) А. Х. Бенкендорфа (с 1832 г. – граф).

[12] А. М. Веневитинова и графиня Анна М. Виельгорская.

МАЯ 18. СРЕДА. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. О. Смирнова отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Я не знаю, что вам наврал Аксаков... <...> Советов я не хотела принимать *от него*, потому что считаю человека его лет, без горьких опытов жизни, плохим советчиком; а он вздумал было меня ими угощать невпопад. Об вас же не было и речи на этот счет, а я сказала ему, что вам не пишу потому, что не пишется и что, полагая вас здоровыми и бодрыми телом и духом, думаю, что нечего писать о своем горе, вам известном. Теперь вы меня вызываете, и я отвечаю.

Я с неделю живу у сестры Оболенской в доме. Здоровье плохо... <...> Собравшись с силенками, была у Императрицы и великой княжны Ольги. Приняли меня очень милостиво, по-старому. Я нашла перемену к лучшему, — более серьезности, и в Ольге Николаевне необыкновенную рассудительность и вместе кротость и смирение перед тем, что ожидает ее в лице ее супруга[2]. Она очень ясно видит причины разрушения порядка общественного на Западе, корень зла, и вовсе не утешает себя минутными призраками водворяющегося порядка; видит ясно, что и мы зашли в impasse[3], и до какой степени.

Теперь и Царское семейство в личном горе: герцог Лейхтенбергский очень плох. Одному Государю доктора сообщили вполне свои опасения, и сегодня мне сказали, что по последнему письму должно полагать, что Царь воротится на днях. У герцога phtisie tuberculeuse[4], по словам Мяновского[5], которого консультировали на днях. У наследника дочь[6] была при смерти; теперь ей лучше. Государь так чадолюбив, что все эти семейные страдания на него сильно действуют. Дай Бог, чтобы в теперешние минуты миновало его хоть личное горе.

Сегодня я слыхала, что с Пруссией мы не на шутку в разладе по делам Дании с Голштейном, и что эскадра выступает в Бельт. Из Австрии нет еще известий. Говорят, что у венгерцев до 200.000 войска. Маршруты некоторых дивизий наших изменились. Между прочим я знаю, что один из моих братьев идет уже прямо в Варшаву, а не в Слоним, как было сказано прежде. Дух в войсках хорош: от наследника в Новгороде все были в восторге. Слава Богу!

Но какая же беда у нас совершается в глазах: война Европейская и война за принцип! О наших коммунистах ничего не слыхать, над ними производится суд... То, что рассказывали в первые дни, если не преувеличено, так гадко, так мерзко, что нельзя довольно благодарить Бога, что их вовремя переловили. Сочувствия они ни в ком не возбудили, а презрение — во всех. По-Христиански следовало бы пожалеть; но общество не все единомысленно[7].

Куда вы намереваетесь ехать летом, и как лечитесь, и от чего вы разболелись? Мне говорила Анна Алексеевна Окулова[8], что вы читали у Толстых "Домостроителя" вслух, и очень хорошо; о болезни вашей не было и помину. Я же жду возможности ехать в Калугу, а там что Бог даст; с своими повидаться пора.

Миша[9] начал ходить, говорит много, а я его оставила в пеленках. Ольга[10] управляет хозяйством, Соня[11] хорошеет, Надя[12] сделалась гораздо кротче. Губернатор[13] наконец оправдан[14]; Ершовых велено отдать под суд за гнусный фальшивый донос. Каково же нам было сидеть четыре месяца под подозрением мерзейших подлостей! Нечего сказать, на долю всех и каждого выдался годок! А меж тем кто образумился и переменил лад жизни? Никто, и даже теория перемены чисто индивидуальной пугает всех. На устах у всех, mais c'est du fanatisme religieux[15], и боятся фанатизма в эпоху страшнейшего безверия, когда он невозможен, потому что сильных убеждений ни у кого нет; потому что все сбились с толку.

Скажу вам, что Конкордия и все заведения, покровительствуемые Излером[16], другом человечества, процветают. И тошно и гадко смотреть, как стараются заводить то, что обезобразило Париж и весь Запад!

Говорят, что Жуковский выехал из Бадена и попал на тревогу в Дрезден. А всю дрезденскую штуку разыграл подлец Бакунин, друг Штирнера[17]. Хороши стали наши соотечественники!

Пишите ко мне в Царское Село (в Кадетской улице, дом Кокорева, на квартиру князя Оболенского). <...> ...Я опять вернулась к омеопатии[18], мне надоела хина и ревень, которым меня пичкал Мяновский. <...> Вам бы не худо пожить у нас в Калуге летом, по многим причинам».

[1] См. ***1849. Мая между 10 и 13. Москва.***

[2] Наследный принц Вюртембергский Карл Фридрих Александр (1823–1891), муж великой княжны Ольги Николаевны с 1846 г., с 1864 г. — король Вюртемберга Карл I. В своих мемуарах Смирнова писала об этом браке: «Красивейшей из дочерей нашего Имп<ератора> суждено было выйти за ученого дурака в Виртембергию; la Belle et la Bete <красавица и чудовище; *фр.*>, — говорили в городе» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 219–220).

[3] Тупик (*фр.*).

[4] Туберкулезная чахотка (*фр.*).

[5] Иосиф Игнатьевич Мяновский (1804–1878), профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

[6] Великая княжна Александра Александровна (род. в 1842) скончалась в Царском Селе спустя около месяца, 16 июня 1849 г.

[7] См. ***1851. Ноября конец. Москва*** (примечания).

[8] А. А. Окулова (1794–1861), фрейлина.

[9] Михаил Николаевич, сын Смирновой.

[10] Ольга Николаевна, дочь Смирновой.

[11] Софья Николаевна, вторая дочь Смирновой, вспоследствии по мужу княгиня Трубецкая.

[12] Надежда Николаевна, младшая дочь А. О. Смирновой, впоследствии по мужу Сорен.

[13] Н. М. Смирнов, муж Смирновой.

[14] Подробнее см.: ***1849. Января 26. Среда. Калуга***.

[15] Но это религиозный фанатизм (*фр.*).

[16] Иван Иванович Излер (1811–1877), владелец ресторанов и увеселительных заведений в Петербурге.

[17] Макс Штирнер (1806–1856), немецкий философ, предтеча анархизма, автор книги «Единственный и его собственность» (Лейпциг, 1844).

[18] Вероятно, Смирнову лечил тогда врач-гомеопат Леваневский (см. ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург***).

МАЯ 30 <18>. СРЕДА. БАЗЕЛЬ

В. А. Жуковский пишет А. Я. Булгакову в Москву:

«Если увидишь Гоголя, скажи ему, что я получил коротенькую записочку[1], которая доказала мне только то, что ему ко мне писать не хочется; вследствие сего и я не пишу к нему, а ты уведомь его, что Одиссея кончена и отпечатана[2], и едет на долгих в Россию».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 66.

[1] См. ***1849. Мая 14. Суббота. Москва***.

[2] Новые стихотворения В. Жуковского. Том 3. Одиссея. XIII–XXIV песни. СПб., 1849; Стихотворения В. А. Жуковского. Изд. 5-е. Т. 9. Одиссея. XIII–XXIV песни. СПб., 1849. (Книги печатались в Карлсруэ.) — См. также ***1848. Ноября до 18. Москва***; ***1848. Ноября 18. Четверг. Москва***; ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***; ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***.

МАЯ 18. СРЕДА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Гриц.* С. 432.

МАЯ 20. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо Н. Н. Шереметевой в Рузу:

«Благодарю вас, добрейшая Надежда Николаевна, за ваше доброе письмо[1]. Здоровье мое, кажется, несколько лучше, временами я бываю спокоен, но зато находят опять такие волнения... Со страхом вижу, как далек я от покорности и от преданья всего себя воле Божией. По-прежнему прошу вас не оставля<ть> меня вашими молитвами».

В тот же день, 20 мая 1849 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед с Гогол<ем>»[2].

[1] Письмо до нас не дошло.
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 497.

МАЯ 20. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

М. И. Гоголь получает[1] письмо сына из Москвы[2].

[1] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Васильевка.***
[2] См. ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

МАЯ 21. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ. МОСКВА

Именины К. С. Аксакова[1]. Гоголь на именины, по-видимому, приглашен не был — это, вероятно, объяснялось его обострившимися разногласиями с Константином Аксаковым[2] (ранее, на гоголевских именинах 9 мая 1849 г.[3], из семьи Аксаковых также был только один И. С. Аксаков[4]).

[1] Ср. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва***; ***1850. Мая 21. Воскресенье. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***
[2] См. ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва*** (примечания).
[3] См. ***1850. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[4] Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков объяснял это тем, что его «с сыновьями Гоголь не мог приглашать, потому что еще в начале 1848-го года» они «перестали видеться с Погодиным» (см. ***1848. Мая 7. Суббота. Москва***).

МАЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. МОСКВА

Гоголь получает[1] письмо от графини С. М. Соллогуб из Петербурга[2].
В тот же день Гоголь посетил И. А. Фонвизина.

Спустя несколько дней, в субботу 28 мая 1849 г., Фонвизин сообщал Н. Н. Шереметевой: «...Я уже извещал Вас, что в самый Троицын день он <Гоголь> был у меня...»[3]

[1] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***
[2] См. ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] *Свод.* Т. 3. С. 551.

МАЯ МЕЖДУ 20 И 23. МОСКВА

Гоголь навестил вновь[1] приехавшего из Петербурга графа В. А. Соллогуба[2].

[1] См. ***1849. Февраля 11. Пятница. Москва.***
[2] См. ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1849. Мая 22. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва*** (письмо к графине С. М. Соллогуб).

МАЯ 24. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь пишет письмо к П. А. Плетневу в Петербург и ответное[1] письмо к графине С. М. Соллогуб в Павлино. Возможно, в тот же день Гоголь отправил на дачу в Павлино письмо к графине Анне М. Виельгорской, с объяснениями по поводу своего визита в Павлино 17 сентября 1848 г.[2]

Датировка письма Гоголя к Виельгорской уточнена. Дата ее ответа Гоголю неизвестна (письмо до нас не дошло), но сохранившееся ответное послание Гоголя имеет точное приурочение — оно помечено 3 июня 1849 г.[3] С учетом обычного времени обращения тогда писем между Москвой и Петербургом (и Павлино) это в целом позволяет предположительно датировать первое («объяснительное») письмо Гоголя к Виельгорской 24 мая 1849 г. (Текст письма см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

Из письма к Плетневу: «Ты позабыл меня, мой добрый друг. <...> ...Я всё это время был не в таком состояньи, в каком желал быть. Может быть, неблагодарность моя была виновницей всего. Я не снес покорно и безропотно бесплодного, черствого состояния, последовавшего скоро за минутами некоторой свежести, пророчившими вдохновенную работу, и сам произвел в себе опять тяжелое расстройство нервическое, которое еще более увеличилось от некоторых душевных огорчений. Я до того расколебался, и дух мой пришел в такое волнение, что никакие медицинские средства и утешения не могли действ<овать>. Уныние и хандра мною одолели снова. Но Бог милостив. Мне кажется, как будто теперь легче. Чувствую слабость и расстройство физическое. Но дух как будто лучше. О, если бы всё это обратилось мне в пользу и вслед за этим недугом наступило то благодатное расположение духа, которое мне потребно! Прошу тебя взять из банка деньги по второму билету, то есть тому, который содержит в <себе> 650 р<ублей> серебром[4], со всякими процентами, какие наросли, которые ты имеешь выслать мне на имя Шевырева, если в продолжение недели с половиною не получишь от меня письма, потому что я еще не знаю, может быть, мне придется ехать самому в Петербург, если только сколько-нибудь здоровье станет лучше. Хотелось бы хоть раз взглянуть на всех, близких моей душе. Здесь пронесся слух, что Жуковский возвращается на Петербург. Пожалуста, дай ответ на это хоть в двух строчках. <...> Поцелуй за меня ручки у твоей, без сомнения, доброй и милой душою супруги. <...> А мне объяви ее имя и отчество, которых по твоей милости я до сих пор не знаю. <...> Адресуй ответ на имя Шевырева»[5].

Из письма к Соллогуб: «Как вы меня обрадовали вашими строчками! <...> День 22 маия, в который я получил ваше письмо[6], был один из радостнейших дней, каких я мог только ожидать в нынешнее скорбное мое время. Если бы вы видели, в каком страшном положении была до полученья его душа моя, вы бы это поняли. Приехал я в Москву с тем, чтобы засесть за "Мерт<вые> души", с окончаньем которых у меня соединено было всё и даже средства моего существованья. Сначала работа шла хорошо, часть зимы провелась отлично, потом опять отупела голова; не стало благодатного настроения и высокого размягчения душевного, во время которого вдохновенно совершается работа. И всё во мне вдруг ожесточилось, сердце очерствело. Я впал в досаду, в хандру, чуть не в злость. Не было близких моему сердцу людей, которых бы в это время я не обидел и не оскорбил[7] в припадке какой-то холодной бесчувственности сердца. Я действовал таким образом, как может только действовать [в припадке] в состояньи безумия человек, и воображая в то же время, что действую умно. Но Бог милосерд. Он меня наказал нервическим сильным расстройством, начавшимся с приходом весны, болезнью, которая для меня страшнее всех болезней, после которой, однако же, если я выносил ее покорно и смирялся, наступало почти всегда благодатное расположение. Внезапно растопившаяся моя душа заныла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу я, что в нем лежит один эгоизм, что, несмотря на уменье ценить высокие чувства, я их не вмещаю в себе вовсе[8], становлюсь хуже, характер мой портится, и всякий мой поступок уже есть кому-нибудь оскорбление. Мне страшно теперь за себя так, как никогда доселе. Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно Анну Миха<й>ловну[9] и вас молиться за меня крепко и крепко.

<...> Вы спрашиваете меня, что буду делать с собою и куда двинусь. Сам не знаю. Передо мною [только] одно безбрежное море. Чувствую только, что мне нужно куда-нибудь ехать, потому что дорога была бы полезна для нерв моих, куда — не знаю. Не оставляйте меня, добрая моя Софья Михайловна. Одна небольшая весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде, и когда я воображу себе только, как мы снова увидимся все вместе и я прочту вам, мои "М<ертвые> души", дух захватывает у меня в груди от радости. Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить. Расцелуйте бесценные, добрые, милостивые ручки у графини[10] и у Анны Миха<й>ловны.

Владимира Александровича[11] я видел[12]. Как только узнал, что он в Москве, тот же час, несмотря на хворость свою поспешил к нему. Кроме того, что мне приятно было собственно его видеть, я бы обрадовался всякому человеку, от которого мог что-нибудь о вас узнать. Ради Христа, не позабывайте меня! Как я бессилен, как слаб и как мне нужна теперь помощь!

Обнимите Веневитиновых[13]. Я их смутил неуместным письмом[14]. Что ж делать, утопающий хватается за всё».

Утром того же дня, 24 мая 1849 г., к Гоголю заезжал И. А. Фонвизин.

Спустя несколько дней, в субботу 28 мая 1849 г., Фонвизин сообщал Н. Н. Шереметевой: «Письмо Ваше от 21–22-го мая получил и вместе письмо к Николаю Васильевичу Гоголю и записку о Константине Павловиче Мельковиче, к которому посылал Яков Вас<ильевич>[15], он приказал благодарить Вас за воспоминание, облегчения от болезни не чувствует. <...> ...Я уже извещал Вас, что <...> во вторник я поутру заехал к нему <к Гоголю> не вовремя, он принимал ванную. — Письмо Ваше сам вручил ему, и он удивляется, что вы не получили еще письма его, писанного, по словам его, за неделю[16]. — После ванны, говорит, что чувствует себя гораздо лучше. Не знаю, что может мне доставить мое знакомство Николаю Васильевичу, но скажу Вам, что мне с ним чрезвычайно легко и свободно и я с своей стороны желаю продолжения знакомства, не позволяя себе мечтать о мнимой пользе, доставляемой моим знакомством. — Николай Васильевич между прочим рассказал мне следующее: Хозяин его Гр<аф> Толстой накануне моего посещения был в одном доме[17] и поражен был особенным выражением лиц людей, которых он там встретил, все живущие в этом доме казались ему вместе испуганными и обрадованными — и вот случай, который был тому причиною. — Молодая, больная барышня этого дома попросила богоявленской воды, ей подали и оставили одну в комнате; после этого раздался из этой комнаты необыкновенный крик, на который сбежались все слышавшие его; барышню находят на постели стоящую на коленях и как бы беседующую с стоящим перед ней человеком, которого, однако же, никто из предстоящих не видал; барышня тотчас сказала вошедшим, чтобы они стали на колени, ибо перед нею Спаситель; барышня молилась Спасителю и заметно было, что она торопилась в молитве и боялась, что не успеет назвать всех тех, о которых желала просить, после она сказала, что слышала от Спасителя, что она будет здорова[18]. — Гр<аф> Толстой был там на другой день и прежде, нежели ему сказали о том, догадался, что в доме случилось что-нибудь необыкновенное по лицам живущих в нем. Что Вы говорите о терпении, то конечно, это превосходнейшее лекарство, какое только может быть, потому я каждый день прошу у Господа, чтобы Он даровал Вам с любовию и терпением нести возложенный Им на Вас крест. — Простите. Всей душой предан<ный> Иван Фон-Визин. P. S. Сестра Катя[19] и Александра Фед<оровна> свидетельствуют Вам почтение»[20].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» сообщал: «Перед своими именинами[21], которые он собирался праздновать и праздновал у Погодина в саду, Гоголь перепугал нас всех, говоря серьезно и с уверенностью о самых нелепых бреднях суеверных людей. Я приписывал и теперь приписываю нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых[22]. Попы, монахи с их изуверными требованиями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу, которая никому не вредила, кроме Гоголя: ибо он один со всею искренностью предавался этому направлению»[23].

В 1909 г. журналист Н. А. Голушков рассказывал: «В промежуток времени от 1868 по 1875 гг. мне пришлось столкнуться с двумя семьями, где бывал Николай Васильевич Гоголь во время своего пребывания в Москве. Первая — это семья Киреевских[24]... <...> Вторая семья, где бывал Гоголь более запросто, это — Игнатьевы, крупные помещики Тульской губ<ернии>. Семья эта была на виду у Москвы. Не помню рассказа о первом знакомстве с Гоголем, но затем он бывал у них очень часто и, как мистик, более всего сошелся с одной из дочерей Игнатьевых, девушкой, очень нервной и слывшей в то время ясновидящей. Целые вечера проводил Гоголь, забившись в угол обширной гостиной Игнатьевых с симпатичной ему девушкой, и только разъезд гостей заставлял их расстаться. Эта первая дочь Игнатьевых вышла при жизни Гоголя замуж за О., а через полтора года, впавши в летаргический сон, умерла. Смерть ее сильно повлияла на здоровье Николая Васильевича. Московские мистики в то время были уверены, что жизнь г-жи О. перешла в ее портрет, и Гоголь, посещая семью Игнатьевых, долго засиживался перед портретом в каком-то угнетенном состоянии»[25].

[1] См. ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

[3] См. ***1849. Июня 3. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] Ответ Плетнева см.: ***1849. Мая 30. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1849. Мая 22. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва.***

[7] См. ***1849. Апрель. Москва.*** — См. также ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[8] Подробнее см.: ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим.***

[9] Графиня Виельгорская, сестра графини Соллогуб.

[10] Л. К. Виельгорская, мать графини Соллогуб.

[11] Граф Соллогуб.

[12] См. ***1849. Мая между 20 и 23. Москва.***

[13] Алексей Владимирович (1806–1872), брат поэта, товарищ министра уделов, и его жена Аполлинария Михайловна (рожд. графиня Вьельгорская, 1818–1884).

[14] Письмо до нас не дошло.

[15] Возможно, речь идет о Якове Васильевиче Смирнове (1806–1868), родственнике графа М. М. Сперанского, преподавателе латинского языка в 1-й московской гимназии, отличавшемся религиозностью и благотворительностью.

[16] Имеется в виду письмо Гоголя к Шереметевой от 20 мая 1849 г.

[17] Возможно, имеется в виду дом Игнатьевых. См. ниже свидетельство Н. А. Голушкова.

[18] Вероятно, об этом случае Гоголь рассказывал тогда же Аксаковым — и не нашел понимания (см. ниже).

[19] Вероятно, имеется в виду Екатерина Федоровна Пущина (ум. после 1854), свояченица И. А. Фонвизина, которая после смерти его жены Евдокии Федоровны (рожд. Пущиной, 1801–1826), взяла на себя заботы по дому.

[20] *Свод.* Т. 3. С. 551–552.

[21] Очевидно, описанный случай произошел не *до*, а *после* именин Гоголя 9 мая 1849 г. (см. ***1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***).

[22] Мнение С. Т. Аксакова ошибочно (см. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** — примечания).

[23] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 652.

[24] См. ***1842. Мая до 22. Москва.***

[25] *Голушков Н. А.* Кое-что из жизни Гоголя в Москве // *Свод.* Т. 3. С. 553.

МАЯ 24. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет ответное[1] письмо сыну в Москву:

«Деньги, присланные тобою, мой милый сын, для раздачи людям, получила. Благодарю тебя. Я буду им выдавать по мере надобности их, вменяя за что-нибудь из их работ с прибавлением мо-

литься о твоем здоровьи, и исполнении всех твоих желаний; у кого нет скота, будет покупаться из доходов, которые у нас понемногу получаются; только большими кушами нельзя теперь иметь. И потому я присланные тобою 200 рублей серебром, да прибавлю за несколько времени собранные полтораста рублей ассигнациями, хочу уплатить подати за 1-я половину, которые остаются в недоимке, и за три месяца надобно заплатить за просрочку по копейке с рубля, да еще я слышу прибавлено по несколько с души и придется верно до 900 рублей или все 900 дойдут. По причине болезни люди не могли внести, а тут еще погода помешала ярмарке, которая давала значительный доход в то время, и подати вносили; но, вместо недели, и одного дня не было ярмарки: погода разогнала всех приехавших и все приготовленное для ярмарки осталось непроданным и теперь медленно выручается по частям. — В хозяйственных наших делах меня не упрекает совесть, они идут так, как способы наши позволяют; в хлебе люди не нуждались, иной крайности не было, в случайности брали из магазина, в котором позволено брать с тем, чтоб по получении нового отдать, и я отпускала для них мукой, если у них не было кому смолоть по причине болезни; да сверх того продала на 600 рублей ассигнациями по необходимости для уплаты в приказ и податей, когда не доставало, вырученных за табак и лен. Теперь уже скачут на костылях и те наши больные, на которых не было никакой надежды на выздоровление, воздух их лечит или лучше сказать Всемогущий Творец; хотя они так измучены, что трудно их узнать, но когда начали ходить, то и будут здоровы, только одного опасно, чтоб не были калеками: подводило жилы на ногах, но иные совсем уже прямые. — Письмо твое, мой любезный сын, потрясло все мое существо, но чем больше читаю его, тем делаюсь рассудительнее и покойнее. Мне вообразилось, прочтя его первый раз, что нанес огорчение тому, кого ты больше всех любишь, и мне страшная мысль пришла в голову, что это значит Государю, и потому ты просишь молиться, потом в облегчение той мысли вообразила, что Жуковскому; словом сказать, обезумела. Но когда прочла несколько раз и усмотрелась, то увидела, что, по твоему мнению, ты многим нанес оскорбление, которых ты любишь, и просишь, чтоб молиться о примирении с ними и также молиться о бедной душе твоей, то несколько успокоилась и скажу тебе на это, мой сердечный друг, что душа твоя не бедная, а богатая добрыми делами и прекрасная, но у тебя есть гордость: ты хочешь непременно равняться с Богом. Он Один только совершен и непричастен ни к каким слабостям, но человек ежеминутно искушаем; но он никак не должен тревожиться, зачем он сделал этак, а не так. Зато он всегда смиряется перед Богом, и Бог это любит, когда смиренный возносится <?>, а не чувствуя за собой ничего особенного, мы не были так близки к Богу и не смирялись бы так перед Ним, считая себя недостойным Его. Если ты нанес кому огорчение, то Бог избрал тебя орудием к наказанию его. Конечно, надобно быть очень осторожному в заключениях и долго рассматривать; иногда покажется, или наскажут более, нежели есть в самом деле; и тогда ты напрасно не нанесешь никому огорчений, а еще бы лучше, когда их совсем не наносить, но мы независимы от себя, Бог руководствует нами и не должно унывать, вообразя, что ты уже такой грешник, и быть уверенну, что Бог так милосерд, что за одну фразу, выговоренную от сердца, оставляет все грехи наши, и потому сказано: идеже умножается грех, там изобилует благодать Божья[2]. Следовательно, Бог следит за тем человеком, желая приобресть его и исправить. Конечно, надобно убегать нам от грехов, чтоб не гневать милосердия нашего Творца, но если бывают такие случаи, что человек не может владеть собой, и в ту минуту прибегнуть к рассудку, то должен вспомнить, что он ничтожная пылинка у Бога, не удивляться и не терзаться этим; но смиренно просить защиты против самого себя, чтобы не допущен был более до таких неприятных случаев, чтоб Бог никогда не оставлял тебя, посылая во всех случаях благоразумие на помощь.

Письмо твое я получила в пятницу пред Троицыным днем в Полтаве[3]; молилась о тебе, сколько доставало моих сил; в субботу должны были окончить все свои дела и ночью уже приехали домой, на Троицын день я была в заутрене и обедне, просили священника вынуть частицу о здравии твоем, благоденствии и исполнении твоих желаний, и всегда молюсь, чтоб Бог никогда не оставлял тебя по Своему милосердию, и наставлял на путь истинный.

У нас тебе все, благодаря Бога, хорошо, только бы дождя нужно; кругом идут, а у нас нет, но удивительно для меня то, что около Полтавы дожди изобильные идут и почти каждый день, а хлеб яровой у нас лучше, может быть оттого, что у нас очень рано посеяно в влажную землю. Надобно отдать честь нашему приказчику, как он деятельно управляется, тогда как почти никаких способов

не было: люди без рук, без ног, скоты тоже и у нас отлично все сделано, только что немного менее против прошлогоднего в посеве, но при хорошем урожае верно вдвое будет хлеба, если еще и не больше против прежних годов. Да сохранит тебя Господь, мое сокровище и отрада на земле, молитвами матери нежно любящей тебя».

[1] См. ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***
[2] Рим. 5, 20.
[3] См. ***1849. Мая 20. Пятница. Полтава.***

МАЯ МЕЖДУ 15 И 25[1]. МОСКВА

Гоголь встретился с Ю. Ф. Самариным, которому сообщил, что «на днях»[2] писал к А. О. Смирновой в Петербург.

[1] См. ***1849. Мая 25. Среда. Москва.***
[2] См. ***1849. Мая между 10 и 13. Москва.***

МАЯ 25. СРЕДА. МОСКВА

Ю. Ф. Самарин пишет А. О. Смирновой в Царское Село:

«Гоголь поручил мне[1] сказать вам, что, несмотря на хандру и тоску, он на днях писал к вам[2], но адресовал письмо в дом Вилье, не зная, что вы переехали в Царское Село; позаботьтесь, чтоб оно не пропало. Гоголь провел зиму, которой опасался, как нельзя лучше; но к весне нервы расходились, приступила хандра, и в три дня лицо изменилось, даже голос ослабел, я думаю, больше от страха, чтобы старые недуги не возобновились. Теперь, однако, ему стало гораздо лучше».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 215.

[1] См. ***1849. Мая между 15 и 25. Москва.***
[2] См. ***1849. Мая между 10 и 13. Москва.***

МАЯ 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголя вновь[1] посетил И. А. Фонвизин.

Через день, в субботу 28 мая 1849 г., Фонвизин сообщал Н. Н. Шереметевой: «У Николая Васильевича третьего дня был сам и побеседовал с ним около двух часов...»[2]

[1] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***
[2] *Свод.* Т. 3. С. 551.

МАЯ 27. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Царское Село:

«Благодарю вас за доброе и милое ваше письмецо. <...> Мое здоровье лучше. Зиму я провел хорошо. В конце ее только пришла хандра, которую я старался всячески побеждать. Но с приближеньем весны не устоял. Нервы расшатали меня всего, ввергнули в такое уныние, в такую нерешимость, в такую тоску от собственной нерешимости, что я весь истомился. Скажите Софье Ми-

ха<й>ловне, что письмецо ее[2] произвело надо мной чудо. С того же самого дни или, лучше, с той минуты, как получил его[3], я стал себя чувствовать лучше. Теперь с каждым днем укрепляюсь заметно. Во время болезни моей сильно молились обо мне некоторые добрые души. <...> Куды ехать, [не знаю] не решился. Предполагал уже было снова в Иерусалим. Если бы вы ехали теперь же, я бы с удовольствием поехал с вами в Калугу. Может быть, мы бы снова прожили вместе с обоюдною душевною пользой. <...> Мне сказывал Муханов[4], что у вас есть подмосковная[5] весьма удобная для жительства, и что он на вашем месте предпочел бы ее обитанью в Калуге».

[1] См. ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село***.
[2] См. ***1849. Мая 17. Вторник. Санкт-Петербург***.
[3] См. ***1849. Мая 22. Воскресенье. День Святой Троицы. Москва***.
[4] Вероятно, Владимир Алексеевич.
[5] Имение Смирновых, с. Спасское Бронницкого уезда Московской губернии.

МАЯ 29. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] письмо Гоголя из Москвы[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 456.
[2] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва***.

МАЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев посылает ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Письмо твое от 21 <от 24> мая доставили мне только вчера. <...> Мать[2] жены моей страдает ревматизмами целый год. Она лишена всякого движения. Сперва лечили ее на дому. Открылось после, что невозможно подать ей всех пособий в частной квартире. И так перевезли ее к церкви Преображения в лечебное заведение принца Ольденбургского. Дочь ее, нынешняя моя жена, так страстно любит мать свою, что подобную привязанность справедливее назвать болезнию сердца. Со времени нашей свадьбы не проходило дня, который бы не проводила она у постели страдалицы. Следовательно, я все это время был в каком-то ненормальном положении. Наконец, после переезда нашего на Спасскую мызу, это мое положение стало еще менее нормальным по отдаленности, которую путешественница моя принуждена всякий день уничтожать своими ежедневными поездками к больной. Рассказывают, что в ревматизмах так страдают по десяти лет. Я рискую все это время не видать жены при себе. Но я не сержусь на нее. Меня трогает и умиляет столь нежная дочерняя любовь. Ей нетерпеливо бы хотелось осуществить все прежние мечты, как она располагалась жить подле меня. Но болезнь сердца пока не допускает до того. И вот мы живем в одних ожиданиях. Редкое существо эта женщина в таких летах: ей только 23 года (зовут ее Александра Васильевна). Она столько же миниатюрна, сколько и грациозна. А. О. Смирновой очень понравилась она. Жуковского всего и всего Пушкина помнит она наизусть. До этого дошла она, года три читав их со мною почти ежедневно. Только не воображай в ней чего-нибудь романтически-плаксивого. Это душа крепкая, это ум деятельный и твердый — как у не многих мужчин бывает.

Не позабудь же уведомить меня, как скоро понадобятся тебе деньги по одному из ломбардных билетов.

И я жду Жуковского сюда. Зимою он решительно объявил, что в начале июня прибудет к нам, и один даже, если доктора не позволят ехать жене его».

[1] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва***; ***1849. Мая 29. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[2] Княгиня Варвара Николаевна Щетинина (рожд. Головина, 1795–1852), вдова князя Василия Осиповича Щетинина (1792–1829). Позднее Щетинина с двумя дочерьми от второго брака жила в Старой Руссе. Летом 1851 г. они переехали в дом Плетнева (см.: *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 729).

ИЮНЯ 3. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное письмо к графине Анне М. Виельгорской в Павлино:

«Наконец, письмецо и от вас[1]! <...> Понимаю, что прогулки без цели скучны. Вот отчего мне казалось, что жизнь в деревне[2] могла бы больше доставить пищи душе вашей, нежели на даче. Сделать четыре, пять верст в день затем, чтобы взглянуть на труд и работы поселян, какие производятся в разных местах имения, совсем не то, что наша обыкновенная прогулка. Там невольно можно ознакомиться с бытом тех людей, с которыми так тесно связано наше собственное существование, и чрез то прийти в возможность помогать им.

Но Тот, Кто устрояет всё, знает лучше, что нам полезней и лучше. Нужно покориться. Не удалось намерение быть в том месте — нужно осмотреться, как нам быть на этом. Обязанности человека везде. Они могут быть также и в Павлине. Около вас теперь куча племянников и племянниц. Сколько прекрасного можно передать в молодые души путем любви! Можно сызмала навеять на восприимчивое детское любопытство познанье своей родины и ее историю, и разнообразье ее местностей, и образ жизни ее обитателей во всех углах ее, и даже пламенное желание быть ей полезным[3]. <...> О себе ничего не могу вам сказать положительного. Я только что оправился от сильной болезни нервической, которая с приходом весны вдруг было меня потрясла и расколебала всего. Я имел, точно, намерение проездиться по северо-восточным губерниям России, мало мне знакомым, но как и когда приведу это в исполнение — не знаю. Собой я был крайне недоволен во всё это время. И только дивлюсь Божьей милости, не наказавшей меня столько, сколько я того стоил. Не оставляйте меня, добрейшая Анна Миха<й>ловна, вашими строчками. Описанье вашего дня и препровожденья времени в Павлине будет для меня подарком. <...> Перецелуйте бесценные ручки вашей маминьки»[4].

В тот же день, 3 июня 1849 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«...К Вязе<мскому> и не застал. — К Шев<ыреву>, и сговорились с Гог<олем> ехать к нему[5] в Остаф<ьево>»[6].

[1] Письмо не сохранилось (см. ***1849. Мая 24. Вторник. Москва*** — примечания).

[2] Ср. строки письма Гоголя к Виельгорской от 24 мая 1849 г.: «Зачем, в самом деле, не поживете вы в подмосковной вашей деревне?» (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

[3] См. также ***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин*** (примечания).

[4] Графиня Л. К. Виельгорская.

[5] См. ***1849. Июня 5. Воскресенье. Москва, Остафьево***.

[6] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.

ИЮНЯ 4. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Пис<ал> и почти кончил Андрея[1]. Превесело. <...> Приходит Гоголь, прослушал, и ни слова. Не досадно ли ему, что он потеряет свое первенство. Чего доброго!»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 497.

[1] Исследование о великом князе Андрее Боголюбском.

ИЮНЯ 4. СУББОТА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю в Москву:

«Возвратилась от обедни, где по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин, вспоминая о вас, мой друг, с любовию матери в эту минуту. <...> Теперь едут в Москву, и скорее дойдет, нежели по почте. Прошу Ивана Александровича[1] о доставлении[2] сих строк. <...> Грус<т>но за дочь и зятя, что они потеряли истинно предостойного сына[3], которого и мне и всем нам крепко жаль. С младенчества его знала, кроме хорошего ничего за ним не замечала. Упокой, Господи, душу его и не оставь бедных родителей!»

[1] Фонвизин.

[2] См. ***1849. Июня около 6. Москва.***

[3] Младший сын М. Н. Муравьева и П. В. Муравьевой (рожд. Шереметевой) Василий Михайлович Муравьев (род. в 1824) умер в Иркутске в марте 1848 г., через три недели после свидания с И. Д. Якушкиным.

ИЮНЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА, ОСТАФЬЕВО

Гоголь вместе с М. П. Погодиным посещает князя П. А. Вяземского в его имении Остафьево; пишет здесь письмо к К. М. Базили в Константинополь.

В ту пору Вяземский, после смерти от холеры в феврале 1849 г. его дочери Марии Петровны Валуевой (род. 1813), собирался вместе с женой совершить путешествие в Константинополь (где служил их сын Павел) и паломничество к Святым Местам. (На пароход до Константинополя Вяземские сели в Одессе 30 июня 1849 г.[1]; в средине августа 1850 г. вернулись в Россию[2].) Гоголь, пользуясь оказией, решил написать письмо к другу. Письмо, очевидно, было передано Вяземскому для вручения Базили в Константинополе. (Ответ Гоголю Базили написал 25 июля 1849 г.[3])

М. П. Погодин записал в дневнике: «К Вяз<емскому> в Остафьев<о>, по Серпухов<ской> знаком<ой> дороге, по которой ездил с таким бьющимся сердцем. Пустились в тряской, и писа<л> письмо. С Гог<олем> о Европе, о России, Правитель<стве>. — Это шоссе, напр<имер>, проведено прямо, стоило дорого, но ездить нельзя: усыпано хрящем, что и колеса, и копыта испортились. Все ездят и мучатся проселками, а за шоссе все-таки платят Клейнмихелю... <...> Вязем<ский> очень рад. Гуляли. — О Кар<амзине>, о крестьянах, о Петре В<еликом>, литературе и пр. С Всевол<о>жским[4]. — Обед у Окулов<ых>. Прочел Спешневу отрывок»[5].

«Осмотр остафьевского архива. Запись, оставленная Гоголем: "5 июня 1849. Рылись здесь Гоголь..." Далее — подписи М. П. Погодина, Н. С. Всеволожского и П. А. Вяземского. <...> ...Автограф-запись Гоголя в фонде Вяземских...»[6]

Из письма Гоголя к Базили: «Всё собирался писать к тебе, как вдруг поразила меня весть о горе[7], тебя поразившем. Мысль писать в бессилии остановилась. Я измерял пред собою великость твоей утраты и видел, что никакое слово мое, никакое участие кого бы то ни было, кроме разве Того, Кто посетил тебя, не в силах было принесть утешения. Близость твоя от Святых Мест меня успокоивала много. Теперь, как только представился случай к отправлению письма в Константинополь, пишу к тебе. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположен внимать словам участья, но и теперь ничего не умею сказать, кроме того, что утрата твоя велика и что по этой самой причине вечно следует благодарить Бога за мгновенное владение утраченным даяньем. Воспоминанье о нем остается нам в украшенье всей последующей жизни. В немногие дни нашего пребыванья в Байруте[8] я искренно полюбил покойницу. И мне казалось, что лучшей подруги тебе нельзя было избрать в мире. Никто, кроме ее, не мог быть тебе так нужен и необходим в этом крае, где не всякой европейской обитательнице захотелось бы жить. Милый друг! Вся жизнь наша долж-

на быть благодарность. Благодарность, а не другое что. Тогда вся жизнь наша будет прекрасна. Ты меня много, много обяжешь, если напишешь о себе, о состояньи души своей. Хотел бы я еще просить тебя, просить описать мне последние минуты *ее*. <...> О себе особенно [многого] замечательного не могу покуда ничего сказать, кроме того, что зиму провел довольно хорошо. Весной заболел, но теперь опять поправляюсь. Голова еще не в таком состоянии, чтоб светло заняться делом, но времени не пропускаю, от дела не бегаю и запасаюсь материалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умным и осмотрительным, чтобы быть в состояньи сказать даже и не весьма умное слово. Время беспутное и сумасшедшее. То и дело, что щупаешь собственную голову, не рехнулся ли сам. Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный свой фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только [ревни<тели>] проповедники *разрушения*. Где только дело касается созданья и *устройства*, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!»

[1] См. ***1849. Июля конец. Москва*** (примечания).

[2] См. ***1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса*** (примечания). – См. также: Путешествие на Восток Князя П. А. Вяземского (1849–1850 г.). Издание Графа С. Д. Шереметева. СПб., 1883.

[3] См. ***1849. Июля 25. Понедельник. Ливанские горы.***

[4] Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857), полковник в отставке, писатель, историк, член московских масонских лож: Благополучия (1816); Нептуна (1816–1818), Феникса (1820); владелец типографии в Москве (1809–1817); тверской гражданский губернатор (1817–1826); автор водевиля «Актеры между собой» (1821; в соавторстве с Н. И. Хмельницким) и книги «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах» (М., 1839. Т. 1–2). В 1830 г. дважды встречался с А. С. Пушкиным (см.: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву 1830–1833. С объяснениями Н. П. Барсукова // Русский Архив. 1882. № 6. С. 162; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 83; *Тархова.* Т. 3. С. 217).

[5] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

[6] *Михайлова А. Н.* Даты жизни Н. В. Гоголя. 1848–1852 // *Гоголь 1937–1952.* Т. 14. С. 15; *Свод.* Т. 2. С. 500.

[7] 8 ноября 1848 г. умерла жена Базили Маргарита Александровна (см. ***1849. Июля 25. Понедельник. Ливанские горы***). Это произошло спустя месяц по возвращении Базили из Петербурга на Восток (см. ***1849. Июля 25. Понедельник. Ливанские горы***).

[8] См. ***1848. Января 30 <февраля 11>. Пятница. Бейрут; 1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут; 1848. Марта 18 <30>. Четверг. Бейрут; 1848. Марта 19 <31>. Пятница. Бейрут; 1848. Марта 21–23 <апреля 2–4>. Воскресенье-вторник. Бейрут; 1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут.***

ИЮНЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет новое[1] письмо к сыну в Москву[2] (письмо не сохранилось).

[1] Ср. ***1849. Мая 24. Вторник. Васильевка.***

[2] См. ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва.***

ИЮНЯ 6. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо П. А. Плетневу в Петербург:

«Благодарю тебя за письмо... <...> Очень благодарен также за то, что познакомил меня заочно с Александр<ой> Васильевной[2]. Да не находит на тебя грусть оттого, что ты не всегда с нею. В нынешнее время быть у одра страждущего[3] есть лучшее положение, какое может быть для человека. Тут не приходит в мысли то, что теперь крутит и обольщает головы. Тут молитва, смирение и покорность. Стало быть, всё то, что воспитывает душу, блюдет и хранит ее. Начать таким образом жизнь свою надежнее и лучше, нежели днями первых упоений и так называемыми медовыми ме-

сяцами, после которых, как после похмелья, смутно просыпается человек, чувствуя, что он спал, а не жил. Я думал было наведаться в Петербург, но приходится отложить эту <поездку>, по крайней мере, до осени. Деньги вышли по второму билету, то есть тому, который заключает в себе сумму 650 р<рублей> серебром[4] с процентами, какие накопились. Пришли на имя Шевырева. <...> Передай мой душевный поклон Александре Васильевне и Ольге Петровне[5]...»

[1] См. ***1849. Мая 30. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Вторая жена П. А. Плетнева.

[3] Имеется в виду тяжело больная теща Плетнева, княгиня В. Н. Щетинина, которую его жена ежедневно навещала.

[4] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва.***

[5] Дочь П. А. Плетнева от первого брака.

ИЮНЯ ОКОЛО 6. МОСКВА

И. А. Фонвизин передает Гоголю письмо от Н. Н. Шереметевой из с. Покровского.

См. ***1849. Июня 4. Суббота. С. Покровское.***

ИЮНЯ 11. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«На блины к Ал<ексанре> Мих<айловне> с Гоголем».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

ИЮНЯ 11. СУББОТА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану:

«Москва пуста. Гоголь, однако же, не чувствует этой пустоты; он живет у Толстого, у которого, как он выразился, *все приезжено*, но собрался сам с Арнольди ехать к Александре Осиповне[1] в Калугу, она проездом в Москве прожила неделю. Самарин приезжал для свидания из деревни и также едет к ней в Калугу, и Константина Гоголь звал туда же».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 782.

[1] Смирнова.

ИЮНЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо от Гоголя из Москвы[1]. Сделал на письме помету: «П<олучено> 11 июня 1849. Билет выдан Экзекутор<у> для отсылки денег 13 июня 1849»[2].

[1] См. ***1849. Июня 6. Понедельник. Москва.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 457.

МАЙ – ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь бывает у А. С. и Е. М. Хомяковых. Из составленной им благотворительной суммы, хранившейся у С. П. Шевырева[1], передает 25 рублей для студента П. И. Бартенева.

В 1897 г. В. И. Шенрок сообщал: «Как мы слышали от П. И. Бартенева, Гоголь так всегда держал себя у Хомяковых: он капризничал неимоверно, приказывая по нескольку раз то приносить, то уносить какой-нибудь стакан чая, который никак не могли ему налить по вкусу; чай оказывался то слишком горячим, то крепким, то чересчур разбавленным; то стакан был слишком полон, то, напротив, Гоголя сердило, что налито слишком мало[2]. Одним словом, присутствующим становилось неловко; им только оставалось дивиться терпению хозяев и крайней неделикатности гостя. В разговорах, как мы слышали из разных источников, Гоголь часто не принимал участия, молча и презрительно поглядывая на собеседников; у иных зарождалась даже мысль, что этот прием употреблялся им в некоторых случаях нарочно для прикрытия своего невольного смущения»[3].

Бартенев рассказывал также своей дочери Т. П. Бартеневой: «Помню, как, возвратившись из университета с лекции Каткова о психологии, разговорился я с Гоголем о том, достигнут ли психологи до того, чтобы явственно представить, что должен был ощущать Одиссей, когда перед тем, как придти во дворец Антиноя, он после стольких испытанных бедствий молился Афине в предгорней роще. Гоголь капризничал: подавали ему чай, и он находил то слишком полным стакан, то не долито, то мало сахару, то слишком много. По большей части он уходил беседовать с Екатериною Михайловною <Хомяковой>, достоинства которой необыкновенно ценил. Ее кончина в январе 1852 года очень его поразила, и он заболел своей смертельной болезнью. <...>

<В 1849 г. С. П. Шевырев передал Бартеневу> 25 рублей, сказав, что эти деньги даны ему одним желающим остаться в неизвестности человеком для выдачи прилежным студентам (позднее мы узнали, что это был Гоголь)»[4].

Внук Бартенева П. Ю. Бартенев[5] в 1912 г. замечал: «Там[6] П<етр> И<ванович> встретился и познакомился с Гоголем, но не успел с ним сблизиться; один раз только имели они продолжительный разговор о том, что чувствовал Одиссей, выброшенный на остров Феаков, в связи с задачами и целями психологии»[7].

Позднее Б. А. Садовский вспоминал о Бартеневе: «Кого он только не знал и с кем не встречался! <...> Это ему Чаадаев рассказывал про лицейские проказы и шалости Пушкина, с ним Гоголь говорил о переводе Одиссеи за чайным столом у Сергея Тимофеевича Аксакова[8]!»[9]

Из воспоминаний С. С. Сидоровой-Бартеневой (1940), внучки Бартенева: «Гоголя Дед частенько встречал в доме Алексея Степановича Хомякова на Собачьей Площадке и морщился, рассказывая о нем, что он был всегда [неопрятно] небрежно и грязновато одет и производил впечатление человека физически неопрятного и носящего отпечаток болезненного душевного разлада, всегда садился к сторонке и был молчалив. <...> Гений Гоголя был как-то Деду чужд, и насколько я могу припомнить, у меня положительно не осталось в памяти, чтобы Дед когда-нибудь читал нам Гоголя или цитировал его на память. А ведь Дед с самого нашего младенческого возраста — я говорю, нашего, подразумевая моих братьев, Николая и Владимира, и меня — постоянно читал нам вслух и у себя в кабинете, и приезжал с книжкой к нам, когда мы жили уже не в его доме»[10].

Дочь А. С. и Е. М. Хомяковых Мария Алексеевна (1840–1919) вспоминала: «Сколько я помню мою мать, у нее кроме красоты было что-то ясное и детское в выражении лица, она была веселого характера, но без всякой насмешливости, и благодаря этому самые сериозные люди говорили с ней более задушевно, чем даже с людьми своего круга (своими друзьями). Так я слышала от отца, что

Гоголь, ни с кем не говоривший из них об своей поездке в Святую Землю, ей одной говорил об том, что он там почувствовал»[11].

[1] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт***; ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***; ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса***; ***1852. Февраля 12. Вторник. Второй день Великого Поста. Москва*** (свидетельство А. Т. Тарасенкова); ***1852. Мая 7. Среда. Москва***.

[2] «У Хомяковых Гоголь бывал очень часто; он близко сошелся не только с самим Алексеем Степановичем, но и с женой его, Екатериной Михайловной, с которой познакомился еще в 1841 г. <см. ***1839. Декабря 21. Четверг — 1840. Апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***>, а в начале 1850 г. крестил у них сына <см. ***1850. Января 31. Вторник. Москва***>, названного по его имени Николаем...» (примеч. В. И. Шенрока).

[3] Воспоминания о Гоголе П. И. Бартенева в «Материалах о жизни Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 3. С. 698.

[4] Воспоминания П. И. Бартенева в записи его дочери Т. П. Бартеневой // *Свод*. Т. 3. С. 699.

[5] Петр Юрьевич Бартенев, внук П. И. Бартенева, издатель «Русского Архива» с 1912 по 1917 г.

[6] У А. С. Хомякова.

[7] *Бартенев П. Ю.* Петр Иванович Бартенев. Некролог // *Свод*. Т. 3. С. 700.

[8] У А. С. Хомякова (см. выше рассказ Бартенева своей дочери и свидетельство внука Бартенева).

[9] *Садовский Б. А.* Записки // *Свод*. Т. 3. С. 699.

[10] *Сидорова-Бартенева С. С.* Мой дед Петр Иванович Бартенев в моих воспоминаниях // *Свод*. Т. 3. С. 700.

[11] *Хомякова М. А.* Записная книга // *Свод*. Т. 3. С. 203. — См. также ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***.

ИЮНЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК

Д. К. Малиновский вместе с своим братом Сергеем поступил фейерверкером в третью легкую батарею 17-й артиллерийской бригады.

См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва*** (примечания).

ИЮНЯ 15. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответную записку А. О. Смирновой:

«Да, я точно в Москве, добрейш<ий> друг Александра Осиповна, и очень желаю вас видеть и замедлил к вам приездом только потому, чтоб не разминуться с Аркадием Осипо<вичем>[1], а он, сказывают, будет на днях. От него надеюсь узнать, между прочим, и о том, каким путем к вам добраться, доселе же сведения, на этот счет собираемые, крайне темны. Прискорбно мне узнать из вашего письма, что вы недомогаете, но Бог милостив: всё строит и обращает нам в пользу. Граф и графиня Т<олстые>[2] очень вас благодарят и кланяются. <...> Передайте душевный мой поклон Аркадию Осиповичу».

В тот же день, 15 июня 1849 г., Гоголь с Ю. Ф. Самариным был на вечере у А. С. Хомякова.

Е. И. Попова записала в своем дневнике: «*1849 год. Июнь. 15 июня.* <...> Вечером была у Хомяковых, где были, кроме любезных дам, Гоголь и Самарин [Ю. Ф.]»[3].

В тот же день П. И. Бартенев выехал из Москвы в Сызрань.

Через неделю, 23 июня 1849 г., Бартенев сообщал П. А. Бессонову[4] из с. Репьевки (близ Сызрани): «Я выехал из Москвы гораздо позже, чем предполагал, именно 15 числа, проехал 850 верст быстрого пути и теперь живу на берегу *тихоструйной* Сызрани, как назвал реку эту покойник Языков

в послании к Рейну[5]. <...> Степан Петрович <Шевырев> все еще в Москве: жена его хворает. Когда я прощался с ним, он поручил мне отвезти поклон его родной Волге, которая в Сызрани производила на него первые впечатления жизни. У меня впереди есть одна и верная надежда, именно жить под одною кровлею с Гоголем: он нынешним летом намерен отправиться в эти страны[6] к приятелю своему, симбирскому губернатору князю Черкасскому и дал обещание прожить несколько времени у Бестужевых»[7].

Князь Петр Дмитриевич Черкасский (1799 – 3 декабря 1852), камер-юнкер, гражданский губернатор Симбирска; назначен на эту должность 1 февраля 1849 г.; прибыл в Симбирск 23 марта 1849 г. С симбирским губернатором Черкасским был лично знаком Самарин, который в августе 1849 г. (после ареста за распространение в рукописи своих «Писем из Риги») перешел к нему на службу в Симбирск.

[1] Россет, брат Смирновой.
[2] Александр Петрович и Анна Георгиевна.
[3] Дневник Елисаветы Ивановны Поповой 1847–1852 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 859.
[4] П. А. Бессонов, славист и фольклорист, университетский товарищ П. И. Бартенева.
[5] Имеется в виду стихотворение Н. М. Языкова «К Рейну» (1840).
[6] См. также ***1850. Марта 25. Суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Москва.***
[7] Из писем П. И. Бартенева к П. А. Бессонову // *Свод.* Т. 3. С. 697.

ИЮНЯ 17. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.
[2] *Гриц.* С. 432.

ИЮНЯ ОКОЛО 19. МОСКВА

Гоголь получил[1] присланные ему из Петербурга П. А. Плетневым – на имя С. П. Шевырева – 650 рублей серебром[2].

[1] См. ***1849. Июня 11. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1849. Июня 6. Понедельник. Москва.***

ИЮНЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Заключенный в Петропавловской крепости Ф. М. Достоевский[1] на допросе по делу петрашевцев[2] показал:

«В сущности, я еще не знаю доселе, в чем обвиняют меня. Мне объявили только, что я брал участие в общих разговорах у Петрашевского, говорил *вольнодумно* и что, наконец, прочел вслух литературную статью: "Переписку Белинского с Гоголем"[3]. <...> Да, я прочел эту статью, но тот, кто донес на меня, может ли сказать, к которому из переписывающихся лиц я был пристрастнее? <...> Письмо Белинского написано слишком странно, чтоб возбудить к себе сочувствие. Ругательства отвращают сердце, а не привлекают его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконец, вся статья – образец бездоказательности, недостаток, от которого Белинский никогда не мог избавиться в своих критических статьях и который усиливался по мере истощения нравственных и физических сил его в болезни. <...> Несколько времени я был знаком с Белинским довольно коротко. Это был превосходнейший человек как человек. Но болезнь, сведшая его в могилу, сломила в нем

даже и человека. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображение его, расстроенное, напряженное, увеличивало все в колоссальных размерах, и показывало ему такие вещи, которые один он и способен был видеть. В нем явились вдруг такие недостатки и пороки[4], которых и следа не было в здоровом состоянии. <...> В литературном мире не безызвестно весьма многим о моей ссоре и окончательном разрыве с Белинским в последний год его жизни. Известна тоже и причина нашей размолвки: она произошла из-за идей о литературе и о направлении литературы. Взгляд мой был радикально противуположный взгляду Белинского. <...> Я давно желал прочесть эти письма. В моих глазах эта переписка — довольно замечательный литературный памятник. И Белинский и Гоголь — лица очень замечательные. Сношения их между собою весьма любопытны, тем более для меня, который был знаком с Белинским. Петрашевский случайно увидал эти письма в моих руках, спросил: "Что такое?" — и я, не имея возможности показать ему эти письма тотчас, обещал их привезть к нему в пятницу[5]. Сам я вызвался и уже потом должен был сдержать слово. Я прочел эту статью ни более ни менее как литературный памятник, твердо уверенный, что она никого не может привести в соблазн, хотя она и не лишена некоторого литературного достоинства. Что до меня касается, я буквально не согласен ни с одним из преувеличений, находящихся в ней».

На вопрос: «Известно, что на собрании у Петрашевского, 15 апреля <1849>, Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве... <...> ...Покажите, по какому случаю вы читали на этом собрании письмо Белинского к Гоголю», — Достоевский отвечал: «Я прочел письмо Белинского к Гоголю, вызвавшись сам, при свидании с Петрашевским у Дурова. Я дал обещание и уже не мог отказаться от него. Петрашевский напомнил мне об этом обещании уже у себя на вечере. Впрочем, он не знал и не мог знать содержания письма. Я его прочел, стараясь не выказывать пристрастия ни к тому, ни к другому из переписывавшихся <...> Сознаюсь, что я поступил неосторожно»[6].

[1] Достоевский был арестован 23 апреля 1849 г. (см. ***1849. Апреля 23. Суббота. Санкт-Петербург***) и восемь месяцев провел под следствием в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Допрашивался 8, 11, 17 и 20 июня 1849 г.

[2] См. также ***1849. Декабря 29. Четверг. Санкт-Петербург***.

[3] Копию зальцбруннского письма В. Г. Белинского к Гоголю 1847 г. Ф. М. Достоевский получил из Москвы от А. Н. Плещеева (см. ***1849. Марта конец. Санкт-Петербург***), которому, в свою очередь, передал ее студент С. В. Ешевский (1829–1865, с 1858 г. профессор истории Московского университета), знакомый П. Н. Кудрявцева и Т. Н. Грановского.

[4] См. ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] См. ***1849. Апреля 15. Пятница. Санкт-Петербург***.

[6] Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // *Свод*. Т. 3. С. 585–586.

ИЮНЯ 22. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь встречается у С. П. Шевырева с Н. В. Бергом и Я. К. Гротом.

Спустя несколько дней, 28 июня 1849 г., Грот, посылая П. А. Плетневу «журнал» своих ежедневных дневниковых записей, сообщал: «*22 июня*. <...> Под вечер поехал я с Шевыревым в Сокольники и в так называемый скит Преображенский, раскольничью богадельню, учрежденную в виде монастыря, и где сами призреваемые служат в молельне по очереди (беспоповщина). <...> Д. И. Коптев[1] здесь смотрителем и вводит много улучшений. Когда мы возвратились домой (т. е. к Шевыреву) в 10 часов, пришли: сперва Берг, потом Гоголь. Гоголя нашел я лучше, чем воображал. Он был разговорчив и весел. Я с ним вместе отправился домой и подвез его к его квартире».

Из писем Я. К. Грота // *Свод*. Т. 3. С. 704–705.

[1] Дмитрий Иванович Коптев (1820–1867), поэт, переводчик, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе графе А. А. Закревском (с мая 1849 г.).

ИЮНЯ 23. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

И. В. Капнист, не застав Гоголя дома, оставляет ему записку с приглашением на свои именины:

«Я был у Вас, любезнейший Николай Васильевич, и к сожалению не застал. Прошу Вас усерднейше приехать завтра 24-го числа в Сокольники обедать к сердечно Вас любящему имениннику И. Капнисту. Сестра Соф<ья> Вас<ильевна> и Вас<илий> Ан<тонович> <Скалон> с детьми <Александрой (род. в 1835) и Василием (1841–1876)> ко мне приехали и очень желают Вас видеть».

ИЮНЯ 24. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. МОСКВА

Гоголь на именинном обеде своего земляка, московского гражданского губернатора И. В. Капниста[1]. В числе семидесяти гостей здесь находится младший брат А. О. Смирновой Л. И. Арнольди (Гоголь познакомится с ним ближе два дня спустя, при встрече с Смирновой в гостинице «Дрезден»[2]).

В конце 1850-х гг. Л. И. Арнольди вспоминал: «Я был зван на именинный обед в Сокольники, к почтенному И. В. К<апнисту>. Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. Гоголь опоздал и вошел в палатку, когда уже все сидели за столом. Его усадили между двумя дамами[3], его великими почитательницами. После обеда мужчины, как водится, уселись за карты; девицы и молодежь рассыпались по саду. Около Гоголя образовался кружок; но он молчал и, развалившись небрежно в покойном кресле, забавлялся зубочисткой. Я сидел возле зеленого стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посматривал на Гоголя. "Не могу видеть этого человека, — сказал он, наконец, обращаясь к другому сенатору во фраке. — Посмотрите на этого гуся, как важничает, как за ним ухаживают! Что *за аттитюда*[4], что за *аплон*[5]!" — и все четверо взглянули на Гоголя с презрением и пожали плечами. "Ведь это революционер, — продолжал военный сенатор, — я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором[6] и когда давали его пиесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью, весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец не вытерпел и запретил давать его пиесы. У меня в губернии никто не смел и думать о *Ревизоре* и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы, за эти *Мертвые Души*, и в особенности за *Ревизора*, сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!" Остальные партнеры почтенного сенатора совершенно были согласны с его замечаниями и прибавили только: "Что и говорить, он опасный человек, мы давно это знаем"»[7].

[1] См. ***1849. Июня 23. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва.***

[3] Одной из дам была, вероятно, приехавшая в Москву Софья Васильевна Скалон (рожд. Капнист).

[4] Attitude — поза (*фр.*).

[5] Aplomb — апломб (*фр.*).

[6] Возможно, имеется в виду либо вологодский гражданский губернатор в 1836–1840 гг., генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Болговский (Бологовский, 1775–1852), любитель карт, один из первоприсутствующих в первом отделении шестого департамента Правительствующего Сената, назначенный в 1848 г. членом по хозяйственной части Комиссии построения в Москве Храма во имя Христа Спасителя; либо казанский военный губернатор в 1831–1841 гг., генерал-лейтенант Степан Степанович Стрекалов (1782–1856), назначенный в 1841 г. сенатором в Москву.

[7] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 390.

ИЮНЯ 25. СУББОТА. МОСКВА

Гоголя в доме графа А. П. Толстого посетил Я. К. Грот, во время визита которого Гоголь получил от А. О. Смирновой новую[1] записку[2]. Вечером Гоголь был у С. П. Шевырева, где вновь встретился с Гротом.

Спустя три дня, 28 июня 1849 г., Грот, посылая П. А. Плетневу «журнал» своих ежедневных дневниковых записей, сообщал: «*25 июня.* <...> Шевырев потчевал меня обедом в Новотроицком трактире... <...> Посидел у Гоголя: сбирается поездить по России, но еще колеблется, ехать ли, ибо дорожит временем, а жизнь коротка. При мне получил он записку от Смирновой с уведомлением, что она приехала в Москву из Петербурга[3]. <...> Вечером в 10 ч<асов> к Шевыреву для соглашения о завтрашней поездке[4]; Гоголь, сей час вышедший от него, объявил мне, что не едет, ибо должен проводить старого друга[5]»[6].

В 1864 г. Грот вспоминал: «До 1849 года я с Гоголем встречался редко, хотя давно познакомился с ним. Мы оба не жили в Петербурге и, только съезжаясь на короткое время с разных сторон, виделись иногда у П. А. Плетнева. Но в означенном году, летом, я был в Москве, и тут мы посещали друг друга[7]. Гоголь жил тогда у гр<афа> Толстого в д<оме> Талызина на Никитском бульваре, поблизости Арбатских ворот. Из его разговоров мне особенно памятно следующее. Он жаловался, что слишком мало знает Россию; говорил, что сам сознает недостаток, которым от этого страдают его сочинения. “Я нахожусь в затруднительном положении, — рассуждал он, — чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать, а между тем уж некогда: мне около 40 лет, а время нужно, чтобы писать”. Отказываясь поэтому от мысли о путешествиях по России, Гоголь придумал другое средство пополнить свои сведения об отечестве. Он решился просить всех своих приятелей, знакомых с разными краями России или еще собирающихся в путь, сообщать ему свои наблюдения по этому предмету. О том просил он и меня. Но любознательность Гоголя не ограничивалась желанием узнать Россию со стороны быта и нравов. Он желал изучить ее во всех отношениях. Мысль эта давно занимала Гоголя, и для достижения этой цели он не пренебрегал даже и самыми скудными средствами[8]. <...> Взяв с меня обещание доставлять ему заметки о тех местах России, которые я увижу, Гоголь стал расспрашивать меня и о Финляндии, где я жил в то время. Между прочим его интересовала флора[9] этой страны; он пожелал узнать, есть ли по этому предмету какое-нибудь хорошее сочинение, и попросил выслать ему, когда я возвращусь в Гельсингфорс, незадолго перед тем появившуюся книгу Нюландера “Flora fennica”[10], что я и исполнил[11] впоследствии»[12].

[1] См. ***1849. Июня 15. Среда. Москва.***

[2] Записка не сохранилась.

[3] На самом деле Смирнова приехала в Москву еще 15 июня 1849 г., о чем тогда же уведомила Гоголя запиской. В новой записке, полученной Гоголем во время визита Грота 25 июня 1849 г., Смирнова, очевидно, сообщила Гоголю адрес, где она остановилась в Москве (гостиница «Дрезден») (десять дней по приезде в Москву Смирнова, по-видимому, была больна) (см. ***1849. Июня 15. Среда. Москва***; ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва***).

[4] Намеченная на 26 июня 1849 г. поездка вокруг города, «вне вала Москвы».

[5] Возможно, Гоголь намеревался посетить в этот вечер Смирнову, но затем отложил встречу на следующий день (см. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва***).

[6] Из писем Я. К. Грота // *Свод.* Т. 3. С. 705.

[7] См. также ***1849. Июня 22. Среда. Москва***; ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва.***

[8] См. ***1843. Апреля 19 <7>. Великая среда. Рим.***

[9] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[10] Имеется в виду книга финского энтомолога и ботаника Уильяма Нюландера (Nylander, 1822–1899), вышедшая в 1848 г.

[11] См. ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс.***
[12] *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 702.

ИЮНЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь в шесть часов вечера навещает А. О. Смирнову (проживала в Москве[1] в гостинице «Дрезден», проездом из Петербурга в Калугу). У Смирновой Гоголь знакомится[2] с ее младшим братом Л. И. Арнольди.

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «В июне 1849 года А. О. С<мирно>ва, по дороге в Калугу, приехала в Москву и нашла Гоголя в доме графа А. П. Т<олсто>го, где он поселился с самого своего приезда из Малороссии»[3].

В 1867 г. Смирнова рассказывала П. А. Висковатову: «Гоголь был доброжелателен к людям, но требовал, чтобы непременно входили в его интересы. Придавая, особенно в последние годы деятельности своей, большое значение своим сочинениям, в особенности "Мертвым душам", он и от других требовал почтения, и странным образом не к написанному — это можно было разбирать и бранить, — но к тому, что роилось у него в мыслях, над чем он думал и день и ночь, но чего не говорил другим и не объяснял.

Тут Александра Осиповна из пачки Гоголевских писем вынула письмо его к ней от 25-го июня 1845 года из Карлсбада и продиктовала мне следующий отрывок:

"Вы коснулись «Мертвых душ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожаления к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых душ», но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру, насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это еще тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора"[4]...

— Вот видите ли, — продолжала Александра Осиповна, — как Гоголь тщательно скрывал от других значение своей бессмертной поэмы и в то же время негодовал, что никто из читателей, и особенно друзей, не догадался, что он замышлял сделать из своих "Мертвых душ", какое должно было быть влияние их на Россию. Он так и говорил: на Россию, на судьбу России, на развитие русского общества или на развитие русского человека. Он действительно сердился на меня и друзей, что мы не умели проникнуть в его душу. Он говорил: "От друзей не можешь требовать всегда сочувствия к своим делам, но понимания тебя должно требовать. Ибо что ты мне за друг, когда ты меня не понимаешь. Чем же ты будешь мне полезен? Как ты меня убедишь и наставишь на путь истинный, когда и я, и мысли мои тебе непонятны?"

Гоголя сердило, что конец первой части "Мертвых душ", да еще два-три места в поэме (очевидно, речь шла от так называемых лирических местах) остались непонятными даже близкими ему.

— И Аксаковы, и друзья его <друзья С. Т. Аксакова> и мои могли думать, что восторг свой к России я выражаю по поводу Собакевичей и Ноздревых!

— Так зачем же вы не объясняете друзьям своих планов? — спрашивала его Александра Осиповна.

— Довольно сказано, — возражал, раздражаясь, Гоголь. — Ведь напечатано, что такое Чичиков, указано, что в следующих частях должны появиться люди, перед которыми все мы преклонимся. Не виноват я, или нет, извините, виноват, что так выставил Ноздревых, что все в них увидали идеал русского человека, да и сами захотели стать ими.

Тут Гоголь разразился страшною бранью, не хуже своего Костанжоглы»[5].

В конце 1850-х гг. Арнольди вспоминал: «Я познакомился в Гоголем в Москве в мае <в июне> месяце, в <1849> году, скоро после его возвращения в Россию, следовательно, уже после всех толков о нем и его книге *Переписка с друзьями*. Любопытство мое было сильно возбуждено; мне хотелось ближе узнать эту замечательную личность, на которую бросали каменья со всех концов России. <...> Узнал же я Гоголя <...> незадолго до появления в свет его новой книги, из рассказов сестры моей, с которою Гоголь был дружен и находился в постоянной дружеской переписке, в течении четырнадцати лет. Читая эти прекрасные, откровенные письма, я видел все сомнения, тревожившие поэта, я видел его борьбу, я догадывался, чего он так сильно желал, чего так страстно добивался. Содержание *Мертвых Душ* стало мне понятно. <...> Я жил тогда в Москве; сестра моя приехала из Калуги <из Петербурга> и остановилась в гостинице Дрезден. При первом же свидании она объявила мне, что Гоголь здесь и в 6 часов вечера будет к ней. Я, разумеется, остался обедать и ждал Гоголя с нетерпением. Ровно в 6 часов вошел в комнату человек маленького роста с длинными белокурыми волосами, причесанными a la moujik, маленькими карими глазками и необыкновенно длинным и тонким птичьим носом. Это был Гоголь! Он носил усы, чрезвычайно странно тарантил ногами, неловко махал одною рукой, в которой держал палку и серую пуховую шляпу; был одет вовсе не по моде и даже без вкуса. Улыбка его была очень добрая и приятная, в глазах замечалось какое-то нравственное утомление. Сестра моя познакомила нас, и Гоголь дружески обнял меня, сказав сестре: "Ну теперь я знаком, кажется, со всеми вашими братьями; это, кажется, самый младший". Действительно, я был младший. Мы сели вокруг стола; разговор завязался о здоровьи; Гоголь внимательно расспрашивал сестру о ее положении, давал какие-то советы и не сказал ничего замечательного. Вечером я проводил его домой; нам было по дороге, потому что он жил тогда на Никитском бульваре у графа А. П. Т<олсто>го, а я у Никитских ворот. Гоголь говорил со мною о моей службе и советовал не брать видных мест. "На них всегда найдутся охотники, — прибавил он, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно в этой должности полезным; тогда вы увидите, как будет вам весело на душе"[6]. Я отвечал, что надеюсь скоро быть советником в губернском правлении. "Вот и хорошо, отвечал Гоголь, тут работы будет много и пользу принести можно; это не то что франты чиновники по особым поручениям или служба министерская; очень, очень рад за вас и душевно поздравляю вас, когда получите это место"»[7].

Через день, 28 июня 1849 г., Я. К. Грот, посылая П. А. Плетневу в Петербург «журнал» своих ежедневных дневниковых записей, сообщал:

«*26 июня*. Ночью приехал Протопопов[8]...»[9]

[1] См. ***1849. Июня 15. Среда. Москва***; ***1849. Июня 25. Суббота. Москва***.
[2] Ср. ***1849. Июня 24. Пятница. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Москва***.
[3] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 221.
[4] «Интересно сравнить с этим и письмо от 27-го января 1846 года...» (примеч. П. А. Висковатова).
[5] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 239–240.
[6] См. также ***1849. Октября 29. Суббота. Москва***.
[7] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 2. С. 374, 376, 377.
[8] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***.
[9] Из писем Я. К. Грота // *Свод*. Т. 3. С. 705.

ИЮНЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь вновь[1] был в гостинице «Дрезден» в гостях у А. О. Смирновой, где застал Л. И. Арнольди и Ю. Ф. Самарина.

В конце 1850-х гг. Арнольди вспоминал: «На другой день вечером Гоголь опять был у сестры, но почти все время молчал. Пришел <Ю. Ф.> С<амарин>; говорили много о немцах, шутили, сме-

ялись. С<амарин> со свойственным ему остроумием представлял все в лицах и смешил нас до слез. Так прошел почти весь вечер. Гоголь упорно молчал и наконец сказал: "Да, немец вообще не очень приятен; но ничего нельзя себе представить неприятнее немца-ловеласа, немца-любезника, который хочет нравиться; тогда может он дойти до страшных нелепостей. Я встретил однажды такого ловеласа в Германии. Его возлюбленная, за которою он ухаживал долгое время без успеха, жила на берегу какого-то пруда и все вечера проводила на балконе перед этим прудом, занимаясь вязанием чулок и наслаждаясь вместе с тем природой. Мой немец, видя безуспешность своих преследований, выдумал, наконец, верное средство пленить сердце неумолимой немки. Ну, что вы думаете? Какое средство? Да вам и в голову не придет что! Вообразите себе, он каждый вечер, раздевшись, бросался в пруд и плавал перед глазами своей возлюбленной, обнявши двух лебедей, нарочно им для сего приготовленных! Уж право не знаю, зачем были эти лебеди, только несколько дней сряду, каждый вечер он все плавал и красовался с ними перед заветным балконом. Воображал ли он в этом что-то античное, мифологическое или рассчитывал на что-нибудь другое, только дело кончилось в его пользу: немка действительно пленилась этим ловеласом и вышла скоро за него замуж". Все мы расхохотались, Гоголь же очень серьезно уверял, что это не выдумка, а факт и что он может даже назвать и немца и немку, которые живут и теперь еще счастливо на берегу все того же пруда. Когда мы остались втроем, сестра попросила Гоголя рассказать ей что-нибудь о его путешествии в Иерусалим. "Теперь уже поздно, — отвечал он, — вам пора и на отдых, лучше когда-нибудь в другой раз. Скажу вам только, что природа там не похожа нисколько на все то, что мы с вами видели; но тем не менее поражает вас своим великолепием, своей шириной. А Мертвое море — что за прелесть! <...>". Рассказывая это[2], Гоголь оживился, говорил с жаром, глаза его блестели; я узнал поэта и вспомнил лучшие лирические места в его произведениях!»[3]

[1] Ср. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим.***

[3] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 377–378.

ИЮНЯ 28. ВТОРНИК. МОСКВА

А. О. Смирнова и ее младший брат Л. И. Арнольди навещают Гоголя в доме графа А. П. Толстого.

Вечером того же дня Гоголь вновь[1] был у Смирновой и Арнольди в гостинице «Дрезден».

В конце 1850-х гг. Арнольди вспоминал: «На другой день я с сестрой заехал к Гоголю утром. В комнате его был большой беспорядок; он был занят чтением какой-то старинной ботаники[2]. Покуда он разговаривал с сестрой, я нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: *Генерал-губернатор,* — как Гоголь бросился ко мне, взял тетрадь и немного рассердился. Я сделал это неумышленно и бессознательно и тотчас же попросил у него извинения. Гоголь улыбнулся и спрятал тетрадь в ящик. "А что ваши *Мертвые Души,* Николай Васильевич?" — спросила у него сестра. "Да так себе, подвигаются понемногу. Вот приеду к вам в Калугу, и мы почитаем". Вообще Гоголь был очень весел и бодр в этот день. Вечером он опять явился к нам в гостиницу. Мы пили чай, а он красное вино с теплою водой и сахаром. В одиннадцать часов я провожал его снова до Никитских ворот. Ночь была чудная, светлая, теплая. Гоголь шел очень скоро и все повторял какие-то звучные стихи. На Тверском бульваре мы встретили стройную женщину, закутанную с ног до головы в черный плащ. На лицо опущен был черный вуаль. Гоголь вдруг остановился и сказал: "Знаете ли вы это двустишие Н<еелова>[3]? А стих? как вам нравится рифма: флера, полотера?" До моей квартиры он несколько раз повторил это двустишие, и смеялся»[4].

[1] См. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва***; ***1849. Июня 27. Понедельник. Москва.***

[2] Подробнее о давнем увлечении Гоголя ботаникой: *Карташов В. С.* Ботанические тексты Н. В. Гоголя. М., 2013. Ч. 1. 110 с.

[3] «Я не повторяю здесь этого двустишия: слишком грязно! Н<еелов> писал всегда стихи в этом роде, и сделал себе имя этою специальностию» (примеч. Л. И. Арнольди). Сергей Алексеевич Неелов (1781–1852), стихотворец, названный в 1825 г. А. С. Пушкиным «певцом навоза».

[4] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 378–379.

ИЮНЯ 29. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА – ИЮЛЯ 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь заходил к Я. К. Гроту, однако не застал его, так как тот уехал на праздник в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру.

См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец*** (примечания).

ИЮНЯ 30. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. В. Булгарин в «Северной Пчеле» в связи с выходом нового издания «Сочинений» А. Е. Измайлова замечает:

«А. Е. Измайлов грешил более выражениями, но не изображал нигде таких неприятных сцен, какие находим, например, в “Мертвых душах” или в стихотворениях Некрасова».

<*Булгарин Ф. В.*> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 30 июня. № 142. С. 565.

1848. ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 5 – 1849. ИЮНЬ. МОСКВА

Гоголь читает графу А. П. Толстому «отрывки из 2-й части “Мертвых душ”» (свидетельство князя Д. А. Оболенского)[1].

В письме к графу А. П. Толстому от 20 августа 1850 г. сам Гоголь упоминал о том, что графу знакомы «две первые главы»[2] второго тома поэмы.

[1] См. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва.***

[2] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***

ИЮЛЯ 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо А-ру Мих. Марковичу (в с. Сварково Черниговской губернии) и письмо к А. С. Данилевскому (согласно почтовому штемпелю[1], письма были отправлены на следующий день, 2 июля 1849 г.).

Из письма к Марковичу: «Благодарю вас много, почтеннейший Александр Михайлович, за известие о себе. <...> ...Беспокою вас следующею убедительною просьбою: составьте для <меня> маленький сельский календарь годовых работ[2], как они производятся у вас в Черниговской губернии. По дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные поговорки и замечания, обратившиеся в правила и руководства. В образец прилагаю вам отрывок из календаря одной из северных губерний[3]: Месяц май. (Травень).

1) *Еремия-запрягальник.* Посев. *Поговорка:* “Сей неделю до Иеремии и неделю после”.

3) *Тимофея* и *Мавры* – зеленые щи.

4 <5>) *Ирины-рассадницы.* Сеянье капусты.

6) *Иова-Горошника.* Сеянье гороха.

8) *<Ивана Пшеничника.>* Зажиточные поселяне пекут пироги. Старик выходит с пирогом на дорогу угощать первого встречного.

9) *<Николы Весеннего (Вешнего).>* Установленье дорог. Георгий[4] с полувозом, Никола с возом. Поспеванье корма. "Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин травой".

Выгон лошадей на *ночнину* с празднованьем холостых ребят всего села; всю ночь игра. Пекутся для этого пироги с гречневой кашей.

Приметы: с Николы еще 12 морозов остается; если не случатся все весной, то остальные исполнять до Симеона Столпника, т. е. до 1 сентября.

10) *<Симона Зилота.>* Начало сеянья пшеницы. Сей пшеницу, когда зацветет черемуха. *Поговорка:* "Сей рожь в золу, а пшеницу в грязь".

11) *Мокия Мокрого.* Если в этот день идет дождь, то все лето будет мокрое.

13) *Гликерьи-комарницы.* Появленье комаров.

14) *Сидора-Сиверка.* Холодная погода в этот день означает холодное лето.

15) *Пахомия Теплого.* Теплая погода предвещает теплое лето.

21) *<Елены Леносевки.>* Сеять лен и садить огурцы.

25) *<Иванов день.>* Сеется пшеница, если погода помешала прежде. *Поговорка:* "Если лист на дереве полон, то и сеять полно".

29) *Феодосии-колосяницы.* Рожь начинает колоситься. Старики говорят: "Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает".

30) *<Исакия Змеевника.>* Змеи делаются злы. По словам поселян, они в этот день идут поездом на свою свадьбу.

Примечания общие. В этом месяце почти все весенние хороводы — троицкие, семицкие. В хороводах воспевается сеянье проса, овса, ячменя, гороха и маку. Следует поименованье песней, какие поются, и описанье обрядов.

В таком виде и все прочие месяцы. <...> Я располагаю поездить по губерниям в окружностях Москвы, посетить кое-кого из знакомых и поглядеть на Русь в тех местах, где ее не знаю. Сначала хотел было сделать это в большом размере, но, увидя, что чем дальше в лес, тем больше дров, ограничиваюся малым. Месяца через два полагаю возвратиться снова в Москву. Письма же адресуйте по-прежнему. В одно время с письмом к вам пишу и к Александру»[5].

Из письма к Данилевскому: «Извини меня, мой добрый Алексан<др>, перед собой и перед Ульяной Григорьевной, что не пишу. <...> Странное дело: я теперь меньше тружусь, чем когда-либо прежде, меньше занимаюсь, а между тем всё мне мешает. Время летит так, что не успеваешь оглянуться, и всё еще почти ничего не сделано. Меньше, чем когда-либо прежде, я развлечен; более, чем когда-либо, веду жизнь уединенную, и при всем том никогда еще так мало не делал, как теперь. И от этого находят досадные расположения духа. Я не в силах бываю писать, отвечать на письма. Не в силах исполнять всех тех обязанностей, которых исполнение приносило прежде удовольствие душе моей. Вот тебе в коротких словах вся моя душевная история. По твоему делу до сих пор не сделал ровно ничего, хотя, признаюсь тебе искренно, мне часто желалось перетащить вас обоих в Москву и даже устроить вместе хозяйство и жительство. Клементия Россети до сих пор здесь не было. Он всё еще в Петербурге. Я сам собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окружности Москвы, повидаться с некоторыми знакомыми и поглядеть на Русь, сколько ее можно увидеть на большой дороге. Где проведу зиму, не знаю. <...> Как здоровье обоих вас и как ведет себя единородная дщерь[6], которую мысленно, совокупно с вами, целую и обнимаю. <...> Так как из Москвы всё уже уехало, то письма адресуй мне на имя одного знакомого, проживающего в Калуге[7], таким образом: его превосх<одительству> Николаю Миха<й>ловичу Смирнову для передачи Ник<олаю> Вас<ильевичу> Гоголю. А он перешлет ко мне туды, где буду находиться».

[1] См.: Неизданные письма Н. В. Гоголя. С предисловием Ф. М. Уманца // Древняя и Новая Россия. 1879. Т. 1. № 1. С. 64. — В Глухов письмо было доставлено 5 июля 1849 г. (Там же. С. 64).

[2] См. также ***1849. Март. Москва.***

[3] За основу отрывка Гоголь взял майскую часть календаря Симбирской губернии, присланного ему ранее П. М. Языковым (см. ***1849. Март. Москва*** – примечания).

[4] Юрьев день, 23 апреля (ст. ст.), день памяти св. великомученика Георгия Победоносца.

[5] А. С. Данилевский.

[6] Дочь Данилевских Ольга.

[7] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***.

ИЮЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь посылает графине Анне М. Виельгорской в Павлино ботанический атлас, с запиской:

«Узнавши, что вы занимаетесь Ботаникою, посылаю вам изображение растений Русской земли, лучшее, какое у нас есть. В нем собраны все общеупотребительнейшие виды нашей флоры, с [весьма] отчетливым изображеньем признаков»[1].

На письме имеется приписка неизвестной рукой: «При сем посылка с Книгами 20 р<ублей> серебр<ом>»[2].

[1] Ответ Виельгорской см.: ***1849. Июля 14. Четверг. Павлино***.

[2] *Городецкий*. С. 443.

ИЮЛЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет в Васильевку ответ на два письма матери[1], с вложением письма к А. А. Трощинскому (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к матери: «Письмо ваше от 5 июня получил, так же как и другое, писанное перед тем в мае. Обо мне напрасно вы беспокоитесь, так же как и о том, что меня не так ценят, как следует. Это участь всех людей. Никого не ценят так, как следует. Для того, чтобы ценить человека, нужно видеть его со всех сторон, а видеть со всех сторон человека может один только Бог.

Отложите также всякие мысли о воздаяниях в этой жизни. В нынешнее время особенно, когда редко кого ожидает веселая будущность, дай Бог не лишиться только того, что уже имеем. На потребу дня немного нужно. Вы давно уже не уведомляли меня об Андрее Андреевиче[2]. Получаете ли от него письма и здоров ли он? Передайте при сем следуемое ему письмецо. Я намерен сделать маленькую поездку по некоторым губерниям вокруг Москвы, а так как все мои знакомые разъехались тоже по деревням, то письма адресуйте в Калугу на имя Смирнова. Он мне перешлет их туда, где буду находиться. Адрес выставляйте так: его превосходительству Николаю Михайловичу Смирнову в Калугу[3] для передачи Н. В. Гоголю. А с сентября месяца вновь по-старому, на имя Шевырева. Посылаю вам несколько книг, какие накопились. Из них для вас особенно: “О скорбях и болезнях”. “Поученья к прихожанам” Путяты[4] пригодятся и для ваших крестьян. Вы дайте их прочесть [нашим] священникам. Вероятно, они из них выберут кое-что для прочтенья в праздничные дни. Во многих церквах и по городам читают из этой книги. <...> Сестер обнимаю. Племянника Колю[5] также. Скажите ему, чтобы он пересчитал, сколько дерев числом принялось из тех, которые насадила тетушка его Анна Васильевна[6], а сколько нет[7], и об этом мне бы написал, также и о занятиях своих. А к ней самой надеюсь скоро писать, Лизе также».

В тот же день, 4 июля 1849 г., Ф. В. Чижов, вернувшийся в Москву из поездки в Петербург, писал А. А. Иванову в Рим:

«По искусству у нас сказать нечего, – Академия совершенно заснула; Григорович спит и ничего не делает; Брюл<л>ов сильно больной поехал на остров Мадеру, все его работы переданы Баси-

ну. Работы в Исакиевском соборе множество, но все до такой степени на заказ, и на скорую руку, что об искусстве нет и помину. В обществе петербургском и в мнении общественном есть один живописец — Айвазовский; у него решительно фабрика картин. Пишу к Вам чуть-чуть не на дороге. Гоголя еще не видал[8], не знаю, здесь ли он или куда уехал. Все мы в трепете за Вашу картину[9], и я просил бы Вас хоть две строчки написать, безопасна ли она[10], и где Вы теперь?»[11]

[1] См. ***1849. Мая 24. Вторник. Васильевка***; ***1849. Июня 5. Воскресенье. Васильевка***.

[2] Трощинский.

[3] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***.

[4] Имеется в виду одно из изданий книги протоиерея (с 1845 г.) Родиона Тимофеевича Путятина (1807–1869) «Краткие поучения священника Родиона Путятина» (3-е изд. — М., 1844; 4-е изд. — М., 1845).

[5] Н. П. Трушковский.

[6] См. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка*** (примечания).

[7] См. также ***1850. Марта первая половина. Москва*** (примечания).

[8] 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым (см. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***).

[9] «Явление Мессии».

[10] 9 февраля (н. ст.) 1849 г. в результате революционных действий в Италии была провозглашена республика. Весной 1849 г. по призыву папы Пия IX против нее выступили армии католических государств — Франции, Австрии, Испании и Неаполитанского королевства. Рим был подвергнут осаде французскими войсками генерала Удино. 3 июля (н. ст.) Римская республика прекратила свое существование. Незадолго до того, 27 июня (н. ст.) 1849 г. А. А. Иванов, в частности, сообщал Ф. А. фон Моллеру: «Парабола бомб миновала место, в котором находится ваша студия, но дело осады еще не кончено. Я хотел свернуть вашу картину и нанять погреб с крепким сводом для складки всего, что у вас; но, покамест, это не нужно» (*Виноградов 2001*. С. 516). — См. также ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим***.

[11] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 64.

МЕЖДУ ИЮНЯ 28 И ИЮЛЯ 4 ИЛИ 5. МОСКВА

Гоголь несколько раз встречался с Л. И. Арнольди.

В конце 1850-х гг. Арнольди вспоминал: «В продолжение двух <полутора> недель[1] я виделся с Гоголем почти каждый день; он был здоров, весел, но ничего не говорил ни о *Мертвых Душах*, ни о *Переписке с друзьями*, и вообще, сколько я помню, ничего не сказал все это время особенно замечательного. Раз только ночью, когда я по обыкновению провожал его до Никитских ворот и нам опять попалось навстречу несколько таинственных лиц женского пола, выползающих обыкновенно на бульвар при наступлении ночи, Гоголь сказал мне: "Знаете ли, что на днях[2] случилось со мной? Я поздно шел по глухому переулку, в отдаленной части города: из нижнего этажа одного грязного дома раздавалось духовное пение. Окна были открыты, но завешены легкими кисейными занавесками, какими обыкновенно завешиваются окна в таких домах. Я остановился, заглянул в одно окно и увидал страшное зрелище! Шесть или семь молодых женщин, которых постыдное ремесло ссйчас можно было узпать по белилам и румянам, покрывающим их лица, опухлые, изношенные, да еще одна толстая старуха отвратительной наружности, усердно молились Богу перед иконой, поставленной в углу на шатком столике. Маленькая комната, своим убранством напоминающая все комнаты в таких приютах, была сильно освещена несколькими свечами. Священник в облачении служил всенощную, дьякон с причтом пел стихиры. Развратницы усердно клали поклоны. Более четверти часа простоял я у окна... На улице никого не было, и я помолился вместе с ними, дождавшись конца всенощной. Страшно, очень страшно, — продолжал Гоголь, — эта комната в беспорядке, имеющая свой особенный вид, свой особенный воздух, эти раскрашенные развратные куклы, эта толстая старуха, и тут же — образа, священник, Евангелие и духовное пение! Не правда ли, что все это очень страшно?" Этот рассказ Гоголя напомнил мне сцену из *Клариссы Гарло*. Там тоже Ричардсон описывает сцену в этом роде!

Наконец сестра моя уехала в свою калужскую деревню, и Гоголь дал ей слово приехать погостить к ней на целый месяц[3]. Я собирался тоже туда, и мы сговорились с ним ехать вместе. На

неделе два или три раза Гоголь заходил ко мне, но не заставал дома. В последний раз он приказал сказать мне, что готов ехать, и просил меня дать ему знать, как, в чем и когда мы отправимся»[4].

С малой степенью вероятности[5] в этот период Гоголь прочел И. В. Капнисту девять[6] глав второго тома «Мертвых душ»[7] и на следующий день встретился с Арнольди, с которым говорил об этом.

[1] См. ***1849. Июня 25. Суббота. Москва.***

[2] Свой рассказ Гоголь передавал своим друзьям и знакомым еще несколько раз, начиная с мая 1848 г. (см. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса***; ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино***).

[3] Гоголь собирался пробыть в Калуге два-три месяца, до сентября 1849 г. (см. ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва***), однако вернулся в Москву уже во второй половине июля (см. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва***). Осенью того же года Гоголь побывал у Смирновых в Калуге еще раз (см. ***1849. Сентября 20-е числа – октября до 12–13. Калуга***).

[4] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 379.

[5] См. ***1849. Июля конец. Москва*** (примечания).

[6] Об авторском чтении *девяти* глав второго тома «Мертвых душ» см. также: ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (воспоминания Л. И. Арнольди).

[7] См. ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва.***

ИЮНЬ – ИЮЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Предположительно в этот период Гоголь написал ответное[1] письмо А. А. Иванову в Рим[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1850. Апреля 25 – апреля конец. Москва.***

МАРТ – ИЮЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь переписывает исправленный текст начальных глав второго тома «Мертвых душ».

Переписка осуществлялась с недошедшей до нас в полном объеме рукописи (относящейся к осени 1847 – зиме 1847/48 гг.), которая была привезена Гоголем в апреле 1848 г. из-за границы[1]. Этими автографами начальных глав Гоголь пользовался вплоть до весны 1850 г., внося в них исправления по ходу работы (порой в результате периодически устраиваемых публичных чтений[2]), а оставил не позднее осени 1851 г. (В 1851 г. Гоголь уже работал над поэмой по новому списку – до нас не дошедшему.)[3]

В этот же период многочисленные исправления Гоголь начинает вносить в сохранившуюся «заграничную» рукопись заключительной главы (новый слой автографа датируется 1849–1850 гг.)[4].

Целый ряд эпизодов в первоначальном слое дошедших глав второго тома «Мертвых душ» связаны с тетрадью выписок Гоголя из «Домостроя» и народными травниками. Это сцена разговора Костанжогло с продавцом и покупателем, а также слова о том, что «всякая дрянь дает доход», в третьей главе; упоминание о «разноцветных фруктовых квасах всех сортов» помещика Василия Платонова в четвертой главе. (Около того же времени Гоголь работал и над переделкой первого тома «Мертвых душ», так как аналогичная реминисценция из «Домостроя» встречается в дошедшем до нас наброске нового окончания девятой главы.) Кроме того, с заметкой «Хлебопашество» из той же тетради связано упоминание в третьей главе второго тома поэмы о способе удобрения полей опавшими листьями[5].

О времени появления этих реминисценций во втором томе «Мертвых душ» позволяют судить следующие обстоятельства. 18 мая 1849 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Царского Села, что до нее дошли слухи о чте-

нии им «Домостроя» вслух в доме графа А. П. Толстого, в кругу друзей[6]. В июле 1849 г. Гоголь ездил к Смирновой в Калугу и читал ей главы второго тома «Мертвых душ»[7]. Вернувшись в Москву, он писал ей: «Так как Лев Иваныч <Арнольди> не отыскал для вас "Домостроя", то посылаю вам свой экземпляр. Книга называется "Временник", а "Домострой" помещен в ней посередине. Можете его, вырвавши, переплести особо. <...> Кланяется вам Тентетников»[8]. По свидетельству самой Смирновой, во время калужских чтений она высказала Гоголю замечание: «Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: "Дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет"»[9]. 1 августа 1849 г. Смирнова повторила эту просьбу в письме к Гоголю, где благодарила за присылку «Домостроя»: «Спасибо за письмо и за "Домострой", вчера обеих получила <...> ...Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове; меня они все очень интересуют и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем все хорошо»[10].

Гоголь откликнулся на пожелание Смирновой. В первой главе было вычеркнуто несколько строк — эта правка прямо обнаруживает стремление «немного свести с идеала» Уленьку. После слов: «...имел дочь, существо невиданное, странное...» было вычеркнуто: «...которую скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением, чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновиденьем, действительность для него пропадает навсегда»[11]. Помимо этого, были исключены следующие строки: «Необыкновенно трудно изобразить портрет ее. <...> Она была миловидней, чем красавица; лучше, чем умна; стройней, воздушней классической женщины. Никак бы нельзя было сказать, какая страна положила на нее свой отпечаток, потому что подобного профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камеях»[12]. Заключительные слова об «античных камеях» были переработаны и перенесены в другое место главы. Они появились там, где описывается приезд Чичикова к генералу Бетрищеву: «Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого благородного очертанья лица нельзя было отыскать нигде кроме разве только на одних древних камейках»[13].

Гоголь откликнулся также и на пожелание Смирновой «дать работу жене Костанжогло». Внося дополнительные черты в облик жены Костанжогло, Гоголь вновь обратился к своей тетради с выписками из «Домостроя» и народными травниками. В автографе главы между зачеркнутых строк сначала были вписаны карандашом, а затем обведены чернилами две вставки. Зачеркнуты были строки: «Хозяина не было; встретила их жена, родная сестра Платонова, белокурая, белоликая, с прямо русским выраженьем, так же красавица, но так же полусонная, как он. Кажется, как будто ее мало заботило то, о чем заботятся, или оттого, что всепоглощающая деятельность мужа ничего не оставила на ее долю, или оттого, что принадлежала, по самому сложению своему, к тому философическому разряду людей, которые, имея и чувства, и мысли, и ум, живут как-то вполовину, на жизнь глядят вполглаза и, видя возмутительные тревоги и борьбы, говорят: "<Пусть> их, дураки, бесятся! Им же хуже"»[14]. Между этих зачеркнутых строк было вписано: «Хозяйка дома выбежала на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как Божий день; походила как две капли на Платонова, с той разницей только, что не была вяла, как он, но разговорчива и весела». Далее появилась еще одна вставка: «В комнатах мог только заметить Чичиков следы женского домоводства: на столах и стульях были поставлены чистые липовые доски и на них лепестки каких-то цветков, приготовленные к сушке. "Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?" — сказал Платонов. "Как дрянь! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый <год> всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы все смеетесь над вареньями и над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете"»[15]. Занятия, которые дал Гоголь в позднейшей редакции жене Костанжогло, прямо повторяют содержание тетради Гоголя с выписками из «Домостроя» и народными травниками.

Таким образом, большая часть реминисценций из «Домостроя» содержится в первоначальном слое рукописи и лишь одна, точно датируемая (занятия жены Костанжолго), принадлежит к позднейшему слою. Эти факты позволяют сделать вывод, что дошедший до нас автограф первых четырех глав был написан Гоголем сразу после чтения «Домостроя» в марте 1849 г., незадолго перед поездкой в Калугу в июле того же года. (По-видимому, чаще всего Гоголь устраивал публичные чтения по изготовлении нового списка. Публичное чтение по рукописи, испещренной разновременной чернильной и карандашной правкой (а именно такой вид приобрели со временем дошедшие до нас автографы второго тома поэмы), было бы затруднительно даже для автора.)

Тогда же, в марте — начале июля 1849 г., Гоголь встречается с П. В. Хавским[16].

В 1908 г. Н. П. Бочаров сообщал: «Говорят, что Н. В. Гоголь особенно любил прогуливаться по Пречистенскому бульвару. Могу подтвердить это рассказом очевидца и современника Н. В. Гоголя, записанным мною лет 15 тому назад.

Гоголь нередко посиживал на скамеечке Пречистенского бульвара и беседовал со своим знакомым Петром Васильевичем Хавским, с которым он встречался у М. П. Погодина. П. В. Хавский — автор книги под названием: *"К семисотлетию Москвы"* (1147–1847 г.). Это был первый библиографический указатель для первопрестольной[17].

П. В. Хавский в то время только что окончил составленную им церковную "Хронологию"[18]. Кроме того, перу его принадлежит множество исторических статей, помещенных в различных журналах и газетах.

У Хавского недалеко от бульвара был в переулке свой дом: следовательно, встречи случались часто. Материал для собеседников был обильный. Как-то раз Н. В. Гоголь и П. В. Хавский согласились вместе поехать на обед к весьма известному в то время в Москве фабриканту серебряных изделий Сергею Ивановичу Губкину[19], о чем и уведомили его. Местом сбора для поездки назначен Пречистенский бульвар.

С. И. Губкин ждет гостей. Проходит после обычного обеденного времени час, другой, но ни Гоголя, ни Хавского нет. Наскучив ожиданием, С. И. Губкин посылает за ними своего ученика Борисова.

Не найдя дома ни Гоголя, ни Хавского, Борисов отправился на Пречистенский бульвар, где и нашел двух приятелей, с увлечением беседовавших друг с другом. Оказывается, они за интересной беседой забыли о том, что обещали быть у С. И. Губкина.

Рассказ этот мною записан лет 15 тому назад со слов самого Борисова, которого Губкин посылал разыскивать Гоголя и Хавского.

Окончив учение, Яков Алексеевич Борисов был потом мастером у Губкина, а в то время, когда он передавал мне свои воспоминания, у него была уже своя мастерская за рекой Москвой, на Кузнецкой улице. <...>

Что же касается до С. И. Губкина, то в свое время он славился своими изделиями, отличавшимися чистотою отделки и художественностью работы»[20].

[1] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***; ***1848. Мая 7–9. Пятница–воскресенье. Дорога от Одессы до Васильевки***.

[2] См. ***1848. Декабря после 5 — 1849. Июнь. Москва***; ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***; ***1849. Июля конец. Москва***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***; ***1850. Января 7. Суббота. Москва***; ***1850. Января 19. Четверг. Москва***; ***1850. Марта 4. Суббота. Москва***; ***1850. Мая 31. Среда. Москва***; ***1850. Июня 1. Четверг. Москва***; ***1850. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Кагорлык***; ***1851. Марта до 27. Одесса***; ***1851. Июня 25. Понедельник. Москва***; ***1851. Июля не позднее 25–26. С. Троицкое (Кагулово, Зенино), Московского уезда Московской губернии***; ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва***; ***1851. Сентября 30. Воскресенье. Москва, Радонежье (Абрамцево)***; ***1851. Ноября первая половина. Москва***; ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва***.

[3] См. ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва***; ***1852. Января конец — февраля начало. Москва***.

[4] Характер работы Гоголя над рукописями см., в частности: ***1850. Марта между 4 и 10. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село***.

[7] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***.

[8] См. ***1849. Июля 29. Пятница. Москва***.

[9] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***.

[10] См. ***1849. Августа 1. Понедельник. Калуга***.

[11] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 10 об.–11.

[12] Там же. Л. 11.

[13] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 2 об.

[14] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 36. Л. 8 об.

[15] Там же. Л. 9.

[16] Петр Васильевич Хавский (1774–1876), юрист, историк, археолог.

[17] Впервые этот труд был издан в 1839 г. под названием «Указатель источников истории и географии Москвы с ее древним уездом, расположенный в хронологическом порядке, по Княжениям и Царствованиям Российских Государей, со включением Царствования государя императора Николая Павловича». Переиздано, с небольшими изменениями, под заглавием: «Семисотлетие Москвы. 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков» (см. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Москва***). В 1868 г. появилось третье издание, под названием «Древность Москвы».

[18] Имеются в виду «Хронологические таблицы, в трех книгах, предварительно рассмотренные Императорскою Академиею наук. Соч. П. Хавского, Действительного Члена Императорского Общества истории и

древностей Российских, учрежденного при Императорском Московском Университете» (М., 1848; цензурное разрешение 21 сентября).

[19] Имеется в виду и владелец фабрики и магазина серебряных изделий в Москве Михаил Иванович Губкин (см.: Указатель Москвы. Составлен по распоряжению г. Московского обер-полицеймейстера редактором Ведомостей Московской городской полиции М. Захаровым. М., 1852. Ч. 2. С. 44, 141).

[20] *Бочаров Н. П.* Н. В. Гоголь в Москве. (Историческая справка) // *Свод.* Т. 3. С. 577.

ИЮЛЯ 4 ИЛИ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК ИЛИ ВТОРНИК. МОСКВА, МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Гоголь заезжает к Я. К. Гроту (в дом Д. С. Протопопова[1]) проститься; просит Грота доставить ему книгу о «финской флоре»[2], а также сообщать, во время путешествия по России, «замечания» о русском народе[3].

Тогда же Гоголь, вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом, выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым. В Малоярославце беседовал с городничим — бароном Семеном Федоровичем Эльснером[4], майором.

В 1864 г. Грот вспоминал: «В Москве жил я у старого приятеля моего, Д. С. П<ротопопо>ва, на Собачьей площадке. Раз вдруг подъезжает к дому красивая карета, и из нее выходит Гоголь. Я рассказал ему, что мой хозяин может доставить ему много материалов для изучения России, потому что долго жил в разных губерниях и по службе имел частые сношения с народом. Гоголь изъявил желание познакомиться с П<ротопоповым>, но в тот раз это было невозможно, так как приятель мой был в это самое время хотя и дома, но занят по должности. Между тем Гоголь вскоре куда-то уехал, а я, по непредвиденным обстоятельствам, возвратился в Гельсингфорс ранее, чем предполагал»[5].

7 июля 1849 г. П. А. Плетнев в письме из Спасской мызы обращался к Гроту: «Я буду очень сожалеть, если ни Гоголь, ни Шевырев не свозят тебя к Смирновой. Правда, теперь она в жалко болезненном положении, но все еще стоит часок провести с нею»[6].

12 июля 1849 г. Грот отвечал Плетневу из Москвы: «Теперь здесь нет ни Шевырева, ни Гоголя: Шевырев на другой день после нашего последнего свидания[7] уехал в деревню... <...> Гоголь чуть ли не в тот же день отправился также гостить к кому-то в деревню недели на три. Он был у меня два раза: раз во время моей поездки в Троицу[8], а в другой — накануне своего отъезда, чтобы проститься со мною. Садясь в карету, просил он меня впоследствии писать к нему, особенно если случится мне собрать какие-нибудь сведения касательно русского народа. Здесь ходит по рукам переписка его с Белинским[9]: она есть и у меня»[10].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Он обещал погостить у нее с месяц и вслед за нею отправился в тарантасе с ее братом Л. И. А<рнольд>и»[11].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «Лето провел он в разъездах около Москвы (в Калуге у Смир<новой>)...»[12]

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Весной[13] он выехал из Москвы с Левой и Климой. Последний на одной станции потерял тарантас, который пропал без вести. А Гоголь и Лева остановились в Малом Ярославце менять лошадей; Городничий спросил брата: “Кто этот господин, ваш попутчик?” — “Это Гоголь”. — “Как Гоголь, тот самый, который написал «Ревизора»?” — “Да”. — “Ну, так, пожалуйста, представьте меня ему”»[14].

В конце 1850-х гг. Арнольди вспоминал: «У меня был прекрасный, большой тарантас вроде коляски на дрогах. Гоголь был очень доволен экипажем и уверял меня, что в телегах и тарантасах ездить очень здорово, особенно людям, подверженным ипохондрии и геморою. Когда наступил день

отъезда, Гоголь приехал ко мне с своим *маленьким* чемоданом и *большим* портфелем[15]. Этот знаменитый портфель заключал в себе второй том *Мертвых Душ*, тогда уже почти конченных вчерне.

Мог ли думать Гоголь, что никто не прочтет того, над чем он в то время так бодро трудился, что та же участь, какая постигла *первый второй* том, ожидает и эти разрозненные листы, тщательно от всех скрываемые до времени.

Портфеля не покидал Гоголь во всю дорогу. На станциях он брал его в комнаты, а в тарантасе ставил всегда подле себя и опирался на него рукою. Немудрено, что он так заботился о нем: здесь было все его достояние, все прошедшее и будущее, вся его слава! <...>

Я взял с собою в Калугу одного француза вместо камердинера, предоброго малого, но до чрезвычайности тупого и глупого. Он никогда не выезжал из Москвы, и кроме того, будучи слабого здоровья, с великим удовольствием отправлялся со мной, чтобы подышать деревенским воздухом. Наконец в 5 часов вечера мы уселись с Гоголем в тарантас, француз взобрался на козлы, ямщик стегнул лошадей, и все пошло плясать и подпрыгивать по мостовой до самой Серпуховской заставы. Француз, не привыкший к такому экипажу, беспрестанно вскрикивал, держась за бока, и ругался на чем свет стоит. Мы только и слышали: Sacristie!.. Diable de tarantasse! <Святые!.. Дьявольский тарантас! *фр.*> Гоголь смеялся от души и при всяком новом толчке все приговаривал: "Ну еще!.. Ну, хорошенько его, хорошенько... вот так!.. А что, француз, будешь помнить тарантас?" Ямщика тоже забавлял гнев моего француза, и он не только не сдерживал лошадей, но как нарочно ехал крупною рысью через весь город. Наконец потянулось перед нами прямое, как вытянутая лента, шоссе, и мы поскакали, качаясь, как в люльке, в нашем легком тарантасе. Даже французу понравилась такая шибкая езда, и он, закурив сигару, беспрестанно поворачивался к нам и как-то весело улыбался, причем называл Гоголя — *M-r Gogo*. Я несколько раз поправлял его, но он извинялся и через пять минут опять называл его так же. В продолжение всего месяца, пока мы оставались в Калуге, он никак не мог запомнить, что Гоголя зовут Гоголь, а не Gogo. Так ехали мы до Малоярославца. Гоголь много беседовал со мной; мы говорили о русской литературе, о Пушкине, в котором он любил удивительно доброго и снисходительного человека и умного, великого поэта. Говорили о Языкове, о Баратынском. Гоголь превосходно прочел мне два стихотворения Языкова: *Землетрясение* и еще другое. По его мнению, *Землетрясение* было лучшее русское стихотворение. Потом говорил Гоголь о Малороссии, о характере малороссиянина и так развеселился, что стал рассказывать анекдоты, один другого забавнее и остроумнее... Особенно забавен показался мне анекдот о кавказском герое, генерале Вельяминове[16], верблюде и военном докторе малороссиянине. Мы много смеялись, Гоголь был в духе, беспрестанно снимал свою круглую серую шляпу, скидывал свой зеленый камлотовый плащ и, казалось, вполне наслаждался чудным теплым июньским вечером, вдыхая в себя свежий воздух полей. Наконец, когда совершенно стемнело, мы оба задремали и проснулись только в 12 часов утра от солнечных лучей, которые стали сильно жарить лица наши. Малоярославец был уже в виду. Вдруг ямщик остановился, передал вожжи французу и соскочил с козел. "Что случилось?" — спросил я. "Тарантас сломался, — отвечал хладнокровно ямщик, заглядывая под тарантас. — Одна дрога треснула, да заднее колесо не совсем-то здорово... не доедешь, барин, здесь чинить надоть!.." Экая досада, а мы хотели поспеть вечером в деревню; но делать было нечего, надо было кое-как доехать до станции, и мы шажком поплелись по скверной городской мостовой. Когда тарантас наш остановился перед станционным домом, толпа ямщиков с любопытством окружила его, и каждый почел долгом осмотреть дрогу, заднее колесо, а потом сказать свое мнение. Гоголь тоже очень внимательно рассматривал экипаж. В это время я заметил вдали какие-то дрожки и на них человека в военной шинели. Узнав от станционного смотрителя, что это городничий, я вспомнил, что знал его прежде, когда служил в Калуге, а потому стал знаками просить его подъехать к нам. Он был так любезен, что велел кучеру ехать в нашу сторону. Я пошел к нему навстречу и, объяснив наше положение, просил помочь нам своим влиянием. Городничий, барон Э<льснер>, кликнул ямщиков, послал за кузнецами, условился в цене и велел, чтобы все было готово через час. Успокоив меня таким образом, он вдруг спросил меня совсем неожиданно: "Позвольте узнать, кто едет с вами в серой шляпе?" — "Гоголь", — отвечал я. "Какой Гоголь? — вскрикнул городничий. — Уж не писатель ли Гоголь, сочинивший «Ревизора»?" — "Он самый". — "Ах, сделайте одолжение, познакомьте меня с ним; я много уважаю этого сочинителя, читал все его сочинения, и был бы совершенно счастлив,

если б мог поговорить с ним". Я знал странный характер Гоголя, не любившего никаких новых знакомств, и потому боялся, что он после будет сердиться на меня, если я представлю ему городничего; но отказать любезному майору в такой пустой вещи за все его хлопоты не было возможности, и я повел его прямо к Гоголю. "Николай Васильевич, позвольте вам представить начальника здешнего города барона Э<льснера>, по милости которого мы еще можем поспеть сегодня в деревню". К моему удивлению, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянул ему руку, прибавив: "Очень рад с вами познакомиться". — "А я совершенно счастлив, что вижу нашего знаменитого писателя, — отвечал городничий, — давно желал где-нибудь вас увидеть; читал все ваши сочинения и *Мертвые Души*, но в особенности люблю *Ревизора*, где вы так верно описали нашего брата городничего. Да, встречаются до сих пор еще... встречаются такие городничие".

Гоголь улыбнулся и тотчас переменил разговор.

— Вы давно здесь?

— Нет, только полтора года.

— А городок, кажется, порядочный?

— Помилуйте, прескверный городишка, скука смертная, общества никакого!

— Ну а кроме чиновников, живут ли здесь помещики?

— Есть, но немного, всего три семейства, но от них никакого прока, все между собой в ссоре.

— Отчего это, за что поссорились?

Тут я оставил Гоголя с городничим и пошел на станцию. Через четверть часа я застал их еще на том же месте. Гоголь говорил с ним уже о купцах и внимательно расспрашивал, кто именно и чем торгует, где сбывает свои товары, каким промыслом занимаются крестьяне в уезде; бывают ли в городе ярмарки и тому подобное. Я перебил их живой разговор предложением Гоголю позавтракать. Услыхав это, городничий стал извиняться, что уже отобедал, и потому жалеет, что не может просить нас к себе; но, кликнув будочника, послал его вперед в трактир, приготовить нам особенную комнату и обед, а сам пошел провожать нас. Гоголь впился в моего городничего, как пиявка, и не уставал расспрашивать его обо всем, что его занимало. У трактира городничий с нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повел нас по лестнице в особый нумер. Гоголь стал заказывать обед, выдумал какое-то новое блюдо из ягод, муки, сливок и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обедали, он все время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую водку употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными ответами бойкого парня в белой рубашке, который лукаво улыбался, сплетничал наславу и, как я полагаю, намеренно отвечал всякий раз так, чтобы вызвать Гоголя на новые расспросы и шутки. Наконец, ровно через час, тарантас подкатил к крыльцу, и мы, простившись с шоссе, поехали уже по большой калужской дороге. Гоголь продолжал быть в духе, восхищался свежею зеленью деревьев, безоблачным небом, запахом полевых цветов и всеми прелестями деревни. Мы ехали довольно тихо, а он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называется он по-латыни и как называют его наши крестьяне. Окончив трактат о цветке, он втыкал его перед собой за козлами тарантаса и через пять минут опять бежал за другим цветком, опять объяснял мне его качества, происхождение и ставил на то же место. Таким образом, через час с небольшим образовался у нас в тарантасе целый цветник желтых, лиловых, розовых цветов. Гоголь признался, что всегда любил ботанику[17] и в особенности любил знать свойства, качества растений[18] и доискиваться, под какими именами эти растения известны в народе и на что им употребляются. Терпеть не могу, прибавил он, эти новые ботаники, в которых темно и ученым слогом толкуют о вещах самых простых. Я всегда читаю те старинные ботаники и русские и иностранные, которые теперь уже не в моде, а которые между тем сто раз лучше объясняют вам дело»[19].

[1] См. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва.*** — Дмитрий Степанович Протопопов (1807–1871), чиновник, писатель, начальник Комиссии для уравнения денежных сборов с Государственных крестьян в Московской губернии (с 28 апреля 1848 г.), впоследствии тайный советник, директор 2-го департамента министер-

ства государственных имуществ, член Совета Министра государственных имуществ, сотрудник аксаковского «Дня».

[2] См. ***1849. Сентября 3. Суббота. Гельсингфорс***.

[3] См. ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс***.

[4] См.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1849 год. СПб., <1849>. Ч. 2. С. 61.

[5] *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 703.

[6] *Свод*. Т. 1. С. 699.

[7] Грот был у С. П. Шевырева вечером 4 июля 1849 г.

[8] См. ***1849. Июня 29. Среда. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла — июля 1. Пятница. Москва***. — Грот выехал в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру во вторник 28 июня, в 8 часов вечера, вернулся поздним вечером в пятницу 1 июля 1849 г.

[9] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***.

[10] Из писем Я. К. Грота // *Свод*. Т. 3. С. 705.

[11] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 221.

[12] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 898.

[13] 4 или 5 июля 1849 г.

[14] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 267.

[15] «Ярчайший экспонат выставки — кожаный портфель — попал в музей в 1964 году из музея в Самаре. Современники упоминали, что Гоголь возил этот портфель с собой, хранил в нем рукописи, в том числе сожженную позднее вторую часть "Мертвых душ". Портфель — единственный сохранившийся свидетель смерти писателя: он с ним не расставался до самой смерти в 1852 году» (*Копылова В.* Гоголь с портфелем и без. (Одно из крупнейших мероприятий по празднованию 200-летия со дня рождения Гоголя — выставка в Государственном музее Пушкина на Пречистенке «Гоголевский бульвар». Уникальные экспонаты выставлены в трех залах) // Московский комсомолец. 2009. 20 марта. № 58. С. 3; *Свод*. Т. 3. С. 994).

[16] Алексей Александрович Вельяминов (1785–1838), генерал, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории.

[17] «В воспоминаниях Арнольди любопытно <...> указание на страсть Гоголя к ботанике, о которой также неоднократно рассказывали нам многие лица, как, напр<имер>, сестры Гоголя, О. Н. Смирнова и сестра ее Н. Н. Сорен и проч.» (*Шенрок*. Т. 4. С. 753).

[18] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[19] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 2. С. 379–380.

ИЮЛЯ 8. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Прославление Казанской иконы Пресвятой Богородицы в Москве, перенесенной в Высокопетровский монастырь.

ИЮЛЯ МЕЖДУ 4–5 И 8–9. С. БЕГИЧЕВО МЕДЫНСКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гоголь и Л. И. Арнольди гостят в имении Н. М. и А. О. Смирновых Бегичево; посещают имение Н. А. Гончарова (отца Н. Н. Пушкиной) Полотняный Завод (в 1830 и 1834 гг. здесь бывал А. С. Пушкин[1]). В Бегичево Гоголь познакомился с художником С. А. Алексеевым; по вечерам читал вслух «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского.

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Гоголь приехал к С<мирновы>м сперва в село Бегичего, Калужской губернии, Медынского уезда. Его возили по окрестным деревням, и ему очень понравился дом и сад на полотняной фабрике Гончарова. Он часто выходил на сенокос любоваться костюмами бегичевских крестьянок и заставлял гостившего тогда также у С<мирно>вых живописца Алексеева[2] рисовать их со всеми узорами на рубашках. Он был в восхищении от

физиономий, костюмов и грациозности бегичанок и находил в них сходство с итальянками. Его очень заботило вообще здоровье простого народа и своеобразность его быта. Он вспоминал, как в царствование Алексея Михайловича один путешественник, посетив Россию, написал, что население ее скудно, народ измельчал и обеднел, а другой, приехавши к нам через двадцать пять лет после первого, нашел города и деревни обильно населенными, нашел народ здоровый, рослый, цветущий и богатый. Гоголь это приписывал благочестивой жизни Царя, который везде в государстве водворил порядок, безопасность и спокойствие»[3].

В конце 1850-х гг. брат Смирновой Арнольди писал: «Но вот мы свернули с большой дороги и поехали проселком. Солнце садилось. Гоголь то и дело спрашивал меня, да где же это Бегичево? Наконец направо от дороги показалось белое каменное строение, блеснул между деревьями пруд, и через пять минут мы подъехали к крыльцу господского дома. Нам, разумеется, очень обрадовались, напоили нас чаем, и мы скоро улеглись спать. На другой день Гоголь уже бегал по старинному, стриженному саду с прямыми аллеями и вернулся усталый.

Четыре дня, проведенные нами в деревне, не оставили во мне никаких особенных воспоминаний... Помню, что мы ходили в большом обществе за грибами, помню, что ездили в длинной, восьмиместной линейке в именье г. Гончарова в пяти верстах от Бегичева, где одно время, кажется, вскоре после свадьбы своей, жил Пушкин; помню, что каждый вечер читал нам Гоголь *Одиссею* в переводе Жуковского и восхищался каждой строчкой. Читал он стихи превосходно и досадовал, когда мы не восхищались теми местами, на которые он особенно указывал; вот и все»[4].

Позднее В. И. Шенрок, со слов дочери Смирновой, Ольги Николаевны, сообщал: «Дети Смирновых, видя в Гоголе простоту и полное отсутствие желания им импонировать, боготворили его. В письмах матери они передают ему поклоны, спрашивают о нем. В Бегичеве (калужской деревне Смирновых) Гоголь любил их поразвлечь и позабавить: раскрашивал им афиши разноцветными чернилами, ходил с ними гулять, удить рыбу, собирать грибы; жарил часто грибы и караси в сметане, приготовлял в совершенстве макароны. Он с любовью наблюдал за развитием детей, а одну из них (Ольгу Николаевну) даже учил ботанике. — А. О. Смирнова однажды внесла в свой дневник следующее: "Гоголь заметил, что дети мои драматизируют все, что их занимает. Когда им прочитали о мексиканцах Купера, они три дня сряду играли в мексиканцев, кутались в одеяла и надевали перья на голову. Надя «представляет комедии» с куклами и передает им все, что m<ademoise>lle Овербек говорит в классе Ольге и Соне; на днях передала даже урок физики, закончив словами: «физика — крыса в молоке». Гоголь спросил, что это значит? Она отвечала: «Это значит, что физика — дрянь». Отчего у вас такое презрение к физике? — спрашивал Гоголь. «Отстаньте, Накавайка, — так она его называла[5], — много будете знать — скоро состаритесь». Однажды Гоголь хорошо «выдумал» для детей луну: достал пустой круглый ящик, в котором были привезенные им из Константинополя лакомства (халву и рахат-лукум), вынул дно ящика, наклеил бумагу, намазал ее маслом и приклеил огарок. Дети были вне себя от восторга: повесили ящик на дерево и говорили, что это луна для склепа весталки. В разговоре с детьми Гоголь часто шутил, был весел; они, в свою очередь, следуя примеру матери, обходились с ним, как с домашним, поверяли ему свои тайны, шалости, выпрашивали через него льготы. Ему особенно нравился их вкус к театру и живым картинам[6], в которых сами принимали участие. Однажды он очень интересовался, почему дети любят представлять Улисса, весталок, Бахуса и Ариадну. Наконец, он отгадал эту тайну. Для Улисса они выпрашивали из конюшни любимую собаку, а для весталок зажигали на блюдечке о-де-колон и приносили из кухни черный хлеб (для весталки, приговоренной к смерти), для Бахуса и Ариадны им давали виноград, который, конечно, очень скоро исчезал. Дети также любили вспоминать и о жизни в Ницце и в Риме, который любили до того, что, увидав после долгой отлучки, бросились целовать землю"»[7].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Гащивал Гоголь в имении у губернатора С<мирнова>, просвещенная супруга которого очень интересовала Гоголя. Здесь подметили, чем занимался Гоголь по утрам: лежа в постели, он брал свой сапог и долго, со всем вниманием, рассматривал каблук сапога...»[8]

[1] *Тархова.* Т. 3. С. 1104; *Тархова.* Т. 4. С. 1655.

[2] Вероятно, Сергей Алексеевич Алексеев (род. в 1813 г.).

[3] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 221–222.

[4] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 381–382.

[5] См. также ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим.***

[6] 16 мая (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Смирновой из Франкфурта в Париж: «Да привезите мне маленькую даге<р>ротипку всех вас: соединитесь все в группу (вы же охотники до живых картин), не выключая и Надежду Николаевну, и посидите минуты две всего».

[7] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 312–313.

[8] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 596.

ИЮЛЯ 8–9. ПЯТНИЦА-СУББОТА – ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 26. КАЛУГА

Гоголь, Н. М. и А. О. Смирновы и Л. И. Арнольди переехали из с. Бегичево в Калугу. Гоголь встречается здесь с князем Д. А. Оболенским. Тот, отправляясь из Калуги в имение своего отца, обещает Гоголю на возвратном пути заехать за ним, чтобы отправиться вместе в Москву (около 25 июля 1849 г. Оболенский выполнил свое обещание[1]). Гоголь общается с калужскими чиновниками, посещает инспектора врачебной управы В. Я. Быковского (Быховского). Смирнов в присутствии Гоголя и чиновника Е. И. Барановского[2] вспоминает о курьезном случае с Гоголем в Карлсруэ в 1837 г.[3]

Предположительно 19 июля, накануне Ильина дня, Гоголь был за всенощной в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в усадьбе Ромоданово, близ Калуги.

В Калуге Гоголь продолжил работу над вторым томом «Мертвых душ» и читал начальные главы сначала одной Смирновой; потом — ей, Арнольди и графу А. К. Толстому. (Всего, учитывая возможное чтение Гоголя Смирновой во время его повторного пребывания в Калуге осенью того же года[4], он прочел ей, по преданию, семь глав[5].)

21 октября 1852 г., Д. В. Стасов, со слов Е. И. Барановского, записал: «У <...> Смирнова в доме писал Гоголь и 2-ю часть Мертвых Душ, и написав, что-нибудь читал обыкновенно одной Ал<ександре> Осиповне — никому больше. Это было летом, и как же он одевался, в будни: черные панталоны и сертук (фрака он уже не носил), синий бархатный жилет, застегнутый доверху, галстух черный — никогда не б<ыло> видно рубашки или воротника, белая шляпа, и никогда не н<осил> перчаток. В праздники тот же костюм, только вместо черных — простые нанковые панталоны. Коль скоро много гостей, отправляется он в конюшню, или сарай, и там [болтает] разговаривает с кучерами и *<2 нрзб.>*. В это время Барановский ездил ревизовать, когда он вернется, Гоголь сей час его допрашивает, "что вы ревизовали" — то-то и то-то; "расскажите же, пожалуйста, какие у них книги ведутся; для чего, сколько *<1 нрзб.>*?!", и пойдут бесконечные приставанья. То же самое и с дамами; вышивает ли какая дама, он ее сей час расспрашивает, и что такое, и для чего, и как цветок вышит и т. п.

Он очень любил Жуковского и постоянно рассказывал о нем разного рода *<нрзб.>*ойные скандальезные анекдоты, которые Жуковский очень любил. Напр<имер>, Жуков<ский> постоянно рассказывал, как он пойдет в cabinet anglais и что с ним там случается, и что ему там в голову пришло»[6].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал: «Через несколько дней семейство С<мирновы>х переехало с Гоголем в Калугу. Дорогою его занимало: как ему покажется губернский город, как будет устроен губернаторский дом, и вообще, каков будет быт губернатора и всего, что его окружает. Подъехали к Калуге вечером. Вдали начали мелькать огни загородного губернаторского дома... Гоголь пришел в восхищение.

– Да это просто великолепие! – сказал он, – да отсюда бы и не выехал[7]! Ах, да какой здесь воздух!

Ему отвели квартиру в особом флигеле, в котором жил некогда Ю. А. Нелединский[8] (при губернаторе князе А. П. Оболенском, женатом на дочери Нелединского). Флигель не отличался своей красотою, но Гоголю нравился, потому что он был там совершенно один и вид из окон был прекрасный. Его особенно восхищали зеленый сосновый бор и река Яченка, на крутом берегу которой стоял загородный губернаторский дом. Вправо от бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь сам пожелал, чтоб ему служил человек Христофор[9], который нравился ему тем, что у него "настоящая губернская физиономия". Он утверждал, что "именно такие слуги должны быть в губернском городе у губернатора".

По утрам Гоголя не видали; он являлся в дом только в три часа, к обеду. Он очень любил видеть за губернаторским обедом чиновников и говорил, что "это так следует". За столом он всегда разговаривал с чиновниками и был с ними очень любезен, но посещал только инспектора врачебной управы В. Я. Быковского[10], с которым он познакомился, как с земляком. Несмотря на то, в Калуге все знали Гоголя и очень им интересовались. Однажды ветер сорвал с него и бросил в лужу белую шляпу. Гоголь тотчас купил себе черную, а белую, запачканную грязью, оставил в лавке. Все "рядовичи" собрались к счастливому купцу, которому досталась эта драгоценность, и каждый примеривал шляпу на своей голове, удивляясь, что голова, дескать, у Гоголя и не очень велика, а сколько-то ума! Есть в Калуге книгопродавец Олимпиев[11], великий почитатель литературных знаменитостей. Он был знаком с Пушкиным, с Жуковским и хаживал к Гоголю. Узнав о том, что шляпа Гоголя находится в руках гостиннодворцев, он убедил их поднесть эту драгоценность А. О. С<мирнов>ой, что и было исполнено с подобающею церемониею. Но, разумеется, А<лександра> О<сиповна>, наслаждаясь присутствием у себя в доме самого Гоголя, отказалась принять его запачканную шляпу, и шляпа осталась во владении рядовичей. <...>

Гоголя возили по окрестностям губернского города и, между прочим, в село Ромоданово, откуда, по его словам, вид Калуги напоминал ему Константинополь. Бывши там у всенощной[12] в <церкви> <...> Рождества Богородицы[13], он восхищался тем, что церковь убрана была зеленью.

Костюм Гоголя в это время разделялся на будничный и праздничный. По воскресеньям и праздникам, он являлся обыкновенно к обеду в бланжевых нанковых панталонах и голубом, небесного цвета, коротком жилете. Он находил, что "это производит впечатление торжественности, и говорил, что в праздники все должно отличаться от будничнего: сливки к кофе должны быть особенно густы, обед очень хороший, за обедом должны быть председатели, прокуроры и всякие этакие важные люди, и самое выражение лиц должно быть особенно торжественно".

Еще до переезда с дачи в город[14], Гоголь предложил А. О. С<мирнов>ой прочесть ей несколько глав из второго тома "Мертвых Душ", с тем условием, чтоб никого при этом чтении не было и чтоб об этом не было никому ни писано, ни говорено. Он приходил к ней по утрам в 12 часов и читал почти до 2-х. Один раз был допущен к слушанию брат ее Л. И. А<рноль>ди.

Уцелевший от сожжения обрывок второго тома "Мертвых душ" давно уж напечатан и известен каждому. То, что читал Гоголь А. О. С<мирнов>ой, начиналось не так, как в печати. Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель с первых строк был поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: "Русь! куда несешься ты? дай ответ!" и проч.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о том, что все читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брульоне. В нем очень многого не достает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица – пленный французский

капитан Эскадрон и гувернантка англичанка. В дальнейшем развитии поэмы не достает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имении Чегранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречают, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как и из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды[15]. Первый том, по словам А. О. С<мирнов>ой, совершенно побледнел в ее воображении перед вторым: здесь юмор возведен был в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления? Гоголь отвечал:

— Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите: будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник[16], будет откупщик, будет генерал-губернатор.

Известно, что откупщик Муразов и генерал-губернатор, в уцелевшем брульоне, вышли довольно слабыми созданьями Гоголева таланта; но, судя по силе первых глав второго тома, засвидетельствованной несколькими строгими ценителями изящного, надобно думать, что Гоголь мало-помалу возвел бы и эти лица "в перл создания". Творчество его в последнее время его жизни приобрело дивное свойство. Не теряя свежести первого наития, оно пересоздавало и совершенствовало взятую художественную идею до тех пор, пока она являлась в полном соответствии требованиям строгой критики самого автора. Гоголь стоял выше людей, которые, потратив на создание какого-нибудь характера запас умственной силы, чувствуют невозможность создать то же самое вновь, в более совершенном виде. Он сжег второй том "Мертвых душ" в 1845 году, и однако ж у него явились такие вещи, как деревня Тентетникова, как генерал Бетрищев и обжора Петух, не обнаруживающие никакого усилия над самим собою, свободные, как природа. Так, вероятно, поступлено было бы и с Муразовым, и с генерал-губернатором, если бы только продлилась жизнь автора. Его не пугала медленность работы и трудность переделки. Переделывать он был готов самые окончанные свои вещи, если только в нем оставалось хотя малейшее подозрение, что они не вполне истинны. Так, например, А. О. С<мирно>ва заметила, что Улинька, дочь генерала, немножко идеальна. Он тотчас записал карандашом на поле страницы: "А<лександра> О<сиповна> находит, что Улинька немножко идеальна", и, верно, уничтожил впоследствии эту идеальность. Кто знает? может быть, ревность художника к высоким идеям искусства, которых он не успел воплотить в соответствующие им осязательные формы, была также отчасти причиной сожжения второго тома "Мертвых душ" перед смертью»[17].

В 1867 г. Смирнова рассказывала также о чтении Гоголем второго тома «Мертвых душ» П. А. Висковатову: «Дело шло об Улиньке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастие, взаимное отношение и воздействие одного на другого...»[18]

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Мы <...> перебрались в загородный дом и назначили помещение Гоголю в домике, где жил Нелединский; он был очень доволен устройством комнат; говорил: "Вид прекрасный, под ногами прозрачная речка, а затем этот великолепный бор". Ему служил Афанасий, который тотчас потрафил свою должность. Гоголь вставал в 5-ть часов, пил кофе в 8-мь, и запивал его холодной водой; это служило для него лекарством. К нам он являлся в два часа. В воскресение он пил кофий с нами, и приходил в полном параде, в светло-желтых нанковых панталонах, светло-голубом жилете с золотыми пуговками и в темном синем фраке с большими золотыми пуговицами и в белой пуховой шляпе. Он купил эту шляпу в рядах, куда сопровождал его Лёва[19], старую шляпу он оставил в лавке; все рядовые один за другим пробовали эту шляпу, нашли, что его голова была более других, потому что он писал такие умные книги, и решили поставить ее под [стеклянным] колпаком на верхней полке счастливца, у которого великий писатель купил шляпу. Я, чаю, она и теперь стоит на этом месте. Из рядов они пошли в книжную лавку, где нашли 30 томов, в том числе и его сочинения, в мусака переплете. Наш переплетчик все переплетал очень дурно в этот цвет; если он приходил, люди докладывали, что пришел Мусака. Гоголь, где бы ни был в России и за границей, заходил в книжную лавку и пе-

релистывал каталог. "Это, — говорил он, — самый верный пробный камень умственного развития города; где в Германии 2 и 3 тысячи книг, в России в Губернских городах 30 или много 100 книг". В Москве он всякой день ходил к Ферапонтову[20] на Никольской... <...> Я часто ездила с ним в Лаврентьевскую рощу, он вытаскивал тетрадку и записывал виды; скромный Архиерейский дом осеняла Лаврентьевская роща, и в самом деле пейзаж был великолепный. "So rueful and calm"[21]. <...>

В конце лета <во второй половине июля, не позднее 29 числа> Гоголь предложил нам собраться в 2 часа у меня. Граф Алексей Толстой сослан был за какой-то пиджак в Калугу с Сенатором Давыдовым[22] для ревизии нашей Губернии. Он прочел нам первую главу <несколько глав> второго тома "Мертвых душ", всякой день в 2 часа. Тентетников, Вороново-Дряново, Костанжогло, Петух, какой-то помещик, у которого было все на Министерскую ногу, в чем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы, и все писал об агрикультуре. Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присуседился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбляется в портрет во весь рост этой петерб<ургской> львицы; обед управляющего из студентов с высшими потребностями. Стол был накрыт, хрусталь, серебро, фарфор Саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь; сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге. Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: "Да дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет"[23]. "А! — сказал он, — вы заметили, что он обо всем заботится, но о главно<м> не заботится"[24]. <...>

В бытность свою в Калуге он читал с восторгом Палласа[25], восхищался его познаниями в геологии и ботанике. "С ним я точно проехался по России от Питера до Крыма. Потом возьмусь за Гмелина"»[26]. <...>

Книги П. С. Палласа и И. Г. Гмелина (с описаниями Сибири) были нужны Гоголю одновременно для написания «живой географии России» и для продолжения работы над поэмой «Мертвые души», действие которой он, предположительно, намеревался перенести в Сибирь (см. письма Гоголя к графиням С. М. Соллогуб и Анне М. Виельгорской от 20 октября 1849 г.[27]; к графу Л. А. Перовскому или князю П. А. Ширинскому-Шихматову или графу А. Ф. Орлову от июля 1850 г.[28]; а также «Оглавление» предполагаемого V тома собрания сочинений Гоголя 1851–1852 гг.[29] и воспоминания Г. П. Данилевского[30] и князя Д. А. Оболенского[31]).

Далее в письме к Аксакову Смирнова сообщала: «Имп<ератор> Николай Пав<лович> велел переменить многие неприличные фамилии. Между прочими *<1 нрзб.>* и Зас — выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева; он говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию <на> Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит; он поспешил с свёкром поставить ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III-м, и его фамилия знатнее, но берет *le pas*. Однако он согласился на это прилагательное. Вся Гарниза смеялась. Но Государь n'entendait pas de retrogression[32], просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свёкр поморщился, но должен был покориться железной воле своего Имп<ератора>. Гоголь восхищался этим рассказом и говорил: "Я так постараюсь поднести это публике, известить их, что «Инвалид» в фельетоне заключает интересные сведения. Мы в Калуге с Левой ежедневно читали эту интересную газету и вычитали раз, что прапорщик Штанов приехал из Москвы в Калугу, через три дня узнали, что он поехал в Орел. Из Орла он объехал наш город и поехал прямо в Москву; из Москвы в дилижансе в столичный город Санкт-Петербург; так было напечатано слово в слово в фельетоне «Инвалида». Оттуда прямо в Москву, а из Москвы опять в Калугу, а из Калуги в Орел. Мы рас<с>читали, что прапорщик Штанов провел на большой дороге отпускные 21 день. А зачем он делал эти крюки, это неизвестно и осталось Государственной тайной". Это заключение принадлежит Николаю Ва<сильевичу> и делает честь его прозорливости. — Штанову так и следует рыскать по России»[33].

В 1850-х гг. П. И. Бартенев на вечере у князя В. А. Черкасского слышал рассказ младшего брата Смирновой Л. И. Арнольди о содержании глав второго тома «Мертвых душ» (на вечере присутствовали также И. С. Аксаков, В. И. и Н. И. Кошелевы, М. М. Нарышкин, Ник. И. Лорер, И. И. Подчасский). Бартенев записал: «Арнольди, брат Смирновой Александры Осиповны, Калужский Ви-

це-губернатор говорил, что он слышал некоторые погибшие главы второго тома Мертвых Душ. По его словам, одна из этих глав б<ыла> лучше всего, что написал Гоголь. Чичиков, желая склонить Генерала Бетрищева в пользу Тентетникова, распустил слух, будто последний занимается жизнеописанием Генералов, сражавшихся в 1812 году. Описание обеда у Бетрищева. Хозяин заговаривал о мнимых биографиях. Тентетников сначала удивляется, но потом угадавши выдумку Чичикова, начинает говорить о 12 годе, и говорит с прекрасным увлечением, упомянув между прочим о том, что 12 год важен не своими битвами, а тем, что вся земля встала как один человек[34] и пр. Одушевленная речь его действует на всех. Крупная слеза, как бриллиант, скатилась на седые усы Генерала. Улинька вся превратилась во внимание. Прислушивается и толстый обжора Испанец, какой-то Эспартерон, к<оторо>го в доме зовут Эспадроном и который проживает у Генерала единственно для игры с ним в шахматы. Чичиков делает замечание, что в 1812 г. были большие холода. "Какие там холода!"[35] — подхватывает Бетрищев и пускается в рассказы про свои походы.

Арнольди помнит в этой же главе другое прекрасное место. Бетрищев благословил Тентетникова с Улинькою. Молодой человек в избытке всяких чувств выходит в сад. Знойный полдень. Описание природы. Т<ентетник>ову так хорошо, что он даже помолился. Возвращаясь из саду, он видит Павла Ив<ановича>, бросается благодарить его, называет устроителем своего счастия и просит сказать, чем может заплатить ему. Ч<ичиков> тотчас заводит речь о Мертвых Душах. Т<ентетников> предлагает ему дарственную запись на живых людей, и удивленный Ч<ичиков> спрашивает: "И вы не боитесь, что я вас обманул?"

Сцена, в которой помолвленная Улинька молится на гробе своей матери (и которую помнит и Шевырев[36]), по словам Арнольди, слишком идеальна»[37].

В конце 1850-х гг. сам Арнольди писал: «На пятый день мы переехали в Калугу, в загородный губернаторский дом. При переезде я ехал в коляске с Гоголем и моим зятем[38]. Здесь, в первый раз, Гоголь произвел на меня неприятное впечатление и даже, могу сказать, рассердил меня. Заговорили об охоте. Надобно знать, что зять мой имеет отличную охоту, и его борзые и, в особенности, гончие, известны всем знаменитым русским охотникам, и собирал он ее, а теперь поддерживает с знанием дела и с любовию. Гоголь вмешивался беспрестанно в разговор, спорил с моим зятем, не понимая дела, и вообще высказал много самонадеянности и мало желания узнать от старинного охотника то, что его подробнее и лучше было известно, чем Гоголю. После заговорили о сельском хозяйстве. У зятя моего около пяти тысяч душ в шести губерниях, и он всегда сам управлял своими имениями, следовательно, во всяком случае должен был хотя на опыте только узнать более, чем Гоголь, который, сколько мне известно, никогда не занимался хозяйством, и если знал что, то от других помещиков; но он и тут не преминул поспорить; говорил свысока, каким-то диктаторским тоном, одни общие места, не выслушивал опровержений, и вообще показался мне самолюбивым, самонадеянным, гордым и даже неумным человеком. Я не боюсь нисколько сказать здесь откровенно мое мнение, но и тогда, и после, так же, как и в этот раз, я замечал в Гоголе странную претензию знать все лучше других. Он иногда, правда, расспрашивал специалистов, но расспрашивал их таким образом, что клонил все подробности и объяснения в ту сторону, куда ему хотелось, чтобы набрать еще более подтверждений той мысли, или тому понятию, которые он себе составил уже заранее о предметах. Если вы рассказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свет на отдельного человека, или даже на целое сословие, он никогда не старался вникнуть внимательно в ваш рассказ, заметить, насколько он был справедлив, и усвоить его себе или взять из него что-нибудь, как бы следовало писателю с таким громадным талантом, задумавшему описать всю Россию в одной поэме, — нет. Он просто переставал вас слушать, делался рассеянным, и ясно показывал вам, что рассказ не занимает его. Учиться у других он не любил, и вот каким образом объясняются те промахи, которые были замечены всеми в его сочинениях! Он не знал нашего гражданского устройства, нашего судопроизводства, наших чиновнических отношений, даже нашего купеческого быта; одним словом, вещи самые простые, известные последнему гимназисту, были для него новостию.

Заглядывая в душу русского человека, подмечая все малейшие оттенки его душевных слабостей, вырывая все это с необыкновенным искусством в своих произведениях, он не обращал внимания на внешнее устройство России, на все малые пружины, которыми двигается машина, и вот

почему он серьезно думал, что у нас существуют еще капитан-исправники, что и теперь еще возможно без свидетельств совершать купчие крепости в гражданских палатах, что никто не спросит подорожной у проезжего чиновника и отпустит ему курьерских лошадей, не узнав его фамилии, что, наконец, в доме у губернатора, во время бала, может сидеть пьяный помещик и хватать за ноги танцующих гостей. И много, очень много подобных несообразностей можно отыскать в сочинениях Гоголя. Иной раз подумаешь, что он описывает какое-то далекое прошедшее, известное нам по преданиям; а между тем разговор о 12-м годе, генерал-губернатор, и другие места, показывают, что он желал рисовать Россию в ее настоящем виде. Разумеется, все это нисколько не может вредить произведениям Гоголя, и не отнимает у них нравственного их достоинства. Характеры его героев все те же; задуманы глубоко, подмечены верно и выражены с необыкновенным талантом, но подтверждают вполне мое мнение, и доказывают только, что Гоголь не желал научиться чему-нибудь от других и не любил никаких противоречий. Так поступал он в тех случаях, когда дело касалось важных, самых важных вопросов в науке, в искусстве или даже каком-нибудь новом изобретении ума человеческого. Сколько раз приходилось мне удивляться громадности его способностей, и вместе с тем сожалеть, что в нем таится так много гордости. Вдруг заговорит Гоголь о какой-нибудь картине и выскажет при этом свои понятия об искусстве, и выскажет прекрасно, думая, что для вас это новость, а между тем эта мысль уже была высказана прежде где-нибудь, в каком-нибудь сочинении, о котором Гоголь не имел никакого понятия! Он действительно дошел до этой мысли сам, выработал ее в голове своей, вследствие долгих рассуждений об искусстве, а не взял ее из книги совсем готовою. Так поступал он и в истории. Он не читал никаких новых сочинений, новых критик и разных взглядов на замечательные исторические личности или целые исторические эпохи[39], а между тем с необыкновенною гениальностию угадывал их мировое значение, и выражал это, как истинный художник, в светлых, прекрасных и поэтических формах. Разумеется, жаль, что Гоголь и для своего предмета, для своих сочинений, пренебрегал этими безделицами, и не дал себе труда узнать, что русское общество далеко ушло вперед, как в нравственном отношении, так и в политическом и гражданском устройстве, с тех пор как он перестал вглядываться в нее, а занялся, как сам он говорит в своей *Авторской Исповеди*, исключительно душою русского человека. Разумеется, тем, которые понимают искусство, эти маленькие промахи не мешают наслаждаться его произведениями, но зато люди, которые ничего не смыслят в искусстве, критики, которым Гоголь был всегда, как бельмо на глазу, которые никогда не любили его за то, что он сделал себе славное имя в русской литературе, без всякой помощи с их стороны, не прибегая к их покровительству, — эти люди схватились с радостью за эти промахи, и, выказывая все эти маленькие несообразности перед читателями, повторяли, а некоторые повторяют и до сих пор еще, кстати и некстати:

С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?[40]

Гоголь сам дал им орудие против себя; а между тем исправить эти мелочи было так легко; ему стоило бы для этого расспросить первого губернского чиновника и, наконец, любого господина из провинции!

По приезде в Калугу Гоголь и я поместились во флигеле, в двух комнатках рядом. По утрам Гоголь запирался у себя, что-то писал, всегда стоя, потом гулял по саду один и являлся в гостиную перед самым обедом. От обеда до позднего вечера он всегда оставался с нами или с сестрой, гулял, беседовал и был большую часть времени весел; с чиновниками и их женами он знакомился мало и неохотно, а они смотрели на него с любопытством и некоторым удивлением. Иногда Гоголь поражал меня своими странностями. Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светло-голубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки и волосы не причешет, а на другой день, опять без всякой причины, явится в платье ярких цветов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именинником. Одевался он вообще без всякого вкуса и, казалось, мало заботился об одежде, а зато в другой раз наденет что-нибудь очень безобразное, а между тем видно, что он много думал, как бы нарядиться покрасивее. Знакомые Гоголя уверяли меня, что иногда встречали его в Москве у куаферов[41] и что он завивал свои волосы. Усами своими он тоже занимался немало.

Странно все это в человеке, который так тонко смеялся над смешными привычками и слабостями других людей, от внимания которого ничего не ускользало и который подмечал не только душевные качества и недостатки человека, не только его наружность в совершенстве, но и как он говорит, ходит, ест, спит, одевается, всю его внешность до последней булавки, до самой ничтожной вещи, отличающей его от других людей. Кто знал Гоголя коротко, тот не может не верить его признанию, когда он говорит, что большую часть своих пороков и слабостей он передавал своим героям, осмеивал их в своих повестях и таким образом избавлялся от них навсегда. Я решительно верю этому наивному откровенному признанию. Гоголь был необыкновенно строг к себе, постоянно боролся с своими слабостями и от этого часто впадал в другую крайность и бывал иногда так странен и оригинален, что многие принимали это за аффектацию и говорили, что он рисуется. Много можно привести доказательств тому, что Гоголь действительно работал всю свою жизнь над собою, и в своих сочинениях осмеивал часто самого себя. Вот, покуда, что известно и чему я был свидетелем. Гоголь любил хорошо поесть и в состоянии был, как Петух, толковать с поваром целый час о какой-нибудь кулебяке; наедался очень часто до того, что бывал болен; о малороссийских варениках и пампушках говорил с наслаждением и так увлекательно, что *у мертвого рождался аппетит*, в Италии сам бегал на кухню и учился приготовлять макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самою скудною пищей, и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел. Гоголь очень любил и ценил хорошие вещи и в молодости, как сам он мне говорил, имел страстишку к приобретению разных ненужных вещиц[42]: чернильниц, вазочек, пресс-папье и проч. Страсть эта могла бы, без сомнения, развиться в громадный порок Чичикова — хозяина-приобретателя. Но, отказавшись раз навсегда от всяких удобств, от всякого комфорта, отдав свое имение матери и сестрам, он уже никогда ничего не покупал, даже не любил заходить в магазины и мог, указывая на свой маленький чемодан, сказать скорей другого: omnia mea mecum porto[43], потому что с этим чемоданчиком он прожил почти тридцать лет, и в нем действительно было все его достояние. Когда случалось, что друзья, не зная его твердого намерения не иметь ничего лишнего и затейливого, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то он приходил в волнение, делался скучен, озабочен и решительно не знал, что ему делать. Вещь ему нравилась, она была в самом деле хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный стол, необходимо было особое место в чемодане, и Гоголь скучал все это время, покуда продолжалась нерешительность, и успокаивался только тогда, когда дарил ее кому-нибудь из приятелей[44]. Так в самых безделицах он был тверд и непоколебим. Он боялся всякого увлечения. Раз в жизни удалось ему скопить небольшой капитал, кажется, в 5000 р<ублей> с<еребром>, и он тотчас же отдает его[45], под большою тайною, своему приятелю профессору[46] для раздачи бедным студентам, чтобы не иметь никакой собственности и не получить страсти к приобретению; а между тем через полгода уже сам нуждается в деньгах и должен прибегнуть к займам. Вот еще один пример. Глава первого тома *Мертвых Душ* оканчивается таким образом: один капитан, страстный охотник до сапогов, полежит, полежит и соскочит с постели, чтобы примерить сапоги и походить в них по комнате, потом опять ляжет и опять примеряет их. Кто поверит, что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь[47]? И он даже нисколько не скрывал этого и признавался в этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность к чему бы то ни было. В его маленьком чемодане всего было очень немного, и платья и белья ровно столько, сколько необходимо, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень может быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя один в комнате, надевал новую пару и наслаждался, как и тот капитан, формою своих сапогов, а после сам же смеялся над собою.

Через неделю с небольшим после нашего приезда в Калугу в одно утро я захотел войти к сестре моей в кабинет; но мне сказали, что там Гоголь читает свои сочинения и что сестра просила, по желанию Гоголя, никого не впускать к ней. Постояв у дверей, я действительно услыхал чтение Гоголя. Оно продолжалось до обеда. Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома "Мертвых душ" и что все им прочитанное было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию; он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого в одиннадцать часов утра, на балконе, уставленном цветами. Сестра

села за пяльцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Уленьки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Хситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Уленька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, беспрерывно повторял: "Полюби нас беленькими..." "Черненькими, ваше превосходительство", — перебивал его Чичиков. "Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам Господь Бог полюбит". Через пять минут он опять ошибался, и начинал опять: "Полюби нас беленькими" и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: "Полюби нас черненькими, а беленькими нас Сам Господь Бог полюбит". После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами, и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников — тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во все время, покуда блюдо обходило кругом стола или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года[48]. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвига-

ми замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек на защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностию каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание. "Да, — сказал он, — страшные холода были в 12-м году!" — "Не о холодах тут речь"[49], — заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. — После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решилась говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастия, оставил на минуту Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. — В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников — в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый! Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросился к нему на шею и благодарит его. "Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастием; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого..." У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: "Я ничего для вас не сделал, это случай, — отвечал он, — я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!" — "Чем, чем? — повторил Тентетников. — Скажите скорее, и я все сделаю". Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде, о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь триста душ. "Да зачем же непременно мертвых?" — говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. "Я вам на бумаге отдам все мои триста душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую". Чичиков остолбенел от удивления! "Как, вы не боитесь сделать это?.. Вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?" Но Тентетников не дал ему кончить. "Как? — воскликнул он, — сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнию!" Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностию. Чего лучше? думал генерал, он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки пред-

ложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках, и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску[50].

Вот все, что читал при мне Гоголь из второго тома *Мертвых Душ.* Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав[51]. Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастием; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас, потому что мы все остаемся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками.

Когда Гоголь окончил чтение, то обратился ко мне с вопросом. "Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?" — "Удивительно, бесподобно! — воскликнул я. — В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь, как она есть, без всяких преувеличений; а описание сада — верх совершенства". — "Ну, а не сделаете ли вы мне какого-либо замечания? Нет ли тут вещи, которая бы вам не совсем понравилась?" — возразил снова Гоголь. Я немного подумал и откровенно отвечал ему, что Уленька кажется мне лицом немного идеальным, бледным, неоконченным. "К тому же, — прибавил я, — вы изобразили ее каким-то совершенством, а не говорите между тем, отчего она вышла такою, кто в этом виноват, каково было ее воспитание, кому она этим обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанке". Гоголь немного задумался и прибавил: "Может быть, и так. Впрочем, в последующих главах она выйдет у меня рельефнее. Я вообще не совсем доволен; еще много надо будет дополнить, чтобы характеры вышли покрупнее". Он не был доволен, а мне казалось, что я не выбросил бы ни единого слова, не прибавил ни одной черты: так все было обработано и окончено, кроме одной Уленьки.

Через несколько дней после этого я и брат мой К. О. Р<оссет> собрались поздно вечером у графа А. К. Т<олстого>, который был тогда в Калуге. Разговор зашел о Гоголе; каждый из нас делал свои замечания о нем и его характере, о его странностях. Разбирали его как писателя, как человека, и многое казалось нам в нем необъяснимым и загадочным. Как, например, согласить его постоянное стремление к нравственному совершенству с его гордостию, которой мы все были не раз свидетелями? его удивительно тонкий, наблюдательный ум, видный во всех его сочинениях, и вместе с тем, в обыкновенной жизни, какую-то тупость и непонимание вещей самых простых и обыкновенных? Вспомнили мы также его странную манеру одеваться, и его насмешки над теми,

кто одевался смешно и без вкуса, его религиозность и смирение, и слишком уже подчас странную нетерпеливость и малое снисхождение к ближним; одним словом, нашли бездну противоречий, которые, казалось, трудно было и совместить в одном человеке. При этом брат мой сделал замечание, которое поразило тогда своею верностию и меня, и графа Т<олстого>. Он нашел большое сходство между Гоголем и Жан-Жаком Руссо[52]. <...> Кто из знавших его коротко не замечал в нем особенно в последнее время какой-то нравственной усталости, кто не видел, что он был бы гораздо счастливее где-нибудь в монастыре, что его талант мешал ему жить, как он желал, что он смотрел на этот талант как на испытание, как на тяжелый дар? <...>

Вскоре после чтения второго тома *Мертвых Душ* я уехал в Москву, а Гоголь остался в Калуге еще на две недели»[53].

Арнольди также сообщал: «...Познакомившись с ним короче, слушая второй том его *Мертвых Душ*, им самим при мне читанный, беседуя с ним о разных современных вопросах, присутствуя, наконец, при его кончине[54] и прочитав его *Авторскую Исповедь*, я всегда радовался тому, что не оскорбил его ни одним подозрением, ни одним из тех страшных упреков, на которые так были щедры его поклонники. <...> ...Я <...> видел из писем его к сестре моей, что он стал строже к самому себе и строже глядел на искусство. Даже в неотделанных пяти главах второго тома мы видим уже, что характеры действующих лиц задуманы глубже; а что бы сделал из них Гоголь, если б они явились в совершенно оконченном виде? Генерал Бетрищев, Тентетников, Кошкарев, и в особенности Хлобуев, не имеют уже в себе ничего каррикатурного, ничего преувеличенного; это живые люди, со всеми своими дурными и хорошими наклонностями, люди, которых мы встречаем каждый день, но в которых не замечали, по свойственному нам легкомыслию, тех слабых сторон, тех душевных болезней, которые так тонко подметил Гоголь. Собакевича и Ноздрева мы заметили сами, а Хлобуевых мы очень часто принимаем за людей достойных и милых, но только несчастных. А сам Чичиков? Посмотрите, как выростает он постепенно во втором томе, как он делается еще противнее, по мере того как становится приличнее, по мере того как ему все удается; прежде он внушал к себе презрение, вместе с тем — какое-то сострадание; теперь же он просто делается гадок в своем фраке наваринского дыма с пламенем»[55].

В 1867 г. Смирнова рассказывала П. А. Висковатову: «Гоголь, при всей своей застенчивости и нелюдимости, охотно вступал в разговоры с самыми разнообразными людьми.

— Мне это вовсе неинтересно, — говорил он, как бы оправдываясь, — но мне необходимо это для моих сочинений.

В Калуге он как-то перезнакомился в Гостином дворе со всеми купцами и лавочниками. У некоторых засиживался и играл подолгу в шашки. Его знали не только как гостя, проживавшего у губернатора, но и как автора "Ревизора", столь знакомой комедии.

Брат мой[56] застал раз целую толпу купцов и приказчиков, рассматривавших и примерявших шляпу с головы Гоголя, оставившего ее в лавке, где купил новую. Шляпа была старая и грязная, всем велика, но ее надевали друг другу на голову и острили по поводу "головного убора" писателя.

Но вообще Гоголь был туг на новое знакомство. Он утверждал, что вести знакомство можно только с теми, у кого чему-либо можно научиться или кого можно научить чему-либо. Познакомившись и заинтересовавшись человеком, Гоголь или внимательно слушал его, или обучал иногда самым элементарным истинам или просто вопросам практической жизни. Толкуя их по-своему и придавая им особое значение, он смущал этим людей, а натуры обыденные, любящие говорить свысока самые банальные истины, приводил в негодование. Они не на шутку сердились на расточавшего непрошеные поучения»[57].

В своих автобиографических записках Смирнова также отмечала: «Гоголь провел три недели у нас в Калуге, в загородном доме губернатора, восхищался видом на Яченку и великолепным бором за Яченкой; я с ним была в загородной даче архиерея[58] и заметила, что он записывал виды в своей красной книжечке. Он тут прочел Палласа, от которого был в восторге. <...> Гоголь вздыхал и говорил: "Леса рубят без толку, реки мелеют, а климат все суровее"»[59].

Позднее В. И. Шенрок, со слов дочери Смирновой Ольги Николаевны, сообщал: «Гоголь нередко также дружески ободрял и успокаивал Н. М. Смирнова, когда он, утомленный борьбой со взяточничеством и другими злоупотреблениями, в горькие минуты падал духом и поддавался отчаянию. Сознавая, что борьба непосильна, он пробовал отдавать большую часть жалованья и наконец все жалованье чиновникам своей канцелярии, но и это немного помогало. Гоголь отговаривал его не оставлять службу словами: "Николай Михайлович, вы уже тем делаете полезное дело, что, пока вы не оставите места, его не может занять какой-нибудь взяточник"»[60];

«Алексей Константинович Толстой (поэт и романист) прожил в Калуге все время следствия[61]; он читал моей матери свой роман и стихи, охотился с моим отцом в Бегичеве (наше калужское имение), и Гоголь тут с ним сошелся. Толстой читал Гоголю первые главы "Князя Серебряного", план трилогии, стихи и былины, а Гоголь читал ему "Мертвые души", 2-й том. Гоголь очень полюбил графа Алексея Толстого. Последний год жизни Гоголя и в 1850 г. мы его видели очень часто и много (более, чем в промежуток с 1845 по 1849 г.), когда он был в Калуге с графом А. Толстым, и в 1849 и 1850 г. также»[62].

Возможно, со слов графа А. К. Толстого, его двоюродный брат Ал. М. Жемчужников в 1854–1855 г. сообщал П. А. Кулишу: «В описании усадьбы Тентетникова была фраза, которую Гоголь читал очень выразительно: "И при виде такой природы еще сильнее думал о комфорте скотина Чичиков!"»[63] (В письме к В. А. Жуковскому осени 1849 г. Гоголь еще дважды называет Чичикова «скотиной»: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. <...> ...Автору "Мерт<вых> д<уш>" нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков».)

Правитель канцелярии гражданского калужского губернатора Н. М. Смирнова титулярный советник Иван Тимофеевич Мартынович-Лашевский рассказывал своему двенадцатилетнему сыну Алексею: «...В губернаторской приемной собралось особенно много чиновников, один из них, по присущему канцелярскому любопытству, заглянул тихонько в соседний зал и заметил сидящего там Гоголя. "Господа, будьте осторожнее... здесь Гоголь!" — сообщил он предупредительно сослуживцам, и все стали суетливо оправляться и чиститься перед зеркалом. — "Надо подтянуться... того гляди, как бы еще не описал?" — тревожно промелькнуло в голове каждого. <...> По словам А<лексея> И<вановича>, Смирнов был добрейшей души человек и честности безупречнейшей, но вспыльчивый до умопомрачения. Однажды чиновник, которого он особенно горячо распекал, прямо пустился от него в бегство — тот за ним, через балкон, в сад... и оба бегали по дорожкам сада, пока оба не уморились. <...> Кроме того, Н<иколай> М<ихайлович> питал несчастную слабость к циркулярам при каждом удобном и неудобном случае: циркуляры и циркуляры... "Целая буря циркуляров из Калуги!" — как выразился однажды император Николай по поводу Смирновских донесений.

Порой, под сердитую руку, составлялись в самом деле довольно невероятные циркуляры. Например, как-то мимо губернаторской дачи промчались с гиком и криком пьяные ямщики. Н<иколай> М<ихайлович> вскипел и незамедленно сочинил такую приблизительно резолюцию: "До моего сведения дошло, что ямщики, проезжая по городу, поют отчаянным образом и по-разбойничьи присвистывают, пугая тем мирных семейных обывателей. Дабы впредь ничего подобного не случалось, предписываю и проч." <...>

Все эти сведения о слабости Н. М. Смирнова к писанию многочисленных циркуляров и о его сумасшедше вспыльчивом характере наводят меня на мысль... да уже не с почтеннейшего ли Смирнова был отчасти списан знаменитый "полковник Кошкарев"?..»[64]

В 1909 г. Н. П. Авраамов сообщал: «По словам старика Ольховича, служившего в то время при доме губернатора Смирнова и лишь в этом году умершего, Гоголь прибыл к Смирновым в сопровождении какого-то другого господина (фамилию которого он не мог припомнить, но который несомненно был г. Арнольди). Из вещей с Гоголем были всего только дорожный чемодан и кожаная сумка (в которой, надо полагать, заключалось все его литературное богатство). Гоголь поселился не в доме, а во флигеле, что является вполне понятным, если только принять во внима-

ние его тогдашнее стремление к уединению и покою. Во флигеле он занял три ближайшие к дому комнаты, из которых одна, в два света, служила приемной, другая, обращенная окнами на запад, к бору, была его рабочим кабинетом, а третья, самая маленькая, служила спальней. Это помещение очень нравилось Гоголю своей простотой и уютностью, может быть напоминавшее ему любимый его флигель в Васильевке, а открывавшийся из окон его кабинета очаровательный вид на Оку, городской бор и синеющую за ним даль приводили его в восхищение. По желанию Гоголя ему служил пожилой лакей Христофор, представлявший в его глазах интересный тип дворового слуги, с характерной физиономией. По уверению того же Ольховича, Гоголь ежедневно вставал очень рано, когда в большом доме все спало еще крепким сном. Один или с помощью мальчика-казачка[65] Гоголь умывался и, наскоро сделав свой туалет, некоторое время гулял по саду, потом пил молоко или чай и садился за работу. Принадлежа к числу так называемых усидчивых писателей, Гоголь в то время был занят окончательной отделкой второго тома своей бессмертной поэмы "Мертвых душ"... Завтрак по большей части подавался Гоголю во флигель. После этого Гоголь продолжал свою вдохновенную работу вплоть до обеда. Иногда в эти часы он прогуливался по городу, заходя в книжные лавки Грудакова или Антипина, бывшие на Никитской улице, где просматривал вновь вышедшие журналы и книги. Нередко захаживал он помолиться в теплый Никольский собор.

На обед Гоголь являлся всегда к общему столу, уже более тщательно приодетый и нередко в цветном атласном жилете. Лица, с которыми Гоголю нередко приходилось встречаться в доме губернатора, были: преосвященный Николай <Соколов>, к которому он всегда относился с видом особенного уважения, считая его достойнейшим пастырем своей паствы, затем губернский прокурор <Я. П. Макаренко>, предводитель дворянства (<Вас. Дм.> Мещеринов), вице-губернатор (<П. Н.> Клушин)[66], председатель палаты <председатели палат> гражданского и уголовного суда <Н. А. Писарев и А. И. Яковлев>, советники губернского правления <П. Г. Здор, Г. С. Карпов и А. П. Салтанов>, городской голова (Золотарев), врачебный инспектор (<В. Я.> Быковский), правитель дел (<Мартынович->Лашевский-отец) и другие чины, а также случайные гости. Обыкновенно тон застольной беседе давала хозяйка дома Александра Осиповна. За обедом Гоголь обыкновенно сидел молча и лишь изредка вставлял в разговор свои замечания, приняв на себя роль внимательного наблюдателя, особенно в присутствии за обедом новых лиц. Надо заметить, что чиновники недолюбливали Гоголя, хотя и сильно им интересовались. Поэтому старшие чины местных учреждений, нередко, после докладов, происходивших в летнем доме, приглашаемые Н. М. Смирновым к столу, старались под каким-либо благовидным предлогом уклоняться от любезных приглашений своего начальника, из одной лишь боязни, чтобы потом не попасть Гоголю "на зубок". Как ни старался Гоголь войти в близкое общение с интересовавшими его чинами губернской администрации, но это ему так и не удалось. Было ли это под влиянием его "Ревизора", произведшего во всероссийском чиновном мире глубокую сенсацию, или по какой иной причине, только здешние чиновники упорно избегали близкого знакомства с Гоголем, опасаясь, что он их "опишет". Единственные лица, с которыми успел сблизиться Гоголь, были врачебный инспектор В<асилий> Я<ковлевич> Быковский и правитель дел канцелярии губернатора И<ван Тимофеевич Мартынович->Лашевский.

После обеда до вечера Гоголь проводил время в семье Смирновых, в беседе с своим задушевным другом, или же своими остроумными шутками и рассказами забавлял ее детей. Но большею частью это время он проводил в загородных прогулках по окрестностям, при чем нередко переправлялся на лодке за Оку, к селу Ромоданову. Гуляя по противоположному нагорному берегу Оки, он любовался красивой панорамой города, которую находил очаровательной. С того места, где р. Яченка вливается в Оку, Калуга напоминала ему большое сходство с Константинополем. Посещал он и Лаврентьев монастырь с его живописными окрестностями и городскую рощу. Праздниками распорядок дня был несколько иной. Будучи в глубоком религиозном настроении, Гоголь не опускал праздничных служб. Он часто присутствовал на богослужении в кафедральном соборе один или же в обществе А. О. Смирновой и ее маленьких дочерей. Интересуясь местным населением, его жизнью и обычаями, в которых он находил много оригинального, Гоголь иногда праздниками совершал прогулку по городским улицам, возбуждая и в калужанах к себе интерес и любопытство. По рассказу местного сторожила заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые матери, знавшие

в лицо Гоголя, нередко пугали им расшалившихся детей, приблизительно в таких выражениях: "перестань, уймись, видишь вон Гоголь идет; увидит, что ты шалишь и запишет в книжку". И угроза будто бы хорошо действовала: ребенок унимался. Вообще, судя по словам очевидцев, на Гоголя многие из обывателей-калужан смотрели как на большого чудака оригинала: им интересовались, но и побаивались. Насколько велик был интерес к Гоголю, можно судить по следующему рассказу, записанному мною со слов одной почтенной старушки-калужанки, знавшей и не раз видавшей Гоголя. Идет обедня архиерейским служением в домовой семинарской церкви Иоанна Богослова. Во время службы, пред пением "Херувимской", среди присутствовавших в храме раздается довольно ясный шепот: "Гоголь! Гоголь!" — а взоры многих обратились с любопытством ко входным дверям. В то же время на пороге дверей показалась еще довольно молодая и замечательно красивая лицом, но просто одетая дама, в сопровождении двух хорошеньких девочек-малюток; за ними следовал довольно мешковатой походкой средних лет мужчина, одетый в теплое пальто с меховым воротником (в воздухе было свежо). Его бледное и худое, но выразительное лицо с высоким лбом, по которому спадала прядь густых волос, устало задумчивый взгляд его глаз — все это казалось в нем привлекательным. На левой руке он держал женскую шаль. Это были — калужская губернаторша Смирнова и Гоголь. Они прошли вперед, к самой солее, и стали усердно молиться. Присутствовавшие, забыв торжественность минуты, начали протискиваться вперед, чтобы получше оглядеть Гоголя. Интерес, сохранившийся среди здешнего купечества <к Гоголю, показывает> анекдотический рассказ о гоголевской шляпе, как о вещественной памяти его пребывания в Калуге. Этот рассказ, тщательно проверенный мною, повествует о том, что у Гоголя, проходившего однажды по Никитской ул<ице>, сильным порывом ветра сбросило с головы его серую пуховую шляпу, которая попала в лужу грязи. Подняв запачканную шляпу, Гоголь поспешил зайти в ближайший магазин Почапина, где и купил себе другую шляпу. Зайдя, по обыкновению, в книжную лавку купца Антипина, чтобы просмотреть новые журналы и книги, Гоголь оставил там свою запачканную шляпу. Долгое время она хранилась в кладовой семьи Антипина, пока не истлела от сырости. Вариант о том, что калужские купцы грязную шляпу подносили губернаторше Смирновой как ценный сувенир о Гоголе, подобно многому другому, есть чистейший и непростительный вымысел: ничего подобного не бывало, да и калужские купцы, надо полагать, были не так глупы, чтобы решиться на подобное подношение»[67].

В 1873 г. князь Д. А. Оболенский вспоминал: «В первых числах июля месяца 1849 года[68], проездом через Калугу в имение отца моего[69], я застал Гоголя, гостившего у А. О. *Смирновой*, и обещал ему на обратном пути заехать за ним, чтобы вместе отправиться в Москву. Пробыв в деревне недолго, я в условленный день прибыл в Калугу[70] и провел с Гоголем весь вечер у А. О. Смирновой, а после полуночи мы решили выехать. <...> Оттого ли, что неожиданно представилась ему приятная оказия выехать в Москву, куда торопился, или от другой причины, только помню, что весь вечер Гоголь был в отличном расположении духа и сохранил его во всю дорогу. <...> Первая глава <второго тома "Мертвых душ"> была, кажется, совершенно уже отделана, потому что он читал ее за несколько дней до нашего выезда из Калуги А. О. Смирновой. Помню, что А. О. Смирнова была в восхищении от этой главы и говорила, что влюблена в Тентетникова. По возвращении в Москву, Гоголь писал ей и кончил письмо словами: "кланяется вам Тентетников!"[71]»[72].

[1] См. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва.***

[2] Евгений Иванович Барановский, в 1849 г. — один из тринадцати чиновников по особым поручениям при министре государственных имуществ графе П. Д. Киселеве.

[3] См. ***1837. Августа 27–28 <15–16>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы — понедельник. Баден, Карлсруэ.***

[4] См. ***1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Калуга.*** — Ср. ***1851. Июня после 25 — июля не позднее 8. С. Спасское.***

[5] См. ***1852. Марта 6. Четверг. Радонежье (Абрамцево).***

[6] *Стасов Д. В.* Анекдоты и рассказы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 372–373.

[7] «...Стоит, перейдя каменный мост, направиться по прямой линии Загородной улицы в конец города к так называемой губернаторской даче — и перед вами с крутого обрыва откроется нежданно-негаданно вид в полном смысле очаровательный... на далекий, угрюмо-темнеющий сосновый бор и раскинувшуюся вокруг мяг-

ким изумрудным ковром долину речки Яченки. По обе стороны маленькой извилистой речки, сверкающей на солнце точно развившееся серебряное покрывало, пестреют живописно стада, представляющиеся сверху, среди нежной муравы, фантастическим скопищем божьих коровок. Глянешь направо — холмы, пашни, луга, на горизонте — новая зеленая роща, из-за вершин которой задумчиво высматривают святые главы Лаврентьева монастыря. Глянешь налево — в дымке тумана синеет великолепный берег Оки, пленяя глаз своей неясной и широкой далью. Словом, красота и восторг — да и только!» (*Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830).

8 июня 1846 г. И. С. Аксаков писал родным из Калуги: «Вчера Ал<ександра> Осип<овна> <Смирнова> переехала наконец на свою дачу, в загородный сад. Это почти так же от меня близко, как и губернаторский дом. Помещение довольно большое и удобное; с одной стороны балкон выходит на луг, позади которого прекрасный лес; слева Ока, справа виднеется другая речка, монастырь и сады; вид чудесный, тем более, что с этой стороны всегда заходит солнце. С другой стороны огромный сад с темными, тенистыми аллеями, вроде дворцового сада в Москве. Я был у нее вчера вечером... <...> Сидели и братья ее <Л. И. Арнольди и И. О. Россет>. Разговор был интересный, но пустой. Ал<ександра> Осип<овна> получила письмо от Самарина, который пишет, что Гоголь в Париже <см. ***1845. Мая конец <мая средина>. Париж***> . <...> ...Я намерен <...> проехать посмотреть знаменитую Оптину пустынь» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Изд. подгот. И. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 264–265).

В 1902 г. журналист И. А. Баталин (род. в 1844) сообщал: «Дом, в котором проводил лето Гоголь, я помню еще великолепным губернаторским “дворцом”, из которого открывается великолепный вид на луг в углу слияния речки Яченки с Окою и на сосновый “бор”. К дому примыкал огромный загородный сад, ныне совершенно запущенный, а тогда кипевший жизнью, гуляньями с музыкою и “вокзалом”, где устраивались спектакли и танцы» (*Баталин И. А.* Отклики дня // *Свод.* Т. 2. С. 403).

В 1909 г. Н. П. Авраамов также писал: «Калужский Загородный сад в то время занимал собою вдвое большую площадь и представлял из себя прекрасный и вполне благоустроенный тенистый парк, служивший для калужан любимым местом обыденных прогулок и грандиозных праздничных гуляний. Летний дом Загородного сада, сооруженный еще в конце XVIII века для пребывания в нем назначенного на житье в Калугу последнего крымского хана Шагин-Гирея <1745–1787>, потом капитально перестроенный, летний дом во времена Смирновых представлял собою одноэтажное деревянное здание, с двумя крытыми террасами, из которых одна выходит к главной аллее Загородного сада, а другая — к городскому бору, висячим балконом и полукруглой, крытой и застекленной верандой, выходящей на север. В ту же сторону несколько поодаль, находился одноэтажный, с двумя крылечками деревянный флигель, состоявший из нескольких небольших комнат и кухни. Трудно сказать, кто старше: флигель или дом. Но во всяком случае последний не моложе флигеля. В том же виде, как и при Смирновых оба сохранились и поныне, с тою лишь разницей, что флигель по недостатку ремонта пришел в ветхость. Вокруг дома и флигеля разбиты были пышные цветники, а против флигеля между цветниками и садом стояла крытая соломой крохотная детская ферма, служившая для маленьких дочерей А. О. Смирновой местом приятного и полезного развлечения. Здесь они доили коз и упражнялись в молочном хозяйстве» (*Авраамов Н. П.* О пребывании Гоголя в Калуге // *Свод.* Т. 2. С. 404–405).

[8] Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752–1828), поэт. Последние два года прожил в Калуге у дочери, княгини А. Ю. Оболенской, муж которой, князь А. П. Оболенский, был в 1825–1831 гг. калужским губернатором.

[9] См. также ***1849. Июля 29. Пятница. Москва.***

[10] «...По словам старожилов, это был искуснейший врач и редкой доброты человек, лечивший бедных бесплатно и всячески помогавший. Калужане хранят о нем благодарную память, и до сих пор в некоторых лавках вы найдете на стене, в рамке, его литографированный портрет» (*Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830). — См. также ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга.***

[11] «Оказывается, что никакого книгопродавца “Олимпиева” в Калуге не существовало, а был книгопродавец “Антипин”, дед нынешнего благополучно здравствующего калужского книгопродавца Антипина. Справки, наведенные мною по этому поводу, не лишены интереса. Дед нынешнего М. А. Антипина, имеющего на Никитской улице книготорговлю и библиотеку, Иван Фомич Антипин, или, как его попросту звали в Калуге, “Фомич”, несмотря на свое простонародное происхождение, был замечательный для своего времени человек. Торговые дела не помешали ему собрать для себя хорошую библиотеку, живо интересоваться литературой и политикой и даже помещать от времени до времени в петербургских журналах собственные стихи. Сохранилось, впрочем, всего одно из этих стихотворений — “Молитва русских людей”, напечатанное в 1845 г. в “Калужских Ведомостях” и фигурирующее в настоящее время под стеклом в магазине его внука. У последнего также хранится и портрет Фомича — карандашный набросок княжны Трубецкой, большой почитательницы этого умного и оригинального мужика: из мохнатого воротника шубы на вас глядит красивое безусое и моложавое лицо, напоминающее чертами поэта Языкова, а мечтательным взглядом отчасти Жуковского. В 1830 году, когда Пушкин гостил на Полотняном Заводе, в имении Гончаровых, “Фомич”, восторженный поклонник Пушки-

на, подбил своего земляка Абакумова совершить паломничество к Пушкину в день рождения последнего 26-го мая. <...> Пушкин его обласкал, угостил обедом, оставил переночевать и на прощанье подарил свой автограф» (*Щеглов Ив.* Три дня в городе Калуге. (Дорожные заметки) // Новое Время. 1900. 26 сент. № 8830). Составленная И. Ф. Антипиным молитва («Нашей молитве внемли, / Боже, Царя нам храни...») опубликована также отдельным изданием: Молитва русских людей. Сочинение Калужского купеческого сына Ивана Антипина. СПб., 1845 (цензурное разрешение 24 июля). 2 с.

[12] Вероятно, 30 сентября 1849 г. (см. следующее примеч.).

[13] В источнике ошибочно: «Бывши там у всенощной в праздник Рождества Богородицы...» Праздник Рождества Пресвятой Богородицы отмечается осенью, 8 сентября (ст. ст.). Это престольный праздник сохранившейся до настоящего времени церкви в усадьбе Ромоданово, неподалеку от Калуги. Поскольку в первой половине сентября 1849 г. Гоголя в Калуге не было (ср. ***1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Калуга***), то, очевидно, Кулиш неправильно понял слова Смирновой, сообщивший ему, что Гоголь был в *церкви* Рождества Пресвятой Богородицы в Ромоданово (а не в самый храмовый праздник). За всенощной в Ромодановском храме Гоголь мог быть либо в субботу 16 или 23 июля (ст. ст.) 1849 г., либо (что более вероятно, поскольку «церковь убрана была зеленью») во вторник 19 июля (ст. ст.) — накануне Ильина дня (память св. пророка Илии совершается 20 июля).

[14] Судя по воспоминаниям Л. И. Арнольди, чтения проходили не в Бегичево, а в Калуге.

[15] Позднее Смирнова привела еще ряд подробностей к содержанию этой главы (см. ниже воспоминания ее брата Л. И. Арнольди). Одним из прототипов Чеграновой (Чаграновой, Чагравиной) послужила Гоголю сама Смирнова (см. ***1837. Июля около 15 — августа не позднее 27–28 <июля около 3 — августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден***).

[16] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6 (Крестопоклонное воскресенье). Москва, Ржев, Москва.***

[17] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 221–223.

[18] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 240.

[19] Л. И. Арнольди.

[20] Ферапонтов Николай Игнатьевич, московский книготорговец, букинист. «Гоголь ходил почти всякий день в лавку Ферапонтова на Никольской, более для приятной беседы. Ферапонтов говорил каким-то вычурным языком» (*Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 291).

[21] Так грустен и спокоен (*англ.*).

[22] См. ***1849. Января 26. Среда. Калуга.***

[23] П. А. Кулиш, в частности, сообщал: «...А. О. С<мирно>ва заметила, что Улинька, дочь генерала, немножко идеальна. Он тотчас *записал карандашом на поле страницы*: "А<лександра> О<сиповна> находит, что Улинька немножко идеальна", и, верно, уничтожил впоследствии эту идеальность» (*Кулиш 1856.* Т. 2. С. 228; курсив наш. — *И. В.*). В сохранившемся автографе второго тома поэмы указанная запись, однако, отсутствует, хотя, несомненно, что Гоголь читал в Калуге Смирновой главы второго тома именно по этой рукописи.

[24] Подробнее об этом см.: ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания). — См. также ***1851. Января 24. Среда. Одесса*** (примечания).

[25] Петр Симон Паллас (1741–1811), путешественник и натуралист, академик Петербургской Академии наук, автор «Флоры России» (Т. 1–2; 1784–1788). Сохранился обширный конспект Гоголя книги Палласа «Путешествие по различным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» (СПб., 3 ч. в 5 т. 1773–1788) (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 351–511; *Карташов В. С.* Неопубликованная выписка из книги П. С. Палласе о Даурском крае Н. В. Гоголя // Вопросы филологических наук. 2013. № 5. С. 9–11). Составленный Гоголем конспект находится в связи с примечанием Н. М. Карамзина к первой главе первого тома «Истории государства Российского». Затрагивая в связи с вопросом о происхождении славян гипотезу о давнем азиатском происхождении всех народов, Карамзин приводил в подтверждение этого мнения отрывок из труда шведского ботаника К. Линнея, считавшего Сибирь колыбелью послепотопного человечества: «Потоп истребил людей, и ковчег Ноев, как сказано в Св. Писании, остановился на горе Араратской, откуда цепь гор идет к Сибири и Татарии, странам высочайшим <...> Сии места долженствовали казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснейшими для обитания, и Бог произвел там хлеб, которым более всего питается человек вне тропиков и который (что известно ботаникам) растет *дикий* в одной России восточной. Гейнцельман нашел в степях башкирских пшеницу и ячмень. Жители сибирские пекут хлебы из дикой ржи. Следственно можно заключить, что Сибирь была первым отечеством Ноевых потомков» (т. 1, примеч. 33).

В конспекте Гоголя книги Палласа, путешествовавшего по Сибири, внимание привлекают, во-первых, не раз встречающиеся упоминания о следах «давнишнего всемирного наводнения», а во-вторых, многочисленные сведения о различных полезных растениях, среди которых «дикая сибирская пшеница», «дикая рожь» («...урожается <...> как будто посеянная»), «дикий овес», «греча дикая» и др. Подчеркнута и удивительная пригодность края к земледелию.

Мысль о происхождении древнейших народов из Азии была близка Гоголю еще в 1830-х гг. В статьях «Жизнь», «Мысли о географии», «О преподавании всеобщей истории», «О движении народов в конце V века», «Обозрение всеобщей истории» он писал о «великой Азии» с первобытными «народами-пастырями» как «народовержущем вулкане», «колыбели» человечества, и об Арарате как «древнем прапращуре земли». «Так как горы сообщили форму всей земле, — замечал он, — то познание их должно составить <...> начало всей географии» («Мысли о географии»); «География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории» («О преподавании всеобщей истории»); «Многое в истории разрешает география» («Взгляд на составление Малороссии»). В те же годы книга Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства...» появляется (среди других «путешествий по России» — И. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, Н П. Рычкова, С. П. Крашенинникова, В. М. Севергина и др.) в списке книг, составленном Гоголем по «Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (СПб, 1828). Неоднократно имя Палласа встречается и в гоголевских подготовительных материалах начала 1840-х гг.: «Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина» (записная книжка 1841–1844 гг.); «Лепехин, Паллас, Краше<ни>нников» («Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» М. П. Погодина; см.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 735).

Можно догадываться, что творческие планы Гоголя тесным образом переплетались с его интересом к тому периоду прошлого, который он называл в 1830-х гг. «совершенно потерянным для истории»: «Более семи тысяч лет прошло от создания первых двух человеков и около половины этих лет совершенно потеряно для истории. Только с появлением первых обществ (слишком за 2000 до Р. Х.) получаются начальные сведения о человечестве» (отрывок «Введение в древнюю историю»).

[26] Иоганн Георг Гмелин (1709–1756), путешественник и натуралист, академик Петербургской Академии наук. В сентябре-октябре 1851 г. Гоголь, возвращая С. П. Шевыреву книгу Гмелина «Путешествие по Сибири в 1733–1743 гг.» и испрашивая у него пять томов «Путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» Палласа, писал: «Мне нужно побольше прочесть о Сибири и о северо-восточной России» (см. ***1851. Сентябрь-октябрь. Москва***).

[27] См. ***1849. Октября 20. Четверг. Москва***.

[28] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка***.

[29] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).

[30] См. ***1851. Октября 31. Среда. Москва***.

[31] См. ***1851. Июля не позднее 25–26. С. Троицкое (Кагулово, Зенино), Московского уезда Московской губернии***.

[32] Не зная движения назад (*фр.*).

[33] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 267–268, 272, 274.

[34] В 1833 г. Кс. А. Полевой писал о 1812 годе: «Говорят об ожесточении крестьян, о народной войне: но ничего этого не было. Может быть на протяжении пути Французов, и с окрестностями Москвы, где прожили они довольно долго, несколько *десятков*, и едва ли *сотен* мужичков, оказали сопротивление фуражирам и мародерам; но разве это значит народная война? Русские Дворяне и Купцы сделали великие пожертвования, но не прежде как при воззвании своего Монарха. Из Москвы бежали, в Петербурге готовились к бегству, но сопротивления народного не было никакого. Как <...> не отдать всей справедливости бессмертным мужам, спасителям России: Александру, мужественному, непоколебимому противнику Западного исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю де Толли?» (<*Полевой Кс. П.*> *К. П.* Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов. Сочинение Сира Вальтер-Скотта. Перевел с Английского С. де Шаплет. СПб., 1831 и 1832 гг. 14 т. in-12 // Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1833. Ч. 51. № 9. Май (цензурное разрешение 27 июня). С. 138–139). 20 февраля 1835 г. Гоголь, имея в виду это высказывание Кс. Полевого и побуждая М. П. Погодина к более деятельному участию в издании «Московского Наблюдателя», писал: «Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем». В письме к другому пайщику «Московского Наблюдателя», С. П. Шевыреву, Гоголь также замечал: «Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков» (письмо от 10 марта 1835 г.).

[35] Объяснением, пущенным в ход самим Наполеоном, будто бы его армия потерпела поражение в России вследствие «холодов», в свое время был возмущен Д. В. Давыдов, посвятивший этому вопросу отдельную статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», опубликованную в 1835 г. в т. 10 «Библиотеки для Чтения».

[36] См. ***1851. Июля не позднее 25–26. С. Троицкое***.

[37] Воспоминания Л. И. Арнольди в записи П. И. Бартенева // *Свод*. Т. 2. С. 373.

[38] Речь идет о Н. М. Смирнове, муже А. О. Смирновой (рожд. Россет). Другой зять Арнольди — князь Петр Сергеевич Оболенский (род. в 1817), муж Ольги Ивановны Оболенской (рожд. Арнольди) (1824–1851), сестры Л. И. Арнольди и Смирновой, — умер в 1851 г. (т. е. до того, как Арнольди написал воспоминания). Смирнов прожил до 1870 г.

[39] Сохранившиеся лекции и материалы Гоголя по истории опровергают это суждение мемуариста.

[40] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель, писатель» (1840).

[41] Кауфер (*фр.* coiffeur) — парикмахер.

[42] См. ***1829. Сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[43] Все мое всегда при мне (*лат.*).

[44] См. ***1844. Июня конец <июня средина>. Франкфурт-на-Майне***.

[45] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт***; ***1849. Май — июня первая половина. Москва***; ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***; ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса***; ***1852. Февраля 12. Вторник. Второй день Великого Поста. Москва*** (свидетельство А. Т. Тарасенкова); ***1852. Мая 7. Среда. Москва***.

[46] Подразумевается С. П. Шевырев.

[47] См. ***1839. Декабря конец — 1840. Не позднее начала мая. Москва***.

[48] Вероятно, к этому эпизоду поэмы относится набросок в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг., озаглавленный «Он вспоминал» (*РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 19). Здесь описывается подвиг георгиевского кавалера (за Бородино) ефрейтора лейб-гвардии пехотного Финляндского полка флангового гренадера Леонтия Коренного на поле «битвы народов» под Лейпцигом в атаке на селение Гроссу в октябре 1813 г. На теле ефрейтора после битвы французы насчитали 18 штыковых ран. Подвиг Леонтия Коренного был отмечен в наполеоновском приказе по армии, и он вскоре был отпущен из плена. Гренадер стал героем песни лейб-гвардии Финляндского полка: «Мы помним дядю Коренного...» и был сразу же произведен в подпрапорщики с назначением знаменосцем полка. Существует гравюра «Подвиг гренадера Коренного под Лейпцигом в 1813 г.» (*Гуминский В. М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. № 3. С. 216–217).

[49] Немецкий мистик И. Г. Юнг-Штиллинг (популярность которого в России в начале XIX в. объяснялась его негативной оценкой антихристианского духа французской революции 1789–1799 гг., наряду с таким же негативным отношением к личности Наполеона; см. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург***), в частности, писал: «Россияне храбро сражались за свое Отечество: однако им трудно было, а может быть, и совсем невозможно было бы победить толь сильного и наглого врага. Но чего не могли *они*, то сделал *Господь*. Он послал ветер с Севера со всеми его казнями, и развеял уцелевший от голода и морозов малый остаток скопища сего...» (Угроз Световостоков, сочинение Иоанна Генриха Юнга, называющегося иначе Генрихом Штиллингом. Ч. 8. <Кн. 29–30>. СПб.: В Морской Типографии, 1816. Ч. 30 («писана 1816 года»; цензурное разрешение 24 июня 1816). С. 98).

[50] См. также ***1851. Июля не позднее 25–26. С. Троицкое (Кагулово, Зенино), Московского уезда Московской губернии*** (свидетельство князя Д. А. Оболенского).

[51] Об авторском чтении *девяти* глав второго тома «Мертвых душ» см. также: ***1849. Июля конец. Москва***; ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва***; ***1851. Августа 20–24. Понедельник-пятница. Москва***.

[52] См. ***1851. Августа 20–24. Понедельник-пятница. Москва*** (примечания).

[53] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 2. С. 382–390.

[54] См. ***1851. Сентября 24 и 25. Понедельник и вторник. Оптина Пустынь*** (примечания).

[55] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 2. С. 376–377.

[56] Л. И. Арнольди.

[57] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 238–239.

[58] Преосвященный Николай (Соколов, 1780–1851), епископ Калужский и Боровский.

[59] *Смирнова А. О.* <*Автобиография*> // *Свод*. Т. 2. С. 281.

[60] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод*. Т. 2. С. 312.

[61] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***.

[62] *Шенрок В. И.* <Объяснения О. Н. Смирновой к письмам ее матери А. О. Смирновой Гоголю (1890)> // *Свод*. Т. 2. С. 306.

[63] <Воспоминания графа А. К. Толстого, А. М. Жемчужникова и графа А. П. Толстого, записанные П. А. Кулишом> // *Свод*. Т. 2. С. 399.

[64] *Щеглов Ив.* Три дня в Калуге. (Дорожные заметки) <1900> // *Свод*. Т. 2. С. 401–402.

[65] Видимо, из дворовых слуг Смирновой. Своего мальчика-слугу С. Григорьева Гоголь вывез из Васильевки только в 1851 г. (см. ***1851. Мая 22. Вторник. Васильевка***).

[66] См. ***1848. Января 26. Среда. Калуга*** (примечания).

[67] *Авраамов Н. П.* О пребывании Гоголя в Калуге // *Свод*. Т. 2. С. 405.

[68] После 8–9 июля 1849 г.

[69] Князь Александр Петрович Оболенский (1780–1855), сенатор, калужский губернатор в 1825–1831 гг. О жене князя А. П. Оболенского, матери князя Д. А. Оболенского, княгине Аграфене Юрьевне Оболенской (рожд. Нелединской-Мелецкой, 1789–1828) А. О. Смирнова 14 января 1846 г. сообщала Гоголю из Калуги: «Была здесь в старину княгиня Оболенская, дочь Нелединского, которая здесь и скончалась. Все сословия, начиная от нищих и до самых богатых, купцов и дворян, все единодушно по ней плакали. Она умерла тому лет

15, но память ее так жива во всех сердцах, что беспрестанно я слышу что-нибудь новое на ее счет. Муж ее был губернатором и очень посредственного ума; она ни во что не входила, но меж тем имела на всех самое благодетельное влияние. Она не завела ни одной школы, ни одного приюта и не собирала податей для нищих, а все повторяют в больницах, богадельнях, тюремных замках и в духовенстве: "Нет, уж не будет более второй княгини Оболенской!"». В статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...Княгиня <...> О***, бывшая <...> губернаторшей в том же вашем городе К***, не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде дальше своего города, не имела даже никакого влияния на своего мужа и не входила ни во что, собственно правительственное и официальное, а между тем доныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купца до последнего бобыля, до сих пор еще повторяет: "Нет, не будет другой никогда княгини О***!"».

[70] Во второй половине июля, до 26 числа.

[71] См. ***1849. Июля 29. Пятница. Москва.***

[72] *Оболенский Д. А., князь.* О первом издании посмертных сочинений Гоголя // *Свод.* Т. 3. С. 686.

ИЮЛЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

В. И. Белый отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Того дня, в которой я имел счастье получить строки Ваши, я до того был хвор, что не мог выйти из квартиры, но, прочитав их, почувствовал облегчение и страдание души много уменьшилось. <...> А между тем во мне происходило что-то уже особенное, ибо после моего скорописательства я так было раскозырялся о правде (я знаю, что за правду страдал и Чичиков), что чуть-чуть было не лишился первой половины моего титула, т. е. службы; но, слава Богу, дело выходит так, что и она-таки за меня держится. Кажется, неясно сказал я в первом письме: попал в разряд приказных, сиречь, служу только приватно с ними, но настоящее звание мое: купеческий сын, бедный сын. <...> ...Просьба о душевном обстоятельстве, хотя высказана в простоте сердца (я не хотел скрывать ничего, ибо Вы добиваетесь правды), но не даром — вот почему: когда я читал в первый раз "Выбран<ные> места из пер<еписки> с друз<ьями>" и только дошел до указанного мною места, то в ту минуту я помирился сам с собой; за это обязан Писателю более чем вечною благодарностью. <...>

Теперь мне попалась книга стар<ого> изд<ания> соч<инений> Карамзина. Как я жалею, что до сих пор ничего еще не читал из Карамзина, но я в том не виноват, ибо хотел читать многое... Из этой книги я понял, от чего у меня такой впечатлительной характер, как я силился высказаться в перв<ом> письме. Оттого, думаю, что я целую мою жизнь нахожусь в том деловом круге людей, которые ничего мне не говорили такого, не говорил и я, а было иногда по душе сказать[2], так, хоть бы сказать — вот эту малороссийскую песенку:

— Сыдыть козак на стырни,
Постолы латае;
Стырня его в ногу коле,
А-вин іи лае.

Потом прибавить:

— Какая полная, какая живая картина в этом кусочке слов. Ну, что если б древнему греку удалось сложить такую песенку, сколько бы теперь было крику и беды перьям.

— А какая убийственно грустная музыка в песне малорос<сийского> чабана: "Тирю, бирю..." Это! — отходная по душе человека! Это! Не сочинить итальянцу такой сильно-печальной музыки, не сочинить. <...>

Если же я сталкивался с теми людьми, которые умеют так картинно натягивать перчатки и так бесподобно произносить имя человека — чеаэк! — то видел или благородное ко мне презрение, как и следует по всем правам мужику-мещанину, — или, напротив, добродушие, похожее на то снисхождение, которое мужик сапожник оказывает деревенскому мужику же: "Ны дывысь, шо я швец! а говоры зо мною, як з простым". А от того, вижу теперь, рванулась у меня, ничтожного человека, решимость отозваться на высокое воззвание Ваше. Но зачем я все это написал? Стаю на колени

и произношу: "Учитель!.. Писатель!.. Простите, что я осмелился еще раз писать Вам письмом — я знаю, что это дерзость с моей стороны — не позволю больше себе этого счастья, не позволю; простите хоть потому, что от этого я делаюсь лучшим и горе свое чувствую легче, легче. Простите. Прощайте..." <...> Знаю, чувствую, что Писателю очень пренеприятно иметь малейшие отношения черт-знает с кем; а потому я всепокорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не стеснять себя ответом; но, если можно, сделать для меня милость, поручите кому милость прислать мне один конверт с адресом, что будет весточкою о получении и сего моего письма[3]... <...> Пока все это я дряпаю[4] — ничего, но когда окончу и подумаю, куда оно полетит — просто боюсь; но ободряют советом малороссиянина: "Роби, як Днипр робе"».

[1] См. ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва.***

[2] Или спросить бы у кого: «Где можно найти что-нибудь об украинском философе Сковороде? И от чего происходит слово — ум?» Я себе взял в голову, не от Еврейского ли Умен — Аминь (примеч. В. И. Белого).

[3] В принадлежавшем Белому экземпляре «Выбранных мест из переписки с друзьми» сохранился вырезанный из конверта листок с его адресом, написанным рукой Гоголя.

[4] Дряпать — царапать.

ИЮЛЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает брату Ивану:

«Гоголь, которому сообщили мы некоторые известия об Ярославской губернии[1], говорит, что для него в ней мало будет интересного. Он уехал уже теперь в Калугу. Ал<ександра> Осип<овна>[2] была здесь... <...> Хомяков возмутился очень твоими известиями о народе, о перемене платья и очень убедительно советует тебе воспользоваться возможностью подать об этом отчет».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 870.

[1] Наблюдения И. С. Аксакова о положении раскольников в Ярославской губернии.

[2] Смирнова.

ИЮЛЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Двадцатилетний Н. Г. Чернышевский накануне своего дня рождения (12 июля) записывает в дневнике:

«Должен написать что-нибудь о своих мнениях и отношениях.

1. Религия. Ничего не знаю; по привычке <...> верую в Бога и в важных случаях молюсь Ему, но по убеждению ли это?— Бог знает. <...>

2. Политика. а) Теория — красный республиканец и социалист... <...> б) Практика — друг венгров, желаю поражения там русских... <...>

3. Наука. — Занимаюсь Нестором... <...>

4. Литература. Теперь ничего нет в голове; поклоняюсь Лермонтову, Гоголю, Жоржу Занду более всего».

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 297.

ИЮЛЯ 12. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет письмо к сыну в Москву[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1849. Июля 30. Суббота. Москва.***

ИЮЛЯ 13. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ИЮЛЯ 14. ЧЕТВЕРГ. ПАВЛИНО

Графиня Анна М. Виельгорская пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю:

«Не знаю, любезный Николай Васильевич, как благодарить вас за вашу неожиданную посылку, которая так кстати явилась. Сестрицы[2] почти вскрикнули от радости, увидевши ее. Они теперь составляют травник и очень желали узнать все русские названия растений, в чем никто почти не мог им помогать, и вот, к счастью, вы вздумали нам прислать именно ту книгу, которая нам была нужна. Сестрицы уж давно искали русское сочинение о ботанике, но до сих пор без малейшего успеха; они не понимают, как не узнали об этих тетрадях, которые вы прислали. Вы ошибаетесь, думавши, что я занимаюсь ботаникой; она меня вовсе не привлекала еще недавно, но с некоторого времени она вдруг показалась мне интересной, и я решилась заняться познаньем растений, особливо цветов, которых[3] я всегда так любила. Меня останавливает покамест мысль, что я за слишком многим[4] берусь вдруг. Рисование, чтение, музыка и извлечения из читаемых книг уж занимают у меня целый день. Все-таки я не могу решиться совсем отдать сестрицам ваши тетради. Пусть они употребляют их сколько хотят, но чтоб непременно возвратили их бы мне, когда я их потребую: вот какой я эгоист!.. <...> Погода теперь прекрасная, и в хорошую погоду Павлино, в самом деле, прекрасное место. <...> ...Не оставляйте вашего намерения посетить северо-восточные губернии России. <...> Может быть, вы и к нам заедете, и знаете, с каким искренним удовольствием вас примут здесь. <...> Кстати напишите мне, сколько я вам теперь должна за все ваши благодеяния»[5].

[1] См. ***1849. Июля начало. Москва.***
[2] А. М. Веневитинова и графиня С. М. Соллогуб.
[3] Так в источнике.
[4] Так в источнике.
[5] Ответ Гоголя см.: ***1849. Июля 30. Суббота. Москва.***

ИЮЛЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЛИВАНСКИЕ ГОРЫ

К. М. Базили, получив доставленное ему князем П. А. Вяземским письмо Гоголя из Остафьево[1], пишет в Москву ответ Гоголю:

«Благодарю тебя, добрый друг мой Николай Васильевич, за твое участие — не скажу в навестившем меня горе, но в разрушении судьбы моей. Горе — доля наша. <...> Ты знаешь, что я уже был испытан смертью первого моего сына. Горе наше нужно человеку для морального его воспитания. <...> Но в положении моем горе — последняя вещь. <...> Недовольно того, что я осужден дикому одиночеству, да еще на чужбине, но на мне же лежит забота о трех ребенках и ответственность за них перед Богом. Сыну моему старшему, любимцу твоему Саше[2], не было и трех лет, когда он остался сиротою. Маше было полтора года, а новорожденной дочери, которой впоследствии дано имя матери, было 14 дней. Это было в первых числах ноября, именно в Михайлов день[3], в тот день и в тот час, когда за три года перед тем отходил в моих руках мой сын Михаил. Мы прибыли сюда благополучно[4] через все холерное пространство от севера до Сирии. Месяц спустя она родила так

же благополучно, как и в прежних родах. Затем, несколько дней спустя, обнаружились первые симптомы, которые всех нас и доктора нашего беспокоили, а ее только одну обманывали и радовали обилием молока. Полна материнского чувства, коими, так благоразвивается характер женщины, она гордилась тем, что могла сама кормить своего ребенка и не понимала сопротивления моего и доктора нашего, и слышать не хотела о кормилице. В этих разговорах провели мы вечер 7-го числа. Все это было обманом нервным и обилие молока было гибельным. После обеда она призвала к себе старших ребенков, порадовалась их лепету, поиграла с ними, затем перекрестила их и послала ложиться. Затем насильно заставила меня идти в свою комнату ложиться, а я от беспокойства уже был в лихорадке несколько дней. Забыл я тебе заметить, что дети страдали страшным коклюшем и что все было мрачно кругом. Когда я вышел, простившись с нею, она стала раздеваться, стала, как всегда, на колени перед изголовьем, перекрестилась, и когда совсем хотела лечь, видно затемнело в глазах: при ней были нянька и горничная; она сказала им по-гречески: "поддержите; не вижу" — это было последнее слово. Я прибежал, принял последние ее дыханья, думая, что только был обморок. И все так думали. Прибежали доктора, дамы знакомые. Мы делали всякие опыты, а она, вероятно, жалела о нас. Вот точь в точь ее последние минуты, о чем ты так добродушно спрашиваешь. Ты знал ее, как немногие только знавали и как немногих сам ты знавал. <...> Указываешь на Того, Кто испытует, карает и милует по премудрости Своей. Знаешь ли, заслуживаю ли я поднять око слепое на Него? Знаешь ли, что в ту ночь, после полуночи, когда все кроме меня думали, что то был не обморок, а смерть, когда жена сардинского консула стала ее одевать и когда убедили меня в истине, знаешь ли, что было первой моей мыслью, которую я с хохотом тогда же объявил всем во всеуслышанье. А вот что было: до сих пор я был так глуп, что верил в бессмертие души, будто бессмертная частица Бога так мгновенно, так неожиданно отходит. Я сам хоронил ее и, поверь, во все это время, среди всех обрядов и верить не хотел в бессмертие души и все об этом грезилось мне. Ужели так строго еще в этой жизни наказан за слабоверие. Если дано мне направить хоть первые годы морального воспитания детей, то непременно сделаю их верующими до суеверия, слепо, сколько от меня будет зависеть. Уже сын лепечет молитвы и постоянно слушает обедни, а живем, знаешь, в монастыре, летом — на Ливане.

Тем ли, думаешь, кончились мои испытания? Бог ее ради только даровал семейству моему радости. Когда ее не стало, вот что случилось: дети были больны коклюшем; это — мучительная болезнь, но не слишком опасна; нужны только заботы. Затем ровно 1-го января, т. е. с 31-го на 1-е, когда полмира пирует, в Александре обнаружилось воспаление легких. Семь дней сряду держал я его в своих руках, чтобы усладить последние его минуты, ибо надежды не было никакой. Бог, однако, его спас. Но болезнь продолжалась всю зиму и еще до сих пор он не оправился. Так провел я это время. С дочерьми я принужден был расстаться во все время болезни сына. Добрые знакомые наши дамы силою взяли их из дома моего. Весною съездил я на покаяние, в Иерусалим, морем, ибо сухопутно было некогда, и более недели отлучаться от детей я не смел. Затем поспела ко мне младшая сестра, чтобы кое-как устроить меня и детей. Теперь все обстоит благополучно. Родственники и мои и ее непременно хотят, чтобы я покинул этот край. Но мною овладела лень такая и такая нерешительность, что я совсем лишен способности сочинять новые планы в будущем. Куда мне теперь переводиться с тремя ребенками, да какое влияние возымеет на них перемена климата? Да мне самому куда тащиться? Если что-нибудь еще может быть для меня приятным, так это лень и совершенное бездействие по целым суткам. Может быть, усовершенствуюсь со временем тем, что приучу и самый ум к бездействию, т. е. его-то вон, всякую мысль и тем дам отдых мозгу. Оставим это, брат Гоголь, и поговорим о другом. Соберись, брат, с духом да приезжай сюда, поживи годик у меня. Не похвалюсь приятностью моего дома; но дам тебе жизнь в покое, как медведю в берлоге, пожалуй если пожелаешь одиночества, нигде такого не вкусишь, да все-таки по нескольку часов в сутки проведем вместе, говоря или молча. Вскоре перебираюсь в новопостроенный великолепный дом. Два года план этого дома готовил я с тою, которая теперь живет в другом мире, не в каменных палатах. Тьфу, брат, как пошлы все романы и все трагедии, где плаксы оплакивают своих возлюбленных. То ли смерть матери моих детей, того существа, с которым пять лет сряду я привык жить и мыслить и чувствовать заодно? В ее бумагах нашел я два твои письма: они хранились с письмами моими, матери и сестры ее. Да кстати, куда я адресую это письмо. Ты отметил, в своем письме

4 <5> июня, а откуда оно писано, Бог знает. Все тот же ты и счастлив ты. Поручу Халчинскому отыскать тебя, но если письмо это опоздает, не гневайся на твоего Базили».

[1] См. ***1849. Июня 5. Воскресенье. Москва, Остафьево.***

[2] «Александр Константинович Базили, несколько лет состоявший русским консулом в Вене (до того времени в Пеште), ныне он занимает высокий пост в Петербурге» (примечание В. И. Шенрока: *Шенрок.* Т. 4. С. 772).

[3] Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных 8 ноября (ст. ст.).

[4] 27 октября 1848 г. архимандрит Порфирий (Успенский) писал Базили из Иерусалима: «Радуюсь, что вы в вожделеном здравии возвратились с севера на восток» (Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 257.)

ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 26[1]. КАЛУГА, МОСКВА

Гоголь вместе с князем Д. А. Оболенским возвращается из Калуги в Москву[2]. По приезде в Москву получает[3] письма от матери[4] из Васильевки и от графини Анны М. Виельгорской[5] из Павлино; надеясь встретиться с Я. К. Гротом, наносит новый[6] визит в дом Д. С. Протопопова, где проживал ранее Грот (последний незадолго перед тем выехал из Москвы)[7].

В 1873 г. Оболенский вспоминал: «...Гоголь был в отличном расположении духа и сохранил его во всю дорогу. Живо справил он свой чемоданчик, заключавший все его достояние, — но главная забота его заключалась в том: как бы уложить свой портфель так, чтобы он постоянно оставался на видном месте. Решено было поставить портфель в карете к нам в ноги, и Гоголь тогда только успокоился за целость его, когда мы уселись в дормез и он увидел, что портфель занимает приличное и безопасное место, не причиняя, вместе с тем, нам никакого беспокойства.

Портфель этот заключал в себе только еще вчерне оконченный *второй* том "Мертвых душ". (Первая глава была, кажется, совершенно уже отделана[8]... <...>)

Читатели моего поколения легко могут себе представить, с каким чувством возбужденного любопытства смотрел я всю дорогу на этот портфель.

Чем был для молодых людей нашего поколения Гоголь — о том с трудом могут судить люди новейшего времени. (Некоторые позднейшего времени статьи о Гоголе могут служить доказательством, какая бездна отделяет понимание Гоголя новейшими критиками от того непосредственного, живого и могучего влияния, которое Гоголь действительно имел на нравственное развитие современной ему молодежи. Здесь не место протестовать против странной оценки социальных и политических убеждений Гоголя; здесь не место разбирать, кто из современных писателей глубже и шире относится к жизненным вопросам общества. Скажу только, что поколение, выработавшее и осуществившее все реформы последнего десятилетия, воспитано Пушкиным и Гоголем и приготовлено их нравственным влиянием к деятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкин, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформе и не переносили на русскую почву социального бреда иноземных мыслителей.)

Я принадлежал к числу тех поклонников таланта Гоголя, которые и после издания его "Переписки с друзьями" не усомнились в могучей силе его дарования.

Из рассказов графа А. П. Толстого[9], которому Гоголь читал еще вчерне отрывки из 2-й части "Мертвых душ"[10], я уже несколько знал, какой серьезный оборот должна принять поэма в окончательном своем развитии. Письма самого Гоголя о "Мертвых душах"[11] подготовляли также публику к чему-то неожиданному. Все это усиливало мое любопытство, и я, пользуясь хорошим расположением духа Гоголя и скверной дорогой, мешавшей нам скоро уснуть, заводил на разные лады разговор о лежащей в ногах наших рукописи. Но узнал не многое. — Гоголь отклонял разговор, объясняя, что много еще ему предстоит труда, но что черная работа готова и что, к концу года, надеется кончить, ежели силы ему не изменят. Я выразил ему опасение, что цензура будет к нему

строга, но он не разделял моего опасения, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни с книгопродавцами, так как он имел намерение, прежде выпуска 2-й части "Мертвых душ", сделать новое издание своих сочинений.

К утру мы остановились на станции чай пить. Выходя из кареты, Гоголь вытащил портфель и понес его с собою, — это делал он всякий раз, как мы останавливались. Веселое расположение духа не оставляло Гоголя. На станции я нашел штрафную книгу и прочел в ней довольно смешную жалобу какого-то господина. Выслушав ее, Гоголь спросил меня:

— А как вы думаете, кто этот господин? Каких свойств и характера человек?

— Право не знаю, — отвечал я.

— А вот я вам расскажу. — И тут же начал самым смешным и оригинальным образом описывать мне сперва наружность этого господина, потом рассказал мне всю его служебную карьеру, представляя даже в лицах некоторые эпизоды его жизни. Помню, что я хохотал, как сумасшедший, а он все это выделывал совершенно серьезно. За сим он рассказал мне, что как-то одно время они жили вместе с Н. М. Языковым (поэтом) и вечером, ложась спать, забавлялись описанием разных характеров и за сим придумывали для каждого характера соответственную фамилию. "Это выходило очень смешно", — заметил Гоголь и при этом описал мне один характер, которому совершенно неожиданно дал такую фамилию, которую печатно назвать неприлично, — "и был он родом из грек!" — так кончил Гоголь свой рассказ.

Утром, во время пути, при всякой остановке выходил Гоголь на дорогу и рвал цветы[12], и ежели при том находились мужик или баба, то всегда спрашивал название цветов; он уверял меня, что один и тот же цветок в разных местностях имеет разные названия и что, собирая эти разные названия, он выучил много новых слов, которые у него пойдут в дело.

За несколько станций до Москвы я решился сказать Гоголю:

— Однако, знаете, Николай Васильевич, ведь это бесчеловечно, что вы со мной делаете. Я всю ночь не спал, глядя на этот портфель. Неужели он так и останется для меня закрытым?

Гоголь с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

— Еще теперь нечего читать; когда придет время, я вам скажу.

Мы расстались с Гоголем в Москве. Я отправился в Петербург и от друзей Гоголя часто получал известия, что Гоголь усердно работал. Зиму 1851 года Гоголь провел в Одессе, откуда вернулся в июле месяце в Москву и привез с собою уже совершенно оконченный 2-й том "Мертвых душ"»[13].

[1] См. ***1849. Июля 26. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (воспоминания князя Д. А. Оболенского).

[3] См. ***1849. Июля 30. Суббота. Москва.***

[4] См. ***1849. Июля 12. Вторник. Васильевка.***

[5] См. ***1849. Июля 14. Четверг. Павлино.***

[6] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец.***

[7] См. ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс.***

[8] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[9] См. также ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва.***

[10] В декабре 1848 — первой половине 1849 г. (см. ***1848. Декабря после 5 — 1849. Июнь. Москва***).

[11] Имеются в виду «Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

[12] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[13] *Оболенский Д. А., князь.* О первом издании посмертных сочинений Гоголя // *Свод.* Т. 3. С. 686–687.

ИЮЛЯ 26. ВТОРНИК. МОСКВА

Слуга А. О. Смирновой записывает на отдельном листе:

«Александра Иосифовна
Смирнова.
Переехали на квартиру к Георьгию на распольня в Георьгеевском переулки в доме *Салтыкова*».

На обороте записки слуга добавил:

«Июля 26-го дня. *Приезжали.*
— Иван Александрович Фонвизин. —
Князь Оболенской»[1].

Записка сохранилась в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.

[1] Вероятно, князь Д. А. Оболенский (см. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва***).

ИЮЛЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет А. О. Смирновой письмо в Калугу:

«Так как Лев Иваныч[1] не отыскал для вас "Домостроя"[2], то посылаю вам свой экземпляр. Книга называется "Временник", а "Домострой" помещен в ней посередине. Можете его, вырвавши, переплести особо. Мне очень грустно было отъезжать от вас. Я жалею, что приехал к вам рано. Нужно было мне приехать месяц спустя [после того], чтобы вы <в> Калуге хорошенько обжились. Я бы тогда [приехавши в другой раз] прожил дольше[3], может быть. Напишите строчки три. Я всё еще просыпаюсь с мыслью, что я в Калуге, и всё мне кажется, что обедать буду с вами, но вместо Кристофора[4] является с приглашеньем к обеду Иван и тем напоминает мне, что я в Москве. Адресуйте письма по-старому в дом Талызина на Никитском булеваре. Хотя я и поеду через недели полторы колесить снова, но письмо найдет меня. <...> Кланяется вам Тентетников. Обнимите всех домочадцев».

По свидетельству О. Н. Смирновой, Гоголю «часто посылали книги из своей библиотеки Н. М. и А. О. Смирновы, преимущественно старинные русские издания»[5].

[1] Арнольди, брат Смирновой.
[2] См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания); ***1849. Март — июля начало. Москва***.
[3] Около трех недель Гоголь прожил в Калуге у Смирновой осенью того же года (см. ***1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Калуга***).
[4] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (свидетельство А. О. Смирновой).
[5] <Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод*. Т. 2. С. 362.

ИЮЛЯ 30. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответные письма матери[1] в Васильевку и к графине Анне М. Виельгорской[2] в Павлино, с вложением письма к ее сестре, графине С. М. Соллогуб.

Из письма к матери: «По возвращеньи в Москву[3] получи<л> ваши письма от 12 июля. Очень жалел, что дожди у вас так сильны и мешали до сих пор хлебной уборке. Уведомьте, как теперь: удалось ли собрать и спасти хотя половину? Адресуйте письма по-старому в Москву. Я хоть и поеду еще кое-куды в окрестности, но не надолго. Здоровье покуда порядочно».

Из письма к Виельгорской: «Я ездил взглянуть на некоторые губернии поблизости Москвы, был в Калуге, где прогостил несколько дней у Александры Осиповны[4]; возвратился снова на короткое время в свою уединенную комнатку в Москве и увидел на столе письмо. С радостью узнал, что оно было от вас, а еще с большею, что подарок мой пришелся кстати. Не удивляйтесь тому, что вам никто не мог указать на сочинение, которое я вам послал. Русские никогда не знают, что существует на русском языке. Обращайтесь с расспросами по этой части ко мне, а не к кому другому. Нынешняя книга оказалась более нужною сестрицам вашим. Но, может быть, прочие будут нужны для вас. Так как Софья Миха<й>ловна[5] и Аполлина Миха<й>ловна[6] занимаются собираньем <произведений> петербургской почвы, то им, сверх полученных вами тетрадей, нужно будет еще одно сочинение, которое при сем получит Софья Михайловна. Передайте ей письмецо. Книга послана особо на ее имя. Не думайте, что я разоряюсь на книги. Я [вам] дарю из своей собственной библиотеки, которая составилась у меня давно. Я люблю из нее дарить друзьям моим. Мне тогда кажется, как будто книга [моя] совершенно пристроена и поступила в достойное ее книгохранилище. Мне можно так поступать. Я вас богаче и имею больше вашего возможности заводиться книгами потому именно, что на другое ничто не издерживаюсь. За содержание свое и житие не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду и к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам за это ни копейки. <...> Целую мысленно добрые ручки ваши. А вы перецелуйте за меня покрепче ручки графини[7]. <...> Адрес мой остается по-прежнему».

Из письма к Соллогуб: «Я очень был рад, узнавши, что книга, посланная Анне Миха<й>ловне, оказалась полезною и для вас. Так как вы уже собираете травник, то вам нужно иметь сверх того еще подробное поименование всех растений, растущих около Петербурга. Посылаю вам Петербургскую флору[8], которая будет вам полезна уже потому, что, кроме названия всякого растения, вмещает обстоятельное описание, применение на пользу и указание, в каких именно местах около Петербурга растет. Если же вы захотите потом когда-нибудь узнать вполне *применение растений на пользу* человека, то рекомендую вам сочинение, которое вас вполне удовлетворит. Это "Хозяйственная ботаника" проф<ессора> Щеглова[9]. <...> Уведомите меня, сколько вы уже доселе собрали в свой травник произведений петербургской почвы. Где именно и в каких местах посчастливилось вам их больше найти и хорошо ли они у вас высушены. Затем обнимаю вас вместе с вашими булочками и хлебцами[10]. <...> Передайте душевный поклон Аполлине Миха<й>ловне[11] и расцелуйте ручки графини[12]».

[1] См. ***1849. Июля 12. Вторник. Васильевка.***

[2] См. ***1849. Июля 14. Четверг. Павлино.***

[3] См. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва.***

[4] Смирнова.

[5] Соллогуб.

[6] Веневитинова.

[7] Л. К. Виельгорская.

[8] Санктпетербургская флора, или Описание находящихся в Санктпетербургской губернии природных растений, с приложением некоторых иностранных, кои на открытом воздухе в здешнем страноположении удобно произрастают, и с показанием оных силы, действия и употребления, в пользу для сельских жителей и любителей травознания. Творение Надворного Советника, медицины Доктора, Государственной Медицинской Коллегии и Экономического Санктпетербургского Общества почетного Члена, Ботаники и Материи Медики Профессора Григория <Ф.> Соболевского. СПб.: При Губернском Правлении, 1801–1802. Ч. 1–2.

[9] Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений и изданная Николаем <П.> Щегловым. СПб.: В Типографии Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1828 (цензурное разрешение 19 марта). Ч. 1. Употребляемые в пищу человека луговые и технологические растения; Ч. 2. Врачебные и ядовитые растения. – См. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[10] Шуточные названия детей графини Соллогуб (см. также ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва***).

[11] Веневитинова.

[12] Л. К. Виельгорская.

ИЮЛЯ КОНЕЦ.
МОСКВА

Гоголь пишет графу А. П. Толстому в Петербург:

«Мне было очень приятно узнать от графини[1], что вы обо мне воспоминаете. Я вспомин<аю> о вас часто. Хотелось бы сильно провести Спасов пост[2] с вами. Есть в душе желанье исполнить лучше то, что доселе исполнялось небрежно или, лучше, не исполнялось вовсе, но есть также и уверенность, что без братской помощи сам не в силах. Вы меня подвижней, воздержней, терпеливей. Вы теперь, кажется, больше можете подействовать на мою леность. Передайте душевный мой поклон Софье Петровне[3] и Наталии Владимиров<не>[4]. <...> Я уверен, что кто к кому расположен, тот о том и помолится. А что может быть выше молитвы? Если я держусь на свете, если я еще не до конца погряз в беззакониях, если я еще не весь с ног до головы гниющий труп, то это благодаря молитвам молившихся обо мне. Если вы кого-нибудь встретите неленостного в молитвах, попросите его, как брат просит брата, обо мне молиться, чтобы дал Бог мне силы, немощному, бессильному, повести лучшую жизнь. Помолитесь также вы обо мне, бесценный друг. <...> О себе в прочих отношениях ничего не умею сказать, кроме того, что скучны все житейские заботы. Аще не Господь созиждет дом, всуе все попеченья[5]. Пробыл две недели у Смирновой[6], которая была очень больна. Приехал сюда, чтобы забрать извест<ия> о вас, но, видя, что вы раньше двух недель, вероятно, не выедете, поеду еще на недельку в окрестности Москвы. Обнимите от всей души Скурыдина, Бурачка и всех, кто только помнит меня».

В это же время брат А. О. Смирновой Ар. О. Россет писал ей в Калугу:

«От Вяземских есть известие из Одессы[7]. Он писал Плетневу, садясь на пароход[8], что княгиня очень боялась. Ему давали литературные обеды и вечера в Одессе. — Гоголь, вероятно, с досады, что Nicolas[9] не улучшил Калугу в литературном отношении и что Калуга не давала ему обедов, сочинил песню "не улучшай, не улучшай!"»[10]

Возможно, к этому же времени (или к августу 1851 г.[11]) относится чтение Гоголем девяти[12] глав второго тома «Мертвых душ» И. В. Капнисту, а также встреча Гоголя, на следующий день, с младшим братом Смирновой Л. И. Арнольди, с которым он говорил «о сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова»[13].

Арнольди в своих мемуарах, вероятно, ошибочно сообщал, что его встреча с Гоголем состоялась «через несколько дней» после «именинного обеда» Капниста, который якобы отмечался после возвращения Гоголя из Калуги: «Вскоре после чтения второго тома *Мертвых Душ* я уехал в Москву, а Гоголь остался в Калуге еще на две недели. Прошел месяц с небольшим. Я был зван на именинный обед в Сокольники, к почтенному И. В. К<апнисту>. <...> Через несколько дней я встретил Гоголя на Тверском бульваре, и мы гуляли вместе часа два. <...> — Вы вчера, кажется, читали несколько глав из второго тома И. В. К<апнист>у? — сказал я. — Читал...»[14] На самом деле на обеде у Капниста Гоголь и Арнольди присутствовали 24 июня 1849 г.[15], т. е. за десять дней до их совместного отъезда в Калугу 4 или 5 июля 1849 г.[16] Поскольку Арнольди запомнилось, что авторское чтение глав второго тома Капнисту состоялось после калужских чтений, то маловероятно, чтобы Капнисту Гоголь читал поэму накануне поездки в Калугу. (С другой стороны, Арнольди все-таки вспоминал, что чтение Капнисту состоялось сразу после его именинного обеда, что хоть и в весьма незначительной степени, но допускает возможность отнесения этого события к концу июня — началу июля 1849 г.[17])

В это же время, в конце июля 1849 г., Ю. Ф. Самарин сообщал А. Н. Попову из Измалково:

«Гоголь ездил в Калугу к А. О. Смирновой[18] и, как носится слух, читал ей отрывки из 2-й части "Мертвых Душ"»[19].

[1] Анна Георгиевна, жена Толстого.

[2] Вероятно, описка. Имеется в виду Успенский пост 1–14 августа (ст. ст.).

[3] Графиня Апраксина, сестра Толстого.

[4] Графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.

[5] «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий...» («Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его...») — Пс. 126, 1.

[6] См. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии***; ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***.

[7] См. ***1849. Июня 5. Воскресенье. Москва, Остафьево*** (примечания).

[8] На пароход до Константинополя Вяземские сели 30 июня 1849 г. (см. Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 519).

[9] Н. М. Смирнов.

[10] Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 369. — Датировка письма уточнена.

[11] См. ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва***.

[12] Об авторском чтении *девяти* глав второго тома «Мертвых душ» см. также: ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (воспоминания Л. И. Арнольди).

[13] См. ***1851. Августа 20–24. Понедельник-пятница. Москва***.

[14] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 390.

[15] См. ***1849. Июня 24. Пятница. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Москва***.

[16] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***.

[17] См. ***1849. Между июня 28 и июля 4 или 5. Москва***.

[18] См. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии***; ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***.

[19] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 215.

АВГУСТА 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Спасибо за письмо и за “Домострой”, вчера обеих получила... <...> Как мне жаль, <...> что мы с вами мало виделись, мне как-то с вами ловко, ловчее, чем со всеми другими; мне кажется, что и вам тоже чувствуется. <...> ...Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове; меня они все очень интересуют и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло[2]: она уже слишком жалка. А впрочем все хорошо. Прощайте, — приезжайте. Христос с вами!»

[1] См. ***1849. Июля 29. Пятница. Москва.***

[2] Гоголь откликнулся на пожелание А. О. Смирновой (см. ***1849. Март — июля начало. Москва*** — примечания).

АВГУСТА 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет письмо к сыну в Москву[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1849. Сентября 4. Воскресенье. Москва.***

АВГУСТА НАЧАЛО. БОЛЬШИЕ ВЯЗЕМЫ

Гоголь гостит на даче у С. П. Шевырева.

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «Возвратясь из Калуги[1], Гоголь гостил некоторое время у С. П. Шевырева на даче; наконец 14-го августа[2] приехал в подмосковную к С. Т. Аксакову».

Кулиш 1856. Т. 2. С. 228.

[1] См. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва***; ***1849. Июля 30. Суббота. Москва***.
[2] См. ***1849. Августа 14. Воскресенье. Радонежье (Абрамцево)***.

АВГУСТА 6. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«На днях попалась мне книжка творений Св<ятых> Отцов за 1847 г.[1]: в ней помещены стихотворения Григория Богослова. Это решительный поэт! Как я ему обрадовался! Советую Константину обратить на него внимание и Гоголю также[2]. Видно, что он наслаждается сам красотою образов и выражений. Его послание к женщинам очень хорошо!»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 925.

[1] Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1847. Ч. 5 (цензурное разрешение 31 марта). – См. также ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца*** (примечания).
[2] См. ***1849. Августа 20. Суббота. Рыбинск***; ***1849. Августа 29. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

АВГУСТА 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь встречается с И. В. Киреевским.

На следующий день, 8 августа 1849 г., И. В. Киреевский сообщал А. П. Елагиной: «Гоголя мы видели вчера. Второй том Мертвых Душ написан, но еще не приведен в порядок, для чего ему нужно будет употребить еще год».

Гоголь в письмах И. В. Киреевского // *Свод.* Т. 1. С. 757.

АВГУСТА 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю (письмо было закончено и отправлено месяц спустя, из с. Покровского[1]):

«Очень жалею, даже более нежели жалею, что в проезд ваш через Москву[2] вас не видала, потому только, что не знала. Если бы не нашла вас вечером, поутру бы рано приехала. Мне тем более жаль, слышу от Аксаковых, что вы месяца полтора проездите, а мы в сентябре уезжаем в деревню, где до зимы останемся. <...> Помоги вам Господи свершить свой труд во славу Божию, следовательно, на благо ближнему, сего, мой друг, желаю и молю о том Бога, да Он вас не оставит. <...> Прошу Александре Осиповне[3] сказать почтение и желание ей здоровья, коим, как слышу, не богата. <...> Если вам вздумается меня порадовать, сказать хоть слово о себе, подпишите: *в Москве,* на В<о>здвиженке, в доме графа Шереметева. Вероятно, недели две еще тут пробудем».

[1] См. ***1849. Сентября 9. Пятница. С. Покровское***.
[2] 4 или 5 июля 1849 г. Гоголь выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым и вернулся в Москву в конце июля 1849 г. (см. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***; ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва***); затем отправился на дачу С. П. Шевырева в Большие Вяземы (см. ***1849. Августа начало. Большие Вяземы***), после чего, 14 августа, отправился в Радонежье (Абрамцево) к Аксаковым (***1849. Августа 14. Воскресенье. Радонежье***) (пробыл в Радонежье до 6 сентября; см. ***1849. Сентября 6. Вторник. Радонежье (Абрамцево), Москва***).

[3] Смирнова.

АВГУСТА 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КУРТАВНЕЛЬ

И. С. Тургенев пишет Л. и П. Виардо:

«В один из ближайших четырех дней я съезжу ненадолго в Париж, чтобы привезти сюда мое ружье и другие необходимые вещи, а также Гоголя — для часов досуга. Мы переведем "Шинель", если вам угодно».

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 330, 439.

АВГУСТА 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

Гоголь впервые приезжает на дачу к Аксаковым в Радонежье[1].

Позднее, 20 августа 1848 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «У нас всю эту неделю гости. В прошлую пятницу[2] приехал Самарин проститься; он едет служить в Симб<ирск>. Он пробыл у нас до воскресенья[3] утром, только что он уехал, приехал в тот же день Гоголь...»[4]

[1] См. ***1849. Августа 15. Понедельник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы.***
[2] 12 августа 1849 г.
[3] 14 августа 1849 г.
[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 870.

АВГУСТА 15. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Рыбинск:

«Вчера приехал к нам Гоголь на несколько дней; с сегодняшнего утра сидит все на верху и чем-то занимается: разумеется, мы даем ему полную свободу»[1].

В приписке к посланию отца В. С. Аксакова добавляла:

«Теперь у нас Гоголь и все читает разных русских старых писателей. Читает все переводы Гомера, Мерзлякова[2], и Константин, забывая свои теории, восхищается вместе с Гоголем и со всеми нами»[3].

Вероятно, выбор Гоголем другого источника переводов Гомера связан с критикой Аксаковыми перевода «Одиссеи» Жуковского (после прочтения им первых двенадцати песен поэмы)[4].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» также сообщал: «Лето 1849 года Гоголь провел в разъездах. Долго гостил у Смирновой в ее подмосковной[5] и потом у Шевырева на даче[6]. Наконец, 14-го августа Гоголь приехал к нам в подмосковную. Много гулял и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой. Я почти видел, как он это делал. По вечерам читал с большим одушевлением переводы Мерзлякова древних, особенно [гимн Гомера] гимны Гомера ему нравились. Так шли вечера до 18-го <19-го> числа»[7].

[1] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 604.

[2] Переводы Гомера Гоголь читал Аксаковым по книге А. Ф. Мерзлякова «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (М., 1825–1826. Т. 1–2).

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 604.

[4] См. ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

[5] См. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии***; ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[6] См. ***1849. Августа начало. Большие Вяземы.***

[7] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 652.

АВГУСТА 19. ПЯТНИЦА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО), СЕРГИЕВ ПОСАД, РАДОНЕЖЬЕ

Гоголь ездил из Радонежья в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где встретился с наместником преподобным Антонием (Медведевым)[1], который благословил его образом; познакомился с отцом Феодором (Бухаревым)[2]; последний читал Гоголю фрагменты своего разбора первого тома «Мертвых душ».

По возвращении в Радонежье Гоголь прочел Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ».

В тот же день в письме к Н. В. Путяте в Мураново Гоголь писал:

«Сделайте милость, уведомьте, Николай Василь<еви>ч, у вас или не у вас Клементий Осипович[3]. Я был в Троице и, к изумленью, его там не увидел. Княжна Цицианова[4] сказывала, что и она не видала его и что он оттоле куда-то уехал вдруг. Из сего я вижу, что человек, которому поручен был ответ, изустно донес его не в том виде. Встретивши его в поле, подъезжавши к деревне и поленившись возвратиться с ним для написанья записки (а карандаша в кармане тоже не было), я ему объяснил, что мы, дескать, с стариком Аксаковым собирались всё утро к Николаю Васильевичу, но мешал дождь. Теперь же, видя, что Клементий Осипович переменил намерение и хочет ехать с вами (или идти пешком к Троице, как сказано в записке), то в таком случае будь по его. Мы все поедем тоже в Троицу. Там встретимся и устроим насчет возврата в город. Но всё, как видно, спуталось и перепуталось. Известите меня как о Клементии Осиповиче, так равно и о себе, будете ли вы дома сегодня и завтра. Потому что если не сегодня, то завтра я и старик Аксаков, сгорающий нетерпеньем с вами познакомиться, едем к вам. Поехали бы и сию минуту, но ждем еще известья из Троицы, где у меня есть небольшое дело <...> Передайте душевный поклон супруге и сестрице»[5].

Позднее, в книге «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (1860), архимандрит Феодор сообщал: «...Это сочинение было писано еще при жизни покойного, за двенадцать лет доселе по следующим обстоятельствам и побуждениям. Известно, что, когда покойный Гоголь издал "выбранные места" из своей переписки, образовалось общее почти мнение, будто он отказывается от своих прежних творений, как уже противных новому его направлению[6]. Одни, именно прежние его поклонники, считали его изменником пред искусством и самою истиною и приписывали эту перемену болезненному его расстройству. Другие, и это даже самые поборники начал, провозглашенных Гоголем в "выбранных местах из переписки", большею частию с недоверием смотрели на эту книгу и отыскивали в покойном признаки духовной гордости. Иные, может быть, и из самых его друзей, колебались между тем и другим взглядом на Гоголя, жалели, судили, недоумевали. Были и такие, как мне известно, и это наилучшие из всех, которые с живейшею любовию поддерживали и развивали возникшее в нем сознание истины в одном Христе; но они не заботились и, может быть, не могли отчетливо помирить Гоголя с прежнею деятельностию, так, чтобы он благословлял и с

бодростию продолжал свое поприще. <...> Надобно было из слов и дел самого Гоголя выяснить пред ним и пред публикой, что в существе дела не было и нет противоречия между прежнею его деятельностию и новым духовным сознанием: в первой уже глубоко завито было последнее, — последнее, вполне раскрывшись только увенчивало первую[7]. Раскрытию этого, во славу Христовой истины и благодати, освящающей и освещающей верующего человека во всех его путях, и посвящены были "три письма", <...> которые, при самом написании их, были назначаемы непременно в печать, но по обстоятельствам[8] доселе оставались в рукописи.

Гоголь умер. Но понятия о нем остались и иногда повторяются прежние... <...>

Ему самому были читаны из этих писем <19 августа 1848 г.> только некоторые коротенькие отрывки, по черновым листам. <...>

Поэту дано, говорил Гоголь в устной беседе, живее других *чувствовать*. Не мудрено, что поэтическое чувство упреждает во многом отчетливую мысль и опыт. <...>

...Ничего из этого отделения[9] не было читано Гоголю, хотя и были разговоры с ним о его личных обстоятельствах. <...>

Говоря однажды об училищном воспитании, Гоголь вспомнил свою училищную жизнь, в которой особенно благодетельным для самого духовного своего развития находил садовые и огородные свои занятия возделыванием земли, рассаживанием и проч<ее> под<обное>. Всему этому, говорил он, много обязан я тем, что еще свежего сохранилось в душе моей. <...>

Могу сказать, что в главном и существенном, действительно, Бог дал, не допущено у меня ошибки[10]. Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора "мертвых душ", желая только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то и его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностию. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостию подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма[11]. В изъяснении этой развязки он несколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминания подробностей, ничего не говорю об этих его речах. — "А прочие спутники Чичикова в «Мертвых душах»? — спросил я Гоголя, — и они тоже воскреснут?" — "Если захотят", — ответил он с улыбкою; и потом стал говорить, как необходимо далее привести ему своих героев к столкновению с истинно хорошими людьми, и проч., и проч. В другие свидания мои с ним я уже, связанный обстоятельствами, не заговаривал с ним о моем деле касательно его самого как писателя»[12].

Свидетельству архимандрита Феодора (Бухарева) о том, что «оживлению» Чичикова к новой жизни должен был послужить «прямым участием сам Царь» — и произойти это, вероятно, должно было в Петербурге — соответствует еще один важный для уяснения замысла «Мертвых душ» факт, который содержится в статье младшего современника Гоголя Д. К. Малиновского. По-видимому, долгие скитания по Руси Чичикова должны были в итоге привести его в Петербург. На то, что именно в Петербурге должен был, подобно капитану Копейкину, оказаться со временем «рыцарь копейки» Чичиков, и указывает Д. К. Малиновский в своей статье «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя» (1850). Имея в виду гоголевские «петербургские» повести и книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Малиновский пишет: «О *современности*, о содержании столицы поэт начинает говорить в особой книге, которая была принята за плод болезни. В самом деле это плод болезненного беспокойства, но прибавим, — такого беспокойства, которое в зародышах мы уже встретили в разобранных нами повестях его, — беспокойства, к которому приводит поэта картина *передовой* жизни народа, картина наших *успехов просвещения*. <...> В самых Мертвых Душах еще нет того, что уже есть в Шинели, в Портрете, в Невском проспекте, — несообразного из высших слоев общества, которое пока в состоянии привести писателя в совершенное расстройство, в какое не приведут его ни Селифан, ни Петрушка, ни сам Чичиков. <...> Впрочем, подождем, что заговорит он тогда, когда Бог велит в столицу благополучно прибыть Чичикову»[13]. (Содержание статьи Малиновского «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя» было навеяно беседами с самим Гоголем[14]. Свидетельством того, что Гоголь разговаривал с Малиновским о продолжении «Мертвых душ», может служить как сама эта статья, где Малиновский упоминал о своем намерении уделить в дальнейшем внимание разбору «Мертвых душ», так и памятная надпись Гоголя, сделанная для Малиновского в альманахе «Молодик на 1844 год» (СПб., 1844) в период их общения в конце 1840-х — начале 1850-х гг. На экземпляре «Молодика...» Гоголь написал: «И долго еще определено мне, чудной властью идти об руку с моими странными Героями, озирать всю Громадно несущуюся жизнь, озирать её сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы...»[15])

Свидетельствам архимандрита Феодора и Малиновского об окончании поэмы созвучен и знаменитый финал первого тома «Мертвых душ»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? <...> ...Постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Это тем более очевидно, если иметь в виду возможное знакомство Гоголя с опубликованными в 1805 г. двумя проповедями митрополита Стефана (Яворского)[16], названными им «Колесницами...»[17] В этих проповедях владыка сравнивает колесницу, которую видел пророк Иезекииль (Иез., гл. 1), с православной самодержавной Россией: «Обычно то бяше ветхому и новому Риму Кесарям своим, с победою возвращающимся, <...> торжественные благолепне составляти колесницы... <...> ...Тожде и в писаниях Божественных видим, егда преславного міра победителя Илию Фесвитянина огненною небо прият колесницею. <...> Ово и аз по подобию тех сей новый год во образе триумфальной колесницы хощу вам представити... <...> Только я начинаю помышляти о той колеснице триумфальной, и се мне предстает пред очами чудная оная колесница, Иезекиилем виденная, о ней же читаем в Пророческих его книгах в гл<аве> 1... <...> ...Амвросий и Феофилакт, и прочии с ними, чрез сию колесницу разумеют быти царство, государство, а наипаче благочестивое, православное, идеже подобие Сына человеческого, то есть Христос Спаситель наш, и хвала его святая, благочестие святое проезжается и торжествует и триумфы строит. Держуся я сего толкования, и триумфальною колесницею Иезекиилевою нареку тебе, православная наша Российская Монархия, тривенечное царство Московское. <...> Не великое дело смириться, егда Бог кого смирит. <...> Но смириться тому, кого Бог превозносит, смирятися Монарху, ему же весь свет кланяется, егоже весь свет трепещет, тому во смирении, снисходительстве и преклонстве пребывати, воистину вещь удивительная. Вещь подобна самому Христу <...> самой пресвятей и пречистей Богоматери... <...> И сия то есть фундаментальная вина, для чего Господь Бог Монаха нашего и его тривенечно царство возносит от силы в силу, от славы в славу, от победы в победу, за его смирение»[18]; «Покаемся убо от злоб наших, не будем идолопоклонниками и чародеями, не будем противящимися колесами, бесом движимыми; но будем избранною колесницею, своим тяглом всячески согласие имущею, отнюдь не противящеюся, аможе животное влечет. Гряди колесо, не опирайся, не скрипи. Виждь колесницу Иезекиилеву!..»[19]

Спустя десять дней после посещения Гоголем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 29 августа 1848 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «Получила ли ты мой образок, что делать, живопись нехороша. — Наместник Троицы[20] благословил Гоголя образком, [которого] и живопись, и отделка прекрасная, но такого нельзя найти.

Не могу умолчать перед тобой о том, что нас так порадовало, но это великий секрет. 19 числа Гоголь читал нам первую главу второго тома М<ертвых> Д<уш>, и, слава Богу, это так хорошо, даже выше и глубже первой части, по общему приговору. Ты можешь себе представить, как мы были обрадованы. — В этот день 19 числа Гоголь с утра собирался съездить к Троице, но [все] то решался, то опять откладывал, в этом прошло все утро, наконец подали завтракать. Дождь лил частый, проливной — уже несколько дней воздух был как белая пелена, [но] у Гоголя было сильное желание съездить к Троице, но на него напало одно из тех состояний нерешительности, которое не раз его мучило и, по его собственным словам, часто расстраивало его здоровье. — Велено было заложить карету, сели завтракать, но и тут продолжалось все нерешение ехать или не ехать, Гоголь обращался ко всем с своими сомнениями, он желал, чтоб кто-нибудь его решил, достаточно было одного слова, чтоб его заставить поступить так или иначе. Я сама недавно была у Троицы в первый раз после своей болезни, мне казалось странным, что Гоголь, будучи так близко Троицы после стольких дальних и долгих странствований, после сильной болезни, не съездит помолиться у Мощей Преп<одобного> Сергия, и я ему сказала: “Конечно, погода дурна, но мне б хотелось, чтоб вы съездили”. — “А если хочется, то надобно ехать”, — сказал Г<оголь>. Сел и поехал. — Дождь лил весь день, дорога была ужасная. Гоголь воротился только в 8 часов вечера, когда мы все сидели за нашим круглым столом в гостиной, занятые работой и чтением. Мы уже начали жалеть, что отпустили его. Он подошел к нам, поздоровался со всеми, Маменька ему сказала: “Я сердилась на В<еру>, что она вас решила ехать”. — “Напротив я очень благодарен”, — отвечал он. — Он рассказывал про свою поездку, потом пошли пить чай, он показал нам образок, которым благословил его Наместник. У Троицы Гоголь виделся с от<цом> Феодором[21] бакалавром[22], который писал ему чрезвычайно умные и замечательные, по словам Гоголя, заметки на его Книгу[23]. После чаю мы воротились в гостиную. Константин уже дремал, Гоголь его подталкивал, будил и сказал: “Прочтемте что-нибудь, хоть бы Мертв<ые> Души”. Конста<нтин> сказал: “Очень рад, сейчас принесу” (он и мы все думали, что Гоголь говорил о первом томе М<ертвых> Д<уш>), встал и хотел было уже идти наверх за книгой, но Гоголь сказал: “Да уж лучше я сам вам прочту...” и вытащил из кармана

тетрадь, мы — обомлели, едва переводили дыхание от ожидания. Гоголь начал читать первую главу второго тома М<ертвых> Д<уш> — первые минуты прошли еще в смутном состоянии и радости, и опасения, что то, что услышим, не будет иметь достоинства прежних сочинений Гоголя. Но вскоре мы убедились, что опасения наши были напрасны. Слава Богу, Гоголь все тот же, и еще выше и глубже во втором томе»[24].

В свою очередь, С. Т. Аксаков 29 августа 1848 г. сообщал сыну Ивану в Рыбинск: «Не могу долее скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома Мертвых Душ[25]. Слава Богу! Талант его стал выше и глубже. Мы обещали ему не писать даже и к тебе; но нет сил молчать. Глава огромнейшая. Чтение продолжалось час с четвертью»[26].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» также сообщал: «18-го <19-го> вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал: "Да не прочесть ли нам главу Мертвых душ?" Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе Мертвых душ. Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки; но Гоголь удержал его за рукав и сказал: "Нет, уж я вам прочту из второго", — и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь. Я не могу передать, что сделалось со всеми нами. [Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен.] Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу 2-го тома Мертвых душ. [С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, — и пришел в совершенный восторг.] Чтение продолжалось час с четвертью. Гоголь несколько устал и, осыпаемый нашими искренними и радостными приветствиями, скоро ушел наверх в свою комнату, потому что уже прошел час, в который он обыкновенно ложился спать, т. е. 11-ть часов. Я не стану описывать, в каком положении были мы все [особенно я, который считал его талант погибшим]. Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома Мертвых душ, которая одна была отделана, по его словам, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова. Тут только припомнили мы, что Гоголь много раз опускал руку в карман и хотел что-то вытащить, и вынимал пустую руку»[27].

В. С. Аксакова в заметках о Гоголе 1861–1864 гг., в свою очередь, сообщала: «...<Гоголь> был у нас в августе целую неделю, читал в первый раз первую главу 2 Тома»[28].

В декабре 1854 г. В. С. Аксакова записала в дневнике: «Кулиш <...> вечером прочел нам письма Гоголя, которые не взошли в биографию. Мы просили его показать нам главы "Мертвых Душ" второго тома. Я и Константин прочли первую, нам столько памятную: ее читал нам сам Гоголь[29]; ничто так живо не напомнило нам Гоголя; казалось, он был тут, казалось, мы слышали его голос. Хотя эта глава далеко не в том виде, в каком он нам ее читал, но и в этом она так прекрасна, что снова произвела на нас то же впечатление, впечатление, которое только Гоголь производит; как живо почувствовали, чего мы лишились, чего лишился весь мир: в ком отразится он так, кто его так сознает и передаст! Прежде нам не хотелось, нам было больно и взглянуть на эти оставшиеся страницы, но теперь так захотелось их иметь! <...>

Трушковский привозил нам письма Гоголя к Смирновой и оставшиеся главы "Мертвых Душ", 2-го тома. Все эти чтения произвели сильное, глубокое впечатление на всех и возбудили много и много разговоров и толков, над многим заставили глубоко задуматься. Гоголь — святой человек по своему стремленью. Он мог ошибаться, как человек; мог запутываться в приложении к житейским обстоятельствам тех святых истин, которым был предан всеми силами души своей, но он возлюбил Бога всем умом своим, всей душой, всеми помышлениями, и ближнего, как самого себя, — большего этого не требуется от человека. Какой святой подвиг вся его жизнь! Теперь только, при чтении стольких писем к стольким разным лицам, начинаем мы постигать всю задачу его жизни и все его духовные внутренние труды. Какая искренность в каждом слове! И этого человека подозревали в неискренности! Прекрасны его слова к Смирновой о России[30], как замечательны они теперь! Он верил в светлое будущее России, но путь к нему указывал в настоящем.

Главы "Мертвых Душ", особенно последние, в таком неоконченном виде, что скорее их можно назвать заметками, которые автор набрасывает для себя самого. Но все же, какие чудные задачи и какие места! Одна первая глава довольно окончена, хотя тоже не в том виде, как мы слышали от самого Гоголя. Отношения его к Смирновой самые задушевные, дружеские, основанные на духовном стремлении»[31].

[1] См. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва.***

[2] Архимандрит Феодор (в мире Александр Матвеевич Бухарев, 1822–1871), профессор Московской Духовной академии (с 1852 г.), духовный писатель, близкий к славянофильским кругам; окончил жизнь мирянином, подав в Святейший Синод прошение о сложении духовного и монашеского сана (1862), которое было удовлетворено.

Перу архимандрита Феодора принадлежит наиболее глубокий и содержательный в критической литературе разбор «Мертвых душ». (Этот разбор составил вторую главу (или «письмо») его книги.) По свидетельству В. С. Аксаковой, слышавшей отзыв Гоголя о заметках архимандрита Феодора сразу после их знакомства в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 19 августа 1849 г., суждения отца Феодора пришлись Гоголю по душе (см. ниже письмо Аксаковой к М. Г. Карташевской от 29 августа 1849 г.).

В основу своего анализа архимандрит Феодор положил созвучную взглядам самого Гоголя мысль о степени соответствия-несоответствия образа жизни героев христианским заповедям, идею должного, — и потому оказался весьма близок к авторскому пониманию характеров героев. Именно архимандрит Феодор, указав на отсутствие в главном герое «Мертвых душ» Чичикове «всего, что есть живого в православном русском: безусловной верности Царю, самопожертвования для отечества» и «христианской любви к людям», открыл связь замысла поэмы с утверждением начал Православия, Самодержавия, Народности (см.: *Феодор (Бухарев), архимандрит.* О героях поэмы «Мертвые души» // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: К единству! 2004. С. 205–230). Глубоко созвучен архимандриту Феодору оказался «пророческий» пафос поэмы. Как вспоминал бывший студент Московской Духовной академии протоиерей Сергей Сергеевич Модестов (1832–1914), «о Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный архимандрит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть не к пророкам-обличителям, вроде Иеремии, плакавшем о пороках людских» (Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 121).

Однако в связи с последующей судьбой о. Феодора, снявшего с себя церковный сан и вступившего в брак, особое внимание привлекает характерное для «Трех писем к Н. В. Гоголю...» частое обращение А. М. Бухарева к размышлениям о роли женской красоты (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

Заставляет задуматься и сомнительное утверждение о. Феодора в предисловии к его книге о «чрезвычайной духовной пользе» от чтения статей В. Г. Белинского, полученной им во время обучения в Московской Духовной академии — в отношении «именно к богословскому его образованию» (см. ***1851. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***). («Такие мысли развивает о. Феодор в предварительной статье своей "К читателю". Насколько они справедливы, видно с первого разу», — высказывался по поводу этих строк в 1861 г. рецензент «Трех писем к Н. В. Гоголю...» протоиерей Павел Алексеевич Матвеевский (ок. 1828–1900); цит. по: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. С. 471.)

[3] Россет.

[4] Елизавета Дмитриевна (1800–1885), родственница А. О. Смирновой.

[5] Анна Васильевна Путята (1810–1880).

[6] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[7] Если Аксаковы в оценке гоголевского творчества настаивали на невозможности соединения христианства и искусства, то архимандрит Феодор первый, применительно к первому тому «Мертвых душ», обозначил христианское содержание гоголевских художественных образов (см.: *Феодор (Бухарев), архимандрит.* О героях поэмы «Мертвые души» // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: К единству! 2004. С. 205–230).

[8] Иерей А. А. Лебедев в 1871 г. (впоследствии — протоиерей), вспоминая об архимандрите Феодоре и его «Трех письмах к Н. В. Гоголю...», сообщал: «Первое из этих писем он представил <в 1849 г.> покойному митрополиту Московскому, без разрешения которого нельзя было напечатать ни одного более или менее серьезного сочинения никому из подведомого ему духовенства. Митрополит взял у него статью, но выразил неудовольствие за такой предмет занятий профессора по Священному Писанию. После этого обстоятельства Феодор захворал и остался в Москве, в больнице при тамошней Духовной семинарии. Здесь списался он с Гоголем, и с этого времени <19 августа 1851 г.> познакомился с ним» (впервые напечатано, без имени автора: Голос. 1871. 3 мая. № 121. С. 1; цит. по изд.: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч., указ. Б. Ф. Егорова; вступ. ст., примеч., хроника жизни А. М. Бухарева Н. В. Серебренникова; примеч., библиогр., указ. А. П. Дмитриева. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 324).

Спустя три года М. П. Погодин в «Воспоминаниях об Александре Матвеевиче Бухареве», напечатанных 7 апреля 1874 г. в «Московских Ведомостях», также замечал: «Я слышал о нем много от Гоголя, с которым он был в близкой связи, и даже написал о нем книгу. Кстати, расскажу здесь анекдот. Когда автор, бакалавр Академии, представил свою книгу митрополиту Филарету, то митрополит выразил ему сильное неудовольствие за неприличный предмет занятий и на все его доводы говорил: "Это глупо", или "Это гордо", — так что Бухарев

замолчал. Тогда митрополит сказал ему с сердцем: "Почему ты ничего не говоришь?" — "Потому, — отвечал Бухарев, — что я не хочу, сколько от меня зависит, говорить ни глупых, ни гордых речей". Эти слова так подействовали на митрополита Филарета, что он вдруг смягчился и сказал ласково: "Ну вот, ты уже и рассердился!" — тотчас переменил совершенно тон и начал относиться уважительно. О. Феодор занемог вскоре после этой беседы и пролежал несколько дней в больнице. По выздоровлении, пред отъездом в Лавру, явился опять к митрополиту, который принял его с особенной лаской и провел с ним часа два в отечески-откровенной беседе, отказывая прочим посетителям». «Я в жизнь свою, — продолжал Погодин, — встретил еще одного человека, также в высшей степени замечательного, отца Матвея, Ржевского священника, друга Гоголева, с которым лет 15 тому назад познакомил меня Т. И. Филиппов (согласно дневниковой записи Погодина, с отцом Матфеем он познакомился еще в 1849 г.: см. ***1849. Марта 13. Воскресенье. Москва***; см. также записи в дневнике Погодина от 16, 22 августа, 26, 29 сентября 1852 г.: ***1852. Августа 16. Суббота. Москва***; ***1852. Августа 22. Пятница. Москва***; ***1852. Сентября 26. Пятница. Москва***; ***1852. Сентября 29. Понедельник. Москва***. — *И. В.*). Александр Матвеевич поразил меня силою своего убеждения в истинах христианства, <...> а отец Матвей — силою своего убеждения в Промысле Божием и высшем участии в судьбе каждого человека, у которого волос с головы не может пропасть без воли Божией. <...> Александр Матвеевич рассказал мне некоторые черты о нем и отзывался о нем с великим уважением» (цит. по: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. С. 331, 333). (Пересказанный Погодиным «анекдот» заимствован из письма к нему жены Бухарева (с 1863 г.), Анны Сергеевны (рожд. Родышевской, 1840 — после 1918), от 31 мая 1871 г.; см.: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. С. 392.)

[9] Замечание относится к следующим строкам «Письма первого»: «Перейдем к вашим объяснениям лично о себе самом. С моей стороны не будет неприлично коснуться пред вами самими отчасти и того, что касается прямо вашей личности...» (С. 59).

[10] Замечание относится к следующим строкам «Письма второго»: «Как бы то ни было, но главная, управляющая всею поэмою мысль, столь слышная во всем, нередко прямо изрекающая свое живое слово, во всяком случае не может измениться» (С. 138).

[11] В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь в числе источников русской поэзии и своего творчества указывал пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны, а также важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Это событие, породившее, по Гоголю, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина, поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету», то есть спасение душ подданных, «приближение иного Царствия». Еще в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» он замечал: «Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость...» Эти размышления имеют прямое отношение к замыслу «Мертвых душ»; см.: *Виноградов И. А.* Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 77–93; *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 561; *Виноградов И. А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С.51–67; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати); ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[12] *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев).* Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году // *Свод.* Т. 3. С. 707–708.

[13] *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя / Подготовка текста и примеч. И. А. Виноградова // Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004. С. 470–471.

[14] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***.

[15] *Гоголь 2001 (1).* С. 167; *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 479. — Памятная надпись воспроизводит начальные строки третьего абзаца седьмой главы первого тома «Мертвых душ» (1842). Надпись сделана Гоголем на папиросной бумаге, которой проложены литографии, помещенные в «Молодике», между стр. 6 и 7, рядом с литографией К. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера (см. ***1840. Февраля 9 — мая 18. Москва***). — См. также ***1844. Февраль <февраля средина — марта средина>. Санкт-Петербург***.

[16] Известно, что Гоголя восхищали проповеди протоиерея Матфея Константиновского. Примечательно, что любимой книгой отца Матфея был труд Стефана Яворского «Камень веры» (см. ***1849. Января начало. Москва***).

[17] «Колесница торжественная, четырьми животными движима, от Иезекииля Пророка виденная, на <...> вход в Царствующий град Москву <...> Государю нашему Царю <...> Петру Алексеевичу...» (1703); «Колесница четырехколесная, многоочитая, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие <...> Государю нашему Царю Петру Алексеевичу <...> в свой престольный царствующий град Москву...» (1704).

[18] Колесница торжественная, от Иезекииля Пророка виденная, на всерадостный вход в царствующий град Москву великому Государю, Царю Петру Алексеевичу, Самодержцу Всероссийскому, по многих преславных победах и по пленении Слюшенбурга торжественнее возвращающемуся, на новый 1703 год художеством про-

поведническим уготованная // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного Митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславного. М., 1805. Ч. 3. С. 149–151, 178–179.

[19] Колесница четырехколесная, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие в царствующий град Москву Благочестивейшему Государю нашему Царю, Петру Алексеевичу, Самодержцу Всероссийскому, по преславных над Шведами победах, на новый 1704 год проповеданная // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного Митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславного. М., 1805. Ч. 3. С. 121. – Возможная реминисценция проповедей Стефана Яворского с образом птицы-тройки в «Мертвых душа» отмечена О. А. Крашенинниковой. – См. также ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф***.

[20] Наместник Троице-Сергиевой Лавры преподобный Антоний (Медведев).

[21] Архимандрит Феодор (Бухарев).

[22] Далее на полях В. С. Аксаковой сделано примечание: «От<ец> Феод<ор> [писал Г<оголю>] не был прежде знаком с Г<оголем>, но по прочтении его книги писал ему за границу».

[23] Свои размышления о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Мертвых душах» архимандрит Феодор изложил в книге «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (СПб., 1861). Фрагменты из этой книги см. также: ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1851. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***.

[24] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 871–872.

[25] Чтение состоялось 19 августа 1849 г. (см. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***).

[26] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 605.

[27] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 652.

[28] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 898.

[29] 19 августа 1849 г. в Радонежье (Абрамцево).

[30] Имеется в виду статья *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[31] Из дневника В. С. Аксаковой 1854–1855 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 895–896.

АВГУСТА 14–20. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

Гоголь у Аксаковых, возможно, видится с Н. Д. Свербеевым[1].

Из воспоминаний А. Д. Свербеева (1916): «Из Аксаковых мы особенно часто видали у родителей старшего брата Константина Сергеевича... <...> Особенно близок к семье Аксаковых был брат мой Николай Дмитр<иевич> и часто бывал у них в Москве и в подмосковном имении Абрамцеве, где часто встречался с Гоголем, подолгу жившим у Аксаковых. <...>

Брат мой Н<иколай> Д<митриевич> окончил курс в Моск<овском> Универс<итете> весною 50-го года. В том же году, осенью, он по желанию родителей, отправился в далекую В<осточную> Сибирь на службу к Н. Н. Муравьеву[2], впоследствии, после присоединения Амура ставшему Гр<афом> Амурским».

Свербеев А. Д. Мои воспоминания // *Свод*. Т. 3. С. 857.

[1] Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874), дипломат, литератор, мемуарист.

[2] Николай Николаевич Муравьев (1809–1881), граф Амурский (с 1858 г.), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг.

АВГУСТА 20. СУББОТА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

Гоголь в сопровождении С. Т. и К. С. Аксаковых выехал из Радонежья в Мураново – к Н. В. Путяте, однако после получения известия о приезде в Радонежье А. С. Хомякова вернулся туда вместе с Аксаковыми. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса уехал один в Мураново.

В тот же день В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «...Гоголь <...> прожил у нас до сегодняшнего дня. Только что Гоголь с отесенькой и Константином (они поехали все вместе к новому нашему соседу Путяте[1], который приезжал к нам с визитом и у которого ждал Гоголя Климент Россет, для того, чтоб вместе ехать в Москву) выехали из ворот, как в другие ворота въехал Хомяков. Мы воротили наших, Гоголь уехал один, а Хомяков едет завтра; вероятно, и Константин с ним поедет в Москву. Погода ужасная, дожди непрерывные. — Гоголь обыкновенно все дообеденное время проводил у себя наверху и, по всему вероятию, писал. После же обеда все время почти проходило в чтении старинных русских писателей; читали много прекрасных переводов Мерзлякова с греческого Гомера, и других[2], и вместе с Гоголем все восхищались»[3].

22 августа 1849 г. С. Т. Аксаков сообщал из Радонежья сыну Ивану в Рыбинск: «Гоголь прогостил у нас до 20 августа. В продолжение этого времени был у нас Путята (уже в другой раз), который говорит, что познакомился с тобой в Петербурге, и Климентий Россет. 20-го, позавтракав, поехали мы с Константином проводить Гоголя до Путяты (он живет в своем имении, в Муранове, 8 верст от нас) и отдать сему последнему визит; но только стали подъезжать к так называемому Артемьевскому лесу, как нас догнал верховой с известием, что приехал Хомяков. Разумеется, мы воротились домой, хотя Гоголь и предлагал не возвращаться, а Хомякову сказать, чтоб он немедленно приезжал к Путяте же. Довольно нелепое предложение! <...> Гоголь ни с чем уехал, уже один[4], и очень недоволен: ему хотелось, чтобы мы его проводили»[5].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» сообщал: «На другой день <20 августа> рано поутру я пришел наверх к Гоголю, обнял его и высказал всю мою радость, и Гоголь сказал мне с светящимся, радостным лицом: “Фома неверный”[6]. В этот день поутру Гоголь должен был непременно ехать к нашим соседям Путятам, где его дожидался <К. О.> Россет, чтоб вместе с ним ехать в Москву. Мы с Константином поехали его провожать; только что мы отъехали с [пол<версты>] версту, как Гоголь обратился ко мне и Константину и весьма серьезно сказал: “Ну, говорите же мне теперь всё, что вы заметили[7] в первой главе”. Мы не были готовы к такому вопросу; только что я начал соображать мои впечатления, как нас догнал нарочный с известием, что к нам приехал Хомяков на самое короткое время и в первый раз. Мы должны были воротиться, что было неприятно Гоголю. На возвратном пути говорили уже совсем о другой материи. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса Гоголь уехал один и как будто не так весел. Мне это было очень досадно»[8].

[1] Н. В. Путята.

[2] См. ***1849. Августа 15. Понедельник. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 870.

[4] См. ***1849. Августа 20–21. Суббота-воскресенье. Мураново.***

[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 605. — См. ответное письмо И. С. Аксакова от 30 августа 1849 г.: ***1849. Августа 30. Вторник. Рыбинск.***

[6] См. также ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[7] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

[8] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 653.

АВГУСТА 20. СУББОТА. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«На днях на здешнем театре давали “Ревизора”... Я отправился смотреть. И актерам, и зрителям до такой степени было смешно видеть на сцене все те лица, которые сидят тут же и в креслах (напр<имер>, городничий, судья, уездный учитель и т. п.), что актеры не выдерживали и хохотали сами вовсе не у места, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители, хоть и смеялись, — да

ведь все свои! Всякий друг про друга знает, что он берет, и считает это дело весьма естественным. Вот этим и скверно в уездных и даже губернских городах. Все берут, нет другого общества, и поневоле делаешься снисходительным, говоря, что этот берет не так, как тот, легче и т. п. — А по-настоящему никому из них и руки подать нельзя! Даже мне иногда совестно колоть им собой глаза. Впрочем, здесь, как я вам писал, был один честный человек, городничий Деев[1], теперь в отставке. Зато он известен был как некое чудовищное исключение, неслыханное диво и дрянной городничий. <...> Кланяюсь Гоголю. Заставьте его прочесть стихотвор<ения> Григ<ория> Богослова»[2].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 925.

[1] Иван Михайлович Деев (1792–1852), полковник, рыбинский полицеймейстер с 1828 до 1848 г.

[2] См. ***1849. Августа 6. Суббота. Праздник Преображения Господня. Рыбинск***; ***1849. Августа 29. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

АВГУСТА 20–21. СУББОТА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. МУРАНОВО

Гоголь переночевал в доме Н. В. Путяты в Мураново[1] (имение воспето в 1834 г. Е. А. Боратынским в стихотворении «Есть милая страна, есть угол на земле...»).

В 1932 г. правнук Ф. И. Тютчева К. В. Пигарев (1911–1984)[2], передавая свидетельство дочери Н. В. Путяты Ольги Николаевны (1840–1920)[3], сообщал: «В подмосковной усадьбе (музее) Мураново, принадлежавшей жене Н. В. Путяты[4], показывают в верхнем этаже дома комнату, в которой останавливался Гоголь»[5].

В путеводителе по Мураново 1948 г. Пигарев добавлял: «Одна из комнат в верхнем этаже мурановского дома еще со времен Путяты получила название "Гоголевской": в ней ночевал великий писатель. Здесь до сих пор сохранился удобный приземистый диван-"crapaud" ("жаба"), на котором отдыхал Гоголь»[6].

В 1957 г. он же уточнял: «Он <Гоголь> приехал в Мураново из Абрамцева, где гостил у С. Т. Аксакова. С этого времени, как рассказывала впоследствии О. Н. Тютчева[7], комната получила название Гоголевской. <...> По словам О. Н. Тютчевой, отдельные предметы из тогдашнего убранства комнаты сохранялись здесь и позднее: диван-"жаба" и два кресла работы местных столяров»[8].

«Дочь Н. В. Путяты, О. Н. Тютчева, вспоминала Сергея Тимофеевича <Аксакова> с его удочкой — неподвижного и сосредоточенного — на берегу мурановского пруда. <...> <Он> был соседом Путяты: ему принадлежало — неподалеку от Муранова — Абрамцево. Страстный рыболов, он зачастую приезжал с вечера, а рано поутру отправлялся удить рыбу в мурановском пруду, том самом "ясном, чистом" пруду, который воспет в посвященных Муранову стихах Боратынского. В этом пруду, кстати сказать, водились судаки — приманка для всей округи, — посаженные еще Боратынским и его тестем Л. Н. Энгельгардтом»[9].

[1] Николай Васильевич Путята (1802–1877), литератор. Ранее Гоголь встречался с ним в Ахене 7 июля (н. ст.) 1836 г. (см. ***1836. Июля 7 <июня 25>. Четверг. Ахен***). О намерении Гоголя отправиться к Путяте см. также ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***; ***1849. Августа 20. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

[2] Сын Е. И. Тютчевой, в замужестве Пигаревой (1879–1957).

[3] Жена (с 1869 г.) Ивана Федоровича Тютчева (1846–1909), младшего сына Ф. И. Тютчева.

[4] Софья Львовна (1811–1844), дочь Л. Н. Энгельгардта, жена (с 1838 г.) Николая Васильевича Путяты (1802–1877).

[5] Свидетельства о Гоголе О. Н. Тютчевой (рожденной Путяты) // *Свод*. Т. 2. С. 968.

[6] Там же. Т. 2. С. 969.

[7] В августе 1849 г. О. Н. Тютчевой было около девяти лет.

[8] Свидетельства о Гоголе О. Н. Тютчевой (рожденной Путяты) // *Свод*. Т. 2. С. 969.

[9] Там же. Т. 2. С. 968.

АВГУСТА 21. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МУРАНОВО

Гоголь с К. О. Россетом выехал из Мураново в Москву.

См. ***1849. Августа 20–21. Суббота-воскресенье. Мураново.***

АВГУСТА 23. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«В саду. Гоголь».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

АВГУСТА 24. СРЕДА. МОСКВА

Московский обер-полицеймейстер И. Д. Лужин выдает Гоголю «Свидетельство» на право проезда в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии[1]:

«Дано чиновнику 8 класса[2], Николаю Васильевичу Гоголю, для свободного следования в Губернии Тульскую, Орловскую и Калужскую и обратно в Москву, с тем, чтоб по прибытии его в Москву свидетельство это было представлено в мою Канцелярию для уничтожения»[3].

Свидетельством Гоголь, по-видимому, воспользовался в период с 7 сентября по первую половину октября 1849 г. Незадолго перед тем, с 31 августа по 6 сентября 1849 г., он побывал в Радонежье (Абрамцево) у Аксаковых, после чего вернулся, вместе с О. Сем. Аксаковой, в Москву[4] (ранее, с 14 по 20 августа 1849 г. Гоголь уже гостил в Радонежье, поэтому его поездка туда в конце августа была второй). В 20-х числах сентября Гоголь отправился к А. О. Смирновой в Калугу[5] (как и посещение Радонежья, эта поездка в Калугу также была второй за год: первая состоялась в июле[6]).

[1] Свидетельство на проезд в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии и обратно в Москву, выданное Гоголю 24 августа 1849 г. // *Свод.* Т. 3. С. 711.

[2] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 309.

[4] См. ***1849. Сентября 6. Вторник. Радонежье (Абрамцево), Москва.***

[5] См. ***1849. Сентября 20-е числа – октября до 12–13. Калуга.***

[6] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец.***

АВГУСТА 27. СУББОТА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет Гоголю в Москву (письмо было закончено и отправлено через день[1], с К. С. Аксаковым).

Из письма С. Т. Аксакова: «Я должен перед вами покаяться. После всего случившегося в течение последних семи лет[2] я, Фома Неверный, как вы сами меня назвали[3], потерял было веру в дальнейшее существование вашего творческого таланта. Мне показалось несовместным ваше духовное направление с искусством[4]. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю вас, что вы наконец решились рассеять мое заблуждение. Вы знали его; но не знали, как тяжело было мне смотреть на вас, на мнимого страдальца, утратившего плодотворную силу своего творчества, но не потерявшего стремления, необходимости творить. Много вытерпел я сердечной скорби от моей грубой ошибки. Но теперь все забыто! Слава Богу, я чувствую только одну радость. Талант ваш не только жив, но он созрел. Он стал выше и глубже, что я и сказал вам сейчас после чтения[5].

Может быть, вы хотели бы слышать от меня критическую оценку, но я не могу этого сделать. Я слушал с таким волнением, а сначала и с предубеждением, что подробности впечатлений скоро поглотились одним чувством наслаждения. Притом же я никогда не могу судить верно о подробностях, *слушая в первый раз:* мне надобно прочесть своим глазом. Но вот что у меня осталось в памяти. 1) Мне показалось, что сначала как-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мне показался несколько длинным и натянутым рассказ об Александре Петровиче. 3) Встреча в деревне крестьянами молодого барина как будто жидка и одностороння. Но я не ручаюсь за верность моих замечаний. Если вы захотите их иметь, то дайте мне тетрадь в руки. Да подкрепит Бог ваше здоровье и благословит окончательные труды ваши: ибо я считаю, что "Мертвые души" написаны и что теперь остается последняя отделка. Я прошу у Бога милости дожить до их появления, при настоящем моем уме и чувствах. Я хочу вполне насладиться не только восстановлением вашей славы, но и полным торжеством вашим на всем пространстве Руси...

Как утешили вы меня, Константина и все наше семейство! Как долго мы были полны только одним чувством, о которое притуплялось даже горе... Прочь все теории и умствования: да будет благословенно искусство на земле!»

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» сообщал: «[Через несколько дней Константин поехал в Москву, и я написал с ним к Гоголю письмо, в котором откровенно признался ему во всех моих сомнениях, уничтоженных первою гла<вою> 2-го тома Мер<твых> Д<уш>.] <...> Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, и я написал к нему письмо, в котором я сделал ему несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты»[6].

[1] См. ***1849. Августа 29. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[2] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва*** (воспоминания С. Т. Аксакова).

[3] См. ***1849. Августа 20. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

[4] См. также ***1843. Июля 24 <12>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания); ***1844. Марта 14 <26>. Вторник. Астрахань***; ***1846. Августа 26 <сентября 7>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***; ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва***; ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва***; ***1846. Декабря 3 <15>. Вторник. Москва***; ***1847. Января 23 <февраля 4>. Четверг. Москва***; ***1847. Февраля 4 <16>. Вторник. Москва***; ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану); ***1847. Мая 20 <8>. Четверг. Генуя***. — Впоследствии Аксаков вернулся к прежним представлениям (см. ***1852. Февраля 23. Суббота. Третий день по кончине Гоголя. Радонежье (Абрамцево)***; ***1852. Февраля 25. Понедельник. Радонежье***). Не доведенная до конца «История нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова 1854–1855 гг. лишь на первый взгляд может показаться «беспристрастной» и «дружелюбной» в отношении к Гоголю. Как позволяет судить обширное эпистолярное наследие семьи Аксаковых, а также подготовительные материалы С. Т. Аксакова к его «Истории...» — и само содержание этого незавершенного произведения, сохранившаяся его часть — лишь подступ к изображению решительного размежевания с Гоголем — автором «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сама незавершенность «Истории...» во многом объясняется неоднозначностью и непоследовательностью С. Т. Аксакова в этом принципиальном и наиболее важном для него эпизоде взаимоотношений с Гоголем (см. также ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва*** — примечания). Лишь однажды в «Истории...» самоуверенный тон С. Т. Аксакова в оценке учительства Гоголя сменяется на покаянный: «Будучи сам плохим христианином, я с неудовольствием и недоверчивостью смотрел на религиозное направление Гоголя. Вероятно, это было главною причиною, почему он не открывался мне в своих намерениях» (см. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва*** — воспоминания С. Т. Аксакова). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

[5] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***.

[6] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 653.

АВГУСТА 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской в Петербург описывает поездку Гоголя в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру 19 августа 1849 г.[1]

В тот же день С. Т. Аксаков отвечал[2] сыну Ивану в Рыбинск:

«Уведомление о Рыбинском спектакле так замечательно, что я пишу о нем Гоголю. Об стихотворениях Григорья Богослова[3] также напишу»[4].

В письме к Гоголю в Москву, начатом 27 августа 1849 г.[5], С. Т. Аксаков, перед отправкой, сделал приписку:

«Иван вам кланяется. Он спрашивает: читали ли вы стихотвор<ения> Григория Богослова? Если нет, то прочтите.

В Рыбинске играли "Ревизора"; в половине пиесы актеры, видя, что зрители больше их похожи на действующие лица,— помирали все со смеха».

[1] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***

[2] См. ***1849. Августа 20. Суббота. Рыбинск.***

[3] См. ***1849. Августа 6. Суббота. Праздник Преображения Господня. Рыбинск***; ***1849. Августа 20. Суббота. Рыбинск***; ***1849. Августа конец — сентября 11. Воскресенье. Рыбинск.***

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 605.

[5] См. ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

АВГУСТА 30. ВТОРНИК. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«В последнем письме своем Вы пишете, милый отесинька, о посещении Путяты, Гоголя и Хомякова[1]. <...> О Гоголе я могу Вам сказать кое-что утешительное. Только предваряю, что это секрет, и если Вы как-нибудь его не удержите, то вся вина обрушится на меня. Я получил на днях письмо от Александры Осиповны, которой до смерти хочется разболтать свой секрет, но говорит, что не велено, однако же, кое-что сообщает. Гоголь читал ей 2-й том Мертвых Душ[2], не весь, но то, что написано. Она в восторге, хоть в этом отношении она и не совсем судья. "Как жаль, — пишет она, — что я не смею Вам проболтаться о Муразове, Элабуеве <Хлобуеве>, Улиньке, Чаграповой <Чагравовой>, Генерале Быстрищеве <Бетрищеве>"... — и еще какая-то фамилия, которую я не мог разобрать. Говорит, что 1-й том перед тем, что написано и что только набросано, совершенно побледнел. — Может быть, Константин и махнет рукой, но я просто освежился этим известием; нужно давно обществу блистание Божьих талантов на этом сером, мутном горизонте. Атмосфере необходимо разрушиться громом, блеском и молнией великолепного Божьего дара!.. Я прошу Смирнову проболтаться совсем[3]. Только вы, чур, молчите. Если это дойдет до Гоголя, то он рассердится на Смирнову и на меня. Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал Мертвых Душ. Он видит в настоящее время, что Вы и Константин мало заботитесь о его производительности и не ждете от него ничего; даже не видит уважения к прежним проявлениям своего таланта. — Впрочем, я уверен, что Вы, милый Отесинька, обрадуетесь этому известию, да и Константин тоже».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 926.

[1] См. ***1849. Августа 20. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[2] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[3] См. ***1847. Августа конец — сентября 11. Воскресенье. Рыбинск.***

АВГУСТА 31. СРЕДА. ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

Гоголь еще раз приезжает на дачу к Аксаковым[1].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» писал: «Получив мое письмо[2], Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. [Нетерпение его было так велико, что он не захотел подождать Константина, который только на несколько часов должен был остаться в Москве и мог привезти его в своем экипаже. Гоголь] нанял карету, лошадей и в тот же день 31-го июля <августа> прискакал к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел [долго и крепко жал мне руку], и сейчас сказал: "Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, *пристрастный* ко мне". Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять и остальное все время работал. После же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. [Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав С[мирновой] и Ш[евыреву], что сам увидел, [что многие места] как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы.]»[3]

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова также сообщала: «...Потом <Гоголь> приехал в начале сентября и опять провел неделю»[4].

[1] См. ***1849. Сентября 8. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево).***

[2] См. ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[3] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 653.

[4] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

СЕНТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Гриц.* С. 433.

СЕНТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ

Д. К. Малиновский пишет Гоголю:

«Неужели Вам не скучно читать мои письма? Вы сказали даже, что Вам приятно прочесть написанное мною: с признательными слезами на душе благодарю Вас за это. <...> Всяк, всяк, даже святой муж имеет на земле удовольствия, каждый свои. И вот когда я всматриваюсь в удовольствия мои, вижу, что писать к Вам — одно из самых больших моих удовольствий».

СЕНТЯБРЯ 2. ПЯТНИЦА. КАЛУГА

«Что представляла из себя Ольга Николаевна[1] в <...> годы юности, можно видеть по небольшим отрывкам ее дневника. "Пятница, 2 сентября 1849 года. Сегодня m-r Белевич, директор гимназии, дал нам первый урок. Мне очень понравилось. Я пишу ему сочинение"».

Крестова Л. В. К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А. О. Смирновой // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 367.

[1] Смирнова, дочь А. О. Смирновой.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«В четверг[1] получил я Ваше письмо от 29-го августа[2]. Вот забавно: мы друг другу сообщаем один и тот же секрет! Я говорю о Гоголе. Требование его, чтобы Вы не писали о Мертвых Душах даже мне[3], совершенно нелепо и не имеет никакого основания, а потому прошу Вас и не слушаться его. Напишите мне обо всем подробно[4]; одна ли глава написана или несколько».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 926.

[1] 1 сентября 1849 г.

[2] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***; ***1849. Августа 29. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[3] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (письмо С. Т. Аксакова от 29 августа 1849 г.).

[4] См. ответное письмо С. Т. Аксакова: ***1849. Сентября 8. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево)***.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. ГЕЛЬСИНГФОРС

Я. К. Грот пишет С. П. Шевыреву:

«Гоголь, вероятно, уже воротился из своей поездки. Потрудитесь передать ему, как мне жаль было, что я не мог дождаться его в Москве. Он просил у меня достать ему финскую флору[1]. Я и хотел тотчас же исполнить его желание, но, к сожалению, узнал, что финской флоры никогда еще не было издаваемо; есть флора шведская, но она довольно значительно отличается от финской».

Из писем Я. К. Грота // *Свод*. Т. 3. С. 705.

[1] См. ***1849. Июня 25. Суббота. Москва***; ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс***.

СЕНТЯБРЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

Гоголь отправляет ответное[1] письмо матери в Васильевку (письмо помечено: «Москва. Сентября 4»):

«Письмо от августа 1-го получил. Рад, что у вас хлеба гораздо лучше прошлого, и удивляюсь только тому, что такая засуха. Здесь повсюду дожди; продолжались они до 1 сентября и не давали убирать до сих пор хлеба. <...> Советую вам держать хлеб и не продавать его. Цены становятся очень низки. Продадите за бесценок, а потом сами будете покупать. Душевно меня огорчает разрушающееся здоровье Андрея Андреевича[2]. Любезной сестре моей Елисавете Васильевне замечу здесь, что она крайне неаккуратна. Эмилия[3] уже давно бы, может быть, была помещена, если бы она потрудилась выслать все те бумаги, о которых я писал[4], а именно: 1-е, свидетельство о том, что она сирота, не имеет ни отца, ни матери и никакого имущества; 2-е, послужной список ее отца и, наконец, 3-е, метрическое свидетельство. Вместо всего этого я получил одно только метрическое свидетельство и ничего больше, даже изъяснения, почему нельзя было выслать прочего. <...> Здоровье мое покамест не в дурном состоянии, хотя и нет свежести крепких юношеских лет. Передайте поклон всем тем, которые прислали мне его от себя в ваших письмах».

[1] См. ***1849. Августа 1. Понедельник. Васильевка.***

[2] Трощинский.

[3] См. также ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва; 1850. Февраля 11. Суббота. Москва; 1850. Апреля средина. Москва.***

[4] См. ***1849. Февраля средина. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 6. ВТОРНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО), МОСКВА

Отъезд Гоголя из Радонежья (Абрамцево) в Москву вместе с О. Сем. Аксаковой[1].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» писал: «6 сентября Гоголь уехал в Москву [вместе с моей женой] вместе с О<льгой> С<еменовной>. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы М<ертвых> Д<уш> и велел непременно сказать это мне.

(Я зарапортовался и вошел в такие подробности, которым в вашем очерке совсем не следует быть, ибо они слишком связаны с личностью моей и моего семейства, да и говорить многое рано, особенно без объяснений; итак, покорнейше прошу не помещать тех строк, которые зачеркнуты [а взять из них только голые факты и указания]. Теперь я стану продолжать так, как желаю, чтоб было помещено у вас.)»[2]

[1] См. ***1849. Сентября 8. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево).***

[2] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 653.

СЕНТЯБРЯ 8. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО).

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Рыбинск:

«В прошедший понедельник[1] я, против моего обыкновения, не писал к тебе: мать[2] с Гоголем сбирались в Москвȕ, куда и уехали во вторник[3], и я хотел писать с ними, да не успел. Секретарь мой[4] заметил мне, что ты не знаешь о вторичном приезде к нам Гоголя. В прошедшую среду[5] (но не вчера), часов в 8 вечера, Гоголь удивил нас своим приездом, который был, вероятно, следствием моего письма к нему о первой главе второго тома Мертвых Душ[6]. Он был так доволен им, что не захотел подождать несколько часов, чтоб ехать вместе с Константином, который в тот же день выехал из Москвы вечером и в четверг рано поутру к нам приехал. Гоголь пробыл у нас 6 дней, но ничего не читал своего, хотя вечера, т. е. с пяти часов по полудни проводил с нами в гостиной, читая нам всякую всячину и не давал спать Констант<ину>. Мы не напрашивались на чтение, хотя очень хотелось нам послушать вторую главу. Впрочем, в последний вечер он сказал нам, что кое-что поправит и тогда прочтет. Смирновой он, верно, читал гораздо больше. Отвечаю на твое письмо[7]: Гоголь сам сказал, что у него написано очень много, только не отделано. Он даже не противоречил мне, когда я сказал ему, что оба тома должны быть написаны...»[8]

[1] 5 сентября 1849 г.

[2] О. Сем. Аксакова.

[3] См. ***1849. Сентября 6. Вторник. Радонежье (Абрамцево), Москва.***

[4] Имеется в виду дочь С. Т. Аксакова Вера, названная «секретарем» в шутку.

[5] См. ***1849. Августа 31. Среда. Восемь часов вечера. Радонежье (Абрамцево).***

[6] См. ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[7] См. ***1849. Сентября 3. Суббота. Рыбинск.***

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 605–606.

СЕНТЯБРЯ 9. ПЯТНИЦА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева заканчивает и отправляет Гоголю в Москву письмо, начатое месяцем ранее[1]:

«Сию минуту прочла вашу молитву, которую и всякой день читаю, она пришлась мне по душе. Спаси вас Господи».

[1] См. ***1849. Августа 8. Понедельник. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 10. СУББОТА. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«В последнем письме своем[1] Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь опять к Вам приехал в деревню[2]: не вторая ли это глава Мертвых Душ?»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 926.

[1] См. ***1849. Сентября 8. Четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево).***
[2] См. ***1849. Августа 31. Среда. Восемь часов вечера. Радонежье (Абрамцево).***

СЕНТЯБРЯ 10. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Управляющий III Отделением генерал-лейтенант Л. В. Дубельт утверждает рапорт театрального цензора С. А. Гедеонова о запрещении постановки «Нахлебника» И. С. Тургенева как произведения, «равно оскорбляющего и нравственность и дворянское сословие»[1].

Речь в пьесе идет о супружеской измене, вследствие которой героиня пьесы оказывается дочерью «нахлебника». Похоже, именно к этой пьесе относится заметка Гоголя «О театре» на последней странице его записной книжки 1842–1851 гг.: «Искусство упало. Высокие доблести, величие духа, всё, что способно поднять, возвысить человека, являются редко. Всё или карикатура, придумываемая, чтобы быть смешной, или выдуманная чудовищная страсть, близкая к опьянению, которой авто<р> старается из всех <сил> дать право гражд<анства>, составляют содержание нынешних пиэс»[2].

По свидетельству М. В. Станкевич, Гоголь, несмотря на восторги М. С. Щепкина, называл пьесу Тургенева «Нахлебник» «безнравственною»[3]. Об аналогичном гоголевском отзыве об этой пьесе сообщал А. А. Григорьев[4].

[1] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 2. С. 592–593.
[2] См. также ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).
[3] См. ***1849. Декабря 11. Воскресенье. Москва.***
[4] Там же.

АВГУСТА КОНЕЦ – СЕНТЯБРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РЫБИНСК

И. С. Аксаков пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«О, премудрая Александра Осиповна, как благодарен я вам, что вы до сих пор не совладели еще с своею женскою слабостью — болтливостью, проболтались и рассказали мне хоть кое-что о 2-м томе "Мертвых Душ", об Улиньке, Хлобуеве, Чагравовой, Быстрищеве, Муразове и Тентиничкове <Тентетникове>!.. Вы меня просто освежили этим известием. Да уж расскажите все! Мне можно. Обещаю вам соблюсти величайший секрет, по-мужски. Это вам и Гоголь позволит. А ведь он московским своим знакомым ни слова, и вообще с ними мало откровенен; оттого и он, и они друг другом не совсем довольны. Как давно требует душа нового, великого произведения искусства... <...> А как Гоголь есть величайший современный художник, то от него только и можно ждать удовлетворения. Нет, уж вы мне все подробно напишите. <...>

Сентября 11. Много дней прошло с того времени, как я начал это письмо. <...> Прежде всего о Гоголе. Я получил письмо от батюшки[1]. Он в восторге от 1-й главы "Мертвых Душ", которую Гоголь читал у нас в деревне; вскоре затем Гоголь опять побывал у нас в Радонежье, только ничего, однако же, не прочел[2]. <...>

За неимением других книг у моего хозяина, читал на ночь творения св. Отцов. Читали ли вы Григория Богослова? Если нет, так прошу вас, достаньте себе его "стихотворения"[3] и прочтите. Вот кто доставил мне немалое утешение! <...> ...Возьмите пятую и шестую[4] часть Творений Св. Отцов в русском переводе 1847 и 1848 годов... <...> Рекомендуйте его Гоголю[5]. <...>

...У вас в сентябре, 17-го, две именинницы, из числа которых одна знаменитая Надежда Николаевна[6], выразившаяся однажды про меня в Калуге, где я носил длинные волосы: ça ressemble a Gogol!»[7]

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 927.

[1] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (письмо С. Т. Аксакова от 29 августа 1849 г.).

[2] См. ***1849. Августа 31. Среда. Восемь часов вечера. Радонежье (Абрамцево)***.

[3] См. ***1849. Августа 6. Суббота. Праздник Преображения Господня. Рыбинск***.

[4] Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1848. Ч. 6 (цензурное разрешение 27 ноября 1847 г.).

[5] См. также ***1849. Августа 29. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[6] Дочь А. О. Смирновой. Другая именинница — Н. С. Аксакова.

[7] Это похоже на Гоголя! (*фр.*).

СЕНТЯБРЯ 13. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Уваров уволен, и удар[1]. Жаль его. Протасов министр».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

[1] «Товарищ Министра Народного Просвещения <А. С. Норов> писал Государю Наследнику Цесаревичу: "6-го сего сентября министр Народного Просвещения граф Уваров подвергся нервному паралитическому удару, последствием которого было отняние правой руки и ноги..."» (*Барсуков.* 1896. Т. 10. С. 539).

СЕНТЯБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«Зачем вы ни строчкой не отвечали на письмо мое[1]? Я слышал, что вам много хлопот и даже неприятностей, но все-таки хоть два слова».

[1] Письмо не сохранилось.

СЕНТЯБРЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]; в роли Городничего — вероятно, М. С. Щепкин, находившийся тогда на гастролях в Петербурге[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.
[2] *Гриц*. С. 435.

СЕНТЯБРЯ 20. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет М. М. и Е. П. Нарышкиным:

«Мне Дарья Андреевна[1] сказывала, что вы ожидаете к себе Николая Васильевича Гоголь. Если он с вами или будет к вам, скажите ему: кланяюсь ему с любовию...»[2]

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вот что значит напряжение и волнение. Все утро проработал я, не отвлекаясь мыслью ни на минуту. След<овательно> для духа нужны такие движения. Потому-то и Пушкин любил играть. Обед<ать опять> к Акс<аковым>. — Гадко смотреть на наших помещиков. — Соверш<енные> свиньи, а эти еще добрые[3]. <...> Отыграл сто руб<лей>»[4].

[1] Лицо неустановленное.
[2] *Виноградов И. А.* Гоголь и Надежда Николаевна Шереметева: отношения и переписка // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 35.
[3] Подробнее см.: ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва*** (примечания).
[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 498.

СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ 6[1] И 20-МИ[2] ЧИСЛАМИ. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное письмо к князю П. А. Вяземскому в Константинополь и письмо к В. А. Жуковскому в Баден (датировка обоих писем уточнена; см. примеч. ниже).

Из письма к Вяземскому: «От всей души благодарю вас за сообщенье письма от Жуковского. Оно меня больше чем успокоило на его счет. Среди всех этих бурь Бог помог ему не только избежать их, но даже произвести такое дело[3], которое и во время тишины невозможно произвести с такой быстротой, — это знак милости небесной! С благодарностью возвращаю вам обрадовавшее меня письмо и постараюсь поблагодарить лично».

Незадолго перед тем сам Вяземский, получив письмо Жуковского, обратился к П. А. Плетневу с просьбой прислать ему вторую часть перевода «Одиссеи» в Константинополь. 11/23 октября 1849 г. Плетнев сообщал Жуковскому из Петербурга: «Вяземский из Константинополя писал ко мне только один раз. Он просил меня переслать ему туда 2-ю часть “Одиссеи”, что я и исполнил. Воображаю, с каким он упоением читает ее на берегу Геллеспонта»[4].

Из письма Гоголя к Жуковскому: «Миллион поцелуев и ничего больше! Известие об оконченной и напечатанной “Одиссее”[5] отняло язык. Скотина Чичиков едва добрался до половины

своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что [самому] автору "Мерт<вых> д<уш>" нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков. Письмо напишу — и будет длинное».

[1] См. ***1849. Сентября 6. Вторник. Радонежье (Абрамцево), Москва.***

[2] См. ***1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Калуга.***

[3] Речь идет о второй части перевода «Одиссеи» (XIII–XXIV песни) (см. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель*** — примечания).

[4] Из писем П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1870. № 7. Стб. 1297. — См. также ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания).

[5] Вероятно, книгу Гоголь получил по возвращении из Калуги 12–13 октября 1849 г. (см. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***).

СЕНТЯБРЯ 20-Е ЧИСЛА[1] — ОКТЯБРЯ ДО 12–13[2]. КАЛУГА[3]

Гоголь вновь[4] гостит у Н. М. и А. О. Смирновых в Калуге.

Позднее, 21 января 1850 г., Гоголь сообщал П. А. Плетневу: «У Смирновой я, точно, прогостил осенью. Не писал о ней потому, что полагал тебя знающим насчет ее через Аркадия Ос<иповича> Россета... <...> Она вначале более тосковала и больше хворала. В последнее же время, как мне показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дело, за которое всякая женщина, по-моему, должна бы приняться с самого начала, то есть за хозяйство и всякие экономические заботы по имению. Теперь я слышу, что она их продолжа<ет> и за ними не скучает. От этого и самое здоровье ее, говорят, лучше. Так мне о ней рассказывали видевшие ее еще недавно в Калуге. Дочери у ней[5] вышли очень миленькие, обе почти невесты, [меньшая] вторая даже красавица. Воспитываются хорошо благодаря гувернантке, мисс Овербек, уединенью и близости от жизни деревенской».

[1] Ср. ***1849. Сентября 15. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва.***

[3] См. ***1849. Августа 24. Среда. Москва.***

[4] Ср. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии***; ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга.***

[5] Ольга (1834–1893), Софья (1836–1884) и Надежда (1840–1899).

СЕНТЯБРЯ 22. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» и «Тяжбы» в Александринском театре[1]; в ролях Кочкарева и Бурдюкова — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323, 404.

[2] *Гриц.* С. 433.

СЕНТЯБРЯ 29. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 436.

СЕНТЯБРЯ 27–30. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану в Рыбинск:

«Особенно помолилась за тебя, мой милый сын Иван, 26-е сентября[1]: да благословит тебе Бога на новый год твой, как и где провел этот день? Как бы Пошехонское население не вздумало праздновать твои именины, узнавши о том от Афанасья. Как же назад тому 13 лет обвиняли Гоголя за ревизора, что нет и не может быть такого города и таких людей, а теперь это у тебя все *в очию совершается*[2].

Время делается холодно, и я боюсь, что Гоголь не приедет сюда к нам[3], а как хочется послушать. Какой был для меня соблазн, когда Гоголь оставил портфель, и все тетради сбоку так и виднелись, что можно было что-нибудь прочесть, но я никак не решилась».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод*. Т. 2. С. 782.

[1] Память св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, именины И. С. Аксакова.

[2] См. письмо И. С. Аксакова к родным от 20 августа 1849 г. о постановке в Рыбинске «Ревизора»: ***1849. Августа 20. Суббота. Рыбинск***.

[3] См. также ***1849. Октябрь – ноября начало. Радонежье (Абрамцево)***.

ОКТЯБРЯ 5. СРЕДА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Рыбинск:

«Проводив мать и Веру, примусь за свои охотничьи записки; если не пойдет описание птиц, то попробую заняться кратким описанием технической части оружейной охоты, которого у меня уже довольно написано, только в отрывках. Если же и это не пойдет, то напишу о знакомстве своем с Державиным, что я обещал Гоголю»[1].

Очерк «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков закончил после смерти Гоголя (опубл. в 1856). В примечании к очерку Аксаков писал: «Статья эта написана прежде всех других моих статей, а именно в мае 1852 года».

[1] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 606.

ОКТЯБРЯ 12–13. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь вместе с братом А. О. Смирновой И. О. Россетом[1] вернулся из Калуги в Москву. (По дороге в Москву «завяз» в Малоярославце[2].) По приезде встретился с графом В. А. Соллогубом, который сообщил о рождении у него, 11 августа 1849 г. в Петербурге, дочери Аполлинарии[3] (умерла спустя несколько месяцев, 12 апреля 1850 г.[4]).

С. Т. Аксаков, вероятно, получив от жены известие из Москвы[5], 13 октября 1849 г. сообщал сыну Ивану из Радонежья (Абрамцево): «Гоголь воротился в Москву»[6].

Вероятно, сразу по возвращении Гоголь получил от А. Я. Булгакова[7] присланную для него В. А. Жуковским из Бадена вторую отпечатанную часть перевода «Одиссеи»[8] (XIII–XXIV песни).

Первую часть печатного издания перевода Гоголь получил в ноябре 1848 г.[9] Для С. П. Шевырева XIII–XXIV отпечатанные песни поэмы Жуковский послал в Москву, вероятно, в начале октября 1849 г. Шевырев должен был получить книгу одновременно с Гоголем[10].

[1] Иосиф Осипович Россет (1812–1854).
[2] См. ***1849. Октября 20. Четверг. Москва***; ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга.***
[3] См. ***1849. Октября 20. Четверг. Москва.***
[4] См. ***1850. Мая 29. Понедельник. Москва.***
[5] См. ***1849. Октября 5. Среда. Радонежье (Абрамцево).***
[6] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 606.
[7] См. ***1849. Ноябрь — начало декабря. Баден-Баден.***
[8] См. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель***; ***1849. Сентября между 6 и 20-ми числами. Москва***; ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания); ***1849. Ноября конец. Москва.***
[9] См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***; ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва.***
[10] См. ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 15. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечер<ом> Кн<язь> Енгал<ычев>, Шев<ырев>, Киреев<ский>, Гоголь, Григорь<ев>. Духовная беседа, а Гоголь скучал и улизнул»[1].

«Возвратившись домой с этого вечера, сосредоточенный И. В. Киреевский написал Погодину ироническое письмо: “Вчерашняя духовная беседа так подействовала на мой грешный нос, что я забыл от него платок у тебя в передней, платок прекрасный, в смысле Шевырева, то есть, красный, и прямо для моего носа сотканный, потому что такой же толстый, как он. Прошу тебя приказать его поискать и при случае мне доставить. Мы надеемся, что ты навестишь нас прежде нашего отъезда”»[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.
[2] *Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 326; *Свод.* Т. 2. С. 500.

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное[1] письмо Н. Н. Шереметевой в с. Покровское[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1849. Сентября 9. Пятница. С. Покровское.***
[2] Ответ Шереметевой см.: ***1849. Октября 23. Воскресенье. С. Покровское.***

ОКТЯБРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Студент М. И. Орлов[1] отправляет Д. К. Малиновскому письмо (начатое 15 октября 1849 г.), в котором отвечает на просьбу приятеля ходатайствовать за него у Гоголя по какому-то «литературному» делу[2]:

«1849, Октября 15. Суббота.

<...> Что касается до поручения к Гоголю, не знаю, почему бы мне отказываться от него: исполнение с первого разу кажется не слишком трудно. Делай, как знаешь, — я готов к нему сходить. Только, пожалуйста, — обо мне ни слова лишнего. “Придет, де, скажи, к Вам такой-то

(имярек) и только". — Не знаю только, там ли он живет, где прежде жил. Впрочем — ничего: найти можно. <...>

Понедельник. 17 Октября.

Да напиши мне, пожалуйста, толком, в чем должна заключаться эссенция моей вступительной речи к Гоголю. — Кстати. Сев<ерная> Пчела обещает скорого выхода 2ой части Мертвых Душ. А Жуковский напечатал уже последние 12 песен Одиссеи[3]. Торжествует русская литература! <...> А Петр Александрович[4] недавно воротился из путешествия по Святым местам русским и проехал около 25 городов; был в Малороссии и остался ею недоволен после гоголевских и пушкинских описаний»[5].

[1] Матвей Иванович Орлов, студент 4 курса историко-филологического факультета Московского университета.

[2] См. ***1849. Октября 29. Суббота. Москва***.

[3] См. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель*** (примечания).

[4] Плетнев.

[5] *Свод*. Т. 3. С. 684.

ОКТЯБРЯ 18. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Женитьбы» в Александринском театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.

[2] *Гриц*. С. 441.

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 13 И 20. МОСКВА

Возможно, к этому же времени относится новая встреча Гоголя с А. Д. Галаховым:

Из воспоминаний Галахова (1892): «...<Последний, четвертый> раз сошелся я с ним в Москве же, в книжной лавке Базунова[1], бывшей Ширяева[2]. Он просил показать ему вышедшие в его отсутствие (где он был перед этим временем, не припомню) литературные новинки. Базунов выложил на прилавок несколько книг, в том числе и новое издание моей "Русской Хрестоматии"[3], в трех книгах, из которых последняя, под названием "примечаний", заключала в себе биографические сведения о важнейших писателях и оценку их деятельности. Гоголь, разумеется, был превознесен выше облака ходячего, но и он польстил мне, когда в число отобранных им книг включил и мой учебник».

Галахов А. Д. Сороковые годы // *Свод*. Т. 3. С. 301.

[1] Иван Васильевич Базунов (1785–1866), московский книгопродавец.

[2] Александр Сергеевич Ширяев (ум. 15 февраля 1841), московский книгопродавец.

[3] Полная русская хрестоматия. Составил А. Галахов. 3-е изд., дополненное примечаниями. М., 1849. Ч. 3. Примечания (цензурное разрешение 25 авг. 1849 г.). Вопреки заявлению мемуариста, что будто в томе «Примечаний» Гоголь был «превознесен выше облака ходячего», в этом издании содержится лишь краткая библиографическая справка о Гоголе (С. 46).

ОКТЯБРЯ 20. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь отправляет письма к А. О. Смирновой в Калугу и к графиням С. М. Соллогуб и Анне М. Виельгорской в Петербург.

Из письма к Смирновой: «Я, слава Богу, не чувствую, что я хвор, время летит в занятиях, так что некогда подумать о болезни. Больше читаю, чем пишу. Вижу, что много нужно еще приготовиться, нужно внимател<ьно>, и даже очень внимательно, прочесть всё то, что знакомит нас с краем нашим, нами позабытым. Вижу мало кого, потому что просто не имею времени видеть. Графиню Соллогуб[1], которая здесь, еще не видал ни разу. Здоровье ее, говорят, хорошо. Видел вскользь Андрея Карамзина[2] с супругою[3], возвратившегося из путешествия по заводам и обширным демидовским землям, вскользь видел Соллогуба[4], неизменного и того же. Александр Петро<вич> Толст<ой> возвратился из Петербурга здоров и вам кланяется. <...> Поклонитесь тем, кто помнит меня в Калуге, и пришлите мне пакет, посланный на ваше имя мне в Калугу графиней Толстой. Он заключает в себе два письма[5], одно из которых мне очень нужно. Да и все-таки, мне кажется, этому пакету приличнее быть у меня, чем оставаться где-нибудь в конторе Жулева».

Из письма к Соллогуб и Виельгорской: «Милые и добрые друзья, Софья Миха<й>ловна и Анна Михайловна! От всей души поздравляю вас с принятием в семейный круг ваш нового гостя[6]. Разумею новорожденное существо, которое досталось одной из вас в дочери, а другой в племянницы. Возвратившись в Москву, я застал здесь Владимира Александр<овича>[7] и от него узнал о вашей семейной радости. Дай Бог, чтобы радость ваша сделалась еще большей, когда дитя достигнет возраста, поймет и оценит жизнь лучше нашего нынешнего поколения, бессмысленно ее растратившего на пустые развлеченья. Нынешняя поездка моя не была велика: всё почти в окрестност<ях> Москвы и в сопредельных с нею губерниях. Дальнейшее путешествие отложил до другого года, потому что на всяком шагу останавливаем собственным невежеством. Нужно сильно запастись предуготовительными сведениями затем, чтобы узнать, на какие предметы преимущественно следует обратить внимание. Иначе, подобно посылаемым чиновникам и ревизорам, проедешь всю Россию и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь все книги, сколько-нибудь знакомящие с нашей землей, большею частью такие, которых теперь никто не читает. С грустью удостоверяюсь, что прежде, во время Екатерины, больше было дельных сочинений о России[8]. Путешествия были предпринимаемы учеными смиренно, с целью узнать точно Россию. Теперь всё щелкоперно. Нынешние путешеств<енники>, охотники до комфортов и трактиров, с больш<их> дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее. При полном незнаньи земли своей утвердилась у всех гордая уверенность, будто знают ее. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для <того> только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России, как следует, смиренно, с желанием знать ее. Всё время мое отдано работе, часу нет свободного. Время летит быстро, неприметно. О, как спасительна работа и как глубока первая заповедь, данная человеку по изгнаньи его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой[9]! Стоит только на миг оторваться от работы, как уже невольно очутишься во власти всяких искушений. А у меня было их так много в нынешний мой приезд в Россию! Избегаю встреч даже с знакомыми людьми от страху, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дому только для прогулки и возвращаюсь сызнова работать. <...> С удовольствием помышляю, как весело увижусь с вами, когда кончу свою работу. Перецелуйте ручки у графини вашей маминьки[10]. Обнимите Михаила и Матвея Юрьевича[11], Веневитиновых и всю вашу вечно близкую моему сердцу семью. <...> Адрес мой по-старому».

[1] Софья Ивановна (1792–1854), мать графа В. А. Соллогуба.

[2] А. Н. Карамзин (1814–1854), сын историка Н. М. Карамзина.

[3] Аврора Карловна Карамзина (рожденная Шернваль, в первом браке Демидова, 1813–1902).

[4] Граф В. А. Соллогуб.

[5] Возможно, письма матери из Васильевки и Полтавы (см. ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***; ***1849. Ноября средина. Москва***; ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва***).

[6] 11 августа 1849 г. родилась графиня Ап. В. Соллогуб.

[7] Граф Соллогуб. — См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва.***

[8] Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг.: «Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина». — См. также: ***1851. Сентябрь-октябрь. Москва***; ***1851. Ноябрь-декабрь. Москва***; *Виноградов И. А.* Гоголь — историк и наблюдатель быта // *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 587–617.

[9] Бытие, гл. 13, ст. 19. — См. также ***1846. Мая 1 <апреля 19>. Пятница. Рим.***

[10] Л. К. Виельгорская.

[11] Графы Виельгорские.

ОКТЯБРЯ 20. ЧЕТВЕРГ. ВЕРЕЯ

Д. К. Малиновский пишет Гоголю в Москву:

«Всепокорнейше Вас прошу оказать мне великое доброе дело... <...> Из Петербурга, из Военного Департамента, пришла бумага, которой приказывается нам немедленно обратиться к Корпусному Командиру с просьбою о зачислении нас туда, куда мы поступить желаем. Не дождавшись бумаги, мы[1] уже поступили в 17-ую бригаду полевой артиллерии, в легкую № 3 батарею; теперь, когда пришло к нам Монаршее соизволение избрать род службы, мы желали бы быть переведены в Гвардейскую артиллерию. Мы желали этого и прежде, теперь же, когда более узнали разницу между одним и другим, желаем этого еще более. Покорнейше Вас прошу, Николай Васильевич, примите участие в постороннем для Вас деле, но в таком, где Вы много можете сделать для целой судьбы людей без протекции и без состояния. <...> ...Смысл нашей просьбы был таков, чтобы Государь позволил нам служить "вблизи Своего Августейшего Дома", т. е. в Петербурге, т. е. в гвардии; *если оказана на нашу просьбу милость,* то... пусть нас переведут в гвардейскую артиллерию... Это справедливое заключение во всяком случае, мне кажется, можно провесть в исполнение, если только захотят этого люди, которые это могут. <...> ...Вы посылали меня к Г<-ну> Полковнику Гинтовту[2], Вы сами хотели сказать ему слово обо мне, — теперь это может быть весьма действительно: если Вам угодно будет раскрыть ему наше дело, как оно есть, то я, кажется, уверен, что он, с позволения Вашего, будет в шляпе. <...> Я же смею беспокоить Вас просьбою о письменном ответе и потому прошу моего товарища и друга быть у Вас[3] и ждать Ваших ответов и приказаний. Может быть, Вам нужно будет прочесть просьбу, которую мы подали Государю, — он доставит Вам ее; может быть, Вам угодно будет послать его к кому-нибудь для меня — он пойдет; и ответ Ваш я через него узнаю. Посылая его к Вам, я снабжаю его собственноручною его рекомендациею, в письмах, которые я вчера от него получил, о чем, впрочем, покорнейше Вас прошу не говорить ему. В этом письме[4] он отвечает мне на предложение быть у Вас, которое я ему недавно сделал, вовсе не по настоящему делу, а по другому, по литературному, которое теперь бросил в печку. Зовут его Матвей Иванович Орлов; от студент 4-го курса Словесного отделения.

Еще я должен Вам сказать, что начальник 6-ой артиллерийской дивизии, Генерал Сухозанет[5], принял нас в артиллерию весьма благосклонно, и я не знаю, какое он должен принять участие в наших делах; если и его нужно о чем-нибудь просить, то сделайте милость, скажите о том г. Орлову, он даст знать моей матери, которая, пожалуй, и сама, и через других может просить Сухозанета. <...> Мое дело идет теперь почти единственно о счастии моих родных. <...> Как горяча моя любовь, как сильно во мне желание счастья моей матери, это знаю я один, чья душа так часто кипит за родных в слезах...»

[1] Д. К. Малиновский и его брат Сергей.

[2] А. Л. Гинтовт был соучеником Гоголя по Гимназии высших наук в Нежине (поступил в гимназию в 1827 г. и окончил ее двумя годами позже Гоголя, в 1830 г.). С 1848 по 1854 г. Гинтовт служил дежурным штаб-офицером в штабе 6-го армейского корпуса, впоследствии получил звание генерал-майора. 6 декабря 1849 г. Гоголь, в частности, писал А. О. Смирновой: «С Назимовым я мало знаком... <...> Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе» (см. ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***). В конце декабря 1851 г. полковник Гинтовт принимал участие в ходатайстве Гоголя о получении места наставника при сыне

Наследника, великом князе Николае Александровиче (1843–1865), о чем рассказывал в своих воспоминаниях художник М. И. Железнов (см. ***1851. Декабря конец. Москва***). — О А. Л. Гинтовте см. также: ***1824. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1849. Октября 29. Суббота. Москва***.

[4] См. ***1849. Октября 17. Понедельник. Москва***.

[5] Николай Онуфриевич Сухозанет (1794–1871), генерал-адъютант, с 1849 г. занимал должность начальника артиллерии действующей армии, с 1856 по 1861 г. — военный министр.

ОКТЯБРЯ 21. ПЯТНИЦА. МОСКВА

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану в Углич:

«...Ты не поверишь, как все жалеют и даже скучают, что мы не в Москве[1]. Гоголь говорит, что он не может поверить, чтоб Сергея Тимофеевича не было в городе. <...>

Кстати: о "Мертвых душах" все знают — Александра Осиповна написала о том даже *Шевыреву*, а в Калуге даже рассказывала содержание. Мне сказывал Федор Унковский...»

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод*. Т. 2. С. 783.

[1] Семья Аксаковых находилась в то время в Радонежье (Абрамцево).

ОКТЯБРЯ 22. СУББОТА. ПРАЗДНОВАНИЕ КАЗАНСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ. МОСКВА

И. М. Снегирев записывает в дневнике:

«Ездил в крестный ход, к Малову[1] и Стрешневу[2], у которого встретился с Гоголем»[3].

Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод*. Т. 2. С. 172.

[1] Михаил Яковлевич Малов (род. в 1790), правовед; через месяц, 29 ноября 1849 г., Малов скончался.

[2] Вероятно, Н. П. Глебов-Стрешнев (см. ***1845. Октября конец — ноября начало <октября средина>. Рим*** — примечания).

[3] «Любопытно, что Гоголь посещал старого богача Глебова-Стрешнева. *П. Б.*» (ошибочное примеч. П. И. Бартенева).

ОКТЯБРЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Москву (письмо было отправлено на следующий день, 24 октября):

«Порадовалась, получа ваши строки[2], так давно от вас не имела, даже ни от кого о вас ни слова не слыхала. И из-за этого сношения мои с вами не прерывались молитвою; пока жива, так и останется молитва с отсутствующими и со всеми единственное соединение, которому никто препятствовать не может, когда не себя ищет, а думает о ближнем, дорожа его спокойствием, от коего зависит внутреннее души состояние. <...> Рада, что вы так предались занятиям. Дай Бог вам совершить во славу Того, для Кого и предприняли сей труд! <...> Вы не отвечайте, с тем и пишу, чтобы не затруднять вас; в конце октября буду в Москву на несколько дней и не отниму у вас время, а на минутку приеду взглянуть на вас; и по такой ужасной дороге сбираюсь. При свидании скажу, зачем еду...»

[1] См. *1849. Октября средина. Москва.*
[2] Письмо не сохранилось.

ОКТЯБРЯ 26. СРЕДА. ГЕЛЬСИНГФОРС

Я. К. Грот отправляет Гоголю письмо в Москву, с вложением отрывка из полученного накануне письма Д. С. Протопопова к Гроту.

Из письма Грота: «...Простившись с вами, я прожил в Москве еще до конца июля и все поджидал вас. Мне было весело думать, что, может быть, еще удастся мне побеседовать с вами, и сверх того я желал представить вам Протопопова, у которого я жил. Услышав, что вы были у меня[1], он очень жалел, что я в то время не доставил ему случая познакомиться с вами. Полагаю, что и для вас было бы интересно сблизиться с этим человеком. По характеру, привычкам, взгляду на жизнь он чистый руссак, а по образу мыслей и правилам благороднейший человек, какого я знаю.

Вы желали иметь финскую флору. Еще в сентябре месяце[2] просил я С. П. Шевырева передать вам, что по этому предмету ничего цельного еще не издано. Есть кое-какие диссертации на шведском и на латинском языках, но они относятся только к частностям. О скандинавской флоре есть сочинения, но она во многом отличается от здешней. Душевно сожалею, что не могу исполнить первого желания, которое вы мне изъявили.

При последнем свидании нашем[3] вы дружески вызвали меня сообщать вам замечания, которые мне случится сделать во время моего путешествия, по России — о русском народе. Поездка моя была так коротка и по времени и по протяжению ее, что я из нее не могу представить вам ничего, что было бы достойно вашего внимания. Вместо того вот вам отрывок из письма, которое я вчера получил от старого друга моего, Дмитрия Степановича Протопопова. Если вы дорожите наблюдениями человека, который вот уже лет десять совершенно посвящает себя изучению русского крестьянина для того, чтобы сколько можно содействовать к улучшению его быта: то позвольте рекомендовать вам Протопопова. <...> Я посылаю вам это без ведома Протопопова. Вероятно, он не позволил бы мне сделать это, но я решился на то, вспомнив, как вы интересуетесь всяким суждением по этому близкому и для вас предмету. Протопопов занимает должность начальника комиссии для уравнения податей казенных крестьян. Он большую часть жизни проводит в деревнях и на большой дороге. Он изучает сельское хозяйство во всех отношениях; теперь принялся за ботанику, в которой и без того уж наметался порядочно на практике. Живет он очень близко от вас: близ Никитских ворот, в Скатертном переулке, в доме Степанова».

Из письма Протопопова: «В жизни нашей собственная личность исчезает: Русаку своя особа не стоит гроша, он любит жить общею с другими жизнию. Ему только те милы наслаждения, которые он разделяет с другими. Мужик, заработав лишний рубль, несет его не в кассу, а в кабак, потому что там он повеселится с приятелями, которые в свою очередь пригласят его повеселиться на их добычу. Разглядите это свойство Русского народа, беззаботность о своей личности, и вы поймете и их неряшество, и бескапитальность, и незаботу о совершенстве труда. На что ему украшать свою жизнь, заботиться о будущем?

Он чувствует в себе обилие сил на то, чтобы, когда настигнет нужда, поработать из всей мочи, потерпеть донельзя и все это сделать для того только, чтобы выйти из трудного положения, а не для того, чтоб оградить себя на будущее время от беды. Посмотрите: вот сгорела деревня, мужики и рвутся и мечутся, чтобы поскорей построить свои избы; построили — и довольно. Что им за дело, что новая постройка не обеспечивает их от пожара? Пусть горит, они опять примутся хлопотать как муравьи: на то им Бог дал и силы. Поговорите с ними о прошлом: они не станут говорить вам, как прежде жили хорошо, а станут говорить с увлечением о том, как они металися в нужде, как они боролися с нуждою. Вспомните рассказы их о 12-м годе; что в их рассказах? Повесть о том, как они жили в лесах, как по неделям сидели без хлеба, как били их Французы и особенно Поляки; и чем подчивали они своих гостей незванных.

Странным, может быть, покажется, если я скажу, что Русский любит труд и нужду, и любит труд не как средство и нужду не как нужду, а так самих по себе. Продолжительное наслажденье,

счастье и спокойствие грептят ему на совести[4]. Ну что это, он говорит, мне все хорошо да хорошо: так не должно быть, это вражеское навождение; это или дьявол насылает, или Бог во гневе хочет излить на меня все сладкое, чтобы дать мне на том свете горькое. Знать грешник я большой».

В 1864 г. Грот вспоминал: «Послав Гоголю обещанную книгу о финляндской флоре[5], я писал ему, что П<ротопопов> ждет его[6], и с тем вместе сообщил отрывок из одного письма П<ротопопова> ко мне, как образчик взгляда его на русский народ»[7].

[1] См. ***1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Калуга, Москва.***

[2] См. ***1849. Сентября 3. Суббота. Гельсингфорс.***

[3] См. ***1849.***

[4] Тревожат его совесть. Гребтить — беспокоить.

[5] Вероятно, книга была послана позднее. — См. ***1849. Июня 25. Суббота. Москва***; ***1849. Сентября 3. Суббота. Гельсингфорс.***

[6] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец.***

[7] *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 703. — Ответ Гоголя см.: ***1849. Декабря 15. Четверг. Москва.***

ОКТЯБРЯ 29. СУББОТА. МОСКВА

Гоголя по поручению Д. К. Малиновского[1] навестил студент М. И. Орлов.

Спустя некоторое время Орлов извещал Малиновского: «На другой день (29 октября 1849 года) в назначенный срок я узрел Николая Васильевича и... о впечатлениях разного рода молчу, потому что это подробности. После необходимого с моей стороны коротенького вступления и после двух-трех слов с его стороны, сказанных по поводу этого предисловия, он начал таким образом: "Да, он пишет мне о том, что хочет перевестись в гвардию. Но я не знаю, нужно ли это непременно. Посоветовался ли он об этом деле с людьми более знающими? Будет ли в этом какая выгода? И позволит ли ему состояние? Мне хотелось бы знать, что это желание перевестись — обдуманность или следствие беспокойного духа?" Дальше он высказал следующее: "Конечно, в иных случаях советовать нельзя; но мое мнение такое, что если уже он поступил в эту службу, так прежде всего должно заботиться о точном исполнении долга и ежедневных обязанностей, какие возлагает на него служба, и думать, что при избрании этого поприща участвовал не один наш собственный произвол, но признавать, что в этом избрании присутствует Сила, свыше распоряжающая"[2]... При этом на лице его показалось то, что, кажется мне, хорошо выражает французское *sourire doucement*[3]... "А остальное, — продолжал он, — придет само собой, чем меньше мы об нем думаем". Вот весь экстракт нашей беседы. А на прощанье повторил: "Я рад сделать пользу вашему товарищу, буду во всяком случае стараться[4]; а если увижу какую выгоду, то еще больше буду хлопотать: это моя обязанность, потому что..." Но тут внимание мое несколько рассеялось, и я не разобрал последних слов»[5].

Позднее, в 1860-х гг., Малиновский, предваряя цитату из письма Орлова, сообщал: «В дневнике моем я называл себя слабым человеком с высокими стремлениями: это определение довольно верно. Не трудно представить себе, что подобный человек мог навести Гоголя на грустные мысли. К тому же полученное мною образование было недостаточно. Сам Гоголь впоследствии заметил мне, что я до крайности беден знакомством с фактами, и советовал мне поэтому читать историю. Находил во мне и тот важный недостаток, что я не умею владеть собственными мыслями и мгновенно в них теряюсь, увлекаясь первым новым впечатлением. А между тем охота писать была во мне страшная: я словесно и письменно безжалостно осаждал покойного Николая Васильевича.

Приведу здесь нечто о свидании с Гоголем студента М. И. Орлова, моего старинного друга, бывшего у Гоголя по моей просьбе[6]. Я тогда только что поступил в юнкера и жил в городе Верее. По некоторому стечению обстоятельств я вдруг пожелал быть переведенным в гвардейскую артиллерию. Чрез М. И. Орлова я просил Гоголя похлопотать об этом переводе, и вот что мой ходатай писал мне по этому случаю»[7].

М. П. Погодин в тот же день записал в дневнике:

«Указ об увольнении Ув<арова>»[8].

[1] См. ***1849. Октября 17. Понедельник. Москва***; ***1849. Октября 20. Четверг. Верея***.

[2] Сходный совет Гоголь давал в 1849 г. брату А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, который, в частности, вспоминал: «Гоголь говорил со мною о моей службе и советовал не брать видных мест. "На них всегда найдутся охотники, — прибавил он, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно в этой должности полезным; тогда вы увидите, как будет вам весело на душе"» (см. ***1849. Июня 26. Воскресенье. Москва***). «Поверьте, — говорит во втором томе "Мертвых душ" Муразов Хлобуеву, — что если вы взяли<сь> за должность свою таким образом, как бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вам никто из людей не в силах охладить». В статье *XXVI. Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не пропущенной цензором А. В. Никитенко) Гоголь также писал: «Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...»

[3] Sourire doucement — тихо улыбаться (*фр.*).

[4] В письме к Гоголю от 20 октября 1849 г. Д. К. Малиновский упоминает о том, что Гоголь посылал его ранее к полковнику А. Л. Гинтовту.

[5] *Малиновский Д. К.* <Отрывок из воспоминаний> // *Свод*. Т. 3. С. 683.

[6] См. ***1849. Октября 20. Четверг. Верея***.

[7] *Малиновский Д. К.* <Отрывок из воспоминаний> // *Свод*. Т. 3. С. 683.

[8] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 498.

ОКТЯБРЯ 29. СУББОТА. КАЛУГА

А. О. Смирнова посылает Гоголю ответное[1] письмо в Москву, с вложением двух адресованных ему писем (вероятно, от матери — из Васильевки и из Полтавы[2]), которые ранее графиня А. Г. Толстая переправила из Москвы в Калугу.

«Письма ваши лежали на почте, любезный Николай Васильевич, потому что на адресе не сказано было, куда их доставить. Посылаю вам их. Ося[3] вчера приехал и рассказал, как вы завязли в знаменитом Малом Ярославце[4]; вообразите же, каково было тогда наполеоновым пушкам; ведь они были фордыбаки, а не такие щелкопёры, как вы. Я шучу, а у меня голова болит и вокруг нас вовсе не смешно, потому что ждем сенатора Давыдова[5]. Аркадий[6] пишет нам: "Ревизионная штука меня ужасно взбесила; поднялась опять эта поганая ершовская история[7]; пошли опять толки. Не находя никакой пользы слушать выражение всеобщего удивления, негодования и проч., говорю всем, что все это в порядке вещей. Разве не в порядке вещей, что клеветник, преданный суду, находит сильного *покровителя*[8] в человеке, который ссылает без следствия, ссылает в Вятку, и оклеветанный, оправданный следствием в одном действии, заподозрен во всех". Аркадий большой юморист, когда он сердится. Мы были должны п—ому немцу барону Окскерпо[9] 50.000 ассигн<ациями>. Теперь закладывают Спасское, чтобы ему заплатить; Аркадий пишет, что он скажет, что Смирнов взятку взял, чтобы ему заплатить. Впрочем, один суд и расправа у нас — Государь, потому что он один без лицеприятия. Я пока держусь кое-как; стараюсь более быть одна и слушать менее говоров, читаю и пишу по-гречески[10]. Жаль мне, что вы не могли остаться эту зиму со мною; все-таки нужен человек и живое слово, а вы убедились, что у нас никого нет. Впрочем, Бог лучше знает, когда и кого пошлет кому. Однажды, у кельи Серафима[11], наместник Троицкий[12], еще в молодости, стучался часа два, умоляя его впустить к себе и дать совет; тот немилосердно отказал. Антоний бросился домой, и в горе и отчаянии схватил образ и начал молиться. Успокоился и заснул с образом. Дня через два к Серафиму пошел; тот тотчас его принял и был ласков с ним. Антоний спросил, зачем он его не пустил тогда к себе. "Я знал, что тебе лучше быть одному, что это нужно было тогда", ответил Серафим. Пусть же и я помолчу и помолюсь одна.

...Худо, что здоровье Николая Михайловича[13] очень плохо, не знаю, как он вынесет эти все штуки; тем более, что сам уж никак не способен на штуки, и все те гадости, которые не сварятся при ре-

визиях. Здесь же, как нарочно, давали "Ревизора", но я не была в театре. Я получила от Жуковского второй том "Одиссеи"[14], чего весьма недостойна. Прощайте, поклонитесь от меня графу Толстому и графине; Аксаковым тоже»[15].

[1] См. ***1849. Октября 20. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1849. Ноября средина. Москва***; ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва.***

[3] И. О. Россет, брат Смирновой.

[4] См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва.***

[5] См. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Калуга*** (примечания).

[6] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[7] См. ***1849. Января 26. Среда. Калуга.***

[8] «Гр<афа> Закревского» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 658).

[9] Возможно, барон Оскерко.

[10] См. также ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] Преподобный Серафим Саровский (1754–1833). — См.: *Виноградов И. А.* Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Гоголя: Москва и Оптина Пустынь // Оптинский альманах. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустырь, 2016. Вып. 5. «Добродетель ангелов». С. 86–93; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

[12] Преподобный Антоний (Медведев) (см. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***).

[13] Муж Смирновой.

[14] См. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель*** (примечания).

[15] Ответ Гоголя см.: ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ, ДО 30. МОСКВА

В Москву из Киева, с целью повидаться с Гоголем[1], приехал М. А. Максимович (остался в Москве на всю зиму).

«Осенью 1849 года М. А. Максимович, соскучась жить в своей живописной, но пустынной и отдаленной от больших дорог усадьбе над Днепром, переехал в Москву, к старым своим знакомым и друзьям. Пребывание Гоголя в Москве было для него одною из главных побудительных причин к этой поездке»[2].

Сын Погодина Дмитрий Михайлович позднее вспоминал: «В ту зиму[3] приехал из Киева М. А. Максимович, и, — поверит ли кто теперь, — на тройке гнедых, собственных коней. Максимович тоже пристроился у нас, но уже во флигеле. Николай Васильевич страстно к нему привязался, и у нас в доме[4] стало еще приятнее, как бы теплее»[5].

С собой Максимович, вероятно, привез изданный им в том же году в Киеве «Сборник украинских песен», в предисловии к которому писал: «...В деле искусства важен суд художника; и потому я припомню здесь моим читателям мнение Гоголя[6], которого поэтическое дарование взлелеяно звуками украинских песень: "Камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи[7]. В этом отношении песни для Малороссии — все: поэзия и история и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России"»[8].

[1] См. ***1835. Августа 15. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Киев; 1849. Октября 30. Воскресенье. Москва.***

[2] <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>. *Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // Свод.* Т. 2. С. 768.

[3] 1849/50 г.

[4] Гоголь жил в то время в доме графа А. П. Толстого.

[5] *Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // *Свод.* Т. 527.

[6] «См. статью Гоголя о Малороссийских Песнях, в *Журнале Министерства Народного Просвещения, 1834 г. Кн. 4*» (примеч. М. А. Максимовича).

[7] Ср. ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания). — См. также ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания); ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва***; ***1839. Октября средина <сентября конец> — 1840. Августа средина <августа начало>***.

[8] Сборник украинских песен, издаваемый Михайлом Максимовичем. Киев, 1849 (цензурное разрешение 23 мая 1845 г. <так в издании>). Ч. 1. Л. 1 об.

ОКТЯБРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обедали у меня Максим<ович> и Гоголь, а вечером для Максим<овича> филологи. Столько ученых и дельных людей. Дети слушали, а я радовался на них, поминая Лизу».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 498.

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАДЕН-БАДЕН

В. А. Жуковский отправляет письмо к П. А. Плетневу в Петербург, с вложением письма к Гоголю.

Из письма Жуковского к Плетневу: «...Теперь прошу только передать приложенное письмо Гоголю, если только он еще существует на земле»[1].

Из письма Жуковского к Гоголю: «Милый Гоголек, я не отвечал на последние письма твои, потому что не люблю мистификаций. Из этих трех письменных инфузорий[2], которые я получил от тебя со времени нашей разлуки[3], я, как ни силился, не мог склеить и половины порядочной честной записки. Итак, не сетуй, что я на твои призраки писем тебе не отвечал. Что со мной делается, ты это знаешь, ибо главное мое дело Одиссея; теперь в твоих руках — ты, вероятно, получил[4] и вторую часть от Булгакова. <...> Поблагодари доброго Шевырева за его любезный ответ на мою варшавскую эпистолу[5]. Если он напишет продолжение своей прекрасной статьи об Одиссее[6], то нельзя ли мне эту статью прислать отдельно через Булгакова»[7].

[1] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 66.

[2] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва***; ***1849. Мая 14. Суббота. Москва***; ***1849. Сентября между 6 и 20-ми числами. Москва***.

[3] См. ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс***. — См. также ***1847. Декабря конец <декабря средина>. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***; ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут***; ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***; ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***. — Поскольку переписка Гоголя с Жуковским с момента их расставания не прерывалась, то слова Жуковского, что со времени «разлуки» он получил от Гоголя только «три письменные инфузории», очевидно, сами представляют собой «мистификацию», на которую он намекает в первой фразе письма.

[4] См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***.

[5] От 1 сентября 1849 г. (см.: Из неизданных писем В. А. Жуковского // Русская Старина. 1901. № 7. С. 99). Ответное письмо Шевырев написал 17 сентября 1849 г. В этом письме он замечал: «С каким нетерпением я жду вашей второй части» (Из бумаг В. А. Жуковского // Русский Архив. 1875. Кн. 3. С. 374). Речь идет о XIII–XXIV песнях поэмы (см. ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель***). Возможно, Жуковский в ответ на это письмо в конце сентября 1849 г. послал книгу А. Я. Булгакову в Москву для передачи Шевыреву. Вероятно, книга была послана тогда и для Гоголя, который получил ее, по-видимому, по возвращении из Калуги в октябре 1849 г. (см. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***; ***1849. Ноября конец. Москва***).

[6] *Шевырев С.* Стихотворения В. Жуковского. Издание пятое. Том осьмой. Одиссея. I–XII песни. С.-Петербург. 1849. В 8-ку. 433 стран. Посвящена Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю

Константину Николаевичу. (Статья I-я) // Москвитянин. 1849. № 1. Январь (цензурное разрешение 30 дек.). Отд. IV. С. 41–48; *Шевырев С.* Гомерова Одиссея. Перевод В. Жуковского. Том I-й. I–XII песни. 1849. (Статья II-я) // Москвитянин. 1849. № 2. Январь (цензурное разрешение 14 янв.). Отд. IV. С. 91–117; *Шевырев С. П.* Гомерова Одиссея. Перевод В. Жуковского. Том I-й. I–XII песни. 1849. (Статья II-я) (Окончание) // Москвитянин. 1849. № 3. Февраль (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. IV. С. 91–117. – См. также ***1849. Января 11. Вторник. Москва***.

[7] Существует иная редакция окончания письма Жуковского: «Обними за меня Шевырева. Благодарю его за дружеский ответ на мое письмо из Варшавы. Он очень, очень бы одолжил меня, доставив мне через Булгакова свои статьи об "Одиссее" (если можно, и первую и вторую), если эта написана». – Ответ Гоголя см.: ***1849. Декабря 14. Среда. Москва***.

ОКТЯБРЬ – НОЯБРЯ НАЧАЛО. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану в Углич:

«Гоголь хотел к нам приехать сюда зимой читать[1], но я что-то мало надеюсь – скучна зимняя дорога в России, он же такой зябкий»[2].

Возможно, поездка Гоголя в Радонежье зимой 1849 г. все-таки состоялась[3].

[1] См. также ***1849. Сентября 27–30. Радонежье (Абрамцево)***.
[2] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод*. Т. 2. С. 783.
[3] См. ***1849. Декабря между 15 и 21. Радонежье (Абрамцево)***.

НОЯБРЯ 1. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

НОЯБРЯ 6. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет записку к Гоголю[1]:

«Приезд внука[2] меня тут задержал. 8<-го> поеду в деревню[3], и не хочется оставить Москву, не взглянувши еще раз на вас».

Возможно, в тот же день Гоголь отвечал Шереметевой (датировка записки уточнена):

«Когда вам угодно. Мне всегда приятно на вас взглянуть. Берегите только свое здоровье и не выезжайте, когда погода дурна».

[1] Датировка записки уточнена. Год отправления в послании не указан, однако на 6 ноября воскресный день приходился в 1849 г. – а не в 1848-м (как это послание было датировано ранее). Кроме того, как явствует из письма Шереметевой от 20 ноября 1848 г. (в ответ на письмо Гоголя от 26 октября 1848 г.; см. ***1848. Ноября 20. Суббота. С. Покровское***), в ноябре 1848 г. ее в Москве не было.
[2] Е. И. Якушкин. – См. также ***1848. Сентября 12. Воскресенье. С. Покровское***.
[3] См. ***1849. Марта средина – апрель; ноября 8. Москва***.

НОЯБРЯ ОКОЛО 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь навещает Свербеевых.

Спустя месяц, 7 декабря 1849 г., Е. А. Свербеева писала А. Н. Попову: «Гоголя я очень давно не видала — уже с месяц. Им я очень довольна. Он хорош, спокоен душою, мирен со всеми. Весело смотреть на него. Он достоин себя — я радуюсь, глядя на него. Да, в нем душа лучше, может быть, нежели мы думали. Он больно умен — ум сам по себе; он, по-моему, красивее душою, нежели умом, — она преобладает в нем, оттого-то он так и хорош. Мне весело на него смотреть — отдохнешь, когда на него посмотришь пристально: так много грустного вокруг нас, так устанешь, глядя на всех и каждого — легко на сердце станет, когда есть на кого взглянуть весело. Не такое ли впечатление сделал Гоголь на Вас?»

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод*. Т. 3. С. 855.

МАРТА КОНЕЦ — АПРЕЛЬ[1]; НОЯБРЯ 8[2]. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к Н. Н. Шереметевой (датировка записки уточнена):

«Очень сожалею, что не видал вас. Когда вы были у меня, тогда я был у обедни, не думая, что вы приедете в такое время. Во всяком случае, позвольте от всего сердца поблагодарить вас за то, что не оставляете меня. Бог да воздаст вам за ваши молитвы обо мне и о том, что близко душе моей. Прощайте. Не забывайте меня по-прежнему ни дружескими письмами, ни молитвами».

[1] Ср. ***1849. Марта 19. Суббота. Москва***; ***1849. Мая 20. Пятница. Москва***.
[2] См. ***1849. Ноября 6. Воскресенье. Москва***.

НОЯБРЯ 9. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголь давно уже в Москве. Он деятельно работает над 2-м томом Мертвых Душ и дал мне обещание скоро прочесть первые главы. Вы можете представить себе мое нетерпение; но он искушает его».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 106.

НОЯБРЯ 9. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Эрн. Ф. Тютчева пишет князю П. А. Вяземскому в Константинополь:

«Недавно был литературный вечер у князя Одоевского. Там читали драму под названием "Нахлебник". Автор[1] — молодой человек, имя которого я забыла, если когда-нибудь знала; если я не путаю, это племянник Тургенева[2]? Может такое быть? — Что касается до меня, я ни в чем не уверена. Читал актер Щепкин, говорят, замечательно. Мой муж[3] находит, что это сочинение поразительной правды и совершенно трагическое. Но Софи[4], которая там присутствовала и которая любит окружать человечество вуалью и иллюзиями, которая смотрит на все сквозь золотую призму своего благожелательного воображения, осталась им неудовлетворенна. В подобном деле, признаюсь, я более склонна доверять мнению моего мужа, чем нашего любезного друга».

Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 577.

[1] И. С. Тургенев.
[2] Имеется в виду А. И. Тургенев.
[3] Ф. И. Тютчев.
[4] Карамзина.

НОЯБРЯ СРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь пишет матери в Васильевку (датировка письма уточнена; см. примеч. ниже):

«Не писал к вам долго потому, что всё ожидал ваших писем, которые, по случаю отлучки моей из Москвы, гонялись за мною повсюду и до сих пор еще не пришли сюда. Я ожидал их всякий день и прождал целый месяц[1]. Опасаюсь, чтобы они вовсе не пропали. Здоровье мое, слава Богу, кое-как идет. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая, однако же, начала портиться, а зимы всё нет. Напишите мне, сделаны ли были какие посадки дерев в саду[2]; я полагаю, что все те деревья, которые пропали в прошлом году, замещены теперь новыми. За этим дела немного, и потому не думаю, чтобы сестры поленились. Сейчас получил ваши письма[3]. Из одного из них вижу, что его должен был доставить Аполл<он> И<льич>Ознобишин[4], весьма сожалею, что не удалось видеть его. Рад, если вы поедете в Кагорл<ык> к Андрею Андреевичу[5], но нахожу неблагоразумным, если никого совершенно не останется дома. На приказчика, [ни на какого] ни на кого нельзя положиться. Вы уже сколько раз испытали, что приказчик сначала хорош, а потом портится. Портится же он всего пуще тогда, когда господа в отлучке. Если остане<тся>, по крайней мере, сестра Ольга (которой, в самом деле, нечего делать в Кагорлыке), всё будет лучше, нежели никого. Передайте Софье Васильевне[6] и супругу ее[7] благодарность за воспоминанье и поклон. А почтенному Андрею Андреевичу засвидетельствуйте мою искреннюю признательность, если его увидите. Не позабудьте также передать дружеский братский поклон Дмитрию Андреевичу»[8].

На подлиннике имеется помета: «Получено декабря 10-го в Кагорлыке 1849-го года».

[1] Месяц после возвращения в Москву из Калуги (см. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***).
[2] См. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка*** (примечания).
[3] Вероятно, вместе с письмом от А. О. Смирновой (см. ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***).
[4] Брат полтавского гражданского губернатора Н. И. Знобишина.
[5] Трощинский.
[6] Скалон (рожд. Капнист).
[7] Василий Антонович Скалон (1805–1882).
[8] Трощинский (ум. в конце 1880-х), сын А. А. Трощинского, троюродный брат Гоголя.

НОЯБРЯ 17. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

НОЯБРЯ 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. С. Щепкин в Малом театре в бенефис артиста французской труппы Ж. Э. Вальне читает вместе с П. М. Садовским сцену из «Тяжбы»[1].

В тот же день К. И. Марков отправил письмо к Гоголю («Его высокоблагородию Николаю Васильевичу Гоголю. На Никитском бульваре, в доме Талызиной»[2]):

«В 1846 г. <1847 г.>[3] вы препроводили к ржевскому протоиерею отцу Матвею экземпляр "Выбранных мест из переписки с друзьями"[4]... <...> Не лишним считаю сказать вам мое мнение о нем. Сколько мне известно — вам рекомендовал его граф Толстой[5], но, вероятно, преувеличил его достоинства. Как человек, он действительно заслуживает уважения; как проповедник, он замечателен — и весьма; но как богослов — он слаб, ибо не получил никакого образования. С этой стороны я не думаю, чтобы он мог разрешить сколько-нибудь удовлетворительно ваши вопросы, если они имеют предметом не чистую философию, а богословские тонкости.

По моему мнению, религия есть наука, и я не признаю возможности существования слепой, нерассудительной веры в здравомыслящем человеке. Все наши христианские верования основаны на исторических доводах; они *доказаны,* следовательно мы верим *не на слово,* а вследствие или, лучше сказать, помощью науки. Все великие богословы были не фанатики, но глубоко-ученые люди, и можно сказать, что только помощью науки Церковь до сих пор разрушала заблуждения софистов. Под словом наука я разумею не разгадку непостижимых истин, а только достоверность христианских фактов. Но в этом все и состоит.

Человек идет ложным путем, если условием веры поставляет — постижимость, а за невозможность *постичь* факт — отвергает и самый факт. К тому же в ежедневной жизни нашей мы верим на каждом шагу, не понимая причины, а видя факт. Разве мы понимаем зачатие младенца, жизнь утробную и самый процесс родов? Это так чудесно, так непостижимо, что если бы мы не видели этого явления ежедневно, то почли бы это нелепостью и самою чудовищною. Итак повторяю — докажите истину факта — и вера явится сама собою; но для этого нужна наука, а без нее всякое рассуждение будет одно пустословие, могущее удовлетворить женщин и суеверный ум, а не истинного христианина.

Отец Матвей может говорить о важности постов, необходимости покаяния, давно известных предметах, но тщательно избегает трактовать о сюжетах чисто богословских и не может даже объяснить двенадцати догматов наших[6], т. е. членов Символа веры, а в истинном понятии их и заключается христианство, ибо добродетель была проповедуема всеми народами».

[1] *Гриц.* С. 449.

[2] *Смирнова-Чикина Е. С.* К летописи жизни Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. 1966. Т. 25. Серия литературы и языка. Вып. 2. С. 139.

[3] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[4] Следующий далее текст письма см.: ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[5] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден*** (примечания).

[6] «Ознакомившись с содержанием проповедей о. Матфея, вряд ли согласишься с <этим> выводом...» (*Расев А. И., протоиерей.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Некоторые его проповеди, несколько писем, писанных — или им, или к нему, и еще некоторые замечательные факты из частной его жизни. Тверь, 2017. С. 201).

НОЯБРЯ 23. СРЕДА. МОСКВА

К. И. Марков отправляет Гоголю новое[1] письмо:

«Искренность, которою дышат мысли ваши в предисловии ко второму изданию "Мертвых Душ", ободряет меня воспользоваться вызовом вашим сказать вам мое мнение о вашем творенье. <...> ...Поэма ваша застала публику, привыкшую смотреть на литературные произведения с *стереотипной* точки зрения, <...> врасплох и она сама еще не может себе дать отчета, что это такое. Что-то недурно, думает она, но как-то странно, прибавляет она тут же и вместе с тем с жадностью подстерегает выход всякого нового произведения вашего. Одним словом, вся наша литература сосредоточена в Гоголе для публики. <...> ...При разборе всякого произведения я смотрю на две вещи — первое, на характеры, второе — на сюжет. Последнее для меня есть статья второстепенная. Что значит сюжет — исключительный случай! Он может быть занимателен или нет, но человека из него не узнаешь. Иное дело — характеры: в них вся заслуга писателя. Дайте мне хотя один глубоко задуманный характер, и я придумаю десять поступков (или романов), на которое это лицо будет способно. Без него же всякий роман не выше водевиля. Большинство публики, взращенное в старых понятиях о литературных произведениях, во всех ваших сочинениях смотрит главнейше на содержание их, пропуская характеры, и находит во многих, напр<имер>, "Ревизоре" и даже "Мертвых Душах", несообразности, неправдоподобие, преувеличенье, забывая, что сама же эта публика превозносит Мольера в тех пьесах, где сюжет основан на нелепых переодеваньях и самых неестественных столкновениях. Это происходит от того, что с детства нам натолковали, что Мольер — гений. Надо сказать правду, публика наша рассуждать много не любит, а напротив любит пожить чужим умом.

В ваших сочинениях первое условие, т. е. изображение характеров, имеет для нас, русских, двойную цену, ибо вы изображаете характер *русского человека.* С этой главной стороны вашу поэму я считаю уже оконченною... <...> Первая часть "Мертвых Душ" изображает темную сторону русского общества — так полагают все, читавшие поэму; иные же напротив думают, что это картина не худой стороны, но вообще русского общества, и крайне этим недовольны. Справедливо ли это мнение или нет — еще решить нельзя, ибо мы не знаем, что будет дальше, хотя в предисловии намекается на зрелище более утешительное в продолжение поэмы. Но, признаюсь вам, *вы задумали план громадный и опасный.* Из превосходного творения может выйти избитая история, а, может быть, еще более превосходное творение.

Если вы хотите представить общество русское, *как оно есть,* то хорошая сторона его существует и изображение его в вашем романе неизбежно; но если вы выставите *героя добродетели,* то роман ваш станет на ряду с произведениями старой школы. Не пересолите добродетели. Изобразите нам русского человека, но в каждодневном его быту, а не исключительное лицо, которые встречаются у всех народов. Изобразите нам хорошего русского человека, так, как вы изобразили *пошлого* в первой части, т. е. без преувеличения, а такого, каким мы его встречаем на каждом шагу, *не героя пошлостей,* а просто пошлого человека, ибо вы согласитесь, что ни Манилов, ни Собакевич и др. не суть исключения, но представители масс. Кто знает Россию только по столичным гостиным, тот найдет их уродами, а кто жил в России, тот назовет их русскими.

Одним словом, хорошая сторона нашего общества должна быть в вашей поэме для полноты картины, но отнюдь не для утешения читателя, как делалось в старину, или как дают в театре дивертисменты после трагедии, чтобы отвести душу. Спрашиваю, для чего мне утешительные лица в романе. Разве для меня не утешение уже то, что, видя перед собою презренные существа, я говорю себе: "слава Богу, что я не такой!" Вот лучшее впечатление, которое может произвесть писатель в читателе — и неужели это неутешительно?

Писатель должен изображать свой предмет, *как он есть,* и не думать о впечатлении на читателя, ибо оно зависит совершенно от самого читателя. Случалось ли вам присутствовать при торговой казни какого-нибудь отъявленного мошенника? Мне случалось, и я прислушивался к народным толкам. Исправник читает описание злодейства подсудимого. Иной крестится, когда чтец скажет: "обокрал церковь"; другой говорит: "эка, мошенник, хорошенько бы его!"; третий думает: "эка, молодец! и рожа-то какая хватская; жаль, что попался!"; иная баба и поплачет, да вместе поднимет трехлетнего ребенка, чтобы посмотрел — для курьезу или для примера, неизвестно; у иного пропадет охота самому пуститься на дурное дело, которое, может быть, уже и замышлял; а у десятого по непостижимому свойству натуры человеческой, может быть, возгорится тут же желание пойти по

следам преступника. Точно то же совершается и в душе читателя. Может быть, найдутся люди, которые назовут Плюшкина человеком положительным и основательным. Иной подумает: "да смейтесь над ним, а у него денег до чорта!" Кому-нибудь и Ноздрев покажется славным малым, а про Чичикова не один скажет: "умен бестия!" Старайтесь же после этого действовать благодетельно на общество верным его изображением. Мне кажется, мораль никогда не должна быть целью писателя, а главное — он никогда не должен выставлять на вид свою мораль. Взяв из жизни характеры, он должен их заставить действовать так, чтобы вовсе не было заметно участие писателя. Лица должны как бы совершенно отделиться от него и поступать не зависимо, но в смысле своих характеров; точно так, как будто бы писатель был сам не виноват, что они так действуют. Иначе произведение будет походить на кукольную комедию, и так и подмывает сказать писателю: "спрячьте руки; зрителям видно, как вы передвигаете куклы". В этом отношении "Мертвые Души" суть совершенство. У обыкновенных писателей характеры поясняются сюжетом; для сюжета придуманы характеры. У вас напротив; можно сказать, что все действующие лица еще почти не сделали шагу для развития сюжета, но уже обрисованы самым полным образом, и прочитав первую только часть, думаешь, что роману конец. Остается только развязка анекдота. Для иных это главное».

[1] См. ***1849. Ноября 20. Воскресенье. Москва.***

НОЯБРЯ 24. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

В тот же день Гоголь написал ответ[3] на записку К. И. Маркову от 23 ноября 1849 г. (датировка гоголевского письма, имеющего помету: «Четверг», — уточнена; ближайший по времени четверг приходился в 1849 г. на 24 ноября):

«Очень вам благодарен за ваше письмо. На прежнее[4] не отвечал по незнанью вашего адреса. Что же касается до II тома "М<ертвых> душ", то я не имел в виду собственно *героя добродетелей*[5]. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с *одной* какой-либо *стороны*. О прочих пунктах письма вашего переговорим когда-нибудь лично; мы же, кажется, соседи»[6].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383. — Согласно перечню С. А. Черневского, в этот день, 24 ноября 1849 г., в московском Малом театре была представлена «Женитьба» (см.: *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9).

[2] *Гриц*. С. 449.

[3] См. ***1849. Ноября 23. Среда. Москва.***

[4] См. ***1849. Ноября 20. Воскресенье. Москва.***

[5] Подробнее см.: ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания).

[6] На обороте письма имеется адрес: «Константину Ивановичу Маркову. У Арбатских ворот. В доме Загряжской».

НОЯБРЯ МЕЖДУ 15 И 25. МОСКВА

Гоголь дважды посетил О. Сем. Аксакову.

25 ноября 1849 г. О. Сем. Аксакова сообщала сыну Ивану из Москвы: «...Ты уже верно знаешь, что я уже 10 дней здесь, приехала нанимать другой дом для Олиньки. Слава Богу, дом нанят на полгода, и свой сдан на полгода, убытку нет и выгода та, что нанят большой и известно теплый, с

мебелью; словом, дом *Высоцкого, доктора, в Филипповском переулке, в приходе Афанасия и Кириллы*... <...> Гоголь был у меня 2 раза, он очень рад, что я наняла большой дом, и зовет всех сюда...»

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод*. Т. 2. С. 783.

НОЯБРЯ ОКОЛО 25. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет второе[1] подряд письмо к Гоголю в Москву[2]:

«...Отчего вы уже чересчур сделались молчаливы, или не больны ли вы? <...> Мы ждем своего сенатора[3] ежедневно и ежечасно. Сплетен, сплетен-то <...> сколько! Один и единственный предмет разговора — сенатор и его приезд. Один чиновник говорил мне, что, вошедши в кондитерскую Гартмана, будучи погружен в эту мысль, он даже ему советовал подумать, чтобы принял свои меры, как его выкрасить комнату и проч.; потом, говорит, я опомнился, когда Гартман сказал: "А мне что же до сенатора?" Губерния тут является во всей красе своей, т. е. в постыдной наготе. Удивляюсь более и более матушке России, как она успела, под шумок европейский, втихомолку, дойти до такого разврата и утратить всякое нравственное чутье. И все и все и везде деньги, и до наглости доходит обожание этого кумира новых времен. Кумир, который в мелочи по карманам, этот более опасен тех богов, которые выливались из металла. Если в древности совершали обряды в честь грубой чувственности, теперь служат утонченной чувственности, и все прикрыто и как будто благовидно. На это наводит меня слово Евсевия[4] царю Константину[5].

Я, по вашей рекомендации, читаю "Христианское Чтение", и с большим наслаждением. Странное существо человек! Читаю и скучаю тем, что не с кем поделиться впечатлением, а писать не умею. Вы, может быть, не испытали, что такое, так быть одною, как я в моем положении, где всякое слово, мною сказанное, принимается как оскорбление, как желание выказать себя, отличить себя. Мои сношения с вами, даже мой греческий язык[6], мне ставят в укор. Приправляют все речи так: "Как же вам заниматься дрязгами хозяйства? С вашим ли умом?" То есть, на что ты годна, когда у тебя грибы не солены в пору, и варенья не умеют варить, и люди тебя обирают.

Многое хотелось бы вам передать поважнее этого, но по почте не годится говорить о делах семейных. Одно у меня утешение — приезд матери невестки[7] моей Афросимовой. Она кротка, добра и умна, и дивится многому. Что делал ***[8] с нами, это уму непостижимо; хороша и жена брата Осипа[9], нечего сказать! Впрочем, говорил сам Христос: "а врази человеку домашние его"[10]. Напишите мне, знакомы ли вы с Назимовым, который теперь назначен вместо Строгонова? Мне это нужно теперь знать по одному делу. Что делают все ваши и мои знакомые, Тентетников и проч.? Графу Александру Петровичу Толстому мое почтение. Попросите его вам рассказать, что сделал с ним в Твери Топильской[11]; мне очень хочется знать, правда ли это; мне говорил это Барановский, а ему сам Топильской не стыдился рассказывать свои гадости».

[1] См. ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***.

[2] См. ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва***; ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[3] Князь С. И. Давыдов.

[4] Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской (ок. 275–339).

[5] Подразумевается одно из двух слов Евсевия Кесарийского св. равноапостольному царю Константину (272–337) (в 20-летие и в 30-летие его царствования).

[6] См. также ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***.

[7] Жена брата Смирновой, А-ра О. Россета (см. ***1844. Декабря 12 <24>. Вторник. Санкт-Петербург*** — примечания).

[8] «<И. И.> Ершов, брат С<офьи> Ив<ановны>» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 360). — См. ***1849. Января 26. Среда. Калуга***.

[9] Софья Ивановна (рожд. Ершова).

[10] Мф. 10, 36.

[11] Михаил Иванович (1809–1873), директор департамента при министре юстиции В. Н. Панине.

НОЯБРЯ 26. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«...К вечеру съехали<сь> Гого<ль>, Щеп<кин>, Пере<вощиков>, Меж. и очень приятный вечер».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

НОЯБРЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет ответные письма матери в Кагорлык[1] и А. О. Смирновой[2] в Калугу.

Из письма к матери: «Я получил ваши письма из Полтавы и из Кагорлыка. Душевно пожалел о том, что наш достойнейший и добрейший Андрей Андрее<вич>[3] на старости лет своих должен испытывать столько неприятностей... <...> Не могу думать, чтобы сын его[4] был в такой степени безнадежен. Мне, напротив, в нем показалось что-то доброе. Он несчастлив только тем, что попал в это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Он не один, много, много других так воспиталось. Но это мгновенное общее опьянение века, которое долго не может продолжиться. Многие из молодых людей видят теперь и сами, на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились. Это время должно непременно наступить и для него, тем более, что он, как мне сказывал в Одессе сам духовник, вовсе не так дурен в душе своей, как о нем говорят. Я сам начинаю думать, не старается ли кто-нибудь нарочно очернить сына пред отцом, от чего да сохранит Бог. Тут всего лучше терпенье, надежда на милосердье Бога и молитва. Передайте Андрею Андреевичу мой душевный поклон и чувство, исполненное самой признательной любви к нему, в чем, я уверен, он не сомневается. Бумаги об Эмилии[5] я получил и буду стараться. Только не знаю, как вы ее доставите в случае принятия ее. Что же касается насчет ваших ожиданий моего приезда, то я вам опять повто<рю> то, что всегда говорю. Слова я не даю никогда. Обещать — не обещаю тоже. Говорю: может быть, приеду, а может быть, и не приеду, разумея всегда возможность и устроение обстояте<льств>. Я не так богат, чтобы для одного удовольствия свидания бросать по 1000 рублей на переезд, и не так досужен, чтобы жертвовать временем, которое у меня дорого. Мне так нужно много видеть мест, еще не виданных мною, что не знаю, успею ли и их осмотреть. Приехать к вам я имел намерение только тогда, если б мне удалось к этому времени окончить мой труд и напечатать его и управиться совершенно со всеми хлопотами. У меня, напротив, вот какой обычай обещать: я к вам приеду, может быть, через год, а может бы<ть>, через пятнадцать лет. Так я гово<рю> всем, зная, что всё зависит не от моей воли, а от устроения обстоятел<ьств>. А обстоятельства устрояет Бог. Мы все на земле поденщики и работники. Прежде всего должны думать о работе своей, а потом уже об удовольствии свидан<ия>. О просьбе вашей насчет Олимпиады Федоровны[6] никак не умею приложить ума и никак не знаю, чем я могу помочь. Вы даже не объяснили мне, к кому должно обратиться, чтобы отыскать ее сына. Мир велик. Губернатора[7] нашего я не видал. Он был в Москве тогда, как меня еще здесь не было. Душевно желаю, чтобы пребыванье ваше в Кагорлыке было приятно и для вас и для Андрея Андреев<ича>».

На подлиннике имеется помета: «Получено в Кагорлыке декабря 12-го 1849-го года».

Из письма к Смирновой: «Иногда так хочется вас видеть, что много бы дал за то, чтобы один час [вас видеть] побыть с вами и поболтать, а примусь за письмо — не пишется, и не знаю, что сказать вам. Лень ли это, или, в самом деле, все предметы стали не стоющими письма? Решите

сами. Всё, однако же, я думаю, у вас есть больше о чем сказать мне, чем мне вам. У вас есть хоть, по крайней мере, сенатор Давыдов и всякие ревизионные гадости. А у меня всё лениво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летит и летит так быстро, что иногда страх врывается в сонную душу. <...> Обнимите ваших малюток и передайте поклон Николаю Михайловичу[8]. Мисс Овербек[9] не позабудьте также. Граф Толстой благодарит вас много за память, супруга его также».

В тот же день, «два часа спустя» после отправления писем, Гоголь получил из Калуги новое послание от Смирновой[10]. (На это письмо Гоголь ответил 6 декабря 1849 г.[11])

[1] Имение А. А. Трощинского.
[2] См. ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга***; ***1849. Ноября средина. Москва*** (примечания).
[3] Трощинский.
[4] Д. А. Трощинский.
[5] См. также ***1849. Сентября 4. Воскресенье. Москва***; ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва***; ***1850. Апреля средина. Москва***.
[6] Рожденная Тимченко.
[7] И. В. Капнист.
[8] Муж Смирновой.
[9] Гувернантка Смирновых.
[10] См. ***1849. Ноября около 25. Калуга***.
[11] См. ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

НОЯБРЯ КОНЕЦ[1]. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет ответное письмо Гоголю:

«Благодарю Вас, милый друг, за Ваши строчки[2]. Я крепко было попался в лапы прежней моей болезни, то есть ревматической, одноместной в урочное время и бродящей во всё остальное, жестокой боли. Я принялся за то же лекарство, которое, вопреки стараниям моих докторов, спасло меня от помешательства пред сим за полгода. Теперь мне гораздо лучше, и я почти здоров, но заключен в одной комнате, при 18 или 19 градусах тепла. До весны не надеюсь выдти на открытый воздух. Благодарю Вас за "Одиссею"[3]: без всяких шуток, во время жестокой боли, от которой я стонал, я мог слушать Гомера с наслаждением, и даже острота боли как будто притуплялась. Вечная благодарность Жуковскому! По-моему, перевод первых 12-ти песен лучше относительно языка. Нередко укалывалось мое эстетическое чувство Жуковским, который торчит из Гомера. "Гость таинственный" или "души Телемак" — нестерпимы. Теперь начинаем читать с подлинником и станем справляться во всех сомнительных случаях. Нет ли у Вас первой половины?»

О. Сем. Аксакова к письму мужа сделала приписку:

«Обнимаю Вас душою, Николай Васильевич; мы напугались порядочно болезнию Сергея Тимофеевича. Как была во-время "Одиссея"! пришлите, пожалуйста, первую; хотим всё снова перечесть. Как я благодарна Жуковскому! Глубоко огорчены мы всею семьею и поражены смертию Панова[4]; мало знали цену ему <...> Прощайте, не знаю, когда увидимся».

В этот же период Аксаков сообщал сыну Ивану в Ярославль:

«Гоголь прислал нам последние 12 песен "Одиссеи", и мы начали читать их с наслаждением, но о переводе можно много заметить. Где описания природы и даже быта, обряды и пр., там очень хорошо; но речи или вообще разговоры, *кажется*, не так удачно и верно переданы»[5].

Вскоре по получении письма от С. Т. и О. Сем. Аксаковых Гоголь отправил им первую часть перевода «Одиссеи», с запиской:

«Посылаю вам 1-й том и желаю, чтобы доставил вам развлечение. Ради Бога, берегите здоровье и делайте всё с *умеренностью*. Это большая добродетель. Жалко, если до весны не увидимся. Известие о кончине Панова меня опечалило. Всё позабывается, что чем далее, тем более с каждым годом должны убывать и отходить все близкие сердцу, а не прибывать. Бог да хранит вас и да поможет благодарить Его благодарно за всё».

В этот же период Гоголь отправил записку к М. П. Погодину:

«Когда увижусь с Щепкиным, передам ему это и ответ привезу сам».

Речь в записке идет о приглашении М. С. Щепкина на вечер к М. П. Погодину 3 декабря 1849 г., на котором А. Н. Островский вместе с П. М. Садовским читал свою комедию «Банкрут» («Свои люди — сочтемся»), а графиня Е. П. Ростопчина — свою драму «Нелюдимка»[6]. Н. П. Барсуков сообщал, что пригласить Островского на вечер Погодин поручил Н. В. Бергу, «пригласить же Щепкина на свой вечер Погодин поручил Гоголю, который по этому поводу писал ему: "Когда увижусь с Щепкиным, передам ему это и ответ привезу сам"»[7].

[1] Ср. ***1849. Ноября между 15 и 25. Москва.***
[2] Письмо не сохранилось.
[3] В переводе В. А. Жуковского. — См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва.***
[4] Василий Алексеевич, скончался 21 октября 1849 г.
[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 607.
[6] См. ***1849. Декабря 3. Суббота. Москва.***
[7] *Барсуков*. 1897. Кн. 11. С. 70.

ДЕКАБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» и «Тяжбы» в Малом театре[1]; в ролях Кочкарева и Бурдюкова — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 324, 404.
[2] *Гриц*. С. 450.

ДЕКАБРЯ 2. ПЯТНИЦА. ВЕЧЕР. МОСКВА

Гоголь был у С. П. Шевырева.

И. М. Снегирев записал в дневнике: «Вечером был у С. П. Шевырева, у которого встретил Гоголя...»

Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод*. Т. 2. С. 172.

ДЕКАБРЯ 3. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь на вечере у М. П. Погодина присутствует на чтении А. Н. Островским запрещенной 23 ноября 1849 г. театральной цензурой комедии «Банкрут» (1846–1849; позднейшее название — «Свои люди — сочтемся»)[1].

Ранее с одним из первых произведений Островского, пьесой «Картина семейного счастья» (1847; позднейшее название — «Семейная картина»)[2], Гоголь познакомился, вероятно, через С. П. Шевырева. П. М. Невежин

вспоминал: «Александр Николаевич <...> с большим одушевлением вспоминал <...> свои первые литературные шаги, а особенно отзыв профессора Шевырева о его одноактных сценах "Семейная картина". И в самом деле, как не закружиться было голове, когда бывшему студенту <...> предрекал славу один из самых выдающихся профессоров, друг Гоголя: "Работайте, у вас большой талант"»[3]. Ранее, 6 мая 1848 г., С. П. Шевырев, намереваясь привлечь А. Н. Островского к участию в «Москвитянине», писал М. П. Погодину: «Есть какой-то г. Островский, который хорошо пишет в легком роде, как я слышал. Спроси г. Попова (возможно, имеется в виду профессор медицинского факультета Московского университета Алексей Петрович Попов; 1816–1885. — *И. В.*), не может ли он спросить у него трудов. Я посмотрел бы их, и потом обсудили бы условия...»[4]

Т. И. Филиппов в 1897 г., в свою очередь, свидетельствовал: «...Островский жил в доме отца своего, у Николы в Воробьине, вместе с отцом своим, мачехою, братьями от одной матери с ним и детьми от второго брака отца». «В этом-то доме Филиппов и сделался частым гостем, все более и более сближаясь с Островским, который и тогда уже был автором повести[5] и только что закончил первое свое драматическое произведение[6]. Повесть почти не представляла никакого значения; драматическое же произведение, *Семейная Картина,* уже носило несомненные признаки сильного таланта и между прочим произвело большое впечатление на Гоголя...»[7]

Погодин 3 декабря 1849 г. записал в дневнике: «Гр<афиня> Росто<пчина> читала свою комедию[8] и очень жел<ал> ей успеха, а кажется, успела, по крайней мере 4 и 5 дей<ствия> поразили многих, при перв<ом слушании>. — А как сух Гоголь. Комедия Банкрут удивительна[9]. Ее прочел Садов<ский> и автор, с ними познакомился[10]. Было человек 15, и до 3 часов. Не спал до 5. А наши авторы очень глупы и не умеют обходиться с женщинами»[11].

Последнюю фразу М. П. Погодин привел также в письме к самой графине Е. П. Ростопчиной от 5 декабря 1849 г. «На замечание Погодина, что "наши авторы очень глупы и не умеют обходиться с женщинами", графиня Ростопчина весьма основательно ответила: "А что наши литераторы люди *не светские*, в этом виноваты не они, а все наше безграмотное, бестолковое, антинациональное высшее общество, не любящее ни русского слова, ни русского характера, ни русского человека. Мои милые французы и те, которых вы мне называете, образовались в лучшем круге, возле женщин, каковые были: Сталь, Рекамье, Pauline de Meulan (первая жена и воспитательница Гизо), следственно, — как же сравнивать? — А посмотрели бы вы Тьера и теперешних выскочек! Вот грубияне, неучи и дикие в полном значении. Нет, и у нас бывали люди, когда было кому их образовать, когда были открыты дома Муравьева, Карамзина, княгини Волконской; а теперь, где свет, где теплота, где духовная жизнь, от которой бы развиться нежным цветам светского обхожденья, светской ловкости, светского навыка?.. Повторяю, люди есть, нужна им обработка, а это женское дело, а наши дамы играют в преферанс, злословят, сплетничают между собой,

К военным людям так и льнут, —

да принимают ласково только камер-юнкеров, да богатых женихов. Зачем им бедные поэты, не завитые писатели, не смазливые ученые?.. Cela deparerait leur salon <это портило бы вид их салона; *фр.*>, а вот потому-то и хочу я затеять у себя сперва притон, и потом, мало-помалу, завесть и *салон* для артистов, мыслящей и пишущей братии. <...>

Гоголю я назвала Смирнову потому, что из всех светских измен и обманов, для меня всех тягостнее, всех ужаснее те, которые происходят от существа, щедро одаренного, особенно от женщины: я еще того устаревшего, классического верования, что женщину Бог послал на землю, чтоб любить, мирить и благотворить... Виновата, — *я мщу*, говоря правду, тем хуже для тех, кому она глаза колет!"»[12]

Позднее сын Погодина Дмитрий Михайлович рассказывал П. К. Мартьянову: «...Припомнился мне ответ Гоголя известной поэтессе, графине Ростопчиной, которая, будучи у нас на вечере, когда А. Н. Островский читал в первый раз свою комедию "Банкрут" (переименованную впоследствии в "Свои люди — сочтемся"), по окончании чтения подошла к Николаю Васильевичу и спросила его: "Отчего он сделался таким отшельником-бирюком и не бывает у ней?"

— Зачем? — процедил сквозь зубы сконфуженный автор "Мертвых душ", — я не понимаю вас, вы не понимаете меня; я чужд циклу ваших идей, вы — моему... <...>

...Островский после чтения получил громадную известность; пиесе, запрещенной цензурой, исхлопотали разрешение, а поэтесса графиня Ростопчина, жившая до того времени обыкновенной великосветской жизнью, начала устраивать у себя в доме литературные чтения и музыкальные вечера. В сущности, вечер этот, действительно, вышел одним из самых удачных, как по своему внутреннему содержанию, так и по составу собравшегося на нем общества. Тут было все, что считалось

тогда солью литературных и артистических московских кружков: старые славянофилы, молодая редакция "Москвитянина", независимые и беспринципные, или, как называли их тогда: "цыганы". Приманкою служила неразрешенная цензурой к печати комедия Островского "Банкрут". Александр Николаевич, только что начавший тогда свою писательскую миссию, написал новую пиесу, в которой мастерскими штрихами очертил неизвестный еще в то время массе публики купеческий быт и его своеобразные взгляды, нравы и деятельность. Цензура наложила на нее свое veto и в обществе заговорили об ней. Мой отец, как известно, всегда старавшийся подать руку помощи заявившему себя чем-нибудь таланту, сочувственно отнесся к затруднительному положению молодого автора и устроил вечер для прочтения подвергшейся запрещению комедии, на который и была приглашена вся бывавшая у него интеллигенция Москвы. <...> Чтение происходило у отца в кабинете. В углу, под окнами, за столом, читали: мужские роли — актер Садовский, а женские — сам автор. Нужно ли говорить, что это было за чтение, вы, без сомнения, обоих чтецов слыхали. Все акты были прослушаны собравшимся обществом с полным вниманием; казалось, что это были не слушатели, а мертвецы. Когда же чтение окончилось, раздались аплодисменты, и хаос восторга сменил царствовавшее дотоле безмолвие. Все поздравляли и жали руки красневшего и потуплявшего глаза в землю автора. На что Гоголь, и тот признал в молодом писателе талант и не маленький, а графиня Ростопчина пригласили Александра Николаевича прочитать еще раз эту пьесу у нее в доме, для чего и назначила особый вечер. <...>

— А Гоголь был у ней на этом вечере?

— Нет, не был. Не были также и Шевырев, Аксаковы, Павлов, Щепкин и некоторые другие, слышавшие пиесу у нас на вечере»[13].

В 1855 г. М. И. Семевский[14], со слов А. Н. Островского, записал: «По словам Островского, первая его комедия[15] сочинялась им с 1846 года по 1850 год и читана была Гоголю в большом собрании гостей. Гоголь расцеловал автора-чтеца. Гр<аф> Соллогуб, прослушав ее у Гоголя <?>, прочел ее при дворе Марьи Николаевны.

<...> Островский, как сам рассказывает, был представлен Гоголю Садовским. "Автор «Мертвых душ», прослушав мою первую пьесу — от Садовского, сию похвалил и сделал замечание: что сцена Большова с Расположенским в первом действии излишне растянута". Между тем Гоголь пожелал видеть нового комика, который и был представлен ему на вечере у Ростопчиной[16]. Литературный вечер открылся на этот раз чтением самой хозяйки: баллады ее "Нелюдимка". Монотонное чтение скучного и слабого сочинения, продолжавшееся три часа, заметно утомило и Гоголя, и остальных слушателей. Времени оставалось немного, и Островского попросили прочесть хоть некоторые отрывки из его драмы. Автор прочел сцену Расположенского (первого действия). На этот раз, благодаря его искусному чтению, она не показалась растянутой. Что же касается до прочитанных им сцен (Липочки, свахи и обручения в третьем и четвертом действиях), то все они, как и надо было предполагать, произвели полный эффект. <...>

Любопытно послушать, когда Александр Николаевич, воодушевясь, вдается в странную крайность славянофильства. <...> Тут <...> автор "Своих людей" расхвалит вам "Переписку" Гоголя, заметив при этом, что эта замечательная книга имеет недостаток только один, именно: излишнюю скорость, с коею она издана...»[17]

Д. К. Малиновский в 1865 г. вспоминал: «Однажды разговор зашел о новом тогда произведении Островского "Свои люди — сочтемся". "Я дважды слышал эту пьесу в чтении, один раз читал мне ее Садовский, в другой раз сам автор", — сказал Гоголь. Некто позволил себе здесь заметить, что это пьеса, от первой строки до последней, написана узорчатым языком, и что было бы с нею, если б все ее разговоры перевести на обыкновенный простой язык. "Да, — сказал Гоголь, — может быть она тогда кое-что потеряла бы. По моему мнению, автор сделал в своей пьесе то упущение, что старик-отец в последнем акте вдруг, без ведома читателя и зрителя, является узником. Я бы на месте автора предпоследний акт непременно кончил тем, что приходят и берут старика в тюрьму; тогда зритель и читатель были бы приготовлены к силе последних сцен". (Слова Гоголя я передаю, как могу, своими словами, и не имею таланта воспроизвести характерное его слово; короче сказать, я передаю его мысли, а не подлинные слова.)»[18]

Н. В. Берг в «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе» (1871) сообщал: «Другой раз было назначено у Погодина же чтение комедии Островского *Свои люди сочтемся* (она носила тогда название: *Банкрот*), тогда еще новой, наделавшей значительного шуму во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, а потому слушающих собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочим графиня Ростопчина, только что появившаяся в Москве после долгого отсутствия и обращавшая на себя немалое внимание. Гоголь был зван также, но приехал середи чтения; тихо подошел к двери и стал у притолоки. Так и простоял до конца, слушая, по-видимому, внимательно.

После чтения он не проронил ни слова. Графиня подошла к нему и спросила: "Что вы скажете, Николай Васильевич?" — "Хорошо, но видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот покороче. Эти законы узнаются после и в непреложность их не сейчас начинаешь верить".

Больше ничего он не говорил, кажется, ни с кем, во весь тот вечер. К Островскому, сколько могу припомнить, не подходил ни разу. После, однако, я имел случай не раз заметить, что Гоголь ценит его талант и считает его, между московскими литераторами, самым талантливым. <...>

Графиня Ростопчина завела в том году субботние литературные вечера, на которых бывали все молодые московские литераторы того времени. Из прежних являлся изредка один Погодин. Впрочем, раз я видел там еще Н. Ф. Павлова. Гоголь не заглянул почему-то ни разу, несмотря на старое знакомство с хозяйкой, у которой, по ее словам, очень часто бывал в Риме[19]»[20].

В воспоминаниях о Ростопчиной (опубл. в 1893) Берг добавлял: «...Островский написал комедию "Банкрут". Все знающие дело ахнули. <...> Михаил Петрович Погодин <...> решился устроить у себя чтение "новой комедии", о которой столько все говорили. Трудность, и не малая была лишь в том, чтобы "достать автора", познакомиться с ним без лишних церемоний, без визитов, прямо — "с корабля на бал!" Михаил Петрович поручил уладить это дело одному товарищу Островского по воспитанию[21]. Островский обещал приехать и читать. Дело было о масленой (1849 года)[22]. Хозяин затеи придрался к этому и звал разных знакомых "на блины". В числе приглашенных были: Гоголь, Хомяков, Шевырев[23], актер Щепкин; некоторая часть "молодой редакции" "Москвитянина" (кто был поближе к Островскому) и Ростопчина. Были люди, кто хотел больше видеть автора "Насильственного брака"[24], чем слушать новую комедию...

Островский явился ранее других, с толстой тетрадью, одетый во фраке. Графиня приехала (как кто-то сейчас же заметил: в одиночных санях в одну лошадь), когда уже набралось довольно народу в верхнем помещении дома. Одета она была очень просто. Все глаза смотрели только на нее, и, кажется, всем она понравилась. Большинство присутствующих видело ее тут в первый раз. Погодин сейчас же представил ей всю свою "молодежь". Графиня осматривала представленных очень внимательно. Потом все уселись на самой невзыскательной мебели хозяйского кабинета: трех кушетках и нескольких стульях и креслах. Иным пришлось лепиться на подоконниках или даже просто стоять. Островский поместился в левом углу, у окон, и едва начал читать, как, невидимо и неслышно ни для кого, подкрался коридором Гоголь и стал в дверях, прислонившись правым плечом к притолоке, и так оставался во все время чтения.

Пиеса произвела на всех присутствующих сильное впечатление. Все акты были выслушаны с самым полным вниманием, без одобрений, в мертвой тишине. Разумеется, было два-три отдыха. По окончании чтения главные лица ринулись кучей благодарить автора. По образу жизни своей Островский очень редко сталкивался с такой массой разнообразного народу, особенно в таких условиях, как это устроилось у Погодина, а потому был неловок, краснел, потуплял глаза. <...>

Мне вздумалось подойти к Гоголю и спросить его мнение о пьесе. Он сказал, что "при несомненном и большом таланте автора проглядывает неопытность, юность в технике дела. Необходимо, чтобы такой-то акт (он его назвал цифрой) был покороче, а такой-то подлиннее. Все это он узнает впоследствии, может быть, очень скоро узнает, но пока не имеет об этом ни малейшего понятия. Пишет, как талант-самородок, сплеча, не оглядываясь и руководствуясь только вдохновением. А это не годится и невозможно. Техника — другое вдохновение; вдохновение тогда, когда нет вдохновения!.. Но талант, решительный талант!"

О языке пиесы, наиболее нас поражавшем, Гоголь не сказал ни слова, вероятно потому, что этого дела хорошо не смыслил. Он победил русский язык вообще и знал все его тонкости и прелести;

умел с ними справляться временами как самый высочайший художник русского происхождения, но сословных оттенков русской речи победить никогда не мог, да, кажется, об этом и не старался, так как это дело очень трудное, для большинства писателей даже прямо невозможное. Надо жить с этими сословиями, на языке которых хочешь говорить печатно. Островский заговорил купеческим языком, как *никто из наших писателей*, потому что *жил и вращался* среди купцов с малого возраста»[25].

С. В. Максимов[26] вспоминал: «Мы уже давно знали, что Гоголь умер для творчества, и не раз бегали взглянуть на него еще живого, ожидая, когда он из ворот дома Талызина выходил на Никитский бульвар для прогулки. Здесь он жил под дружеским попечением, окруженный ласкою и любовью известных своею христианскою жизнью супругов: графа Александра Петровича Толстого и графини, жены его, Анны Федоровны[27] <Георгиевны>. До нас уже дошел слух о том, что Островский у Погодина читал ему свою комедию[28], что Гоголь опоздал против назначенного им срока, пришел, когда уже началось чтение, пробыл до конца чтения и, на вопрос хозяина, отозвался о пьесе одобрительно, но к Алек<сандру> Ник<олаевичу> не подходил и не изъявлял желания с ним познакомиться. Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги карандашом, передан был Погодиным А. Н. Островскому и сохранялся им, как драгоценность[29]...»[30]

Н. П. Барсуков писал: «Преобладающее в московском "образованном обществе" поклонение западу не препятствовало, однако, кружку *Молодого Москвитянина* встречать радушный приют в некоторых литературных домах, разумеется, таких, где господствовало родственное им направление. Само собою разумеется, что члены кружка нередко сходились у М. П. Погодина, с которым соединяло их и журнальное дело. Здесь встречали они многих молодых и немолодых уже литераторов. Встречали они между прочим и Гоголя, доживавшего свои последние годы. Но великий писатель до того уже был сосредоточен в самом себе и до того погружен во внутреннюю свою работу, что никакое сближение с ним новых людей не могло уже в то время воспоследовать»[31].

[1] Ранее, 9 января 1847 г., в газете «Московский Городской Листок» был напечатан отрывок из этой комедии: *А. О., Д. Г. <Островский А. Н., Тарасенков (Горев) Д. А.>* Сцены из комедии «Несостоятельный должник». Ожидание жениха. — Дмитрий Андреевич Тарасенков (театральный псевдоним — Горев; 1810 — нач. 1860-х), актер, племянник штаб-лекаря А. Т. Тарасенкова, лечившего Гоголя.

[2] Напечатана 14 и 15 марта 1847 г. в газете «Московский Городской Листок» (№ 60–61); с подписью: *А. О.*

[3] *Невежин П. М.* Воспоминания об А. Н. Островском // А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 262; *Свод*. Т. 3. С. 885.

[4] *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 213; *Свод*. Т. 3. С. 885.

[5] Имеются в виду «Записки замоскворецкого жителя» (1847), объединяющие два рассказа: «К читателям»; «Иван Ерофеич» (напечатаны в газете «Московский Городской Листок» от 3, 4 и 5 июня 1847 г., без подписи).

[6] «Картина семейного счастья».

[7] Из воспоминаний Т. И. Филиппова в пересказе Н. П. Барсукова // *Свод*. Т. 3. С. 885.

[8] «...Погодин предложил графине Ростопчиной прочесть *Нелюдимку* у него на вечере, это приглашение она приняла с признательностью и писала ему: "С радостию приеду *в вашу келью* прочитать *Нелюдимку* вам, Шевыреву, Щепкину, Садовскому, Вельтману, если можно, нашему Гоголю, и вообще кому вам угодно. Назначьте мне день и час; я заранее даю вам слово явиться аккуратно, а вы знаете, что слово мое *всегда* исполняется!" Когда же Погодин уведомил графиню о приглашенных на этот вечер, то она писала ему: "Благодарствуйте, благодарствуйте, и от души, Михаил Петрович!.. <...> Давно хотелось мне дружески и братски пожать руку Мею, а теперь горю желанием *низко, низко поклониться Островскому*. <...> А о прочих, о Вельтмане, Перевощикове, Максимовиче, скажу, что мне лестно, приятно, но вместе и немного страшно предстать пред ареопаг, составленный из всех наших заслуженных и дельных знаменитостей... <...> Дай Бог, чтоб Степану Петровичу Шевыреву выздоровление его больных позволило присоединиться к нам; если наш Гоголь решится осчастливить меня своим вниманием, то я тем более ему обрадуюсь, что уж более полугода с ним не видалась и даже ничего не знаю о его здоровье. Я буду стараться привезти графиню Сальяс, нашу новую писательницу, но не надеюсь, чтоб она согласилась: она стала отшельницей и почти никогда не выезжает; а надо бы вам с нею сблизиться!"» (*Барсуков*. 1896. Кн. 10. С. 333–334; см. также: *Свод*. Т. 3. С. 672). «На этом чтении Шевырева не было, и он на другой же день писал Погодину: "Я поручил Гоголю извинить меня перед графиней Ростопчиной, и он взялся за это. Если бы графиня вверила мне свою комедию для кабинетного прочтения, мне было бы это очень приятно. <...> Можно ли так хвалить комедию Ростопчиной? <...> Перевощиков сказал мне, что он у тебя простудился, и что

Нелюдимка страшный вздор, писанный весьма хорошими стихами. Вот как разнообразны мнения"» (*Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 335–336).

[9] С пьесой А. Н. Островского «Банкрот», или «Свои люди — сочтемся!» («Первоначально комедия эта называлась *Банкрут*, но по распоряжению цензуры, боявшейся оскорбить купцов, пришлось переименовать эту пиесу в *Свои люди сочтемся*»; *Барсуков.* 1897. Т. 11. С. 76), Гоголь познакомился сначала в чтении П. М. Садовского (см. ниже воспоминания М. И. Семевского), а затем в чтении автора и П. М. Садовского на вечере у М. П. Погодина 3 декабря 1849 г. (мужские роли читал Садовский, женские — сам автор).

[10] Пригласить А. Н. Островского на вечер М. П. Погодин поручил Н. В. Бергу (см.: *Барсуков.* 1897. Т. 11. С. 69–70).

[11] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

[12] *Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 338–339; *Свод.* Т. 3. С. 672–673.

[13] *Мартьянов П. К.* Гг. Погодины и газета «Жизнь» // *Свод.* Т. 2. С. 535–536.

[14] Михаил Иванович Семевский (1837–1892), писатель, журналист, общественный деятель, основатель журнала «Русская Старина».

[15] Банкрут (Свои люди — сочтемся!).

[16] Неточность. Знакомство Гоголя и А. Н. Островского состоялось 3 декабря 1849 г. на вечере у М. П. Погодина.

[17] *Семевский М. И.* <Встречи с А. Н. Островским в Москве> // *Свод.* Т. 2. С. 566.

[18] *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 680.

[19] См. ***1845. Декабрь — 1846. Февраль <1845. Ноября вторая половина — 1846. Января средина>. Рим.***

[20] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод.* Т. 3. С. 648.

[21] Н. В. Берг имеет в виду самого себя (см. примеч. выше).

[22] На самом деле чтение состоялось 3 декабря 1849 г.

[23] С. П. Шевырев из-за болезни на чтении не присутствовал.

[24] См. ***1845. Декабрь — 1846. Февраль <1845. Ноября вторая половина — 1846. Января средина>. Рим.***

[25] *Берг Н. В.* Графиня Ростопчина в Москве. (Отрывок из воспоминаний) // *Свод.* Т. 3. С. 662–663.

[26] Сергей Васильевич Максимов (1831–1901), писатель, этнограф.

[27] «Известно, что Ал<ександр> Петр<ович> был тверским губернатором, а потом обер-прокурором Святейшего Синода» (примеч. С. В. Максимова).

[28] Банкрут (Свои люди — сочтемся!).

[29] Имеется в виду записка Гоголя к графине Е. П. Ростопчиной от конца апреля — начала мая 1850 г. по поводу объяснения А. Н. Островского 28 апреля 1850 г. о комедии «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!») (см. ***1850. Апреля конец — мая начало. Москва***). С. В. Максимов, судивший о записке Гоголя по слухам, не знал, что она относилась не к пьесе, а к письму Островского, а также то, что она была передана драматургу не Погодиным, а Ростопчиной. «Сохранилась записка Гоголя графине Растопчиной. "Дай ему Бог успеха во всех будущих трудах, — писал он по поводу цензурных мытарств Островского с «Банкротом». — Самое главное, что есть талант, а он везде слышен"» (*Смирнов И. И.* Александр Николаевич Островский // Александр Николаевич Островский. 1823–1923. Сборник статей к столетию со дня рождения. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 23). Полностью записка Гоголя к Ростопчиной была напечатана впоследствии В. Я. Лакшиным: *Лакшин В.* Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 125.

[30] *Максимов С. В.* Александр Николаевич Островский. (По моим воспоминаниям) // Русская Мысль. 1897. № 1. С. 55; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 568.

[31] *Барсуков.* 1897. Кн. 11. С. 92; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 570.

ДЕКАБРЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Пис<ал> письмо к Гр<афине> Росто<пчиной> о вечере[1], и просил Нелюд<имку> для Москв<итянина>[2]. <...> Вечер у Акс<аковых>, где я испытываюсь злобою против невежества и барства»[3].

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498.

[1] Отвечая на письмо Погодина, графиня Е. П. Ростопчина замечала: «...Я была *вполне довольна*, когда увидала слезы в глазах доброго Щепкина, и признаки чувства на благородном, великодушном лице Вельтмана. Я им очарована; также меня поразила умнейшая физиономия Максимовича. Я и не ожидала более — *Нелю-*

димка понравится особенно только женщинам; пусть строгие и заслуженные судьи, каковы ваши гости, только ее не слишком строго осудят!» (*Барсуков.* 1896. Кн. 10. С. 337–338). – См. также ***1849. Декабря 3. Суббота. Москва.***

[2] Опубликовано: Нелюдимка. Драма в пяти действиях. Соч. графини *Е. П. Ростопчиной* // Москвитянин. 1850. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1849 г.). Отд. I. С. 1–106. – Незадолго перед тем, 11 декабря 1849 г., Погодин записал в дневнике: «Письма от Ростоп<чиной> милые и стихи. Дает Нелюдимку. Хорошо – что то будет» (Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 498).

В № 2 журнала «Москвитянин» за 1850 год М. П. Погодин сделал примечание: «Может быть, и "Банкрут" украсит страницы Москвитянина» (Литературные замечания // Москвитянин. 1850. № 2 (цензурное разрешение 14 янв.). Отд. VI. С. 28). Комедия была напечатана в № 6 «Москвитянина» за 1850 г. (см. ***1850. Апреля конец – мая начало. Москва*** – примечания).

[3] Подробнее см.: ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Вчера получил <...> письмо от Смирновой; вот, между прочим, что она пишет про Константина: "Что делают Ваши? Гоголь очень доволен Константином Сергеевичем и его *кротостью*. Дай ему Бог Свои кроткие, смиренные силы; они выше всех сил наших, строптивых и неразумных, и заговорят лучшим языком когда-нибудь. Скажите ему это от меня". Как получил, так и передаю. Смирнова немножко впадает в нравоучительный тон».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 928.

ДЕКАБРЯ 6. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное письмо А-ру М. Марковичу в Сварково, с вложением письма к А. С. Данилевскому (последнее письмо не сохранилось), и ответное[1] послание к А. О. Смирновой в Калугу.

Из письма к Марковичу: «Очень благодарю и за известия об вас и за календарь[2]. <...> Я кое-как перебиваюсь. Здоровье, слава Богу, еще держится. По-прежнему сижу за делом, а делается мало. Время летит так быстро, что нападает страх. Поездки мои были маловажны. Но всё же они оживили начинающую тупеть память. Многое современное заставило вспомнить с грустью о *прежнем,* невозвратно минувшем. Много завелось повсюду бесхарактерности, бессилия, смущения в головах и пустоты в сердцах. Об утонченностях разврата уже и не говорю. Покуда я еще ничего не готовлю к печати, во-первых, потому, что сам не готов, а, во-вторых, потому, что и время не такое: авось отрезвятся сколько-нибудь опьяневшие головы. <...> Передайте при сем письмеца Александру Сем<еновичу>[3]. Я не знаю, где он на нынешнюю пору находится. Может быть, с вами. Передайте поклон мой почтенной вашей сестрице[4] и всем милым вашим племянницам»[5].

Из письма к Смирновой: «Только что отправил к вам письмо[6], как, два часа спустя, пришло ваше. Гадостей, как видно, около вас немало. Но как же быть? Не будь их, не достигнуть нам и Царствия Небесного. Как раз забудет человек, что он здесь затем, чтобы нести крест. Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что их распускает чорт, а не люди, затем, чтобы смутить и низвести с того высокого спокойствия, которое нам необходимо для жития жизнью высшей, стало быть, той, какой следует жить человеку. Эта длиннохвостая бестия как только приметит, что человек стал осторожен и неподатлив на большие соблазны, тотчас спрячет свое рыло и начинает заезжать с *мелочей,* очень хорошо зная, что и бесстрашный лев наконец должен взреветь, когда нападут на него

бессильные комары со всех сторон и кучею. Лев ревет оттого, что он животное, а если бы он мог соображать, как человек, что от комаров, блох и прочего не умирают, что с наступленьем холодов всё это сгинет, что кусанья эти, может быть, и нужны, как отнимающие лишнюю кровь[7], то, может, и у него достало бы великодушия всё это перенесть терпеливо. Я совершенно убедился в том, что сплетня плетется чортом, а не человеком. Человек от праздности и часто сглупа брякнет слово без смысла, которого бы и не хотел сказать. Это слово пойдет гулять; по поводу его другой отпустит в праздности другое, и мало-помалу сплетется сама собою история без ведома всех. Настоящего автора ее безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь. Не обвиняйте также и домашних никого; вы будете несправедливы. Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чем да поможет вам Бог! Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ревизовать не сенатор, а Тот, Кого ничем не подкупишь и у Которого совершенно другой взгляд на всё.

Гр<аф> Толстой очень благодарит вас за память. С Назимовым я мало знаком: виделся с ним раза два, отзывают<ся> же о нем другие хорошо. Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича[8], то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе. Здоровье мое кое-как плетется, хотя и не совсем так, как нужно для произведенья моей поденной работы. <...>

Если Николай Михайлович[9] сегодня именинник, то передайте ему мое поздравленье. Детушек перецелуйте».

[1] См. ***1849. Ноября около 25. Калуга.***

[2] См. ***1849. Март. Москва*** (примечания).

[3] Данилевский.

[4] У А. М. Марковича было пять сестер. О которой из них речь, неясно.

[5] У. Г. Данилевская и М. Г. и В. Г. Похвисневы.

[6] См. ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва.***

[7] См. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка*** (примечания).

[8] Вскоре Н. И. Билевич был принят на должность инспектора 1-й губернской гимназии Москвы (см.: Дополнительный список должностным лицам, губернского и уездных управлений Московской губернии / Адрес-календарь жителей Москвы, составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. М., 1850. Ч. 2 (цензурное разрешение 3 марта). С. 4).

[9] Муж Смирновой.

ДЕКАБРЯ 10. СУББОТА. КАГОРЛЫК

М. И. Гоголь получает письмо от сына из Москвы.

См. ***1849. Ноября средина. Москва.***

ДЕКАБРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Мария В. Станкевич пишет родным:

«Михайло Семенович[1] с детьми приехал прочесть нам комедию Тургенева “Нахлебник”, которая будет дана в его бенефис. Пришел и Пикулин[2], как две капли похожий на Ваню[3] <...>, и Афанасьев[4], нос которого — увы — послужил целью нескольким остротам. “Нахлебник” — чудная пьеса. Михайло Семенович расплакался, читая ее и воображая, как хороша она будет на сцене. Гоголь назвал ее безнравственною[5], из этого можно заключить о ее достоинстве. До сих пор она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в “Современнике”»[6].

В 1859 г. А. А. Григорьев писал: «Тургеневский <...> "Нахлебник", к сожалению, не игранный на сцене, эта "пьеса с причиной", как назвал ее *почему-то* покойный Гоголь, — привел натурализм уже не к комическому, а к отвратительному»[7].

Жена Н. М. Щепкина (сына актера) А. В. Щепкина (рожд. Станкевич), познакомившаяся с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г., в 1887 г. вспоминала: «Из пьес Тургенева <...> особенно нравилась ему <М. С. Щепкину> пьеса "Нахлебник"[8] и роль самого Нахлебника. Когда пьесу эту задерживали и она долго не появлялась на сцене, то М. С. Щепкин пробовал ставить ее на домашнем спектакле[9] у своих знакомых и разучивал роль Нахлебника с величайшим удовольствием и одушевлением. Роль эта занимала его в продолжение целой зимы, хотя, к сожалению, спектакль не состоялся»[10].

[1] Щепкин.
[2] Павел Лукич Пикулин (1822–1885), врач, приятель Т. Н. Грановского.
[3] Имеется в виду Иван Владимирович Станкевич (1820–1907), брат М. В. Станкевич.
[4] А. Н. Афанасьев.
[5] См. также ***1849. Сентября 10. Суббота. Санкт-Петербург.***
[6] *Свод.* Т. 3. С. 44.
[7] *Григорьев Ап.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа: «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г. № 1). Письма к Г. Г. А. К. Б. Статья вторая // Русское Слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графом Гр. Кушелевым-Безбородко. 1859. Май. Отд. 2. С. 22; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 563.
[8] Пьеса И. С. Тургенева «Нахлебник» должна была быть представлена в бенефис Щепкина — 31 января 1849 г. Однако она была запрещена цензурой и впервые поставлена на сцене только в 1862 г.
[9] См. ***1849. Марта 10. Четверг. Москва.***
[10] *Щепкина А. В.* Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // *Свод.* Т. 3. С. 35.

ДЕКАБРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Вышло распоряжение о возвращении[1] профессора славянских наречий В. И. Григоровича, замещавшего О. М. Бодянского в Московском университета[2], в Казань (прибыл туда в феврале 1850 г.)[3].

[1] Ср. ***1848. Октября 28. Пятница. Москва.***
[2] Подробнее см.: ***1849. Декабря 21. Среда. Москва.***
[3] См.: Григорович Виктор Иванович... // *Загоскин Н. П.* Деятели Императорского Казанского университета. 1805 г. — 1900 г. Казань, 1900. С. 39.

ДЕКАБРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАГОРЛЫК

М. И. Гоголь получает второе[1] подряд письмо от сына из Москвы[2].

[1] См. ***1849. Декабря 10. Суббота. Кагорлык.***
[2] См. ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва.***

ДЕКАБРЯ 14. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому в Баден:

«Прежде всего благодарность за милые строки, хоть в них и упрек. Сам я не знаю, виноват ли я или не виноват. Все на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что в них видно одно: [нежелание] *нехотение писать*. Это правда. Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость [ли] или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствованье хуже сна? Полтора года

моего пребыванья в России пронеслось, как быстрый миг, и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от<о>двигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лепятся [лениво] вяло, а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои "Мертвые души" не выходили в это мутное время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь всё, и молодежь и стар<ость>, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки[2]. Другие изблевывают свое собственное несваренье. Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу *силу*. Можно сказать, что только одна Церковь и есть среди нас еще здоровое тело. Появленье "Одиссеи" было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли "Одиссею" с полной признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию; вероятно, он скажет в ней много хорошего, но никакие рецензии не в силах засадить нынешнее поколение, обмороченное политическими броженьями, за чтение светлое и успокаивающее душу. Временами мне кажется, что II-й том "Мерт<вых> душ" мог бы послужить для русских читателей некоторою ступенью к чтенью Гомера. Временами приходит такое желанье прочесть из них что-нибудь тебе, и кажется, что это прочтенье освежило бы и подтолкнуло меня — но... Когда это будет? когда мы увидимся?»

[1] См. ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден.***

[2] См. также ***1851. Октября конец, до 30. Москва.*** — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 776–787.

ДЕКАБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к П. А. Плетневу, с вложением ответного[1] письма к Я. К. Гроту.

Из письма к Плетневу: «Мы давно уже не переписывались. И ты замолчал, и я замолчал. Я не писал к тебе отчасти потому, что сам хотел быть в Петербург, а отчасти, и потому, что нашло на меня *неписательное* расположение. Все кругом на меня жалуются, что не пишу. При всем том, мне кажется, виноват не я, но умственная спячка, меня одолевшая. [Даже и] "Мертв<ые> души" тоже тянутся лениво. Может быть, так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время еще содомное. Люди, доселе не отрезвившиеся от угару, не годятся в читатели, не способны ни к чему [высокому] художественному и спокойному. Сужу об этом по приему "Одиссеи". Два-три человека обрадовались ей, и то люди уже отходящего века. Никогда не было еще заметно такого умственного бессилия в обществе. Чувство художественное почти умерло. Но ты и сам, без сомнения, свидетель многого. Пожалуста, отправь это письмецо к Гроту и сообщи мне его точный адрес. Передай также мой душевный поклон Балабиным и скажи им, что я всегда о них помню. <...> Адрес мой: в доме Талызина на Никитском булеваре. Об "Одиссее" не говорю. Что сказать о ней? Ты, верно, наслаждаешься каждым словом и каждой строчкой. Благословен Бог, посылающий нам так много добра посреди зол!»

Из письма к Гроту: «Очень благодарю вас за ваше доброе письмо, которое нашел по приезде в Москву. Мне самому очень жалко, что не удалось с вами еще повидаться. Благодарю вперед за предстоящее знакомство с Протопоповым, которого я непременно отыщу. Его замечания о русском

народе, приложенные в вашем письме, совершенно верны, отзываются большой опытностью, а с тем вместе и ясностью головы».

В 1864 г. Грот сообщал: «Вскоре после того Гоголь действительно ездил к моему приятелю, но не застал его дома. Погруженный в дела службы, П<ротопопов>, который сверх того был всегда немножко нелюдим, не поехал к Гоголю, и они не познакомились лично»[2].

2 июля 1850 г. Грот писал П. А. Плетневу: «Бывши в Гельсингфорсе, я однажды послал к нему отрывок из письма Протопопова о русском народе; этот "morceau"[3] так восхитил Гоголя, что он был с визитом у Протопопова, но, не застав его, оставил у него карточку; а этот, не зная повода, заключил, что карточка явилась к нему по ошибке, и не отдал визита»[4].

[1] См. ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс.***
[2] *Грот Я. К.* Воспоминание о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 703.
[3] Отрывок (*фр.*)
[4] Из писем Я. К. Грота // *Свод.* Т. 3. С. 706.

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 15 И 21. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В один из дней рождественского поста[1] Гоголь вместе с М. С. Щепкиным[2] и М. А. Максимовичем, предположительно[3], посетил Аксаковых в Радонежье.

В 1913 г. С. С. Мамонтов сообщал: «В начале 70-х годов прошлого столетия мои родители[4] приобрели у вдовы Сергея Тимофеевича Аксакова его имение сельцо Абрамцево, находящееся неподалеку от Троице-Сергиевской Лавры.

Вместе с старинным барским домом, мебелью корельской березы и тенистым липовым садом, к новым владельцам, как живой инвентарь, перешел и старичок Ефим Максимыч. Это был человек старого закала, из дворовых, каких теперь уже не найдешь на белом свете. В молодости Максимыч был вывезен барином из Нового Аксакова (Багрова) нынешней Самарской губернии, и до самой его смерти служил ему камердинером.

Невысокий, коренастый, плотный, с черными, несмотря на преклонный возраст, волосами, Максимыч всегда был одет в весьма неопрятный длинный черный сюртук, бороду брил и говорил большею частию в шутливом тоне, лукаво посматривая на собеседника маленькими серыми глазками из-под нависших бровей.

Жизнь всего аксаковского кружка с самими Аксаковыми, Гоголем и Щепкиным во главе, была так родна и близка старику, что он рассказывал о ней, как о событиях вчерашнего дня, рассказывал любовно и словоохотливо. Росказни эти незыблемо отпечатывались в моем детском мозгу, и один факт комического характера я передам теперь читателям, в виду только что минувших Щепкинских дней.

Постараюсь придерживаться характерной речи самого Максимыча.

— Часто и подолгу у нас здесь Николай Васильевич Гоголь гостил и даже сочинения свои писал наверху в мезонине, в той комнате, что окнами во двор выходит. Молчаливый был человек и редко на него веселость находила. Зато уж, коли разойдутся, так прямо удержу им нет.

Сядут в зале за фортепиано с земляком своим, а моим тезкой, г-ном Максимовичем и цельный вечер свои малороссийские песни поют.

— Николай-то Васильевич иной раз до того разойдутся, что середь залы в присядку пустится, ногой притопывает и поет: "Нехай так, нехай так!", а сам, как дитя малое, смехом заливается.

— Очень не мало тогда наш старый барин утешался, потому любил господина Гоголя, как сына родного.

— А вот еще помню. В посту, кажется, дело было, на санях ездили. Гостил у нас в Абрамцеве по обыкновению Николай Васильевич, да еще Щепкин Михайло Семенович, что на Императорском театре играл. И собрались, это, они вместе в Москву ехать, а меня барыня тоже с ними на облучке с поручением послали. Дорогу после оттепели морозом хватило, и по закраинам здоровенные раскаты образовались.

— На большак тогда лесом на Арханово ездили, а по дороге, сами знаете, речка Яснушка протекает и спуск к ней под изволок идет. Вот только стали мы под гору к этой самой Яснушке спускаться, сани у нас и раскатились, да с размаху в бок и ударились. Я сам насилу на облучке усидел, а Михайло Семенович, — толстый, круглый он был, — из саней, как бомба, вылетел и, как был в медвежьей шубе и в теплых сапогах, в сугробе увяз.

— Николай Васильевич, легонький да худенький, в санях за грядку удержался и — ну хохотать, да так звонко, что и мы с кучером подхватили, удержаться не могли. Михайло Семенович руками-ногами в снегу барахтается, никак вылезти не может, и ругается на чем свет стоит...

— Нам бы, конечно, вытаскивать его надо, а мы на Николая Васильевича глядя, окончательно со смеху скисли, глядим на него и глазами хлопаем.

— Потом уж только опамятовались и господина Щепкина кое-как из сугроба вызволили. Здорово он нас изругал, однако зла не помнил. — Как с проселка на большак выехали, сам первый смеяться начал вместе с Николаем Васильевичем. После того благополучно мы их в Москву доставили...

Умер наш Максимыч в том же Абрамцево скоропостижно, вернувшись из бани, и много живых подробностей славного времени унес с собой в могилу»[5].

[1] Продолжается с 15 ноября до 24 декабря (ст. ст.).

[2] После представления в Большом театре 14 декабря 1849 г., где Щепкин играл Сганареля в комедии Ж. Б. Мольера «Лекарь поневоле», следующий спектакль с участием Щепкина состоялся 27 декабря (в этот день в Малом театре актер играл Гарпагона в комедии Мольера «Скупой») (*Гриц.* С. 450).

[3] См. также ***1849. Сентября 27–30. Радонежье (Абрамцево)***; ***1849. Октябрь — ноября начало. Радонежье (Абрамцево)***.

[4] С. И. и Е. Г. Мамонтовы.

[5] *Мамонов Серг.* Очевидец М. С. Щепкина // Рампа и жизнь. 1913. 23 авг. № 34. С. 6–7; перепечатано, с сокращениями: Гоголь и Щепкин // Одесский Листок. 1913. 31 авг. № 203; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 400.

ДЕКАБРЯ 21. СРЕДА. МОСКВА

О. М. Бодянский записывает в дневнике:

«Часа в три пополудни навестил[1] меня Николай Васильевич Гоголь, пришедший с поздравлением о победе над супостаты.

— Максимович (М. А.) был у меня сейчас, — сказал Гоголь, — и сообщил мне новость о вас, и я немедленно же очутился у вас, чтобы вас обнять и поздравить с победою. Конечно, можно и без университета жить, но без средств к жизни что за жизнь? Вам же, для ваших прекрасных предприятий, более другого нужны средства.

Тут прямо разговор перешел к сборнику малороссийских песен, который я по весне показывал ему и который намеревался помещать в "Чтениях"[2]. С этою целью начато было мною печатание "Галицких народных песен" (червонорусских), приобретенное от священника Галиции (сначала на приходе, где-то в Покутье, а с 1849 г. профессора русского языка в львовском университете) Якова Федоровича Головацкого[3], отпечатано было не более 2-х листов, как буря приостановила и их вместе со многим другим. А чтобы помещение песен в издании Исторического общества и притом песен, хотя русских, но не Руси Московской, не могло возбудить каких-либо толков и пересудов, то я предпослал, прежде всего, собрание песен великорусских, принадлежащее Петру Васильевичу Киреевскому, — собрание чрезвычайно богатое и важное. На первый раз помещены были в 9 кн<иге> 1848 г. так называемые "стихи"[4], из коих до того не было известно в печати ни одного и о которых отозвались с большою похвалою самые неблагонамеренные русские журналы ("Отеч<ественные> Записки" и "Современник"); вслед за первым опытом предполагалось поместить "Разноречья" к тем "Стихам", которых набралось столько, как и самих "Стихов"»[5].

«Победа», с которой Гоголь пришел поздравить земляка, заключалась в восстановлении Бодянского в должности профессора Московского университета. Из университета он был удален в связи с публикацией в 1848 г. в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских» сочинения английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О государстве русском», которое содержало весьма критические отзывы о Русской Церкви и русском царе и было издано в 1591 г. в Лондоне. (Гоголю книга Дж. Флетчера была известна еще в конце 1820-х гг. по публикации В. П. Титовым фрагмента из нее в погодинском «Московском Вестнике» за 1827 год (ч. 1–2). Отсюда Гоголь внес тогда в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» выписки «Нравы русских»[6] и «О старинных русских свадьбах»[7]. Кроме того, Флетчера обильно цитировал Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», с которой Гоголь также познакомился еще в Нежине[8].)

Сочинение Дж. Флетчера, переведенное Д. И. Гиппиусом и Н. В. Калачевым, было представлено в 1847 г. в Общество Истории и Древностей Российских князем М. А. Оболенским[9]. По прямому распоряжению председателя Общества, главы Московского цензурного комитета и попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова сочинение Флетчера было напечатано в первой книге «Чтений...» за 1848/49 г. и в сентябре 1848 г. вышло в свет. Секретарем Общества и редактором «Чтений...», подписавшим к печати публикацию очерка Флетчера, был Бодянский. 30 сентября 1848 г. на заседании Общества экземпляры только что вышедшей книги были розданы его членам, а 1 октября Бодянский представил книгу министру народного просвещения С. С. Уварову, бывшему тогда в Москве. Уваров — находившийся в давних неприязненных отношениях со Строгановым — и, возможно, уже предупрежденный о содержащихся в сочинении Флетчера «неодобрительных отзывах о русском правительстве и духовенстве»[10], тут же распорядился о возвращении в Общество розданных книг и доложил о случившемся Государю. Вследствие доклада Уварова Бодянский в наказание за пропуск сочинения Флетчера был переведен из Московского университета в Казанский (по семейным обстоятельствам он не смог туда поехать и вышел в отставку).

В дневнике М. П. Погодина 1846–1852 гг. в связи с этим сохранилась запись от 17 октября 1848 г.: «Бодянский с известием о доносе Снегирева Министру, а теперь распускает слухи на меня[11]. О какое противное и скаредное создание!»[12] См. также запись Погодина от 28 ноября 1848 г.: «С Язык<овыми> о сплетнях. — Слышал их восклицания о Бодян<ском>, которого не знают в глаза, а теперь вступаются!»[13]; и от 22 октября 1849 г.: «Гадости Бод<янского> о Григоровиче»[14]. (Профессор Виктор Иванович Григорович был назначен замещать Бодянского в университете[15].) Бодянский в то время предположил, что Уваров был предупрежден о сочинении Флетчера Погодиным, — и вследствие этого надолго с Погодиным рассорился. Однако, по замечанию П. И. Бартенева, Бодянский «не знал (да и теперь многие не знают), что в так называемой Флетчеровой истории Погодин и Шевырев были совершенно безупречны. К великой чести Бодянского служит что, по кончине Погодина, он прочел в Обществе Истории и Древностей речь о нем с выражением раскаяния своего в ложном о нем мнении»[16]. М. П. Погодин еще 23 декабря 1848 г. записал в дневнике: «К Шев<ыреву>. <...> Бод<янский> пред ним уже разливается слезами, только что обругавши и оклеветавши нас всех. — Что за гадости. Не хотелось его разуверять»[17].

Следует подчеркнуть, что Бодянский не был инициатором публикации очерка Флетчера (полностью очерк был опубликован в России только в 1905 г.). Напротив, Бодянский предупреждал графа Строганова о возможных неприятностях. Главную ответственность за напечатание сочинения «О государстве русском» нес именно Строганов, который 16 ноября 1848 г. писал Уварову: «...Бодянский два раза обращал внимание мое на содержание Флетчера и несмотря на его представление статья была назначена мною к печати»[18]. Об этом же сообщал М. П. Погодин С. П. Шевыреву в письме от 10 октября 1848 года: «Оболенский указывал на места. Бодянский спрашивал Строганова 2 раза и читал ему все главы сполна»[19].

Спустя некоторое время состоялось объяснение по этому делу графа Строганова с Государем. По свидетельству Бодянского, оно закончилось решением Императора удалить в ближайшем будущем графа Уварова с поста министра. Об этом Бодянский 23 декабря 1848 г. записал в своем дневнике: «Бывши у Государя, — говорит граф Строганов, — после обеда я отошел с ним к камину, где <...> он спросил меня: "Что там ты печатаешь такое?" "Государь, — отвечал я, — я печатал такое, что всегда готов напечатать. Флетчерово сочинение относится к царствованию Ивана Грозного и сына его Феодора; все худое, замеченное иностранцем о Руси того времени, не относится к нынешней, ничем на нее не похожей. Уваров по личной ко мне вражде решился наделать из этого шуму и представить В<ашему> В<еличест>ву как нечто зловредное. А я между тем напечатал его в журнале ученого Общества, бывшего под моим председательством, имевшего весьма тесный круг читателей <...> если ученым мы будем не дозволять знать и худую сторону нашу, тогда и в доброй свет усомнится". "Хорошо, хорошо, — подхватил тогда Государь, — мы все это уладим скоро и пострадавший от Уварова (имеется в виду Бодянский. — *И. В.*) возвратится непременно на свое место, когда тот не будет более министром; а это, говорю тебе, скоро наступит"»[20].

Императору лучше других были известны достоинства и недостатки Уварова. Действительно, через год, 20 октября 1849 г., Уваров, — который незадолго до того, в 1846 г., был возведен в графское достоинство, — был снят с должности министра. (На эту должность был назначен его бывший заместитель, товарищ министра

князь П. А. Ширинский-Шихматов — отличавшийся, не в пример своему предшественнику, глубокой религиозностью.) 4 декабря 1849 г. Бодянскому было разрешено вернуться в Московский университет. 20 декабря 1849 г. приказ об определении Бодянского в университет был напечатан в «Московских Полицейских Ведомостях», и на следующий день Гоголь и навестил «пострадавшего от Уварова», о чем и сообщает дневниковая запись Бодянского.

Поскольку восстановление Бодянского в должности оказалось связанным с отставкой Уварова, то поздравление Гоголя с «победой над супостаты», вероятно, предполагало критическую оценку деятельности бывшего министра — что вполне совпадало с сложившимся к тому времени подобным же отношением к Уварову самого Государя[21]. (Уваров, впрочем, сам, в ответ на прошение Бодянского от 14 июля 1849 г. о восстановлении его на службе в Московском университете, ходатайствовал за него 9 августа того же года перед главноуправляющим Инспекторским департаментом гражданского ведомства А. С. Танеевым[22].) Примечательно еще одно свидетельство графа Строганова, переданное в 1892 г. П. И. Бартеневым: «В последние годы своей жизни граф С. Г. Строганов (1794–1882) неоднократно передавал пишущему эти строки и другим про первое свое представление Николаю Павловичу по увольнении от должности попечителя. "Однако же, какое ты письмо написал в ответ? Ведь он <Уваров> был твой начальник!" — "Во-первых, расстояние между попечителем и министром еще не особенно большое; а во-вторых, Вашему Величеству лучше других известно, что за человек мой бывший начальник". — "И то правда, и то правда!" — сказал Государь и пожал верному слуге своему руку»[23].

Вражда между Уваровым и Строгановым проявилась, в частности, в том, что в 1847 г. последний, будучи попечителем Московского учебного округа, вышел в отставку, отказавшись огласить университетскому совету циркуляр Уварова, разъяснявший официальную точку зрения на славянофильство в связи с делом «кирилло-мефодиевского» общества. Сепаратистская деятельность разоблаченного в 1847 г. Украино-Славянского общества (организаторы называли свой кружок Обществом Св. Кирилла и Мефодия) спровоцировала тогда правительственные гонения на московских славянофилов, началом которых и явился циркуляр Уварова. Дело дошло до того, что в 1847 г. было решено поощрить бывшего сотрудника Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» А. А. Краевского — превратившегося к тому времени в издателя либерально-западнических «Отечественных Записок» — «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней»[24]. — Погодин летом 1842 г., после встречи с западниками Е. Ф. Коршем и Т. Н. Грановским, предложившими ему свое участие в издании «Москвитянина», в частности, писал Шевыреву: «Грановский и Корш приезжали ко мне в воскресенье толковать о *Москвитянине*. Я спросил их: возьмут ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли от диавола и *Отечественных Записок*, будут ли почитать Христианскую религию, уважать брак. <...> Вот с чем я отпустил их» (переговоры ни к чему не привели)[25]. В. А. Жуковский 1 августа (н. ст.) 1844 г. также сообщал Гоголю: «Гр<афиня> Вьельгорская привезла для вас несколько книг "Христианского Чтения" и несколько № бесовского, то есть "Отечественных Записок"»[26].

Добавим, что, подобно А. А. Краевскому, со временем эволюционировал к либеральному западничеству еще один из ближайших сотрудников Уварова цензор А. В. Никитенко. В 1847 г. он возглавил журнал «Современник», переданный П. А. Плетневым в руки западников, а незадолго перед тем явился главным инициатором запрещения ряда статей религиозно-патриотического содержания в «Выбранных местах из переписки с друзьями»[27]. То же следует сказать и о И. И. Панаеве, состоявшем до 1845 г. при редакции «Журнала Министерства Народного Просвещения» и одновременно принимавшем активное участие в издании «Отечественных Записок».

[1] См.: «Бадянский <Бодянский> Иосиф Максим<ович>, К<оллежский> Сов<етник>, Арб<атской> ч<асти>, у Никитск<их> вор<от>, прот<ив храма> Вознес<ения Господня>, д<ом> Мещерского» (Дополнительный список должностным лицам, губернского и уездных управлений Московской губернии / Адрес-календарь жителей Москвы, составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. М., 1850. Ч. 2 (цензурное разрешение 3 марта). С. 3).

[2] См. ***1848. Декабря 1. Среда. Москва.***

[3] Яков Федорович Головацкий (1814–1888), иерей, профессор и ректор Львовского университета, общественный деятель Галицкой Руси. В 1850 г. братом Я. Ф. Головацкого П. Ф. Головацким был сделан первый перевод «Тараса Бульбы» на польский язык, в 1851 г. — на «галицко-русский» (украинский).

[4] См. ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург.***

[5] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 223.

[6] См. ***1827. Февраля около 23. Москва.*** — См. также ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин*** (примечания).

[7] См. ***1827. Марта 19. Суббота. Москва.*** — См. также ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин*** (примечания).

[8] Знакомство Гоголя с трудом Карамзина состоялось в Нежине в средине 1820-х гг.; см. ***1824. Февраля 9. Суббота. Нежин***; ***1828. Февраля 15. Среда. Москва*** (примечания); ***1828. Июня не позднее 23. Нежин*** (примечания). — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Го-

голя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

[9] О князе М. А. Оболенском см.: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 303–304.

[10] *Белокуров С. А.* «Дело Флетчера» // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских. 1910. Кн. 3. Отд. III. С. 21.

[11] См. ***1848. Ноября 11. Четверг. Москва***; ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[12] См. ***1848. Октября 17. Воскресенье. Москва***.

[13] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 492.

[14] *Свод*. Т. 3. С. 228.

[15] См. ***1848. Октября 28. Пятница. Москва***; ***1849. Декабря 12. Понедельник. Москва***.

[16] *Титов А. А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому (1846–1848) // Русский Архив. 1892. № 11. С. 301.

[17] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 492.

[18] *Белокуров С. А.* «Дело Флетчера». С. 14.

[19] Там же. С. 14.

[20] *Кочубинский А. А.* О. М. Бодянский в его дневнике // Исторический Вестник. 1887. № 12. С. 517.

[21] Подробнее об отношении Гоголя к Уварову см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров. Неизвестная страница биографии писателя // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2002. С. 189–202; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя. М., 2009. Ч. 2. С. 184–227; *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь – журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати).

[22] См.: *Барсуков*. 1896. Кн. 10. С. 553.

[23] *Б<артенев> П. И.* Об Украйно-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский Архив. 1892. № 7. С. 358.

[24] Журнал действий III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии по делу коллежского секретаря Николая Ивановича Гулака и Славянского общества. 1847 г. марта 17 – июня 14 // Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 362.

[25] См.: *Барсуков*. 1892. Кн. 6. С. 280–281.

[26] См. также ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[27] Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя // Мир библиографии. 2002. № 5. С. 20–27; *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010*. Т. 6. С. 445–464.

ДЕКАБРЯ 21. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Москвы[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 457.

[2] См. ***1849. Декабря 15. Четверг. Москва***. – См. также ***1849. Декабря 23. Пятница. Санкт-Петербург***.

ДЕКАБРЯ 23. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю:

«Тебе стыдно, что ни о чем не уведомляешь меня. <...> Правда ли, что осенью гостил ты у Смирновой в Калуге[2]? <...> Уж о литературных твоих делах я и не спрашиваю, уверившись, как не любишь ты разглагольствовать о них. Конечно, теперь глухая пора и для Жуковского. Боюсь только, что от толстых журналов мы навек оглохнем. Не побываешь ли ты как в Петербурге? Весною прибудет Вяземский, а может быть и Жуковский. Твое письмо Гроту отдашь лично: он здесь. Обыкновенный адрес его: В Гельзингфорсе. Его Высокородию Якову Карловичу Гроту. Балабиным сегодня же передам поклон твой».

[1] См. ***1849. Декабря 15. Четверг. Москва***; ***1849. Декабря 21. Среда. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1849. Сентября 20-е числа – октября до 12–13. Калуга***.

ДЕКАБРЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет в Петербург письмо к графине Анне М. Виельгорской и, вероятно, к ее матери, графине Л. К. Виельгорской[1] (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к А. М. Виельгорской: «Здоровы ли вы?.. <...> Я уже давно не имею от вас известия. <...> Что же касается до меня, еще живу, еще мыслю, еще двигаюсь, хоть и говорят, будто бы значительно худею. Труда своего никак не оставляю, и хоть не всегда бывают свежие минуты, но не унываю. Благодарить нужно Бога за всё — и за дождливый и за солнечный день. Поздравляю вас с наступающим годом... <...> Передайте поздравление мое Софье Миха<й>ловне...»[2]

В тот же день, 26 декабря 1849 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«К Студит<скому>[3], Дмитр<иев>. — С Конст<антином>[4] <?>. — С Беляевым. Сказыв<ал>, что он хочет в августе печатать I том своей Истории. Он тоже подвигнет все-таки меня, как Остров<ский> Гоголя»[5].

[1] Ответ Л. К. Виельгорской см.: ***1850. Января 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Графиня Соллогуб.

[3] Александр Ефимович Студитский, журналист, переводчик, сотрудник «Москвитянина».

[4] Возможно, имеется в виду К. С. Аксаков.

[5] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // Свод. Т. 2. С. 498.

ДЕКАБРЯ 29. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид» напечатан приговор по делу петрашевцев[1]:

«Пагубные учения, народившиеся смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве. <...>

По произведенному исследованию обнаружено, что служащий в министерстве иностранных дел титулярный советник *Буташевич-Петрашевский* первый возымел замысел на испровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на безначалии. Для распространения своих преступных намерений он собирал у себя в назначенные дни молодых людей разных сословий. Богохуление, дерзкие слова против Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, представление действий Правительства в искаженном виде и порицание Государственных лиц — вот те орудия, которые употреблял *Петрашевский* для возбуждения своих посетителей. <...>

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО <...> повелел: прочитать подсудимым приговор Суда при сборе войск и, по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР дарует им жизнь, и затем, вместо смертной казни, подвергнуть их следующим наказаниям: <...>

№ 10. — *Имена преступников.* Отставного инженер-поручика Федора Достоевского (27-ми лет). — *Главные виды преступлений, судом обнаруженные.* За участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма[2], наполненного дерзкими выражениями против Православной Церкви и Верховной Власти и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против Правительства. — *Заключение генерал-аудиората.* Подвергнуть смертной казни расстрелянием. — *ВЫСОЧАЙШАЯ конфирмация.* Лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на четыре года и потом определить рядовым»[3].

Об отношении Гоголя к этому приговору см.: ***1851. Ноября конец. Москва.***

[1] См. также ***1849. Июня 20. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду зальцбруннское письмо В. Г. Белинского к Гоголю (см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***).

[3] Русский Инвалид. 1849. 29 дек. № 276. С. 1101–1102; *Свод*. Т. 3. С. 589.

ДЕКАБРЯ 29. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.

[2] *Гриц*. С. 450.

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Гоголь пишет ответную записку Н. Н. Шереметевой:

«Благодарю вас много <...> за вашу записочку. Поздравляю вас также с наступающим годом. Дай Бог, чтобы он был глубоко благоприятен нам обоим в высоком внутреннем отношении».

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Ф. В. Чижов пишет Е. М. Хомяковой в Москву (вероятно, из Киева[1]):

«Любите Гоголя. Он умеет говорить с Вами и любит Вас[2]. А, право, хорошо в жизни иметь людей, нас любящих <...> Простите, что напишу Вам два слова наставления: я думаю, Вы не шутите над Гоголем, ради Бога, не шутите. Я с ним не схожусь, но это человек (как писатель), до того стоящий самого глубокого уважения, что малейшая попытка на шутку была бы оскорбительна. Любите его, его приходы всегда хороши»[3].

[1] Ср. ***1850. Февраль. Киев***.

[2] См. ***1849. Май – июня первая половина. Москва***.

[3] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 64.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МОСКВА

А. Е. Студитский пишет М. П. Погодину:

«Сообщаю Вам, если Вы не читали, статьи, выдаваемые за переписку Гоголя и Белинского[1]. Вы поймете, конечно, что правда это или подделка – всё равно. Дело не об лицах. <...> Если Вы читали, прошу возвратить немедленно; если нет – поскорее».

Свод. Т. 2. С. 561.

[1] Имеется в виду одна из копий письма В. Г. Белинского к Гоголю, написанного 12–15 июля (н. ст.) 1847 г. в Зальцбрунне (ныне г. Щавно-Здруй в Польше) и отправленного 17 июля (н. ст.) 1847 г. из Дрездена (см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден***).

1848 ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – 1849

Гоголь занимается составлением «объяснительного» словаря русского языка, используя в работе словарные материалы, накопленные за многие годы[1].

В предисловии к словарю Гоголь замечал: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, <...> я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении... <...> Тем более казался мне необходимым такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества <...> извращается прямое, истинное значенье коренных русских слов... <...> Академия наук тремя изданьями своего словаря теперь проложила путь к этому подвигу... <...> Последнее изданье, полнейшее всех предыдущих <...>, опустило, к сожаленью, ту объяснительную часть, которою были так примечательны первые издания. <...> Объяснительный словарь есть дело лингвиста, который бы для этого уже родился... <...> Явленья таких лингвистов всегда и повсюду бывали редки. Ими отличались как-то преимущественно славянские земли. Словари Линде[2] и Юнгмана[3] останутся всегда бессмертными памятниками их необыкновенных лингви<сти>ческих способностей».

«Последнее изданье» словаря Академии наук, о котором упоминает Гоголь, вышло в свет в конце 1847 г.[4] К работе над своим словарем Гоголь, по-видимому, приступил по возвращении в Россию из-за границы весной 1848 г.[5] и поездки из Москвы в Петербург осенью этого года[6].

В конце 1849 г. Гоголь, вероятно, оставил эту работу, после чего, с начала 1850 г., стал вновь[7] уговаривать «заняться составлением русского словаря» К. С. Аксакова[8].

[1] В словарь, в частности, вошли слова, выписанные Гоголем при чтении славянской Библии (см. ***1843. Июля 8 <июня 26> – 1844. Ноябрь <ноября средина>*** – примечания). – В гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) имеются также «Лексикон Малороссийский», краткий «Коммерческий словарь» и небольшой словарь «Имен, даемых при крещении». Словарики украинских слов Гоголь приложил к каждой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», объединив их позднее в общий словарь «Малороссийских слов, встречающихся в первом и втором томах» собрания сочинений 1842 г. Большое количество собранных Гоголем слов находится в его записных книжках.

В то время когда В. И. Даль еще только собирал свой «Толковый словарь живого Великорусского языка» (издан в 1861–1866 гг.), Гоголь в заключении пятой главы первого тома «Мертвых душ» (1842) писал: «Сердцеведением и мудрым познаньем жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». С этими строками перекликается и характеристика Гоголем «живого и меткого нашего слова, не *описывающего*, но *отражающего*, как в зеркале, предмет» в «Учебной книге словесности для русского юношества» (1845). Свое понимание языка Гоголь отразил также в статьях *XXVIII. Занимающему важное место* и *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

[2] Самуил Богумил Линде (1771–1847), польский лексикограф, составитель этимологического и исторического «Словаря польского языка» (1807–1814. Т. 1–6).

[3] Йосеф Юнгман (1773–1847), чешский филолог, поэт и переводчик, автор «Чешско-немецкого словаря» (1835–1839. Т. 1–5).

[4] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1–4. Печатано по распоряжению Императорской Академии Наук. 19 ноября 1847 г. – См. также ***1850. Июня не позднее 13. Москва***.

[6] См. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***; ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[8] См. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва***; ***1850. Января 20–26. Москва***.

ЯНВАРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет первый номер «Библиотеки для Чтения» (цензурное разрешение 31 декабря 1849 г.), с анонимной статьей «Новости петербургской сцены», в которой содержится отрицательный отзыв о «Завтраке у предводителя» И. С. Тургенева[1]:

«*Комедия*, наполненная преувеличениями и самою неправдоподобною каррикатурою, неудачное подражание "Ревизору", "Женитьбе" и "Игрокам" господина Гоголя, спасена от торжественного падения старательным, мастерским исполнением лучших наших артистов»[2].

[1] Отзыв Гоголя об этой пьесе см.: ***1851. Января 27. Суббота. Одесса.***

[2] Новости петербургской сцены // Библиотека для Чтения. 1850. Т. 99. Январь. Отд. 7. С. 107.

ЯНВАРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ЯНВАРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

У А. С. и Е. М. Хомяковых родился сын Николай[3].

О. Сем. Аксакова с дочерьми приезжает в Москву.

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «Мы поздно переехали в Москву, к 1 января 1850 года. Гоголь был в Москве и рад очень нам. Зиму провели вместе, малороссийские песни[4] его утешали»[5].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.

[2] *Гриц*. С. 451.

[3] Николай Алексеевич Хомяков (1850–1925), государственный деятель, юрист, эмигрант. Крестины состоялись 31 января 1850 г.; восприемником был Гоголь (см. ***1850. Января 31. Вторник. Москва***).

[4] См. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва.***

[5] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 898.

ЯНВАРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. ОРЕНБУРГ

Т. Г. Шевченко пишет княжне В. Н. Репниной-Волконской:

«Я теперь сижу один-одинешенек и вспоминаю то прошлое, когда мы с вами в первый раз встретились в Яготине... <...> Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому (я с ним лично знаком) и прошу его о исходатайствовании позволения мне только рисовать. Напишите и вы,

ежели вы с ним знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы он ему написал обо мне, он с ним в весьма коротких отношениях. <...> Ежели будете писать ко мне, то сообщите свой настоящий адрес и сообщите адрес Гоголя, и я напишу ему по праву малороссийского виршеплета[1], а лично его не знаю. Я теперь, как падающий в бездну, готов за все ухватиться...»

Несколько новых материалов для биографии Т. Г. Шевченко // Киевская Старина. 1893. № 2. С. 268–269; см. также: *Шевченко Т. Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1965. Т. 5. С. 296–297.

[1] Письмо Шевченко к Гоголю низвестно.

ЯНВАРЯ 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Л. К. Виельгорская отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«До слез тронуло меня ваше милое, дружеское письмо, любезнейший Николай Васильевич. И вам от всей души желаю здоровья, спокойствия духа и поздравляю с новым годом. О счастии же к чему говорить или желать, когда мы знаем, <что> все земное счастие не что иное, как пустое слово. <...> Мы бы с тем разве должны поздравлять друг друга, что новый год есть большой шаг, ведущий к небесной нашей отчизне, где нет ни скорби, ни печали, ни воздыхания.

Благодарю вас сердечно за ваши молитвы, но не соглашаюсь с вами, когда вы называете их *убогими:* Бог волю любящих Его творит и молитву их слушает[2]. Не менее того сомневаюсь в исполнении их, когда вы желаете, чтоб в наступающем году я была бы облагодетельствована Богом, как никогда доселе, всю остальную жизнь от утра до вечера, во все часы и минуты только и думала о том, как бы благодарить Его. Подобного благодеяния я не могла заслужить и следственно не смела бы и вообразить. Ежедневные слезные моления мои еще ни к чему не послужили, еще никакое земное благо не доставили тем, кто их еще не знает и, вероятно, к тому только послужат, что вменятся мне в очищение души. Упование на Промысл Божий может еще говорить: «не смущайся, не изнемогай духом», но человеческая мудрость и предвидение тщетно ищут, на чем бы основать свое упорное верование и чем бы в собственных глазах оправдать всегда обманутую надежду.

Ваши краткие письма исполнены, однако ж, неоцененными изъявлениями искренней к нам дружбы, но до того тощи касательно вас самих, что едва из них заключить можно, <что> вы еще писать умеете и друзей не забываете. Эти сведения хотя и хороши, но для нас все-таки недостаточны и отзываются какою-то оскорбительною для дружбы скромностью. Вы заслужили бы и с моей стороны подобного рода лаконизма, но письмо мое докажет вам вдоволь, как я незлопамятна, и заставит вас, я надеюсь, писать и более, и чаще, и обстоятельнее о своем здоровье, о своих занятиях, сочинениях, — словом, обо всем, до вас лично касающемся. Дабы дать вам пример, скажу во-первых, что мы все, слава Богу, на ногах, — весьма немаловажное дело в нынешнее время, когда только и слышно о скоропостижной смерти, о внезапной опасной болезни, об ударах и тому под<обном>. Всегда, полагаю, то же бывало и будет, но когда у нас темно в душе, то все кажется еще чернее.

Счастливсйшая чета в Петербурге, в Москве (а про губерниях[3] и говорить нечего) составляет Аполлина Михайловна и Алексей Владимирович[4]. Дети у них премилые; старший сын[5] — совершенно ангел Рафаэлевых картин. Софья Михайловна[6] благоденствует, вскармливая по долгу христианскому Аполлинарию, второе в семействе издание. Старшая, вам знакомая, Беби[7] растет и телом, и умом; Саша[8] хорош собой, а Булка[9] преумная и презабавная девочка, очень непригожая, Софья Ивановна[10], в маленьком виде кроме *шкапчика.* Владимир[11] пишет для журнала и театра. Последняя его комедия: "Беда от нежного сердца", очень умна, смешна и, вероятно, будет иметь большой успех. Анна Михайловна[12] с ревностью занимается учением, музыкою, живописью. Здоровье ее, слава Богу, не слишком страдает от нашего ужасного климата и от совершенного лишения всех удовольствий внешней натуры, столь для нее необходимых. Я все не хочу терять надежду видеть вас летом у нас в Петербурге. Передайте графу и графине[13] дружеский наш поклон. Будьте здоровы, веселы, пишите, сочиняйте, но не забывайте ваших петербургских друзей».

В тот же день, 3 января 1850 г., П. А. Плетнев извещал В. А. Жуковского:

«Гоголь живет в Москве. Недавно писал[14] и ко мне. Жалуется, что не пишется что-то. Полагает, что это и быть так должно по недостатку читателей, которых разогнали политические бури, как замечает он по случаю выхода вашей Одиссеи»[15].

[1] Письмо Гоголя не сохранилось (см. ***1849. Декабря 26. Понедельник. Москва***).
[2] «...Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет я» (Пс. 144, 19).
[3] Так в источнике.
[4] Имеются в виду Веневитинова, старшая дочь Виельгорской, и ее муж А. В. Веневитинов.
[5] М. А. Веневитинов.
[6] Графиня Соллогуб, средняя дочь Виельгорской, жена графа В. А. Соллогуба.
[7] Домашнее прозвище дочери С. М. и В. А. Соллогубов Софьи.
[8] А. В. Соллогуб.
[9] Детское прозвище Елизаветы Владимировны Соллогуб (в замужестве Сабуровой).
[10] Мать графа В. А. Соллогуба.
[11] Граф В. А. Соллогуб.
[12] Графиня Виельгорская, младшая дочь Л. К. Виельгорской.
[13] Толстым.
[14] См. ***1849. Декабря 15. Четверг. Москва***.
[15] *Свод*. Т. 1. С. 699.

ЯНВАРЯ 7. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь вновь[1] читает Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ». На чтении присутствовал И. С. Аксаков, отправившийся в тот же день на место службы в Ярославль[2].

5 мая 1852 г. С. Т. Аксаков писал С. П. Шевыреву: «Найденные вами черновые тетради[3], очевидно, забытые Гоголем, должны быть самые давнишние. Только про первую главу второго тома он сказал мне[4], что она *получила последнее прикосновение, была тронута кистью художника; говоря техническим языком живописцев*. Он сказал это потому, что при вторичном чтении той же главы для моего сына Ивана, я заметил многие изменения»[5].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» писал: «1850-го года генваря 7-го Гоголь прочел [тому же своему приятелю[6]] тем же особам в другой раз первую главу Мертвых душ. Они были поражены удивлением: глава показалась им еще лучше и как будто написанною вновь.

Гоголь был очень доволен таким впечатлением и сказал[7]: “Вот что значит, когда живописец даст последний туш своей картине. Поправки, по-видимому, самые ничтожные: там одно словцо убавлено, здесь прибавлено, а тут переставлено — и все выходит другое. Тогда надо напечатать, когда все главы будут так отделаны”. Гоголь воспользовался всеми замечаниями, ему сделанными»[8].

В 1893 г. П. А. Матвеев сообщал: «...Смирнова, Л. И. Арнольди, С. П. Шевырев и некоторые другие лица, которым Гоголь читал первые главы II тома, вынесли впечатление высокого художественного достоинства прочитанных автором глав. — И. С. Аксаков, как это мне лично известно, и впоследствии считал первые главы II т<ома> в той редакции, которую они получили в 1850 году и которая не дошла до нас, в доселе известных вариантах, — высоким созданием искусства»[9].

[1] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***.
[2] См. ***1850. Января 9. Понедельник. Ярославль***; ***1850. Января 12. Четверг. Ярославль***; ***1850. Января 16. Понедельник. Москва***; см. также: ***1852. Февраля 26. Вторник. Москва.***
[3] См. ***1852. Апреля 30. Среда. Москва***.
[4] 9 ноября 1850 г. (см. ***1852. Января 9. Понедельник. Москва***).
[5] См. ***1852. Февраля с 18 до 20. С понедельника до среды. Москва***.

[6] Самому С. Т. Аксакову.

[7] 9 ноября 1850 г. — См. также ***1852. Января 9. Понедельник. Москва*** (письмо С. Т. Аксакова).

[8] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 653–654.

[9] *Матвеев П. А.* Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // *Свод.* Т. 3. С. 726.

ЯНВАРЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь беседует с С. Т. Аксаковым о прочитанной 7 января 1850 г.[1] первой главе второго тома «Мертвых душ».

На следующий день, 10 января 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Какой мороз! Слишком 25 гр<адусов> в Москве... <...> Вчера было около 17 гр<адусов>, а ветер дул еще сильнее. <...> Третьего дни[2] и вчера я занимался болотами[3] и вчера бы их кончил, если б не помешал Армфельд... <...> Обращаюсь к болотам: я надиктовал более двух листов и переписал набело (разумеется, не своей рукой) один лист с четвертью. Надеюсь в пятницу[4] прислать тебе всю статью. Вчера целый вечер провели мы с Гоголем, даже Констант<ина> не было дома (он был у Кошелева, с Соллогуб и Васильчиковой). Гоголь был необыкновенно любезен, прост и искренен; при сестрах говорил о том, как он трудно пишет, как много переменяет, так что иногда из целой главы не остается ни одного прежнего слова. Когда все вышли в другую комнату, он наклонился ко мне и спросил: "Ну, а заметили вы, как я все переправил по вашему письму[5]? Теперь вы должны сделать мне свои замечания на второе чтение". Я сказал, что решительно не могу ничего заметить, и в то же время спросил его, что это значит, что при втором чтении я слышал все как будто новое, так что я забыл теперь прежнее? Он объяснил мне это тем, 1) что при втором чтении выступила наружу глубина содержания и второе, что он дал последнюю гармоническую отделку. Он прибавил, что трудно это объяснить и что только живописец понимает, что такое значит *тронуть* в последний раз картину[6], что после этого ее не узнаешь. Он потребовал вторично, чтоб я ему что-нибудь заметил. Я напряг свою память, и точно вспомнил, что в описании девушки мне показалось слишком обыкновенным, даже избитым то, что, когда *надобно дать что-нибудь — она отдает все, что у нее есть*[7], и потом выражение, *что, казалось, она готова была сама улететь вслед за своими словами*[8], мне не нравится своей идеальностью. На оба замечания Гоголь сказал: *точно так*, — весьма проворно и таким тоном, что, вероятно, он и прежде это думал. Я заставил его признаться, что все наши замечания бесполезны и что он сам это видит лучше других, но в то же время он сказал, что для него важно совпадение моих замечаний с его собственными, и прибавил, что при третьем чтении я, может быть, больше замечу. Я решился ему сказать мое опасение, что при его ясновидящем взгляде, так глубоко и широко все обнимающем, он при каждом новом воззрении увидит что-нибудь новое, если не в главном, не в существенном, то в подробностях, в полноте... Гоголь улыбнулся и сказал: успокойтесь; этому есть мера; художник почувствует гармонию своего создания и ни за что в свете ничего не переменит, кроме каких-нибудь ошибочных слов или сведений. <...> Скажу тебе серьезно, что Гоголь высокого мнения о твоем таланте»[9].

[1] См. ***1850. Января 7. Суббота. Москва***.

[2] 8 января 1850 г.

[3] Т. е. описанием болот для «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

[4] 13 января 1850 г.

[5] Имеется в виду послание С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 августа 1849 г., написанное после авторского чтения в Радонежье (Абрамцево) 19 августа 1849 г. первой главы второго тома «Мертвых душ» (см. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***). В этом письме Аксаков высказал следующие замечания по поводу услышанной главы: «1) Мне показалось, что сначала как-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мне показался несколько длинным и натянутым рассказ об Александре Петровиче. 3) Встреча в деревне крестьянами молодого барина как будто жидка и односторонняя» (см. ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье***). По свидетельству самого С. Т. Аксакова, Гоголь, получив письмо, 31 августа 1850 г. вновь приехал в Радонежье, и сказал: «Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих

замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, *пристрастный* ко мне» (см. ***1849. Августа 31. Среда. Восемь часов вечера. Радонежье***). Текстологический анализ показывает, что в автографе сохранившихся глав второго тома, переписанном Гоголем в период с марта по начало июля 1849 г. и бывшем в употреблении у писателя вплоть до весны 1850 г., «рассказ об Александре Петровиче», а также описание «встречи крестьянами молодого барина» были подвергнуты существенной переработке.

[6] См. также ***1852. Января 7. Суббота. Москва*** (свидетельства С. Т. Аксакова).

[7] Имеются в виду следующие строки в описании Улиньки: «Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаянии кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты» (в первоначальном, «нижнем слое» текста сохранившихся рукописей глав второго тома, датируемом периодом с марта по начало июля 1849 г., это место выглядело несколько иначе: «Но как вдруг исчезнул бы этот гнев, если бы она увидела того самого, на кого гневалась, в несчастии, как бы вдруг бросила она ему свой кошелек, не размышляя, умно ли это или глупо, и разорвала на себе платье для перевязки, если б он был ранен»).

[8] С. Т. Аксаков вспоминает следующие строки второго тома поэмы: «Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью — выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы [летели] стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами» (текст «нижнего слоя» автографа глав второго тома, оставшийся без исправлений).

[9] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 607.

ЯНВАРЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Как-то Вы провели ночь эту, милый отесинька, после чтения Гоголя[1] и моего отъезда, что Ваша голова? <...> Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мною отдельными частями, во всей своей могучей красоте... Если бы я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи. Но как у меня и вопроса этого самолюбивого не было, и как моего сочинения удел иметь временное и местное значение и доставить мне самому удовольствие, — то я и буду продолжать, если удастся, Бродягу[2], как свой посильный труд».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 928.

[1] См. ***1849. Января 7. Суббота. Москва.***

[2] Ответ Гоголя на эти слова И. С. Аксакова см. ***1849. Января 16. Понедельник. Москва***.

ЯНВАРЯ 10. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 324.

ЯНВАРЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина князя Василия Викторовича Кочубея (род. 22 января 1822 г.)[1].

«...По причине смерти князя Василия Викторовича Кочубея и завещанного им желания покоиться в Диканьской Николаевской церкви, в 1851 и 1852 годах усердием княгини Елены Павловны Белосельской-Белозерской, супруги Кочубея, храм Св. Николая был возобновлен, сделан теплым и обогащен разными священными вещами, преимущественно священнослужительскими облачениями. Вместе с тем в церкви Св. Николая устроен склеп, поставлен богатый иконостас и сделана терраса»[2].

[1] *Священник Петр Затворницкий.* Церковь Святителя Николая в селении Диканьке Полтавской губернии // Полтавские Епархиальные Ведомости. 1869. № 6. 15 марта. Часть неофициальная. С. 151.

[2] Там же. С. 150. — См. также ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***

ЯНВАРЯ 12. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Д. К. Малиновский пишет Гоголю:

«Считаю своим долгом написать Вам хоть коротенькое письмо, которое бы изъявило мою Вам благодарность. Благодарю Вас за все вообще, о чем надо говорить долго, и в особенности за книгу, которую Вы мне подарили, за Библию. Я желал ее, предчувствуя себе от нее добро, Вы же привели в исполнение то желание, которое легко могло затеряться среди тысячи ему подобных. Смотрю на Ваш подарок и вижу, что в руках у меня сокровища, которые, если даст Бог, могут принести мне пользу — мне нельзя Вас не благодарить. <...> Когда я серьезнее столкнулся со смыслом жизни и заглянул в Ваши, давно забытые мною сочинения, я увидел Вашу внутреннюю жизнь в новом, гораздо полнейшем виде: Вы являетесь мне лицом как будто другим. Еще, чувствую, не пришло время мне с Вами беседовать так, как мне о том мерещится... <...> Чудна жизнь, с этим всякий согласится, чудна так, что теряешь охоту чудесами ее заниматься; но есть же вещи в ней единственные, абсолютные, краеугольные — нельзя же отстать без того, чтобы слона не увидать, после того, как до усталости шлялся по кунсткамере»[1].

[1] Подразумевается басня И. А. Крылова «Любопытный».

ЯНВАРЯ 12. ЧЕТВЕРГ. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Как я рад, милый Отесинька, что Вы принялись за статью о болотах[1]; только Вы, пожалуйста, не торопитесь: чем полнее будет она, чем больше подробностей, тем лучше. Вспомните, что Вы этим трудом подстрекаете Гоголя. Я совершенно согласен с замечаниями, сделанными Вами Гоголю[2]. Мне показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, под каким предлогом Чичиков расположился у Тентетникова... Я теперь точно стал в отдалении и смотрю на картину, развернувшуюся в "Мертвых Душах", и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишком близко к ней[3]. Так все глубоко, могуче и огромно, что дух захватывает! <...> Кланяюсь Гоголю».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 928.

[1] Глава из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».
[2] См. ***1850. Января 9. Понедельник. Москва.***
[3] См. ***1850. Января 7. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЯ 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь проводит вечер с А. С. Хомяковым и В. И. Хитрово[1].

В тот же день В. И. Хитрово записал в дневнике, что вечером у Хомякова встретился «с известным автором Мертвых Душ Н. В. Гоголем»: «...И приятно провели свое время; много мы спорили и кричали с Алексеем Степановичем[2], но Гоголь поддерживал меня»[3].

[1] Владимир Иванович Хитрово (1803–1866), родственник А. С. Хомякова. См. о нем: *Давыдова Е.* Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове // Наше наследие. 2004. № 71. С. 91.

[2] «А<лексей> С<тепанович> всегда очень любил спорить о религиозных предметах и в этих спорах нарочно придерживался различных противоположных мнений, то так, то иначе, чтобы посредством спора разъяснить себе яснее, что бы за и против мнения, которое он поддерживал» (*Хитрово В. И.* Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове. 1820–1853. Рукопись. 103 л. // *ГИМ*. Ф. 178. Ед. хр. 2. В–17. Л. 95; *Свод*. Т. 3. С. 204).

[3] Замечания (Mémoires de ma vie <Воспоминания о моей жизни; *фр.*>) Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из них). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове // *Свод*. Т. 3. С. 203.

16 ЯНВАРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Первый вечер у Аксаковых, на котором Гоголь слушает украинские народные песни[1] в исполнении Н. С. Аксаковой[2]. Кроме того, С. Т. Аксаков читал на вечере отрывки из своих «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» (после чего Гоголь просил дать ему рукопись, чтобы перечесть ее дома). После прочтения письма от И. С. Аксакова к родным из Ярославля от 9 января 1850 г. Гоголь высказал свое суждение о поэме Ивана Аксакова «Бродяга». К. С. Аксакову в этот день Гоголь еще раз[3] посоветовал заняться составлением словаря русского языка. На вечере были также Горчаковы и Воейковы.

В тот же день Н. С. Аксакова писала брату Ивану: «12 ч<асов> в<ечера>. Сейчас разъехались наши гости... все разошлись спать, и я на просторе села тебе писать, милый Иван. Были Горчаковы, Воейковы и Гоголь. Гоголю я пела, по его просьбе, малороссийские песни, данные Константину Максимовичем, которые и теперь звучат в ушах моих. Как они неотвязны! Мотив в них так ярко обозначен, так легок и жив, что легко запоминается, и по тем же причинам скоро и надоедает. Как сравнить с русской песней! — ее и схватить трудно, а если остается в памяти, то раздается в ушах отдельными протяжными звуками или выдающимися вперед музыкальными фразами. Как успокаиваешься и отдыхаешь, когда споешь русскую после малороссийской. — Гоголь слушает, кажется, с удовольствием. Вот одна, которая особенно не выходит у меня из головы, которой слова напевал нам Гоголь и которая довольно мила (следует текст песни "Ой пид вишенькою...", из пяти куплетов[4]. — *И. В*)... <...>

А другого малороссиянина — Максимовича — мы с тех пор, как он у нас был в первый раз[5], и не видали. Гоголь говорит, что у него есть соседка, которая живет на дороге, куда бы он ни шел, и к которой он непременно зайдет, и потому к другим не попадает. Эта соседка — гр<афиня> Салиас[6] (бывшая его ученица)»[7].

На следующий день, 17 января 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Я занимаюсь усердно, хотя не могу сказать с любовью, своим делом: кроме статьи о болотах[8], которую ты получил на прошедшей почте, я написал истории трех птиц и сегодня заканчиваю отделение болотной дичи. Не знаю, скоро ли примусь за отдел водяной дичи; но покуда меня не тянет к ней, а пока не потянет, до тех пор и писать не стану. Вчера читали Гоголю дупельшнепа и горшнепа, и он чрезвычайно был доволен, даже выпросил себе всё, чтобы перечесть у себя дома[9]; конечно, если б я был теперь способен чем-нибудь поощряться, то внимание Гоголя должно было поощрить меня; но...

...Вчера прочли Гоголю также и твои письма[10]. После твоего отзыва о Бродяге[11], он сказал: "от него самого зависит, чтоб Бродяга имел не временное и не местное значение. Все подробности, вся природа, одним словом все, что окружает бродягу, у него сделано превосходно. Если в бродяге будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение. Надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь все и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери земле. Иван Серг<еевич> именно это и хочет сделать и верно сделает хорошо". — С некоторого времени Гоголь начал приставать к Констант<ину>, чтоб он занялся составлением русского словаря. Я сначала как-то не обращал на это внимания. Но вчера вечером сидя с ним наедине у себя на верху, я был вполне им убежден, что этот важный и общеполезный труд может быть совершен исподволь Конст<антином> и что он имеет все к тому нужные способности и вдобавок двух крити-

ков во мне и в Гоголе, которые помогут усовершенствованию его труда. Гоголь умел показать мне заманчивую сторону этой работы. Я припомнил, что некогда сам, рассерженный каким то глупым объяснением одного слова, просидел часть ночи, не заметив того, за объяснением не только этого слова, но и нескольких следовавших за ним. Сейчас посылаю Конст<антина>, чтоб он прямо с университетского диспуту (где какой-то Медовиков[12] защищает диссертацию свою "О византийских императорах"[13]) поехал в книжную лавку и купил академический словарь. <...> Отвечаю на твое письмо: Гоголь ни слова не сказал на твое замечание о Чич<икове> и Тентетн<икове>[14], но, конечно, без внимания его не оставит»[15].

17 января 1850 г. В. С. Аксакова также сообщала брату: «Вчера Гоголь спрашивал о тебе и улыбался, когда мы говорили, что ты уехал, полный впечатления после чтения его[16], и сказал про тебя: "У него всегда есть средства примирить себя, он поэт". Наденька пела малороссийские песни (Максимович прислал). Он слушал с удовольствием»[17].

[1] См. также ***1850. Января 1. Воскресенье. Праздник Обрезания Господня. Москва***; ***1850. Января 30. Понедельник. Москва***; ***1850. Февраля 5. Воскресенье. Москва***; ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***; ***1850. Февраля 26. Воскресенье. Москва***; ***1850. Марта 1. Среда. Москва***; ***1850. Марта 19. Воскресенье. Москва***; ***1850. Мая 14. Воскресенье. Москва***; ***1850. Мая 21. Воскресенье. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***; ***1851. Июня 25. Понедельник. Москва***; ***1851. Июля 13. Пятница. Москва***; ***1851. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***; ***1851. Октября 17. Среда. Москва***; ***1851. Октября 21. Воскресенье. Москва***; ***1851. Октября 31. Среда. Москва***; ***1851. Октября 31. Среда. Москва***; ***1852. Января 19. Суббота. Вечер. Москва***; ***1852. Февраля 3. Воскресенье. Заговенье на мясо. Москва***. — См. также ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка***; ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса***.

[2] Надежда Сергеевна Аксакова (1829–1869), дочь С. Т. Аксакова. Об участии Н. С. Аксаковой в музыкальных вечерах, устраиваемых Гоголем, см. также в коммент. к разделу *<III> Южнорусские песни. <Тетрадь первая>* в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17.

[3] Приняться за создание словаря русского языка Гоголь побуждал К. С. Аксакова еще в 1844 г., полагая, что «он один может у нас совершить словарь русского языка, такой, какого не совершит ни одна академия со всеми своими членами» (см. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). — См. также письмо Гоголя к К. С. Аксакову от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. (***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим***) и письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 27 января 1850 г. (***1850. Января 20–26. Москва***).

[4] См.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 422. — Позднее песню «Ой пид вишенькою...» биограф Гоголя П. А. Кулиш отметил как одну из самых любимых песен писателя (см. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***).

[5] См. ***1849. Октября конец, до 30. Москва***; ***1849. Декабря между 15 и 21. Радонежье (Абрамцево)***.

[6] Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (рожденная Сухово-Кобылина, 1815–1892), писательница (псевдоним Евгения Тур).

[7] Свидетельства о Гоголе Н. С. Аксаковой // *Свод*. Т. 2. С. 948–950.

[8] Имеется в виду описание болот для «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

[9] См. также ***1852. Апреля 19. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

[10] См. ***1850. Января 9. Понедельник. Ярославль***; ***1850. Января 12. Четверг. Ярославль***.

[11] См. ***1850. Января 9. Понедельник. Ярославль***.

[12] Петр Ефимович Медовиков (1816–1855), историк, профессор Дерптского университета.

[13] Имеется в виду магистерская диссертация П. Е. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще».

[14] См. ***1850. Января 12. Четверг. Ярославль***.

[15] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 608–609.

[16] См. ***1850. Января 7. Суббота. Москва***.

[17] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 872.

ЯНВАРЯ 17. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Как я рада, что вы прилежно занимаетесь: это доказывает сперва, что вы здоровы и хорошо расположены, а во-вторых, обещает нам, хотя, может быть, еще не скоро, новое творение вашего пера, которое я (как и вся Россия, вероятно) ожидаю с нетерпением. Прекрасна судьба истинного даровитого писателя, которому дано свыше владеть умами и сердцами людей, которого влияние может быть так важно, так обширно! У вас цель в жизни, любезный Николай Васильевич, она вас совершенно удовлетворяет и занимает все ваше время, а какую цель мне выбрать? Из всего моего рисования, чтения и пр. и пр. никакого толку не будет. <...> К несчастию, мы нынешнюю зиму не продолжаем наши русские занятия. Я читаю по-русски, сколько могу, но это еще весьма мало! Вообще литература наших журналистов меня вовсе не привлекает. Я все собиралась прочесть "Церк<овную> ист<орию>" Евсевия и как-то не прочла, однако же когда-нибудь непременно примусь за нее. Когда мы вас увидим? Впрочем, ежели вы заняты в Москве, жаль вас беспокоить».

[1] См. ***1849. Декабря 26. Понедельник. Москва.***

ЯНВАРЯ 19. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Гоголь читал у себя (в доме графа А. П. Толстого) М. П. Погодину и М. А. Максимовичу главу второго тома «Мертвых душ».

М. П. Погодин записал в дневнике: «К Гоголю, кото<рый> читал нам с Максим<овичем> Мерт<вые> Души»[1].

В тот же день вечером Гоголь прочел вторую главу второго тома «Мертвых душ» у Аксаковых.

На следующий день, 20 января 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «До сих пор не могу еще прийти в себя: Гоголь прочел нам с Константином 2-ю главу[2]. Вот как было дело.

Пришел он к нам вчера обедать. Зная, что он неохотно сидит за столом без меня, я велел накрыть в маленькой гостиной и Гоголь был очень доволен. После обеда напала на меня дремота. Гоголь употреблял разные штуки, чтоб меня разгулять, в чем и успел. Часу в 7-м вдруг говорит: "А что бы куличка прочесть?"[3] Я отвечал, что теперь все маленькие кулички, но что если он хочет, то Константин принесет все мои записки и прочтет их в гостиной. Гоголь сказал, что лучше пойти наверх. Я, ничего не подозревая, согласился; но Вера догадалась и, провожая меня, сказала: "Он будет вам непременно читать". Мы пришли наверх, я выбрал маленького куличка и заставил Костю читать. Гоголь решительно ничего не слушал, и едва Константин дочитал, как он выхватил тетрадь из кармана, которую давно держал в руке, и сказал: "Ну, а теперь я вам прочту".

Что тебе сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Рассказывать содержание, в котором ничего нет особенно интересного для тебя, мне не хочется; даже как-то совестно, потому что в голом рассказе анекдота ничего не передается. Впрочем, если ты захочешь его знать, то напиши: я расскажу его со всею возможною подробностью. Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти, кроме Гомера[4]. Так раскрывается духовная внутренность человека, что для всякого из нас, способного что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе. Я сказал Гоголю и повторю тебе, что теперь для нас остается только одно: молитва к Богу, чтоб Он дал ему здоровья и сил окончательно обработать и напечатать свое высокое творение. Гоголь был увлечен искренностью моих слов и сказал о себе, как бы говорил о другом: "Да, дай только Бог здоровья и сил! Благо должно произойти из этого, ибо человек не может видеть себя без помощи другого"[5]... Что за образы, что за картины природы без малейшей картинности... Нет, я уж не стану описывать всего так, как хотел было, а расскажу их просто словами охотника, а не поэта.

Гоголю хотелось прочесть третью главу: ибо, по его словам, нужно было прочесть ее немедленно, но у него недостало сил. Да, много должно сгорать жизни в горниле, из которого истекает чистое злато. Вероятно, на днях выйдет какой-нибудь куличок-зуек и вслед за ним прочтется третья глава. Я сегодня же хочу написать Гоголю письмо с моими наблюдениями[6]. Вчера я ничего не мог вспомнить и сказал ему, что завтра, может быть, что-нибудь увижу. Больно, что ты не слыхал; но еще больнее, что все наши просидели в это время одни в гостиной. Теперь очевидно, что все главы будут читаться только мне и Константину. Я примиряюсь с этою мыслию только одним, что это нужно, полезно самому Гоголю»[7].

20 января 1850 г. К. С. Аксаков также сообщал брату Ивану в Ярославль: «Вчера Гоголь читал отесеньке и мне вторую главу. — Что тебе сказать? Она для меня несравненно выше первой. Уленька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше. Рассказывать ли тебе или нет? Право, не знаю! О, как трудно выставить прекрасную девушку и как хороша она! Ну, если б ты был здесь, я и не знаю, что бы с тобою было! — Глубоко захвачен человек! Гоголь поймал его и заставил все высказывать, во всем признаваться. Кажется, Гоголь сам был очень доволен, в духе. Жаль только, что ни маменька, ни сестры не слыхали. Хорош, хорош Быстрищев со всем, что в нем есть! Но я пишу тебе одни восклицания, а рассказывать мудрено»[8].

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» писал: «Января 19-го Гоголь прочел вторую главу второго тома Мертвых душ, которая была [тщательнее] довольно отделана и не уступала в достоинстве первой»[9].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 498.
[2] См. также ***1852. Апреля 19. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.
[3] Главу из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».
[4] См. также ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва***.
[5] Подробнее см.: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца***.
[6] Письмо неизвестно.
[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 609–610.
[8] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 798.
[9] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 654.

ЯНВАРЯ 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ФЕВРАЛЯ 1 <ЯНВАРЯ 20>. ПЯТНИЦА. БАДЕН-БАДЕН

В. А. Жуковский отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Наконец, мой милый Гоголек, я получил от тебя что-то похожее на письмо, после двух лет разлуки[2]... <...> Впрочем, я не слишком тебя обвиняю — все возможные загадки лени мне понятны, ибо все мною самим были разгаданы. И теперь волку отливаются овечьи слезы: все мои друзья молчат как мертвые. Ни один даже из учтивости не поблагодарил меня за присылку "Одиссеи". Весьма сожалею, что истратил деньги на напечатание ста экземпляров in 8^0 *Полных моих сочинений*[3], для раздачи моим друзьям и приятелям; из лавки Смирдина каждый получил бы свой экземпляр без хлопот; а я не остался бы в убытке. <...> Жена продолжает страдать, и тебе понятнее, нежели другим,

каково ей, — ты сам испытал все эти муки, которые не потому так тягостны, что сокрушают счастье жизни, но более потому, что отымают у души всякую способность переносить их с покорным терпением. Убеждение говорит: "Здесь все добро и все к добру, потому что Бог хозяин в доме Своем и Сам обо всем заботится лично, следственно, все должно быть в совершенном порядке. Да не смущается сердце твое[4]!" Так думается всегда, но не так чувствуется в некоторые минуты, которые своею тревогою сокрушают душу, как нечаянное наводнение, которое вдруг уносит хижину со всеми в ней живущими. <...> Из Швейцарии, куда мы спасались от немецкого колбасного бунта[5], мы переселились снова в Баден-Баден. Зима у нас жестокая, какой никогда здесь не бывало; она мешает Гугерту приняться за лечение жены; по его плану, мы должны остаться в Бадене до конца июня, провести июль в Остенде, потом возвратиться в Россию и провести зиму в Ревеле. <...> Меж тем я, побывав в Варшаве[6], хворал, <...> теперь все поправилось. Но, кончив свой большой труд[7], я вдруг остался без дела, как корабль, который плыл с попутным ветром на всех парусах и вдруг, обхваченный штилем, остановился посреди неподвижного моря и лениво покачивается на одном месте, производя в пассажирах тошноту и рвоту. Из этой неподвижности я вышел, однако, принявшись после эпической поэмы за азбуку, то есть принявшись за обучение грамоте моей Сашки. <...> Между тем берет меня подчас и охота побеседовать с моею старушкою музою; хотелось бы пропеть мою лебединую песнь, хотелось бы написать моего "Странствующего жида"[8]... <...> Знаешь ли, что ты можешь помочь мне весьма значительно в этом поэтическом предприятии? План "Странствующего жида" тебе известен; я тебе его рассказывал[9] и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов. Что же ты тут можешь сделать с своей стороны? А вот что. Мне нужны локальные краски Палестины. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения; опиши мне просто (как путешественник, возвратившийся к своим домашним и им рассказывающий, что, где с ним было) то, что ты видел в Святой Земле; я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Вифлеема, Мертвого моря, Пустыни искушения, Фавора, Кармила, Степи, Тивериадского озера, долины Иорданской — все это, вероятно, ты видел; набросай мне несколько живых картин без всякого плана, как вспомнится, как напишется, мне это будет несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я уверен, что к собственным моим мыслям прибавится много новых, которые выскочат, как искры, от удара моей фантазии об твою. Не поленись же, напиши, сделаешь мне дорогой подарок, да и самому тебе будет приятно мне его сделать: поневоле воротишься в Палестину. <...> Пришли свой адрес. Ты так обленился, что и об второй части "Одиссеи" не сказал мне ни слова, а я ею более доволен, нежели первою».

[1] См. ***1849. Декабря 14. Среда. Москва.***

[2] Более двух с половиной лет (см. ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс***).

[3] Имеются в виду «Стихотворения В. Жуковского», напечатанные в одну восьмую долю листа (СПб., 1849).

[4] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] В конце апреля 1849 г. Жуковский, вследствие революционных событий, вспыхнувших в земле Баден, выехал с семьей из Бадена в Страсбург, прожил месяц в Швейцарии и вернулся в Баден в августе того же года (Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 409).

[6] В сентябре 1849 г.

[7] Перевод «Одиссеи».

[8] Имеется в виду замысел эпической поэмы на тему о Вечном жиде Агасфере. В 1851 г. Жуковский завершил «Введение» и первую часть поэмы. Работа над второй частью была прервана его смертью.

[9] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 21. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Не могу понять, что со мною делается. От преклонного ли возраста, действующего в нас вяло и лениво, от изнурительного ли болезненного состояния, от климата ли, производящего его, но

я просто не успеваю ничего делать. Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладываю на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, — и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше, как час, смотрю на часы — уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вот тебе вся моя история. Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец "М<ертвых> душ". Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны;* собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведение. Это разве может только один Бог, у которого всё под рукой: и разум и слово с Ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разума доискиваться. — У Смирновой я, точно, прогостил осенью[1]. <...> На меня не сердись и люби, потому что я также тебя люблю, а письмо — дрянь. Оно никогда не может выразить и десятой доли человека. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если он напишет письмо коротенькое и не так обстоятельно, как бы хотелось. У меня правило всякое письмо считать подарком, а дареному коню в зубы не смотрят. <...> Хотел было просить тебя взять из ломбарда последний куш денег. Но раздумал. Пусть их лежат, авось как-нибудь изворочусь. Впрочем, уведоми, можно ли брать по частям или нет».

С просьбой «взять из ломбарда последний оставш<ийся> <...> билет на 1168 руб<лей> серебром»[2] Гоголь обратился к Плетневу в конце апреля того же года[3].

[1] См. ***1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Калуга.***

[2] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург; 1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1850. Апреля между 23 и 27. Москва.***

ЯНВАРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков отправляет родным ответное[1] письмо в Москву:

«Прежде всего отвечаю Вам на Ваши письма. Итак, Гоголь прочел Вам и вторую главу, а теперь, может быть, и третью. Вы спрашиваете меня, рассказывать ли мне содержание?.. Анекдотический интерес для меня, как и для Вас, в произведениях Гоголя не важен. Придется рассказывать или почти ничего или слишком много, т. е. его же речами, из которых мудрено выкинуть слово: так каждая нота состоит в соотношении с общим аккордом! А потому, зная, что последнее невозможно, я и не слишком хлопочу знать внешнюю связь содержания... Я думаю, что у Гоголя *все* написано, что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей»[2].

[1] См. ***1850. Января 19. Четверг. Москва.***

[2] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 929.

ЯНВАРЯ 20–26[1]. МОСКВА

Гоголь дважды приходил к Аксаковым с намерением прочесть третью главу второго тома «Мертвых душ».

27 января 1850 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Я написал "Гуся" и "Лебедя"[2]. Гоголь и то и другое очень хвалит[3], но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить. "Гусь" вышел с лишком три листа[4]. <...> Гоголь еще ничего не читал мне нового, но, кажется, раза два приходил с намерением читать, но всегда что-нибудь мешало. Я совершенно с тобою согласен во всем, что ты говоришь о Гоголе[5]. <...> Как я доволен, что Гоголь навел Константина на занятие русским словарем[6]! Гоголь в

восхищении, но, может быть, он немножко и плутует. Впрочем, я сам вижу, что Константин имеет призвание к этому делу, а притом, мне кажется, этот труд будет очень полезен для его грамматики...»[7]

[1] Ср. ***1850. Января 19. Четверг. Москва.***

[2] Главы из книги С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[3] См. также ***1850. Февраля 3. Пятница. Москва.***

[4] Ответ И. С. Аксакова см. ***1850. Января 30. Понедельник. Ярославль.***

[5] См. ***1850. Января 22. Воскресенье. Ярославль.***

[6] См. письмо С. Т. Аксакова И. С. Аксакову от 17 января 1850 г. (см. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва***).

[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 610.

ЯНВАРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь на вечере у Аксаковых слушает украинские песни.

На следующий день, во вторник 31 января 1850 г., О. Сем. Аксакова сообщала сыну Ивану: «Вчера Гоголь сидел до половины первого, так был оживлен, пел малороссийские песни,— что весело и интересно было его видеть. <...> Я хотела было послать тебе чаю, но меня все стали просить не посылать и в том числе Гоголь — бо вредно тебе»[1].

С. Т. Аксаков 31 января 1850 г. также писал сыну: «Гоголь нам нового не читал, но часто у нас бывает, и вместе с Максимовичем они бывают так веселы и забавны, особенно когда Наденька[2] поет малороссийские песни, что поистине весело и умилительно на них смотреть[3]. По необыкновенному расположению духа Гоголя я заключаю, что он пишет много и доволен тем, что написал»[4].

Вероятно, 31 января 1850 г. В. С. Аксакова, в свою очередь, писала брату: «Вчера получили вдруг два письма от тебя, милый друг и брат Иван: одно прежнее, от Троицы, и другое по почте[5]. Перевод твой[6] прекрасен, всем нравится. Гоголь очень хвалит, желает только, чтоб ты не сочувствовал этому расположению духа. <...> У нас часто поются малороссийские песни. Гоголь почти всякий раз просит Наденьку петь, а Максимович даже вместе поет и учит. Любопытно видеть, какое сильное производят на них впечатление родные звуки. Они совершенно забываются, притопывают ногами, и будь одни, непременно, кажется, заплясали <бы>. Недоставало еще Бодянского. В воскресенье[7] все опять соберутся на вареники и песни. Наденька очень мило поет. Максимович приносил списки малороссийских чудесных песен»[8].

В 1853 г. П. А. Кулиш писал: «...Данилевский между прочим говорит[9], что Гоголь *учил* (у себя дома), *как делать настоящие малороссийские вареники.* От кого же сам он научился этому нехитрому и повсеместному в Малороссии искусству? и кто нуждался в его науке? Гоголь был любителем варенников — это так. В Москве для него готовили их по крайней мере раз в неделю. При этом замечательно, что сколько бы раз ни случалось ему есть это лакомое для него блюдо, он всякий раз рассказывал, что он знавал на родине одного панка, который, где бы ни встретил за столом вареники, не иначе приступал к ним, как произнеся следующее воззвание: "Вареныки побидéныкы! сыром бóки позабыханы, маслом очы позалываны — вареныки побидéныкы!.."»[10]

В 1856 г. Кулиш добавлял: «Это обстоятельство, между прочим, показывает, до какой степени Гоголь чувствовал себя своим в домах московских друзей своих. Он мог ребячиться там так же, как и в родной Васильевке...»[11]

[1] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 784. — Датировка письма уточнена.

[2] Аксакова, дочь С. Т. Аксакова.

[3] Ответ И. С. Аксакова см.: ***1850. Февраля 5. Воскресенье. Ярославль.***

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 611.

[5] От 26 января 1850 г. из Ярославля. С. Т. Аксаков отвечал на это письмо сына 31 января 1850 г. (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 523; ***1850. Января 31. Вторник. Москва***).

[6] Речь идет о стихотворении И. С. Аксакова «Клеймо домашнего позора...», названном им из цензурных соображений «переводом с санскритского»:

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне;
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!
Ее, в своем безумье яром,
Гнетут усердные рабы!..
А мы глядим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!
И слово правды оробело,
И реже шопот смелых дум,
И сердце в нас одебелело;
Порывов нет; в забвенье дело;
Спугнули мысль, стал празден ум!

(Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. С. 277–278).

[7] См. ***1850. Февраля 5. Воскресенье. Москва.***

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 872–873. – Датировка письма уточнена.

[9] В статье «Хуторок близь Диканьки» (см. ***1852. Октября 14. Вторник. Москва***).

[10] *Кулиш 1853.* С. 115; см. также: Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» // *Свод.* Т. 2. С. 951; Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 36.

[11] *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 253; *Свод.* Т. 2. С. 954. – См. также ***1851. Ноября 7. Среда. Москва*** (свидетельство О. М. Бодянского).

ЯНВАРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков пишет ответное[1] письмо отцу в Москву:

«Я уверен, что "Лебедь" у Вас вышел особенно хорошо. По моему мнению, лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки... <...> ...Мне особенно нравятся Ваши описания потому, что в них простота выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма»[2].

[1] См. ***1850. Января 20–26. Москва.***

[2] *Свод.* Т. 2. С. 611. – Ответ С. Т. Аксакова см. ***1850. Февраля 3. Пятница. Москва.***

ЯНВАРЯ 31. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь был восприемником при крещении сына Хомяковых Николая.

В тот же день С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «...Сегодня Константин крестит у Соловьева[1] дочь Веру, а Гоголь у Хомякова – сына Николая»[2].

3 февраля 1850 г. В. С. Аксакова сообщала о том же М. Г. Карташевской: «Гоголь крестил на днях у Хомякова сына Николая»[3].

В феврале 1850 г. сам Хомяков писал А. В. Веневитинову: «...Нынешний год родился у меня сын Николай. Назван по Языкову, крестный отец Гоголь (тоже Николай), родился на именины Жуковского[4]. Коли малый не будет литератором, не верь уж ни в какие приметы»[5].

«Хомяков принадлежал к немногим людям, сразу оценившим Гоголя. Но и помимо отношения к нему как к художнику, Алексей Степанович полюбил его как человека и остался ему верным другом до конца. Гоголь был крестным отцом младшего его сына Николая»[6].

[1] Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), историк.
[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 611.
[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 873.
[4] 1 января 1850 г. — праздник Обрезания Господня и день памяти святителя Василия Великого (см. ***1850. Января 1. Воскресенье. Праздник Обрезания Господня. Москва***).
[5] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 197.
[6] *Лясковский В. Н.* Алексей Степанович Хомяков. Его биография и учение // Русский Архив. 1896. № 11. С. 377–378.

ЯНВАРЯ 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Москвы[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 457.
[2] См. ***1850. Января 21. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЬ. МОСКВА

Гоголь рассказывает М. А. Максимовичу о работе над вторым томом «Мертвых душ».

В 1856 г. П. А. Кулиш со слов М. А. Максимовича, сообщал: «...Вот мнение самого автора о втором томе “Мертвых душ”, хотя он все еще не был доволен своим созданием и совершенствовал его почти до самой смерти. “Беспрестанно поправляю (говорил он в январе 1850 года[1] г. Максимовичу) и всякий раз, когда начну читать, то сквозь написанные строки читаю еще ненаписанные. Только вот с первой главы туман сошел”. В июле 1851 года Гоголь, однако ж, писал к П. А. Плетневу о приготовлениях к печати второго тома “Мертвых душ”»[2].

В этом же месяце А. С. Хомяков сообщал А. Н. Попову в Петербург:

«У нас здесь ровно ничего нет нового. Все по-прежнему; только Сверб<еевы> стали давать балы, а <К. С.> Аксаков пишет грамматику. Мамонов также, кажется, сильно трудится по живописи. Бодянский, вступив снова в университет[3], грызется неприличным образом с Шевыр<евым>. Ученость дремлет, словесность пишет дребедень, за исключением комедии Островского[4], о которой вы уже знаете и которая, говорят, превосходное творение, и продолжения “Бродяги”[5], не уступающего началу; да Гоголя, который очень весел и, след<овательно>, трудится»[6].

[1] В изд. 1854 г.: «говорил он зимою 1850–51 года».
[2] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 636.
[3] См. ***1849. Декабря 21. Среда. Москва.***
[4] «Банкрут» («Свои люди — сочтемся!»).
[5] Поэма И. С. Аксакова.
[6] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 197.

ФЕВРАЛЯ 1. СРЕДА. МОСКВА

А. И. Кошелев пишет А. Н. Попову в Петербург:

«Москва чрезвычайно тиха и скучна <...> Гоголь живет и пуще всего заботится о своем здоровье».

Гоголь в письмах А. И. Кошелева // *Свод.* Т. 3. С. 711.

ФЕВРАЛЯ 2. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 324.
[2] *Гриц*. С. 452.

ФЕВРАЛЯ 2. ЧЕТВЕРГ. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Получил я вчера ваши письма от вторника[1], милый мой отесинька и милая моя маменька... <...> На днях получил письмо от Александры Осип<овны>[2]. <...> Смирнова уверяет, что она никогда никакого письма к Шевыреву ни о Гоголе, да и ни о чем не писала, и говорит, что это совершеннейшая выдумка!..»[3]

Незадолго перед тем, 29 января 1850 г., И. С. Аксаков отвечал самой Смирновой: «Радуюсь, что письмо к Шевыреву — клевета. Говорили, что вы написали письмо к Шевыреву, где рассказываете все содержание 2-го тома "Мертвых Душ". Но письма этого из наших никто не читал»[4].

[1] См. ***1850. Января 30. Понедельник. Москва***; ***1850. Января 31. Вторник. Москва.***
[2] Письмо от А. О. Смирновой от 21 января 1850 г.
[3] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 106.
[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 929.

ФЕВРАЛЯ 3. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков отвечает[1] сыну Ивану в Ярославль:

«Совершенно ты прав, мой милый Иван, насчет описания лебедя[2]; именно потому-то я и недоволен собою, хотя и Гоголь[3], и Вера, и Константин очень хвалят»[4].

[1] См. ***1850. Января 30. Понедельник. Ярославль.***
[2] См. также ***1850. Февраля 20. Понедельник. Ярославль.***
[3] См. ***1850. Января 20–26. Москва.***
[4] *Свод*. Т. 2. С. 611.

ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 3[1] — ФЕВРАЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 13[2]. МОСКВА

Гоголь болен. В первые дни пишет записку к К. С. Аксакову:

«Зайдите ко мне, любезнейший Константин Сергеевич, я прихворнул и не выхожу. Навестить больного все-таки доброе дело».

Спустя некоторое время Гоголя по просьбе К. С. Аксакова[3] навестил доктор А. И. Овер[4].

После визита Овера Гоголь отправил ответную[5] записку к С. Т. Аксакову: «Чувствую лучше. Простуда и жар в голове уменьшается. Овер одобрил всё, сделанное моим доктором. Надеюсь если не сегодня, то завтра выйти на воздух. Рад, что вы также чувствуете лучше. За всё слава Богу».

Позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г., Гоголь сообщал, что пробыл в болезни «недели полторы»[6].

Возможно, к этому же времени относится также записка Гоголя к С. П. Шевыреву (датировка записки уточнена)[7]:

«Здоров ли ты? Давно тебя не видел. Я в это время сильно расхворался, да и теперь еще не совсем оправился. Загляни ко мне, если будет время, захвати с собою деньги, оставшиеся от вклада в опекунс<кий> совет, а если есть какие-нибудь письма, то и письма»[8].

[1] Ср. ***1850. Февраля 3. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[3] См. ***1850. Февраля 17. Пятница. Москва.***

[4] Александр Иванович Овер (1804–1864), врач, профессор Московского университета.

[5] «Записка Гоголя <...> явно написана на листе, оторванном от записки к нему Аксакова, потому что на ее обороте, кроме надписи: "Сергею Тимофеевичу Аксакову" (рукою Гоголя), сохранилась и надпись рукою С. Т. Аксакова: "Н. В. Гоголю", относившаяся, очевидно, к оторванной части, на которую отвечал Гоголь» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 278).

[6] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва.***

[7] См. также ***1850. Февраля 23. Четверг. Москва.***

[8] На всем протяжении 1848–1851 гг. Гоголь неизменно просил своих корреспондентов письма в Москву адресовать ему на имя Шевырева (см. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***; ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел***; ***1848. Сентября 20. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1848. Октября 14. Четверг. Москва***; ***1848. Ноября 9. Вторник. Москва***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***; ***1849. Мая 24. Вторник. Москва***; ***1849. Июня 6. Понедельник. Москва***; ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва***; ***1850. Апреля между 23 и 27. Москва***; ***1850. Апреля 25 – апреля конец. Москва***; ***1851. Января 25. Четверг. Одесса***; ***1851. Марта 18. Воскресенье. Одесса***; ***1851. Мая 6. Воскресенье. Полтава***; ***1851. Июля 15. Воскресенье. Москва***; ***1851. Июля конец. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В этот день Гоголь предполагал приехать к Аксаковым слушать украинские песни[1]. Однако по болезни Гоголя[2] этот вечер, по-видимому, не состоялся.

[1] См. ***1850. Января 30. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1850. Февраля после 3 – февраля не позднее 13. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Вчера вечером получил я Ваши письма от 3-го февраля... <...> Желал бы я очень посмотреть на Максимовича и Гоголя, когда они слушают малороссийские песни»[1].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 929.

[1] См. ***1850. Января 30. Понедельник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ МЕЖДУ 3[1] И 11. МОСКВА

Гоголь отправляет записку Н. Н. Шереметевой (датировка записки уточнена):

«Немножко прихворнул, но, кажется, болезнь незначительная, и теперь чувствую <себя>, слава Богу, несколько лучше»[2].

[1] См. ***1850. Февраля после 3 — февраля не позднее 13. Москва.***
[2] См. также ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва*** (записка к Шереметевой).

ФЕВРАЛЯ 11. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку, ответное[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской в Петербург и ответное письмо к А. О. Смирновой в Калугу. Пишет новую[2] записку к Н. Н. Шереметевой.

Из письма к матери: «Давно не получал от вас писем, почтеннейшая матушка. <...> Я не знаю до сих пор, благополучно ли вы возвратились из Кагорлыка в Василевку. Я кое-как живу, но прихварываю больше эту зиму, чем прежнюю. Как видно, холодный климат меня прижимает. А может быть, и оттого, что сам не живешь и не молишься, как следует. Я получил много от Бога и должен бы быть лучше вас всех, но ежеминутно убеждаюсь, что я хуже вас всех. А потому нужно терпеливо нести болезни, как должное и праведное наказанье. Молитесь обо мне все вместе и будьте здоровы. <...> Ничего еще не могу сказать верного насчет помещенья Эмилии[3]. Любезному племяннику[4] хотел было писать, но отлагаю до следующего раза».

Из письма к Виельгорской: «Поспорю <...> с вами насчет того, что вам кажется прекрасною участь писателя, будто бы владеющего сердцами и умами и чрез то могущего иметь обширное влияние. Я думаю, что мы все в этом мире не что другое, как поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые нам дал Бог, работать ему, ожидая платы не здесь, а там. А какое именно влияние произведет наш труд на людей, как велико или обширно это влияние — это совершенно во власти Того, Кто располагает делами мира. Часто тот, кто задумает произвести добро, производит зло; мы сеем и сами не знаем, что именно сеем. Один Бог возвращает плод, дает ему вид и форму. Как нам знать, кто больший из нас, кто лучший, когда первые будут последними, а последние первыми[5]? Иногда бывает и то, что не блестящий труд труженика, никем не оцененного, всеми позабытого, вдруг чрез несколько веков, попавшись в руки какому-нибудь не совсем обыкновенному человеку, наводит его на гениальную мысль, на великое и благодетельное дело. Дело изумляет мир, а первоначальный творец его не изумил им даже и небольшой круг людей, его знавших. Не грустите же о том, что вам нет поприща или что поприще ваше тесно. Только молитесь постоянно Богу, чтобы Он удостоил вас послужить ему честно, добросовестно, прилежно, всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила наконец в двери небесные и ум наш не озарился бы вразумлением свыше, как нам быть и что делать. Что сказать вам о себе? Временами бываю свеж мыслями, временами хвораю и тогда бываю малодушен, хандрю и грущу. Работа прекращается, как и теперь. Сижу больной, нервы страждут, и всё во мне страждет. И так бывает тяжело, что не знаешь, куда деться, как позабыть себя. Праздно вращается на устах бескрылая молитва...»

Из письма к Смирновой: «В какое время пришло ко мне милое письмо ваше[6]! Сам болен, изнемогаю духом, сам требую молитв и утешения и не нахожу нигде. О, как трудно быть тому, кто

не умеет быть в Боге! Чувству<ю> это во всей силе на себе. С болезнью моей соединилось такое нервическое волнение, что ни минуту не посидит мысль моя на одном месте и мечется, бедная, беспокойней самого больного. Верю только тому, что Бог милосерд и что строит всегда лучше того, как замышляем мы. О, не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред Богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред Богом, кто может из людей опорочить нас, заклеймить пятном наше имя? А скорби? Но если уже Сам Спаситель сказал, что только ими очищается душа[7], как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды? Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякий скорбит; я сам так скорблю, что не в силах и молиться. Твержу ваше имя всякий день, но что это за молитва бескрылая! О, спаси вас Бог, спаси, покрый, осени святым щитом Своим, проведи сквозь эту ничтожную, пугающую тревогу здраво, цело, со внесеньем богатых сокровищ в вашу испытанную бедами душу! Прощайте! Да не смущается сердце ваше[8]! <...> Болезнь отнимает силы думать теперь о приезде; но если станет лучше и доктор позволит... Впрочем, говоря откровенно, не знаю, чем могу быть вам нужен теперь. Думаю даже, не повредил бы чем-нибудь мой приезд; пойдут еще новые какие-нибудь нелепые слухи. Верьте, однако ж, тому, что сердцу было бы очень сладко, если бы Бог сподобил меня быть каким-нибудь орудием к вашему утешенью. Зачем же не обратиться нам прямо к Тому, Кто Сам просит нас и увещевает к Нему обращаться? С Богом же снова в путь ваш! Глядите твердо кверху и да не смущается ваше сердце! Всё нечистое пронесется мимо!»

Шереметевой Гоголь писал: «Мне сегодня опять как-то не весьма хорошо, прошу вас покрепче обо мне помолиться».

В тот же день, 11 февраля 1850 г., Н. Н. Шереметева отвечала Гоголю:

«Вашу записку прочла за столом... <...> А что мне думается насчет вашей болезни, вы давеча сказали, что у вас золотуха в голове, — и видела за ухом у вас пластырь[9], а я слыхала от людей знающих и опытных, что золотуху лечить не должно, — да Господь вас наставит, в каком случае и как поступить».

На следующей, чистой половине листа письма Шереметевой надпись рукою Гоголя: «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие»[10]. С текстом письма запись не связана.

[1] См. ***1850. Января 17. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1850. Февраля между 5 и 11. Москва.***

[3] См. также ***1849. Сентября 4. Воскресенье. Москва***; ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва***; ***1850. Апреля средина. Москва.***

[4] Н. П. Трушковский.

[5] Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 30; гл. 20, ст. 16; Евангелие от Марка, гл. 10, ст. 31; Евангелие от Луки, гл. 13, ст. 30.

[6] Письмо не сохранилось.

[7] «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16,33); «...Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7,13); «...Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14,22).

[8] К тому времени Гоголь, очевидно, получил письмо от В. А. Жуковского от 1 февраля (н. ст.) 1850 г. (см. ***1850. Февраля 1 <января 20>. Пятница. Баден-Баден***). — Ср. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[9] См. также ***1850. Октября 24 — 1851. Марта 28. Одесса.***

[10] См. ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 11–12. СУББОТА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь отвечает[1] на записку Н. Н. Шереметевой:

«Благодарю вас много. Вашим советом постараюсь воспользоваться».

[1] См. ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 14. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь после болезни приезжает к Аксаковым[1]. Беседует здесь с М. А. Максимовичем; знакомится с В. И. Татариновым[2]; слушает украинские песни.

15–16 февраля 1850 г. В. С. Аксакова сообщала брату Ивану в Ярославль: «Это письмо пойдет с Татариновым, который вместе с тем привезет тебе и живую грамоту об нас. Очень не глупый и знающий человек, но пресмешной. В последний раз он у нас обедал нечаянно с Гоголем и Максимовичем. Гоголя он видел в первый раз.

Получено письмо от Смирновой. Неизвестно кем прислано; его должен был привезть Афросимов, но он не явился, и никто не знает, где он. — Из письма ее видно, что она au courant de tout ce qui se fait chez nous[3]. Так как Гоголь не писал ей с ноября и не получал от нее до сих пор ответа, то, всего вероятнее, что все сведения об нас она получает через тебя, в чем, разумеется, ничего нет дурного, но только я знаю, что она также очень сообщительного характера, и потому я тебя предупреждаю, чтоб ты был осторожен в некоторых случаях, особенно что касается до Гоголя; она как раз ему передаст все, а он не любит толков об себе. Мне это пришло в голову по поводу малороссийских песен. Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поет их, разумеется, не умея петь[4], но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает ее всеми средствами — и жестами, и голосом, и лицом, а Максимович перед ним стоит и также забывает все вокруг себя, поет и топочет ногами и разводит руками, но только выражая нежную сторону Малороссии. Бодянский же было припрыгнул с самого начала пения, но потом сконфузился и держал себя смирно, но тоже пел; все трое вспоминали прежние песни, а маменька клала их на ноты[5]. По воскресеньям устроились вареники и песни; просят позвать Мамонова для пения и еще для составления рисунков для азбуки (он уже обещал), которую Максимович хочет издать»[6].

18–20 февраля 1850 г. В. С. Аксакова сообщала также М. Г. Карташевской: «Наденька поет своим приятным [маленьким] небольшим голоском Малор<оссийские> песни и доставляет большое удовольствие Гоголю. Он недавно принес целую книгу[7] разных песень малор<осссийских> и русских[8]»[9].

Позднее К. С. Аксаков в письме к Н. А. Ригельману от 28 сентября 1851 г., описывая слышанный им на Украине хор девушек, отмечал: «Поют они во весь голос, очень живо и выразительно; мы заметили, что Гоголь и Максимович, при исполнении песен, часто следуют тому способу, который употребляется всем народом в Малороссии. Одна девушка, слыша плясовую песню, не удержалась и пошла плясать; конечно, это естественно, когда сам Осип Максимыч[10] даже однажды, при звуках малороссийских песен, пустился было в танец»[11].

В 1853 г. П. А. Кулиш писал: «...Поговорим о статье г. Данилевского, напечатанной в 124 нумере "Московских Ведомостей", под заглавием "Хутор<ок> близь Диканьки"[12]. <...> Г. Данилевский начинает свою статью прекрасным рассказом о своей поездке в родное село Гоголя, Яновщину... <...> ...Г. Данилевский рассказывает <...> "В зале стоит рояль, за которым в последнее время Гоголь, при помощи своих близких знакомых, составлял собрание украинских песен, с музыкою. Это собрание, почти из тридцати песен, теперь находится у Н. С. А<ксако>вой, и мы от души желаем скорее увидеть его в печати"[13].

В этой выписке, по-видимому, ничего нет невероятного; но некоторые места статьи поселили в нас такую недоверчивость, что мы нарочно познакомились с Н. С. А<ксако>вой[14], чтоб узнать от нее самоё о гоголевском сборнике. Вопрос наш показался ей очень наивным, и она объявила нам,

что никакого собрания, составленного Гоголем, у нее нет. Гоголь, в последние годы пребывания своего в Москве, действительно любил петь и слушать малороссийские песни. Для этого он и несколько его земляков собирались в одном доме раз в неделю. С голоса Гоголя положено было на ноты девицей А<ксако>вой всего песен пять-шесть, вовсе не с целью издать их, а просто для того, чтоб петь их в будущие вечера[15]. Для этого же пересмотрены были всеми гостями вместе голоса украинских песен, изданные Алябьевым[16] и еще сборник <К.> Липинского, изданный в 1833 году во Львове[17]. В этом последнем сборнике текст искажен полонизмами, а голоса попытками Липинского усовершенствовать их. Гоголь и его приятели старались восстановлять как текст, так и мотивы, и, собираясь в последующие музыкальные вечера, пели уж только те песни, которые всеми ими признаны были за лучшие, и притом в восстановленном виде. Липинский доставил им, впрочем, немного удовлетворительных песен. Они обратились к печатным сборникам М. Максимовича и некоторым рукописным коллекциям, выбирая из них песни, которых голоса были известны кому-нибудь из гостей. Таким образом перепробовано было много изданных и неизданных напевов, и которые из них сделались любимыми напевами Гоголя и его приятелей»[18].

В первой половине декабря 1853 г. С. Т. Аксаков, прочитав в рукописи «Опыт биографии Н. В. Гоголя...», сообщал П. А. Кулишу: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные.

<1> Чи ты ж мене, моя маты, / На мисти купила, / Що всим по доленьци, /А мене втопыла?
<2> О девчина серденько, / чья ты? / Чи выйдешь на улицу / гуляты.
<3> Да орав мужык край дороги.
<4> Ой кряче, кряче.
<5> Ой пид гаем, гаем.
<6> Гомон, гомон.
<7> Ой израда кари очи.
<8> Нехай.
<9> Да оглянется чумак до дорогу»[19].

В 1856 г. Кулиш, опираясь на замечания С. Т. Аксакова, а также на воспоминания О. М. Бодянского и М. А. Максимовича, писал: «Гоголь вел жизнь уединенную, но любил посидеть и помолчать в кругу хорошо известных ему людей и старых приятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предела его затейливым выходкам и смеху. Особенно привлекал его к себе дом Аксаковых, где он слушал и сам певал народные песни. Гоголь до конца жизни сохранил страсть к этим произведениям поэзии и, по возвращении из Иерусалима, более полугода брал уроки сербского <сербо-лужицкого> языка у О. М. Бодянского[20], для того, чтоб понимать красоты песен, собранных Вуком Караджичем. Песня русская вообще увлекала его сердце непобедимою силою, как живой голос всего огромного населения его отечества. Это нам хорошо известно из его собственных признаний. "Я до сих пор (говорит он) не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца"[21]. Но к малороссийской песне он сохранил чувство, подобное тому, какое остается в нашей душе к прекрасной женщине, которую мы любили в ранней молодости. <...> Так я объясняю увлечение, с каким Гоголь перед концом своей жизни слушал и певал украинские песни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии, О. М. Бодянского, на вечера к Аксаковым, которые он посещал чаще всех других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: "Упьемся песнями нашей Малороссии", и действительно он *упивался* ими, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду, в каком-то поэтическом забытьи, пока наконец[22] надоедал самым страстным любителям малороссийских песен.

Какие же песни особенно любил Гоголь? <...> Назовем эти песни Гоголевыми[23].

1. Не буду я женытыся, / Бо що мини з того? / Не стае мни десять грошей / До пив-золотого...
2. Ой знаты, знаты, / Хто кого любыть: / Блызенько сидае / Та й прыголубыть...
3. Казала Солоха прыйды, / Щось дам, щось дам...
4. Зчорнив я, змарнив я, / По полю ходячы, / За тобою, дивчынонько, / Тужачы, тужачы...[24]
5. Чы ты ж мене, моя маты, / На мисти купыла, / Що всим дала по доленьци, /А мене втопыла?..[25]

6. Журылася попадя[26] / Своею бидою...[27]
7. Ой дивчыно серденько, чыя ты? / Ой чы выйдешь на юлыцю гуляты?[28]
8. Ой посияв мужык / Та й у поли ячминь; / Мыжык каже: "Ячминь"; / Жинка каже: "Гречка; / Не мов мини ни словечка, / Нехай буде гречка!.."[29]
9. Ой россердывся мий милый на мене...[30]

Эта песня переведена им на русский язык в статье "О малороссийских песнях"[31], как образец "глубины чувств", выражающейся в украинской народной поэзии. Она была известна ему с детства, и он любил припоминать, от кого и как он ей научился.

10. Та орав мужык край дорогы, / А в ёго волы крутороги...[32]
11. Ой ты живеш на гироньци, / А я пид горою; / Ой чы тужыш так за мною, / Як я за тобою?..
12. Ой бида, бида / Чайци небози[33], / Що вывела диткы / Пры бытий дорози!..[34]
13. Болыт моя головонька / Од самого чола: / Не бачыла мыленького / Ни тепер, ни вчора...
14. Полюбыла Петруся / Та й сказаты боюся...
15. Одна гора высокая, / А другая нызька: / Одна мыла далекая, / А другая блызька...[35]
16. Чы се тыи чоботы, що зять дав? / А за тыи чоботы дочку взяв...[36]
17. Да чы я в лузи не калына була, / Да чы я в лузи не червона була?
18. Ой на двори метелыця, / Чому старый не женытця?..[37]
19. Ой оре Семен, оре / Та чорными воламы...
20. Ой не ходы, Грыцю, / На вечорныци: / На вечорныцях / Дивкы чаривныци...[38]
21. Ой ходыв чумак / Сим рик по Дону, / Та не було прыгодоньки / Николы ёму...
22. Ой чый же се двир? / Прыточыв бы я свий; / Хорошая, чорнявая — / Я ходыв бы ик ий...[39]
23. И дощык иде, / И метелыця гуде; / Дивчына козака / Через юлыцю веде...
24. Ой пид вышенькою, / Пид черешенькою / Стояв старый з молодою / Як из ягодою...
25. Ой у поли могыла / З витром говорыла: / Повий, витре, ты на мене, / Щоб я не чорнила...
26. Ой на гори / Та женци жнут, / А по-пид горою, / По-пид зеленою / Козакы йдуть...[40]
27. Та журба мене зкрушила, / Та журба ж мене зсушила...[41]
28. У поли крыныченька, / Холодна водыченька, — / Там чумак воды наповае...
29. Ой кряче, кряче та чорненькый ворон. / Та на глыбокий долыни: / Ой плаче, плаче молодой козаче / Пры нещаслывий годыни...[42]
30. Ой израда кари очы, израда... / Чому ж в тебе, козаченьку, не вся щыра правда?[43]
31. Ой пид гаем-гаем, / Гаем зелененьким, / Там орала дивчынонька / Волыком чорненькым...[44]
32. Гомин гомин по дуброви, / Туман поле покрывае; / Маты сына проганяе...[45]
33. Ой з-пид гаю, гаю, / З-пид чорного гаю, / Ой крыкнулы козаченькы: / "Утикай, Нечаю!"[46]
34. Ой ты, дивчыно, / Горда та пышна! / Чом ты до мене / З вечора не выйшла?[47]
35. У Кыеви на рынку / Пьют козакы горилку...[48]

Самыми любимыми песнями у Гоголя были напечатанные под нумерами 12, 21 и 25[49]; песня под нумером 28 была одною из первых, которым Гоголь научился в детстве[50]. Главною его музою в этом случае была его тетка матери[51], о личности которой интересно было бы собрать возможно полные сведения»[52].

П. А. Бессонов в 1896 г. также вспоминал: «Симпатичнее мне было исстари (по самому происхождению моих предков из Галиции и с Волыни), да и знакомее белорусского по многим отношениям, песнотворчество малорусское, оживившееся для меня еще при сближении с домом Аксаковых, где до конца держалось и процветало оно без перерыва в практике музыки и пения. Я счастлив, слышавши здесь напевы самого Гоголя и узнавши его *любимые песни*, выбором их обличавшие, как и везде у великого художника, тонкость его вкуса и глубокую верность народным преданиям (замечу, кстати, что *лучшие* из таких образцов *совсем не те*, какие обыкновенно цит<ир>уются в биографиях, характеристиках и при переписке автора). Но я счастлив еще сближением там же (и у Погодина, и у Елагиных) с Максимовичем; я принял прямо из уст этого знатока указания на особенности происхождения, содержания, употребления и самого напева украинских произведений; счастлив также (не скрою) тем, что там видел даже "пляшущего" по-хохлацки (mirabile dictu <удивительно; *англ.*>) дорогого моего профессора Бодянского. Из хозяев особенно при этом ревностны были — Константин Сергеевич (усердно подпевавший по-малорусски, при

совершенном отсутствии всякого музыкального голоса, столь громкого, впрочем, в своей обычной речи) и покойная сестра его Н<адежда> Сергеевна, весьма музыкальная (куча рукописных нот сего рода, списанных ими с голоса, куда-то исчезла; а печатные ноты Максимовича[53] столь редки, что приобретены для меня приятелем уже в Кракове ветхою тетрадкой)»[54].

[1] См. ***1850. Февраля 17. Пятница. Москва.***

[2] 26 января 1850 г. И. С. Аксаков писал родным из Ярославля: «Нынче едет в Москву один из здешних профессоров лицея и мой приятель — Василий Иванович Татаринов. Фигурка его довольно забавная, но он очень неглупый и честной души человек. Он очень желает познакомиться с Константином, драмой которого <"Освобождение Москвы в 1612 году"> недавно восхищался... Положение его прескверное. Директор считает его опасным человеком, как всякого мыслящего человека, и он едет в Москву искать себе какое-нибудь место да и вообще освежиться от чаду пошлости провинциальной. Пожалуйста, примите его ласково» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 100).

[3] в курсе всех наших дел (*фр.*).

[4] Слуга Гоголя, Яким Нимченко, также свидетельствовал, что «по-малороссийски Гоголь говорил хорошо, песни "простые" очень любил, но сам пел плохо» (см. ***1848. Мая 11. Вторник. Васильевка***).

[5] См. также письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову от 21 марта 1850 г. (***1850. Марта 19. Воскресенье. Москва***).

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 873–874. — См. ответное письмо И. С. Аксакова: ***1850. Февраля 20. Понедельник. Ярославль.***

[7] См. также ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка*** (примечания).

[8] См. сборник Гоголя <*II*> *Русские песни* в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17.

[9] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 874.

[10] Бодянский.

[11] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 799.

[12] См. ***1852. Октября 14. Вторник. Москва***).

[13] См. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***

[14] См. ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва.***

[15] См. также ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***

[16] См. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[17] «Muzyka do Pieśni Polskich i Ruskich Ludu Galicyiskiego» (примеч. П. А. Кулиша). Имеется в виду сборник галицких песен В. Залеского «Piésni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipicskiego. Zebrał i wydał Waclaw z Oleska» (We Lwowie, 1833). С этим сборником Гоголь познакомился почти сразу по его издании, в конце 1833 г. и пользовался при создании «Тараса Бульбы» и «Вия» (см. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***). Вторично сборник «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» Гоголь получил в свое пользование летом 1839 г. в Мариенбаде или в Праге, где взял эту книгу у П. И. Шафарика (см. ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага***). Об интересе Гоголя к собранию песен Waclaw'a z Oleska «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» в конце жизни свидетельствовал также О. М. Бодянский (см. ***1850. Мая 12. Пятница. Москва***).

[18] *Кулиш 1853.* С. 112–113; см. также: Воспоминания Н. С. Аксаковой в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» // *Свод.* Т. 2. С. 950–951.

[19] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 634.

[20] См. ***1848. Декабрь — 1849. Февраль. Москва.***

[21] «"Выбранные места из переписки с друзьями", стр. 135» (примеч. П. А. Кулиша).

[22] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» было: «всем надоедал, и земляки останавливали его словами: "Го́ди, го́ди, Мыко́ло!" (полно, полно, Николай!)» (*Кулиш 1853.* С. 113).

[23] «В своем исчислении Гоголевых песен я руководствовался указанием трех авторитетов: С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича» (примеч. П. А. Кулиша).

Список из двадцати семи любимых Гоголем украинских песен был впервые опубликован П. А. Кулишом в статье «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» (см.: *Кулиш 1853.* С. 113–115). (Ссылка на «трех авторитетов» — С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича — в этой статье отсутствовала.) В 1854 г. список был расширен до тридцати пяти песен, при этом в него было добавлено четырнадцать песен, в то время как шесть песен из прежнего списка исключены (см. примеч. ниже). Список был изменен отчасти вследствие замечаний, высказанных С. Т. Аксаковым в письме к П. А. Кулишу от первой половины декабря 1853 г. по поводу рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...» (*Свод.* Т. 2. С. 632–634). В таком виде список был впервые опубликован в изд.: *Кулиш 1854 (1).* № 4 (цензурное разрешение 31 марта). С. 120–124. Перепечатан: *Кулиш 1854 (2).* С. 168–172; *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 209–215.

[24] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «Гей хороша молодыця моргала на мене: / Покынь, покынь молотыты та ходы до мене» (*Кулиш 1853*. С. 114). В письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. С. Т. Аксаков заметил: «№ 5. Гей хороша молодица — вовсе не пели» (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634).

[25] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 120; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 168 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. — Чи ты ж мене, моя маты, / На мисти купила, / Що всим по доленьци, / А мене втопыла?» (см. выше).

[26] В издании 1853 г.: «Журылася баба...» (*Кулиш 1853*. С. 114).

[27] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще двух песен: «Сим день молотыла, / Чех, чех заробыла»; «Ой Семене, Семене, / Ходы, серце до мене» (*Кулиш 1853*. С. 114). Первая из них снята вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634).

[28] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 121; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 169 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> О девчина серденько, / чья ты? / Чи выйдешь на улицу / гуляты?» (см. выше).

[29] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 121; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 169 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Нехай» (см. выше).

[30] Строка из этой песни появилась лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 121; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 169 (не было в изд.: *Кулиш 1853*).

[31] «"Арабески", ч. II, стр. 101» (примеч. П. А. Кулиша).

[32] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 121; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 169 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Да орав мужык край дороги» (см. выше).

[33] «Чайке бедняжке» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 108).

[34] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь***; ***1806. Июль-август. Кибинцы Миргородского уезда***; ***1852. Февраля 25. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.

[35] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «Горе мини, горе, несчастлыва доле: / Выорала Марусенька мыслоньками поле» (*Кулиш 1853*. С. 114). Снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634).

[36] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» к песне «Чы се тыи чоботы» следовало примечание: «Эту песню любил в особенности Гоголь по одной комической случайности. В числе певиц была одна родом из Рязани. Следуя народному своему выговору, она произносила *щоботы* вместо *чоботы*. Это очень забавляло Гоголя; он не иначе пел эту песню, как по-рязански, и прозвал самоё певицу *Щó бо ты!* Фраза, непереводимая с малороссийского» (*Кулиш 1853*. С. 114). Примечание было снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Замечание о чоботах несправедливо. *<3 нрзб.>* и *<2 нрзб.>* не всякой *<2 нрзб.>* дал *<1 нрзб.>* всем девицы игры проявившихся чувств» (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634). — См. также: ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка***; ***1851. Октября 31. Среда. Москва***; <VI. Свадебная песня в записи Гоголя из собрания Н. В. Закревского> // *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 346, 749.

[37] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 122; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 170 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). — См. также ***1848. Августа средина — августа 24. Вторник***; ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка***; ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва***.

[38] См. также воспоминания А. О. Смирновой о том, что она пела Гоголю «известную песню: "Ой не ходы, Грыцю, на вечорныци"» (Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 215; см. также: ***1836. Ноября начало <октября вторая половина> — 1837. Марта начало <февраля вторая половина>. Париж***).

Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» была приведена строка еще одной песни: «А вже чумак дочумаковався» (*Кулиш 1853*. С. 115). Снято вследствие замечания С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г. (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634).

[39] Далее в статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе» были приведены строки еще одной песни: «И вчора кулиш, и сiогодни кулиш» (*Кулиш 1853*. С. 115).

[40] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*).

[41] Несмотря на замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «№ 27. Та журба — нет у нас» (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634), П. А. Кулиш оставил эту песню в списке.

[42] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Ой кряче, кряче» (см. выше).

[43] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Ой израда кари очи» (см. выше).

[44] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*).

[45] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Гомон, гомон» (см. выше).

[46] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171 (не было в изд.: *Кулиш 1853*). См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «Вот песни, у нас находящиеся и не поименованные. <...> Ой пид гаем, гаем» (см. выше).

[47] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 123–124; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 171–172 (не было в изд.: *Кулиш 1853*).

[48] Куплет этой песни появился лишь в изд.: *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 124; см. также: *Кулиш 1854 (2)*. С. 172 (не было в изд.: *Кулиш 1853*).

[49] См. замечание С. Т. Аксакова в письме к П. А. Кулишу от декабря 1853 г.: «№ 21. Самая любимая и еще 25» (*Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод*. Т. 2. С. 634).

[50] См. также ***1814. Первая половина года. Васильевка.***

[51] Имеется в виду тетка Гоголя по матери Екатерина Ивановна Ходаревская (рожд. Косяровская). Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Катерина Ивановна хорошо пела, у нее был хороший голос. Большей частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили ее петь, в особенности брат любил слушать ее пение» (см. ***1832. Ноябрь. Санкт-Петербург***). К этим словам В. А. Чаговец сделал примечание: «В письмах Г<оголь> не раз вспоминает о пеньи Катерины Ивановны. Ей он обязан также и теми песнями, которые с ее слов были записаны и пересланы ему в Петербург. Кроме того, она знала много преданий и рассказов из старого украинского быта, чем также воспользовался Г<оголь>» (там же). О. В. Гоголь-Головня, вспоминая также о приезде в гости к Гоголю в Васильевку Максимовича в августе 1850 г., сообщала: «Профессор <М. А. Максимович> любил слушать малороссийские песни; Катерина Ивановна ему пела, а иногда сидели на крыльце, призывала лирника петь, еще кой-какие парубки пели...» (см. ***1850. Августа 10 — августа около 20. Васильевка***).

[52] <Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>. *Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша* // *Свод*. Т. 2. С. 768–774.

[53] «Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем» 1834 г. (см. примеч. выше).

[54] *Бессонов П.* К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнотворчества» // *Свод*. Т. 3. С. 878.

ФЕВРАЛЯ 14. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому в Баден:

«Гоголь в Москве. Он жалуется в письме ко мне[2], что 2-я часть Мертвых Душ очень медленно у него подвигается, хоть он и работает прилежно».

Свод. Т. 1. С. 700.

[1] См. ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден.***

[2] См. ***1850. Января 21. Суббота. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 15. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь навещает Хомяковых.

См. *1850. Февраля 17. Пятница. Москва.*

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА. МОСКВА

На одном из вечеров у С. П. Шевырева Гоголь, через Ф. Ф. Рихтера[1] и Шевырева, познакомился с воспитанником Архитектурной школы при Московской Дворцовой конторе, будущим архитектором В. О. Шервудом[2].

Шервуд, по приглашению Гоголя, несколько раз за этот период навещал его в доме графа А. П. Толстого. (В дальнейшем встречи продолжались, вплоть до начала 1852 г.[3])

В это же время, в средине февраля 1850 г., в Москве у графа А. П. Толстого гостил протоиерей Матфей Константиновский, с которым Гоголь часто общался[4]. В частности, они, вероятно, беседовали о строящемся во Ржеве Вознесенском соборе[5]. (Около этого времени о. Матфей посетил блаженного Ивана Яковлевича Корейшу[6].)

Кроме того, Гоголь встречался в этот период с попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым, с московским гражданским губернатором, своим земляком, И. В. Капнистом, а также с М. П. Погодиным.

Из записной книжки Гоголя 1842–1851 гг.: «Лермонт<ов>. Стих<отворения>. — Рисунки Библии[7]. Коробейников, Иерусалим[8]. — Рисунки Страшного Суда. — Школа рисованья. Виды Иерусалима. <...> Шевыреву о Рихтере. — У Рихтера о школах архитектур<ы> и рисованья и юношах, годных в учители, о бедных, дающих уроки рисованья, о рисовальных школах и книгах, издан<-ных> рисоваль<ными> школами. — У Погодина. О богобоязни мастеров и рисовальщиков. — Чистописание. — Шервут. <...> Попечителю и Капнисту. — Рихтеру о Тоне и Ржевской цер<кви>. — Погодину. — К рисовальн<ой> школе».

Из «Записок» В. О. Шервуда (1895): «Не раз случ<алось> бывать на вечер<ах> у Ст<епана> Петр<овича> <Шевырева>. Народу б<ыло> много; вид<ел> я там Погодина, Аксаковых и Гоголя. В это вр<емя> много б<ыло> говорено о Рафаэле и вообще о западн<ом> искусстве. Наши славянофилы б<ыли> хорошие знатоки европ<ейской> цивилизации. Высказывались мнения и в возможностях русского искусства, причем все разговоры сосредоточив<ались> на Алексан<дре> Андреевиче Иванове[9]. <...> Гоголь иногда рассказывал анекдоты, к<оторые> мне не нравились, т<а>к что я даже не мог смеяться, когда другим это казалось забавным. <...> Смолоду я б<ыл> оч<ень> осторожен, и если позвол<ял> себе разевать рот, <то только> ч<то>б<ы> ответ<ить> к<ому>-либо на вопрос; а если и случ<алось> встав<ить> слово, то это б<ыла> задолго продуманная и прочувствованная мысль, кот<орую> я вклеивал с крайней осторожностью. Общество б<ыло> выше меня, и я держ<ался> в нем, к<а>к ученик. Сидишь где-ниб<удь> в уголке на стуле; меня оч<ень> заним<ал> Гоголь. Его рассказы из тех произведений, к<оторые> б<ыли> у него на очереди, но Г<оголь> производ<ил> поражающее впечатл<ение> св<оим> искренним юмором, но он изменялся в лице, к<а>к будто и самый костюм на нем становился другим, и он, меняя всевозм<ожные> голоса, рассказыв<ал> сцены из св<оих> произвед<ений>. <...> Вообще он каз<ался> серьезным: <сидел> понуривши голову, прядь волос спадала на его лоб и придав<ала> ему еще более унылый вид; но черты лица его б<ыли> ясны: он не хмурился; можно б<ыло> думать,

что это эпическое спокойствие к<а>к бы выражало его равнодушие. Он редко улыбался, да и улыбка его б<ыла> скорее насмешливая, чем добродушная. Одевался он франтом, носил альмавиву[10], только в последние годы его жизни я его встретил раз в дождливую погоду в шинели, к<оторая> б<ыла> сдел<ана> из так<ого> простого материала, что вся к<а>к-то торчала во все стороны, и это далеко не б<ыло> элегантно. Гоголю я также б<ыл> рекомендован, и после нескольк<их> вечеров к<а>к-то раз он незаметно пересажив<ался> с одного стула на другой и наконец как буд<то> нечаянно очутился рядом со мной. Я невнятно сделал ему неск<олько> вопросов, и тут он впервые высказ<ал> мне надежды свои на будущн<ость> русск<ого> искусства: живоп<иси> и архитектуры. Странно, что он <так> чувствов<ал> русс<кую> архитектуру. Он расск<азал> о друг<их> архитектурах, о как<ом>-то смешении разн<ых> стилей, гов<орил>, что железо к<а>к новый материал дости<гло> возможности игривых, живых форм, парящих ввысь[11]; вм<есте> с тем он восхищ<ался> и египетск<им> стилем, его примитивной и изящн<ой> раскраской и, хотя не упомин<ал> о русс<ком> стиле, но все те элементы, на к<оторые> он указывал, действит<ельно> составляют стороны русс<кого> зодчества.

Гог<оль> позв<ал> меня к себе, и вот в 1-ый раз я забрался к нему на Ник<итский> бульв<ар> в д<ом> гр<афа> Толстого. Он жил внизу, где и скончался. На диване карельской березы с клееч<атой> или кож<аной> обивкой сид<ел> в халате Н<иколай> Вас<ильевич>. Перед ним — круглый стол того же дерева, на к<отором> лежали буквально клочки бумаги в виде каких-то треугольников, листков, оторванных от писем, на к<оторых> б<ыло> написано по неск<ольку> слов. Я спрашив<ал> потом Шевырева, что это за явление? — Н<иколай> В<асильевич>, прежде чем окончательно написать свое произведение, и только те слова, к<оторые> производ<ят> сильное впечатление, — он записывал. Словом, он собир<ал> т<ак> одни бриллианты и потом со всем искусством соедин<ял> их в целое. Я часто думал, что самое высокое проявление литературы есть поэзия. Не говоря уже о высок<ом> поэтич<еском> одушевляющ<ем> настроении, она им<еет> и краткость, и силу, и необыкн<овенную> благозвучность, к<оторая> составл<яет> величайшую прелесть ч<еловечес>кой речи; поэт<ому> поэтов всегда цитируют; но, увы! многих прозаиков речения цитировать нельзя, разве т<а>к, к<а>к это дел<ал> англичанин: "пойдемте в сад" — Вальтер Скот<т>, или: "подали завтракать" — Уильки Коллинз, а Гоголя-то, оказывается, цитировать можно. Я зн<ал> людей, к<оторые> наизусть знали его целые страницы. Возьмите вы любые 10 строчек из Гоголя, вы найдете в них интерес. Вот эта ювелирная работа — такое любовное отношение к слову и делает истинного художника, к<аким> б<ыл> Гоголь. "Что вы компонуете?" — спросил меня Н<иколай> Вас<ильевич>. В это вр<емя> я сочинял большую композицию "Смерть Самсона". Конечно, это б<ыл> детский лепет. Я расск<азал> Н<иколаю> В<асильевич>у, что мне хочется изобразить Пир Филистимлян, жертвопринош<ения> Молоху, разнузданность земных страстей, и в это вр<емя> Самсон раздвигает колонны — в мощной и крестообразной позе. Словом, люди увлекаются, не думая, что над ними каждый час может разразиться страшная гроза. Гоголь знал, к<а>к трудно писать огромные картины — по работе Иванова; расск<азал> мне весь ужас этого подвига и заключ<ил> такими словами: "Я знаю, Вам хочется расписать Кремлевскую стену, но погодите, смиритесь до возможности, и если Вам предложат расписать блюдо, то делайте и это, но т<а>к, ч<то>б Вы могли себе сказать, что лучше этого я не могу сделать, и поверьте, что Вы этим путем пойдете вперед и будете достойны служить св<оему> отечеству!" <...> Слова Гог<оля> точно б<ыли> пророчеством: мне пришлось рисовать блюдо на коронацию Вел<икого> Госуд<аря> Алекс<андра> Ник<олаевича>, и блюдо это одним материалом — золотом стоило 40000 рублей. Все же я б<ыл> оч<ень> молод и скорее чувствовал, чем понимал этих великих людей»[12].

[1] Федор Федорович Рихтер (1808–1868), профессор архитектуры, давний знакомый Гоголя и А. А. Иванова по Риму, директор архитектурной школы, где обучался В. О. Шервуд. — См. также ***1850. Сентябрь-ноябрь <августа средина — ноября средина>. Рим.***

[2] Владимир Осипович Шервуд (1832–1897), архитектор, скульптор и живописец. Происходил из обрусевшего английского рода. Лишившись родителей в раннем детстве, учился в чертежной школе при Воспитательном доме, затем — в Архитектурной школе при Московской Дворцовой конторе (Московском дворцовом архитектурном училище), откуда перешел в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получил звание художника, впоследствии стал академиком живописи. По проектам В. О. Шервуда построено здание Историче-

ского музея на Красной площади, возведены московские памятники героям Плевны и хирургу Н. И. Пирогову, памятник императору Александру II в Самаре.

В 1852 г. один из наставников Шервуда в Московском училище живописи, ваяния и зодчества Н. А. Рамазанов писал о начинающем художнике: «Эскизы *Шервуда* обличают богатую фантазию, еще не выхоленную строгим изучением условий искусства. Рядом с большими достоинствами сочинения встречаются и непростительные промахи. Талант Шервуда можно уподобить красивому коню, скачущему чрез пропасти и несущему гриву по ветру. Немало надо уменья и ловкости взнуздать такого коня, чего, однако, желаем искренно» (*Рамазанов Н.* Нечто о художественном в Москве // Москвитянин. 1852. № 10. (Май. Кн. 2). Отд. VII. С. 91; *Свод.* Т. 3. С. 716).

С Гоголем Шервуд познакомился в пору своего обучения в архитектурной школе, в то время, когда начинающий художник зарабатывал на жизнь частными уроками. Шевырев, видя ограниченность средств Шервуда, порой поручал ему небольшие заказы, — возможно, эта помощь оказывалась из благотворительной суммы, которую Шевыреву передал Гоголь «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством».

В письме к Н. С. Тихонравову 1890-х гг. сам Шервуд называл себя «художником, первыми шагами которого руководил Николай Васильевич». Он писал: «Меня, конечно, как художника, первыми шагами которого руководил Николай Васильевич, крайне занимает постановка его памятника <...> Слава Богу, средства достаточные собраны для сооружения памятника. <...> Главная причина, которая заставила меня решиться беспокоить вас своим письмом — чисто художественная; я думал прежде, что можно на пьедестале поставить сценки из произведений Гоголя и усердно поработал над созданием таких барельефов, но увы! несмотря на художественное достоинство их, они совершенно невозможны. Вам лучше судить, какого рода образы преобладают в творчестве Гоголя, положительные или отрицательные; но во всяком случае нельзя обойтись без последних. Однако, когда я изобразил их, то пришел в совершенный ужас, за что мы рядом с его личностью выставим эти пошлые морды, когда вся сила его юмора была направлена на то, чтобы уничтожить их с лица земли Русской. Нет, художество наше тут неуместно. — Вам придется самим характеризовать его подвиг, его же святыми изречениями, которые будут грозно звучать в потомстве неумолимым судом над пошлостью, убивающею всякое человеческое достоинство. Простите, что обеспокоил Вас; но я думал, что мой неудачный опыт с барельефами, быть может, и не будет лишним в деле, которое Вы всесторонне обнимаете Вашим компетентным взглядом и которое, конечно, выведете на Свет Божий...» (*Свод.* Т. 3. С. 716).

Знакомство Гоголя с Шервудом датируется предположительно на основании соседства в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. помет о «Шервуте» и «Ржевской цер<кви>» (см. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва***). Это знакомство могло состояться также как немного ранее, так и немного позднее, в период с ноября 1849 по начало июня 1850 г.

[3] См. ***1852. Февраля 18. Понедельник. Начало второй недели Великого Поста. Москва.***

[4] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва.***

[6] См.: *Расев А. И., протоиерей.* Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Некоторые его проповеди, несколько писем, писанных — или им, или к нему, и еще некоторые замечательные факты из частной его жизни. Тверь, 2017. С. 258.

[7] См. также ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** (примечания); ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***

[8] Имеется в виду «Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищем в Иерусалим, Египет и к Синайской горе, в 1583 году», изданное впервые в 1783 г. и неоднократно переиздававшееся. Об этой книге упоминает у Гоголя один из героев «Ивана Федоровича Шпоньки...» (1832).

[9] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[10] Альмавива (по имени графа Альмавивы — героя комедии Бомарше «Севильский цирюльник») — широкий мужской плащ особого покроя.

[11] Свидетельство В. О. Шервуда перекликается с содержанием статьи Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1834), в которой нашли отражение впечатления от первой поездки Гоголя в Германию в 1829 г. (см. ***1829. Августа 14 <2>. Пятница. Любек***).

[12] *Шервуд В. О.* Вечера у Шевырева (Гоголь) // *Свод.* Т. 3. С. 712–715.

ФЕВРАЛЯ 17. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Ярославль:

«Овер, после холодного моего приема и невыносимых грубостей и дерзостей от Оленьки[1], еще не был, и будет он слишком добрый человек, если приедет. Впрочем, уже после этого Константин просил его приехать к Гоголю, и он приезжал. Гоголю лучше, но я испугался его страдальческого лица, на котором было ясно написано преобладание тела над духом. Он был у нас четвертого дня[2] вечером, а третьего дня[3] средние душеньки[4] видели его у Хомяковых, и ему было уже гораздо лучше[5] <...>

На меня нашла тупость, и все мои усилия преодолеть ее бесплодны, и я стал на мель на водах. Гоголь, заключив из моих рассказов, что я могу много и хорошо написать о водах, подстрекнул меня к подробному их описанию[6]. Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; все, что я написал до сих пор, мне не нравится. Это <не> пересказ простого охотника с бессознательным поэтическим чувством, который не знает в простоте сердца, что описывает природу поэтически. Это литератор, прикидывающийся простяком».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 611.

[1] Ольга Сергеевна Аксакова (1821–1861), тяжело больная дочь Аксакова, в течение многих лет прикованная к постели. Ее постоянно лечил Овер.

[2] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[3] См. ***1850. Февраля 15. Среда. Москва.***

[4] *Средними душеньками* в кругу семьи Аксаковых назывались их дети среднего возраста.

[5] См. ***1850. Февраля после 3 — февраля не позднее 13. Москва.***

[6] Имеется в виду работа С. Т. Аксакова над книгой «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

ФЕВРАЛЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЯРОСЛАВЛЬ

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Я прочел отрывки, присланные Вами, из “Лебедя” и “Гуся”[1] и нахожу, что они очень хороши! <...> Благодарю милую Веру за присылку малороссийских песней. Очень хороши они, особенно последняя. Песню “Не хилися яворонька” знаю и очень люблю. На письмо ее[2] отвечаю тем, что Смирновой я пишу не прежде, как по получении от нее ответа, отчего случается не писать иногда три и четыре м<еся>ца. <...> ...Главная цель моего ответа Вере состоит в том, чтоб она была покойна и не опасалась, что я буду передавать содержание ее писем А<лександре> Осиповне».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 929–930.

[1] Главы из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии».

[2] Письмо В. С. Аксаковой к И. С. Аксакову от 15–16 февраля 1850 г. (см. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***).

ФЕВРАЛЯ 23. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Вероятно, к этому дню относится недатированная ответная записка Гоголя к С. П. Шевыреву (подписана Гоголем: «Четверг»).

Датировка записки уточнена. По-видимому, Гоголь отвечает в ней на приглашение Шевырева на вечер 24 февраля 1850 г., на котором А. Н. Островский читал свою комедию «Банкрут» («Свои люди — сочтемся»). (Ранее Гоголь уже слушал эту комедию на вечере у М. П. Погодина[1].) Гоголь сообщает Шевыреву, что «простудился опять», — подразумевая под этим, вероятно, свою болезнь в первой половине февраля 1850 г., о которой он тогда же писал тому же Шевыреву[2]. Пишет также, что теперь ему «лучше» («но всё еще не пришел в обыкновенное состояние»). Об этом же на следующий день, 24 февраля 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну («Гоголь <...> опять занемог... <...> вчера ему стало лучше»)[3]. (В. С. Аксакова в 1861–1864 гг. в своих заметках о Гоголе также писала: «Весной <Гоголь> опять расстроился»[4].)

В записке к Шевыреву Гоголь сообщал: «Как ни хочется тебя видеть, но лучше поберечься. По вечерам особенно [и] мне нехорошо выезжать. Раз было попробовал, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но всё еще не пришел в обыкновенное состояние».

[1] См. также ***1849. Декабря 3. Суббота. Москва***.
[2] См. ***1850. Февраля после 3 — февраля не позднее 13. Москва*** (записка к Шевыреву).
[3] См. ***1850. Февраля 24. Пятница. Москва*** (письмо С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову).
[4] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод*. Т. 2. С. 898.

ФЕВРАЛЯ 24. ПЯТНИЦА. МОСКВА

И. М. Снегирев после возвращения с вечера у С. П. Шевырева записывает в дневнике:

«*Февраль*. <...> *24*. На вечере был у С. П. Шевырева, где Островский читал свою оригинальную комедию "Банкрут", Федотов[1] казал свою картину Сватовство майора на купеческой дочери с объяснениями в стихах, а Садовский забавлял нас своими рассказами о республике Франц<узской>. Там были профессоры: Армфельд, Соловьев, Грановский, Варвинский, Погодин, кроме того Свербеев, Хомяков, Буслаев, Кошелев, Меншиков, несколько студентов; затем ужинали»[2].

М. П. Погодин в тот же день, в свою очередь, записал в дневнике:

«Гости. Рад, что Хомяк<ов> приехал, и сказал, что я напрасно и сомневался в его перемен<е>. — Очень весел. — Все шло хорошо. Ростоп<чина>, Заго<скин>, Перев<ощиков>, Ш<е>в<ырев> и проч. — А Гоголь после двух писем[3] не приехал. Кобенится»[4].

В тот же день, 24 февраля 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Ярославль:

«Гоголь начал было поправляться, но опять занемог горлом. Впрочем, вчера[5] ему стало лучше»[6].

[1] Павел Андреевич Федотов (1815 — 14 ноября 1852), живописец и рисовальщик. См. также ***1850. Май — июня начало. Москва***.
[2] Дневник Ивана Михайловича Снегирева // *Свод*. Т. 2. С. 172.
[3] См. ***1850. Февраля 23. Четверг. Москва***.
[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 498–499.
[5] См. ***1850. Февраля 23. Четверг. Москва***.
[6] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 612.

ФЕВРАЛЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

«Роль Дочери играла Миронова»[3].

В тот же день Гоголь у Аксаковых слушал народные песни.

На следующий день, 27 февраля 1850 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «Вчера у нас опять были разные песни, я впрочем слушала их с отесенькой сверху»[4].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.

[2] *Гриц*. С. 452.

[3] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 874.

ФЕВРАЛЯ 28. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

В тот же день Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев и ответное[3] письмо к В. А. Жуковскому в Баден. (Письмо к Жуковскому посылает А. Я. Булгакову, для отправления в Баден, с сопроводительной запиской.)

В письме к о. Матфею Гоголь спрашивал: «Как вы доехали? Как нашли всё по приезде вашем во Ржев? О вас нет никаких известий, и граф Александр Петрович, и я, и все ваши вам близкие о вас беспокоятся. <...> Я между тем, по желанью вашему, обратился к Шереметьевой с просьбою о девочке вашей[4]. Она была так добра, что поехала тот же час хлопотать, и привезла ответ благоприятный: ее можно поместить, привезя ее в дом Шереметьева к Варваре Сергеевне Шереметьевой[5]. Впрочем, вот записочка от нее самой; ее здесь же прилагаю. Уведомьте, пришлась ли по вкусу вашему сыну "Всеобщая история" и не нужно ли вам еще каких книг? Прощайте, добрейший, близкий сердцу моему Матвей Александрович. Не позабывайте меня грешного в молитвах ваших. Вам весь ваш признательный Николай Гоголь».

Из письма к Жуковскому: «Почувствовав облегченье от болезни, в которой пробыл недели полторы[6], принимаюсь отвечать. Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками в таком виде, чтобы они могли послужить в пользу твоему "Вечному Жиду"[7]. Знаешь ли, какую тяжелую ты мне задал задачу[8]? <...> Право, не знаю, что могу сообщить тебе такого о Палестине, что бы навело тебя на благодатные мысли и побудило бы тебя вдохновенно принять<ся> за перо и свою поэму. Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку святой земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно. Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь[9] у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, — и при всем том я не стал лучшим, тогда как всё земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное. Что могут доставить тебе мои сонные впечатления? <...> Друг, сообразил ли ты, чего просишь, прося от меня картин и впечатлений для той повести, которая должна быть вместе и внутренней историей твоей собственной души? Нет, все эти Святые Места уже должны быть в твоей душе. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествие — и все святые окрестности восстанут пред тобою в том свете и колорите, в каком они должны восстать. Какую великолепную окрестность поднимает вокруг себя всякое слово в Евангелии! Как беден перед этим неизмеримым [горизонтом] кругозором, открывающимся живой душе, тот узкий кругозор, который озирается мертвыми очами ученого исследователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не сумел тебе сказать, кроме этой малой толики [точно как с умыслом рука Божья обр<екла> запустенью[10] все эти места, чтобы *<1 нрзб.>* искать в сердце своем не земного, а Небесного]. Мне кажется, если бы ты сделал то же с Библией, что с Евангелием, то есть всякий день переводил бы из нее по главе, то Святая Земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной Богом и украшенной именно так, как была *древле*.

Шевыреву я передал и твой поклон и твою просьбу. Теперь он загроможден делами по университету, которых навалили на него кучу. Но "Одиссеей" он займется непременно[11], как только

сколько-нибудь удосужится. Тем более, что это занятье его много занимает. Что же мне написать тебе об "Одиссее"? Сказавши в первом письме, что много есть в России людей, тебе особенно за нее благодарных, и что она совершенство, я сказал всё. Да и что сказать о труде, в котором все части приведены в такую стройность и согласие? Если бы что-нибудь выступало сильней другого или было обработано лучше или же отстало, тогда бы нашлись речи. А теперь вся оценка сливается в одно слово: прекрасно! Притом, если даже и хвалить картины, то похвалы все достанутся Гомеру, а не тебе. Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла. Во II томе "Одиссеи" это еще более поразительно, чем в первом. Но прощай. Да поможет тебе Тот, Кто Один только может быть вдохновителем в труде твоем! <...> Мой адрес: на Никитском бульваре в доме Талызина. Максимович просит убедительно стихов для альманаха "Киевлянин". Хоть двух строчек».

Из письма к Булгакову: «Чувствительнейшее обяжете <...> и Жуковского и меня <...> препровождением при сем прилагаемого пакета к нему в Баден-Баден. Сам не смею вас беспокоить лично, зная, как Вы всегда по утрам заняты, но признаюсь, очень бы хотел попасть к Вам тогда, когда вы свободны».

В тот же день, 28 февраля 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Ярославль:

«Записки мои[12] читаются сегодня Хомякову, Максимовичу, Ефремову[13]. Гоголь их почти все знает»[14].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 324.

[2] *Гриц*. С. 452.

[3] См. ***1850. Февраля 1 <января 20>. Пятница. Баден-Баден***.

[4] Имея в виду эти строки, И. Л. Щеглов заявлял: «...О<тец> Матвей, во всех случаях, оставался верен себе: сельскому дьячку, зажиревшему аристократу, ржевскому лавочнику... и автору "Ревизора" и "Мертвых душ" отпускал один и тот же знакомый ответ: "Не прилепляйся к земному, брат!.." Это, между прочим, не мешало ему одновременно хлопотать о пристройстве через Гоголя своей дочери в Шереметевский приют...» (*Щеглов Ив.* Гоголь и о. Матвей Константиновский // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 90). «О какой девочке просил Гоголя о. Матфей — не установлено. Но упрек (Щеглова) в том, что он, якобы, таким образом "пристраивал" свою дочь — из области домыслов. Младшая из дочерей, Евдокия, уже в 1848 г. была в замужестве за о. Александром Городецким, про старших — и говорить нечего» (*Расев А. И., протоиерей*. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Некоторые его проповеди, несколько писем, писанных — или им, или к нему, и еще некоторые замечательные факты из частной его жизни. Тверь, 2017. С. 467).

[5] В. С. Шереметева (1815–1880; в замужестве — с 1853 г. — княгиня Голицына), сестра графини Анны Сергеевны Шереметевой (рожд. Шереметевой, 1810–1849), жены графа Д. Н. Шереметева.

[6] См. ***1850. Февраля после 3 — февраля не позднее 13. Москва***.

[7] Поэма «Странствующий жид» — последнее произведение Жуковского, оставшееся незаконченным (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***; ***1850. Февраля 1 <января 20>. Пятница. Баден-Баден***).

[8] Далее текст письма см.: ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Февраля 3–4 — 29 <февраля 15–16 — марта 12>. Иерусалим, Вифлеем, р. Иордан, Иосафатова долина, Иерусалим***. — См. также ***1848. Января 31 <февраля 12>. Суббота. Бейрут***; ***1848. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Яффа***; ***1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Иерусалим***.

[9] См. ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***.

[10] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим*** (примечания).

[11] Ранее С. П. Шевырев написал три статьи на перевод первой части «Одиссеи» (опубл. в № 1–3 «Москвитянина» за 1849 г.; см. ***1849. Ноября 12 <октября 31>. Понедельник. Баден-Баден*** — примечания).

[12] Речь идет о книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[13] Александр Павлович Ефремов (1815–1876), преподаватель географии в Московском университете, товарищ К. С. Аксакова.

[14] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 612.

ФЕВРАЛЬ. КИЕВ

Ф. В. Чижов пишет М. А. Максимовичу в Москву:

«Если увидите общих наших приятелей, всем по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннейшей, благословенной семье Аксаковых».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 64.

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю записку:

«Чтоб Вы опять не стали пенять мне, я извещаю Вас, что 1-е марта — день рождения Вашей старой и доброй приятельницы...»

Имеется в виду О. Сем. Аксакова (см. ***1850. Марта 1. Среда. Москва***).

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ. МОСКВА

Гоголь отправляет записку М. А. Максимовичу:

«Жаль. Тем более, что мороз сегодня не велик. Письма не оказалось у меня никакого. Вероятно, ты позабыл его где-нибудь в другом месте. Будь здоров».

МАРТА 1. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь обедает с приехавшей в Москву на три дня, проездом в Петербург, А. О. Смирновой. Вечер провели у Аксаковых по случаю дня рождения О. Сем. Аксаковой.

Через день, в пятницу 3 марта 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Но отгадай, какая дама провела у нас вечер <в> этот день?..[1] Александра Осиповна Смирнова. Она прожила в Москве три дня проездом в Петербург. Значение 1-го марта открылось ей самым забавным образом; прошлого года Гоголь очень сердился, что ему об этом не сказали. Нынешний год я написал ему следующую записку: "Чтоб Вы опять не стали пенять мне, я извещаю Вас, что 1-е марта — день рождения Вашей старой и доброй приятельницы..." Кажется, можно было догадаться, о ком идет речь? Ничего не бывало! Гоголь, который в присутствии Александры Осиповны ничего не видит, не слышит и ни о чем, кроме нее, не думает, вообразил, что я извещаю его о дне рождения Александры Осиповны, который имеет быть, кажется, 6-го марта. Гоголь покупает коробочку со спичками для чистки зубов и нравоучительную книжку для чистки души, с лучезарным, сияющим лицом является к Смирновой, находит там Константина и еще более утверждается в непреложности своей догадки, подносит ей свои подарки, которые она принимает, но говорит, что она родилась не в этот день. Гоголь ссылается на меня, и Константин рассекает гордиев узел, объявив настоящую новорожденную. Несмотря на это, Гоголь обедал не у нас, а с Александрой Осиповной, но с нею провел у нас вечер до *исхода 1-го часа!* — Я очень обрадовался свиданию с Александрой Осиповной. Боже мой, как она изменилась в продолжение трех с половиною лет! Она старуха, она страшно что такое! Гоголь в ее присутствии — описать невозможно. Таким схвачен он на портрете Моллера[2], который, верно, ты видел у Хомякова[3]. Таким бывает он в счастливые минуты творчества. Нет никакой возможности признать

его влюбленным, и потому я объясняю себе это обстоятельство другим образом: между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении. Я не знаю, правда ли это, — но Гоголь убежден в том, — мой разговор с Александрой Осиповной утвердил меня в моей догадке. Вера думает точно так же. Я сошел вниз. Александра Осиповна очень мне обрадовалась; Гоголя еще не было; живой разговор завязался между нами и скоро перешел в горячий спор, который, разумеется, я сейчас прекратил, сказав, что об этом предмете нам никогда спорить не должно. Она *успела протвердить* мне, *что она любит Гоголя, Гоголя, а не поэта*... Я улыбнулся и сказал, что и *я люблю его*. Когда я между слов промолвил, что, слава Богу, талант Гоголя жив и что он здраво смотрит на предметы, Смирнова расхохоталась и, разгорячась, высказала мне, что Гоголь точно так же смотрит на все, как смотрел в своих письмах[4], что без них он никогда бы не написал второго тома "Мертвых душ", что он не отступился ни от одного слова, в них написанного, и что он решился меня обманывать, в этом отношении, со всеми другими. Что за укладистая вещь у этих людей вера! Они пойдут с нею на всякую подлость! Прямо из-за Евангелия они начинают забавляться скандальными до живописности разговорами! Они не только допускают всякие человеческие падения, которых и нельзя не допускать, но они отвергают и всякую скромность, всякую пощаду святости чужих убеждений! Терпимость всегда была основанием моих свойств. Поступай как хочешь втайне, но не смей мне этого рассказывать, не смей без рубашки показываться на улице. Мне очень досадно, что я с ней виделся. Она рассказала мне кое-что о дальнейшем развитии "Мертвых душ", и по слабости моего ума на все легла тень ложных их убеждений. Например, она мне открыла секрет, что Гоголь никогда не представит своей рукописи Государю, что я советовал, хотя уверен, что он дозволил бы ее напечатать; нет, он хочет до тех пор ее исправлять, пока всякий глупый, привязчивый цензор не пропустит ее без затруднения. Я отвечал: как жаль, какая ложная мысль!»[5]

4 марта 1850 г. К. С. Аксаков также сообщал брату Ивану: «Здесь была Смирнова. Узнав, что она здесь, я поехал к ней. Она мне очень обрадовалась, я сам был рад ее видеть. Вечер провела она у нас и сидела до половины первого. Вот, не могу сойтись я с этой женщиной! Неприятно с ней! Отсутствие всякой логики в голове, сухость, даже какая-то неискренность — все это очень отталкивает. Я поспорил и даже побранился с ней. Тут сидел Гоголь, радостный и счастливый до того ее присутствием, что просто, казалось, лучи шли от него: так он был светел. Между ними как бы установилась постоянная гармония и понимание. Но мне чужда Смирнова. Это не то что тебе. Ты к ней неравнодушен, и она тебя искренно любит. Вскоре пустилась она бранить народ, не признавать красоту русских песен. Я спорил и, наконец, заметил ей: "Виноват, я и забыл, что вы урожденная Росетт". — Гоголь не давал мне порядочно высказывать моего мнения. Бог их знает, как-то не просты они — и Гоголь, и Смирнова, и все, им подобные. Нет свободы в этих людях»[6].

Спустя несколько дней, в пятницу 10 марта 1850 г., В. С. Аксакова, в свою очередь, сообщала брату Ивану: «Гоголь при ней <Смирновой> совершенно счастлив, она его очень любит, у них есть свой особый мир, так сказать, в котором у них совершенно одинакие взгляды, понятия, впечатления, язык. Гоголь очень мало сообщает другим из него, потому что видит разность взглядов, но Александра Осиповна менее осторожна и несколько раз проговаривалась. Например, она говорила Константину: "Сдайтесь, обратитесь к нашим началам". Гоголь спросил ее, к каким началам. Она ему на ухо что-то пошептала — разумеется, что мир религиозный, мистический, который очень опасен для всех, особенно для Гоголя. Конечно, его книга была плодом этого направления. Видно, что для Александры Осиповны не осталось никаких других интересов в жизни, по крайней мере умственной. Гоголь хотел обратить внимание ее на малороссийские песни, на их содержание, просил Наденьку спеть, но Александра Осиповна почти не слушала, говоря, что народная музыка для нее не имеет никакой цены, что она понимает только музыку Бетховена и пр., что малороссийские песни потому ей больше русских нравятся, что напоминают ей ее детство и т. д. Константин и тут рассердился»[7].

10 марта 1850 г., В. С. Аксакова писала также М. Г. Карташевской: «Смирнова была у нас вечером 1-го марта. Я удивилась перемене, которую нашла в ней, она так похудела и постарела. — Кажется, у них с Гоголем не просто Христианское направление, а несколько религиозно-мистическое. — Гоголь при ней счастлив, у них свой мир, свои особенные интересы»[8].

[1] День рождения жены С. Т. Аксакова – Ольги Семеновны.
[2] См. ***1840. Конец – 1841. Начало. Рим.***
[3] См. ***1842. Мая 21. Четверг. Москва; 1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***
[4] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».
[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 612–613.
[6] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 798–799.
[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 875.
[8] Там же. Т. 2. С. 874.

МАРТ 3. ПЯТНИЦА (УТРО). МОСКВА

Представление «Игроков» и «Тяжбы» в Малом театре[1]; в ролях Утешительного и Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333, 404.
[2] *Гриц.* С. 452.

МАРТА 15 <3>. ПЯТНИЦА. БАДЕН-БАДЕН

В. А. Жуковский пишет А. Я. Булгакову в Москву:

«Я веду жизнь уединенную... <...> Об болезни жены говорить не хочется – тяжело и грустно. И тем более тяжело, что эта болезнь, сама по себе несчастие, приковывает меня уже несколько лет к заграничному, противному мне житью; а вы все *попрекаете* мне, что я забыл Русь и все бредите (чтобы только что-нибудь сказать), что я совсем решился покинуть отечество. На такие бредни и рука не подымается отвечать. Писать о политике?.. Чтоб чорт побрал эту собаку политику с архисобакою Пальмерстоном и со всеми коммунистами, красными, черными и оранжевыми и канительными (как говаривал во время оно наш домашний дурак Варлашка). Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты. Покойный франкфуртский парламент сделал, однако, одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний и вот уже более года... бумага мягкая, немецкие речи длинны, скопилась целая кипа... Остальное время мое посвящено такому делу, которое со временем дойдет до тебя печатное, следственно оно еще менее годится для писем. – Хорош и Вяземский; он пишет из Константинополя в П<етер>б<ург> длинные письма о том, что я не пишу к нему из Бадена; а сам ко мне не пишет... <...> ...Если опять болезнь жены не привинтит меня к какому-нибудь углу в Германии, мы увидимся будущею зимою. Это значит, что я побываю в Пб. и в Москве, пока один без жены»[1].

Вскоре по получении письма Булгаков дал прочесть его Гоголю[2].

[1] *Жуковский В. А.* Соч. Изд. 7. СПб., 1878. Т. 6. С. 585–586; см. также: Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 66–67.
[2] См. ***1850. Марта 24. Пятница. Москва.***

МАРТА 4. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь прочел Ю. Ф. Самарину[1] и А. С. Хомякову первую главу второго тома «Мертвых душ».

6–7 марта 1850 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «Самарин приезжает к нам по вечерам. <...> Как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу "Мертвых душ", слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение. Хомякова еще не видал: он сделал два замечания, по-моему неосновательные и пустые»[2].

Своими впечатлениями от чтения Самарин вскоре поделился в письме к самому Гоголю[3].

7–9 марта 1850 г. Самарин писал также К. С. Аксакову: «Любезный Аксаков, я был у тебя в пятницу, в субботу было чтение у Хомякова, а теперь начался пост; следовательно, время сидения по ночам и позднего вставания кончилось. <...> Вторая часть "Мертвых Душ" превосходна. Я был так вполне увлечен чтением, что мне просто было невозможно думать о достоинстве читанного и об оценке»[4].

Позднее, в письме А. О. Смирновой от 3 октября 1863 г. из Самары, Самарин иначе передавал свои впечатления от чтения Гоголя. Он писал: «Что за странное, загадочное явление этот Иванов[5], как будто другая половина Гоголя. Обоих подняла необыкновенная сила и глубина духовных требований, требований неосуществимых при современном строе общественной жизни, и оба оборвались на той минуте, когда утомленные исканием, они захотели опередить время и взять в руки идеал, которого действительность не давала. Я глубоко убежден, что Гоголь умер оттого, что он сознавал про себя, насколько его второй том ниже первого, сознавал и не хотел самому себе признаться, что он начинал подрумянивать действительность.

Никогда не забуду и того глубокого и тяжелого впечатления, которое он произвел на Хомякова и меня раз вечером, когда он прочел нам первым две главы второго тома. По прочитании он обратился к нам с вопросом: "Скажите по совести только одно — не хуже первой части?" Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духа сказать ему, что мы оба думали и чувствовали... <...> ...Россия до сих пор еще предмет веры, вся она в области чаемого и невидимого. Каково же в ней художнику, которому нужно не чаемое и невидимое, а действительное и осязаемое. Не мудрено ли, что он, наконец, во что бы то ни стало захочет облечь свое чаяние в плоть и кровь и принять какого-нибудь оптинского монаха за идеал христианского настроения или какого-нибудь петербургского чиновника за гражданина обновленной земли»[6].

[1] Ю. Ф. Самарин приехал тогда из Киева и был в Москве с 19 февраля по 10 марта 1850 г. в связи с болезнью отца Ф. В. Самарина.

[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 613–614.

[3] См. ***1850. Марта между 4 и 10. Москва***.

[4] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод*. Т. 3. С. 216.

[5] Художник А. А. Иванов.

[6] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод*. Т. 3. С. 218–219.

МАРТА 5. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.

[2] *Гриц*. С. 452.

МАРТА МЕЖДУ 4 И 10. МОСКВА

Ю. Ф. Самарин в письме к Гоголю передает свои впечатления от авторского чтения первой главы второго тома «Мертвых душ»[1].

С вопросами о чиновничьей службе Гоголь обращался к Самарину еще в 1846 г.[2] В 1850 г. внимание Самарина в прочитанной Гоголем главе, в свою очередь, привлекло описание службы Тентетникова: «...Если бы я собрался слушать вас, с намерением критиковать и подмечать недостатки, кажется, и тогда, после первых же строк, прочтенных вами, я забыл бы о своем намерении. <...> Вместо всяких похвал и поздравлений, скажу вам только, что я не могу вообразить себе, чтобы

прочтенное вами могло быть совершеннее. Но вы непременно требуете замечаний, а мне хочется исполнить ваше желание — и потому посылаю вам несколько придирок, касательно не художественной стороны, а исторической верности. Обращаюсь к вступлению Тентетникова в службу и к впечатлению, которое она произвела на него.

Т<ентетнико>в — человек, получивший ученое образование; на службу определяет его дядя, действ<ительный> стат<ский> советник; поэтому должно полагать, что он принят был в министерство на тех же правах, на которых поступают все молодые люди, прошедшие полный курс наук и не лишенные вовсе протекции. Но от таких людей теперь уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют прямо в столоначальники, или в помощники столоначальников, а помощник столоначальника и столоначальник занимаются тем самым, чем занимаются начальник отделения и директор.

Нелепость настоящего устройства всех наших департаментов и канцелярий заключается совсем не в том, что образованным людям задаются механические занятия, что участие их в делопроизводстве ограниченно, а совершенно в противном. Вспомните ход дел: министр распечатывает пакет, и если бумага не касается каких-либо личных его отношений, почему-либо для него значительных, он передает ее директору; директор — начальнику отделения; начальник отделения — столоначальнику. Здесь она останавливается и начинается над нею работа умственная. Столоначальник сочиняет ответ, кладет решение. Он должен вникнуть в содержание бумаги, задать себе вопросы такого рода: с какой стороны взяться за дело? Какое дать ему направление? Приступить к решению, или оттолкнуть от себя на целый год под предлогом новых справок, соображений и т. п. Вообще участь дела в его руках; приступ к нему зависит от него, а этот первый шаг есть самый важный. Заготовленный столоначальником проект ответа идет на рассмотрение начальника отделения, который не изучает сущности дела, а ограничивается рассмотрением того, что сделал столоначальник, т. е. нет ли в подсунутой ему бумаге чего-либо противного закону, или такого, что бы могло не понравиться директору. Так как он только критикует труд другого, то сравнительно с столоначальником (хотя и подчиненным ему) деятельность его не так значительна. Далее, директор точно также смотрит, не вкралось ли в бумагу одно из тех слов, к которым не благоволит министр, и пущено ли хоть одно из тех, которыми можно его подкупить. Итак, направление дела, если только посторонние обстоятельства и личные соображения не перебьют его хода, — почти всегда зависит от низших чиновников, т. е. столоначальников. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверх до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряет постепенно характер, цвет, силу, иногда смысл; но почти никогда ничего не выигрывает, ничего не прибавляется к сущности ее.

Потому мне кажется, что впечатление, произведенное на Тентетникова его служебною деятельностию, не также совсем верно, именно потому, что самая эта деятельность представлена у вас слишком ничтожною и ограниченною.

Я встречал на службе молодых людей трех разрядов (не считая приобретателей). Большинство, поступая прямо из училища, не имея ясного понятия о практической деятельности, очень скоро втягивается в служебный формализм и усвоивает себе все взгляды и понятия наших столичных учреждений, то есть они приучаются к мысли, что всякое министерство существует само по себе и само для себя, что всякое дело в его стенах начинается и в них оканчивается и что вся задача в том, чтобы провести его благополучно и не задев никого, от первого стола до министра. Эти люди проникнуты сознанием своей важности и отменно довольны службою.

Те, которые стоят выше их, впадают в тоску. Их мучит именно эта отрешенность от жизни, эта отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела по бумагам, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет, преступная легкость, с которою оно обделывается. В этом случае страждет не самолюбие, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросают службу, или — как Тентетников — приучаются смотреть на нее, как на дело второстепенное.

Наконец, некоторые, испытав все это, продолжают, однако, служить, но смотрят на службу уже не как на средство действовать на жизнь, приносить пользу, а как на предмет достойный во всей его мерзости изучения... как на одну из коренных болезней нашего времени.

Вообще первое соприкосновение с службою почти всегда бывает решительною минутою в жизни человека и определяет его надолго, если не навсегда. В характере Тентетникова эта тема, конечно, не главная и вы должны были коснуться ее слегка; поэтому все, что я сказал, может быть, вовсе некстати; но все же мне хотелось указать на предмет знакомый мне и который, может быть, вы когда-нибудь разработаете. Других замечаний я решительно сделать не могу, и мне остается только пожелать от всей души, чтоб вы благополучно совершили дело, важность которого для нас всех более и более обнаруживается».

Письмо Самарина непосредственным образом повлияло на содержание первой главы второго тома «Мертвых душ». В ее позднейшей редакции, читанной осенью 1851 г. князю Д. А. Оболенскому, Гоголь дал своему герою должность столоначальника: «...У него в руках дела, направление которых уже много от него зависит. Он пишет, пишет новые законы, пишет распоряжения о благоустройстве отдаленнейших мест, о которых не имеет ни малейшего понятия. Пишет заочно наказы, разрешающие участь целого народонаселения, о действительных нуждах которого он ничего хорошенько не знает. Решает на бумаге дела людей, живущих за три тысячи верст»[3].

Обращение к автографу, в свою очередь, позволяет увидеть, как Гоголь откликнулся на замечание Самарина. Первоначальный текст одного из тех мест рукописи, которые Гоголь исправил, учитывая его мнение, выглядит следующим образом: «Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какое требуются для... исполнения многообразных обязанностей помещика... вверить это место невеже управителю. И выбрать вместо этого что же? — переписыванье бумаг, что может вместо меня несравненно лучше производить ничему не учившийся кантонист. И еще раз дал себе название дурака Андрей Иванович Тентетников»[4]. Последние две фразы (начиная со слов: «И выбрать вместо этого что же?») Гоголь в автографе зачеркнул и — сначала карандашом, а потом чернилами — вписал между зачеркнутых строк: «а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, предпочесть настоящему управлению это бумажно фантастическое управление провинциями [за ты<сячи>], отстоящих за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наде<лать> только кучи несообразностей и глупостей»[5].

Правка другого места автографа, связанная с замечанием Самарина, не была доведена до конца. От первоначальной редакции первой части этого фрагмента до нас дошел только отрывок, так как лист, на котором он начинался, Гоголем был переписан и заменен другим. Таким образом от первоначального варианта осталось лишь его окончание. Этот отрывок занимал начало следующего листа, и Гоголь просто его зачеркнул: «...нельзя попасть не приобретя прежде порядочного хорошего почерка. [А Тентетников писал тем самым письмом, о котором [выр<ажаются>] говорят: писала сорока лапой, а не человек.] Нечего делать, нужно было облагораживать свой почерк, который у бедного Андрея Ивановича был похож больше на то, как писала сорока лапой, а не человек»[6].

Недошедшее до нас начало цитированного фрагмента после переписки стало выглядеть следующим образом: «Он объявил, что главное дело [в пор<ядочном>] в хорошем подчерке, [а не в чем-либо другом]»[7]. Далее, на нижнем поле страницы, Гоголь вписал карандашом: «что нужно прежде начать с чистописанья. Он был <*6 нрзб.*>. Может быть в ином и справедл<иво>, все так, но этого не любит слушать пылкое <*2 нрзб.*>. Вот он вырвался сразу на поприще. Вот он столон<а>чал<ьник>, решит и строит дела, 20-летний [юноша] [чертит] бойко сочиняет уже проект всеобщего благоде<нствия> одной подо<*нрзб.*>ной <*1 нрзб.*> Пылкий студент хочет принести благо, пользу Государству»[8]. Затем поверх слов: «Он был <*6 нрзб.*>», было вписано чернилами: «что без этого не попадешь ни в министры, ни в государственные [сов<етники>] люди»[9]. Таким образом сложился текст: «Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья, что без этого не попадешь ни в министры, ни в государственные люди. Может быть в ином и справедл<иво>...» и т. д. — Учитывая замечание Самарина, Гоголь, очевидно, попытался в данном случае все-таки сохранить в образе героя те черты, которые роднили его с Акакием Акакиевичем Башмачкиным в «Шинели» — черты мелкого чиновника-переписчика. Однако текст вставки не был приведен в единство с исправлениями, сделанными дальше[10].

Фрагмент, подвергшийся правке на следующей странице, в первоначальном виде выглядел так: «С большим трудом и с помощью дядиных протекций [проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он, наконец, место списывателя бумаг в каком-то департаменте], наконец, он определился в какой-то департамент. [Когда взошел он в светлый зал, где за письменными лакированными столами сидели пишущие господа, шумя перьями и наклоня голову на бок, и когда посадили его самого, предложа ему тут же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке] Когда ввели его в великолепный светлый зал, с паркетами и письменными лакированными столами, походивший на то, как <бы> заседали здесь первые вельможи государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями и склонивших голову набок, и посадили его самого за стол, предложа тут же пере-

писать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания — переписка шла о трех рублях, производившаяся полгода, — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытного юношу [Не только не показалось это ему похожим на существенные подвиги, ему на время показалось], как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний».

На полях, напротив слов: «первые вельможи государства», Гоголь вписал карандашом: «И посадили его самого, и стал он, по примеру других столоначальников, решать [дела людей] на бумаге дела людей [за], живущих за три тысячи верст, чуть не предписывать законы, правил<а>. Чувство самолюбивой гордости в нем сильно зашевелилось. Но честолюбие продолж<ало> <занимать его не долго>. Слава Богу, ослеплен <был> не до того. Случай привел увидеть, в каком виде исполняется на деле то, что красно на словах, и дыбом поднялся у него на голове <волос>. С ужасом увидел, сколько может наделать вреда [всякий] даже и стремящийся пр<иносить> пользу. Как безумны столоначальники думающие, что они могут заглазно управлять и заочно решать. Он охладил вдруг честолюбивое стремленье»[11].

Еще одна не обведенная чернилами карандашная вставка, связанная с замечанием Самарина, была сделана в тексте четвертой главы. Речь здесь идет о Костанжогло. (Факт этот приоткрывает характерную черту замысла и композиции второго тома поэмы: проблемы, поднятые в первой, «тентетниковской» главе, получают развитие в образах других помещиков — Петуха, Кошкарева, Костанжогло...) В соответствии с новой характеристикой Тентетникова Гоголь пишет о Костанжогло: «Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек, ти<хо>, без шуму, не сочиняя проэктов и трактатов [о сча<стье>] о доставлении благополучия всему челове<честву> и как... проходит без плодов жизнь [городская] столичного жителя, шаркате<ля> [по гостиным] по паркетам и любезника гостиных, или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в отда<ленном> углу государства»[12].

[1] См. ***1850. Марта 4. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[3] См. ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва.***

[4] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 8.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 6.

[7] Там же. Л. 5 об.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Об общности героев, Тентетникова и Башмачкина, см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214–239. — См. также ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** (примечания); ***1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 6.

[12] *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 37. Л. 6.

МАРТА 11. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева, по древнему христианскому обычаю[1], в субботу первой седмицы Великого Поста приобщается Св. Христовых Таин; отправляет Гоголю записку:

«Сегодня по милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин в Чудове монастыре за ранней обедней. Тотчас к вам не посылала, было рано, теперь, надеюсь, вы возвратились, сорадуюсь, мой друг, вашему блаженству, да Сподобивший поможет нам и хранить сей дар на спасение души. — И дай Бог беспрерывно чувствовать Его Отцовское о нас попечение. Вручаю вас Его Покрову. Прощайте, благословляю вас».

В тот же день Гоголь отвечал Шереметевой:

«Поздравляю вас от всей души! Весьма рад буду видеть вас завтра[2], если только вам свободно».

[1] См. также ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1846. Марта 7 <февраля 23>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***.

[2] См. ***1850. Марта 12. Воскресенье. Москва***.

МАРТА 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголя в доме графа А. П. Толстого, возможно, навестила Н. Н. Шереметева.

См. ***1850. Марта 11. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***.

МАРТА 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В записной книжке Н. В. Кукольника «13 марта, в понедельник, в графе “к исполнению” записано:

“Гоголь на Никитском буль<варе> в д<оме> Талызина”.

Запись сделана чернилами по карандашу»[1].

Возможно, в этот день Кукольник приезжал к Гоголю, но не застал его дома и оставил визитку с адресом. (Через день Гоголь навестил Кукольника[2].)

[1] *Данилов В. В.* Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 553.

[2] См. ***1850. Марта 15. Среда. Москва***.

МАРТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку.

Датировка письма уточнена. В письме к родным от средины апреля 1850 г.[1] Гоголь благодарит сестру Анну за исполнение просьбы о насаждении садовых деревьев, изложенную в настоящем письме. Содержащееся тут же обещание прислать сестре «семян огородных овощей» Гоголь также выполнил во второй половине апреля 1850 г.[2] О ее работах в саду «вместе с племянником» Гоголь, в свою очередь, упоминает в апрельских письмах 1850 г.[3] (О привлечении племянника Н. П. Трушковского к садовым занятиям Гоголь впервые упомянул в письме к матери от 4 июля 1849 г.[4])

Из письма к матери: «Я получил ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннейшая и добрейшая матушка. Весьма за него благодарю, еще больше за ваши молитвы. Здоровье мое, слава Богу, лучше, но климат, может быть, придется переменить. Впрочем, ничего еще на этот счет верного не могу сказать. Положение бедного А<ндрея> А<ндреевича>[5] меня искренно трогает. Пошли ему Бог дни утешений в остальное время его жизни! Передайте от меня поклон добрейшей Софье Васильевне Скалон. Любите всех вас любящих, и храни вас Бог подозревать кого-либо в нелюбви к себе, это же и не в вашем характере. Вы способны любить даже и [не стоящих любви] нелюбящих, даже и недобрых. Как же можно подозревать в чем-либо добрых? С этим можно впасть в большие недоразумения. Отчего вам кажется, будто А<ндрей> А<ндреевич> должен мне помочь? Во-первых, я не нуждаюсь; во-вторых, у него родственники есть ближе меня; в-третьих, он сам в таком положении, что ему нужна помощь; в-четвертых, наконец, скажу вам откровенно,

мне бы было очень тяжело что-нибудь от него получить. Слава Богу, что он так благоразумен и это понимает сам. Еще я не понимаю, отчего вы так заботитесь о приобретениях для детей ваших в нынешнее время, когда всё так шатко и неверно и когда имеющий имущество в несколько раз больше неспокоен бедняка. Слава Богу! Бог сам пристроивает детей ваших: ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость Божия. Как посмотришь вокруг, сколько несчастных родителей, не знающих, куда деть своих детей! Сердце дрожит [невольно], когда помыслишь, какая страшная участь грозит им посреди их ожидающего разврата. А непристроенные семейства умножаются с каждым годом всё больше и больше, а прихоти всё растут, и каждому хочется жить так же, как живет его сосед. Жить попросту, как должен жить человек, никто не хочет. Удерживать, умерять себя никто не умеет, потому что никто не занят [делом, которым должен заниматься] истинным делом, а в праздности много приходит человеку тех прихотей, о которых бы он и не подумал, если бы был, точно, занят. Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденьи свежих дерев на место усохнувших и не принявших<ся> вместе с племянником. Может быть, пришлю ей семян огородных овощей. А на приглашенье приехать[6] самому скажу, что от моего приезда немного было бы толку, если бы и можно было приехать. Всё делается не без воли Божией. Может, притом надобно сказать и то, что издали как-то любится лучше, а вблизи, как увидишь то да другое, то и это не так, — еще и поссоришься. Издали, например, сестры мне кажутся [все] умными, занятыми, трудящими<ся>, полезными и в собственном домоводстве и в отношеньи к другим, а вблизи кажутся проводящими время в праздности, ездящими по гостям, читающими пустые книжки или занят<ыми> рукодельями для пустых украшений. Очень может быть, что я не прав, но тем не менее какая-то грусть проникает мне душу, и мне становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всеми и вижу, что я меньше всех исполняю долг свой, принимая в соображенье то, что мне больше [всех] других Бог дал способностей и сил к произведенью дел полезных. Сестра Елисавета ничего мне не написала — доказательство, что она меня мало любит, а я хоть с ней и ссорюсь, но люблю ее много».

[1] См. ***1850. Апреля средина. Москва.***
[2] См. ***1850. Апреля около 23. Москва.*** — См. также ***1850. Апреля средина. Москва.***
[3] См. ***1850. Апреля средина. Москва***; ***1850. Апреля около 23. Москва.***
[4] См. ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва.***
[5] Трощинский.
[6] Ср. ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва.***

МАРТА 15. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь посетил Н. В. Кукольника.

В записной книжке Н. В. Кукольника в числе лиц, посетивших его, отмечено: «15 марта, в среду <...> Анненков, Гоголь, в<ечером> Ковалевский».

Данилов В. В. Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 553.

МАРТА СРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь отправляет новое послание матери в Васильевку (датировка письма уточнена; датируется по связи с предшествующим письмом Гоголя к матери — от первой половины марта 1850 г.[1]):

«Посылаю вам, маминька, банку горчицы, что же касается до семян, то Иван Осипович Петрашевск<ий>[2] их обещался доставить вам. Теперь не случилось».

[1] См. ***1850. Марта первая половина. Москва.***
[2] Вероятно, кто-нибудь из полтавских знакомых Гоголей.

МАРТА 16. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В записной книжке Н. В. Кукольника «16 марта, в четверг, в правой нижней части, т. е. в графе "к исполнению", карандашом записано:

"Гоголь, Загоскин, Вельтман[1], Толстой, Новиков, Спасский[2], Максимов, Гр<аф> О<рлов->Д<енисов>"[3].

Этих лиц Кукольник собирался посетить»[4].

[1] См. ***1850. Марта 20. Понедельник. Москва.***
[2] Михаил Федорович Спасский (1809–1859), доктор физики и химии, профессор Московского университета.
[3] Граф Николай Васильевич Орлов-Денисов (1815–1855), полковник.
[4] *Данилов В. В.* Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 553–554.

МАРТА 18. СУББОТА. ГЕЛЬСИНГФОРС

Я. К. Грот пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Теперь жена моя[1] знакомит меня с Жорж Занд, которой я до сих пор почти совсем не знал, но в которой она чрезвычайно ценит высокий талант писательницы, хотя и не жалует ее идей о женщине. Вчера кончили мы чтение Гоголева Тараса Бульбы, повести, которую до сих пор ей не удалось прочесть».

Из писем Я. К. Грота // *Свод.* Т. 3. С. 706.

[1] Наталья Петровна Грот (рожд. Семенова, 1825 или 1828 – 1899), педагог, критик.

МАРТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголю исполнился 41 год. Он отмечает свой день рождения у С. Т. Аксакова. Вместе с О. М. Бодянским и М. А. Максимовичем исполняет за обедом украинские народные песни. Присутствовали также А. С. Хомяков, С. М. Соловьев и С. А. Аксакова.

С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от 21 марта 1850 г. так описывал празднование дня рождения Гоголя: «Я здоров совершенно. <...> 19 марта даже обедал вместе со всеми в маленькой гостиной и пил на здоровье Гоголя, который был целый день так весел и светел, как он был только в присутствии Александры Осиповны[1]. Трое хохлов были очаровательны: пели даже без музыки и Гоголь зачитал меня какими-то думами хохлатского Гомера: Гоголь декламировал, а остальные хохлы делали жесты и гикали, чего были свидетелями и Хомяков и Софья[2], хотя присутствие последней видимо мешало Гоголю и как только она ушла, то начались прежние гримасы и выверты рукою; я, Хомяков и Соловьев любовались проявлениями национальности, но без большого сочувствия: в улыбке Соловьева проглядывало презрение; в смехе Хомякова – добродушная насмешка, а мне просто было смешно и весело смотреть на них, как на чуваш или черемис... и не больше. Бодянский был неистово великолепен, а Максимович таял, как молочная, медовая сосулька или татарский *клево-сахар*»[3].

Спустя семь лет, 19 марта 1857 г., М. А. Максимович писал С. Т. Аксакову: «Сегодня день рождения нашего незабвенного Гоголя, и мне живо вспомянулось, как за 7 лет мы с ним обедали у Вас в этот день взятия Парижа[4]! Боже мой, как хорошо мне прожилось в тот март месяц и как часто я тогда проводил у Вас время с Гоголем и с земляком Ёсипом! <О. М. Бодянским>»[5].

[1] Смирнова.

[2] Софья Александровна Аксакова (рожд. Шишкова, ум. в 1883), жена Г. С. Аксакова.

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 614.

[4] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания).

[5] *Свод*. Т. 1. С. 642.

МАРТА 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В записной книжке Н. В. Кукольника «20 марта, в понедельник, в <...> графе <к "исполнению"> вписаны фамилии:

«[Закрев<ский>] Корфу
Футл<ярный> М<астер>[1]

Спасский
Максим<ов> } Драш<усов>

ГОД (т. е. гр<аф> Орлов-Денисов)
Наум<ов>[2] Фац<арди>
Загоск<ин> Вельтм<ан>
Гоголь
Прохор<ова>"».

Этих лиц Кукольник собирался посетить. «Посещения Кукольником Загоскина и Вельтмана[3] в книжке не отмечены. Кукольник носился в Москве с мыслью об учреждении общества усовершенствования антрацитных печей, подыскивал помещения для склада антрацита, хлопотал о средствах его перевозки, собирал сведения, сколько на фабриках сжигается дров, и, кроме того, вел дела по своей службе в военном ведомстве, к чему относятся намеченные под 16 и 20 марта свидания с полковником лейб-гвардии казачьего полка графом Н. В. Орловым-Денисовым и членом московской провиантской комиссии по армии полковником В. К. Фацарди. Эти дела, очевидно, помешали Кукольнику навестить товарищей по писательскому ремеслу: Загоскина и Вельтмана, но товарища по Нежинской гимназии он все время держал в памяти и наконец посетил[4] его».

Данилов В. В. Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 554.

[1] В тогдашней Москве существовало более трех десятков переплетно-футлярных ремесленных заведений, где переплетали книги, изготовливали папки, бювары, портфели, футляры, альбомы, рамы и др.

[2] Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.: «Свербеев. Дача Наумова. – Попов, Бахметьев. – Священ<ник> учебн<ого> Карабинерс<кого> полка протоиерей Стефан <Иоаннович> Гумилевск<ий> <1807–1891>. Спроси<ть> в Красных казарм<ах>». – Александр Николаевич Попов (1821–1877), историк, близкий к славянофилам. Алексей Николаевич Бахметьев (1801–1861), крупный чиновник Московской дворцовой конторы, был близок к славянофилам. – См. также заметку в записной книжке 1846–1850 гг.: «Бахметьев в Колымажном Дворе в собст<венном> доме».

[3] См. ***1850. Марта 16. Четверг. Москва.***

[4] См. ***1850. Марта 26. Воскресенье. Москва.***

МАРТА 24. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к А. Я. Булгакову и посылку с книгами к протоиерею М. А. Константиновскому во Ржев, с сопроводительным письмом.

В записке к Булгакову Гоголь писал: «Несказанно обязан за письмо Жуковского[1], которое при сем возвращаю с чувствительнейшею благодарностью. Что общий друг наш разгневался на немцев, в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний[2] подействовали, как он выражается, благодетельно на низшие регионы его телесного состава... <...> От этого у него голова становится обыкновенно светлей, и мы можем ожидать из нее выхода еще многого добра».

Из письма Гоголя к о. Матфею: «Медлил отсылкою к вам книг по той причине, что нигде не нашел еврейской грамматики на русском или латинском языке. Решился наконец взять на немецком, хоть, может быть, этот язык вам и не так знаком. Впрочем, мне показалось, что в лексиконе есть почти все грамматические принадлежности и объяснения. Если же нет, то вы меня уведомьте; я могу послать в Петербург, куда я уже и послал за грамматикой еврейской, некогда изданной Павским, которой здесь в Москве нигде не отыскалось. Искренно и от всей души желаю я вам успехов в священном языке, утешаю себя мыслию, что, отыскивая какое-нибудь слово в лексиконе, вы помолитесь и обо мне, грешном, чтобы Бог спас мою душу, несмотря на всю мою леность в делах спасения. Несказанно благодарю вас за уведомления о себе и о домашних. Не переставайте хотя изредка давать о себе весть. Граф и графиня[3] посылают вам поклон».

[1] См. ***1850. Марта 15 <3>. Пятница. Баден-Баден.***

[2] Имеются в виду протоколы заседаний Франкфуртского парламента, созванного во время революции 1848 г. в Германии для выработки общегерманской конституции и заседавшего в Франкфурте-на-Майне. В 1849 г. парламент был распущен.

[3] Толстые.

МАРТА 25. СУББОТА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Е. А. Елагина[1] пишет Н. А. Языковой[2]:

«На днях приехала я сюда, любезная моя Наталья Алексеевна, и Хомяковы встретили меня новостью, что Гоголь берет подорожную в Симбирск и надеется на будущей неделе быть у Вас в пятницу[3]. Никто из Ваших не хотел к Вам об этом писать, желая вас удивить, но я, признаться, не утерпела.

До нас доходят слухи, что у Вас в Симбирске удивительно как весело, что заставляет Константина Аксакова ужасно вздыхать о временах Грозного, когда все девушки и дамы сидели в теремах за пряжею.

Гоголь, кажется, не его мнения и потому едет к Вам с большим удовольствием и везет вторую часть "Мертвых душ", я еще не успела их прочесть, то есть слушать, ибо недавно переехала из деревни и нахожусь в ужасных хлопотах... <...>

В Москве, сколько я могла узнать, все по-старому. Закревский воюет, в славянофильском кругу много говорят о новой комедии Александра Островского[4]. Новый автор проявился, дай Бог ему счастья и успеху. Как отрадно слышать о молодом человеке, занимающемся изучением русских элементов. Пожалуйста, не говорите Н. В. Гоголю, что я к Вам писала об нем; он хотел сделать Вам сюрприз, но предупредите Ваших знакомых, чтобы они запаслись всею возможною признательностью; пусть они разгадают и изучают нашего общего друга.

Расскажите ему побольше анекдотов, я думаю у Вас их очень много должно быть в запасе. <...>

Приехали Хомяковы. Оставляю Вас, моя любезнейшая Наталья Алексеевна. Надеюсь, что Гоголь останется доволен Вашим приемом»[5].

[1] Елизавета Алексеевна Елагина (1825–1848), дочь А. А. и А. П. Елагиных.
[2] Наталья Алексеевна Языкова (рожд. Наумова), жена А. М. Языкова.
[3] 31 марта 1850 г.
[4] «Банкрут» («Свои люди — сочтемся!»).
[5] *Свод*. Т. 2. С. 136.

МАРТА 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголя посетил Н. В. Кукольник.

В записной книжке Н. В. Кукольника в числе лиц, у которых он был в течение этого дня, отмечено: «у Серпух<овской> Заставы, у Прохоровой, у Гоголя, у Генерал-Губернатора, в Пассаже, об<едал> дома, ввечеру у Афросимова».

Данилов В. В. Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 554.

МАРТА 28. ВТОРНИК. МОСКВА

«Кукольник выехал из Москвы на юг».

Данилов В. В. Несколько новых дат к хронологической канве Н. В. Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 554.

МАРТА 29. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное письмо к Н. Я. Прокоповичу[1] в Петербург:

«На твое письмо не отвечал в ожиданьи лучшего расположения духа. С нового года напали на меня всякого рода недуги. Всё болею и болею; климат допекает; куды убежать от него, еще не знаю; пока не решился ни на что. <...> Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава Богу, перешли сорок лет и во всё это время ничего не знали, кроме хорошего, тогда как иных вся жизнь — одно страдание. Да будет же прежде всего на устах наших благодарность. Болезни приостановили мои занятия "Мертв<ыми> душам<и>", которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не подымаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты[2], а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие. <...> Адресуй по-прежнему: в дом Талызина на Никитском булеваре. Супругу и деток обними»[3].

[1] На лицевом листе письма имеется позднейшая помета Прокоповича: «Последнее» (*Шубинский*. С. 48).
[2] Так в источнике.
[3] Ответ Прокоповича см.: ***1850. Апреля 26. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

МАРТА 30. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Эрн. Ф. Тютчева сообщает князю П. А. Вяземскому:

«Госпожа Смирнова недавно приехала сюда по делу своего мужа — вы знаете, какому[1]. Она также собирается продать дом. Те, кто ее видел (г-жу Смирнову), находят, что она прекрасно выглядит. О болезни уже нет и речи».

Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 623.

[1] См. ***1849. Января 26. Среда. Калуга*** (примечания).

МАРТА 31. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 7 «Москвитянина», где напечатана подборка стихотворений Ф. И. Тютчева (без подписи): *Наполеон* (*I. Сын революции, ты с матерью ужасной... II. Два демона ему служили... III. И ты стоял — перед тобой Россия...*); *Поэзия* (*Среди громов, среди огней...*); *Плавание* (*На равнине вод лазурной...*).

Москвитянин. 1850. № 7. (Апрель. Кн. 1). С. 162–164; с примеч. М. П. Погодина: «Мы получили все эти стихотворения (вместе с десятью, которые будут помещены в следующем нумере), от поэта, слишком известного всем любителям Русской Словесности. Пусть читатели порадуются вместе с нами этим звукам, и отгадывают имя — *Ред<актор>*» (С. 162). — См. также ***1850. Апреля 14. Пятница. Москва***.

МАРТ. МОСКВА

Гоголь посылает В. А. Жуковскому в Баден книгу архимандрита Антония (Радонежского)[1] «Иисус Христос на Голгофе...»[2], с сопроводительным письмом:

«В дополненье к письму моему[3] о местностях Палестины, ознаменованных стопами Спасителя, посылаю тебе при сем прилагаемую замечатель<ную> книжку: “Иисус Христос на Голгофе”. Автор ее скрыл свое имя, не скрывши только того, что он много перечел по этому предмету и еще более, может быть, перечувствовал. От души буду рад, если книжка придется по душе. Всё в Москве тебе кланяется».

[1] Антоний (Радонежский, 1808–1872), архимандрит (с мая 1848 г.), впоследствии епископ Оренбургский (с 1858 г.).

[2] Книга была издана без указания имени автора: Иисус Христос на Голгофе, или Семь слов Его на кресте. Казань: В Университетской типографии, 1849 (цензурное разрешение 5 мая 1847 г.). Книга завершается словами: «...Да от восток солнца до запад все племена и языки обратятся к Тебе и во свете лица Твоего узрят свет. *Ей гряди, Господи Иисусе...*» <Откр. 22, 20> (с. 126). Эти заключительные слова из книги «Христос на Голгофе...» были впоследствии помещены на гранитной голгофе, установленной на могиле Гоголя (см. ***1852. Февраля 27. Среда. Москва*** — примечания; ***1852. Марта 31. Понедельник Светлой седмицы. Сороковой день по кончине Гоголя. Москва***). Можно предположить, надпись на памятник была предложена М. П. Погодиным, который в 1849 г. дал высокую оценку книге о. Антония (см.: *<Погодин М. П.>* Иисус Христос на Голгофе или семь слов Его на Кресте. Казань. 1849. В 8-ку 126 стр. // Москвитянин. 1849. № 7. Апрель. IV. Критика и библиография. С. 42–45).

[3] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва***.

АПРЕЛЯ 3. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГЕЛЬСИНГФОРС

Я. К. Грот сообщает П. А. Плетневу в Петербург:

«Мы много занимаемся чтением вслух; кончив Valentine Ж. Занд, мы теперь читаем Гоголя».

Из писем Я. К. Грота // *Свод.* Т. 3. С. 706.

АПРЕЛЯ 13. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гоголь у меня о молодежи, не советует уезжать».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 499.

АПРЕЛЯ 14. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 8 «Москвитянина» за 1850 г., где напечатана подборка стихотворений Ф. И. Тютчева (без подписи): *I. Итак, опять увиделся я с вами... II. Еще томлюсь тоской желаний... III. Вновь твои я вижу очи... IV. Когда в кругу убийственных забот... V. Тихой ночью, поздним летом... VI. Слезы людские, о слезы людские... VII. Святая ночь на небосклон взошла... VIII. Как дымный столп светлеет в вышине!..*[1]

Здесь же напечатана статья «Картины и эскизы, выставленные в Художественном классе П. А. Федотова», в которой были описаны следующие одиннадцать произведений художника: «Сватовство Майора (картина)», «Свежий кавалер (картина)»; «Разборчивая невеста (картина)»; «Художник, женившийся без приданого, в надежде на свой талант (эскиз)»; «Кончина Фидельки (эскиз)»; «Следствие кончины Фидельки (эскиз)»; «Первое утро обманутого молодого (эскиз)»; «Опасное положение бедной, но красивой девушки (эскиз)»; «Офицерская передняя (эскиз)»; «Крестины (эскиз)»; «Магазин (эскиз)»[2].

[1] <*Тютчев Ф. И.*> *** Осемь стихотворений (обещанных в 7 книге *Москвитянина*) // Москвитянин. 1850. № 8. (Апрель. Кн. 2). С. 288–290. – См. также ***1850. Марта 31. Пятница. Москва***; ***1851. Июнь. Москва***.

[2] Москвитянин. 1850. № 8. (Апрель. Кн. 2). <Отд. 2>. С. 173–177.

АПРЕЛЯ СЕРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь отправляет в Васильевку ответное письмо к матери и двум сестрам, Анне и Ольге, и — вероятно, тогда же — отдельное письмо к сестре Елисавете.

Датировка писем уточнена. В первом письме говорится о тяжелом материальном положении Васильевки, о котором Гоголь только что узнал из полученных от родных писем. По-видимому, это известие вскоре, во второй половине апреля 1850 г.[1], побудило Гоголя обратиться к П. А. Плетневу с просьбой прислать оставшиеся у того деньги: «Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство, <...> что я принужден собрать всё, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставш<ийся> мой билет на 1168 руб<лей> серебром...»

Кроме того, в первом письме в Васильевку Гоголь упоминает о работах в саду старшей сестры Анны и племянника Коли; во втором — просит другую сестру принять участие в работах на огороде, — тогда как в письме, написанном спустя несколько дней, около 23 апреля 1850 г., сообщает о посылке огородных семян — опять-таки — для старшей сестры и племянника[2].

Из письма к матери и сестрам Анне и Ольге: «Христос Воскресе[3]! Наконец получил от вас письма. Вы, слава Богу, здоровы, но всё вокруг вас нездорово. Обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грехам терпим наказанье Божье. Своей неразумной, неосмотрительной жизнью мы навлекаем печальные следствия. Как ни рассмотрю и себя самого и других, вижу, что все, а в том числе и я сам, живем далеко не так, как следует. Все мы живем, надеясь на благополучие в следующем году, всякий гонит от себя и мысль о том, что его может посетить злополучие еще тягчайшее, нежели в прошедшем году. От этого никто не думает о запасах. Ни в ком нет благоразумия Иосифова[4], все заботятся только о том, как бы получше провести сегодняшний день, подальше от работ тяжких, но полезных и дающих нам пропитание, поближе к работам легким, [развлекающим] бесплодным, дающим забвение всего нас окружающего. И так проходит вся жизнь наша. Счастливы мы еще тем, что Бог поражает нас бичами несчастий и заставляет нас хотя по временам опомниться и оглянуться на себя. Без того мы бы не опомнились до последних дней Страшного суда. Всего ужаснее, когда из-за нас и виною нашею страждут невинные и от грехов и заблуждений наших терпят праведные. О, нужно нам теперь крепко молиться! Молиться о том, чтобы вразумил нас Бог, как нужно вести жизнь, чтоб от неустройства и небреженья нашего не терпели другие. Прежде всего я прошу вас помолиться обо мне ото всех сил, сколько станет общего, соединенного усердия вашего и любви ко мне, чтобы не отступался от меня Бог и дал бы мне ум и силы исполнять свои обязанности, которые я позабываю ежеминутно. Посылаю пятьдесят рублей серебром в пользу страждущих. 25 рублей сереб<ром> поступят сестре Ольге на известное употребленье, другие же двадцать пять сестре Анне на раздачу необходимого хлеба голодным. Всего лучше, если бы эта раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать, разве тогда уже, когда не станет сил работать. Благодарю от души сестру Анну за то, что она старается доказать на деле ко мне любовь исполненьем просьб насчет работ в саду[5]. Я уверен, что эти занятия доставят потом усладу и ей самой; благодарю также и племянника Колю[6] за то, что помогает ей[7]. В самих же работах нужно руководствоваться возможностями и никак не отрывать для саду от других, важнейших работ. Особенно не занимать подвод, которые, по случаю скотского падежа[8], стали теперь дороги и редки. Нужно помнить, что есть занятия, еще важнейшие в хозяйстве, которые (увы!) мы бросили, как скучные и ничего не говорящие душе. Много, много мы бросили душеспасительных трудов и, заботясь только [о развлеченье] о себе, в то время, когда вся жизнь наша должна быть забота о других, потеряли свое. Оттого и труднее нам в нынешнее <время> спасти душу свою, чем когда-либо прежде. Помолитесь, добрейшая моя матушка, о бедной душе моей. И вы также, милые сестры. Никогда еще не были мне так нужны молитвы».

Из письма к сестре Елисавете: «Хоть ты и пишешь, милая сестра Елисавета, что у тебя, куча занятий, но все-таки будет недурно, если ты сверх этой кучи возьмешь на себя хоть одну грядочку и сама своими руками разведешь для меня хоть репы на соус. Ты жалуешься, что тебя никто не любит, но какое нам дело, любит ли нас кто или не любит? Наше дело: любим ли мы[9]? Умеем ли мы любить? А платит ли нам кто за любовь любовью; это не наше дело, за это взыщет Бог, наше дело любить. Только мне кажется, [если бы ты точно кого <любила>] любовь всегда взаимна. Если только мы постараемся делать что-нибудь угодное и приятное тому, кого любим, ничего от него не требуя, ничего не прося в награду, то наконец полюбит и он нас. <...> Надо стараться всех любить, а не то в сердце явится такая сухость, такая черствость, такое озлобленье, что потом хоть бы и хотел кого полюбить, но уже не допустит к тому сухость черствая, поселившаяся в сердце и не дающая места в нем для любви. И натура наша сделается только раздражительная, но не любящая. Брату твоей доброй подруги — будущему архитектору — книгу с рисунками церквей пришлю. Я не забыл. <...> Насчет помещенья Эмилии[10], кажется, нет никакой надежды. На что, признаюсь, не очень горюю. Общественные [наши] женские заведенья вообще дурны, а теперь стали еще хуже. Тому, что всего нужней, везде учат плохо. Вижу и удостоверяюсь всё более, что женщина воспитывается только в семье».

[1] Ср. ***1850. Апреля между 23 и 27. Москва.***
[2] См. ***1850. Апреля около 23. Москва.***
[3] См. ***1850. Апреля 23. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи.***

[4] Подразумевается библейское повествование о св. Иосифе, предусмотрительно собиравшем в течение семи плодоносных лет хлебные запасы для семи лет неурожайных (Быт. 41)

[5] См. также ***1850. Марта первая половина. Москва***.

[6] Н. П. Трушковский.

[7] См. также ***1850. Апреля около 23. Москва***.

[8] По-видимому, имеется в виду падеж скота в Васильевке в 1849 г. (см. ***1849. Январь. Москва***; ***1849. Мая 12. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[9] Ср. в гоголевской выписке «О любви» из писем затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия (Машурина): «Не ищу, любите ли вы меня, — но смотрю себя: люблю ли я вас?» В статье *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «Заискивать любви к себе есть незаконное дело и не должно занимать человека. Смотрите на то — любите ли вы других, а не на то — любят ли вас другие. Кто требует платежа за любовь свою, тот подл и далеко не христианин».

[10] См. также ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва.***

АПРЕЛЯ 17. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение третьего выпуска альманаха М. А. Максимовича «Киевлянин»[1], где, в частности, опубликовано стихотворение И. С. Аксакова «Свой строгий суд остановив...» (1847), сочиненное под впечатлением от книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»[2].

[1] «...Максимович успел только издать *две* книги в Киеве, <в> 1840–41 г. <см. ***1840. Февраля 12. Понедельник. Киев***; ***1841. Марта 20 <апреля 1>. Четверг. Киев***>; а, зимовавши в Москве, в 1850 г., издал *третью* книгу» (<*Максимович М. А.*> Максимович, Михаил Александрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 19–20).

[2] См. также ***1850. Апреля 26. Москва.***

АПРЕЛЯ 22. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. СИМБИРСК

А. М. Языков пишет В. Д. Комовскому:

«О комедии Островского поговорим после[1]. <...> Создания идеальные, изящные сами по себе; произведения копирующие также сами по себе. Где должно останавливаться списывающему портреты — дело сноровки живописца. “На зеркало неча пенять, коли рожа крива”. — Нравственное и эстетическое отвращение, в Вас возбужденное Гоголем и Островским,— драгоценны; они-то и нужны и важны! Правящие не должны ли подумать о целых тысячах, которые подобны лицам, выведенным на свежую воду Гоголем и Островским? Верные картины состояния нашей образованности и наших нравов могут быть полезны тем, которые соображают то, что есть, с тем, что быть должно, при нынешнем переломном состоянии Вашего министерства»[2].

Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 185.

[1] Имеется в виду комедия А. Н. Островского «Банкрут» («Свои люди — сочтемся!»).

[2] В. Д. Комовский был чиновником Министерства народного просвещения.

АПРЕЛЯ 23. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ ОКОЛО 23. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев:

«Христос Воскресе! Благодарю вас, бесценнейший, добрейший Матвей Александрович, за ваше поздравленье с Светлым праздником. Не сомневаюсь, что если приобрела что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и других угождающих Богу подвижников. О, если бы Он не оставил меня ни на минуту и сказал бы мне путь мой! Как бы хотелось сердцу поведать славу Божию! Но никогда еще не чувствовал так бессилья своего и немощи. Так много есть, о чем сказать, а примешься за перо — не подымается. Жду, как манны, орошающего орошенья свыше, все бы мои силы от него двигнулись. Видит Бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославленью Его святого имени. Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнию, как игрушкой, что жизнь — не игрушка. И всё, кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается. Нужной свежести для работы нет. И (не скрою перед вами) это бывает предметом тайных страданий, чем-то вроде креста. Впрочем, может быть, всё это происходит от изнуренья телесного, силы физические мои ослабели. Я всю зиму был болен; не уживается с нашим холодным климатом мой холоднокровный, несогревающийся темперамент; ему нужен юг. Думаю опять с Богом пуститься в дорогу, в странствие, на Восток, под благодатнейший климат, навеваемый окрестностями Святых Мест. Дорога всегда действовала на меня освежительно: и на тело и на дух. О, если бы и теперь всемилосердый Бог явил надо мною Свое безграничное милосердие, столько раз уже явленное надо мною, когда я уже думал, что не воскреснут мой силы, и не было, казалось, возможности физической им воскреснуть! Но силы воскресали, и свежесть появлялась вновь в мою душу. Помолитесь обо мне крепко, крепко, бесценнейший Матвей Александрович, и напишите два словца ваших. Ваш вечно вам признательный Н. Гоголь».

Около того же времени Гоголь отправил новое[1] поздравительное письмо к матери и сестрам в Васильевку:

«Христос Воскрес! Поздравляю вас, почтеннейшая и многолюбимая матушка, с радостнейшим для всех нас праздником! Письма, и ваше и сестер, получил. Посылок, пожалуста, никаких не присылайте. Варенья и в Москве довольно. Вместо того, посылаю вам семян для огорода и конфектов. Тут же и книжка с полным наставленьем, как обходиться с посевом всякой зелени и кореньев. Анне Васильевне и Николаю Павловичу[2] поручаю особенно заняться этою частью»[3].

Возможно, тогда же Гоголь написал ответную поздравительную записку к Н. Н. Шереметевой; в записке Гоголь благодарил ее «за память», «за молитвы и за поздравление» (записка может быть отнесена также к предшествующему году[4]).

[1] См. ***1850. Апреля средина. Москва.***
[2] Н. П. Трушковский.
[3] См. также ***1850. Апреля средина. Москва.***
[4] См. ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

АПРЕЛЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

С. Т. Аксаков извещает М. А. Максимовича:

«Пишу лежа в постели. Сыновья[1] обедают сегодня у дяди, а Гоголь будет у нас в среду»[2].

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 614.

[1] Константин и Григорий.
[2] См. ***1850. Апреля 26. Среда Светлой седмицы. Москва.***

АПРЕЛЯ 26. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Гоголь отправляет записку М. А. Максимовичу, затем встречается с ним у Аксаковых[1].

Спустя двадцать лет М. А. Максимович писал: «Вот кстати, вспомянулись мне и *последние* Гоголевы ко мне строки, писанные в Москве, в апреле 1850 года, на Светлой неделе <24–29 числа>: “Христос воскрес! Всеконечно у Аксаковых сегодня. Завтра же мы приглашены с тобой к Погодину. Твой весь Н. Г.”»[2]

Вероятно, в этот же день, 26 апреля 1850 г., Максимович подарил Гоголю третий том «Киевлянина» (цензурное разрешение 17 апреля 1850 г.). Сохранился экземпляр издания: Киевлянин на 1850 год / Киевлянин, издаваемый Михаилом Максимовичем. Книга третья. М.: В Университетской типографии, 1850; с дарственной надписью автора: «Николаю Васильевичу Гоголю в привет с Светлым Праздником от Максимовича. 1850 г. Москва»[3]. В подаренном томе было, в частности, опубликовано стихотворение И. С. Аксакова «Свой строгий суд остановив...» (с датой: «1847 г.»), написанное под впечатлением от «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя[4]:

«Свой строгий суд остановив,
Сдержав готовые укоры,
Гордыню духа усмирив,
Вперять внимательные взоры
В чужую душу полюби:
И в каждой, презренной и пошлой,
В ее неведомой глуби,
И в каждой молодости прошлой,
Отыщешь много струн живых,
Мгновений чистых и прекрасных,
Порывов доблестных и страстных,
И поэтически святых!

Благие в жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелеять семена,
И светлым роем грёзы вьются;
И рвется сердцем к красоте,
И славу он и доблесть любит, —
Пока в житейской суете
Себя напрасно не погубит;
И постепенно, день за день,
Окаменеет он лениво...
Бери ж надежное огниво,
Ударь в бесчувственный кремень!..

Да не смутит же сор и хлам,
На сердце жизнью наносимый,

Твоих путей! пусть смело там
Они провидят мир незримый.
Любовью светлою дыша,
Вглядись в него: и пред очами
Предстанет каждая душа,
С своими вечными правами.
Поверь: нетленной красоты
Душа не губит без возврата;
И в каждом ты послышишь брата,
И божество признаешь ты!..»[5]

[1] См. ***1850. Апреля 24. Понедельник Светлой седмицы. Москва.***

[2] Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде, *Михаила Максимовича.* СПб., 1871 (цензурное разрешение 2 окт. 1870 г.). С. 71; *Свод.* Т. 3. С. 65.

[3] Воспроизведено в виде фотокопии в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 727.

[4] См. ***1847. Января 14 <26>. Вторник. Москва; 1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Калуга; 1847. Апреля 30 <мая 12>. Среда. Москва; 1847. Июль <июля средина — августа средина>. Москва.***

[5] *Аксаков И.* К N. N. // Киевлянин, издаваемый Михаилом Максимовичем. М., 1850. Кн. 3. С. 211–212.

АПРЕЛЯ 26.
СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Москву:

«Благодарю тебя, любезнейший Николай Васильевич, за твою память обо мне и за письмо. <...> Ты жалуешься <...> на болезнь от климата; да кто же тебе, свободному, как птица небесная, не велит ехать на юг, в Малороссию? <...> Неужели тебе еще и до сих пор необходимо постоянное пребывание хоть в какой-нибудь да столице? А работать ты можешь и там, да еще как! Там бы тебя не сердило и направление современных читателей».

[1] См. ***1850. Марта 29. Среда. Москва.***

АПРЕЛЯ 27.
ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ.
МОСКВА

Гоголь с М. А. Максимовичем у М. П. Погодина[1].

В тот же день Д. К. Малиновский закончил свою статью «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя».

Обширная статья Малиновского о творчестве Гоголя, датированная 27 апреля 1850 г. и вскоре[2] переданная лично Гоголю, впервые опубликована в 2004 г.[3]

Мысль, положенную в основу статьи, можно найти в письме Малиновского к Гоголю от 25 апреля 1849 г.: «...Думаю я о том величии, в котором является о роде людском Промысл Божий... Как волна размывается об утес и катится, смиренная, к его подножию, так в чистую минуту смиряется и образумливается гордый, лукавый, неблагородный человек, передавшийся на сторону вражию, встретив светлое, страшное лице Правды... Что мы? Черви; кроме того, существа крайне неблагородные и не чистые пред безукоризненным лицем Творца нашего. Как увидишь это, клянешь день и час своего хвастовства, в который так глупо сам поднял на себя руку и явился таким... отвратительным самому себе. Эта правда — насмешливая правда над нами, которая в силе ниспровергнуть самые удивительные для глупых взоров чертоги гордости... Но я уж слишком увлекся вашею книгою».

[1] См. ***1850. Апреля 26. Среда Светлой седмицы. Москва.***

[2] См. ***1850. Апреля конец — мая начало. Москва.***

[3] *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя / Подготовка текста и примеч. И. А. Виноградова // Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004. С. 430–478.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 23[1] И 27[2]. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к П. А. Плетневу в Петербург:

«Христос Воскрес! Поздравляю тебя с наступившим радостным днем! От тебя давно нет вести. Последнее письмо было мое. Если ты опять за что-нибудь сердит на меня, то, ради Христа Воскресшего, истреби в сердце своем всякое неудовольствие на человека, всё время болевшего, страдавшего много и душевно и телес<но> и теперь едва только кое-как поднявшегося на ноги. <...> Собирался было ехать к тебе в Петербург кое о чем поговорить, кое-что прочесть из того, что написалось среди болезней и всяких тревог. Но теперь не знаю, как это будет. Дела матери моей и сестер от неурожаев и голодов пришли в такое расстройство[3], и они сами очутились в такой крайности, что я принужден собрать всё, какое у меня еще осталось имущество, и спешить сам к ним на помощь. Потрудись взять из ломбарда последний оставш<ийся> мой билет на 1168 руб<лей> серебром[4] со всеми накопившимися в это время (трех, кажется, лет) процентами и перешли их к Шевыреву. Как только всё сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся. Христос посреди нас устроит души наши к радостной встрече»[5].

Взять из ломбарда «последний куш денег» Гоголь собирался просить у Плетнева еще в январе 1850 г., но в то время раздумал[6].

[1] См. ***1850. Апреля 23. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи.***
[2] См. ***1850. Апреля 30. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1850. Апреля средина. Москва.***
[4] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[5] Ответ Плетнева см.: ***1850. Мая 2. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1850. Января 21. Суббота. Москва.***

АПРЕЛЯ 28. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Иеромонах Серафим (Святогорец; в схиме Сергий)[1] сообщает иеромонаху Антонию (Бочкову)[2]:

«Сегодня вечер у меня был чисто литературный... <...> ...Нагрянул Бартенев с литератором Сушковым, с генеральскою звездою на груди? и тут же мой лучший друг, прекрасный по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь, один из лучших литераторов. Суждения были о моем пере: все единогласно отдают честь моим талантам, и сделали несколько замечаний на вольность моей литературы. <...>

Я в особенно близких отношениях здесь с графом Толстым, у которого принят как домашний, и который был губернатором в Твери... <...> Граф Толстой прекрасного сердца и очень прост. По знакомству он выслал экземпляр моих писем одному из городских священников Тверской губернии[3], и тот читал мои сочинения в церкви вместо поучений на первой неделе Вел<икого> поста[4], о чем извещал графа. Много чести моему перу, сказал я графу, когда он извещал меня об этом»[5].

Упоминая о своих «письмах», о. Серафим имел в виду первое издание книги «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской». В 1850 г. вышло второе издание этих «Писем...» (СПб., 1850. Ч. 1–2; цензурное разрешение первой части — 2 июня; второй части — 8 апреля). Книга была издана с примечанием: «Письма Святогорца изданы слепцом-Ширяевым[6] для уплаты долгов Русского Пантелеймонова Монастыря, существующего на св. Горе Афонской. *Святогорец*».

С Г. И. Ширяевым Гоголь также виделся в Москве весной 1850 г.[7] Общение Гоголя с иеромонахом Серафимом и Ширяевым, а также чтение им «Писем Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской»[8], оказали непосредственное влияние на намерение Гоголя посетить в 1850 г. Афон, которое он не оставлял до конца жизни[9].

«...Живя в Москве, Святогорец был обласкан многими знатными и замечательными лицами, духовными и светскими, хорошо познакомился с Гоголем, намеревавшимся с о. Серафимом путешествовать на Восток, и собрал здесь пособие в пользу своего монастыря на Афоне — Русика. Отсюда, вместе с Ширяевым, он отправился в Петербург»[10].

Позднее, 1 июля 1850 г., будучи в Петербурге, иеромонах Серафим писал неизвестному (в первой публикации письма 1865 г. адресат обозначен инициалами И. П. Р.): «Я редко выезжаю, потому что меня удерживает дома корректура 2-й части Писем. Впрочем, жалею, что взял на себя эту работу. Справедливо мне говорил Гоголь Н. В., чтобы не брать на себя корректуры. Увлекаясь мыслию, я не вижу опечаток»[11].

[1] Серафим (в мире Веснин Семен Авдиевич, псевдоним Святогорец, в схиме Сергий, 1814–1853), иеросхимонах Афонского Пантелеимоновского монастыря, духовный писатель.

[2] Антоний (в мире Алексей Поликарпович Бочков, 1803–1872), иеромонах (с 1844), игумен Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря (1862–1868), духовный писатель.

[3] Имеется в виду протоиерей Матфей Константиновский.

[4] 6–12 марта 1850 г.

[5] Гоголь в письмах Святогорца, иеросхимонаха Сергия (Веснина) // *Свод*. Т. 3. С. 730.

[6] Григорий Иванович Ширяев (1817–1875), из крестьян Пермской губернии; девяти лет лишился зрения от оспы. С двенадцати лет странствовал по святым местам; обошел почти всю Россию и православный Восток (см.: *Князев А.* Странствования русского слепца-паломника (Памяти слепца Гр. И. Ширяева) // Странник. 1889. № 3–5).

[7] См. ***1850. Июня 28. Среда. Калуга.***

[8] 20 августа 1850 г. Гоголь, в частности, писал графу А. П. Толстому из Васильевки: «2-го тома Святогорцев я <...> не имею и надеюсь отыскать в Одессе».

[9] См. ***1850. Июня 28. Среда. Калуга***; ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[10] Святогорец. Биографический очерк // Соч. и письма Святогорца, собранные после его смерти. СПб., 1858. С. XLVII.

[11] Гоголь в письмах Святогорца, иеросхимонаха Сергия (Веснина) // *Свод*. Т. 3. С. 730.

АПРЕЛЯ 30. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил от Гоголя письмо из Москвы[1]. На письме пометил: «П<олучено> 30 апр<еля> 1850»[2].

Позднее на том же письме Гоголя Плетнев отметил: «О<тветил> 2 мая 1850[3]. При сем послано 1309 р<ублей> сер<ебром>»[4].

[1] См. ***1850. Апреля между 23 и 27. Москва.***

[2] *Городецкий*. С. 457.

[3] См. ***1850. Мая 2. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

[4] *Городецкий*. С. 457.

АПРЕЛЯ 25 — АПРЕЛЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«Христос Воскресе! Что вы, бесценный, добрый Александр Андреевич, позабыли меня вовсе? Вот уже скоро год[1], как я не имею о вас ни слуху, ни духу. На последнее мое письмо[2] вы не отвечали. Может быть, оно не дошло к вам. Напишите мне слова два о намереньях ваших, не встретимся ли мы с вами где-нибудь хоть на Востоке, если вы не располагаете приехать скоро в Россию. Пронеслись слухи о вашей картине[3], что она будто бы совершен<но> окончена. В таком случае вы ее, верно, отправите в Петербург, а, может быть, и сами лично поспешите вслед за нею. Мне будет очень жаль, если как-нибудь с вами разъедусь. Адресуйте ко мне в Москву или на имя Шевырева в университет, или на квартиру мою в доме Талызина на Никитском булеваре. <...> Моллеру, пожалуста, передайте мой душевный поклон и скажите ему, что я прошу и молю его написать хоть строчку. Уведомьте также о том, спокойно ли теперь в Риме[4] и не мешают ли вам заниматься».

[1] Ср. ***1849. Мая 15 <3>. Вторник. Рим.***

[2] Письмо до нас не дошло (см. ***1849. Июнь – июля начало. Москва***).

[3] «Явление Мессии».

[4] См. ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь*** (примечания); ***1849. Июля 4. Понедельник. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЬ. МОСКВА

Гоголь пишет письмо к К. М. Базили (вероятно, в Бейрут;[1] письмо не сохранилось).

[1] Ответ Базили см.: ***1850. Июля 24. Понедельник. Мар-Ильяс на Ливане.***

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь отправляет к графине Е. П. Ростопчиной записку, в которой одобряет объяснения А. Н. Островского В. И. Назимову 28 апреля 1850 г. по поводу комедии «Банкрот» («Свои люди – сочтемся!»):

«Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным. Дай ему Бог успехов во всех будущих трудах и полного уменья выражать ясней их благонамеренность, чтобы ни в ком не оставалось какое-нибудь на этот счет сомненье. При внутреннем усовершенствовании это приходит само собою. Самое главное, что есть талант, а он везде слышен».

С пьесой А. Н. Островского «Банкрот» Гоголь познакомился сначала в чтении П. М. Садовского, а затем в чтении автора и Садовского на вечере у М. П. Погодина 3 декабря 1849 г.[1] Впервые комедия была опубликована в № 6 «Москвитянина» за 1850 г.[2] Цензурному разрешению предшествовало ходатайство Погодина перед председателем Московского цензурного комитета, попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым о разрешении пьесы. В начале марта 1850 г. Погодин одновременно просил у Островского дать пьесу в журнал и хлопотал у Назимова о ее разрешении. В своем дневнике Погодин записал: «*Март* <...> *1.* <...> Остров<ский> не был. Все не решается. <...> *<Март> 3.* <...> Остров<ский> соглашается и нет, наконец, на просьбу. <...> Обед у Попечителя. Обласкан донельзя. Приятно. О Банкруте положился на меня»[3]. В письме от 3–4 марта 1850 г. Погодин извещал Островского: "*Между нами.* Ура! Ура! Я обедал вчера у Попечит<еля>. Говорил о Банкроте. "Если вы думаете, что его пропустить можно, что я полагаюсь совершенно на вас. Я и сам так думал". Он обещал послать тетрадь к цензору – я нынче пишу к нему напоминание. До свидания! Ваш М. Погод<ин>. *4 марта.* А так как тетрадь в цензуре все-таки возьмет время, а набирать надо немедля, то благоволите прислать мне другую, мелкую, с вашими условиями»[4]. 8 марта 1850 г. Погодин записал: «Банкрут пропущен. – А. Н. Остров<ский> потребовал много: 400-х сер<ебром> и 1000 экз<емпляров>, а мне 200, след<овательно>, руб<лей> 800. Не имел духу сделать замечание и согласился»[5].

После публикации пьесы Негласный Комитет, или «Комитет 2 апреля» 1848 г., созданный, под председательством Д. П. Бутурлина (1790–1849), для высшего надзора за вышедшими в свет изданиями, обратил внимание Министра народного просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова на пьесу Островского. Ми-

нистр, в свою очередь, предписал Назимову пригласить к себе автора комедии и «вразумить его, что благородная и полезная цель таланта, должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании, не только в карикатуре, но и в распространении высшего нравственного чувства: следовательно, в противопоставлении пороку добродетели, а картинам смешного и преступного — таких помыслов и деяний, которые возвышают душу; наконец в утверждении того, столь важного для жизни общественной и частной верования, что злодеяние находит достойную кару *еще на земле*»[6]. Выслушав это назидание 12 апреля 1850 г., Островский спустя две недели, 28 апреля, составил оправдательное послание к Назимову, в котором писал: «Труд мой, еще неоконченный, возбудил одинаковое сочувствие и производил самые отрадные впечатления во всех слоях московского общества, более же всего между купечеством. Лучшие купеческие фамилии единодушно, гласно изъявляли желание видеть мою комедию в печати и на сцене. Я сам несколько раз читал эту комедию перед многочисленным обществом, состоящим исключительно из московских купцов, и, благодаря русской, правдолюбивой натуре, они не только не оскорблялись этим произведением, но в самых обязательных выражениях изъявили мне свою признательность за верное воспроизведение современных недостатков и пороков их сословия, и горячо высказывали необходимость дельного и правильного обличения этих пороков (в особенности превратного воспитания) на пользу своего круга. В глазах этих почтенных людей правда и польза, коей они от нее надеялись, исключала всякую мысль об оскорблении мелочного самолюбия. Все это побудило меня представить мою комедию в Цензурный Комитет, и это же, осмеливаюсь думать, обратило и ваше внимание на мой труд. Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается Богом для известного служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии. Будет час, когда спросится у каждого: где талант твой?»[7]

На это письмо Островского к Назимову от 28 апреля 1850 г. и откликнулся Гоголь, набросав «на случайном, по обыкновению, клочке бумаги <...> карандашом беглую "рецензию"»: «Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным» и т. д. Посредником же, передавшим Гоголю письмо Островского, явилась графиня Ростопчина — которая с начала 1850 г. взялась «образовывать» «несветских» русских литераторов на своих субботних литературных вечерах[8].

Объяснение цензурных затруднений и последующих мер Негласного Комитета, встретивших пьесу Островского, заключается не только в излишней строгости правительства, но и в том влиянии либеральной журналистики, которое испытал будущий драматург в юношеском возрасте. 25 марта 1850 г. Е. А. Елагина, в частности, писала Н. А. Языковой из Москвы в Симбирск: «...В славянофильском кругу много говорят о новой комедии Александра Островского. Новый автор проявился, дай Бог ему счастья и успеху. Как отрадно слышать о молодом человеке, занимающемся изучением русских элементов»[9]. Однако, несмотря на интерес к пьесе молодого драматурга со стороны славянофилов, первоначально «изучение» Островским «русских элементов» носило определенно прозападнический характер.

Н. П. Барсуков в конце 1890-х гг., со слов Т. И. Филиппова, записал: «В пору первой встречи с Филипповым <в 1846 г.>, Островский всецелом принадлежал к так называемому западническому направлению, под обаянием которого находился. Он весьма часто ссылался в разговорах на мнения *Отечественных Записок*, являвшихся для него авторитетом... <...> Увлекаясь вышеуказанным направлением, Островский доходил иногда до странных, почти невероятных крайностей. Так, заверял он, что ему противен вид самого Кремля с соборами. Он изумил однажды Филиппова, сказав: "Для чего здесь настроены эти пагоды?" Этою подчиненностью Островского господствующему направлению объясняется между прочим и то, что первая его крупная пиеса *Свои люди сочтемся* состоит из целого ряда темных, отталкивающих, чисто отрицательных типов русского народа[10], так что смягчающими впечатление являются Аграфена Кондратьевна и плут Ризположенский. Любопытно, что впоследствии западники, доказывая отрицательные качества русского народа, ссылались на ту же, под их влиянием созданную пиесу Островского и на избранных под гнетом их же направления типы. Раз как-то, на вечере у М. С. Щепкина, один из ученых западников, поддерживаемый единомышленниками, проповедывал, что народная Русь и состоит исключительно только из таких типов, что людей иного закала в ней нет и не может быть: все мошенники. "Ну, прощайте же, мошенники", — сказал, прощаясь после долгих споров, Пров Садовский. <...> По мнению Т. И. Филиппова, комедия *Банкрут* (или *Свои люди сочтемся*), "по совершенству своих форм превосходит все, что Островский писал после. Это объясняется тем, что Островский трудился над нею более четырех лет". <...> Начав с презрения к *пагодам* Кремля, Островский постепенно, исподволь дошел даже до крайностей истинно русского направления»[11]. А. С. Хомяков в конце 1849 — начале 1850 г. писал графине А. Д. Блудовой: «Грустное явление эта комедия Островского, но она имеет свою утешительную сторону. Сильная сатира, резкая комедия свидетельствует еще о внутренней жизни, которая когда-нибудь еще может устроиться и развиться в формах более изящных и благородных. А покуда что?»[12]

В этот же период Д. К. Малиновский передал Гоголю свою статью «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя»[13].

[1] См. ***1849. Декабря 3. Суббота. Москва.***

[2] Свои люди — сочтемся! Оригинальная комедия в четырех действиях. Сочинения *А. Островского* // Москвитянин. 1850. № 6 (цензурное разрешение 14 марта; цензор В. Лешков). Отд. I. С. 33–136.

[3] *Погодин М. П.* Дневник. 1846–1852 // *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 59.

[4] *ГЦТМ*. Ф. 200. Ед. хр. 1934. Л. 1; опубл.: Неизданные письма из архива А. Н. Островского. М.; Л.: Academia, 1932. С. 419.

[5] *Погодин М. П.* Дневник. 1846–1852 // *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 59.

[6] *Барсуков*. 1897. Кн. 11. С. 77.

[7] Там же. Т. 11. С. 78.

[8] *Лакшин В.* Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 124. — См. также ***1849. Декабря 3. Суббота. Москва.***

[9] См. ***1850. Марта 25. Суббота. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Москва.***

[10] «"Свои люди — сочтемся" есть, конечно, такое произведение, на котором лежит печать необыкновенного дарования, но оно задумано под сильным влиянием отрицательного воззрения на русскую жизнь, отчасти смягченного еще художественным исполнением, и в этом отношении должно отнести его, как ни жалко, к последствиям *натурального* направления» (*Филиппов Т. И.* Не так живи, как хочется. Народная драма в трех действиях. Сочинение А. Н. Островского. Москва. 1855 // Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 16).

[11] *Барсуков*. 1897. Кн. 11. С. 65, 67–68, 79.

[12] Там же. Кн. 11. С. 73.

[13] См. ***1850. Апреля 27. Четверг Светлой седмицы. Москва***; ***1850. Мая 28. Воскресенье. Москва.***

МАЯ 2. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Москву ответное[1] письмо Гоголю и посылает ему 1309 рублей серебром[2].

Из письма Плетнева: «Совсем не угадал ты, отчего я давно не пишу к тебе. Просто от уверенности, что ты и без писем моих знаешь главное, что со мною делается. Да и твоя работа такова, что тебе не до развлечений. <...> Посылаю тебе последний твой бывший в ломбарде капитал 1168 р<ублей> и накопившиеся на него проценты 141 р<ублей>, всего 1309 р<ублей>. <...> Из литераторов наших я вижусь только с Тютчевым. Вяземский получил отсрочку еще на полгода[3]. <...> Скажи Шевыреву, что он меня позабыл и даже не прислал мне новой своей книги»[4].

[1] См. ***1850. Апреля между 23 и 27. Москва.***

[2] См. ***1850. Апреля 30. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] Имеется в виду продление срока путешествия Вяземского по Востоку.

[4] В 1850 г. в Москве отдельным изданием вышли две книги С. П. Шевырева: «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (см. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва***; ***1850. Ноября 24. Пятница. День памяти св. великомученицы Екатерины. Калуга***) и «Нилосорская пустынь».

ЯНВАРЬ — МАЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь у Н. Н. Шереметевой знакомится с ее родственницей Е. Н. Бастамовой.

Позднее, в 1903 г., Е. Н. Бастамова вспоминала: «Николая Васильевича Гоголя я видела один раз в Москве в 1850 году. Он приезжал к моей родственнице Шереметьевой <Шереметевой>. Шереметьева пригласила меня, чтобы дать мне случай повидать Гоголя. Нас было только трое — я, Гоголь и Шереметьева. Гоголь, видя, с каким благоговением я смотрю на него, обратился с речью прямо ко мне. "Университеты, — говорил он, — не нужны и вредны для русского человека... русско-

му человеку нужна только грамота... нам нужно учиться у дьячков"... Эти речи произвели на меня очень странное впечатление[1]; по наружности он произвел на меня впечатление больного, — небольшого роста, с бледно-желтоватым, даже зеленоватым лицом».

Бастамова (рожденная Алмазова) Е. Н. Из личных воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 718.

[1] Ср. строки письма А. П. Елагиной к Н. Н. Шереметевой от 24 июня 1849 г.: «Знаете ли вы, что Иван Вас<ильевич> <Киреевский> и жена его с своей спутницей теперь в Петербурге? Они повезли Васю в Лицей. Мне этого очень не хотелось. Несмотря на известность их воспитания, дома он рос благочестиво и покорно. Боюсь этого буйного Лицея. Где только и слышишь шалости и глупости. Но мои опасения, может быть, и лишние, Бог сохранит бедного моего мальчика. Иван так огорчен этой разлукой, что плакал громко. — Все, что делает он, все не по своей воле, и часто не по душе. Горько мне об нем неизъяснимо» (Письма Авдотьи Петровны и Елизаветы Петровны Елагиных. 1837–50 г. 102 л. // *РГБ.* Ф. 340. К. 34. Ед. хр. 5. Л. 61; *Свод.* Т. 3. С. 719).

МАЯ СРЕДИНА <МАЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Москву:

«Завтра отправляется отсюда Ф. И. Иордан[1] с оконченной своей гравюрой, для представления ее Государю Императору. Он отправил теперь ящик с оттисками и доску, которую, конечно, он гораздо после получит в Петербурге[2], и в таком случае, может быть, лучше бы было и не представлять труд Государю, прежде получения ящика с сотнею экземпляров. Публика, особливо наша, горяча. Она пожелает вдруг иметь оттиски, если Его Величество примет Иордана и труд его благосклонно, как то можно ожидать, опираясь на внутреннее достоинство дела. Посудите и дайте ему совет, а мне кажется, хорошо ему представиться накануне 25-ти летнего юбилея царствования[3], так что и труд его мог <бы> быть ознаменован и великим днем.

Он скоро по приезде в Петербург думает побывать к вам в Москву. Вы будете иметь время обсудить весь этот план и посоветовать, как найдете лучше.

В первые дни выставки "Преображения" я очень на него роптал (я это вам говорю как великую тайну): мне досадно было, что оно не только не лучше Моргена[4] и Павона, гравировавших тоже с этой картины, <но> и не лучше всех гравюр, какие находятся в свете. Но я замирился внутренно с Иорданом на том, что он не коренной русский. Этих слов моих прошу никому не сообщать. Время — великий целитель; он <Иордан> нам вскоре приготовит "Мадонну Фолинью" Рафаэля, и тогда мы порадуемся с вами еще более, чем настоящему успеху Иордана. Говоря об успехах двух наших граверов[5], нельзя не вспомнить об их великом учителе, Уткине: старик еще живет, или, лучше сказать, отживает век слез, печали и горя. Куда бы хорошо было, если бы он при этом случае был бы удостоен первостепенного отличия! Это бы совершенно разрушило подлую мысль, будто бы новоприезжие удушают и давят своих прошедших наставников.

Сам о себе ничего не скажу. Спросите Иордана, он вам многое что может рассказать».

[1] Ф. И. Иордан вспоминал: «В мае месяце 1850 года я назначил мой отъезд в Петербург. <...> Желательно мне было видеть, насколько продвинулась оконченная картина Александра Андреевича Иванова "Первое явление Спасителя народу". Накануне моего отъезда я попросил его показать мне картину; зная, что он никому ее не показывает вот уже три года, я его не беспокоил ранее, но, отъезжая, хотел ее видеть, чтобы сказать о ней тем, кто будет спрашивать. Он обещался. Я пришел в назначенный час, звонил, звонил долго, но ответа не было. Не увидав картины, я так и ушел. В день моего отъезда утро было чудесное. На площади собрались мои товарищи: А. А. Иванов и другие. Расцеловавшись со всеми, я простился с вечным Римом» (Записки ректора и профессора Академии Художеств *Федора Ивановича Иордан<а>*. М., 1918. С. 298).

[2] См. ***1850. Мая 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1851. Августа 22. Среда. День празднования двадцатипятилетия царствования Императора Николая I. Москва.***

[4] Рафаэль Морген (1758–1833), итальянский гравер.

[5] Ф. И. Иордана и А. А. Пищалкина.

МАЯ 4. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Гог<оль> о пути. Думал, не ограничиться ли Теплицем».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 499.

МАЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВОРОНЕЖ

М. С. Щепкин на гастролях в Воронеже исполняет роль Городничего в «Ревизоре»; в роли Хлестакова — воронежский актер Шван, в роли Осипа — К. Н. Полтавцев.

Гриц. С. 454.

МАЯ 9. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Традиционный[1] именинный обед Гоголя в погодинском саду. Среди присутствующих, кроме М. П. Погодина, — К. С. и Г. С. Аксаковы, Н. В. Берг, А. И. Кошелев, М. А. Максимович, А. Н. Островский, А. С. Хомяков.

В тот же день С. Т. Аксаков сообщал в письме к сыну Ивану в Романов-Борисоглебск, что Константин и Григорий обедают на именинах Гоголя в погодинском саду[2].

М. П. Погодин в этот день записал в дневнике: «Обед. Гоголь. Христосовался с Акс<аковыми>»[3].

М. С. Щепкин присутствовал на именинных обедах Гоголя в 1840, 1842 и 1849 гг.[4] На обеде 1850 г. Щепкина не было; он находился тогда на гастролях в Воронеже[5].

На обеде Гоголя 1850 г. не присутствовал также, «по домашним обстоятельствам», С. П. Шевырев. «К Гоголю я писал записку, — читаем в его письме к Погодину, — но оно доехало только до его городского дома. Хотел послать к тебе, да кучер Иса<й>я сошелся с Николаем и праздновал свои именины <9 мая память пророка Исаии> мертвецки пьяный»[6].

Позднее, 10 мая 1853 г., на прощальном обеде Щепкину, Погодин сообщал: «Несколько лет сряду, в этом самом саду, в этот почти день и час собирались мы обыкновенно к незабвенному нашему Гоголю — праздновать его именины. Это был самый дорогой для него день, о котором он любил заранее хлопотать, советоваться, — устраивать. В последний раз, вы помните, — это так недавно, сидел он здесь на краю, облокотясь на стол, задумчивый и молчаливый, — как будто предвидел близкий свой конец. <...> Не могу не вспомнить об нем при этом случае по многим причинам... <...> Гоголь сам обязан был многим Щепкину. Не говорю об их с лишком двадцатилетней близкой, короткой связи, не говорю об их частых беседах, исключительно посвященных драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселых, живых и умных рассказах Щепкина, которые часто встречаются в сочинениях Гоголя, — но тот смех, который Щепкин возбуждал в Гоголе, еще молодом человеке, выступавшем на поприще, не был ли задатком того смеха, каким после наделил нас Гоголь с таким избытком? Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина[7]?.. Могу подтвердить это и примером: Щепкин имел такое влияние на Гоголя, какое в младшем поколении Садовский своею простотою, своею натурою, и даже, своею особою, имеет на Островского.

Вот еще два имени пришлись к слову. Но это не случайность. В истории, в развитии нашей комедии, комической игры, они все четверо составляют органическое целое. Начинающий утешать нас блистательными своими дебютами Островский получил в наследство много указаний от Гоголя, а Садовский не меньше обязан примеру и началу Щепкина. Щепкин же — между ними старший»[8].

Сын Погодина Дмитрий Михайлович также вспоминал: «...Так как Н<иколай> В<асильевич> был в душе хлебосол, как всякий истинный малоросс, и только обстоятельства сдерживали его, то один день в году он считал своею обязанностью как бы рассчитаться со всеми своими знакомыми на славу, и в этот день он уже ничего не жалел. То был Николин день — его именины 9-го мая. Злоба дня, весь внешний успех пиршества, сосредоточивался на погоде. Дело в том, что обед устраивался в саду, в нашей знаменитой липовой аллее. Пойди дождь, и все расстроится. Еще дня за два до Николы Николай Васильевич всегда был очень возбужден: подолгу беседовал с нашим старым поваром Семеном, но кончалось всегда тем, что старый Семен при составлении меню нес под конец такую галиматью, что Гоголь, выйдя из себя, кричал: "то-то уйдешь!" и, быстро одевшись, отправлялся в купеческий клуб к Порфирию. Кроме Порфирия, славился еще повар Английского клуба Басанин, отец молодого талантливого доктора, Ивана Афанасьевича, рано похищенного смертию у науки. Следовательно, выбор был нетруден, и цены брали подходящие. Обыкновенно Н<иколая> В<асильевича> тянуло более к Порфирию на том основании, что он готовил хотя и проще, но зато пожирнее, да и малороссийские кушанья знал отлично. С кулинарною частию дело устраивалось без затруднения, оставалось вино; но тут тоже выходило не по-нынешнему: отец писал такого рода записку: "Любезный Филипп Федорович (Депре), пришлите, пожалуйста, сколько нужно вина человек на 40–50, по вашему выбору, оставшиеся целыми бутылки будут возвращены". Вино присылалось отличное, прекрасно подобранное; со счетом не приставали: были деньги, Гоголь сейчас платил, а нет — ждали. Сад был у нас громадный, на 10 000 квадратных сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей. Но для меня собственно вопрос состоял в том: будет ли он петь именно за обедом; а пел он большею частию рано утром или поздно вечером. Я с детских лет имел страсть ко всякого рода певчим птицам, и у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали: один свистнет, другой откликнется, и начинается дробь и дудка. Гости восхищались. "Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду, благодать, да и только".

Надо сказать, что Н<иколай> В<асильевич> был посвящен в мою соловьиную тайну и сам оставался доволен, когда мой птичий концерт удавался, но никому, даже отцу, не выдавал меня. Кто были гости Гоголя? Всех я не могу припомнить, но в памяти у меня сохранились следующие лица: Нащокин, когда был в Москве, Н. А. Мельгунов, Н. Ф. Павлов, Михаил Семенович Щепкин[9], Пров Михайлович Садовский, Васильев[10], С. П. Шевырев[11], Вельтман, Н. В. Берг, известный остряк Юрий Никитьевич Бартенев[12], знаменитый гравер Иордан[13], актеры Ленский и Живокини, С. Т. Аксаков[14], К. С. Аксаков и много других, которых я уже и не запомню. Обед кончался очень поздно, иногда варили жженку[15]. Разговоры лились неумолкаемо. Пров Михайлович Садовский, нечего таить греха, находился всегда уже в легком подпитии и по общей просьбе начинал рассказывать: о капитане Копейкине, о Наполеандре Бонапарте, или неподражаемый рассказ о том, как пьяному мужику все кажется, что у него в ушах "муха жужжит". Вся тонкость этого последнего рассказа состояла в том, чтобы голос вибрировал на разные тоны. Обоймет он, бывало, одну из лип левой рукой, а правой как бы отмахиваясь от мнимой мухи, лезшей ему в ухо, и начинает на разные лады: "муха жужжит". А мимика, выражение глаз при этом не поддаются никакому описанию. Пров Михайлович был родоначальником всех последующих рассказчиков; но, увы! скольких я ни переслушал после неподражаемого Садовского, всем им было далеко до него. Они даже не напоминали его, разве только даровитый Ив. Ф. Горбунов[16] несколько подходит к нему. До того же момента, как общество все-таки несколько "куликнет", около Юрия Никитьевича Бартенева, служившего подряд при нескольких генерал-губернаторах чиновником особых поручений, собирался тесный кружок слушателей. Юрий Никитьевич начинал чрезвычайно едко и остро передавать раз-

личные факты, смешные стороны лиц, с которыми он сталкивался по своей службе и большею частью знакомых слушателям; остротам его не было конца, и злой язык Юрия Никитьевича никому не делал пощады. Между прочим, он любил давать всем своим хорошо знакомым прозвища, и так метко, что раз данное им прозвище навсегда оставалось за тем лицом. Жил он в Москве очень открыто, большим хлебосолом, и кто только не бывал у него на Смоленском бульваре? Сам дорогой именинник Н<иколай> В<асильевич> в этот день из нелюдимого, неразговорчивого в обществе превращался в расторопнейшего, радушнейшего хозяина; постоянно наблюдал за всеми, старался, чтобы всем было весело, чтобы все пили и ели, каждого угощал и каждому находил сказать что-нибудь приятное. Из нескольких именинных дней, празднованных в нашем доме[17], я помню, что раза два случалась дурная погода, тогда обед происходил в доме, но и это имело свою хорошую сторону: Николая Васильевича, несмотря на сильное сопротивление с его стороны, все-таки удавалось уговорить прочесть что-нибудь. Долго отбивается Гоголь; но, видя, что ничто не помогает, нервно передергивая плечами, взберется, бывало, в глубь большого, старинного дивана, примостится в угол с ногами и начнет читать какой-нибудь отрывок из своих произведений. Но как читать? — и представить себе невозможно: никто не пошевельнется, все сидят, как прикованные к своим местам... Обаяние чтения было настолько сильно, что когда, бывало, Гоголь, закрыв книгу, вскочит с места и начнет бегать из угла в угол, — очарованные слушатели его остаются все еще неподвижными, боясь перевести дух... и только раз как-то, после подобного чтения, Пров Михайлович глубоко вздохнул, скорчил уморительную физиономию, ему одному только доступную, и тихо пробурчал: "А вот и «муха не жужжит»". Все рассмеялись, повеселел и сам Гоголь.

Как на чрезвычайно нервного человека, чтение глубоко продуманных и прочувствованных им очерков производило на Н<иколая> В<асильевича> потрясающее впечатление, и он или незаметно куда-то скрывался, или сидел, опустив голову, как бы отрешаясь от всего окружающего... Общество в день именин расходилось часов в одиннадцать вечера, и Н<иколай> В<асильевич> успокаивался, сознавая, что он рассчитался со своими знакомыми на целый год. Странно, что у меня не сохранилось воспоминания о том, посещал ли Н<иколай> В<асильевич> театр»[18].

П. К. Мартьянов, со слов Д. М. Погодина, также записал: «...Сегодня, pour la bonne bouche[19], я расскажу вам, как Николай Васильевич справлял у нас в доме свои именины, которые он праздновал на летнего Николу, 9 мая. У него в Москве, как известно, было большое знакомство. <...> ...В день своих именин он считал долгом задать пир, по пословице, на весь мир, чтобы сугубо отплатить друзьям за их постоянное радушие. На именины приглашались все, кто состоял с ним в хороших отношениях. Перечислять их всех я не стану, да и не могу, потому что это было все московское ученое, литературное и художественное societe[20] того времени, в лице наиболее выдающихся его представителей, конечно, одного с автором "Мертвых душ" направления или сочувствовавших ему. Приготовления к этому пиру обыкновенно начинались задолго до пиршества. Главнейшею же заботой при этом для Николая Васильевича были меню обеда и вина. Для составления первого он приглашал к себе на совет нашего повара Семена, но им обыкновенно оставался недоволен, и ехал на совет к повару английского клуба Басанину или к повару купеческого клуба Порфирью. После нескольких совещаний меню того или другого утверждалась, но готовить приглашался Порфирий, так как он умел стряпать все малороссийские яства и цены брал, противу Басанина, меньшие. Затем начинались хлопоты с винами. Гоголь отправлялся к виноторговцам, выбирал, приценялся и соображал, но толку из этого не выходило. Отец мой, видя это, предлагал свои услуги, приказывал Депре прислать нужное количество вина человек на шестьдесят, и дело устраивалось. Гоголь во все это предшествующее пиршеству время находился в сильном возбуждении и постоянно волновался. Он составлял и дополнял списки приглашенных лиц, рассылал письма, записки, оповещения, и заботился, чтобы все близкие к нему люди получили приглашение и собрались именно к обеду — этому кульминационному пункту празднества. Он очень огорчался, когда узнавал, что тот или другой из его друзей, по каким-либо обстоятельствам, не может быть у него на именинах или же когда погода не особенно благоприятствовала предположенному им празднику. Тогда, казалось, он был мученик и в доме не давал никому покоя. Отец, обращавшийся с ним как с ребенком, всегда снисходительно и терпеливо снисходил к его капризам. Но слушая подобное нытье, выходил из

себя, оставлял работу и серьезно начинал просить его: "Оставь ты меня, пожалуйста, в покое, ведь ты мешаешь мне работать".

— Я вижу, — восклицал обиженно Гоголь, — что история тебе дороже меня!..

Тогда отец повертывался к нему лицом, внимательно выслушивал все его жалобы и заявления и, разговорив и успокоив его, выпроваживал из кабинета в сад или в другие комнаты дома. Там Николай Васильевич уже деспотствовал, приставая с разными вопросами ко всем встречавшимся ему, нашим домашним и прислуге. Одного он допрашивал насчет тарелок, рюмок, ножей и салфеток; другого — о количестве пива и водки, потребном для кучеров и прислуги гостей; третьего — о том, все ли заправлены лампы и свечи. Мы, дети, тоже привлекались к совету. Нас он спрашивал: какие игры и где мы думаем устроить для других детей после обеда, серьезно обсуждал и оспаривал нас, пока мы во всем не подчинялись его мнению. Когда же наступал заветный день, он с раннего утра был уже на ногах. Приняв обычные поздравления, наш именинник шел по хозяйству, — осматривал, устраивал и суетился. Затем выходил в сад, смотрел на небо, поверял барометр, вздыхал при появлении каждой маленькой тучки и, всем надоев, усаживался в кабинете в кресла и замолкал. Гости в Москве, по обыкновению, собираются рано, кроме, конечно, корчащих из себя аристократию, которые желая выделиться из толпы, приезжают не иначе, как перед самым обедом. Поэтому в день именин Николая Васильевича, наплыв гостей начинался обыкновенно еще до полудня. (Я более помню последние его именины[21].) Одетый в новую пару, веселый и довольный, именинник принимал поздравления в кабинете; затем он с гостями выходил в залу к молебну, который совершал у нас в доме наш приходской священник, отец Иоанн[22]; после молебствия все шли к завтраку, а вскоре начинался и самый обед. Обедали, впрочем, на два стола: один накрывался в большой липовой аллее сада, за который садились любители ранней весенней свежести и прохлады, а другой — в столовой, где помещались люди более солидных лет, боящиеся простуды, или прелестям весны не доверявшие. Гостей собиралось человек 60 или 70 не менее. Фамилий их всех я, конечно, припомнить не могу, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что трапезу с именинником разделяло большинство его друзей. Были С. Т. и К. С. Аксаковы, С. П. Шевырев[23], М. С. Щепкин, П. М. Садовский, Н. Ф. Павлов, Н. В. Берг, Ю. Н. Бартенев, В. И. Живокини, Д. Т. Ленский, А. Ф. Вельтман, Ф. И. Иордан, Н. А. Мельгунов и другие — всех не перечислишь. Обеды были, как все именинные обеды, шумны и радостны, но особенностей их я рассказать не могу, так как мы, дети, за большим столом не сидели. После обеда варили жженку, приносили еще вина, подавали малороссийские наливки и варенуху, — и гости действительно веселились на славу. Разговаривали, шутили, смеялись, пели песни, играли в горелки и в лапту. Актер Садовский, я помню, по просьбе именинника, рассказал после обеда два-три рассказа о Наполеоне Бонапарте, о капитане Копейкине, о хмельном мужичке, у которого в ушах "муха жужжит". Это было неподражаемый рассказчик, не то что ваш И. Ф. Горбунов, который каррикатурит мужика одним горлом. У того был жест, мимика, выражение глаз, вибрация голоса. Все это декорировало рассказ и увлекало слушателя. Поэтому оживление гостей с каждым рассказом возрастало более и более и завершалось, наконец, всеобщими рукоплесканиями. Читали и другие, но кто именно — теперь уже не помню. Читал даже как-то раз и сам хозяин. Читал он какой-то отрывок из своих сочинений, но какой именно — сказать вам не могу, потому что тогда я не знал еще его сочинений. Да говоря откровенно, я и интересовался только обстановкой и процедурой чтения. Помню я, что Николай Васильевич читал уже вечером, у отца в кабинете, при свечах. Видимо он был в хорошем настроении духа и читал хотя не особенно громко, но с одушевлением. В кабинете царила в это время мертвая тишина. Гости сидели и стояли группами вокруг стола, за которым читал Гоголь, в несколько рядов. Обаяние чтения было настолько сильно, что присутствующие сидели и стояли на местах, затаивая в себе дыхание и боясь пошевелиться, чтобы не проронить из него ни одного слова, не упустить ни одного штриха, ни одной интонации, оттенявших рельефы мастерской беседы-чтения автора-чтеца. Когда последняя фраза была сказана, Николай Васильевич быстро окинул взором общество, захлопнул весело книгу, вскочил с места и выбежал из комнаты. Слушатели кинулись за ним толпой и проводили его шумными криками "браво" и громкими рукоплесканиями. Пров Михайлович догнал Гоголя в саду, обнял и расцеловал его, говоря: "да, брат, это не то, что «муха жужжит»"[24].

Дочь Погодина Александра Михайловна (в замужестве Зедергольм), в свою очередь, вспоминала: «Однажды, когда в доме Погодина Гоголь обещал прочитать отрывок из "Мертвых Душ" в присутствии приглашенных друзей, кто-то из них не приехал. Гоголь, великий мастер читать, вследствие отсутствия этого лица, был не в духе, стал читать, но было ясно, что он не в ударе. Чтение не произвело обычного сильного впечатления»[25].

В день именин, 9 мая 1850 г., О. М. Бодянский записал в дневнике: «Обед у С. Т. Аксакова. Появление мое изумило семейство его, сидевшее уже за обедом, потому что все они не ждали меня к себе, полагая, что и я отправился на обед к Н. В. Гоголю по случаю его именин (а родился он в марте), на каковой звал он всех, бывших у него с поздравлением, именно в сад к Погодину, и почти силой затащил с собою К<онстантина> и Гр<игория> Т. Аксаковых. Я сказал, что я не мог быть там уже потому одному, что никогда и никого не поздравляю ни с чем нарочно; а если бы и виделся как с именинником и получил приглашение, то не пошел бы никоим образом[26] в такое место»[27].

Из воспоминаний Н. В. Берга (1871): «Раз, в день его именин (9-го мая 1849 <1850> года), которые справлял он, в бытность свою в Москве, постоянно у Погодина в саду, ехали мы с Островским откуда-то вместе на дрожках и встретили Гоголя, направлявшегося к Девичьему полю. Он соскочил со своих дрожек и пригласил нас к себе на именины; мы тут же и повернули за ним. Обед, можно сказать, *в исторической аллее*, где я видел потом много памятных для меня других обедов с литературным значением, — прошел самым обыкновенным образом. Гоголь был ни весел, ни скучен. Говорил и хохотал более всех Хомяков, читавший нам, между прочим, знаменитое объявление в "Московских ведомостях" *о волках с белыми лапами*, явившееся в тот день[28]. Были молодые Аксаковы, Кошелев, Шевырев, Максимович...»[29]

В 1854 г. Максимович писал Шевыреву: «...В прошлом декабре <...> я видел сон... <...> ...Вижу Гоголя, в Москве, и с ним все мы за круглым столом в веселой пирушке; и хлопочет он над вазою, готовя напиток, как бывало готовил именинную жженку, и, кончив, говорит: ну, господа, выпьем мы теперь *Шлецера*. И Погодин первый берет бокал и торжественно выпивает Шлецера! И став на колени перед Гоголем, благодарит его и плачет от умиления, что Шлецер удостоился такой чести от Гоголя...»[30]

[1] См. также ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[2] См.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 534; *Свод*. Т. 2. С. 930.

[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 499.

[4] См. ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[5] См. ***1850. Мая 7. Воскресенье. Воронеж***; ***1850. Мая 19. Пятница. Воронеж***; см. также: *Гриц*. С. 455.

[6] *Барсуков*. 1897. Кн. 11. С. 137.

[7] См. ***1836. Апреля 28. Вторник. Москва*** (примечания).

[8] Прощальный обед М. С. Щепкину // Москвитянин. 1853. № 10 (цензурное разрешение 14 мая). Отд. VII. С. 43–45; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 519–520.

[9] На именинном обеде Гоголя 1850 г. Щепкина не было (см. примеч. выше).

[10] Вероятно, имеется в виду генерал-майор Федор Иванович Васьков (1855–1855), знакомый С. Т. Аксакова.

[11] Шевырева на обеде не было (см. примеч. выше).

[12] Юрий Никитич Бартенев (1792–1866), чиновник, член масонских лож, в 1819 г. по рекомендации А. Ф. Лабзина назначен на должность директора училищ Костромской губернии, с 1836 по 1844 г. личный секретарь князя А. Н. Голицына, мемуарист.

[13] Ф. И. Иордан на именинном обеде Гоголя 1850 г. не присутствовал, будучи в дороге из Рима в Петербург (см. ***1850. Мая средина <мая начало>. Рим***; ***1850. Мая 29. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[14] С. Т. Аксакова на обеде 1850 г. не было.

[15] См. также ***1832. Июля начало. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1840. Мая 18. Суббота. Полдень. Москва, Перхушково***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[16] Иван Федорович Горбунов (1831–1895), рассказчик и актер.
[17] 9 мая 1840, 1842, 1849, 1850 г.
[18] *Погодин Д. М.* Пребывание Н. В. Гоголя в доме моего отца // *Свод.* Т. 2. С. 527–528.
[19] на закуску *(фр.)*
[20] общество *(фр.)*
[21] 9 мая 1850 г.
[22] Отец Иоанн Диомидович Никольский.
[23] Шевырев на обеде не присутствовал (см. примеч. выше).
[24] *Мартьянов П. К.* Гг. Погодины и газета «Жизнь» // *Свод.* Т. 2. С. 533–535.
[25] *В. С.* Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 540.
[26] См. ***1849. Декабря 21. Среда. Москва.***
[27] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 223–224.
[28] Текст этого газетного объявления см. в дневниковой записи О. М. Бодянского от 11 мая 1850 г. (***1850. Мая 11. Четверг. Москва***).
[29] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод.* Т. 3. С. 648.
[30] См.: Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 345–346.

1849–50

1849 МАРТ – АПРЕЛЬ[1]; НОЯБРЯ НАЧАЛО[2]; 1849 ДЕКАБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА[3] – 1850 МАЯ ДО 11[4]. МОСКВА

Гоголь отправляет записку Н. Н. Шереметевой (датировка записки уточнена):

«Очень вас благодарю. Да поможет Бог и вам и мне без Него не обходиться ни на минуту».

[1] Ср. ***1849. Марта 19. Суббота. Москва***; ***1849. Мая 20. Пятница. Москва.***
[2] Ср. ***1849. Ноября 6. Воскресенье. Москва.***
[3] Ср. ***1849. Декабря конец. Москва.***
[4] См. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва.***

МАЯ ДО 11[1]. МОСКВА

Гоголь отправляет ответную записку Н. Н. Шереметевой (датировка записки уточнена):

«Слава Богу, здоровье кое-как идет. Весьма буду рад вас увидать снова[2]. <...> Я пробуду в Москве недолго»[3].

[1] См. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва.***
[2] Ср. ***1850. Январь – мая начало. Москва.***
[3] См. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва.***

МАЯ 11. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Кончина Н. Н. Шереметевой[1].

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Он поселился у Графа Александра Петровича Толстого[2] в доме Татищева <Талызина> на Никитской. Под весну я была очень больна и лечилась у Иноземцева[3] холодной водой. Гоголь мне советывал бросить это лечение: "Мы с Аркадием Осип<овичем> поплатились за это лечение". <...>

Граф Алекс<андр> Петр<ович> был у меня в гостинице "Дрезден", как вошел Хомяков; они разговорились о политике, религии и наконец об освобождении крестьян. Когда Граф уехал, Хо-

мяков мне сказал: "Я вам обязан этим приглашением; до свиданья в 5-ть часов у Толстых". Гоголь пришел ко мне утром и был очень встревожен. "Что с вами, Ник<олай< Вас<ильевич>?" — "Надежда Ник<олаевна> Шереметева умерла, вы знаете, как мы с ней и с Фонвизиным жили душа в душу? Последние два года на нее нашло искушение: она боялась смерти. Сегодня она приехала, как всегда, на своих дрожках и спросила, дома ли я. Поехала куда-то, опять заехала в дом Татищева <Талызина>, не нашла меня и сказала людям: «Скажите Николаю Вас<ильевичу>, что я приехала с ним проститься»[4], — поехала домой и душу отдала Богу, Который отвратил предсмертные страдания. Ее смерть оставляет большой пробел в моей жизни".

У Толстого был прекрасный русский стол, обедали мы с братом Клементием, Хомяков, Гоголь и хозяин. Хомяков болтал без умолку, был в ударе и смешил нас всех, перебрасываясь с Клементием Оси<повичем> самыми неожиданными выходками. После обеда подали чай и кофий, который Графиня сама разливала и потом уснула[5]. День был жаркий, Граф и Хомяков всё говорили об освобождении крестьян, а Гоголь, Лёва[6] и Клема ходили со мной по комнате и все жаловались на нестерпимую жару. Клема сказал: "Совсем это не жара, а потому что говорят всё об одном, спросите Лёву, как душно в Губернском Правлении, всё это от того, что всё пишут об одном". Клема был тогда в раздраженном положении, впрочем, как и всегда»[7].

В тот же день, 11 мая 1850 г., О. М. Бодянский записал в дневнике:

«Везде то и дело, что ищут 55 № "Московских Ведомостей", в котором напечатано следующее в отделении 2 Прибавлений к ведомостям (объявления частные)[8]:

"Я, нижезначущийся, имею честь известить любителей егерской и псовой охоты, что я, оставив по некоторым обстоятельствам военную службу, занимаюсь теперь дрессированием легавых и выездк<ов> борзых и гончих собак, чем и сделался известным в здешнем околодке, почему многие гг. охотники вверяли своих собак моему воспитанию, за самую умеренную плату, и по окончании курса получали их с опыта и остались ими вполне довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первые, находясь без свор, не мечутся под гончих, а последние гонят верно, стойко и так позывисты, что мне стоило только подать голос в рог, как они в минуту являлись ко мне из дремучего леса, за что я и получал от гг. охотников письменные благодарности. Сверх сего я обучаю людей подвывать волков, и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердительно определить число их стаи; а как в Мензелинском уезде в настоящее время показал<ось> много прибыл<ых> волков с белыми лапами, похищ<ающих> преимущественно достояние государственных крестьян, которые хотя и сами воют также волком, но не могут еще с точност<ью> определить числа кочующих стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю желающим мое знание и услуги и покорнейше их прошу адресовать ко мне, Оренбург<ской> губ<ернии>, в г. Мензелинск, где я имею мою корреспонденцию. Корнет Я. Атуев". См. стр. 508, столб<ец> 2-й.

Говорят, что это иносказание: под волками разуметь следует чиновников министерства государственных имуществ, обирающих в Оренбургской и других губерниях государственных крестьян. Оно, по некоторым слухам, прислано из Елабуги по почте в контору университетской типографии[9], а по надписи подано на почту крепостным человеком Атуева, Кречетовым; пролежало у обер-полицеймейстера[10] более 2-х месяцев и потом нежданно явилось в печати. Судя по тому, что оно так долго лежало у этого последнего и что даже конверт сохранился в конторе, вероятно, не безызвестно было кой-кому о нем, что оно и от кого. Корректор, читая его, поставил было NB, но все-таки пропустил, не смея того сделать с цензурованным обер-полицеймейстером, хотя бы, однако, и мог, и должен был показать свое сомнение кому-либо повыше себя в конторе или редактору. Этот, заведуя официальною частью "Московских Ведомостей", не имеет права вмешиваться в неофициальную их часть, которая вся на ответственности обер-полицеймейстера, состоя из объявлений, из коих ни одно не имеет быть напечатано без его просмотра и подписания. Однако же, и редактор, и корректор просидели под арестом (у себя дома) 3 дня, во избежание большего взыскания со стороны высшего начальства. В Москве в этот же самый день разнесся слух об этом объявлении, и, кажется, вдруг заговорили во всех ее углах о нем; по крайности я слышал от многих, часов через 5, 6 по выдаче ведомостей и притом в разных местах, совершенно противоположных концах города»[11].

[1] См. ***1850. Мая средина. Москва.***

[2] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва.***

[3] См. также ***1851. Сентября 2. Воскресенье. Москва*** (примечания).

[4] См. также ***1850. Мая 12. Пятница. Москва.***

[5] Отец графини А. Г. Толстой и сама она «страдали спячкой» (см. ***1849. Октября 29. Суббота. Калуга*** – воспоминания Смирновой).

[6] Лев Иванович Арнольди.

[7] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 264–265.

[8] Далее цитируется полный текст объявления: Я, нижезначущийся... ~ *Корнет Я. Атуев* // Прибавления к № 55-му Московских Ведомостей. (9-го мая 1850 года). Отделение II. Объявления частные. С. 508.

9 мая 1850 г. настоящее газетное объявление читал на именинах Гоголя у М. П. Погодина А. С. Хомяков (см. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва*** – свидетельство Н. В. Берга).

[9] Здесь принималась плата за объявления и подписку на «Московские Ведомости», о чем отдельной строкой под заглавием газеты сообщалось в каждом ее номере: «Подписка принимается в Конторе Типографии Императорского Московского Университета».

[10] И. Д. Лужина.

[11] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 224–225.

МАЯ 12. ПЯТНИЦА. МОСКВА

О. М. Бодянский записал в дневнике:

«Наконец я собрался к Н. В. Гоголю. Вечером в часов 9 отправился к нему, в квартиру графа Толстого, на Никитском бульваре, в доме Талызиной. У крыльца стояли чьи-то дрожки. На вопрос мой: "дома ли Гоголь?", лакей отвечал, запинаясь: "дома, но наверху у графа". – "Потрудитесь сказать ему обо мне". Через минуту он воротился, прося зайти в жилье Гоголя, внизу, в первом этаже, направо, две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (1-й от дверей налево, а 2-й за ним, по другой стене); прямо печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или материи) в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмам в ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной, сейчас описанной, от наружной стены поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол. На обоих столах несколько книг кучками одна на другой: тома два "Христианского Чтения", "Начертание церковной библейской истории"[1], "Быт русского народа"[2], экземпляра два греко-латинского словаря (один Гедеринов), словарь церковно-русского языка, Библия в большую 4-ку московской новой печати, подле нее молитвослов киевской печати, первой четверти прошлого века; на втором столе (от внешней стены), между прочим, сочинения Батюшкова в издании Смирдина "русских авторов", только что вышедшее[3], и пр.

Минут через пять пришел Гоголь, извиняясь, что замешкал<ся>.

– Я сидел с одним старым знакомым, – сказал он, – недавно приехавшим, с которым давно уже не виделся.

– Я вас не задержу своим посещением?

– О нет, мы посидим, сколько угодно вам. Чем же вас потчевать?

– Решительно ничем.

– Чаем?

– Его я не пью никогда. Пожалуйста, не беспокойтесь нимало: я не пью ничего, кроме воды.

– А, так позвольте же угостить вас водицей содовой.

Тотчас лакей принес бутылку, которую и опорожнил в небольшой стакан.

– Несколько раз собирался я к вам, но все что-нибудь удерживало. Сегодня, наконец, улучил досуг и завернул к вам, полагая, что если и не застану вас, то оставлю вам билетец, чтобы знали вы, что я был-таки в вашей обители.

– Да, – подхватил он, – чтобы знали, что я был у вас. Сегодня слуга мой говорит мне, что ко мне, около обеденной поры, какая-то старушка[4] заходила и три раза просила передать мне, что вот

она у меня была; а теперь я слышу, что она уже покойница. "Да скажи же Н<иколаю> В<асильевичу>, пожалуйста, скажи, что была у него: была нарочно повидаться с ним". Вероятно, бедненькая, уставши от ходьбы, изнемогла под бременем лет, воротившись в свою светелку, кажется, на 3 этаже.

Разговаривая далее, речь коснулась литературы русской, а тут и того обстоятельства, которое препятствует на Москве иметь свой журнал; "Москвитянина" давно уже никто не считает журналом, а нечто особенным.

— Хорошо бы вам взяться за журнал; вы и опытны в этом деле, да и имеете богатый запас от "Чтений" — книжек на 11–12 вперед; только для того нужно, прежде всего, к тому, что у меня, коечто, без чего никакой журнал не может быть.

— Понимаю, — капитал.

— Года на три вперед, чтобы действовать наверное.

— Конечно, но тогда успех не подлежит сомнению.

— Вы бы собрали вокруг себя снова делателей?

— Думаю. Кто за деньги не станет работать, если работали у меня и без денег? Уверен, все пишущее ныне в Петербурге писало бы мне, исключая разве 2–3 неизменных копий питерских предпринимателей. Особливо это вероятно тогда, когда бы плата превышала петербургскую заработку; много значит получить ее на месте, непосредственно, спустя неделю-две после набора статьи, нежели ждать, пока выйдет в Питере книжка, а там когда-то приказано будет уплатить коммиссионеру причитающееся поставщику.

— Для большего успеха отечественного нужно, чтобы в журнале было как можно больше своего, особенно матерьялов для истории, древностей и т. п., как в ваших "Чтениях". Еще больше. Это были бы те же "Чтения", только с прибавкой одного отдела, именно "Изящная Словесность", который можно было бы поставить спереди или сзади и в котором помещалось одно лишь замечательное, особенно по части иностранной литературы (за неимением современного и старое шло бы). И притом так, чтобы избегать как можно немецкого педантства в подразделениях. Чем объемистее какой отдел, тем свободнее издатель, избавленный от кропотливых забот отыскивать статьи для наполнения клеток своего журнала, из коих многие никогда бы без того не были напечатаны.

— Разумеется.

Перед отходом спросил я, где он хочет провести лето...

— Мне хотелось бы пробраться в Малороссию свою, потом на осень воротиться к вам, зиму провести где-либо потеплее, а на весну снова к вам.

— Что же, вам худо было у нас этой зимой?..

— И очень. Я зяб страшно, хотя первый год чувствовал себя очень хорошо.

— По мне, если не хотите выезжать за границу, лучше всего в Крыму.

— Правда, и я собираюсь попытаться это сделать в следующую зиму.

— Но и там скучно. Говорят, что на южном берегу с недавнего времени стали многие проводить зиму.

— За границу мне бы не хотелось, тем более, что там нет уже тех людей, к которым я привык, все они разбежались.

— Но если придется вам непременно ехать туда, разумеется, снова в Рим?

— Нет, там в последнее время было для меня уже холодновато, скорее всего в Неаполь; в нем проводил бы я зиму, а на лето по-прежнему убирался бы куда-нибудь на север, на воды или к морю. Купанье морское мне очень хорошо.

Прощаясь, он спросил меня, буду ли я на варениках[5]. "Если что-либо не помешает". Под варениками разумеется обед у С. Тим. Аксакова по воскресеньям, где непременным блюдом были всегда вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час-другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второю дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал. Песни пелись по "голосам малороссийских песен", изданных Максимовичем[6], и кой-каким другим сборникам (Вацлава из Олеска, где голоса на фортепьяно положены известным музыкантом Липинским)[7], принесенным мною.

Почти выходя, Гоголь сказал, что ныне как-то разучиваются читать; что редко можно найти человека, который бы не боялся толстых томов какого-нибудь дельного сочинения; больше всего теперь у нас развелось *щелкоперов*, — слово, кажется, любимое им и часто употребляемое в подобных случаях»[8].

В тот же день, 12 мая 1850 г., М. П. Погодин записал в дневнике:

«Максимович и Гоголь»[9].

[1] Книга святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, «Начертание церковно-библейской истории» (СПб., 1816), неоднократно переиздававшаяся (1819, 1823, 1839 и др.). В составленном М. П. Погодиным «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» значится второе издание этой книги (см.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 721).

[2] Имеется в виду книга А. В.Терещенко «Быт русского народа»: В 7 ч. СПб., 1848.

[3] Сочинения Батюшкова / Издание Александра Смирдина. Полное собрание сочинений русских авторов. СПб., 1850. Т. 1–2. — См. также ***1850. Ноября 7. Вторник. Одесса***.

[4] Н. Н. Шереметева; умерла 11 мая 1850 г. (см. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва***).

[5] В воскресенье 14 мая 1850 г.

[6] См. ***1850. Мая 14. Воскресенье. Москва***.

[7] См. также ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***

[8] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 226–227.

[9] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 499.

МАЯ 13. СУББОТА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 324.

МАЯ 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь отправляет на родину письмо к А. С. и У. Г. Данилевским:

«Милые друзья мои, я не писал к вам[1] потому, что мне хотел<ось> сказать вам что-нибудь доброе и утешительное, но покуда его не было[2]. Я не писал к вам еще потому, что много скорбел и страдал как душевно, так и телесно. И до сих пор не выбрал<ся> из этого состояния. И принимаюсь за перо с тем только, чтобы сказать вам, что теперь не в силах писать. Но если будет мне лучше, напишу к вам на будущей неделе. <...> Адрес по-прежнему: дом Талызина на Никитск<ом> булева<ре>».

Возможно, в тот же день, 14 мая 1850 г., Гоголь был у Аксаковых на «варениках», где Н. С. Аксакова исполняла «песни малороссийские под фортепьяно»[3].

[1] Ср. ***1849. Декабря 6. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[2] Имеются в виду неудачные хлопоты об определении Данилевского на службу в Москве.

[3] См. ***1850. Мая 12. Пятница. Москва***.

МАЯ 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РОМАНОВ-БОРИСОГЛЕБСК

И. С. Аксаков пишет отцу в Москву:

«Ваши предположения насчет поездки в Абрамцево Вам одному, вероятно, изменились с переменою погоды. <...> Каков май? Я не помню такого мая!»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 930.

МАЯ ОКОЛО 10–15. МОСКВА

Гоголь навещает знакомого (возможно, А. О. Армфельда) и, не застав его дома, оставляет записку:

«Очень жалею, что опять не застал вас дома. Я думал, что вы заглянете навестить больного и по старине провесть денек вместе в погодинском саду[1], куды я, несмотря на хворость, потащился в надежде обнять всех, привыкших проводить вместе со мной этот день. Но вас и многих других не было. Я еще не уезжаю из Москвы[2] и надеюсь у вас побывать на днях».

Не считая М. С. Щепкина, который в этот период был на гастролях в Воронеже[3], на именинных обедах Гоголя в саду у М. П. Погодина в 1840, 1842 и 1849 г., в числе других гостей, неизменно были Армфельд, М. Н. Загоскин и Ю. Ф. Самарин. Ни один из них, по-видимому, на обеде 1850 г. также не присутствовал. Из этих трех лиц адресатом записки Гоголя есть основания считать Армфельда. Через него Гоголь в те же месяцы пытался устроить в сиротский институт воспитанницу своей матери сироту Эмилию[4]. Возможно, визит к Армфельду после своих именин Гоголь нанес незадолго перед тем, как написать письмо к матери, которой хотел сообщить что-нибудь определенное о судьбе Эмилии[5].

[1] См. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[2] После празднования своих именин 9 мая Гоголь выехал из Москвы на родину вместе с М. А. Максимовичем 13 июня 1850 г. (см. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***).

[3] См. ***1850. Мая 7. Воскресенье. Воронеж***; ***1850. Мая 19. Пятница. Воронеж***; см. также: *Гриц*. С. 455.

[4] См. ***1850. Мая конец — июня начало. Москва***.

[5] См. ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва***.

МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет ответ на два письма[1] сына из Москвы[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1850. Апреля средина. Москва***; ***1850. Апреля около 23. Москва***.

[2] См. ***1850. Мая 24. Среда. Москва***.

МАЯ 15. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Спеша отправить вам посылку с семенами[1], которую, вероятно, вы уже получили, я позабыл сказать многое насчет вашего дома. Из писем сестер я узнал, что вы все в нем очень зябли в продолжение зимы. <...> Дом надобно весь снова запаковать, выщекотурить, а многое и вновь переделать. Разумеется, это можно сделать только при мне, иначе вновь выдет дурно, потому что ни на каких работников нельзя полагаться. Если мне случится ехать в Константинополь, тогда я могу пробыть с месяц у вас и устроить так, чтобы при мне всё было кончено, а до того времени прошу вас заблаговременно приискивать плотников, щекотурщиков и хороших печников. Отчасти могут вам в этом помочь Тимченковы[2], которые еще недавно выстроили дом... <...> Понадобится также лес, сухой, давно срубленный. Как жалко, что строенье бывшей фабрики[3] вами продано в Полтаву... <...>

Узнайте, нет ли у кого из соседей готового сруба или амбара из крепких брусьев не совсем старого дерева, которые можно бы приобресть было покупкою, а также хорошего сухого дерева, годного на столярн<ую> работу[4]... <...> Всё это имейте в виду, а иное можете и купить, с рассрочкой денег до моего приезду, если недорого и случай может быть пропущен, — особенно досок».

[1] См. ***1850. Апреля около 23. Москва***.
[2] Тимченко, соседи Гоголя по имению.
[3] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***.
[4] См. также ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка*** (примечания).

МАЯ СРЕДИНА. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев:

«К вам моя сильная просьба, бесценнейший Матвей Александрович: добрая старушка Надежда Николаевна Шереметьева, которую вы встретили у меня и которая с такой готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помещеньи девочки[1] в Шереметьевское заведение, после 74-х лет жизни, исполненной добрых дел, скончалась 11-го маия[2]. Она меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви ее, и не был к ней даже вполовину так внимателен, как она ко мне. Помолитесь о ней, добрейшая душа, и за себя и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ее имя в то время, когда поминаете имена усопших рабов Божиих, вами чаще [других] поминаемых. Вечно вам признательный и всегда просящий молитв ваших Н. Гоголь. Гр<аф> Ал<ександр> П<етрович> Толстой и графиня вам кланяются».

[1] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва*** (примечания).
[2] См. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва.***

МАЯ 17. СРЕДА. РОМАНОВ-БОРИСОГЛЕБСК

И. С. Аксаков пишет отцу в Москву:

«Поразила меня смерть Над<ежды> Никол<аевны>[1] своею внезапностью. Это была натура деятельная, душа светлая и, казалось мне, давно готовая к смерти, — что не мешало ей жить — пока она была в жизни — живою жизнью с живыми. — Вы не пишете, куда едет Гоголь...»[2]

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 930.

[1] Кончина Н. Н. Шереметевой (см. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва***).
[2] В письме от 19 июня 1850 г. С. Т. Аксаков известил сына об отъезде Гоголя, который отправился с М. А. Максимовичем на Украину (см. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***).

МАЯ 19. ПЯТНИЦА. ВОРОНЕЖ

М. С. Щепкин на гастролях в Воронеже исполняет роль Бурдюкова в «Тяжбе» (бенефис В. И. Живокини).

Гриц. С. 456.

МАЯ 21. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ. МОСКВА

Гоголь вместе с О. М. Бодянским, М. А. Максимовичем, А. С. Хомяковым и Д. Н. Свербеевым на именинном обеде у К. С. Аксакова.

Из дневника Бодянского: «Обедал у именинника К. С. Аксакова[1] с Гоголем, Максимовичем (М. А.), Хомяковым, Свербеевым и еще два какие-то неизвестные мне, да родные именинника. Отец[2], простудившись дня за три, не был за столом, но к нему после обеда все мы ходили один за другим. А<лексей> С<тепанович> рассказал анекдот (самим им выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечере у графини Апраксиной, в присутствии графа С. Г. Строганова, о том, что на каком-то острове велось испокон, кто вступал на престол царский — съесть непременно человека. Когда спросили раз вступившего только что на престол царя, каково нравится ему это кушанье и что за причина такого странного вкуса, отвечал:

— Оно вовсе мне не по нутру, но, видите, так ведется-де, исстари.

Граф и графиня поняли намек и с тех пор не жаловали анекдотиста, который прибавил:

— И правду сказать, есть за что. Я никогда не мог ужиться с аристократами, никогда не покланялся им.

— Зато, конечно, — подхватил Свербеев, — готов поваляться в ногах черни.

Общий смех удовольствия разразился со всех сторон, даже сам рассказчик видимо был доволен этим.

Свербеев называл Петра Яковлевича Чаадаева воплощенным себялюбием, который готов сказать, слыша о генерале Лидерсе[3], что он проездом в Москве: "что это Лидерс не завернул ко мне? Странно!"

Генерал Плещеев[4], слепой исполнитель предписаний начальства, но вне того своими суждениями о том и другом выводит хоть кого из терпения.

— Зачем ты это так делаешь? — спросил его знакомый.

— Затем, что в службе не рассуждают, а только исполняют, а вне ее наоборот.

Воротившись из отпуска, в котором пробыл лишний целый год, вместо 3-х месяцев, на вопрос о причине того великого князя Мих<аила> Пав<ловича>: "Учил актеров ярославских действиям царей". То есть, заметивши, что ярославские актеры плохо играют роли царские, он вздумал их поучить и проучил целый год. В характере этого человека замечательна еще та особенность, что при нем нельзя ничего похвалить из его вещей — тотчас же на другой день, даже скорее, пришлет ее хвалившему, и готов рассердиться и побраниться, если тот не примет оной. Подобный же чудак был и князь Цицианов.

— Какая у вас, князь, отличная пара лошадей.

— А что, хороша? Ведь это из моего завода.

— А что она стоит?

— Пара 200 р<ублей> ассигн<ациями>.

— Чувствительно, как дешево!

— Не угодно ли взять за эту цену!

И пара пошла за 200 р<ублей> ассигн<ациями>, между тем как он купил сам за две и более тысячи рублей, потому что у него и в помине не было завода. То же самое он делал и в других подобных случаях.

— Не понимаю, как можно быть в наше время национальным?.. — сказал, между прочим, Свербеев.

— А я так не понимаю, как можно не быть в наше время не национальным, — возразил я ему»[5].

М. П. Погодин в этот же день записал в дневнике: «*Май. <...> 21.* <...> Вечер<ом>. Куб<арев>[6], Макс<имович> и Гоголь, а потом <*фамилия нрзб.*>тов. Приписывают Стасюлевичу[7] донос»[8].

Спустя несколько дней, 25 мая 1850 г., В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «У нас опять были Малор<оссийские> песни, были Малороссы. Маш<енька> Княжевич[9] была в то время у нас. Гоголь, который не видал ее 9 лет, удивился и сказал, что находит, что она даже помолодела с тех пор»[10].

[1] См. также ***1842. Мая 21. Четверг. Москва***.

[2] С. Т. Аксаков.

[3] Граф Александр Николаевич Лидерс (1790–1874), генерал-адъютант.

[4] Александр Павлович Плещеев (ум. в 1867), генерал-майор.

[5] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 223–224. — Датировка дневниковой записи уточнена.

[6] Алексей Михайлович Кубарев (1796–1881), палеолог.

[7] Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911), общественный деятель, публицист и историк.

[8] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 499.

[9] М. Д. Княжевич, дочь Д. М. Княжевича.

[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 875.

МАЯ 24. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к матери в Васильевку:

«Благодарю вас, добрейшая матушка, за поздравление с протекшими именинами[2]. Радуюсь, что вы были в это время в Диканьке[3], равно как и встрече вашей с добрым нашим губернатором[4] и его племянницей [которой перед<айте>[5]]. Опечалило меня только известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь будет подущать и развращать мужиков, которые, слава Богу, до сих пор всё еще нравственней других. Доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это только тем, что она в стороне от большой дороги[6]. <...> Не предавайтесь также мечтам, будто вы от этого выиграете относительно доходов. Выиграют только торгаши да переторжники, да жиды, да содержатели кабаков и постоялых дворов, которые настроятся вокруг вас во множестве и с которыми у вас еще заведутся дела по судам, от чего да сохранит вас Бог! Употребите лучше все меры и все силы, чтобы всё то, что вы рассказали губернатору о пользе дороги через нашу деревню, не имело бы никакого действия и осталось бы так только в предположении. Поверьте, что если б даже и случилось выиграть какой-нибудь рубль лишний, то он не выкупит разврата крестьян, за которых вы дадите ответ Богу. Лучше думать о том, что есть, хранить то, что есть, благодарить Бога за то, чем пользуемся; тогда и взгляд наш будет яснее, и душа покойнее, и хозяйство нечувствительно станет идти лучше. А все эти предположенья в будущем только распаляют воображенье, повергают человека в состоянье вечной тревоги и потемняют взгляд на вещи. Ради Христа, берегите себя от этого тревожно-нервического состояния, которого начала у вас уже есть! Вот и теперь, уже при одной вести о посылке, вам пришла мысль, что это непременно должно быть продолженье моего сочиненья, и вы уже поспешили предаться радости, и всё позабыто, — позабыто, что я еще в прежнем письме[7] обещал сестрам прислать огородных семян. Лучше, вместо всех этих обманчивых ожиданий, молиться с тихой покорностью и полной доверенностью Богу, не покидая своей обычной поденной работы. *"Довлеет дню злоба его"*[8]. Этого ни вам, ни мне да и никому не должно позабывать.

Вы ничего мне не сказали насчет того, какова у вас стоит погода и каковы удались посевы. Это важно тем более, что опасаются во многих местах засухи. <...> В прежнем письме моем[9], которое, вероятно, вы уже получили, я говорил о потребности перестроить или, лучше, перечинить и обконопатить потеплее дом... <...> На заплату я кое-что сберег, <...> станет денег и печникам и даже штукатурщикам... <...> Слухи насчет болезни бывшего харьковского архиер<ея>[10], о которых вы пишете, ложны. Он недавно проехал через Москву, и хотя я его не видал, но те, которые его видели, говорят, что он здоров совершенно.

Что же до дурных слухов вообще, то они распространяются теперь обо всех в таком изобилии, как никогда доселе. Теперь время лжей и слухов. И о себе я слышал такие слухи, что волосы могли бы подняться на голове, если б я ими покрепче смущался, — в чем отчасти я виноват: зачем приехал на родину! Мне больше, чем кому-либо другому, нужно было держаться вдали.

Андрею Андреевичу[11], когда будете писать, передайте мой душевный, искренний поклон и скажите ему, что нет дня, в который бы я не вспоминал о нем. Дай Бог, чтоб дела его устроились хорошо. За его доброту к вам и ко мне я много ему признателен».

[1] См. ***1850. Мая первая половина. Васильевка***.

[2] См. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***.

[3] Ранее, 28 июля (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал матери: «Прошу вас <...> отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви Святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня». — Подробнее см.: ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания).

[4] Полтавский гражданский губернатор Н. И. Ознобишин.

[5] Не дописано.

[6] Подробнее см.: ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания).

[7] См. ***1850. Марта первая половина. Москва***.

[8] «...Довлеет дневи злоба его» («...Довольно для каждого дня своей заботы») (Мф. 6, 34).

[9] См. ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва***.

[10] Речь идет о святителе Иннокентии (Борисове), архиепископе Херсонском, бывшим харьковским епископом, потом архиепископом в 1841–1848 гг.

[11] Трощинский.

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. РИМ

А. А. Иванов отправляет второе подряд[1] письмо Гоголю в Москву:

«Недавно послал я письмо к вам о Иордане. <...> Его искусство не коренное, а подчиненная страсть; его характер не уработан под стать наступившей эпохе нашего времени, и наконец, его сердце — не русское. <...> Моллер жаловался на вас, что вы об себе ему никогда не пишете. Я ему при первом свидании сообщу все ваши желания».

Возможно, к этому же времени относится сохранившийся черновой набросок письма Иванова к Гоголю: «Обращаясь памятию к вашим милостям, постоянно меня оживляющим в трудные часы жизни, я должен сознаться в моей слабости и потому решился писать к вам, находясь все еще на ходу моего здесь дела.

Убытки и ущербы, нанесенные в продолжении этих годов, для меня более всего значительны потерею ваших писем, в которых столь ясно выражалась моя счастливая будущность. Не нерадение и небрежность были причиной такой потери, но наше время, где sedizione[2] во всех видах наносит возможные удары новорождающемуся человечеству.

Во всяком случае прошу опять снизойти к моей слабости, — повторить мне прекрасные ваши письмена ответом на мое это письмо. Обещания, подтвержденные в письменах, еще более укрепят меня в перенесениях тяжелых минут жизни и ускорят окончание моего здесь дела».

[1] См. ***1850. Мая средина <мая начало>. Рим***.

[2] Мятеж, бунт, восстание (*ит.*).

МАЯ 27. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет ответное[1] письмо сыну в Москву[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва***.

[2] См. ***1850. Июня 9. Пятница. Москва***.

МАЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Д. К. Малиновский пишет Гоголю:

«Сегодня я у Вас был, не застал Вас дома; а между тем весьма желал кое о чем говорить. Потому и пишу к Вам. <...> Цель моя — или лучше, желание мое — *принести пользу обществу, говорить во всеуслышание, быть писателем.* Я имею в виду тот идеал писателя, который Вы высказываете. Могу ли я после всего этого не желать пользоваться Вашим знакомством? не просить Вас взять на себя труд снисходительно или, как там придется, со мною беседовать? Не знаю, как Вы стали бы думать на моем месте и как должно думать, а я думаю, что современность наша — Россия и даже человечество — весьма нуждается и в самых малых обдуманных, искренних приношениях. <...> После недавнего чтения Вашей "Переписки" я с радостию нашел в ней понятную для души моей истину и знаю теперь, что Вы заключаете в себе много прекрасных мыслей: их бы я желал ближе узнавать. <...> "Живешь, живешь — такая наконец скверность становится!"[1] Хоть на какой-нибудь полке жизни не нужно спать и надо быть честным человеком, — иначе пропал человек.

Наконец обращаюсь к известным Вам моим тетрадям[2]. Я уверен, что Вам еще не достало терпенья разобрать первую. Как же быть теперь? Отдать Вам ее — я отдал, видно Вам нужно сделать мне одолжение... Во второй говорится несколько интересных для меня слов о вдохновении, об акте творчества, о прекрасном, разбирается письмо об этом Жуковского, кажется, к Вам[3]. Идет также речь о современности и о значении Вашей последней книги. Но все сочинение состоит из несвязных клочков, и прочесть Вам из него отрывки, если позволите, должен я сам, когда-нибудь после отдыха Вашего от первой моей тетради. Не знаю, когда могу получить ответ Ваш об этой тетради, и потому покорнейше прошу Вас сказать человеку, когда я могу застать Вас дома. На этой неделе в среду[4] я приду спросить его об этом».

[1] Цитата из «Женитьбы» Гоголя.

[2] Речь идет о статье Д. К. Малиновского «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя» (см. ***1850. Апреля 27. Четверг Светлой седмицы. Москва***; ***1850. Апреля конец — мая начало. Москва***).

[3] Имеется в виду литературное письмо В. А. Жуковского к Гоголю, написанное во Франкфурте 29 января (н. ст.) 1848 г. (см. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***) и опубликованное под названием «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (С. 11–26) (см. ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***). Написано по поводу статьи Гоголя *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями», а также в ответ на письмо Гоголя к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***), задуманное в качестве новой вступительной статьи (вместо «Завещания») «Искусство есть примирение с жизнью» ко второму изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не осуществлено; письмо Гоголя к Жуковскому было впервые опубликовано в 1888 г. в № 11 журнала «Русский Вестник»).

[4] 31 мая 1850 г.

МАЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к графине С. М. Соллогуб в Петербург:

«Слышал и скорбел о посетившем вас горе[1]... <...> Тот же час принялся за перо, написал всё, что могла сказать на ту пору утешительного вам душа моя. Но письмо[2] замедлило на почту. Я его распечатал, прочел и не отправил. Всё показалось мне в нем слабым и неуместным. О, как ничтожны все утешенья наши в тех сильных скорбях, где утешителем может быть только один утолитель всех скорбей Христос! О, да воздаст Он стократно за вашу скорбь высокими внутренними утешениями! Я слышу, что отложили свой план ехать в Москву; как ни жалко мне не увидать вас в этот раз, но если Ревель вам лучше и полезней, пусть будет, как Богу угодно. Там, по крайней мере, вы встретите Жуковского. Его присутствие, верно, вам будет теперь усладительней, чем когда-либо прежде. Эта и прежде прекрасная душа глубоко созрела в последнее время от скорбей и тех тяжелых ис-

пытаний, которыми угодно было Богу еще более просветлять ее и возносить к небу. Что касается до меня, то, прохворавши всю зиму в Москве, должен снова пуститься в отдаленное странствие, чтобы провести предстоящую зиму на каких-нибудь островах Средиземного моря, хоть еще и не знаю, какими средствами и как совершу это путешествие. Не для здоровья, но единственно для доставленья себе возможности работать и кончить свою работу. Вижу только, что в России мне не следовало заживаться. Нужно было, не останавливаясь нигде долго, всю ее проехать вдоль и поперек, а зиму провести вдали ее на юге, где голова моя способнее к работе. Тогда бы и дорога мне сделала пользу и временный отдых на теплой станции. О, как опасно тому, чей удел быть на земле странником, остановиться где-нибудь долее следуемого, сколько искушений, сколько соблазнов воздвигнется вокруг него! Как вдруг готова ворваться в сердце его мерзость запустенья! Мерзость запустенья на том месте, которое должно быть свято[3]! <...> Влад<имиру> Александр<овичу>[4] передайте мое искреннее участие в его утрате. <...> Если успеете[5], напишите хоть две строчки в ответ, адресуя в Москву в дом Талызина на Никитском булеваре. <...> Еще раз прошу вас перецеловать ручки обеих графинь, Луизы Карловны и Анны Миха<й>ловны»[6].

[1] Имеется в виду смерть дочери Соллогуб Аполлинарии 12 апреля 1850 г. (см. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва***).

[2] Не сохранилось.

[3] Мф. 24, 15.

[4] Муж Соллогуб.

[5] См. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***.

[6] Виельгорские, мать и сестра графини Соллогуб.

МАЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. И. Иордан пишет А. А. Иванову в Рим:

«Извините меня, что до сих пор вы остались без моих известий <...> Я в Петербурге <...> в шумном и хлопотливом Петербурге... <...> Будущий год – если не ранее, надеюсь быть в Риме <...> Слышал от г. Скотти, что Н. В. Гоголь находится в Москве».

Из писем Ф. И. Иордана // *Свод*. Т. 3. С. 380.

МАЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к К. С. Аксакову[1]:

«Оказывается, что вам очень недурно съездить в Киев, Константин Сергеевич: во-первых, чтобы не обидеть первопрестольной столицы, а во-вторых, чтобы, задавши работу ногам, освежить голову, совершая путь пополам с подседом на телегу и с напуском пехондачка, совокупно с нами[2], оттопавши дорогу до Глухова, откуда Киев уже под носом, и потом, по благоусмотрению, можете устроить возврат».

К. С. Аксаков с сестрами, Верой и Надеждой Сергеевнами, отправился в Киев позднее, в августе того же года. При этом в Москве в конце мая – начале июня 1850 г. он обещал М. А. Максимовичу известить его об их прибытии в Киев[3].

[1] На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1850 май».

[2] Гоголь имеет в виду себя и М. А. Максимовича (см. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***).

[3] См. ***1850. Августа 31. Четверг. Киев***.

МАЯ 31. СРЕДА.
МОСКВА

Гоголь после чтения С. Т. Аксаковым отрывка из его «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» прочел ему третью главу второго тома «Мертвых душ».

См. ***1850. Июня 2. Пятница. Москва; 1852. Апреля 19. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

ЯНВАРЬ-МАЙ.
МОСКВА

П. И. Бартенев пишет студенческое сочинение «Художественное сознание русских поэтов», в котором приводит свидетельство Гоголя о Пушкине.

А. Д. Зайцев[1] в 1989 г. писал: «К специальному, целенаправленному изучению творчества и биографии Пушкина Бартенев приступил во время обучения в Московском университете, не без влияния, оказанного на него в этом направлении С. П. Шевыревым. В одной из своих студенческих работ, написанных им на третьем курсе[2] и называвшейся "Художественное сознание русских поэтов", Бартенев большое внимание уделяет рассмотрению творчества Пушкина. Процитируем:

"Для узнания художественного сознания Пушкина мы уже не имеем отдельных статей, как у Жуковского, который систематически излагал сам свои мысли об искусстве... <...> Но зато ни один из поэтов русских в своих стихотворениях так много не говорил о себе, своих чувствах, мыслях, как Пушкин...

...Припомним также загадочное стихотворение «Отрывок», которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города[3]. По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила..."»[4]

[1] Андрей Дмитриевич Зайцев (1951–1997), историк, археограф.

[2] В 1849–1850 гг.

[3] Подразумевается стихотворение А. С. Пушкина «Странник» (1835) (см. ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания). Сообщение П. И. Бартенева подтверждается записью в дневнике Е. А. Хитрово от 1 февраля 1851 г., передавшей слова Гоголя о Пушкине: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться» (см. ***1851. Февраля 1. Четверг. Одесса***).

[4] *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенев // *Свод*. Т. 3. С. 700–701.

ИЮНЯ 1. ЧЕТВЕРГ.
МОСКВА

Гоголь прочел С. Т. и К. С. Аксаковым половину третьей главы второго тома «Мертвых душ» – и обещал на следующий день дочитать главу[1].

В начале июня 1850 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской в Петербург: «Гоголь уезжает опять надолго; зиму ему необходимо провести в теплом климате, он опять расстроился здоровьем. Он читал отесеньке еще третью главу[2], и отесенька и Константин никогда еще не были, кажется, в таком восхищении»[3].

20 августа 1850 г. сам Гоголь сообщал графу А. П. Толстому: «Когда я перед отъездом из Москвы прочел некоторым из тех, которым знакомы были, как и вам[4], две первые главы, [они нашли] оказалось, что последующие сильней первых и *жизнь* раскрывается, чем дале, глубже»[5].

[1] См. ***1850. Июня 2. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1850. Мая 31. Среда. Москва.***

[3] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 875. – Датировка письма уточнена.
[4] См. ***1848. Декабря после 5 – 1849. Июнь. Москва.***
[5] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***

ИЮНЯ 2. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь собирался прочесть третью главу второго тома «Мертвых душ» всему семейству Аксаковых, но по нездоровью С. Т. Аксакова не стал этого делать:

В тот же день С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Мологу: «Гоголь третьего дни[1] прочел мне одному, даже без Константина, 3-ю главу "Мертвых душ". Вчера[2] прочел половину ее в другой раз при мне Константину и сегодня хотел дочитать другую. До того хорошо, что нет слов, Конста говорит, что это лучше всего, но что бы он сказал, если б услышал в другой раз то же? Я утверждаю, что нет человека, который мог бы вполне все почувствовать и все обнять с первого раза. Гоголь приготовил и отделал главу для прочтения всему нашему семейству; но не читал, потому что она так чувствительна, что меня должна расстроить... Как это досадно! Проклятое последнее мое нездоровье тому причиной. Теперь чтение откладывается на год...»[3]

В 1854 г. С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» писал: «До отъезда своего в Малороссию[4], Гоголь прочел третью и четвертую[5] главы»[6].

[1] См. ***1850. Мая 31. Среда. Москва.***
[2] См. ***1850. Июня 1. Четверг. Москва.***
[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 615.
[4] См. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва.***
[5] Четвертая глава второго тома «Мертвых душ» была прочтена Гоголем Аксаковым год спустя, 25 июня 1851 г. (см. ***1851. Июня 25. Понедельник. Москва***).
[6] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 654.

МАЯ КОНЕЦ – ИЮНЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь отправляет записку к А. О. Армфельду[1]:

«Многочтимый Александр Осипович. Так как благодеяний о помещении сиротки[2] не совершилось, то благоволите облагодетельствовать присылкой метрического о ней свидетельства[3]. Хоть это и неважное, положим, благодеяние, но всё же без него девочка, что корнет без эполет – то есть не только без доброго имени, но даже вовсе без имени».

[1] См. также ***1850. Мая около 10–15. Москва.***
[2] Речь идет о сироте Эмилии, воспитаннице матери Гоголя (см. ***1850. Апреля средина. Москва***). Армфельд был инспектором классов сиротского института Московского воспитательного дома.
[3] По-видимому, метрическое свидетельство Эмилии Гоголь решил забрать перед отъездом в Васильевку (см. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***); впоследствии девочка была определена в Полтавский институт.

ИЮНЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. Т. Аксаков уезжает в Радонежье (Абрамцево).

См. ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва.***

ИЮНЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь пишет на родину второе подряд[1] письмо к А. С. Данилевскому:

«Ты ни полсловечка не отвечал мне <...> на мое письмо, ни ты, ни Ульяна Григорьевна. <...> Я всё время болел и вследствие того провел праздно всю зиму, что для меня во всех отношеньях, было тяжело и действов<ало> [дурно] обратно на расстройство моего здоровья. Опять перебираюсь на юг, на Средиземное море. Дорогу хочу сделать на Малороссию, чтобы еще повидаться с вами. Так как экипажем заводиться скучно, да и расходно по моим обстоятельствам, то я присоединился к Максимовичу, который едет отсюда в Глухов. Итак, если ты будешь в это время близ Глухова, то сделаешь большое одолжение, и себя показавши и меня подвезши. Если же тебя не случится, то обращусь с просьбой к Александру Миха<й>л<ови>чу Маркевичу[2], авось у него случится как<ая>-нибудь бричонка, а не то пущусь и "на телеграфе", по выраженью одного станционного смотрителя, не обращая вниманья на хворые бока. <...> Около 20 июня, я полагаю, мы уже будем в Глухове»[3].

[1] См. ***1850. Мая 14. Воскресенье. Москва.***

[2] Марковичу.

[3] См. ***1850. Июня 25. Воскресенье. Глухов, с. Сварково.***

ИЮНЯ 6. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь отправляет письмо к А. С. Стурдзе в Одессу:

«Уже прошло два года с тех пор, как увидались мы в Одессе[1]. <...> Может быть, Бог приведет меня опять к вам в Одессу[2]. Мои увеличившиеся недуги заставляют меня выехать снова куда-нибудь на юг. Не столько побуждает меня к этому самое сохранение здоровья, сколько желание найти место, где бы можно мне кончить свою работу. Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. Нынешнюю зиму я провел в Москве очень дурно и ничего не мог работать. Благодаря милосердье Божье, конечно, и это дурное время было не без пользы, но как подума<ю> о том усыпленьи и бездействии сил, в какие повергают меня холод и стужа зимы, — заране<е> пробирает страх. Хочу провести три зимние месяца где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе. Очень меня обрадуете, если несколькими строчками уведомите о себе, адресуя в Полтаву[3], в деревню моей матери Василевку, где я пробуду, может быть, июль и весь август[4]. Передайте душевный мой поклон Титовым[5]. Если Репнины[6] там, то очень меня обяжете, уведомивши словечком о них и передавши им также мой душевный поклон».

[1] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***

[2] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[3] См. ***1850. Августа около 20. Васильевка, Полтава, Васильевка.***

[4] См. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***

[5] Подразумеваются П. П. и Ю. М. Титовы (см. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** — примечания).

[6] Имеются в виду княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская (рожденная графиня Разумовская, 1778–1864) и ее дочь княжна Варвара Николаевна. Кроме того, в Одессе отдельно от них жил сын В. А. Репниной-Волконской, князь Василий Николаевич Репнин-Волконский, с женой, княгиней Елисаветой Петровной Репниной-Волконской (рожденной Балабиной). (Е. П. Репнина-Волконская — сестра М. П. Вагнер, рожденной Балабиной; бывшей ученицы Гоголя; см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

ИЮНЯ 6. ВТОРНИК. МОЛОГА

И. С. Аксаков пишет отцу, С. Т. Аксакову, в Радонежье (Абрамцево):

«В последнем письме от 2-го июня[1] Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь Вам читал новую главу. Слава Богу! Да что ж он, едет куда-нибудь или нет?..»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 931.

[1] См. ***1850. Июня 2. Пятница. Москва.***

ИЮНЯ 9. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь пишет ответное[1] письмо матери в Васильевку:

«Письмо ваше от 27 мая получил. Говоря о переделке в доме[2], я вовсе не разумел совершенную его перестройку, но поправку, переборку полов, перестановку некоторых печей... <...> Хочу произвести работу при себе потому, что женщины многих вещей никак не сумеют сделать... <...> Для этого я занял не какую-либо большую сумму, но рублей 700, не больше, ассигн<ациями>. Можно даже употребить и до 1000. Хотелось мне именно в это лето, потому что есть у меня теперь свободное время. В будущем же году у меня будет много забот других. Если я пробуду в Малороссии, то дня три, не больше[3], проездом; стало быть, тогда мне не до того. Поэтому прошу похлопотать только о том, чтобы достать наемных плотников и человека два столяра, для того, чтобы в скорости произвести все те вещи внутри дома, которые я придумал для теплоты, да щекотурщиков. Расспросите только о том, как можно достать досок. Если не иначе, как из Кременчуга, то что будут стоить двухвершковые и полуторные с доставкою продающего, ибо нам высылать своих людей нельзя. Всё нужно сделать руками наемными. Хороший печник будет также нужен, но нужно, чтобы он был испытанный и действительно хороший печник. Конечно, было бы недурно переделать хотя с одной стороны (с северной) пристройку так, чтобы вышла лишняя комната: от этой было бы потеплей всему дому. Впрочем, это еще посмотрим при свидании, которое, если Бог даст, может быть в начале будущего месяца, то есть июля»[4].

[1] См. ***1850. Мая 27. Суббота. Васильевка.***
[2] См. ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва.*** — См. также ***1850. Мая 24. Среда. Москва.***
[3] Ср. ***1850. Июня 6. Вторник. Москва; 1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка.***
[4] См. ***1850. Июля 1. Суббота. Сорочинцы, Васильевка, Полтава.***

МАЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ; ИЮНЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ; ИЮНЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВ. ТРОИЦЫ. МОСКВА

Гоголь в указанные воскресные дни, возможно, обедает у Мухановых.

См. ***1850. Июля 2. Воскресенье. С. Архангельское Рязанской губернии.***

МАЙ — ИЮНЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь, вероятно, в доме графа А. Ф. Ростопчина встречается с художником П. А. Федотовым.

В 1853 г. А. В. Дружинин сообщал: «...Он <Федотов> очень уважал Гоголя и на одном вечере, после долгого разговора с автором "Бульбы", сказал потихоньку одному из присутствующих: "Приятно слушать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал!"»[1]

Павел Андреевич Федотов (1815 — 14 ноября 1852), живописец и рисовальщик. Его первая встреча с Гоголем произошла, вероятно, 7 октября 1848 г. в Петербурге, на вечере у художника Ф. А. Бруни[2]. Позднее П. А. Федотов приезжал в Москву, где пробыл с февраля по июнь 1850 г. Здесь он сблизился с Н. А. Рамазановым, встречался с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым[3]. 10 апреля 1850 г. в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества была открыта художественная выставка, в которой принял участие Федотов[4]. В мае 1850 г. его картины были выставлены также в галерее графа А. Ф. Ростопчина (Садовая-Кудринская, № 15) (галерея открыта Ростопчиным для публичного осмотра с 8 января 1850 г.). Вероятно, новая встреча Федотова с Гоголем состоялась в мае-июне 1850 г. именно в доме Ростопчина — в салоне жены последнего графини Е. П. Ростопчиной, — а похвала Гоголя могла относиться и к поэме Федотова «Поправка обстоятельств», и к его картине «Сватовство майора»[5].

В отклике П. М. Леонтьева на работы П. А. Федотова, опубликованном в 1850 г. в «Москвитянине», упоминалось имя Гоголя: «...Не основан ли комизм очень многих сцен, неподражаемо изображенных или описанных нашим Гоголем, на некотором преувеличении? Смелость и своенравие иногда идут художнику и нравятся в нем, лишь бы была сохранена мера: успех в искусстве по большей части зависит не столько от того, что позволяет себе художник, сколько от того, до какой степени он себе это позволяет. <...> Г. Федотов <...> дает нам типы действительных лиц, типы из разных слоев общества. Только эта особенность изменяет характер произведений; относит их уже к другому роду, к другому направлению, и можно сказать слово, назвать направление по имени, — к направлению сатирическому, преобладающему и в теперешней литературе. <...> Сатира, в том значении ее, которое было плодом ее окончательной выработки, является в <Древнем> Риме во время разложения Римского общества. По характеру, ямб и сатира различаются тем, что ямбический поэт нападает на лица, по большей части на своих личных неприятелей, сатирический поэт клеймит недостатки целого общества, или по крайней мере целых его классов. Путь, по которому идет первый, открыт поэту всякого времени; по пути второго можно с успехом идти только в известные времена. <...> Резкого различия родов и направлений теперь нет и быть не может; тем менее может являться у нас сатирическое направление во всей его безотрадной чистоте: в христианском обществе для него нет места. Но знакомство с яркими различиями может помочь нам лучше заметить соответствующие им более тонкие оттенки. <...> К характеристическим, типическим странностям данного времени и места нельзя относиться так, как к странностям преходящим, случайным, или как к странностям, всюду сопровождающим человека. Улыбка, более или менее злая, становится постоянною принадлежностью, входит почти во все миросозерцание такого художника и передается зрителю с тем большею силою, чем сильнее талант художника: наивный хохот или беззаботный смех становятся невозможными»[6].

[1] *Дружинин А.* Воспоминание о русском художнике Павле Андреевиче Федотове // *Свод.* Т. 3. С. 720.

[2] См. ***1848. Октября 7. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1850. Февраля 24. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1850. Апреля 14. Пятница. Москва.***

[5] См.: *Лещинский Я. Д.* Павел Андреевич Федотов. Художник и поэт. Л.; М., 1946. С. 46; см. также: *Земенков Б. С.* Гоголь в Москве. М., 1954. С. 97.

[6] *<Леонтьев П. М.> П. Л.* Эстетическое кое-что по поводу картин и эскизов г. Федотова // Москвитянин. 1850. № 10 (цензурное разрешение 14 мая). <Отд. 6>. С. 25, 27–28, 21–32.

1849–50

1849 — 1850 ИЮНЯ НАЧАЛО. МОСКВА

А. С. Хомяков, предположительно, читает Гоголю из своего «И<сследования> и<стины> и<сторических> и<дей>» (1837–1852) отрывок о славянском происхождении ассирийской царицы Семирамиды («важный намек» на такое происхождение Хомяков находил в истории казачества, в том числе запорожского). После чтения Гоголь дал труду Хомякова название «Семирамида».

В 1873 г. А. Ф. Гильфердинг[1] сообщал: «Все бывавшие у А. С. Хомякова знали, что, кроме стихотворений, которые изредка у него выливались, кроме журнальных статей, за которые заставляли его браться приятели, кроме богословских рассуждений, которые он посылал печатать за границу,

кроме механических изобретений и лингвистических изысканий, одинаково занимавших его всесторонний ум, он постоянно трудился над каким-то обширным ученым сочинением; но никому почти не было известно, какая это работа.

Однажды Гоголь, застав его за письменным столом и заглянув в тетрадку почтовой бумаги, которую друг его покрывал своим мельчайшим бисерным почерком, не оставляя на целом листе ни малейшего местечка неисписанным, — Гоголь прочел тут имя Семирамиды. "Алексей Степанович Семирамиду пишет!" — сказал он кому-то, и с того времени это название осталось за сочинением, занимавшим Хомякова. "Как подвигается Семирамида?" — спрашивали его приятели.

— Я нынче все лето проработал в деревне над своей Семирамидой, — так он однажды встретил пишущего эти строки, по возвращении в Москву, и видно было, что он очень был доволен таким употреблением летнего времени.

— Когда вы надеетесь кончить Семирамиду?

— Я ее никогда не кончу.

— Приступите ли вы скоро к печатанию вашей работы?

— При жизни моей я и не думаю ее печатать; может быть, после моей смерти кто-нибудь издаст.

Это говорил Хомяков тому же лицу, и так действительно случилось.

<...> "Семирамиду" <...> покойный писал более 20 лет[2]. Заглавие "Записки о всемирной истории" не принадлежит автору. Подлинная рукопись не носит никакого заглавия. Наверху первой страницы выставлены только, рукою автора, четыре буквы:

И. и. и. и.

Не знаем, что он этим хотел означить[3]»[4].

По-видимому, знакомство Гоголя с трудом Хомякова состоялось в 1849 — первой половине 1850 гг. (до отъезда Гоголя из Москвы на родину 13 июня 1850 г.). В ноябре 1850 г., в письме к К. С. Аксакову из Богучарово, Хомяков уже называл свой труд «по-гоголевски»: «Теперь тружусь с своею "Семирамидою" и попал на отдел удивительно занимательный, начало средних веков»[5]. О самой ассирийской царице Семирамиде (кон. IX в. до Р. Х.) Хомяков в своих записках упоминает несколько раз, и почти везде не как об историческом лице, но как о «божестве ассирийском», олицетворении «любви и красоты». Из всех этих упоминаний особенно примечательны рассуждения Хомякова по поводу славянского происхождения Семирамиды, наводящие на мысль, что не Гоголь «заглянул в тетрадку» друга, но, возможно, сам Хомяков зачитывал автору «Тараса Бульбы» отрывок из своего труда: «...Должно заметить, что сказка об Амазонках повторялась всею древностию <...> что она везде обозначает Славянские жилища... <...> Что-нибудь да было в обычаях Славянских, чуждое другим племенам и подавшее повод ко всем этим выдумкам. Важный намек на это что-нибудь находим мы в факте, принадлежащем собственно области Славянской, в козачестве, и в холостых общинах воинов. Таково козачество Вендское в Юлине (Иомсбург<е>), таково позднейшее Запорожство. <...> Допущенное начало холостой жизни в пограничной страже *<в публикации 1994 г.:* в пограничной стране> объясняет отчасти возможность совершенного разделения между мужчинами и женщинами и существование особых женских слобод. <...> Как бы то ни было, воспитание Семирамиды голубями связывает ее неразрывно с богинею любви и подтверждает ее Бактрийское происхождение, <и> вывод имени <...> Семирамиды (или *Семи-рады*) из *Земи-рада*... <...> в честь которой до сих пор празднуется в день Преображения Господня голубиный праздник на берегах озера *Ванского* (Венедского)...»[6]

О том, что Хомякову было свойственно читать друзьям отрывки из своей «Семирамиды», свидетельствует, в частности, его письмо к А. В. Веневитинову от мая 1842 г.: «Одоевский здесь у нас. <...> По-прежнему хочет <...> современности индустриальной и материальной и древних пыльных знаний Алхимии и Кабалы. Впрочем, ты знаешь, что для меня и эти древности слишком новы. История кончается Семирамидою, а все, что хоть годом позже, ce sont les commérages d'aujourd'hui <это современные сплетни; *фр.*>. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребывание здесь так коротко. Не успею досказать и сотой части о Славянах до времен Семирамиды»[7]. 4 октября 1845 г. С. П. Шевырев сообщал Гоголю: «Хомяковы в деревне. Он <Хомяков> приезжал сюда на несколько дней, с открытием славян на Кавказе в IV веке...»[8] В свою очередь, И. С. Аксаков 8 апреля 1852 г. писал родным: «Вчера я сидел вечером у Хом<якова>, который читал мне много из статей "Семирамиды": о состоянии мира перед христианством, о Магомете и мн. др.»[9]

Над своими записками о всемирной истории Хомяков работал с 1837 по конец 1852 г. Начало работы над сочинением связано с появлением в сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп» «Философического письма»

П. Я. Чаадаева, где «основная проблема будущих исторических записок Хомякова поднималась негативно»: «Спор, не состоявшийся на журнальных страницах, отложился в историко-философском труде. <...> Труд Хомякова претендовал на то, чтобы восполнить пробел в современной ему историографии, почти игнорирующей славян...»[10] — Ср. также гоголевские <Наброски очерка о славянах> (1832 — начало 1834), положенные писателем в основу одной из его университетских лекций «Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи» (июль — август 1834 г.)[11].

Увлечение Гоголя славянской историей зародилось еще в Нежине. Кроме «славянских» глав в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, известной будущему писателю со школьных лет, обращают на себя внимание многочисленные «славянофильские» материалы, печатавшиеся в 1827–1828 гг. в «Московском Вестнике», преимущественное влияние которого Гоголь испытал в Нежине[12]. Это сообщения о трудах В. Ганки, Й. Юнгмана, В. Караджича, Ф. Палацкого и других славистов (в постоянном разделе «Иностранная переписка» — 1827. № 1–5); статьи М. П. Погодина (1827. № 14; 1828. № 12), А. В. Веневитинова (1827. № 15, 23), А. Х. Востокова (1827. № 17), П. И. Кёппена (1828. № 2), Ю. И. Венелина (1828. № 15, 16, 18) и др.[13] Эти публикации должны были определенно «упрочить» влияние на Гоголя директора Нежинской гимназии, «ретивого славянофила» И. С. Орлая[14].

Кроме «славянофильских» публикаций Погодина в «Московском Вестнике», Гоголю, возможно, еще в Нежине стал известен перевод Погодина сочинения известного ученого, «отца славянской филологии» чеха Й. Добровского (1753–1829): Кирилл и Мефодий, Словянские первоучители. Историко-критическое исследование Иосифа Добровского. Перевод с Немецкого. М., 1825 (цензурное разрешение 30 апр.) (это сочинение Добровского Погодин переводил, еще будучи студентом[15]).

В 1836 г. в рецензии «Исторические афоризмы Михаила Погодина...» (с публикациями «исторических афоризмов» Погодина Гоголь был знаком с 1827 г.[16]) Гоголь, в частности, сообщал: «Вот реестр изданных им <Погодиным> сочинений: Исследование о Кирилле и Мефодии, Иосифа Добровского. <...> Славянская грамматика, Добровского, переведенная вместе с г. Шевыревым» (последний перевод был издан в Петербурге в 1833–1834 гг.[17]). — См. название этой книги в «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» Погодиным[18].

[1] Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), славист, этнограф.

[2] См. примеч. ниже.

[3] Предложены две расшифровки криптограммы — «И<роническое> и<сследование> и<стинной> и<стории>« (*Цимбаев Н. И.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 230; см. также: *Цимбаев Н. И.* «Иное дело — мы». Историософия позднего А. С. Хомякова // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. М., 2007. Т. 2. С. 119) и «И<сследование> и<стины> и<сторических> и<дей>» (*Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и подгот. текста В. А. Кошелева. Примеч. В. А. Кошелева, Н. В. Серебренникова, А. В. Чернова. М., 1994. Т. 1. С. 539–540; *Серебренников Н. В.* Датировка «И. и. и. и» и опыт раскрытия аббревиатуры // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 274–282).

[4] *Гильфердинг А. Ф.* Предисловие <к запискам о всемирной истории А. С. Хомякова «Семирамида» («И. и. и. и.»)> // *Свод.* Т. 3. С. 204.

[5] «Крепкая связь единомыслия...» Хомяков и Аксаковы. Публикация, коммент., послесловие Т. Ф. Пирожковой // Наше наследие. 2004. № 71. С. 96.

[6] Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. М., 1871. Т. 3, изданный под редакциею А. Ф. Гильфердинга / А. С. Хомякова Записки о всемирной истории. Ч. 1. С. 309–310, 408; см. также: *Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 269–270, 350.

[7] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 54.

[8] См. ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва.***

[9] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 234.

[10] *Кошелев В. А.* Примечания // *Хомяков А. С.* Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 538–540.

[11] *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 11–25.

[12] ***1827. Января 1. Суббота. Праздник Обрезания Господня. Москва*** (примечания); ***1828. Июня не позднее 23. Нежин*** (примечания).

[13] См.: ***1845. Августа 17 <5>. Воскресенье. Прага*** (примечания); *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати)

[14] См. ***1822. Февраля 10. Пятница. Нежин*** (примечания); *Виноградов И. А.* Примечания // *Гоголь 2001.* С. 495–498; *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004. С. 260–264; *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–55; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 99–220; *Виноградов И. А.* Гоголь в Нежинской гимназии

высших наук: Из истории образования в России. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 148–183. – См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта – 1 апреля 2012 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2012. С. 20–27.

[15] См.: *<Погодин М. П.>* Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 239.

[16] См. ***1827. Января 15. Суббота. Москва*** (примечания).

[17] Грамматика языка Славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие Славяне Греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедания имеют церковные книги. Соч. Аббата Иосифа Добровского, Философии доктора, члена Чешского общества наук и других обществ. СПб.: В типографии Имп. Академии наук, 1833. Ч. I. Перевел с Латинского М. Погодин; СПб.: В типографии Имп. Академии наук, 1834. Ч. II и III. Перевел с Латинского С. Шевырев.

[18] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 732.

ИЮНЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет записку к М. А. Максимовичу:

«Не выезжаю из дома, чтоб не разъехаться с Гоголем или <Анд. Н.> Карамзиным. Не знаю, будет ли возможность приехать завтра проститься с тобою. Всего бы лучше, если бы вы назначили час на заставе. Я приехал бы туда хоть в заутрени».

Свод. Т. 2. С. 496.

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 13. МОСКВА

Гоголь встречается с графом В. А. Соллогубом.

Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «Гоголя я видел в последний раз в Москве в 1850 году, когда я ехал на Кавказ. <...> Гоголь проживал тогда у графа Толстого и был погружен в тот совершенный мистицизм, которым ознаменовались последние годы его жизни. Он был грустен, тупо глядел на все окружающее его потускневший взор, слова утратили свою неумолимую меткость, и тонкие губы как-то угрюмо сжались. <...> Он пришел со мной проститься и начал говорить так сбивчиво, так отвлеченно, так неясно, что я ужаснулся, смешался и сказал ему что-то про самобытность Москвы. Тут лицо Гоголя прояснилось, искра прежнего веселья сверкнула в его глазах, и он рассказал мне по-гоголевски один в высшей степени забавный и типичный анекдот, которым, к сожалению, я с моими читательницами поделиться не могу[1]. Но тотчас же после анекдота он снова опечалился, запутался в несвязной речи, и я понял, что он погиб. Он страдал долго, страдал душевно, от своей неловкости, от своего мнимого безобразия, от своей застенчивости, от безнадежной любви[2], от своего бессилия перед ожиданиями русской грамотной публики, избравшей его своим кумиром. Он углублялся в самого себя, искал в религии спокойствия и не всегда находил; он изнемогал под силой своего призвания, принявшего в его глазах размеры громадные; томился тем, что непричастен к радостям, всем доступным, и изнывал между болезненным смирением и болезненной, несвойственной ему по природе гордостью, умер от борьбы внутренней, так, как Пушкин умер от борьбы внешней»[3].

В это же время, до отъезда на родину 13 июня 1850 г.[4], Гоголь составляет «Реестр книг, остающихся в Москве».

В «Реестре...» отмечены: «Собрание русских летописей» (2 книги); «Словарь церковно-словенский академический» (2 книги)[5]; «Церковный словарь»[6] (2 книги); «Греческий словарь Кос<с>о-

вича»[7]; «Lexicon graeco-latinum»[8]; «Collection des auteurs latins»[9]; «Homeri carmina»[10]; «История Евсевия»[11] (2 книги); «Записки на книгу Бытия»[12]; «Luciani opera»[13]; «Aristophanis comediae»[14]; «Древняя история Беккера»[15]; «Средняя история»; «География Зябловского»[16] (6 книг).

[1] Ср. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (свидетельство Соллогуба).

[2] См. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[3] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 654–656.

[4] См. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва.***

[5] См. также ***1848. Октября вторая половина – 1849.***

[6] Общий Церковно-Славяно-Российский Словарь, или Собрание речений, как отечественных, так и иностранных, в Церковно-Славянском и Российском наречиях употребляемых... составленное П<етром> С<околовым>. СПб., 1834. Ч. 1–2.

[7] *Коссович И. А., Коссович К. А.* Греческо-Русский словарь: изданный иждивением Департамента Народнаго Просвещения. М., 1848. Ч. 1–2 (цензурное разрешение 18 июня 1847 г.).

[8] Словарь греческо-латинский.

[9] Собрание латинских авторов.

[10] Поэмы Гомера.

[11] «Церковную историю» Евсевия Кесарийского Гоголь просил для него купить графиню А. М. Виельгорскую в письме к ней от 16 апреля 1849 г. (см. ***1849. Апреля 16. Суббота. Москва***).

[12] Сочинение святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, выдержавшее несколько переизданий (1-е изд. – СПб., 1816).

[13] Сочинения Лукиана Самосатского (ок. 120 – после 180).

[14] Комедии Аристофана (444 – между 387 и 380 до Р. Х.).

[15] Имеется в виду учебник немецкого историка Карла Фридриха Беккера (1777–1806), переведенный Н. И. Гречем: Древняя история (СПб., 1843).

[16] См. ***1834. Декабря 29. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ 13. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре. «Роль Кочкарева играл в 1 раз *Шумский*»[1].

В тот же день, накануне отъезда из Москвы на родину, Гоголь отправил записку к О. Сем. Аксаковой[2]:

«Мы с Максимовичем заедем к вам на дороге, то есть перед самым отъездом, часу во втором, стало быть, во время вашего завтрака, чтобы и самим у вас чего-нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлет, или, пожалуй, вареников, и запить бульонцем».

После обеда у Аксаковой Гоголь и М. А. Максимович отправились из Москвы на Украину. (Будучи уверен, что едет «в жаркий климат», Гоголь оставил тогда в Москве свою шубу[3].)

«Одновременно с Гоголем и Максимовичем из Москвы выехал и Хомяков <с женой>[4], в свое Богучарово, под Тулой»[5].

Спустя несколько дней, в понедельник 19 июня 1850 г., С. Т. Аксаков писал сыну Ивану из Радонежья (Абрамцево): «Если Гоголь в эту зиму ничего не сделает, то я крепко буду бояться за окончание его великого подвига. Гоголь отправился в путь прямо из нашего дому[6], позавтракав на дорогу варениками и пр., что, без сомнения, доставило большое удовольствие матери[7].

В последнее время я замечал в Гоголе необыкновенное ко мне чувство: или записки мои[8] ему очень понравились, а также и замечания на его второй том, или болезненность моя его разжалобила»[9].

Ранее, незадолго до отъезда Гоголя или в самый день отъезда, В. С. Аксакова также сообщала И. С. Аксакову: «Первый <Гоголь> едет на год, другой <Максимович> возвратится к зиме. Они заедут и к Смирновой, и к Елагиным»[10].

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «Гоголь чувствовал, что суровая северная зима действует вредно на его здоровье, но в его планы <в 1850 г.> не входили уже поездки за границу, и потому он избрал своим зимовьем Одессу, откуда намеревался проехать в Грецию, или в Константинополь. Для этого он начал заниматься новогреческим языком, по молитвеннику, который, во время переезда в Малороссию, составлял единственное его чтение. Он читал его по утрам вместо молитвы, стараясь, однако ж, делать это тайком от своего спутника.

Спутником его был М. А. Максимович, с которым он договорил заезжего из Василькова (Киевской губернии) еврея, с известною будкою на колесах, называющеюся, неизвестно почему, брикою, или шарабаном. В нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намеревались сесть в рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но еврей, порядившийся вести Гоголя, надул его самым плутовским образом. Ему нужно было только остаться под этим предлогом в Москве до получения паспорта, а потом он начисто отперся от своего словесного обязательства.

Гоголь был в страшной досаде, но делать было нечего. И вот путешественники приискивают себе другого "долгого" извощика, уже из православных; тот закладывает в свою громадную телегу тройку коренастых, но тупых на ногу лошадей; укладываются в нее пожитки обоих литераторов; впрягается такая же тройка в бричку г. Максимовича, и 13 июня (1850) они выезжают из Москвы в бесконечную дорогу через несколько губерний.

По рассказу г. Максимовича, они оставили Москву в пятом часу по полудни, или, говоря точнее, в это время они выехали из дому Аксаковых, у которых они на прощаньи обедали»[11].

[1] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ*. Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[2] Письмо адресовано О. Сем. Аксаковой, а не С. Т. Аксакову, так как последний 4 июня 1850 г. уехал в Радонежье (Абрамцево), где пробыл до 21 ноября 1850 г. (см. ***1850. Июня 4. Воскресенье. Москва***; ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва***). И. С. Аксаков 12 июня 1850 г., в частности, писал родителям из Мышкина: «Вчерашняя почта привезла мне ваши письма, милый отесинька и милая маминька: от Вас — из деревни и от маменьки — из Москвы от 9-го июня» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 149).

[3] См. ***1850. Октября 28. Суббота. Одесса.***

[4] См. также ***1850. Июня в ночь с 13 на 14. Подольск.***

[5] *Барсуков.* 1897. Кн. 11. С. 142.

[6] 13 июня 1850 г.

[7] Очевидно, эти сведения С. Т. Аксаков почерпнул из письма жены, так как 4 июня 1850 г. он уехал из Москвы в Радонежье (см. примеч. выше).

[8] Имеются в виду «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[9] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 615.

[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 875.

[11] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 633.

ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин на гастролях в Харькове исполняет роль Городничего в «Ревизоре».

Гриц. С. 457.

ИЮНЯ 13 – ИЮНЯ 25. МОСКВА, ПОДОЛЬСК, МАЛОЯРОСЛАВЕЦ, КАЛУГА, ОПТИНА ПУСТЫНЬ, ДОЛБИНО, СЕВСК, ГЛУХОВ

Гоголь и М. А. Максимович находятся в дороге, по пути на родину.

М. А. Максимович 24 ноября 1853 г. вспоминал: «...Я выехал с ним <Гоголем> из Москвы 13 июня 1850 года... расстался в Глухове 25 июня...»[1]

М. П. Погодин в своем дневнике записал: «*Июнь.* <...> *6–13.* <...> Гоголь уехал, не простясь, окончательно, а впрочем обедал с Максим<овичем>[2] <у О. Сем. Аксаковой>»[3].

В заметках о Гоголе 1861–1864 гг. В. С. Аксакова сообщала: «В мае <в июне> уехал он с Максимовичем в Малороссию, а оттуда в Одессу, где и провел зиму...»[4]

[1] *Максимович М. А.* Родина Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 639.
[2] См. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва.***
[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 499.
[4] Список с заметок Веры Аксаковой, писанных карандашом, о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 898.

ИЮНЯ В НОЧЬ С 13 НА 14. ПОДОЛЬСК

Гоголь с М. А. Максимовичем и А. С. и Е. М. Хомяковыми в Подольске.

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «Первую ночь провели в Подольске, где в то же время ночевали Хомяковы, с которыми Гоголь и его спутник провели вечер в дружеской беседе».

Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 633.

ИЮНЯ 14–15. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Гоголь и М. А. Максимович ночуют в Малоярославце. Утром, после молебна в Малоярославецком Николаевском монастыре, познакомились с настоятелем обители игуменом Антонием (Путиловым)[1], который пригласил их к чаю и благословил каждого образком Святителя Николая Чудотворца.

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу о поездке с Гоголем в 1850 г.: «По дороге он любил заезжать в монастыри и молиться в них Богу. <...> На 15-е июня ночевали в Малом Ярославце; утром служили в тамошнем монастыре молебен; напились у игумена чаю и получили от него по образу св. Николая»[2].

Позднее Н. П. Барсуков сообщал: «Двадцать лет спустя после посещения названной обители, М. А. Максимович, в день моих именин, прислал мне финифтяный образок св. Николая, при следующем письме: “Сегодня имен<ин>ник вы, возлюбленный и добрейший Николай Платонович, и я обращаюсь к вам мысленно и вседушевно с своим приветом. А во знаменье того, я послал вам финифтяный образок *Св. Николая*, бывший со мною неразлучно слишком двадцать лет – здесь, и в Москве, и Киеве, – и не менее семи тысяч раз зревший меня перед ним молящегося. Примите его от меня радушно, как дружескую память и Михайлогорское вам благословение. Меня же благословил *Им*, и таким же другим образом спутника и друга моего Гоголя, в *1850* году, когда мы вдвоем ехали из Москвы, и в Малом Ярославце, отслужив молебен в монастыре св. Николая, посетили тогдашнего там игумена Антония, младенца о Христе, который, напоив нас чаем, благословил оными образками”»[3].

Преподобный Антоний (Путилов, 1795–1865) Оптинский приходился младшим братом преподобному Моисею (Путилову) Оптинскому, настоятелю Оптиной Пустыни (1782–1862). Еще одним родным братом преподобного Антония был настоятель Саровской Пустыни игумен Исайя (II) (1786–1858).

Год спустя после посещения Малоярославца в 1850 г., 11 июня 1851 г., Гоголь писал графу А. П. Толстому, советуя ему побывать в Оптиной: «Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце <...> к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому <...> третий их брат игуменом Соровской <так> обители и тоже, говорят, очень достойный настоятель».

Как игумен Исайя, так и преподобный Моисей Оптинский начинали свое монашеское поприще в «Саровском Иерусалиме», при преподобном Серафиме Саровском. Братья пришли сюда в 1805 г.; старший пробыл в обители до 1811 г., средний брат — до конца дней, став, еще при жизни старца, в 1822 г., казначеем монастыря, в 1842 г. — настоятелем. В братьях Путиловых, упоминаемых Гоголем, представлены, таким образом, одновременно и «саровцы», и «оптинцы». В Оптиной Гоголь мог видеть даже устроенный в одном из храмов учениками и почитателями Серафима Саровского, «сразу после его кончины», «уголок с его личными вещами (мантия, епитрахиль, книги — все это видно на сохранившейся в Оптиной фотографии этого памятного серафимовского уголка). На каждой панихиде поминалось имя "отца нашего приснопамятного иеромонаха Серафима"»[4]. В 1876 г. в Оптиной скончался родственник отца Серафима, бывший «курский мещанин» Иван Михайлович Токарев, которого в молодости старец учил Иисусовой молитве[5].

В свою очередь, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре Гоголь встречался с учеником преподобного Серафима Саровского наместником преподобным Антонием (Медведевым)[6]. В Лавре Гоголь мог видеть также автора первого жизнеописания старца Серафима архимандрита Сергия (Васильева) (пространные извлечения из этого жития М. П. Погодин напечатал в 1842 г. в третьем номере «Москвитянина» — вместе с гоголевским «Римом»[7]).

Кроме отцов Антония и Сергия, в Лавре Гоголь мог видеть и других учеников преподобного Серафима — иеромонаха Георгия (Иванова, бывшего послушника Гурия) и иеромонаха Авеля (Ванюкова, ум. в 1869). Все они в течение 1830-х гг. перебрались сюда из Саровской Пустыни к наместнику Антонию — и в свою очередь принимали участие в составлении записок о старце (публикации 1844 и 1860 гг.)[8]. Именно преподобный Антоний, вместе с святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским, в конце 1830-х гг. много сделал для издания первого жизнеописания Серафима Саровского.

[1] См. также ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга*** (примечания).

[2] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 634, 633.

[3] *Барсуков*. 1897. Кн. 11. С. 143.

[4] *Ильюнина Л. А.* Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века. СПб., 2012. С. 42.

[5] Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX — начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012. С. 141–142.

[6] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***. — См. также ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** (примечания).

[7] См. ***1842. Февраля 25. Среда. Москва*** (*примечания*). — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Гоголя: Москва и Оптина Пустынь // Оптинский альманах. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустырь, 2016. Вып. 5. «Добродетель ангелов». С. 86–93; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

[8] См.: *Руди Т. Р.* Ранние жития Серафима Саровского: вопросы литературной истории // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы. СПб., 1999. С. 427–434; Первые жития преподобного Серафима Саровского / Сост., коммент. С. С. Бычкова. Нижний Новгород, 2006.

ИЮНЯ 15–16. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. КАЛУГА

Гоголь и М. А. Максимович проездом в Калуге. Ночевали и обедали в доме А. О. Смирновой, где встретились с графом А. К. Толстым. Смирновой и Толстому Гоголь говорил о своем намерении «совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю», и обсуждал с ними возможность получения заграничного паспорта для поездки на Афон[1]. После обеда Гоголь и Максимович отправились, через Козельск, в Оптину Пустынь[2].

Спустя три недели, 9 июля 1850 г., И. С. Аксаков сообщал родным из Данилова: «В Данилове я нашел себе письмо от А<лександры> О<сиповны>[3]. Она пишет <...> что Гоголь, вероятно, поселится на Афонской горе[4] и там будет кончать "Мертвые Души" (как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость[5], по-моему: среди строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.)»[6].

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «На 16 число ночевали в Калуге, и 16-го обедали у г-жи С<мирнов>ой, искренней приятельницы Гоголя, который питал к ней глубокое уважение. <...> Странным иному покажется, что Гоголь не был в состоянии ехать на почтовых; но таковы именно были тогдашние его обстоятельства. По крайней мере он считал необходимым отказать себе в этом удобстве и предпочесть медленную и дешевую езду быстрой и дорогой. Между тем мне известно, что он вез матери рублей полтораста серебром, в подарок. <...> ...Путешественники наши подвигались вперед довольно медленно; но Гоголь не чувствовал, по-видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживал самое спокойное состояние души, как во время езды, так и на постоялых дворах. Его все занимало в дороге, как ребенка, и он часто, для выражения своих желаний, употреблял язык, каким любят объясняться между собою школьники. Так, например, ложась спать, он "отправлялся к Храповицкому"[7], а когда желал только отдохнуть, то говаривал своему спутнику: "Не пойти ли нам к Полежаеву?" Хаживал он также к "Обедову" и к другим господам по разным надобностям, и все это без малейшего вида шутки[8]. Когда надоедало ему сидеть и лежать в бричке, он предлагал товарищу "пройти пехандачка" и мимоходом собирал разные цветы, вкладывал их тщательно в книжку и записывал их латинские и русские названия, которые говорил ему г. Максимович. Это он делал для одной из своих сестер <Ольги>, страстной любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняние. Иногда, выезжая в лес, он говорил: "Тут сосна должна быть: так и пахнет сосной", и действительно путешественники открывали между берез и дубов сосновые деревья. На станциях он покупал молоко, снимал сливки и очень искусно делал из них масло, с помощью деревянной ложки. В этом занятии он находил столько же удовольствия, как и в собирании цветов, и никто бы не узнал в нем того, что мы привыкли разуметь под названием поэта. Он был простой путешественник, немножко рассеянный, немножко прихотливый, порой детски затейливый, порой как будто грустный, но постоянно спокойный, как бывает спокоен старик, переиспытавший много на веку своем и убедившийся окончательно, что все в мире совершается по строгим законам необходимости и что причина каждого неприятного для нас явления может скрываться вне границ не только нашего влияния, но и нашего ведения. <...>

Во время дороги Гоголь, кроме обычных своих шуточек, вообще говорил мало, и в этом малом мысли его обращались преимущественно к предметам практической жизни. Так, например, он рассуждал о современной страсти к комфорту и роскоши и приходил к такому заключению, что нам "необходимо приучать себя к суровости жизни, а то комфорт и роскошь заводят нас так далеко, что мы проматываемся час от часу более, и наконец нам нечем жить". На этом основании, он отвергал употребление в сельском быту рессорных экипажей, особенно для людей его состояния, и придумывал, как бы взять в том случае средину между дорогим комфортом и грубою дешевизною.

Всего замечательнее в его суждениях о жизни было то, что он всякую идею примеривал сперва на себе и потом уже пускал ее в ход для служения близким. Так и в настоящем случае он не был похож на тех философов, которые заботятся о воздержании прочих, не зная никаких пределов собственным прихотям. Он ехал на долгих и рассуждал об упрощении помещичьего быта. <...>

Прихотливость Гоголя в дороге обнаруживалась в том, что он вместо чаю пил кофе, который варил собственноручно на самоваре, и если мог остановиться в гостинице, то всегда предпочитал ее постоялому двору. Впрочем, он делал эту уступку своим строгим правилам жизни, вероятно, только для поддержания своего хилого здоровья, о котором он выражался с трогательною наивностью в своих письмах, что оно ему *нужно*. (Он говорил своему спутнику, что пол-чашки чаю действует на его нервы сильнее, нежели большой стакан кофе.)»[9].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Когда он приехал с Максимовичем в Калугу, от Москвы до Калуги они останавливали тарантас и собирали

цветы и завалили экипаж ими; в Калуге остались три дня, сушили травы и наклеили их как следует. Они останавливались по дороге ночевать только в Монастырях... <...> ...Николай В<сильевич> <...> поехал на лето в Васильевку, где с нетерпением ожидали его мать и сестры. Он сеял и сажал деревья и кусты и выучил сестер, как это делать. Привез им как руководителя книгу Храповицкого[10] о сельском хозяйстве, которую считал истинным сокровищем»[11].

Около 1873 г. Смирнова сообщала также А. Н. Пыпину о задуманной Гоголем книге по русской географии для юношества[12]: «Геогр<афия> д<олжна> б<ыть> так нап<исана>, ч<тобы> б<ыла> сл<ышна> связь чел<овека> с той почв<ой>, на кот<орой> он родился. Все входило в общую теорию. — Очень любил соч<инение> Храповицкого о хозяйстве»[13].

П. А. Кулиш, со слов графа А. К. Толстого, в свою очередь, сообщал: «Между прочим, путешествие на долгих было для него уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, ездя по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, "чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился". Обо всем этом говорил Гоголь у г-жи С<мирнов>ой, в присутствии графа А. К. Т<олсто>го, который был знаком с ним издавна, но потом не видал его лет шесть, или более[14]. Он нашел в Гоголе большую перемену. Прежде Гоголь, в беседе с близкими знакомыми, выражал много добродушия и охотно вдавался во все капризы своего юмора и воображения; теперь он был очень скуп на слова, и все, что ни говорил, говорил, как человек, у которого неотступно пребывала в голове мысль, что "с словом надобно обращаться честно", или который исполнен сам к себе глубокого почтения. В тоне его речи отзывалось что-то догматическое, так, как бы он говорил, своим собеседникам: "Слушайте, не пророните ни одного слова". Тем не менее, однако ж, беседа его была исполнена души и эстетического чувства. Он попотчивал графа двумя малороссийскими колыбельными песнями, которыми восхищался, как редкими самородными перлами[15]. <...> Вслед за тем Гоголь попотчивал графа лакомством другого сорта: он продекламировал, с свойственным ему искусством, великорусскую песню[16], выражая голосом и мимикою патриархальную величавость русского характера, которой исполнена эта песня»[17].

В 1890 г. дочь Смирновой, Ольга Николаевна, по поводу письма матери к Гоголю от 24 июня 1850 г.[18] замечала: «Гоголь был в Малороссии[19] и приехал в Калугу, к нам, где и встретил гр<афа> А. К. Т<олстого>, который читал ему свои первые стихи. Граф Толстой воспитывался с наследником»[20]. — Поясняя другое письмо матери, от 30 июля 1850 г.[21], она также сообщала: «В июне 1847 г. моя мать поправлялась от родов, а гр<аф> А. К. Толстой приехал в Калугу только в 1849 г., уезжал к дяде Перовскому и опять вернулся в Калугу и прожил зиму 1850 г.»[22]

В 1885 г. О. Н. Смирнова писала: «Много толковали <...> когда-то о посещении Гоголем Оптиной Пустыни. Он ездил туда из Калуги, куда и вернулся опять, к моим родным, полный впечатлений и рассказов об этой обители. Его привлекли туда слухи о знаменитом монахе-ботанике (занимавшемся и медициной), отце Мойсее[23], о садах и питомниках которого ходила молва. Он сравнивал его с виденными в Италии почтенными отшельниками и был неистощим в похвалах образованным, просвещенным монахам, отдавшим свои знания и жизнь на служение окрестному люду (они лечили крестьян). Все аскетические и мистические крайности отталкивали Гоголя. Он допускал их возможность, но никогда их не проповедовал. Он во всем и прежде всего ценил простоту и стройность. Его молчание принимали за согласие: он просто не переносил споров. Когда собеседники начинали горячиться, он, в противность им, делался рассеянным. Он вставал, быстро переменял разговор, открывал окно, "чтоб освежить температуру, — так слишком горячились", или просил кого-нибудь поиграть на рояли, "чтоб восстановить гармонию".

Если из его молчания сделали вывод, что он разделяет мистические бредни, то пришли к заключению, ничуть на него не похожему. Было бы крайне желательно уничтожить это ложное предание, налагающее тень на гениальную натуру: Гоголь был далек от всего посредственного, ребяческого или узкого в своих взглядах на жизнь, на религию, на свое собственное призвание, на сущность всего существующего. Возможно ли, чтоб дивный художник, проводивший целые часы перед древней статуей или фресками Рафаэля и Микель-Анджело, мог превратиться вдруг в угрюмого, одержимого бредом аскета?»[24]

Н. М. Колмаков, вспоминая о пребывании в Калуге А. О. Смирновой, замечал: «Жена Смирнова, Александра Иосифовна, <...> святошей, как она теперь выставляется в переписке своей с Гоголем ("Русская Старина", изд. 1890 г., июнь, июль, август), <...> мне не казалась. Это Гоголю хотелось, чтобы она была богомолкою, вот она, вероятно, в угоду ему, прикинулась религиозною и черкала ему письма в душеспасительном тоне, не предвидя того, что все эти письма будут читать те лица, которые ее знали лично.

Нет, нет, Александра Иосифовна! Питая к вам глубокое уважение, я должен сказать, что при жизни своей вы не такие были, как хотите казаться в ваших письмах к Гоголю! Вспомните бал 1850 года, в Дворянском собрании, я стоял возле вас, а вы, глядя на вальсирующую молодежь и вообще на приличную во всем обстановку, вспомнив фразу Гоголя: *пошла губерния плясать*, — сказали: "Ну, откуда Гоголь берет свои карикатуры? У него в губернии что ни чиновник, то взяточник; и вообще, что ни человек, то урод, и самого скверного свойства; жалкий он человек!" Я согласился с вами!

Потом у вас, в губернаторском доме, тоже в Калуге, всегда была самая интеллигентная публика, преимущественно молодежь. Какой же вела разговор в присутствии вашем эта молодежь! Вспомните, вы сами проповедовали любовь, женитьбу, уродливость того, кто остается холостым. Одним словом, молодежь, под наитием вашим, вела самый оживленный разговор, а о религии ни полслова. Да, в 1850 году вы жили весело!»[25]

В. И. Шенрок сообщал: «Не удовлетворившись своим путешествием в Иерусалим, Гоголь собирался, однако, предпринять со временем другое путешествие туда. Н. Н. Сорен, урожденная Смирнова, дочь Александры Осиповны, припоминает, что он часто говорил уже в 1850 году о новой поездке в Иерусалим, причем она, тогда еще маленькая девочка, спросила его: "А меня возьмете в Иерусалим?" Гоголь ответил задумчиво: "Я не скоро поеду; мне нужно прежде кончить дело"»[26].

[1] См. ***1850. Июня 28. Среда. Калуга.***

[2] См. ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь.***

[3] Смирновой.

[4] См. также ***1850. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Калуга***; ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса*** (примечания).

[5] См. ***1850. Февраля 28. Вторник. Москва*** (примечания).

[6] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 931.

[7] См. также ***1827. Июня конец — августа средина. Васильевка***; ***1841. Сентября 27 <15>. Дрезден***; ***1842. Августа 5 <июля 24>. Мюнхен.***

[8] «В "Мертвых душах", на стр. 362, мы читаем: "...Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знались только, как выражаются, с помещиками Завалишиным и Полежаевым (знаменитые термины, произведенные от глаголов полежать и завалиться, которые в большом ходу у нас на Руси: все равно как фраза: заехать к Сопикову и Храповицкому)..."» (примеч. П. А. Кулиша).

[9] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 633–635.

[10] Михаил Васильевич Храповицкий (1758–1819), переводчик, брат А. В. Храповицкого.

[11] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 272.

[12] См. также ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

[13] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

[14] См. ***1838. Ноября 15 <3> — 1839. Июня средина <июня начало>. Рим.***

[15] «Ой спы, дытя, без сновыття...» и «Ой ходыть сон по улоньци...» (см. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 431).

[16] «Пантелей государь ходит по двору...» (см. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 432).

[17] Воспоминания графа А. К. Толстого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 2. С. 396–397.

[18] См. ***1850. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Калуга.***

[19] На самом деле Гоголь ехал из Москвы в Малороссию.

[20] *Шенрок В. И.* <Объяснения О. Н. Смирновой к письмам ее матери А. О. Смирновой Гоголю (1890)> // *Свод*. Т. 2. С. 306.

[21] См. ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга.***

[22] *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 12. С. 655.

[23] Речь идет о преподобном Макарии (Иванове, 1788–1860), иеросхимонахе Оптиной Пустыни, переводчике и издателе святоотеческих творений; его память совершается 7 сентября и 11 октября.

[24] *Горленко В. П.* Воспоминания г-жи Смирновой о Гоголе. <Перевод статьи О. Н. Смирновой «Etudes et souvenirs» (1885)> // *Свод*. Т. 299.

[25] Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // *Свод*. Т. 1. С. 788–789.

[26] Гоголь в воспоминаниях Н. Н. Сорен (рожденной Смирновой), в записи В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 2. С. 371.

ИЮНЯ 17–19. СУББОТА-ПОНЕДЕЛЬНИК. ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Гоголь с М. А. Максимовичем в Оптиной Пустыни[1]. Присутствовали на всенощном бдении, затем Гоголь посетил старцев и познакомился с послушником о. Петром Григоровым, которому рассказал о своем пребывании на о. Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского[2].

Позднее, 10 июля 1850 г., Гоголь писал графу А. П. Толстому: «Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: всё становится приветливее, поклоны ниже и участья к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители...»

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу о своей поездке с Гоголем на родину: «Особенно понравилась ему Оптина пустынь, на реке Жиздре, за Калугою. Гоголь, приближаясь к ней, прошел с своим спутником до самой обители, версты две, пешком. На дороге встретили они девочку, с мисочкой земляники, и хотели купить у нее землянику; но девочка, видя, что они люди дорожные, не захотела взять от них денег и отдала им свои ягоды даром, отговариваясь тем, что "как можно брать с странных людей деньги?"

— Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — заметил Гоголь, умиленный этим, конечно редким, явлением. — И я не раз замечал подобное влияние таких обителей. <...>

Он утверждал, что такие религиозные учреждения, как Оптина пустынь, распространяют благочестие в народе, и подтверждал искренность своего убеждения своим посещением иноческих обителей и своими молитвами в них. Он проповедовал терпение и исполнение ближайшего своего долга, и явил в себе образец терпения изумительного и совершенное бесстрастие к тому, что не входило в пределы его литературной деятельности. Это была истинно гениальная, самообразующая себя натура, в которой перед нашими глазами совершилась борьба добрых начал с злыми, в ободрение и в назидание всех созерцавших ее»[3].

В 1863 г. один из оптинских монахов писал редактору «Домашней Беседы» В. И. Аскоченскому[4]: «В бумагах настоятеля нашей обители покойного о. архимандрита Моисея[5] нашлось собствен-

норучное письмо незабвенного Н. В. Гоголя, писанное им в 1850 году к одному старцу-иеромонаху[6]. Из расспросов я узнал, что Николай Васильевич, посетив в этом году нашу обитель, слушал в церкви всенощное бдение, во время которого молился весьма усердно и с сердечным умилением, потом посетил некоторых старцев и уехал в Белевский уезд в с. Долбино, имение покойного И. В. Киреевского, одного из *истинных* друзей своих, откуда и написал предлагаемое письмо»[7].

В 1903 г. П. А. Матвеев (1868–1927) писал: «Оптина Пустынь весьма своеобразный монастырь. Она привлекала толпы богомольцев со всех концов России, хотя в ней не было чудотворных мощей, как в других монастырях — она славилась в народе духовными подвигами и жизнью иноков *не прошедшего, а настоящего*. <...>

Оптина Пустынь известна своими переводами и изданиями творений учителей-иноков Аввы Дорофея[8], Варсонофия Великого[9] и психолога-отшельника Исаака Сирина[10].

Я имел случай близко знать одного из монахов Оптиной Пустыни <с 1863 г.>, о<тца> Климента, в мире Константина Карловича Зедергольм<а>[11], сына лютеранского пастора в Москве. В годы моей юности я не раз бывал и подолгу жил в Оптиной Пустыни, где похоронены мои отец и мать, усердные почитатели этого монастыря. Я бывал в Оптиной Пустыни студентом университета и пользовался расположением о<тца> Климента, питавшего, как он сам говорил, некоторую слабость к университетской молодежи и любившего потолковать о литературе и науке; о<тец> Климент был большой знаток классической филологии. (Отец Климент был магистр Московского университета, ученик Грановского и Кудрявцева. П. М. Леонтьев, с которым он был очень дружен, желал оставить его при университете, но он поступил на службу в св. Синод, был командирован в Константинополь, во время греко-болгарской церковной распри, и провел некоторое время на Афоне, а вернувшись в Россию, пошел в монахи. Его жизнеописание, составленное известным К. Н. Леонтьевым, помещено в "Рус<ском> Вестнике"[12], а также издано отдельно книжкой[13].)

Он был очень близок, до и после пострижения в монахи, к гр<афу> А. П. Толстому, которого я также видал в Оптиной Пустыни, и слышал от о<тца> Климента немало рассказов графа о Гоголе, но, к сожалению, только отчасти мною записанных. (Гр<аф> Ал<ександр> Петрович Толстой, бывши обер-прокурором Синода, в первые годы царствования Александра II-го, в квартире которого, на Никитском бульваре в Москве, скончался Гоголь, умер в 1874 г. Библиотека его разошлась во все руки и пропала бесследно.)

Вопрос "об *оздоровлении народных корней*", как принято теперь выражаться, много занимал Гоголя в последние годы его жизни. "Горе писателям, которые станут своими легкомысленными писаниями извращать и развращать душу народа — лучше бы им с мельничным жерновом на шее броситься в воду", — говорил он. В Оптиной Пустыни[14] Гоголь прилежно читал книгу Исаака Сирина — не знаю, в рукописи или в печатном издании — и она произвела на него большое впечатление. Я видел у о<тца> Климента первый том "Мертвых душ" (I-го издания). Экземпляр этот принадлежал гр<афу> Толстому — с заметками Гоголя карандашом, на полях XI-й главы. Заметки эти любопытны, и я приведу их здесь. В XI-й главе I-й части, посвященной характеристике Чичикова, Гоголь, говоря о *прирожденных человеку страстях*, придавал им высокое значение[15]. В сделанной Гоголем карандашом на полях заметке было написано: "Это я писал в *«прелести»*[16], это вздор — прирожденные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах»[17], здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение «Мертвых Душ». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитро сплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души".

Во время посещения Гоголем Оптиной Пустыни игуменом ее был отец Моисей, старец высокой жизни, мудрый и любвеобильный, как сказано в его жизнеописании, составленном вышеу-

казанным отцом Климентом. (В одном из писем Гоголя, напечатанном в "Рус<ской> Старине"[18], Гоголь с умилением отзывался об игумене о. Моисее, косившем сено в страдную пору вместе с прочими иноками монастыря.)

Отношения Гоголя к Оптиной Пустыни представляют интерес в том смысле, что там он встретил мудрых иноков, благодушных и согретых истинно христианской любовью и глубоким смирением души. Они не пугали впечатлительного художника потрясающими картинами вечных мук за его авторскую деятельность, они не считали служение искусству тяжким грехом, как Ржевский священник о<тец> Матвей Константиновский, которого надо признать едва ли не одним из главных виновников сожжения второго тома "Мертвых Душ".

Я слышал в начале 60<-х> годов от одного инока Оптиной Пустыни, сколько помню, о<тца> Павлина, заведовавшего монастырской библиотекой и лично знавшего Гоголя, поразившее меня указание на настоящее содержание "Мертвых Душ" — духовное возрождение "Мертвых Душ" первой части в последующих томах.

То же мне говорил о<тец> Климент, посвященный рассказами гр<афа> А. П. Толстого в действительное содержание поэмы Гоголя. Промыслу Божию не угодно было, по нашим грехам, чтобы Николай Васильевич докончил свое недоконченное и, как он сам говорил и писал, *"недоношенное"* произведение, — а в целом оно, конечно, должно было быть добрым и душеспасительным делом.

— Размышляя о кончине Ник<олая> Вас<ильевича> Гоголя, я всегда повторяю мысленно, — говорил мне не раз о<тец> Климент, — "Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь"[19].

Это изречение Св. Писания начертано на гробнице И. В. Киреевского в Оптиной Пустыни.

Гоголь несомненно унес с собой в могилу некоторую тайну, которую мы без него должны разгадывать. Его глубоко удручал сложный и трудный вопрос, поставленный им в последней (XI) гл<аве> первой части "Мертвых Душ", отчего в беспредельном пространстве Русской земли, где все так широко и крупно, обнаруживается такая духовная пустота жизни и так мелки и ничтожны люди. Вопрос об оскудении духа жизни на Руси, после Великого Петра, занимал Гоголя не менее его московских друзей-славянофилов, хотя, по его мнению, высказанному в переписке, он решал вопрос менее односторонне и несколько иначе, чем они»[20].

В 1893 г. Матвеев также сообщал: «Гоголь желал видеть в нашем дворянстве как бы сосуд, заключающий нравственное благородство страны... <...> Он полагал, что такое понятие о призвании дворянства живет в нем, и его можно пробудить даже в худших его представителях <...>, обратившись к их благородному чувству, их можно вызвать на поступки, которые засвидетельствуют о таком сознании. Здесь, кажется, Гоголь имел в виду предстоявшую дворянству деятельность в деле освобождения крестьян, о котором в то время много говорили в высших сферах и о чем Гоголь знал от Жуковского, Смирновой и Толстого... <...>. — Я об этом слышал от покойного К. К. Зедергольма (в пострижении о. Климент), умершего в Оптиной Пустыни в 1878 г. Он был весьма близок к графу А. П. Толстому, при котором служил по духовному ведомству <в 1858–1862 гг.>. Он передавал мне некоторые любопытные воспоминания графа о Гоголе»[21].

Д. П. Богданов в 1910 г. писал: «Нисколько не менее, если даже не более, было влияние старцев Оптиной пустыни на Н. В. Гоголя. Знакомству Гоголя с этой обителью и привязанности с его стороны к ее братии очень много способствовало то обстоятельство, что в 1845 году калужским губернатором был назначен Н. М. Смирнов, с женой которого, Александрой Осиповной, урожденной Россет, Гоголь находился в самых дружеских отношениях. Заезжая в Калугу к Смирновым, Гоголь почти всегда по дороге останавливался в Оптиной Пустыни и в духовных беседах оптинских старцев находил облегчение от мучительной меланхолии, которая властвовала над его душой в последние года его жизни. <...> По словам современников, Гоголь в Оптиной пустыни был два <три> раза[22], хотя весьма вероятно, что он был в ней гораздо больше. <...> Особенно сильно приковывали к себе внимание Гоголя старцы Моисей, Антоний[23] и Макарий[24]. По монастырским воспоминаниям, эти личности были таковы. Старец Моисей был игуменом монастыря. Проводя время в постоянных трудах по управлению обителью, он неукоснительно исполнял все правила и обязанности

монастырской жизни. Главной и отличительной чертой его было изумительное нищелюбие. Всем, кто нуждался в его помощи, никогда не было с его стороны отказа. Он всегда был готов поделиться с бедняком последней копейкой и искренно радовался, когда ему удавалось оказать кому-либо помощь. Интересны были его отношения с монастырскими рабочими. Он никогда с ними не торговался, и когда его упрекали за это, он, оправдываясь, говорил: "Ведь это та же милостыня". За это пренебрежение его к деньгам монастырская братия прозвала его "гонителем денег". Начальник скита, старец Антоний, был родной брат игумена Моисея. Необыкновенно трудолюбивый, смиренный, он служил для всей братии примером по исполнению церковных служб и монастырских работ, несмотря на тяжелую болезнь ног, которой он страдал более тридцати лет. Третий старец, поразивший душу Гоголя, Макарий, был иноком высокой духовной жизни. Его советами и указаниями пользовалась вся монастырская братия, для которой он был неустанным наставником на пути к христианскому совершенствованию. Высокий подвижнический ум старца Макария более всего привлекал к себе душу великого писателя. <...> ...Здесь, в простых, бесхитростных духовных собеседованиях с иноком Макарием, Гоголь, по собственному его признанию, отдыхал душой и забывал свою меланхолию. По воспоминаниям современников, отношения между Гоголем и старцем Макарием были самые искренние. Все запросы и сомнения своей души Гоголь нес на разрешение этого мудрого инока, который с дружеской готовностью выслушивал их и давал советы и указания. В обители Оптинского монастыря сохранился в высшей степени интересный документ, свидетельствующий об этой духовной связи между великим писателем и старцем Макарием. При имеющейся в монастырской библиотеке книге Гоголя "Избранные места из переписки с друзьями" приложена копия с письма, в котором есть отзыв об этой, так много нашумевшей в свое время, книге. Копия отзыва писана рукою старца Макария, который, видимо, переписывая этот отзыв, вполне сочувствовал перевороту в образе мыслей великого писателя, вступившего на склоне дней своих на путь самоотречения и самоуничижения. Отзыв этот[25] таков: "С благодарностью возвращаю вам книгу, которую вы мне доставили. <...> Вне сего пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти. Аминь"»[26].

Из жизнеописания преподобного Макария Оптинского (составлено в начале XX в. оптинским архимандритом Агапитом[27]): «...Нередко посещал старца Макария благочестивый граф Александр Петрович Толстой, бывший обер-прокурор Св. Синода, и служивший при нем чиновником особых поручений Константин Карлович Зедергольм (впоследствии иеромонах Оптинского скита о. Климент); сенатор Петр Иванович Соломон[28] с семейством; известный писатель Иван Васильевич Киреевский, который направил к старцу Макарию другого известного писателя, Николая Васильевича Гоголя. В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожила, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея[29], прожил на монастырской гостинице недели три[30]. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны, и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором помещался Гоголь. Также достоверно известно, что батюшка о. Макарий с христианской точки зрения не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям Евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. Во время пребывания сего почтенного гостя в Оптиной Пустыни предложено было ему, между прочим, конечно, с благословения старца Макария, прочитать книгу св. Иоанна Лествичника[31]. Прочитавши оную, Гоголь высказался о ней так: "Какая глубокая психология!" Слышно было, что по возвращении его из Оптиной в Москву душевное его настроение совершенно изменилось. Он уже не только перестал писать в смехотворном тоне, но и сожалел о том, что прежде им было написано, и даже выражал желание, если бы можно было, уничтожить все свои светские литературные произведения. Но за такой поворот Гоголя в его воззрении на жизнь умные миролюбцы провозгласили его тронувшимся в уме. А так как привлек его к старцу Макарию Иван Васильевич Киреевский, то и к Киреевскому те же умные люди отнеслись неблагосклонно. После того Гоголь еще раза два приезжал в Оптину к батюшке о. Макарию и во время своего пребывания на монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту»[32].

Преподобный Варсонофий Оптинский[33] в 1911–1912 гг. сообщал: «Есть предание, что старец о. Макарий предчувствовал приход Гоголя[34]. Говорят, он был в то время в своей келье (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и быстро, ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: "Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то".— "Отче, что же может случиться такого необыкновенного?" В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

В Евангелии рассказывается, что при приходе еллинов к Иисусу Христу Он возрадовался духом и произнес: "Ныне прославился Сын Человеческий и Бог прославился в Нем". Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но не себя, а гениального писателя Николая Васильевича Гоголя.

— Проси! — и Гоголь у старца, и начинается беседа. Без свидетелей происходила она, никем не записана, но Бог присутствовал здесь невидимо во время ее, и Божественная благодать преобразила душу Гоголя. <...>

Старец Макарий обладал в высшей степени даром властного слова, и речи его оказывали громадное влияние на душу слушателя. Выйдя от старца, Гоголь говорил: "Да, мне сказали правду, это единственный из всех, до сих пор известных мне людей, кто имеет власть и силу повести на источники воды живой". И Гоголь переродился, он сам говорил: "Вошел я к старцу одним, вышел — другим".

Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разносторонней полноте. С этой целью начал он свою поэму "Мертвые души" и написал уже первую часть. Мы знаем, в каком свете там отразилась русская жизнь: Плюшкины, Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы и вся книга представляет из себя душный и темный погреб пошлости и низменности интересов. Гоголь сам испугался того, что написал, но утешал себя он тем, что это только накипь, только пена, снятая им с волн житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей красоте, во всей чистоте.

Как это сделать? — Гоголь не знал. Около этого времени произошло его знакомство с Батюшкой Макарием. С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, но не оставил мысли написать 2-й том "Мертвых душ" и работал над ним.

Но потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить в образах, во всей полноте тот идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении — и вот причина сожжения второго тома "Мертвых душ". <...>

Умер Гоголь истинным христианином. Есть предание, что незадолго до смерти[35] он говорил своему близкому другу:

— Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...

— Чего? Отчего потеряли Вы?

— Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего Батюшка Макарий не взял меня к себе в скит[36]?

Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с Батюшкой Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что Батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни. Монашество... сколько раз у нас заходила речь о нем, и всегда я советую, если уж самим не вступать в монастырь, то, по крайней мере, читать описания жизни святых монахов, преподобных. Они нас могут многому научить»[37].

[1] См. также ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва*** (примечания).

[2] См. ***1848. Января около 19 <около 31>. О. Корфу***.

[3] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 634–635.

[4] Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813–1879), адъюнкт-профессор Киевской Духовной академии (до 1844 г.), писатель, поэт, журналист, историк.

[5] Преподобный Моисей (в мире Путилов Тимофей Иванович, 1782–1862), настоятель Оптиной Пустыни с 1826 г., архимандрит (с 1853 г.); память совершается 16 июня и 11 октября.

[6] Имеется в виду письмо Гоголя к иеромонаху Филарету (Кольцову) (см. ***1850. Июня 19. Понедельник. Долбино***).

[7] Пояснение к письму Н. В. Гоголя иеромонаху Оптиной Пустыни отцу Филарету от 19 июня 1850 г. Письмо неустановленного духовного лица редактору «Домашней Беседы» В. И. Аскоченскому 1863 г. // *Свод*. Т. 3. С. 732.

[8] Преподобный Дорофей, из обители аввы Серида (VII в.); память совершается 5 июня (ст. ст.). См. заметку Гоголя в записной книжке 1841–1846 гг.: «Авва Дорофей, иногда с<мотреть>».

[9] Преподобный Варсонофий Великий (VI в.); память совершается 6 февраля (ст. ст.).

[10] Преподобный Исаак Сирин, епископ Ниневийский (вторая половина VII — первая половина VIII в.), память совершается 28 января (ст. ст.).

[11] Иеромонах Климент (в мире Константин Карлович Зедергольм, ум. в 1878), сын лютеранского пастора Карла Альбертовича Зедергольма (1786–1867). По свидетельству Льва Александровича Кавелина (1822–1891; впоследствии архимандрит Леонид, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, известный историк и археограф), «началом обращения» Зедергольма к Православию стали гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». (С Кавелиным Гоголь, вероятно, был знаком. Об этом может свидетельствовать заметка в его записной книжке 1846–1850 гг.: «Кавелин, дом Галина. Неофит на Троицком подворье».) В августе 1853 г. послушник Л. А. Кавелин записал в летописи скита Оптиной Пустыни: «1853-й год. <...> Август. <...> 8. <...> На днях прибыл в Обитель некто Г<-н> Зедергольм, намеревающийся принять Православное Исповедание веры. Он сын бывшего Немецкого Пастора Зедергольма, который отставлен от сей *должности* (не могу иначе выразиться, ибо считаю Лютеранского Пастора не более, не менее, как Профессором Теологии, читающим ее публичные лекции в кирке), за то, что открыто увещевал Немцев не принимать Православной веры. <...> 13. Сего числа К. К. Зедергольм присоединен к Православию в Скитской Церкви... <...> По рассказам Константина Карловича, Отец его родом из Финляндии, у него несколько сыновей — все на службе. К<онстантин> К<арлович> самый младший. Изучение Русских Писателей ознакомило его с Русским духом, чему, без сомнения, также немало способствовало и вообще воспитание в М<осковском> Университете, где все еще тлеется искра духа сего. Особенно воодушевлен он Гоголем, и "Переписка с друзьями" была началом его обращения к Православию, как сам он говорил мне» (*РГБ*. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 129 об., 132 об., 133 об.–134; опубл.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 282).

[12] *Леонтьев К. Н.* Отец Климент // Русский Вестник. 1879. Т. 144. Ноябрь. С. 5–58; Декабрь. С. 518–555.

[13] *Леонтьев К.* Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм). Варшава, 1880; *Леонтьев К.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни. М., 1882.

[14] В Оптиной Пустыни позднее Гоголь был еще дважды (см. ***1851. Июня 2 и 3. Суббота и воскресенье. Оптина Пустынь***; ***1851. Сентября 24 и 25. Понедельник и вторник. Оптина Пустынь***).

[15] См. ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[16] «Прелесть — монашеский термин — означает почти то же что и слово обольщение» (примеч. П. А. Матвеева).

[17] Выражение св. апостола Павла (Ефес. 4, 29.) Ср. в статье Гоголя *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово...»

[18] Вероятно, имеется в виду публикация: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданной статье и письмах // Русская Старина. 1890. № 3.

[19] Книга Премудрости Соломона, гл. 4, ст. 17.

[20] *Матвеев П. А.* Гоголь в Оптиной Пустыни // *Свод*. Т. 3. С. 727–728.

[21] *Матвеев П. А.* Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями // *Свод*. Т. 3. С. 726.

[22] В Оптиной Пустыни Гоголь был трижды (см. примеч. выше).

[23] Преподобный Антоний Оптинский (в мире Путилов Александр Иванович; 1795–1865), схиигумен, настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря (1839–1853); память совершается 7 августа и в Соборе Оптинских старцев.

[24] Преподобный Макарий Оптинский (в мире Иванов Михаил Николаевич; 1788–1860), иеросхимонах Оптиной Пустыни, духовник монастыря с 1836 г., начальник Иоанно-Предтеченского скита (с 1839 г.), переводчик и издатель святоотеческих творений; память совершается 7 сентября и 11 октября.

[25] Приводится письмо от февраля-марта 1847 г. святителя Игнатия (Брянчанинова), в ту пору архимандрита, настоятеля Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, впоследствии епископа Кавказского и Черноморского (см. ***1847. Февраль-март <февраля средина — апреля первая половина>***).

[26] *Богданов Д. П.* Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей // *Свод*. Т. 3. С. 733–734.

[27] Агапит (в мире Андрей Иванович Беловидов, 1842–1922), схиархимандрит, духовный писатель; в Оптиной Пустыни с 1865 г., с 1876 г. — иеромонах, с 1896 г. — архимандрит.

[28] Правильно: Петр Петрович Саломон (1819–1905), член Государственного Совета, действительный тайный советник, благотворитель Оптиной Пустыни.

[29] Архимандрит Досифей (в мире Илья Никифорович Силаев, 1827–1900), настоятель Оптиной Пустыни.

[30] Гоголь пробыл в Оптиной Пустыни в свой первый приезд не три недели, а три дня: с 17 по 19 июня 1850 г.

[31] В библиотеке Оптиной Пустыни хранились, в числе прочих, следующие рукописи: *Преподобного Иоанна Лествичника лествица и слово к псалтырю*, перевод старца Паисия Величковского, писана рукою настояте-

ля Оптиной пустыни о. архимандрита Моисея в бытность его в Свенском монастыре, в звании рясофорного монаха в 1810 г., в 4 д<олю> листа; *Книга св. Исаака Сирина* о молчании и безмолвии и житии тихом, писана полууставом Свенского монастыря монахом Маркеллом в 1811 году в лист, 242 листа (Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 2-е изд., испр. и доп. оной пустыни *И<еромонахом> Л<еонидом (Кавелиным)>*. СПб., 1862. С. 248). — См. также: *Каширина В. В.* Лествица в издании Оптиной Пустыни // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности / Ред. М. И. Щербакова. РАН. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 225–234; ***1852. Февраля не позднее 5. Москва***.

«Лествицу» св. Иоанна Синайского Гоголь читал еще в юношеском возрасте. В распоряжении П. А. Кулиша был обширный сборник выписок Гоголя из этой книги. — Подробнее см.: ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***. (Тринадцать списков сочинений Иоанна Лествичника находилось также в Древлехранилище М. П. Погодина; см.: *<Погодин М. П.>* Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 266.) В Оптиной Пустыни Гоголь познакомился с рукописной книгой св. Исаака Сирина, о которой отозвался сходным образом: «Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников» (см. выше фрагмент из статьи П. А. Матвеева «Гоголь в Оптиной Пустыни»).

[32] *Архимандрит Агапит (Беловидов)*. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария // *Свод*. Т. 3. С. 734–735.

[33] Преподобный Варсонофий Оптинский (в мире Павел Иванович Плиханков, 1845–1913), схиархимандрит, игумен, старец Оптиной пустыни, канонизирован Русской Православной Церковью. В миру был полковником, происходил из Оренбургского казачества, служил при штабе военного Казанского округа.

[34] См. также ***1848. Января около 19 <около 31>. О. Корфу***.

[35] См. ***1852. Февраля 20. Среда второй недели Великого Поста. Москва***.

[36] В начале 1888 г. сестра Гоголя Анна Васильевна в письме к В. И. Шенроку также свидетельствовала, что брат «мечтал поселиться в Оптиной пустыне» (см. ***1851. Мая 14. Понедельник. Васильевка***).

[37] *Преподобный Варсонофий Оптинский*. Беседы // *Свод*. Т. 3. С. 1018–1019.

ИЮНЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОПТИНА ПУСТЫНЬ, БЕЛЁВ, ДОЛБИНО

Гоголь с М. А. Максимовичем из Оптиной Пустыни прибыли, через Белёв, в имение И. В. Киреевского Долбино Белёвского уезда Тульской губернии.

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «19-е июня путники наши провели у И. В. К<иреевско>го, в Долбине, где некогда проживал Жуковский и написал лучшие свои баллады...»[1]

Из Долбино Гоголь отправил письмо[2] в Оптину Пустынь иеромонаху Филарету (Кольцову)[3]:

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля[4], просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно[5]. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу имени Его, не посмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, милосердый, сделать всё и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской пустыне. Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше доброе дело. Ваш всею душою Николай Гоголь».

На подлиннике имеется помета игумена Оптиной Пустыни преподобного Моисея (Путилова): «Получено из села Долбино помещика Ивана Васильевича Киреевского 26 июня 1850»[6].

[1] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 633–634.

[2] Об этом письме см. также: ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь.***

[3] Филарет (1804–1873, в мире Федот Захарович Кольцов), иеромонах (с 11 декабря 1849 г.), с 1854 г. – иеросхимонах Феодот. В Оптиной Пустыни с 1834 г.; в 1842 г. пострижен в монахи; в 1846 г. рукоположен в диакона. В 1851 г. перешел в Спасо-Преображенский монастырь (Казанской губернии), в том же году – в Гефсиманский скит при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. В 1863 г. вернулся в Оптину пустынь (см.: *Воропаев В.* Оптинский адресат Гоголя // Православное книжное обозрение. 2015. Август. № 6 (051). С. 62–66; Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков: биографический справочник / Сост., вступ. ст. иером. Платона (Рожкова). Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. С. 751–752).

[4] Преподобный Моисей (Путилов).

[5] Ср. отмеченное А. Б. Гольденвейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму графа Л. Н. Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы об нем молились. "Очень нехорошее письмо, – сказал Лев Николаевич. – Жалкое какое-то самоунижение и в то же время – преувеличенное значение своих писаний"» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. Без м. изд., 1959. С. 293).

[6] См. ***1850. Июня 26. Понедельник. Оптина Пустынь.***

ИЮНЯ 20. ВТОРНИК. ДОЛБИНО, БЕЛЁВ, ПЕТРИЩЕВО

Гоголь и М. А. Максимович из Долбино (проехав опять через Белёв) прибыли в имение А. П. Елагиной с. Петрищево, Белёвского уезда Тульской губернии.

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «20-е <июня> у г-жи А. П. Е<лагин>ой, в Петрищеве».

Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 634.

ИЮНЯ 21. СРЕДА. ПРИЮТ, БЛИЗ ОДЕССЫ

А. С. Стурдза пишет Гоголю ответное[1] письмо в Москву:

«Дорогой, но нежданный гость, письмо ваше из Москвы застало меня здесь, тотчас по возвращении моем из-за Днестра, где прожил я около двух месяцев в оазисе покойной сестры моей[2] и куда думаю опять возвратиться на столько же времени в августе, аще Бог повелит.

Надежда на свидание с вами более досужное радует меня; да как бы нам не разъехаться. Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку из-под родного неба. Здоровью вашему едва ли помогут эти частые странствования! Недаром Гораций где-то сказал: "Qui patriae exul, se quoque fugiti"[3]. <...> ...Отведайте житья в южной России. Проведите несколько зимних месяцев на южном берегу Тавриды, остальные с нами в Одессе. Здесь найдете вы цвет Малороссии: доброе, уветливое семейство Репниных[4]; сердечно благочестивое и умное О<тца> М. Павловскаго[5], Михневича[6] и других, подобных им. Преосвященный Иннокентий останется с нами на всю зиму. Он, узнав от меня, что вы в Полтаве и намерены у нас побывать, обрадовался и просил меня передать вам поклон и благословение. <...> А. Н. Муравьев в марте гостил у нас около двух недель и, кажется, увез с собою приятные впечатления и добрую память о нашем уездном городке»[7].

Осенью 1852 г. Стурдза вспоминал о Гоголе: «Я уже потерял было надежду на новую[8] с ним встречу, когда получил от него письмо из Москвы с вестию, что он опять стремится к югу, чтобы заняться умственною работою под благоприятным небом и в безмятежной тишине. Я поспешил отсоветовать ему новую разлуку с родиною, и всячески старался доказать, что Одесса приютит его как нельзя лучше и доставит ему желанный досуг»[9].

В приписке к посланию Стурдзы Н. В. Неводчиков также писал Гоголю:

«Тому два года вы говорили со мною в карантине[10] и отозвались[11] потом на письмо мое[12]. <...> Слава Богу, я опять могу сказать вам: "здравствуйте" и пожелать вам доброго пути в Одессу, где люди истинно добрые готовы принять милого гостя».

[1] См. ***1850. Июня 6. Вторник. Москва.***

[2] Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг (рожд. Стурдза, 1786 – 16 января 1844), фрейлина Императрицы Елизаветы Алексеевны. Способствовала знакомству Императора Александра I в 1815 г. с баронессой В. Ю. Крюденер и И. Г. Юнгом-Штиллингом; в 1816 г. вышла замуж за графа А. К. Эдлинга.

[3] Кто эмигрант, тот и себя убегает (*лат.*)

[4] См. ***1850. Июня 6. Вторник. Москва*** (примечания).

[5] Духовник Стурдзы и Репниных-Волконских. – См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).

[6] См. там же.

[7] Ответ Гоголя см.: ***1850. Сентября 15. Пятница. Васильевка.***

[8] Ср. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***

[9] *Стурдза А. С.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод.* Т. 3. С. 632.

[10] 17 апреля 1848 г. (см. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***).

[11] Письмо Гоголя не сохранилось (см. ***1848. Мая между 3 и 7. Одесса***).

[12] См. ***1848. Апреля 23. Пятница. Д. Окна.***

ИЮНЯ 24. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю в Васильевку[1]:

«"Русский человек задним умом богат"[2]. Когда вы мне говорили[3], что будете просить паспорта на восток, через министра внутренних дел[4], я забыла вам сказать, что ваше письмо к нему должно идти с свидетельством от инспектора врачебной управы того города, где вы проживаете. Это первое; второе вот что: графа Перовского просите единственно о паспорте, мне же о том тотчас сообщите; тогда отсюда написано будет, чтобы он обратил внимание. А о прочем напишите к Его Высочеству Наследнику Александру Николаевичу; он вас помнит, часто перечитывает[5] и принимает участие в вас. Знак доверия и откровенность всегда находят отголосок в его прекрасной душе. Это совет Т***[6], который у нас; именно не советовал писать к его дяде[7], а прямо к Его Высочеству, которому сам читал ваши сочинения и зачастую. Вот, душа моя, что имею вам сообщить, и прошу послушать совета! Не пеняйте, что я не говорила с ним об этом деле, удача которого меня очень занимает. Но вредить я не могла, а узнать, какой путь лучше избрать. Государь, во-первых, так занят, что трудно ему самому вспомнить, а министр, не зная вас лично, не примет труд вторично беспокоить, и притом было недавно подтверждение по его министерству не утруждать просьбами о денежных пособиях. Во всяком случае, дело о назначении суммы пойдет через министерство просвещения, так, как тогда шло, но Ширинский-Шихматов[8], хотя очень добр, нездоров и еще нов. Всего лучше написать откровенно все Его Высочеству; вчера вечером мы это решили, а сегодня с Божиим благословением пускаю к вам письмо. Дождь у нас не долго погостил – едва ли поправил поля наши. Скажите, что делают ваши домашние, что урожай? Клементий[9] приехал, следствие кончилось. Ершовиада[10] едет в Петербург, остается ожидать Царского правосудия, в котором не могу и не хочу сомневаться».

[1] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга***; ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка.***

[2] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга.***

[4] Граф Л. А. Перовский.

[5] См. также ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга.***

[6] «Граф Алексей Константинович Толстой» (примечание О. Н. Смирновой; см.: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 11. С. 364).

[7] Л. А. Перовскому.

[8] Князь Платон Александрович, министр народного просвещения.

[9] К. О. Россет, брат А. О. Смирновой.

[10] См. ***1849. Января 26. Среда. Калуга.***

ИЮНЯ В НОЧЬ С 24 НА 25. СЕВСК

Гоголь и М. А. Максимович (проехав из Петрищево[1] через Болхов и Карачев) останавливаются на ночь на постоялом дворе в Севске (в то время — Орловской губернии).

Из записной книжки Гоголя 1846–1850 гг.: «Филатов в Севске. Постоялый двор».

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «В дороге один только случай явственно задел поэтические струны в душе Гоголя. Это было в Севске, на Ивана Купалу. Проснувшись на заре, наши путешественники услышали неподалеку от постоялого двора какой-то странный напев, звонко раздававшийся в свежем утреннем воздухе.

— Поди послушай, что это такое, — просил Гоголь своего друга, — не купаловые ли песни? Я бы и сам пошел, но ты знаешь, что я немножко из-под Глухова.

Г. Максимович подошел к соседнему дому и узнал, что там умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем. Все служило им темою для горестного речитатива: добродетельная жизнь покойницы, их неопытность в обхождении с людьми, их беззащитное сиротское состояние и даже разные случайные обстоятельства. Например, в то время, как плакальщица голосила, на лицо покойницы села муха, и та, схватив этот случай с быстротою вдохновения, тотчас вставила в свою речь два стиха:

"Вот и мушенька тебе на личенько села,
Не можешь ты мушеньку отогнати!"

Проплакав всю ночь, девушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выражениями своих чувств, что начали думать вслух коническими стихами. Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, а иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: "Солнышко ты мое красное!" и тем "живо напоминали мне (говорил г. Максимович) Ярославну, плакавшую рано, Путивлю городу на забороле".

Когда он рассказал обо всем виденном и слышанном поэту из-под Глухова, тот был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им, при случае, в "Мертвых душах"»[2].

[1] См. ***1850. Июня 20. Вторник. Долбино, Белёв, Петрищево.***

[2] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 636.

ИЮНЯ 25. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГЛУХОВ, С. СВАРКОВО

Гоголь и М. А. Максимович прибывают в Глухов. Здесь в тот же день они расстались: Гоголь отправился к А-ру Мих. Марковичу в Сварково, а Максимович — в Турановку к своему дяде И. Ф. Тимковскому[1].

Сразу по приезде в Глухов Гоголь писал Марковичу в Сварково:

«Уведомляю вас, почтеннейший Александр Михайлович, что я прибыл в Глухов благополучно и сгораю нетерпеньем вас видеть, но так как товарищ мой, с которым я приехал, не имеет часу времени и торопится отправиться далее, то я вас прошу прислать за мною какой-нибудь экипажец, вроде брички для помещения меня вместе с двумя небольшими чемоданами. В ожиданьи чего остаюсь ваш весь искренно вам преданный Н. Гоголь».

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «...25 июня, расстались в Глухове, откуда Гоголь уехал в Васильевку, в коляске А. М. Маркевича. <...>

Г. Максимович, приехав в Москву на собственных лошадях, нашел для себя удобным сбыть их там; однако ж не мог расстаться с старым конем, который служил ему усердно несколько лет. Конь этот шел сзади телеги на свободе и был во всю дорогу предметом наблюдений Гоголя.

— Да твой старик просто жуирует! — говорил он, заметив, что сзади повозки приделан был для него рептух с овсом и сеном.

Потом он дивился, что, лишь только извощик двигался в путь, ветеран г. Максимовича покидал свое стойло, или зеленую лужайку, и следовал за кибиткою всегда в одном и том же расстоянии от нее, как будто привязанный к ней. Гоголь подмечал, не увлечет ли его какая-нибудь конская страстишка с прямого пути его обязанностей: нет, конь был истинный стоик и оставался верен своим правилам до конца путешествия. Впрочем, Гоголь расстался с г. Максимовичем в Глухове и не мог уж следить за поведением его буцефала. Но когда Максимович в том же году посетил поэта на его родине[2], он тотчас узнал своего знакомца и осведомился о благосостоянии его ног»[3].

При расставании в Глухове 25 июня 1850 г. Максимович дал Гоголю «обещание быть у него в августе»[4].

В тот же день, 25 июня 1850 г., Гоголь прибыл в Сварково (Глуховского уезда Черниговской губернии). Встретился здесь с Марковичем и его племянницами, М. Г. и В. Г. Похвисневыми[5].

[1] «Максимович своротил в Турановку, к дяде И. Ф. Тимковскому» (*Пономарев С. И.* Михаил Александрович Максимович. (Биографический и историко-литературный очерк). СПб., 1872. С. 60).

[2] См. ***1850. Августа 9. Среда. Сорочинцы.***

[3] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 634, 635.

[4] *Максимович М. А.* Родина Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 639.

[5] См. ***1850. Июня между 27 и 29. Березовая Лука, Сорочинцы.*** — См. также ***1848. Августа 30. Понедельник. День памяти святителя Александра, патриарха Константинопольского, преподобного Александра Свирского, благоверного князя Александра Невского — сентября около 3–4. С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии.***

ИЮНЯ МЕЖДУ 26[1] И 28. СВАРКОВО, ДУБРОВНО, БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА

Гоголь отправился из Сварково в имение А. С. Данилевского Дубровно. По приезде в Дубровно, не застав здесь Данилевского, послал ему записку в Сорочинцы:

«Сейчас приехал в Дубровное. Сижу у окна и любуюсь видом на деревню соседа, напрасно желая хотя сим вознаградить <себя> за неудачный приезд в пустой дом. А подъезжая, так живо воображалась встреча, и вот наместо распахнувшихся дверей и объятий — глиняная стена и закрытые окна, запоры и затворы на всем. Пожалуста, пришли за мной экипаж и лошадей в Березовую-Луку

или попроси у Трахимовского[2]. Я совершенно на безэкипажьи. До тебя доехал, взявши бричку и лошадей у дяди твоего Александра Михай<ловича>[3]. Устрой так, чтобы, если мож<но>, отправить лошадей вслед за подателем, так чтобы я мог из Березовой-Луки выехать утром[4] же. <...> Передай душевный поклон и заочный поцелуй Ульяне Григорьевне и деткам. Трахимовским также».

После отправления записки Данилевскому Гоголь, направляясь в Сорочинцы, выехал из Дубровно в Березовую Луку[5], куда, вероятно, прибыл в тот же день и где остался ночевать.

[1] См. ***1850. Июня 25. Воскресенье. Глухов, с. Сварково***.
[2] Алексей Михайлович.
[3] Маркович был дядей жены А. С. Данилевского, Ульяны Григорьевны, в девичестве Похвисневой.
[4] См. ***1850. Июня между 27 и 29. Березовая Лука, Сорочинцы***.
[5] 9 июля 1848 г. Данилевский, описывая Гоголю маршрут из Васильевки в Дубровно, сообщал, что от Березовой Луки до Дубровно «всего 25 верст» и что «из Сорочинец в Дубровное» можно доехать «в один день» (см. ***1848. Июля 9. Пятница. С. Дубровно***).

ИЮНЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Иеромонах Филарет (Кольцов) получил письмо Гоголя из Долбино.

См. ***1850. Июня 19. Понедельник. Долбино***.

ИЮНЯ МЕЖДУ 27 И 29. БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА, СОРОЧИНЦЫ

Утром одного из указанных дней Гоголь выезжает из Березовой Луки в Сорочинцы. Перед отъездом отправляет письмо к А-ру Мих. Марковичу в Сварково:

«Очень вас благодарю за бричку, коней и доброту души. Александра Семеновича[1] не застал в Дубровной, он с супругой[2] в Сорочинцах, а потому, переночевавши[3], я решился сделать на ваших лошадях еще двадцать верст до места, откуда из Сорочинец должна прибыть подстава[4]. <...> Люди, лошади и сама бричка вели себя в исправности. Душевный поклон милым и добрым вашим племянницам»[5].

В этот же период Гоголь прибыл в Сорочинцы к А. С. Данилевскому.

[1] Данилевский.
[2] Ульяна Григорьевна.
[3] См. ***1850. Июня между 26 и 28. Сварково, Дубровно, Березовая Лука***.
[4] См. ***1850. Июня 30. Пятница. Сорочинцы***.
[5] М. Г. и В. Г. Похвиснев.

ИЮНЯ 28. СРЕДА. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет И. С. Аксакову (письмо получено им в Данилове[1]):

«...Сегодня я детям читала Тараса Бульбу вслух. Что за человечек этот Гоголь, что за оригинальный гений. Он проехал здесь с Максимовичем[2], здоровье его плохо; если Бог поможет ему получить пачпорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том[3]. На Афон советываю я и завлек<ли> его рассказами автор Писем Святогорца[4] и слепый[5], с которыми он виделся в Москве»[6].

[1] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга*** (письмо И. С. Аксакова к родным от 9 июля 1850 г.).

[2] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга***.

[3] Сведения об этом И. С. Аксаков сообщил родным в письме от 9 июля 1850 г. (см. в наст. изд.).

[4] Иеромонах Сергий (Веснин) (известный под именем Святогорца, 1814–1853), с которым Гоголь познакомился, вероятно, в конце 1849 — начале 1850 г. в Москве (см. ***1850. Апреля 28. Пятница Светлой седмицы. Москва***). Сохранилось также письмо Святогорца Гоголю от 3 марта 1851 г. из Константинополя (см. ***1851. Марта 3. Суббота. Константинополь***). В конце февраля 1851 г. они встречались в Одессе (см. ***1851. Февраля конец. Одесса***.).

[5] Г. И. Ширяев.

[6] Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 208.

ИЮНЯ 30. ПЯТНИЦА. СОРОЧИНЦЫ

Гоголь отправляет записку к сестре Елисавете в Васильевку:

«Я приехал в Сорочинцы благополучно, но в чужом экипаже[1]. Пожалуста, не сказывая матушке, вели заложить коляску и завтра же, т. е. в субботу, пораньше, прежде чем станет светать, часа в 3, выехать за мною, так чтобы в часов в 7 она была здесь. Матушке можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будет спать...»

[1] В экипаже А-ра Мих. Марковича (см. ***1850. Июня между 27 и 29. Березовая Лука, Сорочинцы***).

ИЮЛЯ 1. СУББОТА. СОРОЧИНЦЫ, ВАСИЛЬЕВКА, ПОЛТАВА

Около полудня[1] Гоголь прибывает из Сорочинец в Васильевку.

Возможно, сразу по приезде Гоголь отправился далее в Полтаву, где встретился с М. С. Щепкиным и В. И. Живокини, которые во второй половине 1850 г., по пути из Харькова в Одессу, останавливались на несколько дней в Полтаве, где давали представления в составе местной драматической труппы И. И. Пилони[2].

Щепкин играл Городничего в «Ревизоре» и Кочкарева в «Женитьбе», Живокини — роли в водевиле Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» и в пьесе «Стряпчий под столом». (5 июля 1850 г. Щепкин и Живокини уже были в Одессе[3].)

Позднее В. И. Живокини вспоминал: «Ближе познакомился я с Гоголем в Полтаве. Мы со Щепкиным часто бывали у него, вместе ходили гулять. В одну из таких прогулок спускаемся мы к Ворскле, лежит на дороге свинья. Щепкин говорит: "Вот уж это чисто свиньи, валяются в грязи..." — "А почему мы знаем, — сказал на это Гоголь, — может быть, они об нас тоже теперь думают: «вот свиньи... Не понимают удовольствия валяться в грязи»"...»[4]

Из воспоминаний актера И. И. Лаврова[5]: «Приехав в Полтаву, мы и тут встретили <...> помеху. На дверях театра афиша гласила: "Проездом в Одессу артисты Императорских Московских театров Михаил Семенович Щепкин и Василий Игнатьевич Живокини будут играть несколько спектаклей".

— Тьфу! <...> — загремел Рыбаков[6]. Куда ни сунься, везде наткнешься на эту столичную саранчу!..»[7]

«Начиная с 1850 года, ежегодно 30 июня Горбаневская икона в сопровождении многотысячной толпы богомольцев переносится в Полтаву и остается в Успенском полтавском соборе в течение 40 дней, т. е. до 10-го августа, когда опять в крестном ходе возвращается в Горбаневскую церковь» (Горбаневская икона // Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. СПб., <1909>. С. 400).

Вероятно, по прибытии в Васильевку Гоголь подарил сестре Анне славянскую Библию московского издания 1820 г., с своими пометами[8], а сестре Оль-

ге — лечебники: книгу князя П. Н. Енгалычева (1769–1829) «О продолжении человеческой жизни, или Домашний лечебник, заключающий в себе средства, как достигать здоровой, веселой и глубокой старости...» (Ч. I. М., 1833), с надписью: «Ольге Васильевне Гоголь»[9]; и, предположительно, книгу Ф. А. Гильтебрандта «О средствах сберегать глаза и зрение до самой глубокой старости. Сочинение, изданное для народа Федором Гильтебрандтом» (М., 1819)[10].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна в 1895 г. сообщала: «У нас была одна девица, Кардашевская[11], но не помню ее родословие, кажется, она жила в Опошне. Она предложила мне ехать в Лубны, где мощи Афанасия угодника, говорила — будут его переодевать, это такая редкость[12]. Мы сговорились пополам расходы. Попросила у матери лошадей и поехали. Только осталось в памяти, когда мы были у вечерни. Посреди церкви вышли 12 монахов пели. И все, как один, толстяки, и водка от них пахла, а в обедне за толпой не видели, как переодевали. С тем возвратилися домой. Какая радость там была — застала брата. <...>

Когда я перешла на новое жительство[13], тотчас написала брату, с каким нетерпением ждала его и приготовляла для него, что он любил; еще тот раз я заботилась, чтобы всегда был черствый хлеб, он не любил мягкий хлеб. Наконец приехал брат. Привез мне лечебники, две книги с полевыми цветочками и пять книг лексикон, в котором все, что нужно по хозяйственной части: лечение людей, всех животных и проч. Это был для меня драгоценный подарок. Ему очень понравилось, как я устроилась. <...>

Почти каждый раз что-нибудь привозил нам. Раз привез нам брошки, закрученная змейка, мне бирюзовые камушки, а сестрам — гранатовые, в другой — дал мне бусы, подделанные под жемчуг. <...> Наконец, чтобы было нам что читать в деревне, он выписывал журнал "Отечественные Записки", а Погодин каждый год высылал "Москвитянин"»[14].

[1] См. ***1850. Июня 30. Пятница. Сорочинцы.***

[2] Провинциальный актер и антрепренер.

[3] *Гриц.* С. 457.

[4] *Живокини В. И.* Из моих воспоминаний // *Свод.* Т. 3. С. 40.

[5] Иван Иванович Лавров (1826–1902), провинциальный актер (с 1844 г.).

[6] Николай Хрисанфович Рыбаков (1811–1876), провинциальный актер (с 1826 г.).

[7] Сцена и жизнь в провинции и столице. 1830–1876. Составлено по воспоминаниям и запискам артиста Императорских Московских театров Ив. Ив. Лаврова. М., 1889. С. 132.

[8] В настоящее время «Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (М., 1820), на славянском языке, большого формата, хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 73). На форзаце книги имеется надпись рукою А. В. Гоголь: «Сия книга получена от брата моего Николая Васильевича Гоголя 1850-го в Деревне Васильевке». Наклеенная на обороте первого листа книги литография, выпущенная немецким издательством «Carlsruhe Kunst-Verlag» (с изображением Моисея, приносящего народу с Синая каменные скрижали), указывает, что Библия была ранее с Гоголем за границей (см. ***1843. Мая 1 <апреля 19>. Понедельник. Рим***; ***1843. Июля 8 <июня 26> — 1844. Ноябрь <ноября средина>***). На полях издания имеются карандашные пометы и записи Гоголя (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 144–160).

[9] «Один из этих лечебников с автографом Гоголя имеется у меня. Вот его полное заглавие: "О продолжении человеческой жизни, или домашний лечебник, заключающий в себе средства, как достигать здоровой, веселой и глубокой старости, предохранять здоровье надежнейшими средствами и пользовать болезни всякого рода с показанием причин и лекарств, почти повсюду перед глазами находящихся. Составленный из лучших отечественных и иностранных писателей князем Парфением Енгалычевым". Москва, 1833 года. <Ч. 1. 5-е изд., испр. и доп.; цензурное разрешение 29 ноября 1832; 304 с.>.

Чтобы ознакомить читателей с этим всеисцеляющим лечебником, приведем взятые наудачу советы.

"О зрении. Чтобы сохранить острое зрение до глубокой старости должно каждое утро натощак мазать глаза собственною своею слюною и давать ей самой засыхать".

Или советы, как уберечься от молнии: "Из домашних животных собаки и кошки во время грозы составляют очень опасное товарищество, которое надлежит от себя удалять.

Неосновательно думают, будто бы перья от перины производят разобщение и потому для молнии неприступны. Ибо бывали примеры, что молния и постели таковые зажигала и лежавших в них людей умерщвляла"» (примеч. В. А. Чаговца). — См. также ***1851. Октября 3. Среда. Москва.***

[10] См. ***1840. Марта 3. Воскресенье. Москва.***

[11] См. также ***1844. Февраля 12 <24>. Суббота. Васильевка***.

[12] Вероятно, торжественное переодевание мощей совершалось в день памяти святого в Соборе Афонских преподобных во второе воскресенье по Пятидесятнице, приходившееся в 1850 г. на 25 июня.

М. А. Максимович, ехавший в начале августа 1850 г. на встречу с Гоголем (см. ***1850. Августа 9. Сорочинцы***), также заезжал по дороге в Мгарский (Лубенский) Спасо-Преображенский монастырь, о чем в 1854 г. сообщал: «К Спасову дню <6 августа> отправился я на храм в *Мгарский* Лубенский монастырь, и провел там два приятных дня. Ознакомясь подробно с монастырем, — основанным Исаией Копинским в конце 1622 года, — я был 8 августа в Лубнах. При выезде из города через Сулу, я нашел наконец памятную мне в истории *Солоницу*. Это слобода за селом Засульем, окруженная солонцами, но там нет уже тех окопов, в которых отчаянно защищался и был взят гетман Наливайко» (*Максимович М.* Родина Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 639).

Ранее, в 1842 г., по дороге из Васильевки, в Мгарском монастыре побывал также М. П. Погодин: «18 <июля>. <...> В Луб<енский> монастырь. <...> Св. Афана<сий> сидящий» (Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г. *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 478); «*<18 июля>*. <...> ...Подговорил товарища съездить в знаменитый Лубенский монастырь в 5 верстах от города, [где Св. Афанасий почивает сидящий]. <...> Монастырь стоит на крутой горе Мгыри; вид на Сулу и заречье прелестный. Приложился к руке Преосвященного Афанасия, который скончался здесь на возвратном пути из Москвы в Константинополь в 1634 г. Патриарх почивает в креслах, и вид его сидящего, вторые сто лет, с наклоненною головою, очень поразителен» (Из статьи «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году». *Черновой автограф* // *Свод*. Т. 2. С. 481).

[13] Имеется в виду жительство О. В. Гоголь в Васильевке в оставшемся после бабушки Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб) домике в саду из двух комнат, в одной из которых Ольга Васильевна устроила аптеку для крестьян (см. ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка*** — воспоминания О. В. Гоголь-Головни). — См. также ***1851. Октября 3. Среда. Москва*** (письмо Гоголя к сестре Ольге).

[14] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 209, 213, 216.

ИЮЛЯ 1 — СЕНТЯБРЬ ПОСЛЕ 23. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь живет в Васильевке. Занимается ремонтом дома. В его записной книжке 1842–1851 гг. появляются наброски нового[1] плана садовых работ в Васильевке — на лето и осень 1850 г., ряд заметок о хозяйстве, указания младшей сестре Ольге, занимавшейся лечением крестьян («как устроить, чтобы женщи<ны> родящие не выходили на работы»[2]) и др.[3]

Вероятно, тогда же Гоголь составляет для племянника Н. П. Трушковского[4] рекомендательный список литературы из шести разделов («Итальянская литература», «Английская», «Французская», «Немецкая», «Русская», «Переводы на русский»; последний раздел замыкает «Одиссея» — очевидно, в переводе В. А. Жуковского[5]).

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «Что касается до нынешнего господского дома в деревне Васильевке, то о нем нечего больше сказать, как только, что он деревянный, одноэтажный, довольно просторен и удобен для помещения небольшого семейства покойного поэта. Гоголь, однако ж, находил его не так уютным и, может быть, не так комфортным, как бы желал. Он произвел в нем некоторые переделки и усовершенствования, оштукатурил его, для большей теплоты, особенным составом, которого рецепт вывез из-за границы, но все-таки оставался им недоволен и намерен был выстроить новый дом[6], который бы удовлетворял потребностям всего семейства вообще и каждого из его членов порознь. Он заготовил даже лес для этого дома[7] и, уезжая в последний раз из Васильевки, наметил собственноручно каждое бревно. <...>

Мне указали место, в углу дивана, где обыкновенно он сиживал, гостя на родине. В последнее пребывание его дома, веселость уж оставила его; видно было, что он не был удовлетворен жизнью, хоть и стремился с нею примириться. Телесные недуги, происходившие, вероятно, не от одних физических причин, ослабили его энергию; а земная будущность, сократившаяся для него уже в небольшое число лет, не обещала исполнения его медленно осуществлявшихся планов. Он впадал в очевидное уныние и выражал свои мысли только коротким восклицанием: "И все вздор, и все пустяки!"

Но каковы бы ни были его душевные страдания, он не переставал заботиться о том, чтобы занять милых его сердцу домашних полезною деятельностью и сохранить их от уныния. Одною из

трогательнейших забот его о матери было возобновленье тканья ковров, которым она в молодости распоряжалась с особенным удовольствием. Он думал, что ничем так приятно не рассеет ее подчас грустных мыслей, как занятием, которое будет напоминать ей молодость. Для этого-то с неутомимым терпением рисовал он узоры для ковров[8] и показывал, что придает величайшую важность этой отрасли хозяйства. С сестрами он беспрестанно толковал о том, что всего ближе касается деревенской жизни, как-то: о садоводстве, об устройстве лучшего порядка в хозяйстве, о средствах к искоренению пороков в крестьянах, или о лечении их телесных недугов, но никогда о литературе. Кончив утренние свои занятия, он оставлял ее в своем кабинете и являлся посреди родных простым практическим человеком, готовым учиться и учить каждого всему, что помогает жить покойнее, довольнее и веселее. От этого дома его знают и вспоминают больше, как нежного сына, или брата, как отличного семьянина и как истинного христианина, нежели как знаменитого писателя. И в общей любви к нему родных, не зависящей от удивления к его высокому таланту, много трогательного: тут видим Гоголя-человека, с заслугами, которые имели не все великие писатели. Работал он у себя во флигеле, где кабинет его имел особый выход в сад. Если кто из домашних приходил к нему по делу, он встречал своего посетителя на пороге, с пером в руке, и если не мог удовлетворить его коротким ответом, то обещал исполнить требование после; но никогда не приглашал войти к себе, и никто не видал и не знал, что он пишет. Почти единственною литературною связью между братом и сестрами были малороссийские песни, которые они для него записывали и играли на фортепьяно. Я видел в Васильевке сборник, заключающий в себе 228 песен[9], записанных для него от крестьян и крестьянок его родной деревни, и слышал множество напевов, переданных на фортепьяно»[10].

В. А. Чаговец в 1901 г., со слов сестры Гоголя Ольги Васильевны, сообщал: «Вообще Н<иколай> В<асильевич> любил музыку, любил пение, его душа была чутка ко всякому музыкальному звуку, и, слушая пьесу или песню, он уносился всем своим существом в поэтические грезы и мечтанья... Пригласит, бывало, старика-лирника, усадит его на крылечке дома, угостит, накормит и попросит спеть про старину... Плачет кобза, дрожит старческий голос певца, а поэт слушает его, опершись о перила, и рисуются перед ним образы былого могучего козачества... Но вдруг старик обрывает свою думу на полуслове, крякнет и легким перебором начнет "жартовливу" песню... да так ушкварит, что еле усидишь на месте... <...> Этот-то контраст малорусской песни особенно нравился поэту, и о нем он говорит в своих сочинениях[11]. А по вечерам Ольга Васильевна садилась за рояль, раскрывала "Сборник малороссийских песен" и начинала играть. Н<иколай> В<асильевич> был постоянным и внимательным слушателем; иногда он подпевал тихим тенорком или же, притопывая в такт ногой, громко говорил сестре: "живее, живее, громче, вот так, вот так!" И послушные пальцы, бегая по клавишам, наигрывали "Метелицю"[12] или какую-либо иную любимую песню»[13].

В 1903 г. Ольга Васильевна вспоминала: «"Говорят, где-то кто-то слышал, как он малороссийские песни пел, а я не слышала, как он пел. Он любил слушать, как поют или играют. Меня часто просил играть ему на фортепиано малороссийские песни. "А ну-ка, — говорит, — сыграй мне «Чоботы»..."[14] Стану играть, а он слушает и ногой притопывает... Ужасно любил он малороссийские песни... Видела я, как он раз нищих позвал, и они ему пели... Но это он хотел сделать так, чтобы никто из нас не видел: он позвал их к себе в комнату... Брат жил тогда во флигеле... Я рассказала этот случай художнику Волкову, а он картину такую написал..."[15] Ольга Васильевна показала <...> фотографию с картины. — "Вот видите, художник написал террасу прежнего дома, брат сидит, кобзарь поет, а на террасе, может быть, это мать, а это кто-нибудь из нас, сестер... Слушал брат кобзаря не здесь..."»[16]

Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[17], сообщал: «О доме, где помещается теперь семейство покойного, мы не можем сказать ничего особенного. Дом выстроен удобно, даже красиво, выстроен так, как строились в старину все дома в украинских селах. По стенам развешены превосходные старинные гравюры[18]. В зале стоит рояль, за которым в последнее время Гоголь, при помощи своих близких знакомых, составлял собрание украинских песен, с музыкою[19]. Это собрание, почти из тридцати песен, теперь находится, как нам говорили, в Москве, у Н. С. А<ксако>вой[20], и мы от души желаем скорее увидеть его в печати»[21].

24 марта 1853 г. сестра Гоголя Анна Васильевна отвечала В. С. Аксаковой: «Вы пишете, чтоб я прислала песни, но Степан Петрович[22] нам их не отдавал. Сколько я помню, мне кажется, что я даже ему говорила, чтоб он их Вам отдал. Впрочем, буду искать; есть у нас листок один с нотами (которые привез еще брат), написанный кем-то из вас[23], где "Чоботы". Он его отдал нашей приятельнице Надежде Лукьяновичевой[24], которая и перекладывала несколько песен и для него списала. Кажется, она теперь у Степана Петровича, и у него Вы можете взять»[25].

1 апреля 1853 г. другая сестра Гоголя, Елисавета, в свою очередь, писала В. С. Аксаковой: «Вы желаете знать, какие песни я посылала Наденьке[26], но если брат Вам отдал все, положенные у нас <на музыку> (Надей Лукьянович), то в том числе Вы найдете и их, впрочем, если я вспомню, то назову: 1) "Ой у поли могила..."[27]; 2) "Чи ты, моя маты, мене на мисти купила"; 3) "Ой, ходыв казак сим раз по Дону"; 4) "Ой, на хоры да жинцы жнут"; прочие никак не припомню; если же у Вас их нет, то я, если поеду в Малороссию, то оттуда могу Вам прислать»[28].

В 1964 г. А. И. Деем в фондах Института искусствознания, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР (ныне Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского НАН Украины) обнаружена тетрадь с записями мелодий двадцати четырех украинских песен, на обложке которой имеется надпись рукою М. А. Максимовича: «Малороссийские песни, переписанные Надеждою Сергеевной Аксаковой 1858 года в Москве, — на память Николаю Витальевичу Лысенку 1871 г. 12 мая в Киеве от М. Максимовича»[29]. Передавая сборник Н. В. Лысенко, М. А. Максимович сопроводил несколько песен указаниями: «От тетки Гоголя», «Петая теткой Гоголя», «Гоголевой». (Очевидно, имелась в виду Е. И. Ходаревская[30].)[31]

«Брат много читал и работал во флигеле, но никогда не занимался усидчиво, — рассказывала нам покойная Анна Васильевна, вспоминая о последних его приездах в деревню, — мы старались ему ничем не мешать, когда он был занят, а потом вдруг видим — он идет по саду, или примется сажать деревья, а через несколько времени снова трудится»[32].

В 1873 г. С. Г. Гетекомер, посетившая, в сопровождении А. В. Гоголь, Васильевку, сообщала: «Тут, <...> в родном гнезде Гоголя, в сохранившихся особенностях той обстановки, которую он сам когда-то создал, — особенною яркостью вырисовывались и чуткость Гоголя как художника, и его уменье создать в окружавшем его мире подходящее настроение: чтобы дать, например, известный фон белой церкви, стоящей как раз против фасада дома, в котором жили Гоголи, — по его указанию за церковью была посажена рощица, темная зелень из которой рельефно выделяла белизну церкви[33], и летом, когда при закате солнца тысячи лучей его бросали свой огненный отблеск в окна ее и на эту зеленеющую рощу и когда в эту же пору из храма высыпал религиозно-настроенный люд, получалось <...> именно то впечатление мира, благости и чистоты религиозных помыслов, которые так любил Гоголь...

Гоголь страстно любил зелень. Это бросается в глаза всюду, где только прикасалась его рука: и в разнообразии тонов посаженной им зелени, и в самой группировке деревьев. Везде чувствуется вкус и художественное чутье Гоголя, не только старавшегося, но и умевшего выполнить и картинность, и какую-то особенную мягкость создававшегося им ландшафта. Интересно в этом смысле следующее создание Гоголя: у пруда, прилегающего к парку в Васильевке, по его указанию, полукругом были посажены деревья и кусты самых разнообразных красок и размеров, и во всей этой гуще деревьев, в нижней ее части, сделан был продольный прорез, образовавший как бы своеобразный проход. И вот в июньские, например, дни, в те часы, когда солнце было на закате, и стволы окружающих пруд деревьев поддерживали по краям его глубокую тень, — через этот проход проникали на водяную поверхность пруда целые снопы ярко румяных лучей заката, образовывая в самой середине его как бы целую массу ярко пурпурного золота. Получается картина, удивительная по своей оригинальности и красоте»[34].

С. Н. Филиппов, также побывавший в Васильевке, в 1892 г., в свою очередь, писал: «Гуляя по саду, вы всюду чувствуете *его* и все говорит вам *о нем*. <...> Вам показывают деревья, насаженные *его* рукой, целую рощицу при въезде, которая, говорят, имеет форму будто бы гроба, а в саду, на нижней аллее, почти на берегу пруда, вы видите остатки какой-то кирпичной кладки, которая

прежде была гротом. Туда, рассказывают, "великий меланхолик", как называл его Пушкин[35], любил уединяться и там тогда горела свеча перед образом. <...> Еще сохранились кое-какие вещи, принадлежавшие Гоголю. Вот дверь с разноцветными стеклами[36], вот шкаф с его разрозненною библиотечкой, в которой хранится папка разных рисунков. Среди них много тогдашних литографий плохой московской работы на библейские сюжеты[37]. Некоторые из них раскрашены так, как раскрашивают обыкновенно такие картинки десятилетние дети. "Это брат раскрашивал, — говорит Ольга Васильевна. — Он привез однажды с собой много этих рисунков и все сидел и раскрашивал их. Он раздавал их крестьянам, когда читал им Евангелие и говорил о религии... <...> Брат очень любил сад и все сажал в нем деревья... <...> Он тогда тоже увлекался и постройками, рисовал разные планы и фасады. И нам все говорил, чтобы каждая избрала себе какое-нибудь дело и отдалась ему. "Тогда жизнь ваша, — говорил он, — будет совершенно наполнена..."»[38]

П. В. Анненков вспоминал о своей последней встрече с Гоголем в Москве осенью 1851 г.: «Он взял с меня честное слово беречь рощи и леса в деревне...»[39] 22 декабря 1851 г. он писал сестре Ольге Васильевне: «За посадку дерев тебя очень благодарю». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Платонов говорит о Костанжогло: «У нас у всех земля трескается от засух, а у него нет. Он рассчитает, насколько нужно влажности, столько и дерева разведет; у него все играет две-три роли: лес лесом, а полю удобренье от листьев да от тени...» В одном из набросков к восьмой главе первого тома поэмы Гоголь в качестве реплики главного героя поэмы, бранящего с досады балы, приготовил также фразу: «Наместо того, чтоб сидеть по деревням, заботиться о крестьянах... разводить лес для внуков, сад, воспитывать крестьян, учить, поучать народ — вон они соберутся все в городе...»

Ольга Васильевна, в свою очередь, вспоминала: «За этим приездом было его занятие — тоже готовить для посадки. Нанял работников, велел копать ямки[40]. За церквой, за лесками, сделал клинчик (мужики называют балалайка <так>), там велел засадить желудями[41], а между ними яснину, чтобы была защита от солнца, пока дубки подрастут, и тогда срубить яснину... <...> Потом велел копать ров от тех лесков, которые за церквой, до конца, чтобы без него насадили желуди. Просил мерку засадить желудей. Говорил: какой лес будет дубовый! А я говорю: кто его дождется?

— Кто дождется, тот скажет: Царство Небесное тому, кто насадил.

Потом заставил работников копать ров кругом и эту землю на середину насыпать. Образовалась высокая могилка, хотел за другим приездом еще выше сделать, но не удалось приехать кончать. Он хотел сделать возвышенность. Говорит: будет видно усадьбу и лес Черныша[42].

Сестры говорили брату, что в доме все-таки холодно[43]. Он сказал: в следующий раз, когда приеду, выстрою новый дом. Нарисовал план, показывал расположение комнат: спальня, комнаты Аннеты, комнаты Лизы, зал, гостиная, девичья, кладовая и три комнаты для его приезда.

Аннет спрашивала: а для Оли? Он улыбнулся и сказал: она может без меня мои комнаты занимать. Да еще хотел какую-то мельницу построить[44], чтобы давала доход. За этим разом он по утрам гулял в саду и по дороге заходил ко мне, и всегда спрашивал Устинью: Ольга спит? Иногда ответит: спит; тогда он на возвратном пути заходил ко мне. Ему интересно было видеть мои занятия. Говорил: когда лечишь больных, не бери никогда ничего от них. Я говорила ему: в лечебнике я нашла лекарство от такой-то болезни, а у меня нет такого лекарства. Он дал двадцать пять рублей.

— Когда выйдут эти деньги, то напиши; я всегда буду высылать деньги на лекарство.

Как видно, смотрел, чего мне еще нужно, чтобы в следующий раз привезти. Раз принес мне большую, из толстого стекла, кружку для соды и сказал, чтобы я купила аптечные весы. За свидание сестер с братом ничего не могу сказать, потому что я совсем отдельно от них жила, а за обедом или когда со всеми в гостиной сидели, ничего не слышала, о чем они говорили, но узнала, что брат и к ним заходил иногда.

И то потому узнала, что Лиза спрашивала у меня: что ты делала в своей комнате? Брат хвалил твое занятие, а нам замечание сделал.

Брат заботился, какую бы обязанность дать сестрам. Хотел, чтобы они по хозяйству какую часть взяли, но они не захотели. Он видел, что Аннет советница матери, а Лиза ничем не занимается; то брат сказал Лизе: хоть за эту часть возьмись: записывать приходы и расходы, которые мать выручала с имения, и чтобы присылала ему счет. А мне поручил все ямки, которые наготовил осенью, засадить деревьями, а канавы желудями»[45].

В. А. Чаговец сообщал: «...В последние годы своей жизни он <Гоголь> <...> он разводил сад, чистил дорожки, подрезывал деревья и т. п. Гоголь не любил симметрично и правильно размеченных дорожек или рядами посаженных деревьев; сад должен быть лабиринтом, в котором трудно сразу ориентироваться. Высокие серебристые тополи, посаженные поэтом, образуют чудный парк, особенно разросшийся над прудом. Не верится прямо, что эти могучие толстые деревья так сравнительно молоды, а между тем в этом нет сомненья: на месте нынешнего парка на стороне Быковых некогда было пустое место, которое стараньями поэта обращено в сад.

Интересно также, что, несмотря на то, что у матери Гоголя были крепостные люди, Гоголь не хотел пользоваться даровым трудом, а на свои средства нанимал рабочих для работ в саду.

Чтобы избежать симметрии в посадке деревьев и сделать будущий парк естественно красивым, Гоголь употреблял следующий способ: брал в руки несколько камней и бросал их сразу; где падал камень, там выкапывали яму для посадки дерева; этим как нельзя лучше достигалась цель[46]. Кроме этого парка, в Васильевке есть еще рощица <...>, посаженная Гоголем на краю деревни, за церковью. Эта рощица имеет вид равнобедренного треугольника; в народе она слывет под именем "Балабайки"; некоторые же видят в ней форму гроба и этим желают доказать, что Н. В. Гоголь, как бы предчувствовал свою кончину и символически выразил свое предчувствие в форме рощицы. Дело же объясняется просто: Гоголь насадил ряд дубков, а для защиты их с северной стороны посадил несколько рядов других, быстро растущих деревьев; дубки все повысохли, а другие деревца принялись и обратились в хорошенькую рощицу. <...>

Гоголь просил священника читать в церкви поучения, а также с своей стороны, для ознакомления народа с церковной историей, раздавал им картины на библейские сюжеты, сопровождая это соответствующими объяснениями. В свободное послеобеденное время, когда все собирались на веранде дома и занимались рукодельями или чтением, Гоголь брал в руки палитру с акварельными красками и раскрашивал яркими тонами картины, предназначенные для раздачи народу. В нашем распоряжении есть несколько (8) таких картин, раскрашенных самим поэтом; краски положены без особенного старания и разнообразия; преобладают синие, коричневые и красные цвета. Вот, например, так раскрашена картина "Иисус благословляет детей": Иисус сидит в темно-синем хитоне и светло-розовой рубахе, волосы светло-коричневые; над головой ореол раскрашен суриком; дети в голубых и розовых рубашечках, народ в темно-коричневых хитонах. Тем не менее в руках народа такая картина уже имеет больше смысла, чем серая гравюра; они узнают здесь Христа и святых, потому что привыкли видеть их такими в церкви. Что же касается лично поэта, то он не выделялся особенно ни набожностью, ни религиозностью среди своих родных, проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением и идеалами христианской жизни. Лишь в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда, нежели его окружающие; в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и т. п., он даже иногда бывал недоволен: "какой же это пост, когда все объедаются еще хуже, чем в обыкновенные дни?" — говорил он, отодвигая подальше блюдо, с какою-нибудь заманчивой постной пищей; а сам он действительно постился: утром выпивал стакан кофе со сливками <?>, а днем съедал яблоко или грушу — и это составляло его дневное питание»[47].

«Никто с таким страхом и волнением не следил за тем, что происходило в скорбной душе великого писателя, как беспредельно любящая его глухая сестренка. Исчезла та беззаботная веселость, какую он иногда обнаруживал в обществе соседей, заставляя всех смеяться до слез; исчезли и та самоуверенность и спокойствие, с какими он отправлялся после чая заниматься в свой кабинет. "Часто, — рассказывала Ольга Васильевна, — приходя звать его к обеду, я с болью в сердце наблюдала его печальное, осунувшееся лицо; на конторке, вместо ровно и четко исписанных листов, валялись листки бумаги, испещренные какими-то каракулями; когда ему не писалось, он обыкновенно царапал пером различные фигуры, но чаще всего — какие-то церкви и колокольни. Прежде, бывало, приезжая в деревню, братец непременно затевал что-нибудь новое в хозяйстве: то примется за посадку фруктовых деревьев, то, напротив, вместо фруктовых начинает садить дуб, ясень, берест; часто он изменял расписание рабочего времени для крепостных, пробовал их пищу, помогал им устраивать свое хозяйство, давая им советы. А теперь все это отошло в прошлое; братец все это забросил, и, когда маменька жаловалась ему на бездоходность своего имения, он только как-то бо-

лезненно морщился и переводил разговор на религиозные темы. Иногда, впрочем, когда ему удавалось хорошо поработать утром, он приходил к обеду веселый и довольный, после обеда он шутливо упрашивал свою тетушку Екатерину Ивановну <Ходаревскую> петь под мой аккомпанемент малорусские песни, причем и сам подтягивал, притопывал ногой и прищелкивал пальцами. Особенно любил он старую песню: "Гоп, мои гречаники, гоп, мои били"[48]. В эти моменты все в нашем доме оживало: маменька улыбалась, в дверях появлялись смеющиеся лица прислуги... Но эта вспышка веселости быстро проходила, и снова братец, мрачный, подавленный, уходил в свой кабинет»[49].

«Цветы, подаренные Н. В. Гоголем сестре О. В. Гоголь (Головне). 1850. Букетик васильков, хранящийся в сложенном листе бумаги с автографом неизвестного: "Память Николая Васильевича Гоголь 1850 года"»[50].

15 апреля 1852 г. М. Н. Синельникова сообщала С. П. Шевыреву: «Я узнала лично моего брата за два года до его кончины; когда он прежде бывал у своей матушки (моей родной тетки), я была еще в институте, а в 1848 году, когда он был дома, была эпидемия, и он сам был болен, после чего его слабое здоровье еще больше расстроилось, и я не могла с ним видеться. <...> В 1850 году я в первый раз увидела его, сошлась с ним, встретивши в нем истинно братское сочувствие, и привязалась к нему всей силой души моей. Как много надеялась я получить назидательных советов в различных случаях жизни, и так мгновенна была моя радость иметь брата с такими достоинствами. Я прожила все лето вместе с ним среди его семейства, восхищалась его любовию к ним и заботливостию о них, истинно материнскою; распределяя занятия сестрам, каждой по способностям, говоря: "Пора успокоить матушку, вы должны беречь ее и покоить". Он всегда сильно беспокоился о ней и убеждал сестер хранить ее, они в точности исполняли его советы. Сколько деловых разных планов, для успокоения своего семейства, и дом располагал строить, и теперь все рушилось. <...> Как любил он крестьян своих, входя в положение каждого, как отец, и теперь по нем вопль и рыдание. Я, бывши у них, часто, бывало, вижу, как он сам заходит в крестьянские избы узнать, нет ли нуждающихся, и часто посылал деньги с Москвы для помощи всем неимущим. Я, бывало, удивляюсь его необыкновенной деятельности, как среди всех его умственных занятий еще находил он время делать поверки приходу и расходу по имению (а он еще в юности отказался от своей части, уступя ее матери и сестрам[51]); везде видна была его деятельность, сколько деревьев насадил он; и, видя, что я занимаюсь больше цветами, говорил: "Бросьте их, деревья благодарнее, они переживают нас". Каждое <воскресенье> после обеда учил сироту <Э. Ващенко>, живущую у них, толковал ей уроки, и теперь его старанием помещена в <Полтавский> Институт. Когда не находил занятие посерьезнее, то для отдыха рисовал узоры для ковра, везде и во всем он был их неутомимый сотрудник. <...> Черновые его рукописи едва ли могли остаться у родных его, он всегда собирал все и забирал с собою»[52].

В 1909 г. Э. Ковриго (в девичестве Ващенко) вспоминала: «Он меня, 8–12-летнюю девочку, постоянно ласкал, удивительно ясно отвечал всегда на мои вопросы о цветах, букашках, учил меня грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую я с ним читала, было Евангелие. И эти уроки и беседы о любви к ближнему так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей. Там царили такой мир, такое доброе отношение к людям, что если бы можно было, родившись в селе Васильевке, никуда не выезжать за его пределы, то никогда нельзя было бы сказать, что в России существовали крепостные: Мария Ивановна любила их как своих детей, а Николай Васильевич смотрел на них как на друзей своих.

Странный он был! Бывало, приедут гости, соседи-помещики. Он сейчас же скроется во флигель, а оттуда в сад или в поле, и был таков. И когда только он мог их наблюдать, чтобы так чудно, так правдиво описать, как описал он их в "Мертвых душах". Разве когда был еще юношей, потому что, сколько я помню, он всегда чуждался общества так называемых благородных людей и весь досуг проводил в беседах с крестьянами, с близкими родными и со мною, сиротою.

Не забыть мне этих чудных рассказов о добре и зле, о вере и Боге, как не забыть ласк и материнских забот Марии Ивановны!»[53];

«Некоторые утверждали, что мистицизм и религиозность овладели Гоголем в последние годы его жизни. Нет, он был религиозен всегда, и это чувство он органически унаследовал от своей ма-

тери, от которой получил и все то истинно прекрасное и неувядаемое, что так поэтически чудно заключено в его бессмертных творениях»[54].

[1] См. ***1848. Августа 22. Воскресенье. Васильевка.***

[2] См. также ***1851. Июня 5. Вторник. Москва.***

[3] См., в частности, заметку: «В Симферополе Шмаков Алекс<ей> Ивано<вич>». Вероятно, имеется в виду брат И. И. Шмакова, автора воспоминаний о В. Г. Белинском (см.: *Шмаков И.* Белинский в Симферополе // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 1. № 2. С. 197–198; см. ***1846. Сентября 3 <15>. Вторник. Симферополь***); возможно, бывший чиновник (в 1820-х гг.) Управления Питейных Сборов Симбирской Казенной Палаты, член Московского Императорского Общества Испытателей природы (в 1830-х гг.).

[4] См. также ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка.*** — Список мог быть адресован также сестрам.

[5] См. ***1849. Октября 12–13. Среда-четверг. Москва.***

[6] См. также ***1851. Мая 14. Васильевка*** (примечание).

[7] См. заметки в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.: «Брус верхний 8 арш<ин>...»; «Толстых дубов — 84...»; «Остается в наличности леса...» — См. также ***1850. Мая 15. Понедельник. Москва.***

[8] В 1901 г. В. А. Чаговец, перечисляя предметы Гоголя, хранившиеся у его сестры Ольги Васильевны, указывал на «рисунок ковра (килимка), сделанный для крестьян; по этому узору делались ковры, из которых один сохранился и до настоящего времени» (*Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 229). См. также: «Узор для малороссийских ковров, сделанный Н. В. Гоголем» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[9] См.: <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 205–337, 733–734. В сентябре 1854 г. П. А. Кулиш сообщал П. А. Плетневу: «Единственною литературною связью между братом и сестрами были малороссийские песни, которые Ольга для него записывала и играла на фортепьяно. У нее осталась большая тетрадь, заключающая в себе 228 песень. Чистая копия с нее находится у Шевырева, а этот брульон подарен теперь мне» (Семейство Гоголя. (Из письма П. А. Кулиша к П. А. Плетневу. Сентября, 1854) // *Свод.* Т. 1. С. 389). Несмотря на то, что П. А. Кулиш связал сборник с концом 1840-х гг., его составление может относиться к первой половине 1830-х гг. (см. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург*** — примечания; ***1832. Июля начало. Москва***; ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург***; ***1834. Май-декабрь. Санкт-Петербург. В течение указанного периода***; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 740).

[10] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 41–42.

[11] 26 марта 1834 г. Гоголь писал М. А. Максимовичу: «По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания». Расположение песен в гоголевских сборниках по большей части также не подчинено каким-либо жанровым принципам (исключение составляют лишь исторические песни и думы) (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17).

[12] См. также ***1848. Августа средина — августа 24. Вторник***; ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***; ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва.***

[13] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 227.

[14] См. также ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[15] Имеется в виду картина маслом художника В. А. Волкова «Гоголь слушает бандуриста» (1892).

[16] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 249.

[17] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[18] «По стенам были развешаны старинные портреты Екатерины Великой, Потемкина и Зубова и английские гравюры, изображающие рыночные и рыбачьи сцены в Англии» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 312).

[19] «В зале стоял рояль, за которым Гоголь, по словам его матери, иногда любил наигрывать и петь свои любимые украинские песни, особенно веселые и плясовые. “Он иногда смешил нас до упаду, — сказала мне М. И. Гоголь, — сам казался весел, хотя в душе оставался постоянно задумчивым и печальным”. <...> “Покойный брат, — сказала мне старшая сестра Гоголя <Анна Васильевна>, когда мы вышли в сад, — все затевал исправить, перестроить дом — переделать в нем печи, переменить двери, увеличить окна и перебрать полы. Зимою у вас холодно, писал он, надо иначе устроить сени. Оштукатурили мы дом особым составом, по присланному им из-за границы рецепту. Сам он не выносил зимы и любил лето — ненатопленное тепло”» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 312).

[20] Уточнение Н. С. Аксаковой см. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[21] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 286.

[22] Шевырев.

[23] См. ***1850. Января 16. Москва***; ***1850. Февраля 5. Воскресенье. Москва***; ***1850. Февраля 20. Москва***; ***1850. Февраля 27. Москва***; ***1850. Марта 10. Москва***; ***1850. Марта 19. Воскресенье. Москва***; ***1850. Мая 14. Воскресенье. Москва***; ***1850. Мая 25. Москва.***

[24] Надежда Гавриловна Лукьянович, дочь Г. С. Лукьяновича. Упоминание о кончине «нашего добрейшего соседа Гаврила Семеновича» встречается в письме Гоголя к сестре Елисавете от 2 сентября 1851 г. В. И. Шенрок, комментируя это письмо, указывал: «По словам покойного А. С. Данилевского, Гаврила Семенович был по фамилии Лукьянович, помещик в селе Будищах» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 395).

[25] *Свод*. Т. 1. С. 144.

[26] Н. С. Аксаковой.

[27] «Могила» — в воспоминаниях Г. П. Данилевского (см. ***1851. Октября 31. Москва***). Две нотные записи мелодии этой песни см. в изд.: Васильковский соловей Киевской Украйны. Славянорусский альбом для одного голоса с аккомпанементом фортепиано, составленный из 115 малороссийских и некоторых русских, польских, червонорусских, болгарских и молдованских песен, дум и романсов, с присовокуплением малороссийских и еврейских танцев Степаном <Д.> Карпенко, малороссийским певцом и актером. СПб., 1864. С. 142, 145.

[28] *Свод*. Т. 1. С. 177.

[29] *Дей О. І.* Українські народні пісні співані М. В. Гоголем // Народна творчість та етнографія. 1964. № 4. С. 30–35.

[30] См.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 709.

[31] Подробнее см.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 786–787.

[32] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 164.

[33] Ср. замечание Г. П. Данилевского в письме к П. А. Плетневу от 26 июня 1852 г. об этой роще: «...горлинки воркуют в роще за белою низенькою церковью...» (*Свод*. Т. 1. С. 281); а также его описание Васильевки в статье «Хуторок близь Диканьки»: «Вот они, места, в которых прошло веселое детство Гоголя! Широкая поляна над косогором. Справа избы хутора, чистенькие, окрашенные белою и желтою краскою, в тени прелестных садиков; слева левада, род огромного огорода, середина его, обращенная к хутору, обсажена липами и вербами. Перед этою оградою каменная церковь с зеленою крышею. Ограда церкви сделана из окрашенных желтою и белою краскою кирпичей: кирпичи сложены в виде решетки, сквозными стенами. Церковь между левадою и хутором; против нее, примыкая к хатам хутора, с правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панский деревянный дом, с красною крышею, в один этаж; направо от него флигель, налево людские строения. За домом сад; за садом пруды. За прудами неоглядные равнины украинских степей... Я въехал во двор. <...> По двору бегали ребятишки, играя и весело потрясая своими кудрявыми головками. Ветер волновал листья ясеней; кукушка куковала в купе деревьев за церковью...» (*Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод*. Т. 1. С. 285–286).

[34] *Т.* Воспоминания о семье Гоголя // Одесский Листок. 1909. 19 марта. № 64; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 369.

[35] Подробнее см.: ***1834 — 1836 начало*** (примечания).

[36] См. ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка***.

[37] См. ниже сообщение В. А. Чаговца, а также ***1848. Мая 9 — мая 25; июня 3 — августа 24. Васильевка.***

[38] *Филиппов С. Н.* Гоголевские уголки // *Свод*. Т. 1. 191–192.

[39] См. ***1851. Ноября конец. Москва***. См. также ***1849. Март. Москва*** (примечание 12).

[40] См. строки записной книжки Гоголя 1842–1851 гг.: «*Летом* копать ямки на той стороне».

[41] См. в записной книжке Гоголя 1842–1851 гг.: «*Осенью* в сентябре. Собрать сколько можно больше желудей и садить по рвам, у кузницы, за церковью, на той стороне и во всякой ямке по четыре жолудя, глубиною в ¼.

В октябре навезти из Ярешковских лесов прямых, ровных дерев для садки в ямках — клена, ясеня, осокора, осины и липы. Ямки не засыпать до края».

[42] «"Загадочный холм" объясняется проще. Это было в голодный год, когда в Яновщине Гоголь организовал "общественно-земляные работы"; и когда в саду дорожки были расчищены, все спланировано, то из оставшейся земли Г<оголь> предложил насыпать курган, на вершине которого были посажены деревья. Деньги за работу платил он сам ("Посылаю пятьдесят р<ублей> серебром в пользу страждущих... Всего лучше, если бы раздача производилась в виде платы за работу в саду. Даром не должен человек получать — разве тогда уже, когда не станет сил работать". Из письма Г<оголя> 1849 г. к матери)» (примеч. В. А. Чаговца). — В 1952 г. Е. П. Серебровская записала следующее свидетельство о Гоголе (апокрифического характера), переданное уроженцами с. Гоголево (бывшей Васильевки) Шишакского района Полтавской области братьями Шабельниками, 79-летним Никифором Ивановичем и 71-летним Федором Ивановичем, со слов их отца Ивана Михайловича Шабельника (1818–1896): «Был случай, когда отцу нашему и садовнику Гоголь приказал [вырыть яму, а потом услал их на обед, да сам что-то туда и зарыл. Вернулись они, а земля уже заровнена] вырыть глубокую, но довольно узкую яму. Кончал это рытье наш батя к полдню, двое их в тот час там стояло, он и Гоголь. И вот отсылает его Николай Васильевич: иди, мол, пообедай, потом придешь. Ушел наш батя. А вернувшись, видит: ямка-то уж заровнена. Сверху Гоголь велел накидать большой холм земли и рядом посадил дубки. У нас этот холм прозвали "могилой", он и сейчас стоит. Совсем недавно школьники наши с учителем прорыли в глубину холма отверстие и нашли там... дощечки от ящика небольшого, полуистлевшие. Что в том ящике было — мы не знаем» (*Серебровская Е. П.* Рассказы о Гоголе. <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке> // *Свод*. Т. 3. С. 973).

[43] См. ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка.***

[44] 14 мая 1852 г. мать Гоголя, прочитав в некрологе М. П. Погодина «Кончина Гоголя», что перед смертью ее сын «изредка бредил, восклицая: поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте!», также вспоминала: «Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице, которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по малоземелью, по душам не дающее доходу; он хотел устроить и крупчатку в случае надобности наделать, а когда не нужно – снимать и молоть простую муку. Хотел достать хорошего механика и тем хоть сколько-нибудь, как он говорил, помочь нам. И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею» (см. ***1852. Февраля в ночь с 20 на 21. Со среды на четверг. Москва***). – См. также ***1851. Мая 23–30. С. Власовка Константиноградского уезда Полтавской губернии***.

[45] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 213–214.

[46] В. А. Гиляровский в 1902 г. также замечал: «Странно посажен сад на берегу пруда: только одна аллея, а там все вразброс. Таково было желание Гоголя. Он не любил симметрии. Он входил на горку, или просто вставал на скамейку, набирал горсть камешков и бросал их: где падали камни, там сажал он деревья. До того времени на месте сада был большой луг, и на нем-то Н<иколай> В<асильевич> образовал этот чудный, тенистый сад. Впрочем, нет, теперь он не тенистый: клены, любимое дерево Гоголя, уже облетели – уцелели листья на двух его также любимых деревьях: желтые, золотые теперь, при свете солнца, на липе, и темно-зеленые кожистые – на дубе. Гоголь любил и сажал только три этих дерева. Теперь между ними разросся берест. <...> ...С большой аллеи переходишь поперек сада длинной, узкой, извилистой дорожкой. Эта дорожка неправильной линией разрезает сад: налево пруд, а направо дом» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод*. Т. 1. С. 356).

[47] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 221, 224.

[48] Песня внесена Гоголем в его сборник <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая> (см.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 298). – См. примеч. выше.

[49] *Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 257.

[50] Описание материалов Пушкинского Дома (Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома). Н. В. Гоголь. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 79.

[51] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург***.

[52] *Свод*. Т. 1. С. 263–264.

[53] *Ковриго Э.* Из личных воспоминаний // *Свод*. Т. 1. С. 277.

[54] *Ковриго Э.* Личные воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 1. С. 278.

ИЮЛЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. АРХАНГЕЛЬСКОЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Я. К. Грот пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«...Мы ехали так скоро, что в пятницу[1] после обеда были в Москве. <...> С Протопоповым[2] виделся я часто; к Шевыреву не ездил, будучи уверен, что он в деревне; к Костылеву сбирался, но кончил тем, что только написал к нему по городской почте; к Бергу не мог ехать, не зная его квартиры; с Гоголем не успел повидаться; знаю только, что он каждое воскресенье обедает у близких знакомых жены моей, Мухановых[3]. <...> В Москве пробыли мы только три дня и выехали оттуда в прошлый вторник»[4].

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 516; *Свод*. Т. 3. С. 706.

[1] 23 июня 1850 г.

[2] См. ***1849. Июля 4 или 5. Понедельник или вторник. Москва, Малоярославец***; ***1849. Октября 26. Среда. Гельсингфорс***; ***1849. Декабря 15. Четверг. Москва***.

[3] См. ***1850. Мая 28. Воскресенье; июня 4. Воскресенье; июня 11. Воскресенье. День Св. Троицы. Москва***. – Гоголь выехал из Москвы на родину 13 июня 1850 г. (см. ***1850. Июня 13. Вторник. Москва***) и к 1 июля находился уже в Васильевке (см. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка***).

[4] 27 июня 1850 г.

ИЮЛЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

М. С. Щепкин в одесском театре играет в «Ревизоре» Городничего.

Гриц. С. 457.

ИЮЛЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Калугу, письмо к графу А. П. Толстому в Петербург и письмо к С. П. Шевыреву в Москву.

Из письма к Смирновой: «Два бесценные письмеца[2] ваши <...> получил. Советами воспользуюсь. Всё прииму в соображение и примусь за написанье такого письма[3], которое бы только изобразило открыто и чистосердечно мое положенье и ничего больше. Я думаю, что если только Богу угодно, то всё обделается само собою. Вы сами помните, что я вовсе не просил[4] о том пенсионе, который мне был пожалован неожиданно на время пребыванья моего за границей для леченья[5]. Я даже вам не заикался об этом. Но Богу угодно было, чтобы вам в одно время вдруг сгрустнулось о моем положении. Он дал вам на то время силу и настойчивость, Государю — милостивое вниманье ко мне, министру просвещенья[6] — участье и желанье споспешествовать — и всё обделалось. Недели через две вы получите от меня то, что внушит мне мой рассудо<к> и сердце. А их да вразумит Бог! О сем молитесь и вы. А насчет чортика и всяких лезущих в голову посторонних гостей скажу вам: просто плюньте на них! Скажите: мне некогда, у меня есть теперь много забот поважнее, в том числе, положим, и дело Гоголя. А еще лучше скажите: у меня есть другие, высшие обязанности: мне нужно благодарить Бога за то, что сохранил меня до сих пор, что я еще живу на свете, что жизнь моя еще нужна для добрых дел. Некогда, некогда, сатана, убирайсь[7] себе в свою преисподнюю! Он, скотина, убежит, поджавши хвост. Прощайте до первой оказии. Бог да хранит вас!»

Из письма к Толстому: «Спешу написать вам несколько строк. Ехал я, слава Богу, благополучно. Небольшие кое-какие неудобства не стоят того, чтобы быть замеченными посреди неисчетного множества благодеяний, которыми дождит на нас неустающий в даяниях Бог. И, право, мне кажется, человеку не о чем помышлять, как только о том, чтобы превратиться в благодарственный гимн и в неумолкаемую песнь ему. Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание[8]. <...> Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце, который вам будет по дороге, к тамошнему игумену[9], который родной брат оптинскому игумену[10] и славится также своей жизнью; третий их брат игуменом Соровской обители[11] и тоже, говорят, очень достойный настоятель. Я уверен, что эта обитель оставит у вас, как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний.

Если вы еще в Петербурге, то передайте мои душевные поклоны Софье Петровне[12] и обеим вашим искренно мной любимым племянницам Наталье и Марье Владимировнам Апраксиным[13]. Дай Бог, чтобы они все были здоровы и преуспевали во всем, что возвышает душу человека. Скурыдину и Бурачку передайте также мои заочные поклоны. Не позабудьте и преосвященного Евсевия[14], которого, вероятно, вы иногда видаете, и напишите хоть строчку, в каком бы расположении духа она ни написалась.

Спросите у Натальи или Марьи Владимировны, не оставил ли я у них в Неаполе[15] трех тетрадей с видами Палестины. Если на случай они в Петербурге, то я бы попросил их переслать мне в Полтаву.

На днях буду писать к вам, может быть, больше и обстоятельней...»

Из письма к Шевыреву: «Я прибыл в деревню матушки довольно благополучно и спешу к тебе написать несколько строчек, добрый друг. Зейдлицкие[16] порошки получил... <...> ...Покуда, слава Богу, нет в них надобности. Недели через две после этого письма предстанет к тебе племянник

мой Трушковский. Он, узнав, как теперь трудно приютиться[17], желает идти по восточным языкам и ехать в Казань. Поэтому прошу тебя убедительно снабдить его письмами к тамошним профессорам[18]. Если кто-нибудь из московских в сношении с ними, то проси его. Может быть, Погодин замолвит также от себя. <...> Софии Борисовне[19] душевный братский поклон».

[1] См. ***1850. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Калуга***.

[2] Сохранилось лишь одно письмо, от 24 июня 1850 г.

[3] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка***.

[4] В письме к министру народного просвещения С. С. Уварову от апреля 1845 г. Гоголь также замечал: «Клянусь, я и не помышлял даже просить что-либо <...> у Государя...» (см. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[5] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] Имеется в виду бывший министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

[7] Так в подлиннике.

[8] См. ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь***.

[9] Имеется в виду настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря игумен Антоний (Путилов) (см. ***1850. Июня 14–15. Среда-четверг. Малоярославец***).

[10] Преподобный Моисей Оптинский (Путилов).

[11] Игумен Саровской пустыни отец Исаия (Путилов).

[12] Графиня Апраксина, сестра Толстого.

[13] Дочери С. П. Апраксиной.

[14] Владыка Евсевий (Орлинский, 1806–1883), епископ Винницкий (в 1847–1850), ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, впоследствии епископ Самарский (1850–1856), архиепископ Могилевский и Витебский (с 1860).

[15] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***.

[16] Порошки врача К. К. Зейдлица.

[17] Вследствие установления комплекта студентов в университетах.

[18] См. также ***1850. Июля 18. Вторник. Васильевка***.

[19] Жена Шевырева.

ИЮЛЯ 10–18. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь составляет прошение о предоставлении ему заграничного паспорта[1] и денежного пособия. Учитывая советы А. О. Смирновой[2], предполагает адресовать письмо одному из влиятельных при Дворе лиц – либо министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, либо министру просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову, либо начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову, – либо самому Государю Наследнику Александру Николаевичу (составленное в этот период письмо 18 июля 1850 г.[3] было вручено Гоголем племяннику Н. П. Трушковскому при его отъезде из Васильевки в Москву, для передачи в Калуге Смирновой):

Из письма Гоголя: «Ваше Сиятельство Милостивый Государь. Скажите мне откровенно, можно ли и прилично ли ввести Государя Наследника в мое положе<ние>. Признаюсь, никогда бы не посм<ел> я просить о каком-либо вспомоществов<ании>, если бы не жило во мне твердой уверенности, что я долг заплачу... <...> Обстоятельства мои таковы, что я должен буду просить позволенья и даже средств проводить три зимние месяца в году в Греции или на островах Средиземного моря [так же, как осенние и летние внутри России], или где-нибудь на Востоке невдали от России. Это не прихоть, но существенная потребность моего слабого здоровья и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою природу и, укрепившись пребываньем на юге, приехал было в Россию с тем, чтобы здесь заняться и кончить свое дело, но суровость двух северных зим расстроила снова мое здоровье. Не столько жаль мне самого здоровья, сколько того, что время пропало даром. [Со-

чинение мое вовсе не маловажно.] А, между тем, предмет труда моего не маловажен. В остальных частях "Мертвых душ", над которыми теперь сижу, выступает русский человек уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями [случайно к нему приставшими], но всей глубиной своей природы и богатым разнообразьем внутренних сил, в нем заключенных. Если только поможет Бог произвести всё так, как желает душа моя, то, может быть, и я сослужу службу земле своей не меньшую той, какую ей служат все благородные и честные люди на других поприщах. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное следует выставить ярко, в живых, говорящих примерах, способных подействовать сильно; о многом существенном и главном следует напомнить человеку вообще и русскому в особенности. Поэтому мне кажется, что я имею некоторое право поберечь себя и позаботиться о своем самосохранении. Принужденный поневоле наблюдать за своим здоровьем, я уже заметил, что тот год для меня лучше, когда лето случалось провести на севере, а зиму на юге. Летнее путешествие по России мне необходимо потому, что на многое следует взглянуть лично и собственными глазами. Зимнее пребывание в некотором отдаленьи от России, на юге, тоже необходимо (не говоря уже о потребности для здоровья): точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышенье, откуда бы всё видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобыкшему созерцать, бывает необходимо временное отдаленье от предмета, который он видел вблизи, затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза».

Впервые на эту особенность своего художнического взгляда Гоголь указал в 1842 г. в письме к П. А. Плетневу из Москвы: «...В самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною»[4].

В следующем году Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «...У меня <...> нет теперь никаких впечатлений и <...> мне все равно, в Италии ли я, или в дрянном немецком городке... <...> ...Я живу весь в себе, в своих воспоминаниях, в своем народе и земле, которые носятся неразлучно со мною...»[5]

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь также признавался:: «Почти у всех писателей, которые не лишены *творчества*, есть способность, которую я не назову воображеньем, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами. Способность эта действует в нас только тогда, когда мы отдалимся от предметов, которые описываем»[6].

Далее Гоголь писал: «Присоветуйте, придумайте, как поступить мне, чтобы получить беспошлинный пашпорт и некоторые средства для проезда. Состоянья у меня нет никакого; жалованья не получаю ниоткуда; небольшой пенсион, пожалованный мне великодушным Государем[7] на время пребыванья моего за границей для излеченья, прекратился по моем возвращеньи в Россию. Конечно, я бы мог иметь средства, если бы решился выдать в свет мое сочинение в неготовом и неконченном виде — но на это не решусь никогда. <...> Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там, я* должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель. Прежде мне было возможно скорее писать, обдумывать и выдавать в свет, когда дело касалось только того, что достойно осмеянья в русском человеке, только того, что в нем пошло, ничтожно и составляет временную болезнь и наросты на теле, а не самое тело, но теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу всё здоровое и крепкое в нашей природе и выставить его так, чтобы увидали и сознались даже не признающие этого, а те, которые [бросили] пренебрегли развитие великих сил, данных русскому, устыдились бы, — с таким делом нельзя торопиться. <...> Много нужно для этого созреть и умом и душой и быть в отдаленьи от всего, возмущающего высокое настроение духа, много нужно тайных молитв, сокровенных сильных слез... словом, много того, чего я не могу объяснить, что и объяснять мне неприлично.

Мне кажется, если бы доставлена была мне возможность в продолженьи трех лет сделать три летние поездки во внутренность России и три зимние пребывания вне ее под благорастворенным климатом юга, всегда действовавшим освежительно на мои силы и творческую способность, — такое благодеяние не пропало бы даром. Сверх мной упомянутого большого сочинения, я бы мог окончить тогда ту необходимую и нужную у нас [книгу, которая бы знакомила русского еще с детства с землей своей] книгу, мысль о которой меня занимает с давних времен[8] и за которую (дай

только Бог сил исполнить, как хочется) многие отцы семейств скажут мне спасибо. [Всем нам уже известно, сколько бедствий и беспорядков в Русской земле произошло от собственного нашего неведения земли своей. <...> ...Ибо едва ли не главною причиной всех нестроений и внутренних беспорядков есть неведенье русских собственной земли своей, точно как бы с умыслом кладется в основу нашего воспитанья в тот возраст, который называется детским, но в который живей воображенье и всё, что раз взошло, остается навеки.] Нам нужно живое, а не мертвое изображенье России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев[9], но когда все его способности свежее, чем когда-либо потом, а воображенье чутко и удерживает навеки всё, что ни поражает его. Такую книгу (мне всегда казалось) мог составить только такой писатель, который умеет схватывать верно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства народа, а всякую *местность* со всеми ее красками поставлять так ярко <и> выставить так живо, чтобы она навсегда осталась в глазах, который, наконец, имел бы способность сосредоточивать сочиненье в одно слитное целое так, чтобы вся земля от края до края со всей особенностью своих местностей, свойствами кряжей и грунтов врезалась бы как живая в память даже несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, заводить несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразьем особенностей, какими отличаются его ветви и племена, чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его Бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой *местности*, и не требовал бы повсеместного выполненья того, что хорошо в одном угле и дурно в другом.

Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится... <...> Представьте это письмо прямо, как оно есть, на суд Его Императорского Величества. Что угодно будет Богу внушить его монаршей воле, то, верно, будет самое законное решение. Во всяком случае великодушный Государь не прогневается на своего верного подданного, от всех сил стремящегося принести пользу родной земле своей, столь драгоценной его монаршему отеческому, многолюбящему сердцу».

[1] Подробнее см.: ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[2] См. ***1850. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Калуга***; ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка.***

[3] См. ***1850. Июля 18. Вторник. Васильевка.***

[4] См. ***1842. Марта 17. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1843. Июня 20 <8>. Вторник. Эмс, Дюссельдорф, Эмс.***

[6] См. также: ***1829. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Санкт-Петербург или Кронштадт*** (примечания); *Виноградов И. А.* Путешествие в творчестве Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2017. Вып. 6 (23). 483 с. С. 24–60; *Виноградов И. А.* «Дорога мне необходима...» Гоголь-путешественник // Восток и Запад в русской литературе путешествий XI–XX вв. (в печати).

[7] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] Подробнее см.: ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург*** (примечания). – См. также ***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин*** (примечания).

[9] См. ***1834. Марта 25. Воскресенье. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 13. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ИЮЛЯ 18. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь дает отъезжающему племяннику Н. П. Трушковскому деньги на проезд в Казанский университет (через Москву), а также несколько писем: рекомендательное письмо к С. П. Шевыреву; письмо к оптинскому послушнику отцу Петру Григорову; письмо к А. О. Смирновой и письмо к одному из влиятельных при Дворе лиц — либо министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, либо министру просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову, либо начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову, — либо самому Наследнику Александру Николаевичу[1].

Письмо к о. Петру Григорову Трушковский должен был вручить адресату при посещении Оптиной Пустыни[2]; письмо к официальным лицам и к Смирновой — вручить ей при проезде Калуги[3]; письмо к Шевыреву — доставить ему по приезде в Москву[4].

Из письма к о. Петру Григорову: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш[5] оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье. Окажите, почтеннейший и добрейший отец Петр, такое же расположение и к подателю письма сего, юноше, слава Богу, еще самых добрых наклонностей, племяннику моему, едущему оканчивать ученье свое по части восточных языков в Казанский университет, Николаю Павл<овичу> Трушковскому. Покажите ему всё в вашей обители. Мне бы хотелось, чтобы она и в нем оставила самое благодатное воспоминанье, чтобы он помнил, что есть берег, куда можно пристать и быть безопасну от самых сильных кораблекрушений. Передайте от меня радушный поклон всей братии, начиная с достойнейшего отца игумена[6], и попросите молиться их всех о мне. <...> Прилагаю при сем 10 р<ублей> серебром на молебствие о благополучном моем путешествии и о благополучном окончании сочинения моего, на истинную пользу другим и на спасенье собственной души моей. Об этом попрошу вас попросить всех преуспевших в молитвах и в особенности отца игумена».

Из письма к Смирновой: «Посылаю вам всё, что мог придумать[7]. Письмо это доставит вам племянник мой Трушковский, юноша, едущий в Казанский университет продолжать там свое учение по факультету восточных языков. Дело вот в чем: я нахожусь в каком-то нравственном бессилии. Пробовал писать к Наследнику, но так стало совестно всё просить и просить, всё забирать вперед, не сделавши ничего, что перо не поднялось. Писать официальную просьбу к министру о пашпорте с присоединением свидетельства от врачебной управы мне неприлично: я человек не служащий и этим формам не подлежу. Притом же я в России все-таки известнее какого-нибудь инспектора врачебной управы, которого подкупное свидетельство большему подвержено сомнению, чем мое собственное. Дело в том, что так как уже самое положение мое несколько необыкновенно и не похоже на положенье других людей, то и поступить я должен несколько необыкновенно. Я написал письмо к министру внутр<енних> дел. Если же найдете его более приличным министру просвещения, то пусть оно будет к министру просвещения. Если ж Орлову, то пусть будет к Орлову. Я выставил только сиятельство. Они все трое сиятельные. Если ж никому нейдет оно в особенности, то дайте каждому из них по копии, сказавши, что Гоголь, совершенно не зная, к кому из них обратиться, по причине несколько необыкновенной своей просьбы, выходящей из предела установленных порядков, заботился только о том, чтобы изложить обстоятельно и откровенно свое положение, в

уверенности, что они как [истинные сыны отчизны] истинно благородной души люди, любящие добро земли своей, не откажут в покровительстве тому, который также от всей души хотел бы принести ей дань и от себя по мере небольших сил своих. А, может быть, недурно будет и так: посоветовавшись прежде с гр<афом> Толст<ым>[8], с которым вы обо мне уже совещались (которому передайте душевный поклон), обратить это письмо к Наследнику, сделавши такой приступ: "Ваше Импер<аторское> Высочество! Все мне присоветовали принять смелость обратиться прямо к вам и чистосердечно изъяснить свое полож<ение>", и вслед за этим всё как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично. Я думаю, что редакцию этого может по расположенью своему ко мне сделать наилучшим образом гр<аф> Т<олстой>. Я же не знаю ни полного титла, ни форменных условий пись<ма>, а что самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестан<но>, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десть[9] бумаги и ничего не сделаю. Я думаю, что мое дело только изобразить свое положение... <...> Остальное всё управит Бог. Он, верно, внушит и вам, и Т<олстому> <...> то, что нужно. Тогда я могу написать от себя небольшую вроде официальной просьбу только к министру внутр<енних> дел».

Из письма к Шевыреву: «Податель этого письма — племянник мой Николай Трушковский, о котором я уже тебе писал в прошлом письме моем[10]. Снабди его, добрый друг, какими можешь рекомендациями и письмами к казанским профессорам по факультету восточных языков, к которым он возымел охоту. <...> Я еще сижу в Малороссии и подымаюсь на юг не раньше, как через полтора месяца: жары невыносимые. Нет сил ни работать, ни даже лечиться; одно, что решаюсь употреблять, — это купанье. <...> Засухи непомерны, но при всем том Бог спас от полного неурожая. Чьими-то святыми молитвами вызванный дождь вдруг пошел назад тому недели полторы, продолжался всего полдня и спас весь край. Нужно жить с землей и видеть здесь на месте, как достается хлеб, чтобы выучиться хоть сколько-нибудь благодарить Бога. Но Боже, Боже! как мало мы достойны благодеяний, как скоро привыкаешь ко всему, как склонен к неблагодарной бесчувственности бедный человек. Как нечувствительно он отдаляется от Бога даже и тогда, когда еще думает, будто с Ним. О, храни нас святая сила! и тебя, и меня, и весь дом твой! Передай душевный братский поклон Софии Борисовне[11] и обними за меня деток».

Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «...Когда брат был у нас, тогда Трушковский кончал гимназию первым учеником[12]. Брат посоветовал ему поехать в Казанский университет и дал ему письмо к директору[13] и денег на проезд»[14].

[1] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка***.
[2] См. ***1850. Июля 29. Суббота. Оптина Пустынь***.
[3] См. ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга***.
[4] См. ***1850. Августа 1. Вторник. Большие Вяземы***.
[5] См. ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь***.
[6] Преподобный Моисей (Путилов).
[7] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка***.
[8] А. К. Толстой.
[9] Единица счета писчей бумаги, 24 листа.
[10] См. ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка***.
[11] Жена Шевырева.
[12] «Николай Трушковский, племянник Гоголя, впоследствии издатель его сочинений. Поэт прилагал много стараний к его воспитанию и образованию. <...> Н. П. Трушковский избрал специальностью восточные языки и писал даже ученые работы по арабской литературе» (примеч. В. А. Чаговца).

Т. Г. Пащенко в 1880 г. вспоминал о своей поездке в Васильевку около 1854 г.: «По смерти Гоголя я был в Васильевке у его матери... <...> Здесь я застал племянника Гоголя, молодого Трушковского, над разбором рукописей покойного дяди. Видел два больших полукруглых сундука, наполненных доверху рукописями покойного Гоголя. Трушковский с досадою говорил мне, что никак не может подыскать в перемешанных рукописях что-нибудь целое: "То начала нет, средины или конца". Слышал, что Трушковский хотел продолжать "Мертвые души": что-то печатал, свое ли, или из рукописей дяди — не знаю; но неудачно, и кончил жизнь свою в сумасшествии. Слышал также, что <В. Ф.> Корш приезжал в Васильевку и домогался у матери Гоголя его рукописей. Но где теперь эти два сундука, полнехонькие рукописей Гоголя, и осталось ли что от них, неизвест-

но» (*Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 596–597).

[13] На самом деле к С. П. Шевыреву (см. также ***1850. Июля 10. Васильевка***; ***1850. Ноября 7. Одесса***).

[14] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 210–211.

ИЮЛЯ 20. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин пишет М. А. Максимовичу в Малороссию:

«Где Гоголь[1]? Напиши о нем свои наблюдения».

Свод. Т. 2. С. 496.

[1] Ср. ***1850. Августа 9. Среда. Сорочинцы***.

ИЮЛЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. МАР-ИЛЬЯС НА ЛИВАНЕ

К. М. Базили пишет ответное[1] письмо Гоголю (по-видимому, адресует письмо в Москву к князю Г. А. Ханджери, для доставления С. П. Шевыреву[2]).

Из письма Базили к Гоголю: «Спасибо за добрую память о плачущих и скорбящих[3]... <...> Письмо твое от апреля из Москвы дошло до меня лишь на днях. А вот, если случится тебе еще писать ко мне, даю тебе адрес, по которому скоро и исправно будут мне доставлены твои письма: Г-ну Спиридону Ивановичу Мавро в Одессу для доставления в Бейрут г-ну Базили.

Провожу лето с детьми на ильинских высотах на Ливане. Воздух хорош; свежо, свободно. Нет скучных посетителей; дела идут все перепискою. Прогулки кругом волшебны, а главное, не забудь, здесь, в этом монастыре[4] одиноком, провел я лучшие мои годы, т. е. по нескольку свободных летних месяцев каждый год, с добрым спутником моей жизни. Первый год нас было двое, потом второй год был с нами сын, потом была дочь. Все тропинки, все ущелья памятны. Что прошло, то прошло. Благодарю Бога, что трое детей моих живы и здоровы. При мне еще теперь добрая сестра, приехавшая из Италии, чтобы приютить мое семейство. К зиме она, вероятно, туда воротится... из Бейрута не смею ни на шаг, чтобы переменой климата не накликать новой беды. А вот я воспользовался присутствием здесь сестры, чтобы навестить мать мою в Тоскане. Дней в 50 объездил множество городов; был и в Риме, и удивлялся тому, как ты мог провести столько лет в этом скверном городе. Сирия все-таки лучше Италии; по крайней мере народ здесь гораздо почтеннее потомства квиритов. <...> Коли в самом деле хочешь ехать за границу, приезжай, брат, сюда. Скромный уголок найдешь и жизнь спокойную и безмятежную».

[1] Письмо Гоголя не сохранилось (см. ***1850. Апрель. Москва***).

[2] См. ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***.

[3] 8 ноября 1848 г. умерла жена К. М. Базили Маргарита Александровна. Весной 1851 г. Базили женился во второй раз. 4 июня 1851 г. архимандрит Порфирий (Успенский) писал ему из Иерусалима: «С особенным удовольствием отвечаю на письмо ваше от 30 мая. Вы вступили в честный брак о Господе с бывшею ученицею моею Аделаидою Дембровскою. Приветствую вас и ее и призываю Божие благословение на обоих вас» (Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 372–373).

[4] Греческий православный монастырь Св. пророка Ильи в селении Шувейр в тридцати километрах от Бейрута.

ИЮЛЯ 25. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. С. Скуридин пишет Гоголю в Васильевку:

«Живу день за день, как живется. Конечно, когда бы и все такие же, как я, ночные колпаки были, то не было бы ни лжи, ни обмана, ни ненависти, ни коварства, ни грабежа. <...> ...Моей тут заслуги нет: все доброе от Бога. Он меня создал мокрой курицей: я в том не виноват. Вот в чем виновен: люблю любо и прелюбо. <...> Помолитесь, благочестивый праведник, чтобы эта треклятая проказа оставила развратного, 55-тилетнего греховодника, хоть издохнуть-то непоганым! <...> В народе ходит молва, что вы и вторую часть "Мертвых Душ" кончили. <...> Я бы во веки не решился вас затруднять своим мараньем, да сиятельный[1] приказал. А потому в случае наложения штрафа, с графа и взыщите... <...> Графиня Марья Васильевна Адлерберг[2] собирается в Иерусалим. К ней намеревается примкнуть и Кавелина[3]. <...> Как вы приедете в Питер, по обещанию вашему с "Мертвыми Душами", и окажется, что уже и моя душа мертвая, то помяните меня словами скропанной мною для себя эпитафии:

Повесой жил, повесой умер;
Он из повес был первый нумер».

[1] Граф А. П. Толстой.

[2] Рожденная Нелидова (1797–1870), жена графа В. Ф. Адлерберга.

[3] Мария Александровна Кавелина (в замужестве Соломирская, 1826–1895), фрейлина Императрицы Александры Феодоровны.

ИЮЛЯ 29. СУББОТА. ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Монах Порфирий (Григоров), получив от прибывшего в Оптину Пустынь Н. П. Трушковского письмо Гоголя[1], отправляет ответное письмо в Васильевку, с вложением письма Трушковского (последнее письмо не сохранилось).

Из письма о. Порфирия: «Любвеобильное письмо Ваше (история для потомства) получил с удовольствием и признательностию, как от человека, которого давно привык уважать за талант, коим славится отечество наше. <...> Дай Бог, чтоб таланты Ваши не увлекли в гордыню... конечно, невозможно не сознавать и не чувствовать в себе достоинств гениальных; но если они будут в смиренном духе относиться с благодарением к Богу, Который даровал Вам дух премудрости, дух разума, дух страха Божия; тогда воистинну блаженны и треблаженны, почтеннейший Николай Васильевич... награда на небесах и вечное блаженство ожидает Вас, и эта награда, для которой мы живем, есть цель нашей жизни! Вы это сами знаете и смиряетесь пред судьбами Вышняго!

Пишите! Пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России, и не уподобляйтесь оному ленивому рабу, скрывавшему свой талант, оставивши его без приобретения, да не услышите к себе гласа: *Ленивый и лукавый рабе*[2] и проч. — но подарите нас своей благочестивою поездкою к Св. местам и многие помолятся за Вас. <...>

Племянник Ваш доставил письмо Ваше, когда я только был пострижен в Монахи и облеченный во вся оружия правды находился неисходно в Храме день и ночь, не раздеваясь до пяти дней, и потому не мог лично исполнить возложенного на меня приятного поручения, но исполнил все, что от меня зависело, а именно: видя его нужду в незнакомом городе, тотчас почел обязанностию снабдить его рекомендательными письмами в Казань, послал одного Монаха просить Г-жу Юшкову, урожденную Графиню Толстую[3], дать рекомендательные письма, коими <он> и снабжен, к попечителю[4], к одному из Профессоров и к ее мужу; а недели через две обещали написать письмо к одной приятельнице, у которой собирается вся Казанская Аристократия, и об этом письме я похлопочу. Итак, видите, что значит заехать в Св<ятую> Обитель, где неожиданно нашлись ему рекомендательные письма. Впрочем диплом на вход во все дома он уже имеет; довольно сказать, что Гоголь его дядя — при этом магическом слове двери в Будуары и Гостиные немедленно отворятся, где лежат томы звучного пера Вашего.

Прилагаемое письмо Вашего племянника покажет, кому поручил показать достопримечательности Обители.

О<тец> Игумен[5] благодарит усердно за приношение Ваше Св<ятой> Обители и, согласно желанию Вашему, молебствовали путешествующему Николаю, да сохранит его Господь цела, здрава и невредима от всех навет вражиих и спасет душу Вашу, Благословение О. Игумена и молитвы Братии да сопутствуют Вас всюду.

Когда будете в Афинах, прошу Вас в посольской церкви нашего двора отслужить панихиду по усопшем Иеромонахе Отце Аниките (Князе Шахматове)[6], который, нет сомнения, не лишен милости Божией, а он помолится за нас. <...> ...Благочестивое путешествие Ваше и приязнь к Обители запишется в летописях сердец признательных и останется вечно памятным».

[1] См. ***1850. Июля 18. Вторник. Васильевка.***

[2] Мф. 25, 26.

[3] Пелагея Ильинична Юшкова (рожд. графиня Толстая, 1797–1876), младшая дочь графа Ильи Андреевича Толстого (1754–1820), казанского губернатора в 1815–1820 г.; жена (с 1818 г.) казанского помещика, полковника в оставке Владимира Ивановича Юшкова (1789–1869); тетка и опекунша графа Л. Н. Толстого, который жил у Юшковых в Казани в 1841–1847 гг. (в 1844 г. поступил на восточный факультет Казанского университета). Юшкова не раз бывала в Оптиной Пустыни. Здесь была погребена ее сестра, графиня Александра Ильинична Остен-Сакен (рожд. графиня Толстая, 1795–1841). Позднее Юшкова проживала в различных монастырях, в Туле, в Киеве (см.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 762); посещала Оптину Пустынь, Свято-Троицкую Сергиеву Лавру; скончалась в Ясной Поляне.

[4] Владимир Порфирьевич Молоствов (1794–1863), попечитель Казанского учебного округа с 22 мая 1847 г. по 1857 г.

[5] Преподобный Моисей (Путилов).

[6] Иеромонах Аникита (в мире князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, 1783–1837), духовный и светский писатель; скончался по пути на Афон, в Архангельском монастыре близ Афин.

ИЮЛЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАЛУГА

А. О. Смирнова, получив от прибывшего в Калугу Н. П. Трушковского письмо Гоголя[1], отправляет в Васильевку ответное послание, с вложением составленных графом А. К. Толстым от имени Гоголя (на основе его прошения[2]) писем к Наследнику Александру Николаевичу и к гофмаршалу двора Наследника В. Д. Олсуфьеву[3].

Из письма Смирновой: «Вот что мы решили по своему уму и разуму... <...> Толстой[4] написал вам прилагаемое письмо к Наследнику, которому вы можете дать свои выражения, но a peu-près[5] должно быть так. Он, соображаясь с знанием местности, пониманий и времени, советует объем как можно сократить; дает совет ваше письмо вместо того, чтобы адресовать к какому-нибудь министру, адресовать к Олсуфьеву[6]. Он, т. е. Олсуфьев, передаст ваше письмо великому князю, а сам прочтет с удовольствием и вниманием ваше письмо, словесно объяснит то, что Его Высочество не может иметь времени прочесть. Вот совет Толстого; кажется, он знает эти все отношения хорошо. Поспешите, потому что из Петербурга пишут, что великий князь едет на Кавказ. Я вернулась из Москвы больная... <...> В Москве я встретила Самарина; он приехал на 28 дней с своим генералом[7]. Графиня Толстая[8] была у меня; Александр Петрович[9] еще не возвращался».

Из письма к Наследнику: «Ваше В<ысочество> читали мои сочинения[10], и некоторые из них удостоились Вашего высокого одобрения. <...> Окончить вторую часть "Мертв<ых> Душ" мне необходимо — чтобы *жить*». (Против этих слов на полях Смирнова сделала помету: «На это надобно упирать».) В заключение письма А. К. Толстой от имени Гоголя писал: «Осмеливаюсь просить В<аше> И<мператорское> В<ысочество> исходатайствовать мне у Государя Императора некоторое денежное пособие, хотя заимообразно, на три, или четыре года, до совершенного и добросовестного окончания второй части "Мертвых Душ"».

[1] См. ***1850. Июля 18. Вторник. Васильевка.***

[2] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

[3] Письма были получены Гоголем. В письме к Смирновой от 20 августа 1850 г. он сообщал: «Письмо ваше <...> получил вместе с двумя проектами официальных писем» (см. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка***). В оба послания он внес свои исправления (см. ***1850. Августа конец – сентября около 23. Васильевка***), однако адресатам письма так и не отправил.

[4] Граф Алексей Константинович.

[5] Приблизительно (*фр.*).

[6] Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796–1858), с 1856 г. граф; был в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным и другими писателями и учеными.

[7] Вероятно, имеется в виду симбирский гражданский губернатор князь П. Д. Черкасский, действительный статский советник (этот гражданский чин соответствовал военному чину генерал-майора). – См. ***1849. Июня 15. Среда. Москва*** (примечания).

[8] Анна Георгиевна.

[9] Граф Толстой.

[10] См. ***1850. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Калуга.***

ИЮЛЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

М. С. Щепкин в одесском театре играет Кочкарева в «Женитьбе».

Гриц. С. 458.

АВГУСТА 1. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет письмо к княгине Е. П. Репниной-Волконской (рожд. Балабиной)[1] в Одессу:

«Берусь за перо напомнить вам о своем существовании, добрейшая княгиня Елисавета Петровна. Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу с тем, чтобы оттоле пуститься в климаты теплейшие. А, может быть, придется пробыть в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остаетесь ли вы эту зиму в Одессе, равномерно и княгиня, ваша маминька[2], и княжна Варвара Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя[3] обнимите). Известите меня об этом двумя-тремя строчками, адресуя в Полтаву. Без вас Одесса представляется мне крайне пустынной, и нет никакого позыва ехать»[4].

[1] Сестра М. П. Вагнер (рожд. Балабиной), бывшей ученицы Гоголя (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

[2] Княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская (рожденная графиня Разумовская, 1778–1864), свекровь Е. П. Репниной-Волконской, бывшей замужем за ее сыном, князем Василием Николаевичем Репниным-Волконским. В. А. Репнина-Волконская жила в Одессе вместе с дочерью, княжной Варварой Николаевной, отдельно от семьи сына.

[3] В. Н. Репнин-Волконский.

[4] Ответ княгини Е. П. Репниной-Волконской – письмо от 16 августа 1850 г. (см. ***1850. Августа 16. Среда. Одесса***).

АВГУСТА 1. ВТОРНИК. БОЛЬШИЕ ВЯЗЕМЫ

С. П. Шевырев, получив от прибывшего к нему в с. Вяземы Н. П. Трушковского письмо Гоголя[1], пишет ответное письмо в Васильевку:

«Племянник твой Н. П. Трушковский был у меня в деревне, и сегодня рано утром отправился в Москву с тем, чтобы ехать в Казань. Он мне очень понравился, хотя слишком был краток срок

нашего знакомства. Я снабдил его письмом к Григоровичу[2], который верно им займется и будет ему полезен. Его здесь напугали тем, что и в Казани приема не будет; однако, несмотря на то, он решился ехать и пробыть там даже год, если теперь не вступит. В деньгах, сказал он мне, он не нуждается, а в будущем, я сказал ему, чтобы он относился ко мне и что я буду удовлетворять его из сумм, тобою у меня оставленных[3]. Сожалею очень, что порошки[4], по недогадке моего человека, дошли до тебя в изломанном виде. <...> Здесь была такая же благодать, как и у вас. После усильных молитв народных пошли дожди и поправили хлеб, особенно яровой, также и травы. А то мужички боялись, что будут без хлеба и без сена. Да, хорошо бы было, если б мы умели не только просить, но и благодарить, благодарить и молитвой, и жизнию, ибо надо бы и жизнь превращать в молитву».

[1] См. ***1850. Июля 18. Вторник. Васильевка.***
[2] Виктор И. Григорович (см. ***1848. Октября 28. Пятница. Москва*** — примечания).
[3] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка.***

АВГУСТА 1. ВТОРНИК. ПОСЕЛЕНИЕ НИКОЛАЕВСКИЙ ПОСТ НА АМУРЕ

Русским мореплавателем Г. И. Невельским основано первое на Амуре военно-административное поселение — Николаевский пост (будущий Николаевск-на-Амуре), названный в честь императора Николая I.

АВГУСТА 9. СРЕДА. СОРОЧИНЦЫ

Гоголь в Сорочинцах у А. С. Данилевского встречает М. А. Максимовича, едущего в Васильевку. При встрече Гоголь узнал старого коня Максимовича («тотчас узнал своего знакомца и осведомился о благосостоянии его ног»[1]).

24 ноября 1853 г. Максимович вспоминал: «Я не спросил, где его Васильевка, в полной уверенности, что она должна быть возле *Миргорода*. <...> 8 августа <был> в Лубнах[2]. <...>. Заночевал я на *Ромодане*, т. е. на дороге из Лохвицы в Кременчуг, проторенной в 17 веке князем Ромодановским. Восход солнца встретил я в *Кибинцах*, у церкви, в которой погребен знаменитый владелец этого села *Трощинский*. Здесь часто бывал в детские годы Гоголь, по родству с Трощинскими. В *Миргороде* остановился я покормить лошадей и напиться чаю; но я не мог здесь дознаться, где Васильевка, даже и по карте Миргородского уезда, висевшей в окружном правлении. Причиною тому было, что Васильевка зовется в народе *Яновщиною*, и что она Полтавского, а не Миргородского уезда. <...> ...Резиденция Миргородского полка находилась долго в *Сорочинцах*, на реке Псле. Туда и поспешил я, с вязкою миргородских бубликов, для Гоголя[3], и приехал в полдень невыносимо знойный. Прежде всего я пошел взглянуть на дом, в котором жил памятный на Украйне целебник *Трофимовский*. Приветливая хозяйка дома <К. М. Трахимовская> рассказала мне о покойном свекре своем, перед его портретом. От нее же узнал я, что Сорочинцы — родина Гоголя, что он и сам приехал сюда из Обуховки. — Это известие и неожиданная встреча с Гоголем, на месте его рождения[4], весьма обрадовала меня, и мы весело провели этот день вместе, у А. С. Данилевского»[5].

[1] См. ***1850. Июня 25. Воскресенье. Глухов, с. Сварково.***
[2] См. также ***1850. Июля 1. Суббота. Васильевка*** (примечания).
[3] См. ***1834. Декабря 29. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] См. также ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***
[5] *Максимович М.* Родина Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 639.

АВГУСТА 10. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь с М. А. Максимовичем приезжают в Васильевку.

24 ноября 1853 г. Максимович вспоминал: «Мы переехали через Псёл и ехали в Васильевку ночью, при свете полного месяца. Наслаждением для меня было промчаться вместе с Гоголем по степям, лелеявшим его с детства. И никогда я не видал его таким одушевленным, как в эту *Украинскую ночь...*»[1]

В 1852 г. Максимович, получив из Москвы от графини Ел. В. Салиас де Турнемир[2] известие о кончине писателя, «с грустью вспоминал <...> недавнюю свою последнюю встречу с Гоголем на его родине, и ту украинскую ночь, и ту одушевленную поездку, и увлекательную радость своего милого спутника, и его песни, которые распевал он, не умолкая, весь сияющий ясным приветом»[3].

В 1854 г. Максимович писал С. П. Шевыреву: «...В прошлом декабре <...> я видел сон... <...> ...Вижу во сне Гоголя, будто пришел ко мне и говорит: послушай, какую спою тебе песню! и ставши среди комнаты, начинает выпевать сквозь зубы, с своими жестами, такие глубокие и сильные звуки, и все crescendo, что я и пробудился от них с слезами на глазах...»[4]

[1] *Максимович М.* Родина Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 640.

[2] См. ***1852. Февраля 7. Четверг масленицы. Москва***; ***1852. Февраля между 5 и 11. Москва***; ***1852. Февраля в ночь с 11 на 12. С понедельника на вторник. Москва***; ***1852. Февраля 12. Вторник. Второй день Великого Поста. Москва***; ***1852. Февраля 20. Среда второй недели Великого Поста. Москва***; ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва***.

[3] *Пономарев С. И.* Михаил Александрович Максимович. (Биографический и историко-литературный очерк). СПб., 1872. С. 61.

[4] См.: Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 345.

АВГУСТА 10 – АВГУСТА ОКОЛО 20. ВАСИЛЬЕВКА

М. А. Максимович гостит у Гоголя в Васильевке.

Возможно, в этот период Максимович указал Гоголю на одну историческую неточность во второй редакции «Тараса Бульбы»[1].

В альбоме сестры Гоголя Елисаветы Васильевны сохранились три автографа Максимовича той поры: «Рукою Максимовича, крупным, размашистым почерком сделаны подписи под засушенными и пришитыми к бумаге частями растений, собранных им во время лечения в Крыму в 1836–1837 гг. (видимо, какую-то часть гербария он возил с собой): 1 – *Листы плюща, покрывающего собою целую скалу в Орианде. Сорваны в 1836 году. – Мною, т. е. Максимовичем;* 2 – *Лавровая ветка с Южного берега Крыма – М. М<аксимович>;* 3 – *Масличная ветка с Южного берега Крыма от Максимовича 1850 г. 12 авг<уста>*»[2].

Во время прогулок в окрестностях Васильевки Гоголь составлял вместе с сестрами гербарий, особенное внимание уделяя лекарственным растениям, которые они собирали для лечения крестьян (названия растений позднее уточнял Максимович – в тот месяц, когда был в Васильевке).

Сестра Ольга Васильевна вспоминала о брате: «Я ему рассказала, что я вздумала лечить людей. Хотелось травами лечить, но не знаю названия цветов. Он сказал: “Поедем на ту сторону, как там есть полевые цветы”. Кое-каких трав сказал название, а некоторых не знал. Потом сказал: погоди, я выпишу из Киева профессора-ботаника, Максимовича, он тебе расскажет; а пока будем собирать разные цветы, складывать в тетрадь под пресс. <...> Когда приехал профессор-ботаник, мы ему

показывали тетрадь со всеми цветочками и листьями[3]. Он рассказывал: какой цветок, стебель треугольный, как называется; а когда я спросила: такой цветок — для какой пользы и от какой болезни лечит, — того он не сказал; тогда я сказала брату: не стоит того, чтобы беспокоить профессора, когда он не знает, какими травами лечить. И так мы оставили этим делом заниматься. Профессор любил слушать малороссийские песни; Катерина Ивановна[4] ему пела, а иногда сидели на крыльце, призывала лирника петь, еще кой-какие парубки пели; не помню, чем еще его занимали, он две недели погостил»[5];

«Он <брат> был мнителен: не расхвораться бы; часто лечился. Просил меня делать ему целебные настойки. Мы ходили с братом в степь, и он указывал мне там целебные травы, о которых, впрочем, он и сам знал мало... Указывал желтенькие цветочки, похожие на пуговки, а листья, как у рябины, и говорил:

— Это — "рябинка", полезная трава... Ты сделай мне из нее настойку.

Еще просил сделать настойку, которая называется "Белая невхорощь", и лечился этой настойкой. Часто брат любил говорить мне, что каждый человек непременно должен стараться быть полезным для других, чем только он в силах; нельзя жить только для себя одного... Я долго думала, чем бы и я могла быть полезной другим?.. Надумала лечить. Тогда по деревням ни докторов, ни фельдшеров не было. Брату очень понравилась моя мысль. Посоветовал он мне научиться лечить травами, и тогда мы с ним старались вместе распознавать в степи как можно больше целебных трав. Дело шло плохо: мы очень мало знали. Брат говорит:

— Вот подожди, я выпишу из Киева профессора Максимовича, он приедет и нас поучит.

Приехал Максимович к нам, привез книги и стал нам всякие травы показывать и объяснять... И по книгам, и в лесу травы искали, и в степь ходили. Мы с братом слушаем, смотрим... Вижу, что мне и в несколько лет всего не усвоить, и говорю профессору Максимовичу: "Вы уж мне только одни полезные для лекарств, целебные травы показывайте..." Стал он только одни целебные травы показывать... И все-таки не очень-то многому научились мы в две недели, пока гостил у нас профессор Максимович. Однако, чему научились, тем стали пользоваться: лечить крестьян. Скоро у меня стали очень многие лечиться. Брат говорил:

— Только смотри же, никогда за лекарства денег не бери»[6].

[1] См. ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)*** (примечание). См. также ***1835. Августа 14 — 18–19. Киев*** (примечания).

[2] *Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 43.

[3] «Помещаем снимок с гербария, собранного Гоголем в окрестностях Яновщины. Это толстая тетрадь с плотной картонной обложкой, вся заполненная тщательно засушенными цветами. На некоторых страницах целые букетики цветов, собранных и засушенных поэтом. На первой странице надпись: "Дрок — когда бешеная собака укусит". Оказалось, что проф<ессор> Максимович не мог объяснить медицинское значение всех цветов, поэтому Г<оголь> и прекратил делать соответствующие записи» (примеч. В. А. Чаговца). См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у О. В. Головни: «Гербариум, собранный Гоголем в Стенке и Яворивщине» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 353). См. также: «Гербарий из полевых цветов, собранных поэтом в Васильевке (на первой странице рукою поэта сделана надпись)» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

Гербарий опубликован: *Гоголь 2009–2010.* Т. 16. Между с. 752 и 753, вклейка. 12 л. Он представляет собой тетрадь с засушенными растениями в картонном самодельном переплете размером 23,5 × 17,5 см. В тетради 48 листов, из них 32 листа заняты растениями (около 113), которые вставлены в прорези листов. Под некоторыми растениями помещены их названия в виде подписей карандашом на латинском языке. Подробнее см.: *Карташов В. С., Швецов А. Н.* Растения гербария Н. В. Гоголя. М., 2011. 44 с.

[4] Ходаревская (рожд. Косяровская).

[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 209–210.

[6] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 250.

АВГУСТА 16. СРЕДА. ОДЕССА

Княгиня Е. П. Репнина-Волконская пишет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Вы <...> так давно пропали для нас! Вы намереваетесь зимовать в Одессе? Хотя я не принадлежу к числу поклонников ее, не могу, однако ж, не находить, что вас посетила очень счастливая мысль, тем более, что княгиня Варвара Алексеевна, княжна и все мы пробудем будущую зиму здесь. Так приезжайте же скорее!»

[1] См. ***1850. Августа 1. Вторник. Васильевка.***

АВГУСТА ОКОЛО 20. ВАСИЛЬЕВКА, ПОЛТАВА, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь, возможно, провожает М. А. Максимовича до Полтавы. В Полтаве получает письмо от А. С. Стурдзы от 21 июня 1850 г.[1] Возможно, тогда же Гоголь написал письмо И. А. Фонвизину в Москву[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы***; ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка***; ***1850. Сентября 15. Пятница. Васильевка.***

[2] См. ***1850. Октября 30. Понедельник. Москва.***

АВГУСТА 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет ответное письмо к А. О. Смирновой[1] в Калугу, а также ответные письма к графу А. П. Толстому (на его письмо из Петербурга[2]) и к М. С. Скуридину[3]. (Письма к Толстому и Скуридину (второе до нас не дошло) были отправлены позднее, 30 августа 1850 г.[4])

Из письма к Смирновой: «Письмо ваше, добрый, бесценный друг Александра Осиповна, получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой[5] совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень и неохота писанья. Вы сами знаете, как гадко хлопотать о самом себе и особенно просить [в это время], когда со всех сторон все просят денег, точно нищие, и кругом обирают Государя. Просто не подымается рука. И кажется, какой-то голос говорит: “Тебе бы не следовало об этом хлопотать. Тебе бы хоть одному следовало бы сделать свое дело честно, не забирая вперед платы”. Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма[6], смягчивши требования вспоможенья и напирая только на то, чтобы стало ясно мое положение; препровожу оба письма к Плетневу[7], чтобы он передал их Олсуфьеву, хоть это всё и будет уже поздно, потому что Наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. Нужней всего мне теперь просто хлопотать о пашпорте, потому что за этими письмами прошло много времени и боюсь крайне опоздать. Мне нужно непременно эту зиму хорошенько поработать в ненатопленном тепле, с благодатными прогулками на [вольном] воздухе благорастворенного юга. И если только милосердный Бог приведет мои силы в состоянье полного вдохновенья, то второй том эту же зиму будет готов. Вы сами знаете, что бывают времена, когда в один день больше делается, чем в месяцы. От Стурдзы я получил на днях[8] из Одессы весьма милое письмо[9] с дружелюбным зазывом в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! Весной увидался бы с вами раньше обыкновенного, май — в Москве, июнь, июль и август устроили бы где-нибудь на морских водах близ Реве<ля> или Риги в совокупности

с Жуковс<ким> с присоединеньем Плетнева. Там прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь — в Петербурге, для печатанья и окончательного устроенья дел. В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября[10], стало быть, вы еще можете дать о себе весточку в Полтаву, а после этого числа адресуйте, для лучшей верности, к Стурдзе. Репнины также в Одессе[11] и, кажется, остаются там всю зиму. <...> Я телом не очень здрав, но голова, слава Богу, вся сидит во 2 томе».

Из письма к Толстому: «Благодарю вас много <...> за ваше обстоятельное и любопытное письмо. Все известия, вами сообщенные, были для меня очень интересны. Очень бы я хотел взглянуть на сочинение Neale[12]. Стыд, однако же, нашему духовенству, если оно не будет скоро переведено на русский язык. Исторические разысканья о таком важном предмете особенно полезны молодым священникам, заставляя их нечувствительно пристращаться к своему делу, прежде чем собственные душевные бури и события заставят почувствовать всю святость своего званья. Книгу эту следовало бы даже издать великолепно, так, чтобы и самые гаеры почувствовали, что это должно быть что-то важное. Очень жалею, что не попалось мне также в руки русское сочинение *о служении и чиноположен<ии> Правосл<авной> Церкви* с планами. Не знаю, отыщу ли ее в Одессе. Жаль, если Пальмер не напишет своего путешествия по Востоку[13]. Это была бы нужная книга. Под этим именем можно многое сказать в уши тем, которые не читают книг под другими заглавиями. 2-го тома Святогорцев[14] я также не имею и надеюсь отыскать в Одессе. От Стурдзы я получил на днях весьма милое и дружелюбное письмо с гостеприимным зазывом в Одессу. Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу. Но голове и телу моему необходим, и особенно во время работы, благорастворенный воздух и ненатопленное тепло. А мне нужно всю эту зиму поработать хорошо, чтобы приготовить 2 том к печати, приведя его [сов<сем>] окончательно к концу. Покуда, слава Богу, дело идет еще недурно. Когда я перед отъездом из Москвы прочел некоторым[15] из тех, которым знакомы были, как и вам[16], две первые главы, оказалось, что последующие сильней первых и *жизнь* раскрывается, чем дале, глубже. Стало быть, несмотря на то, что старею и хирею телом, силы умственные, слава Богу, еще свежи. А при всем никак не могу быть уверен за работу. Если не поможет Бог, ничего не выйдет. Никогда еще не чувствовал так ясно, как теперь, что за всякой строкой следует взывать: Господи, помилуй и помоги! Если паче чаяния не выеду из Одессы за границу, а поворочу в южный Крым, то увидимся раньше. Но во всяком случае вернее то, что в Москве буду весной. Впрочем, всё будет так, как распорядится Бог. До 15 числа сентября адресуйте в Полтаву, а после в Одессу».

[1] См. ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга.***

[2] Письмо не сохранилось (см. ***1851. Января конец. Москва***).

[3] См. ***1850. Июля 25. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1850. Августа 30. Среда. Васильевка.***

[5] Граф А. К. Толстой.

[6] См. ***1850. Августа конец — сентября около 23. Васильевка.***

[7] См. ***1850. Декабря 2. Суббота. Одесса.***

[8] См. ***1850. Августа около 20. Васильевка, Полтава, Васильевка.***

[9] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы.***

[10] Ср. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка.***

[11] См. ***1850. Августа 16. Среда. Одесса.***

[12] Джон Мэзон Ниэли (1818–1866), английский богослов. В 1850 г. вышла его книга «An Introduction to the History of the Holy Eastern Church» («Введение в историю Восточной Церкви») в двух томах.

[13] В. Пальмер занимался делом воссоединения англиканской Церкви с Православием. Не добившись этого, перешел в католичество. Дважды был в России. Путешествовал также по Востоку. Переписывался с графом А. П. Толстым.

[14] Имеется в виду второй том книги иеросхимонаха Сергия (Веснина), писавшего под именем Святогорца, «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской» (СПб., 1850). С автором ее Гоголь был знаком (см. ***1850. Апреля 28. Пятница Светлой седмицы. Москва***).

[15] Имеется в виду чтение Гоголем третьей главы второго тома «Мертвых душ» С. Т. и К. С. Аксаковым (см. ***1850. Мая 31. Среда. Москва***; ***1850. Июня 1. Четверг. Москва***).

[16] См. ***1848. Декабря после 5 — 1849. Июнь. Москва.***

АВГУСТА 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

АВГУСТА 25. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 404.

АВГУСТА 30. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет письмо к графине А. Г. Толстой в Москву, с вложением написанных ранее[1] писем к графу А. П. Толстому и к М. С. Скуридину.

Из письма к Толстой: «Перед выездом моим в Одессу[2] спешу написать вам несколько строчек... <...> Граф пишет ко мне, чтобы <...> известить его о времени моего прибытия в Москву. На юге буду стараться пробыть сколько возможно менее времени, но всё не думаю, чтобы раньше весны мог доставить себе приятность свиданья с вами. <...> Будьте так добры: препроводите одно письмо к графу, а другое к Скурыдину. Я сам не знаю, как адресовать. Тот и другой, обрадовавши меня самыми приятными письмами, а своих адресов оба не сказали[3]. О графе знаю только, что он был на пункте выехать из Петербурга, но где теперь с вами или опять отправился в дорогу, этого не знаю. <...> Князю[4], если увидите его, передайте мой глубочайший поклон. <...> Адресуйте в Одессу Poste restante или на имя его превосх<одительства> Александра Скарлатовича Стурдзы, или, еще лучше, на имя княжны Варвары Николаевны Репниной (Стурдза, кажется, теперь в отлучке)».

[1] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка***.

[2] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка***.

[3] В письме Скуридина к Гоголю от 25 июля 1850 г. (на которое отвечал Гоголь) обратный адрес имеется: «На случай, если бы вы вздумали подарить меня вашею дорогою грамоткою, майор Михаил, Сергеев сын, Скуридин, имеет честь вам доложить, что он жительство имеет на Столярной улице, близ Кукушкина моста, в доме Скуридина, № 10».

[4] Георгий Александрович Грузинский (1762–1852), отец графини А. Г. Толстой.

АВГУСТА 31. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

К. С. Аксаков пишет М. А. Максимовичу:

«Любезнейший Михаил Александрович! мы в *Киеве!*.. Каково! Извещаем вас об этом, как обещали мы вам в Москве[1]. Очень жалеем, что вас нет здесь. <...> Теперь погода становится уже так дурна, что мы спешим обратно в Москву и пробудем здесь не более недели. Сестры[2] вам кланяются и очень жалеют, что вас нет здесь. Что вы и Николай Васильевич Гоголь[3] не дали известия о себе? <...> Вяземский здесь и также очень желает вас видеть»[4].

«Кн<язь> П. А. Вяземский в это время возвращался из Палестины, встреченный в Одессе литературным обедом, чрезвычайно его порадовавшим. Киев проглядел его. Москва оказала[5] ему блистательный прием...»[6]

[1] См. ***1850. Мая конец. Москва*** (примечания).

[2] Вера и Надежда Сергеевны Аксаковы (см. ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва***).

[3] С 10 августа 1850 г. М. А. Максимович провел две недели у Гоголя в Васильевке (см. ***1850. Августа 10 – августа около 20. Васильевка***).

[4] *Пономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу. (Письма С. Т. Аксакова) // Киевская Старина. 1883. № 4. С. 834; см. также: Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 799.

[5] См. ***1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса*** (примечания).

[6] *Пономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу. (Письма С. Т. Аксакова). С. 835. – См. также ***1850. Сентября 11. Понедельник. Калуга***.

СЕНТЯБРЯ 2–14. ОКРЕСТНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Н. А. Арбузов[1] читает произведения Гоголя в семье Полозовых.

В дневнике, озаглавленном «Мой журнал или сборник ежедневных впечатлений», Арбузов отметил: «*Сентябрь. 1850. 1. Пятница.* <...> ...Ввечеру я поехал в дилижансе по большой Петергофской дороге. – Наскучил мне Петербург... <...> Но куда ж идти? <...> Одно ожидает – ехать гостить к Полозовым, которые живут на Петергофской дороге... <...>

2–14. <...> По вечерам производилось чтение, но русское. Я читал всей Полозовской компании – Пушкина и Гоголя. Были один вечер монахи у Полозова. Я читал Ревизора. *Отцы-пустынники* были восхищены этим[2]»[3].

[1] Николай Алексеевич Арбузов (1829–1864), поэт; в 1848–1855 гг. служил во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

[2] Сходный случай (сомнительной достоверности) был описан позднее И. Л. Щегловым: *Щеглов Ив.* Полночный Ревизор. (Единственный случай) // *Щеглов Ив.* Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб., 1909. С. 98–108; То же // *Щеглов Ив.* Н. В. Гоголь. <СПб.,> 1912. С. 98–108. Свое повествование Щеглов сопроводил примечанием: «Присоединяю настоящий рассказ к материалу о Гоголе как подлинное происшествие, переданное мне одним моим приятелем, провинциальным актером» (с. 98). Перепечатано: *Щеглов И.* Полночный Ревизор. (Единственный случай) / Публ. и вступ. заметка П. Г. Горелова // Прометей. М., 1990. Т. 16. С. 356–360.

[3] Дневник Николая Алексеевича Арбузова 1850–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 868.

СЕНТЯБРЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Васильевку:

«Спешу с ответом на ваше последнее письмо, но едва ли мое добредет к вам до 20-го[2]... <...> Кажется, вы так устроились, что планы ваши едва ли могут осуществиться в отношении к получению денежного пособия, да и сам паспорт придет поздненько. Во всяком случае вам лучше быть поближе к западу и послушаться зова Александра Скорлатьевича Стурдзы.

Странно, я Стурдзы не знаю, но точно как будто мы родные. Мне кажется, что если бы я встретила его, мы были бы тотчас в искренних отношениях. Я давно уже смотрю на Одессу, как на отрадный островок, и единственно от того, что живет там автор драгоценных писем об обязанностях священного сана[3]. Во всяком случае, осень там лучше провести, чем в Васильевке, и когда подъедет паспорт, то легко придумать, как добраться до Афона. <...> У меня же ничего не имеется в виду ни нового, ни хорошего; все зависеть будет от ревизии и оборота, который ей даст князь Давыдов. Кажется, должно бы идти хорошо, но если намерены придраться, ко всему можно придраться; губернатор уже так поставлен, что должен за все отвечать. <...> ...Меня ужасно тянет на юг, а думаю, что это потребность физическая. Ваш Вяземский съездил в Иерусалим[4]; теперь его ждут в Астафьево, его подмосковную. Говорят, что это путешествие его очень успокоило. Вяземский еще человек прошлого столетия, и развлечения, какого бы они роду ни были, очень могущественны для него. Какие-нибудь иллюзии были еще у людей прошлого века, мы не можем иметь никаких. Аркадий[5]

в Вильне. Он пишет, что, по его мнению, тот край гнилой и напрасно о нем хлопочут. Но польки такого свойства, что гниют с вспышками — и потому рук нельзя с ними опускать; это уже я прибавляю. Ему Бибиков[6] предлагал быть губернатором, но он отказался и говорит, что чувствует, что был бы дрянь губернатор. В первый раз он увидел русский чиновный люд вблизи и говорит, что все на один покрой, так что если бы не разные лица, то можно принять прокурора за председателя и так далее. Хорошо, что там можно с этим людом не знаться, потому что есть другой люд в остатках литовской аристократии — как бы она гнусна ни была. Да при ген<ерал>-губ<ернаторе> чиновный люд исчезает и совершенно обращается в машины... Скажу вам чудо: К. С. Аксаков поехал с больными сестрами в Киев[7] по приказанию Овера; это сообщает мне Иван (Аксаков) из Ярославля. Софья Мих. Сологуб вернулась из Гельсингфорса, все такая же грустная, но здоровая; я ей писала, но не получила еще ответа. Да что и писать в таком положении: много надобно времени, чтобы примириться с такими сиротами. Где наш Жуковский? ровно ничего о нем не знаю. Императрица уехала в Варшаву 10-го, где предполагается провести зиму, ради лучшего климата; Государь уехал в Чугуев, Наследник на Кавказ, молодые великие князья[8] ездят по России. Воображаю, как мил Петербург! Он тем только и хорош, что там Царское семейство, а когда их нет, скука его еще ощутительнее. Все равно, что господская усадьба, в которой остались одни дворовые. <...> Пожалуйста, кончайте второй том[9], ожидание томительно и, наконец, делается безнадежно. Христос вас да укрепит, а я всегда молюсь, чтобы труд окончился, полагая его полезным».

[1] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***

[2] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка.***

[3] «Письма о должностях священного сана» А. С. Стурдзы впервые были изданы в Одессе в 1840–1841 г., в двух томах (4-е изд. — Одесса, 1844).

[4] См. также ***1850. Августа 31. Четверг. Киев*** (примечания); ***1850. Ноябрь — декабря до 15. Одесса*** (примечания).

[5] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[6] Дмитрий Гаврилович Бибиков (1792–1870), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор в 1837–1852 гг., впоследствии министр внутренних дел (1852–1855).

[7] См. ***1850. Августа 31. Четверг. Киев.***

[8] Константин, Николай и Михаил Николаевичи.

[9] «Мертвых душ».

СЕНТЯБРЯ 14. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 18 журнала «Москвитянин» за 1850 г., с статьей Ф. И. Буслаева «Об эпических выражениях украинской поэзии» (без подписи).

В статье Буслаев упоминал о Гоголе в связи с характеристикой народных песен: «Обратив внимание на точку зрения, с которой мы смотрим на народную поэзию, читатель не удивится, почему, после Бодянского, Гоголя, Максимовича, Срезневского, мы вздумали писать об украинских песнях, о которых так много хорошего было сказано этими писателями. — Доселе более обращали внимание только на историческое и эстетическое значение народной словесности, оставляя без надлежащего исследования грамматическую часть ее».

<*Буслаев Ф. И.*> Об эпических выражениях украинской поэзии. (По поводу Сборника украинских песен, изданных М. А. Максимовичем в Киеве, в 1849 году) // Москвитянин. 1850. № 18. Отд. III. С. 19.

СЕНТЯБРЯ 15. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет в Одессу ответное[1] письмо к А. С. Стурдзе и к Н. В. Неводчикову:

«После разных странствований приехавши в Полтаву[2], нашел я там бесценнейшее письмо Ваше... <...> Хотел было тот же час вам отвечать <...>, но, перечтя в другой раз, увидел, что ответ пролежит в Одес<с>е даром по причине отлучки вашей (как пишете, до самого октября). Вследствие этого отложил и пишу теперь. Свиданье с вами меня радует много. Благословенны те чистые стремленья к святому, вследствие которых люди становятся родными и близкими друг другу! как надежны, как неразрывны становятся тогда наши связи! Не нужно и стараться тогда быть милым другому; сам собою становится мил человек человеку. Душевно бы хотел прожить сколько можно доле в Одессе, и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине Небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредоносно для моего здоровья. Не столько я хлопочу и грущу о здоровье, сколько о том, что в это время бываю неспособен к работе. Последняя зима в Москве у меня почти пропала вся даром. Между тем вижу, что окончанье сочиненья моего нужно и могло бы принести пользу. Много, много, как сами знаете, есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно выставить в живых, говорящих примерах — словом, много того, о чем нужно напомнить нынешнему современному человеку, и что принимается ушами многих только тогда, когда скажется в высоком настроении поэтической силы. А сила эта не подымается, когда болезненна голова. Обыкнов<енно> работается у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утрудненье головы развеять и рассеять послеобедним пребыванем и прогулками на благорастворенном теплом воздухе; без того у меня голова на другой день несвежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен сделать всё, и Его Милосердию нет Границ: может и под суровым воздухом Черного моря, [и] в самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. С радостью проведу несколько месяцев с вами. <...>

Благодарю много добрейшего Неводчикова за его милую приписочку в вашем письме. Нет, я его не позабыл и помню: такое радушное участие и такое доброе расположение не позабываются. Прошу вас также передать Преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. Благословенье пастыря есть уже само по себе благодатный подарок, а соединенное с тем любовным чувством сердечного участия, с каким верно оно соедини<лось> у него, вдвойне благодатно. Не позабу<дь>те также передать поклон мой О<тцу> М<ихаилу> Павловскому и всем, кто меня помнит.

Если поможет Бог, то первых чисел октября полагаю быть в Одессе»[3].

[1] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы.*** — Осенью 1852 г. Стурдза вспоминал: «На <...> письмо Гоголь отвечал (15-го сентября 1850 г.) условным согласием, которое он высказал в достопамятных выражениях, проливающих яркий свет на неразгаданную многими личность его...» (*Стурдза А. С.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод.* Т. 3. С. 632).

[2] См. ***1850. Августа около 20. Васильевка, Полтава, Васильевка.***

[3] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

СЕНТЯБРЯ 23. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет письмо к П. Ф. фон Минстер в Полтаву[1]:

«От всей души и от всего сердца поздравляю вас с днем вашего ангела[2]. Хоть и не удалось мне присутствовать лично на вашем празднике, на который, как я слышал, съедутся подруги-институтки, но весело и заочно участвовать в вашем веселии. Знаю по опыту[3], что нет торжественней того торжества, когда собираются школьные друзья-товарищи провести день вместе. Дни эти — дни молодости нестареющей. Храните же свято, неизменно и до конца дней чистое пламя дружбы, какое бы ни встретили вы охлаждение, как бы вам ни показалось, что изменились к вам отношенья других людей; пребудьте сами неизменны, и вы с избытком будете награждены потом от них же, а

жизнь ваша украсится многими прекрасными днями. Всё здесь тленно, всё пройдет — одни только милые узы, связывавшие нас с людьми, унесутся с нами в вечность. Ни на одну минуту не следует нам здесь позабывать того, что жизнь нам дана для любви и что мы сами — творенье Божьей любви к нам».

[1] Ответ Минстер см.: ***1850. Сентября 28. Четверг. Полтава.***

[2] 23 сентября (ст. ст.) совершается память преподобных жен Ксанфиппы и Поликсении. Поликсена Федоровна фон Минстер, одна из учениц Гоголя по Патриотическому институту, жившая в Полтаве, подруга его сестер, Анны и Елизаветы.

[3] См. ***1829. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

АВГУСТА КОНЕЦ — СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 23. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь вносит исправления в текст писем к Наследнику Александру Николаевичу и к гофмаршалу двора Наследника В. Д. Олсуфьеву (письма были составлены от его имени графом А. К. Толстым в Калуге[1], на основе прошения самого писателя от 10–18 июля 1850 г.[2]). (Письма остались неотправленными.)

Из письма к Олсуфьеву: «...Я устал, утомился, и здоровье мое, которым было запасся в Италии, вновь ослабело, и, что всего хуже, суровость климата отнимает у моей головы способность работать в зимнее время; две зимы пропали здесь даром. <...> Три года я здесь перебивался кое-как в надежде, что, когда окончу сочиненье, тогда сбыт его вознаградит меня достаточно. Но жестокие две зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенья крылья.

Если я не имею права просить о вспомоществованьи денежном, то, мне кажется, я могу просить об оказаньи покровительства, о беспошлинном паспорте, давшем бы мне право прожить три зимы в теплых местах, и казенную подорожную, обеспечившую бы на три года мое путешествие по России».

[1] См. ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга.***

[2] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

АВГУСТА КОНЕЦ — СЕНТЯБРЬ. МОСКВА

С. П. Шевырев пересылает[1] Гоголю (вероятно, в Васильевку) письмо К. М. Базили[2].

[1] См. ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса.*** — См. также ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва*** (примечания).

[2] См. ***1850. Июля 24. Понедельник. Мар-Ильяс на Ливане.***

СЕНТЯБРЬ, ПОСЛЕ 23. ВАСИЛЬЕВКА

Отъезд Гоголя с матерью и сестрами Анной и Елисаветой в Кагорлык. Незадолго до отъезда Гоголь получил[1] письмо А. О. Смирновой из Калуги[2].

Е. В. Гоголь записала в своем дневнике: «В 1850 г. брат приехал в июле[3] с тем, чтобы осенью ехать на зиму в Одессу. Наш родственник, кузен матери, старик больной, А. А. Трощинский, просил нас провести у него зиму в его имении Кагорлык (Киевской губернии). Так решили всем вместе в двух экипажах ехать прежде к нему, в сентябре, а потом брат в одном экипаже поедет[4] в Одессу и весной[5] опять заедет за нами»[6].

По словам Гоголя в письме к матери от 20 ноября 1851 г., ехать в Кагорлык сестру Елисавету «принудил» он[7].

В. И. Шенрок в 1897 г. сообщал: «...Анна Васильевна говаривала: "Брат часто беспокоился за маменьку и не любил, когда ей приходили в голову всевозможные фантазии или подозрения!" <...> Анна Васильевна припоминала нам с глубоким умилением несколько случаев трогательной братской любви и сыновней заботливости Гоголя, особенно о том, как однажды, во время дороги, доставая из экипажа для матери пластырь, он боялся шорохом обеспокоить ее»[8].

Младшая сестра Ольга Васильевна вспоминала: «Мать с сестрами ездила к Трощинскому, в Киевской губернии, в его имение Кагарлык. Там пробыли всю зиму, а я оставалася с теткой...»[9]

В то время О. В. Гоголь занималась с сиротами Александрой и Эмилией, взятыми М. И. Гоголь на воспитание[10].

[1] См. ***1850. Октября 26. Четверг. Одесса.***
[2] См. ***1850. Сентября 11. Понедельник. Калуга.***
[3] См. ***1850. Июля 1. Суббота. Сорочинцы, Васильевка, Полтава.***
[4] См. ***1850. Октября 3. Вторник. Кагорлык, Канев.***
[5] См. ***1851. Апреля 8. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Кагорлык.***
[6] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод.* Т. 1. С. 172.
[7] См. ***1851. Ноября 20. Вторник. Москва.***
[8] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 164.
[9] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 209.
[10] См. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Васильевка.***

СЕНТЯБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. ПОЛТАВА

П. Ф. фон Минстер пишет ответное[1] письмо Гоголю (адресует письмо, вероятно, в Васильевку):

«Много, много вам благодарна, <...> что вспомнили день моих именин. Письмо ваше я получила в самую шумную минуту бала; оно переходило из рук в руки между добрыми нашими *патриотками,* с восторгом читавшими ваши теплые слова о радостных днях встречи с бывшими друзьями детства. Все мои совоспитанницы, съехавшиеся ко мне в тот день, неотступно просили изъявить вам общее чувство благодарности и любви за письмо ваше, одушевившее нас новым духом дружбы и товарищества. Искренно жалею, что милые сестрицы ваши, Анюта и Лиза, которых я люблю ото всего сердца, не могли приехать разделить с нами истинно прекрасных минут свидания с теми из подруг, с которыми мы были разлучены более семи лет».

[1] См. ***1850. Сентября 23. Суббота. Васильевка.***

ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. КАГОРЛЫК

Гоголь в день рожденья и именин матери читает ей и сестрам первую главу второго тома «Мертвых душ».

Е. В. Гоголь в этот день записала в дневнике: «*1 октября, именины матери.* Брат вместо подарка читал нам из второго тома "Мертвых душ"»[1].

24 марта 1852 г. М. И. Гоголь писала М. П. Погодину по поводу неизданных произведений Гоголя: «...Я бы желала знать, какие сочинения печатать, прежние или новые какие? Не *Мертвые* ли *Души* 2-й том, из которых первую главу он читал нам в Кагорлыке»[2].

В 1873 г. А. В. Гоголь рассказывала гостившей у нее «около 8 месяцев» в Полтаве С. Г. Гетекомер: «Гоголь, как известно, очень любил свою мать. По случаю ее именин он в виде подарка взялся однажды читать в присутствии собравшихся гостей свое произведение. Гоголь читал с увлечением и все с напряженным вниманием слушали его. Вдруг открывается дверь, и дети в сопровождении нянек и гувернанток входят в комнату, чтобы проститься перед отходом ко сну. Процедура эта отвлекла Гоголя и была ему настолько неприятна, что чтение было им прервано; он ушел и больше в тот вечер не показывался. И вообще уже после этого случая, — рассказывали близкие Гоголя, — его трудно было упросить прочесть что-либо»[3].

Возможно, случай этот стал известен в Москве знакомым Гоголя[4], из которых Н. В. Берг в 1871 г. сообщал: «В <...> 1850 году я видал Гоголя чаще всего у Шевырева. Говорили, что он пишет *второй том* "Мертвых душ", но никому не читает, или уж крайне избранным. Вообще в это время, в этот *последний* период жизни Гоголя в России, очень редко можно было услышать его чтение. Как он был избалован тогда относительно этого и как раздражителен, достаточно покажет следующий случай. Одно весьма близкое к Гоголю семейство, старые, многолетние друзья, упросили его прочесть что-то из "второго тома". Приняты были все известные меры, чтобы не произошло какой помехи. Отпит заранее чай, удалена прислуга, которой приказано более без зова не входить; забыли только упредить няньку, чтобы она не являлась в обычный час с детьми *прощаться*. Едва Гоголь уселся и водворилась вожделенная тишина — дверь скрипнула, и нянька, с вереницею ребят, не примечая никаких знаков и маханий, пошла от отца к матери, от матери к дядюшке, от дядюшки к тетушке... Гоголь смотрел-смотрел на эту патриархальную процедуру вечернего прощания детей с родителями, сложил тетрадь, взял шляпу и уехал. Так рассказывали»[5].

[1] Из дневника Е. В. Гоголь 1848–1850 гг. // *Свод*. Т. 1. С. 172.

[2] *Свод*. Т. 1. С. 132.

[3] *Т.* Воспоминания о семье Гоголя // Одесский Листок. 1909. 19 марта. № 64; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 369.

[4] С другой стороны, возможно, А. В. Гоголь рассказала Гетекомер случай из жизни Гоголя, прочитанный в журнале (воспоминания Берга о Гоголе были напечатаны в «Русской Старине» за год перед тем — см. следующее примеч.).

[5] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // Русская Старина. 1872. Январь. С. 122–123; *Свод*. Т. 3. С. 648–649.

ОКТЯБРЯ 3. ВТОРНИК. КАГОРЛЫК, КАНЕВ

Отъезд Гоголя из Кагорлыка в Одессу. В тот же день в Каневе Гоголю была выписана подорожная для проезда от Канева до Одессы[1]:

«От *Города Канева до города Одессы; Коллежскому Асессору Николаю Гоголю, следующему по собственной надобности с будущим под его Экипаж почтовых* давать *по четыре* лошади с проводником, за указание прогони, без задержания *дана* в *Городе Каневе* 1850 года *Октября 3 дня*.

С сей подорожной за *474* версты *9* руб<лей> *48* коп<еек> взято.

Киевский Гражданский Губернатор, Действительный Статский Советник и Кавалер *Фундуклей*[2]. Казначей *Рядвольский* <?>. Бухгалтер *Квятковский* <?>»[3].

[1] См. также ***1848. Октября 24. Вторник. Одесса*** (примечания).

[2] Подпись Ивана Ивановича Фундуклея (1804–1880), киевского гражданского губернатора (с 1839 г. по 1852 г.), археолога (с 1867 г. — член Государственного Совета). — Возможно, подорожная (подписи на которой или были сделаны заранее, или представляют собой факсимиле) была выдана Гоголю каневским городничим Иваном Павловичем Кошманом. Возможно также, что Фундуклей с чиновниками находился тогда в Каневе.

[3] *Свод*. Т. 3. С. 736.

ОКТЯБРЯ 4–5. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. С. МЕХЕДОВКА ЗОЛОТОНОШСКОГО УЕЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Гоголь проездом в Одессу находится в имении В. А. Лукашевича Мехедовке. Встретил здесь Аф. Вас. Марковича.

Афанасий Васильевич Маркович (1822–1867), этнограф. В 1846 г. окончил Киевский университет; в 1847 г. был осужден вместе с Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом, Т. Г. Шевченко и др. за причастность к сепаратистской деятельности Украино-Славянского Общества и сослан в Орел[1].

В 1856 г. П. А. Кулиш, со слов Марковича, сообщал: «Когда Гоголь ехал зимовать в Одессу, один из моих знакомых, А. В. Маркович, встретил его у В. А. Лукашевича, в селе Мехедовке, Золотоношского уезда. Это было в октябре 1850 года. Вот что замечено г. Марковичем достойного памяти из тогдашних разговоров Гоголя.

Когда в гостиную внесли узоры для шитья по канве, он сказал, что наши старинные женщины оставили в работах своих образцы изящества и свободного творчества, и шили без узоров; а нынешние не удивят потомства, которое, пожалуй, назовет их бестолковыми.

О Святых Местах он не сказал своего ничего, а только заметил, что Пужула, Ламартин и подобные им лирические писатели не дают понятия о стране, а только о своих чувствах, и что с Палестиной дельнее знакомят ученые прошлого века, сенсуалисты, из которых он и назвал двух, или трех.

Осматривал разные хозяйственные заведения и, когда легавая собака погналась за овцами и произвела между ними суматоху, он заметил, что так делают и многие добрые люди, если их не выводят на их истинное поле деятельности.

Кто-то наступил на лапку болонке, и она сильно завизжала. “А не хорошо быть малым!” — сказал Гоголь.

По поводу разнощика, забросавшего комнату товарами, он сказал: “Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать”.

За столом судил о винах с большими подробностями, хотя не обнаруживал никакого пристрастия к ним.

Когда ему читали переведенные на малороссийский язык псалмы Давида[2], он останавливался на лучших стихах, по языку и верности переложения. Он слушал с видимым наслаждением малороссийские песни, которые для него пели, и ему особенно понравилась:

Да вже третий вечир, як дивчыну бачыв;
Хожу коло хаты — іи не выдаты...»[3]

[1] См. также ***1845. Ноября 6 <18>. Вторник. Москва; 1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава.***

[2] «Кулиш <...> имел скандальный случай перевода Библии с его знаменитым “Хай дуфае Сруль на Пана” (Да уповает Израиль на Господа <Пс. 129, 5>)» (*Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Репринтное воспроизведение изд. 1966 г.; Нью-Йорк; Мадрид.) С. 191). — Ср. также ***1851. Марта 13. Вторник. Одесса.***

[3] Воспоминания Аф. Вас. Марковича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 737.

ОКТЯБРЯ 13. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 458.

ОКТЯБРЯ 14. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. А. Арбузов читает «Невский проспект» с своим приятелем по службе, камер-юнкером князем Валерием Платоновичем Ширинским-Шихматовым, столоначальником I Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

В своем дневнике, озаглавленном «Мой журнал или сборник ежедневных впечатлений», Арбузов отметил: «*Октябрь 1850. 12 четв<ерг>, 13 пятн<ица>, 14 субб<ота>*. Все эти дни, так сказать, — только обживался. Утром на службе[1], вечером дома; обедал у своих. Один; брат Степа все в отсутствии. Развеселил только Шихматов; пришел; беседовали; читали превосходное произведение Гоголя — *Невский проспект;* рассуждали о женщине; пошли ужинать к Излеру[2], и вернулся я домой, провожаемый Шихматовым, в час ночи».

Дневник Николая Алексеевича Арбузова 1850–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 868–869.

[1] Во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Арбузов состоял в «младшем чине».

[2] См. ***1849. Мая 18. Среда. Царское Село*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 17. ВТОРНИК. С. МЕХЕДОВКА ЗОЛОТОНОШСКОГО УЕЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Отъезд Гоголя в Одессу.

В Одессу Гоголь прибыл 24 октября 1850 г.[1] В письме к матери от 28 октября 1850 г.[2] сообщал, что «тащился» до Одессы «ровно неделю» (т. е. с 17 октября), а также сетовал, что не выехал «до 15 октября» (до того времени, когда дорога начинает портиться).

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «...Гоголь выехал из Малороссии лишь во второй половине октября <1850 г.> (кажется 17-го) (столь поздний выезд Гоголь приписывал лени, одолевшей его в Малороссии; к этой поездке Гоголя относится фигурировавшая на Гоголевской выставке в Москве подорожная от Канева до Одессы[3]) и, как он писал матери[4]: с большим трудом добрался, или, лучше сказать, доплыл до Одессы <...> и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться на дорогу. <...> Прибыл Гоголь в Одессу 24 октября, что доказывается дневником одной особы[5], записавшей, что Гоголь приехал этого числа и в тот же день обедал у кн<язя> В. Н. Репнина»[6].

[1] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[2] См. ***1850. Октября 28. Суббота. Одесса.***

[3] См. ***1848. Октября 3. Вторник. Кагорлык, Канев.***

[4] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[5] Е. А. Хитрово (см. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса*** — примечания).

[6] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 780.

ОКТЯБРЯ 24. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 324.

[2] *Гриц.* С. 459.

ОКТЯБРЯ 24. ВТОРНИК. ОДЕССА

Гоголь прибыл в Одессу с намерением отправиться далее на Афон; остановился в доме А. А. Трощинского[1] (сам Трощинский проживал тогда в Кагорлыке[2]). Обедал у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских. Воспитательница княжны В. В. Репниной-Волконской, Е. А. Хитрово (познакомившаяся с Гоголем в Риме осенью 1845 г.[3]), начала свои регулярные дневниковые записи о Гоголе:

«Гоголь приехал в Одессу 1850 г. октября 24. Обедал. Очень красноречиво рассказывал о Константинополе, — как массы зелени, перемешанные с строениями, возвышаются на горе. Четыре дерева платановых необыкновенной толщины. Что могло их спасти?.. Не религиозная ли какая мысль? На Востоке оливковые деревья так почитаются, что во время войны все истребляется, а их оставляют... Почему вода здесь у берегов замерзает? — Потому что не довольно солена»[4].

Екатерина Александровна Хитрово (30 декабря 1805 — 2 февраля 1856), дочь Александра Ивановича и Евгении Алексеевны Хитрово, помещиков Калужской губернии; оставшись после смерти отца сиротой, воспитывалась в семье барона Ивана Петровича Черкасова (род. около 1761; отец братьев П. И. и А. И. Черкасовых) (вторая жена Черкасова, Пелагея Андреевна (рожд. Полонская), была подругой матери Е. А. Хитрово)[5]. В период ведения дневниковых записей о Гоголе Хитрово — воспитательница княжны В. В. Репниной-Волконской, дочери князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских; после кончины Гоголя, с мая 1852 г.[6], — сестра-надзирательница основанной в 1850 г. А. С. Стурдзой Одесской общины сердобольных сестер[7] (со Стурдзой Хитрово познакомил весной 1851 г. Гоголь[8]); в период Крымской войны в 1854–1855 гг. Хитрово была призвана в Симферополь в качестве настоятельницы сердобольных сестер Симферопольской Крестовоздвиженской общины.

По словам автора мемуаров о Хитрово, Екатерина Александровна, «где ни жила, <...> умела скоро и сильно располагать к себе детей, равно как и всех членов семейства»: «...Читала много, и на разных языках, не любя лишь французских романистов, которых "не читать поставляла в честь и славу"; особенно же изучала Ботанику»[9]. 27 октября 1847 г. Хитрово посетила в Оптиной Пустыни преподобного Макария (Иванова)[10].

В 1861 г. в подстрочном редакторском примечании к первому изданию дневника Хитрово (напечатан без указания ее фамилии) сообщалось: «Предлагаемые "Воспоминания о Гоголе" сообщены нам Н. В. Н<еводчиковы>м»[11]. Публикация дневника Хитрово явилась продолжением статьи Н. В. Неводчикова «Воспоминание о Н. В. Гоголе», опубликованной двумя годами ранее в том же журнале[12]. Публикацию 1861 г. открывала вступительная заметка Н. В. Неводчикова: «Еще более частил Николай Васильевич <Гоголь> к Р<епниным>, как видно из заметок одной покойницы, тогда у них жившей[13]. Заметки эти, очевидно, писанные не для печати, а *про себя,* на скорую руку, с единственною целию: поймать и сберечь как можно более слов и даже движений гениального писателя, по-моему, очень любопытны. Они здесь помещаются с опущением лишь немногих недомолвок и намеков, совершенно непонятных для читателя»[14].

Вторую публикацию дневника Хитрово в 1902 г. (также без указания авторства) предваряла заметка В. И. Шенрока: «В 1850 г. Гоголь был снова в Одессе, провел там зиму, часто видался с Неводчиковым, и к этому времени относится нижеследующий дневник, в котором делала свои заметки неизвестная нам особа женского пола. Часть этого дневника вместе с воспоминаниями Неводчикова о Гоголе была напечатана в "Библиографических Записках" (1859, XI, 263–268 и 1861, IX, 324–330); но печатание не было доведено до конца вследствие прекращения этого издания. Лет пять назад мы вошли в переписку с Неводчиковым (тогда уже преосвященным Неофитом) и получили от него предлагаемый дневник»[15].

Замыкало публикацию 1902 г. послесловие П. И. Бартенева: «В Одессе в это время (1850–1851) жили в разных домах две княгини Репнины: вдова княгиня Варвара Алексеевна, внука гетмана Разумовского, бывшая (в 1814) вице-королева Саксонская, с незамужнею дочерью своей княжною Варварою и воспитанницею сей последней, родственницей Гоголя, молодою вдовою Глафирой Ивановной Дуниною-Борковскою (ур<ожденной> Псиол), и княгиня Елисавета Петровна, супруга единственного сына старой княгини, князя Василья Николаевича, сестра недавно умершей в Риме Марии Петровны Вагнер. Это дочери жандармского генерала Петра Ивановича Балабина и его супруги француженки Парис (воспитанницы княгини В. А. Шаховской). Плетнев сблизил с Балабиными Гоголя, когда тот еще не имел никакой известности. У младшей княгини жила плененная Гоголем пожилая и высоконравственная девица Екатерина Александровна, которая вела вышепомещенный дневник и которой фамильное имя остается для нас неизвестным»[16].

О времени своего знакомства с Гоголем, которое состоялось в Риме осенью 1845 г., Хитрово в дневнике не сообщает. В то время Хитрово была воспитательницей Петра Павловича Дурново (позднее — генерал от

инфантерии, член Государственного совета, 1835–1918). Дурново был сыном гофмейстера Павла Дмитриевича Дурново (1804 –1864 или 1869) и его жены (с 1831 г.), дочери светлейшего князя П. М. Волконского, Александры (Алины) Петровны (рожд. княжны Волконской, 1804–1859). С П. Д. Дурново (в ту пору камергером) Гоголь встречался 3 июля (н. ст.) 1836 г. в Ахене[17], с А. П. Дурново – осенью 1845 г. в Риме[18].

К этому же придворному кругу принадлежал брат А. П. Дурново князь Дмитрий Петрович Волконский (1805–1859). На дочери последнего Софье Дмитриевне (1841–1875) был женат (с 1868 г.) князь Николай Васильевич Репнин-Волконский (1834–1918; внук князя Н. Г. Волконского – родного брата светлейшей княгини Софьи Григорьевны (рожд. княжны Волконской, 1785–1868) – жены светлейшего князя Волконского). Именно князь Н. В. Репнин-Волконский, сын князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских, указал в 1902–1903 гг. авторство одесского дневника о Гоголе. Он сообщал А. И. Маркевичу: «Упоминаемая в Вашей статье <...> пожилая девица была Екатерина Александровна Хитрово. Она была первоначально воспитательницей Петра Павловича Дурново. Вращаясь в Петербурге в домах отца его <П. Д. Дурново>, деда – министра двора кн<язя> П. М. Волконского и сына последнего кн<язя> Д. П. Волконского, она так привыкла к роскошной обстановке, что, прибывши в Одессу, куда была приглашена моим отцом для воспитания моей сестры, никак не могла ужиться с более скромной обстановкою и всегда и все критиковала. (В дневниковой записи от 3 февраля 1851 г. Хитрово вспоминает о своем пребывании в Риме и своей беседе там с князем Д. П. Волконским[19]. – *И. В.*) Это была особа очень образованная, но с весьма деспотическим характером и, как воспитательница, она прожила у нас недолго. Дальнейшая ее судьба перенесла ее на другое поле действия; она вскоре поступила сестрой милосердия в существовавшую в то время в Одессе общину; впоследствии она сделалась начальницей этой общины и в Крымскую кампанию в Севастополе оказала подвиги самоотвержения; кажется, там же она и скончалась от тифа. (Это не совсем точно. Е. А. Хитрово была только сестрой-надзирательницей сердобольных сестер (Стурдзовской Общины). По желанию Великой Княгини Елены Павловны она была командирована в Симферополь для исполнения там, в течение одного года, обязанностей главной сестры-надзирательницы Крестовоздвиженской Общины сестер попечения о раненых и больных; в Симферополе же Е. А. Хитрово и скончалась 2-го февраля 1856 г. Тело ее перевезено было в Одессу и, согласно воле покойной, предано земле на кладбище Стурдзовской Общины при Воскресенской церкви. (См.: Пятидесятилетие Стурдзовской Общины. Одесса. 1900 г., стр. 10–11). – *Примеч. А. И. Маркевича. – И. В.*)»[20].

Попечитель Одесской богадельни князь Е. Г. Гагарин в 1856 г. сообщал: «В течение <1855> года в составе заведения последовали следующие перемены: сестра-настоятельница сердобольных сестер Е. А. Хитрово, по желанию Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны, соизволившей обратить особенное внимание на ее неусыпную деятельность на избранном ею поприще, отпущена в Симферополь, дабы принять там, в течение одного года, должность главной сестры-настоятельницы Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных»[21].

«Среди лиц, посвятивших себя богадельне в первые годы ее существования, выдавалась своею самоотверженною деятельностью сестра надзирательница сердобольных сестер Е. А. Хитрово. <...> ...Деятельность сестер вне богадельни становится довольно заметной <...> с 1852 г. С этого года, под руководством энергичной настоятельницы Е. А. Хитрово, круг деятельности сестер мало-помалу расширяется, обнимая собой не только больных женского пола, но и детей, и даже мужчин, при которых опытные в ухаживании за больными сестры не раз исполняли свое служение в частных домах. Кроме ухаживания за состоятельными больными в частных домах, для сестер открылось еще новое поприще для деятельности вне стен богадельни. Духовенство Св<ято>-Михайловского прихода, в котором находится богадельня, стало обращатся к богадельне за врачебною помощью для беднейших прихожан, и сестры, по указаниям священника Михайловской церкви, много раз посещали "убогие жилища страдания и нищеты, принося страждущим и утешение и своевременную помощь". <...> В 1854 г. во время Крымской кампании комитет отправил на театр войны 12 сестер с их неутомимой начальницей во главе...»[22]

Деятельность Хитрово в Симферополе высоко оценил академик М. И. Пирогов. Князь Е. Г. Гагарин в 1856 г. писал: «...Комитет приятным долгом поставляет себе привести в своем отчете отзыв о ней <о Хитрово> знаменитого хирурга, академика *Пирогова*, выраженного им, в отношении его к комитету от 3-го декабря 1855 года. Вот его слова: "Крестовоздвиженская община, находящаяся в средине самого театра войны, разделенная на отряды, составленные из сестер, еще не приготовленных жить общиною, требует настоятельницы зрелой духом и опытом. В целой России едва ли найдется другая Е. А. Хитрово... <...> Лучшего выбора нельзя было придумать. Е. А. Хитрово, одаренная от природы всеми свойствами души, необходимыми для сестры-настоятельницы, приобрела трудно покупаемую опытность пребыванием своим при одном из самых замечательных благотворительных учреждений нашего отечества. Все эти условия делают присутствие почтенной настоятельницы при Крестовоздвиженской общине в настоящее время совершенно необходимым; от него зависит не только настоящее, но и будущее общины"»[23].

После кончины Хитрово великая княгиня Елена Павловна писала князю Е. Г. Гагарину: «...Сколь велико мое сокрушение при мысли, что не только сестры Креста, но и сестры Одесской богадельни лишились ныне лучшей своей опоры в лице той, которую сам основатель сего богоугодного заведения <А. С. Стурдза> приго-

товил к этому святому призванию и для которой дела человеколюбия сделались как бы второю жизнию. <...> Оставляя Одессу, Е. А. Хитрово принесла себя в жертву великому делу хождения за героями страдальцами, славными защитниками Крыма, проливавшими кровь свою за дорогое наше отечество»[24].

28 октября 1850 г. в газете «Одесский Вестник» было напечатано сообщение: «На днях в наш город приехал Н. В. Гоголь, который, как говорят, намерен провести здесь зиму»[25].

За несколько месяцев до приезда в Одессу, 6 июня 1850 г., Гоголь писал из Москвы А. С. Стурдзе: «Может быть, Бог приведет меня опять к вам в Одессу. <...> Голове потребно то благодатное освежение, какое бывает у меня только под небом благорастворенного климата. <...> Хочу провести три зимние месяца где-нибудь в Греции или на островах Средиземного моря. Где именно — на счет этот решусь, может быть, только в Одессе».

21 июня 1850 г. Стурдза отвечал Гоголю: «Больно слышать, что вы опять замышляете долговременную отлучку из-под родного неба. <...> ...Отведайте житья <...> в Одессе. Здесь найдете вы цвет Малороссии: доброе, уветливое семейство Репниных; сердечно благочестивое и умное О<тца> М. Павловского, Михневича и других, подобных им. Преосвященный Иннокентий останется с нами на всю зиму»[26].

28 июня 1850 г. А. О. Смирнова сообщала И. С. Аксакову из Калуги о Гоголе: «Он проехал здесь с Максимовичем[27], здоровье его плохо; если Бог поможет ему получить пачпорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том»[28].

Как и в 1846 г.[29], перед отправлением в Святую Землю[30], Гоголь летом 1850 г. предпринял шаги к оформлению заграничного паспорта. С этой целью, а также надеясь получить от Наследника денежное пособие, Гоголь, будучи в Васильевке, 10–18 июля 1850 г. составил письмо, предназначенное для вручения либо министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, либо министру народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову, либо начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову — либо самому Наследнику Александру Николаевичу. 18 июля 1850 г. Гоголь, очевидно, по предварительной договоренности с Смирновой (во время проезда Калуги[31]), отправил ей из Васильевки свое послание, с племянником Н. П. Трушковским, и просил ее в случае одобрения ею письма направить его одному из трех указанных высокопоставленных лиц, по ее усмотрению, или же, посоветовавшись с графом А. К. Толстым, «обратить» письмо к самому Наследнику.

30 июля 1850 г. А. О. Смирнова отвечала Гоголю: «Вот что мы решили... <...> Толстой написал вам прилагаемое письмо к Наследнику, которому вы можете дать свои выражения... <...> Он <...> дает совет ваше письмо вместо того, чтобы адресовать к какому-нибудь министру, адресовать к Олсуфьеву. Он, т. е. Олсуфьев, передаст ваше письмо великому князю, а сам <...> словесно объяснит то, что Его Высочество не может иметь времени прочесть. <...> Поспешите, потому что из Петербурга пишут, что великий князь едет на Кавказ»[32]. К письму Смирновой были приложены два послания, составленные графом А. К. Толстым от лица Гоголя на основании его официального письма от 10–18 июля 1850 г.[33]: одно — к Наследнику Александру Николаевичу, и другое, сопроводительное, — к гофмаршалу двора Наследника В. Д. Олсуфьеву.

Незадолго до получения ответа от Смирновой Гоголь 1 августа 1850 г. писал княгине Е. П. Репниной-Волконской из Васильевки в Одессу: «Удрученный снова всякого рода недугами, я, может быть, приеду в Одессу с тем, чтобы оттоле пуститься в климаты теплейшие. А, может быть, придется пробыть в Одессе и часть зимы. Во всяком случае, я бы хотел знать, остаетесь ли вы эту зиму в Одессе, равномерно и княгиня, ваша маминька, и княжна Варвара Николаевна (которым всем прошу передать мой душевный поклон, князя обнимите)»[34]. 16 августа 1850 г. княгиня Е. П. Репнина-Волконская отвечала Гоголю: «...Княгиня Варвара Алексеевна, княжна и все мы пробудем будущую зиму здесь <...> приезжайте же скорее!»[35]

20 августа 1850 г. Гоголь отвечал Смирновой: «Письмо ваше <...> получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой совершенно правы. Хочу поступить совершенно так, как вы придумали, хоть и не знаю, даст ли мне это исполнить какая-то непостижимая лень... <...> Впрочем, чтобы не считали меня капризным, я употреблю все силы переписать оба письма, смягчивши требования вспоможенья <...>; препровожу оба письма к Плетневу, чтобы он передал их Олсуфьеву, хоть это всё и будет уже поздно, потому что Наследник, вероятно, уже будет в это время в дороге. <...> От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружелюбным зазывом в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! <...> В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября...»[36]

15 сентября 1850 г. Гоголь отвечал и Стурдзе на его письмо от 21 июня: «Душевно бы хотел прожить сколько можно доле в Одессе, и даже не выезжать за границу вовсе. Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то еще выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине Небесной. Но на беду пребыванье в ней зимою вредоносно для моего здоровья. <...> Обыкнов<енно> работается у меня там, где находится ненатопленное тепло, где я могу утреннее утрудненье головы развеять и рассеять послеобедним пребыванем и прогулками на благорастворенном теплом воздухе; без того у меня голова на другой день несвежа и не годится к делу. Но верю, что Бог властен

сделать всё, и Его Милосердию нет границ: может и под суровым воздухом Черного моря, в самой Одессе, всё еще холодной для меня, найти свежее расположение духа — и тогда, разумеется, я ни за что не выеду за границу. <...> Прошу вас <...> передать Преосвященному Иннокентию мою чувствительную благодарность за его пастырское благословенье. <...> Не позабу<дь>те также передать поклон мой О<тцу> М. Павловскому и всем, кто меня помнит»[37].

По-видимому, в конце августа — сентябре 1850 г. Гоголь внес в подготовленные графом А. К. Толстым письма к Наследнику и В. Д. Олсуфьеву свои исправления. Однако отправлять эти послания к Плетневу, как намеревался ранее, не стал. 11 сентября 1850 г. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Спешу с ответом на ваше последнее письмо[38], но едва ли мое добредет к вам до 20-го (до времени отъезда Гоголя из Васильевки в Кагорлык и Одессу[39]. — *И. В.*). Кажется, вы так устроились, что планы ваши едва ли могут осуществиться в отношении к получению денежного пособия, да и сам паспорт придет поздненько. Во всяком случае вам лучше быть поближе к западу и послушаться зова <...> Стурдзы. <...> Во всяком случае, осень там <в Одессе> лучше провести, чем в Васильевке, и когда подъедет паспорт, то легко придумать, как добраться до Афона»[40].

26 октября 1850 г. Гоголь отвечал Смирновой (уже из Одессы): «Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда. Точно, я плохо распорядился. Такая находит лень по этой части, что просто не могу с собой сладить... <...> Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму...»[41]

Перезимовав в Одессе и отправившись весной 1851 г. в Москву, Гоголь, однако, не оставил своего намерения побывать на Афоне. По свидетельству иеромонаха Сергия (Веснина), с которым Гоголь встречался в Одессе в январе-феврале 1851 г., писатель, расставаясь с ним, «дал слово — только съездить в Москву на лето, с целию издания своих творений, а потом к осени 1851 года прибыть на Афон»[42] (ср. также свидетельство А. П. Толченова в его воспоминаниях «Страница для биографии Гоголя» о данном писателем весной 1851 г. «обещании на следующую зиму приехать в Одессу»[43]). Смерть помешала Гоголю выполнить свое намерение.

[1] См. ***1850. Декабря 5. Вторник. Одесса***; ***1851. Января 11. Четверг. Одесса***; ***1851. Января средина — февраля 18. Одесса***.

[2] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка*** (воспоминания сестер Гоголя Елисаветы и Ольги); ***1851. Апреля 8. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Кагорлык***.

[3] См. ***1845. Октября вторая половина — ноябрь <октября начало — ноября средина>. Рим***; ***1846. Января 17 <5>. Суббота. Крещенский сочельник. Рим***.

[4] Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово>* // *Свод.* Т. 3. С. 740.

[5] *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 119–120.

[6] См. ***1852. Марта 9. Воскресенье. День памяти преподобного Иоанна Лествичника и 40 мучеников Севастийских. Одесса***.

[7] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания); ***1850. Ноября 1. Среда. Одесса***; ***1850. Ноября 21. Вторник. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Одесса***.

[8] См. ***1851. Марта 15. Четверг. Одесса***; ***1851. Марта 27. Вторник. Одесса***.

[9] *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово. С. 120, 122. — См. ***1846. Января 17 <5>. Суббота. Крещенский сочельник. Рим***; ***1851. Марта 26. Понедельник. Одесса***.

[10] *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово. С. 126–127.

[11] *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324.

[12] *Н. Н—в.* Воспоминание о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1859. № 9. С. 263–268. — См. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***.

[13] О том, что автором дневника была Е. А. Хитрово, о. Н. В. Неводчиков, безусловно, знал. Хитрово была названной сестрой его жены (с 1853 г.) Ольги Васильевны. В 1864 г. Неводчиков напечатал жизнеописание Хитрово: *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 118–128; № 4. С. 260–281; № 7. С. 348–370.

[14] Воспоминания о Н. В. Гоголе // Библиографические Записки. 1861. № 11. Стб. 324.

[15] *Шенрок В. И.* Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 543.

[16] Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 562.

[17] См. ***1836. Июля 3 <июня 21>. Воскресенье. Ахен***.

[18] См. ***1845. Октября вторая половина — ноябрь <октября начало — ноября средина>. Рим***.

[19] См. ***1851. Февраля 3. Суббота. Одесса***; см. также ***1851. Января 4. Четверг. Одесса***; ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса***.

[20] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе <1906> // *Свод.* Т. 3. С. 786–787.

[21] *Попечитель Одесской богадельни сердобольных сестер князь Евгений Гагарин.* Отчет Комитета Одесской богадельни сердобольных сестер за 1855 год. Одесса, 1856. С. 17.

[22] Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Исторический очерк. Одесса, 1900. С. 10, 33, 34.

[23] *Попечитель Одесской богадельни сердобольных сестер князь Евгений Гагарин.* Отчет Комитета Одесской богадельни сердобольных сестер за 1855 год. С. 17.

[21] Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. С. 11–12.

[25] Заметки и вести // Одесский Вестник. 1850. 28 окт. № 86. С. 3. — Перепечатано в № 256 «Санкт-Петербургских Ведомостей» от 11 ноября 1850 г. (см. ***1850. Ноября 11. Суббота. Санкт-Петербург***). См. также: *Свод.* Т. 3. С. 738.

[26] См. ***1850. Июня 21. Среда. Приют, близ Одессы.***

[27] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга.***

[28] См. ***1850. Июня 28. Среда. Калуга.***

[29] См. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь.***

[30] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[31] См. ***1850. Июня 15–16. Четверг-пятница. Калуга.***

[32] См. ***1850. Июля 30. Воскресенье. Калуга.***

[33] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

[34] См. ***1850. Августа 1. Вторник. Васильевка.***

[35] См. ***1850. Августа 16. Среда. Одесса.***

[36] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***

[37] См. ***1850. Сентября 15. Пятница. Васильевка.***

[38] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***

[39] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка.***

[40] См. ***1850. Сентября 11. Понедельник. Калуга.***

[41] См. ***1850. Октября 26. Четверг. Одесса.***

[42] См. ***1851. Февраля конец. Одесса.***

[43] См. ***1851.*** **Марта около 27. Одесса.**

1850–51

1850 ОКТЯБРЯ 24[1] — 1851 МАРТА 28[2]. ОДЕССА

Гоголь живет в Одессе, в доме А. А. Трощинского (сам Трощинский жил тогда в Кагорлыке[3]). Продолжает работу над вторым томом «Мертвых душ». Часто бывает в двух домах Репниных-Волконских — в доме князя Василия Николаевича и княгини Елизаветы Петровны и в доме матери князя, княгини Варвары Алексеевны, проживавшей в Одессе с дочерью, княжной Варварой Николаевной, отдельно от семьи сына. Бывает также в доме князя Д. И. Гагарина[4] и княгини С. П. Гагариной[5]. Встречается с Н. В. Неводчиковым, А. С. Стурдзой, протоиереем М. К. Павловским, Н. Г. Тройницким, Л. С. Пушкиным, И. Г. Михневичем, Н. Н. Мурзакевичем, А. И. Соколовым, Н. Д. Мизко, М. К. Дитерихсом; бывает в кругу одесских актеров; общается с П. П. и Ю. М. Титовыми, с братьями Ал-ром и Анд. Ив. Орлаями, с Н. П. Ильиным, Е. А. Хитрово, с двоюродным братом жены А. С. Данилевского М. А. Литвиновым и братом Данилевского И. С. Данилевским[6], с И. И. Барановским[7], с иеромонахом Сергием (Святогорцем)[8] и др.

Возможно, во время тогдашнего пребывания в Одессе Гоголь перенес «перемежающуюся лихорадку»[9].

По свидетельству штаб-лекаря А. Т. Тарасенкова (очевидно, со слов самого писателя), Гоголь в начале 1851 г. «имел течение из уха будто бы от какой-то вещи, туда запавшей»[10].

Вероятно, случившееся с Гоголем в начале 1851 г. «течение из уха» являлось рецидивом[11]. Возможно, эта же болезнь повторилась еще раз зимой 1851/52 г.[12]

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «Пробыл на этот раз Гоголь <в Одессе> до конца марта[13], т. е. пять месяцев, или такой промежуток времени, в течение которого мог достаточно хорошо познакомиться с Одессою и ее обществом, да и общество это, при всей обособленности жизни Гоголя, все же имело возможность его узнать. Немудрено поэтому, что о пребывании его в Одессе зимою 1850–1851 г. сохранилось немало воспоминаний: А. С. Стурдзы, Н. В. Неводчикова, княжны В. Н. Репниной, одной дамы[14], жившей у кн<язя> В. Н. Репнина, Н. Г. Тройницкого, А. Л. Дементритру, Н. Д. Мизко, актера Толченова и еще кое-кого, хотя воспоминания не названных здесь лиц имеют уже анекдотический характер[15]. <...>

По приезде в Одессу Гоголь поселился в доме А. А. Трощинского; по крайней мере в письме к Шевыреву от 7 ноября он дает ему этот свой адрес; также позднее и другим своим корреспондентам, но в письме к Смирновой от 26-го и к матери от 28 октября адреса еще нет; возможно, что Гоголь сперва остановился в гостинице и лишь в начале ноября перебрался в дом Трощинского, которого в то время в Одессе не было.

Определить этот дом не трудно: он находился, по указаниям Гоголя в его переписке, в I части, в I квартале. Я пересмотрел весь список домов I части г. Одессы в 1851 г. и нашел там лишь один дом, принадлежавший генерал-майору А. А. Трощинскому — на Надежной (ныне Надеждинская) улице, который теперь принадлежит Е. И. Шульцу и означен № 9 (дом этот в 1850–1851 г. был, кажется, в таком же виде, как и теперь, по крайней мере у Е. И. Шульца сохранился план постройки его, помеченный 1849 г.); очевидно здесь и жил Гоголь, что подтверждается и показаниями лиц, сообщившими о пребывании Гоголя в Одессе, что он жил именно на Надеждинской улице.

Между тем имеются указания[16], что Гоголь жил хотя и на этой улице и в доме Трощинского, но принадлежащем ныне П. Ковалевскому и С. Депп, а также, что он жил у Сабанеева моста, в доме ныне гр<афини> Е. Г. Толстой[17]. В виду этого разноречия я предполагал сперва, что Трощинскому могло принадлежать все место на углу Надеждинской улицы и Сабанеевского проезда, от дома Шульца до дома гр<афини> Толстой включительно; но разыскания мои в городском архиве показали, что в 1850 г. дом П. Ковалевского и С. Депп принадлежал М. Ковалевской, а дом гр<афини> Толстой — Хорвату. Следовательно, все показания о том, что дом Трощинского был иной, а не Е. И. Шульца, должны быть отвергнуты[18].

Встречается еще указание[19], что Гоголь в Одессе жил также у кн<язей> Репниных, перебравшись будто бы туда от Трощинского. Кн<язей> Репниных находилось в то время в Одессе две семьи: Вдова кн<язя> Н. Гр. Репнина (Волконского), кн<ягиня> Варвара Алексеевна (урожденная гр<афиня> Разумовская), с дочерью княжн<ой> Варварой Николаевной, и сын кн<язя> Н. Гр. Репнина молодой князь Василий Николаевич с женою Елисаветой Петровною (урожденной Балабиной) и с детьми; жили эти родственные семьи однако не вместе. (Где жили эти две семьи? Кн<ягиня> В. А. Репнина жила на Садовой ул<ице>, в своем доме, бывшем Шостака; об этом хорошо помнят Г. Г. Маразли, бывавший у кн<ягини> Репниной, и Н. И. Ленц. Дом этот, почти без перестроек, перешел потом к Бальшу[20], далее к С. А. Бродскому, и тогда здесь последовательно были: гостиница Алексеева и, очень долго, Благородное Собрание; теперь здесь выстроилось большое здание почты. Усадьба кн<ягини> Репниной занимала, впрочем, и то место, где теперь дом Демидовой кн<ягини> Сан Донато, но здесь тогда был сад, а также и по другую сторону, где ныне дом Еранцевой. В доме кн<ягини> Репниной, в той части его, которая находилась с левой стороны, если стать против него, и которая делала как бы выступ к улице, была у кн<ягини> Репниной домашняя церковь; священником был известный одесситам о. Михаил Диевский (сообщено Н. И. Ленцом), а псаломщиком о. Карчевский[21]... По продаже дома кн<ягинею> Репниною церковь перешла в дом гр<афа> М. Д. Толстого (на углу Преображенской и Софиевской ул<иц>), где оставалась очень долго; теперь она закрыта. Но относительно местопребывания кн<ягини> Репниной в Одессе в это время есть и иные показания; так о. Карчевский писал в 1899 г. Л. С. Мацеевичу, что дом, где жила кн<ягиня> Репнина и где была ее церковь, находился у Сабанеева моста и принадлежал гр<афу> Мощинскому. В списке одесских домов в 1851 году такого дома не имеется и Г. Г. Маразли, знавший гр<афа> Мощинского, не помнит даже, чтобы у него был в Одессе дом. Не желал ли о. Карчевский сказать, что дом принадлежал гр<афу> Млодецкому? У него действительно был дом на углу Надеждинской улицы и Сабанеевского проезда, перешед-

ший к г. Штейнбергу, затем к г-же Цион (жене известного физиолога и публициста <И. Ф. Циона>), а ныне к г. фон Деши. Кн<язь> В. Н. Репнин жил на углу Херсонской и Торговой ул<иц>, вблизи нынешнего здания Университета, в д<оме> <Т. Д.> Кандыбы (ныне Агаркова); это хорошо помнит Н. И. Ленц, нередко бывавший у жившего с кн<язем> Репниным А. И. Павловского <...>. Правда, у кн<язя> Репнина в то время был и собственный дом в Одессе — на Екатерининской площади (последовательно принадлежал Мичри, Катакази, Анушу, а теперь д<ом> Монисова и Блюгермана), и Стурдза выражается так, как будто бы кн<язь> Репнин жил в собственном доме, но даже на моей памяти здесь был очень плохой дом, где кн<язю> Репнину трудно было бы помещаться. Н. О. Лернер говорит, что кн<язь> Репнин жил на Херсонской ул<ице> в собственном доме, ссылаясь на Н. И. Ленца. Не принадлежал ли дом Кандыбы раньше кн<язю> Репнину? <...>

Я имел случай говорить с кн<ягиней> А. И. Гагариной-Стурдза, урожденной Млодецкой, и узнал от нее, что кн<ягиня> В. А. Репнина действительно жила сперва в доме Млодецких, у Сабанеева моста, где была и церковь; позднее же кн<ягиня> Репнина приобрела дом Шостака[22], куда и переехала на жительство. Кажется, это было незадолго до приезда Гоголя, которого кн<ягиня> Гагарина-Стурдза видела, впрочем, у кн<ягини> Репниной уже на Садовой улице.)

Гоголь, как видно будет далее, часто бывал в обоих семействах <Репниных-Волконских>, и княжна В. Н. Репнина прямо говорит, что она не знает, где тогда жил Гоголь, но что у брата ее была для него особая комната для занятий. То же сообщает и Стурдза: "Даже в доме кн<язя> Репнина отвели для Гоголя особую комнату, где он занимался делами"[23]. Очевидно, многие одесситы, не близко знавшие Гоголя, и полагали, что он жил у кн<язя> Репнина.

О помещении Гоголя в доме Трощинского Тройницкий сообщает[24] следующие сведения: Гоголь жил во флигеле дома[25], в двух комнатах...»[26]

В 1902–1903 гг. князь Н. В. Репнин-Волконский сообщал А. И. Маркевичу: «Потом[27] видел я Гоголя <...> в Одессе в 1850–1851 г. Я пользовался особым его расположением и он неизменно всякий раз, как меня видел, всегда приветствовал словами: "а, здравствуй, тезка".

Кн<ягиня> В. Ал. Репнина, переехавши из м. Яготина в Одессу, поселилась сперва в доме Младецкого, у самого Сабанеева моста, с правой стороны и перед ним, если идти от Надеждинской ул<ицы> к Екатерининской площади; прожила она в этом доме год или два, а потом купила дом на Садовой ул<ице> от Бальша[28]. Мне было в это время 16 лет и я живо помню толстого Бальша, сын которого с 1851 г. был моим товарищем по юридическому отделению Ришельевского лицея. Дом был куплен у Бальша с массою ценной мебели, из которой часть и теперь находится у меня. Бабушка прожила в этом доме до 1853 г.[29] Когда во время бомбардировки Одессы одна бомба пробила крышу над ее гостинной, то она переехала на Молдаванку, а оттуда совсем уехала в Яготин. Кому продала она дом не помню, так как еще летом 1852 г. я переехал в Петербург.

Кн<язь> В. Н. Репнин с семейством 4 года, с октября 1848 г. до лета 1852 г., жил в Одессе, на углу Херсонской и Торговой улиц в доме Кандыбы[30], а летом у Малаго Фонтана на даче Цицания[31]. В доме Кандыбы в бельэтаже особая комната, с окнами во двор и входом прямо с верхней площадки парадной лестницы, была отведена в распоряжение Гоголя. Приходил он работать обыкновенно около 3-х часов пополудни, и всем в доме было приказано проходить без шума мимо дверей этой комнаты. Здесь он писал вторую часть "Мертвых душ"[32]. В своем доме на Екатерининской ул<ице> отец мой никогда не жил»[33].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в пересказе Аф. Вас. Марковича (1856–1859): «Из встречи с Гоголем в Одессе К<няжна> сообщает пока немного. На замечание ее, что хорошо бы было особое церковное служение во время бури на море, о тех, которые плывут, он сказал: "Это за нас делают Святые; они прибрежные люди, а мы плывем". А вот анекдот Гоголя в комическом роде. Какой-то господин, говорил Гоголь, выезжавши, отдал любимую собаку на попечение слуге. Возвратясь домой, он узнает, что собака издохла. Как же это случилось, спрашивает он у слуги. Человек отвечал: Воны ходыли, ходылы, силы на балкон, та и здохлы»[34].

По свидетельству Репниной-Волконской в 1890 г., во время пребывания Гоголя в Одессе она дала ему прочесть отчет о своих впечатлениях от первого тома «Мертвых душ», который она чита-

ла во время приезда Гоголя в Яготин в мае 1848 г., на что тот заметил: «Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своем мнении»[35].

Вскоре по приезде Гоголя в Одессу в доме князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских по желанию писателя устраиваются вечера с пением украинских песен — в роде тех, что начались ранее, в январе того же года[36], в Москве в доме Аксаковых.

В. Н. Репнина-Волконская вспоминала: «В Одессе, где Гоголь прожил довольно времени, он почти ежедневно бывал у моего брата[37], который отвел ему особенную комнату с высокой конторкой, чтобы ему можно было писать стоя; а жил он не знаю где. У моего брата жили молодые люди малороссияне[38], занимавшиеся воспитанием его младших сыновей[39]. Жена моего брата[40] была хорошая музыкантша; Гоголь просил ее аккомпанировать хору всей этой молодежи на фортепиано, и они под руководством Гоголя пели украинские песни»[41].

В 1902–1903 гг. сын В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских, князь Н. В. Репнин-Волконский, в письме к А. И. Маркевичу уточнял: «Молодые люди жившие у нас в доме были: оканчивающий курс (в лицее) Аркадий Ильич Павловский, родственник профессора протоиерея Михаила Павловского, и Александр Осипович Животовский; они, вместе с Александром Федоровичем Бодровым, давали уроки моим меньшим братьям Петру и Василию; я же с осени 1848 г. уже был гимназистом, а в августе 1851 г. поступил студентом в Ришельевский лицей»[42].

В 1892–1897 гг. В. И. Шенрок, со слов В. Н. Репниной-Волконской (ум. в 1891), также сообщал: «...Еще за год до кончины, когда он страшно состарился душевно, достаточно было ему услышать звуки родных мелодий, чтобы все в нем встрепенулось и ярко вспыхнула едва тлеющая искра воодушевления. Кн<яжна> Репнина рассказывала нам, как Гоголь во время своей жизни в Одессе в доме ее отца приобрел себе этим поэтическим энтузиазмом общую любовь, не исключая даже прислуги и дворни, которая восхищалась, во-первых, тем, что "сочинитель" молится совсем как простой человек, кладет земные поклоны и, вставая, сильно встряхивает волосами (Гоголь обыкновенно становился за печкой домовой церкви Репниных, но его оттуда все-таки видели), и во-вторых, что он любит петь и слушать простые песни. (Для той цели Гоголь любил собирать детей и молодых людей и аккомпанировал им. Он вообще любил хорошую вокальную и инструментальную музыку. <...>). <...> Совершенно нелепо было бы также представлять себе Гоголя в последние годы исключительно мрачным, суровым аскетом. А. С. Данилевский, а также В. Н. Репнина, рассказывали нам, что даже в последний год жизни он иногда очень оживлялся, бывал весел, шутил. В Одессе у Репниных (за год до смерти; из Одессы он уехал в марте 1851 года) он с увлечением пел и слушал малороссийские песни. Смерть Гоголя было совершенною неожиданностью и для своих, и <для> Данилевского и кн<яжны> Репниной. О так называемом "умственном расстройстве" не может быть и речи. <...> В. Н. Репнина горячо защищала память Гоголя от каких бы то ни было нареканий, настаивала на том, что все, что казалось в нем странным, заслуживало в сущности глубочайшего уважения и что он был только отчасти грустен в последние годы»[43].

[1] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[2] См. ***1851. Марта 28. Среда. Одесса.***

[3] См. ***1850. Октября 28. Суббота. Одесса***; ***1851. Апреля 8. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Кагорлык.***

[4] «Кн<язь> Д. И. Гагарин был в то время инспектором Одесского центрального карантина» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 47). Князь Дмитрий Иванович Гагарин (1797–1875), полковник, инспектор карантинного округа, впоследствии генерал-майор и керченский градоначальник. Двоюродный брат (по матери, рожд. Балабиной, Елизавете Ивановне) княгини Е. П. Репниной-Волконской (рожд. Балабиной).

[5] Княгиня Софья Петровна Гагарина (рожд. Ивашкина). – См. ***1852. Февраля 2. Суббота. Праздник Сретения Господня. Москва.***

[6] См. ***1851. Декабря 9. Воскресенье. Сварково.***

[7] См. ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса.***

[8] См. ***1851. Февраля конец. Одесса.***

[9] См. ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса***; ***1852. Марта 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена*** (примечания).

[10] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[11] См. ***1850. Февраля 11. Суббота. Москва***; ***1850. Февраля 11–12. Суббота-воскресенье. Москва.***

[12] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (примечания).

[13] «Время выезда Гоголя из Одессы указано в дневнике той же особы <Е. А. Хитрово> – 27 марта <см. ***1851. Марта 27. Вторник. Одесса***; ***1851. Марта 28. Среда. Одесса***>, что подтверждается следующими соображениями. Последнее датированное письмо Гоголя из Одессы помечено 21 марта (Письма, IV, 378), причем Гоголь сообщает, что он предполагает к Страстной быть уже в Кагарлыке (имении Трощинских); Страстная же неделя в 1851 г. была 1–7 апреля. С другой стороны, письмо Плетнева к Гоголю, написанное 23 марта в Петербурге, уже не застало его в Одессе; отсюда оно было послано в деревню Гоголю довольно поздно и он ответил на него 6 мая (ibid., 382)» (примеч. А. И. Маркевича).

[14] Хитрово.

[15] «Бывший профессор Одесской семинарии Л. С. Мацеевич показывал мне в августе 1899 г. письмо к нему протоиерея г. Николаева, о. Карчевского, еще живого, бывшего псаломщиком при церкви кн<ягини> В. А. Репниной <...>, с воспоминаниями о Гоголе. У Л. С. Мацеевича есть и еще кое-какие матерьялы для биографии Гоголя, которые, конечно, желательно было бы видеть скорее опубликованными» (примеч. А. И. Маркевича).

[16] «См. статью Н. О. Лернера в Русск<ой> Стар<ине> 1902 г. <1901> № 11, стр. 325, будто бы со слов А. Л. Деменитру <...>» (примеч. А. И. Маркевича). См. ***1850. Декабря 5. Вторник. Одесса.***

[17] «Это говорит Н. Г. Тройницкий <см. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса***>, а также Н. О. Лернер в более ранней статье в Одесск<ом> Листке 1900 г. № 52 – со ссылкою на слова Одесского старожила Н. И. Ленца, который, однако, мне этой ссылки не подтвердил» (примеч. А. И. Маркевича). См. также ***1850. Декабря 5. Вторник. Одесса.***

[18] «Относительно приводимого г. Лернером показания г. Деменитру я еще буду говорить, здесь же замечу только, что все три дома: Шульца, Ковалевского и Депп и гр<афини> Толстой, находятся в одном квартале и очень близко один от другого, так что ошибка в показании о местожительстве Гоголя, сделанная 30–50 лет спустя, довольно простительна.

Еще одно показание о местожительстве Гоголя в Одессе сообщил мне М. Г. Зусман, со слов учителя своего Э. Ф. Вобста, величайшего почитателя Гоголя; Вобст же в то время был студентом II курса Ришельевского Лицея. По словам Вобста, Гоголь жил в так наз<ываемом> Чудном доме, на углу Преображенской и Елисаветинской улиц, ныне принадлежащем г. Санцу и уже перестроенном» (примеч. А. И. Маркевича).

[19] «Матерьялы IV, 817» (примеч. А. И. Маркевича). Имеется в виду следующее замечание В. И. Шенрока: «В Одессе Гоголь имел одно время в полном распоряжении дом отсутствующего дяди А. А. Трощинского, а потом переселился к Репниным, не переставая упорно работать над продолжением своего труда, а часы отдыха уделяя беседе с домашними или иногда принимая участие в составлявшемся для него хоре малороссийских песен» (*Шенрок.* Т. 4. С. 819).

[20] На самом деле дом был приобретен Репниной-Волконской у Бальша (см. ниже свидетельство князя Н. В. Репнина Волконского).

[21] См. ***1851. Февраля 19. Понедельник – 25. Воскресенье. Одесса.***

[22] Дом Бальша (см. примеч. выше).

[23] См. ***1851. Октября 26. Четверг. Одесса.***

[24] См. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса.***

[25] «По сообщению г. Деменитру <см. ***1851. Декабря 5. Вторник. Одесса***> – во 2-м этаже, который существует и теперь, направо от ворот; заметим пока, что флигель этот задней стороной вплотную примыкает к флигелю дома П. Ковалевского и С. Депп» (примеч. А. И. Маркевича).

[26] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 780–782.

[27] Ср. ***1848. Мая между 25 и 29. Яготин Пирятинского уезда Полтавской губернии.***

[28] «В моей статье ошибочно сказано (стр. 18, примеч. 4), что дом от кн<ягини> Репниной *перешел* к Бальшу» (примеч. А. И. Маркевича). См. примеч. выше.

[29] «Вероятно, до 1854 г., так как в этом году была бомбардировка Одессы» (примеч. А. И. Маркевича).

[30] «Н. И. Ленц говорит, что дом Кандыбы был на углу Херсонской и Конной ул<иц>, теперь это дом Шретера» (примеч. А. И. Маркевича).

[31] «Раньше принадлежала бар<ону> <О. И.> Рено, а после Цициния; затем перешла к Новосельскому, а от него к Бухарину; теперь разбилась на части и главная принадлежит генер<алу> Бекману» (примеч. А. И. Маркевича).

[32] См. также ***1851. Марта до 27. Одесса.***

[33] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 786.

[34] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 97.

[35] См. ***1848. Мая между 25 и 29. Яготин.***

[36] См. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва.***

[37] Князь В. Н. Репнин-Волконский.

[38] А. О. Животовский и А. И. Павловский.

[39] «У кн<язя> В. Н. Репнина к 1854 г. (см. Росс<ийская> Родосл<овная> книга, изд. кн<язем> П. Долгоруким, ч. I. Спб. 1854 г., стр. 274) было, кроме старшего сына Николая, еще два сына: Петр и NN <Василий> и дочь Варвара. Одним из этих молодых людей был, вероятно, Арк. Ил. Павловский <...>, другим какой-то Животовский (сообщено Н. И. Ленцом)» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 31).

[40] Княгиня Е. П. Репнина-Волконская (рожд. Балабина).

[41] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 100–101.

[42] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 787.

[43] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 105, 110.

ОКТЯБРЯ 26. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

Гоголь обедает у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

В этот день Е. А. Хитрово пометила в своем дневнике: «Обедал»[1].

Возможно, в тот же день, 26 октября 1850 г., Гоголь встретился с А. С. Стурдзой, после чего, вечером, написал ответное[2] письмо к А. О. Смирновой в Калугу:

«Приехавши в Одессу, сию же минуту, не откладывая дела в долгий ящик, пишу к вам. Ваше письмо получил еще в Малороссии, перед самым моим выездом[3]. <...> Вы правы насчет моих распоряжений по части денежных пособ<ий> и выезда. Точно, я плохо распорядился. Такая находит лень по этой части, что просто не могу с собой сладить, хоть и силюсь давать себе шпоры и понукан<ья>. Может быть, придется остаться в Одессе и всю зиму, хоть и страшат меня здешние ветры, которые, говорят, зимой невыносимо суровы, но сила моря [была всегда спасительна для меня] была так полезна моим нервам. Авось-либо и Черное море хоть сколько-нибудь будет похоже на Средиземное. Что бы вам прожить зиму в Одессе! Мы бы опять тряхнули стариной, вспомня Ниццу[4] и всякие приятные встречи, после долгих скитаний. Беда только, что время становится позднее и дороги гадки. Я успел уже видеть Стурдзу, хоть и на весьма короткое время. У него кучи новостей о Востоке и обо всем, для нас интересном, но выслушиванье я отложил до другого врем<ени>, желая поскорей вам нацарапать несколько строк».

Осенью 1852 г. Стурдза вспоминал: «После <...> письма[5] Гоголь прибыл в Одессу[6], и, как нарочно, умеренная зима ласково встретила и покоила невзыскательного любителя тишины, нешумных бесед и уединенных кабинетных занятий. Сколько ни старались тогда заманить его в круг так называемого большого света, — он вежливо уклонялся, сколько мог, от самых лестных приглашений, довольствуясь прогулками и частым посещением весьма немногих, в том числе и меня. Истощался ли дружеский разговор, Гоголь охотно принимался за чтение вслух и читал, как говорил, т. е. с приятною важностию. Когда я бывал у него, он с удовольствием уверял меня, что умственная работа подвигается у него вперед и услаждает для него часы уединения. Даже в доме князя Р<епнина> отвели для Гоголя особую комнату, где он занимался делом, а потом выходил в гостиную и там отдыхал в дружественном собеседовании. Во все воскресные и праздничные дни можно было встретить Гоголя в церкви, в толпе молящихся. <...>

Гоголь говорил со мною о Жуковском с чувствами неизгладимой благодарности[7], хвалясь между прочим тем, что великий наш поэт, при взаимных встречах в Германии, сообщал ему свои неизданные творения[8], следовательно дорожил мнением его»[9].

Из воспоминаний Н. В. Неводчикова (1859): «...В Одессу Гоголь приехал <...> в конце октября. Приехав, он не замедлил посетить Александра Скарлатовича[10]. Тот, торопясь кончить какое-то

дело, поручил мне встретить и занять жданного гостя. Николай Васильевич узнал меня и заговорил со мною, как со знакомым. Он жаловался на ужасно дурную дорогу, какую нашел под Одессой. По его выражению, его коляска почти тонула в грязи и в воде. Не помню хорошенько, как, только разговор у нас зашел о человеке, готовом потеряться. "Дайте ему хоть малейшую точку опоры, да протяните ему руку, и он поднимется", — сказал Гоголь.

После этого, чуть ли не на другой день, я уехал в Екатеринославль. Александр Скарлатович переписывался со мною; в одном из своих писем <в ноябре-декабре 1850 г.> он мимоходом заметил: "Гоголь прилежно занимается греческою библией и, спасибо ему, — частит к нам"»[11].

[1] Гоголь в Одессе. 1850–1851. <*Дневник Е. А. Хитрово*> // *Свод*. Т. 3. С. 741.

[2] См. ***1850. Сентября 11. Понедельник. Калуга***.

[3] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка***.

[4] См. ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***.

[5] См. ***1850. Сентября 15. Пятница. Васильевка***.

[6] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса***.

[7] См., в частности: ***1839. Февраля 23 <11>. Суббота. Рим***.

[8] См., в частности: ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Сентября 21 <9> — 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[9] *Стурдза А. С.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод*. Т. 3. С. 632, 631.

[10] Стурдза.

[11] *Преосвященный Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский*. Воспоминание о Н. В. Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 636; Из писем А. С. Стурдзы // *Свод*. Т. 3. С. 633.

ОКТЯБРЯ 27. ПЯТНИЦА. МОСКВА

О. М. Бодянский и граф С. Г. Строганов в разговоре о Гоголе сходятся во мнении о его самолюбии.

См. ***1847. Января средина <января конец>. Москва*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 28. СУББОТА. ОДЕССА

В газете «Одесский Вестник» напечатано сообщение о прибытии Гоголя в Одессу и о его намерении остаться здесь на зиму[1].

В этот день Гоголь отправил письмо к матери в Кагорлык, с вложением писем к А. А. и Д. А. Трощинским (письма к Трощинским не сохранились).

Из письма к матери: «С большим трудом добрался я или, лучше сказать, доплыл до Одессы. Проливной дождь сопровождал меня всю дорогу. <...> Ровно неделю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшие дверцы коляски, а другой расстегиваемый ветром плащ, и в это время убедился еще более в том, что нужно держаться раз принятого правила: выезжать до 15 октября, а с 15-го сидеть на месте и не отваживаться в дорогу. С 15 октября решительно все дни *критические*. Если и покажется несколько теплых дней, то они уже не в состоянии поправить раз испортившую<-ся> дорогу. Еще не могу вам сказать ничего решительно относительно отъезда [то есть еду ли я или нет за границу]. Из Константинополя пришедшие вести, что там не так спокойно, заставля<ют> меня призадуматься, ехать ли в этом году. С другой стороны, оставаться в Одессе тоже не весьма заманчиво для моего некрепкого здоровья. Климат здешний, как я вижу, суров и с непривычки кажется суровей московского. Я же, в уверенности, что еду в жаркий климат, оставил свою шубу в Москве. Но, положим, от внешнего холода можно защититься, как защититься от того, который в

здешних продувных домах? Боюсь этого потому, что это имеет большое влиянье на мои занятия. Вообще в этом году я весьма поздно распорядился со всеми моими делами, и причиною этому лень, одолевшая мною в Малороссии. Нечувствительно я выучился откладывать до завтрашнего дня, чего у меня прежде никогда не было. Это самая скверная и губительная привычка. Замечанье это для сестер, которые, пока молоды, еще не могут чувствовать всю ее гадость. Особенно не нужно отлагать исправленья себя в чем-либо уже замеченном, но нужно начинать его с сегодняшнего дня, а не с завтрашнего. Человек нечувствительно с летами набирает столько гадостей, что сам не ловит себя заблаговременно на всех мелочах. Можно сделаться нечувствительно из доброго несносным для всех. Уведомьте меня, говорили ли вы Юркевичу[2] за лес, который возле Черныша[3], пришло ли разрешенье продавать его? Хорошо бы воспользоваться перевозкой в то время, когда дороги еще хороши. Прощайте. Прилагаю при сем два письмеца — к Андрею Андреевичу и Дмитрию Анд<реевичу>. Передайте поклон мой отцу Антону[4], Ивану Григор<ьевичу> Крикуневичу[5] и Немченко»[6].

В тот же день, 28 октября 1850 г., Гоголь обедал у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Е. А. Хитрово пометила в своем дневнике: «*28 <октября>*. Обедал и читал о Б. и Б. в "Одесском Вестнике" сладкозвучным голосом и с протягиваньем чисто русским, не искаженным иностранным выговором (vierge de tout mélange[7]): просты́, строги́, прину́жденно, прину́жденность, Ателло[8], роля́ми»[9].

[1] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***
[2] Лицо неустановленное.
[3] Василий Иванович.
[4] Вероятно, васильевский священник.
[5] Лицо неустановленное.
[6] Аким или Яким Нимченко, бывший слуга Гоголя.
[7] Чистый от любой примеси (*фр.*).
[8] «Вместо: Отелло» (примеч. В. И. Шенрока).
[9] Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово>* // *Свод.* Т. 3. С. 741.

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОДЕССА

Протоиерей М. К. Павловский отправляет Гоголю икону святителя Николая Мирликийского, с сопроводительной запиской:

«С душевным утешением спешу послать Вам святую икону. Святая икона останется в Вашем жилище, а Святитель и Чудотворец Николай, Вам тезоименитый, да пребудет, Своею помощью и покровом, с Вами — всегда, ныне и присно! А *правило Веры и образ Кротости* (как поет Святая, Православная Церковь наша Святителю Николаю), — *правило Веры и образ Кротости* да будет, в глубине души Вашей, — всегда, а наипаче — в те, драгоценные, минуты, когда в руке Вашей будет перо Ваше! — Это мое благословенье Вам, — об этом будет и молитва о Вас, душею преданного Вам и чтущего Вас, слуги и Богомольца Протоиерея Михаила Павловскаго».

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Бывший декабрист И. А. Фонвизин пишет Гоголю ответное[1] письмо в Одессу.

В письме слышны «катехизаторские»[2] нотки: «Много благодарю вас <...> за весточку из Полтавы и за возвращение книги, которую могли бы далее удержать у себя. По письму вашему надписываю свое в г. Одессу, из которой желаю скорого возвращения вашего сюда. Желаю этого для

себя (эгоистически), а для вас — того, что может послужить вам к лучшему совершению пути, вами избранного. Ваши слова: *"тем теснее должны быть узы остающихся"*, напомнили мне то, что я писал, вскоре по кончине покойного друга нашего Надежды Николаевны[3], к зятю покойной, Ивану Дмитриевичу Якушкину. Я ему сказал, между прочим, что *"любовь отшедших в вечность к оставшимся здесь общим друзьям их должна теснее связывать последних между собою"*. Мы оба в разное время писали под влиянием одной занимавшей нас мысли. Итак, почтенный друг, будем, с помощию Господа, стараться теснее связывать эти узы молитвою».

В то же время Фонвизин обращается к Гоголю с просьбой как к единомышленнику: «Письмо это поручил я вам доставить родному племяннику моему Дмитрию Михайловичу Фонвизину[4], больному и телом и духом, телесный недуг его должно приписать преждевременному, а по тому самому уже вредному употреблению собственной воли; болезнь же духа происходит от обольщения нынешних лжефилософских систем последователей германского мыслителя Гегеля, как-то: Фейербаха и прочих, увлекающих молодежь и дающих большой простор страстям человеческим. Мне крайне жаль его, ибо не знаю, найдется ли в кругу знакомых его человек, который мог бы благодетельно подействовать на него и показать ему страшную бездну, на краю которой он беспечно ходит. Если Господь позволит вам пробыть некоторое время в г. Одессе... но нет! любовь вам более скажет, нежели что я могу сказать вам. <...> Подумав, я переменил намерение послать это письмо через племянника, который может отлучиться из г. Одессы; в этом случае вы бы письма моего не получили, почему и посылаю на ваше имя».

[1] См. ***1850. Августа около 20. Васильевка, Полтава, Васильевка.***
[2] См. ***1851. Июня между 5 и 25. Москва.***
[3] Шереметева (см. ***1850. Мая 11. Четверг. Москва***).
[4] Сын М. А. и Н. Д. Фонвизиных.

НОЯБРЯ 1. СРЕДА. ОДЕССА

Освящение здания основанной А. С. Стурдзой[1] Одесской богадельни сердобольных сестер[2].

[1] См. также ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).
[2] Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Исторический очерк. Одесса, 1900. С. 5. — Высочайшее соизволение на устройство Одесской богадельни было дано 22 января 1850 г. (Там же. С. 5).

НОЯБРЯ 6. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголь переехал на зиму в Одессу».

Свод. Т. 1. С. 700.

НОЯБРЯ 7. ВТОРНИК. ОДЕССА

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо к С. П. Шевыреву, с вложением письма к С. Т. Аксакову.

Из письма к Шевыреву: «Благодарю тебя много и много, бесценный друг, за твои заботы о моем племяннике[2]. Поблагодари также и Погодина. Он устроился в Казани, очень хорошо и, кажется, им

остались все довольны. Денег ему покуда еще не нужно. Да и лучше, если молодой человек будет знать заранее, что *всякая копейка алтынным* гвоздем прибита; он, точно, снабжен всем необходимым. Я теперь, как видишь, сижу в Одессе. Приехал сюда затем, чтобы отсюда двинуться в теплые края, но это, кажется, не состоится по неименью еще пашпорта. Я поленился хлопотать о нем пораньше. Получить его могу или в конце декабря, или в начале генваря, стало быть, выезжать поздно. Весной же мне нужно быть [в России] в Москве и в Петербурге. Боюсь и суровости зимы, которая далась мне знать в прошлом году, боюсь и разлучаться с друзьями и близкими. Здешняя зима по забранным сведениям мало чем лучше московской, так что если бы не страшили меня совершенно испортившие<ся> дороги и невыгода зимнего пути, совершенно невыносимого для моего бренного тела, я бы потащился снова в Москву обнять сызнова вас всех и тебя в особенности. Насчет печатанья сочин<ений>: напиши мне, что стоит бумага, на которой печатается "Москвитянин". И можно ли ее заготовить достаточно на 2-е издание моих сочинений. Я бы желал листы ее перегнуть в 12-ю долю. Они велики, и двенадцатая доля будет почти равняться прежней осьмушке. Мне бы хотелось, чтоб изданье продава<лось> дешевле: за 5 томов пять, шесть целковых, не больше. Нужно необходимо, чтобы к выходу II-го тома "М<ертвых> д<уш>" подоспело изданье сочинений, которых, вероятно, потребуется тогда вдруг много. Уведоми меня также, что возьмут типографщики за лист смирдинского издания русских писателей[3], которое тоже в двенадцатую долю и которых рамка страниц такая, как потребна моим сочинениям. С той только разницей, что мне хотелось бы пустить поля вокруг пошире, и потому бумагу форматом побольше. Живу я в Одессе покуда слава Богу. Общество у меня весьма приятное: добрейший Стурдза, с которым вижусь довольно часто, семейство кн. Репниных, тебе тоже знакомое. Из здешних профес<оров> Павловский[4], преподаватель богословия, и философии — Михневич[5], Мурзакевич[6], потом несколько добрых товарищей еще по Нежинскому лицею[7]. Словом, со стороны приятного препровождения грех пожаловаться. Дай Бог только, чтобы не подгадило здоровье. Поместился я тоже таким образом, что мне покойно и никто не может мне мешать, в доме родственника моего, которого, впрочем, самого в Одессе нет, так что мне даже очень просторно и подчас весьма [даже весьма] пустынно. Уведоми о себе, о добрейшей Софье Борисовне, о детках и, словом, обо всем, что до вас относится. Я уже давно не имею вестей из Москвы. Да, есть ли у тебя экземпляр[8], чтобы отдать в цензуру, и какому цензору? Я думаю, лучше Лешкову[9]. Им Погодин был всегда доволен. Если же какие-нибудь вздумает цензор изменения противу первого издания, в таком случае лучше в Петербург. Нужно просить Плетнева. Приложенное при сем письмецо, пожалуста, пошли Аксакову. Не позабудь слова два написать о погоде: когда в Москве началась зима и выпал первый снег. Здесь его выпало во множестве третьего дни, и с одного разу сделалась санная дорога: диво, доселе, говорят, невиданное. Вообще климат Одессы я нахожу мало чем лучше московского. <...> Адрес: в Одессу, в дом генерал-майора Трощинского»[10].

Из письма к Аксакову: «Уведомляю вас, бесценный друг Сергей Тимофеевич, что я в Одессе и, может быть, останусь здесь всю зиму, хоть, признаюсь, здешняя зима мало чем лучше московской. Но нечего делать: с пашпортом я опоздал. А отсюда подыматься на север тоже поздно. Видел я Казначеева[11], который мне показался весьма добрым человеком. Часто видаюсь со Стурдзой, с кн. Репниными, Титовыми[12] и со многими старыми товарищами по школе; но чувствую, что вас недостает. Пожалуста, уведомьте меня о себе, о всех ваших и о всем, что до вас относится, о сем прошу и Конст<антина> Сергеевича[13]. Продолжаете ли записки[14]? Смотрите, чтобы нам, как увидимся, было не стыдно друг перед другом и было бы что прочесть. Константину и Ивану Сергеевичам также.

Пишите: В Одессу. В доме генерал-майора Трощинского. <...> Душевный поклон Ольге Семеновне, Вере Сергеевне[15] и всему дому!»[16]

Прочитав письмо Гоголя к отцу, В. С. Аксакова 21 ноября 1850 г. сообщала из Москвы брату Ивану: «Гоголь остался в Одессе на зиму — опоздал с паспортом. По письму видно, что он пишет, а здесь уже носится слух, что он писал цензору о своем сочинении»[17].

В 1909 г. в «Одесском Листке» были напечатаны воспоминания одного из одесситов, В. А. Иванова: «В заседании таврической ученой комиссии товарищ председателя В. А. Иванов поделился с собранием своими воспоминаниями о том, как он лично видел Н. В. Гоголя.

"Я имел счастье видеть Гоголя лично в 1850 году, когда мне было лет 14. Я тогда обучался в одесском духовном училище, знал уже имя Гоголя и читал его «Вечера на хуторе близ Диканьки» и другие его произведения, которые были в библиотеке моего отца.

Кто-то осенью 1850 года сказал мне, что Гоголь в Одессе и пробудет довольно долго; вероятно, сообщил мне это Н. В. Неводчиков, впоследствии епископ туркестанский Неофит, который был тогда домашним учителем у князя Александра Скарлатовича Стурдзы.

Узнав, что Гоголь знаком с князем Стурдзой и часто бывает у него в доме против нынешнего Екатерининского сквера. Я отправился однажды (не помню, может мне и время было указано) к этому дому и стал ждать выхода из него Гоголя.

Действительно, я дождался и увидел выходящего молодого еще человека, бледного, болезненного, в длинном сюртуке и в шапке с очень длинным козырьком. Помню, что меня тогда поразили три предмета: длинный сюртук Гоголя, длинный козырек его шапки и длинный нос его.

Перебежав через улицу, я пошел навстречу Гоголю, еще раз увидел его — и образ его навсегда запечатлелся в моей памяти. Счастливый, что увидел знаменитого русского писателя, я радостно побежал домой"»[18].

Н. Г. Тройницкий вспоминал: «И в другое свое пребывание в Одессе — в 1850–1851 гг. — Гоголь также раз навестил меня. Я жил уже здесь на Новой улице. Гоголь пил у меня чай, но помню, все никак не мог допить стакана: то крепким находил чай, то слабым; просил то надлить, то подлить, нельзя было попасть на его вкус; так и не допил он стакана. Видно — он был не совсем здоров. Мы вели с ним все литературные разговоры — и здесь он был в своей тарелке. "Что нового теперь в литературе?" — спрашивал он. Тогда я выписывал "Современник", и в нем помещался роман Станицкого: "Три страны света"[19]. "Вот, — говорю я, — роман Станицкого печатается". "Это интересно для меня, — сказал он. — Я тоже, можно сказать, некоторым образом пишу романы". И он взял книжку и стал перелистывать. Мимоходом я опять спросил у него: "Наверное, Николай Васильевич, теперь вы уже совсем кончили «Мертвые души»"? "Да, конечно, кончил (хорошо помню эти его слова: «да, конечно, кончил»), но только, знаете, все еще необходимо сделать общий пересмотр всей рукописи и кое-что подправить"»[20].

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «Посещал Гоголь и в этот приезд Н. Гр. Тройницкого и Л. С. Пушкина, из коих первый жил в собственном доме на Новой улице[21], близ Троицкого монастыря, а второй на углу Греческой и Преображенской улиц[22]; бывали и они у Гоголя. <...> ...Вот что наверное в воспоминаниях Тройницкого относится к 1850–1851 г.: "Вообще Гоголю было привольнее в дружеском кружке, чем в большом обществе... Гоголь уже находился тогда под разъедающим настроением того мистицизма, из которого, по-видимому, он и сам не усматривал выхода"[23]. В окончании <...> <своего> стихотворения Тройницкий выражается так: "<...> Один удар резца / До вожделенного конца, / Тебе казалось, оставался. / И ты простился и расстался, / Расстался с нами навсегда..."[24]

По воспоминаниям Гр. А. Тройницкого, Гоголь бывал у отца его (брата Н. Г. Тройницкого) А. Г. Тройницкого[25] и даже обедал у него; но других сведений о пребывании Гоголя в Одессе Гр. А. Тройницкий сообщить мне не мог»[26].

Кроме того, Маркевич указывал, что к «кружку Стурдзы» принадлежал А. И. Казначеев, «одесский градоначальник, с которым Гоголь тогда познакомился»[27].

[1] См. ***1850. Августа 1. Вторник. Большие Вяземы.***

[2] Н. П. Трушковский.

[3] Имеется в виду предпринятое в конце 1840-х гг. А. Ф. Смирдиным «Полное собрание сочинений русских авторов», начиная с М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского. — См. также ***1850. Мая 12. Пятница. Москва.***

[4] Протоиерей М. К. Павловский.

[5] И. Г. Михневич.

[6] Н. Н. Мурзакевич.

[7] Вероятно, имеются в виду братья Орлаи, Александр и Андрей Ивановичи, сыновья И. С. Орлая.

[8] Подразумевается первое издание сочинений Гоголя в четырех томах (СПб., 1842).

[9] В. Н. Лешков (см. ***1850. Ноября после 7 – декабря начало. Одесса***).

[10] Ответ Шевырева см.: ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***.

[11] Александр Иванович Казначеев (1788–1880), градоначальник Одессы (с конца 1848 г.; см. ***1850. Октября конец – декабрь. Одесса***), сенатор (с 1854 г.), старый друг С. Т. Аксакова (см., в частности: ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим*** – примечания). 12 ноября 1860 г. О. Сем. Аксакова писала из Вены дочерам Ольге, Надежде и Софье: «Вчера у нас был к<нязь> Гагарин Александр <Алексей> Дмитрич, он родной племянник Владимира Иван<овича> <Гагарина, младшего сына князя И. Ал. Гагарина и Елизаветы Ивановны (рожд. Балабиной)>, мужа Катер<ины> Вас<ильевны> <рожд. Сабуровой>. Отец с семьей все жил в Одессе – знает и любит чрезвычайно Алекс<андра> Иван<овича> Казначеева, знаком очень с к<нязем> <В. Н.> Репниным-<Волконским>, Гоголя знает, он в Одессе бывал у них часто...» (*Аксакова В. С.* Дневники. Письма. (Славянофильский архив. Кн. II) / Сост., подгот. текстов, вступ. и сопровод. ст., коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб., 2013. С. 342).

[12] П. П. и Ю. М. Титовы.

[13] Сын С. Т. Аксакова.

[14] Подразумеваются «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

[15] Жена и дочь Аксакова.

[16] Ответ Аксакова см.: ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва***.

[17] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1848–1852 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 876.

[18] Наружность Гоголя // Одесский Листок. 1909. 26 мая. № 118; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 393.

[19] Роман Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой (псевдоним Н. Н. Станицкий) «Три страны света» печатался в «Современнике» в 1848 (№ 10–12) и в 1849 г. (№ 1–5): Три страны света. Роман в осьми частях. Н. А. Некрасова и Н. Н. Станицкого <А. Я. Панаевой> // Современник. 1848. № 10. С. 169–274; № 11. С. 39–148; № 12. С. 307–410; 1849. № 1. С. 165–275; № 2. С. 315–418; № 3. С. 107–230; № 4. С. 279–380; № 5. С. 73–172.

[20] *Мацеевич Л.* Одесские предания о Гоголе // Одесский Листок. 1909. 29 июля. № 172; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 396.

[21] «Теперь дом Августинович, на улице Маразли» (примеч. А. И. Маркевича).

[22] «Так у Лернера, – конечно, на основании показания А. Л. Деменитру; в другой редакции рассказа Деменитру <...> указано, что Пушкин жил во II этаже дома, ныне принадлежащего г. Мими, а сам г. Деменитру в I этаже этого дома» (примеч. А. И. Маркевича). – См. ***1851. Декабря 5. Вторник. Одесса***.

[23] См. ***1848. Мая с 1 по 7. Одесса.***

[24] См. там же.

[25] «Он был в то время членом Совета Одесского Института Благородных Девиц и редактором газеты "Одесский Вестник". Дом А. Г. Тройницкого находился на углу Нежинской и Дворянской ул<иц> и ныне принадлежит В. Н. Рашееву» (примеч. А. И. Маркевича).

[26] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод*. Т. 3. С. 782–783.

[27] Там же. Т. 3. С. 782.

НОЯБРЯ 7. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре[1]; в роли Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 404.

[2] *Гриц*. С. 459.

НОЯБРЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» перепечатано сообщение газеты «Одесский Вестник» от 24 октября 1850 г. о приезде Гоголя в Одессу.

См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса***.

НОЯБРЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Петербургский книготорговец И. Т. Лисенков отправляет в Одессу письмо к Гоголю, с вложением письма к одесским издателям Криворотовым[1]:

Гоголю Лисенков писал: «Из газет[2] видно, что Вы изволите иметь пребывание в Одессе. Позвольте иметь честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою: я петербургский книгопродавец Лисенков и прошу Вас покорнейше, не пожелаете ли Вы продать мне Ваши сочинения для напечатания, какие бы то ни были; у нас в книжной торговле почти ничего нет, публика ежедневно спрашивает Ваших сочинений, а у нас ничего нет, называет нас ленивцами и лежебоками, что ничего не печатаем Ваших произведений, а Бог знает, где Вас было можно найти, чтоб обратиться за Вашим дозволением напечатать.

Покорнейше прошу Вас дать ответ Ваш, что у Вас есть, чтоб напечатать, и сколько я Вам обязан заплатить, и немедленно желаемое получите от моих знакомых Криворотовых, к которым при сем прилагаю и письмо и им вручите Ваше дозволение мне для напечатания, а главное прошу Вас, не откажите в моей к Вам покорнейшей просьбе».

В письме к Криворотовым Лисенков сообщал: «Записку эту прилагаю при письме Н. В. Гоголя, известного писателя; я писал к нему, чтоб купить его сочинения для напечатания; у нас в торговле почти ничего нет его сочинений, а покупателей на него много, то позвольте вас попросить покорнейше, поворожите, чтоб продал мне оригинал для напечатания каких бы то ни было его сочинений; пусть он объявит вам цену, а я перешлю к вам тотчас деньги для уплаты ему, а вы получите рукопись от него, а то у нас совершенно нечего читать и нечем торговать. Надобно вам сказать о нем — он прескромный человек, и, может, скоро не добьетесь от него ответа, то нельзя ли вам его пригласить к себе на чай и поразговориться с ним по-домашнему»[3].

Получив послание Лисенкова, Гоголь 2 декабря 1850 г. писал П. А. Плетневу: «С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста, пошли человека в дом Пажеск<ого> корпуса сказать Лисенкову, который надоедает более других, что я буду сам в Петербурге».

[1] См. также ***1829. Июля между воскресеньем 21 и пятницей 26. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1850. Ноября 11. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***
[3] *Свод.* Т. 3. С. 740.

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ <АВГУСТА СРЕДИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. И. Иордану в Петербург:

«Что касается до Дмитриева, или этой старой француженки, обманувшей Дмитриева, и старающейся и вас запутать, я бы советовал нисколько не торопиться в действиях. Если бы она и захотела прикрыть бывшее бремя вами, то и тут надобно предохранить ваши трудовые деньги (от) ее нападения, а может быть еще и младенца никакого не было, и не будет. Если уже в самом деле вы выберетесь весной из Петербурга, то поезжайте в Москву[1] — там будет в это время Гоголь. Рихтер[2], без сомнения, рад будет вам дать угол своей квартиры на время, тут в последний раз хорошо бы вам подумать о подруге в остальной вашей жизни, — не пренебрегайте этим мнением. Рихтер вас в самом деле любит, только вы должны в самом деле отбросить вами созданное обращение с женщинами и девицами. Конечно, этому много причиной наша прошлая итальянская жизнь, где мы совершенно отрезаны были от всякого семейного порядочного общества».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 352–353.

[1] См. ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва.***

[2] Профессор архитектуры Федор Федорович Рихтер (1808–1868) был в то время директором Архитектурной школы при Московской Дворцовой конторе и встречался с Гоголем, в записной книжке 1842–1851 гг. которого сохранились записи: «Шевыреву о Рихтере. У Рихтера о школах архитектур<ы> и рисованья и юношах, годных в учители, о бедных, дающих уроки рисованья, о рисовальных школах и книгах, издан<ных> рисоваль<ными> школами»; «Рихтеру о Тоне и Ржевской цер<кви>» (см. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва***). После смерти Гоголя Рихтер сообщил о его кончине Иордану в Петербург (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***). См. также ***1850. Февраля средина. Москва.***

НОЯБРЯ 17. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 459.

НОЯБРЯ 18. СУББОТА. ОДЕССА

Гоголь обедает у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Из дневника Е. А. Хитрово: «*18 ноября.* Нахожу, что Гоголь стал лучше выговаривать. Впрочем, он все стихи читал.

Обедал Ильин[1]. Начнет хвалить какого-нибудь автора, превознесет до небес и обземь. Долго хвалил "Тяжбу" Тургенева[2], а потом кончил тем, что "конечно, без «Ревизора» эта пьеса не существовала бы". Прежде нежели он сказал это, Гоголь сказал: "Нельзя кому-нибудь ее прочесть?" Княгиня[3] подхватила: "Да вы сами". Князь туда же, Ильин тоже, я сперва потихоньку княгине, потом вслух: "Слишком много чести Тургеневу!" Гоголь на князевы слова было сказал: "Почему ж?", но потом отклонил: "Ведь я ленив; я бы лучше послушал!"»[4]

В 1902–1903 гг. князь Н. В. Репнин-Волконский в письме к А. И. Маркевичу сообщал: «Николай Петрович Ильин был приятель и завсегдатай семейства кн<язя> Дм. Ив. Гагарина, жившего в своем доме[5] за тогдашней биржей[6] и музеем древностей. Впоследствии <в 1857 г.> Н. П. Ильин уехал на Кавказ погостить к брату кн<язя> Дм. Ив. Гагарина — кутаисскому губернатору кн<язю> А. И. Гагарину, и в Кутаисе же был убит одновременно с ним[7]»[8].

[1] Николай Петрович Ильин (ум. в 1857). «Видный член одесского общества, в то время, кажется, нигде не служивший» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 34).

[2] Возможно, имеется в виду пьеса И. С. Тургенева «Безденежье», напечатанная в 1846 г. в № 10 «Отечественных Записок».

[3] «Княгиня Елисавета Петровна Репнина, ур<ожденная> Балабина. Упоминаемый далее князь — ее супруг князь Василий Николаевич» (примеч. П. И. Бартенева).

[4] Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово> // Свод.* Т. 3. С. 741.

[5] «Он и теперь принадлежит кн<язьям> Гагариным» (примеч. А. И. Маркевича в 1902 г.).

[6] «Ныне Городская дума» (примеч. А. И. Маркевича).

[7] «Кн<язем> <К.> Дадешкальяни» (примеч. А. И. Маркевича). — См. также ***1851. Января средина — февраля 18. Одесса; 1852. Февраля конец. Одесса.***

[8] *Маркевич А. И.* Воспоминания кн<язя> Н. В. Репнина о пребывании Гоголя в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 787.

НОЯБРЯ 21. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ОДЕССА

Гоголь у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Е. А. Хитрово записала в своем дневнике: «*21-го*. Он был. Опять княгиня хотела было принести книжку с Тургеневым, чтоб он читал вслух. "Зачем! Зачем!" — по-моему, с явным видом опасения. А та трудится все из-за того, чтоб торжествовать надо мною: я как-то с ее молодыми людьми спорила, что у Тургенева не истинный талант. А жаль, жаль, что забыла о празднике: не худо бы было сходить к обедне, хотя наружно, если не внутренно, почтить праздник»[1].

В этот же день, 21 ноября 1850 г., состоялось торжественное освящение богаделенной Воскресенской церкви при основанной А. С. Стурдзой общине сердобольных сестер; назначенный к церкви протоиерей Иосиф Гайдебуров произнес слово на открытие храма[2].

Позднее, 15 апреля 1851 г., архимандрит Порфирий (Успенский) писал Стурдзе из Иерусалима: «Известные вам поклонники вручили мне от лица вашего устав вновь учрежденной в Одессе больницы, в которую введены сестры милосердия, и отчет о ней. <...> Слава Богу, что ваша Одесса уподобилась нашему Сиону, соорудив свою Вифезду!»[3]

[1] Гоголь в Одессе. 1850–1851. <*Дневник Е. А. Хитрово*> // *Свод*. Т. 3. С. 741.

[2] Пятидесятилетие Стурдзовской общины сердобольных сестер в Одессе. Исторический очерк. Одесса, 1900. С. 6–7.

[3] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Издание Императорской Академии наук, исполненное под ред. П. В. Безобразова на завещанные Академии епископом Порфирием средства. СПБ., 1910. Т. 2. С. 369–370.

НОЯБРЯ 23. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

Гоголь обедает у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Из дневника Е. А. Хитрово: «*23-го*. Вопрос сделал князю и мне: "Кому честолюбие более свойственно, мужчине или женщине?" Князь: "Женщине". — Я: "Женщине". — Он <Гоголь>: "Почему бы это так?" — Я: "Да с женщины оковы сняли". — Он: "Так они и стали оковы накладывать". — Я: "Вы нам теперь разрешите этот вопрос". — Он: "Я оттого и спрашивал, что сам в недоумении".

Перед обедом я ему сказала: "Старая княгиня[1] замечательная женщина". Он: "Да, как твердо она выдержала свой характер в продолжение всей жизни"».

Гоголь в Одессе. 1850–1851. <*Дневник Е. А. Хитрово*> // *Свод*. Т. 3. С. 741.

[1] Княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская, 1778–1864).

НОЯБРЯ МЕЖДУ 23 И 26. ОДЕССА

Гоголь получил от княгини Долгорукой приглашение на вечер. Отказавшись запиской от участия в вечере, Гоголь был у нее с визитом.

См. ***1850. Ноября 26. Воскресенье. Одесса.***

НОЯБРЯ 24. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю в Одессу:

«Некогда праздновали этот день с беспечным уверением, что не только Петербург — вся Россия, но и весь мир принимал участие в этом великом дне для Екатерининского института. Что бы я дала теперь за такое убеждение в чем бы то ни было! Что бы вы сами дали, любезный друг Николай Василевич, чтобы воскресить в своей душе те убеждения, те верования, которые еще тому назад 20 лет можно было искренно питать в себе. Что произошло с 1830-х годов с человечеством? Как и почему гражданские, политические перевороты вдруг разъяснили бедному человечеству, что оно не верит ничему, что нет печати святыни ни на чем, что оно и хотело бы верить и любить, но уже не способно. Отнялась эта благодать от гордого Запада. Осталась ли она нам? Да, можно утвердительно сказать, что народ русский верит и любит то, чему верит. Но народ русский и мы, образованный класс, две разные вещи. Сколько один хорош, столько мы гнусны и проникнуты разными западными элементами. Путешествия на Запад, западное воспитание, чтение мерзкой, холодной, безнравственной их литературы, сделало из нас каких-то нравственных метисов (métis). Даже лучшие люди, ищущие хорошее, полезное и в нем и приятное, и те заблуждаются, идут к добру косвенными путями и доходят не до той цели, к которой полагают, что стремятся. Случай привел меня в одно семейство, многочисленное, богатое, где призрели нескольких сирот племянниц. Нас садилось человек двадцать за стол и более, и представьте мое удивление: на одном конце стола царствовал Вольтер, на другом конце — английские диссентеры и, что еще хуже, швейцарские сектаторы. Эти два разнородные начала безверия и разрушения боролись перед детьми всех возрастов. Настало воскресенье; некоторые члены семейства были у обедни, о которой не было и помину. После завтрака все уселись сложа руки и мать семейства начала вслух читать проповедь какого-то Monod de Genève[1] (верно, брат известного доктора). Чтение продолжалось два часа, все были в восторге; я одна слушала, по-видимому, с равнодушием, но внутренно с негодованием; проповедь была самая скучная, водяная и вместе исполненная разрушительных слов для нас, православных. Изображение Бога — образа вообще просто называли идолопоклонством, первым грехом против заповеди, и все заключалось каким-то намеком на Апокалипсис, где обещано тысячелетия. По прочтении проповеди, меня спросил: как она мне нравится? Я из учтивости хотела похвалить, но духу не хватило, и я объявила, что кроме русских проповедей не люблю никаких, даже боюсь читать, не считая себя довольно твердою в знании догматов. Мне объявили с удивлением, что догматы все равны, что и доказывает еще какой-то женевский сектатор, а о русских проповедях было сказано, что они очень дурны и скучны. Защитника Вольтера и философов тут, конечно, не было. Все эти люди прекрасные, но могут сделать много бед и не последнее горе в этой разногласице духовной, которая начинает к нам проникать. Я имела много случаев заметить, что пропаганда протестантизма очень сильна и едва ли не вреднее, потому что ее менее боятся. И пропаганда протестантизма идет рука об руку с пропагандою политическою. Она подтачивает все начала исподтишка, грызет, как мышь. Вот почему так вредно в доме присутствие иностранцев и всех их менее вреден англичанин, но не диссентер[2]. Это странное явление навело на мою душу какую-то грусть; и без того уже грустно от всяких дрязг, сплетен и служебных обстоятельств Н<иколая> М<ихайловича>[3], а тут еще представилась такая странная критика. Я долго думала; потом начала читать путешествие Шевырева на Бело-озеро[4]. Рассказы его о церквах, монастырях, чудесах и святых носят на себе характер неискренности; так подогрето и разогрето воображением чувство веры, что грустно читать. Бедный, он бы хотел писать, как писали в старину, он чувствует что-то горячо, чувство было прекрасно, плодотворно, но человеку нашего времени не дается воскресить старое. Скверное наше время и за редкость те люди, которые могли оторваться от общего соблазна и уединиться. Завидую вам, вашему житью в Одессе; достаточно одного Стурдзы, чтобы примириться со многими неудобствами и неприятностями.

Я узнала случайно, что вы были у Трощинского[5] и там, верно, вы побывали не даром, если только он помнит дядю своего и сохранил его бумаги[6]. <...> Толстой[7] вдруг уехал; его вызвал Василий

Перовский, который очень болен. Греческий язык[8] меня очень утешает; я кончаю Евангелие от Луки, по моему, самое трудное. Дети здоровы, растут мало, начинают скучать Калугою, потому что начинают понимать общество».

[1] Адольф Моно (Monod, 1802–1856), французский пастор и проповедник.

[2] Диссентер (*англ.* dissenters; от лат. dissentio — не соглашаюсь) — англичанин, отвергающий вероучение Англиканской церкви.

[3] Муж Смирновой.

[4] Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях. М., 1850. — См. также ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва***; ***1850. Мая 2. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***.

[5] Андрей Андреевич. — См. ***1850. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Кагорлык***; ***1850. Октября 3. Вторник. Кагорлык, Канев***.

[6] Ср. ***1833. В течение года***; ***1835. Января 21. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[7] Граф Алексей Константинович.

[8] См. ***1848. Октября 20. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

НОЯБРЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

Гоголь у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Из дневника Е. А. Хитрово: «*26 ноября.* Гоголь: "А ведь вам это некоторого рода наслаждение делать сигары?" Княгиня: "Подумайте, эти господа думать не могут, не куря сигар". — Гоголь: "Почему бы это так?" — Алекс<андр> Фед<орович> Бодров[1]: "Очень естественно: дым причиняет раздражение в мозгу". — Княгиня: "Все же не сам человек достигает до мыслей". — Гоголь: "Да, это унизительно для человека! Ночью — мечты. Поутру — мысли. После обеда — грезы".

Княгиня Долгорукова к нему писала[2], раз всего его видевши; звала к себе на вечер, говоря, что у нее будет прекрасный пол, а он так чувствует красоту, и что ей хотелось бы представить славу России и своим и иностранцам. Ответ[3] был (в чем я упрекнула), что "по слабости здоровья" и т. д. Я: "Какая хитрая! Это, чтоб завладеть автографом". — Гоголь: "Нельзя же было: дама пишет. Я у нее был с визитом". — Я: "Вам надобно поучиться быть невежливым". — Гоголь: "Не могу! А бывало, я так, не останавливаясь, был неучтив".

Намедни он сказал: "Человек со временем будет тем, чем смолоду был"».

Гоголь в Одессе. 1850–1851. <*Дневник Е. А. Хитрово*> // *Свод.* Т. 3. С. 741.

[1] «Управляющий имениями Репниных» (примеч. П. И. Бартенева).

[2] Письмо не сохранилось.

[3] Ответная записка также не сохранилась.

НОЯБРЯ 28. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет ответное[1] письмо Гоголю в Одессу:

«Насилу-то ты мне откликнулся, и я узнал, где ты и что с тобою. А вот, по причине твоего долгого молчания, у меня и беда случилась, в которой я должен тебе повиниться. Князь Ханджери[2] прислал мне письмо на твое имя от Базили[3]; так как я не знал, в Царьграде ты или в Васильевке, я не решался тебе послать его и ждал все письма от тебя, а письмо к тебе между тем лежало, лежало, залежалось и затерялось. Целое утро употребил я на искание его и не мог найти. Еще не отчаиваюсь, при переборе всех бумаг, найти его, и когда найду, пошлю немедленно. <...> Рад тому, что ты приютился в Одессе и что подаешь надежду видеть тебя весною и даже со вторым томом Мертвых Душ. <...> Все-таки ближе ты к нам, а не в Туречине. <...> Бумага, на которой печатается Москви-

тянин, стоит 10 р<ублей> асс<игнациями> стопа. Но Погодин сказывал мне, что фабрикант Попов ставит ее только ему за такую цену, и вообще по мелочи бумагу не ставит, а торгует оптом. След<овательно>, к этому бумажнику относиться нельзя. Когда были написаны эти строки, явился ко мне конторщик М<осквитяни>на и обещал доставить адрес Попова. Он, по мнению к<онторщи>ка, даст бумагу. Я напишу к нему в Рыбинск. Экземпляр сочинений твоих остался у меня только мой собственный, а в книжных лавках они продаются теперь не менее 25 р<ублей> серебром. Попробуем цензуровать здесь. С будущего года новые цензоры. Лешков из цензоров выходит, потому что, по новому уставу, профессор цензором быть не может. Говорят, цензорами будут кн<язь> Львов и какой-то Ржевский[4], а из прежних остаются Снегирев и Флеров. Я надеюсь, что твои сочинения будут пропущены и здесь: я буду просить о том нашего попечителя[5], который человек просвещенный и к литературе благоволит, не так как гр<аф> Строганов. Конторщик Москвитянина явился за тем, чтобы купить остальные экземпляры М<ертвых> Душ. Я не знаю еще, сколько их осталось. Велю сегодня счесть. За половину деньги он отдаст теперь же, а другую в декабре или, поздно, в начале января. Денег твоих у меня в кассе: 300 р<ублей> серебром билет и 226 р<ублей> серебром наличными. Я очень рад буду продать остальные, чтобы очистить место и для сочинений и для своих книг. Да к тому же и кстати будут деньги для издания сочинений. Относительно набора за лист Смирдинского издания я не имел времени сходить в типографию. Университетская дешевле других, но в ней происходят теперь преобразования. Не сговориться ли с Степановым? Во всяком случае надобно бы было запастись литографированными сорочками, чтобы предостеречься от припечатаний. Пиши же ко мне: подавать ли в цензуру? Если ты пустишь сочинения свои за 5 целковых, то они разойдутся чрезвычайно быстро. Выбранные места из Переписки взойдут ли в них? Письмо твое к Аксакову я послал через Кошелева. Москва занята была несколько времени убийством г<оспо>жи Симон[6], которую убили дворовые люди Сухово-Кобылина, жившего с нею в связи. Несколько времени подозрение падало и на него самого, и он был задержан, но теперь оправдан и освобожден. Говорят, что она жестоко обходилась с людьми, которых он давал ей в услужение. Москва плела разные истории на счет этого убийства, и одно породило многие, так что, казалось уже, мы живем среди кровопролитий. Город М<ертвых> Душ разыгрался вновь в самом трагическом виде. Я тебе хочу сделать еще предложение относительно суммы, которая осталась у меня от продажи сочинений. Она, как ты знаешь, простирается до 2500 р<ублей> серебром. Вот пришла мне какая мысль. Есть намерение возобновить при университете литературное общество. Попечитель весьма этого желает. Общество это имело бы двоякие занятия: литературные и ученые. В ученых первое место было бы по изданию памятников древней русской словесности, начиная с самых древних времен и продолжая по столетиям. Со временем к этому изданию присоединился бы и словарь древнего языка. Это дело делалось бы трудами университетской молодежи под надзором моим и других профессоров. Бедные студенты, которые трудились бы над этим, получали бы плату и содержание. Деньги 2500 р<ублей> серебром хорошо было бы определить для этой цели. Покамест достаточно бы было 1000 р<ублей> серебром определить на это издание, а прочие лежали бы в ломбарде. Таким образом деньги эти совершили бы назначение, для которого ты их определил, и употребление их соединилось бы с пользою. Издание это со временем могло бы окупиться. Без твоего решения я не могу так распорядиться этою суммою. Не благословишь ли меня на это? <...> Сей час счел остальные экз<емпляры> М<ертвых> Душ. Оказалось 611. Не знаю, купит ли все контора М<осквитяни>на. Она полагала, что их всего 200»[7].

[1] См. ***1850. Ноября 7. Вторник. Одесса.***

[2] Вероятно, князь Григорий Александрович Ханджери, действительный статский советник, чиновник особых поручений при московском военном генерал-губернаторе А. А. Закревском.

[3] Имеется в виду письмо К. М. Базили к Гоголю от 24 июля 1850 г. (см. ***1850. Июля 24. Понедельник. Мар-Ильяс на Ливане***). В примечании к указанному письму Базили В. И. Шенрок замечал: «Вероятно, это было именно то письмо, о котором Шевырев писал Гоголю, что он было затерял его» (*Шенрок.* Т. 4. С. 830). В ответном письме к Шевыреву, от 15 декабря 1850 г., сам Гоголь писал: «Письма Базили не ищи, не отыщешь; оно давно в моих руках, ты его отправил тот же час ко мне, как получил». — См. ***1850. Августа конец — сентябрь. Москва.***

[4] Дмитрий Семенович.

[5] В. И. Назимов; попечителем Московского учебного округа был назначен 1 ноября 1849 г.

[6] Луиза Симон-Деманш была убита 7 ноября 1850 г. Расследование по этому делу продолжалось до 1857 г.
[7] Ответ Гоголя см.: ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса.***

НОЯБРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

Гоголь у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Е. А. Хитрово записала в своем дневнике: «*30 <ноября>*. Третьего дня я заплакала, подумавши о том, что надобно же расставаться с Гоголем... Княгиня говорила о Тегнере, Фритиофе[1]. Гоголь и не слыхал никогда о нем; у меня что-то мелькало в голове. Грот[2] перевел с шведского. Княгиня восхищается этой поэмою. Гоголь: "Да в чем дело?" — Она: "Молодой человек любит одну девушку". — Гоголь: "Так дело обыкновенное". (Я бы желала, чтобы у меня навек в ушах остались звук его голоса и полный выговор всех слогов.) Княгиня: "Да, но советы, которые дают ему родители, очень хороши". — Гоголь: "Но лица в ней каковы? Есть ли барельефность?" — Она: "Как же, много замечательного". — Гоголь: "Да что же, мысли ли автора или сами лица?"

Гоголь: "Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости"[3].

При Ильине он много толковал о том, как пишут: иной пишет то, что с тем или с другим случалось, что его поразило. Можно было заключить из его слов, что есть люди, которые творят. Я ушла. Пришел с толстою тетрадью "Отеч<ественных> Записок" А...[4] и что-то читал, но в восьмом часу Гоголь ушел.

О "Современнике": "При Плетневе он был тоньше". К<нягиня>: "Лучше ли теперь «Современник»?" — "Хорошо этими книгами запасаться вместо оружия: убить можно". Княгиня: "Кого? скуку?" — На это эха не было, а молчание».

Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово>* // *Свод.* Т. 3. С. 741–742.

[1] Имеется в виду поэма шведского поэта-романтика Эсайаса Тегнера (1782–1846) «Сага о Фритьофе» (1825).

[2] «Яков Карлович, известный переводчик "Фритиофа"» (примеч. В. И. Шенрока). Первое издание перевода Грота «Саги о Фритьофе» вышло в Гельсингфорсе в 1841 г.

[3] Имея в виду детское заболевание с таким названием (прогерия), при которой больной становится похож на старую собаку. Подробнее см.: ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[4] «Написано неразборчиво; кажется: Аркадий» (примеч. В. И. Шенрока). «Арк<адий> Ил<ьич> Павловский, херсонский уроженец, окончил в 1849 г. Ришельевский лицей, следовательно в 1850–1851 гг. был еще очень молод... <...> В дневнике он изображен заносчивым, спорщиком и т. п., но Н. И. Ленц, бывший в 1850–1851 гг. студентом лицея и близко знавший А. И. Павловского, вспоминает о нем с большим уважением. Впоследствии А. И. Павловский долго был преподавателем географии в С.-Петербурге, издал известный сборник "Природа и люди" и скончался 1 сентября 1889 г.»; «Аркадий Ильич <...> детям кн<язя> Репнина давал уроки по мифологии; г. Лернер сообщает даже (со слов Н. И. Ленца), что уроки эти очень нравились Гоголю, на них нередко присутствовавшему» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 34).

НОЯБРЬ. ОДЕССА

Гоголь пишет А. М. Трахимовскому (адресует письмо или в Полтаву, или в Миргород или в Сорочинцы):

«Думал было еще с вами повидаться, добрейший Алексей Михайлович, — и не удалось. А между тем имею к вам убедительнейшую просьбу: дело вот в чем. Не следует нам, миргородским дворянам, выпустить из нашего уезда молодого Трощинского, которого переманивают в Киевскую губернию и с которым советую вам познакомиться, как с юношей, подающим добрые надежды.

Говорю это не вследствие каких-нибудь родственных отношений, но потому что это в самом деле мне так кажется. Нам такие дворяне нужны. Употребите все усилия и сами собою и через знакомых и чрез Лукьяновича[1] (которому передайте мой искренний и душевный поклон вместе с большим сожалением, что не удалось мне побывать у него лично, перед отъездом); словом, употребите все добрые движения души вашей и все от вас зависящие способы, чтобы в наступающие выборы избрать его в депутаты по Миргородскому уезду или иную должность по выборам, ему приличную, не связанную с большими хлопотами и разъездами, чтобы ему иметь возможность быть хотя вначале при больном отце[2]; он и сам желает лучше причислиться к миргородскому дворянству. И, мне кажется, всем нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни было, внук того знаменитого мужа[3], которому много обязана Полтавская губерния, по крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского предводителя[4], несмотря на то, что, находясь в должности министра[5], обременен был кучей дел и обязанностей. По этому самому и нам уже следует споспешествовать всеми мерами его внуку в благородном желании служить по выборам. Придает еще шпоры моей просьбе и неприятный отзыв о Миргородском уезде, который случилось мне услышать дорогою от дворянства других уездов, будто бы они глуше и невежественней всех прочих в Полтавской губернии. Что уездный наш город Миргород плох, мы это знаем сами и над ним смеемся. Но пустынность уездного города и непроцветание его скорее показывает то, что дворяне сидят по местам и заняты делом, а не баклушничают по городам. Дворяне других уездов уже и позабыли, что лучшие губернские предводители, и притом более других пребывавшие в этом звании, были все из Миргородского уезда. <...> Переговорите обо всем этом с Лукьяновичем <...> и дайте мне ответ в Одессу».

Письмо написано в связи с окончанием Д. А. Трощинским Ришельевского лицея в Одессе и возникшим вопросом об определении его на службу. Ходатайство Гоголя, по-видимому, не увенчалось успехом, так как Д. А. Трощинский устроился на службу в Одессе[6].

Замечено, что строки об уездном Миргороде в настоящем письме могут служить своеобразным пояснением к идейному замыслу и композиции сборника «Миргород» (1835): «сидят по местам» старосветские помещики, «баклушничают по городам» Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, «предводительствует» Тарас Бульба (согласно тому же письму, лучшим, или одним из лучших «губернских предводителей» был Д. П. Трощинский — один из вероятных прототипов Бульбы)[7].

[1] Александр Андреевич Лукьянович, майор, миргородский уездный предводитель дворянства.

[2] Имеется в виду А. А. Трощинский.

[3] Д. А. Трощинский доводился внучатым племянником Д. П. Трощинскому.

[4] См. ***1812. Января 24. Среда. Полтава.***

[5] См. ***1814. Июля после 4 — 1815. Апреля конец — мая начало. Полтава, Васильевка.***

[6] См. также ***1842. Ноября 7 <19>. Суббота. Васильевка*** (воспоминания сестры Гоголя, О. В. Головни).

[7] См.: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. Повести. С приложением. М., 1996. С. 11; *Виноградов 2000.* С. 111, 122, 334; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 621–623. — См. также ***1749. Октября 26. Четверг. Глухов*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 2. СУББОТА. ОДЕССА

Гоголь пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Пишу, как видишь, из Одессы, куда убежал от суровости зимы. Последняя зима, проведенная мною в Москве, далась мне знать сильно. Думал было, что укрепился и запасся здоровьем на юге надолго, но не тут-то было. Зима третьего года[1] кое-как перекочкалась, но прошлого едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время (во время их) пропало даром, а время мне дорого. Работа — моя жизнь. Не работается — не живется, хоть покуда это и не видно другим. Отныне хочу устроиться так, чтобы три зимние месяца в году проводить вне России, под самым благорастворенейшим климатом, имеющим свойство весны и осени в зим-

нее время, то есть свойство, благотворное моей голове во время работы. Я уже испытал, что дело идет у меня как следует только тогда, когда всё утруждение, нанесенное голове поутру, развеется в остальное время дня прогулкой и добрым движеньем на благорастворенном воздухе (а здесь в прошлом году мне нельзя было даже выходить из комн<аты>). Если это не делается, голова на другой день тяжела, не способна к работе. И никакие движенья в комнате (сколько их ни выдумывал) не могут помочь. Слабая натура моя так уже устроилась, что чувствует жизненность только там, где тепло *ненатопленное*. Следовало бы и теперь выехать хоть в Грецию; затем, признаюсь, и приехал в Одессу, но такая одолела лень, так стало жалко разлучаться и на короткое время с православной Русью, что решился остаться здесь, понадеявшись на русский авось: то есть, авось-либо русская зима в Одессе будет сколько-нибудь милостивей московской. Разумеется, при этом случае стало представляться, что и вонь, накуренная последними политическими событиями в Европе, еще не совершенно прошла, и — просьба о пашпорте, которую хотел было отправить к тебе[2], осталась у меня в портфеле. Впрочем, уже и поздно: к весне, во всяком случае, не нужно бы возвращаться в Россию. Намеренья мои теперь вот какого рода: в конце весны или в начале лета предполагаю быть в Петербурге, затем, чтобы, во-первых, повидаться с тобой и с Жуковским и перечесть вместе всё то, что хочется вам прочитать, а, во-вторых, если будет Божья воля, то и приступить к печатанью[3]. Время, кажется, уже несколько угомонилось, головы хоть, может быть, и не совсем, но по крайней мере уже, верно, отрезвились настолько, чтобы иметь терпенье и хладнокровье выслушать, в чем дело, а до сих пор, право, не подымались даже и руки к изданью чего-либо. Уведоми меня теперь же, какие у тебя планы на лето. Как бы устроиться нам так, чтобы провести его где-нибудь на морских водах, в Ревеле или в ином месте? Я думаю, что взаимные беседы нам будут теперь нужней чем когда-либо прежде. <...> Адрес: В Одессе. 1-й части 1-го квартала. В доме Трощинского. <...> С недавнего времени книгопродавцы стали меня осаждать письмами. Пожалуста, пошли человека в дом Пажеск<ого> корпуса сказать Лисенкову[4], который надоедает[5] более других, что я буду сам в Петербурге».

[1] Зиму 1848/49 г. Гоголь провел в Москве.
[2] См. ***1850. Августа 20. Воскресенье. Васильевка.***
[3] Второго тома «Мертвых душ».
[4] Иван Тимофеевич.
[5] См. ***1850. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ ПОСЛЕ 7 — ДЕКАБРЯ НАЧАЛО. ОДЕССА

Предположительно в этот период Гоголь отправляет в Москву письмо к цензору В. Н. Лешкову по поводу переиздания своих сочинений в четырех томах.

Датировка письма уточнена. Профессор Московского университета Василий Николаевич Лешков (1810–1881) исполнял должность цензора Московского цензурного комитета с 21 января 1847 г. до 17 ноября 1850 г.[1] (в частности, был цензором «Москвитянина»). 28 ноября 1850 г. С. П. Шевырев, отвечая на предложение Гоголя в письме от 7 ноября 1850 г. отдать экземпляр собрания его сочинений 1842 г. цензору Лешкову[2], сообщал: «С будущего года новые цензоры. Лешков из цензоров выходит, потому что, по новому уставу, профессор цензором быть не может. Говорят, цензорами будут кн<язь> Львов и какой-то Ржевский, а из прежних остаются Снегирев и Флеров. Я надеюсь, что твои сочинения будут пропущены и здесь: я буду просить о том нашего попечителя <В. И. Назимова>, который человек просвещенный и к литературе благоволит, не так как гр<аф> Строганов»[3]. (Ответ на это письмо Шевырева Гоголь отправил 15 декабря 1850 г.[4] Извещенный о том, что Лешков «из цензоров выходит», он в то время не стал бы уже обращаться к этому цензору.)

Из письма Гоголя к Лешкову: «Узнавши, что в цензуре есть новые запрещения, вследствие которых не только все новые сочинения, но и старые, прежде отпечатанные подвергаются сызнова пересмотру, я прибегаю к ва<м> с просьбой спасти доселе отпечатанные мои сочинения [от уничтоженья] [от переправок и п<е>ределок] от изменений и *<1 нрзб.>* изданье их в том виде, как изданы они доселе. Образ мыслей моих совершенно известен и Государю Императору и Государю

Наследнику. В сочинениях моих насмешки <не> над прави<тельством>, но над людьми, употребляющими во зло доверие правительст<ва>, не над постановленья<ми>, но над злоупотребленьем их[5]. Все это у недальновидного цензора часто смешивае<тся> в понятии и заставл<яет> его с боязнью смотреть на невинную, сколько-нибудь резкую фразу <и> заставляет смотреть подозрительнее. Я прошу вас об этом уже и потому, что книгопродавцы для своих собственных выгод уже начинают распускать слух, что сочиненья мои [запрещены] будут *<1 нрзб.>*, и берут с бедн<ого> покупа<теля> вшестеро большую цену за немногие ныне оставшиеся экземпляры. Уничтожение каких-нибудь двух-трех резких фраз и выражений, конечно, для меня ничего не значит, но это не послужило <бы> тем, <кто> сочинения мои знает наизусть: их непропущенье мысленно будет вноситься читателе<м>, с той только разницей, что станет [подозревать в] принимать<ся> им <...> такой смысл, какого ни я, ни *<2 нрзб.>* ни может быть сама цензура».

[1] Вероятно, вместо ушедшего Лешкова на вакантное место цензора был принят 29 ноября 1850 г. Д. С. Ржевский (см. ***1851. Июля между 12 и 15. Москва***).

[2] См. ***1850. Ноября 7. Вторник. Одесса***.

[3] См. ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***.

[4] См. ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса***.

[5] Подробнее см.: ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 5. ВТОРНИК. ОДЕССА

Л. С. Пушкин пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«Гоголь в Одессе с начала осени и пробудет здесь до конца зимы. Он Вам кланяется и надеется увидеться с Вами весною в Петербурге. Здоровье его поправилось, и я никогда не видел его таким веселым болтуном, каким он теперь сделался»[1].

В 1901 г. Н. О. Лернер, со слов бывшего студента Ришельевского лицея А. Л. Деменитру, сообщал: «Во второй раз Гоголь прибыл в Одессу в октябре 1850 года, измученный, больной, рассчитывая поправить на юге свое слабое здоровье, и прожил здесь всю зиму 1850–1851 гг. <...> К этому-то времени и относятся немногие воспоминания о Гоголе почтенного старожила, д<ействительного> с<татского> с<оветника> Антона Людвиговича Деменитру (старшего брата известного героя-студента Ришельевского лицея, ныне покойного, отличившегося в 1854 году своим редким мужеством на знаменитой Щеголевской батарее, во время бомбардирования Одессы флотом союзников[2]). В настоящее время Антон Людвигович один из очень немногих, которые помнят Гоголя, и это придает его коротенькому рассказу особый интерес.

В бытность в Одессе Гоголя проживал в ней младший брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич, некогда непоседливый, пылкий "Левушка" и "vaillant capitaine"[3], как звали его близкие, а потом мирный член одесской таможни (сконч<ался> 19-го июля 1852 г. в Одессе). В его семье, гостеприимной, любезной и общительной, собиралось лучшее одесское общество. Сам хозяин дома, живой, умный, образованный и добродушный, был в очень близких отношениях со многими писателями и выдающимися людьми. В Одессе у него часто бывал молодой Я. П. Полонский; одним из первых Лев Сергеевич признал и оценил по достоинству развивавшийся с необычайною силою поэтический талант незабвенного Н. Ф. Щербины[4]. (В конце 1849 г. <в начале 1850 г.> Щербина напечатал в Одессе первый сборник своих произведений "Греческие стихотворения"[5]. <...>) Бывал у него и Гоголь, друг его великого брата. В доме Л. С. Пушкина, жившего на углу Греческой и Преображенской ул<иц>, зимою 1850–51 гг. имел случай познакомиться с Гоголем и А. Л. Деменитру, тогда студент Ришельевского лицея.

По его рассказу, худой, бледный, с длинным, выдающимся и острым, словно птичьим, носом, Гоголь своею оригинальной наружностью, эксцентрическими манерами произвел на своего нового знакомого весьма странное впечатление какого-то "буки". На великом писателе тогда уже лежала

печать нездешнего мира. Все окружающие оказывали творцу "Мертвых душ" знаки величайшего внимания, но Гоголя это стесняло и коробило, и он относился как-то небрежно к этим проявлениям уважения своих поклонников. Он был вял, угрюм, сосредоточен; говорил очень мало. За обедом его всячески старались растормошить, — что называется, "разговорить", заводя речь о предметах, которые, казалось, могли его заинтересовать, но он был по-прежнему молчалив и угрюм. Одна дама обратилась к нему с каким-то вопросом, но уткнувшийся в свою тарелку Гоголь ничего не ответил, как будто и не расслышал вопроса (а может быть, и в самом деле не расслышал). Его оставили в покое и заговорили о местных одесских делах и делишках. Кто-то произнес фамилию негоцианта-грека Родоканаки[6]. При этом слове Гоголь на мгновение встрепенулся и спросил студента Деменитру, сидевшего рядом с ним:

— Это что такое? фамилия такая?

— Да, — подтвердил Деменитру, —это фамилия.

— Ну, это Бог знает что, а не фамилия, — сказал Гоголь. — Этак только обругать человека можно: ах ты, ррродоканака ты этакая!..

Все рассмеялись, а Гоголь опять погрузился в свои мысли. Обед кончился. Хозяева и гости перешли в гостиную. Зашел разговор о Лермонтове. Лев Сергеевич достал и показал гостям перчатку Лермонтова, снятую с руки безвременно погибшего поэта после его злополучной дуэли с Н. С. Мартыновым. Все с любопытством поглядели на эту реликвию, но Гоголь не обратил на нее ни малейшего внимания и, казалось, не слушал и рассказа хозяина дома о Лермонтове, которого Лев Сергеевич близко знавал. Это, впрочем, понятно. Со второй половины сороковых годов Гоголь был уже не тот пламенный юноша-поэт, который написал "Вечера на хуторе", не тот гениальный художник, в полном расцвете своего дарования, который создал "Ревизора" и "Мертвые души". Иначе отнестись к памяти погибшего на поединке представителя свободной, кристально чистой поэзии, гордо возвеличивавшей человеческий дух и права личности, не мог мрачный, истерзанный душевным недугом, мистически настроенный автор "Переписки с друзьями".

Жил Гоголь за Сабанеевым мостом, в доме А. А. Трощинского, ныне принадлежащем Депп, на Надеждинской улице. В этом доме проживала также, по соседству с Гоголем, семья Картамышевых[7], у которых часто бывал А. Л. Деменитру. (Один из членов этой семьи, Константин Вонифатьевич Картамышев, литератор, был впоследствии основателем газеты "Новороссийский Телеграф", ныне уже не издающейся.) В доме Трощинского Гоголь жил в находившемся во дворе отдельном флигеле, до сих пор сохранившемся без значительных изменений, и занимал во втором этаже две небольшие комнатки. Бывая у живших бок о бок с Гоголем Картамышевых, Ант<он> Л<юдвигович> иногда слышал несшиеся из комнат Гоголя вздохи и шепот молитвы: "Господи помилуй! Господи помилуй!" (А. Л. Деменитру до сих пор отлично помнит те комнаты, в которых жил Гоголь, и легко может их указать.)

Когда совершился с Гоголем печальный внутренний перелом, и явилась в свет "Переписка с друзьями", Гоголь, как известно, стал смотреть на свою прежнюю литературную деятельность как на тяжкий грех[8] и, сознавая, что ей обязан своею славой, старательно избегал каких бы то ни было знаков внимания к нему, как к писателю. Зачитывавшиеся его произведениями студенты Ришельевского лицея, как рассказывает А. Л. Деменитру, с благоговением, смешанным с удивлением и любопытством, оглядывали на улице странно одетого, с сумрачным и скорбным, бледным лицом гениального поэта, уже человека "не от мира сего". Те, что были посмелее, даже следовали за ним; правда, в довольно почтительном отдалении. Это раздражало Гоголя, и, завидя студентов, шедших ему навстречу, он иной раз бегством в первые попавшиеся ворота спасался от стеснявшего и тяготившего его, так сказать, и внешне, и внутренне, внимания молодежи»[9].

В 1901 г. воспоминания Деменитру о Гоголе появились также в газете «Одесский Листок»: «Живущий ныне в Одессе бывший член херсонского окружного суда действ<ительный> ст<атский> сов<етник> А. Л. Деменитру лично знал Гоголя и неоднократно встречался с ним в Одессе. В беседе с нами г. Деменитру передал нам несколько интересных подробностей из жизни Гоголя в Одессе.

— <...> Я был тогда студентом Ришельевского лицея и занимал квартиру в первом этаже дома, принадлежащего теперь Мими, на углу Греческой и Преображенской ул<иц>. Во втором этаже

этого же дома жил тогда брат нашего знаменитого поэта А. С. Пушкина — Лев Серг<еевич> Пушкин. Он служил ранее в Нижегородском драгунском полку, расположенном на Кавказе, но, вследствие расстроенного здоровья, оставил военную службу и переселился в Одессу.

Здесь он поступил на службу в таможню и был назначен членом ее. Я был хорошо принят в доме Л. С. Пушкина. У него был открытый дом и хозяин его слыл за хлебосола и отличался гостеприимством. У него собирались представители различных слоев общества и проводили время очень весело. Когда Гоголь прибыл в Одессу, то он также стал навещать Л<ьва> С<ергееви>ча. Посещения Гоголя сделали еще более интересными вечера в доме Л<ьва> С<ергеевича>. Гоголь всегда был центром всеобщего внимания. Около него группировались кружки. Каждый старался ловить его слово; обращали внимание на малейшее его движение и пр. Но, к сожалению, Гоголь в большинстве случаев бывал в сумрачном настроении, мало говорил, не поддерживал общего разговора, а часто совсем молчал и даже не отвечал на вопросы.

Однажды я получил от Л. С. Пушкина записку с приглашением на обед. На него был зван и Гоголь. К обеду явились также член одес<ской> таможни <М. А.> Моршанский и бывший тогда в Одессе екатеринославский предводитель дворянства <Н. Д.> Мизко[10]. Входит Гоголь в испанской мантилье, подбитой бархатом. Вид у него сумрачный.

За столом ни с кем не заговаривал. Я постарался сесть рядом с ним. На меня, юношу, в высшей степени интересовавшегося родной литературой, Гоголь производил сильное впечатление. К нему приступили с различными расспросами, но он молчал и не давал ответов. Тогда завязался разговор на общежитейскую тему. Во время разговора кто-то назвал фамилию известного в Одессе греческого негоцианта. Фамилия его оканчивалась на — "ни"[11].

— Как, как его зовут? — вдруг спросил Гоголь.

Ему повторили фамилию.

— Да этой фамилией можно обругать человека, — заметил Гоголь, повторив ее вслух.

В газетах появилось известие, что Гоголь жил в Одессе в доме Толстого, у Сабанеева моста.

— Мне положительно известно, что это неверно, — продолжал А. Л. Деменитру, — Гоголь жил в Надеждинской ул<ице>, в доме своего родного дяди Трощинского[12] — полтавского помещика. Я часто навещал в этом доме одного своего приятеля[13], и мы, сидя в квартире, нередко слышали пение Гоголя. Он обыкновенно исполнял духовные песнопения. В Одессе Гоголь поддерживал хорошие отношения с тогдашним директором Ришельевского лицея <Н. Н.> Мурзакевичем[14] и инспектором лицея Соколовым[15]. Мурзакевич был большим нумизматом, а Гоголь интересовался нумизматикой. Мы, студенты, тогда обожали Гоголя и всячески выказывали ему свое особое внимание. Едва он показывался на улице, как его окружала толпа студентов и провожала его всю дорогу. Он не любил таких знаков выражения ему внимания. Это его смущало и он перебегал на другую сторону улицы, чтобы скрыться от любопытных взоров посторонних»[16].

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «Мне рассказывал М. М. Дитерихс[17], что он ребенком пришел с родителями[18] обедать к Л. С. Пушкину и увидел сидящего в зале в кресле незнакомого человека с такою страшною изможденной физиономией, что испугался и расплакался. Это был Гоголь. Такой отзыв о наружности Гоголя в это время подтверждается и другими свидетельствами[19].

Чтобы исчерпать все сведения о Гоголе в воспоминаниях А. Л. Деменитру, приведу еще два места: Деменитру бывал у Картамышевых, живших, по его словам, в доме, ныне принадлежащем Ковалевскому и Депп, бок о бок с Гоголем, и иногда слышал несшийся из комнаты Гоголя вздох и шепот молитвы: "Господи помилуй! Господи помилуй!" Мне кажется, что этим показанием Деменитру объясняется его воспоминание, что и Гоголь жил в доме Ковалевской: Картамышевы, вероятно, жили во флигеле этого дома, вплотную соприкасавшемся с флигелем дома Трощинского, в котором жил Гоголь; при обычной тонкости одесских стен, Деменитру мог слышать, что делается у Гоголя, и потому заключить, что он живет в одном доме с Картамышевыми.

Другое воспоминание г. Деменитру заключается в том, что Гоголь старательно избегал каких бы то ни было знаков внимания к нему, как к писателю. Зачитывавшиеся его произведениями студенты Ришельевского лицея с благоговением, смешанным с удивлением и любопытством, оглядывали на улице странно одетого с сумрачным и скорбным болезненным лицом, гениального поэта,

уже человека "не от мира сего". Те, что были посмелее, даже следовали за ним, правда, в довольно почтительном отдалении. Это раздражало Гоголя и, завидя студентов, шедших ему навстречу, он иной раз бегством в первые попавшиеся ворота спасался от стеснявшего и тяготившего его, так сказать и внешне и внутренне, внимания молодежи. (В. М. Масалов, в то время гимназист (затем известный одесский учитель, ныне покойный), рассказывал мне, что он раз шел по Преображенской за человеком в длинном плаще. Кто то сказал ему, что это Гоголь; Масалов ускорил шаги; но Гоголь заметил это и вошел в первые ворота)»[20].

[1] *Свод.* Т. 3. С. 740.

[2] Имеется в виду подвиг студентов Ришельевского лицея Скоробогатого, Деменитру (Диминтиру, «родом француз») и Пуля (впоследствии георгиевские кавалеры), оказавших помощь батарее прапорщика А. П. Щеголева во время бомбардирования Одессы в Страстную субботу 10 апреля 1854 г. (см.: *Зеленецкий К.* Записки о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года. Одесса, 1855. С. 62).

[3] Храбрый капитан (*фр.*).

[4] Николай Федорович Щербина (1821–1869), поэт. Гоголь встречался с Щербиной на вечере у А. И. Соколова в марте 1851 г. (см. ***1851. Марта до 27. Одесса***).

[5] Греческие стихотворения Николая Щербины. Одесса, 1850 (цензурное разрешение 3 августа 1849; цензор К. П. Зеленецкий; послесловие автора датировано 10 янв. 1850). 100 с. — См. также ***1851. Декабрь. Москва***.

[6] Имеется в виду почетный гражданин Одессы, купец Федор Иванович Родоканаки.

[7] Вероятно, имеются в виду Александр (1817–1894) и Константин (1819–1880) Вонифатьевичи Картамышевы, журналисты.

[8] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[9] *Лернер Н. О.* Несколько новых слов о пребывании Гоголя в Одессе в 1850–51 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 775–776.

[10] См. также ***1851. Января 9. Вторник. Одесса***.

[11] Ф. И. Родоканаки (см. выше).

[12] «Но не говорится, что это был дом Ковалевской» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30).

[13] «Конечно, одного из Картамышевых; может быть, и Картамышевы жили тогда во флигеле дома Трощинского, т. е. ныне Шульца?» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30).

[14] Мурзакевич, будучи преподавателем Ришельевского лица, стал его директором уже после отъезда Гоголя из Одессы (см. ***1850. Ноябрь — декабря до 15. Одесса*** — примечания).

[15] «Гр. И. Соколов; он перешел из инспекторов лицея 23 ноября 1850 г. в одесские цензоры» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 30). Григорий Иванович Соколов (1810–1852), писатель, историк, педагог, инспектор Ришельевского лицея (с 1845 г. по 1850 г. включительно), цензор, редактор «Записок Императорского Общества сельского хозяйства Южной России» (с 1847 по 1852 г.).

[16] *М—ль Г.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 777.

[17] Михаил Михайлович Дитерихс (1871–1941), хирург.

[18] «Отец его чуть ли не лечил Гоголя в Одессе...» (примеч. А. И. Маркевича). — См. ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса***.

[19] «Интересно однако, что незадолго до этого времени Гоголь сделал предложение гр<афине> Вьельгорской <см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания>; впрочем, в письме к ней он говорит о себе скорее как о ее хранителе» (примеч. А. И. Маркевича).

[20] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 783.

ДЕКАБРЯ 5. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин[2].

В тот же день С. Т. Аксаков отправил ответное[3] письмо Гоголю в Одессу:

«Наконец, я получил прямую весточку от вас... <...> Итак, вы в Одессе и ваше намерение провесть зиму под теплым небом Бейрута — не состоялось. Я должен признаться вам, что обрадовал-

ся этому известию. Одесса близехонько благодаря легкости и удобству сообщений! Мне страшно было думать, что вы опять заедете так далеко, и я не верил и не верую в мысль, чтоб это чужое тепло было полезно вашему здоровью... <...> Я один раз только имел известие, что вы живете в Василевке, что вы здоровы и сбираетесь в Одессу, чтоб оттуда ехать дальше. О Максимовиче до сих пор ничего не знаем.

Теперь следует рассказать вам по порядку все, что случилось с нами в продолжение шестимесячной разлуки: 4 июня[4] я переехал в свою подмосковную, где я прожил до 21 ноября. <...> ...Последний <...> месяц я писал ежедневно свои охотничьи записки и кончил отделенье степной, или полевой, дичи, начатое в Москве; написал даже кое-что в техническое отделенье моих записок: по совести должен сказать, что я доволен только некоторыми местами. <...> Все мне чуждо и скучно. Писать ничего не могу. Событие, которое в другое время не только бы занимало, но и волновало меня, т. е. постановка на сцену драмы Константина[5], я точно вижу как во сне. Кроме личного участия в сочинителе, тут решаются два важные вопроса: можно ли перенесть с успехом на сцену, в ее настоящем значении, драматизм исторической старой русской жизни хотя в одном моменте, или простота ее так велика, что для сцены не годится? Второй вопрос еще важнее: сохранилось ли настолько в низших слоях общества (а не народа) и развилось ли в нас русского чувства, чтоб мы способны были почувствовать эту жизнь? Эту пиесу выпросил себе в бенефис один плохой актер Леонидов[6], и Константин дал мимоходом согласие, предполагая, что это дело, по многим причинам, не состоится; а между тем оно состоялось, и 13 декабря драма идет. Я предполагал, что все актеры, особенно по нерасположению к бенефицианту, будут весьма недовольны постановкой этой пиесы. Может быть, оно сначала так и было; но когда Конст<антин>, при первой считке, прочел ее с совершенною простотою и горячим одушевлением, все были увлечены и многие растроганы до слез. Лучшие актеры захотели играть по нескольку лиц в народе, и со вчерашнего дня начались уже репетиции, которые будут продолжаться даже по ночам, после спектаклей, за недостатком времени и свободной сцены. Признаюсь, этого я никак не ожидал и начинаю думать, что многие места произведут сильное действие. Святость содержанья драмы и простота, никому не заметная, в совершении великих дел понята толпой актеров, вполне оторванных от народа, недостаточно образованных, чтоб понять его, и забитых представлением лиц, почти всегда совершенно им чуждых!.. Согласитесь, что этого никак нельзя было ожидать. — Хочу сделать глупость: ехать на первое представление в литерную ложу, где бы я мог спрятаться от блеска ламп и от зрителей: ибо я никого не хочу соблазнять своим нарядом[7]. Непременно напишу подробно обо всем вам.

Константин, Вера и Надя съездили в Киев[8] и остались очень довольны своим путешествием: чудное местоположение Киева в соединении с его историческим и религиозным значением произвело глубокое впечатление на всех. Малороссия поэтически подействовала на моих дочерей и смягчила даже непреклонного Константина. Впрочем, главная цель поездки не достигнута: здоровье Веры находится в прежнем положении, как и здоровье главной больной, Оленьки; все же остальные — слава Богу. Гриша мой служит покуда в Петербурге, а Иван продолжает неутомимо подвизаться в Ярославской губернии. Много нового, любопытного и важного открыл он своим следствием; от него же узнает правительство и все те, кому сие знать надлежит. <...> Хомякова еще нет: я крепко звал его к 13 декабря, но он ничего не отвечает. Кошелевы[9], Томашевский и брат[10] кланяются вам. Жена и вся моя семья вас обнимают. В Москве обдали меня потоком таких гадких вестей, что я затыкаю уши. Старинный друг мой и ваш хороший знакомый Кавелин[11] кончил жизнь. Казначеев — добрейший человек и самый старший из моих друзей: мы дружны с ним сорок два года. Я напишу к нему[12]. <...> Мы живем там же: в Филиповском переулке, в доме Орловской, бывшем Высотцкого».

[1] *Ельницкая 1979*. С. 324.

[2] *Гриц*. С. 460.

[3] См. ***1850. Ноября 7. Вторник. Одесса.***

[4] См. ***1850. Июня 4. Воскресенье. Москва.*** — См. также ***1850. Июня 13. Вторник. Москва*** (примечания).

[5] Драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). — См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***; ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Ва-***

***сильевка*; *1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава*; *1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка*; *1848. Сентября 11. Суббота. Москва*.**

[6] Леонид Львович (1821–1889), артист Малого театра с 1843 по 1854 г.

[7] После правительственного распоряжения, запрещавшего дворянам носить русское платье, С. Т. Аксакову, ввиду его возраста, было разрешено отставаться в русской одежде, и он до конца жизни носил зипун.

[8] См. ***1850. Августа 31. Четверг. Киев***.

[9] Александр Иванович и его жена Ольга Федоровна.

[10] А. Т. Аксаков.

[11] Дмитрий Александрович Кавелин (род. в 1778).

[12] Ср. ***1851. Марта 19. Понедельник. Москва***.

ДЕКАБРЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИЕВ

Ю. Ф. Самарин пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Сегодня я был в переписке с сестрою Гоголя[1], которой в глаза не видал; я сообщил ей ваш адрес, а от нее узнал, что Гоголь здоров и зиму проводит в Одессе».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод*. Т. 3. С. 216.

[1] Вероятно, имеется в виду Елисавета Васильевна Гоголь.

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЯ ДО 15. ОДЕССА

Гоголь неоднократно встречается с Н. Н. Мурзакевичем; посещает Одесскую Городскую публичную библиотеку[1], заходит в Одесское общественное училище.

Позднее Мурзакевич вспоминал: «Гоголь осень и зиму 1849 <1850> г. проводил в Одессе: обедали мы ежедневно вместе и большею частию проводили и вечера вместе»[2].

В «Отчете Одесской Городской публичной библиотеки за 1850 г.», в разделе «Особые происшествия», Мурзакевич записал: «Библиотеку в сем году, кроме г<осподина> градоначальника[3], обозревали... князь П. А. Вяземский и Н. В. Гоголь»[4].

Вяземский проезжал через Одессу по пути из Иерусалима в средине августа 1850 г. – до приезда туда Гоголя[5]. В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 18 августа 1850 г. из Одессы Вяземский сообщал: «Мы предполагаем уехать отсюда завтра или послезавтра утром...»[6] (К концу августа 1850 г. Вяземский уже прибыл в Киев[7].)

Более чем за год перед тем, в июне 1849 г., Вяземский был в Москве проездом на Восток, потом «долго жил в Царьграде, посетил Малую Азию и поля Трои, поклонился в Иерусалиме Гробу Господню и встречал Христову Пасху <23 апреля 1850 г.>»[8]. Возвратился в Россию через Одессу: «Честь и благодарность Одессе за то, что она предупредила Москву своим угощением»[9]. 21 октября 1850 г. в Москве в честь Вяземского был устроен обед, о котором М. П. Погодин записал в дневнике: «*Октябрь*. <...> *21*. <...> Обед. – Не совсем хорошо устроено. – Острили с Кар<олиной> Кар<ловной> <Павловой>. – Рассказы Щепкина. <...> Павлов позабыл стихи Вязем<скому> и очень надувался, и у Шев<ырева>»[10].

Об одесских библиотеках Вяземский сообщал Тютчевой еще в 1849 г., по пути в Константинополь, в письме из Одессы от 28 июня: «Библиотеки здесь оснащены. Г-жа <А. В.> Сенявина сказала бы, что здесь встречаются довольно замечательные *интеллектуальности*. Мы встретили здесь несколько старых добрых знакомых и обрели новых, весьма любезных и приятных»[11].

Общаясь с Мурзакевичем, Гоголь, наверняка, был в курсе тех событий, что вызвали тогдашний приезд в Одессу, с целью ревизии Ришельевского лицея, товарища министра народного просвещения А. С. Норова.

Мурзакевич вспоминал: «Тягостны для меня воспоминания о 1850 годе. Но решившись изложить исповедь мою без утайки, скажу о тяжкой двойной моей борьбе. Наплыв богатых польских

семейств, под предлогом воспитания детей в Одессе, где власть грозного киевского генерал-губернатора <Д. Г.> Бибикова на них не простиралась, имел пагубное влияние на лицей. Под предлогом приготовления молодых людей к поступлению в студенты лицея, но действительно для того, чтобы связать свои сношения с заграничными патриотами, поляки, щедрою рукою отсыпая деньги за уроки, деморализовали многих профессоров. <...> Лихоимство развивалось с каждым днем: приемы в студенты, переводы из курса в курс и выпуски сопровождались циническими вымогательствами преподавателей: Линовского[12], Камарницкого[13], Зеленецкого[14], Петровского[15], Гассгагена[16]. Писались за деньги даже сочинения для студентов! <...> Триумвират оппозиционный, состоявший из Соколова[17], Кузьмина[18] и меня[19], был слаб и при большинстве голосов бессилен. И Соколов, при всем бескорыстии, увлекся страстью к игре»[20].

(Год спустя, вследствие ревизии Норова, директор Ришельевского лицея И. Г. Михневич был переведен на должность инспектора, а директором был назначен Н. Н. Мурзакевич, вступивший в эту должность 20 декабря 1851 г.)

Рассказывая о том, чем была вызвана внезапная ревизия Норова, Мурзакевич заключал: «И, таким образом, по Высочайшему повелению, налетел Авраам Норов, некогда сладострастный автор "Путешествия по Сицилии, в 1822 г.", а теперь (1851 г.) паломник и автор описания Святой Земли; безногий, добрый, но крайне рассеянный старик...»[21]

Мурзакевич имел в виду книги Норова «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» (СПб., 1828. Ч. 1–2) и «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (СПб., 1838; 2-е изд. СПб., 1844; последнюю книгу Норова Гоголь получил в 1846 г.[22]). К словам: «...Норов, некогда сладострастный автор "Путешествия по Сицилии, в 1822 г."...», — Мурзакевич сделал примечание: «См. его Путешествия, томы I, стр. 66, 71, 83, 91, 123, 170, 184, 189, 219; II, стр. 9, 10, 29, 39, 59, 121, 133». Вполне вероятно, именно «Путешествие по Сицилии, в 1822-м году» Норова подразумевал за несколько лет перед тем Гоголь, создавая в «Женитьбе» (1833–1842) комические диалоги героев о Сицилии: «...У них ведь возле каждого дома балкончики, и крыши, вот как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь, и сидит эдакой розанчик...» Ср. у Норова: «Домы главных улиц <...> не имеют крыш, которые заменены террасами... <...> ...жилые этажи испещрены <...> балконами. К вечеру все жители переселяются на них... <...> Глаза <...> беспрестанно останавливаются на прелестных лицах женщин...»[23] Характерно в этой связи замечание анонимного рецензента первых представлений «Женитьбы» на сцене Александринского театра в 1842 г. по поводу образа моряка Жевакина: «...Изображать такими красками морских офицеров, отличающихся у нас вообще образованностью, знакомых с правилами чести и общежития, ей, ей, недостойно писателя, слывущего нравоописательным и сатирическим»[24]. По-видимому, посмотрев «Женитьбу», и сам Норов узнал себя в гоголевском герое[25].

В период общения с Мурзакевичем в 1851 г. Гоголь говорил своей одесской знакомой Е. А. Хитрово по поводу одной из журнальных статей об Италии: «И зачем так восхищаться?! Только поселят желания, которые волнуют! Те же самые потом поедут и, не найдя, чего ожидали, бранят Италию»[26]. Сам Гоголь ко времени появления в его комедии реплик об «италианочках» уже побывал в Италии и составил собственные «путевые записки» — повесть «Рим». Однако его изображение Парижа и Рима в этой повести — отнюдь не рядовое описание вояжа, «поселяющее желания», но масштабное художественное полотно, заключающее в себе глубокую культурно-историческую концепцию.

Мурзакевич также вспоминал: «Бывший военным губернатором Одессы Дм. Дм. Ахлестышев, которого семейный круг поддерживался как его умною и доброю женою[27], так и им самим, по случаю назначения его в Москву сенатором[28], закрылся[29]. В Ахлестышеве Одесса потеряла одного из лучших своих градоначальников... <...> Назначенный градоначальником Ал. Ив. Казначеев и его благоверная супруга[30] — "синие чулки", по многим причинам, не могли собрать вокруг себя общество, в котором с приятностью можно было бы отдохнуть от трудов. Оставалось небогатое семейство П. П. Титова[31], достаточно поплатившегося за известное 14-е декабря, брата константинопольского посла[32], его супруга, Юл<ия> Мих<ай>ловна, была дочь коменданта, убитого в 1831 году в Варшаве[33]. У них собирались: добрые старички — оба Катакази[34] (из них один бывший греческий посланник), Негри, иногда граф Л. С. Потоцкий (сын первого харьковского попечителя[35]), Казначеевы... <...> Так минули зима, весна и лето <1850 г.>. Преград не существовало никаких. Холостое общество Н. П. Ильина, Л. С. Пушкина, М. А. Кологривова, кн<язя> Васильчикова и других я почти забыл, готовясь к семейной жизни... <...> С восторженною радостию приветствовал холостой кружок возвратившегося блудного сына. <...> Приятели не раз ожидали, что мои ухаживания за

Р. Г. Л. кончатся гименеевскими узами. Но прежнего счастья я не находил. <...> Тяжелый год мой заключил я статейкою для календаря, разумеется новороссийского: "Одесская городская публичная библиотека и ее успехи". Затем[36] отправился в Москву и С.-Петербург, чисто для рассеянья»[37].

В 1901 г. корреспондент газеты «Одесский Листок», беседовавший с бывшим учеником начальных классов Одесского общественного училища О. С. Хаисом, сообщал: «...Старожил Одессы, местный финансовый деятель и гласный думы О. С. Хаис, передавал нам, что он, еще будучи мальчиком, встречал Гоголя в Одессе. Гоголь был большим приятелем тогдашнего директора Ришельевского лицея, профессора Мурзакевича[38], с которым часто гулял. В 1850 году Гоголь прибыл в Одессу.

— Я тогда учился, — рассказывал г. Хаис, — в 6-ти классном общественном училище, помещавшемся на Троицкой улице. Это училище было двухразрядное и особого типа. Директором его был пользовавшийся большой известностью в Одессе Штерн[39]. В это училище приглашали и директора Мурзакевича, присутствовавшего на экзаменах, и проч. Раз он посетил училище с прибывшим в Одессу министром народного просвещения Норовым[40]. Поэтому мы, ученики, отлично знали его. Как-то раз я и еще несколько совсем маленьких учеников 1-го и 2-го класса вместе с двумя старшими учениками пошли по Ришельевской улице на Дерибасовскую, в дом Вагнера, где помещался Ришельевский лицей. В то время Ришельевская улица считалась главной в городе. Оттуда мы отправились на Надеждинскую улицу. Вдруг нам навстречу идет профессор Мурзакевич с каким-то господином. У того лицо было очень серьезное и вид сумрачный. Мурзакевич с ним о чем-то оживленно беседовал. Узнав Мурзакевича, мы ему поклонились. За нами шли несколько посторонних лиц и вдруг одно из них произнесло:

— Господа, это Гоголь!

Откровенно говоря, мы, малыши, не имели тогда еще понятия о Гоголе.

Кто-то из нас заметил:

— Может быть, "Гоголь-Моголь"? Фамилия Мурзакевича начинается на М., а его спутника на Г.

Малыши при этом расхохотались.

— Как вам не стыдно так говорить? — произнес один из старших учеников. — Это наш знаменитый русский писатель.

На следующий день в училище стало известно о нашей встрече с Гоголем. Когда директор узнал, что мы не знали, с кем встретились, то он ознакомил нас с биографией знаменитого писателя и возбудил у нас глубокий интерес к его личности»[41].

Из разысканий А. И. Маркевича (1902): «Мурзакевича <...> вместе с Гоголем видел одессит О. С. Хаис. — О. С. Хаис в то время был воспитанником училища г. Штерна. Когда он с товарищами проходил по Сабанееву мосту, они заметили, что впереди их шел хорошо известный им в качестве высшего учебного начальства, и довольно грозного, Мурзакевич с другим господином. Кто-то из старших воспитанников произнес: "Гоголь!" Тогда какой-то мальчик скаламбурил: "Гоголь-моголь", подразумевая под последним Мурзакевича. Все захохотали, но старшие уняли мальчиков, и когда воспитанники вернулись в училище, то г. Штерн разъяснил им, кто такой Гоголь, и возбудил в них охоту прочесть его произведения (сообщено мне О. С. Хаисом)»[42].

[1] Публичная Городская библиотека была учреждена в Одессе в 1829 г. Библиотекарем ее с 1843 г. по 1853 г. был Н. Н. Мурзакевич (см.: Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского Лицея. Одесса, 1848 (цензурное разрешение 4 авг.). С. 185, 405). С 1843 по 1858 г. Мурзакевич заведовал также Одесским городским музеем древностей.

[2] *Мурзакевич Н. Н.* Записки // *Свод*. Т. 3. С. 760.

[3] А. И. Казначеева.

[4] *Зленко Г. Д.* Одесские тетради: Литературоведческие очерки и разыскания. Одесса, 1980. С. 25; *Свод*. Т. 3. С. 763.

[5] См. ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса.***

[6] Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850) / Пер. с фр. и публ. Л. В. Гладковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. Т. XX. С. 640; *Свод*. Т. 3. С. 763.

[7] См. ***1850. Августа 31. Четверг. Киев.***

[8] Обед, данный в Москве, октября 21-го дня, в честь князя П. А. Вяземского // Москвитянин. 1850. № 21 (цензурное разрешение 31 окт.). Отд. V. С. 33.

[9] Там же. С. 33.

[10] *Свод.* Т. 2. С. 499.

[11] Переписка П. А. Вяземского с Эрн. Ф. Тютчевой (1849–1850). С. 520; *Свод.* Т. 3. С. 763.

[12] Владимир Альбертович Линовский (1818–1863), профессор практического судопроизводства Ришельевского лицея.

[13] Андрей Яковлевич Комарницкий (Камарницкий), адъюнкт-профессор государственного права Российской Империи и законодательства о повинностях и финансах Ришельевского лицея в 1842–1854 гг.

[14] Константин Петрович Зеленецкий (1812–1858), профессор российской словесности Ришельевского лицея. 23 марта 1851 г. П. А. Плетнев писал Гоголю: «Пожалуста, поклонись Мурзакевичу, Зеленецкому, Саржинскому <Шаржинскому> и всем, кто в Одессе меня вспомнит».

[15] Владимир Васильевич Петровский (род. в 1815), профессор прикладной математики Ришельевского лицея.

[16] Христиан Генрихович Гассгаген, профессор химии и технологии Ришельевского лицея.

[17] Г. И. Соколов.

[18] Василий Несторович Кузьмин (1797–1855), востоковед, профессор арабской, персидской и турецкой словесности Ришельевского лицея.

[19] Мурзакевич был профессором российской истории и статистики.

[20] *Мурзакевич Н. Н.* Записки // *Свод.* Т. 3. С. 760.

[21] Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская Старина. 1889. № 2. С. 259–260; *Свод.* Т. 3. С. 761.

[22] См. письмо Н. М. Языкова Н. Н. Шереметевой от 29 декабря 1845 г.: ***1845. Декабря 29 <1846. Января 10>. Суббота. Москва.***

[23] *Норов А.* Путешествие по Сицилии, в 1822-м году. СПб., 1828. Ч. 1 (цензурное разрешение 19 сентября 1827 г.). С. 65.

[24] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[26] См. ***1851. Марта 3. Суббота. Одесса.***

[27] Пелагея Павловна (рожд. Рахманова, 1812–1896).

[28] 6 декабря 1848 г.

[29] В 1849–1850 гг. (см. ***1850. Октября конец – декабрь. Одесса*** – примечания).

[30] Варвара Дмитриевна (рожд. княжна Волконская, 1793–1859).

[31] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы*** (примечания).

[32] В. П. Титова.

[33] Имеется в виду генерал от инфантерии Михаил Иванович Левицкий (1761–1831), комендант Варшавы с 1814 г. Его дочь Юлия (в замужестве Титова) была фрейлиной.

[34] Константин Антонович Катакази (род. в 1775), бессарабский гражданский губернатор в 1818–1826 гг., и Гавриил Антонович Катакази (1794–1867), дипломат.

[35] Графа С. О. Потоцкого.

[36] См. ***1850. Декабря 15. Пятница. Одесса.***

[37] *Мурзакевич Н. Н.* Записки // *Свод.* Т. 3. С. 760.

[38] Мурзакевич, будучи преподавателем Ришельевского лица, стал его директором уже после отъезда Гоголя из Одессы (см. примеч. выше).

[39] Василий (Базилиус) Штерн (1798–1853), педагог и общественный деятель.

[40] См. примеч. выше.

[41] *М–ль Г.* Еще о Гоголе в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 778–779.

[42] *Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // *Свод.* Т. 3. С. 782.

ДЕКАБРЯ 14. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Одессы[2]; в тот же день пишет ему ответное письмо:

«Недуги твои, сколько я могу судить по твоим рассказам, происходят от расстройства нервов... <...> Все, что ни привык ты думать о климате Греции, Италии, Малой Азии и Палестины,

все это <...> исчезнет при первом дыхании свеженького ветра. Основа здоровья в качестве крови, в силах органов и в нормальной деятельности каждой части нашего состава. <...> *Верного* ничего не могу сказать тебе о будущем лете. У моей жены мать[3] близ смерти. Она в Старой Русе. <...> Жених Оленьки[4] из Москвы, учился в тамошнем университете, откуда получил магистерство по юриспруденции, а теперь додерживает экзамен на докторство. Его фамилия Лакиер, сын доктора[5] из прусских немцев, женатого на русской (Шауфус)[6], от чего и молодой человек православного вероисповедания. Я его знаю около пяти лет, в продолжение которых он все был влюблен в теперешнюю свою невесту, но я не соглашался на их брак до нынешнего года, так как оба они были слишком молоды. Лакиер теперь в чине коллежского ассесора служит уже начальником отделения в министерстве юстиции. Ты конечно знаешь, что Жуковский из Петербурга не позже августа должен будет ехать в Москву. <...> По твоей публикации какая-то дама прислала на мое имя тетрадь, исписанную каллиграфически, где содержатся заметки на провинциальные нравы. Пожалуйста напиши, не лучше ли мне поберечь ее до твоего сюда приезда, или тебе нужно, чтобы я переслал ее в Одессу?»

В предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» (М., 1846) Гоголь просил своих читателей присылать ему замечания на поэму или через С. П. Шевырева в Москве, или через П. А. Плетнева в Петербурге — «смотря по тому, к кому какой город ближе». На это предисловие, в частности, откликнулась некая жительница Ветлужского уезда Костромской губернии. Среди бумаг Н. С. Тихонравова в рукописном отделе *РГБ* хранились (до 2008 г.) ее обширные воспоминания о столичной жизни, озаглавленные «Материалы для [второго тома] продолжения "Мертвых душ", доставленные Н. В. Гоголю из провинции, по его печатной просьбе»[7].

23 марта 1851 г. Плетнев вновь писал Гоголю в Одессу: «Я все ждал, что скажешь ты насчет замечаний неизвестной особы, по вызову твоему приславшей их ко мне: не забудь, что при втором издании первой части "Мертвых душ" ты всех просил доставлять подобные замечания ко мне или к Шевыреву. А теперь ты даже и не отвечаешь мне на этот пункт. Что же это значит?»[8] 15 июля 1851 г. Гоголь отвечал Плетневу: «Получил пересланное тобой описание [филантропического] филармонического быта в большом свете, по поводу "М<ертвых> д<уш>". Две страницы пробежал: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мне, наблюдательность и жизнь»[9].

[1] См.: *Городецкий*. С. 457.

[2] См. ***1850. Декабря 2. Суббота. Одесса.***

[3] Княгиня В. Н. Щетинина, скончалась спустя более года, 14 февраля 1852 г. (см.: *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 729).

[4] Дочь Плетнева, Ольга Петровна, вскоре вышла замуж за Александра Борисовича Лакиера (Лакьера, 1825–1870), историка права и путешественника, служившего тогда по министерству юстиции.

[5] Борис Львович Лакиер.

[6] Екатерина Федоровна (рожд. Шауфус).

[7] *РГБ*. Ф. 298. Разд. I. К. 37. Ед. хр. 4; указано Н. Л. Виноградской в изд.: *Гоголь 2001–2012*. Т. 7. Кн. 2. С. 601. В настоящее время эта рукопись, оставшаяся неопубликованной, утеряна и по указанному шифру не числится.

[8] См. ***1851. Марта 23. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1851. Июля 15. Воскресенье. Москва.***

ДЕКАБРЯ 15. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

Пользуясь оказией, Гоголь через Н. Н. Мурзакевича отправляет письма: в Петербург — П. А. Плетневу[1] (письмо не сохранилось); в Москву — С. П. Шевыреву (ответное[2]) и, вероятно, М. П. Погодину (последнее письмо также не сохранилось).

В Петербург из Одессы Мурзакевич ехал почтовым трактом через Витебск, минуя Москву; в Москве побывал на обратном пути; вернулся в Одессу в марте 1851 г., за несколько дней до отъезда оттуда Гоголя[3].

Позднее Мурзакевич вспоминал: «Прибыв в С.-Петербург на другой день нового 1851 года, я, после короткого отдыха, явился в министерство по заведенному обычаю. <...> Опера, вечера у

старых и новых знакомых, в том числе у П. А. Плетнева, к которому я имел письмо от Гоголя, завершали хлопотливые утра. От Плетнева я узнал об опале, постигнувшей в Киеве Костомарова и Кулиша. Их подвергли полицейскому преследованию за малороссийский сепаратизм[4]. Костомарова, адъюнкта университета, сослали в Саратов, на службу в губернскую канцелярию, Кулиша, отправлявшегося за границу, возвратили и поместили в С.-Петербурге, в министерстве внутренних дел. О всем этом писал мне Кулиш, не жалуясь на свою судьбу. <...> На возвратном пути в Одессу я провел десять дней в Москве, в семействе Лачиновых, переселившихся сюда в 1841 году. <...> Бедный М. П. Погодин жаловался на медвежью услугу Гоголя, от которого я привез письмо. <...> Гоголь в своих "Письмах"[5] справедливо осуждал неизъяснимую "поспешность" Погодина во всех его делах, которая ему и другим часто вредила. В Москве почти все свои вечера я проводил у А. Д. Черткова, сделавшегося в это время отчаянным славянофилом. Начитанный, благородный старик даже в этрусских надписях видел славянское наречие. Прежнего моего спутника Иосифа М. Бодянского я застал в опале за помещение в "Чтениях Московского Общества Истории и Древностей" "Сказания о России, англичанина Флетчера"[6]. Неосмотрительного редактора удалили от секретарства по обществу и перевели в Казанский университет, куда упрямый малороссиянин не поехал, и теперь сидит без должности. <...>

По случаю преждевременных оттепелей мой обратный путь сопровождался труднопроезжаемою грязью, а в Херсонской губернии разливом речек. <...>

Проводив Н. В. Гоголя на его родину[7], где он хотел в семействе встретить Пасху[8], я предался полному бездействию»[9].

В послании к Шевыреву (от 15 декабря 1850 г.) Гоголь писал: «Пользуюсь оказией и отвечаю тебе на твое письмо через Николая Никифоров<ича> Мурзакевича, который к Рождеству[10], вероятно, уже будет в Москве. <...> Относительно распоряженья твоего насчет 1000 руб<лей> сереб<ром> из благотворительной суммы совершенно согласен, и мне кажется самому, что это будет полезнее прочего. Сочинения можешь отдать в цензуру, но если бы к чему привязался цензор, то отвоюй, переговорив с попечителем[11]. Что же до отпуска всех экземпляров "М<ертвых> д<уш>" одному книгопродавцу, то, мне кажется, лучше этого не делать, потому что от этого выгоды мне никакой, а бедному покупщику вред. Забравши остальные книги, книгопродавец делается тотчас монополистом и дерет жидовские цены. Письма Базили не ищи, не отыщешь; оно давно в моих руках, ты его отправил тот же час ко мне, как получил[12]. <...> Поздравляю вперед с грядущим 1851-м годом...»

[1] Позднее, 25 января 1851 г., Гоголь писал Плетневу: «Я писал тебе еще с Мурзакевичем, ехавшим отсюда к вам» (см. ***1851. Января 25. Четверг. Одесса***). 23 марта 1851 г. Плетнев отвечал: «На другое письмо твое, присланное с Мурзакевичем, я потому не отвечал, что ждал отзыва на свое первое» (подразумевается письмо от 14 декабря 1850 г.: ***1850. Декабря 14. Четверг. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1850. Ноября 28. Вторник. Москва***.

[3] См. ***1851. Марта 28. Среда. Одесса***.

[4] Историю ареста П. А. Кулиша осенью 1846 г. и его последующей ссылки в Тулу см.: ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава***. Очевидно, об аресте Кулиша, как и об увольнении из Московского университета О. М. Бодянского (см. примеч. ниже), Мурзакевич узнал во время более ранней своей поездки в Петербург.

[5] В статье «О том, что такое слово».

[6] Уже в декабре 1849 г. Бодянский был восстановлен в должности (см. ***1849. Декабря 21. Среда. Москва***). Очевидно, что об увольнении Бодянского из Московского университета осенью 1848 г., как и об аресте П. А. Кулиша в апреле 1847 г. (см. примеч. выше), Мурзакевич узнал во время своей предшествующей поездки в Петербург.

[7] См. ***1851. Марта около 27. Одесса***.

[8] См. ***1851. Апреля 8. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Кагорлык***.

[9] *Мурзакевич Н. Н.* Записки // *Свод*. Т. 3. С. 760–761.

[10] 25 декабря (ст. ст.). В феврале 1851 г. Гоголь спрашивал Шевырева: «Я писал к тебе с Мурзакевичем, получил ли ты это письмо?» На это письмо Шевырев ответил 3 марта 1851 г.

[11] В. И. Назимов.

[12] См. ***1850. Августа конец – сентябрь. Москва***.

ДЕКАБРЯ 16. СУББОТА. ОДЕССА

Гоголь отправляет письма В. А. Жуковскому в Баден и А. А. Иванову в Рим.

Из письма к Жуковскому: «Поздравляю тебя с наступающим новым годом: Бог в помощь, добрый друг! <...> Мы давно друг к другу не писали... <...> Предмет, связавший тесней прежнего нас, близок равно сердцам нашим, и, мысля о нем, нельзя, чтобы мы не вспоминали друг о друге. Милосердый Бог меня еще хранит, силы еще не слабеют, несмотря на слабость здоровья; работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанью. Что ж делать? Покуда человек молод, он — поэт, даже и тогда, когда не писатель; когда же он созреет, он должен вспомнить, что он — человек, даже и тогда, когда писатель. А что человек? Его значенье высоко: ему определено стать выше Ангела небесного, любовью пострадавшего за нас Христа. Покуда писатель молод, он пишет много и скоро. Воображенье подталкивает его беспрерывно. Он творит, строит очаровательные воздушные себе замки, и немудрено, что писанью, как и замкам, нет конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметом и дело касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь в ее высшем достоинстве, в каком она должна быть и может быть на земле и в каком она есть покуда в немногих избранных и лучших, тут воображенье немного подвигнет писателя[1]; нужно добывать с боя всякую черту. Хотелось бы очень прочесть тебе всё, что написалось. Если Бог благословит возврат твой в Россию будущим летом, то хорошо бы нам съехаться хоть на месяц туда, где расположишься ты на летнее пребывание, будет ли это в Ревеле, Риге или где инде. Мы туда бы выписали Плетнева, Смирнову и еще кого-нибудь и провели бы прекрасно это время. <...> Пиши в Одессу, куда я убежал от суровости зимы, подействовавшей было на меня довольно разрушительно в Москве, но, слава Богу, в этом году она благосклонней. <...> Адрес: В Одессе 1 части 1-го квартала. В доме генерал-майора Трощинского».

Из письма к Иванову: «Поздравляю вас <с> новым годом... <...> От всей души желаю, чтобы он был плодотворен для вашей работы и чтобы картина ваша[2] в продолжение его наконец, окончилась, и окончание ее, венчающее дело, было бы достославно. Пора наконец. Не всё же продолжаться этим, безотрадным явленьям суматох и беспорядков; пора наконец показаться на свет плодам мира, обдуманных во глубине души мыслей и высоких созерцаний, совершившихся в тишине. Хорошо бы было, если бы и ваша картина и моя поэма явились вместе. Я нынешнюю зиму провожу в Одессе. Петербургская и московская зима выносятся плохо моим слабым телом. Впрочем, весной полагаю быть в Москве, а летом, может быть, в Петербурге. До самого конца марта адресуйте мне в Одессу (1 части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского). <...> Если с вами Моллер[3], обнимите его покрепче и поздравьте от меня с новым годом»[4].

[1] Ср. одно из «выражений» московского книгопродавца И. Г. Кольчугина, занесенное Гоголем в записную книжку 1841–1845 гг.: «Я просила катихизис за 1842-й, а вы дали за 1830-й. — Да ведь это всё равно, сударыня: катихизис такого рода вещь, что тут воображением не разыграешь, хоть сам Филарет».

[2] «Явление Мессии».

[3] С сентября 1850 до августа 1851 г. Моллер находился на лечении в Грефенберге. — См. также ***1851. Февраля 18 <6>. Вторник. Рим***.

[4] Ответ А. А. Иванова см.: ***1851. Января 30 <18>. Четверг. Рим***.

ДЕКАБРЯ 23. СУББОТА. ОДЕССА

Гоголь отправляет ответные письма к С. Т. Аксакову[1] в Москву и к А. О. Смирновой[2] в Калугу.

Из письма к Аксакову: «Очень обрадовали меня вашим письмецом... <...> ...За всё слава Богу! Если будем довольствоваться малым, дастся и больше. Меня тоже Бог милует и хранит: зима здеш-

няя благоприятна мне. Занятия мои потихоньку идут. Весной хочется быть в Москве, повидаться с вами и с Москвой. Очень рад, что драма Конст<антина> Сергеевича[3] попала на сцену. Весьма меня обяжете, если уведомите, как она шла, каково общее впечатление и что говорят о ней порознь».

Из письма к Смирновой: «Письмо ваше от 24 ноября получил... <...> Всё правда, что вы в нем ни пишете. Много развевается холодного, безнравствен<ного> по белу свету. Много порыва-ет<ся> отовсюду всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, все тверд<ые> основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог, без воли Коего не падет волос с главы, что Он превосходит всё неизмеримостью Своего милосердия[4], что одна молитва праведника может отвратить многое и спасти многое, что, наконец, Он — высший разум, превыше всех наших ежеминут<но> ошибающих<ся> умозаключений, — так станет вдруг ничтожно и низко всё то, чем мы смущаемся! И видишь, что нужно человеку только молиться и благодари<ть>. Молиться за всех, благодарить за всё. С псалмопевцем[5] в руках то стремиться к Нему воплем души о водворении посреди нас правды, то славословить Его так же неумолкаемо, как он Его славословит. Дай Бог и вам и мне такого препровожденья жизни, тогда никакое мирское смущенье не смутит нас. О себе покуда скажу, что Бог хранит, дает силу работать и трудиться. Утро постоянно проходит в занятиях, не тороплюсь и осматриваюсь [тише едешь — дальше будешь]. Художественное созданье и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое и не нарушается ли нестройным криком всеобщего согласия. Зима здесь в этом году особенно благоприятна. Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! так вдруг и напомнится кусочек Ниццы[6]! Не прожить ли [нам] следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно. Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты? Ведь старики, по-настоящему, должны только глядеть друг на друга да благодарить Бога за всё, — за то, что прожили до этих пор и что глядят друг на друга. <...> Адресуйте: Одесса. 1-й части 1 квартала, в доме генерал-майора Трощинского».

[1] См. ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1850. Ноября 24. Пятница. День памяти св. великомученицы Екатерины. Калуга.***

[3] Драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). — См. также ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва***; ***1848. Июня 3. Четверг. Васильевка***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***; ***1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава***; ***1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка***; ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва.***

[4] Подробнее см.: ***1848. Сентября 24. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] См. ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.*** — См. также ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим.***

[6] См. ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

ДЕКАБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. ОДЕССА

Гоголь сравнивает празднование Рождества Христова в Одессе с днем Пасхи.

См. ***1850. Декабря. 28. Четверг. Одесса.***

ДЕКАБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет второе[1] подряд письмо Гоголю в Одессу:

«Поздравляю вас <...> с великим праздником. Давно бы следовало мне написать вам о представлении драмы Константина[2], которое было 14 декабря; но в продолжение этих десяти дней много было у меня смущений разных и нездоровья. Не знаю, как сказать вам об успехе драмы? Если сильное раздражение в одной части публики, внимание в другой и сочувствие — в третьей, небольшой, части общества может назваться успехом, то успех был огромный: до сих пор Москва полна разговоров, брани и клевет на автора. Я был сам в театре, который битком набился народом. Еще до поднятия занавеса можно было видеть, что везде рассыпаны шикальщики, которые мешали всему без разбора и с такою наглостью, что общий голос публики называет их полицейскими служителями. Впрочем, мы убеждены, что это было сделано без дозволения графа Закревского, и слышали, что он был очень недоволен. Мнимая русская аристократия и высшее дворянство, не знаю почему, изволили обидеться и бояться донельзя, особенно Трубецкие и Салтыковы[3]. Я имел счастие услышать, что про моего Константина говорили те же речи, какие я слыхал про вас после "Ревизора" и "Мертвых душ", то есть: "В кандалы бы автора да в Сибирь!"[4]

Пиеса остановлена до разрешения из Петербурга; но, вероятно, не будет представляться[5]. Да и в самом деле, зачем предлагать публике душеспасительную духовную пищу, если она производит в ней физическую тошноту и рвоту.

Вы знаете драму[6]; она никогда не назначалась для театра и написана без всякого сценического искусства; но строгая истинность исторических событий и горячее чувство автора очень слышны на сцене, и многие места производят сильное впечатление. Для меня по крайней мере вопрос русской драмы решен: она может и должна быть; но непременно древняя, ибо в настоящее время русской жизнию живет один крестьянин. Что касается до русского чувства, то оно сохранилось и пробудилось в доказательство, как хорошо актеры поняли пьесу. Посылаю стихи Ленского, прочтенные на обеде Константину. <...> Несмотря на шиканье, автора два раза и горячо вызывали».

[1] Ср. ***1850. Декабря 5. Вторник. Москва.***

[2] Драма в 5 действиях К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848). — См. также ***1851. Января первая половина. Москва.***

[3] В драме Аксакова большинство бояр было изображено негативно, в том числе и представители семей Салтыковых и Трубецких.

[4] См. ***1842. Мая между 23 и 28. Москва*** (примечания).

[5] «Первое и единственное представление драмы К. С. Аксакова "Освобождение Москвы" происходило в бенефис Леонидова, в декабре <14 числа> 1850 года. В ней находится припев про "город с именем чужим" <см. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** — примечания>, за который она и была снята со сцены. *П. Б.*» (примечание П. И. Бартенева; см.: *Павлов Н. М.* Гоголь и славянофилы. (По поводу прилагаемых писем К. С. Аксакова) // Русский Архив. 1890. № 1. С. 158). В связи с постановкой «Освобождения Москвы...» попечитель Московского учебного округа В. И Назимов писал министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову: «Драма Аксакова хотя и написана в духе Православия, однако содержит в себе такие мысли, которые легко могут возбудить в простом народе враждебное расположение против высших сословий и вообще подать повод к превратным истолкованиям... во время представления этой драмы на московской сцене... был в театре большой шум. На все возгласы актера при порицании бояр раек кричал: "Правда, правда!"» (*Барсуков.* 1895. Кн. 9. С. 463).

[6] См. ***1848. Мая 17. Понедельник. Москва; 1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва; 1848. Июня 3. Четверг. Васильевка; 1848. Июня 8. Вторник. Васильевка; 1848. Июня 15. Вторник. Васильевка, Полтава; 1848. Июля 12. Понедельник. Васильевка; 1848. Сентября 11. Суббота. Москва.***

ДЕКАБРЯ 26. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре[1]; в роли Бурдюкова — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 404.

[2] *Гриц.* С. 461.

ДЕКАБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

Гоголь обедает у княгини В. А. Репниной-Волконской и ее дочери княжны В. Н. Репниной-Волконской.

Е. А. Хитрово пометила в своем дневнике: «*28 декабря.* Гоголь бывал реже. О комиссиях Нессельроде он отвечал мне: "Это как бы говорили мне о каком-нибудь[1]... Это немцы, живущие насчет России... Он[2] любит деревья"»[3].

В дневниковой записи от 29 декабря Хитрово добавила: «Вчера мы обедали с ним у княгини-матери. Поздравляя, он руки у меня поцеловал. Он был очень весел; говорил, что этот праздник[4] здесь, в Одессе, напоминает Светлое Христово Воскресенье: народ на улице, все нараспашку. За обедом подле него сидела. Он говорил о записках: один всегда писал все, что делал всякий день, и упоминал о том, где и с кем <обедал>[5], прибавляя часто: "подпияхом". О любви народа к хорошему басу у дьякона он рассказывал анекдот. При Екатерине у дьякона был такой густой голос, что хоть лопатой греби! Как грянет в октаву: "Братие!" — как кулаком ударит. О том, что я ему сказала: "Мудрено воспитание". — "Нет, не мудрено. Сделали мудреным. Стоит отцу и матери сидеть дома и чтоб ребенок рано почувствовал, что он член общества". — А читать надобно? — "И читать можно: книги — подспорье хорошее для всех, хорошо и для детей"».

Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово> // Свод.* Т. 3. С. 742.

[1] «После этого следует неразборчивое слово; кажется: узор» (примеч. В. И. Шенрока).
[2] «Т. е. граф Нессельроде» (примеч. П. И. Бартенева).
[3] Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово> // Свод.* Т. 3. С. 742.
[4] См. ***1848. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова. Одесса.***
[5] Ср. в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833): «Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: "Сия дыня съедена такого-то числа". Если при этом был какой-нибудь гость, то: "участвовал такой-то"».

ДЕКАБРЯ 29. ПЯТНИЦА. ОДЕССА

Гоголь обедает у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

Из дневника Е. А. Хитрово: «*29 декабря.* Он обедал здесь. Княгиня должна была исповедываться за столом. Он спросил (сидел подле меня, а потом, встряхнув немного волосами, взглянул и на меня): "Какая мысль доставляет более всего спокойствия?" Я молчала, княгиня запнулась. Он продолжал: "За все с нами случающееся благодарить Бога. Странно, что мы, не делая этого, доказываем, что мало надеемся на Того, Кто лучше всех все знает, — на Бога". После обеда княгиня уехала. Он остался. Говорили о ботанике. Я ему записала адрес...[1] Le Maont. Перелистывая каталог Неаполитанского ботанического сада, он нашел Adianthum засушенный, и когда я ему стала говорить о сходстве его листьев с листьями Salisburia adianthifolia, он схватил карандаш и нарисовал листок этого дерева, которое видел во Франкфурте в саду у Жуковского[2]. Когда он говорил о том, что за все Бога надобно благодарить, у меня слезы текли из глаз».

Гоголь в Одессе. 1850–1851. *<Дневник Е. А. Хитрово> // Свод.* Т. 3. С. 742.

[1] «Перед словом "Le Maont" стоит совершенно неразборчивое слово» (примеч. В. И. Шенрока).
[2] См. ***1844. Около июня 8 — июля 24 или 25 <около мая 27 — июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне.***

ДЕКАБРЯ 30. СУББОТА. ОДЕССА

Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев и ответное[1] письмо к монаху Порфирию (Григорову) в Оптину Пустынь[2] (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к о. Матфею: «Пишу к вам несколько строчек, добрейший Матвей Александрович, <...> только затем, чтобы вновь повторить ту же просьбу: молитесь обо мне, добрая душа! Намерение мое ехать в теплые отдаленные края, для поправленья хилого моего здоровья, не состоялось. Я остался здесь, в Одессе, и этому рад. По великой милости Божией, зима здесь в этом году вовсе не похожа на суровые зимы предыдущие: она тепла и благоприятна моему здоровью. Что же касается до душевного состояния... но что говорить? Может быть, вам душа моя известна больше, чем мне самому. Молюсь, чтобы Бог превратил меня всего в один *благодарный гимн* Ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более *словесное*, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостоинства моего, сподобил бы Он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь Ему. Молюсь, молюсь и, видя бессилие своих молитв, вопию о помощи: молитесь, добрая душа! <...> Адрес мой: Николаю Васильевичу Гоголю в Одессу, 1 части 1 квартала, в доме Трощинского. Не знаете ли вы чего об гр<афе> Александре Петровиче[3]? Я давно уже не имею о нем известий. От всей души поздравляю вас с наступающим новым годом».

[1] См. ***1850. Июля 29. Суббота. Оптина Пустынь.***
[2] См. ***1851. Января 26. Пятница. Оптина Пустынь.***
[3] Толстой.

ДЕКАБРЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

Гоголь у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских.

См. ***1851. Января 1. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Одесса.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЬ. ОДЕССА

Представление «Ревизора» в Одесском театре. На репетициях и спектакле был Гоголь.

Из воспоминаний П. М. Надимова[1]: «По выезде Д. Д. Ахлестышева из Одессы[2] назначен был губернатором Т<айный> С<оветник> А. И. Казначеев[3]. К нему приезжал гостить Н. В. Гоголь. И в это время для такого дорогого гостя А. Ф. Богданов устроил у себя семейный вечер. Н. В. Г<оголь> был знаком с женой А. Богданова[4], родной сестрой М. Щепкина[5], с которым Н<иколай> В<асильевич> был в дружеских отношениях, бывал у них в доме; и вот на этом вечере Н. В. Г<оголь> сам изъявил желание прочесть несколько отрывков из своего соч<инения> “Мертвые Души”, от которого все артисты были в восторге, слушавши чтение такой знаменитости. При нем ставили “Ревизора”[6]. Распределение ролей было так: Городничего – А. Зверев, Жену – Л. Млотковская, дочь – М. Кителот, Хлестакова – М. Максимов, Осипа – И. Орлов (который считался лучшим исполнителем из игравших эту роль), Бобчинского – С. Шумский, Добчинского – М. Воробьев, почтмейстера – ...[7], Земляника – ...[8], Купца и Жандарма – П. Николаев, Пошлепкину – Е. Николаева, Мишку, слугу город<ничего>, я играл под фамилией Павлов.

Н. В. Гоголь был на репетициях, а во время антрактов, прохаживаясь по сцене с артистами, делал свои замечания и советы. Многие в Одессе говорят, что в присутствии Н. В. Гоголя роль Осипа играл П. Николаев, это неверно; он играл то, что указано мною выше. Во время спектакля

он сидел в ложе губернатора, выходил на сцену, и вообще остался очень доволен исполнением артистов»[9].

[1] Павел Моисеевич Надимов (1831 — после 1881), актер, антрепренер. В зимний театральный сезон 1881/82 г. в Житомире труппа П. М. Надимова играла «Тараса Бульбу» (см.: *Ванченко К. И.* Воспоминания украинского актера // Голос Минувшего. 1915. № 7–8. С. 152).

[2] В 1849–1850 гг.

[3] Некоторое время А. И. Казначеев, переведенный в Одессу из Симферополя в конце 1848 г., исполнял должность одесского градоначальника при военном губернаторе Одессы (с 1840 г.) Д. Д. Ахлестышеве (6 декабря 1848 г. назначен сенатором). После отъезда Ахлестышева из Одессы Казначеев не был назначен военным губернатором, а остался в должности градоначальника, тогда как должность военного губернатора Одессы была упразднена. (До приезда Казначеева в Одессу губернатор Ахлестышев сам исполнял обязанности одесского градоначальника.)

[4] Александр Федорович Богданов (ум. в 1877), танцовщик и актер московской труппы (с 1830), режиссер одесского театра (в 1847–1853), режиссер московского Малого театра (с 1861) (ум. в 1877), муж Е. С. Богдановой (рожд. Щепкиной). См. также ***1851. Января 2–3 или 5. Одесса***.

[5] Елизаветой Семеновной Богдановой (рожд. Щепкиной).

[6] Впервые в Одессе «Ревизор» был поставлен в 1837 г.

[7] В рукописи оставлен пробел.

[8] В рукописи оставлен пробел.

[9] *Надимов П. М.* <Воспоминания актера> // *Свод.* Т. 3. С. 791–792.

Список сокращений

Гоголь 1937–1952 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1994 — Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 — Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2001–2012 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное — М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003); Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М.: Наука, 2003; Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; Коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009; Т. 7. Кн. 1–2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2012.

Гоголь 2009 — Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Виноградов 2000 — Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 — Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 — Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва.

Городецкий — Городецкий Б. П. Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1.

Гриц — Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ — Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Дурылин 1928 — Дурылин С. Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. М., 1928.

Ельницкая 1978 — Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Ельницкая 1979 — Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Клинчин — Клинчин А. П. Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Кулиш 1852 — <Кулиш П. А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 — <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Список сокращений

Кулиш 1854 (1) — *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92; Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) — *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 — *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

Кулиш 2003 — *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В двух томах / Вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

Назаревский — *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 315–357.

НБУ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Свод — *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Супронюк. Словарь — *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

Тархова — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 3. 1829–1832 / Сост. Н. А. Тархова; Т. 4. 1833–1837 / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Шенрок — *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Шубинский — Описание автографов Н. В. Гоголя. (Гос. публ. б-ка УССР. Отдел рукописей) / Сост. И. В. Шубинский. Киев: АН УССР, 1952.

Именной указатель

А., пензенский корреспондент газеты «Северная Пчела», 213, 220
Абакумов, житель Калуги, 349
Абрамов Б. И., 251
Августинович, домовладелица в Одессе, 573
Авель (Ванюков), иеромонах, 507
Аврааменко Ф. К., 70, 71, 75, 77, 78
Аврааменко, жена Ф. К. Аврааменко, 70, 77
Авраамов Н. П., 345, 348, 351
Агапит (Беловидов), схиархимандрит, 514, 516, 517
Агарков, домовладелец в Одессе, 564
Агасфер, 431
Аглаий, св. мученик, 561
Адам, праотец, 260
Адлерберг (рожд. Нелидова) М. В., графиня, 541
Адлерберг В. Ф., граф (с 1847 г.), 541
Аетий, св. мученик, 561
Азадовский М. К., 600
Азария Вавилонский, отрок, св. мученик, 33
Айвазовский И. К., 145, 276, 277, 325
Айзенштоk И. Я., 600
Айзикова И. А., 167
Акакий, св. мученик, 561
Аксаков А. Т., 142–144, 179, 180, 587, 588
Аксаков Г. С., 143, 209, 287, 295, 463, 471, 479, 483, 587
Аксаков И. С., 32, 71, 72, 82, 86, 97, 142–145, 157, 160, 161, 172, 176, 179, 180, 183, 185–187, 195–197, 202, 205–209, 220, 221, 224, 231, 233, 234, 243, 248, 255, 256, 261, 265, 277, 284, 287, 293–296, 299, 302, 312, 329, 332, 336, 337, 348–350, 353, 362, 363, 367, 371, 372, 374, 375, 377–380, 383, 388, 394, 399, 402, 409, 423–430, 432–434, 436, 437, 440, 443, 448–450, 452–455, 462, 469, 471, 472, 483, 484, 486, 488–490, 497, 499, 501, 504, 505, 508, 510, 522, 523, 560, 571, 587
Бродяга, 144, 145, 179, 183, 186, 187, 196, 425, 427, 435
Клеймо домашнего позора... 433, 434
Свой строгий суд остановив... 469, 471
Аксаков К. С., 17, 18, 62, 94, 98, 100, 101, 110, 111, 113, 114, 116–118, 120, 121, 127, 128, 137, 142–145, 147, 157, 172, 176, 187, 195, 202, 203, 207–209, 220, 248, 255, 256, 261, 284, 293–295, 297, 302, 312, 362–364, 366, 367, 370, 371, 373–376, 378, 409, 418, 420, 424, 427–430, 432–436, 440, 442, 443, 449, 452–456, 464, 471, 479, 480, 482, 483, 491, 495–497, 501, 548–551, 571, 573, 587, 588, 595, 596
Голос из Москвы, 208
Западная Европа и народность, 208
Москве, 596
О современном литературном споре, 120, 121, 127, 128
Опыт синонимов. Публика — народ, 101
Освобождение Москвы в 1612 году, 94, 98, 101, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 120, 121, 127, 128, 144, 443, 587, 595, 596
Три критические статьи *Г-на Имрек*, 144, 145
Аксаков С. Т., 16, 17, 21, 48, 49, 55, 60, 62, 71, 79, 89, 94, 98, 100, 101, 104, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 120, 121, 127, 128, 142–148, 157, 160, 163, 172, 173, 177, 179, 180, 186, 187, 195, 197, 198, 200, 202–204, 206–209, 218, 220, 221, 236, 248, 255, 256, 261, 262, 265, 277, 286, 293–295, 297, 302, 304, 305, 313, 319, 349, 361, 363, 364, 367, 370–380, 383, 384, 388, 392, 402, 403, 413, 423–430, 432–437, 441, 443–445, 448–450, 452, 453, 455, 456, 462, 463, 470, 471, 479, 480, 482, 483, 487, 488, 490–492, 495–497, 499, 502, 504, 505, 523, 548, 550, 570, 571, 573, 579, 586, 588, 594, 595
Записки об уженье рыбы, 120, 121, 127, 128, 145, 146
Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 120, 121, 142, 143, 256, 383, 424, 426–430, 432–434, 436, 449, 452, 496, 504, 505, 571, 573, 587
Знакомство с Державиным, 383
Семейная хроника, 120, 121
Аксакова А. С., 179
Аксакова В. С., 55, 78, 113, 116, 120, 121, 128, 142–148, 157, 160, 173, 175, 176, 179, 180, 183, 200, 207, 209, 221, 225, 287, 295, 329, 332, 353, 363, 366–368, 370, 371, 374, 376–380, 383, 421, 424, 428–430, 433–436, 440, 443, 444, 449–451, 454, 455, 471, 492, 495–497, 505, 506, 527, 549,

550, 551, 571, 573, 587
Аксакова Л. С., 98, 421, 424, 430
Аксакова (в замужестве Томашевская) М. С., 187, 200, 421, 424, 430
Аксакова Н. С., 421, 424, 427, 428, 430, 433, 434, 440, 441, 443, 454, 487, 488, 495, 526, 527, 531, 532, 549–551, 573, 587
Аксакова (рожд. Заплатина) О. Сем., 54, 55, 79, 98, 113, 143, 144, 147, 157, 172, 176, 179, 180, 186, 187, 192, 193, 206–208, 234, 248, 284, 312, 366, 373, 378, 383, 388, 394, 399, 400, 402, 403, 413, 421, 430, 433, 436, 440, 453, 455, 504–506, 571, 573, 587
Аксакова О. Серг., 200, 399, 421, 424, 430, 449, 573, 587
Аксакова (рожд. Шишкова) С. А., 462, 463
Аксакова С. С., 421, 424, 430, 573
Аксаковы, 11, 30, 54, 64, 79, 131, 142, 157, 172, 186, 196, 202, 205, 209, 291, 294, 305, 319, 362–364, 368, 370, 373–375, 381, 388, 392, 405, 408, 413, 423, 427, 429, 432, 433, 437, 440–442, 446, 449, 450, 453, 471, 488, 497, 502, 505, 565, 601
Александр, св. мученик, 561
Александр, патриарх Константинопольский, св., 140
Александр I, Император, 107, 109, 112, 228, 238, 260, 350, 351, 519
Александр II, Император. *См.* Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II
Александр Македонский, 215
Александр Невский, св. благоверный князь, 140
Александр Николаевич, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II, 152, 218, 238, 241, 300, 380, 388, 447, 448, 509, 512, 519, 535, 538, 539, 542, 547, 551, 553, 560, 583
Александр Свирский, св., 140
Александра Александровна, великая княжна, 300, 301
Александра Михайловна, знакомая М. П. Погодина, 312
Александра Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, принцесса Гессен-Кассельская, 152
Александра Федоровна, знакомая Н. Н. Шереметевой и И. А. Фонвизина, 304
Александра Феодоровна, Императрица, жена Императора-страстотерпца Николая II, страстотерпица, 165
Александра Феодоровна, Императрица, жена Николая I, 71, 117, 125, 187, 263, 276, 300, 541, 551
Алексеев М. П., 173, 175, 600
Алексеев С. А., 332, 334
Алексеев, содержатель гостиницы в Одессе, 563
Алексей Михайлович, русский царь, 333
Алексий, человек Божий, преподобный, 146, 147
Алексий, митрополит Московский, свт., 168
Алмазова Е. Н. *См.* Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н.
Альтшуллер А. Я., 601
Алябьев А. А, 441
Амалия, знакомая Виельгорских, 236
Амвросий Медиоланский, свт., 366
Амвросий Оптинский (Гренков), преподобный, 20, 22, 233
Анания Вавилонский, отрок, св. мученик, 33
Анастасий, иерей, 146
Анатолий (Мартыновский), архиепископ Могилевский, 115
Ангий, св. мученик, 561
Андреев Н. А., 217, 219
Андреев Н. П., 600
Андрей Боголюбский, великий князь, 309
Андрей Критский, св., 244
Андрей Первозванный, св. апостол, 45
Андроник Московский, преподобный, 252, 253
Аникита (князь Ширинский-Шихматов), иеромонах, 542
Анисимов Ю. П., 166
Анисимо-Яновская М. Г., 84, 96
Анненков И. В., 168
Анненков П. В., 12, 32, 45, 47, 162, 163, 167–171, 173, 257, 260, 417, 461, 528
Аношкина (Касаткина) В. Н., 174
Антиной, 313
Антипин И. Ф., 335, 346–348
Молитва русских людей, 348, 349
Антипин М. А., 348
Антоний Великий, св., 166, 167
Антоний (Бочков), игумен, 21, 473, 474

Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, св., 218, 364, 366, 370, 391, 392, 507
Антоний (Радонежский), епископ Оренбургский, 466
Антоний (Рафальский), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, 26
Антоний Оптинский (Путилов), преподобный, 506, 507, 513, 514, 516, 534, 535
Антоний, священник в Васильевке, 569
Ануш, домовладелец в Одессе, 564
Апраксин В. В., граф, 79, 84, 154–158
Апраксин В. С., граф, 155, 173
Апраксин С. С., граф, 155
Апраксина (рожд. Пашкова) А. М., графиня, 154, 159
Апраксина М. В., графиня. *См.* Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня
Апраксина Н. В., графиня, 11, 15, 56, 123, 124, 166, 360, 361, 534, 535
Апраксина (рожд. графиня Толстая) С. П., графиня, 11, 15, 53, 55, 56, 64, 123, 124, 154, 155, 162, 164, 166, 172, 173, 360, 361, 491, 534, 535
Апраксины, 158
Аракчеев А. А., граф (с 1799 г.), 238
Арбенева Н. П. *См.* Киреевская (рожд. Арбенева) Н. П.
Арбузов Н. А., 550, 557
Арбузов С. А., 557
Аристофан, 504
Армеллини К., 168, 293
Армфельд А. О., 259, 293, 294, 424, 450, 489, 497
Арнольди (рожд. Свербеева) В. Д., 173
Арнольди А. И., 320
Арнольди И. И., 320
Арнольди Л. И., 44, 49, 68, 159, 164, 173, 175, 238, 240, 268, 285, 312, 317–322, 325–327, 329, 332–338, 344, 345, 348–351, 358, 360, 361, 391, 423, 485, 486
Арнольди М. И., 320
Арнольди О. И. *См.* Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня
Арсеньев И. А., 245
Арсеньев К. И., 244, 245
Артаксеркс, 97
Арутюнян Г. Г., 277
Архипова А. В., 173
Аскоченский В. И., 511, 515
Атуев Я., 485, 486
Афанасий Великий, патриарх Александрийский, св., 134, 146, 400
Афанасий, патриарх Константинопольский, Лубенский чудотворец, св., 524, 525
Афанасий, св. мученик, 561
Афанасий, слуга А. О. Смирновой, 336
Афанасий, слуга И. С. Аксакова, 383
Афанасьев А. Н., 188, 189, 258, 410, 411
Афросимов (Офросимов), знакомый Н. В. Кукольника в Москве, 465
Афросимов (Офросимов), родственник А. О. Смирновой, 440
Афросимова (Офросимова), жена А-ра О. Россета, 400
Афросимова (Офросимова), теща А-ра О. Россета, 400
Ахлестышев Д. Д., 589, 598, 599
Ахлестышева (рожд. Рахманова) П. П., 589, 591
Б. А., корреспондент «Литературной газеты», 218
Б. и Б., лица, упоминаемые в статье «Одесского Вестника», 569
Б., знакомая Гоголей, 82
Бабст И. К., 248
Баженов В. И., 217
Базили (рожд. Дембровская) А., 540
Базили А. К., 354–356, 540
Базили К. М., 7, 8, 13, 19, 25–31, 33, 35, 43–49, 51, 53–58, 65, 70, 72, 75, 77, 105, 110, 116, 119, 120, 128, 129, 131, 132, 167, 310, 311, 354, 356, 475, 540, 553, 578, 579, 593
Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях, 31
Базили М. А., 13, 25, 29, 35, 47–49, 51, 53, 55–57, 116, 119, 120, 124, 132, 310, 311, 354, 355, 540
Базили Маргарита К., 354, 355, 540
Базили Мария К., 354, 355, 540
Базили Мих. К., 354, 355
Базили, мать К. М. Базили, 540
Базили, младшая сестра К. М. Базили, 355
Базили, сестра К. М. Базили, 540

Базунов И. В., 385
Бакунин М. А., 189, 300
Бакунина А. А. *См.* Вульф (рожд. Бакунина) А. А.
Бакунина Т. А., 189
Балабин П. И., 558
Балабина (рожд. де Пари) Варвара (Паулина) О., 558
Балабина Е. И. *См.* Гагарина (рожд. Балабина) Е. И., княгиня
Балабина Е. П. *См.* Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня
Балабина М. П. *См.* Вагнер (рожд. Балабина) М. П.
Балабины, 92, 412, 417
Балакирев М. А., 229
Бальш (Балш) (отец), надворный советник, 563, 564, 566
Бальш (Балш) (сын), студент Ришельевского лицея, 564
Бантыш-Каменский Д. Н., 110
Барановский Е. И., 334, 347, 400
Барановский И. И., 562
Барклай-де-Толли М. Б., 350
Барсуков Н. П., 62, 64, 187, 188, 197, 198, 200, 201, 204, 211, 227, 228, 235, 256, 295, 311, 380, 384, 403, 407–409, 417, 476, 477, 483, 505–507, 596, 601
Бартенев В. С., 313
Бартенев Н. С., 313
Бартенев П. И., 104, 244, 253, 255, 284, 285, 313–315, 337, 350, 388, 415–417, 473, 480, 483, 496, 558, 567, 575, 578, 596, 597
Бартенев П. Ю., 313, 314
Бартенев Ю. Н., 480–483
Бартенева С. С. *См.* Сидорова-Бартенева С. С.
Бартенева Т. П., 284, 285, 313, 314
Басанин А., 480, 481
Басанин И. А., 480
Басин П. В., 178, 325
Бастамова (рожд. Алмазова) Е. Н., 250, 251, 253, 477, 478
Баталин И. А., 348
Батеньков Г. С., 30, 76
Батюшков К. Н., 112, 486, 488
Бахметьев А. Н., 463
Бахрушин А. А., 601
Башуцкий А. П., 119, 120, 150, 162
Безбородко А. А., князь, 71, 128
Безбородко И. А., граф, 110
Безобразов П. В., 24, 28, 51, 356, 540, 576
Бейне К. А., 7, 11, 27, 45, 46, 57
Беккер К. Ф., 504
Беклешова (в замужестве Неклюдова) А. С., 92
Бекман, генерал, 566
Белецкий А. И., 600
Белинский В. Г., 18, 76, 102, 121, 128, 144, 161, 163, 168, 171–175, 181, 189, 209, 258, 260, 262, 269, 272, 277, 283, 298, 315, 316, 329, 364, 368, 374, 419, 531
Белокуров С. А., 417
Белоусов Н. Г., 150, 151, 162
Белый В. И., 69, 285–292, 297, 298, 352
Белый Г. И., 69
Беляев И. В., 211
Беляев И. Д., 418
Беляев Ф. Н., 259
Бенардаки Д. Е., 146, 150, 157, 162
Бенкендорф А. Х., граф (с 1832 г.), 238
Бенкендорф (рожд. Захаржевская, в первом браке Бибикова) Е. А., графиня, 299
Берг Н. В., 183–185, 192, 197, 198, 203, 204, 214, 218, 292, 316, 403, 406, 408, 479, 480, 482–484, 486, 533, 555
Бессонов П. А., 285, 314, 315, 442, 445
Бестужев (псевдоним Марлинский) А. А., 153
Бестужевы, 315
Бетховен Л., ван, 454
Бибиков Д. Г., 551, 589
Билевич Н. И., 237, 376, 387, 410
Билинкис О. Б., 600
Бирон Е. К., герцогиня. *См.* Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Е. К., графиня
Бирон Л. К., герцогиня. *См.* Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня
Бироны, 159
Бланк В. Б., 25–27, 29, 47, 49, 165
Бланк К. И., 166
Блудов Д. Н., граф (с 1842 г.), 146, 162, 176, 241
Блудова А. Д., графиня, 162, 164, 176, 177, 194, 476
Блюгерман, домовладелец в Одессе, 564
Боборыкин П. Д., 158, 159

Бог, Пресвятая Троица, Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой, Господь, *См. также* **Иисус Христос**, 9, 10, 12, 16–21, 23, 29–32, 34–38, 40, 43, 45–47, 49, 50, 52–56, 61, 63–65, 69, 73, 75–80, 83, 85, 87, 90–92, 94, 98, 100–102, 104, 105, 110–126, 128–130, 132, 134, 136, 137, 141, 146, 147, 151, 154, 155, 158, 161, 166–168, 171, 173, 176, 177, 179, 181–184, 187, 189–192, 194, 195, 199–204, 206, 210, 212–215, 220–223, 226–228, 230, 231, 233, 235–238, 242, 246, 247, 251, 253, 259–263, 266–268, 270–276, 278, 282–285, 289, 291, 292, 296–298, 300–303, 305, 306, 308–311, 314, 318, 319, 323–325, 327–329, 332, 341, 349–356, 360–362, 364–370, 373–375, 379, 381, 383, 386, 388–391, 395, 396, 398, 399, 401, 403, 404, 407–410, 412, 413, 418, 419, 422, 426, 429, 431–433, 437–439, 448, 451–454, 459–461, 463–465, 468, 470, 472, 475, 476, 478, 484, 485, 490, 492–495, 498, 499, 503, 506, 507, 513, 515–519, 522, 530, 534, 536–542, 547, 548, 552, 553, 556, 560, 570–572, 574, 576, 577, 582, 584, 587, 590, 594, 595, 597, 598

Богданов А. Ф., 598, 599

Богданов Д. П., 513, 516

Богданова (рожд. Щепкина) Е. С., 598, 599

Богомолова Е. Г., 13, 14

Бодров А. Ф., 565, 578

Бодянский О. М., 183, 189, 203, 204, 211, 212, 226, 260, 284, 392, 411, 414–417, 433–435, 440–443, 445, 462, 463, 483–488, 491, 492, 551, 568, 593

Болговский (Бологовский) Д. Н., 317

Бомарше П., де

Севильский цирюльник, 93, 448

Боратынский (Баратынский) Е. А., 330, 372

Есть милая страна, есть угол на земле... 372

Бордяг, чиновник 14 класса, 105

Борис, св. благоверный князь, 146, 218

Борисов А., 271

Борисов Я. А., 328

Бороздин А. Д., 187, 188

Бороздин Ф. К., 22

Боткин В. П., 68, 121, 162, 164, 169, 172, 173, 257

Боткин Н. П., 247, 257

Бочаров Н. П., 214, 218, 327, 329

Бочаров С. Г., 600

Бочков И., купец, 20

Бочкова, жена И. Бочкова, 20

Бродский С. А., 563

Бруни Ф. А., 162, 165, 178, 500

Брюллов А. П., 162, 178

Брюллов К. П., 150, 162, 165, 266, 324

Буде (Будэус) Г., 50, 92

Булгаков А. Я., 244, 245, 255, 301, 383, 393, 394, 451, 452, 455, 464

Булгарин Ф. В., 15, 16, 181, 199, 286, 291, 322

Бурачек С. А., 150, 162, 360, 534

Буслаев Ф. И., 450, 551

Бустрас Х., 28

Бутурлин Д. П., 475

Бухарев А. М.. *См.* Феодор (Бухарев), архимандрит

Бухарева (рожд. Родышевская) А. С., 369

Бухарин, домовладелец в Одессе, 566

Быков Н. В., 84–86, 136, 138, 239, 529

Быков Ю. В., 96, 97

Быкова (рожд. Пушкина) М. А., 85, 138, 139

Быкова (в замужестве Рахубовская) М. В., 96, 97

Быковский В. Я., 334, 335, 346, 348

Бычинский С. Л., 251

Бычков С. С., 507

Бялый Г. А., 600

В. С., корреспондент газеты «Новое время», 211, 484

Вагнер А. Л., 92

Вагнер В. Ф., 590

Вагнер (рожд. Балабина) М. П., 92, 150, 162, 222, 223, 285, 498, 543, 558

Валент (Уалент), св. мученик, 561

Валерий (Уалерий), св. мученик, 561

Валтасар, царь Вавилона, 170

Валуева (рожд. княжна Вяземская) М. П., графиня, 310

Вальне Ж. Э., 397

Ванченко К. И., 599

Варвинский И. В., 450

Варлашка, 455

Варсонофий Великий, преподобный, 512, 516

Варсонофий Оптинский (Плиханков), преподобный, 21, 515, 517

Василий Великий, св., 13, 105, 435

Василий, иерей старого обряда, 250

Васильевич Г., 212

Васильчиков А. В., князь, 259
Васильчиков, князь, 589
Васильчикова (рожд. Архарова) А. И., княгиня, 424
Васьков Ф. И., 480, 483
Вацлав из Олеска (Залеский В.), 443, 487
Ващенко А. И., 79, 273, 275, 554
Ващенко И. Я., 377
Веклер Г. Ф., 253
Вельтман А. Ф., 258, 407, 408, 462, 463, 480, 482
Вельяминов А. А., 330, 332
Веневитинов А. В., 80, 152, 154, 155, 158, 159, 162, 178, 179, 186, 304, 305, 386, 422, 423, 434, 501
Веневитинов Д. В., 186, 305
Веневитинов М. А., 158, 422, 423
Вера, св. мученица, 68, 84, 85, 147, 151, 152, 164, 178, 180, 192, 194, 223, 303, 305, 309, 326, 368, 504, 586
Вересаев В. В., 165
Вернадский В. И., 602
Верстовский А. Н., 227
Вершинский Д. С., протоиерей, 12
Виардо Л., 145, 363
Виардо П., 363
Вивиан, св. мученик, 561
Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская) Анна М., графиня, 10, 16, 17, 29, 79, 80, 84, 85, 116–118, 125, 149–152, 154–160, 176, 179, 186, 187, 190, 194, 200, 225, 226, 236, 249, 263–268, 278, 279, 283, 299, 303–305, 309, 324, 337, 354, 356, 358, 359, 386, 418, 422, 423, 428, 438, 495, 504, 586
Виельгорская (в замужестве Веневитинова) Ап. М., графиня, 80, 146, 147, 152, 154, 155, 158, 159, 162, 178, 179, 186, 191, 192, 194, 267, 269, 299, 304, 305, 354, 359, 386, 422, 423
Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Е. К., графиня, 152, 495
Виельгорская (рожд. герцогиня Бирон) Л. К., графиня, 68, 80, 84, 117, 118, 152–155, 159, 160, 179, 186, 187, 267–269, 279, 299, 304, 305, 309, 359, 386, 387, 416, 418, 422, 423
Виельгорские, 16, 30, 149, 150, 152–155, 158–160, 164, 170, 176–179, 186, 200, 266
Виельгорский И. М., граф, 152, 158, 159
Виельгорский Матв. Ю., граф, 117, 118, 149, 190, 192, 299, 386, 387
Виельгорский (Виельгорский-Матюшкин) Мих. М., граф, 126, 152, 155, 236
Виельгорский Мих. Ю., граф, 50, 80, 85, 117, 118, 125, 126, 149–152, 162, 163, 186, 241, 299, 386, 387
Викулова В. П., 218, 417, 503
Вильбушевич, купец 5-й гильдии, 287
Вилье, петербургский домовладелец, 307
Винницкий И. Ю., 600
Виноградов Г. С., 600
Виноградов И. А., 4, 11, 14, 77, 86, 88, 97, 101, 114, 124, 151, 159, 160, 174, 175, 196, 209, 217, 218, 229, 233, 267, 268, 275, 276, 325, 364, 369, 374, 381, 387, 392, 412, 416, 417, 459, 473, 502, 503, 507, 537, 581, 600–602
Виноградская Н. Л., 291, 292, 592, 600
Висковатов П. А., 161, 162, 285, 319, 320, 336, 344, 349, 351
Висковатова Е. А., 49, 102
Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий, 202, 204
Виттакер Р., 182, 199, 223
Владимир, св. равноапостольный князь, 110, 196
Владиславлев В. Ф., протоиерей, 228
Власова Н. А., 259
Вобст Э. Ф., 566
Воейкова А. И. (в монашестве Магдалина), 20, 21
Воейковы, 427
Воздвиженская, вдова священника, 199
Волков В. А., 87, 88, 526, 531
Волконская А. П., княжна. *См.* Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П.
Волконская В. Д., княжна. *См.* Казначеева (рожд. княжна Волконская) В. Д.
Волконская (рожд. княжна Белосельская-Белозерская) З. А., княгиня, 404
Волконская (рожд. княжна Волконская) С. Г., светлейшая княгиня, 84, 559
Волконская (рожд. княжна Волконская) С. Д., княгиня, 559
Волконский Д. П., князь, 559
Волконский П. М., светлейший князь (с 1834 г.), 84, 559
Вольпе Ц. С., 600
Вольтер (Аруэ Ф. М.), 199, 577
Воробьев М., актер в Одессе, 598

Воронцов М. С., граф, с 1845 г. князь, 71
Воропаев В. А., 233, 268, 518, 600
Востоков (наст. фамилия Останек) А. Х., 502
Всеволожский Н. С., 289, 291, 310, 311
Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах, 311
Всеволожский Н. С., Хмельницкий Н. И.
Актеры между собой, 311
Всеволожский С. А., 289, 291
Вульф (рожд. Бакунина) А. А., 189
Высоцкий Г. И., 22
Высоцкий, домовладелец в Москве, 587
Высоцкий, московский доктор, 400
Вюртембергский герцог Карл Фридрих Александр. *См.* Карл I, король Вюртембергский (с 1864 г.)
Вяземская В. С., княжна. *См.* Ершова (рожд. княжна Вяземская) В. С.
Вяземская (рожд. княжна Гагарина) В. Ф., княгиня, 360, 361
Вяземская М. П., княжна. *См.* Валуева (рожд. княжна Вяземская) М. П., графиня
Вяземские, 310
Вяземский П. А., князь, 36, 38, 51, 68, 91, 121, 122, 128, 146, 147, 162, 164, 187, 235, 240, 241, 245, 248, 309–311, 354, 360, 361, 381, 395, 396, 417, 455, 465, 466, 477, 549, 550, 583, 588, 590, 591
Вяземский П. П., князь, 310
Г. Б***, автор водевиля «Сорочинская ярмарка», 205, 209
Гавриил (Розанов), архиепископ Тверской и Кашинский, 232, 233, 252
Гагарин А. Д., князь, 573
Гагарин А. Е., князь, 70, 71
Гагарин А. И., князь, 575
Гагарин В. И., князь, 573
Гагарин Д. И., князь, 562, 565, 575
Гагарин Е. Г., князь, 59, 559, 561, 562
Гагарин И. А., князь, 573
Гагарин И. С., князь, 259, 260
Гагарин С. С., князь, 163
Гагарин Ю. Е., князь, 70, 71
Гагарин, князь, московский домовладелец, 140
Гагарина (рожд. Пушкина) В. М., княгиня, 260
Гагарина (рожд. Сабурова) Е. В., княгиня, 573
Гагарина (рожд. Балабина) Е. И., княгиня, 565, 573
Гагарина (рожд. Ивашкина) С. П., княгиня, 562, 565, 575
Гагарина-Стурдза (рожд. Млодецкая) А. И., княгиня, 564
Гагарина-Стурдза (рожд. Стурдза) М. А., княгиня, 59, 70, 71
Гагарин-Стурдза Г. Е., князь, 58, 59, 70, 71
Гагарины, 575
Гаий, св. мученик, 561
Гайдебуров И., протоиерей, 576
Галаган Г. П., 103
Галахов А. Д., 8, 257, 258, 385
Галин, домовладелец, 146, 516
Гарибальди Дж., 15, 168, 184, 185, 293
Гартман, кондитер в Калуге, 400
Гассгаген Х. Г., 589, 591
Ге Н. Н., 232
Гегель Г. В. Ф., 570
Гедеонов А. М., 146, 163, 165
Гедеонов С. А., 163, 165, 379
Гедерин, составитель греко-латинского словаря, 486
Гейне Г.
Sie liebten sich beide, doch keiner... 199
Гейнцельман Г. В., 349
Генриетта, гувернантка графинь Апраксиных, 56
Георгиевский Г. П., 217–219, 269, 283
Георгиевский П. Е., 151
Георгий Победоносец, св. великомученик, 270, 323, 324, 358, 586
Георгий (Иванов, бывший послушник Гурий), иеромонах, 507
Георгий, в монашестве Стратоник (Машурин), Затворник Задонский, 20, 21, 469
Гербель Н. В., 128
Германов М. А., иерей, 202, 204
Герцен (псевдоним Искандер) А. И., 18, 161, 181, 182, 258
Кто виноват? 135, 198, 199, 222, 223
Перед грозой, 262
Сорока-воровка, 258
Гете И. В., фон
Годы учения Вильгельма Мейстера, 222, 223
Фауст, 222

Гетекомер С. Г., 527, 555
Гизо Ф., 404
Гика, княжна, 74
Гильдебрандт (Гильтебрандт) Ф. А. (Ф. И.), 523
Гильфердинг А. Ф., 500, 502
Гиляровский В. А., 84–86, 93, 96, 97, 136, 138, 139, 218, 533, 546
Гинтовт (Гинтофт) А. Л., 247, 387, 388, 391, 410
Гиппиус В. В., 600
Гиппиус Д. И., 415
Гладкова Л. В., 240, 361, 396, 466, 590
Глеб, св. благоверный князь, 146, 218
Глебов-Стрешнев, 388
Глебов-Стрешнев Н. П., 388
Гликерия, св. мученица, 323
Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова) А. П., 212, 213
Глинка М. И., 228, 229
Глинка Ф. Н., 212, 213
Таинственная капля, 212, 213
Гмелин И. Г., 337, 350, 387
Гоголь Анна В., 9, 30, 31, 34, 78–83, 85, 87, 89, 91, 94, 95, 97, 102, 105, 106, 109, 113, 131, 134, 136, 137, 139, 155, 156, 178, 192, 219, 226, 239, 246, 262, 269, 272, 273, 292, 324, 332, 340, 460, 461, 467, 468, 470, 473, 489, 492, 509, 517, 523, 524, 526–528, 530–532, 553–555, 569
Гоголь Евстафий (Остап) (ошибочно — Андрей), 246
Гоголь (в замужестве Быкова) Е. В., 9, 30, 31, 34, 78–83, 85–87, 89–92, 94–97, 102, 105, 109, 113, 125, 129–132, 134, 136, 137, 139, 147, 156, 178, 192, 219, 226, 246, 262, 269, 272, 273, 292, 324, 332, 340, 377, 461, 467, 468, 470, 473, 489, 492, 509, 523, 524, 526–528, 530–532, 545, 546, 553–555, 561, 569, 588
Гоголь (в замужестве Трушковская) М. В., 85
Гоголь Н. В.
А вы думаете, легко воров выгнать? 76
Авторская исповедь (Повесть моего авторства), 158, 171, 260, 339, 344, 536
Альфред, 143
Арабески, 165, 444
Близорукому приятелю, 282, 283
Боже, дай полюбить еще больше людей, 76
Боже, соделай безопасным путь его... 9, 74
Борис Годунов. Поэма Пушкина, 143
Быт крестьянина в Малороссии (замысел статьи), 270
В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность, 212, 213, 239, 369, 420
Введение (в древнюю историю), 350
Вечер накануне Ивана Купала, 102
Вечера на хуторе близ Диканьки, 63, 86, 93, 143, 165, 196, 420, 572, 584
Взгляд на составление Малороссии, 350
Вий, 84, 145, 443
Выбранные места из переписки с друзьями, 8, 9, 13, 18, 19, 22, 28, 29, 37, 63, 72, 98–101, 110, 111, 116, 118, 122, 136, 137, 143, 156, 158, 163, 165–167, 171–174, 179–182, 189, 194, 198, 199, 206, 208–210, 212, 213, 221, 223, 225, 247, 263, 264, 266, 271, 276, 279–283, 286, 288, 291, 294, 320, 325, 352, 353, 356, 357, 364–366, 369, 370, 374, 391, 397, 405, 416, 420, 424, 441, 443, 454, 455, 469, 471, 472, 494, 513, 514, 516, 579, 584, 593
Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви, 21, 275
Выписки из «Домостроя», 264, 265, 270, 298, 326, 327
География России для русского юношества (замысел книги), 509, 536, 537
Гербарий, 96, 357, 508, 509, 524, 545, 546
Гетьман (Мне нужно видеть полковника), 143
Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского] (статьи и выписки хозяйственного содержания), 268
Дождь был продолжительный... 143
Древняя Россия (замысел статьи), 265, 266
Дрок — когда бешеная собака укусит (заметка в гербарии), 546
Егорий весенний (выписка), 270
Если запустить поле черноземной почвы в залежь... 270
Женитьба, 37, 135, 151, 160, 188, 206, 235, 242, 301, 315, 376, 382, 385, 399, 403, 421, 425. 436, 451, 488, 494, 504, 523, 557, 586, 589
Женщина в свете, 158, 182, 221–223
Женщина в семье (замысел статьи), 223
Жизнь, 33, 350
Завещание (глава из книги), 116, 123, 171, 185, 199, 221, 276, 494

Заколдованное место, 84
Заметка «о значении прирожденных страстей» на полях заключительной главы первого тома «Мертвых душ». М., 1842, 512, 517
Занимающему важное место, 420, 469
Записки сумасшедшего, 145, 232
Записная книжка 1841–1844 гг., 32, 272
Записная книжка 1841–1845 гг., 594
Записная книжка 1841–1846 гг., 350, 387, 516
Записная книжка 1842–1851 гг., 97, 168, 252, 259, 358, 379, 446, 448, 463, 525, 531, 532, 575
Записная книжка 1846–1850 гг., 30, 32, 34, 45, 48, 49, 68, 75, 76, 79, 96, 105, 109, 146, 150, 158, 164, 168, 171, 191, 192, 204, 222, 227, 248, 256, 259, 265, 271, 296, 351, 463, 516, 520
Записная тетрадь 1832–1834 гг., 143
Записная тетрадь 1833–1836 гг., 143
Записная тетрадь 1834–1835 гг., 143
Записная тетрадь 1835–1836 гг., 143
Записные книги (тетради) (шесть книг), 143
Записные книжки, 420
Земледельческие праздники, 270
Иван Федорович Шпонька и его тетушка, 448
Игроки, 15, 132, 167, 193, 195, 219, 276, 290, 421, 455
Из книги «Лествица, возводящая на небо» (сборник выписок), 517
Из настол<ьной> книги (Гляди и любуйся красотой души своей...), 296
Изобретения среди мужиков, 270
Имена, даемые при крещении, 420
Искусство есть примирение с жизнью, 118, 494
Исторические афоризмы Михаила Погодина (рецензия), 502
Исторический живописец Иванов, 123
К читателю от сочинителя, 99, 198, 257, 285, 286, 288, 291, 398, 592
Календарь крестьян (Симбирской?) губернии, 270, 271
Календарь сельскохозяйственных работ, положенный в основу речи Костанжогло, 269, 271
Каноны и песни церковные (сборник выписок), 168
Кир. Завоевания быстрые, ненасытные... 33
Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия, 143, 415, 420
Коляска, 143, 145
Коммерческий словарь, 420
Конспект 1849–1850 гг. книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.». 3 ч. в 5 т. СПб., 1773–1788, 265, 349
Лакейская, 88
Лекарственный арзамасский травник, 264, 265, 270, 271, 326, 327
Лексикон малороссийский, 420
Лекции и материалы по истории, 351
Малороссийские слова, встречающиеся в первом и втором томах, 420
Материалы для «объяснительного словаря» русского языка, 265, 420
Материалы по русскому патриархальному быту, собранные в 1848–1850 гг., 264, 265, 270
Мертвые души, 8, 11, 14, 32, 58, 63, 66, 67, 69, 72, 75–77, 87, 88, 91, 99, 101, 103, 104, 106, 108, 109, 112, 134, 139, 151, 152, 156–161, 163, 168, 171, 180, 181, 190, 192, 196, 198, 200–203, 209, 216–219, 221–223, 227, 228, 232, 243, 247, 249, 250, 255, 257, 264, 265, 269, 271, 279, 285–291, 294, 297, 298, 303, 304, 317, 319–322, 325–327, 330–332, 334–338, 340–347, 351, 352, 356, 357, 360–362, 364–370, 374–382, 385, 388, 391, 395, 398–401, 404, 405, 412, 420, 423–426, 428–430, 432, 435, 436, 445, 452, 454–458, 464, 465, 481, 483, 492, 496–499, 502, 504, 508, 510, 512, 513, 515, 520, 528, 530, 536, 538, 539, 541, 542, 548, 551–555, 562, 564, 571, 572, 578, 579, 582, 584, 592–596, 598
Милосердия, Господи. Ты милосерд (молитва), 168, 296
Миргород, 63, 165, 544, 581
Мысли о географии, 350
Наброски очерка о славянах, 266, 502
Надпись сестре Ольге Васильевне на экземпляре книги князя П. Н. Енгалычева «О продолжении человеческой жизни...» (1850), 523
Надпись М. Н. Кульбовской на экземпляре «Вечеров на хуторе близ Диканьки», 93
Надпись для Д. К. Малиновского, сделанная Гоголем к своему портрету в альманахе «Молодик на 1844 год» (конец 1840-х — начало 1850-х), 365
Надпись для Ф. С. Цыцурина 1848 или 1850–1851 гг. на экземпляре первого тома «Мертвых душ» (вероятно, второго издания, 1846 г.), 109

Народные замечания по явленьям природы в той же губернии, 270, 271
Народные поверья в селе Лопуховке Саратовской губернии (выписка), 270
Невский проспект, 143, 365, 557
Некоторые мысли Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря (выписки), 21
Несколько слов о Пушкине, 369
Никола весенний (выписка), 270
Никола зимний (выписка), 270
Нравы русских (Из Флетчера), 415
О браке (...Прежде всего обязанности мужа и жены...), 150, 222, 223
О движении народов в конце V века, 350
О климатических влияниях, 270
О лиризме наших поэтов, 72, 99, 101, 207, 208, 265, 496
О малороссийских песнях, 392, 393, 442, 526
О помощи бедным, 171
О почве, 270
О преподавании всеобщей истории, 350
О Русской Церкви <Иоанна Яхонтова> (выписка), 263
О славянах древних. Из византийских хроник, 266
О старинных русских свадьбах (из Флетчера), 415
О театре, 379
О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности, 72
О том, что такое слово, 118, 172, 182, 225, 282, 283, 494, 509, 516, 593
О черноземе, 270
Об архитектуре нынешнего времени, 448
Об Одиссее, переводимой Жуковским, 266
Обозрение всеобщей истории, 350
Оглавление <предполагаемого V тома собраний сочинений 1851–1852 гг.>, 223, 265, 337
Один только исход общества из нынешнего положения... 439
Одно только здесь ясно, что крест дан Тем, Кто дает одно благо... 30
Он вспоминал, 351
Осенняя родительская, 270
Относительно климата, 270
Отрывки из неизвестной драмы (...[иногда чувствуешь] понятно это ужасное чувство), 143
Отрывок, 221, 223
Отчего дурно хозяйство? 270
Перечень авторов и книг (Рекомендательный список литературы для племянника Н. П. Трушковского), 525
Петербургские записки 1836 года, 229, 264
Письмо Георгия Затворника Задонского (выписка), 21
Письмо по поводу «Мертвых душ» (В письме твоем, добрая душа, много участия), 192
Повесть о капитане Копейкине, 76, 365, 480, 482
Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 83, 84, 369, 581, 597
Помилуй меня, грешного... 96
Портрет, 135, 143, 199, 365
Последний день Помпеи, 266
Почему нужно хозяйство?, 270
Поюжней (травник), 264, 265, 271
Правило жития в мире, 32
Праздники, 32, 272
Предисловие (к «Выбранным местам из переписки с друзьями»), 13, 28, 29, 198, 283
Размышления о Божественной Литургии, 195, 263
Разные изречения из Иоанна Златоуста (выписки), 275
Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849, 84, 136, 141, 270, 271
Расселение славян... 266
Рассмотрение хода просвещения России, 171, 248, 271
Ревизор, 37, 78, 88, 91, 106, 134, 142, 143, 168, 171, 186, 188, 213, 217, 219, 220, 237, 240, 265, 294, 296, 297, 317, 329–331, 344, 346, 354, 371, 375, 381–383, 392, 394, 398, 399, 419, 421, 430, 450, 452, 456, 479, 523, 534, 538, 549, 550, 556, 575, 584, 596, 598, 599
Реестр книг, остающихся в Москве, 503
Рим, 144, 183, 222, 223, 265, 272, 507, 589
Рисунки, сделанные в Одесском карантине, 58
Рудокопов (Я знал одного чрезвычайно замечательного человека), 143
Русские песни (сборник), 443
Русский помещик, 99, 101, 156, 157, 271
Садоводство, 270
Свадебная песня в записи Гоголя из собрания Н. В. Закревского, 444
Светлое Воскресенье, 63, 263, 272, 281
Семенов день, 270
Словарик «не всякому понятных слов» к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831), 420

Словарик «не всякому понятных слов» ко второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832), 420
Сорочинская ярмарка, 205, 209, 264
Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи, 266, 502
Сочинения Николая Гоголя. В 4 т. СПб., 1842, 290, 420, 571, 572, 579, 582, 583, 593
Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. М., 1855, 175
Сочинения Н. В. Гоголя. В 6 т. СПб., 1855–1856, 218, 352, 357, 561, 571
Споры, 101
Старосветские помещики, 116, 145, 156, 264, 581
Статский Советник Федор Михайлович Чуйкевич... 68
Статья неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии (список), 88
Страхи и ужасы России, 391
Страшная рука. Повесть из книги под названием «Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16 й линии», 143
Тарас Бульба, 18, 133, 143, 145, 174, 228, 229, 232, 233, 265, 416, 443, 462, 500, 501, 522, 545, 581, 599, 600
Театральный разъезд после представления новой комедии, 199
Травник симбирский, 264, 270, 271, 326, 327
Труд, 270
Тяжба, 188, 219, 248, 382, 397, 403, 455, 490, 549, 573, 596
Уже самим положением земли... 266
Утро делового человека, 188
Учебная книга словесности для русского юношества, 86, 420
Фонарь умирал... 143
Хлебопашество, 264, 270, 326
Хуже всего то, что будешь судить самого себя... 43
Цветочный барометр (выписка), 270
Чей удел выше на земле, 158
Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России, 99, 101, 222, 223
Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», 72, 171, 291, 356, 357, 441
Что спьяна передушите всех, думаете поправить? 76, 168
Что такое губернаторша, 260, 352, 367, 370
Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>... 30
Шинель, 88, 199, 363, 365, 458, 459
Южнорусские песни. <Тетрадь первая>, 428
Южнорусские песни. Тетрадь вторая, 526, 531, 533
Юрий осенний (выписка), 270
Я давно уже ничего не рассказывал вам... 143
Гоголь Н. В. Приписываемое
Прачка, 165
Стихи в альбом М. Н. Кульбовской, 93
Гоголь (в замужестве Головня) О. В., 9, 30, 31, 34, 78, 79, 80, 82, 83, 85–88, 89, 91–93, 95–97, 105, 113, 131, 136–139, 156, 171, 219, 241, 246, 269, 270, 272, 273, 292, 324, 332, 340, 396, 445, 461, 467, 468, 470, 473, 489, 492, 508, 509, 523–526, 528–531, 533, 539, 540, 545, 546, 554, 561, 569, 581, 602
Гоголь Ян (Ан<дрей?>). *См.* Гоголь Евстафий (Остап) (ошибочно – Андрей)
Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская) М. И., 8, 30, 31, 34, 38, 49, 50, 56, 60–62, 64, 70, 73, 78–84, 86–89, 91–95, 97, 105, 106, 108, 113, 117, 119, 127, 131, 133, 136, 137, 139, 141, 156, 166, 167, 178, 185, 192, 219, 220, 234, 245, 246, 262, 269, 273, 275, 296, 302, 305, 307, 311, 324, 340, 353, 356, 358, 361, 377, 386, 391, 396, 401, 410, 411, 438, 445, 460, 461, 467, 468, 470, 473, 489, 492, 493, 497, 498, 499, 508, 509, 523–525, 528–534, 539, 553, 554, 557, 563, 568, 601
Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб) Т. С., 82, 86, 525
Гоголь-Яновский А. Д., 86, 246
Гоголь-Яновский В. А., 82, 85, 86, 246, 601
Голенищева-Кутузова А. П. *См.* Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова) А. П.
Голицын А. Н., князь, 483
Голицын Д. В., князь, 176
Голицын, домовладелец в Петербурге, 146
Голицына, знакомая Гоголя в Петербурге, 150
Головацкий П. Ф., 416
Головацкий Я. Ф., иерей, 132, 133, 414, 416
Головня В. Я., 79, 83, 86, 533
Голохвастов Д. П., 268, 417
Голубцов В. В., 542
Голушков Н. А., 305
Гольденвейзер А. Б., 518
Гомер, 103, 142, 202, 208, 235, 266, 274, 313, 363, 371, 429, 452, 462, 504

Илиада, 144, 202, 504
Одиссея, 52, 200–203, 207, 208, 235, 249, 266, 274, 297, 301, 313, 332, 333, 363, 381–383, 385, 392–394, 402, 403, 412, 423, 430, 431, 451, 452, 504, 525
Гончаров И. А., 162, 169, 173, 174, 283, 360
Обыкновенная история, 173, 175
Гончаров Н. А., 332, 333
Гончаровы, 348
Гораций, 518
Горбунов И. Ф., 480, 482, 484
Горбунов К. А., 184
Горгоний, св. мученик, 561
Гордин А. М., 373
Горелов П. Г., 550
Горленко В. П., 88, 233, 234, 239, 240, 511
Горова (рожд. Щитинская) Н., 80, 85
Городецкая (в девичестве Константиновская) Е. М., 452
Городецкий А. Т., иерей, 452
Городецкий Б. П., 29, 35, 50, 57, 60, 63, 113, 119, 129, 151, 235, 275, 276, 308, 312, 324, 417, 435, 474, 592, 600, 601
Горский А. В., протоиерей (с 1860 г.), 202, 204
Горсткин И. Н., 220
Горчакова Е. П., княжна, 238, 240, 427
Горчаковы, знакомые Аксаковых, 427
Горький М. (Пешков А. М.), 24, 26, 517
Грановский Т. Н., 316, 411, 416, 450, 512
Гребенка (Гребенкин) Е. П., 213
Греч Н. И., 504
Грешищев Л. Н., 233
Грешищев Н., 233, 252
Грибоедов А. С.
Горе от ума, 239, 404
Григорий Богослов (Григорий Назианзин), свт., 105, 362, 372, 375, 380
Григорий V, патриарх Константинопольский, св., 23
Григорий Керамевс, архиепископ Тавроменийский, 259
Григорий (Постников), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, 232, 233
Григоров П. *См.* Порфирий (Григоров), инок Оптиной Пустыни
Григорович Вас. И., 150, 151, 162, 324
Григорович Виктор И., 189, 411, 415, 544
Григорович Д. В., 162, 169, 173, 174, 360
Григоровская М. А., 245
Григорьев А. А., 181, 182, 198, 199, 214, 221–223, 379, 384, 411
Гоголь и его последняя книга, 182
И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо», 411
Олимпий Радин, 223
Григорьев Д., иерей, 252
Григорьев С., 141, 351
Гриц Т. С., 15, 37, 132, 135, 142, 167, 186, 189, 194, 208, 219, 236, 240, 242, 276, 295, 298, 301, 315, 376, 381, 382, 385, 397, 399, 403, 414, 419, 421, 436, 451, 452, 455, 456, 479, 483, 489, 490, 505, 524, 534, 543, 556, 557, 573, 575, 587, 596, 601
Громова С. А., 253
Гроссман Л. П., 175
Грот К. Я., 165
Грот (рожд. Семенова) Н. П., 462, 533
Грот Я. К., 22, 62, 75, 128, 135, 166, 167, 241, 268, 316, 318–320, 322, 329, 332, 356, 377, 389, 390, 395, 412, 413, 417, 462, 466, 467, 533, 570, 580
Грудаков, калужский книготорговец, 346
Грузинский Г. А., князь, 486, 549
Грушкин А. И., 600
Губкин М. И., 328, 329
Гугаев, капитан-лейтенант, 57
Гугерт, врач в Бадене, 431
Гудович А. К., граф, 92, 93
Гудович, жена графа А. К. Гудовича, 92, 93
Гулак Н. И., 417
Гумилевский С. И., протоиерей, 463
Гуминский В. М., 14, 351
Гуревич П. Ю., 600
Гюден Ж. А. Т., барон, 276, 277
Д., владелец частной библиотеки в Киеве, 108
Давид, св. пророк, 73, 111, 268, 275, 361, 423, 556, 595
Давыдов Д. В., 350
Давыдов С. И., князь, 237–239, 337, 391, 400, 402, 550
Давыдова Е. Е., 426
Давыдова, жена князя С. И. Давыдова, 238
Дадешкальяни К., князь, 575
Даль В. И., 150, 162, 420
Даниил, св. пророк, 33
Даниил, игумен, русский паломник, 34

Данилевская (рожд. Быкова) С. Н., 85, 86, 139
Данилевская О. А., 72, 73, 88, 118, 126, 130, 168, 191, 323, 324, 522
Данилевская (рожд. Похвиснева) У. Г., 72, 73, 88–91, 105–107, 114, 118, 126, 129, 130, 139–141, 148, 157, 168, 191, 192, 224, 242, 246, 247, 323, 324, 409, 410, 488, 498, 522, 562
Данилевский А. С., 70–73, 78–80, 88, 90, 91, 96, 105–110, 114–116, 118, 122, 126, 128–131, 139–141, 147, 148, 157, 166–168, 170, 178, 190–192, 224, 241, 242, 246, 249, 322–324, 409, 410, 488, 498, 521, 522, 532, 536, 544, 562, 565
Данилевский Г. А., 246, 249
Данилевский Г. П., 80, 85, 96, 97, 108, 110, 157, 174, 243, 337, 433, 440, 526, 531, 532
Данилевский И. С., 65, 71, 89, 562
Данилевский Н. Я., 165
Данилевский Ф. А., 107
Данилевский Ф. Я., 109
Данилов В. В., 460–463, 465
Данилова Л. С., 601
Дарья Андреевна, знакомая Н. Н. Шереметевой, 381
Дебольский Г. С., иерей (с 1833 г.), протоиерей (с 1862 г.), 187, 292
Деев И. М., 372
Дей А. И., 527, 532
Дембровская А. *См.* Базили (рожд. Дембровская) А.
Деменитру А. Л., 563, 566, 573, 583–585
Деменитру, брат А. Л. Деменитру, 583, 586
Дементьев А. Г., 600
Демидов, домовладелец в Петербурге, 68
Демидова (рожд. принцесса Бонапарт) М., княгиня Сан-Донато, 563
Демидовы, 386
Депп С., 563, 566, 584, 585
Депре Ф. Ф., 480, 481
Державин Г. Р., 112, 369, 383
Дерибас О. М., 65, 69, 590
Дерюгина Л. В., 600
Деши, фон, 564
Диевский М. И., иерей, 563
Диккенс Ч., 144, 145
Дитерихс М. К., 562, 585, 586
Дитерихс М. М., 585, 586
Дмитриев, 574
Дмитриев Анд. П., 368
Дмитриев И. И., 112
Дмитриев М. А., 418
Дмитриева Е. Е., 600
Дмитриев-Мамонов Э. А., 144, 145, 184, 185, 435, 440
Добровский Й., аббат, 502, 503
Добрыня, воевода, 277
Додо Ф. А., 8
Долгорукая, княгиня, 576
Долгоруков П. В., князь, 567
Долгорукова, княгиня, 578
Долгушин Д. В., протоиерей, 167
Долинин А. С., 175
Дометиан, св. мученик, 561
Домн, св. мученик, 561
Дондуков-Корсаков Ал. М., князь, 28, 29
Дондуков-Корсаков М. А., князь, 29
Доппельмейер Г. Г., 287
Дорофей, из обители аввы Серида, преподобный, 512, 516
Досифей (Силаев), архимандрит, 514, 516
Достоевский М. М., 175, 263
Достоевский Ф. М., 144, 165, 169, 171–175, 186, 199, 258, 263, 269, 277, 278, 281, 283, 315, 316, 418
Бедные люди, 144, 172
Бесы, 172
Двойник, 144, 172, 199
Неточка Незванова, 258
Село Степанчиково и его обитатели, 171–173
Дранов О. А., 253
Дранова Н. Г., 253
Драшусов В. Н., 463
Дружинин А. В., 162, 169, 174, 178, 450, 500
Дубельт Л. В., 238, 379
Дубровский П. П., 228, 229
Дунина-Борковская (рожд. Псиол) Г. И., 558
Дурново (рожд. княжна Волконская) А. П., 559
Дурново П. Д., 559
Дурново П. П., 558, 559
Дуров С. Ф., 262, 263, 269, 316
Дурылин С. Н., 218, 287, 288, 291, 600, 601
Дюн, художник, 166
Евгений (Болховитинов), митрополит Киевский и Галицкий, 105, 109
Евноик, св. мученик, 561

Именной указатель

Евреинов Г. А., 67, 68
Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, 146, 147, 534
Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский и Витебский, 535
Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской, 279, 400, 429, 504
Евтихий, св. мученик, 561
Егоров Б. Ф., 182, 199, 223, 368
Екатерина, св. великомученица, 93, 577
Екатерина II, Императрица, 386, 531, 597
Екдит (Екдикий), св. мученик, 561
Елагин Ал. Анд., 465
Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская) А. П., 38, 52, 91, 168, 188, 210, 211, 362, 465, 478, 518
Елагина Е. А., 465, 476
Елагина Е. П., 478
Елагины, 79, 442, 505
Елена, св. равноапостольная царица, 33, 34, 62, 64, 89, 94, 95, 98, 111, 113, 114, 116, 118, 128, 145, 209, 295, 302, 323, 428, 491, 587, 595, 596
Елена Антоновна, знакомая Аксаковых, 142
Елена Павловна, великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича, 559
Елизавета Алексеевна, Императрица, жена Александра I, 519
Елизавета Петровна, Императрица, 105
Елькова Е. Ю., 97
Ельницкая Т. М., 15, 37, 135, 142, 167, 186, 189, 194, 205, 208–210, 219, 235, 237, 240, 242, 276, 294, 296, 301, 315, 354, 376, 381, 382, 385, 394, 399, 403, 419, 421, 425, 430, 436, 451, 452, 455, 456, 488, 538, 549, 556, 557, 573, 575, 587, 596, 601
Енгалычев П. Н., князь, 523, 524
Енгалычев, князь, 384
Еразм (Эразм) (Вытропский), монах, 231–233, 252
Еранцева, домовладелица в Одессе, 563
Ермак Тимофеевич, 18, 277
Ершов З. И., 240
Ершов И. З., 237–239, 300, 391, 519
Ершов И. И., 237–240, 300, 391, 400, 519
Ершов Н. И., 238–240
Ершова (рожд. княжна Вяземская) В. С., 239, 240
Ершова С. И. *См.* Россет (рожд. Ершова) С. И.
Есиповский А. Р., 251, 253
Ефим Максимыч, слуга Аксаковых, 413, 414
Ефрем Печерский, епископ Переяславский, преподобный, 14
Ефремов А. П., 452
Ешевский С. В., 316
Жанлис С. Ф., де, 285
  Альфонсина, или Материнская нежность, 285, 291
Жанна (Иоанна) д'Арк, Орлеанская дева, святая католической Церкви, 199
Жданов В. А., 600
Жданов, домовладелец в Москве, 191
Железнов М. И., 162, 165, 388
Жемчужников Ал. М., 148, 345, 351
Живокини В. И., 188, 480, 482, 490, 523, 524
Животовский А. О., 565, 567
Житомирская С. В., 300
Жуковская (в замужестве баронесса Верман) А. В., 23, 24, 31, 33, 79, 431
Жуковская (рожд. баронесса Рейтерн) Е. Е. (Е. А.), 23, 24, 31, 33, 49, 52, 79, 430, 431, 455
Жуковский В. А., 12, 13, 19, 23, 24, 27, 28, 30–33, 38, 39, 44, 45, 48–52, 58, 61, 62, 71, 79, 91, 96, 99, 112, 113, 116–118, 137–139, 151, 162, 165–167, 188, 194, 200–204, 207, 208, 219, 235, 236, 241, 245, 247, 249, 255, 256, 266, 271, 273, 274, 296, 297, 300, 301, 303, 306, 308, 332–335, 345, 348, 363, 381–385, 392–394, 402, 403, 411, 412, 416, 417, 421, 423, 430, 431, 434, 437, 439, 445, 451, 452, 455, 464, 466, 494, 496, 513, 517, 519, 525, 543, 548, 551, 552, 567, 568, 582, 592, 594, 597
  Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (перевод), 166, 167
  О поэте и современном его значении (Слова поэта — дела поэта), 19, 38, 52, 61, 62, 117, 118, 139, 140, 194, 494
  Одиссея (перевод), 200–203, 207, 208, 235, 249, 266, 274, 297, 301, 313, 332, 333, 363, 381–383, 385, 392–394, 402, 403, 412, 423, 430, 431, 451, 452, 525
  Странствующий жид, 431, 451, 452
Жуковский Н. В., 238
Жуковский П. В., 23, 24, 31, 33, 79
Жулев, почтовый чиновник в Калуге, 386
Забелин И. Е., 183

Заборова Р. Б., 600
Завьялов Ф. С., 240, 278, 293
Загоскин М. Н., 144, 150, 293, 294, 450, 462, 463, 489
Загоскин Н. П., 189, 411
Загряжская Е. А. *См.* Пушкина (рожд. Загряжская) Е. А.
Загряжская, домовладелица в Москве, 399
Загряжский, домовладелец в Москве, 146
Задорожный Г. Е., 84
Заика В., 93
Зайденшнур Э. Е., 600
Зайцев А. Д., 496
Зайцева И. А., 600
Закревская (рожд. графиня Толстая) А. Ф., графиня, 238, 240, 243, 255
Закревский А. А., граф (с 1830 г.), 228, 237–239, 243, 255, 277, 316, 391, 392, 463–465, 579, 596
Закревский Н. В., 444
Зас, 337
Затворницкий П. П., протоиерей, 426
Захаров В. Н., 174
Захаров М. П., 329
Захарченко С. О., 21
Зверев А., 598
Згура В. В., 166
Здор П. Г., 346
Зедергольм (рожд. Погодина) А. М., 90, 269
Зедергольм К. А., пастор, 512, 516
Зедергольм К. К. *См.* Климент (Зедергольм) К. К.
Зейдлиц К. К., 534, 535
Зеленецкий К. П., 586, 589, 591
Земенков Б. С., 500
Зеньков (Зенков) П. Ф., 148, 150, 151, 162, 177, 194, 201, 205
Зленко Г. Д., 590
Золотарев, калужский городской голова, 346
Зотов Н. И., граф, 244, 245
Зубов П. А., светлейший князь, 531
Зусман М. Г., 566
Зыков, домовладелец в Москве, 146
Зябловский Е. Ф., 504
И. П. Р., знакомый иеромонаха Сергия Святогорца, 474
Иаков (Патмиос), митрополит Родосский, 24, 25
Иаков, св. праотец, 7, 45
Иафет, сын Ноя, св. праведный, 123, 124
Иван, слуга графа А. П. Толстого, 358
Иванов А-р Анд., 7, 10–13, 19, 27, 32, 46, 56, 64, 65, 105, 115, 122–124, 158, 162, 168, 184, 185, 224, 240, 241, 257, 260, 272, 275, 276, 278, 285, 292, 324–326, 446, 447, 456, 474, 478, 493, 495, 574, 594, 601
Иванов Анд. И., 275, 276
Иванов В. А., 572
Иванов С. А., 10, 11, 57
Ивашкина С. П. *См.* Гагарина (рожд. Ивашкина) С. П., княгиня
Игнатий (Брянчанинов), свт., 130, 516
Игнатьева. *См.* О... (рожд. Игнатьева)
Игнатьевы, 304, 305
Игорь (Ольгович), св. благоверный князь Черниговский и Киевский, 105, 109
Игорь Святославич, князь, 165
Иезекииль, св. пророк, 366, 369, 370
Иеремия, св. пророк, 322, 368
Излер И. И., 300, 301, 557
Измайлов А. Е., 322
Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия, 10–21, 24, 27–39, 45, 46, 48–56, 58, 62–66, 68–72, 74, 79, 82–84, 91, 95–97, 103–105, 109, 111, 112, 115, 116, 123, 124, 132, 139, 148, 149, 151, 152, 157, 158, 161, 162, 164, 167, 168, 176, 177, 179, 181, 191, 195, 196, 201, 202, 205, 208, 210–212, 214, 215, 218, 221–223, 226, 230–232, 242, 246–248, 250–254, 258, 260, 262–264, 267, 269, 272–279, 281, 284, 285, 289, 290, 292, 293, 296, 297, 300, 302, 304, 305, 307, 308, 310, 316, 317, 325, 328, 360–362, 364–366, 368, 369, 372, 374, 375, 378, 380, 391, 393, 397, 400, 407, 410, 413, 416, 421, 422, 428, 431, 435, 439, 446, 451, 452, 454, 456, 459, 466, 468–471, 473, 475, 478, 479, 486, 492, 494, 500–502, 504, 506, 513–518, 525, 526, 529, 530, 537, 546, 551, 554, 558, 561, 563, 565, 566, 572, 575, 576, 583–586, 588, 591, 593–595, 597, 598, 601
Иисус, сын Сирахов, 272
Илиан, св. мученик, 561
Илий, св. мученик, 561
Илия, св. пророк, 334, 349, 366, 540

Ильин Н. П., 562, 575, 580, 589
Ильин Ф., 141, 148, 167
Ильюнина Л. А., 507
Иннокентий (Борисов), епископ Харьковский (с 1841 г., с 1845 г. архиепископ), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, св., 11, 70, 187, 492, 493, 518, 552, 560, 561
Иноземцев Ф. И., 211, 484
Иоанн Богослов, св. апостол и евангелист, 23, 34, 45, 96, 131, 182, 232, 275, 323, 347, 383, 439, 466, 474
Иоанн Креститель, 21, 233, 317, 320, 323, 361, 459, 510, 511, 516, 519, 520, 535, 537, 543
Иоанн Златоуст, св., 105, 231, 275
Иоанн Лествичник, св., 514, 516, 517
Иоанн, св. мученик, 561
Иоанн IV, Васильевич (Грозный), 264, 415, 464
Иоанн Кронштадтский, св., 22
Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский, св., 232
Иов Многострадальный, св. праведный, 323
Иоиль, св. пророк, 34
Иона, митрополит Московский, свт., 168
Иордан Ф. И., 122, 272, 275, 276, 478, 480, 482, 483, 493, 495, 574, 575
Иорданский Ф., 23, 24
Иосафат, иудейский царь, 34, 431
Иосиф Обручник, св. праведный, 212
Иосиф Прекрасный, св., 468, 469
Ипсиланти, князья, 119, 120, 124
Ираклий, св. мученик, 561
Ирина, св. великомученица, 323
Исаак Сирин, епископ Ниневийский, преподобный, 512, 516, 517
Исаакий Далматский, преподобный, 323, 325
Исаия, св. пророк, 479
Исаия (Копинский), митрополит Киевский, 525
Исаия (Путилов), игумен, 507, 534, 535
Исайя, кучер С. П. Шевырева, 479
Исидор, св. мученик, 323
Исихий, св. мученик, 561
Искандер. *См.* Герцен (псевдоним Искандер) А. И.
Иулиания, княгиня Вяземская, Новоторжская, св. праведная, 232, 233
Ишимова А. О., 162, 212, 274, 275
К. К., корреспондент газеты «Одесский Вестник», 65
К., граф, знакомый Михольского, 107
К., знакомый Гоголя в Петербурге, 150
Кавелин Д. А., 587, 588
Кавелин К. Д., 18
Кавелина (в замужестве Соломирская) М. А., 541
Казначеев А. И., 71, 571–573, 587–590, 598, 599
Казначеева (рожд. княжна Волконская) В. Д., 589, 591
Каиафа Иосиф, 31
Кайсевич И., ксендз (с 1841 г.), 260
Калачев Н. Д., 415
Каллаш В. В., 72
Кандид, св. мученик, 561
Кандыба (Кандиба) Т. Д., 564, 566
Канунова Ф. З., 167
Каплан Л. Р., 155, 159
Капнисси С., 245
Капнист А. В., 191, 241
Капнист Вас. В., 192
Капнист И. В., 191, 192, 241, 242, 244–246, 317, 326, 360, 401, 402, 446
Капнист Софья В. *См.* Скалон (рожд. Капнист) С. В.
Капнисты, 245
Караджич В., 226, 441
Карамзин Анд. Н., 386, 503
Карамзин Н. М., 112, 228, 310, 349, 352, 386, 404, 415–417, 502
История государства Российского, 349, 415, 416
Карамзина (рожд. баронесса Шернваль фон Вавллер, в первом браке (с 1836 по 1840) Демидова, во втором браке с 1846 г.) А. К., 386
Карамзина С. Н., 395, 396
Караччи Аннибале, 96, 97
Карион, св. мученик, 561
Карл I, король Вюртембергский (с 1864 г.), 300
Карпенко С. Д., 532
Карпов Г. С., 346
Карпов К., 146
Картамышев А. В., 584–586
Картамышев К. В., 584–586
Карташевская (Кардашевская), родственница Карташевских, 524
Карташевская М. Г., 116, 142, 143, 175, 176, 209, 225, 363, 366, 368, 371, 374, 434, 440, 450, 454, 492, 496
Карташевские, 146, 162, 176
Карташов В. С., 321, 349, 546

Карчевский, протоиерей в г. Николаеве, 563, 566
Катакази Г. А., 589, 591
Катакази К. А., 564, 589, 591
Катков М. Н., 244, 313
Каширина В. В., 517
Квятковский, бухгалтер, 555
Кипренский О. А., 96, 97
Кир II Великий, персидский царь, 33
Киреевская М. В., 168
Киреевская (рожд. Арбенева) Н. П., 20–22, 236, 478
Киреевские, родственники И. В., П. В. и М. В. Киреевских, 305
Киреевский В. И., 478
Киреевский И. В., 21, 197, 210, 236, 252, 259, 362, 384, 478, 512–514, 517
Киреевский П. В., 211, 212, 414, 416
Кирилл II, патриарх Иерусалимский, 26–28
Кирилл, патриарх Александрийский, св., 134, 400
Кирилл, св. мученик, 561
Кирилл, учитель Словенский, св. равноапостольный, 109, 416, 417, 502
Киселев П. Д., граф (с 1839 г.), 347
Кителот М., 598
Клавдий, св. мученик, 561
Клейнмихель П. А., граф (с 1839 г.), 310
Клеман М. К., 600
Клецкая И. А., 601
Климент (Зедергольм), иеромонах, 512–514, 516
Клинчин А. П., 601
Клодт М. П., 218
Клодт фон Юргенсбург В. К., барон, 22
Клодт фон Юргенсбург П. К., барон, 22
Клушин А. И., 147
Смех и горе, 146, 147
Клушин Н. П., 238, 240
Клушин П. Н., 238–240, 346
Клушина (рожд. княжна Трубецкая) А. П., 238, 240
Клушина (рожд. княжна Горчакова) Е. П. *См.* Горчакова Е. П., княжна
Княжевич Д. М., 71, 492
Княжевич М. Д., 492
Князев А. С., 474
Ковалевская М., 563, 585
Ковалевская, одесская домовладелица, 586
Ковалевский П., 563, 566, 585
Ковалевский П. М., 461
Ковриго (в девичестве Ващенко) Э. И., 79, 83, 86, 246, 259, 273, 275, 377, 401, 438, 468, 489, 497, 530, 533, 554
Козлов А. А., 178
Козловский П. Б., князь, 253
Козмин Н. К., 165
Козьмин Б. П., 159
Кокорев В. А., 300
Коллинз У., 447
Колмаков Н. М., 510, 511
Кологривов М. А., 589
Колосова, домовладелица в Петербурге, 68
Кольчугин И. Г., 594
Комарницкий (Камарницкий) А. Я., 589, 591
Комаров А. А., 162, 163, 165, 166, 169–171, 173–175
Комаров А. И., 600
Комарова, жена А. А. Комарова, 170
Комарович В. Л., 600
Комаровская А. Е., графиня, 266
Комаровский П. Е., граф, 249
Комовский В. Д., 193, 211, 212, 469
Конович, цензор, 68
Константин Великий, св. равноапостольный, 33, 34, 62, 64, 89, 94, 95, 98, 111, 113, 114, 116, 118, 128, 145, 209, 295, 302, 400, 428, 491, 587, 595, 596
Константин Константинович, великий князь, 266, 268
Константин Николаевич, великий князь, 394, 551
Константиновская Е. М. *См.* Городецкая (в девичестве Константиновская) Е. М.
Константиновская (рожд. Григорьева) М. Д., 252
Константиновский М. А., протоиерей (с 1838 г.), 12, 13, 19, 30, 31, 39, 50, 51, 53, 56, 60, 147, 148, 195, 206, 210, 211, 218, 225, 226, 228, 230–234, 250–258, 369, 397, 446, 448, 451, 452, 464, 470, 473, 474, 490, 513, 598
Копп И. Г., 52
Коптев В. И., 228
Коптев Д. И., 228, 316
Копылова В., 332
Корейша И. Я., московский юродивый, 172, 175, 295, 446

Коренной Л., 351
Корниенко Н. В., 151, 160
Корнилов А. А., 237–239
Коробейников Т., 446, 448
Королева Н. В., 601
Короленко В. Г., 139
Корф М. А., барон, с 1872 г. граф, 463
Корш В. Ф., 539
Корш Е. Ф., 416
Косачевская Е. М., 229
Коссович И. А., 503, 504
Коссович К. А., 201, 292, 503, 504
Костомаров Н. И., 107, 109, 556, 593
Костылев А. Н., 533
Косяровский И. П., 156
Косяровский Петр П., 119
Кочубей В. В., князь, 141, 147, 425
Кочубей (рожд. Бибикова, в первом браке княгиня Белосельская-Белозерская) Е. П., княгиня, 146, 147, 425
Кочубинский А. А., 417
Кошелев А. И., 248, 424, 435, 450, 479, 483, 579, 587, 588
Кошелев В. А., 208, 209, 502
Кошелев В. И., 337
Кошелев Н. И., 337
Кошелева (рожд. Петрово-Солоново) О. Ф., 587, 588
Кошман И. П., 555
Краевский А. А., 172, 257, 416
Крамарева, домовладелица в Одессе, 65
Крашевский И. И., 69
Крашенинников С. П., 350
Крашенинникова О. А., 370
Крестова Л. В., 376, 600
Криворотовы, одесские книготорговцы, 574
Крикуневич И. Г., 569
Кронеберг А. И., 162, 164, 169, 173
Кронеберг И. Я., 164
Кротков С., 146, 147
Крутов А. И., 24
Крутов М. И., 22–25, 27
Крылов И. А., 244, 281, 426
Ларчик, 108, 281
Крылов Н. П., священник, 22, 24, 26
Крюденер В. Ю., баронесса, 519
Ксанфий, св. мученик, 561
Ксанфиппа, преподобная, 553, 554
Кубарев А. М., 491, 492
Кудрявцев П. Н., 258, 316, 512
Кузьмин В. Н., 589, 591
Кузьмин Н. Н., 277
Кузьмин Р. И., 178
Кукольник Н. В., 65, 67, 68, 110, 120, 159, 162, 164, 229, 246, 460–463, 465
Записная книжка 1840–1850 гг., 68
Кулешов В. И., 407
Куликов (псевдоним Н. Крестовский) Н. И., 163, 165
Кулиш П. А., 22, 28, 29, 82, 100, 101, 104, 106, 109, 111, 113, 114, 136, 138, 139, 142, 147, 148, 159, 179, 180, 203, 204, 206, 208, 214, 217, 262, 285, 293, 304, 305, 319, 320, 329, 332, 334, 335, 345, 349, 351, 358, 361–364, 367, 370, 371, 374, 376, 378, 392, 417, 423, 424, 428, 430, 433–435, 440, 441, 443–445, 497, 505–511, 515, 517, 518, 520, 521, 525, 531, 556, 566, 593, 601, 602
Кульбовская М. Н., 93
Купер Ф., 333
Курганов Е. Я., 68
Кушелев-Безбородко Г. А., граф, 411
Лабзин А. Ф., 483
Лаваль (рожд. Козицкая) А. Г., графиня, 261
Лаваль З. И., графиня. *См.* Лебцельтерн (рожд. графиня Лаваль) З.
Лаврентий (Макаров), архимандрит, 105, 109
Лаврентий Калужский, блаженный, 335, 337, 346, 348
Лавров И. И., 523, 524
Лаврский В. В., протоиерей, 160
Лазаревский И. И., 166
Лазарь Четвородневный, прав., 262, 269, 426, 463, 493, 544
Лакшин В. Я., 408, 477
Лакьер (Лакиер) А. Б., 592
Лакьер (Лакиер) Б. Л., 592
Лакьер (рожд. Шауфус) Е. Ф., 592
Лакьер (Лакиер) О. П. *См.* Плетнева (в замужестве Лакьер) О. П.
Ламартин А., де, 556
Ланд Ф., купец 5-й гильдии, 287
Лачиновы, 593

Лебедев А. А., протоиерей, 368
Лебедева О. Б., 165, 431
Лебцельтерн (рожд. графиня Лаваль) З. И., графиня, 261
Лебцельтерн Л., граф, 261
Леваневский, доктор, 299, 301
Левицкая Ю. М. *См.* Титова (рожд. Левицкая) Ю. М.
Левицкий М. И., 71, 589, 591
Лейхтенбергский герцог Максимилиан, 299, 300
Лемер Ф. Ж. А., 105, 109
Ленский (наст. фамилия Воробьев) Д. Т., 480, 482
К. С. Аксакову, 596
Лев Гурыч Синичкин, 523
Ленц Н. И., 563, 564, 566, 567, 580
Леонид (Кавелин), архимандрит, 34, 146, 516, 517
Леонидов Л. Л., 587, 588, 596
Леонтий, св. мученик, 561
Леонтьев К. Н., 512, 516
Леонтьев П. М., 500, 512
Лепехин И. И., 350, 387
Лермонтов М. Ю., 16, 222, 353, 446, 584
Журналист, читатель, писатель, 339, 351
Они любили друг друга так долго и нежно... 198, 199, 222, 223
Лернер Н. О., 564, 566, 573, 580, 583, 586
Лешков В. Н., 477, 571, 573, 579, 582, 583
Лещинский Я. Д., 500
Лидерс А. Н., граф, 491, 492
Лизогуб (рожд. Танская) А. В., 104
Лизогуб С. С., 104
Линде С. Б., 420
Линней К., 349
Линовский В. А., 589, 591
Липинский К., 441, 443, 487
Лисенков И. Т., 574, 582
Лисимах, св. мученик, 561
Литвиненко Н. Г., 601
Литвинов М. А., 562
Ллойд Э., 23
Лобков А. И., 187, 188
Ломоносов М. В., 277, 369, 572
Ломоносов, московский домовладелец, 259
Ломтев Н. П., 72, 171, 178, 186, 209, 210
Лорер Ник. И., 239, 337
Лореры, 238
Лотман Л. М., 600
Лужин И. Д., 187, 238, 329, 373, 485, 486
Лука, св. апостол и евангелист, 33, 134, 158, 195, 223, 248, 289, 439, 578
Лукашевич В. А., 556
Лукашевич В. Л., 556
Лукашевич Н. А., 162, 165
Лукашевич П. А., 110
Лукиан Самосатский, 504
Лукьянович (Лукьяновичева) Н. Г., 527, 532
Лукьянович А. А., 581
Лукьянович Г. С., 532
Луш. N., 125
Лысенко Н. В., 527
Львов В. В., князь, 579, 582
Любовь, св. мученица, 68, 84, 85, 147, 151, 152, 164, 178, 180, 192, 194, 223, 303, 305, 309, 326, 368, 504, 586
Любомирский И. С., 246
Людовик IX, французский король, святой католической Церкви, 193
Людовик Филипп, французский король, 277
Лютер М., 231, 512, 516
Ляпунова А. С., 229
Лясковский В. Н., 435
Мавра, св. мученица, 322
Мавро С. И., 540
Магомет (Магомед, Мухаммед, Мохаммед), 501
Мадзини Дж., 15, 168, 293
Мазер К. П., 369
Майков А. Н., 151, 186
Майков В. Н., 151, 186
Майков Л. Н., 186
Майков Н. А., 151, 171, 186
Майкова Е. П., 258
Макаренко Я. П., 346
Макарий Великий (Египетский), св., 21
Макарий Оптинский (Иванов), преподобный, 20, 21, 236, 509, 511, 513–517, 558
Максим, слуга Малиновских, 42
Максимов (Лоскутов) М. А., 598
Максимов С. В., 407, 408
Максимов, иеромонах, 105
Максимов, московский знакомый Н. В. Кукольника, 462, 463

Максимович М. А., 72, 90, 204, 225, 235, 392, 393, 407, 408, 413, 414, 427–429, 433, 435, 437, 440–445, 452, 453, 462, 463, 469–472, 479, 483, 484, 487–491, 495, 498, 503–508, 510, 511, 515, 517–522, 525, 527, 531, 540, 544–547, 549–551, 560, 587
Малиновская, жена К. Малиновского, 41, 42, 133, 387
Малиновские, 40
Малиновский Д. К., 30, 33, 40, 43, 48, 78, 133, 134, 146, 180, 182, 185, 192, 214, 215, 218, 247, 254, 279–281, 283, 314, 365, 366, 369, 376, 384, 387, 390, 391, 405, 408, 426, 472, 473, 477, 494
Малиновский К., 41, 42
Малиновский С. К., 41, 42, 133, 314, 387
Малиновский, младший брат Д. К. Малиновского, 41, 42, 133
Малов М. Я., 388
Мальцев П. М., 96
Мамонтов С. И., 413, 414
Мамонтов С. С., 413, 414
Мамонтова (рожд. Сапожникова) Е. Г., 413, 414
Манн Ю. В., 600
Манцев, дядя князя С. И. Давыдова, 237
Марабути Н. С., 28
Маразли Г. Г., 67, 68, 563
Маргулиес Ю. Э., 173
Мария, Пресвятая Богородица Дева, 13, 34, 51, 66, 96, 97, 100, 105, 109, 169, 176, 189, 202, 212, 217, 315, 328, 332, 334, 335, 348, 349, 361, 363, 366, 368, 370, 371, 376–379, 388, 392, 393, 428, 464, 477, 478, 523, 553, 554, 561, 576, 578
Мария, сестра прав. Лазаря Четвородневного, 247, 248, 266
Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке за графом Г. А. Строгановым, 152, 405
Марк, св. апостол и евангелист, 195, 439
Марк (Хомич), монах, 21, 516
Маркевич А. И., 59, 60, 68, 70–72, 75, 103, 104, 557, 559, 561, 563–567, 572, 573, 575, 580, 585, 586, 590, 591
Маркевич Н. А., 229
Маркелл, монах Свенского монастыря, 517
Маркина Л. А., 275
Марков А. Т., 178
Марков К. И., 297, 397, 399
Марков О. О., 133
Маркович А. В., 102, 104, 556, 564, 566
Маркович А. М., 114, 115, 118, 140–142, 148, 197, 224, 225, 229, 241, 246, 247, 269, 270, 272–274, 322, 409, 410, 498, 520–523
Маркович Ф. М. *См.* Похвиснева (рожд. Маркович) Ф. М.
Маркович, сестра А. М. Марковича, 409, 410
Маркович, сестры А. М. Марковича, 410
Маркс К., 47
Мартынов А. Е., 163, 165
Мартынов Н. С., 584
Мартынович-Лашевский А. И., 345
Мартынович-Лашевский И. Т., 345, 346
Мартьянов П. К., 210, 211, 404, 408, 484
Марфа, сестра прав. Лазаря Четвородневного, 222, 247, 248, 265, 266
Масалов В. М., 586
Матвеев А. М., 512
Матвеев П. А., 423, 424, 512, 513, 516, 517
Матвеева Х. И., 512
Матвеевский П. А., протоиерей, 368
Маттеи Ч., граф, 147
Матфей, св. апостол и евангелист, 33, 45, 192, 195, 400, 439, 493, 495
Мацеевич Л. С., 60, 68, 563, 566, 573
Машковцев Н. Г., 600
Медовиков П. Е., 428
Меж..., знакомый М. П. Погодина в Москве, 401
Мелетий, митрополит Петры Аравийской, 13, 14, 38
Мелитон, св. мученик, 561
Мельгунов Н. А., 121, 293, 294, 480, 482
Мелькович К. П., 304
Мельник В. И., 175
Мельник Т. В., 175
Меншиков Д. А., 450
Мережковский Д. С., 232
Мерзляков А. Ф., 363, 364, 371
Мефодий, учитель Словенский, св. равноапостольный, 109, 416, 417, 502
Мешкова Г. А., 253
Мещеринов Вас. Дм., 346
Мещеринов, московский домовладелец, 259
Мещерская (рожд. графиня Апраксина) М. В., княгиня, 10, 11, 15, 56, 123, 124, 158, 534, 535

Мещерский С. В., князь, 158
Мещерский, московский домовладелец, 416
Мещеряков Н. Л., 283
Мизко Н. Д., 562, 563, 585
Микеланджело Б., 510
Миллер О. Ф., 243
Милюков А. П., 263
Милютин В. А., 271
Мими, домовладелец в Одессе, 573, 584
Минстер П. Ф., фон, 552–554
Минько Н. Г., 196
Миркович Ф. Я., 287
Миронова, актриса, 450
Мисаил Вавилонский, отрок, св. мученик, 33
Михаил Архангел, Архистратиг, 25, 354, 356, 559
Михаил Латош (Омер-паша), 48, 49
Михаил Николаевич, великий князь, 551
Михаил Павлович, великий князь, 491
Михаил Феодорович, русский царь, 229
Михайлова А. Н., 311, 600
Михед П. В., 201
Михневич И. Г., 70, 71, 518, 560, 562, 571, 572, 589
Михольский, помещик, автор апокрифических воспоминаний о Гоголе, 107–110
Мичри, домовладелец в Одессе, 564
Млодецкие, 564
Млодецкий, граф, 563, 564
Млотковская Л. И., 598
М—ль Г., сотрудник газеты «Одесский Листок», 586, 590, 591
Модестов С. С., протоиерей, 160, 368
Модзалевский Б. Л., 84
Модзалевский Л. Б., 600
Моисей, св. пророк Боговидец, 267, 524
Моисей Оптинский (Путилов), преподобный, 507, 511–515, 517, 518, 534, 535, 538, 539, 542
Мокий, священномученик, 323
Моллер А. В. (О. Б.), фон, 276
Моллер В. А., фон, 272, 275, 276
Моллер П. А., фон, 275
Моллер Ф. А., фон, 10, 139, 185, 275, 276, 278, 279, 325, 453, 475, 493, 594
Моллер Э. А., фон, 275
Молоствов В. П., 541, 542
Мольер Ж. Б., 398
Лекарь поневоле (Доктор принужденный, Medecin malgre lui), 414
Скупой (Avare), 414
Тартюф, или Обманщик, 172, 173
Монисов, домовладелец в Одессе, 564
Моно А., пастор, 577, 578
Моно, врач, 577
Монтескье Ш. Л., де, 289
Морген Р., 478
Мордовченко Н. И., 600
Моршанский (Маршанский) М. А., 585
Мосалева Г. В., 196
Москаренко З., 141, 148, 167, 168
Мох Р. И., иерей, 132, 133
Моцарт В. А., 242
Мошин А. Н., 82, 85, 86, 88, 531, 546
Мощинский, граф, 563
Мунк С., 8
Муравьев А. Н., 518
Муравьев В. М., 310
Муравьев Мих. Никит., 112, 404
Муравьев Мих. Никол., граф Виленский (с 1865 г.), 76, 244, 245, 310
Муравьев Н. Н., граф Амурский (с 1858 г.), 370
Муравьева (рожд. баронесса Колокольцева) Е. Ф., 112
Муравьева (рожд. Шереметева) П. В., графиня (с 1865 г.), 245, 310
Мурзакевич Н. Н., 58, 59, 70, 72, 73, 562, 571, 572, 585, 586, 588–593
Мусатова Т. Л., 253
Муханов В. А., 155, 308, 499
Муханов Н. А., 155, 499
Мухановы, 533
Мыкыртычьянц. *См.* Тер-Мыкыртычьянц С. Н.
Мяновский И. И., 300
Надежда, св. мученица, 68, 84, 85, 147, 151, 152, 164, 178, 180, 192, 194, 223, 303, 305, 309, 326, 368, 504, 586
Надеждин Н. И., 146, 150, 162
Надимов П. М., 573, 598, 599
Назаревский А. А., 234, 600, 602
Назимов В. И., 259, 387, 400, 410, 446, 475, 476, 579, 582, 593, 596

Наливайко С., 525
Наполеон I, 109, 277, 289, 350, 351, 391, 466, 480, 482
Наполеон II Бонапарт, 277
Нарышкин М. М., 76, 187, 227, 228, 337, 381
Нарышкина (рожд. Коновницына) Е. П., 381
Населенко Е. П., 437
Наумов, московский знакомый Н. В. Кукольника, 463
Нафанаил, св. апостол, 45
Нащокин П. В., 137, 138, 157, 193, 208, 214, 217, 294, 480
Нащокина В. А., 214, 217
Невахович А. Л., 163, 165
Невахович М. Л., 165
Невежин П. М., 403, 407
Невельский Г. И., 544
Неводчиков Н. В., иерей. *См.* Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский
Негри, 589
Неелов С. А., 321, 322
Неизвестная, жительница Ветлужского уезда Костромской губ., корреспондент Гоголя, 592
Нейслинд, домовладелец в Петербурге, 150
Некрасов И. С., 58, 60
Некрасов Н. А., 18, 144, 145, 162, 169, 173, 174, 322, 573
  Родина, 173, 175
Некрасов Н. А., Панаева А. Я.
  Три страны света, 572, 573
Нелединская-Мелецкая А. Ю. *См.* Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня
Нелединский-Мелецкий Ю. А., 335, 336, 348, 351
Нелидова М. В. *См.* Адлерберг (рожд. Нелидова) М. В., графиня
Неофит (Неводчиков), архиепископ Кишиневский, 58, 59, 63, 70, 74, 260, 519, 551, 552, 558, 561–563, 567, 568, 572
Неофит, монах, 146
Неофит, знакомый Гоголя, 516
Нессельроде Д. К., граф, 128
Нессельроде К. В., граф, 128, 597
Нечаев В. П. *См.* Виссарион (Нечаев), епископ Костромской и Галицкий
Нечаева В. С., 283
Нечай Д., 442
Никита, св. великомученик, 211, 214, 215, 217–219, 226, 249, 259, 274, 318, 320, 321, 325, 346–348, 358, 389, 397, 407, 412, 447, 452, 460, 465, 475, 484, 486, 488, 495, 512, 517
Никитенко А. В., 104, 145, 391, 416
Николаев П., 598
Николаева Е., 598
Николай (Соколов), епископ Калужский и Боровский, 337, 344, 346, 351
Николай I, Император, 22, 26, 47, 50, 63, 76, 77, 92, 107, 109, 117, 125, 149, 160, 161, 163, 187, 237–239, 250, 255, 261, 263, 276, 286, 287, 294, 300, 306, 337, 345, 387, 391, 415, 416, 418, 454, 478, 519, 534–537, 542, 544, 547, 551, 582, 589
Николай Александрович, великий князь, 388
Николай Мирликийский, св., 9, 17, 24, 25, 43, 62, 71, 74, 78, 79, 85, 91–94, 101, 138, 139, 146, 169, 185, 228, 270, 271, 293–295, 302, 305, 314, 323, 337, 346, 349, 387, 392, 400, 402, 409, 417, 425, 426, 479, 480, 483, 486, 488, 489, 493, 506, 518, 542, 569
Николай, св. мученик, 561
Николай Михайлович, великий князь, 84
Николай Николаевич, великий князь, 551
Николай, слуга С. П. Шевырева, 479
Никольский И. Д., иерей, 210, 211, 482, 484
Нимченко Я., 88, 443, 569
Нистрем К. М., 410, 416
Нифонтов А. С., 47
Ниэли Дж. М., 548
Новгородский П., 217
Новиков, московский знакомый Н. В. Кукольника, 462
Новосельский, домовладелец в Одессе, 566
Новосильцев П. П., 197
Ной, св. праотец, 349
Норов А. С., 23, 24, 380, 588–591
  Путешествие по Святой Земле в 1835 г., 589
  Путешествие по Сицилии в 1822 г., 589, 591
Нуньес О. Г., 60, 68, 110, 414, 532, 555, 573
Нюландер У., 318
О... (рожд. Игнатьева), 305
Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая) А. Ю., княгиня, 335, 348, 351, 352
Оболенская (рожд. Арнольди) О. И., княгиня, 299, 300, 350

Оболенский А-р П., князь, 334, 335, 347, 348, 351, 352
Оболенский Д. А., князь, 214, 216, 218, 220, 268, 322, 334, 337, 347, 351, 352, 356–358, 458
Оболенский М. А., князь, 415, 417
Оболенский П. С., князь, 299, 300, 350
Оболенский, князь, московский домовладелец, 259
Образцов Ф. И., протоиерей, 233
Овер А. И., 436, 437, 449, 551
Овербек М. Я., 333, 382, 402
Одиссей, царь Итаки, 313
Одоевский В. Ф., князь, 152, 241, 395, 501
Сиротинка, 144
Ознобишин А. И., 396
Ознобишин Н. И., 135, 396, 492, 493
Окулова (Акулова) А. А., 300, 301
Окуловы, 310
Олимпиев. *См.* Антипин И. Ф.
Олсуфьев В. Д., граф (с 1856 г.), 542, 543, 547, 553, 560, 561
Ольга Николаевна, великая княгиня, дочь Императора Николая I, с 1846 г. королева Вюртембергская (Виртембергская), 152, 187, 300
Ольга, св. равноапостольная княгиня, 90
Ольденбургский П. Г., принц, 308
Ольхович, слуга Н. М. и А. О. Смирновых, 345, 346
Омер-паша. *См.* Михаил Латош (Омер-паша)
Орлай де Карва (Корва) А-р И., 65, 70, 72, 73, 116, 122, 562, 571, 572
Орлай де Карва (Корва) Анд. И., 65, 70, 72, 73, 116, 122, 562, 571, 572
Орлай де Карва (Корва) И. С., 73, 160, 572
Орлов А. Ф., граф, 337, 535, 538, 542, 560
Орлов (наст. фамилия Копылов) И. В., 598
Орлов М. И., 384, 387, 390
Орлов-Денисов В. В., граф, 187
Орлов-Денисов Н. В., граф, 462, 463
Орловская, домовладелица в Москве, 587
Орнатская Т. И., 174, 269, 278, 281
Орург (О'Рурк), граф, 106
Оскерко, барон, 391, 392
Остен-Сакен (рожд. графиня Толстая) А. И., графиня, 542
Островская (рожд. баронесса Тессин) Э. А., 404
Островская (рожд. Савина) Л. И., 404
Островские, 404
Островский А. Н., 403–408, 418, 435, 449, 450, 469, 475–477, 479, 480, 483
Банкрут (Свои люди — сочтемся!), 403–409, 435, 450, 464, 465, 469, 475–477
Записки замоскворецкого жителя, 404, 407
Иван Ерофеич, 407
К читателям, 407
Семейная картина (Картина семейного счастья), 403, 404, 407
Островский А. Н., Тарасенков (Горев) Д. А.
Сцены из комедии «Несостоятельный должник». Ожидание жениха, 407
Островский Н. Ф., 404
Отон (Оттон) Ц. Л., 59
Отон Ц. Л., 58
Павел, св. апостол, 111, 122, 158, 182, 221, 223, 265, 272, 281, 285, 315, 316, 322, 332, 516
Павлин, инок Оптиной Пустыни, 513
Павлов М. Г., 218
Павлов Н. М., 217, 218, 596
Павлов Н. Ф., 62, 101, 135–137, 172, 182, 236, 284, 293, 294, 405, 406, 480, 482, 588
Второе письмо к Н. В. Гоголю, 136, 182
Первое письмо к Н. В. Гоголю, 136, 182
Четвертое письмо к Н. В. Гоголю, 136, 182
Павлов П. В., 107, 109
Павлов Р. М., 217, 218, 219
Павлова (рожд. Яниш) К. К., 588
Двойная жизнь, 62
Павловский А. И., 564, 565, 567, 580
Павловский М. К., протоиерей, 70, 71, 518, 519, 552, 560–562, 565, 569, 571, 572
Павон, гравер, 478
Павский Г. П., протоиерей, 464
Паисий (Величковский), преподобный, 516
Паисия (Нудельская), игумения, 147
Паламарчук П. Г., 165
Паллас П. С., 265, 337, 344, 349, 350, 387
Пальм А. И., 263
Пальмер В., англиканский архидиакон, 548
Пальмерстон Г. Дж. Т., 455
Панаев И. И., 18, 146, 157, 162, 169–171, 173, 174, 416
Панаева (в девичестве Брянская, во втором браке Головачева) А. Я. (Е. Я.), 173, 175, 572, 573
Панаева (в девичестве Брянская, во втором браке

Головачева) А. Я. (Е. Я.), Некрасов Н. А. Три страны света, 572, 573
Панкратов А. С., 234, 253
Панов В. А., 402, 403
Пантелеев, домовладелец в Петербурге, 150
Пантелеимон, св. великомученик, 102, 473, 474
Панченко М. А., 600
Панько, пасечник в Васильевке, 86
Парилова Г. Н., 212
Парфений (Краснопевцев), иеросхимонах, 105, 109
Пауль И. Б., 212
Пафонов П. Ф., 252
Пахомий Великий, св., 166, 167, 323
Пахомов Н. П., 601
Пашков Анд. И., 49, 92, 102
Пашков В. К., 85, 334, 540
Пашков М. В., 159
Пашков П. Е., 217
Пашкова А. И. *См.* Чернышева-Кругликова (в замужестве Пашкова) А. И., графиня
Пашкова А. М. *См.* Апраксина (рожд. Пашкова) А. М., графиня
Пащенко И. Г., 72, 73, 85
Пащенко Т. Г., 80, 85, 333, 334, 539, 540
Педро Ф., 229
Первушин Н. В., 173
Перевощиков Д. М., 188, 401, 407, 450
Перовский В. А., граф (с 1855 г.), 509, 578
Перовский Л. А., граф (с 1849 г.), 237–239, 337, 519, 520, 535, 538, 539, 542, 560
Перфильев С. В., 182, 183, 237, 239, 259
Петр, св. первоверховный апостол, 13, 38, 45, 100, 122, 221, 272, 281, 315, 316, 322, 332
Петр Амьенский (Пустынник), августинский монах, 282
Петр I, 99, 109, 121, 271, 281, 310, 369, 370, 513
Петр III, Император, 337
Петр, митрополит Московский, свт., 147, 168
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М. В., 171, 263, 277, 278, 281, 283, 315, 316, 418
Петрашевский И. О., 461
Петров В. П., 600
Петрова Е. П., 84
Петровский В. В., 589, 591
Пигарев К. В., 372
Пигарева Е. И. *См.* Тютчева (в замужестве Пигарева) Е. И.
Пий IX, римский папа, 77, 266, 325
Пиксанов Н. К., 600
Пикулин П. Л., 410, 411
Пилони И. И., 523, 524
Пирогов М. И., 559
Пирогов Н. И., 448
Пирожкова Т. Ф., 208, 224, 248, 256, 261, 348, 433, 436, 443, 483, 502, 505, 573
Писарев А. А., 72
Писарев Н. А., 346
Пищалкин А. А., 478
Плаксин В. Т., 165
Платон, 280
Платон (Рожков), иеромонах, 233, 518
Плетнев П. А., 9, 16, 18, 22, 30, 49–51, 56, 57, 60, 62, 63, 75, 91, 102, 113, 119, 121, 125, 128, 129, 135, 141, 146, 149, 150, 155, 157, 158, 161, 162, 165–167, 169, 176, 191, 201, 205, 223, 225, 234, 235, 241, 273, 274, 276, 292, 303, 305, 308, 311, 312, 315, 316, 318, 320, 329, 360, 381, 382, 385, 393, 412, 413, 416, 417, 423, 431, 432, 435, 445, 462, 466, 467, 473, 474, 477, 531–533, 536, 547, 548, 558, 560, 561, 566, 570, 571, 574, 580, 581, 591–594
Плетнева (рожд. княжна Щетинина) А. В., 225, 234, 235, 274, 303, 308, 311, 312, 592
Плетнева (в замужестве Лакьер) О. П., 57, 274, 275, 312, 592
Плетнева (рожд. Раевская) Ст. А., 225, 234, 235
Плещеев А. Н., 238, 258, 262, 263, 269, 316
Плещеев А. П., 491, 492
Плещеев, 239
Плещеевы, 238, 239
Плоткин Л. А., 600
Плюшар А. А., 93
Погодин Г. П., 131
Погодин Д. М., 90, 210, 211, 256, 269, 392, 404, 408, 480, 481, 484
Погодин И. М., 90, 269
Погодин М. П., 9, 11–14, 17, 30, 48, 57, 58, 61, 71, 73, 89, 94, 98, 101, 110, 112, 115, 124, 128, 131, 132, 134, 139, 142, 145, 146, 148, 150, 151, 162, 163, 172, 176–180, 182–185, 187–189, 192–194, 197,

198, 200–202, 204–206, 210–214, 218, 220, 224, 225, 229, 234–237, 242–244, 248, 252, 254–259, 264, 268, 269, 283, 293–295, 301, 302, 304, 309–312, 327, 350, 368, 369, 373, 380, 381, 384, 391–393, 396, 401, 403–409, 415–419, 429, 430, 442, 446, 449, 450, 466, 467, 471, 472, 475, 477, 479–483, 486, 488, 489, 491, 492, 500, 502, 503, 506, 507, 517, 524, 525, 533, 535, 540, 543, 554, 570, 571, 579, 588, 592, 593, 601
Великая княгиня Ольга, 90
Исследования, замечания и лекции о русской истории, 135
Кончина Гоголя, 533
Москвич Н. В. Гоголю, 183
Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня, 350, 488, 502
Святослав (отрывок), 90, 134
Погодин, дядя М. П. Погодина, 134
Погодина Агр. М., 12, 73, 90
Погодина Агр. М. (младшая), 90, 269
Погодина (в девичестве Вагнер) Е. В., 210, 269
Погодина Е. И., 211, 408, 484
Погодины, 211
Подчасский И. И., 337
Пожарский Д. М., князь, 277
Покровская (рожд. графиня Толстая) М. Н., 215
Полевой Кс. А., 350
Полевой Н. А., 350
Поликсения, преподобная, 553, 554
Половцов В. А., 165
Полозов, знакомый Н. А. Арбузова, 550
Полозовы, 550
Полонская П. А. *См.* Черкасова (рожд. Полонская) П. А., баронесса
Полонский Я. П., 583
Полтавцев К. Н., 479
Поль К., 369
Полян П. М., 165
Пономарев С. И., 521, 545, 550
Понтий Пилат, 31
Попов А. П., 404
Попов А-р Н., 36, 143, 150, 151, 162, 172, 186, 192, 193, 259, 360, 395, 435, 463
Попов, бумажный фабрикант в Рыбинске, 579
Попова А-ра Н., 191, 192
Попова Е. И., 314, 315
Порфирий (Григоров), инок Оптиной Пустыни, 20, 21, 511, 538, 541, 598
Порфирий (Успенский), преосвященный, 22–28, 51, 356, 540, 576
Порфирий, повар купеческого клуба в Москве, 480, 481
Поселянин (Погожев) Е. Н., мученик, 233, 523
Потемкина (рожд. княжна Голицына) Т. Б., 231
Потемкин-Таврический Г. А., светлейший князь, 531
Потоцкий Л. С., граф, 589
Потоцкий С. О., граф, 591
Похвиснев Г. С., 247
Похвиснева В. Г., 114, 140, 142, 246, 247, 409, 410, 521, 522
Похвиснева М. Г., 114, 140, 142, 246, 247, 409, 410, 521, 522
Похвиснева (рожд. Маркович) Ф. М., 114
Почапин, калужский купец, 347
Прасковья Степановна, содержательница притона, 153
Приск, св. мученик, 561
Присниц В., 203, 204
Прокопий I, патриарх Константинопольский, 23
Прокопович А. Н., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович В. Н., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович Е. Н., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович (рожд. Трохнева) М. Никиф., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович М. Никол., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович Н. Н., 119, 129, 167, 170, 465
Прокопович Н. Я., 31, 110, 113, 119, 120, 122, 128, 135, 150, 162, 163, 165, 167–170, 465, 472
Прокопович О. Н., 119, 129, 167, 170, 465
Прокофий, повар А. С. Данилевского, 140, 141, 148, 167, 168
Протасов Н. А., граф, 380
Протопопов Д. С., 320, 329, 331, 356, 389, 390, 412, 413, 533
Прохорова, знакомая Н. В. Кукольника в Москве, 463, 465
Пужула Ж., 556
Пуль, студент Ришельевского лицея, 586
Путята А. В., 364, 368
Путята Н. В., 364, 370–372, 375

Путята О. Н. *См.* Тютчева (рожд. Путята) О. Н.
Путята (рожд. Энгельгардт) С. Л., 364, 371, 372
Путятин Р. Т., протоиерей, 324, 325
Пушкевич (Пушкевичев), домовладелец в Москве, 146
Пушкин А. А., 138
Пушкин А. С., 59, 60, 65–68, 135, 137–139, 165, 187, 201, 217, 219, 220, 222, 242, 308, 311, 313, 322, 330, 332, 333, 335, 348, 349, 356, 369, 381, 385, 496, 503, 528, 550, 583, 585, 601
Моцарт и Сальери, 242
Портрет, 222, 223
Странник. (Из Bunyan) (Отрывок), 496
Пушкин Г. А., 138
Пушкин Л. С., 58–60, 65–68, 70, 159, 164, 562, 572, 573, 583–585, 589
Пушкина (рожд. Загряжская) Е. А., 67, 68
Пушкина М. А. *См.* Быкова (рожд. Пушкина) М. А.
Пушкина (рожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Н. Н., 138, 332, 496
Пущина Ек. Ф., 304, 305
Пыпин А. Н., 160, 161, 164, 166, 509, 510
Р. Г. Л., знакомая Н. Н. Мурзакевича, 590
Рабинович М. Б., 601
Рабус К. И., 243
Раевская Ст. А. *См.* Плетнева (рожд. Раевская) Ст. А.
Разумовская В. А., графиня. *См.* Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А., княгиня
Разумовский К. Г., граф, 558
Рамазанов Н. А., 276, 277, 448, 500
Ранцев (Ранцев-Зас), офицер, 337
Расев А. И., протоиерей, 233, 253, 397, 448, 452
Рафаэль С., 276, 422, 446, 478, 510
Рахманова П. П. *См.* Ахлестышева (рожд. Рахманова) П. П.
Рахубовская М. В. *См.* Быкова (в замужестве Рахубовская) М. В.
Рачинский С. А., 22
Рашеев В. Н., 573
Ревбель (Рейбель) Ж. Ф., 289, 291
Редкин П. Г., 126, 165, 246
Рейнар, знакомый графа Мих. Ю. Виельгорского, 149
Рейнари И., 151
Рейтерны, 31
Рекамье Ж., 404
Рено О. И. (Рейнонд Ж. Ж.), барон, 566
Репин И. Е., 232, 233, 234
Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская) В. А., княгиня, 71, 102, 103, 498, 518, 519, 543, 547, 548, 558, 560, 562–564, 566, 576, 597
Репнина-Волконская В. В., княжна, 558, 559, 567
Репнина-Волконская В. Н., княжна, 71, 102–104, 421, 498, 518, 519, 543, 547–549, 558, 560, 562–567, 597
Репнина-Волконская (рожд. Балабина) Е. П., княгиня, 71, 247, 498, 518, 519, 543, 547, 548, 558–560, 562, 563, 565–567, 569, 571, 575, 576, 578, 580, 597, 598
Репнин-Волконский В. В., князь, 563, 565, 567
Репнин-Волконский В. Н., князь, 71, 498, 518, 519, 543, 547, 548, 557, 558, 560, 562–567, 569, 571, 573, 575–578, 580, 597, 598
Репнин-Волконский Н. В., князь, 102, 104, 126, 559, 561, 563–567, 575
Репнин-Волконский (до 1801 г. Волконский) Н. Г., князь, 103, 104, 563, 565
Репнин-Волконский П. В., князь, 563, 565, 567
Репнины-Волконские, 71, 103, 563
Ржевский Д. С., 579, 582, 583
Ривароль, граф, 15
Ригельман Н. А., 440
Рихтер Ф. Ф., 251–254, 259, 446, 447, 574, 575
Ричардсон С., 325
Кларисса Гарлоу, 325
Ришелье Э. О., герцог, 57, 59, 70, 71, 564–566, 580, 581, 583–586, 588–591
Ровинский Д. А., 97, 183
Рогов К. Ю., 600
Родионов И., 217
Родоканаки Ф. И., 584–586
Родышевская А. С. *См.* Бухарева (рожд. Родышевская) А. С.
Розсоха Л. О., 131, 138
Романовы, императорская фамилия, 208
Ромодановская А. А., 219
Ромодановский Г. Г., князь, 544
Россет (рожд. Ершова) С. И., 238–240, 400

Россет А-р О., 320
Россет (Россети) Ар. О., 13, 16, 17, 120, 126, 146, 147, 150, 151, 162, 179, 180, 187, 204, 314, 315, 320, 360, 361, 382, 391, 392, 484, 550, 551
Россет И. О., 238–240, 320, 348, 383, 384, 391, 392, 400
Россет К. О., 142, 147, 148, 241, 242, 246, 247, 259, 285, 320, 323, 325, 329, 343, 344, 364, 368, 371, 373, 485, 519, 520
Ростопчин (Растопчин) А. Ф., граф, 499, 500
Ростопчина (рожд. Сушкова) Е. П., графиня, 228, 258, 403–409, 450, 475, 476, 500
Насильный брак, 406
Нелюдимка, 403–405, 407–409
Рудаков А. И., 218
Рудаков В. И., 215, 218
Рудакова (рожд. Медведева) В. Г., 218
Рудакова Е. Ф., 218
Рудановский П. И., 108, 110
Рудановский, сын П. И. Рудановского, 108
Руди Т. Р., 507
Руммель В. В., 542
Румянцев Н. П., граф, 217–219
Румянцев С. П., граф, 217, 218
Румянцев-Задунайский П. А., граф, 105, 109
Руссо Ж. Ж., 344
Руценова О. Н., 167
Рыбаков Н. Х., 523, 524
Рыльский М. Ф., 527
Рычков Н. П., 350
Рядвольский, казначей, 555
Сабурова Ек. В. *См.* Гагарина (рожд. Сабурова) Е. В., княгиня
Савва Освященный, св., 211
Савва (Тихомиров), архиепископ Тверской, 253
Савва Московский, преподобный, 250, 252, 253
Садовский Б. А., 313, 314
Садовский П. М., 397, 403–405, 407, 408, 450, 475, 476, 479–482
Саитов В. И., 84
Сакердон, св. мученик, 561
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур) Ел. В., графиня, 407, 427, 428, 545
Саломон П. П., 514, 516
Салтанов А. П., 346
Салтыков (псевдоним Н. Щедрин) М. Е., 165
Салтыков, московский домовладелец, 358
Салтыковы, 596
Сальери А., 242
Самарин А. Ф., 248
Самарин М. Ф., 18
Самарин Ф. В., 456
Самарин Ю. Ф., 18, 193, 197, 198, 206, 207, 266, 293, 294, 307, 312, 314, 315, 320, 321, 348, 360, 361, 363, 455, 456, 458, 459, 489, 542, 588
Самгин Д. Н., 259
Самойлов В. В., 165
Самойлов В. М., 165
Самойлова (в замужестве Мичурина) В. В., 163, 165
Самойлова Л. В., 165
Самойлова (в замужестве Загибенина) М. В., 165
Самойлова (по мужу Макшеева) Н. В., 165
Самойлова (рожд. Черникова) С. В., 165
Сампсон, библейский судия и богатырь, 447
Санд Ж., 145, 221, 222, 353, 462, 467
Валентина, 467
Графиня Рудольфштадт, 221, 223
Индиана, 221, 223
Консуэло, 221, 223
Симон, 221, 223
Странствующий подмастерье, 221, 223
Чертово болото, 145
Санц, домовладелец в Одессе, 566
Саргсян М. С., 277
Саффи А., 168, 293
Сахаров И. П., 270
Сведенборг Э., 199
Свербеев А. Д., 370
Свербеев Д. Н., 53, 172, 173, 252, 285, 370, 395, 435, 450, 491
Свербеев Н. Д., 370
Свербеева В. Д. *См.* Арнольди (рожд. Свербеева) В. Д.
Свербеева (рожд. княжна Щербатова) Е. А., 53, 147, 168, 172, 285, 370, 395, 435
Святогорец. *См.* Сергий (Веснин), Святогорец, иеросхимонах
Святослав Игоревич, великий князь Киевский, 90, 134

Севенард И. Н., 93
Севергин В. М., 350
Севериан, св. мученик, 561
Севинье М., маркиза, 94
Седуро Вл., 173
Семевский М. И., 405, 408
Семен, повар Погодиных, 480, 481
Семененко П., ксендз (с 1841 г.), 260
Семенов В. Н., 165
Семенов П. Н., 164, 166
Семенова (в девичестве Бланк) А. П., 164–166
Семенова Н. П. *См.* Грот (рожд. Семенова) Н. П.
Семенов-Тянь-Шанский В. П., 165
Семенов-Тянь-Шанский П. П., граф, 163–166
Семирамида, царица Ассирии, 500–502
Сен-Симон Л., герцог, 94
Сенявина (рожд. баронесса д'Оггер) А. В., 588
Серафим Саровский, преподобный, 21, 260, 391, 392, 507
Сербинович К. С., 27
Сергеев, знакомый Гоголя в Петербурге, 150
Сергий Радонежский, преподобный, 20, 98, 113, 117, 130, 160, 218, 227, 233, 248, 258, 259, 328, 332, 364, 366, 368, 370–372, 374, 375, 377, 380, 392, 413, 423, 424, 428, 507, 516, 518, 542
Сергий (Васильев), архимандрит, 507
Сергий (Веснин), Святогорец, иеросхимонах, 473, 474, 522, 523, 548, 561, 562
Серебренников Н. В., 368, 502
Серебровская Е. П., 86, 532
Серединский Т. Ф., протоиерей, 11–13
Серид Палестинский, преподобный, 516
Сидорова-Бартенева С. С., 313, 314
Сильвестр (в иночестве Спиридон), священник, духовник Иоанна Грозного, 264, 266–268, 299
Сим, сын Ноя, св. праведный, 123
Симеон Столпник, преподобный, 214, 218, 270, 323
Симон Зилот, Кананит, св. апостол, 323
Симон-Деманш Л., 579, 580
Синельникова (рожд. Ходаревская) М. Н., 220, 530
Сисиний, св. мученик, 561
Скалон А. В., 94, 95, 317
Скалон В. А., 94, 95, 317, 396
Скалон В. В., 317
Скалон (рожд. Капнист) С. В., 78, 94, 95, 134, 317, 396, 460
Скальковский А. А., 65, 69
Скальковский Н. А., 65, 69
Скоробогатый, студент Ришельевского лицея, 586
Скотт В., 350, 447
Скотти М. И., 240, 278, 495
Скуридин М. С., 360, 534, 540, 547, 549
Слонимский А. Л., 600
Смарагд, св. мученик, 561
Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский и Зарайский, 259
Смирдин А. Ф., 145, 350, 430, 486, 488, 571, 572
Смирнов И. И., 408
Смирнов М. Н., 94, 239, 300, 301, 346, 486, 578
Смирнов Н. М., 80, 94, 113, 122, 186, 187, 200, 237–240, 285, 300, 301, 308, 323–325, 329, 332–335, 338, 345, 346, 350, 358, 360–362, 382, 391, 392, 402, 410, 466, 513, 550, 577, 578
Смирнов Петр П., 238
Смирнов С. К., протоиерей, 211
Смирнов Я. В., 304, 305
Смирнова (рожд. Россет) А. О., 12, 13, 16, 17, 30, 39, 44, 45, 49–51, 59, 60, 71, 72, 80, 92–94, 99, 102, 104, 113, 117–119, 126, 148–152, 159–162, 164, 166, 167, 170, 178–180, 186, 187, 191, 192, 200, 204, 208, 214, 220, 227, 231, 233, 236–240, 250, 259, 261, 267, 269, 271, 272, 284, 285, 294–296, 298–301, 307, 308, 312, 314, 315, 317–321, 325–327, 329, 332–337, 339, 340, 343–351, 353, 357–363, 367, 368, 373, 375–380, 382, 383, 386–388, 391, 392, 396, 400–402, 404, 409, 410, 417, 423, 432, 436, 438, 440, 444, 449, 453, 454, 456, 462, 463, 466, 484, 486, 505, 507–511, 513, 519, 520, 522, 523, 534, 535, 538, 542, 543, 547, 550, 551, 553, 560, 561, 563, 567, 577, 578, 594, 595
Смирнова Е. А., 437
Смирнова Н. Н. *См.* Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н.
Смирнова О. Н., 45, 59, 60, 94, 154, 159, 161, 162, 271, 300, 332–334, 345, 346, 348, 351, 358, 376, 382, 392, 400, 509, 511, 520, 578
Смирнова Р. А., 139
Смирнова-Чикина Е. С., 142, 179, 213, 397
Смирновы, 285, 348
Снегирев И. М., 32, 180, 183–185, 187, 188, 271, 297, 298, 388, 403, 415, 450, 579, 582

Соболевский Г. Ф., 359
Соймонов А. Д., 212
Соколов А-р Ив., 213, 562, 586
Соколов Г. И., 585, 586, 589, 591
Соколов П. И., 504
Сокологорский К. И., 146, 147
Соллогуб А-р В., граф, 267, 269, 359, 422, 423
Соллогуб Ап. В., графиня, 383, 386, 387, 422, 495
Соллогуб В. А., граф, 68, 80, 126, 144, 152, 154, 155, 159, 162, 163, 186, 190–192, 194, 236, 243, 248, 249, 267, 299, 302, 304, 305, 383, 386, 387, 405, 422, 423, 495, 503, 504
Беда от нежного сердца, 422
Вчера и сегодня, 144
Местничество, 248
Тарантас, 153
Соллогуб (в замужестве Сабурова) Е. В., графиня, 159, 267, 269, 359, 422, 423
Соллогуб С. В., графиня, 267, 269, 359, 422, 423
Соллогуб (рожд. Архарова) С. И., графиня, 386, 422, 423
Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) С. М., графиня, 16, 17, 80, 117, 118, 149, 150, 152, 155, 157–159, 163, 186, 191, 192, 194, 249, 263, 267–269, 278, 279, 296, 299, 302–305, 308, 337, 354, 358, 359, 386, 418, 422–424, 494, 495, 551
Солнцев Ф. Г., 298
Соловьев П. А., протоиерей, 22–26
Соловьев С. М., 434, 435, 450, 462, 502
Соловьева В. С., 434
Соломон, третий царь Израиля, 96, 516
Сомина В. В., 601
Сорен (рожд. Смирнова) Н. Н., 94, 300, 301, 332–334, 346–348, 380, 382, 510, 511, 578
Сосницкий И. И., 146, 162
София, Ипостасная Премудрость Божия, Сын Божий Иисус Христос, 100, 105. *См. также* **Иисус Христос, Бог, Бог-Сын, Сын Божий, Господь, Спаситель, Спас, Искупитель, Мессия**
София, св. мученица, 68, 84, 85, 147, 151, 152, 164, 178, 180, 192, 194, 223, 303, 305, 309, 326, 368, 504, 586
Спасский М. Ф., 462, 463
Сперанский М. М., граф (с 1839 г.), 228, 305
Сперанский М. Н., 185, 243
Спешнев, 310
Спешнев Н. А., 263
Спиридон Тримифунтский, св., 20–22, 199, 236, 511
Срезневский И. И., 165, 551
Сталь Ж., де, 404
Станислав, святой католической Церкви, покровитель Польши, 238
Станицкий Н. Н. (псевдоним). *См.* Панаева (в девичестве Брянская, во втором браке Головачева) А. Я. (Е. Я.)
Станкевич А-р Вл., 248
Станкевич И. В., 248, 410, 411
Станкевич (в замужестве Фролова) М. В., 248, 379, 410, 411
Станкевич Н. В., 248
Стасов В. В., 10, 229, 232, 234
Стасов Д. В., 334, 347
Стасюлевич М. М., 491, 492
Степанов И., диакон, 389
Степанов Н. Л., 600
Степанов Н. С., 579
Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола, 233, 259, 366, 369, 370
Стрекалов С. С., 317
Строганов С. Г., граф, 119, 120, 124, 400, 415, 416, 491, 568, 579, 582
Строганова Н. П., графиня, 124
Строев П. М., 211
Студинский К., 133
Студитский А. Е., 418, 419
Стурдза А. С., 23, 24, 57–59, 63, 70, 71, 227, 228, 498, 518, 519, 547–552, 558–564, 567, 568, 570–572, 576, 577
Стурдза М. А. *См.* Гагарина-Стурдза (рожд. Стурдза) М. А., княгиня
Стурдза Р. С. *См.* Эдлинг (рожд. Стурдза) Р. С., графиня
Суворин А. С., 175
Суворов А. А., князь, 245
Сумароков А. П., 417
Супронюк О. К., 119, 600, 602
Сусанин И., 277

Сухово-Кобылин А. В., 579
Сухозанет Н. О., 387, 388
Сушков Н. В., 227, 228, 473
Бедность и благотворительность, 228
Сю Э., 103, 104
Т., корреспондент газеты «Одесский Листок», 532, 555
Талызин А. И., 163, 214, 215, 218, 219, 226, 243, 249, 274, 318, 358, 407, 412, 452, 460, 465, 475, 484, 485, 488, 495
Талызин М. И., 165
Талызина, жена А. И. Талызина, 211, 397, 486
Танеев А. С., 416
Танская А. В. *См.* Лизогуб (рожд. Танская) А. В.
Танский В. М., 104
Тарасенков А. Т., 232, 314, 351, 407, 562
Тарасенков (Горев) Д. А., 407
Тарасенков (Горев) Д. А., Островский А. Н.
Сцены из комедии «Несостоятельный должник». Ожидание жениха, 407
Тарасов Б. Н., 502
Тарланов Е. З., 546
Тархова Н. А., 60, 311, 334, 602
Татаринов В. И., 440, 443
Тевяшов Е. Н., 97
Тегнер Э., 580
Сага о Фритьофе, 580
Терещенко А. В., 150, 151, 203, 204, 486, 488
Тер-Мыкыртычьянц С. Н., 284, 285
Тимковский И. Ф., 520, 521
Тимофеев, домовладелец в Петербурге, 146
Тимофей, св. мученик, 322
Тимченко А. Ф., 131
Тимченко К. Ф., 131
Тимченко Л. Ф., 131
Тимченко М. Ф., 131
Тимченко О. Ф., 131, 401, 402
Тимченко. *См.* Цуревская (рожд. Тимченко), жена П. Ф. Цуревского
Тимченко, соседи Гоголей, 489, 490
Титов А. А., 253, 417
Титов В. П., 9, 15, 17, 25, 51, 53, 70, 415, 589, 591
Титов П. П., 71, 498, 562, 571, 573, 589
Титова (рожд. Левицкая) Ю. М., 71, 498, 562, 571, 573, 589, 591
Тихонравов Н. С., 448, 592
Токарев И. М., 507
Толстая (рожд. княжна Грузинская) А. Г. (А. Е.), графиня, 16, 158, 193, 208, 214, 215, 217, 220, 238, 240, 294, 300, 304, 314, 315, 360, 361, 386, 391, 392, 402, 407, 422, 423, 464, 485, 486, 490, 542, 543, 549
Толстая А. И., графиня. *См.* Остен-Сакен (рожд. графиня Толстая) А. И., графиня
Толстая Е. Г., графиня, 563, 566
Толстая М. Н., графиня. *См.* Покровская (рожд. графиня Толстая) М. Н.
Толстая П. И., графиня. *См.* Юшкова (рожд. графиня Толстая) П. И.
Толстая, графиня, 66
Толстой А-р П., граф, 11, 12, 14–18, 21, 30, 33, 55, 56, 64, 65, 79, 84, 105, 109, 147, 148, 150, 154–156, 158, 163, 164, 179, 180, 186, 187, 193, 204, 206–208, 211, 214–218, 220, 225, 226, 230, 231, 233, 238, 240, 243, 251, 255, 256, 294, 300, 304, 312, 314, 315, 318–322, 327, 351, 356, 360, 361, 386, 392, 397, 400, 402, 407, 408, 410, 422, 423, 429, 446, 447, 451, 460, 464, 473, 474, 484–486, 490, 496, 503, 507, 511–514, 534, 541–543, 547–549, 598
Толстой А. К., граф, 138, 139, 148, 334, 337, 343–345, 351, 507, 509, 511, 519, 520, 539, 542, 543, 547, 548, 553, 560, 561, 577, 578
Князь Серебряный, 345
Толстой И. А., граф, 542
Толстой Л. Н., граф, 219, 232, 518, 542
Толстой М. В., граф, 217
Толстой М. Д., граф, 563
Толстой, граф, московский домовладелец, 259
Толстой, домовладелец в Одессе, 585
Толстой, московский знакомый Н. В. Кукольника, 462
Толченов А. П., 561, 563
Томашевский А. Ф., 144, 587
Томашевский В. Б., 600
Тон К. А., 252, 254, 277, 446, 575
Топильский М. И., 400, 401
Трахимовская (Трофимовская) К. М., 78, 83, 92, 93, 139, 544
Трахимовские, 139, 522

Трахимовский (Трофимовский) А. М., 83, 86, 92, 93, 522, 580
Трахимовский (Трохимовский, Трофимовский) М. Я., 544
Трахимовский Н. А., 83, 86, 139
Тредиаковский В. К., 572
Тройницкий А. Г., 572, 573
Тройницкий Г. А., 572
Тройницкий Н. Г., 58–60, 65, 67, 68, 70, 72, 159, 164, 562–564, 566, 572
Гоголю, 65–67
Трощинский Анд. А., 58, 60, 62, 65, 67, 69, 70, 74, 94, 127, 192, 219, 234, 273, 275, 324, 325, 377, 378, 396, 401, 402, 460, 461, 493, 553, 554, 558, 562–564, 566, 568, 569, 571, 577, 578, 581, 582, 584–586, 594, 595, 598
Трощинский Дм. А., 70, 396, 401, 402, 566, 568, 569, 580, 581
Трощинский Дм. П., 544, 577, 581
Трубецкая А. П., княжна. *См.* Клушина (рожд. княжна Трубецкая) А. П.
Трубецкая (рожд. графиня Лаваль) Е. И., княгиня, 261
Трубецкая (рожд. Смирнова) С. Н., княгиня, 94, 300, 301, 333, 346–348, 382, 578
Трубецкая, княжна, 348
Трубецкие, 596
Трубецкой П. И., князь, 239, 240
Трубецкой С. П., князь (до 1826 г.), 261
Трушковский Н. П., 82, 89, 97, 324, 325, 367, 438, 439, 460, 461, 467–470, 525, 530, 535, 538, 539, 541–543, 560, 570, 572
Туниманов В. А., 174
Тур Евгения. *См.* Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, псевдоним Евгения Тур), Ел. В., графиня
Тургенев А. И., 395, 396
Тургенев И. С., 8, 157, 169, 175, 239, 257, 360, 363, 379, 395, 396, 411, 421, 575, 576
Безденежье, 575
Дворянское гнездо, 411
Завтрак у предводителя, 421
Записки охотника, 8
Нахлебник, 257, 262, 379, 395, 410, 411
Три портрета, 239
Тургенева О. А., 157
Турчанинов, домовладелец в Петербурге, 150
Тынянов Ю. Н., 173
Тьер Л. А., 404
Тюрнейсон (Турнесен, Turnesen) А., 91, 92, 121
Тютчев И. Ф., 372
Тютчев Ф. И., 245, 372, 395, 396, 466, 467
Вновь твои я вижу очи... 467
Его светлости князю А. А. Суворову, 245
Еще томлюсь тоской желаний... 467
Итак, опять увиделся я с вами... 467
Как дымный столп светлеет в вышине!.. 467
Когда в кругу убийственных забот... 467
Наполеон, 466
Осемь стихотворений (обещанных в 7 книге *Москвитянина*), 467
Плавание, 466
Поэзия, 466
Святая ночь на небосклон взошла... 467
Слезы людские, о слезы людские... 467
Тихой ночью, поздним летом... 467
Тютчева (в замужестве Пигарева) Е. И., 372
Тютчева (рожд. баронесса Пфеффель, в первом браке баронесса Дёрнберг) Э. Ф., 240, 361, 395, 396, 465, 466, 588, 590, 591
Тютчева (рожд. Путята) О. Н., 372
Увар, слуга М. В. Станкевич, 248
Уваров С. С., граф (с 1846 г.), 146, 162, 176, 183, 260, 380, 391, 415–417, 534, 535
Удино, французский генерал, 325
Уль И., 146, 147
Ульянов (Ленин) В. И., 68, 217, 283
Ульянов Н. И., 556
Уманец Ф. М., 115, 323
Унковский Ф. С., 388
Устинов М. М., 27
Устинов, домовладелец в Москве, 191
Устинов, домовладелец в Петербурге, 150
Устинович, помещик, 126
Устинья, приживалка в доме Гоголей, 528
Уткин Н. И., 478
Фацарди В. К., 463
Федор, крепостной слуга Гоголя, 105, 109
Федот Яковлевич, разносчик, 92, 95
Федотов П. А., 178, 450, 467, 499, 500
Федотова К., 214

Фейербах Л. А., фон, 570
Феодор (Бухарев), архимандрит, 158, 160, 258, 364–366, 368–370
Феодор Иоаннович, русский царь, 415
Феодор Студит, преподобный, 218
Феодор Тирон, св. великомученик, 33, 34, 39, 40, 43–45, 51, 52, 62, 78, 134, 161, 314, 374, 452, 459, 460, 566
Феодосия Константинопольская, преподобномученица, 323
Феодул, св. мученик, 561
Феофан (Александров), архимандрит, 187
Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, свт., 22, 24, 26
Феофил, св. мученик, 561
Феофилакт Болгарский, блаженный, 366
Ферапонтов Н. И., 337, 349
Фердинанд II, король Обеих Сицилий, 15
Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский, 190, 192
Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, свт., 21, 186, 227, 228, 252, 253, 368, 369, 488, 504, 507, 594
Филарет (Кольцов), иеромонах Оптиной Пустыни (с 1854 г. иеросхимонах), 512, 515, 517, 518, 522
Филарет (Пуляшкин), Новоспасский иеромонах, 21
Филипп, св. апостол, 45
Филипп, митрополит Московский, свт., 259
Филиппов П. Н., 263
Филиппов С. Н., 527, 532
Филиппов Т. И., 214, 230, 232, 233, 250, 252, 253, 369, 404, 407, 476, 477
Филоктимон, св. мученик, 561
Фиников К. И., протоиерей, 231, 233
Финшау, домовладелец в Петербурге, 150
Флавий, св. мученик, 561
Флеров В. П., 579, 582
Флетчер Дж., 198, 415, 417, 593
Флоровский Г. В., протоиерей, 268
Фома, св. апостол, 371, 373
Фонвизин Д. И., 259
Фонвизин Д. М., 570
Фонвизин И. А., 76, 259, 262, 302, 304, 305, 307, 310, 312, 358, 485, 547, 569, 570
Фонвизин М. А., 259, 570
Фонвизина (рожд. Пущина) Евд. Ф., 305
Фонвизина (рожд. Апухтина, во втором браке Пущина) Н. Д., 570
Фредерикс М. П., баронесса, 157, 158, 160, 236
Фредерикс С. П., барон, 236
Фридлендер Г. М., 600
Фундуклей И. И., 555
Фьезоле Фра Джованни, да (Беато Фра Джованни, Беато Анджелико), святой католической Церкви, 115
Хавский П. В., 294, 327, 328
Хаис О. С., 590
Халчинский И. Д., 9, 17, 31, 33, 53, 54, 56, 162, 356
Халчинский Ф. Л., 162
Ханджери Г. А., князь, 540, 578, 579
Хитрово А. И., 558
Хитрово В. И., 426, 427
Хитрово Евг. А., 558
Хитрово Ек. А., 21, 71, 150, 168, 196, 247, 268, 496, 557–563, 566–569, 575, 576, 578, 580, 589, 597
Хитрово О. В., 561
Хитрово, капитан корпуса жандармов, 287
Хмельницкий Н. И., Всеволожский Н. С.
Актеры между собой, 311
Ходаков Г., 251, 253
Ходаревская (рожд. Косяровская) Е. И., 220, 442, 445, 527, 530, 546, 554
Хомяков А. С., 21, 36, 39, 100, 124, 145, 155, 224, 227, 248, 255, 256, 258, 261, 265, 266, 268, 284, 285, 295, 313, 314, 353, 370, 371, 375, 406, 421, 426, 434, 435, 446, 449, 450, 452, 453, 455, 456, 462, 464, 465, 476, 479, 483–486, 491, 500–502, 504, 506, 543, 587
И<следование> и<стины> и<сторических> и<дей> (Семирамида), 500–502
Ключ, 284
О возможности русской жудожественной школы, 100, 101, 145, 146
Церковь одна, 266
Хомяков Н. А., 314, 421, 434
Хомякова (рожд. Языкова) Е. М., 36, 39, 98, 313, 314, 419, 421, 434, 435, 446, 449, 464, 465, 501, 504, 506
Хомякова М. А., 39, 313, 314
Хорват, домовладелец в Одессе, 563
Храповицкий А. В., 510

Храповицкий М. В., 509, 510
Христофор, слуга Смирновых, 335, 346, 358
Худион, св. мученик, 561
Цимбаев Н. И., 502
Циммерман И. Г., 166
О уединении, 166, 167
Цион И. Ф., 564
Цион, жена И. Ф. Циона, 564
Цитович П. П., 85
Цицианов, князь, 491
Цицианова Е. Д., княжна, 364, 368
Цициний, домовладелец в Одессе, 564, 566
Цуревская (рожд. Тимченко), жена П. Ф. Цуревского, 131, 137
Цуревская, дочь П. Ф. Цуревского, 137
Цыцурин Ф. С., 109, 110
Цявловский М. А., 376
Чаадаев (Чадаев) П. Я., 36, 284, 313, 491, 502
Чаговец В. А., 79, 82, 85–88, 96, 97, 104, 105, 137–139, 445, 524, 526, 529, 531–533, 539, 546
Чаев Н. А., 188
Чайкин К. В., протоиерей, 253
Черейский Л. А., 311
Черкасов А. И., барон, 558
Черкасов И. П., барон, 558
Черкасов П. И., барон, 558
Черкасова (рожд. Полонская) П. А., баронесса, 558
Черкасский В. А., князь, 337
Черкасский П. Д., князь, 315, 542, 543
Черкасский, московский домовладелец, 259
Черневский С. А., 399, 451, 505
Черницкая А. М., 80, 85
Черниченко Л. А., 196
Чернов А. В., 502
Черныш Вас. Вас., 70, 71, 90, 91
Черныш Вас. И., 79, 89–91, 528, 569
Черныш Н. В., 90
Чернышева-Кругликова (в замужестве Пашкова) А. И., графиня, 279
Чернышева-Кругликова (в замужестве Черткова) Е. И., графиня, 279
Чернышева-Кругликова (рожд. графиня Чернышева) С. Г., графиня, 84, 279
Чернышев-Кругликов (до 1832 г. Кругликов) И. Г., граф, 84, 279
Чернышев-Кругликов И. И., граф, 279
Чернышевский Н. Г., 353
Чернышевы-Кругликовы, 279
Чертков А. Д., 119, 120, 124, 211, 243, 593
Черткова (рожд. графиня Чернышева) Е. Г., 117–120, 124
Черткова Е. И. *См.* Чернышева-Кругликова (в замужестве Черткова) Е. И., графиня
Чёрчель (мать), 48
Чёрчель (отец), 48
Чёрчель, две сестры-англичанки, 48
Чибисов В., 291
Чижов Ф. В., 72, 105–107, 109, 115, 122, 144, 145, 162, 240, 260, 276, 284, 285, 324, 325, 419, 453
Чистяков М. Б., 150, 151, 162
Чуйкевич Ф. М., 68, 69
Чуйкевичи, 69
Шабельник И. М., 86, 532
Шабельник Н. И., 86, 532
Шабельник Ф. И., 86, 532
Шаплет С. С., де, 350
Шаржинский С. Д., 591
Шатирян Г. М., 277
Шауфус Е. Ф. *См.* Лакьер (рожд. Шауфус) Е. Ф.
Шафарик П. Й., 443
Шахин Гирей, 348
Шаховская В. А., княгиня, 558
Шаховская (в замужестве графиня Келлер) М. А., графиня, 158
Шаховской А. И., князь, 152, 154, 157
Шван, актер, 479
Шевляков М. В., 68
Шевченко Т. Г., 114, 165, 209, 364, 374, 416, 421, 422, 537, 556
Шевырев Б. С., 117, 124, 539, 571
Шевырев Д. С., 176, 539, 571
Шевырев П. С., 117, 124, 539, 571
Шевырев С. П., 9, 11, 15–17, 19, 22, 30, 31, 33, 35–38, 40, 44–48, 51–56, 58, 60–64, 69, 73, 74, 87, 88, 94, 101, 114, 116–119, 124, 131–134, 139–142, 148, 149, 166, 168, 169, 173, 176, 177, 179–185, 192, 195, 198, 200, 201, 206, 208, 210, 213, 216, 220, 224, 227, 231, 234, 235, 243, 246, 251, 252, 255, 256, 258, 259, 263, 277, 278, 280, 285, 292, 303, 309, 311–313, 315, 316, 318, 324, 329, 332,

338, 340, 343, 350, 351, 361–363, 376, 377, 384, 388, 389, 393–395, 403–408, 412, 415, 416, 423, 435–437, 446–452, 473, 475, 477, 479, 480, 482–484, 496, 500–503, 527, 530, 531, 533–535, 538–540, 543, 545, 553, 555, 563, 570, 573, 575, 577, 578, 582, 588, 592, 593

Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя, 15, 19, 56, 64

Англия и Россия. Праздник 9-го февраля в Москве, 256

Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя, 9, 22, 37, 62, 280

Выставка в залах Художественного училища, 277

Гомерова Одиссея. Перевод В. Жуковского. Том I-й. I–XII песни. 1849. (Статья II-я), 394, 452

История Русской Словесности, преимущественно древней, 278

Нилосорская пустынь, 477

Очерки современной русской словесности, 61, 62

Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, 477, 577, 578

Стихотворения В. Жуковского. Издание пятое. Том осьмой. Одиссея. I–XII песни. С.-Петербург. 1849. В 8-ку. 433 стран. Посвящена Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. (Статья I-я), 394, 452

Шевырева Е. С., 117, 124, 539, 571

Шевырева (рожд. Зеленская) С. Б., 117, 118, 124, 176, 315, 535, 539, 571

Шекспир У.

Буря, 222, 223

Гамлет, 222

Отелло, 222

Шенрок В. И., 14, 71, 75, 77, 80, 94, 96, 102–104, 106, 107, 109, 114, 115, 118, 130, 131, 139, 140, 154–157, 159–163, 175, 187, 204, 206, 208, 235, 240, 313, 314, 332–334, 345, 351, 356, 358, 392, 400, 510, 511, 516, 517, 520, 532, 554, 558, 561, 565–567, 569, 579, 580, 597, 602

Шенрок И. Х., 159

Шепкина Е. С. *См.* Богданова (рожд. Щепкина) Е. С.

Шервуд В. О., 252, 446–448

Шереметев (Шереметьев) Д. Н., граф, 54, 251, 362, 451, 452, 490

Шереметев А. В., 76, 189, 202

Шереметев В. А., 215

Шереметев С. Д., граф, 38, 51, 311

Шереметева (рожд. Шереметева) А. С., графиня, 452

Шереметева (в замужестве княгиня Голицына) В. С., 451, 452

Шереметева (рожд. Тютчева) Н. Н., 9, 11–13, 16, 17, 29–31, 34–37, 43, 44, 46, 49, 50, 52–55, 62, 63, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 79, 90, 92, 94, 111, 112, 133, 142, 148, 149, 169, 176, 188, 189, 202, 230, 245, 250, 259, 260, 262, 273, 274, 301, 302, 304, 305, 307, 310, 312, 362, 379, 381, 384, 388, 394, 395, 419, 438, 439, 451, 459, 460, 470, 477, 478, 484–486, 488, 490, 570, 591

Шереметева П. В. *См.* Муравьева (рожд. Шереметева) П. В., графиня (с 1865 г.)

Шереметева, московская домовладелица, 215

Шестакова (рожд. Глинка) Л. И., 229

Шиллер Ф., фон, 199, 222

Орлеанская дева, 199

Шилов, знакомый Гоголя в Петербурге, 146

Ширинский-Шихматов В. П., князь, 557

Ширинский-Шихматов П. А., князь, 337, 416, 475, 519, 520, 535, 538, 542, 560, 596

Ширинский-Шихматов С. А., князь. *См.* Аникита (князь Ширинский-Шихматов), иеромонах

Ширяев А. С., 385

Ширяев Г. И., 473, 474, 522, 523

Шкловский В. Б., 601

Шлецер (Шлёцер) А. Л., 483

Шмаков А. И., 531

Шмаков И. И., 531

Шнейдер А-ра П., 165

Шнейдер В. П., 163, 165, 166

Шнейдер Я. И., 289, 291

Шнейдер, сестра Я. И. Шнейдера, 289

Шолохова А. С., 600

Шостак, домовладелец в Одессе, 563, 564

Шретер, домовладелец в Одессе, 566

Штанов, прапорщик, 337

Штейнберг, домовладелец в Одессе, 564

Штерн В., 590, 591

Штиглиц А. Л., барон, 57, 91, 121, 122, 289

Штирнер М., 300, 301

Шубинский И. В., 465, 602

Шульц Е. И., 563, 566, 586

Шумский (наст. фамилия Чесноков) С. В., 504, 598
Щеглов (Леонтьев) И. Л., 20, 22, 231–234, 252, 253, 348, 349, 351, 452, 550
Щеглов Н. П., 268, 359
Щеголев А. П., 583, 586
Щепкин М. С., 15, 37, 64, 104, 117, 124, 128, 135, 142, 143, 167, 186, 188, 189, 192, 193, 197, 204, 206, 210, 213, 219, 235, 240, 242, 243, 245, 248, 257, 258, 274, 276, 277, 294, 295, 297, 301, 315, 376, 379, 381, 382, 385, 395, 397, 399, 401, 403, 405–408, 410, 411, 413, 414, 419, 421, 434, 436, 450, 451, 455, 456, 476, 479, 480, 482, 483, 489, 490, 505, 523, 534, 543, 556, 557, 573, 575, 586, 588, 596, 598, 601
Щепкин Н. М., 411
Щепкин П. М., 204, 248
Щепкина (рожд. Станкевич) А. В., 248, 411
Щепкина (рожд. Тимирязева) К. Н., 172
Щербакова М. И., 24, 26, 517
Щербатов А. Ф., князь, 53
Щербатов Г. А., князь, 197
Щербатова (рожд. княжна Оболенская) В. П., княгиня, 53
Щербина Н. Ф., 583, 586
Греческие стихотворения, 583
Щетинин В. О., князь, 308
Щетинина А. В., княжна. *См.* Плетнева (рожд. княжна Щетинина) А. В.
Щетинина (рожд. Головина) В. Н., княгиня, 308
Щетинина В. Н., княгиня, 308, 311, 312, 592
Щипунов П. Т., 600
Эдлинг А. К., граф, 519
Эдлинг (рожд. Стурдза) Р. С., графиня, 518, 519
Эйлер Е. П., 23
Эйхенбаум Б. М., 600
Эльснер С. Ф., барон, 329–331
Эмануам В., 135
Энгельбах Ф. Ф., 253
Энгельгардт Б. М., 600
Энгельгардт В. П., 229
Энгельгардт Л. Н., 372
Энгельс Ф., 47
Юзефович М. В., 105–108
Юнгман Й., 420
Юнг-Штиллинг И. Г., 351, 519
Юнкер И. В., 96
Юрдов Ф. А., 146
Юркевич, знакомый Гоголей, 569
Юрченко А., 104, 105
Юрченко П., 101, 104, 105, 110
Юшков В. И., 541, 542
Юшкова (рожд. графиня Толстая) П. И., 541, 542
Языков А. М., 11, 14, 193, 194, 211, 212, 284, 465, 469
Языков Н. М., 11, 13, 14, 158, 170, 174, 262, 272, 284, 298, 314, 315, 330, 348, 357, 434, 591
Девятое мая (Люблю смотреть на сине море...), 14
Землетрясение, 330
К Рейну, 314, 315
Корабль (То ли дело как бывало...), 14
Малага, 170
Языков П. М., 146, 147, 262, 270, 271, 324
Языкова (рожд. Наумова) Н. А., 464, 465, 476
Языковы, 415
Яковлев А. И., 346
Якубович И. Д., 174, 269, 278, 281
Якушкин Е. И., 148, 149, 394
Якушкин И. Д., 76, 310, 570
Ямпольский И. Г., 600
Янкевич И. А., 83, 86
Янович (Яновичева) Ю., средняя дочь генерала Яновича, 97
Янович (Яновичева), младшая дочь генерала Яновича, 97
Янович (Яновичева), старшая дочь генерала Яновича, 97
Янович, генерал, 97
Янович, родственница генерала Яновича, 96
Яновская, домовладелица в Полтаве, 134
Янушкевич А. С., 165, 431
Ярославна, жена князя Игоря Святославича, 520
Ярцов В. В., 250, 253
Ясинский И. И., 107, 110
Яхонтов И. К., протоиерей, 263
Burnouf J. L., 193
Le Bas Ph., 192, 193
Maont, 597
Meulan P., de, 404
Regnier, 192, 193

Географическая канва жизни и творчества Гоголя 1848–1850

Неаполь 8
1848. Января 19–20 <7–8>. Гоголь, простившись с графом А. П. Толстым, с графинями С. П., Н. В. и М. В. Апраксиными, с протоиерем Тарасием Серединским, отправляется, после напутственного молебна, в Святые Места. По пути в Иерусалим Гоголь из Неаполя до Мессины — и далее, до Мальты, — очевидно, следовал на пароходе «Капри» 11
Мессина 14
1848. Января 20–21 <8–9>. Гоголь в Мессине. 14
О. Мальта 15
1848. Января 22–27 <10–15>. Гоголь проводит шесть дней на Мальте в ожидании парохода. 15
О. Корфу 20
1848. Января около 19 <около 31>. Гоголь у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. 20
Смирна. 22
1848. Января 25–26 <февраля 6–7>. Гоголь в обществе отставного генерала Крутова поднимается на борт парохода «Истамбул», следующего в Бейрут. На этот же пароход пересаживаются прибывшие в Смирну из Константинополя на пароходе «Махмудиэ» архимандрит Порфирий (Успенский), иеромонах Феофан (Говоров), послушники Петр Соловьев и Николай Крылов — члены первой Русской Духовной миссии, следующие в Иерусалим. 22
Родос. 24
1848. Января 27 <февраля 8>. Гоголь знакомится с послушником Петром Соловьевым, которому показывает маленький образ Святителя Николая Чудотворца 24
Бейрут 25
1848. Января 30 <февраля 11>. Гоголь прибыл в Бейрут; встретился с К. М. Базили, познакомился с его женой Маргаритой Александровной . .25
1848. Января 31 <февраля 12>. Гоголь вместе с М. И. Крутовым в сопровождении К. М. Базили выехал в Иерусалим, избрав дорогу по берегу Средиземного моря — через Сидон, Тир, Акру и Яффу (минуя Назарет). (В дороге Гоголь читает, в рукописи, книгу Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях».) 27

Яффа 28
1848. Февраля 2 <14>. Праздник Сретения Господня. Гоголь и К. М. Базили находятся в Яффе проездом в Иерусалим. Вероятно, Гоголь пожертвовал здесь денежную сумму на пособие бедным паломникам, следующим к Святым Местам 28
Иерусалим 30
1848. Февраля 4 <16>. Предположительно в этот день Гоголь и К. М. Базили прибыли из Яффы в Иерусалим 30
Иерусалим, Вифлеем, р. Иордан, Иосафатова долина, Масличная (Елеонская) гора, Иерусалим 33
1848. Февраля 4 – 29 <февраля 16 – марта 12>. Гоголь говеет (готовится к принятию Святых Христовых Таин); совершает паломничества по Святым Местам 33
Иерусалим 34
1848. Февраля 23 <марта 6>. Наместник Иерусалимского патриаршего престола, митрополит Петры Аравийской Мелетий благословляет Гоголя частицей камня от Гроба Господня 38
1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Предположительно в этот день, в субботу первой седмицы Великого Поста, Гоголь, по древнему христианскому обычаю, приобщается Св. Христовых Таин. Причастие совершается у алтаря Гроба Господня 39
1848. Февраля 29 <марта 12>. Воскресенье. Предположительно в этот день (после приобщения накануне Св. Таин) Гоголь и К. М. Базили выезжают из Иерусалима в Бейрут, избрав для обратного пути новый маршрут, через Назарет и, вероятно, Дамаск 43
Назарет 45
1848. Марта начало <марта средина>. Гоголь и К. М. Базили на обратном пути из Иерусалима в Бейрут проводят два дня в Назарете, застигнутые дождем 45
Дамаск 46
1848. Марта около 7–13 <около 19–25>. Гоголь и К. М. Базили предположительно находятся в Дамаске (проездом из Назарета в Бейрут) 46
Бейрут 47
1848. Марта 18 <30>. Гоголь в послании к С. П. Шевыреву в Москву кратко пересказывает маршрут своего следования из Бейрута в Иерусалим (через Сидон, Тир, Акру и Яффу) и обратно в Бейрут (через Назарет – и, вероятно, Дамаск) 47
1848. Марта 19 <31>. Гоголю исполнилось 39 лет. Вероятно, Гоголь отмечает свой день рожденья с семейством К. М. и М. А. Базили 49

1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Гоголь в письме к В. А. Жуковскому во Франкфурт описывает Литургию у Гроба Господня, за которой он приобщался месяц назад Св. Христовых Таин. В тот же день, 25 марта, Гоголь вместе с семейством К. М. Базили отправился на пароходе из Бейрута в Константинополь (через Смирну) 51

Смирна 51

1848. Марта около 28 — апреля около 9 <апреля около 9–21>. Гоголь и семейство К. М. и М. А. Базили по случаю эпидемии холеры находятся на двенадцатидневном карантине в Смирне 51

Константинополь 53

1848. Апреля 11 <23>. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Гоголь предположительно в этот день (или накануне) вместе с семейством К. М. и М. А. Базили прибыл из Смирны в Константинополь; отмечает здесь Пасху. Сразу по прибытии Гоголь получил ответное письмо от протоиерея Матфея Константиновского. Встречает в Константинополе своего нежинского товарища И. Д. Халчинского, служащего советником русского посольства; с похвалой отзывается о прочитанном в рукописи сочинении Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством, в историческом и политическом отношениях» 54

1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Гоголь на пароходе «Херсонес» отправился вместе с семейством К. М. Базили из Константинополя в Одессу 56

Одесса 57

1848. Апреля 16–30. Одесса. Гоголь находится в Одесском карантине по случаю эпидемии холеры. Здесь его поочередно навещают А. А. Трощинский, Н. В. Неводчиков (с приветом от А. С. Стурдзы), Л. С. Пушкин и Н. Г. Тройницкий 58

1848. Мая 1–7. Гоголь по выходе из карантина живет в доме А. А. Трощинского 65

1848. Мая 2. Гоголь посетил лютеранскую кирху Св. Павла (открыта в 1827 г., снесена в 1894 г.), где за ним со стороны наблюдал В. И. Белый 69

Приют, близ Одессы 70

1848. Мая 3. Гоголь вместе с К. М. Базили навещают А. С. Стурдзу 70

Одесса 72

1848. Мая 7. Отъезд Гоголя из Одессы в Васильевку 75

Дорога от Одессы до Васильевки (Николаев, Елисаветград, Александрия, Кременчуг, Решетиловка, Полтава) 75

1848. Мая 7–9. Гоголь приступает к переработке завершенного вчерне за границей второго тома «Мертвых душ». Будучи в дороге, вносит

в записную книжку 1846–1850 гг. целый ряд заметок, использованных вскоре в новой редакции второго тома поэмы 75

Васильевка 78

1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Гоголь в день своих именин приезжает в Васильевку 78

1848. Мая 11. Гоголь угощает крестьян 87

Васильевка, Полтава, Васильевка 89

1848. Мая 12. Гоголь с матерью и сестрой Анной ездил в Полтаву за племянником Н. П. Трушковским 89

Васильевка 90

1848. Мая 13. Гоголь общается с гостями 90

Васильевка, Толстое, Васильевка 90

1848. Мая между 14 и 16. Гоголь побывал в имении отчима А. С. Данилевского В. И. Черныша, где виделся с ним и с единоутробным братом Данилевского Н. В. Чернышом. 90

Васильевка 90

1848. Мая 16. Гоголь отправляет ответные письма к А. С. Данилевскому в Киев и к Н. Н. Шереметевой в Рузу 90

Сорочинцы 92

1848. Мая между 16 и 20. Гоголь с сестрой Ольгой и, вероятно, с матерью, совершает поездку в Сорочинцы к А. М. Трофимовскому. В экипаже читает Евангелие 92

Васильевка 95

1848. Мая 20. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гоголь с сестрой Ольгой и, вероятно, с матерью, возвращается из Сорочинец в Васильевку. 95

1848. Мая 25. Гоголь ко дню Святой Троицы (30 мая 1848 г.) отправляется вместе с слугой П. Юрченко в Киев. 101

Яготин Пирятинского уезда Полтавской губернии 102

1848. Мая между 25 и 29. Гоголь проездом в Киев останавливается на два дня в Яготине, в имении княгини В. А. Репниной-Волконской . . 102

Под Переяславом 104

1848. Мая 28–29. Гоголь и слуга П. Юрченко останавливаются на отдых под Переяславом 104

Киев 105

1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота — июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Гоголь на праздник Святой Троицы в Киеве у А. С. и У. Г. Данилевских. Разыскивает Ф. В. Чижова; встречается с ним у Данилевских. С Данилевским и Чижовым присутствует на вечере у помощника попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовича.

Гоголь встречается с Чижовым на вечерней службе в Киево-Печерской лавре; видится с К. М. Базили . . . 105
1848. Июня 1. Гоголь с слугой П. Юрченко выехал обратно в Васильевку . . . 110

Васильевка . . . 110
1848. Июня 3. Гоголь вернулся из Киева в Васильевку. . . . 110
1848. Июля 23. В Васильевку в гости к Гоголю приехал А. С. Данилевский с женой . . . 130

Васильевка, Будищи, Диканька, Полтава, Васильевка. . . . 134
1848. Августа 12–13. Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой совершают поездку в Будищи, Диканьку и Полтаву . . . 134

Полтава . . . 135
1848. Августа 17. Полтавский гражданский губернатор Н. И. Ознобишин выписал Гоголю свидетельство на проезд в Петербург и Москву . . . 135

Васильевка, Воронянщина, Васильевка . . . 137
1848. Августа средина — августа 24. Гоголь с матерью и сестрами ездил на свадьбу Цуревской. Подарил переданные ему П. В. Нащокиным часы А. С. Пушкина младшей сестре Ольге. . . . 137

Васильевка, Сорочинцы. . . . 139
1848. Августа 24 и 25. 24 августа Гоголь выехал из Васильевки в Москву. До Сорочинец, где его ждал А. С. Данилевский, Гоголя провожали мать, Мария Ивановна, и сестры, Анна и Елисавета. При прощании с сестрами Гоголь обещал заказать для них в Москве корсеты и черные шелковые платья. На следующий день вместе с Данилевским отправился в его имение. . . . 139

Семереньки или Толстое . . . 140
1848. Августа конец, не позднее 30. Гоголь по пути в Москву выехал вместе с А. С. Данилевским из его имения в село Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии. . . . 140

С. Сварково Глуховского уезда Черниговской губернии . . . 140
1848. Августа 30 — сентября около 3–4. Гоголь с А. С. Данилевским гостят несколько дней у дяди жены Данилевского, Ульяны Григорьевны, А-ра Мих. Марковича, по его приглашению . . . 140

Орел . . . 141
1848. Сентября 5. Гоголь проездом в Орле . . . 141

Москва. . . . 142
1848. Сентября 7–8. Гоголь приехал в Москву после шести с лишним лет отсутствия; остановился у М. П. Погодина. Вскоре по приезде навестил С. П. Шевырева на даче в Сокольниках; заходил к К. О. Россету (не застал его дома). . . . 142
1848. Сентября 12. Гоголь выехал из Москвы в Петербург. . . . 148

Санкт-Петербург 149
1848. Сентября 16. Гоголь прибывает в Петербург и останавливается у графа Мих. Ю. Виельгорского. Дважды заходит на квартиру П. А. Плетнева, но не застает его дома. Оставляет ему записку о том, что на дачу Спасская мыза, где Плетнев проводил свободное время, не сможет попасть «ни сегодня, ни завтра», так как «сейчас» же отправляется с графом Виельгорским в Павлино (на дачу Виельгорских), на именины графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской), откуда намеревается проехать к А. О. Смирновой в Павловск 149
Павлино 152
1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Гоголь у Виельгорских на именинах жены графа В. А. Соллогуба, графини С. М. Соллогуб (рожд. графини Виельгорской) 152
Павловск 160
1848. Сентября 17–18. Гоголь заезжает в Павлино на дачу к А. О. Смирновой 160
Санкт-Петербург 162
1848. Сентября 18 — октября 9. Гоголь живет в Петербурге у графа Мих. Ю. Виельгорского, встречается с П. А. Плетневым, А. О. Ишимовой, Н. В. Кукольником, Н. Я. Прокоповичем, князем П. А. Вяземским, П. В. Анненковым, А. А. Комаровым, В. П. Боткиным, И. И. Панаевым, с молодыми писателями И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, Н. А. Некрасовым, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом и др.; с графом Д. Н. Блудовым, графиней А. Д. Блудовой; с художниками К. П. и А. П. Брюлловыми, Ф. А. Бруни и др. Заходит к Карташевским, к А. В. и А. М. Веневитиновым. Вероятно, встречается с М. П. Вагнер, с А. Н. Поповым, с графиней С. П. Апраксиной, с Ар. О. Россетом. Посещает с графом В. А. Соллогубом Александринский театр. Трижды Гоголя навещает художник П. Ф. Зеньков, которому Гоголь передал письмо от М. П. Погодина 162
1848. Сентября между 18 и 22. Гоголь посетил П. А. Плетнева 166
1848. Сентября 25 или октября 2. Гоголь на ужине у А. А. Комарова знакомится с И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, Н. А. Некрасовым, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом. Присутствуют также П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Панаев, вероятно, Н. Я. Прокопович и, возможно, Ф. М. Достоевский 169
1848. Октября 9. Гоголь выехал из Петербурга в Москву 178
Москва 178
1848. Октября 13. Гоголь вернулся в Москву из Петербурга. Временно остановился у М. П. Погодина 178

1848. Октября 18. День рождения С. П. Шевырева. В этот день по случаю возвращения Гоголя из-за границы Шевырев устраивает у себя званый обед, куда приглашены также М. П. Погодин, И. М. Снегирев, Н. В. Берг и др. Погодин читает Гоголю стихотворение «Николаю Васильевичу Гоголю» («Милый Гоголь наш, здорово!») . . . 183
1848. Ноября 4. Представление «Игроков» в Малом театре; в роли Утешительного — М. С. Щепкин; на спектакле присутствует Гоголь . . 193
1848. Ноября 9. Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев 195
1848. Ноября 11. Утром Гоголь отправляет записку к А–ру Мих. Марковичу с приглашением приехать к нему вечером в дом М. П. Погодина, чтобы осмотреть погодинское «Древлехранилище» и увидеть «почти всех замечательных московских литераторов и ученых». Вечером состоялось торжественное (в честь приезда Гоголя) празднование дня рождения Погодина. Среди около пятидесяти гостей были новый помощник попечителя Московского учебного округа князь Г. А. Щербатов, П. П. Новосильцев, И. В. Киреевский, Маркович, М. С. Щепкин. Последний читал что-то из Гоголя 197
1848. Ноября 20. Гоголь приобщается Св. Христовых Таин 201
1848. Ноября 22. Встреча Гоголя со студентами Московской Духовной семинарии в доме М. П. Погодина 202
1848. Ноября 28. Вероятно, в этот день Гоголь — после встречи, незадолго перед тем, с вернувшимся в Москву из Ржева графом А. П. Толстым — отправил в Ржев письмо к протоиерею М. А. Константиновскому. 206
1848. Декабря 4 или 5. Гоголь переезжает от М. П. Погодина к графу А. П. Толстому на Никитский бульвар, в дом А. С. Талызина . . 214
1848. Декабря 28. Гоголь отправляет письмо к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев 225
1848 декабрь — 1849 февраль. Гоголь занимается с О. М. Бодянским сербо-лужицким языком (поводом для занятий было стремление Гоголя понимать народные песни, собранные Вуком Караджичем). (В это время, с ноября 1848 г. до 20 декабря 1849 г., Бодянский был временно уволен из Московского университета.) 226
1848. Конец года. Гоголь, вероятно, впервые посетил святителя Филарета, митрополита Московского 227
1849. Января начало. Протоиерей Матфей Константиновский, предположительно, приехал в Москву и остановился у графа А. П. Толстого, где впервые увиделся с Гоголем. 230
1848 октября средина — 1849 января первая половина. Гоголь у И. В. и Н. П. Киреевских рассказывает о своем пребывании на о. Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. Об этом Н. П. Киреевская сообщила в письме к преподобному Макарию Оптинскому 236

1849. Февраля между 8 (вторник) и 13 (Прощеное воскресенье). Москва. Гоголь на обеде у М. С. Щепкина 243
1848 октября 13 — 1849 февраля средина. Гоголь бывает в Сокольниках в доме своего земляка, московского гражданского губернатора И. В. Капниста. 244
Москва, Ржев, Москва 250
1849. Февраля после 25 — марта 6. Москва, Ржев, Москва. Гоголь на третьей неделе Великого Поста, предположительно, побывал в Ржеве у отца Матфея Константиновского; вместе с ним вернулся в Москву. 250
Москва. 255
1849. Марта 7. М. П. Погодин навещает Гоголя в доме графа А. П. Толстого, где, вероятно, знакомится с протоиереем Матфеем Константиновским 255
1849. Марта 7–13. Четвертая неделя Великого Поста. Гоголь в доме графа А. П. Толстого предположительно общается с отцом Матфеем Константиновским (вместе с которым приехал из Ржева) 256
1849. Марта 12. Гоголь у братьев В. П. и Н. П. Боткиных. Обедали, вероятно, в гостинице, разговаривали об А. А. Иванове. На обеде, возможно, присутствовали также А. А. Краевский и А. Д. Галахов 257
1849. Марта средина. Гоголь дважды встречается с И. А. Фонвизиным. 259
1849. Марта 19. День сорокалетия Гоголя. Вместе с П. М. Языковым Гоголь обедает у С. Т. Аксакова 262
1849. Марта 31. Великий четверг. Предположительно в этот день Гоголь приобщился Св. Христовых Таин и получил из Васильевки поздравление матери и сестер с прошедшим днем рождения. 269
1849. Март. Москва. Предположительно в этот период Гоголь при написании речи Скудронжогло (Констанжогло) в третьей главе второго тома «Мертвых душ» («Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы...») использовал присланный ему кем-то календарь сельскохозяйственных работ 269
1849. Январь-март. Гоголь встречается с В. А. фон Моллером (братом художника), которому дает в долг семьдесят пять рублей серебром и у которого расспрашивает о находящихся в Риме А. А. Иванове и Ф. И. Иордане. 272
1849. Апреля после 9–11. Гоголь в обществе Н. А. Рамазанова, И. К. Айвазовского, М. С. Щепкина и др. присутствует в одном из московских домов на обеде с французским художником бароном Ж. А. Т. Гюденом 276

1849. Мая 1. Гоголь на вечере у А. С. Хомякова. В числе присутствующих — К. С. Аксаков, Н. Ф. Павлов, П. Я. Чаадаев, Ф. В. Чижов, А. М. Языков, а также московские студенты П. И. Бартенев и С. Н. Тер-Мыкыртычьянц 284

1849. Мая начало, до 9 числа. Гоголь встречается с И. С. Аксаковым, приехавшим из Петербурга (спустя полтора месяца после освобождения его из-под ареста) 294

1849. Мая 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Традиционный именинный обед Гоголя в погодинском саду. Среди присутствующих, кроме М. П. Погодина, — А. О. Армфельд, М. Н. Загоскин, Н. А. Мельгунов, П. В. Нащокин, Н. Ф. Павлов, Ю. Ф. Самарин, возможно, П. В. Хавский, М. С. Щепкин и др. Из Аксаковых был только приехавший незадолго перед тем из Петербурга И. С. Аксаков 294

1849. Мая 21. Троицкая родительская суббота. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Именины К. С. Аксакова. Гоголь на именины, по-видимому, не приглашен — это, вероятно, объяснялось его обострившимися разногласиями с Константином Аксаковым (ранее, на гоголевских именинах 9 мая 1849 г., из семьи Аксаковых также был только один И. С. Аксаков) 302

Москва, Остафьево 310

1849. Июня 5. Гоголь вместе с М. П. Погодиным посещает князя П. А. Вяземского в его имении Остафьево; пишет здесь письмо к К. М. Базили в Константинополь 310

Москва 311

1849. Май — июня первая половина. Гоголь бывает у А. С. и Е. М. Хомяковых. Из составленной им благотворительной суммы, хранившейся у С. П. Шевырева, передает 25 рублей для студента П. И. Бартенева. . . 313

1849. Июня 24. Пятница. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Гоголь на именинном обеде своего земляка, московского гражданского губернатора И. В. Капниста 317

1849. Июня 26. Гоголь навещает А. О. Смирнову (проживала в Москве проездом из Петербурга в Калугу). У Смирновой знакомится с ее младшим братом Л. И. Арнольди 319

1848. Декабря после 5 — 1849. Июнь. Гоголь читает графу А. П. Толстому первую и вторую главы «Мертвых душ» 322

1849. Март — июля начало. Гоголь переписывает исправленный текст начальных глав второго тома «Мертвых душ». В этот же период многочисленные исправления Гоголь вносит в сохранившуюся «заграничную» рукопись заключительной главы 326

Москва, Малоярославец 329
1849. Июля 4 или 5. Гоголь заезжает к Я. К. Гроту проститься; просит Грота доставить ему книгу о «финской флоре», а также сообщать, во время путешествия по России, «замечания» о русском народе. В тот же день Гоголь, вместе с Л. И. Арнольди и К. О. Россетом, выехал из Москвы в Калугу к Н. М. и А. О. Смирновым. В Малоярославце беседовал с городничим С. Ф. Эльснером. 329

С. Бегичево Медынского уезда Калужской губернии, с. Полотняный Завод (того же уезда), с. Бегичево 332
1849. Июля между 4–5 и 8–9. Гоголь и Л. И. Арнольди гостят несколько дней в имении Н. М. и А. О. Смирновых Бегичево; посещают имение Гончаровых Полотняный Завод (где в 1830 и 1834 гг. бывал А. С. Пушкин). В Бегичево Гоголь познакомился с художником С. А. Алексеевым; по вечерам читал вслух «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского. 332

Калуга 334
1849. Июля 8–9. Пятница-суббота — июля вторая половина, не позднее 26. Гоголь, Н. М. и А. О. Смирновы и Л. И. Арнольди переехали из с. Бегичево в Калугу. Гоголь встретил здесь князя Д. А. Оболенского. Тот, отправляясь из Калуги в имение своего отца, обещает Гоголю на возвратном пути заехать за ним, чтобы отправиться вместе в Москву (около 25 июля 1849 г. Оболенский выполнил свое обещание). Гоголь общается с калужскими чиновниками, посещает инспектора врачебной управы В. Я. Быковского (Быховского). Смирнов в присутствии Гоголя и чиновника Е. И. Барановского вспоминает о курьезном случае с Гоголем в Карлсруэ в 1837 г. Предположительно 19 июля, накануне Ильина дня, Гоголь был за всенощной в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в усадьбе Ромоданово, близ Калуги. В Калуге Гоголь продолжил работу над вторым томом «Мертвых душ» и читал начальные главы сначала одной Смирновой; потом — ей, Арнольди и графу А. К. Толстому 334

Калуга, Москва 356
1849. Июля вторая половина, не позднее 26. Гоголь вместе с князем Д. А. Оболенским возвращается из Калуги в Москву 356

Большие Вяземы 361
1849. Августа начало. Гоголь гостит на даче у С. П. Шевырева 361

Москва 362
1849. Августа 7. Гоголь встречается с И. В. Киреевским 362

Радонежье (Абрамцево) 363
1849. Августа 14. Гоголь впервые приезжает на дачу к Аксаковым в Радонежье 363

Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье 364

1849. Августа 19. Гоголь ездил из Радонежья в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где встретился с наместником преподобным Антонием (Медведевым), который благословил его образом; познакомился с отцом Феодором (Бухаревым); последний читал Гоголю фрагменты своего разбора первого тома «Мертвых душ». По возвращении в Радонежье Гоголь прочел Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ» 364

Радонежье (Абрамцево) 370

1849. Августа 20. Гоголь в сопровождении С. Т. и К. С. Аксаковых выехал из Радонежья в Мураново — к Н. В. Путяте, однако после получения известия о приезде в Радонежье А. С. Хомякова вернулся туда вместе с Аксаковыми. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса уехал один в Мураново 370

Мураново 372

1849. Августа 20–21. Гоголь переночевал в доме Н. В. Путяты в Мураново . . 372

1849. Августа 21. Гоголь с К. О. Россетом выехал из Мураново в Москву . . . 373

Москва 373

1849. Августа 24. Московский обер-полицеймейстер И. Д. Лужин выдает Гоголю «Свидетельство» на право проезда в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии. 373

Радонежье (Абрамцево) 375

1849. Августа 31. Гоголь еще раз приезжает к Аксаковым в Радонежье 375

Радонежье (Абрамцево), Москва 378

1849. Сентября 6. Отъезд Гоголя из Радонежья (Абрамцево) в Москву вместе с О. Сем. Аксаковой 378

Москва 380

1849. Сентября 15. Гоголь отправляет письмо к А. О. Смирновой в Калугу . . 380

Калуга 382

1849. Сентября 20-е числа — октября до 12–13. Гоголь вновь гостит у Н. М. и А. О. Смирновых в Калуге 382

Москва 383

1849. Октября 12–13. Гоголь вместе с братом А. О. Смирновой И. О. Россетом вернулся из Калуги в Москву. (По дороге в Москву «завяз» в Малоярославце.) 383

1849. Октября конец, до 30. В Москву из Киева, с целью повидаться с Гоголем, приехал М. А. Максимович (остался в Москве на всю зиму) . 392

1849. Декабря 3. Гоголь на вечере у М. П. Погодина присутствует на чтении А. Н. Островским запрещенной 23 ноября 1849 г. театральной цензурой комедии «Банкрут» 403

Радонежье (Абрамцево) 413

1849. Декабря между 15 и 21. Гоголь вместе с М. С. Щепкиным и М. А. Максимовичем, предположительно, посетил Аксаковых в Радонежье. 413

Москва. 414

1849. Декабря 21. Гоголь навещает О. М. Бодянского 414

1850. Января 7. Гоголь вновь читает Аксаковым первую главу второго тома «Мертвых душ». На чтении присутствовал И. С. Аксаков, отправившийся в тот же день на место службы в Ярославль 423

1850. Января 9. Гоголь беседует с С. Т. Аксаковым о прочитанной 7 января 1850 г. первой главе второго тома «Мертвых душ» 424

1850. Января 15. Гоголь проводит вечер с А. С. Хомяковым и В. И. Хитрово. . 426

1850. Января 16. Первый вечер у Аксаковых, на котором Гоголь слушает украинские народные песни в исполнении Н. С. Аксаковой. С. Т. Аксаков читал на вечере отрывки из своих «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» (после чего Гоголь просил дать ему рукопись, чтобы перечесть ее дома). После прочтения письма от И. С. Аксакова к родным из Ярославля от 9 января 1850 г. Гоголь высказал свое суждение о поэме Ивана Аксакова «Бродяга». К. С. Аксакову в этот день Гоголь еще раз посоветовал заняться составлением словаря русского языка. На вечере были также Горчаковы и Воейковы 427

1850. Января 19. Гоголь читал у себя (в доме графа А. П. Толстого) М. П. Погодину и М. А. Максимовичу главу второго тома «Мертвых душ». В тот же день вечером Гоголь прочел вторую главу второго тома у Аксаковых. 429

1850. Января 20–26. Гоголь дважды приходил к Аксаковым с намерением прочесть третью главу второго тома «Мертвых душ» . . . 432

1850. Января 30. Гоголь на вечере у Аксаковых слушает украинские песни . . 433

1850. Января 31. Гоголь был восприемником при крещении сына Хомяковых Николая 434

1850. Февраля после 3 — февраля не позднее 13. Болезнь Гоголя. 436

1850. Февраля 14. Гоголь после болезни приезжает к Аксаковым. Беседует здесь с М. А. Максимовичем; знакомится с В. И. Татариновым; слушает украинские песни 440

1850. Февраля средина. На одном из вечеров у С. П. Шевырева Гоголь, через Ф. Ф. Рихтера и Шевырева, познакомился с воспитанником Архитектурной школы при Московской Дворцовой конторе, будущим архитектором В. О. Шервудом. Шервуд, по приглашению Гоголя, несколько раз за этот период навещал его в доме графа А. П. Толстого. (В дальнейшем встречи продолжались, вплоть до начала 1852 г.) В это же время, в средине февраля 1850 г., в Москве у графа А. П. Толстого гостил протоиерей Матфей Константиновский, с которым Гоголь часто общался, —

в частности, беседовал о строящемся во Ржеве Вознесенском соборе. Кроме того, Гоголь встречался в этот период с попечителем Московского учебного округа В. И. Назимовым, с московским гражданским губернатором, своим земляком, И. В. Капнистом, а также с М. П. Погодиным 446
1850. Февраля 26. Гоголь у Аксаковых слушает народные песни 450
1850. Марта 1. Гоголь обедает с приехавшей в Москву на три дня, проездом в Петербург, А. О. Смирновой. Вечер провели у Аксаковых по случаю дня рождения О. Сем. Аксаковой 453
1850. Марта 4. Гоголь прочел Ю. Ф. Самарину и А. С. Хомякову первую главу второго тома «Мертвых душ» 455
1850. Марта 15. Гоголь посетил Н. В. Кукольника 461
1850. Марта 19. Гоголю исполнился 41 год. Он отмечает свой день рождения у С. Т. Аксакова. Вместе с О. М. Бодянским и М. А. Максимовичем исполняет за обедом украинские народные песни. Присутствовали также А. С. Хомяков, С. М. Соловьев и С. А. Аксакова 462
1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Традиционный именинный обед Гоголя в погодинском саду. Среди присутствующих, кроме М. П. Погодина, — К. С. и Г. С. Аксаковы, Н. В. Берг, А. И. Кошелев, М. А. Максимович, А. Н. Островский, А. С. Хомяков 479
1850. Мая 11. Кончина Н. Н. Шереметевой 484
1850. Мая 14. Гоголь был у Аксаковых, где Н. С. Аксакова исполняла под фортепьяно украинские песни 488
1850. Мая 21. Воскресенье. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Гоголь вместе с О. М. Бодянским, М. А. Максимовичем, А. С. Хомяковым и Д. Н. Свербеевым на именинном обеде у К. С. Аксакова 491
1850. Мая 31. Гоголь после чтения С. Т. Аксаковым отрывка из его «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» прочел ему третью главу второго тома «Мертвых душ» 496
1850. Июня 1. Гоголь прочел С. Т. и К. С. Аксаковым половину третьей главы второго тома «Мертвых душ» 496
1849 — 1850 июня начало. Москва. А. С. Хомяков, предположительно, читает Гоголю отрывок из своего «И<сследования> и<стины> и<сторических> и<дей>» (1837–1852) о славянском происхождении ассирийской царицы Семирамиды. После чтения Гоголь дает труду Хомякова название «Семирамида» 500
1850. Июня 13. Гоголь и М. А. Максимович отправились из Москвы в Малороссию 504
Подольск 506
1850. Июня в ночь с 13 на 14. Гоголь с М. А. Максимовичем и А. С. и Е. М. Хомяковыми находятся проездом в Подольске 506

Малоярославец 506
1850. Июня 14–15. Гоголь и М. А. Максимович ночуют в Малоярославце. Утром, после молебна в Малоярославецком Николаевском монастыре, познакомились с настоятелем обители игуменом Антонием (Путиловым), который пригласил их к чаю и благословил каждого образком Святителя Николая Чудотворца 506

Калуга 507
1850. Июня 15–16. Гоголь и М. А. Максимович проездом в Калуге. Ночевали и обедали в доме А. О. Смирновой, где встретились с графом А. К. Толстым. Смирновой и Толстому Гоголь говорил о своем намерении «совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю», и обсуждал с ними возможность получения заграничного паспорта для поездки на Афон. После обеда Гоголь и Максимович отправились, через Козельск, в Оптину Пустынь 507

Оптина Пустынь 511
1850. Июня 17–19. Гоголь с М. А. Максимовичем в Оптиной Пустыни. Присутствовали на всенощном бдении, затем Гоголь посетил старцев и познакомился с послушником о. Петром (Григоровым), которому рассказал о своем пребывании в 1848 г. на о. Корфу у мощей святителя Спиридона Тримифунтского 511

Оптина Пустынь, Белёв, Долбино 517
1850. Июня 19. Гоголь с М. А. Максимовичем из Оптиной Пустыни прибыли, через Белёв, в имение И. В. Киреевского Долбино Белёвского уезда Тульской губернии 517

Долбино, Белёв, Петрищево 518
Июня 20. Вторник. Гоголь и М. А. Максимович из Долбино (проехав опять через Белёв) прибыли в имение А. П. Елагиной с. Петрищево, Белёвского уезда Тульской губернии 518

Севск 520
1850. Июня в ночь с 24 на 25. Гоголь и М. А. Максимович (проехав из Петрищево через Болхов и Карачев) останавливаются на ночь на постоялом дворе в Севске (в то время — Орловской губернии) 520

Глухов, с. Сварково 520
1850. Июня 25. Гоголь и М. А. Максимович прибывают в Глухов. Здесь в тот же день они расстались: Гоголь отправился к А-ру Мих. Марковичу в Сварково, а Максимович — в Турановку к своему дяде И. Ф. Тимковскому. 520

Сварково, Дубровно, Березовая Лука 521
1850. Июня между 26 и 28. Гоголь отправился из Сварково в имение А. С. Данилевского Дубровно. По приезде в Дубровно, не застав здесь Данилевского, послал ему записку в Сорочинцы. После этого Гоголь,

направляясь в Сорочинцы, выехал из Дубровно в Березовую Луку, куда, вероятно, прибыл в тот же день и где остался ночевать 521

Березовая Лука, Сорочинцы 522

1850. Июня между 27 и 29. Утром одного из указанных дней Гоголь выезжает из Березовой Луки в Сорочинцы к А. С. Данилевскому, куда прибыл в тот же день 522

Сорочинцы, Васильевка, Полтава 523

1850. Июля 1. Около полудня Гоголь прибывает из Сорочинец в Васильевку. Возможно, сразу по приезде Гоголь отправился далее в Полтаву, где встретился с М. С. Щепкиным и В. И. Живокини, которые во второй половине 1850 г., по пути из Харькова в Одессу, останавливались на несколько дней в Полтаве, где давали представления в составе местной драматической труппы И. И. Пилони 523

Васильевка 525

1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Гоголь живет в Васильевке. Занимается хозяйством; заботится о здоровье крестьян; составляет для племянника Н. П. Трушковского рекомендательный список мировой и отечественной литературы 525

1850. Июля 10–18. Гоголь составляет прошение о предоставлении ему заграничного паспорта и денежного пособия. Учитывая советы А. О. Смирновой, предполагает адресовать письмо одному из влиятельных при Дворе лиц — либо министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, либо министру просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову, либо начальнику III Отделения графу А. Ф. Орлову, — либо самому Государю Наследнику Александру Николаевичу (составленное в этот период письмо 18 июля 1850 г. было вручено Гоголем племяннику Н. П. Трушковскому при его отъезде из Васильевки в Москву, для передачи в Калуге Смирновой) 535

Сорочинцы 544

1850. Августа 9. Гоголь в Сорочинцах у А. С. Данилевского встречает М. А. Максимовича, едущего в Васильевку 544

Васильевка 545

1850. Августа 10. Гоголь с М. А. Максимовичем приезжают в Васильевку . . . 545

Васильевка, Полтава, Васильевка 547

1850. Августа около 20. Гоголь, возможно, провожает М. А. Максимовича до Полтавы. В Полтаве получает письмо от А. С. Стурдзы из Одессы от 21 июня 1850 г.. 547

1850. Августа конец — сентября около 23. Гоголь вносит исправления в текст писем к Наследнику Александру Николаевичу и к гофмаршалу двора Наследника В. Д. Олсуфьеву (письма были

составлены от его имени графом А. К. Толстым в Калуге, на основе прошения самого писателя от 10–18 июля 1850 г.). (Письма остались неотправленными.) 553

1850. Сентябрь, после 23. Отъезд Гоголя с матерью и сестрами Анной и Елисаветой из Васильевки в Кагорлык. 553

Кагорлык 554

1850. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Гоголь в день рожденья и именин матери читает ей и сестрам первую главу второго тома «Мертвых душ» 554

Кагорлык, Канев 555

1850. Октября 3. Отъезд Гоголя из Кагорлыка в Одессу. В тот же день в Каневе Гоголю была выписана подорожная для проезда от Канева до Одессы 555

С. Мехедовка Золотоношского уезда Полтавской губернии 556

1850. Октября 4–5 — 17. Гоголь проездом в Одессу проводит несколько дней в имении В. А. Лукашевича Мехедовке. Встречает здесь Аф. Вас. Марковича. 556

Одесса 558

1850. Октября 24. Гоголь прибыл в Одессу с намерением отправиться далее на Афон; остановился в доме А. А. Трощинского (сам Трощинский жил тогда в Кагорлыке). Обедал у князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских. Воспитательница княжны В. В. Репниной-Волконской, Е. А. Хитрово (познакомившаяся с Гоголем в Риме осенью 1845 г.), начала свои регулярные дневниковые записи о Гоголе 558

1850 октября 24 — 1851 марта 28. Гоголь живет в Одессе, в доме А. А. Трощинского. Продолжает работу над вторым томом «Мертвых душ». Часто бывает в двух домах Репниных-Волконских — в доме князя Василия Николаевича и княгини Елизаветы Петровны и в доме матери князя, княгини Варвары Алексеевны, проживавшей в Одессе с дочерью, княжной Варварой Николаевной, отдельно от семьи сына. Бывает также в доме князя Д. И. Гагарина и княгини С. П. Гагариной. Встречается с Н. В. Неводчиковым, А. С. Стурдзой, протоиереем М. К. Павловским, Н. Г. Тройницким, Л. С. Пушкиным, И. Г. Михневичем, Н. Н. Мурзакевичем, А. И. Соколовым, Н. Д. Мизко, М. К. Дитерихсом; бывает в кругу одесских актеров; общается с П. П. и Ю. М. Титовыми, с братьями Ал–ром и Анд. Ив. Орлаями, с Н. П. Ильиным, Е. А. Хитрово, с двоюродным братом жены А. С. Данилевского М. А. Литвиновым и братом Данилевского И. С. Данилевским, с И. И. Барановским, с иеромонахом Сергием (Святогорцем) и др. Вскоре по приезде Гоголя в Одессу в доме князя и княгини В. Н. и Е. П. Репниных-Волконских по желанию писателя устраиваются вечера с пением украинских

песен — в роде тех, что начались в январе того же года
в Москве в доме Аксаковых 562
1850. Октября 30. Протоиерей М. К. Павловский отправляет Гоголю
икону святителя Николая Мирликийского,
с сопроводительной запиской 569
1850. Ноября 1. Освящение здания основанной А. С. Стурдзой
Одесской богадельни сердобольных сестер 570
1850. Ноября после 7 — декабря начало. Предположительно в этот период
Гоголь отправляет в Москву письмо к цензору В. Н. Лешкову
по поводу переиздания своих сочинений в четырех томах 582
1850. Ноябрь — декабря до 15. Гоголь неоднократно встречается
с Н. Н. Мурзакевичем; посещает Одесскую Городскую
публичную библиотеку, заходит в Одесское общественное училище . . 588
1850. Декабря 15. Пользуясь оказией, Гоголь через Н. Н. Мурзакевича
отправляет письма: в Петербург — П. А. Плетневу; в Москву —
С. П. Шевыреву и, вероятно, М. П. Погодину 592
1850. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова.
Гоголь сравнивает празднование Рождества Христова
в Одессе с днем Пасхи 595
1850. Декабря 30. Гоголь отправляет письмо
к протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев
и ответное письмо к монаху Порфирию (Григорову) в Оптину Пустынь 598
1850. Октября конец — декабрь. Одесса. Представление «Ревизора»
в Одесском театре. На репетициях и спектакле был Гоголь. 598

Содержание

Летопись жизни и творчества Гоголя (1809–1852). 1848–1850 . . . . . **5**

1848 7

1849 229

1850 421

Список сокращений **600**

Именной указатель **603**

Географическая канва жизни и творчества Гоголя. 1848–1850 . . . . . **638**

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

И. А. ВИНОГРАДОВ

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
в семи томах

том шестой
1848–1850

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 15.10.2018

Формат $70\times100^{1}/_{16}$
Усл.-печ. л. 41,0; уч.-изд. л. 52,89.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 974

ISBN 978-5-9208-0549-2
9 785920 805492